Россия в мемуарах

Н.А. ВАРЕНЦОВ

СЛЫШАННОЕ. ВИДЕННОЕ. ПЕРЕДУМАННОЕ. ПЕРЕЖИТОЕ

Новое Литературное Обозрение

Москва

2011

УДК 94(470+571)"185/1905"
ББК 63.3(2)52
В18

Вступительная статья, составление, подготовка текста
и комментарии В.А. Любартовича и Е.М. Юхименко

Серия выходит под редакцией
А.И. Рейтблата

Варенцов Н.А.
В18 **Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое** / Вступ. статья, сост., подг. текста и коммент. В.А. Любартовича и Е.М. Юхименко. Изд. 2-е. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. 848 с.: ил.

Воспоминания видного московского предпринимателя и общественного деятеля Н.А. Варенцова (1862—1947) охватывают период с середины XIX в. по 1905 г. В них описана история становления и развития крупнейших московских фирм, банков, торговых домов, даны яркие характеристики их владельцев; книга содержит бытовые зарисовки купеческой жизни Москвы и изложение драматических и анекдотических событий из жизни известных московских предпринимателей (Алексеевых, Бахрушиных, Коноваловых, Морозовых, Рябушинских, Хлудовых и др.).

УДК 94(470+571)"185/1905"
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-86793-861-1

МОСКОВСКИЙ ПРОМЫШЛЕННИК Н.А. ВАРЕНЦОВ И ЕГО МЕМУАРЫ

От оживленной и шумной, известной своими домами-дворцами и их именитыми владельцами Старой Басманной улицы в Москве, недалеко от Разгуляя, отходит в сторону Немецкой слободы патриархально-тихий Токмаков переулок, который, чуть изгибаясь, открывает взору стройную вертикаль колокольни казаковской церкви Вознесения на Гороховом поле. В XIX в. в этом районе селились купцы средней руки: Струковы, Юдины, Ступины, Каширины. Среди типичной одно-двухэтажной жилой застройки выделялся лишь один ампирный особняк начала XIX в. (к счастью, сохранившийся до наших дней) на углу Токмакова и Денисовского переулков. Сквозь нежную зелень теперь уже двухсотлетних лиственниц просматривается одноэтажное каменное здание с крестообразным мезонином и главным фасадом, украшенным стройным четырехколонным портиком. Предание называет среди владельцев этой усадьбы и писателя Д.И. Фонвизина, и декабриста М.А. Фонвизина, однако документально установлено, что участок с домом (после пожара 1812 г. частично восстановленным и достроенным) и многочисленными хозяйственными постройками последовательно принадлежал поэту Н.Е. Струйскому, дворянам Белавиным и купцам Четвериковым. Последним владельцем усадьбы был потомственный почетный гражданин, купец и промышленник Николай Александрович Варенцов (1862—1947).

В начале XX в. он был широко известен в деловых кругах Москвы и России как владелец нажитого собственным трудом 11-миллионного состояния, директор двух солидных фирм, торгующих хлопком, шерстью и каракулем по всей стране; как председатель правления крупной текстильной мануфактуры и общественный деятель. После 1917 г. его имя было забыто. Революция, разрушив сложившийся порядок вещей, особенно жестоко обошлась с дворянством и купечеством. Сейчас сложилась парадоксальная ситуация: мы гораздо лучше осведомлены об эмигрантах, чем о тех, кто не смог или не захотел уехать. Их следы теряются уже в первые послереволюционные годы, чему способствовали гражданская война, голод, болезни, аресты, ссылки и казни.

Тяжелые, трагические обстоятельства жизни в Советской России не сломили Варенцова. Живя в полной безвестности и нищете, он в 1930-е гг. нашел в себе душевные силы и даже мужество (если учесть разительное несоответствие сути его прежней жизни новым, революционным идеалам) записать свои воспоминания. До 1980 г. восемь общих тетрадей хранились в семье, а затем бóльшая их часть была передана в Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 458). Воспоминания Варенцова, входящие в число весьма не-

многочисленных купеческих мемуаров, представляют несомненный историко-общественный интерес благодаря широте охвата событий, достоверности информации и полноте характеристик, их отличают очевидные литературные достоинства.

Николай Александрович Варенцов происходил из старинной переславль-залесской семьи, ведущей свое начало по крайней мере с XVII в. По исповедным росписям, опубликованным в 1891 г. Н.А. Найденовым на средства Н.А. Варенцова[1], основателем обширной купеческой династии был посадский человек г. Переславля-Залесского Галицкой четверти (с 1778 г. — Владимирской губернии) Василий, имевший трех сыновей: Алексея (род. 1682), Ивана (род. 1684) и Михаила. У единственного сына среднего брата, Михаила Ивановича, было шесть человек детей, однако почти все они умерли в детстве, и продолжил род только старший сын Никита. Его сыновья — Петр, Анисим и Марк — числились уже купцами. Марк Никитич (1770—1845) — прадед мемуариста — торговал москательным товаром и в конце XVIII в. перебрался в Москву, навсегда здесь обосновавшись.

На портрете, написанном неизвестным художником в 1827 г. и хранящемся в Музее В.А. Тропинина в Москве, купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин Марк Варенцов изображен с золотой медалью «За полезное» на аннинской ленте, дававшейся за труды на ниве благотворительности и общественной деятельности. С другого портрета смотрит на нас его жена — Марфа Сергеевна (1771—1836). Торговое дело отца наследовали сыновья Михаил Маркович (1795—1853) и Николай Маркович (1800—1878)[2].

Н.М. Варенцов, дед автора воспоминаний, торговал чаем и мануфактурой. Он пользовался репутацией очень честного человека. В 1833 г. он был гласным городского суда, в 1842—1846 гг. — членом комиссии строений, в 1850-х гг. — членом Московской городской шестигласной думы. Однако коммерсантом Николай Маркович был не очень удачливым; на какой-то операции с доставкой большой партии чая из Китая он потерял почти все состояние, унаследованное от отца, и доживал в среднем достатке в своем доме на Земляном валу, перейдя в 3-ю гильдию.

После 1860 г. Николай Маркович прекратил торговую деятельность, передав дело сыну Александру Николаевичу (1824—1863), однако и тому не удалось поправить состояние, его дети получили весьма скромное наследство. А.Н. Варенцов женился в 1852 г. на купеческой дочери Александре Федоровне Рябиновой (1837—1908). В их семье придерживались строгих моральных правил, которые родители стремились привить и детям. Перед смертью, обращаясь к четырем дочерям и сыну, Александр Николаевич завещал им «быть всю жизнь честными

[1]См.: Переславль-Залесский: Материалы для истории Данилова монастыря и населения города XVIII столетия. М., 1891.

[2]В 1820-е гг., по-видимому, одновременно с родительскими, были выполнены парные портреты Михаила и Николая Марковичей с женами. Портреты старшей ветви варенцовской семьи находятся ныне в Музее истории г. Москвы, а портреты Николая Марковича и его жены Елизаветы Максимовны до сих пор бережно сохраняются в семье наследников мемуариста.

людьми». По семейным рассказам, этот милый, замкнутый и мягкий человек был хорошо образован, знал иностранные языки. Французские книги его библиотеки с пожелтевшими пометками на полях приходилось держать в руках даже внукам Александра Николаевича.

Оставшаяся молодой вдовой Александра Федоровна решила посвятить свою жизнь воспитанию детей. Семья переехала с Земляного вала в Замоскворечье, в Кадашевский переулок; здесь и вырос Николай Александрович. В 1870 г. он поступил в Московское коммерческое училище на Остоженке, куда определяли своих детей многие купеческие семьи. Однако здесь младший Варенцов учился без особого интереса и полного курса не кончил. Задетый насмешками приятелей, он дал себе слово поступить в престижное Императорское Техническое училище, куда успешно сдал экзамены в 1878 г. Еще во время учебы он влюбился в Марию Николаевну Найденову, дочь крупного общественного деятеля, основателя Московского Торгового банка, председателя Биржевого комитета и почетного члена совета Технического училища Николая Александровича Найденова. Вскоре по окончании Н. А. Варенцовым училища (в 1885 г.) они поженились.

Как позже напишет об отце Андрей Николаевич Варенцов, оставивший краткие воспоминания о своей семье под названием «О пережитом»[3], Николай Александрович был «человек незаурядный, очень деятельный и работящий. Он сам выбился в большие люди».

Область для своей коммерческой деятельности Н.А. Варенцов выбрал, по-видимому, по подсказке тестя. Бурное развитие текстильной промышленности в России делало все более острой проблему обеспечения предприятий сырьем, предпочтительно отечественным, что было связано с хозяйственно-экономическим освоением Средней Азии. Целый ряд фирм занимался подобной посреднической деятельностью.

В 1873 г. по инициативе Н.А. Найденова для покупки и доставки хлопка из Средней Азии на фабрики Московского промышленного региона было учреждено Московское Торгово-промышленное товарищество (МТПТ). В Оренбурге действовал торговый дом «Н.П. Кудрин и К°», позже он был расширен: указом Сената от 5 августа 1882 г. для осуществления двухсторонней торговли в Средней Азии и развития сырьевой базы отечественного хлопководства учреждалось «Среднеазиатское торгово-промышленное товарищество Н.П. Кудрин и К°» (САТПТ), основными его пайщиками были крупнейшие предприниматели — Т.С. Морозов, Н.Н. Коншин, А.Л. Лосев, М.А. Хлудов, П.П. Малютин. Товарищество начало свою работу в 1885 г., правление составили директор-распорядитель Н.П. Кудрин и директора А.Л. Лосев, Н.П. Рогожин и А.А. Найденов. В апреле 1886 г. кандидатом в члены правления был избран Н.А. Варенцов, что стало началом

[3]Искренне благодарим вдову А.Н. Варенцова Лидию Петровну Варенцову, предоставившую возможность ознакомиться с хранящимся у нее текстом воспоминаний.

его деловой карьеры. Здесь он приобрел практические знания, связи с торгово-промышленным миром и большой опыт в ведении дел и общении с людьми; чрезвычайно много дала ему совместная работа с Кудриным, человеком самобытным и целеустремленным.

Вскоре Варенцов был избран на пост директора САТПТ. Однако внезапная смерть Кудрина в 1888 г. крайне тяжело сказалась на делах Товарищества. Сложное финансовое положение, необходимость внесения изменений в устав САТПТ, частая сменяемость директоров привели к тому, что конкуренты сильно потеснили Товарищество, работа в нем перестала удовлетворять и Варенцова, поэтому он с радостью согласился на предложение Н.А. Найденова перейти на работу в возглавляемое им МТПТ.

В мае 1889 г. Варенцов был избран директором МТПТ по комиссионной торговле хлопком, шерстью и каракулем. В том же 1889 г. на Нижегородской ярмарке он сумел вести на равных конкурентную борьбу с авторитетными московскими оптовиками хлопка С.Ю. Ерзиным и О.М. Вогау и комиссионером-монополистом по шерсти — торговым домом «Шагазиев, Зыбин и Шимко». У Варенцова сложились тесные партнерские отношения со среднеазиатскими баями и купцами, искавшими надежных посредников для поставок хлопка по новому пути (железной дороге Чарджоу — Красноводск и далее пароходами по Каспию и Волге). Ему, как солидному поставщику сырья, оказал доверие сам владелец Никольской мануфактуры Т.С. Морозов, до того времени не имевший дел с МТПТ. Успеху коммерческой деятельности Варенцова способствовали его длительные деловые поездки по Средней Азии, личное знакомство с эмиром Бухары, туркестанским генерал-губернатором, высшими чиновниками администрации и местным купечеством.

В конце 1880-х гг. МТПТ взяло под свой контроль ряд промышленных предприятий, которым грозило полное разорение. На грани банкротства было и учрежденное в 1882 г. Товарищество мануфактур Н. Разоренова и М. Кормилицына в Кинешме. Новый директорат, состоящий из предпринимателей «найденовского клана» (И.Г. Простяков, И.И. Казаков и др.), в который с 1889 г. входил и Н.А. Варенцов, в короткий срок выправил положение дел на фабриках кинешемского предприятия, и в первый же год нового правления фирма получила доход в 100 тысяч рублей.

В 1905 г. Варенцов оставил работу в МТПТ и стал председателем правления Товарищества мануфактур Н. Разоренова и М. Кормилицына. (В 1907 г. оно было преобразовано в Товарищество Большой Кинешемской мануфактуры с основным капиталом в 2 млн 400 тысяч рублей.) На этом посту он оставался вплоть до 1918 г. Во время его правления Большая Кинешемская мануфактура превратилась в процветающее предприятие, на котором работало до 4 тысяч человек. В сферу его предпринимательских интересов к 1913 г. попадает и промышленность строительных материалов: он становится, вместе с дочерью Ниной Николаевной

Лист (урожд. Варенцовой) и своим шурином А.Н. Найденовым соучредителем Товарищества по обработке камня «Н.Н. Лист и К°», торгующего под фирмой «Георгий Лист».

Предпринимательской деятельности автора мемуаров был свойствен широкий размах. Он искал не только собственную выгоду, умел видеть проблемы развития отечественной промышленности в целом. Во многом благодаря его усилиям на российских текстильных предприятиях стали широко использовать хлопок из Туркестанского края взамен привозного — американского, египетского и индийского. Варенцов принимал участие в ряде общественных начинаний: был гласным Московской городской думы, попечителем частной женской гимназии в Москве, активным членом Дамского попечительства о тюрьмах, в состав которого входили видные представители городской администрации, духовенства и купечества. Н.А. Варенцов имел и награды: орден Св. Станислава 3-й степени и золотую Бухарскую звезду 1-й степени.

В деловых кругах Варенцов имел репутацию честного, справедливого и отзывчивого человека. Интересный случай, относящийся к голодным 20-м годам, описывает в своих воспоминаниях сын Николая Александровича, Андрей: приближалась Пасха, а «дома ничего не было, и достать было трудно. И вдруг вечером в Страстную пятницу приходит к отцу пожилой человек, представляется и говорит: «Николай Александрович, когда-то Вы меня выручили деньгами и я Вам их не отдал. А вот теперь я получил большую посылку от АРА (кажется, так называлось общество, доставлявшее сюда продовольственные посылки). Думаю, что Вы нуждаетесь, и вот решил хотя бы часть долга отдать Вам продуктами». Там, помню, оказались мука, сахар, масло и еще что-то много».

С начала своей деловой карьеры Варенцов становится московским домовладельцем, а затем и помещиком. Ему принадлежали комплекс доходных домов под № 4 на Старой Басманной улице (снесены в 1930-х гг.) и имение Бутово под Москвой. В 1889 г. он приобрел усадьбу в Токмаковом переулке (ныне здесь располагается Общество купцов и предпринимателей России). Однако спокойствие в этом доме длилось недолго, в середине 1890-х гг. начинается полоса тяжелых душевных переживаний. Около 1896 г. он расходится с М.Н. Найденовой, матерью его пятерых детей. Старший сын Сергей и дочери Нина и Мария уехали с матерью, а Марк и Лев остались с отцом. Позже Мария Николаевна вышла замуж за присяжного поверенного В.А. Александрова, а Н.А. Варенцов женился на Ольге Флорентьевне Перловой, происходившей из семьи известных московских чаеторговцев.

Судьба самого Николая Александровича и его детей от двух браков повторила жизненные пути многих, кому пришлось жить в смутные годы первой трети XX в. Старший сын Сергей, будучи учеником Александровского коммерческого училища, оказался участником революционных событий 1905 г. в Москве. Сергея Николаевича отец считал своим преемником и сделал его членом директората

Большой Кинешемской мануфактуры. Но надеждам Николая Александровича не суждено было сбыться: С.Н. Варенцов погиб на фронте в первую мировую войну. Прапорщиками на этой войне воевали и два других сына — Марк и Лев.

Как и большинство представителей крупной буржуазии, Варенцов был членом партии октябристов, А.И. Гучков настойчиво предлагал ему войти в ЦК.

«Страх и трепет, угнетение души и сердца» — так, перефразируя слова из Библии, характеризовал Николай Александрович свое состояние первых послереволюционных лет. В Москве он жил под постоянной угрозой ареста. Вдруг оказалось, что его любимый дом в Токмаковом переулке имеет одно важное преимущество: выходя на две улицы, он позволял в случае опасности скрыться незамеченным. Варенцова не покидала тревога за сыновей. Марк в начале Октябрьской революции и боев в Москве вместе с юнкерами оборонял Кремль. Как известно, юнкера сдались Красной гвардии при условии, что их всех (без погон) выпустят из Кремля. «Я помню, — писал позднее Андрей Варенцов, — как Марк прибежал домой и отдал мне на память пропуск на выход из Кремля, подписанный каким-то полковником. К сожалению, я этот пропуск закопал на чердаке нашего дома». Позже Марк и Лев участвовали в белом движении: Марк сражался в Деникинской армии, а Лев — у Колчака (отступая с его частями, попал в Китай и умер в эмиграции после 1930 г.).

В 1918 г. Николай Александрович решил покинуть Москву и пробраться на юг. Вместе с семьей своего племянника М.А. Сачкова, а также с Николаем Петровичем Бахрушиным и его сыном Николаем ему удалось перебраться на Украину в Киев, оттуда в Одессу — в надежде выехать оттуда за границу. Несколько лет они прожили в Одессе. В 1920 г. Варенцов совершенно случайно обнаружил в госпитале больного сыпным тифом и оставленного без присмотра сына Марка и выходил его. Тогда же, в 1920 г., приехала в Одессу, преодолев все трудности пути, и Ольга Флорентьевна с младшими детьми. Однако выехать за границу семье не удалось. Позднее Н.А. Варенцов вспоминал, как проводилась погрузка на иностранные пароходы, какая была в порту паника, как туда приезжали на великолепных экипажах, все бросали и со слезами просили взять с собой на пароход, но это почти никому не удавалось, поскольку грузили в основном белогвардейские части (все это описал И.А. Бунин в «Окаянных днях»). В 1922 г. Варенцов и его родные вернулись в Москву.

Дом в Токмаковом переулке подвергся уплотнению: с 1918 г. здесь были размещены многочисленные организации и жильцы, Николаю Александровичу и Ольге Флорентьевне пришлось перебраться в маленький домик по соседству (Денисовский пер., № 6), а затем в квартиру своей невестки, жены младшего сына Константина в доме № 25 по Старой Басманной улице. Н.А. Варенцов еще сохранял надежду как-то наладить жизнь: пытался, следуя провозглашенной советской властью «новой экономической политике», заняться предпринимательством, организовал товарищество по торговле тканями с Туркестанским краем, но в 1924 г.

деятельность его предприятия была прекращена. Он пытался быть полезным своими знаниями и опытом, предлагая услуги в качестве консультанта ВСНХ по хлопковому делу. Об этом времени вспоминал А.Н. Варенцов: «Вообще-то семья наша в 20—30-е годы бедствовала и еле держалась на поверхности: время-то — частые обыски, аресты, карточки и полная обобранность. <......> Но я никогда не слыхал от отца жалоб и упреков. Все он принимал как кару за прошлую богатую жизнь».

Репрессии, видимо, за преклонностью его лет, обошли стороной самого Николая Александровича, но не его семью. В 1927 г. был арестован и расстрелян по ложному обвинению ГПУ сын Иван. Зять — Владимир Львович Барановский (за ним была замужем дочь Нина, в первом браке Лист), брат жены А.Ф. Керенского Ольги Львовны, бывший полковник царской армии и генерал-майор, начальник кабинета военного министра Временного правительства, был репрессирован в начале 1930-х гг. В 1933 г. заболела тифом и умерла в Сокольнической больнице тяжело переживавшая гибель сына Ольга Флорентьевна, причем, как вспоминал А.Н. Варенцов, смерть избавила ее от ареста, вместо нее был арестован Николай Александрович, но вскоре выпущен, поскольку сумел доказать, что у него ничего уже не осталось[4].

Марк, до революции окончивший юридический факультет Московского университета, по возвращении из Одессы работал юрисконсультом, а свободное время проводил за шахматами (он имел первый разряд; в свое время был известным футболистом, в 1911 г. выступал за сборную Москвы). Как выходцы из буржуазных семей, младшие братья Андрей и Константин постоянно испытывали на себе последствия своего социального происхождения: блестяще учившийся Константин не смог получить диплом промышленно-экономического техникума, созданного на базе Александровского коммерческого училища, ему пришлось поступить в заочный строительный техникум; позже братья работали в малозаметных технических конторах. В 1941 г. они были призваны в действующую армию, Константин погиб в ополчении под Москвой.

А.Н. Варенцов записал в своих воспоминаниях: «В зимы войны я, служа в гражданской обороне Москвы и работая преподавателем на офицерских курсах, иногда отпрашивался к отцу наколоть ему дров для маленькой печурки, установленной в его комнате. Дома тогда не топили, и электричества не было. Папа

---

[4]А.Н. Варенцов вспоминает, как были отобраны у Ольги Флорентьевны драгоценности в 1918 г.: «Мама получила повестку явиться в сейф, в котором хранила свои ювелирные вещи. Такие повестки получали все, у кого драгоценности хранились в сейфах. Там якобы должны были все переписать и дать охранную записку, а ключи отобрать. Мама почему-то взяла меня с собой. Помню элегантного молодого человека в черном костюме, при котором мама открывала сейф (стальной ящик с очень толстой крышкой). Он все переписывал. Когда он немного отвернулся, мама хотела спрятать какую-то драгоценность. Он сразу заметил: «Оставьте, гражданка, это все останется вашим». Квитанция-расписка была выдана. Больше своих драгоценностей мама не видела, а расписка где-то затерялась».

сидел, с головой накрывшись пальто, при маленькой коптилочке. Но он был молодец и, несмотря на возраст и голод, сам днем ходил и покупал, что мог достать. <...> Папа пережил войну в своей комнате. Во время бомбежек ни в какие убежища не ходил, а подходил к окну и смотрел, как рвались зенитные снаряды, летели трассирующие пули, и слушал специфический гул немецких бомбардировщиков».

По свидетельству членов семьи одного из друзей Н.А. Варенцова — профессора Н.Е. Пестова, живших неподалеку и поддерживавших одинокого старика, Николай Александрович в годы войны сильно бедствовал и болел. Он умер в возрасте 84 лет 22 января 1947 года. Один из его знакомых, писатель А.А. Солодовников, так сказал о Н.А. Варенцове: «После 1917 года он лишился всего и стал нищим в полном смысле этого слова. Пройдя через такие духовные перегрузки, он не утратил ясности души, все воспринимал с благодарением и умер, повторяя "Слава Богу!"»[5]. Ныне простой православный крест осеняет его последнее пристанище на Немецком (Введенском) кладбище, у Большой боковой аллеи.

Работу над воспоминаниями «Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое»[6] Н.А. Варенцов начал в 1930-е гг. Их основу составили отдельные дневниковые записи, деловые заметки, письма, документы, часть которых, по свидетельству автора, погибла в 1918 г. Первоначальный, черновой вариант, написанный на отдельных листах бумаги, был перебелен и переписан в восемь общих тетрадей, причем текст вновь подвергся небольшой авторской правке стилистического характера, внесенной по большей части карандашом, изредка чернилами[7]. В начале каждой тетради автором было сделано краткое рабочее оглавление. Одна из глав (67-я) имеет точную дату написания —13 мая 1933 г. В тексте упоминаются также события 1932 г. (гл. 53) и 1936 г. (гл. 36). О том, что работа над мемуарами была закончена во второй половине 1930-х гг., свидетельствует и внучка Николая Александровича — И.А. Глинская, читавшая их в те годы. Имеются сведения, что отрывки из воспоминаний читались близким автору людям: Ф.Н. Малинину, Н.Е. Пестову, А.А. Солодовникову.

1930-е гг. явились для Николая Александровича временем осмысления и подведения итогов своей жизни. Не случайно, что еще одну такую же общую тетрадь в коричневой коленкоровой обложке он заполнил многочисленными выписками из сочинений духовных писателей и философских трудов, в частности из бесед

[5]Московский журнал. 1992. № 3. С. 41.

[6]Ср.: *Найденов Н.А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1903—1905. Ч. 1—2.

[7]Помимо семи тетрадей, переданных в 1980 г. в ГИМ, у родственников сохранилась первая тетрадь названных мемуаров и неоконченная тетрадь воспоминаний о первом послереволюционном времени под названием «Жуткие годы». Приносим сердечную благодарность Л. Н. и В. А. Варенцовым, разрешившим воспользоваться хранящимися у них материалами и включить их в публикацию мемуаров Н.А. Варенцова.

Серафима Саровского, сочинений Игнатия (Брянчанинова), работ Н.А. Бердяева «Судьба человека в наше время» и П.А. Флоренского «Столп и утверждение истины»; возникает здесь и апокалиптическая тема.

Воспоминания Н.А. Варенцова относятся к купеческой мемуаристике, которая не была столь обширна, как, например, дворянская или революционная. Интенсивное промышленное развитие России в конце XIX — начале XX в. не нашло достаточного отражения в мемуарной литературе: главные участники этих событий — купцы, промышленники, банкиры — не вели дневников, а после 1917 г., оказавшись не у дел, очень немногие взялись писать мемуары. Опубликованы и многократно цитировались воспоминания Н.А. Найденова, П.А. Бурышкина, И.Д. Сытина, М.В. Сабашникова, С.И. Четверикова, П.И. Щукина и некоторые другие. Архивные разыскания (в государственных и частных собраниях) дают возможность постепенно расширять этот круг.

Данная область мемуаристики мало изучена, большая часть представляющих ее текстов стала известна сравнительно недавно. Купеческие воспоминания, написанные до революции, имеют характерную особенность: мемуаристы не предназначали свои произведения для широкой публики, видимо, находя свою жизнь и деятельность недостаточно общественно значимыми. Имея средства, авторы печатали свои воспоминания — но в очень ограниченном количестве экземпляров, не предназначая их для продажи[8], и с указанием: «Для лиц, принадлежащих и близких к роду составителя»[9].

Купеческое сословие не было однородным, из него выходили не только предприниматели, но и коллекционеры и меценаты. По этой причине часть мемуаров, возникших в купеческой среде, посвящена главным образом литературе и искусству. Таковы воспоминания П.И. Щукина, А.П. Бахрушина, И.Д. Сытина, М.В. Сабашникова. Деловой — промышленно-торговый и банковский — мир России описан не столь полно. Некоторые мемуаристы писали только о собственных предприятиях; другие, задумав обширное повествование, не успели довести его до конца.

К числу последних относятся воспоминания Н.А. Найденова, человека, занимавшего одно из ведущих мест в купеческой среде и обладавшего широким историческим кругозором. В его мемуарах судьба человека дается в контексте общеисторических событий. Рассказы автобиографического характера, подробно излагающие историю найденовского рода, детство и юность автора, начало его деловой карьеры, сочетаются здесь с описанием реформ городского и сословного управления, изложением истории ряда предприятий, психологическими портре-

[8]См.: [*Вишняков Н.П.*] Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. М., 1903—1911. Ч. 1—3. 100 экз.; *Щукин П.И.* Воспоминания. М., 1911—1912. Ч. 1—5. 50 экз.

[9]*Найденов Н.А.* Воспоминания... М., 1903. Т. 1.

тами[10]. Воспоминания Найденова доведены только до 1870-х гг., о самом значительном периоде своей жизни автор рассказать не успел.

Как нам представляется, именно найденовские мемуары послужили образцом для Н.А. Варенцова. Это сказывается не только в перекличке названий, но и в общем подходе к материалу, в стремлении дать широкую картину жизни купеческого сословия, выйти за узкие биографические рамки. Примечательно, что именно известием о смерти Найденова заканчиваются мемуары Варенцова.

«Москва купеческая» достаточно полно представлена в известной книге П.А. Бурышкина, однако этот труд соединяет в себе черты мемуаров и исторического исследования, поскольку автор в значительной степени опирался на собранные им документальные материалы и устные рассказы[11]. Его первые собственные наблюдения над торгово-промышленным миром Москвы относятся к 1904 г., когда он начал выполнять секретарские обязанности при своем отце; активным же участником общественно-деловой жизни Бурышкин стал только в 1912 г. Будучи на 25 лет моложе Н.А. Варенцова, П.А. Бурышкин, конечно, не мог быть свидетелем событий, относящихся к последней трети XIX в., более того, он не имел и такого обширного круга личных знакомств, как автор публикуемых мемуаров. Поэтому воспоминания Варенцова превосходят по богатству, широте охвата событий и сообщаемой информации книгу Бурышкина.

Мемуары Н.А. Варенцова охватывают период с середины 1870-х гг. до 1905 г. (эта крайняя дата была выбрана автором вполне сознательно). Их ценность как исторического источника не подлежит сомнению: они принадлежат человеку, благодаря своим обширным семейным и деловым связям хорошо знавшему описываемых персонажей и старавшемуся излагать события и факты максимально объективно.

Как предписано жанровыми канонами, Варенцов подробно излагает историю своего рода; в других источниках сведения об этой старинной купеческой семье отсутствуют. Автор мемуаров, безусловно, опирался на семейные предания, рассказы матери, других родственников. По возможности полно описывает основные генеалогические ветви семьи, отмечает все фамильные связи. Постоянное общение с родственниками, совместная предпринимательская деятельность, семейные обеды, не обходившиеся без рассказов и устных воспоминаний, дали Варенцову богатый фактический материал для мемуаров.

Кроме того, три десятилетия активного участия в российской торгово-промышленной жизни доставили Варенцову обширный круг знакомых: с одними он был связан дружескими отношениями, с другими — длительными деловыми; более того, «по долгу службы» ему приходилось наводить справки о состоянии дел своих клиентов. Ярко и колоритно обрисованы им известные представители купеческого мира Москвы и других городов России: Т.С. Морозов, А.А. и Н.П. Бахрушины, Н.А. Найденов, Н.А. Алексеев, целые семейные династии — Хлудовых, Востря-

[10] См.: *Иванова Л.В.* «Издатель и писатель по старой Москве»: Николай Александрович Найденов. 1834—1905 // Краеведы Москвы. М., 1995. [Вып. 2]. С. 77—78.

[11] См.: *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1990.

ковых, Боткиных, Рябушинских, Перловых, Коноваловых, и многие, многие другие. Автор описывает свои встречи с Д.И. Менделеевым, С.Ю. Витте, великим князем Николаем Константиновичем, Н.М. Барановым, И.Л. Горемыкиным, А.С. Сувориным, А.И. Коноваловым и другими известными людьми.

Художественная ткань мемуаров Варенцова включает целый ряд биографических очерков, в которых автор выстраивает не только жизненную канву своих героев, но дает им самостоятельные, тонкие характеристики. О некоторых персонажах варенцовских воспоминаний в настоящее время известно достаточно много по воспоминаниям их современников и потомков, а также по работам историков, тем не менее в публикуемом тексте читатель найдет описание любопытных бытовых деталей, внешности, подмеченных мемуаристом привычек и черт характера.

В мемуарах показаны пути становления и развития ряда мануфактур, торговых фирм и предприятий: от крупнейшей в России Кренгольмской мануфактуры до небольших хлопкоочистительных заводов в Средней Азии. При этом сообщаются такие сведения и подробности, большинство из которых невозможно найти в дореволюционных историко-статистических очерках и юбилейных изданиях[12].

О человеческих качествах мемуариста можно судить по тем оценкам, которые иногда сопровождают повествование, а также по авторским симпатиям и антипатиям. В основе всей деятельности Н.А. Варенцова лежала предпринимательская мораль, унаследованная им от предков и заключавшаяся в честных правилах ведения своего дела. Поэтому он нетерпимо относился ко всякого рода «грюндерским» проектам, разорявшим доверчивых и не слишком опытных вкладчиков, к безудержной наживе за счет спекулятивных махинаций и нечестной биржевой игры.

Типичный представитель своего сословия, человек думающий и наблюдательный, умудренный опытом прожитых после революции лет, Варенцов в своих воспоминаниях пытался осмыслить эпохальные события российской истории, свидетелем которых он был, и общественные настроения своего времени и класса. Мемуарист анализирует смену поколений в русском купечестве, когда прежних «крепких и сильных духом» купцов сменили их дети, более слабые и суетные; осуждает политическую непримиримость и то, что теперь называется «двойным стандартом».

В воспоминаниях Варенцова нашли отражение его многочисленные поездки по России, Средней Азии, в Египет, европейские страны, Париж, Рим, Вену, Монте-Карло, Ниццу. Эти путевые очерки полны интересных сведений, наблюдений и описаний, касающихся истории, культуры, достопримечательностей и обычаев виденных стран.

---

[12] См., напр.: *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1915. Т.1; *Грязнов А.Ф.* Ярославская Большая мануфактура. М., 1910; Торговое и промышленное дело Рябушинских. М., 1913; Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. М., 1915.

Отдельные главы посвящены укладу жизни купечества, обычаям и семейным праздникам, паломничеству в Троице-Сергиеву лавру, тут многое перекликается с известными книгами И.С. Шмелева «Лето Господне» и «Богомолье». Хотя Варенцов не обладал таким блестящим литературным мастерством, как Шмелев, в его записках мы также найдем яркие бытовые зарисовки. В некоторых случаях автор выразительно показывает эволюцию русской жизни в XX столетии, разрыв духовных связей в обществе.

Н.А. Варенцов записывал воспоминания спустя несколько десятилетий после описываемых событий. Лишившись библиотеки, отобранной у него вместе с домом в Токмаковом переулке, он в стесненных бытовых условиях 30-х годов не имел под рукой справочных изданий, которые позволяли бы уточнить имена, названия, даты. И все же его редко подводила память: обращение к известным справочникам, в том числе «Вся Москва» и «Весь Петербург», подтверждает правильность подавляющего большинства называемых им имен и фамилий, даже у эпизодических персонажей. Это позволяет предполагать, что мемуарист опирался на первоначальные заметки дневникового или делового характера. На такой принцип работы указывает и авторское замечание в тексте 62-й главы. «Еще при самом начале моего путешествия по Египту, — пишет Варенцов, — я был очарован от всех получаемых впечатлений [от] этой дивной страны и уже тогда решил вести записи вроде дневника, чтобы в будущем можно бы составить воспоминания о своем путешествии». Для этого он приобрел в Александрии фотокарточки, на обороте которых стал «писать в конспектном виде все переживаемое и их отсылать в закрытом виде в Москву детям, с предупреждением, чтобы они карточки сохранили до моего приезда». Дети так и поступили, фотографии были «мне вручены и все время лежали в укромном месте, ожидая приведения в исполнение моего желания, но в революционное время во время моего отсутствия из Москвы все бумаги были вытащены и уничтожены, то же случилось и с египетскими фотографиями, за исключением двух карточек, из которых увидал стоимость букетов роз, клубники и еще что-то, иначе можно ли запомнить такие мелочи!».

Воспоминания Варенцова обладают высокой степенью достоверности — в изложении событий, в характеристиках людей, в описаниях и деталях. Пожалуй, наиболее разительным примером правдивости записок может служить рассказ, раскрывающий историю создания известного полотна В.В. Пукирева «Неравный брак». Варенцов пишет о том, что в ее основу был положен рассказ Сергея Михайловича Варенцова, друга художника и двоюродного дяди мемуариста, он же и был первоначально изображен в виде шафера невесты. Эта версия расходится с общепринятой, основывающейся на сообщении В.А. Гиляровского, согласно которой материал для картины дала жизненная драма самого художника, а изображение шафера является его автопортретом. Недавние разыскания искусствоведа Л.В. Полозовой подтвердили варенцовское семейное предание: сравнение изображения шафера на эскизе к картине «Неравный брак» (ГТГ) с портретом С.М. Варенцова также кисти Пукирева не оставляет сомнений в том, что здесь

изображено одно и то же лицо. В окончательном варианте картины (вследствие недовольства С.М. Варенцова) шаферу были приданы черты Пукирева[13].

В воспоминаниях выведена яркая фигура М.А. Хлудова, храбреца и богатыря, участника Среднеазиатской экспедиции и турецкой войны. Многим современникам он запомнился своими экстравагантными поступками и умением приручать диких животных, поэтому варенцовские рассказы находят подтверждение как в мемуарных источниках[14], так и в изобразительных[15]. Жена М.А. Хлудова, Вера Александровна, оставшаяся молодой вдовой, была знаменита тем, что дала первый в Москве «электрический бал», о нем, но без упоминания имени хозяйки, также писал В.А. Гиляровский[16].

Мемуары Варенцова представляют интерес для историков литературы: некоторые из описанных здесь лиц послужили прототипами литературных героев. Представители хлудовского семейства, известного в Москве своим богатством и причудами, были выведены Н.Н. Каразиным в романе «На далеких окраинах», А.Н. Островским в «Горячем сердце», Н.С. Лесковым в «Чертогоне». Преступление В.Ф. Мазурина, о котором со слов семейного врача Ю.П. Гудвиловича пишет Варенцов, нашло отражение в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Крах Скопинского банка дал А.П. Чехову материал для серии репортажей «Дело Рыкова и комп.», публиковавшихся в 1884 г. в «Петербургской газете». В своей автобиографической прозе А.М. Ремизов вспоминает все найденовское семейство, его дом на берегу Яузы и сад, обращаясь тем самым к сюжетам и персонажам, о которых пишет и Варенцов.

Композиционно воспоминания, состоящие из 86 глав без заглавий, делятся на четыре части. Первую составили главы, посвященные началу коммерческой деятельности автора и его работе в САТПТ; вторая охватывает тот этап жизни Варенцова, который был связан с Найденовым, МТПТ и поездками в Среднюю Азию; в третью часть вошли рассказы о купцах, предприятиях и фирмах, которых хорошо знал Варенцов; и, наконец, в четвертой описана бытовая жизнь купечества и представлены размышления Варенцова над общественными катаклизмами начала XX в. Трудно сказать, была такая композиция продумана предварительно или сложилась в ходе работы. Хотя можно указать ряд перебивов в повествовании, все же мысль автора развивается логично, события его жизни и возникающие по ассоциации воспоминания наложены на четкую хронологическую канву.

Мемуары Варенцова написаны сочным, метким, живым языком; однако автор, не имевший большой литературной практики, в своей речи иногда допус-

---

[13]Подробнее см.: *Варенцов Н.А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое: Купеческий род со Старой Басманной // Наше наследие. 1997. № 43/44. С. 80—81, 83.

[14]*Гиляровский В.* Москва и москвичи. С. 118—121; Константин Коровин вспоминает... М.,1990. С. 337.

[15]См., напр., гравюру, изображающую М.А. Хлудова с мирно лежащим у его ног гепардом, помещенную в журнале «Всемирная иллюстрация» (1870. № 72. С. 354).

[16]*Гиляровский В.* Москва и москвичи. С. 221—222.

кал ошибки (неправильное употребление деепричастного оборота, несогласование, неверный порядок слов).

Охватывающие в своем повествовании весь девятнадцатый век и первую треть века двадцатого, воспоминания Варенцова насыщены событиями и персонажами. Но, кроме того, в них явственно ощущается личность самого мемуариста — человека талантливого, наблюдательного, думающего и независимого в своих суждениях; именно потому его книга не несет печати времени ее написания — 30-х годов XX в. Все это делает воспоминания Н.А. Варенцова ценным источником сведений о развитии предпринимательского дела в России второй половины XIX — начала XX столетий, быте и культуре Москвы того времени.

* * *

Настоящее издание осуществлено по беловому автографу: главы 16—86— по рукописи, хранящейся в ОПИ ГИМ (Ф. 458. № 104960), главы 1—15 и «Жуткие годы» — по тетрадям, хранящимся в семейном архиве Варенцовых.

Текст печатается с учетом небольшой авторской правки, внесенной карандашом. Пунктуация и написание ряда слов приведены в соответствие с современными нормами, описки и грамматические ошибки исправлены без оговорок. В квадратных скобках восстанавливаются необходимые по смыслу слова. Встречающиеся в тексте индивидуальные сокращения (например, слов «мануфактура», «товарищество», «банк» и т.п.) раскрыты без оговорок. Стилистические особенности авторского текста сохранены, лишь в некоторых случаях исправлены очевидные ошибки.

* * *

Публикаторы благодарят потомков Н.А. Варенцова — *Г.А. Андреева, Л.Н. Варенцову, Л.П. Варенцову, К.М. Варенцова, И.А. Глинскую, Е.Л. Юдину* — за интерес к нашей работе и помощь, за предоставление возможности ознакомления с хранящимися в их семейных архивах материалами. Искренняя признательность *Е.А. Агеевой, Л.В. Ивановой, С.В. Ильину, Л.Н. Краснопевцеву, Ю.А. Петрову, Л.В. Полозовой, С.К. Романюку, О.В. Рыковой* и *Н.А. Филаткиной* за консультации и советы, заведующему ОПИ ГИМ *А.Д. Яновскому* — за содействие в работе над рукописью воспоминаний.

При иллюстрировании книги использованы живописные, графические и фотографические материалы из собраний Государственного Исторического музея, Государственной Третьяковской галереи, Музея В.А. Тропинина в Москве, Центрального московского архива документов на специальных носителях (фонд Н.М. Щапова), а также из архивов: семьи *Варенцовых, Н.А. Добрыниной, В.Н. Живаго, А.П. Крюкова, В.А. Любартовича, Н.Е. Пестова, М.В. Пржевальского, Н.А. Филаткиной, А.Н. Фирсанова, М.С. Хлудовой.*

В.А. Любартович, Е.М. Юхименко

СЛЫШАННОЕ. ВИДЕННОЕ. ПЕРЕДУМАННОЕ. ПЕРЕЖИТОЕ

ЧАСТЬ I

Многое, виденное мною в жизни, я запомнил,
но время, этот великий учитель, указал мне
необходимость передать людям многое,
чему я был свидетелем: оно будет дорисовывать
тот век и образ мыслей людей тогдашнего времени.

Из записок М.С. Щепкина, 1859 г.

ГЛАВА 1

В апреле 1886 года мне сообщил Николай Александрович Найденов, мой тесть, что я выбран на общем собрании учредителей кандидатом в члены правления во вновь образовавшееся Товарищество[1] «Н. Кудрин и К⁰» и что мне нужно пойти туда такого-то числа в 9 часов утра.

В указанный день проснулся рано, ночь спал плохо: меня волновали разные мысли о полезности моей в этом деле. Задавал вопрос: в чем могу проявить свою деятельность? Я совершенно не был приготовлен к практической жизни: бухгалтерия для меня была темная наука, с ее терминами «актив», «пассив», «кредиторы», «дебеторы», «сальдо», «переходящие суммы» и другие наименования — были для меня пугалом; формами письменных изложений тоже не отличался, да и терпеть не мог такую работу; взять на себя внутренний распорядок конторы не мог из-за полного незнакомства с делом; обладал полным незнанием тех товаров, с которыми придется иметь дело.

Взволнованный вышел из дома в 8 часов утра и приехал к Троицкому подворью[2] на Ильинку за три четверти часа до назначенного времени. Отворивший дверь артельщик указал мне комнату, где за письменным столом сидел и работал Николай Павлович Кудрин. Он быстро писал; на одной стороне стола лежала пачка написанных им писем, а на другой — стакан чая. Я ему отрекомендовался: он встал, поздоровался и предложил сесть напротив.

Кудрину на вид было лет под пятьдесят, был довольно высокого роста, плечистый, крепко сложенный, с небольшим брюшком, с отлич-

ными густыми темными волосами, с раскосыми глазами и с большими скулами, имел усы и жидкую бородку и видом очень походил на калмыка.

После некоторых любезностей он вместо того, чтобы сразу выяснить мое положение и род занятий, начал характеризовать свое дело, с перечислением всех товаров, контор, и, увлекшись, перешел на объяснение тех успехов, которые можно ожидать от дела в будущем.

Наконец я ему задал вопрос: «Укажите мои обязанности». Он ответил: «Сидите и читайте газеты!» Я почувствовал, как лицо мое все вспыхнуло: его слова я принял для себя за обиду. Кудрин сразу понял мое настроение и добавил: «Наше дело очень связано с курсом рубля, а потому, понятно, надо быть весьма чутким к политическому положению, а учесть это состояние можно только из газет, читая внимательно их ежедневно, а относительно дела будет указано по мере необходимости в вашей услуге».

Из всей дальнейшей с ним беседы я понял, что не подошел к его желаниям: он искал лицо, могущее вложить большие средства в дело, чего я сделать не мог, да и мой тесть предупредил меня: «Входить в Товарищество с большими деньгами не следует, нужно сначала осмотреть его и узнать, что оно из себя представляет!»

Н.П. Кудрин был очень умным человеком, с сильным характером и волей, но благодаря недостаточности воспитания и малого образования у него проглядывали черточки характера, отталкивающие от него лиц, имеющих щепетильную совесть, что, несомненно, вредило ему в деле*.

---

*Могу указать этот его недостаток в примере. На Нижегородской ярмарке[3] он отправлялся на обед, даваемый ярмарочным купечеством губернатору, я увидал его готовым к выходу, в порыжевшей шляпе с отрывающимися полями, и сказал: «Пора бы вам купить новую шляпу!» Он махнул рукой и ответил: «Куплю». Возвратился с обеда в новой шляпе и в новых калошах, тогда как ушел без калош. Я его поздравил: «Наконец-то купили! Старая шляпа прямо была неприлична». Он, хохоча, ответил: «Нет, не покупал, надел чью-то чужую, да, кстати, и калоши, теперь долго не придется покупать». Вообще я замечал, что ему доставляло большое удовольствие оставить кого-нибудь в дураках, и от всех таких удач он был весел и от души потешался над пострадавшими.

Родился Н.П. Кудрин в бедной мещанской семье в Оренбурге; родители его отдали в учение какому-то купцу, имеющему меновую торговлю с азиатами. Как приходилось слышать, меновая торговля того времени отличалась объегориваньем покупателей, т.е. обмерить, обвесить, подменить и тому подобное. Нужно думать, что Кудрин достиг в этом большого совершенства, так как вскоре сделался старшим приказчиком и потом поступил в крупную ситцевую фирму Н.Н. Коншина, заняв там ответственную должность.

Коншин, ликвидируя свое оренбургское отделение, предложил Кудрину и другому своему работнику, Попову, купить его дело в рассрочку на несколько лет платежом. Дело

В это утро после меня первым посетителем Н.П. Кудрина был ивановский фабрикант Константин Иванович Маракушев.

Маракушев был высокого роста, полный, с круглым лицом, бороду брил, а имел усы; глаза у него были большие голубые, и мне казалось, что в них сквозило какое-то недоверие к Николаю Павловичу, с боязнью, чтобы он его не «объехал на кривой»; держал себя сначала с некоторым апломбом, выцеживая слова с предварительным обдумыванием и, когда говорил, откидывал свою голову назад.

После непродолжительной деловой беседы, окончившейся благоприятно для обеих сторон, Кудрин перевел разговор на Азию и на то будущее значение, какое она будет несомненно иметь. Кудрин обладал блестящим даром речи, говорил красиво и толково и с особым умелым подъемом, создавал полную картину развития богатств этого недавно присоединенного к России края. Его речь била по слабым струнам у лиц, страдающих тщеславием и сребролюбием, какими слабостями и страдал г-н Маракушев. Кудрин уверял, что этот край настолько богат, что один может употребить всю продукцию русских текстильных фабрик [и] сделается через 10—20 лет второй Америкой благодаря имеющимся громадным земельным ресурсам, с многосаженным пластом лёссового[4] наслоения, его следует только оросить, что весьма легко сделать благодаря рекам Сыр- и Амударье, несущим воду в громадном количестве со снеговых гор во времена таяния. Уверял, что даже и при том количестве земли, которое обрабатывается в данное время, если только доставить туда русский хлеб из Кубани и Семиречья[5], цена которого очень дешева, то землевладельцы почти все перейдут на посевы хлопка, дающего большую пользу обрабатывающим. Указал, что Средняя Азия кроме хлопка имеет еще другие разные товары, требующиеся в большом количестве, как-то: шерсть овечья, верблюжья, кожи, шелк-сырец, каракуль, шкурки которого очень ценятся на рынках Европы и у нас как по своей прочности, так и по красоте завитков; между тем каракулеводство существует только в одном месте всего мира, а именно в Бухарской провинции под наименованием Каракуль[6]. Каракуль славится своей солон-

они купили, но два компаньона поладить друг с другом не могли, и Попов продал свою часть Кудрину.

Кудрин, имея широкий характер, пооткрывал во всех больших городах Средней Азии отделения, но имел небольшие средства в деле, ему трудно было вести его, а потому он задумал учредить товарищество, чтобы значительную часть своих паев распределить между фабрикантами, интересующимися сбытом своих фабрикатов на рынках Азии.

чаковой почвой, растительность ее имеет особое влияние на образование изящных шкурок у овец.

Кудрин утверждал, что горы, находящиеся в Средней Азии, ждут разработок, в них, несомненно, имеются все признаки нахождения золота, нефти, каменного угля и других минералов, и все это требует труда и денег. И заканчивая свою речь, он сказал: «Средняя Азия — жемчужина большой ценности в короне царя!»

К.И. Маракушев слушал его с большим вниманием, было видно, как все эти перспективы, высказываемые Кудриным, вливаются в его душу как особой прелести бальзам. Маракушев начал ерзать на месте, апломб и бывшее в его глазах недоверие к Кудрину исчезли, взамен чего появилась улыбка, с любовью посматривал он на Николая Павловича. Расстались они уже друзьями. Маракушев потом стал крупным пайщиком Товарищества и большим приятелем Кудрина.

В этот день Николая Павловича навещало много лиц, и я заметил, что он быстро улавливал душевные слабости каждого с ним говорившего и с особой чуткостью и умением подходил к нему, заставляя внимательно вслушиваться в его речь и поддаваться невольно его влиянию.

Приходило много — и всегда группами — азиатских купцов, хотя в это время года их проживало в Москве сравнительно небольшое количество. Я на них смотрел с особым удовольствием. Мне нравились их пестрые халаты, чалмы, ичиги[7]; особый способ здороваться, прижимая руки одну ко лбу, другую к сердцу, потом подавая обе руки и держа себя за бороду, творя в это время про себя молитву. К Кудрину все они относились с особым чувством благоговения, по крайней мере, мне так казалось. Он свободно говорил по-татарски, азиаты пристально смотрели ему в лицо, не пропуская ни одного звука, и мне казалось, что они его любили и ему верили.

Весь мой первый день так называемой «работы» прошел в наблюдении и с большими впечатлениями. Вечером, покидая контору, я был как загипнотизированный, Кудрин меня превратил в морехода, увлеченного пением легендарной сирены. Я слушал его с восхищением и с полным желанием вложить в это дело все, что я имел в себе лучшего.

Дни потекли за днями, постепенно пополняя мои знания и опыт, открывая новые горизонты на жизнь, на людей с их страстями и слабостями. Кудрин ежедневно приходил в контору за час или даже за два до начала занятий в конторе, писал бесконечные письма, а с 9 часов на-

чинался прием клиентов, с которыми он так же убедительно говорил об Азии и ее богатствах с целью, как я понимал, воздействовать на психику фабрикантов. И это ему в значительной степени удавалось; фабриканты слушали, покрякивали, подписывались на паи, но, по своему мировоззрению, вместо кредиток за паи вручали залежавшиеся у них товары, то есть брак, думая про себя: «Это не денежки, что у бабушки, а то денежки, что за пазушкой». Несмотря на все это, паи были разобраны и Товарищество начало функционировать с капиталом миллион рублей.

Усиленная агитация Николая Павловича не осталась безрезультатной, как говорят: «На ловца и зверь бежит». Кудрин случайно в вагоне поезда познакомился с господином, внушавшим своим видом и интеллигентностью полное уважение и доверие. Они разговорились, и Кудрин не преминул рассказать об Азии, что он говаривал другим, в таких же красочных выражениях и с большим увлечением. Они познакомились, господин оказался Гофмейстером Генрихом Карловичем, главным управляющим всеми имениями и сахарными заводами князя Александра Сергеевича Долгорукова. Как мне потом пришлось слышать, у князя дела шли весьма плохо, имения давали ему очень маленький доход, но, когда во главе управления стал умный, честный Г.К. Гофмейстер, дело скоро приняло другой оборот, имения стали давать большой доход. Гофмейстер приобрел у князя большое доверие и расположение.

Кудрину пришла мысль предложить Гофмейстеру продажу сахара с княжеских заводов. Из Азии были вытребованы образцы английского сахара, идущего в Персии. Персияне привыкли к английскому, имеющему вид маленьких головок, упакованных в синюю бумагу. Такие же головки были сделаны сахарными заводами князя. Партия, отправленная в Мерв и Асхабад, пограничные города Персии, имела успех; персидские купцы покупали с охотой, постепенно вытесняя английский сахар из Северной Персии по дешевизне провоза и хорошего качества.

Гофмейстер доложил князю о новом рынке сбыта сахара с его заводов и не преминул рассказать о Н.П. Кудрине и том впечатлении, которое он произвел на него. Князь выразил желание познакомиться с Н.П. Кудриным, что было сделано Гофмейстером. Кудрин в свою очередь и князя увлек своими рассказами, и он пожелал приобрести паи Товарищества.

Нужно сказать, что князь Долгоруков был очень близким человеком государю Александру III, в детстве они вместе росли и учились, и, когда

Александр вступил на престол, Долгоруков был сделан обер-гофмейстером двора государя. Кроме того, князь Долгоруков был свояком министра двора Воронцова-Дашкова, они были женаты на родных сестрах гр. Шуваловых[8]. Князь, рассказывая Воронцову-Дашкову о впечатлении, произведенном на него Кудриным, заинтересовал его повидать русского самородка. Молва и разговоры распространились в высшем придворном кругу двора царя и дошли до великой княгини Марии Павловны, а потом и до государя, и все они пожелали видеть его.

Кудрин, представляясь государю, с таким же успехом рассказал все об Азии и ее богатствах, после его ухода государь сказал Воронцову-Дашкову о Кудрине: «Наш милый и интересный калмык».

Кудрин сделался самым модным человеком в С.-Петербурге, он был принят государыней, наследником, всеми великими князьями, а за ними всеми выдающимися при дворе лицами. И ему пришлось долго жить в Петербурге, чтобы удовлетворить всех желающих его видеть. Как мне передавал Кудрин, он имел у всех успех.

Говоря о Кудрине, понятно, начали говорить об Азии и ее богатствах и о необходимости обратить внимание на нее.

Если бы не Кудрин с его возбуждающими речами, я уверен, Средней Азии еще пришлось бы долго находиться в заброшенном виде, отделенной от России громадными бесплодными степями и песками, но он с его энтузиазмом возбудил спящие сферы нашего высшего правительства, после чего дело заглохнуть не могло. А потому я считаю, что Н.П. Кудрин был первым пионером по развитию Средней Азии, в короткое сравнительно время достигшей большого процветания. И кудринское Товарищество под наименованием «Среднеазиатское товарищество Н. Кудрин и К°» было первым инициатором по выписке в больших размерах американских семян и по распространению их между посевщиками-туземцами. И эта слава за Кудриным должна остаться вечно. Пишу об этом, считая необходимым воздать ему должное, так как немногим это известно.

В 1925 или 1926 году мне пришлось зайти к Михаилу Григорьевичу Ерофееву, занимавшему в то время ответственный пост в каком-то хлопковом учреждении, устроенном Советским правительством. Ерофеев мне передал, что он составил бумагу с изложением первых инициаторов по развитию хлопка из американских семян, сделал все это он по поручению своего начальства. Ерофеев прочел мне ее. Но после того, как я

рассказал все, что описываю здесь, он был очень сконфужен и мне ответил: «Я совершенно этого ничего не знал, теперь неловко взять обратно бумагу, пусть останется, как написано».

Первыми же посевщиками хлопка из американских семян были жители города Ташкента гг. Лахтин и С.И. Тарсин. Посев производился у них в садах при домах, где они жили. Полученное от посева волокно было ими послано на Всероссийскую выставку, бывшую в Москве в 1882 году[9]. За этот хлопок им была присуждена высшая награда. Эксперты нашли волокно хлопка подходящим к американскому сорту «Си-Айленд»[10].

Нельзя отнять этой заслуги у гг. Лахтина и Тарсина, показавших всем интересующимся хлопком возможность разведения высших сортов хлопка в Средней Азии, и эта заслуга останется за ними навсегда.

Эксперты, вынося свое основательное заключение, и не могли ничего большего сделать, и скоро труды Лахтина и Тарсина забылись. Лица, причастные к хлопководству, то есть туземцы, совершенно хладнокровно отнеслись к этому факту, да — я и уверен — они об этом не знали, а если даже знали, что они могли сделать, не имея семян? Для того чтобы ввести американские семена между посевщиками, требовались большие усилия и денежные затраты, что было сначала сделано Товариществом Кудрина, а потом Большой Ярославской мануфактурой.

ГЛАВА 2

Состав правления Среднеазиатского товарищества «Н. Кудрин и К°» был из следующих лиц:

Директором-распорядителем: Н.П. Кудрин.

Директорами: Александр Лукич Лосев,

Николай Павлович Рогожин,

Александр Александрович Найденов.

Кандидатом к ним я.

О Н.П. Кудрине я уже кое-что рассказал, еще добавить могу, что его семья жила в Оренбурге, и предполагалось, что он будет жить там же, то есть в главной конторе по своим торговым операциям, и действительно, он туда часто ездил и живал там по месяцу и более. В Оренбурге у него был свой каменный двухэтажный дом.

А.Л. Лосев был директором Собинской мануфактуры и крупным там пайщиком, был образованным и начитанным человеком, отличался твердой волей и характером и большой хитростью: ловко заставлял других вытаскивать для себя жар из печки *.

*Предки Лосева были ямщиками, занимавшимися перевозом чая из Китая в Москву, потом завели оптовую чайную торговлю, составив этим свое благосостояние; после того, как чайное дело начало падать, купили с двумя какими-то компаньонами Собинскую мануфактуру. Во главе этого дела стал Александр Лукич, один из даровитейших братьев семьи Лосевых, поставил его в блестящее положение. Об остальных его братьях не приходится говорить, так как они ничем не отличались от самых заурядных людей того времени, разве только один из них, Михаил Лукич, со званием инженера, представлял из себя некоторую величину. Александр Лукич, боясь, что он будет вмешиваться в дела Собинской мануфактуры, убедил его занять должность директора в Ярцевской мануфактуре, перешедшей Вере Александровне Хлудовой после смерти ее мужа Михаила Алексеевича Хлудова. Рекомендуя своего брата на этот высокий пост, Александр Лукич убивал двух зайцев: устранял его из своего дела, зная, что он не может принести ему пользу, а скорее вред, а потом через него же может получать разные сведения, нужные ему для своей фабрики, с выборкой оттуда лучших покупателей.

А.Л. Лосев двух своих компаньонов очень ловко выставил из Собинской мануфактуры. Несколько лет подряд не выдавал дивиденда, затрачивая весь доход от фабрики на ее увеличение и улучшение; из тех же доходов, которые все-таки оказывались, он усиленно списывал на машины и стройки фабричные, на должников, которые, по его мне-

А.Л. Лосев был среднего роста, худой, с бледным лицом, с большим развитым лбом, со стальными серыми глазами, и в то время, когда он был кем-нибудь недоволен, на его глаза смотреть было неприятно, хотя, зная это, он потуплял их. Говорил тихим и как бы спокойным голосом, но чувствовалось, что внутри его клокочут страсти; принадлежал он к типу людей, про которых говорят: «Мягко стелет, да спать-то жестко!»

А.Л. Лосев был на Всероссийской выставке 1882 года одним из экспертов по хлопку, здесь он увидал из представленных Тарсиным и Лахтиным образцов, какой в Азии может родиться хлопок, и увидел в этом пользу для русских прядильщиков.

И он — хитроумный Улисс[1] — не задумался пойти в Товарищество с целью изучить хлопководство в Азии и постараться первому снять пенки с этого дела. Да притом сумел обойти Кудрина, убедив его принять плату за паи не деньгами, а чаем, оставшимся после ликвидации их чайного дела. Отправленный в отделение Средней Азии чай провалялся без движения много лет: кто его однажды купил на пробу, больше уже не требовал. Чай был продан после кончины Кудрина через несколько лет, с большой уступкой в цене.

А.Л. Лосев все-таки был одним из самых деятельных директоров правления, понятно, не считая Кудрина. Он бывал ежедневно в правлении, внимательно прочитывал письма, давал полезные советы, но он в те годы был слаб здоровьем и зачастую не являлся в правление, и мне приходилось ездить к нему в дом с бумагами; он принимал меня с обмотанными головой и шеей, и по всему было заметно, что он сильно страдал.

После выяснения результатов с чаем Н.П. Кудрин возненавидел его всей душой, хотя, встречаясь в правлении, они старались не показывать виду, что не любят друг друга.

Кудрин, оставаясь со мной наедине, называл его неприличным словом, уверяя, что он незаконнорожденный сын, так как все его братья ни по уму, ни по характеру не похожи на него.

Видя его больным, увязанным, он, бывало, скажет: «Долго не проживет — в чем только душа его держится!» Лосев же прожил долго и был здоровым и толстым человеком и скончался, как мне помнится, неза-

---

нию, были неблагонадежны. Компаньоны, видя такое ведение дела и предполагая, что оно будет продолжаться так все время, продали ему свои паи, радуясь, что хотя вернули деньги, внесенные ими при покупке. На следующий год после этой сделки оставшиеся в деле братья Лосевы получили дивиденда по сто процентов.

долго до Великой войны 14-го года, а Кудрин, здоровый с виду и крепкий, скончался через два года после предсказаний.

Второй член правления, Н.П. Рогожин, принужденный оставить должность директора в Товариществе С. Морозова, незадолго до открытия Товарищества «Н. Кудрин и К^0», оставаясь без работы, узнал от своего сына Владимира Николаевича об образовании Товарищества «Н. Кудрин и К^0», пожелал вступить в члены его правления, хотя ради только кворума, так как по своим знаниям хлопкового дела вряд ли мог считать себя полезным делу.

Рогожин не внес в дело ничего полезного, и по всему было заметно, что он смотрит на свою службу как на временную, предполагая перейти на какое-нибудь другое, более для него интересное и полезное место.

Приходил он в правление часов в 10, имея обыкновение, когда снимал пальто в передней, говорить артельщику: «Что это у вас дурно так пахнет, нужно проветривать, покурить чем-нибудь!» Молодые клерки, передразнивая его, понятно, после его ухода, говорили ту же фразу и его голосом*.

Оставался он в правлении недолго и покидал его до следующего дня.

Скоро он был выбран в директора первого Московского общества взаимного кредита и покинул кудринское Товарищество навсегда.

Третий директор, Александр Александрович Найденов, вступил в правление только по просьбе его брата Николая Александровича; предполагаю, что это было сделано ради меня, чтобы дать возможность подучиться мне и он бы уступил мне свое место члена правления.

Александр Александрович в дело ровно ничего не внес, посещал правление редко и по своей мелочности замечал только что-нибудь смешное, которое рассказывал своим братьям и другим родственникам.

Доверенным фирмы был В.Н.Рогожин, сын Николая Павловича, ему было приблизительно около тридцати лет. Он был довольно красивый

---

*Про Рогожина рассказывали служащие Товарищества С. Морозова, как он попал директором туда. Будучи доверенным[2] в петербургском отделении у С. Морозова, он приехал в Москву в правление с отчетом, в это время выбыл один из директоров С. Морозова и нужно было заменить его кем-нибудь.

Тимофею Саввичу, озабоченному приисканием нужного лица из среды своих служащих, понадобилось пойти в уборную, где не оказалось мыла, кем-то украденного. Рассерженный этим обстоятельством, неоднократно повторяющимся, он при выходе встретил Н.П. Рогожина, которому и поручил провести дознание, кто ворует мыло. Рогожин принялся за дело энергично, произвел обстоятельное обследование, написал хороший доклад, хотя виновника воровства не нашел, но его доклад понравился Тимофею Саввичу, и ему пришло в голову, почему бы не сделать директором Рогожина.

блондин, носил бородку, пенсне, имел коротенькие ножки и очень быстро ходил. Он почти весь день в конторе отсутствовал, посещая биржу, банки, покупателей, забегал в контору, чтобы подписать письма и записать сделки, им произведенные. Я могу предполагать, что Н.П.Кудрин не был им доволен, из слов его, однажды мне сказанных про Владимира Николаевича: «Быстро ходит ногами и тихо двигает мозгами».

Бухгалтером правления был Николаев, находившийся под полным влиянием Н.П. Кудрина, наводившего на него какой-то магический страх. С Николаевым я старался сойтись, чтобы получить от него первые знания по бухгалтерии, приглашал его к себе обедать. Он любил выпить и, когда выпьет, начинал говорить о Н.П. Кудрине; здесь-то я и мог увидать то отношение, которое он питал к Кудрину. Однажды он мне сказал: «Я уйду из Товарищества и не буду испытывать того, что приходится переживать от Николая Павловича, и страха за свою ответственную работу». Но дальнейших объяснений своим словам он не дал и действительно оставил свою службу в Товариществе.

В первый месяц после начала функционирования Товарищества правление собиралось почти каждый день в определенные часы. На одном из первых собраний был поднят вопрос о выписке из Америки хлопковых семян для раздачи дехканам в Средней Азии. Лосева просили, чтобы он поручил это одному из своих знакомых представителей по продаже хлопка из Америки. Представитель, которому было поручено, послал в Америку письма нескольким фирмам с просьбой выслать вагон семян, но ото всех получил отказ исполнить это. Тогда принуждены были купить семена в Марселе у маслобойной фирмы, делающей из хлопковых семян масло, отправляемое в разные государства на консервные заводы под наименованием «прованского».

Семена были отправлены в Среднюю Азию. Оказались смешанными с египетскими семенами, но посеянный из них хлопок получился великолепным.

Полученные семена с большим трудом навязывались дехканам, с тем чтобы они раздавали их земледельцам, с обязательством Товарищества, что за хлопок, выращенный из этих семян, будет уплачиваться против рыночных цен на 10—20 копеек за пуд дороже, чем за посеянный из местных семян.

В этом же году то же было сделано Ярославской мануфактурой, производившей закупку в Средней Азии хлопка для своей фабрики.

Из этих двух партий семян началось сильное развитие посевов хлопка из американских семян, качеством значительно лучшего, чем настоящий американский. И те хозяева бумагопрядилен, которые смекнули об этом прежде всех, закупая его в большом количестве, нажили большие деньги.

Единовременно с выпиской семян начали выписывать машины (джины[3]) для очистки волокна от орешков, строить паровые хлопкоочистительные заводы с гидравлическими прессами. Раньше же хлопок-сырец очищался на простых ручных маленьких деревянных машинках, очень дробивших семена и много оставлявших на семечках волокна, и, понятно, требовалось большое количество людей для этой очистки.

Мои отношения с Н.П. Кудриным постепенно налаживались, он начал брать меня с собой на Биржу, водить по фабрикантам, посвящая меня в их слабости и странности, рассказывая об их характерах. Все эти сведения мне потом весьма пригодились.

Выезжая в Оренбург, он сказал мне: «Советую вам приехать в Оренбург на некоторое время, следует посмотреть и познакомиться поближе с делами нашего Товарищества».

ГЛАВА 3

Я не преминул воспользоваться приглашением Кудрина и отправился в Оренбург. Поехал туда через Нижний по Волге до Самары, а потом по железной дороге.

Приехал в Нижний при проливном дожде, продолжавшемся целые сутки. Сел на пароход общества «Самолет». На пароходе первого класса было только двое пассажиров — я и еще молодой человек, с которым я познакомился; он оказался сыном Сергея Владимировича Алексеева и доводился братом известному артисту Станиславскому. Ехал в Самару на кумыс, чувствовал себя всю дорогу больным, а потому большинство времени проводил в своей каюте. Потом мне вскоре пришлось узнать, что он скончался в Москве от чахотки[1].

Я прямо умирал от скуки, не знал, что делать, чем заняться. Газет и книг не было, спать больше был не в состоянии; на пристанях, где останавливались, выйти не мог: дождь лил как из ведра; стоило только выйти на палубу, как дождь пронизывал тебя насквозь.

Наконец, на какой-то из маленьких пристаней сел в первый класс господин, по виду похожий на купца, промышленника или доверенного. С виду он был несимпатичен: угрюмый, молчаливый. И на все мои вопросы отвечал только «да» или «нет». Но томящая скука наконец и его заставила к вечеру заговорить, он спросил меня, не играю ли я в преферанс, я ответил, что играю. Лицо у него оживилось, сделалось приветливее, и он спросил меня: «Не сыграть ли нам?» Я согласился, но предупредил его, что играю по маленькой, по двадцатой. Он рассмеялся: «Да такая игра свеч не стоит!» Предложил сыграть по копейке. Я отказался. Начался торг, и наконец остановились на 1/4 копейки, за карты платить поровну. Две первые игры он проиграл, и мне показалось, что он плохо играет, но потом в последующих он и дал мне трепку. Начали создаваться такие игры, с такими комбинациями, которые обыкновенно бывают у играющих в жизни раз или два, у нас же они повторялись без перерыва. Я внимательно следил за его тасовкой карт, но им все проделывалось так чисто, что я заметить ничего не мог. Я

решил, что он ловкий шулер, и сказал: «У меня болит голова, кончимте игру!» Он, рассерженный, со злыми глазами, почти закричал на меня: «Вы должны продолжать игру! Почему я должен половину платить за карты, когда вы не желаете продолжать?» Я ему ответил, что уплату за карты целиком принимаю на себя. Заплатил ему небольшой проигрыш и за карты 4 рубля, отправился спать, радуясь, что дешево отделался.

На другой день проснулся при полном солнечном сиянии. В рубке, на палубе первого класса было уже много народу, прибывшего за ночь.

Уже с раннего утра началась картежная игра, где я заметил и вчерашнего моего партнера; ко мне подходило несколько человек с предложением поиграть, но я видел теперь в каждом человеке шулера и отказывался. Потом мне пришлось узнать, что шулера всегда собираются партиями и никогда в одиночку не ездят, и в настоящее время можно было думать, что на пароходе их было достаточное количество из числа прибывших за ночь.

Бывают дни в жизни, как бы ничем не отличающиеся от других дней, но некоторые минуты, пережитые в них, не забываются во всю жизнь и воспоминаются с наслаждением. Я не знаю, чем это можно объяснить. В душу входит какая-то сила, поднимает твой дух на неимоверную высоту, поглощает тебя. Все окружающее радует и восхищает; душа наполняется благодарностью к неведомому Создателю всего видимого и переживаемого. Эти настроения бывают редки и не у всех, а потому для многих и не будут понятны.

Такое переживание случилось и со мной в это чудное бесподобное утро. Я наслаждался жизнью, гуляя по палубе, вдыхая чудный воздух, напоенный ароматами цветов; осматривал превосходную панораму, открывающуюся перед глазами: налево — берег с расстилающимися лугами, направо — гористая местность, покрытая лесом, с перемежающимися селами, церквами, колокольнями, деревнями и с пасущимися стадами скота. Ритмичное постукивание паровой машины парохода не раздражало, а, скорее, убаюкивало. После этой моей второй поездки по Волге возлюбил милую родную реку, как величают ее в народе, «старую столбовую дорогу русской торговли», а потому редки были года, когда я не путешествовал по ней, но такого настроения больше со мной не повторялось.

Оренбург как город не оставил у меня никакой памяти (помню, что стояла в то время большая жара, духота) и отличался сильной пылью.

Меновой двор, находящийся за пределом города, за рекой Уралом, произвел на меня сильное впечатление: большой участок земли, окруженный высокой каменной стеной, к которой примыкали каменные амбары. В них складывали азиатские купцы свои дорогие негромоздкие товары и сами в них жили, расстилая кошмы, на которых вповалку спали; в них же готовили себе еду из привозимой со своей родины провизии, чтобы не тратить деньги на ее покупку.

На громадной площади двора были сложены в бунтах хлопок, шерсть, кожа. Около этих товаров и амбаров суетились толпами купцы и их приказчики, одетые в разноцветные халаты, с разноцветными чалмами на головах, а у туркмен и хивинцев были надеты громадные папахи из овечьих шкур. В красивые азиатского стиля ворота, выходящие на дорогу в Азию, входили гордо, с важностью, покачивая в ту и другую сторону головами, верблюды, с надетыми у них на шее колокольчиками, с нагруженными на их спины двумя тюками с товарами. Впереди верблюдов на ишаке верхом ехал азиат-вожатый, с палкой с острым концом в руке, а в другой держал веревку, привязанную к первому верблюду через проткнутую носовую кость его, тем понуждая исполнять свою волю; следующий верблюд шел с такой же веревкой, но привязанной к хвосту первого верблюда, и так далее. Вся эта картина для меня была новая, интересная, и я долго не мог оторваться от нее, любуясь всем видимым.

Н.П. Кудрин водил меня по всему двору, осматривал привозимые товары, заходил в амбары, знакомил меня с баями, имевшими дела с Товариществом.

Завтракали мы с ним в имеющемся на Меновом дворе трактире непрезентабельного вида как снаружи, так и внутри, но славившемся приготовлением пельменей, свежей рыбой и зернистой икрой, и все эти блюда были по очень дешевой цене.

Памятен мне этот трактир еще тем, что с нами рядом за столиком была совершена сделка в 8000 голов лошадей по 8 рублей за лошадь. Меня удивила как цена, так и количество: я не мог себе представить, что бывают такие большие продажи табунов.

Торговый амбар Товарищества помещался в центре города, размещался в двух этажах, в нижнем была торговля, а в верхнем кабинет Кудрина и контора. Амбар почти весь день был наполнен купцами, конечно, в большой части азиатами. Крупные купцы-баи заходили в кабинет Николая Павловича, с такой же церемонией здоровались; старшие и

почетные размещались на стульях, с завистью посматривая на младших, сидящих на корточках по стенам кабинета, но, не желая терять своей амбиции, сидели на стульях.

После того, как я пробыл в Оренбурге несколько дней, Кудрин мне сказал: «Доверенному Товарищества Василию Ивановичу Вощинину я поручил съездить в Илецкую Защиту[2] по делу и, кроме того, заехать по пути к одному калмыцкому баю, только что перекочевавшему к Оренбургу, так не хотите ли поехать с ним вместе?» Я от такого предложения пришел в восхищение, с радостью согласился. В поданный легкий тарантас, запряженный тройкой резвых лошадей, поместились В.И. Вощинин, молодой приказчик и я.

Лошади легко подхватили экипаж, и мы помчались; быстро прокатили верст двадцать, после чего кучер-калмык свернул с дороги в сторону, и, проехав еще несколько верст, увидали много кибиток, расположенных вразбивку. Еще далеко находясь от них, заметили, что приезд наш всеми обитателями кибиток замечен; из всех кибиток выскакивали калмыки с женами, детьми, с лающими собаками и с любопытством осматривали нас.

Ямщик с удальством, подергивая тройку, подкатил к кибитке, более украшенной, чем другие.

Около открытой кошмы, изображающей дверь, стоял старый почтенный бай, окруженный всей своей семьей. После общепринятых приветствий и поздравлений с прибытием он пригласил нас войти в кибитку. Посреди большой кибитки стоял стол вершков шесть высоты, и он предложил нам сесть вокруг его на разостланных коврах и кошмах. На столе моментально появился дастархан[3] так называемое угощение, состоящее из хлебных лепешек, фисташек, миндаля, изюма и конфект, приготовленных на бараньем сале, и все эти угощения лежали на медном подносе.

Мне впервые пришлось сидеть на корточках, и я чувствовал себя скверно, у меня ломило ноги. В это время Вощинин и бай говорили по-татарски про дела, уладившиеся скоро к благополучию обеих сторон. После чего бай сказал что-то жене, сидящей позади его. Та встала, взяла деревянную миску, какие обыкновенно употребляются в деревнях для хлёбова, вытерла ее тряпкой, поднятой с пола, грязной и черной, как сажа, после чего начала наполнять кумысом из стоящего здесь же ушата, покрытого старым рваным халатом. Наполненную миску подала мужу. Он берет фарфоровую пиалу китайской работы, из которой

обыкновенно пьют чай, зачерпывает кумыс из деревянной миски, пьет сам, потом подает В.И. Вощинину, который тоже пьет, и потом передает мне. Я говорю Вощинину: «Пить не могу, от кумыса мне сделается тошно». Вощинин, испуганный моим заявлением, умоляющим голосом просит: «Пожалуйста, выпейте, хотя бы только пригубьте; если этого не сделаете, то для хозяина-бая будет большая обида и он будет до конца своей жизни нашим врагом, а между тем он для нашего дела полезен». Я взял себя в руки, употребил всю силу воли и проглотил несколько глотков, и, слава Богу, без всяких последствий.

Скоро мы с ним распрощались, провожаемые целой толпой обитателей всех палаток, чрезвычайно довольных неожиданной тамашой[4], доставившей им большое удовольствие.

Отъехавши верст десять, наш ямщик-калмык, повернувшись лицом к нам, взволнованным гортанным голосом начал говорить что-то Вощинину, указывая кнутом вдаль. Вощинин встал в тарантасе, приложил ладонь к глазам и устремил взгляд на место, указываемое ямщиком.

Я стал тоже смотреть туда, вижу скачущего лихого наездника на отличнейшей лошади на довольно большом расстоянии от нас и делающего круг, за ним скакал второй, третий и четвертый, и с каждым кругом уменьшался их радиус от нас: они, несомненно, приближались к тройке. Вощинин и молодой приказчик, было видно, сильно взволновались. Вощинин, вынув револьвер, закричал что-то ямщику, стегнувшему сильно лошадей кнутом, понесших нас быстро. Наездники, сделав несколько кругов, были сравнительно близки от нас, вдруг разлетелись в разные стороны и исчезли с глаз.

Вощинин снял шапку, перекрестился и, обращаясь ко мне, сказал: «Так обыкновенно нападают барантачи (разбойники), и недавно было такое нападение с убийством и ограблением. Вот почему я так испугался!»

Недалеко от Илецкой Защиты заехали на соляные промыслы, производимые оренбургскими купцами во главе с оренбургским головой Назаровым. Разработка шла первобытным способом: снимался пласт земли, под которым лежал слой превосходной белой соли большой глубины. Соль разбивали, укладывали на возы, отправляя в Оренбург. Там рассказывали, что таковая разработка соли производится последний год, так как правительство в дальнейшем отдало им право на разработку с условием, что они устроят выемку соли через шахты и штольни. Я там приобрел несколько замечательных, сделанных из соли вещиц.

ГЛАВА 4

Вернувшись из Оренбурга в Москву, мне пришлось недолго оставаться в ней по случаю открытия Нижегородской ярмарки, куда меня направил Н.П. Кудрин. Описывать ярмарочные впечатления здесь не буду, оставляя на позднейшее время, чтобы обо всех годах, проведенных там, сказать в одном месте.

Она осталась у меня в памяти тем, что по неопытности доверенного В.Н. Рогожина Товарищество потеряло 40 тысяч рублей.

В конце ярмарки Н.П. Кудрин уехал в Москву, поручив закончить дела на ярмарке Рогожину.

Горовиц, один из крупных представителей заграничной лейпцигской фирмы, купил в Товариществе каракуля на 40 тысяч рублей, сказав, что деньги внесет дня через два-три, по получении их из-за границы, что делалось им и в предыдущие годы, и он аккуратно оплачивал.

В.Н. Рогожин имел обыкновение ездить на вокзал к отходу курьерского поезда, где он обедал, а в свою очередь мог видеть всех отъезжающих. После продажи Горовицу он отправился на вокзал и видит его отъезжающим в Москву, не учинив расчета за последнюю покупку в 40 тысяч рублей.

По ярмарочным правилам, купец, не окончивший расчета за товар, может быть задержан полицией на ярмарке вплоть до расчета.

В.Н. Рогожин подошел к Горовицу и спросил: «Как, вы уезжаете, не заплатив Товариществу сорок тысяч рублей?» Смущенный Горовиц, отозвав Рогожина в сторону, сказал: «Мой доверитель по ошибке перевел деньги вместо ярмарки в Москву, за ними я туда и еду. Как их получу, вам сейчас же переведу, потому прошу вас не беспокоиться. Но, может быть, вам нужны деньги, то я могу вам выдать вексель на эту сумму по предъявлению, тогда вам беспокоиться совершенно не придется».

Рогожин так и поступил, поехали оба в контору, Горовиц подписал векселя на 40 тысяч рублей по предъявлению, Рогожин проводил его на вокзал, усадил в вагон, и они дружески простились. С этого момента почтенный Горовиц, много лет ездивший на ярмарку, «канул, как камень в море».

Скупка хлопка в Азии начиналась приблизительно в сентябре, с каждым дальнейшим месяцем увеличиваясь. Кудрин до утверждения Товарищества стремился развить комиссионное дело и покупал наличный хлопок в Оренбурге, так как для скупки хлопка в Азии не имел нужных средств. С учреждением Товарищества началась скупка хлопка по всем городам, где были конторы Товарищества, но для скупки хлопка всегда требовалось много денег. А.Л. Лосев учел это положение, предложив Кудрину: «Я бы мог Товариществу помочь, внеся известную сумму на покупку, но с тем, что хлопок, купленный на эти деньги, поступает ко мне, за труды ваши уплачиваю установленный по соглашению процент комиссии; все расходы, как-то: очистка хлопка от орешков, прессовка, тара, провоз — ставятся мне в счет по действительной произведенной затрате. И Товариществу это будет очень выгодно!»

Кудрин с радостью ухватился за его предложение, и дело началось, постепенно увеличиваясь.

А.Л. Лосев, руководствуясь сообщениями Кудрина о ценах на сырец на рынках в Средней Азии, выходе из него волокна и принимая в соображение другие расходы, увидал, что польза от покупки будет немаленькая. Но он не доверял Кудрину, зная, что он не постесняется — в отместку за его чай — сделать так, что значительная часть ожидаемой пользы не попадет к нему в карман. И эти мысли Лосева угнетали, и он старался найти способ получить твердые данные, которые бы дали в будущем возможность оспаривать цифры, поставленные в его счета.

Ему это удается благодаря отъезду Кудрина в Оренбург.

В правлении — незадолго до окончания работ — оставалось только двое, я и Владимир Николаевич, подписывающий последние письма к отправке по назначению, вдруг открывается дверь и является Александр Лукич с веселым и радостным лицом и говорит: «Вот, как вы поздно занимаетесь! Я не предполагал кого-нибудь застать! Случайно был у своего знакомого в Троицкой гостинице, думаю: отчего не зайти? Делает вам честь, что вы так работаете». Подсаживается к столу Рогожина, достает портсигар, закуривает и предлагает Рогожину, говоря: «Табак чудный, высылает мне мой знакомый крымский табаковод». Любовно посматривая на В.Н. Рогожина, он начинает его расспрашивать о делах в Азии: как идут там закупки, по какой цене, почем обходится очистка сырца, прессовка, провоз.

Рогожин, не желая уронить себя в глазах директора, сообщает все то, что слышал от Н.П. Кудрина, не сообразивши, что сведения эти лишь

только ориентировочные, точных же отчетных цифр из азиатских контор не имеется. Лосев делает изумленное лицо и говорит: «Вы счастливец, у вас хорошая память, а я вот сейчас слышу, стоит мне выйти из конторы, все и забуду! Видно, что вы в будущем будете большим дельцом!»

В.Н. Рогожин, получая от него такие приятные реплики, выбивается из сил, чтобы всеми своими сведениями поразить Лосева; глаза у него разгорелись, лицо покраснело, как говорят — «ушки поехали на макушку», и это его положение можно было сравнить с крыловской вороной с сыром в клюве, заслушавшейся лестью лисы. Лосев подбавил ему еще разных комплиментов, тем усиливая настроение расходившегося Владимира Николаевича.

Из находящихся на столе чистых листов почтовой бумаги с бланком Товарищества Александр Лукич один пододвигает к Рогожину, мило улыбаясь, говоря: «Пожалуйста, напишите мне все это, а то я, как уйду от вас, все забуду: уже стал стареть, мне память изменяет». Рогожин почти все под диктовку Лосева записывает на бумаге, не пропуская своим вниманием ни одного слова.

Когда все это было написано, Лосев взял письмо, еще внимательно просмотрел, улыбнулся Рогожину и сказал: «Ну, вот теперь хорошо!.. Я буду помнить. Ах, да, впрочем, подпишите его и поставьте число и месяц, а то когда понадобится посмотреть это письмо, и не будешь знать, от кого оно». Рогожин исполнил его просьбу — подписал. Это письмо в дальнейшем повлекло к большим последствиям, дав убытку Товариществу несколько десятков тысяч рублей.

Из азиатских контор начали поступать счета на хлопок. Бухгалтерия правления, руководствуясь ими, выписала счета для Собинской мануфактуры, откуда они вернулись обратно с письмом, подписанным А.Л. Лосевым, с извещением, что счета не соответствуют действительным сведениям имеющегося у него документа от Товарищества за подписью В.Н. Рогожина.

По этому поводу было собрание правления, на котором присутствовал А.Л. Лосев, доставивший письмо Рогожина. Кудрин, прочитав его, возмущенным голосом сказал: «Эту записку, подписанную Рогожиным, можно рассматривать как ориентировочную, в ней написано все, что я вам лично говорил, и я указывал, что цены могут измениться». Вызванный Рогожин подтвердил слова Кудрина, уверяя, что давал Лосеву сведения только приблизительные.

Лосев, смотря на Кудрина своими стальными, злыми глазами, ответил: «Меня удивляет, что доверенный фирмы дает письма со своей подписью, на бланке Товарищества, с какими-то фантастическими сведениями. Я привык иметь дело с фирмами, имеющими солидных доверенных, и смотреть на их письма как на что-то серьезное, а не как на лепет ребенка, не знающего, что он делает».

В конечном результате Лосев добился скидки.

Вскоре после этого В.Н. Рогожин, видя к себе неприязненное отношение Н.П. Кудрина, оставил службу в Товариществе, и все его обязанности перешли ко мне[1].

Мне пришлось принять от Владимира Николаевича Рогожина кассу, в которой находилось на несколько десятков тысяч рублей купонов вышедших и невышедших[2]. Все вышедшие купоны я подсчитал и отправил в банк на текущий счет. Вечером, перед окончанием занятия, подсчитав кассу, увидал просчет в 1000 рублей. Это меня сильно взволновало. По произведенному розыску оказалось, что артельщик, которому я поручил снести в банк купоны, присвоил себе 1000 рублей, врученных ему обратно кассиром банка, как оказавшиеся лишними. Он же мне их не вернул. Раскрытый таким образом недочет меня весьма обрадовал; явившийся ко мне на квартиру артельщик повалился в ноги, прося его не губить; я его простил, только уволил со службы, но дал себе слово, что в продолжение всей моей жизни кассовые дела вести не буду *.

После ухода В.Н. Рогожина пришлось подписывать все письма, вести переговоры с покупателями, посещать их, наблюдать за кредитом покупателей, определяя их кредитоспособность, и вообще на моих плечах оказался весь внутренний распорядок по конторе. Дела оказалось много, но я не страшился и даже радовался.

Особенно мне приходилось трудно, когда Н.П. Кудрин жил в Оренбурге, а А.Л. Лосев серьезно захворал и даже не принимал никого по делам у себя в доме. От Кудрина я ежедневно получал письма, написанные на четырех и пяти страницах, и зачастую было по два, по три письма в день; одно из них он адресовал на имя правления, а другое — на мое.

*Когда мне пришлось познакомиться со Львом Николаевичем Толстым, его жена Софья Андреевна очень просила меня принять должность казначея в ее благотворительном учреждении, где она была председательницей. Я при всем моем желании оказать ей эту услугу принужден был отказать в ее просьбе, благодаря чему у нас произошло охлаждение в отношениях[3].

Однажды, придя с Биржи в контору — в то время собрания Биржи бывали от 4 до 5 часов вечера, — я углубился в перечитывание последних писем Кудрина, чтобы не пропустить чего-либо по его запросам. Вдруг от неожиданности я вздрогнул — от голоса Лосева, стоящего перед моим столом: «Здравствуйте, Николай Александрович, наконец мне доктора разрешили выйти! Вы читаете письма от Николая Павловича? Дайте мне их прочесть, что он там пишет?»

У меня вся кровь бросилась в голову, лицо вспыхнуло, как красный мак... я не знал, что делать, как быть. В этом письме на имя правления Н.П. Кудрин между деловых изложений позволил себе ругательски ругать А.Л. Лосева, уверяя, что он скоро подохнет и туда ему дорога; все эти и другие вставки, касающиеся Лосева, были крайне циничны и непристойны. Предполагаю, что Кудрин писал о Лосеве в письме к правлению, зная, что он не бывает в правлении из-за болезни, о чем я ему своевременно сообщал.

Я был поставлен в весьма неприятное положение требованием Александра Лукича дать ему прочесть письма. Если бы я дал ему прочесть, то, несомненно, получился бы большой конфликт: Лосев оставил бы должность директора, но весьма было бы нежелательно потерять такого умного и полезного человека в деле.

Я, еще более краснея, потупив глаза, ответил ему: «Позвольте мне прочесть письмо вслух, так как в этом письме имеются личные дела, касающиеся только меня; все, что касается меня, я выпущу, а что касается дела, я вам прочту».

Лосев посмотрел на меня своими злыми, стальными глазами и тихим, шипящим голосом проговорил: «Странно, в деловых письмах о личных делах писать не допускается!» Сухо простился и вышел из комнаты. Этот мой поступок Лосев не мог простить всю жизнь, хотя с виду был любезен и официально корректен. И имею основание предполагать, что он в одном деле, интересном для меня, повредил.

А.Л. Лосев и некоторые другие пайщики неоднократно указывали Кудрину на необходимость ему побывать в Азии, лицу, стоящему во главе дела и ни разу не побывавшему там. Кудрину ехать не хотелось, но замечания пайщиков он считал основательными, и ему пришлось поехать. Вся его поездка по Средней Азии продолжалась месяца три с чем-то. Срок весьма короткий для такой поездки, когда пришлось ехать на лошадях от Оренбурга до Ташкента, проехать всю Сырдарьинскую область, Фергану, бухарские владения и Туркмению до Асхабада.

Вернувшись оттуда, он был еще более очарован Азией и предстоящей ей будущностью. Почти во всех городах, где он останавливался, накупил недвижимостей для контор, амбаров и хлопкоочистительных заводов.

В Ташкенте познакомился с великим князем Николаем Константиновичем, сосланным туда государем за покражу фамильного бриллиантового колье у своей матери. Великий князь всучил ему какую-то свою недвижимость стоимостью в 75 тысяч рублей, от которой правление потом не знало как отделаться.

В Бухаре был принят эмиром[4], одарившим его разными подарками и, кроме того, подарившим 1000 десятин необработанной земли при впадении в Амударью какой-то горной речки (земля находилась в сорока верстах от города Чарджуя), но с условием, что она должна быть орошена в течение известных лет. Кудрин оценивал стоимость этой земли в миллион рублей.

Первое общее собрание пайщиков после возвращения из Средней Азии Кудрина отличалось многолюдством. На нем присутствовали почти все пайщики; всем была охота послушать Николая Павловича об этом малознакомом крае и о предполагаемом развитии там дел Товарищества.

Кудрин был в особом ударе, он превзошел себя. Все присутствующие с большим вниманием и напряженностью ему внимали, боясь пропустить слово. Описывая край с его богатствами, он как бы затрагивал в душах присутствующих слабую струнку купечества — алчность. Он говорил: громадные количества пустопорожней земли, с лёссовым наслоением в несколько саженей глубины, ждут только орошения из протекающей многоводной реки Сырдарьи, чтобы превратить эти земли в рай земной. Ему приходилось проезжать по этой земле, называемой Голодной степью, в первые теплые дни после зимы, когда земля была напоена влагой. Степь ожила: наполнилась чудной растительностью, пахучими красивыми цветами, с массою птиц, животных и насекомых. Воздух наполнился благоуханием и пением, все ожило и радовалось. Но продолжалось это чудо короткое время. Жгучее солнце скоро отняло у земли зимнюю влагу, и все поблекло и умерло до следующего года. Если оросить Голодную степь, то на ней можно посеять столько хлопка, что не только он удовлетворит нашу промышленность, но еще можно будет вывозить хлопок за границу. Кроме хлопка Средняя Азия может дать громадное количество сырца шелка, каракуля, кожи, шерсти, сала и разных минералов, признаки которых везде имеются.

Его рассказ об Азии продолжался довольно долго, и его увлечение передалось присутствующим, которые слушали, затаив дыхание, и по окончании его благодарили за понесенные им труды.

Недоброжелатели Кудрина, Лосев и Колесников, старались вставлять свои едкие замечания по поводу особого его увлечения, но успеха среди других пайщиков не имели, и они замолкли.

После собрания состоялся ужин в ресторане «Континенталь»[5] с тостами и речами, даже один из выдающихся купцов проплясал «Камаринскую» на столе.

Общим собранием пайщиков все его приобретения в Азии были одобрены и утверждены. На другой день после общего собрания пайщиков в правлении дело закипело: начались проектирование построек домов, заводов, набор служащих. Старший персонал был приглашаем Н.П. Кудриным, мне же был поручен наем служащих на мелкие должности, таковых было весьма трудно находить, так как в то время желающих ехать туда было мало.

Кудрин понимал, что найти опытных и хороших агрономов для работы на земле, подаренной Товариществу эмиром, было чрезвычайно трудно. Кто согласится ехать в глушь, с изобилием хищников, тигров, рысей, кабанов и других тому подобных, с ближайшим расстоянием от жилья в сорок верст? Ему пришла мысль найти среди молодежи, оканчивающей в этом году курс в Петровской земледельческой академии[6], находящейся близ Москвы в местечке Петровско-Разумовское. Куда он и поехал, предложив мне с ним прокатиться вместе.

В то время в академии был директор г-н Юнг[7], известный тем, что по профессии был глазным врачом, а по протекции попал в директора высшего агрономического заведения. К нему Н.П. Кудрин и направился. Г-н Юнг принял нас довольно сухо и, когда отрекомендовались, указал на стулья, но руки не протянул.

Николай Павлович изложил ему цель нашего посещения, с указанием значения в будущем этого дела для государства. Причем когда он все это говорил, то не стеснялся величать его «Вашим Высокопревосходительством». Я пристально смотрел в лицо директора, предполагая, что таковое неподобающее ему титулование не будет ему приятно, но, к моему удивлению, лицо Юнга сделалось гораздо любезнее и он посматривал на нас с большим доброжелательством. Выразил полное согласие приискать между оканчивающих студентов достойных людей, готовых

поработать ради идеи. Проводил нас до передней и на прощание крепко жал нам руки.

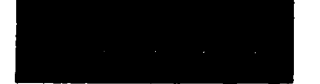
Едучи обратно в Москву, я сказал Кудрину: «Я думал, что директор на вас обидится: вы его высоко титуловали!» — «Нет, — ответил Кудрин, — чиновники на это не обижаются, они об этом мечтают!»

Присланные агрономы оказались лучше, чем мы могли ожидать (один из них имел диплом доктора и диплом агронома), и ехали в Среднюю Азию с большим удовольствием и увлечением.

Среди молодежи, приглашаемой мною на должности конторщиков, приемщиков, был взят Голиков, лет ему было двадцать с чем-нибудь, довольно высокого роста, с прыщавым лицом, красным носом, с плохим серым цветом лица, — словом, красотой не блистал!

Через несколько дней после его отъезда в Оренбург получили письмо оттуда из конторы, в котором доверенный сообщает, что еще Голиков не приехал в Оренбург, как местный полицмейстер[8] вызвал внезапно его к себе и строго приказал: как только явится Голиков в контору за деньгами для дальнейшего путешествия в Азию, то немедленно его препроводить к нему, что было исполнено. Оказалось, что этот молодой человек увлек с собой молодую красивую барышню, дочку известного биржевого маклера Петра Гавриловича Кречетова. Роман у них начался с какого-то любительского спектакля. Барышню эту я знал по даче, где мы жили рядом с ними. Она была красивая брюнетка, с великолепным цветом лица, хорошо сложенная, и только можно было удивляться, как она могла влюбиться в этого «глиста», как он был назван кем-то по уходе его из правления с подписанным договором. Огорченный отец, узнав об их отъезде в Азию, обратился к московскому обер-полицмейстеру[9] с просьбой задержать его дочку в Оренбурге, с возвращением обратно в Москву.

Какие меры были приняты оренбургским полицмейстером с целью разъединить влюбленных, мне неизвестно, но Голиков уехал в Азию, а она в Москву. Но это событие произвело между скромными провинциальными тружениками оренбургской конторы большую сенсацию.

ГЛАВА 5

Вскоре после общего собрания пайщиков Н.П. Кудрин собрался ехать в Петербург для передачи письма от великого князя Николая Константиновича его матери великой княгине Марии Павловне, врученного ему великим князем с поручением передать лично в руки матери. Все письма великого князя проходили через руки генерал-губернатора[1], прочитывались, а ему было нужно ей написать, чтобы все осталось между ними, не попадая в цензуру. Г.К. Гофмейстер взялся сопутствовать Кудрину в Петербурге, так как отлично понимал, что добраться Кудрину к великой княгине без солидной протекции не придется. Гофмейстер познакомил Кудрина с Долгоруковым и, как я уже писал, с Воронцовым-Дашковым, а через них и со всей царской семьей, после чего ему доставить письма к великой княгине Марии Павловне не было трудно.

Эта первая поездка Кудрина в Петербург была очень долгая; вернувшись в Москву, где пробыл несколько дней, он опять уехал в Петербург. По случаю его долгих отлучек все текущее дело легло на мои плечи, и мне пришлось окунуться в дела с головой.

Продажей хлопка занимался я, но для продажи других товаров, както: шелка-сырца, сырнока, шерсти, кожи, каракуля — был бухарец Хусеин Шагазиев. Ему было лет около пятидесяти, роста был небольшого, имел выпуклый упрямый лоб, с жидкой растительностью на лице, скуласт. Одевался по-европейски, на голове носил чаплашку[2]. Вид у него был щеголеватый: в галстуке булавка с большим бриллиантом, на указательном пальце перстень с таким же бриллиантом, на жилете висела толстая золотая цепочка с брелоками. По-русски говорил довольно хорошо, с небольшим акцентом. Был о себе большого мнения и не любил, когда ему в его делах приходилось делать замечания, даже в очень мягкой форме. Когда был доверенным В.Н. Рогожин, мне неоднократно приходилось слышать, как Шагазиев на него покрикивал и ни во что его не ставил. Происходило это оттого, что он считался лучшим специалистом по каракулю и ему бухарцы чрезвычайно доверяли и его любили. Когда малокультурный азиат почувствует, что его считают необходимым

лицом в деле, то с таковым весьма трудно иметь дела и неприятно: он делается как лошадь без узды.

Когда Шагазиев попал первый раз в Москву, то кто-то вздумал свести его на балет в Большой театр. Это зрелище его ошеломило, как он мне сам рассказывал: сотни красивых полураздетых женщин, изящно танцующих под аккомпанемент чудной музыки, поражающий блеск от освещения, от нарядных дам, с угнетающим запахом духов. Все это вскружило ему голову, он схватил ее руками, предполагая, что сошел с ума: ведь это чистая иллюзия магометанского рая с гуриями[31]! Этот спектакль решил его участь. Он бросил Бухару, семью и навсегда поселился в Москве. Сначала занимался маленьким комиссионерством, водя своих соотечественников по фабрикантам в качестве переводчика, потом начал продавать каракуль, научился в нем разбираться и наконец попал к Кудрину в приказчики с жалованьем 6 тысяч рублей в год.

Тратил большие деньги на женщин, имел красивых и нарядных жен-дам.

Однажды он пригласил меня обедать. Хозяйка была молодая, красивая, усыпанная дорогими бриллиантами, держала себя скромно и солидно. Было заметно, что она на него имела большое влияние и он ей ни в чем не отказывал. Не прошло после этого обеда месяца, как мне пришлось услыхать: Шагазиев по каким-то своим делам должен был уехать из Москвы на несколько дней, во время его отсутствия жена его покинула, увезя всю обстановку и все бриллианты. Сначала он убивался, но скоро утешился другой, такой же красивой и молодой.

Ведя такую жизнь, нужно было иметь много денег, а потому получаемое жалованье и другие его заработки навряд ли могли покрыть эти траты на красивых дам. Естественно, я начал вникать в его дела с особой внимательностью, но делал это с крайней осторожностью из-за боязни ухода его из Товарищества: другого опытного продавца было трудно найти; знал, что Кудрин им дорожит.

Как-то разговаривая с Кудриным, я ему высказал по этому поводу свои сомнения относительно Шагазиева, на что он мне ответил: «Дорожить Шагазиевым не следует, а потому не считайтесь с ним особенно; он желает открыть свою торговлю и ведет переговоры с Шимко и Зыбиным». Эти слова Николая Павловича развязали мне руки для более самостоятельного действия.

Сезон с товарами, находящимися под заведованием Шагазиева, кончался, вследствие чего у меня с ним и не могли быть особые недоразу-

мения, но я принял со своей стороны некоторые меры, чтобы по возможности изучить товары и поближе познакомиться с покупателями, для чего взял за правило по возможности чаще посещать амбар, где складывался товар и происходила продажа. Мои частые посещения не особенно были приятны Шагазиеву, он относился ко мне в довольно небрежном тоне, стараясь по возможности игнорировать меня. С весны 1888 года начал подходить в большом количестве хлопок-сырец. Имевшийся амбар, больших размеров, на Ильинке в Старом Гостином дворе[4] был переполнен сверху донизу, пришлось снять другой такой же рядом, и он быстро наполнился шелком. В начале прихода шелка цена ему стояла 400 рублей с чем-то за пуд, но, ежедневно понижаясь, дошла наконец до 100 рублей.

Даже мне — неопытному и мало сведущему в торговле — бросалась в глаза такая ненормальность и неумение (а вернее — желание повредить Товариществу) со стороны Шагазиева избежать такого быстрого понижения цены. Покупатели, видя громадный приход шелка, не спешили им запасаться, предпочитая покупать ежедневно небольшими партиями, в размере дневной их потребности, причем ежедневно выторговывая по пяти и десяти рублей в пуде.

Я заметил Шагазиеву, что продавать шелк по такой убыточной цене невозможно, нужно для этого принять какие-нибудь меры. И это мое замечание уже довело его до белого каления; он покраснел, с пеной у рта начал уверять меня, что ему, опытному и почтенному продавцу, не приходится учиться у молодых людей, еще ничему не научившихся, что замечания мои его оскорбляют и он уходит из Товарищества; предполагаю, что он выбрал время для ухода из Товарищества самое удобное для себя, так как это случилось вскоре после кончины Н.П. Кудрина и будучи уверен, что я не справлюсь с делом. К Шагазиеву мне придется в будущем еще вернуться в дальнейших моих воспоминаниях.

Помощником у Шагазиева был молодой татарин Мухамед-Амин Кашаев, как его называли «малайка», в переводе на русский — слуга, приказчик. Кашаев мне нравился, имел открытое, честное лицо, выглядел интеллигентным человеком, хотя был почти без образования; он при Шагазиеве работал два года, а потому я был уверен, что он в это время мог изучить дело, присутствуя с утра до вечера в амбаре. Я его и поставил вместо Шагазиева, приказав ему съездить в Кокоревское подворье[5] и снять там амбары, после чего ежедневно по окончании торговли и за-

поре нашими соседями своих амбаров перевозить в «Кокоревку» ежедневно по пяти—десяти кип шелка, причем строго-настрого приказал Кашаеву и артельщику Лебедеву никому о таком перемещении не передавать, даже нашему бухгалтеру, а говорить, если кто будет расспрашивать, что шелк продается, а потому и убавляется.

Было все хорошо и точно исполнено; покупатели, видя уменьшение количества шелка, начали покупать в большом количестве, а я же с каждым днем прибавлял цену и довел ее опять почти до 400 рублей.

ГЛАВА 6

По случаю продолжительных отсутствий из Москвы Н.П. Кудрина мне пришлось ежедневно посещать наших покупателей — фабрикантов-прядильщиков; из них у меня осталось особенно в памяти Товарищество Каретниковых, старая и богатая фирма, во главе которой в то время стояли двое братьев, сравнительно еще молодых людей, Иван и Степан Васильевичи Каретниковы, с высшим образованием. Они мало занимались своим делом, поручив ведение его доверенным; одно это не могло служить к преуспеянию Товарищества, и оно постепенно регрессировало. В свою лавку директора приезжали поздно и оставались там мало времени; мне однажды по какому-то делу на Нижегородской ярмарке было необходимо их видеть, и один из их артельщиков, расположенный ко мне, посоветовал: «Приходите в три часа, они в это время только пьют утренний кофе». Действительно, я в это время их застал. Между тем работа на ярмарке начиналась рано, и, когда начинало темнеть, работа руководителей дела кончалась.

Мне рассказывал Н.П. Кудрин интересный случай, бывший с ним во время его молодости, когда он работал у своего первого хозяина в Оренбурге, принужденного уехать куда-то далеко по делам, поручив Кудрину во время его отсутствия управлять делом. В это время получается от Каретникова, отца нынешних директоров[1], телеграмма с поручением купить 5 тысяч кип хлопка, с переводом для этого несколько десятков тысяч рублей. Кудрин немедленно приступил к исполнению его поручения и купил 5 тысяч кип хлопка, приблизительно 40 тысяч пудов, после чего ему телеграфировал: «5 тысяч кип хлопка купил, переводите немедленно остальные деньги для расчета». От Каретникова получил ответ: «Поручил купить 5 тысяч пудов, почему купили 5 тысяч кип?» Кудрин снял копию с его телеграммы, засвидетельствовал ее у нотариуса и послал почтой, уведомив его об этом телеграммой; как оказалось, это случилось по оплошности телеграфа.

Этот случай произошел как раз по объявлении англичанами блокады берегов Америки, во время войны Северо-Американских штатов[2]. На-

чавшаяся блокада сильно подняла цены на хлопок, дошедшие до небывало высокой цены. Каретников, конечно, немедленно перевел все деньги за 5 тысяч кип хлопка.

Вернувшийся хозяин Кудрина послал его на ярмарку сдавать Каретникову отправленный хлопок. Кудрин, явившись к Каретникову, привез показать ему подлинную телеграмму, где значилось 5 тысяч кип, а не пудов. Каретников заключил Кудрина в свои объятия, расцеловал его и вручил ему пакет, сказав ему: «Это тебе подарочек!» В пакете лежало на 5 тысяч рублей новеньких серий с необрезанными купонами. Оказалось, что от этой ошибки на телеграфе Каретников нажил несколько миллионов рублей.

Вторая фирма, наша большая покупательница, была Товарищество Викула Морозова с сыновьями. Хозяином этой фирмы был старообрядец-беспоповец[3] Викул Елисеевич Морозов. В мое время возглавлял эту фирму как деятель некто Иван Кондратьевич Поляков, выдающийся по уму и другим своим качествам коммерсант. Поляков был высокого роста, довольно плотный, совершенно плешивый, с ясными, лучистыми глазами, невольно притягивающий к себе людей, заставляя ему подчиняться; имел твердый, настойчивый характер и имел способность быстро ориентироваться во всех трудных вопросах. Карьера его началась со сторожей у ворот фабрики Викула Елисеевича; его жена Ненила Карповна в дни простоя фабрики мыла там полы и окна. Они были молодые, только что поженившиеся. Викул Елисеевич Морозов был большой любитель слушать чтение Священного писания на церковно-славянском языке, и кто-то из его старших служащих сообщил: новый молодой сторож при воротах фабрики хорошо читает, очень внятно и толково. Хозяин велел позвать Ивана. Его чтение ему очень понравилось, и он велел управляющему фабрикой поместить его в корпус на какую-то небольшую работу.

Поляков постепенно двигался все выше и выше, наконец за смертью старого управляющего был поставлен на его место, где в короткое время сумел показать себя: сравнительно неважное дело превратил в одно из передовых. После того, как В.Е. Морозов свое личное дело превратил в товарищество с правлением в Москве, И.К. Поляков был выбран директором, оставаясь в деле вплоть до передачи его Советскому правительству.

И.К. Поляков пользовался большой популярностью как среди своих конкурентов-фабрикантов, так и между своими многочисленными по-

купателями, имевшими к нему особое доверие. Случалось ли какое-нибудь несчастие или затруднение в делах, все спешили к нему за советом, зная, что он мудро и полезно даст им его.

Многие из его покупателей, не справившиеся со своим делом по сложившимся неблагоприятным для них условиям, обращались к нему, и он их успокаивал и давал советы, которые почти всегда были в их пользу[4].

Многие из недобросовестных покупателей, желая поскорее составить состояние, приходили к нему, объясняя свое тяжелое положение какой-нибудь неблагоприятной для них причиной, с просьбой получить за задолженную ими сумму вместо полного рубля 10%, другие 20, 30% и т.д. Если этого нельзя было сделать без общего собрания всех кредиторов, то просили Ивана Кондратьевича выступить в защиту их на собрании, зная, что к его голосу большинство фабрикантов прислушиваются и делают по его совету.

С годами число таких неплательщиков много увеличилось, и в большинстве случаев это были такие, которые желали бы поскорее обогатиться за чужой счет. Конечно, от Ивана Кондратьевича — большого ума и опытности человека — не могло все это скрыться, и он, преследуя личные интересы Товарищества, где он работал, начал извлекать для Товарищества пользу; так, давая обещание выступить в защиту неплательщика на собрании, он говорил ему: «Ты предлагаешь 20%, хорошо! А нашей фирме дашь 50%, тогда я буду за тебя просить, а иначе не согласен!» Понятно, большинство соглашались на такое предложение.

Один из крупных оптовщиков мануфактурист Василий Семенович Федотов вздумал увеличить свой капитал за счет своих кредиторов, обратился к И.К. Полякову и получил от него согласие на известную скидку с тем, что тот будет поддерживать его на собрании кредиторов. Федотов успокоился, предполагая, что его дело — в шляпе, и принял при разговоре с одним из крупных кредиторов, Николаем Давидовичем Морозовым, еще сравнительно молодым человеком, довольно небрежный тон. Н.Д. Морозов, директор Богородско-Глуховской мануфактуры, талантливый, энергичный и красноречивый, выступил на собрании кредиторов как раз против предложения Полякова, с требованием назначения конкурса над делом Федотова, чтобы этим раз и навсегда отвадить других неплательщиков от посягательства на деньги кредиторов[5]. Общее собрание с доводами его согласилось, и над делом Федотова был учрежден конкурс[6].

Конкурс был проведен скоро и весьма успешно для всех кредиторов, получивших полностью свой долг, и это, кажется, было впервые в продолжение моей жизни, когда при конкурсе никто не потерял из кредиторов, но Федотов был жестоко наказан *.

Третьей фирмой, с которой нашему Товариществу пришлось иметь большие дела, была Реутовская мануфактура, принадлежащая миллионеру Мазурину[7]. Мазурин был совершенно молодым человеком, но о нем говорили, что он отличается большими дарованиями. Делом не занимался, предоставив вести его Герасиму Сергеевичу Герасимову[8], весь-

*В.С. Федотов представлял из себя довольно интересный тип купца, вышедшего из приказчиков и достигшего хорошего благосостояния, но корысть с желанием положить к себе в карманчик лишний миллиончик погубила его.

Федотов был среднего роста, плешивый, с черными глазами, старающийся не смотреть вам в глаза; при встречах он поднимал веки, быстрым взглядом осматривал вас, сейчас же опускал их; такой же взгляд приходилось наблюдать у некоторых женщин, применяемый ими как особый род кокетства. Он был крайне нервный; когда он говорил с вами, поднимал глаза к небу, руки тоже, чтобы засвидетельствовать правоту свою, а если этого было, по его мнению, мало, он изливал слезу, бил себя в грудь. Вся его фигура, весь вид его с его жестами, слезами были какие-то неестественные, и ему особенно не доверяли, называя его за глаза Васька Федотов, говоря: «Этот Васька все-таки когда-нибудь пригласит нас на "чашку чая"». У купечества «чашка чая» означала собрание кредиторов с предложением скидки. И это мнение оказалось совершенно правильным; он своевременно, перед приглашением на «чашку чая», перевел на свою жену свои два дома, стоимость которых приблизительно была около 300 тысяч рублей, положил на ее имя в банк капитал тоже 300 тысяч рублей и был уверен, что он этим себя обеспечил на «черный день». Но оказалось, как говорят, «человек предполагает, а Бог располагает»!

Когда конкурс осуществился, жена его выпроводила его из своего дома, сошлась с каким-то доктором и зажила на доходы с домов и капитала. Федотов, оскорбленный, разоренный, чтобы существовать, заделался биржевым «зайцем» и занимался комиссионерством, захаживал ко мне с разными предложениями. Однажды, во время такого прихода, он, бледный, с блуждающими от волнения глазами, войдя ко мне, сел на стул, схватив себя за голову, упал на стол и зарыдал. Рыдания его — я чувствовал всей душой — были искренние, а не лукавые, как приходилось ему проделывать раньше для получения каких-либо выгод; он действительно страдал. Вода и валерьяновые капли привели его к более спокойному состоянию, он извинился за причиненное беспокойство и рассказал: «Вам известно, что я лишился всего состояния, любимого дела, покинутый женой, но это, как ни больно было для меня, я перенес. У меня была единственная дочка, которая была для меня дороже всего. Выдавая замуж, наградил ее пятьюдесятью тысячами рублей, столько же дал ей бриллиантов и приданого; когда бы она ни приходила бы ко мне, я всегда дарил что-нибудь, спрашивал ее: «Не нужно ли чего тебе?» Она для меня была радость и любовь, я жил для нее, и она была для меня все! Идя к вам у Ильинских ворот, я вижу ее идущую мне навстречу. Можете представить мою неожиданную радость! Я спешу к ней... она же, увидав меня, повернула в сторону, сделав вид, что не желает со мной говорить. Это было уже сверх сил моих!» Вскоре после этого случая он скончался.

ма почтенному и солидному человеку, выделившемуся из среды старших работников Мазурина. Герасимов оставался в деле до конца своей жизни; вскоре после его кончины Мазурин продал свою мануфактуру за дешевую цену какому-то обрусевшему немцу[9] за миллион рублей. После моего состоявшегося знакомства с Г.С. Герасимовым, представленный ему Н.А. Найденовым, я предложил ему купить хлопка, но получил от него такой ответ: «С делом, где во главе стоит Николай Павлович Кудрин, которому совершенно не доверяю, я не желаю иметь никаких дел!»

Получив такой категорический отказ, придя в контору, передал Николаю Павловичу в мягкой форме слова Герасимова, что он никогда в Товариществе не купит хлопка, так как имеет что-то против него. На другой день на Бирже я заметил Кудрина, разговаривающего с Герасимовым, лицо которого не обнаруживало приятного расположения, и подумал: отлетит от него Николай Павлович — долго будет помнить!

В конторе я застал пишущего Кудрина, передавшего мне ордер на продажу двух тысяч кип Реутовской мануфактуре, причем добавил: «Кроме того, через две недели он купит у вас еще столько же, не забудьте!»

С этого времени Реутовская мануфактура сделалась большим покупателем кудринского Товарищества и пайщиком его, с дружеским отношением Герасимова к Кудрину. После чего я Н.П. Кудрина начал считать неотразимой сиреной.

Говоря о Мазурине, я не могу не передать того, что мне пришлось слышать об этой семье; хотя все эти воспоминания не относятся к периоду начала моей работы в Товариществе «Н. Кудрин и К°», но я решил вставить здесь, отдельной главой, чтобы в дальнейшем не возвращаться к этому.

ГЛАВА 7

Думать, что что-либо невозможно лишь вследствие
того, что оно кажется нам непонятным,
есть самосомнение человеческого невежества.
Поэтому нельзя отрицать возможность чуда
как чего-то нам совершенно непонятного.

«Сила и материя (Kraft und Stoff)» проф. Mendsley[1].

С 1888 года по 1902 год мне приходилось бывать в правлении Реутовской мануфактуры, помещавшемся в полуподвальном этаже роскошного особняка Мазурина на Мясницкой улице[2], но за все это время ни разу не пришлось встретиться с хозяином этого дела; как предполагаю, Мазурин мало интересовался своим делом. Между тем мне очень хотелось повидать Мазурина и познакомиться с ним, из-за рассказов моей матушки о родоначальнике этой семьи, с которого началось особенное денежное благополучие этой фамилии.

Этот жуткий рассказ мне пришлось много раз слышать еще с самого раннего детства, и он удержался у меня в памяти до глубокой старости. Кроме того, что я слышал от своей матушки, мне пришлось от одного моего знакомого получить печатную брошюру[3], где описывалось все то же, но с большими подробностями, кончавшееся смертью этого Мазурина[4]. Я постараюсь рассказать, как это у меня сохранилось в памяти.

Матушка относила это событие к 1845 году[5], когда ей было тринадцать лет. Она была взята родителями на это необычайное зрелище на улицу Покровку, где жил Алексей Мазурин, которого вели из дома в Казанский собор[6] для принесения клятвы в правоте своих показаний на суде.

Покровский дом Мазурина находился рядом с церковью Воскресения в Барашах[7], известной тем, что императрица Елизавета после своего венчания с графом Разумовским в селе Перове приехала в церковь Воскресения в Барашах и отслужила благодарственный молебен. По случаю этого события на церкви была водворена глава в виде короны с крестом,

каковая была снята во время революционного времени в 1932 году и церковь упразднена.

Двухэтажный особняк Мазурина стоял в глубине большого двора, сзади его находился сад, а по бокам двора размещались флигели для жилья приказчиков и амбары для склада товаров[8].

Дом этот был продан Мазуриными приблизительно в 1888—1890 годах моему знакомому, сибирскому купцу Евстафию Ефимовичу Емельянову, который изменил ему вид некоторыми пристройками и украшениями. До этого он был мрачного вида, окрашенный в желто-грязноватый цвет.

Мазурина считали за умного и предприимчивого купца, пользующегося известностью среди московского купечества; особенно с ним дружил один богатый грек (фамилию забыл, но Н.П. Сырейщиков, любитель хроники из жизни московского купечества, мне называл Баюкли[9]), занимающийся скупкой сибирских мехов, продавал их в Лондоне и, кроме того, торговал жемчугом, бирюзой и другими драгоценными цветными камнями, привозимыми из Индии. Дружба Мазурина с греком с каждым годом укреплялась, и они решили побрататься между собой, то есть поменяться крестами, надетыми на них во время крещения, и после чего считали себя родными братьями. Начиная какое-нибудь дело, всегда советовались друг с другом и в тяжелые годы поддерживали взаимно деньгами.

Грек, скупивший достаточное количество мехов, собирался поехать в Лондон, а оттуда поехать в Индию для пополнения своего ассортимента драгоценных камней, зашел перед отъездом к Мазурину с просьбой взять на хранение его драгоценности, коих у него было на значительную сумму, опасаясь оставлять их в своем деревянном доме в Успенском переулке[10], говоря: «Избави Бог, пожар!.. все сгорит, а у тебя дом и амбары каменные, хорошо охраняемые, да, кроме того, жена моя сравнительно молодая женщина, чего не бывает... все возможно, увлечется и может растратить!»

Мазурин с охотой согласился исполнить его просьбу.

В день отъезда грек привез ларец, наполненный драгоценностями, и передал их Мазурину в его кабинете в присутствии его десятилетнего сына, случайно пришедшего к отцу.

Кроме того, грек, вручая ларец, передал Мазурину сумму денег, по его мнению, достаточную на прожитие его жене с двумя дочерьми в

течение двух лет, говоря: «Я рассчитываю совершить поездку в год, но, может быть, задержусь, так на всякий случай даю на два, чтобы моя семья ни в чем не нуждалась за мое отсутствие». Трогательно простились, и грек уехал.

Греку благополучие сопутствовало во всех делах: в Лондоне меха продал по высокой цене, нашел скоро отходящий корабль в Индию, в Индии накупил подходящие драгоценности, сел на корабль для обратного путешествия в Лондон.

Но вскоре счастье ему изменило: корабль попал в сильный шторм, понес аварию и пошел со всеми людьми и товарами ко дну. Спасшихся было мало, но одним из них оказался грек, уцепившийся за какой-то обломок корабля, с которого был снят — в бессознательном состоянии — на корабль, идущий из Европы в Индию. Его, еле живого, доставили в какой-то порт и поместили в больницу, после долгого пребывания в больнице был выпущен и очутился на воле без средств и знакомых. Принужден был обратиться к английскому консулу с просьбой отправить его в Россию, но получил отказ, после чего побывал у всех консулов других государств и везде получил отказ.

К его благополучию, во французском консульстве был назначен новый консул, к которому он обратился, уверяя его, что он богатый человек и все расходы по его проезду и содержанию будут уплачены по возвращении в Россию. Лицо грека консулу показалось симпатичным и рассказ его правдоподобным, и он дал ему возможность выехать на корабле, идущем во Францию, откуда он через русское посольство перебрался в Москву.

Грек, прибывший в Москву, откуда он выехал более трех лет назад, поспешил в свой дом на Покровке, в Успенском переулке. Увидал, что дом сгорел, остались горелые стены и разрушенные печки. Пошел к своему приходскому священнику, но не застал дома, тогда зашел к псаломщику. Псаломщик, увидав вошедшего грека, сильно перепугался, счел за призрак и с испуга начал креститься и читать заклинающую молитву, но греку в конце концов удалось успокоить перепуганного псаломщика, убедив его, что он не выходец из загробного мира, после чего псаломщик рассказал, что его считали давно умершим и церковь молится за упокой его души. Его жена и дочки живы, живут на Швивой горке[11], открыли прачечную, трудами своих рук добывают себе на прожитие; после того, как дом его сгорел через два года после его отъезда,

оставленные им Мазурину деньги были израсходованы и он дальше отказался давать.

Отправился к жене, подтвердившей все сказанное псаломщиком.

Грек, возмущенный поступком побратима, пошел к нему. Войдя в кабинет, увидал сидящего Мазурина за письменным столом, что-то читающего. Мазурин поднял глаза, увидал стоящего перед ним грека, от неожиданности вскрикнул.

Не сомневаюсь, что у Мазурина в голове блеснула, как молния, мысль: сознаться!.. но это не укрепит старую дружбу, потерянную навсегда; так не лучше ли сказать, что никаких ценностей не брал, и они останутся у него навсегда, а притом они так хорошо и выгодно им пристроены.

Произошел крупный разговор, кончившийся тем, что Мазурин сорвал с себя крест и швырнул его в грека со словами: «После твоих вымогательств и лжи я тебе не брат!»

Начался судебный процесс. Грек показал, что он привез Мазурину ларец с драгоценностями и вручил ему при его малолетнем сыне. Вызванный сын показал: ларец он видел, но, что в нем было, ему не известно.

Дело тянулось долго, прошло все инстанции, и, понятно, оказался тот прав — по суду того времени, — кто богат и силен. После проигрыша греком дела Мазурин привлек его в свою очередь к суду за вымогательство. И суд бывшего друга Мазурина присудил в тюрьму. Мазурин был уверен, что ему оттуда уже не выбраться.

В этом году была назначена Николаем I ревизия московских тюрем. Производил ревизию какой-то генерал-адъютант, назначенный лично государем. Обходя тюрьму, генерал расспрашивал некоторых заключенных, имевших жалобу, и таким образом греку удалось подробно рассказать все свое дело, причем он сказал: «Я знаю, что пересмотр моего дела вторично не может быть, но я бы был совершенно доволен, если Мазурина заставят принять клятву перед крестом и св. Евангелием, что он ларца с драгоценностями не брал; если он это исполнит, я готов остаться в тюрьме на всю жизнь».

Грек, с его исстрадавшимся лицом, умными и добрыми глазами, генералу понравился, и он обещал доложить о его деле государю и сообщить его просьбу.

При докладе государю генерал исполнил просьбу грека, причем указал, что он своим видом внушает доверие и не похож на вымогателя.

Резолюция государя была такова: грека из тюрьмы освободить, а Мазурина привлечь к принесению клятвы перед крестом и св. Евангелием, что он драгоценности не присваивал.

Распоряжением московского начальства принесение клятвы было обставлено чрезвычайно торжественно. В двенадцать часов ночи Мазурин должен выйти из дома босым, одетым в саван, перепоясанный веревкой, со свечой из черного воска в руке. Перед ним шло духовенство в черных ризах, несли крест и св. Евангелие; это шествие по бокам сопровождал ряд монахов в мантиях, тоже со свечами в руках. Находящиеся по пути следования церкви печально перезванивались, как это обыкновенно делалось во время перенесения праха священника на место постоянного упокоения.

Путь шествия был по Покровке, Маросейке, Ильинке, Красной площади до Казанского собора.

Это картинное зрелище — борьбы житейских выгод мира с чувством совести — было чрезвычайно тяжелое и потрясающее; многие слабонервные плакали.

Площади и тротуары были усыпаны народом, собралась смотреть вся Москва.

Мазурин шел бледный, утомленный, с потупленными в землю глазами.

В соборе священник сказал слово, предупреждая Мазурина о страшном гневе Божьем на клятвопреступников, могущих ожидать кары Божьей не только в будущем мире, но она может последовать здесь, на земле. Просил приступить к клятве с полным сознанием святости совершаемого.

Мазурин поклялся, что ценностей не присваивал, и немедленно уехал в ожидавшей его карете.

Вскоре после этого грек серьезно захворал. Предчувствуя близость смерти, он попросил одного из своих друзей сходить к Мазурину и передать ему, что он умирает. Он от него ничего не ищет и ничем житейским не интересуется, а лишь имеет одно желание: умереть истинным христианином, примириться со всеми, чтобы уйти отсюда без злобы и ненависти и не оставить у других такого же чувства. Мазурин не поехал. Грек скончался.

Друзья Мазурина советовали поехать на похороны, говоря: «Тебя осудят, если не поедешь, ты был долгое время с ним дружен!»

Мазурин приехал на отпевание. В конце отпевания, когда все близкие подходили к усопшему и прощались, при трогательном пении молитвословия, бьющем по нервам мотивом: «Зряще безгласна... и целуйте мя последним целованием...», Мазурин тоже подошел к гробу и нагнулся, чтобы поцеловать руку покойника. Случилось очень редкое явление: в трупе получился разрыв артерии, обыкновенно сопровождающийся сильным шумом, наподобие шума от разорвавшейся бутылки, наполненной жидкостью с газами. Мазурин как-то неестественно откачнулся, бледный, с блуждающими глазами выбежал из церкви. Домой вернулся уже сумасшедшим человеком, оставшимся до конца жизни таковым.

Вскоре умер и Мазурин. На похороны собралась масса народа, и невольно бросалось в глаза надетое покрывало с половины лица от носа покойника, чего обыкновенно не бывает. Оказалось, что пришлось это сделать по необходимости из-за выпадения языка наружу. Цвет его был темно-синий, размером громадный. Видевшие труп Мазурина без покрывала вспоминали об этом с трепетным ужасом. Народная молва приписывала тяжелую болезнь Мазурина и его ужасную смерть Божьему наказанию за его проступок и утверждала, что весь его род до седьмого колена понесет наказание.

Моя трудовая жизнь, начавшаяся с двадцатитрехлетнего возраста, проходила между крупным московским купечеством, где в среде их встречались отростки из семьи Алексея Мазурина. Естественно, меня интересовали эти семьи как могущие в некоторой степени подтвердить народное поверье, что проступки предков против законов духовного мира бывают наказуемы до седьмого колена.

Все, что мне пришлось слышать и видеть, расскажу здесь.

В 1865 году было большое нашумевшее уголовное дело: один из потомков А. Мазурина убил на своей квартире в своем доме по Златоустинскому переулку (потом этот дом был куплен Бахрушиными) купца бриллиантами и ограбил его.

Убийство было произведено Мазуриным в тот вечер, когда его сестра Варвара Федоровна бракосочеталась с известным московским купцом Михаилом Андреевичем Чернышевым; после венчания был многолюдный бал. В то время, когда гости встречали в зале второго этажа новобрачных с бокалами шампанского, поздравляя их, в первом этаже брат невесты разрезал труп убитого им купца на части, пряча их в сундук. Преступление открылось[12]. Мазурина судили и приговорили к смертной казни.

Казнь должна была происходить на Калужской площади. Лица, ходившие смотреть на ожидаемую казнь, видели мать убийцы[13], сопровождавшую всю дорогу своего сына, сидящего на телеге спиной к лошадям, с прикрепленным на груди плакатом с указанием его проступка. Мать шла с потупленными в землю глазами. С этого дня она никогда и никому не смотрела в глаза, вплоть до своей смерти.

Смертная казнь после прочтения приговора была заменена наказанием плетьми и ссылкой на каторжные работы.

Во времена моего детства в моей семье был постоянным врачом Юлий Петрович Гудвилович, навещающий нас даже тогда, когда никто не хворал; приглашаемый к чаю, он почти всегда рассказывал о разных случаях, бывших с ним в жизни. Он рассказывал о семье Мазуриных, где он тоже был домашним врачом, и знал убийцу еще с детства. Однажды тот захворал какой-то серьезною болезнью, которая все осложнялась и ухудшалась. Гудвилович посоветовал родителям созвать консилиум, боясь на себя одного брать ответственность. Консилиум состоялся из нескольких известных докторов, возглавляемых профессором. Консилиум определил безнадежность больного мальчика и приговорил к неминуемой смерти. Профессор, уезжая и видя состояние матери, посоветовал Гудвиловичу не покидать дом Мазуриных, чтобы можно было бы подать первую помощь ей в случае, если мальчик скончается.

Профессор и доктора, понятно, скрыли от матери свое определение, но она поняла, что должна лишиться сына, побежала в свою спальню, бросилась на колени перед иконой с горячей молитвой о сохранении жизни ребенка. В экстазе она видит — как бы во сне: святой, изображенный на иконе, вышел и говорит: «Не проси Господа о сохранении ему жизни, много он принесет горя тебе и другим!» Она с сильным порывом чувств прокричала: «Я готова на мою голову принять все страдания, но умоляю Бога оставить ему жизнь!» Был ответ: «Будь по-твоему!»

Гудвилович, сидя у постели страдающего мальчика, заметил в его здоровье перемену: мальчик начинает ровно дышать, хрип, выходящий из груди, прекращается, и больной засыпает. Доктор прикладывает руку к голове: жар уменьшился, пульс бьется правильно.

О результате своих наблюдений он спешит сообщить матери, посылая няньку, чтобы она привела ее сюда. Нянька находит мать распростертой на полу перед иконой в бессознательном состоянии. Приведенная в сознание, после того как доктор поведал ей, что у сына ее перелом

болезни и имеется надежда на выздоровление, мать в безумной радости рассказывает всем присутствующим о своем видении.

Когда с Мазуриным случилось несчастье, Гудвилович рассказал об этом моей матушке.

Гудвилович был поляк-католик. После случая с Мазуриным он стал посещать ежегодно Троице-Сергиевскую лавру, где перед мощами св. Сергия Преподобного совершал молебен и ставил свечу в рубль, как сам об этом рассказывал. Из чего я заключил, что явившийся матери Мазурина угодник был св. Сергий Радонежский, считающийся в семье Мазуриных их покровителем, и они всегда особо его почитают.

Я в компании с А.Н. Дунаевым, Ф.Н. Щербачевым и Р.В. Живаго приблизительно в 1907 году летом отправился в имение Максимильяна Васильевича Живаго, находящееся в нескольких верстах от станции Подсолнечной Николаевской железной дороги.

Встретивший нас хозяин был весьма возбужден и расстроен, объяснив свое состояние тем, что ему сейчас сообщили из имения Мазурина, соседнего с ним, о лишении себя жизни хозяином, зарезавшимся тарелкой, переломленной им пополам. Этот Мазурин[14] (имя и отчество забыл) страдал манией самоубийства, уже неоднократно старался привести в исполнение свою мысль. В предупреждение этого в его комнате все стены были обиты толстым английским сукном, подбитым слоем ваты, чтобы не дать ему возможности с разбега разбить голову. Твердую пищу давали мелко нарезанной, чтобы он мог есть ее ложкой, и во всем остальном были приняты таковые же меры. Кто мог думать, что тарелка окажется орудием самоистребления!

Как-то зайдя к своей знакомой М.Н. Васильевой, застал у нее в гостях даму, с которой она меня познакомила, назвав ее фамилию — Юдина Пелагея Михайловна, причем прибавила, что она дочка Михаила Андреевича Чернышева, а мать ее — Варвара Федоровна, урожденная Мазурина.

Завязался общий разговор о Мазуриных; хозяйка, зная, что я интересуюсь этой семьей, обратилась к Юдиной с просьбой рассказать все, что пришлось слышать ей в своем доме о них.

П.М. Юдина рассказала про своего дядю, Федора Федоровича Мазурина, брата матери, которого она хорошо помнит и которого она очень любила. Федор Федорович был начитанным, интересным человеком, отличался большими странностями. Одна из таких особенно выделялась:

он ежегодно ранней весной покидал дом до глубокой осени, одевшись в костюм простого крестьянина, с котомкой на плечах и в лаптях на ногах. В таком виде он обходил самые дальние, глухие поместья, скупал там разные ценные издания, тратя на это большие деньги. Все эти путешествия были вдалеке от железных дорог, проделывались пешком; питался исключительно подаяниями, не расходуя на это ни копейки своих денег.

Федор Федорович Мазурин был известный библиоман, владелец большой библиотеки роскошных и редких книг, спрятанных в его доме в запертых сундуках[15].

Потом г-жа Юдина сказала, что как это ни странно, но в их семье почему-то никогда не говорили о Мазуриных; иногда только у родителей прорывались фразы, дающие возможность думать, что в этой семье произошло что-то ужасное; так, у родителей, рассерженных какой-нибудь шалостью или проступком детей, вырывалась фраза: «Ах, все это из-за мазуринского наследства!»

Рассказала, что в их семье Чернышевых не все было благополучно: однажды, когда сидели за чаем в столовой, из комнаты ее старшего брата раздался выстрел: «Мать, разливавшая чай, вся задрожала, бледная, вскочила, закричав: «Это мазуринское проклятье!» — и без чувства упала на пол. Действительно, мой брат застрелился»[16].

Когда мадам Васильева сказала Юдиной, что мне известно мазуринское событие, то она очень просила рассказать о нем. Выслушав, она ответила: «Теперь мне ясны восклицания родителей и их боязнь за нас, детей». Причем она добавила: «Из трех оставшихся в живых братьев все были неизлечимые алкоголики, доставившие родителям много огорчения, а также и нам, сестрам».

Сказала еще, что в их семье особенно почитается св. угодник Сергий Радонежский, считающийся покровителем их семьи.

Уходя, прощаясь, она добавила: «У меня двое сыновей, и я начинаю понимать, что и у них достаточно мазуринского проклятья, — это меня весьма волнует, но оно почти несомненно!»

М.Н. Васильева по уходе Юдиной добавила, что у нее две сестры, отличающиеся большими странностями, и они не избежали болезни рода Мазуриных, да и сама мадам Юдина, с громадными способностями, кончившая блестяще гимназию, подававшая большие надежды в молодости, своим образом жизни, разными странными делами, с преобладанием непонятной алчности, заставляет думать, что и она в достаточной мере награждена мазуринским наследством.

Почти единовременно с моим знакомством с Юдиной пришлось познакомиться с Н.П. Сырейщиковым, хорошо знавшим семью Василия Алексеевича Бахрушина, женатого на Вере Федоровне Мазуриной, сестре Варвары Федоровны Чернышевой. Про Веру Федоровну Бахрушину он сообщил, что она, несомненно, душевнобольная, ее единственный сын, Николай Васильевич, страдает тяжелой формой мании преследования, об этом я тоже слышал от его двоюродного брата Николая Петровича Бахрушина; из ее дочерей две — Мария Щеславская и Лидия Челнокова — тоже страдали душевной болезнью, а третья, Наталия Урусова, была как бы нормальна.

Относительно Мазурина, владетеля Реутовской мануфактуры, могу сообщить очень мало, так как не был с ним знаком и не имел общих знакомых, могущих подробно рассказать о его образе жизни и странных проявлениях ее. Но кое-что пришлось слышать из разных источников: он был весьма даровитым человеком, окончил университет и, кажется, еще какое-то одно из высших учебных заведений. Семейная жизнь его была сумбурная, с переменой многих жен, но была ли этому причина его душевное неравновесие или естественная распущенность богатых людей, получивших состояние, нажитое не своими трудами? Странная продажа фабрики по сравнительно дешевой цене, а тоже своего роскошного особняка на Мясницкой улице, с большой ценной землею и с доходными домами на ней, а взамен этого постройка роскошного особняка на Собачьей площадке, дорого стоящего[17].

Когда ему было около сорока лет, он поступил в Московский университет на медицинский факультет, где окончил курс и после чего открыл лечебницу для извлечения коммерческих выгод от произведения абортов у дам и девиц.

Недаром говорится в священной книге «Премудрости Соломона» (гл. 3, 19): «ужасен конец неправедного рода».

ГЛАВА 8

В Среднеазиатском товариществе конец 1887 года ознаменовался некоторыми событиями: Н.П. Кудрин переехал на постоянное жительство в Москву, правление Товарищества перебралось из Троицкой гостиницы в дом Хлудова на Ильинку[1] и директор правления А.А. Найденов оставил Товарищество. Следующий, 1888 год, високосный, по народному поверью — тяжелый, подтвердил в Товариществе эту народную примету; год оказался весьма тяжелым как для меня, так и для Товарищества. Н.П. Кудрин заметно сделался раздражительным, раньше он был весьма сдержанным. Бесконечное его чаепитие усилилось; обыкновенно, когда он являлся в контору, артельщик приносил ему стакан чаю, положив в него два куска сахару, оставлял пока немного охладиться, после чего Кудрин в три-четыре приема выпивал, звонил артельщику, и так весь день, пока он находился в правлении. Когда у Н.П. Кудрина не было посетителей, то он все время писал письма, отправляя на почту целыми пачками, и статьи в газету «Московские ведомости»[2].

Все письма, касающиеся товаров, получаемых из отделений Товарищества, как о нехватке или плохом качестве, шли из правления за моей подписью. В одном из таковых писем я сделал серьезный выговор доверенному одного из отделений за то, что им была куплена и принята кожа невыделанная — сырая, а чтобы она во время долгого пути не сгнила, была просыпана солью, отчего товар терял значительно свою стоимость.

Николай Павлович, прочитав это письмо, обратился ко мне и сказал: «Я работаю несколько десятков лет и не знал, что кожу солят! Советовал бы, прежде чем писать такие письма, поговорить со мной, а то в отделениях будут смеяться!»

Я, обиженный таким замечанием, не воздержался и ответил ему: «Удивляюсь, что вы, занимаясь несколько десятков лет торговлей, не знаете обыкновенных мошенничеств, применяемых плутами-продавцами. Прием товара нашим доверенным можно рассматривать так: либо он не понимает ничего в товаре, либо получает от продавца взятку!» Сей-

час же позвал приказчика-специалиста, объяснившего Кудрину все это дело. Кудрин был сконфужен, но промолчал.

Часто говоря с ним, оставаясь вдвоем в правлении, я замечал, что некоторые мои фразы и мысли он записывал на клочках бумажки, которые прятал к себе в ящик стола. Для чего он это делал, я не могу до сего времени представить. Но уверен, что делалось с целью, чтобы в будущем иметь возможность пользоваться ими против меня. После его кончины при описи его бумаг в столе все они были найдены. Между Кудриным и мной началось какое-то разъединение, между тем я так много вникал в дело и, благодаря советам опытных и сведущих лиц, в Товарищество вносил известный порядок и режим, который он видел и который он не мог не одобрить, и эта мысль меня сильно угнетала и печалила, но, как оказалось, тому была причиной начавшаяся у него серьезная болезнь. В мае однажды он не явился в правление, прислав из дома с просьбой, чтобы я доставил ему все письма и телеграммы.

Я поехал сам и застал его лежащим в кровати, причем его жена, по предписанию доктора, просила не заниматься делом, но он, понятно, и слушать не хотел, прочитывал всю корреспонденцию и делал пометки для ответов. Положение его здоровья с каждым днем делалось все хуже и хуже. Лечивший его доктор Никольский определил брайтову болезнь почек[3] и объяснил, что его беспрерывное чаепитие есть верный показатель этой болезни.

Меня очень волновало здоровье Николая Павловича, я отлично понимал: умри он, дело продолжаться не может, не найдется другого человека, чтобы заменить его. Советовал его жене пригласить профессора Захарьина, она все не решалась этого делать, но, видя, что здоровье его с каждым днем ухудшается, попросила меня съездить к Захарьину.

Отворил дверь лакей, я попросил доложить Захарьину обо мне. Мне бросилось в глаза, что лакей как-то странно посмотрел на меня, что-то хотел сказать, но, промолчав, пошел доложить. В приемную, куда я был введен лакеем, через некоторое время вошел высокого роста, крепко сложенный старик, с густыми бровями и черными проницательными глазами, как бы пронизывающими тебя насквозь.

Я ему отрекомендовался и высказал свою просьбу, с указанием, что болезнь и могущая быть смерть такого человека, как Кудрин, так нужного для развития Среднеазиатского края, заставила меня его побеспокоить, с целью проверить его болезнь и правильность лечения. Захарь-

ин задал несколько вопросов относительно Кудрина и сказал, что фамилию Кудрина он знает из газет и фамилия моя ему знакома: «Не ваш ли родственник Николай Маркович Варенцов?» Я ответил, что он мой дед. «Где вы учились?» Я ответил. «Вам неизвестно, что я не езжу по приглашению больных, а только по приглашению доктора, лечащего больного?» Посмотрел на меня сурово своими злыми глазами, сказав «Посидите!», вышел из приемной.

Я остался сидеть и в это время думал: какова причина его недовольства мною? В это время в соседней комнате начало происходить что-то невероятное: шум, битье палкой мебели, падение ее, треск. Я был всем этим шумом ошеломлен, думая, что все это значит. Правда, я сильно волновался, чувствуя ясно, что причиной всего этого был я, и испугавшись, что он может отказаться поехать к Кудрину и я буду виновником этого. Жена Кудрина будет на меня сердиться и обвинять меня, если ее муж скончается.

Треск и шум продолжался минут 15 или 20, наконец притих. Отворилась дверь, и вбежал взбешенный, с глазами, полными ненависти, Захарьин, начавший упрекать меня: «Вы, молодой человек, учившийся в высшем учебном заведении, позволили меня назвать доктором!» Я открыл рот, чтобы извиниться. «Молчите! Вся Россия знает, что я не езжу по приглашению больных. У меня лечатся великие князья, министры, другие известные лица, и все знают, что я приезжаю по приглашению докторов...». Я стоял перед ним сконфуженный, подавленный своей ошибкой: действительно назвал его доктором! Опять хотел извиниться. «Молчите! Посидите немного, я скоро вернусь......» Он выбежал из комнаты, битье и треск продолжались, но с меньшим уже шумом, и наконец замолкло.

Через некоторое время Захарьин вышел спокойный и даже сконфуженный: «Извините меня, я больной человек!» Посадил меня рядом и начал обстоятельно расспрашивать о больном, потом сказал мне, что по окончании им университета его первый больной был мой дед, а потому он хорошо его помнит[4]. Назвал фамилию своего ассистента, к которому я должен поехать; после его осмотра больного и доклада ему он приедет и лично осмотрит Кудрина. Простился со мной очень любезно*.

*Про профессора Захарьина много ходило разных легенд, слухов и смешных историй, главная тема их — его корыстолюбие. Мне пришлось запомнить одну из них, как у молодого, только что повенчавшегося миллионера фон Дервиза захворала его жена, у ней поднялась температура тела выше 39°. Влюбленный муж сильно перепугался, немед-

На другой день Захарьин приехал к Кудрину, подтвердил правильность лечения доктором Никольским и, успокоив жену, сказал: «Опасности для жизни больного нет».

На следующий день после его посещения из дома пришли сообщить: Николай Павлович скончался[6].

Я, подавленный его неожиданной кончиной, отправился сообщить Н.А. Найденову в банк, в то время там было заседание членов Учетного комитета, некоторые из них поинтересовались узнать, остались ли у него средства. Я ответил, что знал: в Оренбурге у него был дом, стоящий 30—50 тысяч рублей, паев Товарищества на 200 тысяч рублей и на текущем счету его личных денег 160 тысяч рублей, так что всего приблизительно тысяч на 400.

В церкви, когда отпевали его, народу было много. В то время, когда архиерей раздавал присутствующим зажженные свечи, я заметил пробирающегося ко мне нашего артельщика, я подошел к нему. Он подал телеграмму и сказал, что она доставлена особым чиновником из Главного почтамта с тем, что должна быть принята обязательно под расписку Н.П. Кудрина. Когда ему сказали, что он скончался, он велел передать его заместителю. Я отошел в сторону и прочел. Она была за подписью министра финансов Вышнеградского, извещающего и поздравляющего Кудрина с милостивейшим соизволением государя императора об отводе государственных земель в Голодной степи по реке Сырдарье в количестве миллион десятин и 150 тысяч десятин на Мургабе в аренду на 99 лет, с просьбой поспешить приехать в Петербург для оформления и закрепления сего дара.

ленно послал управляющего к Захарьину с просьбой приехать и осмотреть его жену. С управляющим фон Дервиза произошло то же самое, что и со мной: битье, треск, выговор и отправка к ассистенту. Ассистент немедленно поехал, осмотрел больную и, видя волнение мужа, успокоил его, сказав: «Я нахожу, что у вашей жены грипп, серьезного пока ничего не вижу, а потому советую вам не волноваться!»

Фон Дервиз поблагодарил его и вручил ему пакет. Доктор, желая посмотреть, сколько находится денег в пакете, дорогой раскрыл его и увидал, что в нем лежало десять сотенных билетов. Тогда его взяло сомнение, не принял ли фон Дервиз его за профессора Захарьина. Решился вернуться обратно и передал фон Дервизу: «Вы сочли, нужно думать, меня за профессора Захарьина, дав тысячу рублей, а между тем я только его ассистент». Фон Дервиз его успокоил: «Я знал, что вы не Захарьин, заплатил вам за сообщенную радость, что у моей жены несерьезная болезнь». Ассистент, приехав к Захарьину, сообщил о состоянии больной и сколько им получено от фон Дервиза.

Захарьин немедленно выехал к фон Дервизу, но не был принят, ему сообщили, что болезнь выяснена и этого вполне достаточно. Захарьин, видя, что его ассистенту дали тысячу, думал получить там не меньше 5 тысяч рублей[5].

Я с огорчением подумал: вот ирония судьбы! О своих хлопотах в Петербурге о земле Кудрин никому в правлении не сообщал. Для меня стало понятным, почему Николай Павлович так интересовался корреспонденцией, особенно из С.-Петербурга, спрашивая меня накануне своей кончины: «Нет ли чего из Петербурга?»

Говорят: пришла беда, отворяй ворота! Так, после кончины Н.П. Кудрина посыпались на нас разные беды. Только похоронили Кудрина, как из Оренбурга пришла телеграмма, извещающая о наступлении срока векселю Кудрина с бланком Товарищества на сумму 30 тысяч рублей, учтенного в одном из оренбургских банков, с предупреждением, если не последует своевременной высылки денег, вексель будет протестован. Причем в телеграмме добавлено: шлется письмо с разъяснением. В правленских книгах бухгалтерии таковых векселей не значилось, но, опасаясь протеста, деньги перевели.

Из полученного письма доверенного Вощинина увидали: Кудрин вручил ему векселей на 170 тысяч рублей со своей подписью и распорядился учесть их в разных банках, с бланком Товарищества, согласно имеющейся у Вощинина доверенности на право учета покупательских векселей. Вощинин уже старый, по характеру мягкий, безвольный, не осмелился ослушаться директора-распорядителя, все это исполнил, внеся полученные от учета деньги на имя Н.П. Кудрина, вследствие чего получились в кассе Товарищества 160 тысяч рублей, числящихся на его имени, с уплачиванием ему процентов за их пользование.

Все письма из Азии, адресованные на имя Н.П. Кудрина, пришлось прочесть, из них увидали, что положение дел с мануфактурой находится в весьма печальном виде: амбары наполнены товаром исключительно неходовых сортов, которые могут быть только понемногу сбываемы, если к ним добавят ходовых сортов. Пришлось побегать по фабрикантам с просьбой дать нужных товаров, но почти все под благовидным предлогом отказывали, понимая, что Товарищество без Кудрина не может долго продержаться.

Из писем, получаемых от агрономов из Чарджуя, были и приятные известия: сто с чем-то десятин очищены от камыша, устроена плотина, земля засеяна хлопком, который несколько раз окучивали и поливали, ожидался блестящий урожай. Но в августе пришла телеграмма: сильная жара усилила таяние снега в горах, благодаря чему в Амударье получился большой приток воды, разрушивший в один миг плотину и уничтожив-

ший посев хлопка. Это несчастие произвело потрясающее впечатление на молодых агрономов: один из них, доктор, сошел с ума и был увезен в Россию, другой бросил службу и не мог слышать равнодушно об Азии, покинув ее навсегда. И это дело погибло с трагическим концом*.

В довершение всего незадолго до открытия Нижегородской ярмарки Шагазиев, вернувшийся из Бухары, открыл свое комиссионное дело, переманив почти всех клиентов Товарищества к себе, мы же остались с ничтожным количеством товаров, понятно, исключая хлопок.

Через месяца полтора после кончины Кудрина состоялось общее собрание пайщиков, и был выбран в директора Николай Михайлович Владимиров.

---

*Москвичи давно интересовались посевами хлопка, только изыскивали лицо, могшее двинуть это дело. В конце семидесятых годов прошлого столетия в Москву ежегодно приезжал перс для продажи своего хлопка. Он заинтересовал нескольких купцов, рассказывая им о громадных барышах от посевов хлопка; составилась компания, собрали деньги и поручили персу произвести посев хлопка. Перс уехал. Через некоторое время его компаньоны получили телеграмму: хлопок посеял, всходы отличные, требуется окучка денег не хватает, переведите столько-то. Компаньоны потолковали между собой и решили перевести деньги. Через месяц получают опять телеграмму: рост хлопка лучше, чем ожидал, необходима вторая окучка и поливка, иначе хлопок пропадет, переведите столько-то.

Компаньоны чувствуют, что завязли в этом деле, делать нечего: послали опять. В августе получают вновь телеграмму: урожай громадный, не хватает мешков для сбора и паковки, требуется прикупить тары, высылайте денег столько-то. Послали. Ждут прихода хлопка, но получают телеграмму: «Налетела саранча и весь хлопок пожрала!» Персиянин больше в Москву не приезжал, и, по наведенным справкам, хлопка он даже не сеял, а полученные деньги употребил на покупку для себя земли. Это мне сообщил Арсений Михайлович Капустин, бывший в числе компаньонов перса. Этот посев кончился комически.

ГЛАВА 9

Н.М. Владимиров был лет пятидесяти с чем-нибудь. Роста был высокого, довольно плотный, с отличной растительностью, с длинной окладистой бородой, носил золотые очки. Вообще по виду это был хорошо сохранившийся мужчина и походил видом своим на ученого, земского деятеля[1], то есть на лицо, занимающееся интеллигентным трудом, а не на коммерсанта. Говорил образованным языком, видно, что был начитанный и с хорошим образованием. Кончил он курс в Петербургском коммерческом училище[2], откуда со школьной скамьи поступил в Лондон к известному купцу Громову[3].

Перед поступлением в Среднеазиатское товарищество работал в Торговом доме А.К. Трапезникова с сыном в Сибири. Бежал оттуда, как рассказывал сам, испугавшись обострившихся отношений с окружающими, что его там могут убить. Считал себя счастливым, что ему удалось выбраться в Москву.

На меня произвел хорошее впечатление, и мне казалось, что он добрый и хороший человек. Я с большим удовольствием начал его вводить в курс дела, рассказывал и показывал все, что сам знал.

Николай Михайлович работал всю жизнь по бухгалтерии и к коммерческой жизни, требующей инициативы и быстрых решений, не был приспособлен. Мне думается, это Владимиров и сам хорошо понимал, а потому живой работой тяготился, делал вид, что он может дать особый способ ведению дел по европейскому образцу, не принимал во внимание, что наша русская торговля того времени требовала более близких дружеских отношений и особого доверия друг к другу. А он сразу не поладил с клиентами Товарищества — азиатами, они начали его бояться и избегать, стремясь всеми силами вести деловые переговоры со мной, а не с ним. Придя в контору и узнав, что меня там нет, уходили, а если был, то, чтобы не попасть к Николаю Михайловичу, вызывали меня через артельщика или даже, открыв немного дверь, манили меня к себе пальцем.

Это бесило Николая Михайловича, предполагавшего, что все это проделывается с моего согласия, и он начинал попрекать меня: «Это ваши штучки! Все делается, чтобы меня унизить и оскорбить!»

Я запретил азиатам меня вызывать в переднюю и вызывающего приводил в правление и сажал к столу Н.М. Владимирова. После того они начали ловить меня на Бирже или на улице, при входе в правление, и, когда я предлагал им пойти со мной в правление, не шли, говоря: «Там бульно хузяин сердит!»

Отношения мои с Владимировым все-таки были хорошие. Как мне казалось, он сам понимал, что я не виновен в нерасположении к нему клиентов, и начал объяснять все это их дикостью и необразованностью.

Бывали с ним и такие случаи: иногда во время нашей мирной и дружеской беседы он вдруг начинал волноваться, лицо бледнело, глаза краснели, он повышал тон своего голоса, вдруг ударял рукой по столу, вскакивал и начинал упрекать в словах, которые я не произносил, и поступках, которые я не делал, и не прощаясь уходил из правления. На другой день приходил в правление, как ни в чем не бывало, подходил ко мне, любезно жал руку и просил извинения за вчерашнюю вспышку.

Николай Михайлович, прослуживший со мной несколько месяцев, начал в определенные часы уходить из правления, извиняясь и говоря: «Мне нужно навестить моего хорошего знакомого, я скоро вернусь». Однажды перед таким его уходом ко мне пришел бухарец и подарил мне шелковый халат, отличающийся пестротой окраски (полосы на нем были всех цветов радуги), но не лишенный красоты и оригинальности; я его преподнес Николаю Михайловичу. Он поблагодарил и очень им любовался, было видно, что мой подарок ему понравился. Он его тщательно завернул и взял с собой.

Вернувшись от своего знакомого, он сказал: «Надеюсь, вы на меня не обидитесь: я ваш подарок поднес моему знакомому, которому он очень понравился; я его все равно носить не стал бы и он у меня так бы и провалялся».

Вскоре мне пришлось узнать, что его «хороший знакомый» был один из членов правления в Московском Купеческом банке, устроивший его туда же в члены правления. Таким образом, мой подарок — особо пестрый халат — в некотором роде поспособствовал этому избранию его в правление.

Уход Н.М. Владимирова меня огорчил: кого еще Бог пошлет ко мне в товарищи? С ним было тяжело работать, но я смотрел на него как на нервнобольного человека и этим многое ему извинял, все-таки он порядочный и честный человек.

Н.М. Владимиров прослужил в Московском Купеческом банке несколько лет, но с ним случилась неприятная история. Однажды он разговаривал с каким-то служащим, тоже, нужно думать, с больными нервами; разговор у них шел сначала мирно и спокойно, но потом, как это бывало со мной, Владимиров начал повышать голос, кричать, упрекая его в каких-то словах и делах, в которых он неповинен был; тот, возмущенный несправедливостью, в свою очередь разгорячился и ударил его кулаком в лицо. На другой день Николай Михайлович подошел к ударившему его служащему, протянул руку и просил извинения, считая себя виновным перед ним. Этим извинением инцидент был окончен, оба остались служить в банке, но Николай Михайлович на первом общем собрании акционеров принужден был отказаться от должности директора.

Владимиров, получая в банке хорошую тантьему[4], имел возможность сберечь известную сумму, на проценты с которой он потом и жил.

Семья Н.М. Владимирова состояла из жены и дочери. Дочка у него была прехорошенькая, я видал ее, когда она с отцом и матерью приходила к своему родственнику, жившему в моем доме со мной на одном дворе. Владимиров после ухода из банка переехал на жительство за границу, ежегодно летом приезжая в Москву на непродолжительное время. В первые года своего приезда он меня постоянно навещал. Объяснял свой отъезд за границу желанием дать дочери хорошее образование, и, по его мнению, таковое образование можно получить только там благодаря изобилию и доступности публичных лекций, музеев, картинных галерей и т.п. Слушая его об этом, я не утерпел и сказал ему: «Вашей дочке кроме учения и жить хочется, иметь знакомых из своих сверстников, иметь привязанности — ведь это самая лучшая пора жизни для нее: молодость и не заметишь как пройдет!»

Мои слова его сильно взволновали, с пеной у рта начал доказывать неосновательность моих взглядов: думать и говорить так нельзя! Счастье человека только в учении и знании — и пошел, и пошел.... Я был не рад, что затеял этот разговор, а откровенно сказать, было жаль эту красивую девушку, погибающую из-за маньяка-отца.

После этого разговора он ко мне больше не приходил. Через год или два я встретил Николая Михайловича идущего по улице с дочкой. Он меня не заметил, а мне его останавливать не хотелось. Дочку его трудно было узнать: из красивой изящной девушки вышла измученная, с болезненным лицом, тусклыми глазами, небрежно одетая старая дева.

ГЛАВА 10

На освободившееся место директора был выбран Николай Иванович Решетников, интересный молодой человек приблизительно лет тридцати с чем-нибудь, стройный, с мягким, вкрадчивым обхождением, с большим лбом, с правильным красивым овалом лица, с черными гладкими и причесанными волосами с боковым пробором, с глазами, старающимися изобразить искренность, но не выдерживающими упорного взгляда других. Всегда он был одет в отлично сшитый сюртук черного цвета; в черном шелковом галстуке торчала булавка с довольно крупным бриллиантом.

До этого Решетников был в деле отца, имевшего оптовую мануфактурную торговлю[1]; почему он покинул ее, является тайной их семьи.

В первые месяцы нашего знакомства и работы меня сильно поражала его щедрость, переходящая в расточительность, конечно, проявлявшаяся для меня в то время только в мелочах. И это мне давало основания думать, что он хорошо материально обеспечен, что поднимало его значительно в моих глазах, особенно из-за тех лишений, которые предстояли ему в Азии. Я не мог думать, что получаемый им оклад жалованья в 20 тысяч рублей мог быть причиной его желания жить там. Видимо, он искал со мной более близких отношений, я в свою очередь рад был этому — сойтись с умным и изящным человеком и быть с ним в дружеских отношениях. До знакомства с ним я жил сравнительно просто и невзыскательно, довольствуясь всем, что имел, не мечтая и не требуя лучшего, выходящего из установившихся вкусов на внешнюю и обстановочную форму моей жизни.

Я старался Решетникову подражать во многом, и он был, так сказать, моим наставником по наведению буржуазного лоска: убедил в выгодности шить костюмы у лучших портных, обуваться у лучших сапожников и так далее.... Показал мне прелесть лучших ресторанов и даже дал возможность разбираться во всех тонкостях меню. До этого же я довольствовался преимущественно второстепенными трактирами и был вполне доволен ими.

Вспоминаю, как он пригласил меня на обед во французский ресторан «Эрмитаж» [2] и угостил меня обедом, но так как я не был гурманом, то и не оценил в полной мере тонкости подаваемых блюд. В свою очередь — как реванш — и я пригласил его туда же обедать и, согласно своему вкусу и понятию, выбрал блюда: солянку из осетрины, поросенок заливной, гусь с капустой и на сладкое гурьевскую кашу. Вполне довольный тем, что выбрал, взглянул на Николая Ивановича, доволен ли он? Прочел в глазах его какой-то ужас, спросил его: «Быть может, вам это не нравится?» — «Нет, нет, пожалуйста! — ответил он страдальческим голосом. — Обед отличный, только очень сытный, не лучше ли вместо гурьевской каши взять... ну хотя бы... тарталетки, а то после такого обеда, пожалуй, не встанем со стула!» * Н.И. Решетников в последующих моих обедах инициативу выбора блюд всегда брал на себя, чем я весьма был доволен, нужно думать, боясь за свое здоровье из-за моего пристрастия к сытным блюдам.

Н.И. Решетников, вместо того чтобы поспешить скорее поехать в Азию, еще долго жил в Москве, объясняя тем, что нужно познакомиться с делами Товарищества. Приходил в правление довольно поздно, по-

---

*При воспоминании такого обеда мне невольно вспомнился рассказ Александра Федоровича Морокина, фабриканта из дер. Гальчиха. Он, будучи в Петербурге, был приглашен своим покупателем-французом обедать. Он рассказывал: «Хозяйка налила мне полтарелки супа, потом подали рыбу под соусом, после была курица с салатом и зелень — артишоки, название ее я узнал уже после. В это время, рассказывая о чем-то французу, увлекся разговором, не обратив внимания, как едят артишок. Разрезал его на четыре части и одну из частей положил в рот. Жую — колет! Выплюнуть неловко — осудят! Продолжаю жевать.... А напротив меня сидит постреленок — сынишка француза, схватил салфетку, да в нее фрр!.. фрр!.. Смотрю: дело что-то неладно. Поглядел на француза, а он отрывает по листику от артишока, обмакивает в соус, положит в рот да облизывает; говорю: “Извините, в первый раз в жизни ел эту зелень, если бы не ваш сынок, которого я так рассмешил, то ушел бы, не зная обращения с нею”».

После обеда, посидев немного, от француза отправился прямиком в трактир Палкина[3], где и заказал по своему вкусу обед: борщ с мясом и сметаной, баранину с кашей, ну, после этого насытился. Француз как-то после приехал в Москву. «Я, — говорит Александр Федорович, — пригласил его обедать и повел к Арсентьичу[4], в трактир, славившийся готовкой русских простых блюд. Заказал суп-рассольник из гусиных потрохов, белугу с хреном и огурчиками, а потом жареный поросенок с гречневой кашей, а на сладкое — гурьевскую кашу. Француз чуть-чуть покушает да отставляет тарелку, а я ему говорю: «Нет, не хорошо — кушай, как следует! Я у тебя обедал, не стеснялся,... и ты не должен меня обижать!» Так и принуждал кушать все блюда. Сговорились завтра повидаться. Француз не пришел. На другой день пошел к нему в гостиницу. А француз, бедный, лежит больной, уверял, что это случилось от несварения желудка, так и провалялся в кровати дней десять!»

сидит часик или два, потом шли с ним завтракать, после чего расставались с ним до другого дня; иногда ходили вечером обедать в «Эрмитаж», после обеда ездили в «Яр» или «Стрельну»[5], чтобы послушать солисток. В это время я заметил его щедрость, но в ней не проглядывало желания сделать добро, а скорее, получить знаки внешнего почета, с намерением выставить себя богачом, смотрите: швырнуть несколько десятков или сотен рублей мне ничего не стоит! — и тем вызывая у присутствующих и от прислуживающих особое к себе почтение.

Наконец после нескольких месяцев он тронулся в путь. Из его писем я увидал, что им выбрано в Азии местопребывание — город Самарканд, который по красоте, мягкости климата, отличной воде может быть приравнен к Флоренции в Италии.

Несколько лет спустя обнаружилось, что избрание Самарканда постоянным местом жительства было большой ошибкой. Самаркандская область в смысле посевов хлопка не имела большого значения, и пребывание в нем главной конторы и хозяина дела не было полезным, так как развитие хлопководства особенно преуспевало в Ферганской области, где наши конкуренты поместили своих руководителей, с проживанием в городе Коканде.

В Самарканде Николай Иванович купил на свое имя землю, построил дом, развел виноградники, устроил отличный подвал для вина, стал устраивать приемы и зажил весело*. Вместо того чтобы во время сезона покупки хлопка присутствовать в главных пунктах скупки его, он жил в Самарканде, а значительную часть времени уделял на поездки в Ташкент для бесполезных визитов к генерал-губернатору и другим важным чиновникам, объясняя свои визиты тем, что они будто бы необходимы для успешной работы в этом крае. То же его посещение эмира бухарского, сопряженное с довольно большими расходами за счет Товарищества, с трудной и крайне неприятной поездкой верхом на лошади в дачную резиденцию

*Решетникову, чтобы приобрести достаточное количество земли в одной меже для виноградника, пришлось скупать у многих владельцев небольшими участками; один из бухарцев, хозяин земли, вдававшейся в глубь владения Николая Ивановича, не пожелал продать свою землю, несмотря на то что ему давали высокую плату за его участок и предлагали другой участок в лучшем месте, но бухарец ни на какие уступки не шел. Тогда кто-то из доброжелателей Решетникова посоветовал завести свинарник, построив его на меже несговорчивого магометанина, и завести свиней. Было так и сделано и имело большой успех: правоверный не мог перенести близость поганых животных и немедленно продал землю.

эмира, находящуюся в десяти верстах от Бухары. Ехать ему пришлось в вышитом золотом мундире, в треуголке, присвоенной какому-то благотворительному учреждению, где Николай Иванович был членом-жертвователем; и только для того, чтобы получить от эмира ответные подарки в виде халатов, ковров, рысаков и еще чего-нибудь вроде этого. Все это его интересовало и забавляло, между тем его подчиненные, осведомленные о его путешествиях, успешно набивали свои карманы.

И действительно, положение дел в Средней Азии под его руководством не улучшалось, а, скорее, ухудшалось. Пришлось закрыть мануфактурную торговлю и торговлю другими товарами. Составленный отчет показал, что значительная часть капитала Товарищества потеряна. И вот в это время совершенно неожиданно получаем от Решетникова известие о необходимости приехать в Москву для решения разных вопросов. Приезд его был желателен, чтобы совместно рассмотреть баланс, сделать переоценку имущества, товаров и должников.

Николай Иванович, сообщая о своей жизни в Азии, о местных делах, надеждах и тому подобном, между прочим рассказал, что Н.П. Кудрин страдал запоем, что мне не было известно, и он, путешествуя по Азии, все время был в невменяемом состоянии. Увлечение Азией у Николая Ивановича было ничуть не менее, чем у Кудрина, он тоже восхищался ею и очень обвинял меня, что смотрю на дело Среднеазиатского товарищества очень пессимистично; упрекал, что моя оценка капитала Товарищества в 200 тысяч рублей неестественно мала.

Приступив к оценке имущества и долгов, я указал на повышенную стоимость недвижимости и на то, что с векселей дебиторов придется сделать большую скидку, так как многие по ним не заплатят. Он меня убеждал, что я не прав, употребляя такие методы к моему вразумлению: «Вы находите, что стоимость такого-то завода в сорок тысяч рублей дорога? Хорошо, оставьте его за мной за эту цену! Этот вексель находите безнадежным? Я оставляю его за собой в пятьдесят процентов!» — и т.д. Не мог же я с ним настойчиво спорить. Он видел все своими глазами и знает положение среднеазиатского рынка, несомненно, лучше меня, но все-таки один из безнадежных векселей я согласился оставить за ним. Он немедленно согласился, сказав, что деньги за него внесет на днях. Но это обещание осталось обещанием: деньги не внес. И несмотря на таковую оценку, определили размер оставшегося капитала в 400 тысяч рублей.

Согласно уставу Товарищества, если потеряны 2/5 части капитала, то Товарищество должно быть ликвидировано, если не последует желания со стороны пайщиков пополнить его. Правлением были приглашены крупные и влиятельные пайщики для обсуждения создавшегося положения. Они пришли к выводу: ликвидировать дело жаль, так как все-таки оно жизненно; желающих добавлять капитал не окажется, просить об уменьшении капитала до 400 тысяч рублей — понятно, со стороны Министерства финансов последует отказ, как против действия, нарушающего устав Товарищества, высочайше утвержденного; таковое нарушение устава может последовать не иначе, как только с разрешения государя.

Пользуясь случаем, что среди пайщиков имеется князь А.С. Долгоруков, благодаря его протекции можно надеяться, что разрешение от государя можно будет получить, и в короткое время. Хлопоты по этому делу поручить мне. Это постановление состоялось в зиму 1888/89 годов.

Н.П. Кудрин, взбудораживший высшие круги правительства своими повествованиями об Азии, заставил ускорить постройку Среднеазиатской железной дороги[6], и в 1888 году состоялось назначение генерала Анненкова строителем ее. Анненков, проезжая в Среднюю Азию, остановился на некоторое время в Москве; он, будучи с визитом у Аполлона Александровича Майкова, бывшего директора императорских театров, и узнав от него, что он знаком со мной, просил привести меня к нему. Из всего разговора с ним я понял, что он интересуется первоначальным пунктом направления стройки: дорогу можно было вести из Оренбурга до Ташкента или же от Красноводска, порта Каспийского моря, до Бухары, и какое из этих направлений было бы более приемлемо для торговли. Я утверждал, что постройка через Оренбург, конечно, будет удобнее по следующим соображениям: не потребуется ни больших земляных работ, ни длинных мостов. Он возразил мне, что строить параллельно лошадиному тракту, где существует большое грузовое движение, не будет удобно и они будут мешать друг другу.

Скоро стало известно, что Анненков начал строить железную дорогу от Каспийского моря, выбрав порт на Каспийском море Узун-Ада. Дорога проходила по перемещающимся пескам, тянувшимся более трехсот верст, без воды, перевозимой на железнодорожных платформах в громадных деревянных баках; с громадным мостом в версту длиной.

Многие объясняли таковой его выбор следующим: пожалованные государем Кудрину 150 тысяч десятин при Мургабе после его кончины

были переведены в собственность кабинета его величества, начиналась постройка плотины для орошения этой площади, а потому, чтобы удешевить постройку ее, Анненков поспешил постройкой в этом месте железной дороги, чтобы угодить лицам, поставленным во главе сооружения плотины. Другие объясняли причину, что стройка в этом направлении обошлась государству значительно дороже, чем бы она прошла от Оренбурга, это было выгодно для личных интересов господ инженеров-путейцев, редкие из которых пользовались добросовестной репутацией.

Потом на практике выяснилось, что путь от Каспийского моря послужил успешному выходу негодных элементов Кавказа и Кубанской области в лице армян, греков и других национальностей, захвативших торговлю в свои руки, с усвоенными ими приемами обмана и надувательства, с успешным укоренением этих пороков у местных жителей, не испорченных еще цивилизацией.

ГЛАВА 11

Г.К. Гофмейстер дал мне письмо к личному секретарю князя А.С. Долгорукова Дмитрию Никитичу Иванову, к которому я поехал в Петербург и познакомился с ним. Иванов обещался немедленно доложить о моей просьбе князю и о результате доклада мне сообщить.

С князем Александром Сергеевичем я познакомился вскоре после смерти Н.П. Кудрина. Долгоруков приехал в Москву, остановился в гостинице «Дрезден»[1], находящейся против генерал-губернаторского дома, прислал мне сказать, чтобы я побывал у него. Князь был высокого роста, стройный, с большой проседью, носил бакенбарды, с милыми и добрыми глазами, дающими право думать о его доброте.

Александр Сергеевич меня принял немедленно после доклада ему Иванова, в своей квартире на Миллионной улице. Лакей ввел меня в гостиную, поразившую меня своей величиной и красотой убранства. Она была заставлена вся мебелью разных стилей, образующей уютные уголки, с диванчиками, креслами, стульчиками, пуфами, столиками с вазами и статуэтками. Как мне потом передавали, таковое убранство гостиных — мебелью разных стилей — было последним словом моды.

Я только начал внимательно осматривать красивую комнату, как князь вошел в дверь с противоположной стороны, и я поспешил пойти к нему, но это нужно было сделать с большой ловкостью, лавируя между мебелью, с ужасом думая: не уронить или не опрокинуть что-нибудь.

Князь любезно поздоровался и предложил мне сесть. Я высказал ему все о создавшемся положении с Товариществом и просил посодействовать нашей просьбе. Внимательно выслушав, князь сказал: такой выход — и он находит — будет правильным; обещался переговорить с министром двора Воронцовым-Дашковым и министром финансов Вышнеградским. Посоветовал остаться в Петербурге на некоторое время, чтобы представиться министру двора, от которого многое зависит, чтобы наше ходатайство осуществилось.

На другой день Д.Н. Иванов заехал ко мне и сказал, что князь Александр Сергеевич переговорил с министром двора и он на днях меня при-

мет. Дал совет, чтобы я съездил в канцелярию министра, где бы и узнал, когда и в какой день мне это будет назначено. Я начал ежедневно обивать пороги канцелярии министра с получением постоянного ответа: сегодня принять не могут, приходите завтра....

Целую неделю я ожидал приема; наконец мне это хождение сильно надоело: жить без работы и семьи, не имея знакомых, в скучном для меня городе. Решился поехать на квартиру к Д.Н. Иванову. «Скажите, Дмитрий Никитич, что все это значит? Министр двора принимает многих, а мне не может уделить каких-нибудь несколько минут». — «Да что вы, батенька! — последовал ответ. — Представиться министру двора и затратить на это семь—четырнадцать суток — мало. Другие добиваются годами и не могут попасть».

Я печальным голосом спросил Дмитрия Никитича: «Сегодня в газетах сообщалось, что только что приехавший из Москвы Губонин был принят министром, так почему же он меня-то принять не может?» — «У Губонина мошна большая, если бы у вас была таковая, то и вас принял бы давно! Помните: если вас министр примет — дело ваше в шляпе!»

Наконец, через трое суток после этого разговора, в канцелярии мне сообщили: «Будьте завтра в шесть часов утра, смотрите не опоздайте!»

На другой день без нескольких минут шесть я был у дверей министра. Швейцар по звонку вызвал лакея, препроводившего меня в приемную, обставленную тяжелой кабинетной мебелью, обитой кожей. Немного спустя тот же лакей прошел с подносом, на котором стоял кофейник, молочник, на тарелках лежало масло, хлеб и два яйца. Возвратясь, он предложил мне пожаловать к князю в кабинет. Воронцов-Дашков сидел около окна за маленьким столиком и пил кофе. Приветливо со мной поздоровался, указав рукой на кресло, стоящее у двери, через которую я вошел.

«Скажите, вы бывали в Азии?» — «Нет, ваше сиятельство!» — «Жаль! Я был там при завоевании ее генералом Скобелевым[2] и хорошо ее знаю». Спросил меня кое-что о Товариществе и, отпуская меня, сказал: «Я переговорю с государем и о результате сообщу князю Александру Сергеевичу Долгорукову».

Поехал опять к Иванову и подробно рассказал ему нашу беседу с министром и очень просил его, как только будет известен результат нашего ходатайства у государя, то прислать мне в Москву телеграмму. Вскоре я получил телеграмму от Д.Н. Иванова, вызывающего меня в С.-Петербург к А.С. Долгорукову.

Немедленно выехал и явился к князю. Он сообщил: «Государю было благоугодно выслушать князя Воронцова-Дашкова о вашем ходатайстве, и он изволил сочувственно отнестись к нему и высказал, что ничего не будет иметь против, если последует доклад к нему со стороны министра финансов о желательности продолжения дел Товарищества». Причем князь прибавил: «Я уже с Вышнеградским переговорил и подробно рассказал о вашем деле; Вышнеградский пожелал, чтобы вы у него побывали, как только приедете в Петербург». Отправился к Вышнеградскому в день и часы его приемов. Генерал во фраке и с двумя звездами меня выслушал, записал мою фамилию и о чем я предполагаю говорить с министром. Через некоторое время он ко мне подошел и сказал: «Министр вас примет сегодня, по окончании приема всех ему представляющихся; говорите кратко, времени у министра мало; надо, чтобы все, что вы будете говорить, уместилось в пяти минутах времени».

Приемная была наполнена лицами в парадных формах и орденах.

Первым был принят какой-то из великих князей, за ним какой-то генерал-губернатор, а за ними пошли лица по степеням их служебного положения. Наконец очередь дошла и до меня. Вошел в кабинет, около письменного стола стоял высокий, бодрый старик, с умными и проницательными глазами, в очках. Когда я начал докладывать, он меня прервал: «Я уже слышал об этом деле от министра двора и князя А.С. Долгорукова, а потому отправляйтесь в Департамент торговли и мануфактур и повидайте директора департамента Бера и скажите ему, что присланы мною с просьбой выслушать о вашем деле для ходатайства об уменьшении основного капитала, чтобы по этому поводу я мог своевременно сделать доклад государю императору».

На другой день в час дня я был в департаменте и по прибытии Бера немедленно был принят им. Директор выслушал меня очень внимательно, расспрашивал, как могло случиться, что наше дело стало известным государю. Позвонил и вошедшему курьеру сказал: «Попросите ко мне господина Голубева» (отчество и имя забыл)[3].

Явившемуся Голубеву — с виду еще сравнительно молодому человеку, лет 32—35 — представил меня, сказав:

— По распоряжению господина министра прошу вас заняться делом господина Варенцова, и постарайтесь дать делу ход в спешном порядке, вне очереди!

— Я не понимаю, ваше превосходительство, — ответил Голубев, — как понимать это «вне очереди»? Значит, остановить всю текущую работу департамента и только заняться этой?

— Нет, нет! — последовал ответ. — Как можно бросить текущую работу, понятно, нельзя, но проведите их дело в ускоренном порядке, найдутся же дела, которые могли бы быть отложены на некоторое время?

Голубев склонил с почтительным видом голову, но со злыми глазами ответил:

— Буду очень рад, если ваше превосходительство просмотрит все дела в производстве и укажет, которые из дел будут не особенно важные и терпящие задержку.

Бер, нужно думать, мягкий и добрый человек, ответил:

— Слушайте! Этим делом интересуется государь, министр просил меня производством его ускорить, тогда, понимаете, нужно исполнить!

— Слушаюсь, ваше превосходительство! Все, что от меня зависит, будет сделано!

Бер обратился ко мне:

— Прошу вас, пойдите с господином Голубевым и ему все расскажите.

Голубев подвел меня к своему столу, указал на стул, сказав:

— Вот настало времечко! Господа купцы начали лазить к государю, министрам и нас будоражить, заваленных работой по горло.

И, указав мне на кипу бумаг в три четверти аршина вышины, лежащих у него на столе, прибавил:

— И это все дела, требующие немедленно разрешения для государственного строительства, а вы — ради своего ничтожного дела — хотите приостановить их в угоду вашим желаниям. Что же-с, будем делать вне очереди!

Позвал какого-то чиновника и сказал мне:

— Изложите ему ваше дело, и он составит вам бумагу по форме, как следует, а не так, как вами написано.

Повел меня этот чиновник в какую-то комнатку, усадил за стол. Я рассказал подробно о нашем деле и что нам требуется. Он выслушал, покачал головой и сказал:

— Ох., молодой человек, молодой человек! И как неопытны вы! Никогда не начинайте с головы, а с ног, и поверьте: было бы все сделано скорее!

И он был прав! Чиновники затянули дело, и наше ходатайство получило разрешение только через два года.

Совет этого чиновника в дальнейшем мне был весьма полезен, я потом никогда не обращался сначала к высокопоставленным лицам, хотя имел для этого возможность, а начинал всегда с маленьких чиновников и с их помощью заканчивал дела гораздо скорее и успешнее, чем, как, например, в этом деле с громадными протекциями и связями.

Если бы разрешение нашего ходатайства через князя А.С. Долгорукова было бы устроено в течение трех-четырех месяцев, то есть как предполагали пайщики, то, несомненно, Среднеазиатское товарищество было бы восстановлено и благодаря кредиту могло бы продолжать свои комиссионные операции, но разрешение, затянувшееся на два года в дебрях департаментской чиновной казуистики, определило, что Товарищество не может продолжать дело за свой риск и страх из-за своего неопределенного положения.

ГЛАВА 12

Н.И. Решетников в моих глазах постепенно терял ту обаятельность, которая привлекала меня к нему в первые месяцы нашего знакомства; пришлось заметить, что он не такой крупный человек, как мне казался. Некоторые его черты, как-то: умение сходиться с людьми разных противоположных характеров, его проявления инициативы — изливались лишь в болтовне и красивых фразах, дальше не шли, и сильное увлечение самим собой давало основания думать, что из него не выйдет большого коммерческого дельца. Все эти наблюдения, роившиеся в моей голове, все еще с некоторыми колебаниями и сомнениями, были потом подтверждены его приятелем А.Г. Стротером, хорошо его знавшим.

Среднеазиатское товарищество, находившееся всецело в зависимости от его труда и способностей, как руководителя всех контор в Средней Азии, очень мало зависело от меня, и я лично не мог проявлять в нем особой своей деятельности, чтобы оно шло в желаемом мною направлении, а потому я был чрезвычайно рад, когда в апреле 1889 года мне было предложено вступить в Московское Торгово-промышленное товарищество в качестве руководителя по операциям со среднеазиатским хлопком. Московское Торгово-промышленное товарищество, открывая торговлю азиатским хлопком, поручило Среднеазиатскому товариществу покупку для него хлопка в Средней Азии на комиссионных началах, снабжая его для этой цели деньгами, но, чтобы деньги не могли быть расходуемы для других каких-нибудь надобностей, мне пришлось остаться в Среднеазиатском товариществе в качестве контролирующего директора.

Среднеазиатское товарищество за неимением оборотного капитала принуждено было прекратить комиссионное дело и с этим вместе значительно сократить весь правленский аппарат. При увольнении служащих случилось большое несчастье: конторщик, старик лет 65, по фамилии Дейнике, на другой день после его сокращения пришел в Товарищество и застрелился. При сокращении его принималось во внимание, что у него имеются двое сыновей с высшим образованием и хорошо зарабатывающих, он о них отзывался с большими похвалами и гордился ими, из чего

можно было заключить, что ими брошен он не будет. Как потом обнаружилось, Дейнике с сыновьями не ладил из-за их матери, с которой он разошелся, обзаведясь другой семьей.

Это событие произвело на меня весьма тяжелое впечатление и преследовало почти всю жизнь, я винил себя, что не отнесся к этому с должной внимательностью, как бы это следовало сделать в данном случае.

Случилось это вскоре после нашумевшего дела австрийского наследника принца Рудольфа, который застрелил себя, предварительно убив свою возлюбленную Вечеру[1]. Событие это волновало все общество, всюду о нем много говорили. Зайдя как-то в бухгалтерию во время завтрака служащих, мне пришлось услышать разговор по этому поводу, происходивший в соседней комнате — столовой. Дейнике сильно обвинял Рудольфа в лишении себя жизни, по его мнению, это есть наивысшее преступление против духовных законов христианина. И очень образно рисовал состояние души Рудольфа на том свете, где злые духи подпаливают его на горячих угольях. Можно ли было думать, что через несколько дней Дейнике сделает то же самое?

1889 год по поступлению хлопка из местных семян был весьма хороший, но приходил хлопок с большим опозданием, провесом и окрайками[2]; размещать его приходилось в разных складах, находящихся в четырех отдаленных друг от друга местах. Цена ему еще держалась довольно устойчиво, но покупателей на него было мало: покупатели учитывали положение и по возможности удерживались от покупок хлопка из местных семян. Но чувствовалось, что цена существующая не может на него удержаться, и как мы, так и наши конкуренты не имели духа сразу спустить цену на хлопок, а каждый выжидал другого, чтобы в понижении цен не быть в числе первых и владельцы хлопка, давшие его на комиссию, не могли бы обвинить их в неосторожной сделке.

Я случайно встретил биржевого маклера Алексея Яковлевича Вернера, работавшего вместе с Федором Егоровичем Шлихтерманом. Вернер сообщил, что брат его компаньона, известный прядильщик Егор Егорович Шлихтерман[3], готов купить большую партию хлопка, если с цены будет уступлено. Я сказал, что готов уступить, если Шлихтерман купит большую партию не меньше 5 тысяч кип.

Знакомство с Е.Е. Шлихтерманом состоялось в отдельном кабинете ресторана Тестова[4]. Е.Е. Шлихтерман мне не понравился по своей напыщенности и хитрости, держал себя как настоящий пруссак; так скво-

зило во всех чертах его лица: один народ — немцы, а остальные — навоз для удобрения земли для процветания немецкой нации. К нему очень применимо название «бош», данное им французами во время войны 1914 года; слово «бош», как я понимаю, — наглый, заносчивый и злой мальчишка.

Предложенная Е.Е. Шлихтерманом цена меня сильно ошеломила, я заранее обдумал, до какой уступки мог бы я идти, но предложенная им цена значительно была ниже моих предположений. Я сидел красный, даже пот на лбу выступил от такой неожиданности, но какая-то внутренняя сила понуждала меня действовать решительно и не уклоняться от сделки. Я сильно торговался, но работающая в голове мысль настойчиво убеждала: кончить, на другой день уже будет поздно! Наконец я протянул дрожащую руку и согласился. Нужно быть художником, чтобы описать торжество этого «боша», выразившееся на лице его, обращенном к брату: ну, что я тебе говорил! как же могло быть иначе! Мог ли русский, да еще мальчишка, противустоять против настоящего немца!

Единственное мое условие — сохранить в тайне сделки, — конечно, не исполнил. На другой же день Биржа[5] о ней узнала. Но его же хвастовство послужило ему во вред: мой смелый шаг решил участь цены хлопка, наши конкуренты бросились продавать хлопок по цене более дешевой, чем продал я, с неукоснительным ежедневным понижением. Шлихтерман принимал от нас вторую половину партии, а цена на хлопок была уже значительно ниже, чем тогда, когда он купил. Вышло так, что в дураках оказался «бош»!

Сдача хлопка происходила при чрезвычайно тяжелых условиях: Шлихтерман рвал и метал! Его приемщики требовали неимоверную скидку за сырость, окрайки и придирались ко всему, что только было возможно, чтобы хотя этим покрыть убыток от цены, сильно к этому времени понизившейся. Наши сдатчики, учитывая создавшееся положение, торговались почти до кровяного пота, но не давали возможности Шлихтерману найти повод к расторжению сделки. Наш лучший сдатчик Григорий Михайлович Грибков обладал настойчивостью и большим тактом ладить с покупателями, но и он был измучен приемкой Шлихтермана и неоднократно просил меня уволить его от сдачи и передать ее кому-нибудь другому.

Шлихтерман приезжал ежедневно на склад и уже одним своим присутствием угнетал как своих приемщиков, так и наших сдатчиков. Од-

нажды приехавший на склад Гука на Старой Басманной[6] Шлихтерман быстро подошел к весам и взял все гири, отправившись с ними и со своими служащими в соседнюю лавочку, где перевесил их. В одной из маленьких гирь вес оказался меньше, чем следует, из-за выпада свинцового довеска, обыкновенно после отливки гирь дополняющего их до определенного веса. Грибков и другие артельщики заявили при составлении протокола, что эта гиря не наша, что она кем-нибудь подброшена, так как весь комплект гирь находится налицо и помещается в особых ящиках. Все это было проверено помощником пристава[7], составлявшим протокол.

Грибкова привлекли к суду у мирового[8], который, рассмотрев дело, признал Грибкова невиновным. Шлихтерман на этом не успокоился: подал заявление обер-полицмейстеру с жалобой на помощника пристава, обвиняя его в принятии взятки. Обер-полицмейстер[9], получив такое заявление, принужден был передать жалобу Шлихтермана в суд. Фамилию помощника пристава я забыл, но звали его Александр Николаевич[10], с ним я имел дела, так как в его участке находился мой доходный дом. Он был слабого здоровья, со всеми обращавшимися к нему был любезен и, как мне казалось, на фоне полицейских чиновников выделялся как белое пятно, и про него можно сказать: попался, как курица в щи! Взяток ему не давали, да и не за что было давать. Склады находились в ведении артели, с письменным от них ручательством, что за все последствия от беспорядков и неурядицы ответственны они. Ясно было видно, что Шлихтерман добивался скандала, с целью расторгнуть договор, ставший ему очень невыгодным.

На здоровье помощника пристава придание его суду сильно подействовало, и вскоре после процесса он скончался.

День суда настал. Шлихтерман со своими служащими прибыл в суд своевременно. Суд вышел. Председатель суда прочел все дела, подлежащие рассмотрению на этот день, и дело помощника пристава было четвертым. Шлихтерману сидеть в суде и слушать дела не хотелось, он отправился со своими свидетелями пить пиво в буфет. Пока он сидел там, первое дело окончилось, второе и третье дела по каким-то причинам отложены, началось слушанье дела помощника пристава. Председатель вызывает обвинителя Шлихтермана и его свидетеля Малышева. В зале их не оказалось. Суд постановил: за неявкой обвинителя и свидетелей считать дело помощника пристава прекращенным. Суд продол-

жал рассматривать следующие дела. Явившийся Шлихтерман занял место в публике, ожидая своего дела.

Окончивши все дела, суд встал, чтобы удалиться. Шлихтерман начал кричать: «Господин председатель! Почему же мое дело не рассматривается?» Председатель, выяснив, о каком деле он говорит, ответил: «Обвинителя по нему своевременно вызывали, в зале суда его не оказалось, а потому дело постановлено прекратить». — «Я был в суде — в буфете!» Последовал ответ: «Нужно было быть не в буфете, а в зале суда!»

Грибков, бывший на суде, рассказывал мне, что со Шлихтерманом чуть не сделался удар, был красен как рак и при выходе из зала суда ругал суд и всех русских за их порядки.

Шлихтермановский свидетель Малышев был единственным русским служащим в конторе Шлихтермана, и держал он его только за то, что Малышев отлично говорил по-немецки. Вскоре после процесса Шлихтерман его уволил; Малышев пришел просить, чтобы я взял его на службу в Товарищество, и объяснял свое увольнение только тем, что он русский. И рассказал мне, что, когда я приходил в контору Шлихтермана, тот, пользуясь тем, что я не понимал по-немецки, поносил всех русских, и в том же числе и меня, называя нас «свиньями» и тому подобными наименованиями. Я сказал Малышеву: «Как же вы, будучи русским и понимая, что он говорит, допустили это?» — «Что я мог делать? Скажи что-нибудь, он меня немедленно бы уволил».

Прошло после этого полгода, мне Грибков сообщил, что подбросил гирю один из бывших наших служащих на складе, которого я за какие-то проступки уволил со службы, и он, желая отомстить за свое увольнение, подбросил гирю и о том сообщил Шлихтерману. Виновник этой неприятности рассказал это какому-то своему приятелю, служившему в Товариществе, во время их кутежа в портерной.

ГЛАВА 13

Ко мне в Московское Торгово-промышленное товарищество часто заходил биржевой маклер Алексей Александрович Майтов, рассчитывая от меня получить поручение на продажу русского хлопка. Раньше, до вступления в Товарищество Руперти, он делал здесь большие дела; Руперти устранил его из Товарищества, и с моим вступлением он думал опять втереться в него, стараясь как можно ближе сойтись со мной.

Майтов на маклерстве нажил довольно большие деньги, как он сам говорил, около полумиллиона рублей, считая в том числе дом его на Софийской набережной, выходящий на Москву-реку, а другой стороной на «канаву»[1]. Успех этот вскружил ему голову, он начал манкировать своим делом, часто уезжал за границу и в свое имение. И это сказалось в будущем: его клиентуру перехватили более энергичные маклеры, а следовательно, и те доходы, которые он имел.

В одно из своих посещений Москвы Н.И. Решетников однажды зашел ко мне в Товарищество, как раз когда у меня сидел А.А. Майтов. Я их познакомил. Н.И. Решетников начал восхвалять Азию, рисуя ее громадную будущность в хлопковом деле, причем не стеснялся рассказывать о Среднеазиатском товариществе, предвещая ему большой успех, и этими рассказами он разжег у Майтова его слабость — страсть найти товарищество, где бы он мог сделаться единственным продавцом. После этого Майтов начал ходить в Среднеазиатское товарищество к Н.И. Решетникову, с которым близко подружился. Дружба их вылилась в то, что Майтов пожелал купить паев Среднеазиатского товарищества, в это время сильно подешевевших, а Николай Иванович способствовал в покупке их.

Когда я узнал, что Майтов начал их скупать в значительном количестве у фабрикантов, поставивших на них давно уже крест, я, сочувствуя Майтову, дал ему понять, что скупка паев в данное время преждевременна. Отлично учитывал, что дела Среднеазиатского товарищества под управлением Решетникова не пойдут хорошо. Предполагал, что он примет мое замечание к сведению и будет осмотрительнее, а вышло наобо-

рот: он чистосердечно передал мои слова Решетникову, который тоже в свою очередь дал ему понять, что это говорится мною, может быть, с целью скупить паи для себя, а Майтов в этом случае мешает мне. Алексей Александрович поверил ему и еще больше усилил скупку и сделался одним из самых больших пайщиков Среднеазиатского товарищества и вместе с тем большим приятелем Решетникова, подпавши вполне под его влияние.

Как-то раз беседовали втроем Решетников, Майтов и я, Майтов рассказал нам, что он и его жена увлекаются спиритизмом, что у них составился кружок лиц, в котором участвуют граф Олсуфьев, [В.А.] Хлудов, архитектор Соколов и еще кое-кто. На этих сеансах бывают поразительные явления; между прочим, предложил нам приехать к нему и принять участие в сеансах. Решетников с радостью согласился и начал меня убеждать поехать к Алексею Александровичу. Майтовым был назначен день, когда мы должны были к нему приехать. В назначенный день мы ехали к нему на извозчике, от души потешаясь над сеансами, изображая, как все это будет комично и смешно.

Когда приехали, уже застали собравшийся кружок лиц. Сеанс полностью не удался, сидели около часу, и ничего не вышло. Олсуфьев и Хлудов уехали, оставшиеся были приглашены милой и изящной хозяйкой Софьей Владимировной пообедать.

После обеда хозяин, Решетников и я пошли в гостиную и начали продолжать заниматься спиритизмом, остальные гости остались в столовой. Майтов положил на стол овальной формы из красивого дерева лист белой бумаги, сели вокруг этого стола, составив из рук цепь. В руке Решетникова находился карандаш, и все молча углубились в ожидание. Карандаш скоро что-то начал писать, тогда Майтов обратился к мнимому духу с просьбой сообщить свое имя. Карандаш написал: «Мария». — «Как отчество?» — «Николаевна». — «Фамилия?» — «Самойленко». Последний вопрос повторялся три раза, так как фамилия Самойленко для нас всех троих была неизвестна, но ответ получался все тот же.

Тогда, после третьего переспроса, я вспомнил, что у меня была тетка Мария Николаевна Самойленко, которую я видел только в течение трех дней ее пребывания в Москве, когда она приехала из Варшавы, чтобы повидать своего отца, и остановилась у нас; она осталась у меня в памяти только из-за хорошего подарка, врученного мне при отъезде, я был тогда в возрасте шести-семи лет. Потом, когда мне исполнилось восем-

надцать лет, мой дядя Николай Николаевич сказал мне: «Умерла моя сестра Мария Николаевна в Варшаве, в психиатрической больнице Св. Иисуса. Мне известно, — добавил он, — у ней остались средства, находящиеся в банке; наследниками этих денег являетесь вы и я, а потому не съездите ли вы в Варшаву и не узнаете ли все подробности?» Я поехал с одним из своих товарищей, поляком, едущим в то время по своим делам туда. Он мне рекомендовал какого-то адвоката, который навел справку и разузнал, что М.Н. Самойленко действительно была в больнице душевнобольных Св. Иисуса, скончалась, погребена на таком-то кладбище; скончалась она больше двух лет назад, и оставшиеся у ней деньги поступили в пользу города Варшавы в силу существующего закона. Подтвердил, что все ее деньги перешли на законном основании к городу и оспаривать это он не возьмется.

Вспомнив все это, я сказал моим компаньонам по сеансу: «Самойленко — это моя тетка, умершая двенадцать-тринадцать лет тому назад». После чего я задаю вопрос: «Как ты доводишься мне?» — «Твоя тетка!» — «Что тебе нужно?» — «Молитвы и милостыни!» — «Где умерла?» — «В Смоленске». Это сообщение ее уже было неверно: мне известно, что она скончалась в больнице Св. Иисуса и погребена в Варшаве. Переспросили несколько раз, и ответ получался: «В Смоленске». Зная ее отношения с братом Николаем Николаевичем, о которых часто мне рассказывала матушка, с которым, как говорила, она жила как кошка с собакой, с постоянными ссорами и неприятностями, я задал вопрос: «Что желаешь передать своему брату Николаю Николаевичу?» Карандаш с силой вырывается из рук Решетникова и ломается. Взяли другой. Опять задаем тот же вопрос. Карандаш опять вырывается из рук Решетникова и далеко падает от стола.

После чего встали из-за стола и протянули над ним руки. Стол быстро двинулся к двери и ударился в нее; его водворили на старое место, но только протянули руки, как он опять еще с большей силой подбежал к двери и ударился в нее. Гости из столовой, услыхав шум и наши удивления, вошли в гостиную, но стол больше уже не двигался.

Когда возвращался домой, одно меня смущало: тетка ответила, что она скончалась в Смоленске, когда я был уверен, что это было в Варшаве. Мне пришло в голову: не было ли со стороны Решетникова и Майтова мистификации? Но решил, что этого быть не может. Решетников и Майтов у меня в семье не бывали и не были знакомы ни с од-

им из моих родственников, да притом в нашей семье о Самойленке мало оворили: она покинула Москву еще до моего рождения, прервав все гношения со своим родством.

Чтобы выяснить, где же она умерла, в Варшаве или Смоленске, я ешился поехать к моей двоюродной сестре Надежде Ивановне Пановой, которой я не видался уже много лет, зная, что она очень любопытная ама и знает почти все, что касается ее родства.

Панова мне рассказала: тетка была в больнице Св. Иисуса, однажды, икем не замеченная, ушла оттуда и скрылась. Исчезновение ее вечером заметили, встревоженная администрация больницы послала искать юдей, они отправились на вокзал железной дороги, узнали от носильщиков и железнодорожников, что они заметили странную даму без бажа и она села на московский поезд.

Со следующим поездом отправились из больницы лица, чтобы задерать ее и водворить обратно в больницу. Расспрашивали на всех станциях железнодорожников, не выходила ли у них на станции странная дама. Смоленске им сообщили, что видели какую-то даму и с большими транностями, она вышла, взяла извозчика и уехала в город.

Наконец нашли извозчика, везшего ее; он указал меблированные омнаты, куда он ее доставил. Прибыли в меблированные комнаты, огда там был большой переполох по случаю смерти в номере дамы, риехавшей вчера и без паспорта. После всех формальностей с полицией труп ее был выдан посланным из больницы, отправившим его в Варлаву, где и был погребен. И, таким образом, сказанное на сеансе теткой подтвердилось: город, где она скончалась, был Смоленск.

После первого спиритического сеанса, естественно, у меня явилось келание участвовать в дальнейших, хотя, должен признаться, мне Майов не особенно нравился: как делец он представлял из себя небольшую еличину и как человек не выделялся ничем особенным, у меня с ним ичего не было общего, и в свою очередь я видел, что он меня приглаıал к себе только из-за того, что я могу ему дать заработок, а, понято, это мне не могло нравиться. Н.И. Решетникову было приятно быать у Майтова, его заметно интересовала Софья Владимировна, жена Майтова, притом же он был большой любитель флирта, он мне часто эваривал: «Бей ворону, бей сороку, руку набьешь — сокола убьешь!» На вои ухаживания смотрел как на упражнение в получении большего опыта о занятию места в дамских сердцах, что ему в большинстве случаев

удавалось, и он умел как-то подходить к женщинам, возбуждая чувство доверия к себе и надежду найти в нем мелодию, не хватавшую им в их жизни.

Наши посещения Майтова участились, но сеансы без медиума не были интересны, а потому стали искать его. Кто-то указал. что где-то на Украине имеется медиум с замечательной силой, Бурхард[2]. Списались с ним. Он согласился приехать, если ему будут платить в год по 3 тысячи рублей до приискания им постоянного места в Москве. Собрали ему между собой следуемую сумму, и он приехал.

Описывать все сеансы я не буду, они были очень интересны и занятны, реальность явлений во время сеанса была несомненна, но, когда я приезжал домой, невольно находили разные мысли, которые побуждали не верить им, с предположением, что ты все-таки был одурачиваем.

Я — из всего кружка — особенно относился к явлениям с большим недоверием и тщательно старался проверять все и следить за всем. В одном из сеансов, на котором не присутствовал, было заявлено стуками, что я своим скептицизмом не даю возможности развиться явлениям с большой силой, с предложением устранить меня из кружка. Об этом мне передали, конечно, я вышел. И оставление занятий спиритизмом послужило мне большой пользой: я серьезно захворал нервно и долго лечился.

Я опишу один из сеансов, где я присутствовал. Сеансирование происходило на квартире Бурхарда. Комната была средних размеров, с двумя окнами и одной дверью. На стенах не было никаких украшений, и окна без драпировок. В комнате находились один стол, довольно большой ореховый диван и венские стулья по числу присутствующих лиц. Перед началом сеанса я осмотрел внимательно всю комнату, дверь запер на замок и ключ положил в карман. Окна завесили пледами из-за светлой лунной ночи.

Сидели долго, явлений не было, потом начались стуки все с большей и большей силой. Диван, на котором сидел я и еще несколько человек, начал трещать под нами, было ощущение, как бы он развалился и мы сейчас провалимся на пол. Решили сеанс прекратить, чтобы с дивана пересесть на стулья. Зажгли свет. К общему удивлению, диван стоял совершенно целый, в нем ничего не было сломано. Бурхард с выступившим на лице потом лежал бледный на диване и слабо дышал. После небольшого отдыха он скоро пришел в себя, и опять начали се-

ансировать. Долго ничего не было, потом стуками сказали: сегодня ничего не будет, нельзя прерывать начавшееся явление, это делать недопустимо! Сидевшие начали просить продолжать явление, обещаясь больше не прерывать явлений, хотя бы что и случилось. После долгого перерыва опять начался сильный стук в потолок и стены с ломкою, как и раньше, дивана. Кто-то закричал: «У меня на коленях сидит девочка лет пяти-шести, целует меня, гладит ручками лицо!» Потом случилось то же самое с соседом, и наконец очередь дошла и до меня. На моих коленях усаживается девочка, начинает целовать, обнимать ручками, чем доставляет мне какое-то особенное удовольствие и радость. Такое же ощущение, оказалось, было и у всех; я стараюсь ухватить ее за платьице и удержать, но слышу, как она уже сидит у соседа, таким образом, девочка обошла всех присутствующих. После чего само собой открылось окно, завешанное пледом; комната осветилась светом луны, и все увидали стоящего старика монаха во всем белом и с белым клобуком на голове. Стуки говорят, что монах — недавно скончавшийся в Троице-Сергиевской лавре отец Афанасий. Чувствую брызги воды на лице. Стуки указывают: отец Афанасий окропил святой водой. Сеанс кончен.

Зажигаем свет и видим: медиум Бурхард лежит без чувств, с лица капает пот, на столе стоит стакан с водой, закрытый записочкой, на которой карандашом написана молитва.

Бегу к двери и удостоверяюсь: дверь заперта; ключом, бывшим у меня в кармане, отпираю. Жена медиума и ее сестра, присутствовавшие на сеансе, сейчас же уходят из комнаты.

Когда направлялся домой, мысль моя работала: как все это могло быть? Я и все присутствующие несомненно ощущали девочку на своих коленях, она обнимала и целовала всех, удержать ее платьице рукой я не мог, и, как оно из моей руки вышло, я себе не мог представить. Является будоражащая мысль: не могла ли девочка быть спрятанной в платьях у мадам Бурхард или ее сестры? Почему они так быстро ушли из комнаты? Все это меня волнует, и я на себя бешусь: зачем я так скоро отворил дверь. И так я почти после каждого сеанса стараюсь найти и обнаружить фокусничество.

Этот сеанс и другие, с большими явлениями, меня все-таки не так поражали из-за предположенной чистой работы фокусников, а следовательно, обмана, но мой первый сеанс у Майтова, а потом у меня на квартире, о котором я сейчас расскажу, больше поразили и заставили

думать, что слова Гамлета: «Есть многое на свете, мой друг Гораций, чего не снилось нашим мудрецам!» — мудры и глубоки до бесконечности....

У меня по средам, кроме летних месяцев, собирались играть в винт. В одну из таких сред приехали двое, третий же партнер, Николай Петрович Попов, хозяин дома[3], в котором я жил, почему-то задержался, хотя он был всегда один из аккуратнейших. Решили до его прихода посеансировать, приняла участие в этом моя жена, считающаяся медиумичной, так как при ней явления всегда были сильны. Скоро начались стуки, из которых составляли слова. Спрашиваем: «Кто ты?» Ответ: «Олимпиада». — «Твое отчество?» — «Михайловна». — «Фамилия?» — «Попова». — «Что тебе нужно?» — «Передайте сыну: он сегодня не исполнил своего обещания!»

В это время раздается звонок. Входит в гостиную Н.П. Попов, как всегда, веселый, довольный, расправляя свои баки, и спрашивает: «Вы уже начали играть?» — «Нет, ждем вас, а пока занялись спиритизмом, только выходит какая-то ерунда: какая-то Олимпиада Михайловна просит сообщить сыну, что он сегодня не исполнил своего обещания». Н.П. Попов сильно побледнел и упал на кресло. Все к нему подбежали, дали воды, намочили голову одеколоном. Он пришел в себя, немного успокоился, встал, шатаясь и ни с кем не простясь, ушел к себе домой.

Мы все были сильно удивлены: что с ним случилось? — огорченные, что винт не мог состояться.

На другой день Попов пришел ко мне и извинился, что вчера ушел, рассказал: Олимпиадой Михайловной звали его мать[4], давно умершую. В день ее кончины она просила его ежегодно совершать заупокойную литургию и панихиду. Он дал в этом ей слово и ежегодно исполнял, но вчера — день ее смерти — он совершенно забыл об этом, а потому и не исполнил своего обещания.

Все присутствующие не знали имени и отчества его матери, а тем более не знали о его обещании, данном ей в день кончины.

ГЛАВА 14

Окончившийся 1889 год был во всех отношениях для меня весьма благоприятен: в Московском Торгово-промышленном товариществе я получил возможность работать без всякого вмешательства других лиц, стоящих в Товариществе по положению выше меня. В сентябре купил дом на углу Денисовского и Токмакова переулков у М.Д. Четверикова, оказавшегося моим родственником, чего до покупки не предполагал. В мои юношеские годы пришлось жить недалеко от этого дома; когда бы я ни проходил мимо его, всегда любовался им: густая растительность, состоящая из старых дубов, лип, лиственниц, каролиновых тополей[1], между которыми росли густые, запущенные кусты сирени, жасмина, жимолости, образовавшие как бы непроходимые дебри, которые окружали старый белый дом с колоннами, с мезонином крестообразной формы, с круглыми обширными рамами. Владение по улице было окружено забором на каменном фундаменте, со столбами из белого камня, с железными толстыми решетками, торчащими вверх пиками, и тяжелыми широкими воротами. Весь вид его изображал старую заброшенную усадьбу в захолустной губернии.

Дом долго не был обитаем; когда я купил его, у него уже две колонны упали, на мезонине штукатурка потрескалась и обвалилась, стекла в ветхих рамах были покрыты пятнами грязновато-фиолетового оттенка от выгорания на солнце, и, покупая его, я считал, что он сделан весь из дерева. Года за два до покупки интересовался узнать, продается ли он. Получил ответ: продается за 200 тысяч рублей. Это для меня было дорого, и я оставил мечту о приобретении его. Случайно узнав от своего знакомого С.И. Перлова, что он продается за 50 тысяч рублей, я немедленно его купил.

В «Историческом вестнике»[2] была помещена статья, кажется, в год моей покупки, что этот дом некогда принадлежал известному писателю Денису Фонвизину, почему переулок назван Денисовским, но мой тесть, Н.А. Найденов, которому я дал прочесть эту статью, утверждал, что это не так: наименование переулок Денисовский получил от бань, принад-

лежащих купцу Денисову, но что этот дом принадлежал Фонвизину не писателю, а известному декабристу[3].

Еще третье, важное для меня событие: вошел директором в Товарищество Н. Разоренова и М. Кормилицына, получив за организацию этого Товарищества на 100 тысяч паев. Следующий, 1890 год мне принес много интересной работы, которой я отдавался с большой охотой, не жалея сил, и от этого года у меня остались в памяти некоторые эпизоды из моей жизни и жизни некоторых других лиц, с которыми волею судеб мне пришлось иметь общение.

Однажды я был приглашен на обед к А.А. Майтову, где, понятно, встретил Н.И. Решетникова. По лицу милой хозяйки Софьи Владимировны было заметно, что она чем-то была озабочена, и в конце обеда она обратилась ко мне: «Скажите, пожалуйста, Николай Александрович! Мы хотим продать дом на Софийской набережной[4]; мужу за него дают триста тысяч рублей. Как ваше мнение: продать ли его, не дешево ли это будет?» — «Продайте, — ответил я, — по-моему, цена хорошая! Тем более, что в доме вашем не имеется канализации и спускаются все нечистоты в поглощающие колодцы, а по городским обязательным постановлениям делать этого нельзя. Вас заставят сделать бетонированные ямы, и нечистоты придется вывозить, а это обойдется чрезвычайно дорого». Это было в то время, когда городским головой был Н.А. Алексеев, старающийся всеми силами уничтожить поглощающие колодцы.

Софья Владимировна за совет поблагодарила. Вдруг Н.И. Решетников обращается к ней: «Вы хотите продать свой дом за триста тысяч рублей? Да что вы! Я сейчас же готов вам дать за него триста тысяч рублей! Николай Александрович ошибается: ценность земли в Москве неимоверно дешева, найдете ли в каком-нибудь из больших городов Европы стоимость земли в пятьдесят—сто рублей за квадратную сажень, везде стоит по несколько сотен рублей, а то и тысяч!»

Мне осталось после его слов только пожать плечами; не мог же я посоветовать Софии Владимировне: берите с него скорее задаток. Майтовы послушались Решетникова, дом не продали. Через год или два, когда необходимость заставила их продать, продали В.А. Бахрушину за 140 тысяч рублей, который устроил в этом доме общежитие для бедных вдов, имеющих детей.

Н.И. Решетников, его шурин Василий Иванович Лобанов и я сговорились отправиться в Московский купеческий клуб[5] на обед, а после

него остаться на маскарад, должный быть в этот вечер там. Пообедав, мы засели в зале, выбрав удобное место для наблюдения за маскированными, беседуя о разных делах; в это время подошел лакей к Решетникову и сообщил: «Приехавшая дама просит провести ее в клуб». Решетников встал, привел свой костюм в порядок, пригладил волосы и своей легкой, изящной походкой быстро пошел за лакеем. Мы, оставшиеся, начали костить на все корки этого счастливчика за успех его у дам. Правда, мы ему завидовали!

Немного спустя подходит опять лакей и приглашает Лобанова, я же, оставшийся один, решил поехать домой и уже встал, чтобы идти в раздевальню, но ко мне подошел лакей и просит пожаловать в гостиную. Вижу сидящих в гостиной за столом Решетникова, Лобанова и с ними даму в черном домино и маске. На столе у них стоит шампанское и фрукты. Они приглашают меня сесть, наливают шампанского, дама очищает мне мандарин, и начинается довольно оживленный разговор. Поболтав некоторое время, дама обращается ко мне с просьбой погулять по залам и показать ей клуб.

Гуляя по клубу, моя дама начинает меня заинтриговывать, ведя разговор очень тонко и ловко; я начинаю ею увлекаться. «Скажите, — говорит она, — правда, здесь публика какая-то сонная, как осенние мухи. Хорошо бы поехать в «Стрельну» или «Яр», послушать пение,... там жизнь бьет ключом!» Вижу: дело клонится к тому, что, пожалуй, она меня уговорит ехать в загородный ресторан, и при этом вспоминаю бывший со мной во время моей юности случай, когда мне было около двадцати лет, то есть в такие года, когда сердце трепещет от каждой юбки.

Получаю телеграмму: «Будьте в Благородном собрании[6] на маскараде в воскресенье» с подписью «Голубое домино». Я еле дождался воскресенья, пришел туда первым, когда еще только начали зажигать лампы. Сел в первой маленькой зале на диванчик и начал ожидать голубое домино. Часов в десять я вижу поднимающуюся по лестнице маску в голубом изящном домино, почти всю опутанную дорогими кружевами, в голубых туфельках; у меня так сердце и затрепетало: не она ли?

Домино проходит мимо, пристально смотря на меня, но скоро возвращается обратно и садится на тот же диванчик, на котором сижу я.

Я волнуюсь, про себя думаю: не это ли домино, приславшее мне телеграмму? Но как я начну с ней разговаривать? Придумываю в голове фразы, но горло пересохло, язык прилип к гортани, и ничего произне-

сти не могу. Домино меня сама выручает, спросив: «Скажите, пожалуйста, который час?» С этого завязывается разговор, и я ей предлагаю руку для прогулок по залам. Моя дама в домино, в изящном, дорогом костюме, на шее жемчужное ожерелье, в ушах солитеры, от нее идет запах тонких парижских духов — все это меня одурманивает и волнует, воображение мое дорисовывает ее красоту и молодость. В разговоре она упоминает известные московские фамилии и в том числе называет фамилию, имя, отчество моей тетушки, Софии Николаевны Алексеевой. Нужно сказать, что моя тетушка была большая пуританка, попасть к ней в дом лицу с сомнительной репутацией было невозможно. Хотя она была из купеческого рода, но она не сближалась с лицами этого круга, предпочитая общество из интеллигентных людей. И это мне дало право думать, что моя дама из такого же общества.

Когда я гулял с ней по залам, ко мне подошла другая дама, тоже в голубом домино, и сказала: «Я тебя ожидала и искала!» Но я уже не мог покинуть свою даму, я так увлекся ею, тем более что подошедшая домино не была так изящно одета.

Боясь, что новое голубое домино опять будет ко мне подходить, предложил своей даме прокатиться за город в «Стрельну». Она согласилась. Дорогой, а потом в отдельном кабинете я упрашиваю снять маску, и после некоторых уговариваний она снимает. О ужас! Мною созданная иллюзия была жестоко разбита: оказалось, женщина далеко не молодая, хотя еще с сохранившимися красивыми чертами лица; я чуть не вскрикнул от огорчения, и вскоре мы катили обратно, с одним моим желанием — скорее доставить мою даму домой. К сожалению, это приключение еще не кончилось из-за моей болтливости: я сказал свою фамилию и что Софья Николаевна моя тетушка; через несколько дней получаю от нее безграмотное письмо с приглашением приехать куда-то, потом второе и еще несколько телеграмм, но я не поехал на эти свидания.

Встречаю сына моей тетушки Софьи Николаевны — Михаила Ивановича Алексеева, сказавшего мне: «Вы наделали какие-то дела, от которых моя матушка пришла в ужас! К ней почти силком ворвалась ее бывшая портниха и с большой настойчивостью добивалась узнать ваш адрес». Он же мне и сообщил: эта бывшая портниха была в свое время интересной и красивой женщиной, была на содержании у очень богатого человека, у них появились дети, после чего он женился на ней и она сделалась богатой дамой.

Вот почему, когда в Купеческом клубе дама в черном домино предложила поехать в загородный ресторан, я вспомнил приключение, только что рассказанное, со всеми от него переживаниями, я ей решительно заявил: «У меня завтра срочное дело, мне необходимо сегодня подготовиться к нему, а потому не могу воспользоваться приятной прогулкой». Подвел ее к столу, где сидели Решетников и Лобанов, и извинился перед ними, что должен отправиться домой. Решетников тоже не пожелал оставаться в маскараде, и мы с ним вместе вышли из клуба.

На другой день В.И. Лобанов, встретившись со мной на Бирже, сообщил, что вчера с дамой хорошо кутнули в «Стрельне». По его словам, дама была интересная и красивая.

Приблизительно через год мне пришлось быть в Средней Азии в Самарканде. Поехал навестить жену Н.И. Решетникова, жившую там со своими детьми. Александра Ивановна приняла меня весьма радушно, взяв с меня слово, что я на другой день приеду к ней обедать. Угостила меня отличным обедом, после чего предложила прокатиться в имение, где имелся винный подвал. Поехало нас трое — она, офицер Николаев и я.

В хорошо устроенном подвале стояли большие бочки с вином разных лоз и сортов. В передней части подвала — стол с мраморной доской и вокруг него стулья, на них мы и разместились. Винодел принес стаканы и начал в них наливать вино, как говорил, для пробы, часто меняя стаканы, наливая их другим вином, с каждым разом с улучшенным сортом. Пробовали много, но наконец мы все дошли до состояния почти невменяемости. Александра Ивановна обратилась ко мне: «Помните маскарад в Купеческом клубе? Домино в черном была я!» — «Позвольте, как же это? — сказал ей. — Николай Иванович, идя со мной из клуба, утверждал, что он не может догадаться, кто была эта дама. Он бы мог узнать по разговору и по вещам, надетым на вас». — «Я приняла меры: во рту у меня лежала пробка, что весьма изменяет голос; платья, что было надето на мне, он не видал, так как оно только что было сшито; драгоценные вещи я надела моей подруги, и он их первый раз видел». — «Ваш брат Василий Иванович на другой день уверял, что он с дамой кутнул в "Стрельне"». — «Это-то уж он соврал! — сказала она. — Он очень рвался меня проводить и лез в карету, но я его не пустила туда. Уверена, что он до сего времени не догадывается, что эта дама была его сестра».

После этого маскарада Николай Иванович со всей семьей уехал в Самарканд, сказав, что долго не приедет в Москву. Какое же мое было

удивление, когда я увидал его опять весной в Москве. Он объяснил свой приезд в Москву невозможностью жить в это время в Самарканде от невыносимой жары, доходящей до 60° по R[7]. Снял дачу в Кунцеве, куда и пригласил меня обедать. Я поехал с удовольствием, так как ни разу не был там и мне хотелось посмотреть это интересное по красоте дачное место.

Встретил меня Решетников с подвязанной и забинтованной левой рукой. Я с удивлением спросил его: «Что это с вами?» — «Ничего,... пустяки,... упал на гвоздь, торчащий в доске, и проколол ладонь насквозь». Хозяйка не вышла. Николай Иванович извинился за нее, сказав: занята по хозяйству.

Пришла его сестра Елизавета Ивановна, в то время еще совсем молоденькая барышня, недавно окончившая Черняевскую гимназию[8]. Семья Решетниковых очень желала выдать ее замуж за моего шурина А.Н. Найденова.

Разговор не вязался, я предполагал, оттого, что хозяин страдает от раны, а его домашние обеспокоены состоянием его здоровья. К обеду пришла Александра Ивановна, бледная и расстроенная; обед был скучен и кончился скоро. Когда я начал собираться уезжать, то было видно, что все были довольны моим отъездом. Решетниковы не прожили все лето в Кунцеве, вскоре после этого обеда опять выехали в Азию.

Лет через десять, в 1900 году, у меня с Николаем Ивановичем произошел разговор об одном случае в знакомой нашей семье, в которой жена покушалась лишить жизни своего мужа. Николай Иванович держался того, что следует простить жену в силу только того, что муж — истинный христианин. Я задал ему вопрос: «Могли ли бы вы сами простить, если бы подобное случилось с вами?» — «Мог бы и даже сделал это! Помните, вы были у меня в Кунцеве, я еще был с подвязанной рукой? В этот день жена стреляла в меня, и только случай, что пуля прострелила мне ладонь, а не сердце. Я простил ее».

В конце 1890 года получили из Самарканда телеграмму, извещающую о тяжелой болезни Н.И. Решетникова. Вызвали в Москву главного доверенного для выяснения положения дел Товарищества. Доверенный был немец (фамилию забыл). Рассказывал мне о состоянии здоровья Николая Ивановича, я из его слов никак не мог понять причины болезни Николая Ивановича, было видно, что он от меня что-то старался скрыть. После моих настояний он, предварительно взявши с меня слово, что я

никому об этом не сообщу, рассказал: Н.И. Решетников перенес свое увлечение спиритизмом в Самарканд. Составился кружок из его приятелей и знакомых, начавших сеансировать по очереди у каждого. На одном из таких сеансов стуки сказали: «Жена тебя обманывает с офицером Николаевым, можешь проверить — поезжай домой». Решетников немедленно уехал и в доме застал все, как было сказано на сеансе.

Эта неожиданность так его ошеломила, что с ним случился глубокий обморок со всеми задатками воспаления мозга. Решетников пролежал несколько месяцев в кровати, находясь между жизнью и смертью, но жизнь восторжествовала, он стал поправляться и при первой возможности покинул Самарканд навсегда. Жена с детьми осталась там.

В Москве он жил у матери, некоторое время совершенно не выходя на службу. Ему посоветовали доктора развлекаться. Старые развлечения, как, например, рестораны «Яр» и «Стрельна», уже его не могли интересовать; требовалась для его душевного настроения более спокойная, семейная обстановка, и он нашел ее в семье Майтова, где начал часто бывать и проводить там время. Кроме того, стал ездить в разные дачные места, находящиеся в недалеком расстоянии от Москвы. На одну из таких поездок он пригласил меня. Решили ехать в Петровско-Разумовское, пользуясь дивной весенней погодой. Только выехали из Петровского парка, как навстречу попался табор цыган. Цыганки, протягивая руки, кричали: «Остановитесь! Мы вам погадаем, скажем судьбу». Николай Иванович остановил извозчика, протянул цыганке руку, та посмотрела ее внимательно, сказала: «Ох, желанный! Как тебя жена обманывает! Какое у тебя горе! Чуть не умер. Погоди, тебя ожидает большое счастье: полюбит красотка, каких мало, и ты, желанный, будешь счастлив и все забудешь!» Он вырвал у нее руку, швырнул рубль. «Пошел!» — сказал извозчику. Обратившись ко мне, сказал: «Не стоит у них гадать, все врут!» Он не думал, что история с женой мне известна.

Предсказание цыганки потом сбылось: одна из красивейших женщин (Новикова, урожденная Бостанжогло) полюбила его. Мне не пришлось ее видеть, но я слышал от многих, что она интереснейшая женщина.

Этот роман с Новиковой, предсказанный цыганкой, был значительно позже, я предполагаю, что он был около 1900 года, но до этого времени он был принят в семье Майтова как близкий человек, где и проводил свое время. Мне помнится, что в промежутке годов от 1893 до 1895-го я был в Петербурге; проходя по Невскому проспекту, встретил Николая

Ивановича. «Что вы здесь делаете?» — спросил я его. «Я здесь не один, а с Майтовыми, хлопочем о получении концессии на железную дорогу от Коканда до Намангана. Живем в «Бельвю»[9] на Большой Морской, заходите к нам, у нас бывает весело». Я зашел. Жили они хорошо, снимая в гостинице три комнаты: средняя была общая, отлично обмеблированная, обставленная живыми цветами, по бокам находились комнаты супругов Майтовых и Решетникова. Платили за них по 25 рублей в день. Я посидел недолго и ушел, заметив, что мое посещение Майтову не нравится. Как мне потом рассказывал Николай Иванович, истратили денег уйму, но концессии не получили, несмотря на то что жене известного крупного чиновника, от которого зависела концессия, поднес, как говорил Решетников, коробку конфект, на дне которой было положено 30 тысяч рублей. Подносил Решетников, а деньги были Майтова. Потом в Москве мне жаловался Майтов: «Дорого обошлась мне эта затея! Николай Иванович обещается отдать половину расходов, но пока у него нет». И, как я слышал, Майтов этих денег и не получил.

Н.И. Решетников вышел из директоров Товарищества в 1890 году после неприятной с ним истории. Постепенно наши отношения охлаждались и, можно сказать, окончательно порвались после возвращения его из Петербурга, когда он обратился с просьбой одолжить ему 8 тысяч рублей. И я ему отказал: уже очень из него вырисовывался тип Хлестакова!

Я хорошо не помню, кажется, в 1907—1910 годах в Москве открылось новое страховое общество, организаторы этого общества были известные купцы Петр Галактионович Миндовский и Иван Александрович Миндовский, последний был очень богатый купец из города Кинешмы, и во главе этого общества как распорядитель был поставлен Решетников.

Н.И. Решетников, желая приобрести клиентуру в страховое общество, пришел ко мне с просьбой поддержать его в новом деле и дать на страх имущество тех учреждений, где я стоял во главе. Я ему обещал и однажды отправился к нему на Мясницкую, в дом Обидина, где помещалось новое страховое общество (наименование его забыл) [10]. Меня ввели в кабинет Николая Ивановича, отлично обставленный мебелью, бьющей на эффект.

Н.И. Решетников был очень доволен моим приходом, много говорил о задачах и будущих успехах своего общества, между разговоров он часто звонил, вызывая служащих, спешно, с озабоченным видом отда-

вал приказания, желая показать особую деловитость и распорядительность. Между прочим вызвал заведующего хозяйственной частью, которому приказал: «Достаньте к завтрашнему дню обязательно смоленских пряников, я обещался привезти такой-то, — назвав фамилию какой-то княгини, — она их очень любит!» Обратясь ко мне, сказал: «У ней большие собственности, она дала мне согласие застраховать их у нас». Управляющий с недоумевающим лицом спросил: «Если не найду в Москве этих пряников, как же мне быть?» — «Поезжайте в Смоленск и купите пять фунтов, — был его ответ, — но непременно достаньте!»

«Хорошо, — подумал я, — успех делу будет полный!»

Мое предположение оправдалось скорее, чем я ожидал: новое страховое общество скоро прекратило свое существование и закрылось окончательно.

После чего я услыхал, что Н.И. Решетников купил небольшое подмосковное имение, развел в большом количестве кур разных пород, затрачивая в имение большие деньги. Как оказалось, деньги брались из учреждения, где он числился казначеем. Растрата открылась; чтобы избежать скандала, братья его продали именьице и самаркандские виноградники и нехватающую сумму внесли из своего кармана. Эту историю старались умалчивать, а потому она не сильно распространилась по городу и Бирже.

Приблизительно в 1911—1912 году я отправился в Сочи. Сел в Новороссийске на пароход. Поднялся на палубу и увидал сидящих Н.И. Решетникова и его жену Александру Ивановну, дружно и весело беседующих. Для меня стало ясным: полное примирение состоялось, между ними царили мир и согласие. Пришлось пробыть с ними недолго: они сошли с парохода на первой остановке.

Н.И. Решетников около 1900 года занял должность биржевого нотариуса, куда был назначен благодаря протекции Н.А. Найденова, благоволившего ему, как шурину его сына, но он не решился дать должность ему одному, как это велось до этого времени, а назначил еще очень почтенного немца Миндера, после чего сделалось два нотариуса. Как мне пришлось слышать, Миндер не был доволен работой своего товарища и все денежные расчеты держал в своих руках. Сколько времени пробыл Н.И. Решетников на этой должности, я не помню.

Однажды ко мне на Бирже подошел один из осведомленных маклеров, кажется, это было в 1916 году, и сказал: «Поздравляю с новым

товарищем министра, на этот пост назначен Н.И. Решетников». — «Ну, этого быть не может!» — ответил я. «Да, но на самом деле это так! — сказал он. — Матушка Н.И. Решетникова Анисья Ивановна — давнишняя приятельница Распутина; когда Распутин бывал в Москве, всегда останавливался у нее, и благодаря влиянию Распутина на государыню Решетников попал в министры».

Но назначения Николая Ивановича на эту должность не последовало. Я уверен, что он отказался сам, под воздействием своих братьев, боящихся, что его растрата приютских денег выплывет в газетах при его назначении в министры.

Уже во время революции мне пришлось узнать, что Решетников сделался приближенным к царице Александре Федоровне, жил во дворце в Царском Селе, где имел отдельные апартаменты, и во время ареста ее он еще жил там.

Скончался Решетников в 1930—1931 году, я думаю, ему было за 70 лет, от тяжелых переживаний, выпавших ему в конце его жизни: он был лишен квартиры, выселен из дома. Ему, старику, и его брату Ивану Ивановичу, жившему с ним, пришлось переезжать в село Пушкино, с перевозом имущества. От волнения и непосильного физического труда он и его брат скончались почти единовременно[11].

ГЛАВА 15

1890 год ознаменовался еще тем, что было приступлено к организации Среднеазиатской выставки в Москве[1]. Инициатором этого предприятия был мой двоюродный брат Алексей Александрович Недыхляев, зашедший ко мне с просьбой принять в этом деле участие, приурочивая ее к открытию французской выставки[2], имеющей быть в 1891 году на Ходынском поле в сохранившихся зданиях от Всероссийской выставки 1882 года. Причем он получил согласие от Аполлона Александровича Майкова, бывшего директора императорских театров, быть председателем комитета выставки со взятием на себя всех хлопот у московских властей, где он имел хорошие связи.

Здесь же с Недыхляевым были намечены остальные члены комитета, которые могли бы некоторым влиянием содействовать успеху выставки. Моя обязанность выразилась в некотором давлении на азиатских купцов, имеющих с Товариществом дела; Н.И. Решетников мог бы содействовать в этом направлении в Азии у азиатов и местных властей к способствованию высылки экспонатов. Следующие назначенные лица были: Николай Николаевич Коншин, Савва Тимофеевич Морозов, Я.Ф. Гартунг, директор Тверской мануфактуры; Александр Григорьевич Кольчугин, Отто Максимович Вогау, Давид Иванович Морозов и А.И. Шамшин, а секретарем выставки А.А. Недыхляев.

А.А. Недыхляев был еще очень молодой человек, ему было 23 года, но обладал необычайной энергией, и можно было считать, что он единственный вывез на своих плечах Среднеазиатскую выставку. Его энергия меня изумляла, если бы он вздумал приложить ее к какому-нибудь практическому делу, то не сомневаюсь, что составил бы себе большое состояние. Его же тянуло к устройству выставок, и он лучшие годы своей жизни посвятил на это дело и им составил себе имя и положение. Правительство обратило на него внимание, и после Среднеазиатской выставки он был представителем на многих выставках как в России, так и за границей. Получил много орденов и звание коммерции советника.

На состоявшемся общем собрании учредителей выставки все намеченные нами лица в комитет выставки прошли полностью, с добавлением А.А. Майтова.

Устройство выставки в руках Недыхляева быстро закипело. И она к весенним дням 1891 года была совершенно готова в больших залах Исторического музея.

На первом заседании выставочного комитета было решено обратиться с просьбой к хозяину города — генерал-губернатору князю В.А. Долгорукову о принятии им звания почетного председателя выставки, на что были уполномочены А.А. Майтов, Н.Н. Коншин и я.

Князь Долгоруков, выслушав от нас причину и цель этой выставки, принял на себя эту почетную должность, что гарантировало нам известный успех и воодушевило комитет к дальнейшей усиленной работе.

Из выбранных членов комитета аккуратными посетителями заседаний комитета были А.А. Майков, Н.Н. Коншин, О.М. Вогау, Н.И. Решетников, когда он бывал в Москве, А.А. Майтов и я, а остальные члены почти не бывали и начали посещать заседания, как только убедились в несомненном успехе ее.

Среднеазиатская выставка представляла из себя довольно уютный уголок Средней Азии, с хорошо оборудованной показательной стороной положения края того времени.

За несколько дней до открытия разнеслась весть, что князь В.А. Долгоруков отстраняется от генерал-губернаторской должности, которую займет великий князь Сергей Александрович. Комитет был поставлен в весьма затруднительное положение: кто должен быть почетным председателем? Но пришли к заключению, что [если] звание почетного председателя принадлежит генерал-губернатору, то оно должно перейти к вновь назначенному великому князю Сергею Александровичу. А.А. Майков отправился к нему и просил его пожаловать в назначенный день на открытие Среднеазиатской выставки. Великий князь Сергей Александрович выразил свое полное согласие. Это был его первый официальный выезд по служебным обязанностям генерал-губернатора.

Распространившийся по Москве слух, что великий князь будет на открытии выставки, возбудил всю московскую знать и крупное купечество обязательно в это время на ней присутствовать. Со всех сторон посыпались просьбы о получении билета на право входа в день открытия.

В это же приблизительно время выставочный комитет начал собираться в полном составе, то есть в то время, когда все уже было готово и их присутствия, пожалуй, не требовалось.

Многие заявили о желании принять участие в качестве учредителей Среднеазиатской выставки, но, когда к ним обратились с просьбой внести установленную небольшую сумму членского взноса, они под разными предлогами отказывались это сделать, несмотря на частые напоминания комитета. А главное, смешно сказать, это были миллионеры, тратящие на свою жизнь не десятками тысяч, а сотнями тысяч ежегодно, как, например, Дмитрий Родионович Востряков, Николай Александрович Лукутин и Александр Александрович Найденов. Они очутились в курьезном положении: их вычеркнули из учредителей выставки как не внесших членских взносов, следовательно, они попасть на открытие выставки не могут. Жены же их[3], которые и дали денежное положение мужьям своим, настойчиво выражали желание присутствовать на открытии выставки, где будет великий князь. Говорят, произошла хорошая головомойка мужьям за их мелочность, и они, сконфуженные, приехали в комитет просить принять их опять в члены комитета с готовностью внести столько, сколько пожелает комитет. Им выдали билеты, но за их глупость взяли значительно больше, чем с остальных.

Выставка открылась с подобающей торжественностью в присутствии великого князя Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны. Впечатление от Сергея Александровича осталось какое-то тусклое, ожидали чего-то большего, но Елизавета Федоровна понравилась всем, она была обворожительна.

В этом же году приехал в Москву государь Александр III. Комитет получил известие, что он посетит выставку в определенный день, после посещения французской выставки на Ходынском поле.

В день его прибытия на выставку вся площадь перед Историческим музеем за много часов до прибытия государя была переполнена народом, собравшимся встретить его. Я приехал рано, но и то с большим трудом мог пробраться через сплошную толпу народа, и то только благодаря любезности старшего полицейского, к которому я обратился с просьбой проводить меня до дверей музея.

Сначала приехал встретить государя как генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович с Елизаветой Федоровной, за ними прибыл государь, государыня с дочерьми и великим князем Михаилом

Николаевичем, встреченные выставочным комитетом во главе с А.А. Майковым. Государыне, великим княгиням и великим княжнам были поднесены чудные букеты из роз. Розы были из садоводства Ноева Федора Федоровича. Я потом поинтересовался узнать у него, кто у него с таким искусством и уменьем подобрать цвета составляет букеты. Оказалось, у него на службе состояла одна барышня, которая специально этим занималась.

Первая зала, куда вошел государь и все его сопровождающие, была наполнена металлическими изделиями русских заводов, идущими специально в Азию. Стены залы были обвешаны медными подносами с изображениями медресе; в витринах стояли медные кунганы, кувшины, кальяны чеканной работы, сработанные под вкус азиатских потребителей. В зале была полная тишина, ни малейшего шума и разговора, и в это время срывается с самого верха стены медный большой поднос и падает на пол со страшным шумом.

Я впился глазами в государя: изменится ли он в лице или вздрогнет? Он стоял как изваянный колосс, ни один мускул на лице его не дрогнул, оно было совершенно спокойно, хотя шум от падения подноса был весьма сильный и его можно было принять за взрыв бомбы. Меня поразило его самообладание.

Государь обошел все залы выставки, останавливался перед многими витринами и даже разговаривал с некоторыми представителями этих витрин; так, подойдя к витрине, в которой заключались мануфактурные изделия Товарищества, где я был директором, он обратился к стоящему доверенному нашей фирмы, высокому, красивому хохлу Марченко, служившему в свое время в гвардии; государь спросил его, был ли он в военной службе и где служил. Марченко молодцевато, отчетливо, как подобает по военным правилам, отрапортовал государю; государю, видимо, он понравился. Потом подошел к фабриканту Федору Алексеевичу Разоренову, красивому седому старику, стоящему в большом смущении, сложив свои руки на животе. Государь тоже его что-то спросил. Разоренов — предварительно покрякав по своей привычке — ответил. Разоренов этой беседой с государем был неимоверно счастлив, потом много лет он вспоминал о ней. Разоренов по своей застенчивости не хотел идти на выставку, я же убедил его пойти, а потому он считал меня отчасти виновником своей беседы с государем; решил один спорный вопрос по расчетам за хлопок, составлявшим несколько тысяч рублей, запла-

тить полностью, говоря: «Хотя я не согласен с твоим расчетом, но за доставленную возможность говорить с царем готов сделать по-твоему!» При его расчетливости и скупости это одно показывает, как высоко он оценивал свое удовольствие.

Государю некоторые изделия особенно понравились, как, например, ковры туркменские и бухарские, некоторые из них он приказал оставить для него. После осмотра выставки государю предложили пожаловать в залу, где был сервирован чай. Эта зала была чудно декорирована цветами от пола до потолка. Стен не было видно, все они были обставлены кампанулами[4], сиренями и другими живыми цветами, искусно по тонам подобранными.

В залах стояли большие круглые столы, отлично сервированные историческим севрским сервизом, так называемым Наполеоновским, приобретенным с аукциона бывшим хозяином «Эрмитажа» французом Оливье. Вазы, наполненные лучшими фруктами, с торчащими ананасами, конфектами, печениями, искусно сделанными тортами; в серебряных жбанах со льдом торчали бутылки с шампанским. Вокруг одного стола сел государь с государыней и детьми и великими князьями и княгинями, а вся его свита разместилась за другими столами. Члены комитета стояли недалеко от стола, где сидел государь, ожидая, что он пожелает спросить что-нибудь.

Директор Товарищества ресторана «Эрмитаж» Николай Федорович Дмитриев, бывший раньше распорядителем там же, сам поднес на серебряном подносе чай, но государь от чая отказался, а сказал: «Хорошо бы попробовать азиатское вино!» Нужно сказать, что этот день был чрезвычайно жаркий и душный. Дмитриев, исполнив все по законам гурманов, то есть красное вино подогрел до определенной температуры и поспешил подать государю. Государь, попробовав его, сказал: «Какая гадость!» После чего государю поднесли неподогретое вино, и он выпил стакан с удовольствием.

Покидая выставку, государь обратился к членам комитета и спросил: «Кто из вас был в Средней Азии?» Оказалось, что из всего многочисленного комитета был в Средней Азии только один фабрикант Николай Николаевич Коншин. Признаюсь откровенно, мне было крайне неловко и обидно, что я, один из молодых членов комитета и стоящий во главе Товарищества, ведущего большие дела с Азией, не был там.

Потом государь, поблагодарив комитет за устройство выставки, сказал: «Вот эта — действительно выставка, а французская — базар!»

После посещения государем выставки ее посетило много высокопоставленных чиновников и придворных лиц, и публика повалила еще большим потоком.

На выставке побывал и министр Вышнеградский, осматривавший ее с особой внимательностью, так как, как потом узналось, он собирался лично побывать в Средней Азии и увидать своими глазами, что представляет из себя этот край.

Министру был московским купечеством дан обед в залах выставки, предназначенных для буфета. Обед был великолепен; директор «Эрмитажа» Дмитриев сделал все возможное, чтобы не ударить лицом в грязь. От кого-то узнали, что Вышнеградский — любитель спаржи; хотя сезон спаржи кончился, но ее где-то добыли, и она была дивная.

После обеда министр разговаривал с председателем Биржевого комитета Н.А. Найденовым, мне пришлось проходить мимо них. Найденов, указывая на меня, сказал министру: «На плечах моего зятя после смерти Кудрина осталось тяжелое наследство». Вышнеградский ответил: «Знаю это, но кудринское дело дало ему возможность обогатиться большим опытом и не может пройти бесследно в дальнейшей его деятельности».

Среднеазиатская выставка была единственная из выставок, не давшая убытка, а, наоборот, принесшая хорошую пользу, поступившую в Императорское Техническое училище[5] на стипендии неимущим студентам.

На этот обед, даваемый министру, пользуясь тем, что мы были одни из распорядителей обеда, пригласили некоторых из своих знакомых, участвующих в нашем спиритическом кружке; один из них — крупный инженер с Московско-Брестской железной дороги И.О. Ярковский, другой — служащий в таможне Благоволин, но, быть может, фамилию его перепутал[6]. Благоволин рассказал в таможне, что он будет на обеде с министром, о чем узнал управляющий таможни С.С. Яковлев; приехав к нам, начал выговаривать в обиженном тоне: почему ему подчиненный приглашен на обед, а он лишен этой чести? Создался целый конфликт; чтобы не было дурных последствий по службе г-ну Благоволину, пришлось пригласить и г-на Яковлева.

Обыкновенно после таких официальных обедов инициаторы их со многими из присутствующих отправлялись заканчивать вечер в загородные рестораны, но нам такое времяпрепровождение опротивело; мы заранее уговорились после обеда поехать к И.О. Ярковскому, жившему на казенной квартире близ станции, чтобы заняться спиритизмом, пользуясь

тем случаем, что семья Ярковского жила на даче и вся его большая квартира с его прислугой была в нашем распоряжении.

Ярковский, как гостеприимный хозяин, распорядился подать чай, закуски, вина, и все это было поставлено на длинном столе большой столовой, около которого разместилось нас шесть человек. Не успели еще мы разместиться за ним, как начались спиритические удивительные явления, выражающиеся в сильном стуке в стол: бутылки с вином попадали, посуда вся скакала и подпрыгивала. Я, всегда сомневающийся, сказал Бурхарду: «Это вы ногами ударяете в стол?» Он, рассерженный, с обиженным лицом, оттолкнул стул, на котором сидел, к стене, и мы все присутствующие сделали то же, так что были видны все. После чего явления усилились, стол стал подпрыгивать еще выше и стуки с большой силой последовали в стены и потолок. Прибежала прислуга с испуганным лицом, спрашивая: «Что за шум? Сверху пришли жильцы узнать, что бросаете в потолок. Они от этого шума спать не могут». На этом сеансе были передачи, как я вспоминаю, очень интересные, но суть их всю забыл[7].

ГЛАВА 16

Я глубоко убежден, что случайностей в жизни нет, как принято говорить о событиях, встречах и тому подобном, как бы случайно происшедшем с нами; между тем они предназначены нам роком как необходимые или существенные для нашего нравственного совершенствования, хотя бы они в наших глазах казались бы малозначительны и ничтожны.

В начале января 1890 года я вечером спешно заканчивал свою работу, как мне подали письмо; прочитав его, я немедленно бросил свою недоконченную работу, помчавшись к лицу, приславшему мне его. Я чувствовал: промедление в 10—20 минут времени может заставить человека, уже находящегося под влиянием аффекта, имеющего револьвер в кармане, лишить себя жизни.

Чтобы рассказать об этом событии, мне придется начать с ранних годов моей жизни, когда мне было только 14 лет.

Перед вечерним чаем в классе, освещаемом четырехрожковой лампой, у печки в углу сгрудилось человек восемь учеников, не пожелавших идти в рекреационную залу. Между ними велся оживленный разговор о посещении бывшим учеником нашего училища[1] Михайловым, окончившим в этом году курс и поступившим по конкурсному экзамену в Императорское Техническое училище.

Михайлов рассказывал, что с ним вместе держали экзамен еще несколько человек его товарищей, тоже выпуска нынешнего года, но оказалось, что он один счастливчик; правда, Михайлов был один из лучших учеников выпуска этого года.

Когда перебирали и перечисляли всех поступивших из нашего училища в Императорское Техническое училище, оказалось, что за все время набралось не больше трех. Каждый из присутствующих здесь учеников, нужно думать, мечтал попасть в это высшее учебное заведение, но и сознавал, что это для него только мечта!

В числе собравшихся учеников четвертого класса был и я, обладавший крайне живым, подвижным и, вероятно, дурным характером, считающийся одним из плохих по поведению учеников. В то время

придавалось большое значение поведению ученика, я же, как мне помнится, не получал за него балла выше двойки.

Воспитатели и учителя в большинстве меня не любили, и такое же чувство было и у меня к ним. Но мои шалости не выходили из пределов детских провинностей, а потому они, при всем своем желании, не могли применить всей строгости наказания, то есть удалить меня из училища.

Моя слава — большого шалуна — составилась обо мне с первого класса и хорошо укрепилась в головах воспитателей и учителей, с полным желанием с их стороны выдворить меня из училища.

Я не мог не заметить, что учителя — большинство из них были и воспитатели — относились ко мне особенно несправедливо: малейшее мое лишнее движение, что неминуемо было при моей живости характера, ставили мне в вину, сбавлялся балл за ответ; между тем тихие и скромные мои товарищи по классу, знающие гораздо меньше меня, получали удовлетворительные отметки.

Это могу утверждать по следующему случаю: был экзамен по математике, при переходе из второго класса в третий. В рекреационной зале происходил экзамен нашему классу; за большим столом, покрытым зеленым сукном, восседали известный учитель математики Муромцев, уполномоченный учебным округом; наш инспектор училища Шавров, преподающий в младших классах, и еще другой учитель, преподающий в старших классах. Наконец очередь дошла и до меня. Муромцев задает вопрос, я быстро и верно отвечаю, задает другой, третий, я тоже отвечаю без ошибки.

Он смотрит решение моей задачи, находит его правильным. Подвигает к себе список с годовыми выводами баллов и видит, что у меня стоит двойка. После чего начинает задавать еще разные вопросы и задачи. Я решаю и отвечаю верно и скоро. Тогда Муромцев обращается к Шаврову: «Почему вы вывели ему годовую двойку? Он хорошо знает предмет!» — «Варенцов — страшный шалун», — говорит Шавров. «Ну, за поведение и ставьте двойку, а за предмет — сколько заслуживает!» И в экзаменационном листе ставит мне пять.

Такое же отношение ко мне я замечал со стороны и других учителей по другим предметам. Дойдя до четвертого класса, я стал сознавать все совершаемые со мной несправедливости, и, откровенно сказать, мне не только учителя, но и самое училище сделалось противным. Приходили иногда мысли: бросить училище и начать готовиться в какое-нибудь дру-

гое, но так как я жил на средства моей матушки, которая не позволила бы этого сделать, то поневоле приходилось терпеть и переносить многие несправедливости.

Под впечатлением разговоров о Михайлове, а отчасти под воздействием прежних мыслей — об уходе из училища, у меня как-то невольно вырвалось: «Выйду из училища и стану готовиться в Императорское Техническое училище!» Правда, я сам не ожидал, что смогу сказать вслух свою лелеянную мысль, но «слово не воробей: вылетит — не поймаешь»!

Раздался оглушительный хохот моих товарищей, с последовавшими бесконечными издевательствами и насмешками, хорошо известными всем, учащимся в школах. Особенно этим отличался один из товарищей — Федоров, которому высказанное мною желание показалось верхом ереси, достойным полного высмеяния. Он изощрялся всеми способами обидеть и оскорбить меня.

Федоров, хотя смышленый от природы, был один из плохих учеников в классе как по учению, так и по поведению, нравственно развинченный человек, предполагаю, из-за плохого влияния на него со стороны двоюродных братьев, живших с ним в одном доме; они не отличались интеллигентностью и моральными качествами, приучили Федорова курить, пить водку и пиво и ухаживать за девицами, о чем Федоров не стеснялся передавать нам со смаком и наслаждением.

Я с Федоровым не был близок в училище, и мне, еще довольно чистому в то время мальчику, претило его поведение, но нужно же так случиться: Федоров сделался одним из сильных моих побудителей, двинувших меня стремиться к высшему образованию, а не сделаться каким-нибудь конторщиком или приказчиком, как это прочили в моей семье, предполагая, что лучшего из меня получиться не может, судя по отметкам и референции[2] инспектора училища.

В следующем году, этого же учебного года, скончался в марте мой дедушка[3], оставивший мне наследство, что дало мне возможность покинуть училище, с желанием готовиться в Императорское Техническое училище, чем весьма огорчил своих домашних, настойчиво удерживающих меня этого не делать.

Советников и руководителей по этому затеянному делу у меня не было; я вспомнил, что года два тому назад был у меня репетитор, студент Технического училища Осипов, к которому и обратился с просьбой заниматься со мною летом по общим предметам.

Занятия начались после переезда на дачу в Пушкино, еще в то время мало заселенное дачниками. Жить там было привольно и весело: прогулки по красивым окрестностям, рыбная ловля, купанье, игра в крикет, как раз в то время входящий в моду, а главное — чтение интересных книг, по рекомендации Осипова. Все эти развлечения отвлекали меня от усидчивого занятия, но в конечном результате оказались для меня полезны: к Осипову приходили товарищи, и из их бесед, споров я почерпнул многое, что мне дало возможность по развитию быстро двинуться вперед.

Наступившая осень заставила меня подумать о начале усиленного занятия, но, летом пристрастившись к чтению и отчасти обленившись, было трудно начать работу, тем более подошли года, требующие общения со сверстниками и с желаниями поухаживать за барышнями. Я начал даже приходить к заключению: прав был Федоров и другие товарищи, так потешавшиеся надо мной от высказанного мною желания учиться. Смогу ли я исполнить свое желание?

В один из дождливых октябрьских дней, усиливающих гнетущей своей погодой мое душевное состояние, я, под впечатлением тяжелых дум о невозможности моей двинуть себя к учению, сажусь на конку у Ильинских ворот.

Вдруг кто-то схватывает меня за руку: «Здравствуй, Варенцов!» Оказалось, я сел рядом с бывшим товарищем Федоровым. Он рассказал, что его из училища попросили вон. Сейчас он служит в конторщиках на железной дороге, получает мало, но на удовольствие ему хватает, так как все остальные расходы по прожитию его оплачиваются родителями. Спросил меня, что я поделываю. «Готовлюсь в Императорское Техническое училище». Федоров ехидно улыбнулся и сказал: «Приходи ко мне в гости; обыкновенно в воскресенье к сестрам собираются подруги-гимназистки, бывает весело, и ты не соскучишься».

В одно из ближайших воскресений я отправился к нему. Федоров жил в доме своего деда Афанасьева в Гороховском переулке[4] (после его смерти дом был продан Холчевой, урожденной Скворцовой).

Встретили меня там радушно. Действительно, было там очень весело: барышни были хорошенькие, веселые и остроумные. Особенно мне понравились двоюродная сестра Федорова Софья (к сожалению, кончившая свою жизнь плачевно: она отравилась, покинутая женихом) и сестра его Аполлинария, о которой расскажу позже.

Позвали всех нас в столовую пить чай. Когда мы разместились за столом, то коварный Федоров, как будто дожидался этого момента, начал говорить про меня все, что знал плохого и смешного, выставляя меня в смешном положении как будущего студента, едва сумевшего достигнуть четвертого класса коммерческого училища; насмешки его были злы и не без юмора. Я не знал, куда мне деваться: так было стыдно и обидно, да притом еще и барышни начали ему в тон подшучивать надо мною. Я не знаю, как только я выбрался оттуда.

Вернувшись домой, я от обиды и огорчения не мог спать всю ночь. И тогда твердо решил бросить леность и отдаться всецело учению, чтобы поступить в Техническое училище. Когда я начинал слабеть духом и приходить в уныние, то стоило мне только вспомнить проведенный у Федорова вечер, чтобы с новой энергией приниматься опять за усиленную работу. Осипов посоветовал мне поступить в подготовительный пансион Певницкого, специально подготовлявший молодых людей к экзаменам в Императорское Техническое училище.

В этом пансионе я пробыл год и усидчиво занимался и, кроме того, по математике брал особые уроки у замечательно талантливого преподавателя Александра Карловича Гегера, с которым было одно удовольствие заниматься. Александр Карлович Гегер тоже был мною доволен и неоднократно высказывал свое удивление о моих способностях к математике.

До экзаменов оставалось времени не больше двух месяцев; пришлось особенно усидчиво работать. Ездить на уроки к А.К. Гегеру на Немецкую улицу в Кирочный переулок из Замоскворечья, где я жил в то время, было неудобно: отнимало много времени. Гегер предложил переехать к нему, на что я с радостью согласился: заниматься одному было трудно и скучно*.

*У Гегера было в квартире две свободные комнаты, которые он отдавал молодым людям, приезжим из провинции, готовившимся в Императорское Техническое училище. Семья его состояла из матери-старушки и сестры — молоденькой немочки Юлии Карловны.

Мать вела хозяйство, отличалась скаредностью и порядком, но кормила нас обедами сытными и здоровыми, ели в определенные часы и все вместе. Столовую, когда сын отсутствовал, держали в полумраке, чтобы меньше выходило керосину. Являвшийся Александр Карлович сейчас же прибавлял в лампе свету, но стоило ему выйти из столовой, она немедленно убавляла свет, говоря: «Для чего зря жечь керосин, и так светло!» Недолюбливала тех молодых нахлебников, которые желали взять лишнюю порцию, косо и злобно на них посматривала. Любимая ее тема разговора была о ее детях, которых она сильно превозносила, приписывая им особые качества по нравственности и образованию. Нередко приходилось слышать: «Моя Юленька не чета другим барышням, за которыми

Наступившее страдное время, измучившее нас ежедневным напряженным занятием иногда до 3—4 часов утра, наконец окончилось; мы вздохнули легко. Я знал, что экзамены мною выдержаны, но этого было мало, так как державших было пятьсот человек на 50 свободных мест; могло случиться, что найдутся с лучшими отметками, чем у тебя, больше пятидесяти, а ты будешь пятьдесят первым и не попадешь в студенты.

Большая толпа молодежи, державшей экзамены, собралась в одной из аудиторий училища, ожидая окончания совета профессоров, долж-

---

нужен глаз да глаз! Я все знаю, что она делает, о чем думает, секретов от меня никаких не имеет».

Незадолго до начала наших экзаменов мы были позваны в столовую обедать, заметили, что стол был накрыт с особой тщательностью; старушка сказала: «Стол накрыт руками Юленьки». Рядом с ее прибором стоял другой, как видно, предназначенный не обычному ее соседу по столу за обедом. Старушка, когда мы пришли в столовую, сидела на диване, вязала чулки и попросила нас немного подождать Юленьку, пошедшую что-то для обеда купить.

Мы разместились около нее, она, пользуясь случаем поболтать с нами, начала с обычной своей темы, с восхваления своей дочки: «Я уверена, моя Юленька ни одного письма не послала молодому человеку и сама не получала; она не то, что нынешние барышни, занятые только одним флиртом!» И пошла все в том же духе...

Скоро Юленька пришла, и с ней красивый молодой человек в путейской форме, севший с ней рядом за стол. Представляя нам молодого человека, сказала, что он старый знакомый семьи Гегер; жил у них четыре года тому назад, тоже готовился в Техническое училище, куда и поступил, но решил перейти в Училище путей сообщения в Петербурге, что ему и удалось. В этом году он окончил его и уже получил хорошее место службы.

Подали сладкое. Юленька обратилась к своей матери и говорит: «Мама, поздравь нас, я выхожу замуж, — указывая на соседа (имя, отчество и фамилию забыл). — Мы дали слово друг другу четыре года тому назад с решением повенчаться, как только он кончит курс и получит место. Теперь все это осуществилось!»

Получилась картина: старушка открыла рот от изумления, очки с носа упали на колени, и она могла только произнести: «Что? что?..» Вышло очень комично. Молодежь невольно расхохоталась, вспоминая слова старушки, произнесенные только что перед обедом об ее дочери.

Жених и невеста, озадаченные нашим смехом и удивлением матери до столбняка, не знали, как понять все это... Один из присутствующих сотоварищей по обеду оповестил все слышанное о Юленьке от ее матери: дочка ее не такая, как другие барышни, у ней секретов нет и т.д. Жених с невестой присоединились к общему хохоту и рассказали: переписываются четыре года; жених писал на почтамт до востребования, а потому матушка не могла знать о письмах. Их опоздание к обеду произошло из-за желания вспрыснуть торжественный для них день шампанским, которое они купили. Мы все с большим удовольствием выпили за их счастье, но в то же время досталось и старушке за ее малую наблюдательность, еще долго не могущей прийти в полное самочувствие от неожиданного сюрприза.

ных определить пятьдесят счастливчиков. Кто-то прокричал: список понесли для вывешивания в вестибюль. Все бросились туда, мне удалось подбежать одному из первых. Не верю своим глазам: моя фамилия на третьем месте, между тем я по черчению и рисованию получил наименьший допускаемый балл, но по остальным предметам у меня были отметки наивысшие. Не в силах высказать то чувство радости, охватившее меня в эту минуту, — я был вне себя! Я несколько дней после этого ходил как чумной.

Полученная мною радость, могу сказать, была одна из самых больших из всех радостей, пережитых в моей жизни. Я чувствовал и понимал, что с этого момента наступила для меня новая эра, перевернувшая всю мою жизнь.

Часто задавал себе вопрос: не встреть случайно Федорова на конке, не поедь к нему в гости, не злоупотребляй он своими коварными насмешками надо мной при интересных барышнях — стал бы я затрачивать столько энергии и сил, чтобы попасть в Императорское Техническое училище?

Я уверен — нет!

Как только я немного начал приходить в себя, было первым моим делом купить форменную фуражку и заказать портному мундир и шинель. Одетый с иголочки, отправился с первым моим визитом в воскресенье к Федорову, у которого не был с памятного вечера.

Застал у него почти то же общество молодежи, что и в первый раз. Произведенный мною эффект был чрезвычайный; нужно представить себе то изумление, выразившееся на лицах Федорова и его сестер, увидевших меня в студенческой форме. Все их отношения ко мне сразу переменились: они смотрели на меня как на героя. Оказанные мне любезности и расположение, как мне казалось, были искренние, после чего я начал бывать у них довольно часто, а потому пришлось ближе сойтись с Федоровым.

Вскоре скончался дедушка Федоровых г-н Афанасьев, наследники продали дом на Гороховской, и родители Федорова с дочерьми переехали на Доброслободскую улицу, в небольшую квартирку. Герману Ильичу Федорову пришлось уехать от них; он снял комнатку у железнодорожного служащего близ Рязанского вокзала. У его квартирного хозяина была дочка, учащаяся в гимназии; она была красивая блондиночка с черными глазами и бровями, с чудным цветом лица.

Навещая часто Германа Ильича, пришлось познакомиться с нею, начались совместные прогулки в Сокольники, в Богородское, и, признаюсь, она с каждым днем нравилась мне все больше и больше.

Прихожу как-то к Герману Ильичу, меня встретила хозяйка квартиры и сообщила: Герман Ильич от нас переехал на другую квартиру сегодня утром, не оставив адреса, куда он переехал.

Я, удивленный, спросил ее: «Какая же причина его неожиданного отъезда?» — «Он сказал, что нашел комнату для себя более удобную, и больше я ничего не знаю», — ответила она.

Переезд Федорова меня очень удивил: я видел его вчера, и он о переезде ничего не сказал, несомненно, с ним случилось что-нибудь, подумал я. Вернувшись домой, застал Федорова, меня ожидающего. Он рассказал: «Как ты знаешь, комната была маленькая, ночью спать было душно, а потому я свою дверь открывал в переднюю, зная, что этим никого не могу стеснить. Так и сделал вчера, крепко заснул. Ночью был разбужен: меня кто-то крепко обнимал и целовал. Я вскочил с кровати, вижу дочку хозяина квартиры в одной рубашке, стоящую около моей кровати. Я схватил ее за руки и быстро вытолкал из комнаты, дверь запер на крючок. Заснуть уже не мог; лежал и думал: как мне быть?.. что я должен предпринять? Решил утром же переехать в номера. Остаться здесь? — я не мог ручаться, что в будущем смогу сдержаться! Она красивая, и мне нравилась, но я не любил ее...»

Меня изумила его сила воли, он сразу поднялся в моих глазах, и я начал после того относиться к нему с большим уважением. Незадолго до своего переезда с квартиры Г.И. Федоров познакомился с семьей Сергея Пантелеевича Кувшинникова, где он начал часто бывать*. У

*Кувшинников был старик, жил в своем доме на Гороховской улице, против церкви Вознесения, имел торговлю на Ильинке в «ножовых рядах» изделиями для дамских работ. Кувшинников был известен торговой солидностью в продолжение нескольких десятков лет как аккуратный плательщик по своим обязательствам. Председателю Биржевого комитета[5] предоставлялось право таковых представлять к награде через министра финансов. Найденов и представил к награде Кувшинникова, и ему был пожалован орден Станислава 3-й степени.

Неожиданная награда на милого и тщеславного старичка сильно подействовала и послужила причиной скорой его смерти. Кувшинников радовался награде, как мальчик игрушке; носил орден не снимая, даже, как говорили, ложился спать с ним. Желая, чтобы все видели его орден, в мороз, едучи на извозчике, распахивал левую полу своей медвежьей шубы (в таком виде и я его видел) — он простудился и, получив крупозное воспаление в легких, скончался.

С.П. Кувшинникова были двое сироток внучек. Старшую звали Натальей Николаевной, красотой она не обладала, но была хорошей пианисткой, участвовавшей довольно часто на концертах в Благородном собрании. Как мне говорили, свои музыкальные таланты она слишком переоценивала и предполагала, что, увлекшись ее игрой, явится какой-нибудь королевич и она его осчастливит. Года шли, но королевичей не находилось, и она очутилась на границе перехода в старые девы, тогда она обратила свое внимание на Г.И. Федорова. Он был красивый, брюнет, с бледным цветом лица, с большими красивыми вишневыми глазами и длинными ресницами. Один в нем для нее был недостаток: он был беден, а главное — служил конторщиком. Она решила сделать его помещиком (благо ее дедушка давал за ней приданое десять тысяч рублей), предполагая, что для покупки заложенного имения эта сумма будет достаточна.

Герман Ильич увлекся Натальей Николаевной; нужно думать, что кроме ее музыкальных талантов его привлекала ее интеллигентность, хорошие манеры, остроумие, которым она в достаточной мере обладала. Я с ней был знаком гораздо раньше, чем Федоров, еще по даче в Пушкине, где ее дед имел дачу рядом с дачей, на которой я жил. Она мне не нравилась: глаза у ней были насмешливые и хитрые, доброты и искренности в них не было видно, и я думал про ее, что она эгоистичная и черствая натура.

Когда я узнал, что Герман Ильич ею увлекается, я ему рассказал свое мнение о ней; нужно предположить, что он в минуты откровенности ей все рассказал, что я о ней думаю.

Незадолго до своей свадьбы Федоров пришел ко мне с просьбой: одолжить ему заимообразно 20 тысяч рублей на покупку имения. Просьба его меня удивила: он наверное знал, что я ее не исполню. Я старался его отговорить от покупки имения, говоря: сначала нужно изучить это дело, полюбить его и иметь оборотные средства. Он, выслушав меня, встал: «Значит, ты отказываешься мне помочь? Так знай: я с тобой больше не знаком!» И вышел из комнаты, не простясь. Как я услыхал, имение было куплено, деньги для покупки его были заняты Натальей Николаевной Кувшинниковой у подруги ее Думновой, свадьба состоялась, и на этом все сведения о жизни молодых были кончены.

Нужно предполагать, что Наталья Николаевна, зная мое мнение о ней, желала полного разрыва со мной Германа Ильича, чтобы я в буду-

щем не мог видеть их семейную жизнь и, на правах некоторых дружеских отношений, не стал бы направлять мысли Федорова в нежелаемую для нее сторону.

После этого прошло лет 5—6, я уже работал в Московском Торгово-промышленном товариществе; однажды в пять часов вечера явился ко мне посланный с письмом, требовавший от артельщика обязательно вручить его лично мне в руки.

Ко мне вошел человек, в костюме, обыкновенно носимом швейцарами трактиров: поддевка, перепоясанная кушаком, сапоги в бутылочку, шляпа с павлиньими перьями. Я взял от него письмо и сказал: «Сейчас я очень занят, прочту после». Посланный ответил: «Господин, поручивший доставить письмо, настойчиво требовал, чтобы я дождался прочтения его вами, и после чего я могу уйти».

Разорвав поспешно конверт, достал письмо и сразу увидал по почерку, особо красивому и мелкому, что оно от Федорова.

На нескольких листах почтовой бумаги было изложено все, что произошло с ним с момента разрыва наших отношений: купленное имение оказалось никуда не годное, без леса, воды; земли хотя было много, но разбросана в разных местах в небольших клочках, друг от друга далеко отстоящих; дом старый, требующий большого и дорогого ремонта; инвентарь весь испорченный. В таком имении Федорову — без знания и опыта — пришлось вести все хозяйство; результат, понятно, оказался весьма плачевный: имение за долги в банк было продано с торгов. Федоров остался без всяких средств, с потерею денег, взятых у Думновой, нервно измученный и к тому же брошенный женой, с двумя дочками, до обожания любимыми им. Он писал: в первые года их замужества жена еще приезжала к нему в имение летом, как на дачу, редко — зимой, поминутно требуя доходов с имения. Работал он как последний батрак: вставал раньше всех, ложился спать позже всех, ел из одной миски со своими рабочими. Кроме этих физических лишений его угнетали мысли о любимой жене, весело живущей в Москве.

Заканчивал письмо так: «Сижу в отдельном кабинете трактира «Саратов»[6], на мне летнее пальто и резиновые ботики, костюм и сапоги продал для покупки револьвера. Посланный к тебе швейцар если скажет, что ты приехать не можешь, то прости меня за беспокойство; претензии к тебе иметь не буду, желаю тебе долгой и счастливой жизни».

Я бросил всю спешную работу и со швейцаром поехал в «Саратов».

Герман Ильич сидел в кабинете, перед ним стояли водка и закуска, но он до них не дотронулся. Одет был в летнее пальто, как писал, и, когда он распахнул его, я увидал, что на нем ночная сорочка и подштанники, и это при 20-градусном морозе.

Прежде всего я отобрал у него револьвер, и мы отправились на Лубянку, изобилующую магазинами готового платья. Он экипировался с ног до головы, я дал ему еще денег на прожитие, сказав ему, что постараюсь приискать ему место. Скоро устроил его на службу в Средне-азиатское товарищество в Среднюю Азию, на приличный оклад. Федоров, счастливый и довольный, выехал со своими дочками.

Через несколько месяцев его службы, по проверке у него кассы, оказалась недостача в несколько сот рублей. Дело замяли, перевели его в другой город и даже на более лучшее место.

Я ему написал строгое письмо, с предупреждением, что, если растрата повторится еще раз, он будет уволен, указав ему, что он своим легкомыслием наносит мне большие неприятности, так как я ответствен перед Товариществом за рекомендацию его.

Прошло еще полгода, при проверке кассы оказалась растрата больше тысячи рублей, и его уволили.

В конце 1891 года мне пришлось быть в Средней Азии, в Чарджуе, где жил Федоров. Про него рассказали: сильно пил, сошелся с какой-то проституткой, которая содержала его с дочками. Герман Ильич сильно опустился, работать уже не мог. Жизни этой не вынес и застрелился.

Прошло одиннадцать лет после того, как застрелился Герман Ильич. Я как-то с дачи приехал к себе в дом. «Вас спрашивает дама, — сообщил мне дворник, — она ожидает вашего приезда в саду». — «Попроси ее ко мне», — сказал я. Входит дама, хорошо одетая: «Здравствуйте, Николай Александрович! Вы меня не узнаете?» — «Простите, но, мне кажется, я вижу вас в первый раз в своей жизни!» — «Да, вот что значит время! И я бы вас не узнала! Помните ли, когда ваш товарищ Федоров жил у моих родителей на квартире, вы были в то время студентом-техником, мы втроем часто гуляли?» — «Неужели это вы?» — воскликнул я. «Да! Пришла узнать от вас: правда ли, что Герман Ильич скончался?» Я подтвердил это. Крестясь, она со слезами на глазах сказала: «Царство ему небесное! Я ежедневно за него всю жизнь молюсь о здравии его, а теперь буду молиться за упокой его души... Вы не знаете, какое он мне сделал благодеяние и как я обязана ему!»

Прощаясь, она рассказала, что замужем за прелестным человеком, который ее любит и она его любит, у них две дочки, очень похожие на нее, какая она была в молодости. «Приезжайте ко мне в гости, и по моим девочкам вспомните меня, какая я была, когда с вами познакомилась. Приезжайте, пожалуйста, я буду очень рада!» При прощании она мне опять сказала: «Если бы вы знали, как я обязана Герману Ильичу!» Я подумал: могло бы случиться, как говорят: кошке игрушка, а мышке слезки!

Сестра Г.И. Федорова Аполлинария Ильинична была красивой девушкой, с глазами как у брата и с такими же длинными ресницами, роста выше среднего, отлично сложенная, с большими косами волос темно-каштанового цвета, с трудом умещающимися на ее голове. В обществе она незамеченной быть не могла, но между тем она не многим нравилась, как я думаю, из-за своей апатичности и некокетливости.

Сначала я посещал ее часто, но постепенно промежутки наших встреч все увеличивались, и наконец я перестал у ней бывать. Незадолго до женитьбы своей Герман Ильич спросил меня: «Почему ты не навестишь сестру? Она о тебе спрашивала. Она кончила фельдшерские курсы и поступила на хорошее место в частную лечебницу; местом очень довольна и говорит, что лучшего ничего не желает».

Я поехал. Она была рада меня видеть, и я посидел у нее с часик. Когда я прощался с ней, она сказала: «Приятно быть богатым, иметь возможность сидеть в театре в первых рядах, бывать в лучших ресторанах, одеваться у лучших портных!» Эти желания меня немного удивили, раньше я не замечал, чтобы она увлекалась богатством. Это свидание наше было последнее, и я больше ее не видал.

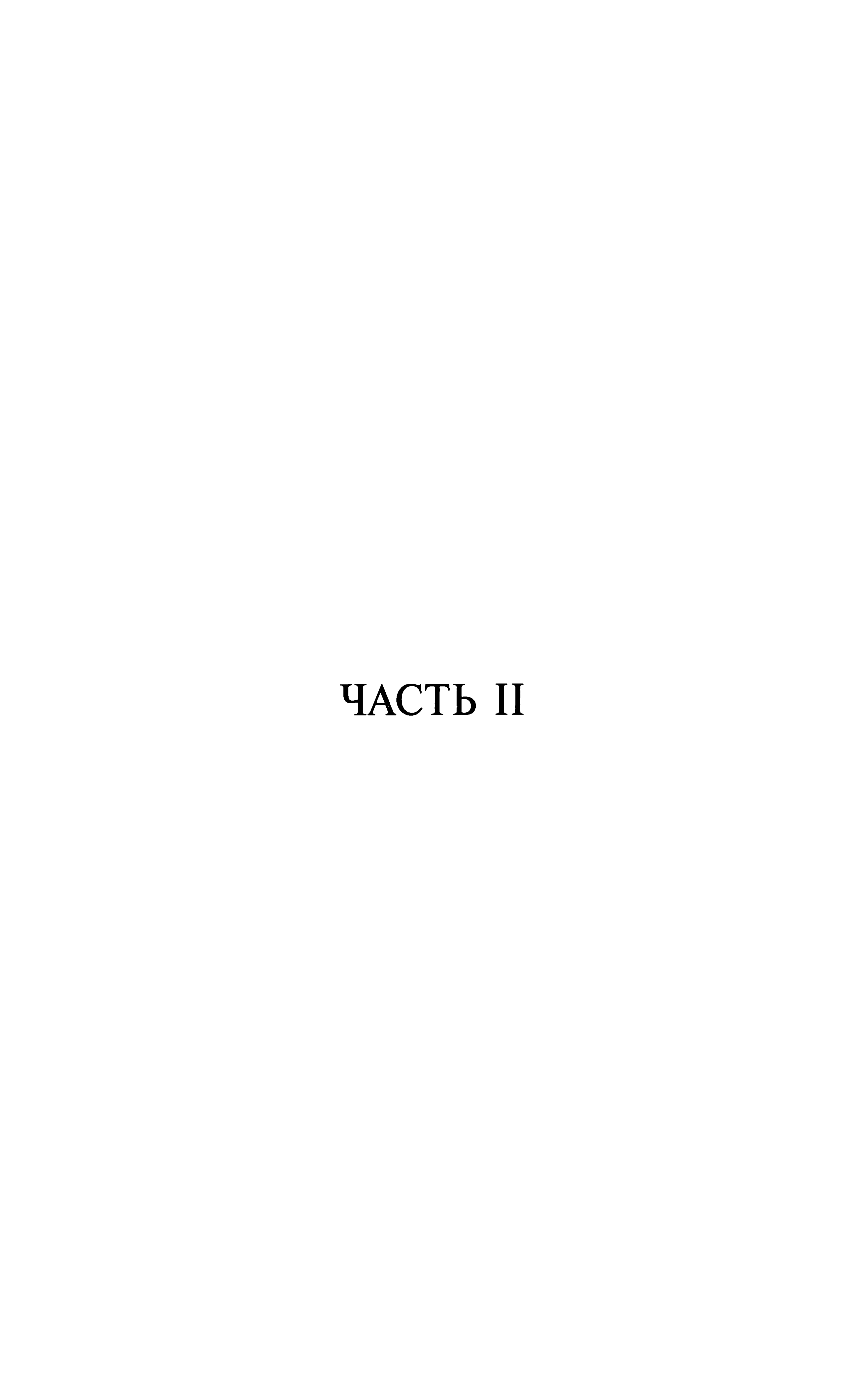
После того как Г.И. Федоров разошелся с женой и бывал у меня, рассказал про Аполлинарию: она познакомилась с шуйским фабрикантом Михаилом Васильевичем Рубачевым, им увлеклась; думаю, что отчасти была этому причина — его богатство. Заключаю это от произнесенной ею фразы: «Приятно быть богатым!»

М.В. Рубачева я знал, он был некрасивый, веснушчатый и подслеповатый, но очень неглупый. Рубачев ее покинул. На нее это так подействовало, что у ней отнялись ноги и она лишилась возможности работать. Доктора лечебницы, где она служила, жалея ее, собрали некоторую сумму денег и отправили ее в Крым в какую-то санаторию.

Лечилась она там долго, но состояние ее ног осталось в том же положении — ходить не могла.

Одновременно в этой санатории лечился богатый помещик. Они познакомились, часто встречались и разговаривали: потом он предложил ей возить ее в колясочке на прогулку, они еще больше сблизились, и помещик ее полюбил. Сделал предложение быть его женой. Аполлинария Ильинична чистосердечно рассказала причину ее болезни, предполагая, что он после этого о женитьбе больше разговаривать не будет, но он ей ответил: «До прошлого мне нет никакого дела, я вас полюбил и сочту себя счастливым, если вы согласитесь на брак со мной».

Венчание состоялась в местной церкви; невеста сидела в кресле на колёсиках, и шафер возил ее кругом аналоя. После третьего круга она почувствовала циркуляцию крови в ногах, с сильным покалыванием; пробует подняться — и, к удивлению всех, ей это удается, ноги стали действовать. Благодарственный молебен после венчания она простояла. После чего она окончательно выздоровела. Замужем она была счастлива, имела двух детей. Несмотря на то что она после родов сильно подурнела, но муж ее по-прежнему любил.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 17

Московское Торгово-промышленное товарищество, где я начал с мая 1889 года работать, было филиальным отделением Московского Торгового банка с целью развития разных торговых операций, не предоставленных банкам их уставами. Вследствие того, что в Товариществе не существовало определенного намерения заняться специальным родом товара, а торговали теми, которые, по мнению правления, были выгодны для того времени, как, например, хлебом, шерстью, хлопком и тому подобными товарами, а потому не существовало в Товариществе той нужной организации, требующейся для каждого специального рода товара.

Такая постановка не могла сулить делу прочного и солидного положения на московском рынке; скорее, дело выглядело как спекулятивное.

Во главе Товарищества стояли выдающиеся лица купечества:
председатель правления Николай Александрович Найденов,
вице-председатель Александр Константинович Трапезников,
директор-распорядитель Николай Козьмич Бакланов,
директора: Василий Дмитриевич Аксенов, Александр Степанович Ключарев, других директоров я не помню.

Члены ревизионной комиссии: Павел Михайлович Третьяков, Владимир Григорьевич Сапожников и Василий Иванович Якунчиков.

Все эти лица имели свои большие дела и были перегружены ими, понятно, отдавать свой труд и время в нужном количестве этому делу не могли, а потому Товарищество не процветало, а, так сказать, тянулось, пока не случилась катастрофа с одной известной фирмой братьев Борисовских, прекративших платежи с долгом Товариществу 200 тысяч рублей и Торговому банку — 400 тысяч рублей*. К тому же почти в это вре-

*Братья Борисовские были очень богатые люди, имели сахарорафинадный завод в Сокольниках и бумагопрядильню в г. Переславле[1]. Сахар их на рынках особенно ценился из-за хорошего качества. Старший брат, Мартемьян Мартемьянович, жил в своем большом особняке у Курского вокзала на улице Садовой[2], младший, Никанор, тоже на Садовой, у Красных ворот в своем особняке[3].

мя случилось большое несчастие с одним из деятельнейших директоров Товарищества А.С. Ключаревым, бывшим в то же время управляющим

Я вспоминаю: как-то, еще будучи юношей, мне пришлось ехать в конке мимо дома Никанора Мартемьяновича. Сидели со мной рядом какие-то обыватели, о чем-то разговаривающие, вдруг один из них обратил внимание других, сказав: «Едем мимо трех китов московских!» — «Каких?» — спросили другие. «Налево живет Сергей Владимирович Алексеев, а направо Н.М. Борисовский, а в переулке А.И. Хлудов». Борисовские были гордые и надменные люди во время их благополучия, когда все благоприятствовало их успеху.

Приблизительно в начале восьмидесятых годов того столетия цена на сахар дошла до кульминационной точки, чувствовалось, что дальше этого цена перешагнуть не может. В это время к Борисовским явился известный биржевой маклер[4] по сахару Фрейтаг с предложением продать всю годовую выработку рафинада одному киевскому купцу и единовременно купить через него у Бродского — так называемого «песочного сахарного короля» — на весь год сахарного песку, с тем чтобы покрыться на весь год сырьем; Бродский за свой песок назначал цену умеренную. Борисовским такая операция понравилась: у них оставалась хорошая польза и они помещали весь сахар в одни руки, с получением задатка в 200 тысяч рублей, с ежемесячным расчетом за высылаемую партию. Дело состоялось.

От Бродского сахарный песок начал поступать на завод братьев Борисовских; еще не успела выйти первая партия рафинада, как было получено письмо от киевского покупателя с извещением, что, по случаю изменившихся обстоятельств, он сахар просит в Киев не отправлять, так как от сделки своей отказывается и 200 тысяч рублей, оставленных им в задаток, просит оставить в свою пользу и этим считает сделку законченной.

Его отказом Борисовские были поставлены в большое затруднение: купленную партию песку от Бродского они должны получать и за нее платить деньги, а рафинад, получаемый из него, продать не представлялось возможным вследствие сильного понижения на него цены. Борисовские послали доверенного в Киев узнать: не представляется ли возможным привлечь к судебной ответственности их киевского покупателя и получить с него за тот убыток от отказа его принимать сахар. Доверенный нашел покупателя, живущего в тяжелых условиях в одной маленькой комнате, с железной кроватью, с простым столом и стулом и не имеющего больше никакого состояния. Покупатель объяснил доверенному, что он совершенно разорен взносом Борисовским 200 тысяч; сахар в цене начал падать, и разницу в цене ему платить нечем. Доверенный узнал от своих знакомых, что этот покупатель был раньше простым фактором[5], никогда средств не имел, и они удивлялись, что он мог внести 200 тысяч рублей, когда всегда нуждался в копейках. Но когда доверенный рассказал им подробно об этом деле, то они сказали ему: «Теперь история для нас понятна: несомненно, Бродский предвидел понижение цены на сахар и, как ловкий комбинатор, предложил этому фактору, понятно, за небольшую плату, проделать всю эту историю и тем положив в свой карман сумму, гораздо большую, чем выкинутые им 200 тысяч рублей».

Цена на сахар между тем все понижалась и понижалась, и братья Борисовские понесли на нем убытка несколько миллионов рублей; к тому же незадолго до этой истории ими было куплено на юге России громадное лесное имение, куда они затратили большие деньги, между тем имение доходом себя не окупало. Эти обстоятельства создали заминку в делах братьев Борисовских, и им пришлось приостановить платежи.

Баланс Борисовских показывал, что дело их только во временном затруднении, и если кредиторы согласятся отсрочить платежи на некоторое время, то дело могло бы совершенно исправиться.

оренбургского отделения Торгового банка. Ключарев не вынес этого несчастия и скоро после этого скончался **. После потери за Борисов-

Для обсуждения этого вопроса кредиторы собрались в доме Н.А. Найденова. Они высказались за возможность отсрочки, но при условии, если на это последует согласие со стороны всех кредиторов. Один из них, Гуго Максимович Вогау, категорически отказался отсрочить; как говорили, причина его нежелания была из-за конкуренции с Борисовскими, так как Вогау участвовал в другом рафинадном заводе и ему было желательно избавиться от опасного конкурента, и своим несогласием он сорвал соглашение.

В то время, когда происходило это совещание, в кабинете Найденова сидел Никанор Мартемьянович Борисовский, ожидая с трепетом решения своей участи. Найденов пошел сообщить ему о решении их. Он, выслушав, сильно побледнел и упал на пол без чувств.

Учрежденная администрация над делами братьев Борисовских повела дело, как подобает лицам, перегруженным личными делами, с полным желанием скорее разделаться с навязанным им делом. Сахарный завод был приостановлен и долго стоял с забитыми дверями, постепенно разрушаясь, киевское имение было продано, прядильня в Переславле была передана товариществу с новыми пайщиками.

Переславская мануфактура сделалась нашим покупателем, куда я захаживал. Мне пришлось познакомиться с Никанором Мартемьяновичем Борисовским, этим бывшим гордым и надменным человеком, сделавшимся в ней простым служащим. Все бывшие дурные черты его характера исчезли, он удивлял меня своей кротостью и терпением, внушал мне сильное к нему сожаление, особенно когда приходилось присутствовать при покрикивании его настоящего хозяина Алексея Михайловича Первушина, вышедшего из простых приказчиков. Первушин не стеснялся на этого почтенного человека, бывшего хозяина и создателя дела, при посторонних раздраженным голосом говорить: «Ах, Никанор Мартемьянович, опять входите не вовремя!» или «Вам, Никанор Мартемьянович, никакого дела нельзя поручить, всегда напутаете!» — и тому подобное.

Мне в это время был противен Первушин со своим плотоядным лицом за его нечуткость к положению другого — что должен был в это время переживать Борисовский? Недаром духовная философия придает большое значение страданиям, выпадающим каждому человеку в его жизни; она считает, что без страдания человек не может подойти к сфере более тонких и нежных ощущений духовного мира. Мне невольно приходят на память стихи Апухтина:

Ты здесь найдешь опять все счастье прежних лет,
И ласки, и любовь, и даже то страданье,
Которое порой гнетет существованье,
Но без которого вся жизнь — бессвязный бред[6].

У Никанора Мартемьяновича был сын по имени Мартемьян, я с ним был знаком, ему приходилось ко мне заходить в качестве служащего Переславской мануфактуры. Он был помощником по приемке хлопка, не отличавшимся простыми, элементарными правилами честности, свойственными людям, вышедшим из культурной семьи. Потом он прославился тем, что, ухаживая за барышней из хорошей семьи, отправился показывать ей вид на Москву с колокольни Ивана Великого, но произвел то, что не подобает делать в таком чтимом месте; после чего постарался отделаться от нее, но, припугнутый ее родителями, принужден был жениться на ней.

С братом Никанора Мартемьяновича я не был знаком, но с сыном его Евгением Мартемьяновичем вместе учились в Императорском Техническом училище. Он был стройный, красивый молодой человек, всегда отлично одетый. Приезжал и уезжал всегда на

скими большой суммы правление Московского Торгово-промышленного товарищества пришло к заключению о необходимости пригласить

роскошном рысаке. Скоро училище он покинул. В детстве и в юности он хорошо учился и отлично вел себя, подавая родителям надежду, что из него выйдет достойный и полезный человек.

После смерти его матери отец его, Мартемьян Мартемьянович, женился вновь на француженке, бывшей гувернантке сына; и она была виновницей, что своего пасынка сбила с истинного пути. Мачеха снабжала его в изобилии подарками и деньгами, прикрывая все его шалости, не свойственные его годам, боясь, что он может рассказать отцу о его близких отношениях с ней. Она окончательно развратила молодого человека, и из него получился отвратительный тип. После смерти отца, когда он достиг совершеннолетия, получил деньги своей умершей матери. Быстро их промотал, после чего уехал в Париж, где сделался шофером такси.

**Александр Степанович Ключарев, оренбургский купец, составивший себе хорошие средства, получил от Московского Торгового банка предложение сделаться управляющим отделения Московского Торгового банка в Оренбурге. Он с охотой принял это предложение, ликвидировал свое дело и образовавшийся капитал разместил в разные акции и облигации акционерных обществ. Ключарев, будучи уже не первой молодости, вздумал жениться на красивой и хорошо образованной девушке, дочери какого-то генерала. Ключаревы зажили тихой семейной жизнью; Александр Степанович весь день проводил в банке, а вечер в семье; жизнь у них текла тихо и ровно.

Большая часть его капитала, находящаяся в акциях и облигациях, была неименной. Ключарев решил их хранить в банке, как ценный пакет, без определения его ценности, с целью наименьшего платежа за его хранение. Тщательно упакованные бумаги образовали большой тюк, который он назвал шутя «моей подушкой». Ключарев был глубоко уверен, что эта его «подушка» пропасть не может: ключи от кассы хранились у него, кассир Егор Васильевич Голиков был его приятелем, и он ему всецело доверял, тюк лежал на самом видном месте в кассе, так что он его ежедневно мог видеть при открытии и закрытии банка. Ежегодно перед Новым годом — по принятому обыкновению — производилась ревизия кассы банка, с перечетом всех ценностей, там находящихся. В это же время Ключарев распаковывал свою «подушку», проверял ее, опять упаковывал и водворял ее на место.

В 1882 году за несколько дней до Нового года должна была быть такая же ревизия, о чем Александр Степанович перед запором кассы сообщил кассиру Голикову и бухгалтеру Тимофею Ивановичу Обухову, с просьбой, пообедав, немедленно прийти в банк.

Ключарев и Обухов явились аккуратно, ждут Голикова. Проходит час, его нет, тогда послали за ним, после чего Голиков пришел. Ключарев начинает проверять деньги, векселя, ценные бумаги, ценные пакеты — все эти ценности оказываются верными.

— Ну, Егор Васильевич! Теперь давайте «мою подушку».

— Какую подушку? — удивленным голосом спрашивает Голиков. — Подушек никаких нет!

— Как нет моей «подушки»? Ну, тогда дайте мой пакет без цены!

— А, — отвечает Голиков, — пакет без цены! Его что-то не видать, должно быть, где-нибудь затерялся... Но что вы, Александр Степанович, так волнуетесь? Ведь если он затерялся, то за него придется платить банку только пять рублей. Стоит ли об этом много горевать?

— Что вы говорите? — сказал Ключарев. — Если вам вздумалось шутить, то шутки в данный момент неуместны. Вам известно, что в этом пакете находится ценных бумаг более чем на пятьсот тысяч рублей!

лицо, специально знающее хлопковое дело, и поручить ему ведение его. Таковое лицо нашлось в лице Александра Иустиновича Руперти.

— Нет, я не шучу!.. Но пакет действительно куда-то девался, я найти его не могу...

— Слушайте: я тогда должен послать за прокурором! — сказал Ключарев.

— Посылайте, мне все равно, — отвечал Голиков.

Явившийся прокурор допросил Голикова, после чего отправил его в тюрьму.

Знающие Голикова утверждали, что он своим видом и поведением внушал к себе полное доверие и расположение: с его благообразного лица можно было писать лики святых. В начале восьмидесятых годов прошлого столетия было вроде эпидемии по обворовыванию касс банков и других крупных учреждений. Прокурор, ревизовавший тюрьму, зашел в камеру, где сидел Голиков, и, видя такого солидного арестанта, спросил: «За что посажены?» Голиков только успел произнести: «Я — кассир...» — как прокурор махнул рукой и вышел из камеры.

У Голикова, несомненно, должны были быть участники в преступлении. Он не мог лично сам выносить из банка процентные бумаги Ключарева, так как запирал кассу и покидал банк всегда вместе с Ключаревым. Голиков просидел в тюрьме два года, никого не выдал и там скончался.

Через несколько лет после смерти Голикова в один из московских банков явился господин и предъявил на 160 тысяч рублей процентных бумаг для продажи. Служащему банка вздумалось посмотреть список, рассылаемый прокурорской властью, с номерами похищенных бумаг; оказалось, что они были похищены у Ключарева. При обнаружении кражи Ключаревым были представлены прокурору счета на купленные процентные бумаги, случайно у него сохранившиеся, они-то и помогли наследникам получить часть украденных денег. Господина задержали, посадили в тюрьму, но он никого не оговорил. Судили, выслали в ссылку, но предполагают, что он не был участником похищения, а лишь укрыватель, так как из всех лиц, посещавших в банке Голикова, его ни разу не видали там.

Мне пришлось об этом похищении слышать от многих, но подробности разговора Ключарева с Голиковым в банке во время ревизии передавал присутствовавший при этом бухгалтер банка Т.И. Обухов. Он мне рассказывал разные мелочи из жизни Ключарева, какие он мог наблюдать во время посещения им Ключарева, который всегда приглашал Голикова и Обухова в праздники к себе на кулебяку, как старших служащих в банке. Обыкновенно после отличного обеда Александр Степанович упрашивал свою жену поаккомпанировать им на рояле. Из них составлялся хор, распевавший «Среди долины ровныя...», «Вниз да по матушке...» [7] и другие подобные излюбленные его песни. Передавая мне об этом, как я заметил, Обухов зло иронизировал Ключарева, представляя его в смешном виде, распевающего свои любимые песни козлиным голоском. Я предполагаю, что такое неприязненное отношение к Ключареву вытекает из досады по необходимости бывать на этих обедах, в то время когда он мог бы проводить время в другом месте с большим для себя интересом. Из оставшихся денег после кончины Ключарева он завещал 40 тысяч рублей своей жене, остальные все средства — своей дочери, вышедшей замуж за Хохбачева. Жена была недовольна выдачей ей такой малой суммы и говорила: «И я продала себя за сорок тысяч рублей!»

ГЛАВА 18

Прежде чем приступить к воспоминаниям о первых шагах моей работы в Московском Торгово-промышленном товариществе, я расскажу о некоторых эпизодах, дающих право думать, что Торговый банк и Товарищество не преследовали одни только желания меркантильной наживы, но старались поддержать тех лиц и учреждения, неожиданно очутившиеся в затруднении.

9 мая в день ангела председателя Торгового банка Н.А. Найденова я в продолжение многих лет бывал у него, имея удовольствие любоваться и есть замечательно искусно сделанный пирог-торт из кондитерской «Эйнем»[1], представлявший из себя пирог, на котором лежал очень большой рог изобилия, наполненный лучшими шоколадными конфектами.

Мне Н.А. Найденов рассказал причину появления ежегодно торта: один купец из города Ельца, солидный и богатый, иногда учитывал свои векселя в банке. В один день служащий банка принес реестр просроченных векселей, и в числе их был вексель в 500 рублей, не оплаченный этим купцом. Найденов приказал этот вексель не протестовать, уверенный, что в этом случае есть какое-то недоразумение; зная, что протест векселя всегда влечет большие дурные последствия лицам, допустившим до этого: по правилам, нотариус, протестовавший вексель, немедленно оповещает Государственный банк, который сейчас же закрывает кредит лицу, чей вексель попал в протест, а за Государственным банком закрывают кредит частные банки. Добиться снятия протеста требовало много хлопот и трудов. Этот купец, приехавший в Москву, зашел в банк и узнал, что один его вексель не оплачен, как потом выяснилось, по вине его служащего. И когда он узнал, что его вексель не протестован по распоряжению председателя банка, он пошел к Найденову и очень благодарил его. Прощаясь с Найденовым, он спросил: «Когда ваше тезоименитство?» И вот в этот день он начал присылать Н.А. Найденову пирог-торт и присылал его вплоть до своей кончины.

В Москве существовало дело под наименованием «Товарищество мануфактур братьев Барановых». Хозяева его были два брата Александр

и Асаф Ивановичи Барановы. Александр скончался, оставив жену с несколькими детьми.

Асаф Иванович стоял во главе фабрик, вырабатывающих кумач, так называемую ткань, окрашенную в красный цвет, с вытравленными по ней рисунками разных цветов. Он хорошо изучил кумачное производство, для чего часто ездил за границу и посещал фабрики, работавшие кумач. Один из швейцарских фабрикантов, показывая ему свою фабрику, сказал, что один отдел он не покажет ему, так как он долголетним трудом добился известного усовершенствования и не желал бы, чтобы его секрет был применен другими фабрикантами. Асаф Иванович, просматривая его товар, сказал ему: «Я ваш секрет знаю, вы его начали только что применять, а между тем я работаю этим способом уже много лет», — и рассказал ему рецепт этого секрета. Фабрикант был поражен и после чего повел его в секретное отделение, где Баранов дал ему совет работы более выгодной и удобной, чем работал этот фабрикант. Об этом мне лично рассказывал Асаф Иванович. Этим и другими разными усовершенствованиями Асаф Иванович составил себе известность в научных технических сферах; правительство наградило его званием инженера-технолога с присвоенным этому званию значком.

Асафу Ивановичу пришла мысль, долго и настойчиво на него действующая: почему бы ему не выделиться из этого дела, получить деньги и на них выстроить свою личную фабрику по последнему слову техники? И благодаря своему знанию производства он должен процветать; получаемая от нее польза целиком попадает к нему в карман, а не будет делиться на две части, как при настоящих условиях, когда приходится делиться с наследниками его брата.

Так и поступил: выстроил отличную фабрику, наполненную лучшими усовершенствованными машинами, и учредил товарищество под наименованием Товарищество «Асаф Баранов». За выделом половинной части капитала из «Товарищества братьев Барановых» дело начало ощущать недостаток оборотных средств. Вдова Баранова поняла, что хотя она сделалась единственной хозяйкой дела, но вести его будет трудно, решила обратиться к известному в Москве миллионеру Льву Герасимовичу Кнопу* с просьбой помочь ей.

---

*Л.Г. Кноп был выходец из Германии, некоторые утверждали, что предки его были семиты. В Москву он приехал молодым человеком на службу к одному немцу, представителю какой-то немецкой бумагопрядильни. Немец этот был грубый и, нужно думать,

Лев Герасимович согласился у Барановой купить на миллион рублей паев и сделаться в Товариществе директором. Он обратил внимание на приказчика Алексея Михайловича Первушина, работавшего у Барановых с мальчиков, человека умного, хитрого, сумевшего понравиться Кнопу своими доносами о всем, что делается в Товариществе. Кноп провел его в члены правления. Первушин, попавши в директора и получив благорасположение Кнопа, перестал считаться с хозяйкой дела, игнорировал ее, как это часто бывало с людьми малокультурными, вышедшими из низших слоев общества. Но дело шло хорошо, велось по старой программе братьев Барановых.

Старший сын вдовы Барановой окончил курс в университете и пожелал заняться в своем деле. Вдова поехала к Кнопу с просьбой избрать в директора на ближайшем общем собрании пайщиков вместо Первушина ее сына Ивана Александровича. Кнопу такое желание весьма не понравилось, и он категорически заявил, что не допустит этого; если Первушин не будет избран, то он выйдет из директоров, продаст паи и на его кредит Товарищество Барановых рассчитывать не может.

Баранова была крайне огорчена всем этим и не знала, как ей быть. Среди покупателей в Товариществе был почтенный, всеми уважаемый купец В.Д. Аксенов *, к которому она и обратилась за советом.

глупый человек (его фамилию забыл): приходящих к нему покупателей из простых русских людей не допускал к себе в контору, а заставлял их ожидать подолгу в передней конторы, посылая для переговоров к ним Кнопа. Кноп сразу оценил этих русских мужичков-покупателей, и в действительности они в будущем сделались крупными фабрикантами, как, например, Морозовы, Хлудовы, Солдатенков, Гарелин и другие, и они вытащили Кнопа на своих плечах на степень первого богача города Москвы (в мое время состояние Л.Г. Кнопа оценивалось в 100 миллионов рублей). Кноп с ними подружился, стал ходить вместе в трактир; и когда эти милые мужички расходились в пьяном виде, они ради потехи мазали ему лицо горчицей.

Кноп ушел от немца, съездил в Германию, где нашел фабриканта-прядильщика, сделавшего его своим представителем в Москве. Тогда вся клиентура его бывшего хозяина бросилась к Кнопу и начала покупать у него. Он им стал продавать в кредит и, как говорили про него, «охулки на руку свою не клал». Вскоре Л.Г. Кноп сделался очень богатым человеком, имел много фабрик, ему лично принадлежащих, и, кроме того, принимал участие во многих других предприятиях в качестве пайщика. Можно считать, что он поднял наше бумаготекстильное производство; Кноп получил в Англии от известной машиностроительной фирмы «Мастер-Платт»[2] представительство на ее машины для всей России. Этим представительством он загребал деньги, как говорят, лопатой.

*Василий Дмитриевич Аксенов пользовался большой популярностью среди московского купечества благодаря своим положительным сторонам характера. Купечество считало его мудрым, в каких-либо затруднениях в их жизни обращалось к нему за советом,

Василий Дмитриевич порекомендовал ей поехать к Н.А. Найденову, и он даст ей практичный совет. Она так и поступила. Найденов посоветовал Барановой: паи, продаваемые Кнопом, из своих рук не выпускать, для покупки деньги можно взять в Торговом банке, а хлопок Товарищество может покупать в кредит в Московском Торгово-промышленном товариществе, следовательно, она выйдет из полной зависимости Кнопа и его угрозы для нее не должны быть страшны.

уверенные, что все, ему поведанное, умрет в нем. Он с братом своим Сергеем Дмитриевичем имели общее мануфактурное оптовое дело, считались людьми богатыми. Василий Дмитриевич был в своем роде феномен: в продолжение всей жизни не имел близких отношений к женщинам, не пил, не курил, посвящал свое время только работе в своем и общественных делах; он не отказывал никому из просящих у него; его доходы шли в значительной степени на благотворительность.

Мое знакомство с ним состоялось у Н.А. Найденова 1 января 1887 года, когда Василий Дмитриевич приехал к нему с визитом в то время, когда Найденов вел очень интересную беседу. По докладу прислуги о приезде Аксенова он прервал ее и бросился с поспешностью вниз по лестнице, чтобы встретить Василия Дмитриевича, взял его под руку и бережно повел в гостиную, усадил на диван, обращаясь с ним как с самым дорогим и уважаемым гостем.

Аксенов был старик лет семидесяти с чем-нибудь, лицо его мне напомнило Дарвина, снятого стариком. Разговаривая, он, между прочим, рассказал о курьезном случае, бывшем у него на обеде, даваемом им с братом своим сибирским покупателям. В столовой за длинным столом расположились его гости, между ними были и дамы, его сибирские покупательницы. Обед был оживленный, особенно к концу его, когда гости подвыпили, раздались шутки и смех; вдруг во время этого веселья, когда обносили сладким, раздалось истеричное рыдание. Шум сразу умолк, лица всех повернулись в сторону рыдающей дамы. Василий Дмитриевич подбежал к ней, спрашивая: «Что с вами? Захворали?» Она, всхлипывая, через слезы проговорила: «Я голодна!» Оказалось, что в ее богоспасаемом городе, находящемся в захолустье, принято хозяевам настойчиво угощать гостей; считалось высшим тоном неприличия, если гость приступил к угощению без нескольких приглашений покушать. Она так и делала: когда лакей ей подносил блюдо, то она ему кивала головой, говоря: «Благодарю, я не хочу!» Лакей подавал блюдо ее соседу, так она проделывала со всеми блюдами и церемонно отказывалась, но, наконец, когда подали последнее сладкое и она увидала, что обед окончен, а ее никто не угощает, она не выдержала и разрыдалась.

Василий Дмитриевич даже в гостях пользовался минутой, чтобы кому-нибудь из его опекаемых оказать помощь: так, в этот приезд он рассказал, что недавно крестил еврея и крестник просит его оказать ему протекцию в каком-то деле, между тем сам он не имеет возможности этого сделать, так как не знаком с нужным для этого дела лицом. Когда он узнал, что я знаком с ним, то он обратился ко мне с просьбой: не помогу ли я его крестнику в этом деле? Через несколько дней крестник его явился ко мне. Во время разговора со мной он неоднократно величал Василия Дмитриевича «папасой», впечатление у меня осталось о нем весьма плохое: было видно, что он все догматы христианской веры понимает как получение права на оседлость в Москве.

Василий Дмитриевич скончался в 1904 или 1905 году[3], и фирма братьев Аксеновых приостановила платежи.

На общем собрании пайщиков Баранова заявила о своем желании избрать в директора правления сына Ивана Александровича на место А.М. Первушина. Л.Г. Кноп, пораженный твердостью ее заявления и небоязнью его угроз, с покрасневшим и рассерженным лицом встал и покинул собрание.

Иван Александрович был выбран в директора. Кноп и не подумал привести свои угрозы в исполнение; паи не продал, кредита не закрыл, а стал еще ревностнее смотреть, чтобы в Товарищество не продавали бы его конкуренты.

Все это мною рассказанное о Баранове случилось лет за 10 до моего вступления в Московское Торгово-промышленное товарищество. Однажды во время какого-то торжества на Бирже Н.А. Найденов стоял со мной и разговаривал, в это время подошел к нам И.А. Баранов; Найденов, здороваясь с ним, сказал: «Вы и ваша фирма — наши должники!» Баранов на него посмотрел с удивлением. Найденов повторил свое заявление и прибавил: «Мои слова может удостоверить ваша здравствующая матушка» — и рассказал ему все, что я только что написал. Иван Александрович ответил, что он действительно это слышал от своей матери, но, по установленным у них в Товариществе традициям, они всегда покупают у одних и тех же лиц, а потому и не покупали в Московском Торгово-промышленном товариществе. Вскоре после этого Товарищество начало им продавать хлопок.

Кноп своего любимчика А.М. Первушина устроил во вновь образовавшееся товарищество Переславской мануфактуры.

Сергей Дмитриевич рассказал: лет десять тому назад был год для их дела крайне тяжелый, фирма понесла большой убыток; Василий Дмитриевич хотел сейчас же ликвидировать дело, но он стал упрашивать брата этого не делать, говоря: «В нынешнем году убыток, а на будущий год почему не быть барышу?» Василий Дмитриевич по своей доброте уступил желанию брата. Дальнейшие года шли все хуже и хуже, пришлось затратить кредиторский рубль, и это способствовало ускорению кончины его брата.

Сергей Дмитриевич приписывал плохое состояние их дела особенной доброте его брата, раздававшего деньги нуждающимся даже в то время, когда положение дела не давало на то права.

Сергей Дмитриевич рассказал тоже: вскоре после похорон брата он, подъехав к своему дому, увидал стоящую у дверей даму с детьми, бросившуюся перед ним на колени, которая, показывая на своих детей, сказала: «Я мать их, а отец их Василий Дмитриевич, помогите нам!» Сергей Дмитриевич настойчиво утверждал, что эта дама — авантюристка, желающая сорвать что-нибудь, зная их отношение к нуждающимся. Близость Василия Дмитриевича к женщине не могла бы остаться незамеченной в доме у них, тем более что брат, уезжая из дома, всегда говорил, куда он едет.

С товариществом Асафа Баранова случилось то, о чем частенько людьми говорится: «Человек предполагает, а Бог располагает». Вместо того чтобы Асафу Ивановичу стать во главе кумачного дела, он съехал в последние ряды; между тем его родовое дело «Товарищество мануфактур братьев Барановых» процветало и преуспело, наживая большие деньги. Конечный результат дела Товарищества Асафа Баранова был печальный: Асаф Иванович продал его Журавлеву и скончался небогатым человеком.

Опытные и знающие люди приписывали такой печальный результат тому, что Асаф Иванович, желая скорее разбогатеть, миткаль[4], употребляющийся для изделия кумача, пустил немного легче весом, чем он был раньше, что составило несколько десятков тысяч рублей в пользу хозяина. Таковое ухудшение качества товара на глаз не было заметным, но потребитель через год-полтора увидал, что рубашка, сделанная из кумача Асафа Баранова, изнашивается скорее, чем рубашка из кумача «Товарищества мануфактур братьев Барановых», и перестал покупать кумач Асафа Баранова.

В Москве была фирма «Торговый дом Петра Свешникова сыновья», торговавшая мехами и лесными материалами. Эта фирма была нашим покупателем. Возглавлял меховую торговлю один из братьев, Иван Петрович Свешников.

Иван Петрович был высокого роста, с большим развитым лбом, с красивым овалом лица и глазами немного лукавыми. Он был хорошим купцом, с уменьем пользоваться всем, что для их торгового дома было выгодно. Мне пришлось от него слышать, что отец оставил наследства всем братьям пять тысяч рублей. Жили они в Переславле Ярославской губернии и имели мануфактурное дельце; потом завели лесное, во главе которого стал очень способный его брат Валентин; после завели меховую торговлю, где стал он. Постепенно развивая дело, они сильно его увеличили и уже к 1890 году имели лесных имений, разбросанных в разных частях России, в количестве несколько десятков тысяч десятин, а меховое дело давало прибыли около 50 тысяч рублей ежегодно.

Лесное дело требовало больших затрат, но затраченные деньги не скоро приходили обратно, а потому приходилось кредитоваться. Иван Петрович почти ежегодно ездил в Лейпциг на ярмарку для покупки мехов. Познакомившись с ярмаркой, он задумал отправлять туда каракуль и торговать им там. Успешно конкурируя с немцами и евреями этим товаром, он навлек их неудовольствие, и его конкуренты старались, где

только возможно, вредить ему. Однажды Иван Петрович пришел ко мне в возбужденном настроении и рассказал: им были представлены в Московский Купеческий банк для учета векселя, где и раньше он учитывал и ему отказа не бывало, но в настоящее время в приеме отказали. Объясняя эту неудачу тем, что евреи и немцы распространили про их торговый дом слух, что они понесли в Лейпциге большой убыток и дело находится в печальном положении, он просил меня переговорить с Н.А. Найденовым о приеме к учету его векселей в Торговом банке. В удостоверение хорошего положения дел торгового дома он предоставляет уполномоченному лицу от Торгового банка все торговые книги. Я его просьбу исполнил, и Н.А. Найденов уполномочил меня посмотреть книги торгового дома. Из осмотра их я увидал, что дело довольно хорошо поставлено и в ближайшем будущем не представляет никакой опасности. Торговый банк ему кредит открыл, тоже и Московское Торгово-промышленное товарищество, и дело торгового дома было спасено.

Сообщая о Свешникове, мне вспомнился рассказ Ивана Петровича о бывшем с ним случае: продавалось большое лесное имение в количестве 10 тысяч с чем-то десятин генеральшей Рооп[5], проживавшей в своем роскошном имении по Нижегородской железной дороге, недалеко от Москвы, в Леонове*[6]. Свешниковы осмотрели лес, нашли его для себя весьма выгодным, как находящийся на двух сплавных речках, впадающих в Волгу. Для окончательных переговоров с генеральшей, с большим задатком в кармане, Иван Петрович взял автомобиль и отправился в имение генеральши Рооп, чтобы окончательно закрепить лес за собой, опасаясь, чтобы другие конкурирующие фирмы не узнали о продаже этого леса. Предполагал, что ему удастся убедить генеральшу отправиться на автомобиле в Москву к нотариусу для подписания запродажной. Приехавши к ней в усадьбу, он узнал, что ее муж генерал находится в Москве и она без его совета продать лес не хочет. Иван Петрович начал убеждать ее отправиться с ним вместе на автомобиле в Москву, заехать к мужу, останавливающемуся всегда в «Лоскутной» гостинице[7], где она с ним посоветуется, и после чего поедут к нотариусу, имеющему контору рядом с гостиницей. Наконец генеральша согласилась, и они поехали. Генеральша и Свешников поднялись во второй этаж и вошли в номер, занятый ее мужем. Они очутились в большом салоне, красиво убранном, где на диване и креслах в беспорядке лежали женские туалетные принад-

*В 18 верстах.

лежности с изящной дамской шляпой. Из соседней с салоном комнаты раздался голос генерала: «Кто там?» — и в эту же минуту из этой комнаты выскочила полураздетая француженка, с визгом бросившаяся обратно, увидав стоящих почтенную даму и господина.

Через несколько недель лесное имение Свешниковым было куплено, но уже при переговорах генерал не присутствовал, кажется, после этого случая супруги разошлись.

ГЛАВА 19

Мой первый приход на работу в Московском Торгово-промышленном товариществе был приурочен к 12 часам дня, ко времени, когда приходил туда Н.К. Бакланов, директор-распорядитель правления. Бакланов познакомил меня с директорами правления: Александром Иустиновичем Руперти, единовременно состоящим в директорах Торгового банка, с его сыном Эдгаром Александровичем и Сергеем Михайловичем Долговым. А.И. Руперти был красивый старик, с густой растительностью на голове и бороде, с оловянными маловыразительными глазами. На меня он произвел впечатление тупого человека*.

Эдгар был красивый молодой человек, женатый на сестре городского головы Н.А. Алексеева. С.М. Долгов особенного впечатления на меня не оставил, хотя он был хорошо образованный, занимался переводами книг итальянских, английских на русский язык, но как купец представлял из себя небольшую величину, по инертности своего характера.

*А.И. Руперти был немец из Гамбурга, где он служил в какой-то фирме. У него был шурин Ахенбах в Москве, имеющий хлопковую фирму «Ахенбах и Колли». Ахенбах был умным и дельным человеком, славившимся своими особо злыми остротами. У Ахенбаха детей не было, поэтому он выписал из Гамбурга Руперти, чтобы научить при своей жизни хлопковому делу. Руперти прожил у Ахенбаха довольно долго, но говорить по-русски научился плохо. Ахенбах недолюбливал своего шурина и часто при посторонних отпускал ему колкости и даже зачастую называл его дураком. После смерти Ахенбаха Руперти не мог продолжать его дела самостоятельно и поступил в Московское Торгово-промышленное товарищество в директора, заведующим иностранным отделом. Надо отдать ему справедливость, что Руперти, пользующийся оставленными ему Ахенбахом американскими фирмами, повел дело на правильных основаниях, без всяких спекуляций. А.И. Руперти, сделавшись директором в Товариществе, поставил себя в нем так, что не допускал никого из русских работников в изучение этого дела: переписка с американскими, египетскими, английскими фирмами велась лично его сыном Эдгаром, письма копировались в отдельной книге, хранившейся у них в запертом столе.

А.И. Руперти о себе много думал и был до крайности высокомерен: руки служащим не подавал, а тем лицам, которые стояли по положению в Товариществе довольно высоко, протягивал только один палец; я рассердился и тоже в свою очередь протянул ему один палец. Вышло комично, присутствующие невольно засмеялись, видя скрестившиеся наши пальцы, после чего [он] начал подавать всю руку, но никогда не жал ее.

Они показали все помещение, занимаемое Торгово-промышленным товариществом, находившееся на третьем этаже Торгового банка; состояло оно из четырех больших комнат, разделяющихся широким коридором. Левая сторона по коридору была занята служебным персоналом, на правой стороне в первой комнате помещалось правление Товарищества; а в смежной с ней комнате находились образцы хлопка.

Разговаривая с ними, я интуитивно понял, что мое приглашение на службу в Товарищество для них не пришлось по душе, хотя по виду встретили и беседовали со мной весьма любезно. И это мое чутье оправдалось на следующий день, пришлось случайно услыхать разговор Долгова с Руперти во время прохода мимо комнаты правления, когда они думали, что я прошел в свое помещение, но был остановлен одним из служащих для получения какой-то справки. Долгов сказал: «Прошел наш новый синекура»[1]. Кого они подразумевали старым — мне неизвестно.

Наконец поднялся вопрос: куда меня посадить? В комнате правления был свободный письменный стол, стоящий далеко от окна; за ним обыкновенно помещались приходящие в неопределенное время председатель правления или его заместители. Мне предложили занять этот стол, но мне пришла в голову счастливая мысль о пустой комнате, занятой образцами хлопка, и я высказал желание поместиться там, объясняя, что по роду дела меня будет навещать масса лиц, преимущественно азиатских купцов, которые своим гортанным, крикливым голосом, видом, запахом будут мешать лицам, занимающимся в этой комнате. Заметил, что мое предложение директорам понравилось и, поторговавшись со мной ради деликатности, они согласились.

И я водворился в комнате для хлопковых образцов на много лет, с полным успехом в деле, предназначенном моему ведению, с большим притоком на комиссию хлопка, шерсти и разных других товаров. Мною было обращено серьезное внимание на развитие комиссионного дела; так как на покупаемый в Средней Азии хлопок я смотрел с боязнью, уверенный в плохой организации на местах, руководимой Н.И. Решетниковым.

Конкурировать приходилось с двумя крупными, богатыми и заслуженными комиссионерами: Салихом Юсуповичем Ерзиным* и Отто Максимовичем Вогау**.

---

*Ерзин был татарин; в молодых годах он работал дворником при доме известного фабриканта Ивана Артемьевича Лямина, выстроившего хлопковые склады для своей фабрики. Но с проведением железнодорожной ветки на нее склады московские не пона-

Ерзин и Вогау не волновались открытием Московского Торгово-промышленного товарищества комиссионного дела; у них было слишком много преимуществ: большие денежные средства, большое доверие со стороны азиатских купцов и, наконец, опытность и знание. Они не придавали значения конкуренции Московского Торгово-промышленного товарищества, во главе дела здесь стоял молодой человек, еще мало зарекомендовавший себя чем-нибудь; каракулем заведовал Кашаев, бывший малайка Шагазиева. Можно ли было ожидать особенных результатов от этого дела?

Я тоже не особенно страшился этих фирм, но боялся злой конкуренции со стороны вновь образовавшейся фирмы с хозяевами Шагазиевым,

добились, и Лямин стал их сдавать азиатским купцам. Ерзин наблюдал за чистотой двора, собирал раструсившийся хлопок, не брал его в свою пользу, а отдавал владельцам его. И этим заслужил большое доверие у азиатских купцов, которые сначала поручали ему сдавать хлопок фабрикантам, а увидавши, что и в этом он очень внимателен к их интересам, начали давать ему на комиссию свои товары, когда они были в отсутствии. С каждым годом дело увеличивалось, и он сделался большим комиссионером с миллионными оборотами. Когда я начал заниматься в Московском Торгово-промышленном товариществе, то Ерзин был уже миллионером.

**О.М. Вогау начал комиссионное дело с большим капиталом, полученным от своего отца. Его отец Максим Вогау приехал из-за границы в Москву бедным человеком; благодаря уму, энергии и трудолюбию составил себе имя и состояние. Однажды к нему приехал его старинный приятель Ландауэр (фамилию, быть может, я перепутываю) и предложил заняться с ним вместе хлопковыми спекуляциями, основанными на фьючерсах (покупка и продажа хлопка по контрактам на определенный срок; с уплатой разницы от повышения или понижения цены в день окончания контрактной сделки)[2]. Вогау заинтересовался этим делом и начал вести его, заключив с Ландауэром договор на год.

Год прошел, барыш от дела сказался хороший, каждый из компаньонов получил по 500 с чем-то тысяч рублей.

Ландауэр, поздравляя Вогау с такой пользой, сказал ему: «Давайте опять заключим условие еще на год, могу уверить: результат будет еще блестящее!..»

— Нет, — отвечал Вогау, — делом этим заниматься не буду; уже достаточно пережил за этот год волнений, с бессонными ночами, опасаясь за свое благополучие. Могу уверить, что это дело много унесло у меня сил и здоровья, и пережить еще год в таком же напряжении я не в состоянии; в свою очередь я посоветовал бы и вам бросить это спекулятивное дело, помните: палка о двух концах! Теперь вы с деньгами, с ними можете начать какое-нибудь правильное коммерческое дело и жить в довольстве и спокойствии.

Ландауэр долго уговаривал Вогау не бросать этого дела, уверяя, что он в будущем будет сожалеть, но Вогау остался непреклонен в своем решении. Ландауэр, покидая его, сказал: «Вспомните мои слова и пожалеете, что отказались от этого дела!»

Через год Ландауэр, сияющий и радостный, пришел к Вогау с сообщением: «Я был прав, хорошо, что не послушал вас — в этом году я нажил на фьючерсах семь миллионов рублей». Вогау поздравил его и ответил: «Я не жалею, что не работал с вами, Бог с ними — этими деньгами! Спокойствие и здоровье гораздо ценнее. В свою очередь опять

Зыбиным и Шимко. Шагазиев уже по своей национальности был близок к бухарскому купечеству, они его любили и верили ему; кроме того, он хорошо знал каракулевое дело и имел большие связи с заграничными и русскими покупателями, Зыбин был хороший бухгалтер и близок с хивинским купечеством[3], Шимко ловкий продавец хлопка, пользующийся популярностью среди фабрикантов.

Все эти обстоятельства меня сильно волновали, и я с трепетом ожидал Нижегородскую ярмарку, которая определит положение Товарищества в комиссионном деле. Шагазиев мог выбить нас из каракулевого дела, а Зыбин и Шимко устроить такое же положение с хивинцами и лишить меня тех связей, которые я имел с ними через Н.П. Кудрина. Такой исход дела для моего самолюбия был бы большим ударом.

советую вам: бросьте спекуляцию, имея такие деньги, займитесь правильным торговым делом, которое еще может только увеличить ваши средства. Операции с фьючерсами могут кончиться для вас плачевно!»

Как известно, спекулянты-маньяки, вкусившие сладость сильных ощущений, не поддаются убеждениям — они в этом безнадежны. Так и Ландауэр не бросил этого дела и через год потерял все до копейки нажитые им деньги. О.М. Вогау не держался тех правил, которые имел Ерзин. Мне часто приходилось слышать от азиатских купцов, что О.М. Вогау не совсем правильно вел дело — обижал клиентов ради увеличения своей пользы. Конечный результат О.М. Вогау был плачевный, от него солидная клиентура азиатских купцов отошла, в значительной степени перешла в Московское Торгово-промышленное товарищество, и Вогау в конце своей жизни был в денежных затруднениях.

ГЛАВА 20

В ярмарку отправился с плохим настроением, мне было известно, что Шагазиев сосредоточил в своих руках лучшие партии каракуля. В этом году привоз каракуля на ярмарку был в очень большом количестве, и Шагазиев имел, как говорили, больше трех тысяч кип, то же приблизительно было у Ерзина с Вогау, а у нас только 200 кип, да притом плохого качества. Бухарцы нам давали с расчетом, что мы принуждены будем продавать в кредит татарам, торгующим вразнос на руках, обыкновенно из них было много неплательщиков. Шагазиев, обиженный мною, как я об этом уже писал, старался принимать все меры, чтобы наше дело не могло развиться. Он говорил покупателям, нуждающимся в кредите: «Пойдете в Товарищество покупать, ко мне не ходите, я вам товару не продам!» То же заявлял и маклерам: «Будете водить в Товарищество покупателей, то я через вас продавать не буду!» В довершение он позвал к себе Кашаева и предложил поступить к нему на службу с большим окладом, чем он получал в Товариществе.

Кашаев был в большом смущении: как ему быть? Хотелось быть ответственным работником и боялся: а как дело в Товариществе не пойдет и он останется на бобах? Пришел просить моего совета. Я ему сказал: «У Шагазиева ты будешь простым малайкой, а в Товариществе ты можешь выдвинуться и сделаться большим человеком, тем более что я предоставляю некоторые льготы, которые у Шагазиева ты получить не можешь». Льготы заключались в том, что при больших качественно хороших партиях я ему дал право удерживать несколько кип каракуля по цене, предоставляемой крупному покупателю, для его братьев, имеющих торговлю, причем мне было известно, что он у своих братьев в деле состоит негласным участником.

Казалось, все эти обстоятельства слагались для нас неблагоприятно, но я придерживался всегда правила: падать духом не следует, а нужно придумать что-нибудь предпринять.

В Лейпциге были известные меховые торговцы братья Тореры, ежегодно приезжающие на ярмарку и скупающие большие партии караку-

ля. Они всегда первые начинали сделку, а все остальные покупатели следовали за ними. В этом году они тоже начали первые, произведя закупку у Шагазиева, как имеющего наибольшее количество товара и лучшего качества.

Шагазиев считал себя победителем и мало стеснялся даже с большими покупателями, чем озлобил Торера, не привыкшего к такому обращению, диктуемому ему Шагазиевым, но, по необходимости, ими была куплена у него большая партия каракуля, с тем что условленная цена будет держаться в секрете в течение трех дней. Шагазиев выговорил это условие, уверенный, что в течение этих дней он разбазарится, а его конкуренты будут сидеть без продаж.

Мне пришла мысль поехать к Тореру и попросить его купить у нас; так сказать, выручить нас из создавшегося положения. В семь часов утра я с Кашаевым был в номерах у Торера, застали его с братом завтракающим, готовым почти к отъезду. Рассказал им о положении Товарищества и тех затруднениях, в какие поставлены Шагазиевым.

Они обещались прийти и пересмотреть всю нашу партию, причем предупредили: «Сказать цену и условия нашей покупки у Шагазиева мы не можем, но за ваш товар, который, несомненно, ниже качеством, чем у Шагазиева, цену мы поставим соответствующую его качеству, а потому просим вас не торговаться, а верить нам, что покупаем у вас из-за желания помочь вам».

Они пришли, осмотрели все партии и за каждую назначили цену. Цена показалась нам очень дешевой. Пошли с Кашаевым в другую комнату, долго совещались и пришли к выводу: отдать товар по их цене, рассчитывая на их благородство.

Вся наша партия каракуля была куплена Торерами, но нашим клиентам-бухарцам ее не сообщили, выжидая цены Шагазиева. Когда цена Шагазиева сделалась известна, то наша продажа произвела фурор между бухарцами от такой неожиданности для них, после чего приток каракуля сильно увеличился у нас. Сверх моего ожидания, год с каракулем вышел весьма удачный, о чем я даже и мечтать не мог. В благодарность братьям Торерам я подарил им превосходный туркменский ковер и по приезде их в Москву угостил превосходным ужином в «Эрмитаже».

Братья Тореры сделались нашими лучшими покупателями, и я им старался делать разные преимущества, которые обыкновенно другим не делали. С их легкой руки каракулевое дело в Товариществе сильно разрослось, и на следующий год на ярмарке Шагазиев плелся у нас в хвосте.

Я придавал большое значение Нижегородской ярмарке 1889 года для установления и скрепления хороших отношений с хивинским купечеством, торговая жизнь которых в корне изменялась с устройством Среднеазиатской железной дороги от порта Узун-Ада до Чарджуя. Чарджуй делался ближайшим пунктом к Хивинскому ханству, а потому большая часть грузов будет направляться в этот город; Оренбург терял свое торговое назначение для Хивы. Хивинцы — эти люди оазиса, заброшенного в глубине песков Средней Азии, — жили особой патриархальной жизнью, вдалеке от всякой цивилизации, довольствуясь минимальными потребностями своего обихода. Ездили в Оренбург на верблюдах, где жили в амбарах в пыли и грязи на Меновом дворе, спали вповалку, питались продуктами, взятыми с родины, и даже свои чувственные потребности переносили на скотоложество, почему русские их брезгливо называли «ишаками». В Оренбурге они продавали свои товары и там же покупали все, что им требовалось для их торговли.

С проведением железной дороги до Чарджуя их товары пошли Каспийским морем и Волгой и попадали в Нижний, и приезд хивинцев в Нижний не мог в точности совпасть с прибытием их товара, им пришлось бы долго жить здесь, тратить на прожитие суммы, по их понятию необычайно высокие. Естественно, явилась у них потребность в хорошем, честном комиссионере. И ярмарка в этом году должна была указать то лицо, на которое они могли положиться.

С хивинскими баями я мало был знаком, не говорил на их языке, приходилось говорить через переводчика, что значительно уменьшало впечатление от переговоров, — все это мне давало основания думать, что я не буду для них подходящим лицом; между тем Зыбин говорил хорошо по-татарски, был давно знаком со всеми хивинскими баями; я думал, что все мои отношения с хивинцами, установившиеся при Н.П. Кудрине, будут потеряны, и это действовало на мое самолюбие.

Наконец я узнал о приезде большой партии хивинцев, во главе которых находился известный мне по фамилии бай из Ханкалов Ибрагимбай Резакбердыев. Немедленно отправил к нему нашего переводчика Хусейнбая Муминбаева и Кашаева, чтобы позондировать у него почву и попросить его прийти ко мне. Резакбердыев им ответил: «Как-нибудь зайду». Из его ответа я понял, что он сказал это из вежливости, без большого желания меня поскорее повидать.

Наконец он явился, окруженный толпой в несколько десятков человек хивинцев, маленьких хозяйчиков, к нему с особым уважением и доверием относящихся.

Резакбердыев был старик, по виду не меньше 70 лет, седой, с длинной и узкой бородой, высокого роста и чрезвычайно худой, со впалыми щеками, со строгим выражением лица, но с милыми добрыми глазами, смотрящими пристально и прямо. На меня он произвел весьма приятное впечатление, я тогда подумал, что, по всей вероятности, наши знаменитые предки, считающиеся святой жизни, были именно такого же вида. Говорил он медленно, мало и совершенно не улыбался. На голове его была синяя чалма, халат на нем был довольно поношенный. Усадил его на диван, другие, более почтенные из хозяйчиков, разместились на креслах и стульях, а все остальные, поджав ножки, расселись на полу, а более молодые стояли, с любопытством зорко смотрели все на меня.

Угощали их сладким чаем, попировали: я принес свои запасы конфект, печений. Они пили чай с удовольствием, и в это время велся разговор о хлопке, о цене на него, о количестве и т.д. Резакбердыев был сух и сдержан, задавал и отвечал на вопросы как бы нехотя. Из его слов и по выражению лица я не мог составить понятие, удовлетворен ли он моими ответами или нет. Наконец Резакбердыев встал, и за ним поднялись все остальные; когда он мне протянул руку, то я спросил: «Думаете ли дать на комиссию нам хлопок?» — «Я ничего не могу сказать, — ответил он, — товар еще в пути, когда придет, то поговорим».

Через несколько дней Резакбердыев опять пришел со всеми хозяйчиками. После угощения чаем между нами начались длинные разговоры. Все его хозяйчики сидели тихо, внимательно слушая, только иногда вылетали слова «хоош!», «хоош!». Вдруг замечаю: лицо Резакбердыева как бы преобразилось, будто он освободился от большой ноши — он улыбнулся, оскалив свои желтые зубы; то же произошло с хозяйчиками: они улыбались и кивали головами. Резакбердыев встал, распахнул свой халат, развязал платок, заменяющий пояс на другом его халате, и из платка вынул пачку квитанций; держа их двумя руками, он с довольными глазами передал их мне, после чего все остальные начали проделывать то же, вручая квитанции.

После посещения Резакбердыева начали приходить другие, запоздавшие приездом хивинцы и приносить квитанции. Наконец явился мой

знакомый, крупный бай Матвафа Юсупов, молодой человек лет двадцати, с ним я имел раньше дела, и мы были с ним дружны. Брат Матвафы был первым министром при хане, и оба они были очень богатые; брата его звали Вуисбава Юсупов. Матвафа объяснил, что задержался в Оренбурге по каким-то обстоятельствам, но я был уверен, что он задержался в Оренбурге по приказанию своего брата Вуисбавы, желавшего получить сначала от Резакбердыева его мнение обо мне, так как мнению Матвафы, по молодости его, он не доверял *.

Ибрагимбай Резакбердыев, передавая мне квитанции на хлопок, выразил желание, чтобы я продал их хлопок не дешевле 8 рублей за пуд, тогда он предоставляет мне право взять с пуда комиссии 20 копеек, причем в эти 20 копеек должны войти страховые и полежалые[2], между тем комиссия и все расходы не превышали 13—14 копеек с пуда, о чем я и сообщил ему. Он ответил: «Пусть будет твоя польза больше, но хлопок должен продать по 8 рублей», то есть цене, по которой, я уверял его, что могу продать. Из чего я увидал, что при цене 8 рублей им остается хорошая польза. Его желание было исполнено в точности, и весь хлопок пошел по 8 рублей за пуд. После чего у меня с ним установились хорошие отношения, он часто посещал меня и подолгу беседовал. И до конца жизни он все товары свои отдавал мне; приезжая на ярмарку, привозил подарки, состоящие из ковров, халатов и каракулевых шкурок, я же отдаривал его золотыми часами с цепью, отрезами суконными, шелковыми и парчовыми для халатов. В этом году мы имели более 40 тысяч кип хивинского хлопка, часть которого я продал на ярмарке, а для продажи остального пришлось выехать в Москву; да, кро-

*Матвафа был умным и хорошим человеком, с ним приятно было иметь дело. У меня сохранились с ним наилучшие отношения и даже после того, как я оставил Московское Торгово-промышленное товарищество. Он приезжал ко мне в имение[1], будучи уже в должности первого министра после смерти своего брата Вуисбавы Юсупова, имея две звезды, пожалованные государем.

Вспоминаю об обеде у меня в имении, когда ему пришлось сидеть долго на стуле; от непривычки сидеть на стуле у него затекли ноги, и нужно было видеть его радость, когда зашел разговор с детьми, узнавшими, что в Хиве принято сидеть на полу, поджав ноги, что их весьма удивило. Матвафа, желая им показать на примере, вскочил со стула и уселся на ковре с довольным и счастливым лицом и просидел так более, чем следовало бы для примера.

Кончина его в 1918 году была весьма печальна: разъяренная толпа черни бросилась в его дом, вытащила его на площадь, били, истерзали и труп повесили. Слышал об этом от доверенного Московского Торгово-промышленного товарищества Владимира Ивановича Осокина, жившего в то время в Хиве.

ме того, главный бухгалтер Товарищества Иван Васильевич Полевой все время теребил меня письмами с просьбой разъяснения всех деталей комиссионных продаж, ему не понятных, так как это было новое дело в Товариществе.

И.В. Полевой был один из немногих мною встреченных в жизни людей, отличавшийся особыми красотами духовного свойства. Его терпение, кротость, незлобивость меня всегда удивляли; к нему тянулась душа, как к источнику, источающему прохладную воду во время жары и жажды. Он был некрасивым человеком, с лицом каким-то искаженным, болезненным, но с прелестными глазами, изливающими доброту и любовь.

Из-за сочувствия к нему я указал на него Н.А. Найденову как на серьезного кандидата в директора Торгового банка, куда он был избран. Скоро мне стало ясным, какую ценность в лице его потеряло Товарищество!

В Торговом банке он проработал немного, ушел в монахи в какой-то дальний монастырь*.

*Саровскую пустынь.

ГЛАВА 21

Мне пришлось встретить на ярмарке приемщика хлопка Товарищества С. Морозова Атобекова, в разговоре сообщившего, что их Товарищество нуждается в хивинском хлопке. Пользуясь этим сообщением, я по приезде в Москву решился отправиться в правление С. Морозова, находящееся в Трехсвятительском переулке, о чем и сообщил Руперти и Долгову, но получил от них ответ: «Вряд ли вам придется продать там! Много раз пробовали, но всегда безрезультатно».

Такое отношение Товарищества С. Морозова к Московскому Торгово-промышленному товариществу сложилось уже много лет тому назад из-за плохой сдачи хлопка несоответствующей классификации; Товарищество не согласилось сделать скидки по настоянию С. Морозова, после чего они окончательно перестали покупать. Руперти и Долгов объясняли разрыв с Товариществом С. Морозова другой версией: Тимофей Саввич Морозов, будучи председателем Биржевого комитета, усиленно проводил свой взгляд по одному вопросу, а член совета Биржевого комитета Н.А. Найденов не соглашался с ним; спор разгорелся, и один другому не желали уступить; тогда Найденов отправился в канцелярию комитета, откуда принес протокол одного из заседаний комитета, бывшего несколько лет тому назад, подписанный председательствующим Т.С. Морозовым. В нем — по аналогичному со спорным вопросом — было вынесено постановление, согласное со всеми взглядами, высказываемыми в настоящее время Найденовым. Найденов прочитал вслух общему собранию, чем вызвал у присутствующих смех, сконфузивший Тимофея Саввича. После чего Тимофей Саввич отказался от председательства и на его место был избран Найденов. И эта причина будто бы вызвала антагонизм между двумя товариществами.

Когда я ехал в Товарищество С. Морозова, я был почти уверен, что мне продать не удастся, но рассчитывал на содействие директоров С. Морозова А.А. Назарова и И.А. Колесникова, с которыми был знаком, встречаясь в гостях у моего родственника И.А. Панова, причем Александр Александрович Назаров всегда относился ко мне с доброжелательством.

В правлении, оказалось, их не было, был один Т.С. Морозов, которому я и просил доложить обо мне. Тимофей Саввич меня сейчас же принял.

Кабинет Морозова меня удивил своими большими размерами и деловой обстановкой: с картами и диаграммами на стенах, со шкафами, наполненными книгами, на столах в разных местах лежали планы новых построек. Посреди комнаты, ближе к окнам, стоял стол, за которым сидел Тимофей Саввич, спиной к свету. Морозов был выше среднего роста, плотно сложенный, с густыми седыми волосами, окладистой бородой. Как мне казалось, ему было лет около 70; когда говорил, то шепелявил.

Он, привстав, протянул мне руку и предложил сесть. Из поданной карточки он знал мое имя и отчество. Я ему сказал, что я от Московского Торгово-промышленного товарищества приехал с предложением купить хивинского хлопка, причем указал на выгодность этого хлопка в данное время, сравнивая с иностранным, соответствующим ему по качеству; еще что-то говорил, но теперь забыл. Он выслушал и ответил: «Хорошо, я куплю у вас пять тысяч кип, но старайтесь сдать как можно скорее, пока хорошая погода».

Когда я встал и начал раскланиваться с ним, он спросил меня: «Вы зять Николая Александровича Найденова? Прошу передать ему мой поклон».

Трудно передать удивление Руперти и Долгова, когда они узнали о состоявшейся сделке с Морозовым: соскочили со своих мест, окружили меня, расспрашивая все подробности моего посещения текстильного короля. После чего я сразу почувствовал перемену их взглядов относительно меня: я не был уже в их глазах лицом, занимающим доходную должность без труда.

После первой моей сделки с Товариществом С. Морозова начались большие дела, но мне не пришлось больше видеть Т.С. Морозова, он вскоре после моего посещения уехал в Крым, где и скончался. Тело его было привезено в Москву; отпевание и погребение было на Рогожском кладбище[1], при стечении большого количества народа.

Мне тогда рассказали: когда Тимофей Саввич скончался в Ялте, то для перевозки тела в Москву потребовалось взять разрешение у местного исправника[2]. Исправник потребовал за такое разрешение взятку в несколько тысяч рублей. Родственники, возмущенные таким требовани-

ем, послали телеграмму министру внутренних дел с жалобой на такое вымогательство. Откуда был получен ответ: разрешение на перевозку тела выдать, а исправника уволить с должности и предать суду.

Т.С. Морозов был один из выдающихся фабрикантов и незаменимым хозяином. Всю свою жизнь посвятил делу, которое поставил на большую высоту: кто в России не знал товаров Никольской мануфактуры С. Морозова сын? Тимофей Саввич хорошо разбирался в людях, умело подбирал на фабрику служебный персонал и отлично направлял их на пользу своего дела. Все его служащие, даже лица, занимающие высшие административные должности, боялись его обходов фабрик, зная, что малейшая их оплошность не скроется от его опытных и зорких глаз. Результат его работы исчислялся в громадном ежегодном доходе с фабрик, выражающемся в сумме более 3 миллионов рублей.

Приблизительно в семидесятых годах прошлого столетия в наших правительственных кругах началось увлечение английской системой свободной торговли[3], нашлись политикоэкономисты, доказывающие преимущество этой системы, с применением ее в России. В Министерстве финансов, [которого] более всего это касалось, стоящие во главе лица тоже сочувствовали этим взглядам и с охотой шли на применение ее у нас в России, не сообразуясь, что вся английская промышленность стояла в то время неизмеримо выше, чем промышленность во всех европейских странах; то же можно сказать о культурности английских рабочих, с которыми в то время не могли тягаться рабочие других государств, вследствие чего Англии не приходилось бояться конкуренции кого-либо и ей свободная торговля не была страшна.

Мы, русские, были накануне приведения в действие этой меры, но нашлись в правительстве лица, сомневающиеся в целесообразности этой меры, и они пожелали узнать взгляды нашего купечества, как более осведомленного в этом вопросе.

На состоявшееся в С.-Петербурге собрание были приглашены русские купцы, и в том числе Т.С. Морозов. Морозовым была произнесена горячая речь, доказывающая несвоевременность применения в данное время в России системы свободной торговли, которая, несомненно, приведет к закрытию всех фабрик, лишит заработка массу рабочих, а потому вся тяжесть прокормления безработных всецело ляжет на государство. В заключение своей речи он добавил: если правительством фритредерство будет осуществлено, то он все свои фабрики остановит немедленно и его

рабочие в количестве 20 тысяч человек останутся без работы. Речь его произвела впечатление на присутствующих, и правительство отказалось от своего проекта.

У правительства того времени не было никаких статистических сведений о фабриках; некоторые из присутствующих чиновников усомнились в правильности указанного Т.С. Морозовым количества рабочих, и дано было губернатору поручение проверить число рабочих на морозовских фабриках. По проверке оказалось, что если считать рабочих на торфяных работах, то всех работающих было значительно более 20 тысяч человек.

Для убеждения в верности своих слов Тимофей Саввич указал как пример бывшую часовую промышленность в России, начавшуюся с большим успехом развиваться при Николае I, но благодаря проискам английских и швейцарских фабрикантов, сумевших через свои посольства в С.-Петербурге убедить наше правительство в выгодности для России сложить пошлину с часовых изделий, русская часовая промышленность была окончательно убита и фабрики закрыты*.

Т.С. Морозову приходилось часто бывать в Петербурге по своим личным и общественным делам; в одно из таких пребываний ему пришлось быть у министра путей сообщения (фамилию забыл, кажется, Марков или Макаров)[4]. Министр, разговаривая с Морозовым, сказал: «Правительство считает нужным передать эксплуатацию Николаевской железной дороги в руки частных лиц, могущих поставить хорошо хозяйство на этой дороге. Я держусь мнения: дорога должна быть передана русским купцам, и было бы желательно видеть во главе этого дела московское купечество». Тимофей Саввич поблагодарил его и ответил, что он передаст московскому купечеству о таковом внимании министра к ним и уверен, что оно не откажется взять это дело в свои руки.

В Москве Тимофей Саввич переговорил с несколькими видными купцами, передав им весь разговор с министром; они решили созвать собрание из известных купцов. Собрание состоялось в амбаре какого-то купца (фамилию забыл) в Гостином дворе, на Ильинке. Собралось человек тридцать с чем-то.

*Известная суконная фабрика братьев Бабкиных, принадлежащая Баклановым, была раньше часовой фабрикой, хорошо оборудованной усовершенствованными машинами; после уничтожения пошлины на часовые изделия она закрылась. Потом была переделана на суконную фабрику. Еще до начала революции в конторе этой фабрики имелись стенные часы работы закрывшейся фабрики; часы по красоте и прочности не требовали ничего лучшего.

Принимая во внимание, что купечество, недавно пережившее эпоху крепостничества и все ужасы управления московского генерал-губернатора графа Закревского, — еще большинство из них — не могло уяснить, что настало другое время, с другими требованиями и условиями, посмотрело на Морозова и его единомышленников как на вольнодумцев, могущих вовлечь их в конфликт с властями, со стороны которых могут быть приняты крутые меры относительно их, а потому некоторые из них постарались незаметно уйти из собрания, так сказать, подальше от греха, для чего незаметно опустились на пол и на четвереньках выползли из комнаты заседания, чтобы не быть замеченными*. Из всех собравшихся купцов нашлось желающих организовать это общество только двенадцать человек. Собрание наметило: капитал общества будет состоять из пятнадцати равных частей, причем Морозов взял две части и две части, оставшиеся нераспределенными, были взяты правительством за свой счет. Т.С. Морозов и еще двое из двенадцати членов были выбраны уполномоченными для переговоров с министерством.

Уполномоченные министром были приняты. Он одобрил их желание и обнадежил, что Николаевская железная дорога останется за ними, сказав: «Поезжайте домой и ожидайте сообщения из министерства».

Долго они ждали обещанного ответа; между тем в Москве начали ходить слухи, что Николаевская железная дорога отдана в эксплуатацию каким-то англичанам, а за спиной их стоят главные участники — какие-то великие князья[5]. Поехали опять к министру, чтобы проверить эти слухи. Министр принял и сказал: действительно железная дорога сдана в эксплуатацию Главному обществу российских железных дорог, но произошло это не по его желанию, но по необходимости ему пришлось на это согласиться. «Желая вас компенсировать чем-нибудь, обещаю отдать постройку железной дороги от Москвы до Смоленска, а теперь поезжайте домой и ждите спокойно ответа из министерства».

Они уехали, но скоро узнали, что Смоленская железная дорога отдана на постройку Соломону Лазаревичу Полякову[6]. Опять принуждены были ехать к министру. Министр ответил на их сетование: «Я, к сожалению, не мог исполнить своего обещания из-за сложившихся обстоятельств, но теперь можете быть уверенными — получите концессию на постройку Московско-Курской железной дороги», — пожелал им счастливого пути и спокойно ждать от министерства ответа.

*Все это сообщение получено мною от Н.А. Найденова, но, к сожалению, фамилии купцов, которые он называл, я забыл.

Но для них стало ясно, что бессмысленно доверяться словам министра, остались в С.-Петербурге и начали приискивать лицо, могущее последить в канцелярии министра за ходом их ходатайства; нашли такового — Александра Агеевича Абазу, крупного чиновника, но в то время бывшего в опале и находившегося не у дел, с большими, хорошими связями в чиновном мире. (В будущем А.А. Абаза занимал высокое положение в правительстве.) Получить концессию на Московско-Курскую железную дорогу московскому купечеству удалось. Фамилии некоторых участников у меня сохранились в памяти, именно: Т.С. Морозов, И.А. Лямин, М.Н. Горбов, [В.М.] Бостанжогло, Чижов, Говард. Уполномоченные этого кружка лиц повели переговоры с известным лондонским банкиром Берингом, от которого и получили нужные деньги для постройки железной дороги с рассрочкой платежа на двадцать лет. В этот срок Берингу была уплачена вся взятая у него сумма, полученная от доходов с железной дороги.

В 1893 году правительством была выкуплена Московско-Курская железная дорога. Выкуп состоялся за 75 миллионов рублей. Таким образом, каждый из участников этого кружка лиц получил по 5 миллионов рублей при затрате ими 5 тысяч рублей личных денег, потребовавшихся для уплаты генералу Абазе за его хлопоты. Т.С. Морозов, как имеющий две части, получил 10 миллионов рублей. А.А. Абазе было заплачено 75 тысяч рублей за его хлопоты.

Говоря о настроении некоторых участников собрания при обсуждении вопроса о взятии в эксплуатацию Николаевской железной дороги и как некоторые почтенные купцы выползли на корточках из комнаты, чтобы не подвергнуться гневу лиц, имеющих в то время власть, я вспомнил хорошо сохранившееся в нашей семье воспоминание о посещении государем Александром II московского купеческого старшины Михаила Леонтьевича Королева, сестра которого была замужем за моим дядей — братом моей матушки. Это событие многим известно, о нем можно прочесть в некоторых исторических журналах[7], но в этих описаниях отсутствуют детали, характеризующие переживания Королева и его домашних от ужаса ожидания возмездия со стороны разгневанного графа Закревского, бывшего московским генерал-губернатором во время коронации Александра II.

Купечество, желая отметить коронацию государя каким-нибудь торжеством, устроило ему обед в Манеже, отлично понимая, что приня-

тие обеда государем от купечества есть для них величайшее внимание со стороны царя, а потому устраивало его с особой внимательностью и заботливостью. Как говорили, обед был — по своему кулинарному искусству — замечателен, так же как убранство столов и Манежа, соответствуя важному для купечества торжеству. Задолго до начала обеда представители купечества явились в Манеж во главе с М.Л. Королевым и с трепетом ожидали приезда государя, держа наготове дорогое блюдо с хлебом и солью.

Начала подъезжать свита, и незадолго до приезда царя приехал граф Закревский. Выйдя из кареты, он наткнулся на ожидающих купцов во главе с Королевым, державшим в руках блюдо с хлебом и солью. Граф, увидевший их и от злости покрасневший, обратился к купцам:

— Вы зачем здесь?

— Как же-с, ваше сиятельство! Даем обед государю, желаем поднести хлеб и соль нашему дорогому гостю.

— Ах, вы, мужичье! Пошли вон отсюда! — с бешенством топая ногами, закричал граф. — Без вас это будет сделано!

Купечество боялось графа как огня, зная его жестокость и его манеру обращаться с ними: граф, вызывая к себе именитых купцов, зачастую не стеснялся в своем кабинете хватать их за бороду и валить на пол, избивая ногами куда попало. Ходили слухи, что Закревский имел открытые бланки, подписанные государем Николаем I, и стоит ему только вписать в бланк фамилию и степень наказания вплоть до смертной казни, и это будет приведено в исполнение.

Королев поспешно поставил блюдо на стол, и все купечество, приехавшее чествовать государя, стремительно поспешило к выходу из Манежа с заднего хода.

Королев приехал домой бледный, осунувшийся, сильно взволнованный и на вопрос домашних, что с ним, махнул рукой и сказал: «Плохо, быть беде! Не миновать мне сложить голову от этого обеда». Измученный всем пережитым, нервно расстроенный, спешно снял весь свой парад и завалился в кровать, предавшись тяжелым мыслям.

Через несколько часов к запертым воротам его дома быстро подкатили экипажи, послышался сильный стук и звонки.

Королев вскочил с кровати, трясясь от страха, закричал своим домашним: «Скажите, что меня дома нет, я еще не возвращался... это за мной от графа!» А сам залез под диван, где и лежал тихо, опасаясь, что

посланные графом пожелают лично удостовериться в его отсутствии.

Перепуганные домашние побежали к воротам, к несказанному их удивлению увидали, что сам царь пожаловал к хозяину и желает его видеть. Спрятавшемуся Королеву еле могли втолковать, что приехал царь, а не посланные от графа. Вылезший из-под дивана Королев быстро оделся, привел себя в порядок и, сильно взволнованный, вышел к государю.

Государь ему сказал: «По неприятному недоразумению я не видел купечества на их обеде, данном мне, и приехал поблагодарить старшину купечества за их превосходный обед и с просьбой передать благодарность всем остальным устроителям его»[8].

На другой день стало известно: приехавший на обед государь был встречен свитой, в это время кто-то из лиц, приближенных к царю, возмущенный выходкой графа, успел рассказать государю всю происшедшую сцену с купцами. Государь вошел в залу, встреченный графом Закревским с хлебом и солью. «А где же купечество?» — спросил государь. Сконфуженный граф что-то пробормотал. После обеда государь приказал свезти его к купеческому старшине Королеву, и на другой день граф Закревский был отстранен от должности московского генерал-губернатора[9].

ГЛАВА 22

Ближайшими помощниками Т.С. Морозова в описываемое время были А.А. Назаров, И.А. Колесников и А.И. Вагурин.

Александр Александрович Назаров был с университетским образованием, хорошо воспитанным и доброжелательным человеком; с ним приятно было иметь дело из-за его положительных нравственных качеств: у него отсутствовало коварство и лесть, мне ни разу не пришлось видеть с его стороны желание сказать неправду, так часто допускаемую лицами купеческой профессии, ради соблазна извлечения от лжи выгоды в свою пользу. Иногда приходилось ставить его в такое положение, где он, казалось бы, должен сказать «да» или «нет», но если таковая откровенность не входила в его расчет, то, мило улыбаясь, он говорил: «Сказать не могу: это секрет фирмы». Все его качества располагали людей относиться к нему с большим уважением.

Если бы мне вздумалось классифицировать своих знакомых по их нравственным качествам, то А.А. Назарова поставил бы в первом десятке из всех лиц, встреченных мною в моей жизни.

Нельзя было не обратить внимания на его всегда грустные, задумчивые и печальные глаза, дававшие право предполагать, что у него имеется на душе тяжелое переживание, от которого он отделаться не может даже в то время, когда, казалось бы, он должен быть доволен данной минутой.

Жизнь кончил плачевно — самоубийством.

Эта потеря для меня была тяжелой: я его искренне любил и уважал. Редко в купеческой среде встречались люди с такой красивой и благородной душой!

Причиной смерти, как говорили, была необыкновенно тяжелая жизнь: его жена* была психически больная, между тем он ее и детей любил, боясь, что болезнь матери передастся по наследственности детям.

Старший сын Александра Александровича лишил себя жизни, его нашли зарезавшимся в кровати. Вскоре после этого Александр Алексан-

*Дочь Т.С. Морозова.

дрович вошел в спальню второго сына и увидал стоящую у кровати сына свою жену, намеревающуюся лишить его жизни. После чего Александр Александрович начал сильно задумываться и предполагать, что его старший сын лишил себя жизни не сам, а был убит матерью во время ее припадка. Так ли все это, я узнать точно не мог[1].

Иван Андреевич Колесников кончил курс в Петербургском коммерческом училище, после чего поступил на службу в контору петербургского отделения Товарищества С. Морозова, взятый доверенным отделения Н.П. Рогожиным, о котором я писал в своих воспоминаниях. С переходом Рогожина в Москву на должность директора Товарищества он перевел с собой и Колесникова.

Жена Тимофея Саввича Морозова — Мария Федоровна, нуждаясь в человеке, который бы мог вести ее личные денежные дела, обратилась к Рогожину с просьбой рекомендовать такого. Рогожин указал на Колесникова, сумевшего получить полное благорасположение у Марии Федоровны, и благодаря ее протекции он скоро получил должность главного бухгалтера, а потом с большой ловкостью и искусством сковырнул своего бывшего покровителя Рогожина из директоров Товарищества, сам занял его место.

Колесников был маленького роста, очень подвижный, совершенно плешивый, с круглой головой, с красивыми глазами, но холодными и стальными; когда приходилось говорить с ним, то чувствовалось, как он любопытным взглядом осматривал вас, с желанием найти у вас что-нибудь смешное и нехорошее.

С ним иметь торговое дело было крайне неприятно из-за его узости мысли в живом деле, нужно думать, усвоенной им от долголетних занятий бухгалтерией. Это особенно бросалось в глаза, когда ему приходилось замещать А.А. Назарова.

Колесников благодаря противоположным А.А. Назарову качествам стал грозой среди многочисленных служащих Товарищества, выдвигал лиц, льстящих ему, наушников, затирал тех, которые этого не делали. Колесников до смешного любил лесть, даже если она делалась в довольно грубой форме, посторонним казалась смешной и глупой, а он ее принимал за чистую монету. Мне рассказывали: ему пришлось быть на обеде, устроенном в честь бывшего инспектора 4-й классической гимназии Дмитрия Николаевича Королькова, назначенного на должность директора Шелапутинской гимназии[2]. Корольков, желая польстить Колеснико-

ву, сказал речь о нем как о почетном попечителе 4-й гимназии в таких льстивых выражениях, что всем присутствующим на обеде сделалось неловко; они толкали друг друга ногами под столом с желанием обратить внимание Королькова на его чрезмерный пересол, но Корольков отлично понимал Колесникова и был уверен, что все это им будет принято за чистую монету; и действительно, все так [и] было понято Колесниковым.

Колесников был одним из душеприказчиков Морозова, оставившего значительные суммы на благотворительность. Из этой суммы было пожертвовано 50 тысяч рублей в пользу 4-й гимназии, да, кроме того, Колесникову удалось привлечь других жертвователей для этой гимназии, и он Московским учебным округом в благодарность за пожертвования был назначен почетным попечителем гимназии. Дослужился до действительного статского советника, чем чрезвычайно гордился.

Как-то встретил его едущим по Земляному валу в карете, запряженной в одну лошадь. Бесконечная вереница ломовых извозчиков, спешивших на постой, преградила путь карете; мне доставило большое удовольствие и развлечение любоваться Иваном Андреевичем, восседавшим в карете в таком высокопарном и курьезном виде, что я до сего времени не могу не вспомнить его фигуру, чтобы не улыбнуться: голова его была неподвижна, как у манекена, глаза устремлены в одну точку, лицо изображало особое величие; ясно было видно, что он не чувствовал под собой ног, предполагая, что все им любуются и восхищаются.

Александр Иванович Вагурин кончил курс в каком-то среднем учебном заведении, откуда поступил на службу в Товарищество С. Морозова на должность приказчика. Прослужив несколько лет, зарекомендовал себя хорошо, и правление им было довольно. В это время скончался главный доверенный, заведующий торговлей, и Тимофей Саввич решил назначить Вагурина на должность умершего.

Через год оказалось что-то около миллиона потери за покупателями. Собравшееся правление высказалось: удалить с этого поста Вагурина, как человека малоопытного. Тимофей Саввич не согласился с таковым заключением и сказал: «Обучение Вагурина обошлось дорого Товариществу; пригласив другого, опять придется платить за обучение, так не лучше ли Вагурина оставить? Он не глупый и способный, а первая его неудача послужит наукой ему на всю жизнь!»

Слова Тимофея Саввича совершенно оправдались: из Вагурина вышел хороший доверенный, и впоследствии он сделался директором Товарищества.

Одной из дурных черт Вагурина была любовь ко вранью, и он этим многих ставил в неприятное положение, что было и со мной. Как-то мне пришлось быть в гостях у Ивана Алексеевича Панова, работающего в Товариществе С. Морозова в качестве заведующего покупками материалов для фабрик. Приехал к Панову довольно рано, собравшихся гостей было мало, между нами завязался разговор о строящихся Хлудовских банях[3]. Я был под впечатлением разговора с подрядчиком, бывшим у меня перед отъездом к Панову и рассказавшим мне о строящихся банях; он утверждал, что бани будут чудом; тратят деньги на постройку их без счету, что могут делать только такие богатые люди, как Хлудовы; удивлялся, что во главе стоит Левинсон[4], совершенно неопытный в стройке человек, позволяющий архитектору переделывать одну и ту же работу по несколько раз: так, оконченную залу, уложенную плитками, приказывает сломать и вновь переделать на другого цвета плитки, после чего опять приходит и ему вновь не нравится, вновь ломают; архитектор приводит художника-декоратора, который находит, что цвет плиток не соответствует красоте и нужному тону помещения, приказывает опять все ломать и вновь укладывать плитками другого цвета и размера. Таким образом одну из зал пришлось переделывать пять раз.

Когда я рассказывал обо всем этом, что я слышал от подрядчика, вошел в комнату прибывший Вагурин. Нужно предполагать, когда он раздевался в передней, часть моей передачи слышал; он, здороваясь, сказал: «Я только что из Хлудовских бань, мой друг Левинсон показал их, и действительно, бани будут московским чудом!» Разговор на этом окончился, так как начали подъезжать гости, и тема разговора переменилась.

Приблизительно через неделю после этого вечера, к моему удивлению, входит в мой кабинет Василий Алексеевич Хлудов со свойственной ему приятной улыбкою.

С Василием Алексеевичем я познакомился только несколько месяцев назад, будучи у него во дворе для осмотра амбаров, которые он предполагал сдать для склада хлопка. Поехал к нему с Н.И. Решетниковым, который хорошо знал Василия Алексеевича. Осмотрев склады и прилегающий к ним двор, я убедился, что они для нас неподходящи из-за

малого количества площади складов, и двор хотя большой, но вряд ли хозяин, живущий рядом в большом роскошном особняке, согласится всецело предоставить его для склада хлопка и шерсти, причем прием и сдача хлопка зачастую производится единовременно в разных местах двора при участии толпы грузчиков-крючников, которые, как известно, не обходятся во время работы без употребления особых крепких словечек и отборных ругательств; с грохотом нескольких десятков подвод, привозящих и увозящих грузы, и с присущей для сдачи хлопка пылью, стоящей в то время столбом. Сосредоточие на дворе большого количества хлопка, легко самовоспламеняющегося, несомненно, угрожало бы особняку Хлудова, если бы случился пожар. О чем я и сказал Василию Алексеевичу, но хитроумный Николай Иванович Решетников, зная увлекающийся характер Хлудова и его слабую струнку — жадность, начал уверять меня, что я ошибаюсь: все эти недочеты можно устранить и уладить, стараясь попасть в тон желаний Василия Алексеевича.

Василий Алексеевич, обращаясь ко мне, сказал: «Сразу видно человека практического и умеющего обделывать дела — И, указывая рукой на Решетникова, прибавил: — От него не уйдет ни одно дело без пользы!» После этого я с Хлудовым больше не встречался.

Василий Алексеевич, поздоровавшись со мной, пристально, с какой-то коварной улыбкой посмотрел на меня и сказал: «Я пришел рассказать интересную историю, отчасти касающуюся вас.... Но только не здесь, не здесь...», — когда заметил, что я пододвигаю ему кресло сесть. «Вы еще не завтракали? Пойдемте к «Арсентьичу»,... он хорошо и недорого кормит..., там я и расскажу».

У Арсентьича засели за маленький столик, заказали говядину из шеи, огурчиков, хрену, после чего Василий Алексеевич начал рассказывать: вчера был в гостях у Александры Герасимовны Найденовой, в числе ее гостей был и Левинсон, обратившийся к Александру Александровичу, мужу хозяйки, со словами: «Скажите, Александр Александрович, кажется, Варенцов ваш родственник? Он позволяет себе распускать про меня слухи, что я обворовываю хозяев, поручивших мне постройку бань, а скорее я могу сказать это про него: я ведь не покупаю домов-дворцов (!), как делает он, затрачивая на отделку большие деньги!»

А.А. Найденов, уже давно ревнуя Левинсона к своей жене и притом еще обиженный, что постройка бань поручена не ему, как опытному и действительно хорошо знающему строительное дело, а Левинсону, ра-

нее служившему в таможне и не имеющему никакого опыта в постройке, воспользовался этим случаем и ответил ему: «Николай Александрович Варенцов — муж моей племянницы; я не позволю вам так говорить о нем, прошу немедленно оставить мой дом и больше не являться сюда. — Позвонил лакею и приказал: — Проводите этого господина и больше его не принимайте!»

Сообщение Хлудова меня сильно взволновало и доставило мне большое огорчение. Я увидал, что Василий Алексеевич осведомляет меня не ради своего расположения ко мне, а, скорее, для усиления скандала на потеху людей его круга. Действительно, все это могло кончиться если не дуэлью, то кулачной расправой, последнее было бы вероятнее. На другой день я отправился на Биржу с полным желанием избить сначала вруна Вагурина, для чего захватил крепкую палку, но ранее встретил И.А. Панова, которому и рассказал о всем происшедшем, с просьбой подтвердить, что я, говоря о банях, ни слова не позволил сказать ничего плохого о Левинсоне, которого совершенно не знал и ни разу не видал его в лицо.

Панов мне ответил: «Действительно, Вагурин большой враль, от него свободно можно ожидать этого; с ним такие случаи часто бывали и ранее. Я могу вполне подтвердить, что вы у меня ничего дурного не говорили о Левинсоне».

Отойдя от Панова, я столкнулся нос с носом с Вагуриным, протягивающим мне руку с доброй улыбкой. Я руки ему не подал, и он уже по моему взволнованному лицу понял, что готовится с ним хорошая расправа.

— Вы сказали Левинсону, что я назвал его вором при стройке Хлудовских бань?

Вагурин побледнел и сказал:

— Это неправда, я ничего этого не говорил! Левинсон по своей глупости все перепутал и переврал; я сейчас к нему поеду и выясню, после чего заеду к вам, чтобы окончательно разъяснить это недоразумение!

На другой день Вагурин приехал и сообщил, что Левинсон не понял его слов, все перепутал и теперь извиняется передо мной.

Этим история закончилась: не драться же мне было с ними!

ГЛАВА 23

Стараясь соблюсти некоторую хронологию в периодах моей трудовой жизни, я принужден приступить к повествованию о моем поступлении в 1889 году в директора Товарищества Никанора Разоренова и Михаила Кормилицына.

Основатель и создатель этого дела был Никанор Алексеевич Разоренов, крестьянин деревни Вичуга Костромской губернии. Разоренов в молодых годах сам работал на станке в своей избе, как работали почти все в этой деревне и в смежных других; потом он начал раздавать пряжу на выработку другим односельчанам и все сработанное отвозить на Нижегородскую ярмарку или в Москву для продажи. Разоренов был одним из первых в этом районе, понявшим громадное значение паровой машины, и один из первых построил самоткацкую фабрику, положившую начало его денежному благополучию.

Дело велось им без бухгалтерии, и он учитывал свою пользу приростом серий[1] в его железном сундуке, стоящем в его спальне. Пересчитывая ежегодно свои серии, если он видел, что они за год прибавились на известную сумму, то считал эту прибавку за свою пользу от дела; израсходованные деньги на постройку, покупку машин, лесов он не считал за прибыль, а считал как израсходованные на нужды его фабрики.

Никанор Алексеевич единственную дочь выдал замуж за Михаила Максимовича Кормилицына, которого взял в свое дело. Состарившись, он поручил ведение дела зятю, а сам, осознавая суетность жизни, посвятил себя добрым делам. Выстроил в Вичуге церковь, где сделался ктитором[2]; нуждающимся своим рабочим помогал деньгами, хлебом и лесом и почти никому не отказывал в просьбе.

У Н.А. Разоренова накопился в сундуке миллион рублей серий, после чего ему пришло в голову начать постройку прядильни, но, боясь начать это дело в одиночку, он предложил своим двум братьям Федору и Александру, давно отделившимся от него, начать постройку фабрики совместно с ним. Братья согласились, но, когда узнали, что Никанор Алексеевич вместо себя поручает ведение постройки своему зятю Кор-

милицыну, они решительно отказались с ним работать из-за его вздорного и самодурного характера.

М.М. Кормилицын убедил своего тестя начать постройку прядильни без участия его братьев. Прядильню начали строить на удачно купленной земле близ Кинешмы на Волге в количестве 28 1/2 десятин; братья Никанора Алексеевича построили прядильню тоже в Кинешме, но на другой стороне города.

М.М. Кормилицын для постройки прядильни пригласил только что окончившего курс инженера Владимира Ивановича Зевакина*, но, об-

*В.И. Зевакин был уроженец Москвы, из хорошей купеческой семьи, получил хорошее воспитание, владел языками французским и немецким. Поступив на фабрику к Разоренову и Кормилицыну, он в первые года своей службы увлекался порученным ему делом, выписывал иностранные журналы по своей специальности прядильщика, но, имея слабую волю и будучи с ленцой, постепенно втягивался в ту затхлую среду, в которой ему пришлось вращаться; особенно повлияла на него женитьба на необразованной девушке, дочери своего кучера, от которой он имел нескольких детей.

Владимир Иванович был умным и в обществе очень интересным, обладал даром слова, со способностью замечать слабости людей и передавать все это с большим юмором. Он мне много рассказывал о Кормилицыне и других соседних фабрикантах, с которыми ему пришлось иметь отношения. Они были крайне интересны, но, к сожалению, я о них забыл; я ему советовал записывать их, чтобы они не забылись, но, думаю, этого он не делал благодаря своей лености. Некоторые у меня в памяти остались, и я расскажу их.

Когда Зевакин поступил на фабрику, то у него чрезвычайно разболелись зубы, помощи докторской получить не мог, так как в то время в городе Кинешме еще не было зубных докторов, а нужно было ехать в Иваново-Вознесенское с поездом, ходившим один раз в день. От боли зубов он не мог спать всю ночь, а утром она еще более усилилась, как говорил он: катался по полу от сильной боли и рыдал. В это время к нему пришел подрядчик за каким-то распоряжением, услыхав его стоны и крики, сказал прислуге: «Скажи барину, что я мог бы ему помочь от зубной боли, я знаю заговор». Владимир Иванович, измученный болью, ухватился за его предложение, хотя раньше всегда смеялся над таким способом лечения, применяемым в деревнях крестьянами. Он вышел к подрядчику, и они вместе пошли на двор. Подрядчик срезал с растущей черемухи ветку, заострил ее и дал ему, сказав: «Поковыряйте в зубе заостренным концом», — потом взял у него, пошептал над ней что-то, потом отправились на конный двор, где зарыл ветку в куче навоза, сказав: «Ну, Владимир Иванович, у вас теперь всю жизнь не будут болеть зубы, но предупреждаю: зубы не рвите, оставляйте корни в челюсти, они сами собой выпадут». Владимир Иванович почувствовал, что боль зубов у него совершенно прошла, и он мне сказал: «Сейчас мне шестьдесят лет, и с тех пор у меня ни разу не болели зубы, даже смешно сказать: потерял сознание этой боли, как будто никогда я ею не страдал».

Однажды ко мне пришел В.И. Зевакин в каком-то возбужденно-веселом настроении и рассказал: «Я пришел только что из казарм, куда был вызван для прекращения скандала, происшедшего между супругами. Причина скандала была следующая: месяца три тому назад один из ткачей проводил время в пивной со своими товарищами; нагрузившись до-

ладая большим самомнением, он не слушал знающих людей и всякую фантазию, пришедшую ему в голову, приводил в исполнение, не считаясь с тем, что она обходилась весьма дорого: так, для постройки фабрики имелась вполне достаточная площадь земли, а он приказал срыть гору, прилегающую к этой земле, что обошлось в 30 тысяч рублей; выложенные стены первого этажа фабричного корпуса ему не понравились, велел сломать и вновь переложить с отступлением от первоначальной кладки на незначительное расстояние; деревянный дом, уже готовый к заселению, приказал перенести на другое место только из-за того, что он закрывал вид на окрестности из окон его дома.

В.И. Зевакин мне рассказывал: «Я потом к нему применился, и когда он, уезжая с фабрики, делал какое-нибудь нелепое распоряжение, то соглашался с ним, а делал по-своему, как следует. Когда он приезжал, говорил ему: «Все сделал по-вашему, и вышло очень хорошо». Кормилицын улыбался и с довольным лицом отвечал: «Я, брат, не ошибусь, только слушайся, всегда получится хорошо!»

Наконец фабрика была выстроена, наполнена машинами, выглядела красиво и богато. Михаил Максимович, обходя фабрику с Зевакиным, долго любовался на нее, радуясь и гордясь своим созданием. Он обратился к Зевакину и сказал: «Пусть теперь братцы моего тестя придут полюбоваться на нее, пожалеют, что не вошли в компанию. Смотри: какой простор!.. сколько еще можно выстроить корпусов, а они построили свою фабрику на ровной земле, окруженной чужими и крестьянскими землями, повернуться негде, лишнюю сажень дров сложить нельзя,

статочно пивом, у них зашел разговор о женах; ткач заявил: «Я своей жене верю, она мне никогда не изменит». Его товарищ начал хохотать, поддразнивая его: «Давай спорить на трешку, что она тебе изменит!» Полупьяный, разгоряченный спором ткач принял предложение, оба вынули по трешке и вручили их третьему товарищу, бывшему с ними, с тем, что он отдаст эти шесть рублей тому, кто окажется прав, срок спора установлен шесть месяцев. По прошествии трех месяцев к ткачу, принявшему пари, на фабрику прибежал мальчик и сказал: «Тебя зовет такой-то, иди скорее в казарму, с женой твоей что-то случилось!» Ткач бросил работу, побежал в казарму, где застал свою супругу в положении, когда уже не приходилось сомневаться в проигрыше им пари. Взбешенный ткач бросился бить свою жену, крича: «Ах, ты сука! Из-за тебя я должен платить трешку твоему хахалю!» Жена, услышав это, в свою очередь пришла в негодование и, будучи сильной и здоровой бабой, бросилась с кулаками на мужа и начала лупить его, говоря: «Ах, ты мерзавец! Что же ты думаешь, мы такие богачи, что можем швыряться трешками?!» Пришедшему Зевакину жаловалась: «Послушайте, Владимир Иванович! Могла ли я знать, что муж мой такой дурак? Спорил на трешку! Как будто мы богачи! Теперь придется отрабатывать несколько дней из-за этого дурака!»

снимай землю у крестьян, плати за нее да еще кланяйся — могут и не сдать!! Называли меня самодуром, а вышло у меня все лучше, чем у них, несамодуров!»

Говорил все это он, когда они возвращались домой, пробираясь по речке Томна[3]. Вдруг из кустов вышел мужичок, снял шапку и почтительно поздоровался с Михаилом Максимовичем. Кормилицын, будучи в хорошем настроении, остановился и спросил его:

— Зачем ты сюда попал?

— Пришел посмотреть, — отвечал мужичок, — на свое старое пепелище, где прожил пятнадцать лет; эту землю я обрабатывал на огород, разводил капусту, земля хорошая, капуста родилась чудная; ни за что бы не уехал отсюда, да хозяин земли больно был жаден: что ни год, то прибавка; осерчал я, купил землю около своей деревни и там развел огород. Теперь эту землю не узнаешь, как вы ее застроили!

— Значит, ты арендовал ее у такого-то барина? (и назвал его фамилию) — спросил Михаил Максимович.

— Нет, зачем у него! Не у него, — и назвал фамилию другого, — земля того барина, которого вы назвали, примыкает к этой земле; у моего барина, у которого я арендовал, было не больше двух-трех десятин, вот на этой-то земле выстроен у вас двухэтажный дом, а рядом конюшни.

На лице Михаила Максимовича выразилось удивление:

— Что ты говоришь? Вся эта земля принадлежала барину, у которого я купил, вплоть до речки Томны.

— Нет, Михаил Максимович, это не так! Быть может, потом мой барин продал землю своему соседу, я этого не знаю, но землю по Томне я арендовал у своего барина пятнадцать лет и ежегодно ездил в Питер заключать договор и платить деньги за аренду; как же мне этого не знать!

Михаил Максимович вернулся домой уже в плохом настроении, с неспокойной душой, думая: «А вдруг все, что говорил этот огородник, правда, как же тогда быть? Владелец земли, узнав о возведении зданий, сдерет с меня за нее не одну, а десять шкур!»

Но Михаила Максимовича не смущало особенно, что за нее придется дорого платить, он про себя думал: заплатим!.. а вот скверно: братцы тестя узнают, поднимут на смех, скажут тестю: «Говорили, что самодур, так и вышло!»

Кормилицын ночь не мог спать, переваливаясь с боку на бок, и решил: послать своего ловкача, как называл он одного своего служащего,

Флегонта, в Кострому, пусть там он разбирается во всей этой путанице в надлежащих учреждениях.

Разореновым был взят мальчик в контору на побегушки, фамилия его была Ильин, а звали Флегонт. Мальчик оказался очень способным и быстро пошел в ход. Когда он возмужал, ему стали поручать серьезные дела, касающиеся полиции, рабочих, земских учреждений, урегулирования долгов, и он отлично с ними справлялся.

Ильин обладал мягким вкрадчивым голосом, черными маслеными глазами, был небольшого роста, довольно полный, но крепко сложенный, с отличной шевелюрой, подстриженной под скобку, как обыкновенно стриглись крестьяне, с небольшой бородкой и с мясистым круглым носом, похожим на луковицу. По виду походил на богатого крестьянина или на лавочника. Когда я познакомился с ним, ему было лет за сорок, и тогда величали его уже Флегонтом Ильичом.

Флегонт съездил в Кострому, потом в Москву и в межевой канцелярии достал все справки, и оказалось, что огородник был прав: не только конюшня и дом, но и угол фабричного корпуса стояли на чужой земле. Кормилицын послал его немедленно в Петербург разыскать владельца трех десятин земли и, чего бы ни стоило, купить ее, хотя бы по 5 тысяч рублей за десятину, за успех обещаясь выдать Флегонту хорошую награду. Флегонт, получив от огородника адрес барина, выехал в Петербург, но когда приехал, то узнал, что барин несколько лет тому назад скончался и наследство его перешло к племяннику. Он отправился к нему, предварительно от дворника узнал все подробно о наследнике, его семье, об образе жизни, денежных делах и после всего этого явился к барину.

Объяснив барину, что он, будучи в Петербурге, зашел к его дядюшке, но оказалось, что он скончался, а потому он решился побывать у него и переговорить о клочке земли близ Кинешмы, которую ему поручил купить бывший арендатор этой земли, если цена за нее не будет дорогая.

Барин был крайне удивлен, когда услышал, что он имеет какую-то землю и что ее даже можно продать. Он ответил: «Я получил от дяди много разных бумаг и планов, предполагал, что все они относятся к землям, давно проданным». Принес их все к Флегонту, и стали оба разбирать. Документ и планы на эту землю нашли; барин был чрезвычайно доволен и быстро пришел к соглашению с Флегонтом о продаже

ее за 500 рублей. Земли оказалось немного меньше трех десятин. После того, как купчая была совершена, барин позвал Флегонта в ресторан обедать и хорошо угостил. Во время обеда он сообщил Флегонту, что, разбираясь в документах, нашел еще купчую на 20 десятин земли, тоже близ Кинешмы, только она находится с другой стороны Кинешмы, чем та, которую он Флегонту продал. Просил Флегонта посодействовать продаже ее, говоря: «Не ехать же мне туда из-за этих пустяков!» Флегонт пошел с ним на квартиру; внимательно осмотрев документы, он увидал, что эта земля примыкает к фабрике братьев Разореновых, так нуждающихся в земле для складов строительных материалов.

Флегонт не преминул поломаться, но потом, долго поторговавшись, купил и ее за 500 рублей; разошлись, оба довольные этой сделкой.

Кормилицын хорошо наградил Флегонта, оставив за собой купленную землю близ фабрики братьев Разореновых. Спустя несколько лет он ее продал им за несколько десятков тысяч, радуясь, что ему пришлось отомстить за обиду, нанесенную ему словом «самодур».

ГЛАВА 24

Мне пришлось познакомиться с М.М. Кормилицыным в 1889 году. По виду ему можно было дать лет пятьдесят с чем-нибудь. Он был видный, высокого роста, богатырского сложения, с большим лбом, увеличенным лысиной, с длинной густой бородой с проседью, с лукаво-смеющимися глазами, с мясистым большим носом. Если бы нарядить его в боярский кафтан и шапку, то мог бы служить хорошей моделью художнику для бытовой жанровой картины, изображающей боярина времен Михаила Федоровича.

С подчиненными держался надменно и гордо. Ходил ли по фабрике или сидел в конторе — всегда в шапке; когда шел, постукивал палкой по полу, предполагаю, с целью обратить внимание служащих и рабочих, что идет хозяин. На поклоны рабочих и служащих не отвечал. Независимых и держащихся с достоинством терпеть не мог, да они могли появиться только после того, как в правление вошли новые лица. Конкурентов критиковал, находя в их действиях всегда что-нибудь неправильное, говоря: «Дураки, чего от них больше ожидать!» Про фабрикантов, которые в деле преуспеяли и богатели, говорил: «Еще бы не богатеть, когда бабушка ворожит!» — объясняя успех либо обкрадыванием казны, либо деланием фальшивых кредиток, причем подмигивал глазом, говоря: «Знаю, от меня не скроешься!»

Он считал себя всех умнее и лучше: какой-нибудь фабрикант продавал старую износившуюся машину, он ее покупал, в слесарной мастерской при фабрике ее переделывали, исправляли, и помещал к себе на фабрику, говоря: «Дурак продал, а вот у меня работает, как новенькая!» А потому его фабрики были в значительной степени набиты разным хламом, поминутно ломались, чинились; получались простои, приходилось иметь большой штат слесарей, но он не унывал, говоря: «За эту машину новую надо дать тысячи, а я ее купил за сто, ничего, работает!» И все остальное было в том же роде. Михаил Максимович образованным и серьезным инженерам не особенно доверял, а больше полагался на смекалку простых мастеров, вышедших из рабочих, говоря про инжене-

ров: «Где им! Как их можно сравнивать с практиком, проведшим всю жизнь на деле!»

Кормилицын жил в селе Вичуга, от станции Вичуга находящемся в 2—3 верстах. Жил он в большом деревянном доме нелепой постройки, с неуютными проходными комнатами, обставленными старой сбродной мебелью, купленной у разорившихся помещиков. Комнаты были с низкими потолками, парадные — расписанные фантастическими цветами, птицами, фруктами.

Хозяин богател, семья росла, и с этим рос и дом благодаря пристройкам, и из дома образовался какой-то сумбур, с темными коридорами, ступеньками, лесенками, закоулками с лежанками, со спящими на них жирными котами. Когда входишь в парадную дверь, обдавало тебя запахом горячего хлеба, кваса, кислых щей и тому подобного.

Передние углы комнат были увешаны старинными иконами в серебряных ризах, с лампадами; по стенам парадных комнат висели портреты родичей. Окна были обставлены неприхотливыми растениями; на полах лежали чистые половички и коврики.

Татьяна Никаноровна, жена Михаила Максимовича, была женщина малообразованная, по уму недалекая и со скверным характером.

Семья Кормилицына была большая, со многими сыновьями и дочерьми. Обедать и ужинать все дети собирались в большую столовую со своими репетиторами, гувернантками и боннами. В это время Михаил Максимович любил поговорить, пофантазировать, благо слушателей было много, но его бестактная супруга не стеснялась делать нелепые замечания и тем доводила своего мужа до бешенства, уже в то время хворавшего параличом, и тогда Михаил Максимович отпускал такие отборные ругательства, не стесняясь посторонних и молодых барышень, быстро выскакивавших из-за стола и скрывавшихся в своих светелках, где и заканчивали свой обед.

В селе Вичуге находились три крупные фабрики: Товарищество [Г.] Разоренова и [И.] Кокорева, Товарищества [Никанора] Разоренова и Кормилицына и Николая Григорьевича Разоренова[1], и, кроме того, было еще несколько небольших; в других соседних деревнях и селах тоже размещались большие фабрики и заводы, которые с каждым годом прибавлялись, а существующие расширялись и увеличивались.

Все эти хозяева фабрик жили замкнуто, без желания объединиться ради общественной пользы (у некоторых крупных фабрик были свои

больницы, училища, только для своих рабочих); без желания создать что-нибудь крупное, хорошее на средства всех фабрикантов, которое бы служило для общего пользования. О клубах, читальнях, библиотеках и разных других развлечениях и помину не было. Даже много лет не могли сговориться о приведении в порядок дорог с замощением их: так, от станции Вичуга до села Вичуга дорога была в безобразнейшем состоянии, особенно во время распутицы — лошади калечились, телеги ломались, сами фабриканты и их семьи рисковали переломать себе кости; и стоимость замощения ее могли бы окупить в один год снижением платы за провоз их грузов, поступающих к ним и отправляемых ими в громадных количествах.

Наконец было устроено шоссе, но в том же положении очутился ремонт его: опять не могли сговориться о приведении его в порядок за общий счет, и дорога очутилась в худшем состоянии, чем до устройства ее. И все это продолжалось вплоть до провода ветки железной дороги к каждому из них на фабрику.

Вся жизнь чванливых фабрикантов была нудная и скучная, без всякого стремления упорядочить ее; все жили, как моллюски в своих скорлупках, друг у друга бывая разве только в особенно торжественных случаях, считая, что своим приходом к соседу в неурочное время потеряют свою амбицию, могут люди подумать: нуждается в них, заискивает. Старались друг перед другом хвастнуть: один заведет рысака, другой старается найти лучше; вздумается кому-нибудь построить оранжерею для цветов, другой строит тоже, хотя бы она была набита всякой дрянью, которую нужно только выбросить, как я это заметил у Михаила Максимовича Кормилицына.

Никанор Алексеевич Разоренов выстроил деревянную церковь, где до конца своей жизни был старостой; после смерти, естественно, прихожане выбрали его наследника Михаила Максимовича. Соседу, крупному фабриканту Ивану Александровичу Кокореву, показалось обидным: почему его не выбрали? Выстроил каменную церковь, хотя особой нужды в двух церквах не было. И во всем остальном то же самое, с преобладанием зависти и сплетен. Семьям фабрикантов было только одно развлечение — поездки ежегодно на Нижегородскую ярмарку и изредка в Москву, и они давали им пищу для ума и разговоров от поездки до поездки.

Несмотря на многие отрицательные стороны характера Михаила Максимовича, он был умным человеком, хорошо знал ткацкое производ-

ство и наживал от ткацкой фабрики деньги. Сгубила его постройка прядильни, и то только из-за его самомнения, что он умнее всех и знает все лучше всех. Им были заказаны прядильные машины, не те, которые шли в Россию, приспособленные к квалификации русских рабочих, а он выписал более усовершенствованные, идущие главным образом в Англии и Америке, где рабочие того времени были неизмеримо выше русских рабочих. Выписанные им прядильные машины были скоро приведены в негодность неумелыми рабочими при малоопытном инженере Зевакине, начались поломки, простои, и все это привело дело в тяжелое положение.

Кормилицын, видя все это, пришел к необходимости устроить товарищество в 1882 году, предполагая найти пайщиков и привлечь в свое дело капиталы, но таковых не нашлось, и с каждым годом дело ухудшалось, и от окончательного банкротства спас его пожар фабрики[2]. Получив страховую премию, он вновь возобновил прядильню, но выписал машины общепринятого типа. Фабрика заработала с 10 тысячами новых машин и с 10 тысячами старых горелых, более или менее приведенных в порядок. Но 10 тысяч новых машин не могли вывезти дело, оно делалось все хуже и хуже и в 1889 году оказалось в таком положении: фабрика была заложена у Ивана Александровича Миндовского*, все сработанные товары находились в залоге в Ссудной кассе[3] в Москве, с уплатой процентов за полежалое и страховых что-то около 24% в год, и дело было близко к банкротству, если бы в Товарищество не вошли новые лица с деньгами и с коммерческими знаниями.

---

*Миндовский Иван Александрович был очень богатым человеком, имел несколько фабрик, много лесов, домов и имений. Отличался большой скупостью, граничащей скорее с душевной ненормальностью. Он был крепким и здоровым человеком, высокого роста, полный, с плешью. Одна из его фабрик была на Волге, и две другие тоже находились недалеко от нее. Все свои грузы отдавал обществу «Самолет», выговорив себе бесплатный проезд на их пароходах, чем всегда и пользовался. Ни разу никто не заметил, чтобы он брал что-нибудь из буфета парохода, разве только кипяток, подаваемый задаром, имел всегда при себе мешочек с провизией.

Однажды мне пришлось ехать на пароходе с Иваном Александровичем Коноваловым, он предложил с ним вместе пообедать, в это время входит И.А.Миндовский; поздоровавшись, он сел с нами за столик. Коновалов обратился к нему: «Давай обедать с нами вместе, я закажу на твою часть»». — «Что ты, что ты! Я сыт, только с обеда, два раза не обедают подряд,... захвораешь! — сказал Миндовский, смеясь. — Вы обедайте, а я приду чайку попить», — и ушел.

Стоящему лакею Коновалов приказал дать три прибора и заказал на троих. Я ему заметил: «Почему заказываете на троих? Иван Александрович обедать не будет!» — «Ни-

ГЛАВА 25

На общем собрании новых пайщиков Товарищества Н. Разоренова и М. Кормилицына были избраны директорами правления М.М. Кормилицын, И.И. Казаков и я[1].

Входя в Товарищество, новые пайщики предполагали, что их обязанность будет состоять в финансировании и контроле дела, рассчиты-

---

чего, пообедает, будет кушать с удовольствием, но только платить не будет — мы его угостим!»

К подаче лакеем обеда Миндовский пришел со своим мешочком с провизией, Коновалов сказал: «Садись, я на твою долю заказал,... позволь угостить тебя,... неужели ты меня хочешь обидеть?» Миндовский немного поломался, но скушал весь обед и пил вино. Перед кофе встал и сказал: «Пойду в каюту, мне кое-что нужно взять», — и ушел с мешочком. Я был уверен, что Миндовский боялся остаться до расплаты за обед, чего доброго и ему пришлось бы заплатить, неособенно доверяясь угощению Коновалова, который предложил Миндовскому угощение, а заплатили по счету я пополам с Коноваловым.

Однажды на Нижегородской ярмарке встретил Сергея Афанасьевича Мошкина, схватившего меня за руку и сказавшего: «Пойдемте вместе обедать, будут такие-то, некоторые с женами», — и назвал Миндовского. Когда мы пришли в ресторан, было уже там человек двенадцать. Когда подали кофе, С.А. Мошкин встал и, обратившись к своему брату, сказал: «Уплати за меня, мне нужно быть по делу в амбаре». В это же время встал и Миндовский и сказал: «Я сейчас приду. Вы еще посидите? А мне нужно по делу», — и вышел. Смотрю: все уходят, объясняя разными причинами свой уход со скорым возвращением опять; как потом оказалось, они были все опытные. Осталось нас трое: брат Сергея Афанасьевича, Илья Афанасьевич, с женой да я. Посидели часочка с полтора, никто не возвращается. Илья Афанасьевич, смеясь, сказал: «Никто не приходит! Что же делать? Давайте поровну заплатим!»

Однажды в Нижнем Новгороде отправился обедать в ресторан «Россия», где встретил обедающего С.С. Корзинкина, к столику которого подсел. Во время нашего обеда из кабинета вышел И.А. Миндовский, подошел к нам: «Что вы сидите одни? Пойдемте к нам, познакомлю с хорошенькой барышней». Мы ответили: хорошо, кончим обед, придем. В кабинете с Миндовским был ситцевый фабрикант Иван Павлович К.[4], конечно, угощающий Миндовского, как своего поставщика суровья[5] для его фабрики, с миловидной барышней, как оказалось, знакомой Корзинкину, любящему девиц и дам.

С фабрикантом К-м я был давно знаком; он был невысокого роста, с очень одутловатыми щеками, с усами в струнку, напомаженными фиксатуаром, с лицом малокультурным и симпатичным, с выражением чувственных удовольствий. Он был женат на молодой красивой женщине, жену из-за ревности держал замкнуто, никого к себе в дом не допускал. Скучающая его супруга у своей портнихи познакомилась с почтенной с виду

вая на М.М. Кормилицына и его сыновей, которых у него было много, но расчет их не оправдался: все время приходилось работать при тяжелых условиях борьбы с ними из-за самолюбия, рутины и других разных побуждений со стороны их, преследующих не интересы дела, а удовлетворение своего честолюбия.

Новому правлению пришлось с большой энергией приступить к ломке старых условий ведения дела, с приглашением новых лиц с техническим образованием, опытных бухгалтеров, мастеров и других разных лиц из старшего административного состава. В Москве в правлении все это было проделано довольно легко опытным, умным и знающим чле-

---

дамой, они разговорились, и дама пригласила ее к себе в дом попить чайку. Хорошо угостила супругу К., познакомила с каким-то кавалером, и она провела весело время. Это ей понравилось, и она начала приезжать к почтенной даме уже по вызову, где и проводила приятно время в отсутствие своего супруга, любителя покучивать. Как потом мадам К. узнала, почтенная дама была известная сводня, жившая на Бронной улице. К этой сводне часто заезжал К., и она ему доставляла разных дам, но его фамилию не знала; однажды, явившись к сводне, К. сказал: «Что ты мне приводишь женщин, доступных всем; достала бы хорошую, неизбалованную, семейную, я тебе бы заплатил триста рублей».

Сводня вспомнила о своей новой знакомой, уже бывшей у нее несколько раз, сказала: «Доставлю — будешь доволен!» Вызвала ее по телефону с обещанием, что она весело и приятно проведет время. К. приехала и, как была в манто и в шляпе, вошла в комнату и, к ее удивлению, видит сидящего своего супруга. Она не растерялась, бросилась к мужу и начала его по щекам лупить: «Вот наконец, мерзавец, я тебя поймала, где ты проводишь время!» — говорила она, избивая его изо всех сил. Супруг упал перед ней на колени и, рыдая, просил простить его. Сводня рассказывала: она еле могла удержаться от смеха, так все это вышло смешно и курьезно.

И.А. Миндовский как ни был осторожен и скуп, но все-таки в конце своей жизни попался в руки какой-то ловкой авантюристки, сумевшей хорошо обставить его на несколько десятков тысяч; эта история сильно подействовала на его здоровье и ускорила его смерть.

После его смерти наследники Миндовского предложили купить их леса, примыкающие к нашим; осмотренные лесничим, они оказались все испорченные вырубкой крестьянами лучших деревьев, пользовавшимися тем, что Миндовский по скупости не имел в своих рощах сторожей, говоря: «Кто их украдет?»

Сыновья И.А. Миндовского по скупости превзошли своего папашу, про них много ходило анекдотических легенд: так, крестьяне, перевозившие им дрова на фабрику, укладывали их в штабеля, получая плату за провоз с каждой вывезенной кубической сажени, они по ночам приходили к сложенным дровам и уменьшали высоту штабелей, сбрасывая дрова в уже принятые штабеля, с целью заплатить поменьше.

Им очень не нравилось, что в их конюшнях при фабрике живут голуби, поедающие овес, даваемый лошадям. Боясь уничтожить голубей, как птицу, считаемую святой, так как их видом изображают Духа Святого, они велели переловить их и отправить на другую фабрику, находящуюся в нескольких десятках верст от этой. Приказание было исполне-

ном правления Казаковым Иваном Ивановичем*, но ведение дела на фабрике было поручено Кормилицыну, относящемуся ревниво к данному ему праву и недолюбливавшему, чтобы в его внутренние распоряжения вмешивались другие члены правления. Между тем успех дела, главное, только и мог быть на фабрике, куда я зачастил ездить, стараясь по-

но, но голуби через несколько часов опять были на старом месте; вновь велели переловить и отправить на другую фабрику, отстоящую значительно дальше, но голуби опять вернулись. Проделав так несколько раз, махнули с горечью рукой.

*Иван Иванович Казаков в детстве был отдан родителями на обучение известному миллионеру, сибирскому купцу Губкину, скупавшему чай в Китае и продававшему в России. Мальчик Казаков оказался смышленым, бойким и с хорошими наклонностями, быстро двинулся по служебным ступеням и достиг должности доверенного, ставшего правой рукой хозяина. Сделавшись известным среди сибирского купечества, Казаков получил предложение от богатого известного сибирского купца Александра Константиновича Трапезникова поступить к нему в дело в качестве его компаньона на следующих условиях: получаемая польза в деле Трапезникова делится на три части, две из них поступают Трапезникову и его сыну, участвующему в деле, а третья — Казакову; то же самое делается, если от дела получится убыток. Прибыль Казаков из дела не получает, пока не накопится капитала, равного капиталу Трапезникова. На прожитие же Казакову выдается 12 тысяч рублей в год, то есть вдвое больше, чем он получал у Губкина.

Казакова такое предложение сильно соблазнило: он делается хозяином в деле; между тем Губкин сильно состарился, а его единственный наследник племянник Алексей Григорьевич Кузнецов[2], больной человек, живущий значительную часть года за границей для поправления своего здоровья, вряд ли пожелает продолжать дело своего дяди, после чего Казаков может остаться без места. Казалось бы, все говорило за выгодность перемены места на новое, Казаков — после долгих колебаний и дум — так и решил сделать.

Губкин старался его удержать у себя на службе, но Казаков высказал ему свои сомнения о возможности продолжения дела его племянником А.Г. Кузнецовым, чего, конечно, Губкин отвергнуть не мог. Губкин попросил Казакова указать ему человека из среды его помощников, которого он мог сделать своим преемником.

Казаков указал на своего помощника Александра Ефимовича Владимирова, тоже попавшего к Губкину в качестве мальчика для обучения и оказавшегося весьма полезным делу Губкина.

Иван Иванович, рассказывая мне об этом, с большим огорчением вспоминал момент своего ухода от Губкина, создавший перелом в его жизни, казалось бы, в лучшую сторону материального благополучия, а между тем впоследствии оказалось, что переходом своим он сделал большую ошибку.

Казаков, вступив в Торговый дом «А.К. Трапезников с сыном», начал работать с большим успехом; кончившийся год дал на его часть прибыли 600 тысяч рублей; во второй год получилась такая же прибыль, и у него составился капитал 1 миллион 200 тысяч рублей.

В их Торговом доме состояли большими покупателями братья Александра Константиновича Трапезникова, имевшие самостоятельное дело. Казаков обратил внимание, что они ведут дело рискованно, и, боясь потерять за ними деньги, предложил А.К. Трапезникову закрыть им кредит. А.К. Трапезников, возмущенный предложением, сказал: «Как

немножку познакомиться с людьми, стоящими там во главе, с общими порядками, что весьма было неприятно Кормилицыну и его ставленникам, в большинстве случаев состоящим из его и жены родственников и других его приятелей по молодым годам его жизни. Но я не обращал внимания на его неудовольствия и продолжал ездить с представлением всех мною замеченных неурядиц и беспорядков в виде письменных докладов правлению. Кормилицын, чтобы отвадить меня от частых посещений фабрик, однажды поставил меня в весьма неприятное положение: телеграмма, посланная мною в Кинешму для высылки из Вичуги лошадей меня встретить, как я догадался, была задержана в конторе Товарищества по распоряжению Кормилицына. Когда я приехал в Кинешму по железной дороге ночью, на станции лошадей не оказалось, между тем фабрика находилась в пяти верстах от станции. Была осень, моросил дождь, по мощеным улицам города пришлось бы пройти с версту, а остальные четыре версты по лесу дурной дорогой, затягивающей ноги в грязь. К моему благополучию, я встретил извозчика, который с большой неохотой согласился свезти меня на фабрику, и то только потому, что я обещался идти пешком по грунтовой дороге, а он повезет мои вещи в экипаже. Всю дорогу извозчик ехал шагом, я же, с трудом пробираясь пешком по тропинкам, с потерею калош, мокрый от дождя и пота, попал на фабрику в дом директоров, когда там все спали. Но Корми-

---

закрыть кредит моим братьям! В хорошие года от них наживали, а когда они сделались в стесненном положении, то вместо поддержки нужно их разорить!» Казаков настаивал на своем, требуя закрытия кредита, объясняя: он своим трудом нажил 1 миллион 200 тысяч рублей и терять их не желает только из-за того, что они братья Александру Константиновичу. Слово за слово, разгоряченный Казаков выразил желание оставить дело Торгового дома Трапезникова и просил выдать ему 1 миллион 200 тысяч рублей. Трапезников ответил: «Год начался, вы должны его закончить, после чего можете выйти из Торгового дома». Действительно, в этом году братья Трапезниковы прекратили платежи и не заплатили Торговому дому Трапезникова с сыном 2 миллиона 500 тысяч рублей, что составило на долю Казакова приблизительно 800 тысяч рублей, но заработок от всего дела принес Казакову опять 600 тысяч рублей, и, таким образом, Казаков получил убытку в этом году 200 тысяч рублей. Вышел из Торгового дома с получением 1 миллиона рублей и уехал в Москву, где и попал в Товарищество Н. Разоренова и М. Кормилицына.

Вскоре после ухода Казакова от Губкина бывший хозяин его скончался. Его наследник А.Г. Кузнецов не прекратил своего дела, а устроил товарищество с капиталом в 10 миллионов рублей, В.Е. Владимирова сделал в нем директором-распорядителем с ежегодным отчислением в его пользу большой тантьемы из доходов от дела. В то время, когда мне рассказывал об этом И.И. Казаков, В.Е.Владимиров пользовался среди московского купечества большим положением, имел уже капитал не меньше 5 миллионов рублей.

лицын меня своими школьными проделками от посещений фабрик не отвадил.

Моему товарищу по работе в правлении Ивану Ивановичу Казакову было лет под шестьдесят; он был среднего роста, коренастый, с небольшим брюшком, плешивый, с большим выпуклым, упрямым лбом, с серыми жесткими глазами. Он круто и требовательно повел дело, и ему оно в значительной степени обязано большим внутренним распорядком, утвердившимся до последнего времени. Благодаря ему амбар перебрался в другое помещение, в лучшее и удобнейшее, чем был раньше. Нашел нового доверенного, П.К. Марченко, переманив его от Товарищества С. Морозова. Марченко* оказался энергичным и дельным человеком и дал указания, способствующие к большему разнообразию новых артикулов товаров, с привлечением новых купцов. На фабрику был приглашен молодой инженер Сергей Павлович Хлебников, умный, энергичный, с полным желанием двигаться вперед. Для приведения в порядок лесного хозяйства был приглашен профессор Турский, составивший планы, разбив леса на участки, для правильной ежегодной рубки.

В дебри «чертова угла», как называли Вичугу жители соседних промышленных местечек, окруженную глухими бесконечными лесами, с ютящимися в них скитами старообрядческих и других сектантов разных толков и наименований, понемногу начал проникать свет знания и культуры; несмотря на сильное упорство со стороны коренных жителей, все-таки проблески деловой мысли пробивали дорогу. Ломались шаг за ша-

*Петр Климентьевич — хохол, бывший гвардейский солдат, высокий, красивый, с решительным и настойчивым характером. Служил у С.Морозова приказчиком, хорошо понимая толк в товаре, пользовался среди покупателей любовью и расположением. После чего поступил в доверенные Товарищества Н. Разоренова и М. Кормилицына на хороший оклад жалованья и быстро двинул торговлю, применяясь к сортам, особо ходовым в Товариществе С. Морозова, чем получил благорасположение среди правления, отмечавшего его усиленными наградами и прибавками жалованья. С увеличением его значения в Товариществе рос у него гонорар, он не признавал уже начальство, а подчиненных себе просто третировал.

Однажды пришел ко мне в дом его помощник Алексей Парфенович Малофеев и рассказал, что ему известно о проделках Марченко: он продает товар несуществующим купцам, при наступлении срока вексель протестуется, потом с ним кончается по 10 копеек за рубль; хороший товар продает за брак и производит тому подобные другие злоупотребления. Представил доказательства в правоте своих слов. Я проверил. Оказалось: все, что он говорил, была правда. Как ни жаль было этого талантливого и даровитого человека, но пришлось с ним расстаться. Он переехал на Украину, купил себе хутор, занялся сельским хозяйством. Между тем все говорило за то, что он будет в будущем очень богатым человеком и будет пользоваться почетом, но про него можно сказать: черт попутал!

гом установившиеся у фабрикантов традиции, принужденных прибегать к помощи образованных специалистов, вносящих много нового, свежего в этот затхлый и болотистый угол нашей родины.

М.М. Кормилицын волновался, горячился, спорил, но постепенно принужден был уступать здравым убеждениям и с грустью видел, как его бестолковые и бесполезные любимчики постепенно удалялись из Товарищества, на их места поступали новые, не спешившие подавать ему калоши. Его любимый сброд старых машин удалялся с фабрик и заменялся новыми и усовершенствованными.

Престиж Кормилицына, как опытного и хорошего фабриканта, был окончательно потерян после того, как он израсходовал 200 тысяч рублей на ремонт фабрики, между тем его предварительная смета была лишь на 40 тысяч рублей. Причем после израсходования такой большой суммы ничего не было получено в смысле увеличения и улучшения производства. Да, кроме того, потребовал удаления с фабрики инженера С.П. Хлебникова, зарекомендовавшего себя с хорошей стороны, как дельный работник; нужно думать, что Кормилицын это требовал только из-за того, что Хлебников держал себя с достоинством и не старался в нем заискивать.

Правлению стало известно, что М.М. Кормилицын скупает участки земли, прилегающие к фабрике, которые в будущем очень могли бы пригодиться Товариществу; одна из его покупок в 20 десятин была им куплена за очень дешевую цену, правление предложило Кормилицыну отдать ее в Товарищество. Он отказался сделать это, сказав: «Заплатите мне несколько десятков тысяч!»

Эти его действия и другие тому подобные заставили правление не считаться с Кормилицыным, и те его распоряжения, которые он допускал делать, часто отменялись, и ему, привыкшему, «чего моя нога захочет», трудно было все это переносить. И на Нижегородской ярмарке случился с ним удар, выбивший его из строя работников. Общее собрание пайщиков, желая облегчить морально его положение, оставило его в числе правления с сохранением оклада жалованья.

ГЛАВА 26

На первом собрании членов правления Товарищества Н. Разоренова и М. Кормилицына обсуждалась продажа Шуйской ситценабивной фабрике братьев Павловых сурового миткаля на сумму в 26 тысяч рублей в кредит. Правлению было известно, что дела братьев Павловых плохи, и ожидали их скорого банкротства, но незадолго до этого один из братьев женился на единственной дочери фабриканта-миллионера Скворцова[1], и вскоре после свадьбы Скворцов скончался, оставив своей дочери более 10 миллионов наследства, что давало право думать, что положение их дела сразу изменится в лучшую сторону.

Скворцовым миткаль был продан и сдан, расчет произведен векселями. Прошло после этого очень короткое время, как распространился слух о приостановке братьями Павловыми платежей. Явившийся от них представитель предложил окончить с ними по 20 копеек за рубль, причем сказал: «Так платим только вам из-за того только, что купили у вас впервые, а другим не даем больше 10 копеек». Его предложение правление сильно возмутило: в момент покупки у нас миткаля Павловы были осведомлены о положении их дела, следовательно, покупая в Товариществе миткаль, они рассчитывали нашими деньгами увеличить баланс в пользу старых кредиторов.

Исполнительный лист был вручен Флегонту Ильичу, о котором я писал раньше, с указанием посадить Павловых в тюрьму и держать их там, пока не получит с них полностью. Между тем Павловы из Шуи скрылись; куда они выехали, никому не было известно. Одни говорили: за границу, другие называли разные города в нашей необъятной России. Но Флегонт Ильич какими-то путями узнал, что один из братьев находится за границей, а другой, женатый на Скворцовой, живет с молодой женой в ее имении в Кинешемском уезде. Он поехал в это имение, остановился в ближайшей от него деревне, где узнал о всех подробностях их жизни. Узнал, что их посещают часто кинешемский исправник и член кинешемского суда, родственник Павлова; часто играют в карты и весело проводят время. Флегонту Ильичу даже удалось

побывать в доме во время отсутствия хозяев, благодаря их лакею, с которым он успел познакомиться и подружиться и который показал ему все комнаты.

В кинешемской канцелярии члена суда познакомился с одним из мелких служащих, повел в трактир, где угостил его хорошо, и от него узнал, что член суда скоро уезжает в отпуск за границу на месяц. Этот служащий обещался ему сообщить немедленно, как только член суда уедет. То же самое он проделал в канцелярии исправника, где узнал, что исправник тоже скоро уезжает в Кострому для очередного доклада губернатору[2].

Как только член суда выехал, приятель Флегонта Ильича из канцелярии сообщил ему. Флегонт Ильич явился к заместителю члена суда с просьбой выдать ему разрешение о задержании Павлова как укрывающегося от уплаты по исполнительному листу, проживающего в имении Кинешемского уезда. Получив нужную бумагу, он, после отъезда исправника в Кострому, явился к заместителю его, предварительно хорошо поблагодарив, и получил от него двух полицейских для способствования аресту Павлова, с водворением его в тюрьму. Флегонт Ильич нарочно выбрал вечернее время для поездки в имение; остановились в деревне, где он раньше жил, выбрал еще несколько смышленых крестьян понятыми и поздно пошли в усадьбу Павловых, когда, он знал, Павловы спали. Понятых он расставил у тех окон дома, из которых, как он думал, Павлов может выскочить, а одного полицейского у черного выхода, а с другим отправился к парадному входу, где начал звонить. Через некоторое время послышались шаги, и чей-то голос спросил: «Кто там?» — «Полиция. Отворите немедленно!» Внутри замолкло; было слышно, как на цыпочках спешно удаляются от двери. Флегонт Ильич догадался, что его приятель-лакей спешит разбудить господ и предупредить о приходе полиции. Через непродолжительное время раздался за дверью голос: «Хозяина нет дома, он уехал». Полицейский потребовал немедленно открыть дверь, иначе она будет взломана.

Дверь открылась; Ильин, помня расположение комнат, быстро побежал к спальне, отворил дверь, увидал, что в комнате никого нет, по смятым постелям было видно, что они только что покинуты. В это же время у открытого окна спальни послышались крики и возня. Флегонт Ильич, недолго думая, тоже выскочил из окна, где понятые и полицейский держали в своих объятиях Павлова, старавшегося от них осво-

бодиться. Павлова скрутили и отвезли в кинешемскую тюрьму. В тюрьме Павлов был помещен в отдельной камере; из дома доставлены ему были тюфяк, подушки, белье, книги и все прочее. Из лучшего ресторана города ему доставляли обед, завтрак и вино.

Флегонт Ильич понял, что Павлов, разместившись с большим удобством и комфортом в тюрьме, легко перенесет месячное заключение там, а с приездом члена суда будет выпущен, тогда получить с него деньги не представится возможным. Тем более что Павлов, озлобленный неожиданным арестом, клялся и божился, что он теперь больше 10 копеек за рубль не даст.

Флегонт Ильич побывал у смотрителя тюрьмы, поговорил с ним и убедил его за известное вознаграждение перевести Павлова из хорошей камеры в самую плохую, что тот и сделал, объяснив Павлову, что принужден сделать это по необходимости ремонта камеры. Поместили Павлова в камеру, куда обыкновенно сажались провинившиеся заключенные; камера была сырая, находящаяся рядом с ретирадом[3] с просачивающейся мочой. В это время стояла жара, и в камере была ужасная вонь, с переполнением всяких насекомых и грызунов.

Павлов мог в ней просидеть только трое суток, написал жене письмо с просьбой уплатить Флегонту Ильичу все деньги сполна, с причитающимися процентами и расходами по ведению дела. Вернувшийся из Костромы исправник ничего не мог сделать своему приятелю, только разругался со своим помощником за оказанную помощь при аресте Павлова. Тоже член суда был поражен всем, что случилось при его отсутствии с его родственником; затаив злобу к Товариществу, старался во всех делах с Товариществом решать не в его пользу.

Вторым вопросом на собрании правления было приобретение 150 десятин земли, примыкающей к фабрике, у Михаила Павловича Куприянова. Земля эта тянулась по высокому берегу Волги, и по ней шла дорога, соединяющая город с фабрикой. За землю Куприянов назначил 26 тысяч рублей. Вопрос о покупке был решен немедленно. Покупка земли была удачным и ценным приобретением для Товарищества, способствовавшим к развитию фабрики. Дорога, идущая по бывшей куприяновской земле, была шоссирована, обрыта канавами; через речку Томну и овраги, пересекающие эту землю, были устроены отличные мосты; у устья речки Томны был расширен водоем, с устройством хорошей плотины, с образовавшимся обширным прудом, что дало возмож-

ность перенести из села Тезина белильню и красильню; на этой земле была выстроена колония для рабочих, дома для служащих и т.д. С приобретением ее окончились бесконечные судебные процессы с М.П. Куприяновым за поломку, рубку леса, производимые рабочими, за потопление низких мест по речке Томне во время паводков и за другие разные неурядицы, неминуемые при большом передвижении людей и грузов.

Фабрика быстро увеличивалась и улучшалась; Куприянов, часто бывавший на фабрике по делам как агент Московского Страхового общества, с огорчением сознавал свою ошибку продажи этой земли, за которую он свободно мог бы взять 150 тысяч рублей, и говаривал: «Что делать! Оплошал...... не предусмотрел!»

М.П. Куприянов был крупным собственником лесных угодий в Костромской губернии, он был дворянин, помещик, жил в своей усадьбе близ города Кинешмы, причем его усадьба впоследствии вошла в черту города. Он раньше служил во флоте, дослужившись до какого-то чина, вышел в отставку и поселился в имении. Но в его неопытных руках его лесные угодья давали немного дохода, почему он поступил в Московское Страховое общество в качестве агента по привлечению собственников к страхованию недвижимостей, товаров и других имуществ. К его благополучию в это время началась усиленная стройка фабрик, заводов в Кинешемском уезде, и его заработок сильно увеличился.

Куприянов был довольно хитрый и ловкий человек, сумел отлично сойтись с фабрикантами, понял и оценил все их слабости и этим вполне успешно пользовался для своей выгоды. Приезжая к ним в военной морской фуражке, держался с ними хотя с некоторым заискиванием, но не умаляя своего офицерского достоинства.

У меня сохранился в памяти его рассказ, который он по забывчивости повторял при мне много раз. Куприянов, будучи еще мичманом, совершил поход в Америку с флотом под командою адмирала Лисовского во время царствования Николая I.

Начинал обыкновенно он свой рассказ так: «Да-с, приходилось мне наблюдать переживание великих людей с сильной волей в их тяжелые, даже страшные минуты жизни!» Адмиралу Лисовскому, командующему большим флотом, было поручено императором Николаем I пробраться в Америку во время блокады ее берегов английским флотом во время гражданской войны в Северной Америке. Лисовский в точности исполнил повеление государя и — к удивлению всего мира — появился у бе-

регов Америки[4]. Куприянов, описывая прием их и чествование, рассказывал все подробно; о этих чествованиях можно прочесть в книгах, описывающих этот поход, но об одном бывшем с ними случае нигде не сообщалось, так как не желали разглашения его, чтобы не нарушить отношений с Францией, бывших уже натянутыми.

Адмиралу Лисовскому на обратном пути пришлось зайти с частью флота во французский порт Брест. Как обыкновенно полагается, флот отсалютовал дружественной нации. Ждут ответа, ответа нет. Проходит четверть часа, полчаса — полное молчание. Лисовский отправил на берег своего адъютанта с приказанием передать французскому начальству: если через четверть часа после возвращения адъютанта на адмиральское судно не последует ответного салюта, то адмирал прикажет бомбардировать Брест, считая молчание как оскорбление Андреевского флага. Нужно сказать, что в это время было восстание в Польше, жестоко подавляемое русскими войсками, и из-за этого Франция недружелюбно относилась к России и русским. Адъютант вернулся; четверть часа ожидания, потом сигнал ко всему флоту: «Стройся в боевой порядок!» Суда немедленно исполнили приказание, и тогда с крепости последовал залп салюта; приехавший французский офицер от имени начальства извинился за молчание, объяснив каким-то недоразумением.

Это сообщение всецело возлагаю на совесть Куприянова, но думается, что это в действительности было так[5].

Правление, просматривая годовой отчет минувшего рабочего года, оказавшуюся прибыль распределило для представления общему собранию пайщиков, мною был поднят вопрос об отчислении из прибыли известного процента в пользу служащих.

Нужно было видеть, какое впечатление произвело мое заявление на Михаила Максимовича Кормилицына: он с покрасневшим лицом, со сверкающими от гнева глазами, ударяя кулаком по столу, начал кричать: «Смотрите, чего он хочет! — награждать служащих, когда они, ничем не рискуя, имеют определенное жалованье,... а для этого мы должны обидеть себя! Это разврат, баловство!» Протест с его стороны был так силен, что я и И.И. Казаков сочли лучше не поднимать этого вопроса, чтобы еще больше не возбудить Михаила Максимовича, и без того до чрезмерности огорченного, что многое делается не по его мыслям и желаниям.

На общем собрании пайщиков этот вопрос — из-за самого же Кормилицына — принял неожиданное для него решение. Он, успокоенный,

что правление не возбуждает этого вопроса на собрании, уверенный, что этому причина его здравое и горячее выступление против моего заявления, желая немножко поглумиться надо мной как вносящим такие нелепые предложения, тыкая на меня пальцем, обратился к пайщикам: «Вот, нашелся желающий из полученной прибыли оделить служащих; легко швыряться деньгами, заработанными нашими отцами и нами,... пусть сами зарабатывают,... а то выдавать награду служащим! Они получают жалованье и не несут никакого риска от дела!»

Все пайщики, как один, высказались за осуществление моего предложения и постановили отчислить известную сумму в награду служащим. Михаил Максимович, смущенный и подавленный духом, тогда безнадежно махнул рукой и со злою улыбкой сказал: «Ну, теперь достаточно посмеются над нами наши соседи!»

Отчисление в пользу служащих Товарищества привилось окончательно, и ежегодно отчислялась сумма для этой надобности. Кроме того, после двадцатипятилетней работы в Товариществе образовался фонд в несколько сот тысяч рублей, специально назначенный для обеспечения служащих на случай смерти, болезни и старости.

ГЛАВА 27

Через два года после вступления новых пайщиков в Товарищество с Михаилом Максимовичем на Нижегородской ярмарке случился паралич, конечно, после того он заниматься серьезно делом не мог, но во все вмешивался и этим очень вставлял спицы в колеса.

У меня с ним сохранились отношения довольно хорошие, но с Казаковым Кормилицын очень не ладил из-за купленных им 20 десятин земли, примыкающих к фабрике, за которые он хотел взять 40 тысяч рублей, когда купил сам за несколько сот рублей. И.И. Казаков, как опытный и далеко смотрящий человек, видел, что эта земля в будущем, если не перейдет в Товарищество, послужит болезненным нарывом делу Товарищества, и он с упрямой настойчивостью наседал на Кормилицына, требуя передачи ее в Товарищество. Я хорошо не помню, в каком году скончался Михаил Максимович, но приблизительно в 1896—1897-м, на его место вступил его сын Николай Михайлович, бывший кандидатом в члены правления. Николай Михайлович был высокого роста, сутулый, с длинной вытянутой шеей, с кадыком; имел большой нос, торчащие лопухами уши, вообще выглядел дегенеративным типом. Отличался любовью приврать, особенно если заходил разговор о лошадях, которых он был большой любитель; про него говорили: «Когда он говорит о лошадях, даже цыган плачет». Деловитостью не отличался и своим директорством не принес пользы делу. Позаимствовал от отца некоторые дурные привычки: сидеть в конторе в шапке, когда все остальные сидели без них.

Однажды в фабричную контору вваливается мужичок невзрачного типа, в потертом, лоснящемся армячке. Снял шапку и большим крестом совершил крестное знамение перед иконами, спросив: «А где здесь хозяин?» Ему указали на Кормилицына. Он подошел к нему и спросил: «Ты, что ли, хозяин? Сидишь в шапке, а ведь здесь икона,... как тебе не стыдно?» Все присутствующие ожидали большого скандала, зная необузданный и вспыльчивый характер Николая Михайловича, но умные, проницательные глаза вошедшего укрощающе подействовали на взбешен-

ного Кормилицына, который опустил глаза и, что-то под нос ворча, снял шапку, спросил: «Что нужно?» — «Я пришел предложить вашему Товариществу двести тысяч рублей из пяти процентов годовых, если нужны, они со мной». Оказалось, этот мужичок был мучной торговец в Кинешме Петр Илларионович Баранов *.

Казаков Иван Иванович пережил Михаила Максимовича Кормилицына ненадолго, он скончался в 1898 году. Я его навестил за три дня до смерти, и он вполне ощущал свое тяжелое положение, с полным сознанием своей скорой кончины; казалось бы, какой бы мог быть разговор в эти последние дни его жизни о материальных соображениях. Казаков, прощаясь со мной, слабым голосом напомнил: «Не упускайте

---

*Как оказалось, Баранов был очень богатый старообрядец, наживший деньги торговлей. Он кроме нашего Товарищества внес всем фабрикантам Кинешемского округа по 200 тысяч рублей, и, кроме того, как мне передал Н.А. Найденов, он внес во все банки в Москве по таковой же сумме.

Много лет спустя наше правление получило от него письмо с просьбой уплатить ему в срок 200 тысяч рублей, причем он сообщил, что хворает и желает при жизни распределить деньги по своему усмотрению, и предлагает, если мы пожелаем, купить у него 2200 десятин лесу, находящегося близ нашей фабрики, за 120 тысяч рублей в рассрочку на три года без процентов. Правление распорядилось осмотреть его лес. Оказался лес очень хороший, сохранившийся. Причем сообщали, что у П.И. Баранова имеется лесных угодий больше 20 тысяч десятин, расположенных в разных местах Кинешемского уезда, они тоже находятся в большом порядке, и рекомендовали их купить, так как их сейчас же можно перепродать гораздо дороже.

Я поехал лично в Кинешму, чтобы повидать Баранова и с ним поговорить. Он жил в деревянном доме, типа средней руки зажиточного купца. Меня впустили в дом встретившие старушки, одетые все в черном, после того, как узнали причину моего приезда. Ввели в гостиную, с виду очень похожую на гостиную в доме Кормилицына, только с запахом вместо печеного хлеба и щей — ладана, и попросили немного подождать здесь. Через несколько минут попросили в спальню больного Баранова.

В кровати, в чистом белом белье лежал худой старичок, плешивый, с небольшой бородкой, с умными и вдумчивыми глазами. Я ему высказал желание купить лес на его условиях, причем прибавил: Товарищество готово купить не только эти 2200 десятин лесу, но и все его леса приблизительно по этой же цене и на таковых же условиях. Он мне ответил: «Нет, батюшка, нет! Те другие леса пойдут другим, более нуждающимся в них, чем вы.... Я отдаю вам 2200 десятин дешево, знаю, что могу продать значительно дороже, чем назначил вам, но этого не хочу делать, чтобы другие не наживались за ваш счет. Ваша фабрика на много лет моим лесом будет обеспечена дровами».

После моего свидания с ним Баранов прожил еще несколько лет. Все свои большие средства пожертвовал разным старообрядческим монастырям и скитам. В эти годы провел много верст шоссе, где весной и осенью дороги были непроезжие; так, провел шоссе недалеко от нашей фабрики, и мне рассказывал В.И. Зевакин, что однажды, гуляя по ней, видел проезжающих крестьян, снявших шапки; они, крестясь, вспоминали в своих молитвах умершего уже тогда Петра Илларионовича Баранова, говоря вслух: «Упокой душу Божьего раба Петра!»

двадцати десятин земли у Кормилицына, купите,... хотя бы пришлось заплатить дорого». На должность директора вступил его сын Никола Иванович, бывший до этого кандидатом в члены правления. В это же время я был выбран в председатели правления, оставался в этой должности до 1918 года, вплоть до передачи Товарищества государству.

Никола Иванович Казаков оказался человеком слабым, неделовитым и по своим коммерческим способностям далеко стоящим от своего даровитого отца. Он был человек добрый и хороший, но, как и многие ограниченные люди, упрям, так что мне приходилось зачастую быть очень настойчивым, чтобы проводить свои действия в дело, с долгим убеждением его в правильности их, но на одном из таковых дел мы окончательно разошлись с ним. Н.И. Казаков обратился ко мне с просьбой взять на службу в Товарищество некоего Демидова, крестного сына его отца, ручаясь вполне за его честность и солидность.

Демидов мне понравился своей интеллигентностью и здравыми взглядами на поручаемое ему дело по закупкам материалов для фабрик. Принимая его на таковую ответственную должность, я, понятно, внимательно присматривался к его работе. Лицам, желающим продать Товариществу, было назначено известное время в определенные часы, я нарочно начал приходить в правление в это время, помещаясь за конторкой, находящейся как раз против Демидова, и мог слышать все разговоры, происходящие между продавцами и Демидовым. Прошло некоторое время, мне бросилось в глаза, что посещение продавцов уменьшается и наконец совсем прекратилось, тогда я задал вопрос Демидову: почему продавцы перестали ходить? Он, довольно смущенный, ответил: «Они ходят, но только вместо утренних часов в вечерние», — и назвал мне часы, сказав, что в это время для него удобнее. Я начал посещать правление в указанные им вечерние часы и вскоре заметил, что посещение продавцов начало сокращаться и потом прекратилось совсем. Я Демидову опять задал вопрос об этом. Он ответил: «Я вызываю их по телефону в разное время, когда бываю более свободным».

Такое его действие мне крайне не понравилось, я ясно увидал, что он избегает моего контроля. Сделал секретное распоряжение заведующему аппретурной и красильной фабрикой инженеру С.Ф. Седову следить за получаемым товаром из Москвы, с особой тщательностью проверять количество, качество и сравнивать с прейскурантами конкурирующих фирм. Через некоторое время получил от него письмо, в котором подроб-

но излагались неправильности в получаемых товарах, с ясным указанием на злоупотребления со стороны продавцов.

Все это я высказал Демидову в довольно резкой форме, и он оставил службу в Товариществе.

Демидов, из крещеных евреев, умный, хитрый, ловко сумел подделаться к Н.И. Казакову и воздействовать на его самолюбие. Казаков стал на меня дуться; под предлогом, что ему требуется больше света, пересел за особый стол, чтобы только быть подальше от меня.

К нему начали приходить разные лица, с которыми он оживленно беседовал, но, когда я входил в правление, они прекращали разговор. И однажды он заявил мне, что оставляет должность директора в Товариществе и переходит в директора-распорядители Ярцевской мануфактуры. Я долго его убеждал этого не делать, вполне понимая его непригодность для таковой сложной и трудной работы в Ярцевской мануфактуре, запущенной бывшим директором Михаилом Лукичом Лосевым. Казаков привел мне свой резон: «Здесь, в Товариществе, получаю в год шесть тысяч рублей, а там буду получать тридцать тысяч рублей; если пробуду там только год, и то он оправдает мне пятилетнюю службу в Товариществе Разоренова и Кормилицына». И мое предположение совершенно оправдалось: пробыл там только год, запутал дело еще больше и со званием плохого дельца принужден был удалиться оттуда.

Вскоре после этого Н.И. Казакова постигла семейная неприятность: его жена, урожденная Байдакова, выставила его из его же собственного дома. Произошло это так: его отец Иван Иванович купил на Арбате, в Конюшенном переулке землю, на которой построил отличный двухэтажный дом и подарил его сыну[1]. Никола Иванович, пылая страстью к своей довольно миловидной жене, пожелал перевести дом на ее имя, о чем, как-то разговаривая со мной, сообщил мне. У меня невольно вырвалось изумление на таковое его желание, я не удержался и сказал: «Зачем вы это хотите делать? Мало ли что может случиться в жизни! Смотрите, чтобы потом не раскаяться!» Он обиженным голосом мне ответил: «У меня с женой ничего не может случиться! У нас все общее и нераздельное!»

Я уверен, что он все сказанное мною передал своей супруге, которая после этого со мной сделалась очень суха и ни разу не пригласила к себе.

Выдворила она его из дома, как передавали мне, через полицию. После чего он переехал в дом своего брата, у которого жил до конца своей жизни, сильно пристрастившись к вину, лишившись дома и дела.

ГЛАВА 28

Двадцать десятин земли, смежных с фабрикой Товарищества, купленных Михаилом Максимовичем Кормилицыным, действительно послужили в дальнейшем большой неприятностью, с привлечением меня к судебной ответственности за самоуправство.

Я отлично понимал, что при развитии фабрик Товарищества найдутся лица, желающие купить эту землю у Кормилицына, с тем чтобы построить дома, заселить их лицами, занимающимися кустарным промыслом — переработкой пряжи, украденной с фабрик, с устройством притонов для воров, тайных ночных шинков, и затем последует скупка маленьких участков земли и застройка ее домами, заселяющимися в большинстве случаев элементами порочными, с жаждой быстрой наживы.

Таковой пример у нас был на глазах у Ярославской Большой мануфактуры, с ними произошло все то, что мною описано. Хозяева этой мануфактуры в свое время пожалели затратить деньги на приобретение земли, находящейся рядом с их фабриками, и в скором времени на ней вырос большой поселок; они старались потом купить эту землю, но уже не представлялось возможности это сделать, к их большому огорчению.

Наследники Кормилицына предлагали неоднократно купить эту землю, но просили дорого, я же давал им 10 тысяч рублей, считая эту сумму высокой за пустопорожнюю землю.

В 1911 году как-то получаю сообщение с фабрики, что на земле Кормилицына началась постройка домов. Первый дом был выстроен Государственной винной монополией[1], с лавкой для торговли водкой; рядом с этим домом уже воздвигался другой двухэтажный дом бывшим служащим, заведовавшим лесами Товарищества, Ивановым; замеченный в продаже леса, он был уволен, но, поселившись поблизости от фабрики, занялся каким-то ремеслом, дававшим ему хорошую прибыль от фабрики. Можно было предполагать, что Иванов хотел заняться тайной торговлей водкой ночью, с принятием всех видов краденного с фабрики. После этих домов, несомненно, последовали бы постройки других, с устройством в них разных притонов, и образовался бы большой посе-

лок с нежелательным элементом обывателей. Я приехал на фабрику и сделал распоряжение нашему инженеру Сергею Павловичу Хлебникову по границе этой земли поставить высокий забор с целью прекратить всякое сообщение новых обывателей с фабрикой; так, чтобы попасть в лавку винной монополии, пришлось бы обходить кругом, расстоянием с версту, а пожалуй, и больше.

Забор поставили, начали закрывать последнее звено забора, явился Иванов с полицией, заявив Хлебникову: «Закрывать дорогу не имеете права, иначе будет составлен протокол и вы будете привлечены за самоуправство». Хлебников струсил и остановил закрытие забора.

Получив об этом известие, я немедленно выехал на фабрику с присяжным поверенным Иваном Николаевичем Сахаровым. Опросили всех старых обывателей, живших здесь долго, была ли здесь плановая дорога до постройки фабрики. Все подтвердили, что дороги не было, а только сравнительно недавно стали ездить за водой к ключу, и они считают эту дорогу как дорогу местного пользования.

После этого приказал плотникам немедленно при себе заделать звено. Явился опять Иванов с полицией, составили протокол с привлечением меня к суду за самоуправство. Дело пошло в местный суд, попало кинешемскому члену суда, о котором я писал в главе 26-й, державшему себя на суде очень некорректно, так что Сахаров принужден был ему высказать в глаза о небеспристрастности его к рассматриваемому им делу, но дело было правое и, несмотря на все его старания, решено в нашу пользу. И.Н. Сахаров, вернувшийся из суда, рассказал мне все, что происходило там и как он заметил, что член суда старался повернуть дело не в мою пользу. Я тогда Сахарову рассказал причину негодования члена суда на наше Товарищество, засадившее его родственника Павлова в тюрьму за неплатеж денег. Сахаров, возмущенный поведением члена суда, в Москве заявил его начальству о некорректности члена суда ко всем делам, относящимся к Товариществу, после чего член суда был переведен в другой город, худший по своему положению. Иванов провел дело свое по всем инстанциям и везде проиграл, после чего подал жалобу костромскому губернатору и даже министру внутренних дел Сипягину, в этом году посетившему Кинешму, но все его жалобы остались без последствий.

Товариществом в свою очередь была подана жалоба в Министерство внутренних дел о недопустимости открытия винных лавок рядом с фаб-

риками и с просьбой заставить Министерство финансов перенести винную лавку в более отдаленное место. Наша просьба была исполнена, сошлись с винной монополией полюбовно, они согласились перенести лавку в какую-то деревню, но перенос дома был произведен за счет Товарищества. Вскоре явился Иванов с предложением купить его дом. Дом его купили и перевезли на свою землю. После чего явились наследники Кормилицына и продали 20 десятин за 10 тысяч рублей.

Такое решительное мое действие, давшее много волнения, нужно было произвести по необходимости, чтобы в конечном результате Товарищество сделалось бы собственником 20 десятин земли, из-за опасения, что с Товариществом может случиться то же, что было некогда с Большой Ярославской мануфактурой[2].

У М.М. Кормилицына было пять сыновей, но ни один из них не выделился, чтобы стать во главе Товарищества; младший из них, Иван, казалось, был более даровитый и дельный, но женился в молодых годах на дочери какого-то ткацкого фабриканта и тестем был взят в свое дело.

После смерти Михаила Максимовича и его жены паи в значительной степени были проданы в руки вошедших пайщиков, не пожелавших, чтобы Товарищество наименовалось старым именем, и переименовавших его в Большую Кинешемскую мануфактуру.

Мудрая поговорка говорит: «Человек предполагает, а Бог располагает». Так и случилось со мной: вступая директором в Товарищество Н. Разоренова и М. Кормилицына, я не предполагал, что мне придется стоять во главе этого Товарищества и руководить им, между тем обстоятельства так складывались, что поневоле приходилось подчиниться им, и я как бы был связан крепкими невидимыми путами, отделаться от которых не мог, имея на то полное желание, так как занимал серьезное положение в Московском Торгово-промышленном товариществе, дело, которое любил и которым интересовался не из-за одной только доходности для меня лично.

После неудачных сыновей М.М. Кормилицына и сына И.И. Казакова был выбран мой шурин Митрофан Алексеевич Тушнин, но он вскоре захворал параличом и не мог быть работником. После него вступил в директора Товарищества Иван Григорьевич Простяков, имевший на своих плечах уже 64 года и переутомленный работой, но кандидатом в правление вошел его сын, даровитый и умный Яков. На него я возлагал большую надежду, что дело не останется без хорошего руководителя.

Яков Иванович прослужил недолго, и, кажется, в 1903 или 1904 году он, будучи в первый день Пасхи со своей женой на картинной передвижной выставке, почувствовал себя плохо; приехав домой, не придал большого значения своему нездоровью, но к вечеру ему сделалось хуже, постепенно состояние все ухудшалось; послали ко многим докторам, но никого не застали дома, наконец какой-то приехал и застал больного умершим от удушения его нарывом в горле. Я в это время был в Париже, получил от старика Простякова телеграмму с разбирающей от горя просьбой — приехать скорее в Москву.

После скончавшегося Якова Ивановича выбрали в кандидаты правления его брата Григория, тоже я возлагал на него надежды, но вскоре он показал, что никуда не годный работник, с дурным поведением.

О плохом поведении Григория мне пришлось узнать от его отца, както приехавшего в правление осунувшимся, бледным, и сказавшего: «Я совершенно болен, всю ночь не спал, уже третьи сутки пропадает Григорий, и я не знаю, где он. Быть может, уже в живых нет!» Я спросил его: «Бывает с ним, что он закучивает?» — «То-то, что бывает!» — ответил опечаленный отец. Я ему посоветовал обратиться в сыскное отделение уголовного розыска с просьбой разыскать его, понятно, заплатив за это. Иван Григорьевич так и сделал. Сынок его был водворен через несколько часов в дом к папаше.

Я поинтересовался узнать стороной о его поведении на Нижегородской ярмарке, где он жил без контроля отца, оказалось, что он совершенно не занимался делом, а лишь вечером приходил в амбар для подписывания писем, пропадая остальное время в каких-то притонах.

Я долго искал подходящего человека, готового стать во главе Товарищества. Среди пайщиков Товарищества не оказалось желающих занять это положение. Пришлось приискивать среди деловых своих знакомых, и некто Федотов *, молодой человек, полный энергии, мне понравился. Федотов работал в Ивановской фирме Дмитрия Геннадьевича Бурылина, говорили, что он даже был его незаконнорожденный сын. Я с ним завел разговор после того, как он сказал, что службой у Бурылина недоволен, предложил ему перейти в наше Товарищество с хорошим окладом жалованья. Федотов в принципе на это согласился, но когда он сообщил об этом Бурылину, то тот дал ему все, чего Федотов раньше добивался, и ему пришлось остаться на старом месте. Вообще приискать человека,

*Петр Семенович.

полезного для дела, было чрезвычайно трудно. Фирмы, имеющие таковых лиц, держались за них крепко, платя громадные жалованья или тантьемы: так, в Товариществе С. Морозова директора сверх получаемого жалованья получали тантьему не меньше 300 тысяч рублей в год; Товариществом Тверской мануфактуры был приглашен Вячеслав Павлович Рогожин с жалованьем 50 тысяч рублей, нужно думать, что кроме жалованья были выдаваемы награды; в Товариществе Коновалова служил Измаил Николаевич Лопатин с жалованьем 40 тысяч рублей и т.д.

Я еще не терял надежды на приискание нужного человека, но замечал, что год от году все труднее было это сделать, и я волей-неволей все более и более втягивался в фабричное дело, которое мало знал и мало любил, притом не имея возможности посвящать ему достаточно времени из-за моей другой работы в Московском Торгово-промышленном товариществе. Оставить работу в Товариществе, не имея никаких прецедентов для этого, было неудобно, тем более с пайщиками у меня были отличные отношения, с полным доверием и расположением ко мне, но однажды такой случай подвернулся в 1900 году, чему я обрадовался.

Н.А. Найденов как-то подошел ко мне на Бирже и среди разговоров позволил коснуться моих личных отношений к третьему лицу, для меня близкому. Я в то время, испытывая тяжелые переживания, с расстройством нервов, не сдержался и дал ему резкий ответ. Он быстро отошел от меня и в продолжение года сильно дулся, с желанием чем-нибудь досадить мне.

На состоявшемся общем собрании пайщиков Товарищества Большой Кинешемской мануфактуры должны были быть произведены очередные выборы в члены правления Товарищества, и очередь этому была моя.

Обыкновенно на собраниях присутствовало небольшое количество пайщиков, владевших значительным количеством паев; мелкие пайщики отсутствовали. Все вопросы дебатировались, но решение их происходило без баллотировки, так как в этом не было необходимости из-за их обсуждения на предварительном частном собрании, бывавшем при ревизии годового отчета.

На этом собрании собралось пайщиков значительно больше, и я обратил внимание, что пришли близкие родственники Н.А. Найденова, владевшие небольшим количеством паев. Собрание проходило гладко, все вопросы были быстро рассмотрены, остался только выбор очередного выходящего директора, то есть в данное время меня.

Избрание членов правления происходило так: председатель собрания обращался ко всем пайщикам со словами: «Предстоит выбор в члены правления такого-то, будем просить остаться его на новое трехлетие,... нет возражений?» Понятно, возражений не бывало, и все пайщики обращались к лицу избираемому: «Просим!» — и в протоколе излагалось: «Выбор такого-то в члены правления состоялся единогласно».

В этом же собрании председательствующий Н.А. Найденов, дойдя до переизбрания членов правления, обратился ко мне: «Почему нет избирательных листков? Каким же способом будем баллотировать?» Я ответил, что листки сейчас принесут, сообщив в бухгалтерию по внутреннему телефону, здесь же находящемуся, чтобы листки немедленно прислали. Невольно у меня появилась мысль: наплыв его родственников, обыкновенно отсутствующих на собраниях, не есть случайность, а можно предположить, что явились они по его особому приглашению, с тем чтобы кто-нибудь из них в записке подал бы голос против меня; таким родом избрание мое пройдет не единогласно, между тем мои двое других товарищей по директорству, прошедших на предыдущих собраниях, были избраны единогласно, и это поставит меня в неприятное положение относительно их как их председателя.

Сообразив все это, я воспользовался случаем, чтобы отказаться от директорства, и заявил: «Прошу вместо меня назначить другого, я отказываюсь от должности директора по неимению времени заниматься в двух делах».

Произошло довольно курьезное замешательство между пайщиками: отказ мой для них был неожиданным и непонятным, так что мне пришлось повторить его вновь.

Петр Иванович Санин, председатель правления Московского Купеческого банка, крупный пайщик в Большой Кинешемской мануфактуре, был до чрезвычайности огорошен моим заявлением, сказал: «Как, вы отказываетесь? Я вошел в Товарищество только потому, что во главе дела стоите вы, если решение ваше не перемените, то я категорически заявляю, что от нового выпуска паев, на которые я только что на этом собрании подписался, отказываюсь!»

Поднялся целый гвалт, крупные пайщики наперебой обращались ко мне с просьбой взять мое заявление обратно.

Н.А. Найденов, взволнованный, встал и в очень решительной форме обратился ко всем пайщикам с заявлением: «Попросим единогласно

Николая Александровича не оставлять Товарищества своим трудом!» Все пайщики встали со своих кресел и обратились с той же просьбой ко мне.

Я, смущенный и сконфуженный таковым деловым расположением ко мне, после некоторого колебания выразил желание баллотироваться. Найденов ответил: «Зачем баллотироваться? Избрание единогласно!»

Этот инцидент послужил тому, что я перестал приискивать желательного человека в Товарищество, стал больше уделять времени Большой Кинешемской мануфактуре, которая из года в год росла, улучшалась, а в 1905 году окончательно занялся в нем, уйдя из Московского Торгово-промышленного товарищества навсегда.

Этим заканчиваю записки о Кинешемской мануфактуре, оставляя продолжение до более благоприятного времени.

ГЛАВА 29

В последних шести главах воспоминаний о Большой Кинешемской мануфактуре мне пришлось годами далеко отойти от последовательности хода их, а потому возвращаюсь к Московскому Торгово-промышленному товариществу, к году 1888-му.

Хорошо осталось у меня в памяти первое посещение в ноябре этого года амбара известной богатой московской фирмы — Торгового дома «А. и Г. Ивана Хлудова сыновья», находившегося на Ильинке, в Хрустальном переулке, с желанием продать им хлопок.

Расторопный артельщик, снявший с меня пальто, указал путь в правление, находящееся во втором этаже, там другой артельщик пошел доложить директорам. Принят был немедленно.

В кабинете застал двух директоров: Дмитрия Родионовича Вострякова и Николая Александровича Лукутина.

Увидя меня входящего, Востряков как-то неестественно быстро вскочил со стула и бросился ко мне навстречу здороваться; его низкие поклоны, с усаживанием в мягкое кресло, с любезностями: «Ах! Какое счастье, что удостоили нас посетить!» — и все остальное в том же роде показали мне, что все это проделывается с целью поставить меня в смешное и неловкое положение, с очевидным желанием своим паясничеством отвадить меня от дальнейших посещений их амбара. Мне было известно, что третий директор, Александр Александрович Найденов, близкий родственник моей жене, в это время в амбаре отсутствующий, не особенно дружил с Востряковым, стремившимся всеми способами доставить Найденову какую-нибудь неприятность, а потому он в данном случае избрал меня объектом для этой цели.

Я, сильно смущенный его поведением относительно меня, поспешил остановить поток красноречия Вострякова, сразу переведя разговор на деловую почву: предложил купить партию хлопка по весьма дешевой цене. Здесь лицо Вострякова сразу изменилось: глаза сделались злыми, веки захлопали, и он ответил: «Нет-с, благодарю вас за предложение, но

купить не можем-с. Хлопка у нас уже много куплено... Да, впрочем, должен сказать, и цена ваша дорога, я имею предложения дешевле!»

Мне стало ясным, что он врет: цена хлопку умышленно была назначена чрезвычайно дешево, с желанием впервые продать этой фирме; другие конкуренты мои не стали бы продавать по этой цене. Я встал с кресла, чтобы раскланяться, в это время Востряков побежал к корзине с фруктами, стоящей на другом столе, и бросился угощать меня, опять с разными любезностями, кланяясь почти до земли и, как мне казалось, с желанием потешить своего шурина Лукутина.

Я выскочил из амбара почти нервно расстроенный: было обидно, что возглавляет большую солидную фирму паяц, поставленный для соблюдения ее интересов, а в действительности преследующий какие-то свои личные цели. По грязи, под моросящим дождем быстро пробежал до Елохова, где я в то время жил, сломал свою любимую трость ударом об тумбу и дома не мог обедать: так взволновал меня этот господин! В дальнейших воспоминаниях я к нему вернусь.

О семье Хлудовых расскажу по возможности все, что мне пришлось слышать от их родственников и от лиц, близко знавших их.

Хлудовы в Москве пользовались популярностью, но нельзя сказать, чтобы солидное, почтенное купечество относилось к ним хорошо из-за их поведения и образа жизни[1]. Слухи о безумных кутежах и других противоморальных поступках разносились по Москве и на стариков купцов наводили ужас. Мне известно, как один из почтенных старых купцов говорил своей вдовой невестке: «У тебя много дочерей, смотри, если будет сватать какой-нибудь Хлудов, упаси Бог выдать за него дочь замуж, горя не оберешься!»

Хлудовы, безусловно умные, энергичные, предприимчивые, с решительным характером, выделялись среди своего сословия и невольно возбуждали к себе интерес не только среди лиц, имеющих с ними деловые отношения, но и у многих писателей, например, Островского («Горячее сердце», где Хлудов переименован в Хлынова)[2], Лескова («Чертогон»)[3], Каразина («На далеких окраинах»)[4] и других.

О причине быстрого обогащения Хлудовых ходило в Москве много разных рассказов, с разными вариантами; из них я только сообщу слышанное от одного из членов семьи Хлудовых, который в свою очередь слышал от своего отца. Его предок был пастухом в какой-то деревне Егорьевского уезда, славился смекалкой и сообразительностью. Однажды

пришла к нему одна старуха из его деревни и показала сверток бумаг, найденный ею в репейнике при уборке барского сада, в том месте, около которого год тому назад стоял сгоревший дом, из окон которого во время пожара из дома выбрасывали вещи, и таким образом был выброшен пакет с ценными бумагами. Хлудов, осмотрев его, предложил старухе продать его за 20 копеек, что та с радостью и сделала. С этого пакета началось благополучие Хлудова, сумевшего ценные бумаги ликвидировать, после чего он занялся ткачеством и торговлей.

Другой рассказ я слышал от инженера хлудовской фабрики, который слышал его от старых обывателей той деревни, где жили Хлудовы.

Как-то Хлудов, будучи в лесу, встретил какого-то человека, с которым он разговорился. Незнакомец признался, что он беглый каторжник, находится в большом затруднении: осень кончается, и ему трудно будет зимой укрыться где-нибудь; и попросил Хлудова, не может ли он это сделать, а за услугу он его обогатит своим искусством делания фальшивых кредиток, за что он и попал на каторгу. Хлудов ночью привел его к себе в дом, поместил в подвале своего каменного дома, где не было окон. Приобрел все нужные инструменты и материалы для изготовления печатного станка. Сделанные каторжником кредитки оказались идеально хороши, и Хлудов сбывал их с успехом, с каждым днем все богатея.

Весной каторжанин хотел уйти от Хлудова, но он не пустил его, боясь, что он, очутившись на свободе, разболтает о своем укрывательстве у него. Так и пришлось каторжанину закончить свою жизнь в подвале Хлудова, и от перепоя он скончался, труп его был зарыт в этом же подвале.

Все эти события относятся к концу XVIII столетия, в середине же XIX столетия хлудовское дело гремело в Москве, возглавляемое тремя братьями, Савельем Ивановичем, Алексеем Ивановичем и Герасимом Ивановичем.

Савелий скончался в молодых годах, но прославился как большой делец, и ему в значительной степени братья обязаны своим благосостоянием. После смерти Савелия занял его положение Алексей Иванович, отличавшийся широким размахом и умом.

Оставшиеся братья основали фирму под наименованием «А. и Г. Ивана Хлудова сыновья» и устроили три фабрики: одну в своем уездном городе Егорьевске, другую на Волге в Норске и третью в Ярцеве[5]. Из этих трех фабрик образовалось три больших товарищества с большими капита-

лами. И, кроме того, открыли контору в Англии, с целью из первых рук получать нужные материалы для их фабрик. Заведующим конторой в Лондоне состоял один из сыновей Алексея Ивановича — Иван Алексеевич. Про него тоже говорили, что он был незаурядным человеком: объехал весь свет, и его письма отовсюду были крайне интересны и назидательны, и потом они были изданы, читались с увлечением купечеством[6].

Иван Алексеевич прославился еще тем, что во время гражданской войны в Америке, когда ее берега были блокированы английским флотом, организовал экспедицию в составе нескольких быстроходных шхун, нагрузил оружием и удачно со своими шхунами пробрался через английскую блокаду в Америку, где с большой пользой продал оружие, после чего шхуны нагрузил хлопком, сильно требуемым в Европе. Ему опять удалось счастливо прорвать блокаду — и шхуны находились уже не в сфере надзора английских судов. Но в это время начался штиль; шхуны не могли дальше двигаться. Проходившее паровое судно их заметило, дало знать сторожевым судам о месте их нахождения; шхуны хлудовские были окружены и арестованы.

Эта экспедиция вместо ожидаемой пользы в несколько миллионов рублей в конечном результате дала убытка 600 тысяч рублей. Алексей Иванович не осудил сына за его авантюру, а, наоборот, гордился им, приписывая неудачу Божьему соизволению.

Среди текстильных фабрикантов Хлудовы были первые, осознавшие необходимость иметь свою контору в Англии; другие же фирмы выписывали нужные им товары через иностранные конторы, преимущественно через Льва Герасимовича Кнопа. Иностранцы, как говорят, «охулки на руки не клали» и брали с фабрикантов громадную прибыль, быстро составляя многомиллионные капиталы. Мне рассказывал Василий Алексеевич Хлудов, как он однажды был свидетелем разговора своего отца с Кнопом, желавшим продать Хлудову большую партию масла для машин. Кноп, назначив цену на масло, при том прибавил: «Эта цена только для вас, другим по этой цене не отдам!» — «Хорошо! — ответил ему Алексей Иванович. — А если я тебе продам масло той же фирмы в пять раз дешевле, чем ты мне предлагаешь, купишь?» Кноп даже не смутился, а расхохотался и сказал: «Тебя не поймаешь! Я согласен отдать масло по твоей цене и год сделаю сроку, но только с условием: пожалуйста, никому не говори об этом, другим продам по своей цене».

Алексей Иванович, путешествуя по Финляндии и осматривая Нарву и ее окрестности, обратил внимание на водопад, приводящий в движе-

ние мельницу, сразу оценил большое значение даровой движущей силы и приобрел землю с речкой и водопадом у ямбургского предводителя дворянства Зиновьева[7]; после чего составилась компания из пяти лиц: двух братьев Хлудовых, Л.Г. Кнопа, Козьмы Терентьевича Солдатенкова, а пятого фамилию забыл[8], и на этой земле была построена бумагопрядильня, одна из самых больших в России. Фабрика заработала хорошо, давая громадную прибыль, пользуясь даровой силой водопада.

Товарищество было образовано под наименованием Кренгольмской мануфактуры. К земле Кренгольмской мануфактуры примыкало имение Крамера. Крамер приехал в Москву и зашел в контору Хлудовых, где застал Василия Алексеевича, которому и предложил купить свое имение. Об этом предложении Крамера Василий Алексеевич передал отцу и посоветовал не упускать из своих рук имения, купить его на свое имя, с тем чтобы потом перепродать Кренгольмской мануфактуре, которая при росте фабрики будет нуждаться в этой земле. Алексей Иванович выслушал сына и ответил: «Купить землю обязательно нужно, но только не нам, а Кренгольмской мануфактуре. — И прибавил: — Я не был плутом и впредь не желаю быть! Как на меня будут смотреть другие компаньоны, если я позволю себе это сделать?» Сказал сыну, чтобы он съездил к Кнопу и сообщил о продаже этой земли Крамером.

Кноп землю купил на свое имя и на очередном общем собрании пайщиков предложил приобрести ее для Кренгольмской мануфактуры, но по цене более чем в пять раз, как сам заплатил за нее. Такое действие Кнопа Алексея Ивановича сильно возмутило, он назвал его мерзавцем и, разгоряченный дальнейшим спором, ударил Кнопа по щеке[9]. После чего продал паи Кренгольмской мануфактуры, а на вырученные деньги выстроил в Ярцеве бумагопрядильную фабрику.

Многие думают, что Лесков в своем интересном рассказе «Чертогон» в лице Ильи Федосеевича описывает Алексея Ивановича Хлудова. Действительно, характер Ильи Федосеевича, его трость схожи с портретом Алексея Ивановича, но описываемый разгул в загородном ресторане, скорее, относится к его сыновьям Михаилу или Егору, прославившимся своими кутежами. Мне кажется, Алексей Иванович не мог принадлежать к секте «чертогонов», он был развитым и начитанным человеком и по развитию стоял выше предрассудков сектантов.

Сначала он был в церкви новоблагословенной[10], как известно, имеющей небольшое уклонение от православия. Потом перешел в право-

славие, был ктитором в церкви Трех святителей у Красных ворот[11], отлично им отделанной. Составил превосходную библиотеку из старинных, редких экземпляров по духовной философии, пожертвованную им потом Историческому музею[12]. Книг из своей библиотеки никому не любил давать; если кто сильно упрашивал дать, то он обыкновенно спрашивал: «Значит, библиотека моя хороша?» — «Да, Алексей Иванович, очень хороша!» — «Так знай, — отвечал он, — вся состоит из зачитанных книг, как после того я могу кому-нибудь книги давать?»

Как ни странно, Алексей Иванович, обладавший объективностью взгляда на вещи, не мог избежать некоторой мелочности в своем характере: швырнуть для форса в трактире сотню или даже тысячу рублей — это ему было все равно, но, принимая от лакея сдачу при расчете, тщательно проверять мелочь и, если не хватало гривенника или двугривенного, делать из-за этого целый скандал, а взятые от этого же лакея кредитки совать без счета в свой бумажник; в амбаре, желая выпить чаю, с нетерпением ожидать своего компаньона по трактиру, чтобы не попасть в трактир одному, из-за чего придется в трактире переплатить за чай несколько лишних копеек[13]; торговаться с извозчиком до пота из-за какого-нибудь пятака и тому подобное.

Инженер Александр Флорентьевич Перлов, служивший на Ярцевской фабрике, был командирован в Москву к Алексею Ивановичу с докладом о получившемся в этом году убытке от фабрики что-то около 100 тысяч рублей. А.Ф. Перлов отправился в «тупичок», где Алексей Иванович жил в роскошном особняке. «Тупичок» находился близ Земляного вала, против Яузской части. Это владение было куплено Хлудовым у графа Толстого — отца нашего знаменитого писателя Льва Николаевича, проведшего свое детство и отрочество в этом «тупичке»[14]. Перлов застал Алексея Ивановича, выходящего из дома к себе в амбар, сказавшего ему: «Идем со мной вместе в амбар, там передашь, что тебе нужно». На углу «тупичка» стоял извозчик, запросивший до Ильинки 30 копеек. Алексей Иванович давал ему 15 копеек, извозчик не согласился, Алексей Иванович с Перловым пошли пешком до Земляного вала, где ехавший за ними и торговавшийся извозчик согласился везти за 20 копеек. Перлов был удивлен, думая про себя: если Хлудов торгуется за 10 копеек, то что с ним произойдет, если он узнает, что убыток получен с фабрики 100 тысяч рублей?

Алексей Иванович, выслушав Перлова, сказал: «Пустяки! В этом году убыток сто тысяч рублей, а в следующем прибыли двести тысяч!» В лице

Алексея Ивановича Перлов не заметил ни малейшего неприятного переживания, как будто эта неудача ему была безразлична.

У Алексея Ивановича кроме умершего сына Егора было еще три: Иван, Василий, Михаил.

Иван умер в 1868 году 29 лет от злокачественной лихорадки в городе Самарканде, только недавно взятом русскими войсками*[15]. Из оставшихся сыновей Алексей Иванович больше любил Михаила из-за его широкого размаха и практической смекалки, говоря: «Я понимаю Михаила, хотя он безобразничает и безумно тратит деньги, но, где нужно и должно взять, — не упустит! Не станет свою старую карету переделывать и перемазывать, а, раз деньги есть, купит новую!» Этими словами он намекал на старшего сына Василия, отличавшегося скаредностью и непрактичностью, скромно живущего, изображавшего из себя бедняка, часто мечтая: «Хорошо бы иметь теплое, мягкое меховое одеяло». Купить одеяло он мог бы всегда, даже при жизни отца, но не сделал даже тогда, когда имел несколько сотен тысяч годового дохода, так и скончался со своей неисполненной мечтой.

Однажды Алексей Иванович увидал входящую к подъезду его дома красивую француженку с двумя детьми, когда он сидел в коляске со своим сыном Василием, готовый к выезду. Алексей Иванович пристально посмотрел на детей и обратился к смущенному сыну: «Это твои дети? Помни, их нужно обеспечить!» Дочка от француженки Мария Васильевна потом вышла замуж за доктора Владимира Алексеевича Соколова, имевшего санаторию в Ессентуках, устроенную на деньги его жены; с большими хлопотами и трудом она выручала от своего отца деньги, обещанные им при выходе ее замуж.

---

*В то время, когда он лежал больной, русские войска по случаю каких-то военных операций покинули город, оставив в нем небольшой отряд. Бухарцы воспользовались этим обстоятельством, нахлынули в огромном количестве и взяли обратно город. Горсточка русских солдат заперлась в глинобитной цитадели, куда и был перевезен больной Хлудов. Бухарцы устроили высокую передвижную башню, с вышки которой начали расстреливать выходящих на двор цитадели. В то время армия была вооружена кремневыми ружьями старого образца, бьющими на 150 шагов, благодаря чему пули не долетали до верхушки башни, где сидели бухарские стрелки. Больной Хлудов, узнав о печальном положении русских в цитадели, предложил своему знакомому офицеру, пришедшему навестить его, взять его ружье, купленное им в Англии, и им выбить бухарцев. Был выбран лучший стрелок из солдат, и ему дали хлудовское ружье. Солдат взял его в руки, ухмыльнулся и сказал: «Какое же это ружье? коротенькое, тоненькое... если из нашего ружья пуля не долетит, то из этого, и понятно, не долетит!» Ему приказали стрелять. Он хорошо наметился и с первого же выстрела убил сидящего на башне бухарца, со вторым бухарцем было то же самое. После чего бухарцы бросили башню и сняли осаду.

Михаил Алексеевич сильно кутил, сорил деньгами направо и налево, выдавал без счета векселя; когда его векселя перестали принимать, не задумался выдавать векселя с подписью отца, подделывая на них его подпись.

Наконец Алексей Иванович возмутился его поведением и решился лишить его наследства, сделал духовное завещание с отказом всего сыну Василию. Кругом Алексея Ивановича началась борьба близких ему лиц; его сожительница госпожа Ланская по просьбе своей сестры, бывшей замужем за Михаилом Алексеевичем, воздействовала на Алексея Ивановича, и незадолго до смерти он переделал духовное завещание, завещав Михаилу Ярцевскую фабрику и половину паев Товарищества Егорьевской мануфактуры.

Жена Михаила Алексеевича, Елизавета Алексеевна, была удивительно красивая женщина, такой же красотой обладала ее сестра. Алексей Иванович, бывая в Ярцеве, не мог не увлечься ею, его дети это заметили, поспешили ее выдать замуж за одного из служащих на фабрике Ярцевской мануфактуры Ланского; причем он согласился уступить свою жену Хлудову сейчас же после венчания; сделано это было из-за боязни, что, женившись на ней, Алексей Иванович может оставить свое состояние ей и могущим быть от нее детям.

Василию Алексеевичу оставил ценный дом на Ильинке, с площадью земли 2400 кв. сажень; чтобы купить этот дом у какого-то барина, пришлось подкупить его управляющего, дав ему несколько десятков тысяч рублей; кроме того, ему достались имения Алеканова с несколькими тысячами заливных лугов и еще несколько имений в разных губерниях.

Причину оставления Василию Алексеевичу дома и имений, а не фабрики можно объяснить тем, что Василия Алексей Иванович считал за фантазера, могущего устраивать разные эксперименты с фабрикой, которые, несомненно, привели бы к расстройству ее. С домом же и имениями он не сможет проявлять своих фантазий. Доходом с одного дома, приносящего 200 тысяч дохода, может прожить всю жизнь богато и счастливо.

Алексей Иванович имел обыкновение часто ездить по вечерам в Купеческий клуб. Когда он однажды возвращался оттуда в карете, кучер, доставивший его к подъезду дома, был удивлен, что хозяин не выходит из кареты, слез с козел, открыл дверцу и увидал его лежащего мертвым.

Алексей Иванович скончался 65 лет.

ГЛАВА 30

Михаил Алексеевич Хлудов был субъект патологический: где бы ему ни приходилось жить, везде оставлял за собой ореол богатырчества, удивлявший всех. Несмотря на его безумные кутежи, безобразия, в нем проглядывало нечто, что увлекало людей, им интересовались, с любопытством старались разобраться в его личности; его беспредельная храбрость и непомерная физическая сила, которую он употреблял ради только своих личных переживаний, удивляли всех; поражало его магическое влияние на хищных зверей, подчинявшихся ему и дрожащих при одном его взгляде.

Мне думается, если бы его духовная жизнь была бы в сфере более высших переживаний и вожделений, из него мог бы получиться великий человек, но, к сожалению, все его духовные силы поглощались низменными чувственными желаниями, именно: пьянством и развратом.

Михаил Алексеевич особенно сделался известным в Средней Азии*, где он был с войсками при завоевании ее; его помощь при снабжении армии продуктами, которое удавалось только благодаря его удальству, была ценима командным составом. Мне пришлось быть в Азии в 1891 году, много лет спустя после Хлудова, и разговоры о его приключениях и удальстве не прекращались, меня водили даже показывать тот дом, где он жил. Каразин в своем романе «На далеких окраинах», описывая его, называл его Хмуровым.

Из-за любви к сильным ощущениям он имел ручных тигров, свободно разгуливающих по его громадному особняку, наводя на посещающих его

*Михаил Алексеевич приехал в Среднюю Азию в 1863 году, еще при жизни своего брата Ивана, первым из русских купцов приехал в Бухару в 1863—1865 годах, не скрывая своего происхождения. Он же был один из первых, приехавших в Коканд, где в Ходженте устроил образцовую шелкомотальную фабрику. Потом с караваном пробрался в Кашгар, где завязал торговые отношения с владельцем Алтышара Якуб-беком. Михаил Алексеевич участвовал несколько раз в делах против неприятелей и был при штурме Ура-Тюбе и Джезака. Он же в 1869 году проехал Кара-Шигин и был в Афганистане. За свою полезную деятельность и особую храбрость был представлен государю, наградившему его орденом Владимира 4-й степени.

ужас. Бывали случаи, когда они перескакивали через каменный забор хлудовского сада и попадали в соседний сад дома Борисовского, наводя на гуляющих там детей и взрослых панику[1].

В доме Хлудова случился пожар, приехавшие пожарные быстро вбежали в дом и были встречены двумя тиграми, обратившими их в бегство. Как-то по какому-то делу к М.А. Хлудову приехал Н.А. Найденов, лакей проводил его в кабинет хозяина, тот закурил папиросу, спокойно ожидая прихода Хлудова. Дверь распахивается — и вместо хозяина является тигр, спокойно направляющийся к нему; нужно представить себе, что пережил в эти минуты Найденов, не отличавшийся большой храбростью; дома говорили, что ему после этого посещения пришлось сделать ванну.

Возмущенный Найденов поехал к генерал-губернатору В.А. Долгорукову с просьбой о пресечении хлудовского самодурства; та же просьба последовала к обер-полицмейстеру от пожарного брандмайора[2]. Долгоруков вызвал Хлудова и предложил ему отдать тигров в Зоологический сад или поместить в железную клетку. Хлудов одного отдал в Зоологический сад, а другого застрелил; как говорили, ночью тигр лизал его руку и этим вызвал на руке его кровь, проснувшийся Михаил Алексеевич увидал тигра в сильном волнении, возбужденного видом крови, готового на него броситься. Хлудов схватил револьвер, лежащий всегда у него на тумбочке, и застрелил тигра.

На фабрике в Ярцеве у него был ручной волк, тоже свободно расхаживающий по дому, и, вскакивая передними лапами на стол, где был накрыт чай для гостей, с пирогами и печениями, и пожирал их, при смехе хозяина. Однажды вечером, когда к нему собрались гости, сидели за чаем в столовой, Михаил Алексеевич внезапно встал и вышел. Когда он вернулся через некоторое время, все заметили его бледность и разорванный сюртук на рукаве и спине. Его спросили: «Что это с вами?» — «Ничего, — отвечал он, — немножко поборолся с медведем», — которого, как оказалось, он держал в подвальном этаже дома.

Пил же чай Михаил Алексеевич так: ему подавали стакан чая и бутылку коньяку, он отопьет ложку чая, дольет коньяком, тоже другую и пьет так этот стакан чая до тех пор, пока не опустеет бутылка с коньяком.

Приехав к своему знакомому на дачу, Хлудов очень близко подошел к собаке, привязанной двумя цепями; хозяин, сопровождавший его, схватил за руку, стараясь отвести подальше от собашника с предупреждением, что собака очень сильная и злая, и прибавил: «Боимся, что

может разорвать даже две цепи». — «Вот вздор!» — сказал Хлудов; освобождая удерживающую его руку, быстро подошел к собаке. Собака, визжа, скрылась в собашнике, Михаил Алексеевич схватил цепь и вытащил собаку, надавав ей несколько подшлепников по морде, и она, поджав хвост, только визжала.

В турецкую войну в семидесятых годах прошлого столетия М.А. Хлудов поступил волонтером, где проявил особенную храбрость и героизм, и ему был пожалован Георгиевский крест[3]. Его храбрость вызывала иногда нецелесообразные действия: так, поспорил с кем-то, что он ночью проберется в турецкий лагерь и принесет оттуда какую-то определенную вещь, указанную ему споривішим с ним офицером. И действительно вещь эту он доставил.

Михаил Алексеевич рассказывал про один случай, бывший с ним в Лондоне, где он остановился в одной из фешенебельных гостиниц. Поздно вернувшись к себе в комнату, как всегда, не запер за собой дверь на замок. Разделся, лег в кровать, но спать ему не хотелось. Спустя некоторое время он видит тихо открывающуюся дверь в его комнату и крадущегося человека, уже протягивающего руку к его бумажнику, лежащему на тумбочке. Хлудов быстро хватает руку, но вор оказался сильным человеком, старающимся всеми силами освободиться из рук Михаила Алексеевича, но это ему не удается. Михаила Алексеевича поразило в этом приключении больше всего то, что лицо вора сделалось совершенно белым, особенно выделяющимся в темной комнате. Вор оказался лакеем гостиницы. Видя ежедневно полупьяного русского, поздно возвращающегося, он предположил, что обокрасть его будет легко*.

*Описывая случай с Хлудовым в Лондоне, мне вспомнился неудачный грабеж двоюродного брата Н.А. Найденова Николая Николаевича Дерягина, занимавшегося скупкой шленской шерсти[4] в южных губерниях для фабрики братьев Ганешиных. Я решился рассказать о нем, хотя это приключение не имеет ничего общего с семьей Хлудовых. Дерягин приехал в имение к одному богатому помещику, у которого он много лет подряд покупал шерсть. Его поместили в отдельном флигеле во втором этаже, с окнами, выходящими в сад, а в первом этаже разместились приехавшие с ним приказчики. Дерягин был охотник, бравший всегда с собою ружье и собаку, приученную спать под кроватью хозяина. Погода стояла теплая, и он лег спать с открытым окном. Крепко заснул. Разбудил его сильный лай и шум от падения тела; вскочил с кровати и видит: собака схватила за горло какого-то человека, валяющегося на полу. Оказалось, что один из поваров помещика, услыхав от прислуги о приезде скупщиков шерсти, решился ночью пробраться в комнату Дерягина и ограбить его, зная, что скупщики возят много денег для расплаты за шерсть, захватил с собой хорошо отточенный кухонный нож. Дерягин был небольшого роста, с виду слабого сложения, не представлявший из себя большую сопротивляющуюся силу, вор не предполагал, что собака спит в комнате хозяина.

Какой-то английский лорд пригласил Хлудова в свое имение поохотиться на фазанов, причем обратился к нему с просьбой: стрелять только самцов. В Москве, рассказывая об охоте, Хлудов, коварно улыбаясь, говорил: «Настрелял достаточно и принес всех в замок ощипанными от перьев — пусть отличает самцов от самок!..» Рассказывающий мне об этом поступке Хлудова указал, что сделано им это было не ради хулиганства, но чтобы в свою очередь дать понять лорду, что он обижен его замечанием об исполнении охотничьего правила, так хорошо ему известного.

Прислуга Михаила Алексеевича любила хозяина, считая его за нехитростного и простого человека, которого можно поэксплуатировать в свою пользу. Он, конечно, отлично видел их проделки, но относился к ним снисходительно, понимая, что и им хочется попользоваться у богатого человека; так, у него служил лакеем Прохор, которого он звал не иначе, как «Прошка», изучивший отлично нрав хозяина.

«Прошка! — кричит Михаил Алексеевич. — Опять у тебя нет воды в рукомойнике?» — «Позабыл, Михаил Алексеевич!» Взбешенный Хлудов закатывает ему одну-две оплеухи: «Будешь в другой раз помнить!» Но, видя прослезившегося Прошку, жалея его, вытаскивает из кармана три рубля и сует ему в руку. Пришедшему к нему в это время директору фабрики жалуется: «Приладился этот мерзавец Прошка, по три раза в неделю не наливает воды в рукомойник».

Михаил Алексеевич был большой любитель голубей, у него их было много, и ценных, помещенных в хорошо устроенной голубятне. Както уезжая за границу, он поручил Прошке наблюдать за ними. Прошло недолгое время после его отъезда, директор фабрики поинтересовался узнать от Прохора о состоянии голубей, спросил: «Как у тебя голуби?» — «Издохли, Александр Флорентьевич!» — «Ты уже успел их уморить?» — «Никак нет-с, я их не морил, а сами издохли!» Прошка отлично знал, что за это ему сильно достанется от хозяина, но потом он получит и хороший куш.

Из-за какой-то бестактности англичанина — директора Ярцевской мануфактуры произошла забастовка. В чем заключалась эта бестактность, я забыл. Но у меня осталась в памяти выходка иностранца — директора правления на одной из фабрик Кнопа. Во время какого-то большого праздника, когда в церкви шла служба, этот директор явился туда же в шляпе на голове, с сигарой во рту и с собакой на цепочке. Поступок этот вызвал сильное неудовольствие среди рабочих, закончившееся боль-

шой забастовкой. Думается, что и англичанин позволил сделать себе что-нибудь подобное, возмутившее сильно рабочих из-за неуважения к их обычаям и обрядам.

Фабричная ярцевская администрация вызвала хозяев на фабрику, но в то время еще здравствующий Алексей Иванович [Хлудов] и его сын Василий Алексеевич не пожелали ехать, боясь эксцессов. На счастье их, в это время вернулся из какой-то поездки Михаил Алексеевич, он с удовольствием поехал на фабрику. Рабочие, узнав о его приезде, собрались громадной толпой в сильном возбуждении, с криком и руганью ожидая его прихода. Михаил Алексеевич вышел, без всякого выражения страха на лице, осмотрел быстро толпу, еще волнующуюся, что-то сказал, подняв руку, и вся толпа замерла; он подошел вплотную к главарям рабочих, начал говорить; все его слушали под каким-то как будто бы гипнозом, в толпе не раздалось ни одного голоса. Некоторые из инженеров, стоящих подальше, заметили: одного из рабочих он похлопал по плечу, другого по животу, третьему погладил бороду, что-то еще добавил к своим словам, и ближайшие рабочие все рассмеялись, после чего вся волнующаяся толпа рабочих направилась во главе с хозяином в питейное заведение, где и состоялось общее примирение. Забастовка кончилась, и на другой день вся фабрика заработала полностью. После угощения послышались возгласы рабочих: «Вот это хозяин... настоящий хозяин!»

М.А. Хлудов через министра двора Воронцова-Дашкова, с которым у него сохранились хорошие отношения еще со Средней Азии, получил разрешение поднести государю Александру III замечательного дога, отличающегося красотой и величиной.

Поехал в Петербург со своей женой. Рядом с их купе помещались молодые гвардейцы. Заметив интересную даму и стараясь обратить на себя ее внимание, они делали вид, что ошибаются купе, вместо своего входили к Хлудовым и всегда извинялись, говоря: «Ошиблись дверью!» И это проделывали несколько раз. Михаил Алексеевич наконец озлился и, когда еще раз было это проделано гвардейцем, он схватил сапог и ударил его. Остальные товарищи бросились защищать гвардейца. Хлудов выскочил в коридор вагона с засученными рукавами рубашки, готовыми для бокса кулаками и с угрожающим видом стал против четырех. Но драки не произошло.

По приезде в Петербург на вокзале попросили Хлудова к военному коменданту, которому обиженный гвардеец пожаловался на Хлудова, что

дерзко обращался с ними, когда они по ошибке заходили в его купе. Был написан протокол, и комендант прочитал вслух, спросил Хлудова: "Так все это?" — "Нет, не так! — возразил он. — Гвардеец вам не сказал, что я его ударил сапогом, потом хотел с ними со всеми драться, а они испугались. Прошу все это написать. Завтра же, представляясь государю, доложу о поведении его гвардейцев".

Комендант, рассмотревши бумаги Хлудова, увидал, что он имеет личное письмо от министра двора и завтра действительно должен быть у государя, предложил гвардейцам не возбуждать истории. Протокол был уничтожен.

Первая жена М.А. Хлудова Елизавета Алексеевна, полная жизни и здоровья, неожиданно скончалась. Приглашенные доктора во время ее страдания признали, что у ней заворот кишок, а потому спасти ее не представлялось возможным. Утром, после кончины Елизаветы Алексеевны, пришли из дома Хлудова к Елизавете Карловне Перловой сказать об этом, в это время у нее сидел ее зять, Василий Алексеевич Хлудов, и ее сын Василий Флорентьевич Перлов. Василий Алексеевич, как рассказывал Василий Флорентьевич, вскочил со стула бледный, со сверкающими глазами, закричал: "Она отравлена, я тоже отравлен, вот почему я всю ночь скверно себя чувствовал и до сего времени у меня во рту вкус веротрина"[5].

Сейчас же послал В.Ф. Перлова в свою лабораторию, к заведующему ею провизору, чтобы он дал противоядие от яда веротрина. Он рассказал своей теще, что несколько месяцев тому назад Михаил Алексеевич заходил к нему и застал у него сидящего доктора Богуша, которого и спросил: "Какой яд может вызвать скорую смерть человека?" Богуш ответил: "Веротрин". "А вчера я был в гостях у брата Михаила, где присутствовала его жена, велся общий разговор, вдруг брат Михаил вышел из комнаты; вскоре пришел лакей со стаканом кофе и поставил передо мной. Мне пить не хотелось, я выпил одну или две ложки, простился с Елизаветой Алексеевной и уехал. Предполагаю: не выпила ли она мой оставшийся кофе? Если она выпила, то естественно отравилась ядом, для меня приготовленным". Причем рассказал, что у него была когда-то ссора с братом Михаилом, и он его пригрозил: "Меня еще попомнишь".

Это предположение о случайной отраве Елизаветы Алексеевны не распространялось, а держалось в секрете, а потому долго не выходило из пределов их семьи. При писании моих записок о семье Хлудовых я очень просил Бориса Флорентьевича, который, как я знал, слышал об этом от своего

брата Василия, которому все это дело было отлично известно, мне подробно рассказать; и это слышанное поместил здесь, хотя мне и раньше приходилось слышать от нескольких посторонних, что в семье Хлудовых много странных, неожиданных смертей, случайно минувших рук правосудия.

После трагической смерти жены Михаила Алексеевича у него остался малолетний сын, требующий воспитания и заботы материнской. Михаил Алексеевич женился вновь на Вере Александровне, урожденной Александровой, про которую говорили, что она до своего брака, еще при жизни жены, была в интимных отношениях с Михаилом Алексеевичем, Вера Александровна польстилась на его богатство, но жизнь у нее была не из легких: вечная боязнь за свою жизнь не только от тигра, которого, как она сама говорила, муж клал зачастую в постель, укладывая тигра между собой и женой[6], но от постоянного ожидания всякой выходки пьяного и бешеного мужа, могущего в пылу гнева не только избить, но и убить.

У нее был защитник среди ее девических друзей доктор Павлинов, с которым она и сошлась близко. При его содействии она мужа, болевшего белой горячкой, сделала сумасшедшим, поместила в комнате с железными решетками в окнах, со стенами, обитыми толстым слоем ваты. И никого из родственников к нему не допускала. Зажила соломенной вдовой в громадном доме мужа в «тупичке».

Вскоре после этого, в 1883 году, Михаил Алексеевич скончался[7]. На похоронных поминках произошел скандал. Василий Алексеевич публично обвинил Веру Александровну и доктора Павлинова, что они извели его брата: брат благодаря колоссальному своему здоровью не мог так скоро умереть. С Верой Александровной сделалась истерика, ее унесли из залы; дело тем и кончилось.

По духовному завещанию Михаила Алексеевича Ярцевская фабрика была оставлена его малолетнему сыну Алексею, если же он умрет неженатым, то фабрика переходит Вере Александровне, при условии, если она не выйдет замуж, а в противном случае она лишается наследства.

Его сыну Алексею недолго пришлось пожить: отданный учиться в реальное училище Воскресенского, в то время одно из лучших частных средних учебных заведений в Москве, он играл близ лестницы, кем-то был столкнут с нее, и от падения он скончался в 1885 году[8].

Хозяйкой Ярцевской фабрики сделалась Вера Александровна, но из дома в «тупичке» ей пришлось выехать: этот дом как родовой перешел к брату Михаила Алексеевича — Василию Алексеевичу, поспешившему в

него перебраться, продав свой дом на Новой Басманной водочному заводчику Кошелеву[9].

Смерть мальчика Леши возбудила внимание всей Москвы, многие видели в этой смерти не случайность, но преднамеренность. Прокуратура тщательно проверила случайность смерти Алеши, не нашла злонамеренности; и сенсационные слухи еще долго продолжались между обывателями, но в конце концов замолкли.

Богатая молодая вдова купила себе дом на Пречистенке[10] и зажила весело. Она была первой в Москве, осветившей свой дом электричеством; в то время еще не было общественной электрической станции. Устройство электрического освещения дома поручила некоему Гантерту, представителю какой-то заграничной фирмы, производящей уже работу на ее Ярцевской фабрике. Хлудова договорилась с ним, что электрическое освещение будет закончено к определенному дню, когда она собиралась устроить бал, чем удивить своих гостей. На этот бал пригласила всех своих знакомых и в том числе генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова, давшего ей согласие приехать.

Гантерт мне рассказывал: срок для исполнения работы был небольшой, и ему не хотелось брать ее, но Вера Александровна пригрозила, что в противном случае он лишится работы у нее на фабрике. На несчастье, Гантерт не мог найти в Москве готового нового локомобиля, пришлось взять подержанный, по виду хорошо отремонтированный. К назначенному часу и дню освещение в доме было совершенно готово, с кухнями, кладовыми, конюшнями и сараями. Гантерт водил хозяйку по дому, и оба любовались освещением; она мечтала, какой эффект произведет эта новинка на ее многочисленных гостей и у скольких она вызовет зависть! В это время пришел механик локомобиля и сообщил Гартерту, что локомобиль ненадежен: сильно парит, и посоветовал дать свет только в те комнаты, где будут гости, а остальные комнаты и все службы не освещать. К большому огорчению Веры Александровны и Гантерта, пришлось так сделать.

Несмотря на облегчение локомобиля, он работал все хуже и хуже. Пришлось осветить только парадные комнаты, а остальные комнаты осветить свечами. Рассчитывая на электричество, не запаслись свечами. Бросились в лавки, а они все заперты по случаю двунадесятого праздника, и наконец в какой-то лавочке, с заднего хода, был найден ящик свечей.

Гости начали собираться, электричество горит нехорошо, поминутно мигает. Ожидают приезда почетнейшего гостя, князя В.А. Долгорукова. В десять часов он прибыл, все столпились его встретить, и при входе его на лестницу локомобиль служить отказался — свет погас! Хозяйка упала в обморок, и ее отнесли в спальню. Пришлось залу и гостиные спешно освещать свечами[11]. Гантерта после этого Вера Александровна не велела пускать в дом, и он навсегда лишился работы на Ярцевской фабрике*.

* Для управления Ярцевской мануфактурой В.А. Хлудова пригласила в качестве директора-распорядителя инженера-механика Михаила Лукича Лосева. Михаил Лукич был рекомендован ей Александром Лукичом Лосевым, о котором я уже писал в своих воспоминаниях как о человеке, отличавшемся большой хитростью. Александр Лукич, испугавшись, что его брат Михаил, получивший звание инженера, начнет вмешиваться в дела Собинской мануфактуры, им руководимой и хорошо идущей, поспешил его сплавить на Ярцевскую мануфактуру и тем избавиться от бесталантливого человека, могущего только помешать успеху их собственного предприятия. И предположения Александра Лукича Лосева вполне оправдались: Михаил Лукич в Ярцевской мануфактуре не заслужил доброй памяти как делец и распорядитель. Его бесхозяйственность и нераспорядительность стали известны всем: фабрика останавливалась из-за недостатка хлопка и даже невзноса земельных налогов, от недостатка на фабрике запасных частей и тому подобное. Момент покупки хлопка был почти всегда неудачен: при дешевых ценах он отказывался от него, а в дорогие моменты запасался им. А потому Ярцевская фабрика не давала хорошей пользы. Кажется, в 1906 году Михаил Лукич был выбран в члены Государственного совета от Московского Биржевого комитета[12], выдвинутый на эту должность Григорием Александровичем Крестовниковым, который впоследствии сам возмущался своим выдвиженцем, как он мне лично говорил: «Лосев в продолжение всего срока избрания не произнес в Государственном совете ни одного слова; держал себя униженно, как будто он был их приказчик».

После избрания Лосева в члены Государственного совета он покинул Ярцевскую фабрику, на радость Веры Александровны и других, трудящихся в этом деле. На его место она пригласила моего товарища по службе в Большой Кинешемской мануфактуре Николу Ивановича Казакова. Казаков был совершенно неспособный к большому коммерческому делу, совершенно незнакомый с производством его; в Б. Кинешемской мануфактуре он заведовал кассой и ничем более не выказал своих способностей. Казаков пробыл в Ярцевской мануфактуре год и принужден был оставить ее. Вскоре после этого Хлудова продала Ярцевскую фабрику Н.И. Прохорову на очень выгодных для него условиях.

ГЛАВА 31

Из оставшихся в живых сыновей Алексея Ивановича [Хлудова] — Василий Алексеевич, нужно думать, в молодости был обаятельным мужчиной: выше среднего роста, хорошо и пропорционально сложенный, с хорошей растительностью на голове и бороде, с выразительными карими глазами.

Я познакомился с ним, когда ему было около пятидесяти лет, он на меня произвел весьма приятное впечатление, даже без желания с его стороны заручиться моим расположением; когда же он хотел этого, то подходил просто, мило улыбаясь, пожимал руку, тихим, вкрадчивым голосом говорил. И выходило у него все это так мило, как будто были знакомы с ним давно и даже состояли в дружеских отношениях. Если же он желал на кого-нибудь произвести впечатление, то ему это удавалось без большого усилия.

Дам же приводил в восхищение своим милым с ними обращением: ласково улыбался, брал ручку, гладя и нежно целуя, заискивающе с улыбкой смотря им в глаза. Мог ли он им не понравиться? С университетским образованием, музыкант, богатый, с красивым лицом и карими глазами, обращением нежным и милым. И действительно, романов у него было без числа.

Мне казалось, ему в жизни давалось все легко, как будто он был создан для наслаждения. Коммерческая Москва его знала и им интересовалась, хотя он не занимался общественными, торговыми и промышленными предприятиями, если не считать выдачи под векселя денег из лихвенных[1] процентов богатым дамам, попавшим временно в затруднительное положение из-за своих любовников и принужденным брать деньги не из своих дел, чтобы не обратить внимание на свои похождения мужей и служащих. Владел большим домом на Ильинке, со многими магазинами, конторами и другими доходными имениями, разбросанными в разных губерниях. Да, как мне думается, Василий Алексеевич мало занимался всеми этими делами; и выдача денег запутавшимся дамам, и управление домами и имениями были поручены им своему управляющему, который способствовал к увеличению капиталов и увеличению алчности у своего хозяина. Василий Алексеевич, понятно, был сильно рад

быстрому обогащению, но он не любил над делами задумываться и беспокоиться, а его голова и мысли были среди отвлеченных предметов, углубляясь и интересуясь предметами вне времени и пространства.

Когда Василий Алексеевич сделался мне свояком[2], то приходилось с ним довольно часто встречаться, и невольно бросалась в глаза его углубленность в какие-то мысли, поглощающие его всецело. Он, даже находясь в большом интересном обществе, по временам не замечал окружающих его людей, и часто приходилось называть его по имени и отчеству и трогать его руку, чтобы он очнулся от каких-то угнетающих мыслей, чтобы получить от него нужный ответ. Когда в разговорах был задеваем чем-нибудь, что шло вразрез с его мнением, то он с горячностью развивал свою мысль, начинал спорить, убеждать и в это время походил на фанатика-дервиша своими растрепанными волосами, сверкающими глазами и мимикой. Меня всегда интересовало узнать о причине такого углубления Василия Алексеевича в самого себя. Много раз пытался завести разговор с ним по этому поводу, но он моментально делался замкнутым, молчаливым, его можно было тогда сравнить с улиткой, скрывшейся в скорлупке при малейшей для нее опасности. Когда же я начинал расспрашивать о его материальных переживаниях, он с охотой рассказывал, и они были интересны.

Мне казалось, что в жизни Василия Алексеевича была какая-то тяжелая драма, от которой он отделаться не мог. Причем эту тайну знал Василий Флорентьевич Перлов, брат его жены Нины Флорентьевны, служащий у него в качестве главноуправляющего над всеми его делами.

Почему у меня составилось такое предположение, могу объяснить тем влиянием, которое Перлов на него имел, не обладая душевными качествами, без которых трудно иметь влияние на образованного, умного и развитого человека, каким был В.А. Хлудов. В.Ф. Перлов хотя получил высшее образование (инженер-механик), но, с душою грубой и нечуткой, стоял ниже во всех отношениях Василия Алексеевича.

Присматриваясь к Василию Алексеевичу, нельзя было не заметить выделяющуюся черту его характера — страстную жадность к деньгам; между тем он не подходил к типу Гарпагона[3] уже из-за одного того, что, приобретя имение в Сочи, он в голове составил широкий план для устройства образцового хозяйства с громадными для этого затратами. Между тем всякая выдача денег, как бы она ни была мала, составляла ему вроде мучения.

Одна из его родственниц рассказывала мне: «Василий Алексеевич часто бывал у моей матери, и было замечено, что ни разу не дал на чай прово-

жавшей его горничной и, уходя, обыкновенно говорил: «Ах, милочка, мелочи со мной нет, считай за мной!» Приезжая на извозчике, обращался к матери моей: «Пожалуйста, заплати двугривенный извозчику, забыл взять деньги, потом тебе отдам». Но ни разу не отдал».

Жена Василия Алексеевича знала о любовных похождениях своего мужа и, боясь, что он бросит ее с детьми, настойчиво требовала обеспечить их, но ее просьбы и требования ни к чему не привели; она знала о влиянии своего брата на мужа, к которому и обратилась с просьбой о содействии. Обеспечение ее быстро состоялось: она получила имение Пески[4], дом в Севастополе стоимостью 200 тысяч рублей и несколько участков земли в Сочи[5].

Как-то Василий Алексеевич с женой должны были ехать куда-то. Он приказал лакею сказать кучеру, чтобы лучшую пару запрячь в новый экипаж и подать к определенному часу. Вернувшийся лакей сообщил: «Пара лучших лошадей запряжена в новый экипаж и подана Василию Флорентьевичу, и он на ней уехал». Лицо Василия Алексеевича от гнева побледнело, но он промолчал. Нина Флорентьевна, возмущенная поступком брата, сказала: «Я завтра обязательно сделаю ему выговор: как он может распоряжаться лошадьми без спроса!» Василий Алексеевич замахал на нее руками: «Молчи, молчи! Это не твое дело... Поедем с конюхом в старом экипаже».

Василию Алексеевичу было хорошо известно, что арендаторы его магазинов на Ильинке уплачивают мзду за сдачу им; если бы они Василию Флорентьевичу не уплатили, то им не пришлось бы торговать на этом бойком месте. Тоже он знал о привлечении В.Ф. Перлова к судебной ответственности известной кафешантанной певицей за произведенный им дебош в ее квартире. На суде Василий Флорентьевич объяснил свой поступок тем, что она обошлась ему больше 20 тысяч рублей, после чего выпроводила из дома, заменив его более щедрым поклонником*.

Влияние Василия Флорентьевича на своего хозяина невольно приводило к мысли, что их связывает что-то общее. Хлудов боится его, а потому поневоле подчиняется ему, хотя в душе его презирает. Однажды при разговоре со мной у него вырвались слова: «Прежде некоторым людям руки бы не протянул, а теперь приходится...» — и замолчал.

Нина Флорентьевна Хлудова и ее сестры определяли влияние их брата на Василия Алексеевича его слабостью духа, нежеланием ничем себя

*Василий Флорентьевич получал жалованье у Хлудова 6000 рублей, проживал гораздо больше этой суммы, кроме того, делал сбережения, выражающиеся в постройке двух домов, а что у него было в банках, понятно, никому не было известно.

беспокоить, говоря: «Часто встречаются люди умные, благородные, подчиняющиеся людям грубым, но с сильным духом». Может быть, это и так.

Василий Алексеевич увлекался в жизни многим; увлекшись одним, первое время сильно над ним работал, но быстро охладевал, не добившись желаемого, переходил на другое, и все время продолжалось так.

Одно из первых увлечений его была химия. Устроил в своем доме лабораторию, помещающуюся в двух больших комнатах, наполненных шкафами с банками с разными специями. Во главе лаборатории был поставлен опытный провизор, здесь производились разные опыты и изыскания, в числе их добивались открытия способа получения анилиновых красок, в этой работе принимал участие доктор Богуш. Говорили, что им удалось сделать это открытие, но патент получить не могли, так как кто-то другой сделал это несколькими днями раньше их, заработав на этом громадные деньги.

Интерес к занятию химическими опытами постепенно охлаждался, и Василий Алексеевич начал увлекаться работой скрипок: в доме своем открыл мастерскую, пригласил опытного мастера по деланию скрипок, добиваясь создания скрипки наподобие старинных мастеров, но, не добившись нужных результатов, бросил это дело.

В 1882 году Василий Алексеевич поехал путешествовать по побережью Кавказа, попал в город Сочи; год этот остался у меня в памяти, так как я тоже в это время был там. В.А. Хлудов, пораженный красотой и могучестью дикой природы, а главное — дешевизной земли, отлично понял, что может вскоре извлечь из нее, накупил земли в большом количестве. На части купленной им земли он начал производить большие агрикультурные работы. Устраивал питомники, засаживал сотни десятин виноградником, разными плодовыми деревьями, но, не посоветовавшись с опытными и знающими людьми, плоды от своих трудов получал плохие: виноград получился сладкий, вкусный, но вино из него было плохое; фрукты тоже хорошие, но на вывоз не годились: быстро гнили и портились. Деньги же на все это тратились громадные. Он начал охладевать к этому делу. Между тем в это время его родственник Н.А. Костырев[6] добился на своих землях хороших результатов, он, испробовавши все фруктовые деревья, остановился на сливе, начал ее сушить, превращая в чернослив, требуемый публикой в большом количестве, и получал от своих земель хорошую пользу.

После неудачных трудов в практической области Василия Алексеевича потянуло к духовному миросозерцанию, он стал задумываться о будущей

жизни. Углубился в Евангелие, читал его и перечитывал, испещряя его своими заметками, стараясь перетолковать евангельские мысли на свой лад, с изложением их на бумаге, печатанием и изданием брошюр; начал ездить к Льву Николаевичу Толстому, спорить с ним, убеждать его в чем-то[7], но все его благие увлечения свелись к спиритизму с его материалистическими явлениями, предполагал, что этим он скорее подойдет к духовному миру. Выписывал он из-за границы известных медиумов с громкими именами, потом разыскивал русских медиумов как более доступных в смысле издержек.

Из разговоров с его родственниками, близкими к нему, у меня составилось предположение, что спиритизм повлиял на него в дурную сторону, сблизив его с людьми сомнительных нравственных качеств. Эти люди, при помощи медиумов, внушали ему мысли и разжигали его страсти к дальнейшим материальным успехам, и при помощи их он был втянут в Общество «Сталь», дело грюндерской[8] хватки, приведшее его к потере значительной части капитала. Воспоминание об Обществе «Сталь» я помещаю в отдельной, 32-й главе.

После окончательного провала Общества «Сталь» Василий Алексеевич не переставал увлекаться разными делами, но более мелкими, не требующими больших затрат, но после всех неудач он увлекся изобретением вечнодвижущейся машины (перпетуум-мобиле). Для чего тратил достаточно денег на устройство разных машин, приборов, винтов и тому подобных вещей, тщательно их пряча от взоров посторонних, посвящая им все свое время уже до конца своей жизни.

Василий Алексеевич был интереснейший человек, его энциклопедичность поражала; когда он был в ударе, то его речь, по какому бы ни было предмету, всегда отличалась яркостью и оригинальностью. Оставшиеся в моей памяти те немногие вечера, когда он был в добром настроении, удивительно были хороши и занятны, подбадриваемый собравшимся обществом лиц, ему симпатичных, увлекал всех присутствующих, и вечер за чайным столом проходил незаметно до глубокой ночи, кончался с неприятным чувством из-за необходимости расходиться.

Посещения его известными лицами, как В.С. Соловьевым, писателями-супругами Мережковскими[9], А.С. Шмаковым, музыкантами Танеевым и А.В. Соловцовым, проф. Н.Е. Жуковским, С.А. Муромцевым, генералом Драгомировым, были не как к богатому меценату с целью получить от него какой-нибудь интерес материальный, но его общество доставляло им удовольствие, принося им много любопытного и нового.

Во время вечеров с приглашенными гостями открывался большой кабинет, в котором хозяин никогда не занимался, предпочитая комнату в верхнем этаже, с низкими потолками, где было уютнее и теплее. Кабинет отличался полным отсутствием каких бы то ни было книг, а также бросались в глаза широкие потолочные карнизы, исполненные художественной лепкой, с изображением четырех сезонов года, что, как мне казалось, не гармонировало с комнатой, предназначенной для серьезных работ, наполненной тяжелой мебелью. В нижнем этаже, где помещался кабинет, находилась большая красивая столовая, куда приходилось проходить через бильярдную. По широкой мраморной лестнице поднимались во второй этаж, где находились гостиная и зала, не разделяющиеся стеной. Зала была очень большая, но странно узкая от непонятной экономии в стройке Алексея Ивановича, приказавшего архитектору убавить на сажень ширину этой комнаты, чем намечалось по плану, и тем испортив превосходную залу, отделанную под белый мрамор[10].

В зале был вделан в стене орган[11], на котором играл сам хозяин, стояли две рояли, а потому часто можно было слышать игру в восемь рук. Вся семья Василия Алексеевича была музыкальная, старший сын играл на скрипке, второй на трубе, а остальные его дети на рояли. В какой бы час дня ни пришли бы к ним, всегда слышали музыку.

В обыденной жизни Василий Алексеевич отличался большими странностями: если случайно заходили к нему, он встречал вас в распахнутом халате и своим откровенным видом приводил в смущение не только дам, но даже и мужчин.

Невнимание к своим поступкам у него было полное. Когда он бывал в гостях у своих родственников, занимающихся коллекционерством, можно было заметить на лицах хозяев некоторый трепет при виде, как Василий Алексеевич берет в руки какую-нибудь вазу или другую какую-нибудь хрупкую вещь, из-за боязни, что из рук его она выйдет искалеченной или разбитой. Наливая воду в изящный фужер, ухитрялся разбить его или вместо фужера лил на скатерть и не замечал этого. В сладкий пирог, поставленный на отдельном столике для удобства играющих в карты, тушил окурок папиросы, втыкая в середину пирога; или, волнуясь от карточной игры, оставлял своих партнеров, шел в гостиную, садился на диван, тушил папиросу втыканием ее в дорогую изящную подушку. Сидя за чайным столом в гостях, оживленно беседуя с соседом, пододвигал вазу с вареньем и своей ложечкой брал из нее в рот, в то время когда перед ним стояло блюдечко, специально для этого назначенное. И таким действием возмутил хозяина, своего свояка Крафта[12], от

удивления быстро надевшего монокль, чтобы лучше рассмотреть: не чудится ли ему это; после чего сказавшего лакею подать другую вазу с таким же вареньем, а имеющуюся ближе пододвинуть к Василию Алексеевичу, чтобы ему удобнее из нее кушать. Но Василий Алексеевич на все это не обратил внимания, только приятно улыбнулся лакею, пододвинувшему ему вазу с вареньем, находя, что лакей ему хотел услужить.

Моя жена предполагала однажды после парадного обеда устроить музыкальный квартет, в числе участвующих в этом квартете должен был быть Роман Васильевич Живаго со своей страдивариусской скрипкой[13]. Живаго крайне берег этот инструмент: когда он ехал куда-нибудь с ним, то обязательно в карете, в сопровождении кого-нибудь из своих друзей. Скрипка досталась ему с большим трудом и даже, как говорил он, с опасностью для жизни. Приобретение ее состоялось в 1905 году во время первой революции у испугавшегося помещика в какой-то глухой западной губернии. Имение находилось в 40—50 верстах от железной дороги. Ехал он туда в холодных нетопленых вагонах, потом на лошадях, с трудом находимых, с уже в то время начавшимися забастовками, с пожарами в помещичьих усадьбах, с неприятными встречами подозрительных бродяг, вызывающе осматривающих проезжающего, но, как видно, опасающихся ружья и собаки, бывших с ним. Заплатил за скрипку, как он говорил, 20 тысяч рублей, но очень вероятно, что эта сумма им преувеличена из-за хвастовства. Добивался он приобретения скрипки Страдивариуса долго, наконец это обратилось у него в idée fixe[14], и потому он, достигнув этого, берег ее как зеницу ока.

Приехав ко мне, его первая забота была: где бы он мог положить скрипку. Я посоветовал положить в кабинете, уверенный, что во время обеда никто в него не придет.

После обеда я пошел в кабинет — и представьте мой ужас! Вижу Василия Алексеевича, держащего в руках Страдивариуса, проделывающего с ним разные эксперименты, вертя в руках, стуча по скрипке, дергая струны, чего я бы не стал делать даже с игрушечной скрипкой. Я не был уверен, что Василий Алексеевич не задумается потушить свой окурок папиросы о скрипку, как он задумывался втыкать окурок в пирог или в художественную подушку. Сломай или оцарапай он ее, то с Живаго мог бы быть припадок его душевной болезни, которая с ним иногда повторялась. Я бросился за ним и привел его. И мы вместе с ним с трудом уговорили Хлудова положить скрипку в футляр*.

*Кстати расскажу о причине страстного желания Живаго обзавестись страдивариусской скрипкой. В один из полупраздничных дней, когда в конторе работа кончалась в

Как я уже писал, Василий Алексеевич был разносторонне образован, по предметам, его интересующим, много читал, а потому спорил с уверенностью в своей непогрешимости. Когда он проезжал как-то в свое имение Нагольное, находящееся в области Войска Донского, с ним рядом сидел мужчина скромно одетый, с виду небогатый, разговорились об овцеводстве. Василий Алексеевич, считая себя за знатока по овцеводству, начал доказывать авторитетным тоном о методах овцеводства, заспорили.

— Слушайте! — сказал Василий Алексеевич. — Зачем вы со мной спорите? У меня большое овцеводство, имею две тысячи голов.

---

2 часа дня, мы вместе отправились прогуляться по Кузнецкому мосту, где встретили нашего покупателя Ивана Александровича Коновалова, любителя пофланировать там. Пошли вместе пройтись по Тверской улице. Идя мимо булочной Филиппова[15], я предложил зайти выпить кофе. Коновалову очень не хотелось туда заходить, он сказал: «Неловко сидеть там с разными барышнями сомнительного поведения и с конторщиками и с артельщиками мне, Коновалову; чего доброго, если встретишь там кого-либо из моих служащих». Мы его уговорили, он согласился, но прибавил: если мы в свою очередь исполним его просьбу зайти к нему и у него пообедать. Жил он недалеко от Тверской на Малой Дмитровке. И.А. Коновалов, показывая нам свою квартиру, богато и со вкусом убранную, привел нас в комнату своего сына Александра Ивановича, гимназиста, ученика последнего класса. На столе у него лежала скрипка.

Живаго был талантливый человек и увлекающийся; раньше он пылал страстью к охоте, к ружьям, к собакам, потом к живописи, а в последнее время увлекался музыкой, избрав себе инструмент скрипку. Брал уроки, усидчиво занимался и уверял, что учитель его им доволен, находит талантливым и ожидает, что из него сделается отличный скрипач.

Живаго, увидав лежащую скрипку, спросил у молодого Коновалова разрешения поиграть на ней. Живаго настроил скрипку, провел канифолью по смычку и начал играть. Сыграв какую-то вещь, обратился к Александру Ивановичу: «Вам нужно иметь скрипку получше! Звук у вашей плох!» — «Как плох? — вскочил со стула Коновалов, даже немного побледневши. — Что вы говорите? Это скрипка Амати... мой учитель (называя фамилию известного скрипача, фамилию забыл) перед своей кончиной продал мне ее, говоря: "Я хочу, чтобы она досталась вам как лучшему ученику"». Быстро взял из рук Живаго скрипку и заиграл. Полились чудные звуки, играл он как большой артист. Живаго и я были поражены. Коновалов сыграл ту же вещь, что и Живаго, но исполнение ее было совершенно другое. Мы пристали к нему сыграть еще что-нибудь. Он с неохотой согласился, и во время игры у него из глаз лились слезы — он плакал! Когда он кончил, то сказал: «Мне доктора строго запретили заниматься музыкой, нервы не выносят ее... видели — я даже плакал... уже несколько месяцев не играю... сыграл только потому, что Роман Васильевич обидел мою любимицу».

Эпизод этот вызвал частые насмешки над Живаго со стороны лиц, слышавших мой рассказ о нем. На Живаго тоже подействовала игра Коновалова: он сильно начал заниматься музыкой, и у него развилось желание вроде мании — приобрести скрипку лучшего в мире мастера Страдивариуса.

Играл Живаго у меня на Страдивариусе хорошо, но все-таки игра его была далека и даже очень далека от игры коноваловской.

— Ну! — отвечал незнакомец. — А у меня столько же сторожевых собак для овец!

— Кто же вы такой? — спросил смущенный Василий Алексеевич.

— Моя фамилия Мазаев.

Мазаев был большой и известный овцевод, славившийся разведением новых пород овец и много об этом писавший. У него, как говорили, было стадо в несколько десятков тысяч голов.

Я расскажу несколько эпизодических случаев из жизни Василия Алексеевича, которые от него слышал.

Василий Алексеевич долго жил в Сочи; пребывание ему там достаточно надоело, он стремился всеми силами скорее уехать в Москву, но, на его несчастье, все время было бурное море, пароходы в Сочи не останавливались. В то же время жил там другой господин, тоже стремящийся поскорее оттуда выбраться, но его задерживала более серьезная причина: он не мог продать свою землю в Адлере, покупателей не находилось. Он неоднократно обращался к Хлудову с просьбой купить его землю, но Василий Алексеевич отказывался. Однажды Василий Алексеевич и этот господин сошлись на пляже, господин начал усиленно убеждать Василия Алексеевича купить землю. Уговоры его были очень настойчивы и надоедливы. Василий Алексеевич, желая переменить с ним разговор, сказал: «Поедемте-ка лучше кататься по морю, подальше отъедем, увидим, быть может, пароход». Хотя в душе был вполне уверен, что в этот день ожидать прибытия парохода нельзя. Сели в лодку, поехали. Но надоедливый господин не унялся, опять начал упрашивать Василия Алексеевича купить у него землю. Василий Алексеевич наконец, смеясь, сказал: «Хорошо, если пароход сегодня придет в Сочи, то будь по-вашему — куплю землю у вас; а если не придет, то не куплю». На этом кончился разговор о земле. Какое же было удивление В.А. Хлудова и радость господина, когда они через короткое время увидали дым парохода, а потом силуэт его.

Василию Алексеевичу пришлось исполнить свое слово, и он купил его 300 десятин земли за 20 тысяч рублей. Через 10—15 лет у него была масса желающих купить небольшие участки земли по 40—50 рублей за кв. сажень, то есть, продав из этой земли только 100 десятин, он выручил бы около 10 миллионов рублей, что называется «на ловца и зверь бежит».

Василием Алексеевичем был получен перевод на 30 тысяч рублей на Коломенское отделение Государственного банка. Отправляясь за получением денег, сначала заехал в свое имение Пески, а оттуда поехал в

Коломну. Придя в банк, получил деньги, положил их в карманы своего сюртука и скорее отправился на станцию на своих лошадях, привезших его. Поспел как раз к отходу поезда. Была зима. В вагоне было натоплено жарко, он снял шубу и повесил на крючок. Когда подъезжали к какой-то станции, уже начало смеркаться, и в это время, к своему удивлению, он увидал: какой-то незнакомец, проходя по коридору вагона, подошел к его шубе, снял ее с крючка и быстро пошел к выходу. Василий Алексеевич вскочил и бросился за ним вдогонку. Вор с шубой выскакивает на ходу из поезда на платформу, но Василий Алексеевич не выскочил из вагона, а только кричит, желая обратить внимание жандарма. Жулика моментально схватывают, составляют протокол. Через некоторое время Хлудов вызывается в суд в качестве потерпевшего. Сидя в суде, Василий Алексеевич с любопытством осматривал вора. Вид его был такой ничтожный и жалкий, что ему стало жаль этого глупого жулика. Когда председатель суда вызвал Хлудова и спросил: может ли он подтвердить, что сидящий на скамье подсудимых есть тот вор, который взял из вагона его шубу, Василий Алексеевич ответил: он не помнит лицо вора, возможно, сидящий и не был вором его шубы. Подсудимый утверждал: он шубы в вагоне не брал, а увидал валяющуюся на платформе шубу, поднял и был тотчас же арестован.

Суд оправдал его. Выходя из суда, Василий Алексеевич встретил оправданного вора, обратившегося к нему с просьбой помочь ему чем-нибудь как невинно пострадавшему. Василий Алексеевич сказал: «Я отлично помню, что шубу стащил ты, но пожалел тебя и не сказал правды». Дал ему трешку и посоветовал больше не воровать. «За вашу доброту благодарю вас и скажу: хорошо, что не выскочили за мной на платформу, тогда бы деньгам вашим, а может быть, и вам был бы каюк!.. за вами следили с банка и знали, сколько везете денег. Я взял шубу, только чтобы выманить вас из вагона, тогда бы вас окружили, и остались бы без денег, а сопротивлялись бы — могло быть и хуже».

Интересен рассказ Василия Алексеевича о его зяте Абраме Абрамовиче Морозове, имевшем большую фабрику под наименованием Товарищество Тверской мануфактуры. В семидесятые годы прошлого столетия было большое затишье с миткалем, бязями[16] и другими суровыми бумажными товарами[17] на московском рынке. Морозову пришла мысль поспекулировать с этими товарами, и им было дано распоряжение маклерам скупить все суровье, имеющееся в наличности. Это было исполнено, и Тверская мануфактура нажила на этой операции большие деньги. Через некоторое

время опять на рынке создалась такая же конъюнктура: с суровьем получилась заминка. А.А. Морозов опять проделал то же самое, но только в гораздо большем размере и от этой спекуляции нажил еще больше, чем от первой.

На деньги, полученные от этих спекуляций, Товарищество Тверской мануфактуры накупило в Тверской и смежных с ней губерниях около 300 тысяч десятин лесов, желая обеспечить топливом свои фабрики на вечные времена. Удача спекуляции окончательно вскружила голову Абраму Абрамовичу, и при следующей заминке с суровьем он решил проделать то же самое. Скупил громадные партии суровья, но, чем он больше покупал, к нему шли новые предложения суровья, даже с понижением цены. Товарищество Тверской мануфактуры должно было быть окончательно разорено, но стали замечать, что с Абрамом Абрамовичем делается что-то неладное; его тесть Алексей Иванович Хлудов пригласил лучших докторов для освидетельствования его душевного здоровья. Доктора определили полное сумасшествие, без всякой надежды на выздоровление. Оказывается, что и первые его сделки были произведены во время начала его душевной болезни. Сделки, произведенные на суровье, все были уничтожены как сделанные ненормальным, больным человеком. От двух же первых спекуляций деньги остались в Товариществе и послужили к дальнейшему преуспеянию его.

Как-то Василий Алексеевич рассказал об одном своем приятеле-еврее, очень милом, хорошем и образованном человеке, который у него часто бывал, и они подолгу беседовали. Еврей все время мечтал переехать жить в Америку, страну демократии и свободы, наконец его желание осуществилось, и незадолго до своего выезда он пришел к Хлудову с просьбой одолжить ему заимообразно 50 рублей. Хлудов дал. За день до его выезда туда он пришел проститься, с видом очень смущенным обратился к Василию Алексеевичу со словами: «Я должен вам пятьдесят рублей — не отдам: для вас пятьдесят рублей сумма маленькая, но она мне должна принести счастье на новом месте моего жительства». Хлудов удивленно на него посмотрел и спросил: «Как может эта небольшая сумма принести успех вам в Америке?» Еврей ответил: «По законам нашего Талмуда, еврей, покидающий навсегда страну, должен огорчить человека, с которым он был в дружеских отношениях, и тогда на новом месте он может рассчитывать на успех».

«И вы можете верить этому?» — спросил Василий Алексеевич — «Ну, что делать. Я так воспитан и все талмудическое впитал в себя с мате-

ринским молоком». Василий Алексеевич ему ответил: «Берите пятьдесят рублей, я буду рад, если по Талмуду вашему они принесут вам пользу».

Василий Алексеевич отличался хорошим здоровьем, но под конец своей жизни почувствовал себя плохо, по настоянию его жены был приглашен его знакомый доктор Николай Дорофеич Титов. Титов, осмотрев и выслушав его, сказал: «Крепкий же вы человек! У вас было воспаление в легких, вы его перенесли на ногах, даже выходили из дома». Через несколько месяцев у него возобновилось воспаление, он хотя на воздух не выходил, но в кровати не лежал. Однажды вечером я пришел навестить его. Мне его жена сказала, что он сам выйдет ко мне. Он пришел, по виду не было заметно, что он серьезно болен: бодро говорил, шутил и был довольно весел, и я ушел от него в 12-м часу. На другой день в 8 часов утра от Хлудовых по телефону сообщили: Василий Алексеевич в 4 часа утра скончался.

Мой девятилетний сын, проснувшийся утром, спросил вошедшую гувернантку: «Почему Василий Алексеевич так рано к нам приходил? Он стоял около моей кровати и улыбался». Бывало, Василий Алексеевич, говоря с Ваней, скажет ему: «Слушай, Ваня! Когда я умру, обязательно к тебе приду, ты смотри не пугайся!» Это приходилось слышать от него много раз, и это Василий Алексеевич говорил только Ване, а другим моим детям не говорил.

Моей жене и мне хорошо запомнились слова Василия Алексеевича, а также рассказ Вани о появлении Василия Алексеевича у его кровати в день его кончины. Но другой мой сын, на год моложе Вани, спавший в соседней комнате, говорит, что у него сохранилось в памяти иначе: Ваня проснулся рано утром и увидал, что в ногах его постели стоит старик с седой бородой. Он сильно перепугался, закрылся одеялом с головой и уже не мог заснуть до утра.

В это время стало известно о кончине Василия Алексеевича, а потому все и решили, что к Ване явился Василий Алексеевич, как он о том всегда ему говорил[18]. Василий Алексеевич скончался в 1913 году, семидесяти двух лет от роду.

ГЛАВА 32[1]

1896—1897 годы могут быть отмечены избытком капиталов на денежных рынках: банки, банкирские конторы, богатые люди изыскивали предприятия для помещения в них своих накоплений с целью получить больший процент, чем с ипотечных бумаг.

Кредиты были дешевы, можно было получить деньги дешевле 4%.

В это время С.-Петербургский Международный банк, во главе которого стоял Ротштейн, протеже Витте[2], организовал Общество «Сталь». Были произведены большие расходы по организации дела, тогда лишь только стало известно Ротштейну, что сделанные затраты не оправдывают своих назначений. Ротштейн, чтобы выйти из этого неприятного положения, решил переложить всю тяжесть этого дела на плечи других. С этой целью пригласил так называемых «дельцов», не брезгающих никакими способами, лишь только бы нажиться. Во главе этих дельцов были поставлены Фейнберг, Волынский, военный геолог генерал Семенов и много еще других. На Московской бирже между ловко намеченным определенным кругом лиц были распространены слухи о громадных и неисчислимых залежах железной руды, находящихся близ Ладожского озера в Тулмозере[3], на земле, арендованной у крестьян великим князем Петром Николаевичем на срок 99 лет. Причем сообщалось, что иностранные капиталисты стремятся захватить это дело в свои руки, но великий князь предусмотрел таковой возможный захват и обусловил договором с банком, что пайщиками в этом деле должны быть только русские. И разными слухами стремились создать на Бирже среди избранных ими денежных людей сгущенную атмосферу ажиотажа, пользуясь и весьма благоприятным временем для этого.

В конце июня ко мне зашел Н.А. Найденов и сообщил: в Банке[4] скапливаются большие средства, разместить их выгодно в данный момент трудно, а потому приходится думать о помещении денежных средств в предприятиях, могущих в будущем давать хорошую пользу. Между прочим он сказал: «Заходил ко мне В.А. Хлудов, которого вы знаете, и предложил совместно с ним войти пайщиком во вновь организованное

Общество «Сталь». Хлудов с доктором Богушем, хорошим геологом, ездили в Тулмозеро и от всего видимого там пришли в восхищение. Хлудов уверяет, что как только в Обществе «Сталь» все будет пущено полным ходом, то цена паям поднимется чрезвычайно, но тогда, конечно, купить паи не представится возможным. Хлудов становится во главе дела, скупив все паи, и согласен уделить Банку паев только на три миллиона рублей. Василий Алексеевич, делая такое предложение мне, поставил непременным условием держать все это в большой тайне, изза боязни, что если об этом пронюхает большая публика, то создастся сильная конкуренция и тогда купить паев этого общества не придется. На слова В.А. Хлудова можно положиться, зная его как умного, скупого и аккуратного человека, но ради порядка следовало бы все-таки осмотреть это дело, и я зашел к вам узнать, не согласитесь ли съездить туда. Если Общество «Сталь» действительно представляется тем, как описывает Хлудов, то по входе туда пайщиком Банка и вы за свои труды могли бы приобрести некоторую часть первого выпуска паев по сходной цене».

Я с радостью согласился на это предложение. Съездить и осмотреть новое нарождающееся дело было для меня очень интересно.

Зашел к В.А. Хлудову в его контору, и с ним договорились встретиться в пять часов в ресторане «Славянский базар»[5], куда придут представители Международного банка, чтобы совместно выяснить о дне поездки и маршруте.

Придя в «Славянский базар», я уже застал Василия Алексеевича, сидящего за столиком. Был доволен, что, пока он один, мы могли бы вдвоем наедине поговорить подробнее о «Стали», но, к сожалению, мне это не удалось. Василий Алексеевич возводил свои глаза к небу, твердя только одно: «Поймите, близ столицы руда на земле, даже ее рыть не придется, а качество ее не хуже руды с горы Благодать на Урале. Если я получу только один пай, буду счастливейшим человеком!» В это время глаза его сверкали и вид у него был ненормального человека от жадности и боязни, что ему не достанется даже одного пая.

Его горячность и возбужденное настроение всецело перешли на меня, и я с нетерпением ожидал прихода представителей банка.

Вместо ожидаемых двух представителей Фейнберга и Волынского пришел только последний, как потом оказалось, к моему благополучию. Фейнберг был гораздо умнее Волынского и не допустил бы таких промахов, как сделал Волынский, зародивший у меня сомнение в этом деле.

Волынский — красивый молодой человек, получивший, как говорили, высшее образование в Петровской земледельческой академии, изящно одетый. Говорил он с большим апломбом и нахальством, часто противореча сам себе и не замечая этого. Что давало мне повод думать: я для него маленькая рыбка! Стесняться моим присутствием ему не приходилось. Из его болтовни я сделал вывод: есть что-то в деле «Стали» странное и недоговоренное. Так, когда Хлудов возводил свои глаза к небу и, бия себя в грудь, выкрикивал: «Только один пай! Дайте только один пай!» — Волынский с усмешечкой отвечал: «Да кто же вам даст купить? Один пай может сделать человека богатым! Неужели думаете, что банк не сумеет устроить так, чтобы все паи «Стали» ушли за границу?» — и т.д. Потом после длинных и несвязных своих разговоров, обращаясь к Василию Алексеевичу, говорит: «Дело следует устраивать скорее, а не посылать еще какие-то экспедиции, после того, как там были европейские знаменитости, обследовавшие и изучившие хорошо это дело».

На мое замечание: «Для чего же мне тогда ехать туда, раз не представляется возможность Торговому банку принять участие в этом деле?» — Волынский спохватился и сказал: «Через три дня Фейнберг и я едем туда по делу, в нашем распоряжении будет целый вагон, конечно, мы будем рады, если вы поедете и посмотрите это громадное дело. Мы предпочитаем совмещать полезное и приятное... не возбраняется с собой пригласить и дам, и скучный путь в вагоне можем провести с развлечением и весело» — и т.д.

Я постарался от него узнать точный маршрут и сказал: «По всей вероятности, мы так и поступим». Про себя же твердо решил никоим образом не ехать с этой компанией, а выехать на другой же день, не сообщив никому о своем выезде.

Из «Славянского базара» идя домой и переваривая все слышанное, я был смущен: как я поеду? Не имею ни малейшего понятия в руде, о способах ее обработки и других разных обстоятельствах этого сложного дела — не выльется ли результат этой поездки в простой пикник? Но если дело окажется уже не так хорошо, как рисует его Хлудов, то я в некотором роде поспособствую вовлечению Торгового банка в дело невыгодное. Мне пришла счастливая мысль съездить к профессору-геологу Виктору Дмитриевичу Мешаеву, у которого я когда-то слушал лекции, и пригласить его съездить со мною в Тулмозеро и осмотреть это дело, тогда я могу быть более спокойным и, по крайней мере, моя совесть будет чиста.

К моему благополучию, я застал профессора дома. Рассказал о «Стали» все, что знал, и предложил ему поехать со мной, предупредив, что поедем с полным комфортом и без всякой затраты с его стороны, притом если дело окажется такое, как его описывают, то его не обойдут при распределении паев и дадут ему возможность принять участие в этом деле. К моей радости, профессор ехать согласился.

Я увидал по лицу В.Д. Мешаева, какое впечатление произвел на него мой рассказ о В.А. Хлудове, который при прощании со мной в «Славянском базаре» схватил меня за плечи, начал трясти и с безумными глазами кричал: «Да вы поймите: один пай, только один пай — и будешь миллионером!»

На другой день выехали в Тулмозеро с курьерским поездом через С.-Петербург, разместившись в двух больших смежных купе: в одном профессор и я, а в другом — А.А. Капустин и Т.И. Обухов, приглашенные мною в качестве опытных бухгалтеров на случай, если бы пришлось разбираться в отчетности. Да, как говорят, одна голова хороша, а уже четыре, понятно, еще лучше!

В Петербурге в нашем распоряжении был целый день, употребленный на осмотр минералогического музея, на приобретение нужных профессору книг, посещение известного профессора Горной академии Кулибина, к нашему сожалению, отсутствовавшего в Петербурге. Вечером выехали по Финляндской железной дороге до станции Сердоболь на Ладожском озере.

С раннего утра профессор принялся за чтение приобретенных книг, я же отправился гулять по вагонам. Ко многим пассажирам подсаживался, заводил с ними разговоры о Тулмозере и об Обществе «Сталь».

Беседы с местными обывателями меня еще более укрепили, что с Обществом «Сталь» нужно быть весьма осторожным. Один из опрошенных сказал с иронией: «Там создается большое дело, тратятся громадные деньги на строение, машины, дороги, шлют массу людей, хорошо оплачиваемых, а мы, местные жители, прожившие в этой местности всю жизнь, и не предполагали, что живем около таких богатств. Нужно сказать, и сейчас находимся под большим сомнением: не есть ли все это дело афера!» Другой мой собеседник сказал почти то же самое, что и первый. Заводил еще разговоры с несколькими, но результат расспросов был тот же: усмешки, качание головой, вздохи, удивление большим тратам, когда бы, по их мнению, все можно было сделать гораздо дешевле.

Прибывши в Сердоболь, профессор Мешаев предложил посетить местный завод, плавящий руду. Горный инженер этого завода показал и очень обстоятельно рассказал о залежах руды у них, но, когда начали расспрашивать о руде Тулмозера, инженер давал уклончивые ответы, и вообще из всех дальнейших с ним разговоров можно было заключить, что он что-то умалчивает, как бы стараясь соблюсти профессиональную этику относительно вновь народившегося соседа и конкурента. Такое впечатление создалось не у меня одного, но и у Мешаева.

При разговоре с Волынским в «Славянском базаре» выяснилось, что расстояние от Сердоболя до Тулмозера сорок верст — не больше! Имеется хорошее шоссе, и поездка на лошадях будет хорошей прогулкой. Волынский несколько раз с особым ударением указал, что сорокаверстное расстояние и есть преимущественное положение Общества «Сталь», дешево отражающееся на перевозе руды.

На какой-то из станций, не доезжая Сердоболя, послали телеграмму в Тулмозеро с просьбой выслать лошадей.

Рессорные экипажи ожидали нас на станции Сердоболь, и мы покатили. Садясь в экипаж, я посмотрел на часы, чтобы хотя временем езды определить более или менее точное расстояние из-за вкравшегося недоверия к словам Волынского.

Ехали долго, часы показывали, что проехали более сорока верст. Кучера стали настаивать на остановке: «Лошади измучены, их нужно накормить и дать отдохнуть, да и нам бы следовало тоже...»

Дорогой расспрашивали кучеров, сколько верст они считают до Тулмозера. Они отвечали: «Сорок, не больше!» Но когда часы показали, что расстояние это проехали, мы прижали кучеров. Они, сконфуженные, отвечали: «Кто их там знает? Нам сказали сорок, и мы говорим то же, живем здесь недавно, на нас не обижайтесь, мы подневольные». Видно было, что их отлично инструктировали и они в точности исполняют приказание.

Наконец приехали в Тулмозеро, и часы нам показали, что проехали не менее 80 верст, а потом по наведенным точным справкам выяснилось: расстояние между Сердоболем и Тулмозером 92 версты.

Приехали поздно вечером, наскоро поели и довольно уставшие от длинного пути отправились спать, предварительно уговорившись с главным инженером Лунгреном завтра утром приготовить лошадей для поездки на место залежей руды, по уверению их, отстоящих не далее десяти верст от дома.

При восхитительной погоде летнего утра в 8 часов мы садились в экипажи ехать осматривать местонахождение руды. Проехавши более двух часов, издали увидали какие-то отроги невысоких гор, издававших на солнце особый блеск. Нам сказали, что это-то и есть то, к чему мы стремились.

Руда выходила из земли шестью или семью отрогами и довольно далеко тянулась вдаль. Остановили экипажи и бросились бегом осматривать чудеса природы, сулящие громадные богатства всем счастливчикам, роком предназначенным быть пайщиками Общества «Сталь».

Зрелище было поражающее — не нужно быть геологом, чтобы оценить громадную стоимость этих залежей руды. Снять только выступы над землей, то и тогда денег не оберешься.

Отроги тянулись, как я уже говорил, на довольно большое расстояние, и около них лежала в правильно выложенных кубических саженках отбитая блестящая руда. Профессор Мешаев на глаз определил ее качество и сказал, что в ней будет не менее 50% железа, но придется взять в лабораторию, и тогда с точностью можно установить процентное количество железа.

Карабкаясь по этим отрогам и вычисляя приблизительно их кубический объем и переводя на пуды, захлебывались от волнения: близ столицы и такое громадное богатство! Правда, прав был В.А. Хлудов, говоря: «Владелец одного пая может сделаться миллионером!»

Было около 12 часов дня, пора ехать домой, желудки требовали топлива. Радостные, взволнованные всем видимым, собрались группами, тронулись в путь к экипажам, с восхищением делясь впечатлениями.

К большому нашему удивлению, видим мчащуюся к нам тройку, сидящие там махали шапками и что-то кричали. Какое же мое было удивление, когда в одном из махавших и особенно кричавших я узнал Волынского. Что хотите, но видеть здесь его, должного выехать сюда из Москвы через два дня, сейчас здесь! Выезд наш обставлен был секретно, знал о нем один Н.А. Найденов, понятно, он не стал бы рассказывать ради своих же интересов кому-либо об этом. Да, это был большой трюк!

Выскочивший из экипажа Волынский прежде всего начал пенять на меня за мой секретный отъезд из Москвы, и тем я лишил его удовольствия с ним прокатиться и приятно провести время, а пришлось ехать одному и скучать. Причем сообщил приятную новость: «Зная, что вы

проголодаетесь, захватил с собой поесть и попить. Здесь, на лоне природы, мы отлично позавтракаем и одновременно полюбуемся на чудные отроги руды». Против этого возражать никто не стал, а с радостью все согласились.

Приехавшие с ним лакеи быстро расстелили ковры, мы большим кругом на них засели. Моментально середка круга была обставлена батареями бутылок с разными винами и в большом количестве и разнообразии превосходными закусками. Начался пир и веселье. Сначала велись разговоры о руде, о тех богатствах, какие она может дать, но вскоре поданное шампанское развязало всем языки; начались тосты и разные пожелания, потом перешли на веселые воспоминания и анекдоты, на каковые были большие мастера Волынский и Обухов; и мы незаметно просидели несколько часов. Ко мне пододвинулся профессор и сказал: «Поедемте-ка лучше домой, мне сильно надоел Волынский, он напоминает мне “волынку”».

Уже во время веселого завтрака я решил разместиться в экипажах так: Мешаев с главным инженером, себе облюбовал скромного, умного, симпатичного инженера-лесничего, с которым во время завтрака вел разговор, сообщившего, что в Тулмозере он был первым пионером, а Волынского поместил с Обуховым, очень схожих по характеру и по любви к скабрезным анекдотам. Такое размещение в экипажах состоялось, несмотря на желание Волынского ехать со мной. Мною своевременно предупрежденный Обухов уцепился за него и убедил Волынского сесть с ним, обещаясь рассказать такой анекдот, который он еще никогда не слышал.

Благодарю провидение, давшее мне возможность выбрать в мои спутники милого инженера-лесника, к сожалению, фамилию его забыл. Его рассказ о возникновении и создании дела «Сталь» ясно обрисовал всю картину этого возмутительного дела, с горьким последствием для многих, а для некоторых означавшего потерю всего состояния и от этого преждевременную смерть. Его правдивая душа возмущалась проделками сильных мира сего.

У великого князя Петра Николаевича на берегу Ладожского озера было большое лесное имение, куда инженер-лесничий поступил на службу в качестве заведующего по лесной разработке. Управляющий этим имением был большой любитель охоты, благодаря чему он и забрел в Тулмозеро и попал как раз на эти отроги руды, с лежащими около них ку-

чами обитой руды. Поинтересовался узнать от крестьян, откуда эта лежащая в кучах руда. Крестьяне ему рассказали: студент Горной академии Нобель некогда арендовал у них отроги гор с рудой и смежную землю, но без права производства на этой земле покоса и посева злаков, за 100 рублей в год. Проработал Нобель несколько лет, аккуратно уплачивал условленную плату.

Крестьянам показалось, что он платит мало, и при окончании аренды они назначили 300 рублей в год, предполагая, что Нобель согласится на эту прибавку. Он отказался прибавить, оставил руду, которую не успел к сроку окончания договора вывезти, в пользу крестьян — вот эта-то руда и лежит до сего времени. Крестьяне потом очень сожалели, что так легкомысленно поступили и тем лишились 100 рублей ежегодного дохода.

Управляющий князя захватил с собой куски руды и отвез в Петербург и сдал в лабораторию исследовать ее. Лаборатория дала отзыв о превосходном качестве руды, подходящей по качеству к руде с горы Благодатъ на Урале.

После чего управляющий побывал опять в Тулмозере и предложил крестьянам передать эту аренду на тех же условиях, как Нобелю, но со сроком на 12 лет и с платою им по 300 рублей в год аренды. Крестьяне были довольны таким предложением, и аренда состоялась. Получив постановление схода крестьян, управляющий отправился в Петербург к великому князю Петру Николаевичу, которому и доложил о громадных богатствах в Тулмозере, показал ему образцы руды, полученный из лаборатории анализ и заключенное им соглашение с крестьянами на аренду этой земли. Великий князь чрезвычайно заинтересовался этим делом, но рассказывающему леснику не было известно, на каких условиях великому князю управляющим были переданы договор с крестьянами и анализ руды.

Великий князь недолго думая отправился в С.-Петербургский Международный банк к председателю правления Ротштейну. Ротштейн, осчастливленный столь высоким посетителем, с большим вниманием выслушал его и дал полное согласие на финансирование этого дела, но при условии: во-первых, аренда с крестьянами должна быть продолжена на 99 лет, для чего потребуется утверждение государя; во-вторых, великий князь даст письменную гарантию, что на этой земле имеются миллиардные залежи руды; в-третьих, качество руды, находящейся в этой

земле, должно соответствовать представленным образцам, опечатанным двумя сторонами и хранящимся в Банке. Если эти условия будут выполнены великим князем, то он получит от Банка миллион рублей наличными деньгами, а после организации общества ему будет выдано паев на сумму 2 миллиона рублей[6].

Моему собеседнику, инженеру-лесничему, великим князем были поручены переговоры с крестьянами о продлении срока аренды на 99 лет и переговоры с правительством об утверждении этого соглашения с крестьянами с государем императором.

Дело устроилось скоро: крестьянам вместо 300 рублей арендной платы была дана тысяча рублей в год, с тем чтобы они увеличили срок на 99 лет вместо 12 лет. Эта прибавка крестьянам была большой находкой, и они быстро согласились; не было задержки и в государственных инстанциях, благодаря влиянию великого князя, и все, что требовалось, было доставлено от великого князя весьма скоро в правление С.-Петербургского Международного банка. Великому князю, согласно условиям, был выплачен миллион рублей наличными деньгами, и Банк приступил к организации Общества «Сталь» для эксплуатации руды в Тулмозере с паевым капиталом в 10 миллионов рублей.

Дело Общества «Сталь» обставлялось с широким размахом, денег не жалели: были приглашены инженеры-строители, горные штейгера[7]; воздвигались дома для служащих, рабочих; строили шоссе; проектировались две доменные печи, и начали одну строить — словом, работа кипела!

Приглашенный для руководства разработкой руды инженер Лунгрен прежде всего приступил к обследованию отрогов руды, о которых говорили выше. Какое же было удивление, когда после первого испытания отрога оказалось: толщина первого пласта была в один вершок, а за ним шел пласт доломита в один аршин ширины, за пластом доломита опять был вершок руды и так далее... Доломит есть порода минерала, видом, блеском, цветом весьма похожая на руду, но весьма крепкой формации; для удаления его нужно употреблять пироксилин, порох для этого слаб, вследствие чего отделение доломита обходится весьма дорого и стоимость полученной руды не оправдывается. Испробованы были все отроги, и везде оказался результат тот же. Приступили к рытью шахты, надеясь, что в земле руды будет больше, а пласт доломита будет уже, но и там оказалось то же, что и на поверхности земли. Обратили внимание на болотную руду, находящуюся в довольно большом количестве на дне

озер, но эта руда оказалась плохого качества и не заслуживающей большого внимания.

Банк, получивший все эти сведения, сообщил их великому князю и поставил ему на вид, что один из пунктов договора не выполнен, а именно: гарантии миллиарда пудов руды не имеется, а имеющаяся руда, чтобы добыть ее, требует затраты большей, чем стоимость самой руды. От великого князя последовало на это заявление следующее: компетентность горного инженера, поставленного Банком, для него не обязательна, а он берется доказать правоту подписанного им условия авторитетностью крупного европейского ученого, доклад которого он доставит к известному сроку в правление Банка.

Великим князем было послано в Вену лицо к известному профессору-геологу (фамилию забыл) с предложением ему приехать в Тулмозеро и составить доклад с доказательствами о нахождении в этой местности в недрах земли миллиарда пудов руды.

Знаменитость-геолог в Тулмозеро приехал: прожил три месяца с представлением ему большого комфорта. Профессором был составлен доклад обширных размеров с указанием в нем, что руды на этой площади имеется значительно больше, чем определил великий князь в договоре с Банком, и он представил его великому князю. За этот труд ему было уплачено великим князем 30 тысяч рублей деньгами и все расходы по поездке и содержанию. Жаловался инженер-лесничий: «И капризный был этот ученый, много доставил нам хлопот и неприятностей — будь он не в добрый час помянут!»

Великим князем было поручено лесничему доставить этот доклад в правление Банка и его же уполномочил к дальнейшему ведению всех переговоров по этому делу. Заседание, последовавшее вскоре, собрало кроме лесничего и двух адвокатов со стороны великого князя еще много адвокатов и горных инженеров со стороны Банка, и вышло довольно курьезно: явившийся Ротштейн занял председательское кресло, в коротких словах изложил суть дела и после начал читать договор Банка с великим князем. Дойдя до места, где великий князь дает ручательство, что на площади 7000 десятин земли крестьян Тулмозера он гарантирует «в недрах земли» миллиард пудов руды, Ротштейн, смущенный, остановился читать, просидел немного молча, потом закрыл папку с договором, положил ее в портфель и сказал: «Прочитанного достаточно, объяснений больше не требуется...» Встал, сделал общий поклон и при смехе присутствующих вышел из залы заседания.

И таким образом спор Банка с великим князем был закончен. Крупный С.-Петербургский банк, на потеху своих конкурентов, оказался в положении высеченного: выдан один миллион рублей великому князю, затрачены миллионы на организацию и на оборудование дела, а оно выеденного яйца не стоит.

Можно ли скрыть эти потери от пайщиков Банка? Быстро разузнают от служащих Банка, и все станет скоро известным мелкой бульварной прессе и несомненно дойдет до Министерства финансов.

Для Ротштейна это событие могло бы создать неприятное положение: потеря авторитетности у Витте, а очень вероятно, и карьеры. Им было решено поступить так, как говорили раньше: потерю перенести на плечи доверчивых богатых людей, благо время для этого было весьма благоприятно. Где же таковых найти, как не в богатой Москве? Москвичи всегда любили крупные имена, они им импонировали, а в Обществе «Сталь» участвуют великий князь Петр Николаевич, Международный банк, Ротштейн, близкий человек Витте... и этих имен достаточно, чтобы нескольким тщеславным людям вскружить головы — так я думал, подъезжая к дому[8].

Было больно и обидно за добродушие этих рыхлых москвичей, чрезвычайно хотелось их удержать и предостеречь от входа в это мошенническое дело... Благодаря милому лесничему мне стало ясным положение дела «Стали», остается только проверить, все ли это так.

По приезде домой Волынский и главный инженер Лунгрен обратились к нам с предложением пообедать не дома, а поехать на одну гору, откуда восхитительный вид на окрестности, куда соберется весь старший служебный персонал Общества «Сталь». Обедать будем на открытом воздухе. Мы, понятно, согласились.

Когда остались с профессором Мешаевым одни, я поспешил пересказать все, что слышал от лесничего. Задумался профессор, прилег на кровать и начал читать, так и читал до отъезда на обед-пикник.

Обед, можно сказать, превзошел себя!

Трудно представить, что мы находились в глуши, куда всю провизию доставляли из С.-Петербурга, но как будто мы обедали в лучшем ресторане С.-Петербурга — «Кюба»[9] или «Донон»[10]. Вина были дорогие и в большом избытке, шампанского сколько угодно и самых лучших марок.

Обедали на лоне природы, с дивным ландшафтом, на отлично сервированных столах; кухня, специально построенная из досок, располо-

жена была в недалеком расстоянии; предполагаю, что ею пользовались и ранее для специальных обедов-пикников. При таких условиях обедать было весьма приятно, развязались языки, полились речи, тосты за преуспеяние и процветание нового дела на страх и трепет всех старых конкурентов. Одним словом, пили за все и всех, как присутствующих, так и отсутствующих. Начались веселые разговоры, анекдоты от неутомимых по этому искусству Волынского и Обухова. Смех, шутки наполнили эту при обыкновенных условиях глухую местность.

Я не любитель вина и не мог пить его много, а потому подсел к милому лесничему, стараясь выяснить о положении с топливом, требующимся в большом количестве для доменных печей. Получил от него неутешительные сообщения: в округе радиусом в 40 верст все леса сведены, ближайший казенный лес находится в 40 верстах отсюда. Если предположить, что благодаря влиянию великого князя можно получить от правительства на льготных условиях разработку леса, то как доставить его сюда? Провоз гужом на лошадях обойдется дорого, да найдется ли достаточное количество крестьян с лошадьми для перевозки громадного количества древесины? Перевозка дров могла бы быть произведена, по его мнению, с некоторым успехом по воде, пользуясь озерами, многочисленными в этом месте, но для этого пришлось бы соединить их каналами с устройством шлюзов.

Устройство шлюзов обошлось бы дорого, а амортизация сооружений так удорожила бы стоимость топлива, что ожидаемые выгоды поглощались бы расходами.

Разговор перешел на хозяйственную часть Общества; но об этом не пришлось много распространяться: нынешний обед-пикник достаточно ясно указал на мотание денег, и такие обеды даются и другим приезжающим, интересующимся этим делом, а приезжало сюда достаточное количество разных лиц, как поведал лесничий. Жалованье всем служащим и рабочим было высокое.

На этом обеде я встретился со своим бывшим товарищем по учению, инженером Меерсоном, в его ведении были стройки. Студентами были друзьями; он бывал у меня дома, и разошлись с ним по следующему поводу: Меерсон хлопотал в студенческой кассе о ежемесячном пособии, объясняя, что отец его бедный и нуждающийся сам в помощи. Пособие он получил, но в каком размере, я теперь не помню, что-нибудь вроде 20—30 рублей в месяц, хотя в кассе для вспомоществования сту-

дентов денег было мало и выдавались только тем действительно нуждающимся, которым приходилось очень туго. Кто-то из студентов случайно узнал, что отец Меерсона, где-то на юге живущий, имеет довольно хорошие средства и высылает сыну ежемесячно довольно значительное пособие. Об этом узналось только после многих месяцев забирания Меерсоном в кассе денег. Этот его поступок послужил нашему расхождению. Как оказалось, Меерсон был приятелем Волынского и Фейнберга. Я и решил в своих записках указать этот случай, чтобы яснее выявить удельный вес нравственности этой милой компании.

Жалованье Волынского и Фейнберга было, как говорили, по несколько десятков тысяч рублей кроме тех расходов, которые они производили по делам Общества «Сталь». Так, Фейнберг, приезжая в Москву, останавливался в гостинице «Славянский базар» и за помещение уплачивал по 25 рублей в сутки, и, понятно, другие расходы были соответственны плате за помещение.

Волынский, Меерсон и все другие их единомышленники были убеждены, что мы уже попали в их карманы: сидели за обедом с довольными лицами, говорили с большим апломбом о невозможности приобрести хотя бы малую толику паев: «Да кто же вам продаст? Ведь это дело — золотое дно!» — и т.д.

Рассматривая карты и планы владений Общества «Сталь», я случайно посмотрел на часы, было около двенадцати часов ночи, а светло как днем. Посидели еще немного, начали собираться, а в час ночи были дома.

Профессор, утомленный, сейчас же ушел наверх, в нашу комнату, я же задержался внизу. Вернувшись, застал Мешаева полураздетым, с весьма сосредоточенным лицом и, как видно, чем-то сильно смущенного. «Знаете! — сказал он. — Мы проводим время очень весело; вернувшись в Москву, что можем сказать о деле? Нужно сделать непременно некоторые изыскания, могущие подтвердить хотя отчасти, что мы видели и слышали, а потому предложил бы завтра в шесть часов утра встать и отправиться на эти отроги руды и попросить приехать туда старшего инженера с опытным штейгером. Если вы не против этого, то будьте добры спуститься вниз и переговорить с Лунгреном об этом, но просил бы вас поставить непременным условием, чтобы больше посторонних никого не было, особенно просил бы, чтобы не было Волынского, и, кстати, заедем в то место, где, по их уверению, есть все признаки нахождения залежей серебра».

Я упустил в своих записках рассказать, что еще при знакомстве с Волынским в «Славянском базаре» пришлось от него услыхать, что в Тулмозере кроме руды имеются ясно выраженные признаки нахождения серебра. Разработка его оставлена на будущее время: «От железной руды не будем знать, куда девать деньги!» — сказал он. То же самое слышали мы неоднократно со стороны других лиц в Тулмозере, и на пикниках произносили тосты за это будущее серебро, придавая ему большое значение в будущем. Особенно старался петь дифирамбы на обеде Меерсон о будущности разработки серебра.

Мое заявление о просьбе профессора Лунгрена, как я заметил, весьма смутило и взволновало. Он немного помолчал, потом сказал решительно: «Все будет исполнено в точности!»

На другой день нас разбудили в пять часов утра, и мы вчетвером тронулись в путь при чудной ясной погоде. Но лица у всех были невеселые и озабоченные. У меня было такое настроение — спать хотелось, у профессора — предполагаю, от всего вчера слышанного и виденного; да, может быть, он сомневался: удастся ли все это выяснить. Лунгрен и штейгер, понятно, не могли себя чувствовать хорошо, им известен был конечный результат поездки.

Приехавши на место, Мешаев попросил штейгера приступить к пробе первого отрога. Тот начал сбивать руду инструментом, но труды его оказались недействительными: руды не оказалось! Вершковый слой руды был уже сбит в свое время Нобелем, а следующий, доломитовый слой не поддавался инструменту. «Что же это такое?» — спросил Мешаев. Общее молчание. Обошли все отроги, и в некоторых местах сбивался вершок руды, как видно, случайно обойденный прежней разработкой, но глубже инструмент работать приостанавливался.

Профессор со злыми, рассерженными глазами обратился к Лунгрену: «Ведь это обман! Как же вчера вы об этом ничего не сказали!» Лунгрен, сконфуженный и смущенный, отвечал: «Я вас не обманывал! Да и вы меня об этом не спрашивали, а если бы спросили, то я сказал бы вам!» — «Позвольте, какая же руда лежит в штабелях? Видно по ее блеску, она новой разработки!» — «Нет, — отвечал Лунгрен, — это от разработки Нобеля, уже лежит здесь давно».

Я подошел к штабелю, ударил его сильно ногой, часть его рассыпалась, и видим: действительно, старая, ржавая. Сверху же и с боков обложена новой, недавно сбитой рудой из имеющегося кое-где вершкового слоя руды. Оказалось все это декорацией!

Мне стало жаль Лунгрена при виде того страдания, ясно выраженного в его глазах и на лице; право, он не был плохим, испорченным человеком. Он стоял смущенный и пожимал плечами.

Пожелали спуститься в шахту; еще вчера нас уверяли, что она в полном порядке, но сейчас сообщили, что она залита водой; понятно, это было сказано ради того, что осмотр ее дал бы ясно понять, что там то же, что и в отрогах поверх земли.

Оставалось осмотреть признаки серебряной руды. Лунгрен сказал: «Я этими признаками и интересовался. Разработка их отложена на последний план работы. Штейгер знает их местонахождение и может указать». Штейгер начал утверждать; место находится далеко, нужно ехать верст двадцать, стоит ли это. Но мы решили ехать. Руды нет, то, быть может, есть более ценный минерал — серебро?

Поездка была туда утомительная: ехали, ехали, но наконец достигли источника желаний. Штейгер предложил спуститься в расщелину, предупредив, что спуск будет труден. Профессор пошел, я же и Лунгрен остались наверху. Вскоре слышим громкий говор, скорее, крик профессора, говорившего что-то штейгеру, с тоном глубокого возмущения, разобрать слова я не мог. Наконец профессор выходит из расщелины, но без штейгера, как оказалось, сбежавшего от профессора и не поехавшего с нами обратно. Возмущенный профессор показывает нам сбитую штейгером подделку признаков серебра — бирюзового цвета, приделанную сравнительно грубо к скале в глубине расщелины. Когда штейгер подал эту подделку профессору, он, тщательно осмотрев ее, возмущенный проделкой штейгера, закричал: «Как вам не стыдно так обманывать?!»

Поездка к этой расщелине была длинна и утомительна: часы показывали, что в действительности было не менее двадцати верст от дома, а обратный путь мы сделали скоро. Из чего заключили, что нас возили обходными путями с целью утомить, надеясь, что мы откажемся от осмотра признаков серебра.

По приезде Мешаев рассказал мне свой разговор с Лунгреном. Лунгрен просил не винить его во всем, что случилось. Правда, он чувствует себя очень неловко перед нами, но, принимая во внимание его служебное положение, не мог же он всем сюда приезжающим рассказывать секреты предприятия. Им своевременно был сделан доклад правлению, с указанием неправильности выводов ученого-геолога из Вены. Заявил

своевременно об уходе со службы в Обществе и уже нашел место в Донбассе, только винит себя в том, что остался в Тулмозере до приискания места, а не бросил тотчас же.

Для нас дело стало ясным. Торопливо начали собираться уезжать отсюда, чтобы попасть к поезду в Сердоболь. Нас успокоили, что успеем пообедать и без всякой спешки попадем к нему. К нашей радости, мы обедали только вчетвером, делясь впечатлениями от нашей поездки, но обед был уже не тот, что вчера, — суп и котлеты, видно, что заправилы не были нами довольны. В конце обеда явился Волынский с предложением поехать из Сердоболя не железной дорогой, а на пароходе, принадлежащем Валаамскому монастырю[11], находившемся в их полном распоряжении. Он сказал: «Вы будете доставлены в монастырь как раз к обедне, после чего можете осмотреть все его достопримечательности, а вечером с отходящим ежедневно пароходом в Шлиссельбург и приедете в Петербург раньше, чем по железной дороге».

Предложение нам понравилось: кроме того, что поездка интересна, но поедем одни, без Волынского и всей «милой» компании.

При прощании я передал свои четыре обратных билета до Петербурга Волынскому, как нам уже не требующиеся. Довольно примирительно простились со всей компанией. Они в свою очередь вручили нам большую корзину с провизией, говоря, что «это может вам пригодиться, так как на пароходе буфета не имеется».

Все время езды до Сердоболя я чувствовал себя плохо, опасаясь, чтобы с нами не случилось чего-нибудь странного и неожиданного: такие люди, как Волынский, Меерсон и другие имена «ты веси, Господи», могли пойти на многое после обнаружения их мошенничества.

При разговоре с лесничим еще в Тулмозере он мне сказал: «Здесь рабочие собраны с бору да с сосенки, хорошие сюда не идут, а пришедшие таковы, что на все способны».

Подъехали к пристани Ладожского озера, где красовался маленький, беленький и красивый с виду пароходик, предназначенный для отвоза нас на остров Валаам.

Поездка закончилась для нас благополучно, если не считать пропажи моего сака с разными вещами и хорошими болотными сапогами, но я был так рад благополучному прибытию, что об этом поднимать разговор не стал.

Пароход и внутри оказался очень чистым и красивым, с большой каютой, где мы и разместились. Весь обслуживающий на пароходе пер-

сонал были монахи, встретившие нас с большим радушием и приветом. Как только мы расположились, пароход тронулся в путь.

После длинной поездки на лошадях мы сильно проголодались, распаковали корзину с провизией, где лежали в большом изобилии разные закуски, жареное мясо, птицы, вина и фрукты; изобилие это нас удивило, можно было думать, что это приготовлено не на один день, а на много дней.

Профессор, Капустин и я, утомленные дорогой и всем пережитым, легли спать, а неутомимый старичок наш Т.И. Обухов, кстати сказать, любитель выпить, остался на палубе парохода, притащив вина, а для компании, чтобы не скучать одному, пригласил капитана разделить с ним компанию; капитан оказался тоже любителем выпить, и у них началась выпивка с задушевными беседами. Монах-капитан рассказал, что им получено распоряжение доставить нас в монастырь, ухаживать за нами, хорошо кормить и поить, возить по острову, показывая все его достопримечательности, чтобы мы не могли соскучиться в эти три дня. «Как в три дня! — вскричал Обухов. — Мы завтра должны быть в Петербурге! У нас спешное дело». — «Нет, — отвечал монах, — вам придется прожить у нас трое суточек: пароход, могущий доставить вас в Петербург, сегодня уже ушел из Валаама и вернется через трое суток, не раньше».

Обухов тотчас же разбудил меня, мы все поднялись, составили совет: что предпринять нам? Дело неприятное: в три дня Волынский с компанией могут Бог знает что натворить в Москве! На острове Валаам не имеется телеграфа и переговорить с Москвой не придется никак. Очень вероятно, что Торговый банк под влиянием слов Волынского, Фейнберга, из боязни ухода паев в другие руки, сочтет невозможным ожидать нашего возвращения в Москву и возьмет паи Общества «Сталь», предполагая, что если бы там было что-либо не так хорошо, то я уведомил бы по телеграфу Найденова. Молчание мое и отъезд на Валаам сочли бы как знак полного благополучия в деле. Все это мне рисовалось возможным и допустимым: да, мы попались!

Позвали капитана в каюту, искренне все ему рассказали, в каких условиях очутились мы; причем попугали его, что, приехавши в Петербург, мы заявим прокурору о всем с нами проделанном этими бандитами и с помощью валаамских отцов, предполагая, что для них, монахов, будет неприятно наше заявление. Монах-капитан нас понял и, сочувствуя, дал совет: «Мы должны приехать на Валаам в четыре часа утра,

если машина будет пущена полным ходом. Вы идите к настоятелю и расскажите ему все, что говорили мне, я думаю, он даст вам благословение на этом пароходе отправиться обратно, и вы успеете своевременно прибыть в Сердоболь к отходу поезда. Просил бы только вас не говорить отцу настоятелю, что ваша просьба исходит по моему совету».

Спать уже не пришлось: засел у манометра и смотрел, чтобы механик-монах не уменьшал давление пара.

Приехали в монастырь в четыре часа, как говорил капитан. Я и Мешаев бросились в монастырь к настоятелю-архимандриту. Он еще спал. Служка не хотел его будить, но мы настаивали, и он наконец решился пойти и разбудить архимандрита. После небольшого ожидания настоятель вышел. Подошли под благословение и ярко вкратце изложили свое положение и просили дать благословение на проезд обратно в Сердоболь на их пароходе, чтобы попасть к отходу поезда. Настоятель сделал несколько возражений и советовал лучше остаться: пароход мог опоздать к поезду, тем более что сейчас рано, народ спит еще, некому будет грузить дрова на пароход... Но все-таки он бы нас благословил, если бы мы заплатили 25 рублей за проезд. Немедленно вручили ему 25 рублей и еще дали столько же в пользу монастыря.

Успели зайти в собор и приложиться к святым мощам и оттуда побежали на пароход. Капитан, механик, матросы и нас четверо начали таскать дрова на пароход и скоро нагрузили нужное количество и тронулись в путь.

Всю дорогу волновались: доедем — нет? доедем — нет?

Ехали хорошо, стрелка манометра все время стояла на 100. Механик жаловался: «Так нельзя!» Но его и вообще всех монахов поблагодарили хорошо и приехали раньше, чем предполагали.

К поезду должны были приехать Волынский с компанией, нам было интересно посмотреть: какое произведет впечатление наше неожиданное присутствие здесь. Они не сомневались, что замуровали нас на Валааме на трое суток.

Выбрал я себе место весьма удобное, за тесовым сараем, откуда мне была видна дорога, по которой они должны приехать и не могли миновать сарая, под укрытием которого я находился, а потому неожиданный мой выход должен был произвести несомненный эффект.

Но это мне не удалось. Я не сообразил, что раньше они увидят пароход, стоящий около пристани, а это прежде всего должно их поразить.

Так и случилось: Меерсон первый заметил пароход, начал толкать рядом сидящего с ним Волынского, указывая на него; начали оба жестикулировать, махать руками, говорить с кучером, видно, сильно волнуясь; на лицах их появилось какое-то недоумение и испуг, а у Волынского лицо побледнело, голова ушла как будто в плечи, и я в этот момент вышел на дорогу. Кучер остановил лошадей. Я обратился к Волынскому: «Отдайте мои обратные железнодорожные билеты». Он поспешно, с испуганными глазами, видимо, сильно волнуясь, вытащил билеты из кармана и отдал мне, сильно толкнув кучера, чтобы скорее уезжал, как видно, опасаясь возможности с моей стороны испробовать свою силу на его спине. Было противно на такого труса смотреть и притом и смешно. Нужно сознаться, мне и хотелось огреть его как следует. На вокзале они куда-то исчезли, а также и в поезде их не видали, нужно думать, сидели в купе запершись и ни разу не вышли.

Поезд наш, как на грех, сильно опоздал прибытием в Петербург. Курьерские поезда, идущие в Москву, уже ушли, остался последний поезд пассажирский, если на него опоздаем, то придется остаться до следующего дня — этого не хотелось! Сели на лихачей, обещав дать хорошую прибавку, если не опоздаем на Николаевский вокзал к отходящему поезду. Приехали вовремя к третьему звонку и без билетов вскочили в вагон. В три часа дня на другой день были в Москве.

Быстро умылся, переоделся и поспешил в Торговый банк, чтобы застать Н.А. Найденова. На мое горе, извозчиков на их обыкновенной стоянке не оказалось, быстро пошел до первого извозчика; услышал, что меня обгоняет кто-то; я обернулся и вижу едущего В.А. Хлудова на своей неказистой лошадке, погруженного в думу, с устремленными глазами вниз, можно было думать, что он поглощен каким-то событием и весь отдался ему. Я кричу: «Василий Алексеевич! Василий Алексеевич! Остановитесь!» Наконец он вышел из нирваны, остановился, я сел с ним. Рассказал вкратце о всем виденном и пережитом нами и в заключение сказал: «Общество «Сталь» состоит из людей формации червонных валетов[12], от них нужно бежать!»

Василий Алексеевич схватил меня за руку и взволнованным голосом сказал: «Что вы, что вы! Разве так можно говорить! Там участвуют великий князь Петр Николаевич, Ротштейн, друг Витте, и еще много солидных людей, а вы позволяете себе так говорить!»

Я умолял его послушать меня и быть осторожным с ними: «Если мое обследование вас не удовлетворяет, то организуйте комиссию с лицами

опытными, учеными и честными, не жалейте на это денег, не будьте так доверчивы!»

«Вы же знаете, — ответил с горячностью Василий Алексеевич, — я сам там был с доктором Богушем, а он знающий геолог, его обмануть нельзя. Кроме того, было все обследовано всемирно известным профессором-геологом из Вены, и тот тоже, по вашему мнению, мошенник?» — и т.п.

Сдвинуть его с этой точки зрения мне не удалось. Потом оказалось, что в то время, когда я ездил в Тулмозеро, его, бедного раба, окрутили оставшийся в Москве Фейнберг со своими компаньонами по спиритическим сеансам, где духи предсказали Василию Алексеевичу большой успех. Василий Алексеевич попал на большую сумму, с ним также доктор Богуш, внесший все свои сбережения; В.И. Якунчиков, Н.П. и К.П. Бахрушины, С.В. Перлов и еще многие, фамилии которых забыл.

Я не скрывал ни от кого результатов своей поездки в Тулмозеро и всем интересующимся Обществом «Сталь» сообщил все свои наблюдения и утверждал, что все дело построено на мошенничестве. И не сомневаюсь, что мои рассказы воздействовали как холодный душ на некоторые горячие головы, взвинченные разными небылицами об ожидаемых громадных дивидендах, что-то вроде 30 %, которые и были выданы в первый отчетный год Общества «Сталь» из денег, как говорили, полученных за паи от В.А. Хлудова.

Профессор Мешаев доставил мне свой доклад, написанный кратко и сжато в виде письма, но из него было видно, что там проделывается.

Вокруг меня возгорелась борьба — я ясно это чувствовал. Начали ходить разные слухи, стремящиеся меня компрометировать: говорили, что все сведения, распускаемые мною об Обществе «Сталь», делаются с целью завладеть этим делом для Торгового банка, а самому стать во главе его. И еще много других намеков, относящихся, как я ясно понимал, ко мне. Но они так были сформулированы, что не было возможности придраться к ним и потребовать объяснений. Приходили доброжелатели, как, например, управляющий Московским отделением Волжско-Камского банка Нагаткин, уговаривавший меня не настаивать на своем мнении: «Вы даже идете против такого авторитета, как знаменитый ученый из Вены» — и т.п.

Фейнберг посетил меня несколько раз, намекая, что я мог бы хорошо заработать, если бы я не упрямился, туда опять поехал бы, хотя бы с профессором Мешаевым или с кем мне угодно... Даже мой приятель

по совместной работе в Среднеазиатском товариществе и по веселому препровождению времени Н.И. Решетников пришел и уговаривал меня обязательно туда поехать, с предупреждением, что за это могут заплатить паями общества «Сталь» на сумму 200 тысяч рублей. Наконец пришел профессор Мешаев с просьбой вернуть его доклад, так как он познакомился более обстоятельно с литературой о залежах руды в этой местности, находит выводы свои скоропалительными и тоже советовал мне с ним поехать туда.

Мой коллега по службе в Большой Кинешемской мануфактуре Иван Иванович Казаков записался на 200 тысяч рублей паев Общества «Сталь», уговоренный своим родственником С.В. Перловым, которого он очень любил и уважал, считая его за большого дельца и за знатока людей. Казаков за паи деньги не успел еще внести, благодаря задержке ликвидации своих процентных бумаг. Был очень обескуражен моими сообщениями о положении дел в Обществе «Сталь». Не знал, как ему быть: внести деньги, а вдруг мои сведения верны — потеряешь деньги! А не внести и отказаться от паев, а мои сведения окажутся неверными, останешься в дураках и, кроме того, огорчишь Перлова своим недоверием к его опытности, что может послужить охлаждению между ними. Упрямая голова Казаков никак не мог выйти из этого тупика. Он сильно волновался из-за своей нерешительности и не имел возможности установить, кто же прав — я или С.В. Перлов. Начал меня обвинять в самомнении и позволил себе надо мною поиздеваться. Я, огорченный и рассерженный, ему ответил: «Вы решили взять паи, то и берите! Мне ваших денег не жалко, но жаль будет, если такой почтенный и опытный коммерсант наденет на себя неподходящий колпак на утеху Ротштейна и его присных!»

Под давлением разных сообщений, слухов и просьб Н.А. Найденову пришлось созвать совет Торгового банка для обсуждения дела Общества «Сталь», так волнующего многих, при участии представителя этого общества профессора-геолога Семенова, обещавшего доказать неосновательность заключения профессора Мешаева и моего и с выводами, каких можно ожидать результатов от Общества «Сталь».

Семенов явился в полной военной парадной форме, с бесконечным числом навешанных на него орденов и значков. Лицо его было опившееся, одутловатое, без признаков интеллигентности, изображающее бычачье тупоумие. По его виду уже можно было заключить, что он завсегдатай кафешантанов и других веселых мест и мало он сидел как ученый

за трудовым письменным столом. Он произвел на меня именно такое впечатление, и, как мне казалось, другие присутствующие не были лучшего о нем мнения. Командируя его сюда, эта милая компания плохую оказала себе услугу, предполагая импонировать москвичам только титулами и орденами.

Речь его тянулась долго, с выкладкой цифр, конечно, только предполагаемых, и была чрезвычайно скучна и нудна. Впечатления от нее не получилось никакого. Все были утомлены и, как видно, жалели о потраченном времени.

После его речи председатель обратился ко мне: «Что можете на это сказать вы?» Я отвечал: «Оспаривать цифры, указанные генералом Семеновым, я не могу, так же как и он не может утверждать, что они не проблематичны, опираться на них можно лишь тогда, когда для этого были бы сделаны изыскания, таковых изысканий до нашего приезда сделано не было. Отроги руды оказались доломитовые с вершковыми прослойками чудной руды. Специалисты указывают на невыгодность разработки ее, так как удаление доломита поглотит всю пользу от руды. Шахты со штольнями и штреками отсутствуют, и нам показать их не могли по случаю затопления их водой. Если они будут восстановлены, то это даст возможность всем интересующимся произвести опыты и изыскания и тем восстановить истину с проверкой цифр, изложенных генералом Семеновым. Но так как пока ничего не сделано, что прежде всего нужно было бы сделать, то можно ли входить в необследованное и темное дело с вложением больших капиталов?»

Заседание окончилось с ясным провалом генерала Семенова.

В деле Общества «Сталь» всего больше пострадал В.А. Хлудов, потерявший значительную часть своих средств, и его друг доктор Богуш, потерявший весь свой капитал, и, как говорили, причиной его скорой смерти была эта потеря; семья его осталась без всяких средств; другие вошедшие в это дело тоже потеряли много, но их участие, каждого в отдельности, не было так велико, сравнительно с их состоянием, а потому их жалеть особенно не приходится![13]

Н.А. Найденов через год после этого описанного случая был с докладом по каким-то делам у министра Витте, при расставании Витте сказал: «Следует обратить серьезное внимание на развившееся грюндерство, как, например, Общество «Сталь» и другие ему подобные предприятия: грюндерство создает недоверие к делам вполне солидным, заслуживающим полного внимания со стороны банков и публики».

Заканчивая свои воспоминания о «Стали», хотелось бы рассказать о дальнейшей судьбе Волынского, не бросившего своей страсти к плутням, только перенесшего свою деятельность с севера на юг России. Там он нашел с рудой землю, заинтересовал москвича Николая Николаевича Зыбина заняться разработкой руды. Основали они Товарищество под наименованием Николо-Михайловское (Зыбина звали Николай, а Волынского — Михаил). Предполагаю, что это дело не процветало: Зыбин неоднократно предлагал мне войти в это дело. Я знал о нужде в деньгах их общества и о большом кредите их в банках. Какое же было мое удивление, когда я узнал, что в этом деле участвует плут Волынский. Сочувствуя Зыбину, рассказал ему подробно о «Стали» и ее деятелях и прибавил: «Где Волынский, я в такое дело не пойду. Да и вам посоветовал бы с ним быть осторожнее, а главное — не допускать к кассе Товарищества».

Потом слышал, что Зыбин устранил Волынского от дела. Волынский не бросил своей грязной замашки: нашел рудоносную землю, принадлежащую церкви, подкупил попа и чиновника из духовной консистории, и земля была продана за хорошую цену. Дело открылось, всех их судили, и Волынский был приговорен в ссылку на три года.

У одних моих знакомых я прочел свои воспоминания об Обществе «Сталь», здесь присутствовал Федор Николаевич Малинин, родственник В.А. Хлудову, состоявший в свое время по службе при правлении Общества «Сталь». Малинин мне добавил кое-что, что мне не было известно, хотя я отчасти об этом догадывался: великий князь Петр Николаевич выразил свое желание через Ротштейна познакомиться с В.А. Хлудовым как с человеком большого ума и деловитости и притом добавил, что они оба большие пайщики в общем деле, а потому у них должны быть и общие интересы.

В.А. Хлудов отправился к великому князю, был принят крайне любезно и с приглашением к себе на обед. Великий князь за обедом вел оживленный разговор о блестящем будущем Общества «Сталь» и об ожидаемых громадных доходах и между прочим коснулся, что он в своем имении в Крыму строит большой дворец[14], но у него в данный момент по неожиданной для него причине задержалась сумма поступлением, а потому, чтобы не прекращать стройки, он принужден временно на короткий срок заложить свои паи Общества «Сталь», то не может ли Василий Алексеевич выручить его и дать ему заимообразно под паи эту сум-

му, которую он в короткое время ему выплатит с благодарностью и с хорошими процентами.

Василий Алексеевич, восхищенный любезным приемом, особенно приглашением на великокняжеский обед, и глубоко уверенный в будущности Общества «Сталь», изъявил согласие выдать под паи просимую князем сумму.

После того как раскрылось положение Общества «Сталь», В.А. Хлудов пожелал получить обратно свои деньги от великого князя, но получил ответ через уполномоченного великого князя: денег в данный момент у князя не имеется, но в свою очередь великий князь ничего не будет иметь против, если Василий Алексеевич оставит паи в свою пользу вместо выданных им денег, на что Василий Алексеевич имеет все законные основания.

Ф.Н. Малинин оставался в Обществе «Сталь» до его ликвидации, а за последние дни его работы в нем ему не могли уплатить деньгами, ему пришлось получить стенными часами, висевшими в правлении Общества «Сталь», сохранившимися у него до сего времени.

ГЛАВА 33

Младший брат Алексея Ивановича Хлудова — Герасим Иванович был умным и дельным человеком, но более узких взглядов в делах и более скопидомен, пользуясь и следуя широкому размаху своего брата и его советам. Часто бывает, что лица с таким же характером, как Герасим Иванович, следуя и подчиняясь более сильному разумом и характером другому, устраивали свое благополучие с большим успехом, чем главный устроитель, обыкновенно отличавшийся страстным и решительным характером.

У Герасима Ивановича был единственный сын Павел и четыре дочери. Старшая, Прасковья, была замужем за Константином Константиновичем Прохоровым, рано умершим; вторая, Клавдия, — за Дмитрием Родионовичем Востряковым, третья, Александра, — за Александром Александровичем Найденовым и четвертая, Любовь, — за Николаем Александровичем Лукутиным.

Сын Павел сосредоточил на себе все внимание своих родителей как будущий единственный наследник всех дел и богатств их. Его слишком баловали и не по годам развивали в нем восприятие чувственных удовольствий: так, будучи совсем еще мальчиком, 10—12 лет, он приезжал с визитом к своему двоюродному брату Василию Алексеевичу Хлудову одетым во фрак, с цилиндром на голове, на роскошных рысаках; отец очень часто брал его с собой на обеды в Купеческий клуб и даже в рестораны. Паша, переживая удовольствия, не подходящие ему по годам, действительно еще в молодых годах сделался большим пьяницей и развратником.

Я помню, когда мне было 17—18 лет, я с одним своим родственником пошел завтракать в ресторан на Петровском бульваре. Когда я уписывал за обе щеки отбивную котлету, мне пришлось на несколько минут прервать еду из-за начавшейся суеты между хозяевами ресторана и их служащими, бросившими свои места у буфета, стремительно ринувшимися навстречу входящему молодому человеку с рыжими волосами, в сопровождении двух дам в громадных шляпах со страусовыми перьями, с подкрашенными щеками и подведенными глазами. Хозяин, буфетчик, половые, низко кланяясь, проводили прибывших к большому

столу и, приняв от молодого человека заказ, поспешили в кухню. Позавтракав, мы собрались уходить, хозяин ресторана, знакомый моему родственнику, подошел к нему и тихо сказал: «Хлудов Павел Герасимович, очень богатый человек, у нас часто бывает — интереснейший нам покупатель!» Я опять взглянул на Хлудова, он чокался со своими дамами, на столе у них стоял ряд бутылок с вином и разные кушанья. Это была первая и последняя моя встреча с ним.

В то время я не думал о коммерческой деятельности и не знал, что мне придется в будущем иметь дело с фирмой, хозяином которой должен был быть этот рыжий молодой человек.

Лет через десять после этого случая, когда мне пришлось стать в более близкие отношения к семье Хлудовых, я услышал многое об этом несчастном Паше, погибшем от плохого воспитания и окружающих его близких лиц, старающихся от гибели его извлечь свою пользу.

Герасим Иванович, желая подготовить своего сына к коммерческой деятельности, отправил Пашу — еще совершенно молодого человека — в Англию с целью, чтобы он там подучился к предстоящей ему роли быть хозяином в громадном деле.

Паша, очутившийся на чужбине, был несказанно рад встретить в Лондоне своего двоюродного брата Михаила Алексеевича, уже, как говорят, прошедшего огонь, воду и медные трубы. Михаил Алексеевич не задумался показать этому молодому неустановившемуся человеку все прелести необузданного разгула, так присущие ему, пьянствовать и развратничать почти до безграничного предела.

Многие укоряли Михаила Алексеевича, что он был один из главных виновников погибели Паши. По уверению Василия Алексеевича, это им делалось с целью отомстить своему дядюшке Герасиму Ивановичу за скупку его векселей с целью завладеть второй половиной Егорьевской мануфактуры и тем сделаться единственным владельцем ее; но, как мне кажется, Михаил Алексеевич делал все это по простому легкомыслию и был рад приобрести компаньона по кутежам, чтобы оплачивать их в половинном размере, а не с целью погубить своего двоюродного брата.

Паша после Лондона, наученный прожиганию жизни, вернувшийся в Москву, попал в руки своего зятя, Дмитрия Родионовича Вострякова, искусного интригана, показавшего своему зятю утонченный разврат, с целью устранить с дороги Пашу, к этому времени уже достаточно спившегося и развращенного, рассчитав, что для этого не нужно при-

кладывать особенное старание: почва была приготовлена в достаточной мере хорошо. Отлично понимая, что Паша не будет в состоянии руководить делом, а ведение его останется у него в руках, так как остальные зятья — Прохоров уже скончался, Найденов не страшен по мелочности своего характера и малой деловитости, Лукутин — красавец мужчина, уделяющий свое время только дамам и картам, — не могут составить ему конкуренцию и он будет главенствовать во всех делах Хлудова. Такое определение мне пришлось слышать от лиц, близких Хлудовым, и от некоторых инженеров с Егорьевской фабрики; по их мнению, Д.Р. Востряков приложил достаточно своей энергии и опытности, чтобы окончательно не дать Паше выбраться из тех условий жизни, в которые он попал. Все это так и оказалось. Паша не вынес этой жизни и молодым скончался. Все громадное состояние Герасима Ивановича перешло в руки его дочерям, а Д.Р. Востряков сделался фактически главой дела, беря от него все, что можно, в свою пользу. И в свою очередь давал делу очень мало, посвящая свое время в значительной степени на разные личные удовольствия.

Дела Торгового дома А. и Г. Хлудова с его большими фабриками Товарищества Егорьевской мануфактуры и Товарищества Норской мануфактуры шли хорошо благодаря изобилию денег, хорошей постановке Алексеем и Герасимом Ивановичами и остатку опытных, старых служащих. Получаемая прибыль от этих дел давала хорошую пользу, хватающую на громадные издержки наследниц.

Прохорова и отчасти Найденова жили сравнительно скромно, и понятно, у них скапливались личные деньги, у Востряковой и Лукутиной, нужно думать, все доходы шли на развлечения и удовольствия.

Наследницы были довольны, счастливы и пользовались жизнью вовсю, но для опытных людей дела этой фирмы показывали не полноту преуспеяния, но некоторое расшатывание от плохого ухода.

Главный руководитель всеми делами Торгового дома Д.Р. Востряков был довольно красивый мужчина, выше среднего роста, с большими голубыми глазами и с большим носом. Когда мне пришлось с ним познакомиться, то невольно у меня осталось впечатление от его лица как бы хищной птицы, только не орла или даже ястреба, а скорее напоминающее сову или филина.

Жена его, Клавдия Герасимовна, была красавица; как она сама говорила между своими близкими родственниками, так и многие посторонние говорили, что она была дочь не Герасима Ивановича, а Алексея

Ивановича, на которого походила лицом и глазами и характером. Она, окружив себя шлейфом поклонников, что сперва весьма нравилось ее мужу, скоро повела себя отчаянно скверно и сделалась в Москве потом притчею во языцех. Д.Р. Востряков махнул на нее рукой, устремясь со своей стороны брать от жизни все, что можно, с получением громадных тантьем за ведение дел наследниц и смотрел сквозь пальцы на все шалости своей супруги.

Кроме денег пользовался от врученных ему дел подбором поставщиков, доставляющих ему свежую «клубничку», и за эти труды награждая себя прибавлением цен к поставляемым ими на фабрики материалам. Вообще от дел Дмитрий Родионович получал хорошие деньги и приятные развлечения. Про него инженеры Егорьевской мануфактуры говорили: «Поездки на фабрики не были серьезно деловыми, а можно было их рассматривать как приятные пикники с друзьями, с красивыми дамами, с хорошими ужинами и винами».

Дмитрия Родионовича от избытка денег потянуло к тщеславию: добился сделаться ктитором при Николаевском сиротском институте[1], сначала для получения орденов, для чего расположил к себе начальницу института, тратя большие деньги на церковное благолепие, но потом смекнул, что, кроме всего этого, можно извлекать от красивых учениц этого института развлечение для себя: так, кончающим курс барышням-сиротам устраивал в своем доме обеды, после вез неопытных девочек кататься за город, что кончалось в загородных ресторанах, а потом некоторые из них попадали на дорожку кокоток. Через несколько лет начальница узнала о его похождениях и поспешила Вострякова удалить от ктиторства[2].

1897 год был юбилейным годом для фирмы Хлудовых: пятьдесят лет тому назад была построена Егорьевская бумагопрядильня, послужившая им к дальнейшему денежному процветанию. Хозяйки дела пожелали ознаменовать этот день особенным торжеством, устроенным на фабрике, с приглашением массы гостей[3]. Для чего на фабрике было специально выстроено здание с громадной столовой, гостиной и другими комнатами.

Как полагается, торжество началось с торжественного молебствия, с особым протодьяконом, с хором певчих. После молебствия в гостиной, обставленной пальмами и цветами, расположились на креслах сестры хозяйки и их близкие родственники, началось чтение адресов от лиц и фирм, имевших с Егорьевской мануфактурой деловые отношения.

Я тоже от Московского Торгово-промышленного товарищества про-

чел и поднес написанное мною приветствие, вложенное в дорогую художественную папку. Приветствие мое было написано в искренних и теплых выражениях: я считал, что этот срок работы предприятия дает право на полное сочувствие со стороны лиц, имеющих с ними дела.

Я заметил, что мой адрес произвел приятное впечатление на хозяек, очень благодаривших меня, с просьбой, чтобы я не забывал их навещать. Когда я отошел от них, то ко мне подошел Сергей Александрович Шереметьевский, консультант фирмы, известный присяжный поверенный, и сказал: «Адрес ваш превосходно написан, он был лучшим из всех прочитанных».

Когда церемония поднесения адресов была закончена, начался обед, приготовленный московским рестораном «Эрмитаж», сервированный наполеоновским сервизом, с чудными закусками, кушаньями, винами, конфектами и фруктами. Попеременно играли два оркестра, струнный Рябова и военный под управлением Маркварта. Не знаю, получили ли все, но я получил золотой жетон на память об этом юбилее. Экстренные поезда, привезшие гостей в Егорьевск, и отвезли их обратно в Москву.

Мне пришлось ехать в вагоне с Иваном Кондратьевичем Поляковым, о котором я уже писал в своих воспоминаниях; этот почтенный, всеми уважаемый купец, отличный знаток фабричного дела, под впечатлением осмотра фабрик, торжества сидел задумавшись, потом, нужно думать, желая поделиться мыслями своими, сказал: «Эх, пороть некому!.. выстроили бани, строили бы еще фабрику... было бы складнее!» За несколько лет до юбилея наследницы Хлудова выстроили роскошные бани, обошедшиеся им около 2 миллионов рублей.

Вскоре после юбилейного обеда на фабрике я получил от Д.Р. Вострякова приглашение на обед по случаю бывшего бракосочетания его сына.

Востряковы жили в своем особняке на Большой Дмитровке[4]. Дом был большой, трехэтажный, расположенный на дворе, роскошно обставленный ценными художественными вещами; как бросалось в глаза, на это денег не жалели.

Был встречен хозяйкой Клавдией Герасимовной очень любезно, предложившей мне показать ее парадные комнаты, я радостно на это согласился, так как был любитель красивых и изящных вещей, они меня всегда привлекали. Но востряковская роскошь меня не увлекла: в ней

действительно много было вложено денег, но не души хозяев, с их переживаниями, заботами и воспоминаниями, разве только один портрет Клавдии Герасимовны, висевший в кабинете хозяина, написанный каким-то известным художником в год выхода ее замуж, когда она блистала молодостью и красотой. Художник много вложил в ее портрет своей души, можно было догадаться, что он во время писания был ею увлечен. Я на портрет долго любовался, не хотелось уходить от него, вспоминая свои чувства и переживания, когда ее я первый раз видел лет пятнадцать тому назад, она на меня тогда произвела чарующее впечатление. Невольно я посмотрел на стоящий со мной рядом оригинал, и правда, мне стало жаль его: куда только девалась ее, Клавдии Герасимовны, красота? Теперь она походила на ожиревшую бабу-торговку, каких можно было видеть на рынках, сидящих на корчагах со щами с целью удержать теплоту в них.

Будуар и спальня Клавдии Герасимовны были обставлены замечательными статуэтками, группами их, канделябрами, сделанными из фарфора, представляющими большую ценность, как Vieux Sax[5]. Она мне жаловалась, что эти вещи отнимают у нее много времени из-за ухода за ними, так как не может поручить чистку их прислуге вследствие их большой хрупкости из-за тонкости работы.

После роскошного обеда я уже хотел уезжать домой, ко мне подошел мой товарищ по работе в Московском Торгово-промышленном товариществе Роман Васильевич Живаго, доводившийся племянником Вострякову, и сказал: «Погодите уезжать, сейчас начнется концерт венгерского хора». И действительно, двери залы распахнулись, и начали впархивать венгерки в коротеньких платьицах, с навешанными на них драгоценностями на шеях, ушах и пальцах. Вскоре под аккомпанемент рояли раздалось хоровое пение и началась пляска веселой «венгерки» перед гостями, восседавшими на стульях.

В то время в моей голове не умещалось, что в семейном доме, где много было молодых людей, барышень, возможно такое легкомысленное пение с танцами; я считал, что это допустимо только в закрытых кабинетах ресторанов и в кафешантанах, и я в душе осудил легкомысленных хозяев, портящих молодежь этими развлечениями.

Покидал Востряковых с одним из своих знакомых и высказал ему свое впечатление от этого удовольствия, он в свою очередь рассказал мне слышанный им разговор двух сестер, уже почтенных дам: «Смотри,

Саша, вот идет в красном платье венгерка — любовница моего Роди! А направо от нее — твоего Жоржа! Правда, они очень милы? Можно ли не простить их увлечения!»

Рассказывая об этом случае, я вспомнил разговор мой с почтенным купцом Яковом Куприяновичем Зиминым, бывший лет за десять до обеда у Востряковых. Я.К. Зимин, красивый старик с седыми волосами, с довольно большой бородой, с черными глазами, большим носом, был могучего сложения человек; он, как-то зайдя в контору, сказал: «Ну, времена! Вчера был в саду «Эрмитаж» Лентовского[6], пошел выпить чаю; пробираясь между столиками, увидал сидящего моего племяшу с несколькими кокотками, приветствовавшего меня поклоном с поднятием шляпы. И я был молодым, нужно сознаться, позволял себе изредка покучивать, но делал это в укромных местах, чтобы никто меня не мог бы видеть. Сознавал, что делаю дурно, и у меня был стыд и совесть, а этот — сидит без всякого стыда на виду всей публики с кокотками — да еще раскланивается с дядей!» За эти прошедшие года купечество шагнуло сильно в понятии морали, которая с каждым годом падала все ниже и ниже.

Лет через 10 или 12 после обеда у Востряковых был костюмированный вечер у известного оптовика суконных товаров М—а, в его доме на Новой Басманной, некогда принадлежавшем В.А. Хлудову[7]. После ужина часть более солидных гостей разъехалась, оставшиеся гости, разгоряченные вином и весельем, были свидетелями пляски хозяйки дома, отличавшейся грацией и красотой. Она танцевала голая на обеденном столе, имея только шелковые туфельки, доведя зрителей до невозможного возбуждения от ее прелестей.

Передававший мне об этом развлечении рассказал, что муж был в восхищении от успехов красоты тела его супруги, говорил: «Пусть любуются, красота есть достояние эстетов!»

Через несколько лет после этого случая в Москве была богатая свадьба, миллионер С.И.Щ. выдавал замуж свою дочку. Невеста во время венчания была одета во всем красном, начиная от башмачков, кончая вуалью, с букетом красных цветов в руках, вместо принятого белого с цветами флердоранжа, как эмблемы чистоты и невинности. Белый цвет принят невестами при венчании всеми цивилизациями христианских народностей. На свадебном обеде этой малокультурной оригиналки было много произнесено тостов, но тост молодой поверг многих в смущение:

она провозгласила: «Vive la cocoterie!» («Да здравствуют кокотки!») [8].

Заканчивая главу воспоминаний о Хлудовых, не могу не упомянуть о кончине Клавдии Герасимовны Востряковой. К.Г. Вострякова, прожигая свою жизнь, быстро старела и дурнела, вполне понимая, что она через несколько лет сделается развалиной и своим видом не сможет прельстить даже очень невзыскательного Дон-Жуана, решилась сделать операцию, дающую возможность с виду остаться без перемены в лице, а замереть телом в стадии момента операции.

Операция была произведена известным специалистом, аббатом в городе Неаполе, но неудачно, она скончалась. Прибывший в Неаполь ее муж Д.Р. Востряков имел объяснение с аббатом о произведенной им такой серьезной операции, могущей вызвать смерть. Аббат показал бумагу, написанную рукою Клавдии Герасимовны, где она ставит в известность мужа и детей, что решилась на операцию без всякого принуждения со стороны кого-либо, а потому если она не удастся и кончится смертью, то просит никого в этом не винить[9].

ГЛАВА 34

Мои воспоминания о семье Хлудовых сильно отдалили события по годам от моей деятельности в Московском Торгово-промышленном товариществе; приходится вернуться вспять к 1889 году.

В 1888 году начавшаяся стройка Среднеазиатской железной дороги потребовала от государства много денег. В Министерстве финансов возник вопрос об извлечении доходов с новоприобретенного края, и оно пришло к выводу, что удобнейшее извлечение доходов будет с непосредственного обложения земель, засеваемых хлопком, как злаком, дающим наибольший доход земледельцу против других. А чтобы облегчить способ взимания налога, не обременяя государства, для этого новым штатом чиновников было вменить сбор налога в обязанность местным властям.

Рассмотрение и разработка этого вопроса были возложены на особую комиссию при Министерстве финансов. Комиссия, в свою очередь, снеслась с управлением генерал-губернатора в Ташкенте, с просьбой дать ей некоторые указания по этому поводу. Понятно, таковой запрос о предполагаемом обложении земель не мог остаться в секрете, и слух быстро распространился в Ташкенте между жителями, связанными с посевами хлопка, и, несомненно, вызвал у них сильное волнение, так как они отлично понимали, что таковой мерой можно повредить дальнейшему развитию хлопководства в Средней Азии на долгие времена.

Обеспокоенные хлопководы немедленно образовали общество хлопководов, в котором детально разобрали предполагаемый новый налог и способы его взимания, решили всеми способами бороться против него, начав с указания Министерству финансов, что этот способ обложения земель, засеянных хлопком, благодаря косности местного начальства и туземцев, создаст сильные злоупотребления по обмеру земли, засеянной хлопком, а поручение взимания налога местным туземным властям, которые, несомненно, начнут извлекать выгоду в свою пользу, внесет еще большую дезорганизацию в хлопковые посевы. Отчего можно ожидать в дальнейшем массу судебных дел и других неприятностей, что за-

ставит многих из туземцев прекратить посевы хлопка, и дело, начавшееся так успешно развиваться, будет в корне испорчено на продолжительное время.

Общество хлопководов для переговоров с Министерством финансов по этому поводу избрало трех представителей: оренбургского городского голову Назарова (имя-отчество забыл)[1], директора Большой Ярославской мануфактуры Николая Васильевича Игумнова и меня, как директора Московского Торгово-промышленного товарищества.

Получив уведомление о нашем избрании, мы собрались для обсуждения, каким способом лучше всего провести в исполнение постановление хлопководов. Во время этих обсуждений выяснилось, что известный профессор Дмитрий Иванович Менделеев состоит в той комиссии при Министерстве финансов, которой поручена разработка налога, и Д.И. Менделеев пользуется там большим влиянием[2]. Поэтому и решили поехать в Санкт-Петербург повидать профессора и постараться убедить его в нецелесообразности такового обложения земель налогом, да еще с привлечением туземных властей к сбору его.

В Петербурге мы подъехали к большому многоэтажному дому, с большим количеством квартир, приспособленных для обывателей среднего достатка, улицу же, где находился этот дом, я теперь уже забыл. Поднявшись на второй этаж, позвонили, и нам отворила прислуга и впустила в маленькую переднюю, куда скоро и вышел профессор. Когда мы отрекомендовались ему и объяснили цель нашего посещения, он попросил нас войти в комнату, рядом с передней. Эта комната, как видно, была не его, а кого-нибудь из его семьи, так как в ней не было книг, приборов, диаграмм и других предметов, обыкновенно наполняющих комнату ученых. Д.И. Менделеев был среднего роста, довольно полный, с хорошей шевелюрой, подходящей Карлу Марксу, с бородой и с добрыми глазами, но остальное все исчезло в моей памяти.

Назаров от имени всех нас рассказал весьма обстоятельно о положении дел с хлопком в Средней Азии и об ожидаемых последствиях от предполагаемого налога на земли, засеянные хлопком.

Д.И. Менделеев слушал очень внимательно, и по его лицу было заметно, что он сочувствует нашей просьбе, и после нескольких вопросов, заданных нам, он сказал: «Все, что от меня зависит, я постараюсь сделать».

Говорил и держался с нами весьма просто, подшучивал, от души смеялся, как будто с людьми, совершенно ему равными, и даже вышел провожать нас на лестницу.

На другой день, к нашему благополучию, оказался приемный день у министра финансов Вышнеградского, куда мы и поехали довольно рано. Принял нас почтенный чиновник с двумя звездами, записал наши фамилии, причину желания видеть министра и попросил подождать в приемной. Прием министра начался с лиц, занимающих высокое положение в чиновном мире. После приема их генерал подошел к нам и сказал: «Министр примет вас, говорите кратко, так как он не может уделить вам время более десяти минут».

Вошли в кабинет. Вышнеградский стоял впереди своего письменного стола, опершись задом на него, он быстро своими умными и проницательными глазами осмотрел нас и, сделав несколько шагов навстречу нам, предложил сесть на стулья, стоящие полукругом посередине его большого кабинета, и сел сам.

Назаров крайне толково, сжато изложил причину нашего посещения, со всеми доводами, что ожидает хлопководов, если обложение земель, засеянных хлопком, состоится в том же виде, как предполагает это сделать правительство. Министр его внимательно слушал, после окончания речи Назарова он начал задавать разные вопросы, из которых можно было понять, что министр детально знаком с хлопковыми посевами, которые так недавно стали производиться из американских семян, а литература по хлопководству в то время совершенно отсутствовала на русском языке. Было видно, что ходатайство общества хлопководов ему не было по душе, он все время стремился сбить нас с занятой нами позиции, но мы все настойчиво держались принятого нами решения и убеждали его, что способ такового обложения послужит к сокращению посевов хлопка, а таковые сокращения будут в ущерб интересам государства, принужденного выписывать американский хлопок, оплачивая его золотом.

Заканчивая разговор, министр сказал: «Государство, затрачивая громадные средства в Среднюю Азию для процветания ее, несомненно, должно извлекать оттуда же доходы — иначе как же может быть?» Я ему ответил: «Ваше высокопревосходительство! Если обойтись без налога нельзя, то было бы более желательно брать его не с земли, а с очищенного хлопка, доставляемого на станции железных дорог для отправки в

Россию, и сбор этого налога предоставить железным дорогам, в прибавление к цене за провоз».

У всех нас составилось мнение, что инициатива обложения хлопковых земель таким способом принадлежала самому министру и ему не хотелось от нее отступать. Разговор с нами затянулся. Вышнеградский, как было заметно, решился выяснить окончательно этот вопрос с лицами, наиболее компетентными по тому времени. Прощаясь с нами, он сказал: «Дело будет передано комиссии, которая рассмотрит его окончательно, и ее заключение будет принято во внимание».

Выйдя из кабинета, мы посмотрели на часы и увидали, что вместо назначенных нам десяти минут мы пробыли более часу, на горе лиц, ожидающих своей очереди и с любопытством осматривавших нас во время прохода по приемной.

К благополучию развития хлопководства в Средней Азии никаких налогов на русский хлопок не последовало.

Назаров у меня оставил очень приятное впечатление, он был высокого роста, худой, с выразительными черными глазами, с очень развитым выпуклым лбом, и можно было думать, что он обладал сильной волей. Лет ему было 45—48. Назаров говорил очень сжато, кратко, между тем очень выразительно и, несомненно, влиял на слушателей. Предполагаю, что кроме личных его дарований имели влияние еще его частые сношения с правительством как городского головы Оренбурга и владельца концессий по разработке соли близ Илецка.

Несколько лет спустя Назаров меня навестил по какому-то делу, после чего я больше его не видал.

ГЛАВА 35

В начале ноября 1891 года мне пришлось поехать в Среднюю Азию с целью организовать скупку хлопка от Московского Торгово-промышленного товарищества, так как с уходом Н.И. Решетникова из Среднеазиатского товарищества вся скупка хлопка в многочисленных отделениях Товарищества осталась без надлежащего надзора и каждый доверенный отделения делал, что ему хотелось, а главное, не забывал набивать свои карманы деньгами Товарищества.

В отделениях была полная разруха, и требовалась крепкая и твердая рука опытного и честного человека, которого и нужно было подыскать среди служащих Среднеазиатского товарищества.

Я понимал всю серьезность и сложность порученного мне дела и должен сказать, что поездка меня сильно угнетала, я в день отъезда чувствовал себя до чрезвычайности скверно, хотя Азия меня интересовала и я мечтал поехать туда.

Третий звонок, свисток, последние приветствия провожающих, и я сел в угол вагона в подавленном и угнетенном духе и очень боялся, что такое скверное состояние мне придется испытывать во все время путешествия, но, когда отъехали только 60 верст и подъезжали к Раменскому, такое дурное настроение меня оставило и больше никогда не повторялось.

Мои компаньоны по путешествию были Владимир Арсентьевич Капустин, поехавший посмотреть Азию, и Иван Иванович Аигин, едущий на службу в качестве бухгалтера кокандского отделения. Чтобы попасть в Баку, у нас было две дороги: одна — через Петровск[1], Баку в Узун-Аду[2], пришлось бы ехать по Каспийскому морю трое суток, и другая — через Владикавказ, по Военно-Грузинской дороге в Баку и оттуда 18-часовая поездка по Каспийскому морю в Узун-Аду.

Мы избрали второй путь, чтобы сократить поездку по бурливому Каспийскому морю, хотя Военно-Грузинская дорога в эти месяцы была весьма опасна из-за снежных обвалов. Мы проехали Военно-Грузинскую дорогу без приключений, но, прибыв в Тифлис, узнали, что ехавшие

за нами какие-то господа были уничтожены снежным обвалом с лошадьми и экипажем.

По Каспийскому морю проехали тоже чрезвычайно удачно, нас ни разу не качнуло, море было тихо и спокойно, что бывает весьма редко в этом месяце года.

Порт в Узун-Аде был отличный, но местечко при порте было обиженное Богом, от него тянулись более чем на 300 верст пески, переносимые ветром, ни одного деревца или кустика, не считая особого рода растения под названием саксаул, растущего в песках, но сильно вырубаемого жителями оазисов на топливо, наконец правительство обратило внимание на его вырубку и запретило небрежно и без системы вырубать его, как растение, удерживающее пески от переноса на земли оазисов.

Все деревянные дома в Узун-Аде были выстроены на сваях из-за передвижения песка с места на место. Мы могли наблюдать, что, когда входили в дверь дома, попадали внутрь прямо с песка, а просидев там несколько часов, приходилось спускаться по подставной лестнице, так как в это время ветер выдул песок в этом месте.

В Узун-Аде пресной воды не было, ее привозили по железной дороге на платформах в больших чанах. От большой жары и пыли несознательные рабочие, когда знали, что присмотра в это время не имеется, в чанах купались и обмывались, а потом им самим приходилось пить эту воду. Продукты питания тоже привозились все с Кавказа на пароходах и быстро портились от неимения холодильников.

Между тем сравнительно недалеко от залива Узун-Ада имелся чудный порт с городом Красноводск, а потому приходилось удивляться, что строитель железной дороги генерал Анненков мог избрать конечным путем железной дороги порт Узун-Ада и как люди могли жить в нем.

У местных оазисных жителей туркмен сложилась легенда о создании этого края: Господь, творя небо и землю, переутомился и пожелал отдохнуть, позвал ангела и сказал: «Я отдохну, а ты продолжай мое дело». Когда Господь отдохнул, то он ужаснулся от создания Закаспийского края с песками и разбросанными в них кое-где оазисами с плодороднейшими землями.

В Баку в конторе пароходного общества «Кавказ и Меркурий» уверили нас, что мы по приезде в Узун-Аду в этот же день попадем на поезд железной дороги, корреспондирующий между Узун-Адой и Самар-

кандом и приспособленный для перевозки служащих, рабочих и разных грузов, требующихся для постройки.

Какое же было наше огорчение, когда, приехав в Узун-Аду, узнали, что поезд ушел вчера вечером и придет обратно в Узун-Аду только через трое суток. Выругавши про себя бакинское агентство общества «Кавказ и Меркурий» за его неосведомленность, помирились с участью, нас ожидавшей: спать на полу станции без всяких удобств и питаться тем, что дадут в железнодорожном буфете, содержимом каким-то грязным армянином.

Спросили в буфете: «Что у вас есть свежее?» Армянин отвечал: «У нас все свежее, а сегодня готовили котлеты и филе с соусом мадера». Остановились на последнем блюде. Подали в довольно грязном мельхиоровом сотейнике, моющемся, нужно думать, небрежно из-за недостатка горячей воды и рабочих рук. В сотейнике лежало мясо, с верхом покрытое так называемым соусом мадера, от которого шел запах разных кухонных трав и приправ всех терминологий, но запах от испорченного мяса покрывал все запахи острых специй соуса. Мы не решились есть, пришлось довольствоваться чаем и теми запасами, что взяли с собой на всю дорогу, не рассчитывая на эту случайную остановку.

Спали на полу станции, постелив шубы с мехом из длинных волосатых овчин; по уверению опытных людей еще в Москве, такие меха предохраняют от укусов тарантул и скорпионов, изобилующих в Азии, не выносящих запаха овчин и удаляющихся от них подальше.

Пребывание в Узун-Аде в течение трех суток было крайне тяжело и неприятно, если бы не знакомство с некоторыми интересными личностями, особенно с одним из железнодорожных служащих, бывшим ранее офицером, совершившим поход при завоевании Закаспийского края. Благодаря его рассказам о жизни в Средней Азии и о всех переживаниях похода и его трудностях, время прошло как-то незаметно.

Из Узун-Ады мы поехали вместе с ним; он возвращался на постоянное свое место жительства в Самарканд, и эта скучная, пыльная, без радостных ландшафтов дорога прошла довольно приятно.

Он знал и помнил М.А. Хлудова, о котором я уже писал, и известного богатыря Громова, занимавшего должность артельщика от интендантства; Громов за свою удаль и необычайную храбрость получил в этом походе Георгиевский крест, не будучи военным, за оказанные им какие-то громадные услуги, спасшие отряд войск[3].

Проезжая мимо разрушенной крепости Геок-Тепе[4], бывший офицер рассказал интересный случай: отряд русских войск в количестве 2000 человек подходил к крепости, измученный трудностью похода в песках, жарой и недостатком воды. Около крепости было сосредоточено до 60 тысяч человек храбрых туркмен, великолепных лихих наездников. Про туркмен рассказывали, что они своей храбростью и своим свирепым видом наводили панику на пограничных с ними соседей, как, например, на хивинцев: так, один туркмен — бывали случаи — забирал 100 человек и отводил в плен. Офицер приписывал чуду, что туркмены, будучи в таком количестве, не бросились на отряд русских и не уничтожили его, а поспешили укрыться в крепости Геок-Тепе, что их и погубило.

Русские повели подкоп под стены крепости, чтобы взорвать их. Один из русских дезертиров, татарин, старался объяснить туркменам значение подкопа, но его туркмены объяснили по-своему, предполагая, что будет проделана дыра в крепость и русские войска поодиночке будут проходить в крепость, а им легко будет каждого поодиночке уничтожить, не подвергая себя опасности. По взятии крепости пленные туркмены рассказывали об этом.

Этот бывший офицер кроме своих рассказов был нам полезен еще тем, что давал разные практические советы: так, указывал те станции, где можно получить борщ, изготовляемый предприимчивыми хохлушками, женами железнодорожных сторожей, куда при остановке поезда нужно было стремительно бежать, чтобы вовремя успеть получить тарелку супу, расхватываемого моментально проголодавшейся публикой; в то время еще станции только строились, а потому буфетов не было.

Недалеко от Мерва из-за лишних трех дней остановки в Узун-Аде и чрезвычайно медленного хода поезда с продолжительными остановками взятые мною запасы провизии кончились, и мы все проголодались.

Смотрю, В.А. Капустин, коварно улыбаясь, глядит на меня, взял свою сумку и достал из нее два сдобных хлеба и сухой сыр, оставленные мною в Тифлисе в гостинице. Сдобный хлеб я купил в дорогу как лакомство, он прельстил меня в булочной своим вкусным видом, но когда я принес его в гостиницу и попробовал, то хлеб оказался чрезвычайно плохим, кислым, ноздреватым и без малейшей сдобы, только сверху был хорошо смазан яйцами и в тесто положен был шафран, придававший ему сдобный и вкусный вид; сыр же, взятый из Москвы, весь высохший, я заменил новым, купленным в Тифлисе, а потому и решил

оставить этот хлеб и сыр в гостинице, чтобы не отягощать свой багаж лишним весом, о чем и сказал Владимиру Арсеньевичу.

Предусмотрительный Владимир Арсеньевич, не сказавши мне ни слова, взял хлеб с сыром и положил в свою сумку и теперь, вытащив их, доставил всем нам большое удовольствие, все было съедено моментально, и хлеб с сыром всем понравились.

В Мерве мы распрощались с Аигиным, поехавшим в Коканд к месту своей службы, и с бывшим офицером, отправившимся в Самарканд.

Пробыв несколько дней в Мерве, поехали в Чарджуй, расположенный на Амударье.

Чарджуй был уже в Бухарском ханстве[5] под управлением бека, доводящегося эмиру бухарскому не то дядей, не то братом.

К этому беку мне пришлось сделать визит, так как в этом бекстве находилась земля, подаренная Н.П. Кудрину эмиром. Захватил с собой подарок беку, состоящий из двух парчовых халатов.

Бек жил в своем дворце типа общих азиатских построек, но только больших размеров. Меня ввели в комнату, обставленную плохой мебелью московско-сухаревского изделия[6]. Расположились все вокруг стола, на котором немедленно появился дастархан: на медном подносе в середине его лежали лепешки, а кругом их миндаль, фисташки, еще какие-то орехи и конфекты, сделанные на бараньем сале, видом своим напоминали конфетти, употребляемые французами во время карнавалов для бросания друг в друга.

Лица бека и его приближенных и разговоры с ними я совершенно забыл, они у меня никакого впечатления не оставили. При отъезде бек надел на мои плечи парчовый халат и, кроме того, вручил еще несколько халатов в руки, по принятому азиатскому обычаю.

На другой день отправились осматривать бывшую хлопковую плантацию, находящуюся в 40 верстах от города. Поехали рано утром. Как только выехали из города, внезапно были окружены хорошо вооруженными всадниками, с громадными папахами на головах, придающими лицам их особую свирепость. Правда, эта неожиданность нас смутила. Что бы это могло значить? Остановили лошадей и спросили: «Зачем вы едете с нами?» Один из всадников, нужно думать, старший, подъехал к нам близко и в витиеватой форме речи, как полагается по азиатскому этикету, ответил: «Губернатор Чарджуйского бекства, зная о вашем отъезде, поручил нам вас сопровождать и охранять, так как место, куда вы

едете, глухое, где водятся тигры, кабаны и, быть может, дурные люди. Упаси Аллах, если с вами что-нибудь случится, то бек будет огорчен на всю жизнь», — и наговорил еще много в том же духе. Мы попросили его: если они не могут не исполнить приказания бека, то, по крайней мере, пусть едут немного в отдалении от нас, чтобы пыль, производимая лошадьми, не обдавала бы нас. Он приложил свою руку ко лбу и сердцу, отъехал, и, как мы его просили, группа всадников ехала позади нас туда и обратно.

Мы ехали в двух экипажах: в одном сидел я с Любарским, доверенным чарджуйской конторы, и в другом В.А. Капустин с поваром и малайкой, взятыми для изготовления нам обеда.

Любарский был выше среднего роста, довольно полный, красивый мужчина, с семитическими чертами лица. Он был образованным и развитым человеком, выдавал себя за поляка и объяснял причину выбора места службы в Чарджуе болезнью грудной жабой, уверяя, что климат Чарджуя ему очень полезен. Он был женат. Жена его была красивая, молодая и образованная женщина, заметно сильно любившая мужа. Она ради здоровья мужа — с кротким сознанием необходимости — переносила жизнь в этом азиатском городе, с полным лишением всех благ цивилизации. Провести с ними несколько суток после утомительного путешествия с пылью, грязью, по жаре было приятным удовольствием.

Потом уже в Ташкенте мне пришлось узнать, что причиной пребывания Любарского в Чарджуе была не его болезнь, а роман. Его жена, будучи барышней, дочерью какого-то очень важного жандарма, влюбилась в Любарского, решила бежать с ним, зная, что не получит согласия на брак от отца. Выбрали город Чарджуй, находящийся во владении эмира бухарского, где не было жандармов, а потому отец не мог получить сведения о пребывании его дочери там.

На бывшей плантации был деревянный дом, выстроенный агрономами для своего житья. Дом состоял из нескольких довольно поместительных комнат, чисто и хорошо содержавшихся, где в данное время жил приказчик для охраны оставшегося имущества Товарищества.

Приказчик объяснил причину своей жизни здесь любовью к охоте, что, по всей вероятности, и было так (если только не был он из беглых преступников, могущих скрыться от полицейских только здесь). Место действительно изобиловало живностью: отойдя из дома только несколько шагов, уже из-под ног наших начали вылетать фазаны, с большим

довольно шумом. Будь бы мы охотники, настрелять могли большое количество этой вкусной птицы: так много ее было там.

Приказчик подтвердил, что здесь в изобилии водятся хищники, и только еще вчера он, проезжая верхом на лошади, услыхал страшный треск от ломки камыша, он с трудом мог удержать лошадь, напуганную шумом, и он, как рассказывал, приготовился к смерти, переживая тяжелые минуты, считал себя погибшим от того, что так легко могут ломать толстый камыш только сильные звери. И действительно, в недалеком расстоянии от него пронеслось стадо кабанов, нужно думать, напуганных другим, более сильным хищником, чем кабаны.

Вся тысяча десятин земли, подаренная эмиром Среднеазиатскому товариществу, за исключением обработанных под хлопок, была покрыта высоким толстым камышом, покрывающим с верхом едущего на лошади.

Осмотрев размытую плотину, с грустью посмотрел на обработанные десятины земли под хлопок, от которых ожидали таких хороших результатов; надышавшись чудным воздухом почти необитаемого места, вернулись к дому достаточно проголодавшиеся и утомленные.

К приходу нашему уже был готов обед. В большой комнате был накрыт стол чистой белой скатертью, обставленный хорошим столовым сервизом, с салфетками, как будто мы были в гостях в Москве или в каком-нибудь другом культурном месте. Посередине длинного стола стояли бутылки с вином от известного садовода Филатова, разные закуски, начиная от икры и кончая сыром, и на больших блюдах лежали кисти винограда и чарджуйские дыни. Обед состоял из супа, плова и жареных фазанов, и все было вкусно приготовлено.

После обеда мы еще долго сидели за столом, попивая вино, делясь впечатлениями от Азии и ее обывателей. Было уже поздно, нужно было идти спать, вышли из дома подышать немного чистым воздухом.

Перед глазами нашими открылась интересная картина, достойная кисти Верещагина или Каразина: в шагах ста от дома вокруг большого костра разместились на корточках джигиты бека, кучера, повар и малайка. Все они своими костюмами, папахами, тюбетейками представляли интересное зрелище, с распеванием унылых песен с мотивами, напоминающими оперу «Садко»[7]. Вокруг всей стоянки стоял сплошной вой шакалов, окружавших ее плотным кольцом.

ГЛАВА 36

На станции Новая Бухара[1] встречен был доверенным Товарищества Халитом Сабитовичем Бурнашевым, произведшим на меня приятное впечатление своей манерой говорить, спокойно-уравновешенными движениями, ясными и добрыми глазами; он всем этим очень походил на нашего приказчика Кашаева.

Мы сели на тройку лошадей, чтобы попасть в Старую Бухару[2], находящуюся в десяти верстах от железнодорожной станции. Как мне пришлось слышать, генерал Анненков хотел вести железную дорогу через Старую Бухару, но эмир воспротивился этому, пришлось сделать по его желанию.

Старая Бухара был город больших размеров, раскинутый на большой площади земли. Застроен был одноэтажными глинобитными домами с плоскими крышами, причем ни одного окна не выходило на улицу; они выходили вовнутрь двора. Однообразная постройка вызывала уныние и скуку: ничего не было радостного для взора. Вперемежку с домами были пустыри, хорошо обработанные, по границам владения обсаженные тутовыми деревьями и пирамидальными тополями, около которых были арыки с водой. Эти земли засевали хлопком, джугарой[3] и другими злаками. Урожай был собран, и только у некоторых хозяев еще не были вытащены стебли от хлопка и джугары, употребляемые ими на топливо. Ближе к центру обрабатываемых земель становилось все меньше, и наконец начались сплошные стены домов, с закрытыми воротами, у которых почти везде играли дети. Детей редко можно было видеть здоровых, почти у всех у них на лицах и других частях тела было много болячек. Девочки, завидя экипаж с сидящими мужчинами, даже трехлетние и четырехлетние, с заплетенными волосами в большое число косичек, поспешно бросали игру, убегали за калитку дома, откуда в щелку с большим любопытством смотрели на нас; мальчики же оставались на улице.

По мере приближения к центру движение по дороге все усиливалось арбами — удивительным экипажем, колеса которого имели диаметр чуть

не два аршина с лишком, запряженным в одну лошадь, с сидящим на спине ее хозяином; в арбе же помещались жены с детьми; между арб бежали маленькими шажками ослики, на спинах которых можно было видеть сидящего хозяина с женой и с ребенком; тянулись многочисленные караваны верблюдов, нагруженных двумя тюками по бокам, ведомые сидящими на ишаках проводниками, и между всем этим шли толпы народа, спеша на базар. В день нашего приезда как раз был базарный день.

От разнообразной пестроты костюмов и головных уборов рябило в глазах, только женщины своим однообразием наводили уныние: серого цвета халаты, надетые на голову, на лицах черного цвета чадра, спускавшаяся ниже колен.

Толпы людей с их гортанным разговором, криком, руганью, со смехом и пением дервишей, с криком верблюдов и ишаков, ржанье лошадей, скрип арб, звон колоколов, привешенных к шеям верблюдов, — все это создавало невероятный, оглушающий и поражающий шум.

Между домами, даже уже совсем в центре города, находились кладбища, и было видно, что некоторые гробницы, сделанные из сырцового кирпича, были разрушены. Мне вспомнился рассказ моего товарища по работе в Московском Торгово-промышленном товариществе Александра Арсеньевича Капустина, бывшего в Бухаре за год до меня. Он видел собаку, гложущую человеческую руку, несомненно, принесенную из обвалившейся еще свежей гробницы. Покойников в Бухаре в землю не зарывают, а кладут на землю, окружая труп кирпичной сводчатой гробницей. Как говорят, приходится это делать из-за грунтовой солончаковой воды, быстро наполняющей яму.

Въехали на базарную улицу, поразившую меня окончательно: широкая, покрытая сверху во всю свою ширину длинными жердями с лежащими на них камышовыми циновками для предохранения от солнечного припека; циновки кое-где разорвались и в этих местах пропускали пучки яркого солнца, яркими светлыми пятнами брызгающие на толпу и тем производя особые световые эффекты.

По бокам улицы тянулся ряд лавок, наполненных товаром. Лавки были неглубокие, без окон и дверей, передняя стенка отсутствовала, и лавки все были на виду; пол лавки возвышался над уровнем мостовой приблизительно на аршин, был устлан коврами и циновками; по стенам тянулись полки с разложенными товарами; на полу сидели хозяева,

поджавши ноги, обутые в ичеготы (сафьяновая азиатская обувь), и показывали товары, и в стороне от них стояли кожаные калоши, без которых они не выходили на улицу.

Пришлось остановиться у Бурнашева, так как в то время не было гостиниц и постоялых дворов. Приведя себя в порядок, позавтракав, тронулись навещать своих клиентов и, кстати, осматривали город с его достопримечательностями. Квартира Бурнашева не так уж близка была к базару, но и рядом с ней было большое движение из-за базарного дня. На базаре же — толкотня. Здесь можно было видеть все народности, заселяющие Среднюю Азию: туркменов, хивинцев, афганцев в своих широких высоких головных папахах, персов в узких мерлушечьих шапках, китайцев с косичками, калмыков, скуластых и толстых от их питания кумысом и бараньим салом; огнепоклонников-индусов с двумя черными пятнами на лбу, кокандцев, евреев в черных конфедератках[4] на головах и черных халатах, перевязанных веревкой (как сообщил Бурнашев, они одеты так по приказаниям бывших эмиров с целью сдержать заносчивость их и чтобы они помнили: всякий правоверный мусульманин имеет право повесить его на веревке, перепоясывающей его), и много других народностей, всех их не перечислить.

В толпе невольно обратили мое внимание прогуливающиеся красивые мальчики, набеленные и подрумяненные, разряженные в парчовые халаты, с большим количеством перстней на пальцах, в сопровождении старичков, смотревших на них с полуоткрытыми ртами страстными и влюбленными глазами. Бурнашев, ухмыляясь, сказал мне: «Бачи — жены старичков».

Бухарцы одеты в халаты преимущественно в ситцевые, изделия русских фабрикантов, между ними попадались парчовые, бархатные, шелковые и суконные, все в разных колерах и расцветках; с чалмами на головах тоже разных цветов — белых, красных, синих, желтых, и изредка попадались в зеленых, как эмблема того, что носивший был в Мекке и Медине, и к имени его прибавлялось «ходжа».

Посещение наших клиентов было заранее строго распределено: сначала посещали более именитых, делали это, чтобы не обидеть их амбицию посещением ранее клиента, который в общественном положении среди бухарского купечества считался рангом ниже, если бы мы допустили это, то тем могли испортить свои деловые отношения, из-за этого приходилось часто быть на улицах и базарах, на которых мы уже были,

но не зашли в первый раз к клиенту вследствие его недостаточной популярности.

Проходя по улицам, переулочкам и закоулочкам, подошли к высокой башне, наименование ее забыл[5]. Бурнашев, указывая на нее, сказал: «Жаль, что вы не приехали вчера, а то бы могли увидать, как с нее сбросили двух преступников, осужденных к такому наказанию эмиром». Причем добавил, таковая казнь, бывавшая раньше очень часто, теперь делается все реже и реже под влиянием протеста представителя России.

Я от души порадовался, что не попал на это зрелище; по всей вероятности, не утерпел бы и пошел, а оно могло бы надолго испортить мое душевное состояние. Бывая потом в Бухаре много раз, мне не приходилось уже слышать, чтобы казнили этим способом.

Торговые амбары большинства моих крупных клиентов помещались в караван-сараях, специально приспособленных для торговли однородными товарами. Караван-сараев было много, и в них торговали шелком, шерстью, мануфактурой, кожей, фруктами и т.д.

Караван-сарай был довольно большое здание, с широкими — восточной архитектуры — воротами, через них проходили на большой двор, наполненный бунтами товаров; кругом же двора шли амбары со стрельчатыми сводами внутри, без окон, свет в них был от одной двери. Полы амбара были устланы толстыми войлочными матами, и сверх их были постелены ковры и паласы.

Хозяин сидел на корточках у задней стены, противоположной двери, рядом с ним стоял сундук, обитый жестью, московского изделия, а у некоторых железный сундук старой конструкции, где они сохраняли деньги, документы и ценные товары.

Бухарские купцы того времени отличались радушием и гостеприимством, встречали нас любезно, усаживали рядом с собою, спрашивая о здоровье моем и моих сыновей, но спрашивать о женах и дочерях считалось верхом неприличия, о чем меня своевременно предупредил Бурнашев.

Как только усаживались, малайка подавал кальян, и сейчас же ставился поднос с дастарханом и зеленым чаем, напоминавшим ромашку, но, по уверению, весьма полезным для здоровья. При прощании обязательно приглашали в гости к себе в дом. Приходилось принимать такое приглашение, чтобы упрочить с ними свои хорошие отношения, то тогда они лично приезжали за мной на своих лошадях или извозчиках и

таким образом отвозили до дому в сопровождении верховых с зажженными фонарями для освещения пути.

Я был приглашен на обед богатым купцом евреем Аароном Пенхасовым, к которому поехал.

В большой комнате с лепной работой под мавританский стиль, с нишами в стенах, где стояли китайские вазы; устланной коврами, был накрыт большой круглый стол, уставленный закусками, виноградом, гранатами и чарджуйскими дынями.

Обед начался с чая с разными сладостями, потом подали какое-то вкусное сладкое, сделанное из молока, за ним был подан плов из баранины с вареной айвой и другими фруктами, изумительно вкусно приготовленный, а за ним подали фаршированную щуку, после чего жареную какую-то птицу, а в довершение — шурпу (суп); обед закончился фруктами, дыней и чаем со сладостями. Мне и моему компаньону Капустину были поданы тарелки, ножи, вилки и ложки, остальные гости, хозяева ели без этих атрибутов еды, подсовывая свои пальцы под рис в общем блюде, с ловкостью поддевали двумя пальцами рис, а третьим, большим пальцем сталкивали его в рот, не роняя ни единого зернышка.

Аарон Пенхасов был старик лет шестидесяти с чем-нибудь, высокого роста, стройный, хорошо сложенный, с большим широким развитым лбом и красивым с горбинкой носом, с длинной бородой; глаза у него были умные, ясные и проницательные. На обеде присутствовал его брат, Сион Пенхасов, весьма похожий на Аарона. Они мне напомнили библейских пророков, как я себе представлял их в своих мыслях. К концу обеда Аарон привел свою молоденькую дочку, очень красивую и кокетливую; она хорошо говорила по-русски, и заметно было, что присутствовать на обеде ей доставляло большое удовольствие, но жену свою Аарон не показал.

При нашем отъезде Аарон надел на меня и всех его гостей халаты, а мне, кроме того, подарил два халата и льняное покрывало, вышитое шелком, причем не преминул сказать: это покрывало в его роду более ста лет, сработанное руками, а не машиной, как делают в настоящее время.

Во время обеда Аарон Пенхасов рассказал, что у него около Бухары имеется очень хороший сад, наполненный фруктовыми деревьями, виноградом и другими растениями, очень сожалея, что я не приехал по-

раньше, и он меня обязательно туда бы свозил. Сад его лучший из всех садов, даже лучше, чем у эмира.

Года через два мне пришлось услыхать: эмир по настоянию своих жен пожелал приобрести у Аарона сад и предложил хорошие деньги за него, но Аарон продать за деньги отказался, а просил принять его в дар. Эмир к явившемуся к нему Аарону обратился со словами: «Чем я могу отплатить тебе за ценный твой подарок?» Аарон ответил: «Мне лично ничего не нужно, но для меня будет большой милостью, если ты отменишь приказ твоих предков, касающийся моих соотечественников, — носить на головах конфедератки и черный халат, перепоясанный веревкой». Эмир исполнил его просьбу и, кроме того, за сад заплатил его стоимость.

Описывать обеды у других бухарцев я не буду: они мало отличались от пенхасовского, только вместо фаршированной рыбы давали жареное мясо. У многих не давали ножей и вилок, но давали ложки, а у одного ели перстами, как они обучали нас, глядя, как они это делали и после опускания в рот с удовольствием облизывали свои пальцы для взятия новой порции из общего блюда.

Деловым своим успехом я был доволен. Приобретено много новых солидных купцов, с которыми я сошелся очень хорошо и даже сердечно, так, почтенный бухарец караванбаш Азизов после долгих с ним переговоров перешел всецело на мою сторону. Звание «караванбаш» приблизительно соответствует нашему «купеческому старшине». Азизов был интересная личность, пользовался большим влиянием у бухарского купечества.

Этим он отчасти напоминал хивинца Ибрагима Резакбердыева, но с большим развитием ума и с меньшими добрыми эмоциями сердца. Резакбердыев был похож скорее на святого, а Азизов напоминал французского министра Ришелье и, что удивительно, был по лицу схож с ним. Азизов был высокого роста, с большим лбом, умными и хитрыми глазами, с небольшой бородкой и поднятыми усами и обладал большим самолюбием. Мы сделались друзьями и остались таковыми до конца его жизни, наши отношения ни разу не были помрачены.

Года через два после моего первого приезда в Бухару Азизов приехал в Москву и привез мне в подарок каракуль дымчатого цвета, какого я в продолжение своей жизни ни разу не видал, с особенным блеском и завитком, еще халат на каракулевом меху и ковер. Азизов был скупой человек, и его подарки указывают, что он ценил мои деловые отношения к нему.

Еще познакомился с Убайдуллой Касым-Ходжаевым, с виду молодым человеком лет 17—18. Убайдулла был небольшого роста, с плохой растительностью на лице, худенький, с умными глазами и с большой энергией. Несмотря на его молодость, он внушил к себе доверие. Я открыл ему хороший кредит, и впоследствии оказалось, что я в нем не ошибся: он нажил большие средства. Его сын, Файзулла Касым-Ходжаев, в данное время (1936 год) состоит наркомом в нынешнем правительстве от Бухары[6].

Как-то, будучи в каракулевом караван-сарае у своих знакомых купцов, я осматривал с ними это интересное место, где сосредоточена вся торговля каракулем.

Шкурка-каракуль получила свое наименование от места, где их разводят. Местность Кара-Куль — единственное во всем мире, где разводятся овцы, имеющие шкурку, по красоте и прочности завитков незаменимую. Шкурки идут на дамские манто и шапки и расходятся по всему миру. Многие пробовали перевозить этих овец в другие места, но рождающиеся от них овцы не обладали шкурками того достоинства, какое было у родителей. Полагают, что это происходит от корма, растущего на особой солончаковой почве.

Пересекая двор караван-сарая, мы заметили какое-то странное волнение у ворот его, один из бухарцев с взволнованным лицом подбежал к Бурнашеву и ему что-то сказал. Бурнашев тоже смутился, быстро поправил халат, чалму на голове, усы и бороду и сказал мне: «Вас желают видеть министры куш-беги и диван-беги[7]». Я тоже немного смутился, думая про себя: для чего я мог бы понадобиться таким знатным персонам? В это время увидал входящих двух почтенных сартов[8], в дорогих халатах, в белых чалмах, в сопровождении толпы бухарцев, известных любителей всякой тамаши (зрелище, потеха, событие и развлечения).

Я поспешил к ним навстречу, снял шапку. Министры протянули мне руки и поздоровались, говоря что-то по-бухарски. Бурнашев перевел: «Его светлость эмир шлет свое поздравление с благополучным прибытием в Бухару с просьбой посетить его на даче, где он находится в данное время». Я поблагодарил за милостивое внимание Его светлости и в свою очередь просил передать Его светлости мое глубочайшее сожаление, что из-за недостатка времени и неимения с собой надлежащего костюма не могу осчастливить себя возможностью видеть Его светлость и представить-

ся ему, а потому прошу передать мою глубокую признательность и благодарность за его приглашение.

После целого ряда обмена любезностями с обеих сторон один из министров обратился к лицу из своей свиты, что-то державшему в своих руках, который поспешил развязать узел и достал оттуда парчовый халат, передал с поклоном министру, тот собственноручно надел халат на меня.

Я поблагодарил министра и просил передать мою глубокую благодарность эмиру. После еще нескольких любезностей министры удалились из караван-сарая, предварительно передав Бурнашеву в руки несколько дорогих халатов тоже для меня.

Наряженный министром в парчовый халат, похожий на нашу ризу, я хотел снять его после ухода министров, но Бурнашев запротестовал: «Нельзя снимать, эмир может обидеться, подумает, что вы недовольны подарком; да пусть увидят вас все наши клиенты и в какой вы милости у эмира!» Мне так и пришлось идти всю дорогу до квартиры в розовом халате, сопровождаемым толпой зевак и многими бухарцами, пришедшими поздравить меня с эмирской милостью.

Когда я посещал клиентов и осматривал город, мне бросилось в глаза: некоторые лавки, полные товаром, были перетянуты веревочкой с передней стороны, и в лавках никого не было из хозяев; мне объяснил Бурнашев, что это означает: хозяин ушел и скоро не вернется. Он же мне сказал, что до начала стройки железной дороги все лавки на всех базарах на ночь не запирались, а протягивались веревочки; хозяева, уходя на ночь домой, были вполне уверены, что их лавки никто не обокрадет, и он, живший в Бухаре долго, таковых обкрадываний не помнит, но строящаяся дорога привлекла много пришлого народа с Кавказа и из России, тогда начались покражи, и некоторыми купцами были устроены ставни с запорами. В мой первый приезд в Бухару еще у многих не было их.

На базарах были чайханы (чайные), выглядели они бедно, мало посещались народом, разве только покурить кальян и выпить зеленого чая; плов и пироги спрашивались только в дни мусульманских праздников, и то сравнительно редко.

В то время вся жизнь бухарцев была патриархальна и самобытна, цивилизация еще не успела коснуться жителей своими дурными сторонами. Дети были в большом повиновении у своих родителей, хотя уже

у них были свои взрослые дети. Соблюдение обрядностей, предписанных Кораном, исполнялось в точности со всеми омовениями, молитвами и постами.

Мне впервые пришлось видеть большой город с сохранившимися преданиями и обычаями глубокой старины, но ясно было видно, что они останутся недолго и их скоро больше не увидишь.

Мне пришлось быть в Бухаре через несколько лет после моего первого приезда туда, а потом еще несколько раз с более или менее продолжительными промежутками, и каждый раз замечал, что обычаи бухарцев сильно меняются и нравы их с каждым разом ухудшаются. Народ, несомненно, богател, торговля на базарах увеличивалась и расширялась, чайханы были переполнены народом, и количество их значительно увеличилось. В чайханах мало спрашивали чай, а больше пиво, плов, пироги и тому подобное, а в последний мой приезд в 1925 году уже преимущественно спрашивали коньяк и вино. На базарах много встречалось пьяных бухарцев, даже валяющихся на земле. Некоторые молодые и даже старики, не стесняясь народа, обнимали проституток, и другое тому подобное. Игорные дома имели в Бухаре большой успех, всегда были переполнены играющими. Зато город освещался электричеством и существовала гостиница, приспособленная из дома бывшего богатого еврея.

Пробыв в Бухаре семь суток, я был очень утомлен от ежедневной суеты и сутолоки, начинавшейся с 7 часов утра без перерыва до 4, когда я посещал своих клиентов, с которыми велись почти одни и те же разговоры об их товарах, ценах и условиях. Приедешь домой, а тебя ждут бухарские купцы, опять нужно отвечать на их деловые запросы, а в 6 часов вечера приезжали за мной хозяева, пригласившие на обед, где опять все времяпрепровождение вертелось вокруг деловых вопросов. Я в течение суток не имел часу свободного, чтобы сосредоточиться и подумать о всем виденном и пережитом. Я был рад уехать в Самарканд, где, как говорили, было хорошо жить и пить хорошую воду, чего нельзя было получить в Бухаре из-за опасения получения какой-нибудь заразной болезни, от которой было трудно излечиться (пендинка).

ГЛАВА 37

В Самарканде я предполагал пожить дней 5—6, чтобы отчасти отдохнуть от трудного путешествия еще по только строящейся железной дороге со всеми неурядицами, так свойственными в неустановившемся деле, не говоря, что и Бухара дала мне себя знать непрерывной работой без отдыха и сносных удобств, да еще впереди меня ожидал трудный длинный путь на лошадях на протяжении 3 тысяч верст.

Самарканд мне очень понравился, окруженный цепью гор, покрытых снегом; ясным бирюзовым небом, чистым прозрачным воздухом, утопающий в зелени в русской части города, с улицами, обсаженными красивыми карагачами и пирамидальными тополями. Около каждого домика были садики, преимущественно фруктовые; был конец ноября, а днем ходить в пальто было жарко. Винограду и фруктов было много, и цена им дешевая.

В городе пользовались превосходной прозрачной горной водой, которую можно было пить безбоязненно, не то что в Бухаре, где пили воду из арыков, в которых правоверные производили свои омовения, да и, несомненно, спускали в них нечистоты, заражая жителей, пьющих некипяченую воду, разными болезнями, о которых в России и понятия не имели. Особенно славились две болезни: одна называлась пендинкой, выражавшаяся тем, что на теле человека появлялась ранка, которая все увеличивалась, разрушая тело; ее залечивали, но через короткое время она появлялась вновь, но на другом месте тела. Жена Н.И. Решетникова заразилась этой болезнью, отправилась в Москву и обратилась к лучшим докторам по накожным болезням, но они ее вылечить не могли, и ей пришлось ехать обратно в Азию, где знахари ее излечили окончательно. Другая болезнь, наименование ее я забыл, выражалась в том, что в теле человека разрастается червяк очень длинных размеров[1], и если он проходит, например, около глаза, то больной теряет зрение. Обе эти болезни происходят от питья сырой воды, необмытых фруктов, в которых попадаются личинки червя, они-то проникают в тело человека и образуют вышеуказанные болезни.

Лечение от червяка в теле производится так: знахарь ощупывает место нахождения этого червя в теле больного, останавливается на месте, где червь лежит ближе к коже. Подрезывает ее и круглой палочкой поддевает червя, стараясь его закрутить на палочку, и крутит его до тех пор, пока тело червяка не сделается упругим и трудно поддается выкручиванию, тогда он бросает крутить; через некоторое время упругость тела червя ослабевает, знахарь начинает опять крутить, и делается это так до тех пор, пока весь червяк не выйдет из тела больного. Если же червяк во время крутки перервется, то образуются уже два червя, а следовательно, придется делать две операции.

Самарканд основан известным завоевателем Азии Тамерланом, выбравшим это место для своей резиденции. В нем он и скончался, погребен в особо устроенной мечети, куда приказал перенести тело своего учителя, весьма чтимого Тамерланом.

По преданию магометан, святой пророк Даниил скончался в Самарканде и погребен недалеко от города. Мулла, показывающий мне его гробницу, уверял, что она беспрерывно растет, причем рост ее незаметен для глаза, но в его памяти она уже прибавилась на некоторую величину, хотя очень маленькую. Гробница меня удивила своей длиной, сделана была из цельного камня.

Еще славился Самарканд своим вертепом, кажется, единственным во всей Азии, называемым бай-кабак. Почти все туристы, побывавшие в Самарканде, считают необходимым осмотреть это злачное место с его обитательницами, доставляемыми при пожелании чуть ли не с пятилетнего возраста.

Пробыть же мне в Самарканде пришлось меньше трех суток: со мной сделался жар, и температура тела показывала 39°. Я испугался, предполагая, что заразился тифом, лежал в постели и не мог поднять голову. В это время пришел навестить меня один из наших клиентов, сарт, увидав мое подавленное состояние, он успокоил меня, сказав: «У вас малярия, лучший способ излечить ее — выехать сейчас же отсюда, где вы ее заполучили».

Я последовал его совету и покинул Самарканд в 3 часа вечера на лошадях, высланных мне из нашего ташкентского отделения, с хорошим тарантасом, в котором свободно могли двое спать. С большим трудом дошел до тарантаса, одетый в валенки и теплую шубу, где улегся и крепко заснул.

Сколько верст проехали, я не помню, но сквозь сон слышу отчаянный крик кучера, открываю глаза, было уже совершенно темно, и вижу, что мой попутчик В.А. Капустин вскочил на козлы и совместно с кучером тянут вожжи, с большим усилием желают остановить мчавшуюся тройку. Лошади остановились, Капустин и я выпрыгиваем из тарантаса, и, к моему удивлению, чувствую себя совершенно здоровым.

Как оказалось, мы были в большой опасности: кучер, приехавший с тройкой из Ташкента, плохо знал дорогу, и на том месте, где он закричал, дорога круто свертывала влево, он от темноты этого не заметил и не повернул тройку на дорогу. Коренник был с норовом, он захватывал удила и мчался как бешеный; поскольку знали этот его порок, кругом его морды была натянута цепь, сдавливающая дыхание лошади при сильном натяжении вожжей, и благодаря этому мы не погибли. Кроме того, тройка сильных хороших лошадей простояла в Самарканде несколько суток без езды, была рада понести нас по хорошей дороге, и остановлена она была недалеко от пропасти. Возвращаясь обратно, я остановился на этом месте и увидал: как мы были близки к смерти! В этом месте дорога шла над пропастью в несколько десятков саженей высоты, загороженная тоненькими жердями.

Скоро мы подъехали к станции, недалеко находящейся от реки Зеравшан с ее многими разветвлениями. Решили переправиться через нее немедленно, но занимающиеся переправой наотрез отказались это сделать, говоря: «Хотите ночью переправляться — днем страшно! На днях течением опрокинуло арбу и все переправляющиеся потонули».

Пришлось остановиться на станции, где уже сидела большая компания проезжающих за самоваром, весело беседуя, не забывая прикладываться к бутылкам с вином и закусывая. Мы присоединились к ним, притащив свои запасы. Компания оказалась очень милая, и мы проболтали далеко за полночь, потом разместились на полу и крепко заснули.

Рано утром началась переправа. Саквояжи наши водворили на арбу, на них мы сели, к другой арбе прицепили тарантас, а к нему лошадей. Переправа прошла без приключений, хотя, признаться, было довольно жутко пересекать Зеравшан с его рукавами, с быстрым течением горной реки.

Перебравшись через реки, поехали в Коканд, заезжая в города и местечки, где производилась закупка хлопка Товариществом.

Ехали быстро на лошадях, менявшихся на новые в обусловленных пунктах, благодаря чему путешествие окончилось в течение трех меся-

цев; если же не иметь своих лошадей с подставами, то путешествие могло сильно затянуться.

В тех местах, где была дорога хороша, ехали и ночью. Ночная поездка была восхитительна: лежишь в тарантасе в теплой шубе, как в люльке, дышишь чудным воздухом и любуешься на небесную панораму с бесконечным количеством звезд, как-то особенно ярко выделяющихся на фоне черного глубокого восточного неба. Невольно приходят мысли о вечности бытия. Кругом тишина, иногда прерываемая воем шакалов.

Я чувствовал себя с каждым днем здоровее и бодрее, езда на лошадях, отличный воздух, несомненно, способствовали этому.

Описывать посещение городов и местечек, где я останавливался, я не буду: все они более или менее однообразны, и после самобытной Бухары меня мало что еще удивляло.

ГЛАВА 38

Город Коканд находится в богатейшей области Средней Азии — Фергане, отличающейся по изобилию хорошо обработанных земель, теплому климату, доходящему летом до 60° по R, вследствие чего получается длинный вегетационный период, необходимый для хорошего созревания хлопка; отличается неимением летом дождевых осадков, портящих качество хлопка; изобилием воды в горных реках, с распределением ее по арыкам, которой хватает для поливки засеянных злаков. Все эти благоприятные стороны Ферганы сделали Коканд, находящийся почти в центре Ферганской области, одним из главных торговых городов в Азии.

Крупные русские фирмы, принимая во внимание преимущественное положение Ферганы против других областей Средней Азии, пооткрывали свои склады с товарами в Коканде, который рос и богател.

Администрация города, как раз в первый мой приезд в Коканд, разбивала большую площадь земли, отдавая ее под застройку домов. Земля отдавалась безвозмездно всем, кто пожелает, лишь с одним условием: в течение года поставить глинобитный забор вокруг полученного участка и сторожку, после чего земля купчей крепостью закреплялась за вами навсегда.

Предложено было и мне взять 1000 кв. сажень, но я отказался, рассуждая: дом без хозяина — сирота. Лицо, взявшее эту землю, лет через 6—7 перепродало ее богатому еврею Вадьяеву за 100 тысяч рублей, выстроившему на ней роскошный особняк, окруживши его отличным садом. Стоимость земли поднималась с невероятной быстротой, как это бывает в Америке.

Остановился у кокандского доверенного Федора Петровича Погребова, бывшего некогда петербургским купцом. Прожил в Коканде трое суток, знакомясь с постановкой дела и с клиентами, после чего начал объезжать конторы и пункты, где происходила скупка Товариществом хлопка, расположенные по периферии Коканда; проезжая в намеченный пункт, приходилось возвращаться обратно в Коканд, так как по окруж-

ным проселочным дорогам опасно было ездить из-за басмачей (барантачи), грабивших и убивавших русских.

Сохранились в моей памяти некоторые эпизоды из жизни в Коканде: поездка в баню, куда попал по протекции Погребова с возможностью мыться там одному, когда не было там никого из сартов. Баня была каменная, с высоким сводчатым куполом, в середине которого было отверстие, освещающее бани, окон не было. В бане было грязно, склизко, места для сидения каменные с грязными черными пятнами. Сидеть на них не решились и стоя кое-как обмывались наскоро, боясь заразиться какой-нибудь болезнью. Мое мытье кончилось благополучно, но мой компаньон по бане В.А. Капустин заполучил экзему, к благополучию его, несерьезную, от которой он скоро излечился.

Распределение времени в Коканде было почти то же самое, как в Бухаре: утром посещение меня клиентами, днем отдача им визитов, вечера проводились у кого-нибудь из сартов, с теми же почти угощениями, как и в Бухаре. У некоторых подавали очень вкусную птицу под названием «уляр» — горная индейка, живущая в лесах, изобилующих фисташками и другими орехами, которыми она питается. По поверью туземцев, кто поест уляра — будет богат. Угощая меня уляром, всегда указывали, что за птицу мы едим и чего можно ожидать от нее после съедения.

Один из сартов, имеющий большие дела с Товариществом, угостил меня обедом с музыкой, фокусником и особым блюдом, о котором я и расскажу.

Обед шел своим чередом по принятому порядку; когда дошла очередь до мяса, то хозяин и все его малайки бросились убирать со стола все, что стояло на нем; стол быстро был очищен; отворились две половинки двери, и четверо сартов внесли на большом деревянном блюде, с устроенным желобком вокруг его каймы, на блюде лежал большой жареный баран, и поставили на стол. Хозяин, его гости, малайки с лукавой улыбкой смотрят на меня: какой эффект все это произвело на нас. Действительно, появление целого, отлично зажаренного барана с блестящим салом кремового цвета, со слезящимся из него соком, стекающим в желобок блюда, было для меня неожиданным сюрпризом, мне пришлось так приготовленного барана видеть в первый раз в жизни. Я думал: как могли его так искусно зажарить? В это время хозяин острым ножом разрезал тоненькие куски от задней ноги и укладывал на тарел-

ки, обливая подливкой из желоба блюда. Могу сказать, что более вкусного мяса я никогда не ел, был сыт, и мне есть не хотелось, но, съев первый кусок, попросил еще.

Хозяин рассказал, как его жарят: по величине барана вырывают в земле яму, ее наполняют дровами и зажигают, когда дрова сгорят, на образующиеся уголья кладут барана и засыпают его землею и на засыпанном месте зажигают костер. Повар знает нужное время для жаренья барана, в свое время отрывает из земли и очищает его.

Будучи в Андижане, в одном из больших и лучших пунктов по скупке хлопка, мне пришлось услышать от одного из наших клиентов-сартов, что отсюда до Китая (туркестанского) рукой подать, только доехать до города Ош, недалеко находящегося от города Андижана, и через сутки будете в Китае без всяких заграничных паспортов и других формальностей. Мысль эта меня соблазнила, я решился поехать. Приехав в Ош, находящийся на отрогах Тянь-Шаня, узнал, что проехать в Китай совершенно не так легко: настоящей дороги нет, ехать нужно верхом по горным крутым тропинкам в сопровождении опытных и знающих людей, и ехать не сутки, а значительно больше. Пришлось отказаться от этого удовольствия и вернуться обратно.

Кучер провез нас по другой дороге в Андижан по совету знающих лиц, уверивших его, что эта дорога будет лучше и короче. Ехали около каких-то высоких сопок глухой и грустной местности, вдруг вдалеке увидали на дороге пасущееся стадо овец, между тем кругом травы нет, один камень. Кучер, обратившись ко мне, сказал: «Овцы пасутся, а пастуха нет! Мне в Оше говорили, что по этой дороге жилья не будет». Подъехав ближе, увидали: на дороге лежал скелет верблюда, на нем сидели несколько орлов-стервятников, выклевывающих остатки мяса от костей, и вокруг них сидит несколько десятков насытившихся орлов, чистивших свои носы и переваривавших пищу, не обращая ни малейшего внимания на нас, только два или три лениво перелетели сажени на две и сели опять спокойно.

Поехал в Наманган, крупный скупной пункт хлопка; по дороге туда пришлось заехать в Чуст, стоящий от Коканда верстах в 40—50. Чуст в то время был глухим местом, и скупка хлопка производилась одним лишь нашим Товариществом. Заведовал скупкой в Чусте молодой человек Герман Петрович Кречетов, ему можно было дать лет двадцать с чемнибудь; он был низенького роста, с красивым подвижным лицом, с

черными волосами, с черными глазами, носил небольшую бородку; несмотря на то что он был очень толст, был подвижен и энергичен.

Кречетов, попав в хороший пункт, где не имелось конкурентов, довольно успешно развил дело, и благодаря этому у него появилась уверенность в непогрешимости его работы, он приписывал успехи своим способностям и талантам, а не сложившимся благоприятным условиям. Благодаря всем этим обстоятельствам из него не выработался полезный деятель, он начал сильно кутить, и об его кутежах ходило в Фергане много разных рассказов.

Во время моего первого посещения Чуста в этом довольно большом кишлаке русских было только трое: Герман Петрович Кречетов, уездный начальник[1], очень молодой офицер, с такой же молоденькой женой, только недавно повенчавшиеся.

В Чусте пришлось остаться ночевать; день же весь ушел на знакомство с клиентами, осмотр складов хлопка, проверку выхода чистого волокна из сырцового хлопка, осмотр завода; незаметно начало темнеть, и мы отправились в квартиру Кречетова, чтобы пообедать и залечь спать. Предполагали, что нам на обед малайка Кречетова приготовит шурпу и плов, обыкновенно изготовляемые всеми сартами, так как изготовлением обедов редко занимаются сартянки, а в большинстве случаев их мужья.

Войдя в комнату Кречетова, где был накрыт стол для обеда, я был удивлен: стол накрыт белой камчатной[2] скатертью с пятью приборами, на каждом из них вычурно стояла салфетка, как бывает в лучших ресторанах, посередине стола стояли вазы с цветами, фруктами, вина в специальных жбанах и разнообразная закуска.

Я потом догадался, что вся сервировка стола была от уездного начальника, который со своей миленькой женой участвовал на обеде.

Сели за стол. Малайка принес великолепный куриный суп, который молодая дама разливала в тарелки, а малайка разносил блюдо со слоеными пирожками, после чего подали телятину с соусом из петушиных гребешков, за телятиной следовала индейка с картофелем и салатом, и обед закончился отличным пломбиром. Все кушанья были весьма изящно и красиво убраны, как только можно ожидать от очень умелого и хорошего повара. Я невольно задал вопрос Кречетову: «Где вы нашли такого замечательного повара?» — «Повар я сам, — ответил он, — только малайка смотрел, чтобы кушанья во время моего отсутствия не переварились и не пережарились».

Я вспомнил, что во время моего осмотра хлопка, завода Кречетов неожиданно скрывался, что меня в то время удивляло, я никак не мог понять причину его отсутствия, когда он должен был быть при мне, чтобы давать объяснения. Теперь мне стало ясным, что он бегал в кухню, волнуясь за свое кулинарное изготовление.

После обеда был кофе с ликерами, и закончился пир жженкой, которую я пил первый раз в жизни.

С отцом Германа Петровича, Петром Гавриловичем, я был знаком по Бирже, он был известный и уважаемый маклер по шерсти. Про него говорили, что он большой гурман, и если кому хочется поесть что-нибудь особенное, то можно только у него. Зарабатывая большие деньги, он большую часть их расходовал на еду, вот и сынок вышел в папашу не только лицом, но и уменьем хорошо и много поесть.

Кречетов оставался на службе в Товариществе недолго, что-то года два или три. Вызвал из Москвы своего приятеля Константина Макаровича Соловьева, имеющего некоторые средства, совместно с ним начали заниматься скупкой хлопка[3], но К.М. Соловьев, как ловкий и смекалистый человек, выстроил маслобойный завод и стал гнать масло из хлопковых орешков, а Кречетов уехал в Америку, чтобы, как он сам говорил, специализироваться более в хлопковом деле.

В Америке, нужно думать, он занимался делом мало и дошел до полной нищеты, сделался чистильщиком сапог, и эта работа его не вывезла, он остался без денег и вещей, за исключением одного фрака из-за невозможности найти на него покупателя вследствие его широких размеров, по корпусу Кречетова, и небольшого роста.

Случайно зашел в какую-то пароходную компанию и попросил себе должность. Фрак в данном случае его выручил: он был принят в качестве помощника лакея. Пароход был первоклассный, наполненный изысканной публикой. За обедом присутствующие дамы были в бальных платьях, а мужчины в смокингах с цветком в петличке.

Подавая блюда, Кречетов увидал среди обедающих своего закадычного друга по кутежам и безобразиям в Фергане Станислава Казимировича Козел-Поклевского[4]. Кречетов ему неоднократно оказывал разные услуги, и когда Поклевский приезжал в Москву, всегда останавливался у него в доме отца, обласканный и принятый им как друг его сына. Козел-Поклевский, когда увидал, что лакей, подающий ему, его друг, он, боясь шокировать себя среди элегантной публики, сделал вид, что

не узнал Кречетова. И в продолжение всего пути избегал встречи с Кречетовым наедине и даже, бывало, покрикивал на медленность исполнения его приказания. Поклевский занимал на пароходе одну из лучших кают, тратя там деньги, ни в чем себе не отказывая ради своего удовольствия.

Кречетов, приехав в Москву, понятно, рассказал обо всем своему отцу, чем возмутил Петра Гавриловича, который задумал наказать мерзкого полячка, посоветовал сыну об этом никому пока не говорить, предполагая, что Поклевский не преминет приехать к ним с визитом и они должны сделать вид, что словам Поклевского верят.

Поклевский действительно приехал к ним, был принят со старым радушием и с просьбой пожаловать на другой день обедать в Купеческий клуб, чтобы вспрыснуть возвращение двух друзей из Америки.

Петр Гаврилович пригласил на этот обед многих из своих друзей и знакомых. Приехавшего Поклевского посадил рядом с собой и во время обеда усиленно ухаживал. Подали шампанское, старик Кречетов поднял бокал и попросил слово. В зале все умолкло, даже публика, не участвующая в обеде Кречетова, — все желали слышать, что скажет П.Г. Кречетов.

«Господа! Здесь в нашей компании сидит Станислав Казимирович Козел-Поклевский, друг моего сына Германа, долго жившего с ним в Азии, деля совместно горе и радости. Я и вся моя семья принимали его со всем своим расположением у себя в доме, делясь с ним хлебом и солью, что делаю и в данное время, но уже с другой целью: указать всем моим друзьям, что стоит этот господин! Какого он заслуживает отношения к себе! Мой сын Герман, друг Поклевского, очутился в тяжелом положении в Америке, без копейки денег, принужден был наняться на пароход в качестве помощника лакея. На этом же пароходе ехал его друг Поклевский с полным комфортом, расходуя деньги без счета на свои прихоти, делая вид, что он не узнает своего друга, чтобы не шокировать себя перед публикой в знакомстве и дружбе с лакеем. В настоящее время поднимаю бокал, чтобы провидение впредь избавило нас навсегда от таковых друзей, подобных сидящему здесь господину Поклевскому! Предполагаю, что ему достаточно сказанного, чтобы он покинул нашу компанию и не возвращался больше к нам».

Я слышал все это от своего знакомого Т.И. Обухова, бывшего на этом обеде. Петр Гаврилович, хорошо владевший словом, сказал с особым

умением и с язвительной иронией. Обухов, рассказывающий мне о ней, понятно, не мог передать речь со стенографической точностью, и я ее привожу своими словами, оставляя смысл всей речи таким, как мне пришлось ее слышать.

Мне было от души жаль Германа Петровича Кречетова, способного, талантливого и находчивого человека: попади он сначала в более жесткие и опытные руки, из него мог получиться очень полезный и дельный человек.

Мне пришлось слышать от Т.И. Обухова про комический случай, бывший с Кречетовым у одного из общих знакомых в Маргеллане.

Сели играть в карты в винт, в числе присутствующих был местный священник. Священнику карта не пошла, он, не желая проигрывать, начал приписывать к своей записи. Герман заметил, но священнику ничего не сказал и в свою очередь начал проделывать то же: поп припишет тысячу, а Кречетов 5 тысяч и все время так продолжал. Игра кончилась. Какое же было удивление попа, увидавшего, что, несмотря на его приписки, он проиграл. Священник не растерялся, понял, что его приписки заметили, он бросил мелок на стол и, смеясь, глядя в глаза Кречетову, сказал: «Ну, брат Герман Петрович, я вел бухгалтерию двойную, а ты пятерную!» Слова попа были покрыты общим смехом присутствующих от добродушного сознания попа в своей виновности.

Из Чуста я поехал в Наманган, где доверенным Товарищества был Сергей Федорович Погребов, сын кокандского доверенного. Мое первое впечатление о нем не было в его пользу и осталось у меня такое на всю жизнь. Хотя дела в Намангане шли довольно хорошо, но чувствовалось, что он по духовному развитию стоит на очень низкой ступени и в голове его одна только мысль — личной материальной выгоды.

Потом мне пришлось убедиться в правильности моего заключения, когда необходимость заставила меня с ним поближе столкнуться и получить еще от других людей о нем отзывы.

С.Ф. Погребов познакомил со своей женой, довольно интересной петербургской бонтонной дамой[5], заметно ее побаивавшийся. Она пригласила меня пообедать, где присутствовал местный уездный начальник, красивый офицер лет 40—45[6].

В Ташкенте мне пришлось узнать, что уездный начальник был в близких отношениях с женой Погребова и муж был об этом осведомлен. Причина, почему Сергей Федорович не высказывал своего протеста,

была из-за материального интереса: уездный начальник благодаря имеющимся у него связям в администрации туркестанского генерал-губернаторства заполучил участок земли близ Намангана с залежами каменного угля, но, считая, что получение участка земли в местности, где он состоит начальником, не будет удобно, он оформил его на имя жены Погребова.

Разработка угля производилась уездным начальником с затратой сумм из его личных средств. С переменой состава служащих в канцелярии генерал-губернаторства дело приняло нежелательное положение для уездного начальника, и его попросили оставить службу. Когда же уездный начальник пожелал взять от Погребовой этот участок и перевести на свое имя, Погребова наотрез отказалась. И он, бедняжка, остался без подруги и хорошего выгодного дела.

Во вторую мою поездку по Средней Азии мне пришлось поехать с Погребовым по отдаленным пунктам от Намангана, где происходила скупка хлопка. Перед нашей быстро мчавшейся тройкой перебегала дорогу какая-то сартянка. Сергей Федорович схватил кнут и сильно стегнул им по спине женщины. Я ему заметил: «Зачем вы это сделали?» Он отвечал: «Так их нужно, они перебегают с целью колдовства!»

Во второй раз мы ехали с ним по дороге, высоко лежащей над окружающей местностью. Вдруг перед нами открылась интересная панорама: недалеко от дороги простиралась глубокая пропасть, за ней тянулась долина с заросшим камышом, где протекала река со многими разветвлениями, и эта вся бесконечная болотистая площадь была усеяна невероятным количеством разной птицы, но она находилась в недоступном месте для охотников — убить их было можно, но достать убитых не было возможности. Сергей Федорович достает свое ружье и расстреливает птиц, которыми воспользоваться не может. Я ему говорю: «Для чего убиваете, раз получить их не можете?» Он отвечал: «У меня душа охотника!» — полагая, что душа охотника заключается в убийстве беззащитных животных!

Из Намангана выехал под громкий гудок паровой машины, долго изливающей свой вой, нужно думать, сделанный Сергеем Федоровичем Погребовым с целью доставить мне удовольствие, но я при ближайшем с ним свидании после этого заметил ему, что испускание пара для удовольствия какого бы то ни было лица есть бессмысленная трата денег, с просьбой впредь не выражать своих чувств этими звуками.

Двигаясь к Коканду, я вспоминал всех людей, каких мне пришлось встретить во время моей поездки по Фергане, желая найти между ними лицо, могущее занять должность главного доверенного для всей Средней Азии. И пришел к выводу, что ни одного нет удовлетворяющего моим желаниям, но лучший из всех был доверенный кокандского отделения Федор Петрович Погребов, а потому решился остановиться на нем, несмотря на то что ему было много лет, но я думал: хорошая тантьема, большое жалованье и другие льготы подбодрят его еще на 2—3 года.

Встреченный в Коканде Федором Петровичем, я обратился к нему с просьбой зайти ко мне в комнату после того, как я приведу себя в порядок после произведенного пути. Федор Петрович зашел, и только что я хотел рассказать ему о своем желании сделать его главным доверенным для всей Азии, он предупредил меня и заявил: «К вашему сведению сообщаю, что оставляю службу в Товариществе и перехожу в Товарищество В. Алексеева, с которым я заключил нотариальный договор». Это сообщение повергло меня в крайнее уныние: единственное лицо, более или менее сносное, на которое я мог бы положиться, и того сманили!

Пришлось Ивана Ивановича Аигина, приехавшего со мной из Москвы на место бухгалтера, сделать доверенным кокандского отделения. Сам же двинулся в Ташкент с угнетенными мыслями и настроением. Обвинял себя, что я возомнил о себе быть руководителем большого серьезного дела без достаточного опыта и знания людей, а потому, вернувшись в Москву, я принужден буду занять в Товариществе положение менее ответственное, а следовательно, более ничтожное, а потому и малоинтересное.

По дороге заехал и осмотрел конторы в Маргеллане, в Ходженте и еще в каких-то пунктах, где нашел все то же, что было во всех конторах Товарищества, а именно: недостаток крепкой и твердой руки.

Подъезжая почти уже к самому Ташкенту, я вспомнил, что имеется в двадцати верстах от Ташкента кишлак Пекент, где производится скупка хлопка Товариществом. Не желая вновь возвращаться в Пекент по приезде в Ташкент, я решился заехать в этот кишлак и осмотреть все, что делается в этой конторе.

Кучер остановился у ворот дома, где находились контора и склады хлопка Товарищества. Было уже три часа дня, на дворе царил хаос с разбросанным хлопком, с открытыми воротами сараев, где хранился хлопок; входим в контору, в ней из людей никого нет. На столах раз-

бросанные бумаги, конторские книги вперемешку с образцами хлопка, стаканами недопитого чая, с валяющимися окурками папирос. К нам никто не выходил, начали громко звать, стучать в дверь, ведущую в жилую комнату, но все безрезультатно — полное молчание. Наконец после сильных ударов в дверь услыхали, что за дверью кто-то возится и кряхтит. Усилили стуки. Раздался голос: «Кто там? Что нужно?» После нашего ответа отворилась дверь, и оттуда вышел с растрепанными волосами, с помятым лицом, с тусклыми глазами толстый, обрюзглый господин, крайне неряшливо одетый. Оказалось, что он и есть доверенный большого пункта. Начал с ним беседовать и расспрашивать про дела, вижу: он ничего не понимает, голова у него не работает, и от него разило, как из дверей питейного заведения. Пошли осматривать хлопок в сараях, оказавшийся плохого качества, перемешанный со вторым и третьим сортом. Я ему делаю замечание, он утверждает, что я ошибаюсь, хлопок исключительно первого сорта. В то время, когда я полез на бунт хлопка, чтобы вынуть еще образцы, смотрю: моего доверенного уже нет, он исчез, но скоро вернулся в сопровождении сарта, указывая на него, сказал: «Этот главный наш поставщик хлопка, дехкан такой-то, он может подтвердить, что этот хлопок весь первого сорта».

Явившийся сарт хотя небольшого роста, но с толстой, бычачьей шеей имел косую сажень в плечах, с кулаками, как два арбуза, в одной руке держал нагайку, которой можно свободно убить человека. Вся его фигура показывала сильного и злобного человека. Глаза его горели гневом и злобой, он что-то кричал по-сартовски, размахивая нагайкой, брызгая слюной. Нас было двое, я и В.А. Капустин, но мы были без оружия; бешеный сарт и пьяный доверенный могут сделать с нами все, что им угодно: прибить и даже убить! Бог их знает!

Расходившийся сарт понемногу начал успокаиваться, и мы его наконец выпроводили.

Рассматривая конторские книги и кассовую, увидали, что остаток денег на нынешнее число выражается с чем-то 40 тысяч рублей. «Где у вас хранятся деньги?» — спросил его. «Вот в шкафу», — ответил он, указывая на полуоткрытый шкаф, где лежали книги и бумаги, нагибается и вытаскивает с нижней полки пакет, обернутый в газетную бумагу. Я ему заметил: «Как вы сохраняете деньги, неужели не нашли лучшего места?» — «Куда же мне их класть? Лучшего места нет», — ответил он.

Я вижу, говорить с ним не приходится: от пьянства, безделья совершенно отупел, ничего не соображает и ничего не понимает. Просчитал

деньги, выдал ему расписку в получении их, увез с собой в Ташкент, не рискуя оставлять на руках пьяного доверенного.

Сильная тройка лошадей, чувствуя приближение к дому, лихо подхватила тарантас, быстро унося его с нами. Я же сидел подавленный от грустных дум, опять нахлынувших на меня; правда, я сильно от всего этого страдал, наконец это вылилось в слезах, которые текли из глаз помимо моей воли при свидетеле, которого я не желал посвящать в мои думы и в мое горе.

ГЛАВА 39

Когда въезжали в предместье Ташкента, мое душевное настроение сразу улучшилось: ушли все страхи за порученное мне дело и боязнь за него. С любопытством и интересом осматривал город — столицу обширного азиатского края — с его одноэтажными чистенькими домами, окруженными садами, с широкими тротуарами, обсаженными пирамидальными тополями, около которых шли арыки с проточной водой. Тройка быстро неслась по широким дорогам, хорошо содержавшимся, на углах которых стояли парные извозчики. Ближе к центру города движение экипажей и пешеходов все более увеличивалось, и уже начали появляться отличные магазины с разными товарами, красиво выставленными на окнах. Подъехали к одноэтажному дому, перед крыльцом его кучер быстро остановил тройку. Оказалось, что это была гостиница, находящаяся в центре города. Выбежавший сарт, швейцар гостиницы, услыхав от кучера мою фамилию, засуетился помочь нам выйти из тарантаса и препроводил в номер, заблаговременно снятый для меня. Комната была довольно большая, с приличными кроватями, но, как полагается в провинциальных гостиницах, с вонючими умывальниками с застоявшейся в них водой; комната была устлана коврами, со стоящим большим трюмо, но все-таки она была довольно грязна и неуютна.

Прежде всего выразили желание иметь парикмахера: не стриглись с самой Москвы и не брились с Коканда. Явившийся парикмахер, усадив меня перед трюмо, намылил мне как следует щеки и с особой ловкостью взмахнул острой бритвой по моим щекам раз, другой. Я с ужасом закричал, отстраняя его руку: «Что вы сделали? Ведь вы у меня кожу срезали!» Парикмахер обиженным голосом ответил: «Вам прежде всего следовало бы помыться, у вас на лице целый слой грязи». Оказался он прав, после стрижки и бритья нам принесли горячей и холодной воды, я и В.А. Капустин хорошо вымылись с ног до головы.

Было около 9 часов вечера, мы еще не обедали, оказалось, в гостинице столовой нет, нам рекомендовали отправиться в «Московский ресторан», где, заказывая обед, увидал странное явление: люстра с четырь-

мя горелками, висевшая посередине комнаты, раскачивается из стороны в сторону, как маятник. Удивленный этим, я спросил лакея: «Кто у вас на втором этаже сильно так возится? Смотрите: лампа качается из стороны в сторону». Лакей взглянул на лампу, с недоумением покачал головой и ответил: «Дом-то одноэтажный, не пошел ли кто на чердак за чем-нибудь?» Я засмеялся и сказал Капустину: «Вот так дома! Нечего сказать, хорошо выстроены: по чердаку ходят, потолок качается! Как только не провалится». На другой день в местной газете прочли: «В 9 часов с чем-то было сильное землетрясение»* .

Из полученного списка с фамилиями доверенных контор Среднеазиатского товарищества я увидал, что в Ташкенте состоит доверенным Твердов (имя-отчество забыл). Какое же мое было удивление, когда, увидав доверенного, в лице его узнал того молодого человека, которого я года два тому назад послал в Азию в качестве простого классификатора, о чем мною было указано в письме с подробным изложением его обязанностей. Твердов взят был от Товарищества С. Морозова, где он состоял в качестве простого подручного у приемщика Атабекова, от которого научился разбираться в качестве среднеазиатских хлопков. Я никак не мог себе представить, что он в такой короткий срок своей работы может очутиться на важной должности доверенного большой конторы, с подчинением ему нескольких серьезных пунктов по скупке хлопка,

*Мне пришлось испытать еще одно землетрясение в Ессентуках приблизительно в 1909 или 1910 году, где я жил и лечился в санатории доктора Владимира Алексеевича Соколова. Просыпаюсь от толчка, как будто меня кто-то разбудил, посмотрел на часы: было только 5 часов. Мне спать больше не хотелось, а вставать рано, остался лежать в кровати. Вдруг вижу: кровать моей жены, стоящая параллельно моей в некотором расстоянии, поехала ко мне и вместе с кроватью и стена, около которой она стояла, как-то выгнулась и двинулась за ней; быстро как стена, так и кровать вернулись на свое место, но через несколько минут опять повторилось то же самое, и этим все закончилось. Движение кровати было очень сильное, но оно не разбудило жену, спавшую обыкновенно довольно чутко, из-за чего я и решил, что все мною видимое есть начало у меня болезненной галлюцинации, которая приведет меня к сумасшествию. Мысль эта меня сильно взволновала, и я лежал с расстроенным лицом, погруженный в тяжелые думы. Проснувшаяся жена, видя меня в таком угнетенном настроении, спросила о причине его. Не желая огорчать ее, сказал: плохо спал. Жена встала и пошла за драпировку, отделяющую кровати от другой части комнаты; в это время пришедшая горничная, вызванная звонком жены, начала рассказывать, захлебываясь от новости: «Знаете, барыня! Сегодня в пять часов утра был большой переполох в санатории: многие мужчины и дамы повыскакивали в одних рубашках в сад, испугавшись землетрясения». Услыхав это, я от радости и счастия начал хохотать, поняв: все, что я видел, не было следствием моей болезни, а произошло от землетрясения.

требующей особых качеств в смысле образования, деловитости и инициативы, каковыми качествами он не обладал, что ясно показало ведение дела в Пекенте. В Ташкентской конторе царило приблизительно то же самое, что было в Фергане, и даже хуже.

На третий день своего приезда в Ташкент я, разбираясь в конторе с делами отделения, через окно увидал подлетевшую к подъезду коляску с господином. Мне доложили: «Дмитрий Николаевич Захо желает вас видеть». Фамилия Захо мне хорошо была известна, как крупного купца, владетеля универсального магазина и большой недвижимости в Ташкенте.

Д.Н. Захо на меня произвел приятное впечатление: с длинной красивой бородой, черными глазами, хотя немного лукавыми, но добрыми, он был немного выше среднего роста и родом грек. Цель его приезда была познакомиться со мной, чтобы в будущем получить через меня кредит в Торговом банке; об этом я догадался потом, гораздо позже.

Собираясь уезжать и прощаясь, Дмитрий Николаевич взял с меня слово, что я обязательно приеду к нему, и прибавил: «У меня бывает почти весь город, можете встретить всех нужных для вас лиц; проведете время, я надеюсь, скучать не будете, после обеда у меня всегда карты, если не любите карты, найдете интересное общество».

На другой день я отдал ему визит. Дом Д.Н. Захо находился очень близко от гостиницы, где я остановился; он был двухэтажный, сделанный из обожженного кирпича, тянувшийся от одного угла до другого, считался лучшим домом в городе. Двери и окна были дубовые с зеркальными стеклами. В нижнем этаже помещался магазин, а во втором этаже была квартира Д.Н. Захо. Принят я был очень любезно, Захо водил меня по всему дому, показал магазин, наполненный разными всевозможными товарами, свои склады, конюшни. Квартира его представляла бесчисленный ряд комнат, отлично отделанных и обставленных стильной дорогой мебелью петербургских мастеров. Залы, гостиные, тянувшиеся анфиладою по фасаду дома, были обиты все шелковой материей; по другую сторону фасада были расположены приемная, кабинет, рядом с кабинетом была большая комната со стеклянным потолком, красиво обставленная большими пальмами, своими перистыми листьями заполнявшими весь стеклянный потолок; посреди комнаты стоял большой стол, где, как я потом увидал, шла игра в карты — в трынку[1], любимую игру Дмитрия Николаевича. За зимним садом шла большая столовая, могущая вместить несколько десятков человек.

Посидев немного, я начал собираться уходить, но Дмитрий Николаевич меня не пустил, уговорил остаться обедать, после чего засадил меня за карты, и я ушел от него поздней ночью. При расставании Захо взял с меня слово, что я буду приходить к нему обедать ежедневно и его обеды не расстроят моего желудка, как этого можно ожидать при обедах в ресторанах; у него на обедах всегда присутствует кто-нибудь из его гостей, и я вечерние часы могу проводить в семейной обстановке, а не одиноким в своем номере.

Действительно первое время я у него обедал ежедневно, после обеда Дмитрий Николаевич засаживался за карты со своими гостями, я же предпочитал общество двух молодых и красивых барышень, каких-то его дальних родственниц, которые обедали у него почти ежедневно, зачастую со своим отцом военным доктором. После обеда мы усаживались в самой дальней небольшой гостиной, уютно и комфортабельно обставленной. В то время в Ташкенте жил известный путешественник по глубоким и мало исследуемым странам Средней Азии Свен Гедин. Он ежедневно приходил к Захо и беседовал со старшей дочерью доктора, знающей хорошо французский язык, я же говорил с младшей, более мне нравившейся, к нашей компании всегда присоединялся кто-нибудь, и таким образом составился небольшой кружок, где проводили время весело и приятно. В числе лиц этого кружка были Дмитрий Львович Филатов и Николай Александрович Толмачев, оставившие у меня хорошую и добрую память. Дмитрий Львович Филатов был маленького роста, с длинной бородой, сам себя называл — хитро улыбаясь — Черномором, тем намекая на составившуюся про него славу любимчика дам, но мне казалось, что он сам старался этим рекламировать себя среди любопытных ташкентских дам, любительниц экстравагантностей. Он жил открыто с одной красивой дамой, отбитой им у ее мужа Вараксина, что еще более утвердило за ним эту славу как любимчика дам.

Д.Л. Филатов начал свою карьеру как и Д.Н. Захо, они были маркитантами при русских войсках, двигавшихся в Ташкент. Это общее дело связало их, и они остались на всю жизнь друзьями*.

---

*Мне пришлось слышать об одном происшествии, бывшем с Захо. Он с греческой кровью был страстным человеком, как я говорил уже, любитель поиграть в карты, и по крупной. Однажды к нему собрались гости и составилась трынка, карта ему не пошла, были проиграны все наличные деньги, дом, магазин, все вещи, мало-мальски стоящие, и после чего он делался нищим. В это время к нему заехал Д.Л. Филатов, увидал его положение и растерянность, вызвал Захо в другую комнату и предложил ему отыграть

При занятии Ташкента и дальнейшем завоевании Средней Азии Захо и Филатов все время работали вместе, к ним в это время деньги текли безостановочно: офицерство, получая большие оклады во время войны, швырялось деньгами на покупку дорогих вин, закусок, остальное проигрывало в карты. После окончания войны Д.Н. Захо поселился в Ташкенте, выстроил дом, завел торговлю, а Д.Л. Филатов поселился в Самарканде, накупил земель, развел виноградники и начал делать вино, славившееся как лучшее в Средней Азии.

Николай Александрович Толмачев уже был немолодой человек из петербургских чиновников, перешедший на службу в Волжско-Камский банк управляющим ташкентского отделения. Николай Александрович был образованным человеком, хорошо воспитанным, пользовался общей симпатией всех, кто его знал, за его ум, выдержанность характера и доброту.

Увидав, что он за человек, что на него можно положиться, я обратился к нему с просьбой указать человека, который бы мог занять место в Товариществе главного доверенного Средней Азии. Он, увидав, как это дело меня волнует, в свою очередь отнесся очень сочувственно к моей просьбе и указал несколько лиц, но при разборе всех их качеств и недостатков пришлось остановиться на одном из них — Тимофее Ивановиче Обухове, хотя он пользовался славой как большой кутила и пьяница, но, как сказал про него Н.А.Толмачев, головы во время кутежей не теряет. Составилось знакомство с Т.И. Обуховым в городском клубе во время какого-то фестиваля. Т.И. Обухов был среднего роста, блондин, с густыми курчавыми волосами, с бородкой как у Генриха IV, с довольно красивым лицом, с живыми и веселыми глазами. Когда подвыпьет, по обыкновению, начинал распевать слабым, но приятным голоском, воображая, что он подобен Мазини (итальянский известный тенор). Когда же он окончательно напивался, то делался крайне неприятным, даже противным, но это мне сделалось известно много времени спустя.

Обухов мне понравился своим живым темпераментом, общительностью: расставаясь с ним, уговорились завтра встретиться вечером в клу-

---

его деньги, если он даст ему слово, что больше по крупной в карты играть не будет. Захо дал ему слово, Филатов сел на его место и, обладая твердым и уравновешенным характером, отыграл все, что проиграл Д.Н. Захо. После чего он бросил колоды карт на стол и сказал всем играющим: «Клянусь, что карты не возьму в свои руки в продолжение всей своей жизни!» И эту клятву сдержал, и сдержал свое слово Захо: он больше не играл по крупной.

бе. На другой день после хорошего ужина и выпитого вина я обратился к Т.И. Обухову с вопросом: «Не пойдете ли вы на службу в Товарищество в качестве главного управляющего? Но с непременным условием жить в Коканде», — причем дал понять размер жалованья и получение от этого дела тантьемы. По выражению его лица заметил, что мое предложение его смутило и обрадовало и оно для него было лестно. «Я с радостью согласен, — ответил он, — но у меня имеется письменный договор с моим принципалом Н.В. Скобеевым, отпустит ли он? Да притом он в отъезде, вернется не раньше трех дней, и тогда я смогу сказать что-нибудь определенное, переговоривши с ним».

Я ему со своей стороны тоже ответил, что, делая ему такое серьезное предложение, желал бы получить санкцию от правления, каковую могу получить только через несколько дней.

От правления получил ответную телеграмму за подписью Н.А. Найденова о согласии назначить Обухова главноуправляющим в Азии, но в конце телеграммы предупредил меня, что Обухов имеется на подозрении по ключаревскому делу*[2] .

Последнее сообщение меня сильно смутило, я не знал, как мне поступить: отказаться от Обухова, придется оставить дело в том положении, как оно есть, а это будет еще хуже — деньги по мелочам архаровцами[3] растащатся, но, надеясь на Бога, я решил остановиться на приглашении Обухова.

Через три дня Обухов сообщил мне, что он согласен на мое предложение, так как Скобеев не желает насильно его удерживать. Мне же потом стало известным, что Скобеев в довольно грубой форме ответил Обухову: «Пожалуйста, уходи, кто тебя удерживает! Все равно с этим делом не справишься!» Этими словами задел самолюбие Обухова, и они расстались почти врагами.

Обухов, обиженный Скобеевым, в отместку ему переманил несколько хороших работников от Ярославской мануфактуры, тем дал совершенно

*Замечание Найденова о подозрении Обухова в ключаревском деле все время не выходило у меня из головы. Это, казалось мне, нетрудно было сделать в то время, когда на него находила болтливость после излишне выпитого вина. Но сколько раз он мне его ни передавал, у него всегда выходило трафаретно, как будто рассказ был заучен, но однажды, когда он сильно был пьян и болтал без умолку, я ему задал вопрос о деле Ключарева, он с насмешкой посмотрел на меня и заплетающимся языком сказал: «Ах, ты хитрющий!.. Думаешь... я сильно пьян!» — но, спохватившись, замолчал, но потом рассказал всю историю, как рассказывал ее раньше.

другой тон делу Товарищества; я же в свою очередь по приезде в Москву отправил несколько молодых людей, только окончивших курс в Александровском коммерческом училище[4], и ежегодно добавлял новыми молодыми людьми по рекомендации директора этого училища, и таким образом постепенно весь старый штат служащих был сменен, что дало делу хорошую постановку.

Принимая во внимание, что молодежь, приезжая в Азию, отрывается от своих родственников и долгое время, во время летних месяцев, когда жара доходит до 60^0 [R], им приходится жить в тяжелых условиях без работы, так как приблизительно с марта месяца по август скупки хлопка не бывает; бездеятельность и неимение культурных развлечений тянули их к пьянству, разгулу и к картам, сбивающим их с истинного пути, и из хороших работников превращали в негодяев, я решил давать им большую льготу: предоставлено было право по окончании скупки хлопка уезжать из Азии, куда они пожелают, с оплатой за счет Товарищества проезда их и их семей туда и обратно, с сохранением полного оклада жалованья, благодаря чему они имели от 4 до 5 месяцев в году отпуск, что особенно ими ценилось.

Мое пребывание в Ташкенте совпало с праздниками Рождества Христова и Нового года, справлявшимися с таким же веселием, как в Москве. В городском клубе были балы, маскарад и танцевальные вечера; у Д.Н. Захо вечерами бывало много народа, но преимущественно играли в карты; Н.А. Толмачев тоже счел нужным устроить, как он сказал, маленький вечерок и очень просил, чтобы я к нему приехал. Жил он в доме банка, в большой квартире, хорошо обставленной. К нему приехал великий князь Николай Константинович, сосланный в Ташкент за разные дебоши в Петербурге, а главное, за кражу у своей матери фамильного драгоценного колье.

Великий князь был высокого роста, отлично сложенный, с широкими плечами и с тонкой талией, бритый и совершенно плешивый, с виду ему можно было дать лет 45—48. Держал себя крайне просто, выслушивал других, от души хохотал над рассказываемым чем-нибудь смешным; его рассказы об охоте и об орошении земли в Голодной степи были до чрезвычайности интересны и занятны. Было видно, что он отлично образованный, развитой и начитанный, и его рассказы заметно увлекали всех присутствующих, слушавших с большим вниманием как талантливейшего повествователя.

Был на этом вечере Василий Александрович Шереметев, в красивой офицерской форме конного гвардейца. Он был на редкость красивый человек: стройный, с правильными чертами лица, хорошо сложенный и с красивыми глазами. Василий Александрович был в родстве с графами Шереметевыми, но происходил от другой линии, не был графом; его мать[5] была при дворе, пользовалась расположением императрицы. Василий Александрович рассказал на этом вечере, как он попал в Ташкент.

Сделавшись офицером, увлекся жизнью, начал кутить и безумно тратить деньги, чем взволновал свою мать; она, опасаясь, что он спустит все свое состояние, обратилась к государю Александру III с просьбой обуздать ее сына. Государь вызвал Шереметева и сильно отчитал и потом сказал: «Я тебя отправляю на службу в Ташкент, к моему другу генералу барону Вревскому и это делаю только из расположения к твоей матери, но помни: если получу жалобу от барона на твое беспутное поведение, то знай, что ушлю тебя в такое место Российской империи, которое ни на какой карте географической не обозначено».

С этим Шереметевым я познакомился раньше в клубе, где он был со своей сожительницей, красивой балериной, захваченной из Петербурга. Жил в Ташкенте скромно, нужно думать, боясь угроз государя. Через несколько лет после этого вечера я его встретил в Москве, потом узнал, что он женился на Кузнецовой (чайной фирмы «Губкин и Кузнецов»), взяв за ней приданое 2 миллиона рублей.

Были еще на этом вечере Д.Н. Захо, Д.Л. Филатов и богатый сарт, член учетного комитета банка Бадаль Дадамухаметбаев, владелец лучших бань в Ташкенте, и я. Рассказы Д.Л. Филатова тоже были чрезвычайно интересны. Он рассказывал, когда был еще молодым, Азия его крайне интересовала как место, где можно было поохотиться на таких диких животных, каких в других частях России не было. Он проникал далеко в глубь степи, рисковал попасть в плен к сартам с последствием сидеть на остром коле. Он охотился за дикими лошадьми, кабанами, тиграми и за другими хищниками, которые в то время водились в достаточном количестве в степях Средней Азии. Его разные наблюдения из жизни хищников и способы их ловли были до чрезвычайности занятны.

Великий князь, тоже большой охотник, слушал Филатова с восхищением, даже добавлял к его словам кое-что, пропущенное Дмитрием Львовичем во время передачи, причем было известно, что великий князь — один из людей, не допускающих лжи, он таковых без всякого

стеснения обрывал и довольно грубо, между тем он Филатова уважал и всегда, будучи в Самарканде, заезжал к нему.

Запомнил интересный рассказ Филатова о том, как он, желая услужить генералу Скобелеву, предложил пробраться в Бухару и собрать там все нужные генералу сведения, это было в то время, когда Бухара была самостоятельным государством. Филатов говорил хорошо по-сартовски, как по-русски, знал отлично все их обычаи и порядки, пробрался в Бухару, переодетый в халат, чалму и ичиготы. Прожил в Бухаре некоторое время, разузнав все, что требовалось. Однажды, идя по базару, Филатов столкнулся нос к носу со своим знакомым татарином из Оренбурга, потом перешедшим в бухарское подданство из-за сильной ненависти к русским. Филатов счел себя уже погибшим, но татарин не узнал его, переряженного бухарцем, и прошел мимо. После чего Филатов поспешил выбраться из Бухары.

Вечер с чаепитием, потом отличным ужином с занимательными воспоминаниями и разговорами прошел для всех совершенно незаметно, все были довольны и веселы, начали расходиться, когда часы пробили четыре ночи. Князь, прощаясь, обратился ко мне: «Надеюсь, вы меня навестите?»

Сарт Бадаль Дадамухаметбаев пригласил всех нас на свою тамашу на один из следующих дней. В назначенный день вечером Дадамухаметбаев прислал за мной экипаж с верховыми, должными сопровождать до его дома, находящегося в азиатской части города. Без провожатых найти его дом было бы трудно, особенно вечером и без знания языка. Собрались к нему все, бывшие у Н.А. Толмачева, за исключением великого князя, В.А. Шереметев приехал со своей хорошенькой балериной. Обед был такой же, как я уже описывал, но только было шампанское, что не полагается мусульманам. Во время обеда была музыка на их национальных инструментах, и играли лучше кокандской. Уже в конце обеда, когда публика повеселела от выпитого шампанского, малайки спешно расстелили ковер перед музыкантами, и покрасневший от волнения хозяин из внутренних покоев привел двух бачей, одетых по-женски, нарумяненных, с украшениями на шеях, на волосах, ушах, ногах и на пальцах рук. Началась пляска, сначала в одиночку, потом вместе.

На Дадамухаметбаева и его мусульманских гостей пляска бачей произвела полное очарование, они сидели красные, с разгоревшимися глазами и под влиянием страсти и мысленных наслаждений закрывали их,

жмурясь, как делают коты, когда их гладят по месту, одолеваемому блохами.

Чтобы не обидеть хозяина, пришлось покривить душой, высказывая свое восхищение от этого зрелища. Все сарты были счастливы и горды, что они бачами доставили нам удовольствие, довольно редкое для русских того времени[6].

При отъезде нас нарядили в халаты, мне достался парчовый, и опять с верховыми, держащими фонари в руках, развезли по квартирам.

Несмотря на то что у Д.Н. Захо в продолжение всех святок по вечерам собиралось большое число гостей с ужинами и шампанским, он устроил у себя еще роскошный обед, на котором присутствовало не меньше ста человек; его большая столовая не могла вместить всех гостей, а потому обедали в громадной зале.

Я долго отбояривался от этого обеда из-за неимения с собой фрака, но Дмитрий Николаевич настойчиво уговаривал, чтобы я обязательно был бы на нем, говоря: «Я усажу в укромном местечке, и никто вас видеть не будет, но если не придете, то сильно обидите меня».

Сел за стол рядом с милой барышней, с которой много вечеров проводил приятно время в гостиной любезного хозяина.

Этот обед со многими интересными лицами чиновного мира во главе с губернатором прошел как-то совершенно для меня незаметным; я не имел возможности наблюдать за обедающими и разговорами их, всецело поглощенный увлекательной беседой с хорошенькой моей соседкой. Помню: было много тостов, и в том числе и за меня, что меня крайне смутило и сконфузило, поскольку принужден был идти с бокалом к хозяевам дома и чокаться, а также с лицами хотя почтенными, но малознакомыми, в сильно изношенном сюртуке от трепки в чемодане, сделавшем путешествие на лошадях около трех тысяч верст.

После обеда я поспешил отправиться скорее домой, чтобы не шокировать своим костюмом наряженных гостей; моя соседка, узнав о моем желании уехать, попросила ее проводить до дому.

Молодость и возгоревшиеся чувства симпатии друг к другу, а отчасти выпитое в излишке шампанское потянули нас остаться вдвоем, чтобы продолжить нашу беседу, прерванную окончанием обеда; когда мы спускались с лестницы к выходу, у нас обоих вылилось желание прокатиться. Сели на первого стоящего извозчика и помчались, но заметили, что следом за нами вышел Н.А. Толмачев, севший тоже на извоз-

чика и ехал за нами. Я велел извозчику свернуть с главной улицы, но Толмачев опять ехал за нами; куда бы мы ни сворачивали, все время видели его едущим за нами.

Много вылилось горя и досады на нашего преследователя, но мы ясно поняли, что все это проделывается Толмачевым с целью помешать нашему tête-à-tête[7]. К обоюдному огорчению, пришлось направиться к дому, где жила моя спутница, здесь же остановился Н.А. Толмачев. С большой грустью расстался с милой барышней и поехал к себе в гостиницу уже с Толмачевым, оставшимся посидеть у меня в номере почти с час.

Пришлось употребить все усилия, чтобы не дать понять Толмачеву, как я — в эти минуты сидения — его ненавидел, но, постепенно приходя в себя, сознал, что этот милый старичок поступил мудро: разгоревшаяся страсть без должного крепкого чувства любви привела бы нас к большому разочарованию и горю.

В доме этой барышни мне не пришлось бывать, она к себе не приглашала; из разговоров с ней я понял, что в семье их не все благополучно. Толмачев и Обухов мне рассказали: ее отец, будучи военным доктором, попал в Ташкент; настал момент, когда его потянуло к созданию своей семьи, но в то время в Средней Азии свободных русских девушек и женщин, подходящих к нему по воспитанию и образованию, не было; сартянки недоступны для русских; доктор увлекся молодой прислугой, привезенной из России семьей какого-то офицера, женился на ней и имел от нее двух красивых дочек. Доктор быстро двинулся по службе и довольно быстро достиг чина генерала. Желая дать своим дочках образование и хорошее воспитание, он отправил их в какой-то институт, так как он отлично понимал, что необразованная его жена и к тому же начавшая сильно пить может плохо морально на них влиять. Девочки отлично кончили институт и вернулись в семью, где попали в тяжелую семейную обстановку.

В Новый год я уже был готов выйти из дома, чтобы отправиться к великому князю Николаю Константиновичу, когда мне доложили, что желает меня видеть городской голова Кожевников (имя и отчество забыл).

Ко мне вошел довольно полный господин в мундире с орденами и отрекомендовался: «Городской голова[8] города Ташкента Кожевников, бывший служащий Товарищества «Н. Кудрин и К⁰», находившийся некогда под вашим начальством, а потому счел долгом засвидетельствовать свое почтение и поздравить с Новым годом».

Кожевников мне не понравился: его глаза, лицо, да вообще вся фигура была какая-то тусклая, грубая, похожая на приказчика от стойки питейного дома. Я вспомнил, что действительно при самом начале моей деятельности в Товариществе был в Ташкенте доверенный Кожевников, и больше об нем ничего не знал.

Разговор с ним у меня совершенно исчез из памяти как весьма мало интересный. Он встал и начал прощаться. Я ему сказал, что я тоже должен пойти с визитом к великому князю Николаю Константиновичу.

Кожевников схватил меня за руку: «Что вы! Что вы! Не ходите к этому сумасшедшему!» И рассказал: он по приглашению великого князя поехал на хутор к нему в Голодную степь, где великий князь проводил арык для орошения земли. Был принят князем весьма любезно, он усадил его в кресло, и они начали оживленно беседовать. Вдруг князь сразу изменился в лице, переменил тон, повысил голос до крика с руганью, схватил нагайку и бросился на него. «Я, перепугавшийся, — как рассказывал Кожевников, — не растерялся, подбежал к окну и выскочил из второго этажа, к счастью, упал на большой куст какого-то растения, благодаря чему не разбился. Вставши на ноги, подбежал к верховой лошади, привязанной у крыльца дома, вскочил на нее и галопом понесся в город, опасаясь погони сумасшедшего князя. Поведение великого князя, — продолжал он, — меня сильно возмутило, я отправился к генерал-губернатору Вревскому с жалобой. Вревский мне ответил: “Вам, как лицу официальному, городскому голове, должно бы прежде всего знать, что великий князь находится в ссылке и вам не следовало бы его посещать, но раз вы это сделали, то все последствия от случившегося должны нести одни”».

Рассказ Кожевникова меня смутил, и я решился отложить свой визит к великому князю.

Когда справился у своих знакомых о Кожевникове, мне рассказали о нем следующее: будучи доверенным, он достаточно набил свои карманы деньгами, покинул службу, открыв свое дело. Считая себя уже достаточно богатым, со свойственной напыщенностью ограниченных людей от денежных удач, возомнил себя большим человеком с желанием пофигурировать в звании общественного деятеля, попал в гласные думы, а потом добился избрания в городские головы.

Вечером этого дня, когда у меня был Кожевников, я, будучи в гостях у Захо, рассказал ему все, что слышал от Кожевникова. Захо рассме-

ялся и сказал: «Он мягко передал вам о своем приключении. В действительности великий князь сильно его избил, и если Кожевников при своей трусости решился выпрыгнуть из окна второго этажа, то только ради спасения своей жизни, и хорошо это сделал, а то очень вероятно, и не был бы живым теперь. Кожевников долго лечился от избиения, прискакал он в город в разорванном в клочки мундире и штанах и без орденов».

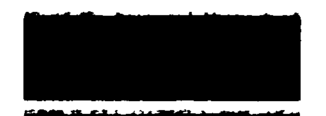
С визитом к великому князю я отправился в то время, когда узнал, что он отсутствует в городе, оставив свою карточку, проделал все это незадолго до своего отъезда из Ташкента*.

Я собирался в обратную дорогу со спокойным духом, не таким, как месяц с чем-то тому назад подвигался к Ташкенту, обуреваемый дурными мыслями. Сделано было все, что возможно: приискан главный управляющий, хотя с некоторым изъяном, но все-таки он был лучшим из всех тех, на которых я рассчитывал; Аигин остался главным бухгалтером и заместителем Обухова, следовательно, все распоряжения и затраты денег проходили через его руки, а он, как честный и умный человек, не пожелал бы скрыть от меня, если бы сделано было что-нибудь неправильно; главные вредители дела были удалены со службы; значительная часть других плохих сотрудников назначалась к сокращению; Обухов и Аигин были хорошо инструктированы с желаниями и требованиями правления. Я, отдавши прощальные визиты всем лицам, с которыми так приятно провел время в Ташкенте, тронулся в путь. Выехал в том же тарантасе со своим компаньоном В.А. Капустиным, с пересечением Голодной степи по направлению к Самарканду. Ехали быстро, я сидел полный воспоминаний всего пережитого и не заметил, как кучер свернул с дороги и остановился у ворот какой-то усадьбы с домом, живописно расположенным среди пирамидальных тополей и кустов, позади дома протекал широкий арык, со стоящей на нем мельницей. Какое же было мое удивление, когда у дверей я заметил многих моих ташкентских знакомых, с которыми я накануне прощался. Они стояли с бокалами вина в руках, приветствуя меня. В комнате был накрыт стол, на нем стоял шипящий самовар с расставленными закусками, пирогами, жареными птицами и винами. Как оказалось, эти милые люди устроили мне сюрприз, с желанием провести со мной несколько лишних часов на лоне природы, чтобы здесь окончательно со мной проститься. Они при-

*В следующий свой приезд в Ташкент мне сообщили: Кожевников заключен в тюрьму, как растративший городские деньги при исполнении обязанностей городского головы.

везли с собой яства и вина, и, таким образом, получился великолепный пикник с трогательными речами и тостами, в особенности после распитых бутылок шампанского.

Наконец, расцеловавшись со всеми, я тронулся в путь, сопутствуемый пожеланиями счастливого пути, а я — со своей стороны — обещанием скорого возвращения в Ташкент.

ГЛАВА 40

Я ехал обратно в Москву, как говорится, налегке; почти весь свой багаж, оказавшийся очень большим, мною был отправлен за несколько дней до моего отъезда из Ташкента через транспортную контору «Кавказ и Меркурий» в Баку, где я рассчитывал передать его в багажный вагон, идущий с моим поездом.

Проезжая города и местечки Средней Азии, понятно, не мог утерпеть, чтобы не накупить разных вещей кустарной работы местных жителей; так, в Мерве накупил туркменских ковров, в Бухаре тоже ковры и палацы, филигранных изделий для украшения женщин, музыкальных инструментов, ружей; как говорится, допотопных антикварных изделий, как, например, был куплен медный художественной работы прибор, старинной работы, какой обыкновенно носили более почетные и уважаемые дервиши, состоящий из кувшина для воды, продолговатой миски для пищи и чашки для питья (пиала), на этих всех предметах были вычеканены чернью из Корана молитвы; фигурчатые тыквы, искусно выращенные с изображением некоторых частей мужского тела, применяемые сартами как табакерки для табаку, который они любят жевать; ножи с клинками хорошей стали, да всего не перечтешь, чего я накупил, — все эти вещи были так оригинальны в то время и меня поражали своими разными особенностями; кроме того, как я уже писал, куда бы я в гости ни приезжал, все дарили меня халатами, коврами, шелковыми и бархатными изделиями, каковых набралось много, предназначенных мною для подарков в Москве своим друзьям и знакомым, так как в то время халаты были довольно редки в Москве и мои подарки производили восхищение.

Свои парчовые халаты, полученные от эмира, бека и некоторых сартов, я решился не везти в Москву: кто их будет носить? — разве только для маскарада! Променял их на много блюд китайской работы и ваз, причем несколько ваз были вышиной не менее двух аршин.

Я даже не взял свой чемодан, бывший со мной все время до Ташкента, чтобы облегчить дорогу лошадям, принужденным ехать теперь по

дороге, сильно размытой дождями. Помню, как мы, подъезжая к Самарканду, радовались, что мы почти у пристани, оставалось проехать лишь 5 верст, но они нас измучили так, как будто мы проехали 1000 верст по плохой дороге. Эти 5 верст мы ехали несколько часов, тройка поминутно останавливалась, колеса наполовину уходили в грязь, тарантас ежеминутно, когда его лошади сдвигали с места, грозил перевернуться, и мы бы очутились в ужасном положении. Лошади, кучер и мы, седоки, были измучены этими пятью верстами езды и, выбравшись наконец на мощеную дорогу, от радости чуть не плясали. Эта пятиверстная дорога находилась между стройками, перегруженная ездой благодаря строящейся железной дороге.

В Самарканде я заканчивал свои дела, которые не успел окончить из-за своей болезни при приезде в первый раз. Счел долгом навестить Д.Л. Филатова, который оказывал мне всевозможные любезности в Ташкенте и тогда же взял с меня слово, что я его навещу, когда приеду в Самарканд.

Дмитрий Львович познакомил меня с мадам Вараксиной, с которой он жил как с женой, не будучи повенчан из-за того, что ее первый муж не давал развода. От нее он имел сына, которого очень любил. Мадам Вараксина была уже немолодая, но по чертам ее лица можно было видеть, что она в молодости была красивой. Филатов меня не отпустил без обеда и угостил вином своего изделия «Lacrima Christi»[1], замечательным на вкус: такого вина я ни разу не пил в Италии — его родине.

Я попросил Дмитрия Львовича, не может ли он продать мне его несколько десятков бутылок. Он мне отказал, сказав: «Берегу его только для гостей, особо чтимых мною, так как у меня остается его очень мало», — причем прибавил: несколько месяцев тому назад у него был в гостях великий князь Николай Константинович, которого он тоже угостил этим вином, тому так понравилось оно, что он упрашивал продать ему все, но он ему тоже отказал.

В конце обеда Филатов, переговорив с мадам Вараксиной, решился ехать в Москву со мной вместе, чем мне доставил большое удовольствие провести с этим интересным человеком побольше времени.

Из Самарканда выехали по железной дороге сравнительно с хорошими удобствами, благодаря Д.Л. Филатову, имеющему близкие связи в железнодорожном мире; нам было предоставлено купе, где разместились

мы с другими русскими его знакомыми, и путь наш до Узун-Ады прошел довольно приятно, не то что, как это было с нами, когда мы ехали из Узун-Ады, мы были помещены в вагон, набитый туземцами, хотя и на нижних лавочках, но над нами на решетчатых полках сидели правоверные, аккуратно исполняющие мусульманские обычаи, производя перед часом своей молитвы омовения, и вода их текла нам на головы и вещи; кроме того, туземцы питались какой-то пищей, испускавшей особо сильное сероводородистое зловоние, нужно думать, из-за порченого бараньего сала с чесноком и еще смешанное с чем-то, такое сочетание производило запах, не дающий возможности дышать без рвоты. Только благодаря настойчивости нашей и железнодорожного служащего, нашего компаньона по путешествию, удалось их водворить в другой вагон.

Теперь ехали в культурном обществе, все перезнакомились, делясь впечатлениями и запасами, и путь скучнейший прошел сравнительно хорошо.

Приехав в Узун-Аду, нас ожидала опять неудача: пароход общества «Кавказ и Меркурий» ожидался в Узун-Аду не раньше, чем через двое суток, да сутки он должен быть нагружаем, следовательно, придется жить в Азун-Аде еще трое суток.

Опечаленные создавшимся положением, мы все разбрелись по разным частям пристани; я с кем-то пошел по берегу моря и отошел далеко от жилья; из-за лежащих в бунтах товаров вышли две персиянки, одетые во всем белом и с таковыми же чадрами. Я сказал своему спутнику, указывая на них: «Должно быть, уроды?» Тогда одна из них откинула свою чадру, и мы увидали, что персиянка была очень красивой женщиной; она быстро опустила чадру и спешно скрылась между товарами, и мы только могли вслед ей излить наше восхищение ее красоте.

Вернувшись на станцию, нашли В.А. Капустина и Д.Л. Филатова, сообщивших, что в Узун-Аде имеется персидская шхуна, выходящая из Узун-Ады сегодня, направляясь в Петровск, куда придет через трое суток. Капитан этой шхуны соглашается за плату взять всех нас и отдаст в наше распоряжение единственную каюту, с обязательством ежедневно кормить нас пловом.

Перетолковавши между собою, мы решили ехать: не будет же хуже на шхуне, чем пробыть трое суток в Узун-Аде и страдать от всех неудобств и скуки.

В каюте шхуны разместились на диванах дамы, мужчины на полу. Капитан кормил нас восхитительным пловом, приготовленным из какого-то особого риса очень продолговатой формы; больше мне такого риса в продолжение всей моей жизни видеть не приходилось, хотя я много раз выписывал из Персии, но не получал такого.

Погода сначала нам очень благоприятствовала: было тепло, мы гуляли по палубе в одних костюмах, без пальто; объедались фруктами, взятыми нами, и азиатскими винами. К вечеру другого дня нашего отъезда, к нашему удивлению, мы услыхали плач ребенка, раздающийся за бортом шхуны в море, все бросились к борту, устремив глаза в воду, рассчитывая увидеть плывущую лодку. В это же время быстро вбежал на палубу капитан в сопровождении матросов, которым он делал какие-то приказания. Матросы скоро взобрались на мачты, убирая паруса.

Филатов подбежал к капитану и что-то спросил его по-персидски, тот ему ответил. Дмитрий Львович нам перевел: будет сильный шквал, всегда перед бурей кричат в море тюлени. Крик их очень схож с плачем ребенка.

Все приуныли: переносить шквал на Каспийском море, да еще на парусной шхуне, быть с дамами в общей каюте — крайне неприятная история!

Вдали на горизонте виднелись темные тучи, с блеском молнии, начал накрапывать дождь, и наше шхуна слегка покачивалась. Мы поспешили в каюту и залегли спать. Я скоро и крепко уснул.

Проснулись утром на другой день при ярком солнечном свете, окруженные бесконечным зеленоватым водяным пространством, тихим и спокойным. В таких хороших условиях прошли все три дня нашего путешествия по морю, ни разу серьезно не качнуло.

Мой багаж, отправленный из Ташкента раньше нашего выезда, я передал «Кавказ и Меркурию» для отправки его пароходом, должным прибыть через двое суток, уверенный, что он придет в Москву одновременно с моим приездом туда *.

В петровском агентстве «Кавказ и Меркурий» сообщили, что пароход, с которым я должен был выехать в Баку, попал в сильный шторм и в агентстве все беспокоятся за его участь, так как о нем не имеется никаких известий, и боятся, что не потонул ли он.

*Мой багаж пришел в Москву значительно позже моего приезда.

По приезде в Москву мне Петр Акимович Колудоров, агент московского отделения, сообщил: пароход перенес сильный шторм, с поломанными мачтами, избитый весь, был унесен в какой-то из персидских портов, откуда переотправлялся в Баку.

Перенести бурю на Каспийском море — избави Боже каждого. Однажды как-то, будучи в Баку, пошел на пристань в то время, когда прибыл пароход, перенесший шторм. С парохода выходила шатающаяся команда, матросы все с темно-зелеными лицами, на них жалко было смотреть, а вся публика, которая была на нем, была выносима на носилках в бесчувственном состоянии.

ГЛАВА 41

После моей поездки в Среднюю Азию дела в Товариществе приняли другой оборот: комиссионные операции, на которых первоначально строилось дело, перешли на второе место, а скупка хлопка в Средней Азии заняла первенствующее значение; и было видно, что получаемая от нее польза значительно покроет пользу, получаемую от операций по иностранному хлопку.

Такая перспектива для гг. Руперти, желающих остаться во главе дела, понятно, была нежелательна, им очень хотелось бы скупку хлопка в Средней Азии присоединить к операциям по иностранному хлопку, с тем чтобы в будущем получать тантьему, как они имели от иностранных операций. Вследствие чего они начали интриговать против меня у лиц, имеющих значение в делах Товарищества, как, например, у товарища председателя А.К. Трапезникова и директора-распорядителя Н.К. Бакланова. В каких мыслях и словах заключались их наговоры, мне не было известно, но из моих разговоров с Трапезниковым и Баклановым сделалось ясным, что наговоры Руперти имели успех: они сделались более сдержанными со мной, стараясь убедить меня в более умеренном темпе ведения покупок, и даже проглядывало некоторое недоверие к моим действиям. И если бы не цифровые результаты моей деятельности и отчасти поддержка меня со стороны Н.А. Найденова, удерживающего их от более решительных мер, то им удалось бы повредить мне.

Видя, что эта мера им не удалась, Руперти начали обхаживать меня с другой стороны. Приняв доброжелательный тон, они, как бы из-за сочувствия ко мне, советовали перейти мне на определенное жалованье, почти более чем вдвое большее получаемой мною тантьемы, объясняя свое желание тем, что могут быть года, когда мне не придется ничего получить, а при определенном жалованье я обеспечен навсегда, причем убеждали меня, что вычисление для меня тантьемы бухгалтерией чрезвычайно сложно и трудно. Но я на их удочку не пошел, отлично понимая значение сердечного немецкого расположения к конкурирующему лицу.

Я всегда придавал большое значение при оплате за труд отчислением известного процента с прибыли, а на большие определенные вознаграждения смотрел недоброжелательно: большое жалованье только может испортить и понизить трудоспособность энергичного и дельного человека, отнять у него инициативу и некоторое самопожертвование при могущих быть случайностях. Как пример этого моего заключения я мог бы привести ряд событий, бывших со мною, и некоторые из них укажу потом в своем месте, сейчас же расскажу об одном, как пример, достаточно разъясняющий мою мысль.

В один из последующих годов моей деятельности в Московском Торгово-промышленном товариществе в Коканде умер немец, представитель какой-то крупной фирмы, от черной оспы. Т.И. Обухов, не отличавшийся храбростью и силой духа, потерял голову и прислал мне отчаянную телеграмму: «Коканде черная оспа, немедленно выезжаю с семьей Москву, телеграфируйте, кому передать дело». Я ему ответил: «Как только выедете, телеграфируйте, выеду лично сам, без руководителя нахожу невозможным оставить дело».

Я много раз задавал себе вопрос: поехал ли бы я, если бы имел определенное жалованье? Кому приятно ехать в зараженное место с шансом умереть от скверной болезни! Но мое участие в прибылях преодолело силу боязни, и моя решительная телеграмма к Обухову отрезвила его; получил от него ответ: «Остаюсь, случай смерти единичный».

Я от предложения определенного жалованья гг. Руперти и им сочувствующего С.М. Долгова отказался, не желая переходить из живой рабочей силы на должность важного приказчика.

Кстати сказать, единовременно со всем этим пришел к Н.А. Найденову О.М. Вогау, имеющий комиссионное дело со Средней Азией и конкурирующий с Товариществом и потому хорошо знакомый с моей деятельностью, с предложением: не пойду ли я к нему работать с жалованьем гораздо большим, чем предлагали мне гг. Руперти? Из чего я мог заключить, что наветы на меня гг. Руперти не могли остаться в тайне между немцами московской колонии. Немцы — при своем самомнении — считали, что победа останется на стороне гг. Руперти и мне придется либо уйти, либо занять положение в Товариществе менее ответственное, только этим могу объяснить предложение Вогау пойти к нему работать. Вся эта шумиха вокруг меня, правду сказать, мне отчасти льстила: я видел, что Руперти моей работы боятся, а другие ценят ее.

Эдгар Руперти даже не стеснялся прибегать к непозволительным мерам: открывать письма, адресованные на мое имя, с целью найти в них сведения, компрометирующие меня, и, передавая распечатанное письмо, сконфуженно просил извинения за происшедшую ошибку, хотя такие ошибки у него происходили довольно часто и с письмами от таких лиц, которые могли бы быть под подозрением, как, например, от подрядчика, строящего дом на Нижегородской ярмарке под моим наблюдением, и других, тому подобных. На его извинения я ему раз навсегда сказал: «Пожалуйста, не стесняйтесь, распечатывайте все мои письма делового порядка, я никакой претензии к вам не имею. Считаю, что все деловые письма должны быть известны всем товарищам по работе».

Руперти, видя, что все их действия к желательным для них результатам не приводят, решили прибегнуть к решительным мерам, как они полагали, — скупить наибольшее количество паев и сделаться хозяином положения в деле. Не сообразив того, что Товарищество есть филиал банка и весь успех дела, главное, зависит от получаемого кредита, так как ведение хлопкового дела не может происходить без усиленного кредитования, паев они скупили достаточное количество, и на скупке их произошла стычка с Н.А. Найденовым, у которого они перебили паи, уже им сторгованные, заплатив дороже. Скупку паев Руперти производили через одного из служащих в Товариществе Александра Каспаровича Токке, поставленного в Товарищество Руперти и близкого им человека. Найденов усмотрел в действиях Токке желание оскорбить его и потребовал удаления Токке со службы в Товариществе.

Руперти, оскорбленные удалением Токке, тоже не пожелали остаться в Товариществе и вышли из него. Своим заявлением о выходе их из Товарищества они предполагали поставить его в затруднительное положение тем, что пришлось бы с уходом их иностранное дело ликвидировать и Товарищество осталось бы с одним русским хлопком, дело, которое в то время еще только развивалось и Руперти еще не могли думать, что оно примет такие широкие размеры. Руперти, несомненно, лелеяли мечту, что это их заявление повергнет в уныние всех членов правления и их будут уговаривать остаться в Товариществе, следовательно, дадут все льготы, каких они добивались, то есть подчинить все русское дело их заведованию. Делаю это заключение не на основании своих предположений, а из слухов и разговоров, слышанных мною от их немецких друзей. Маклер по хлопку Александр Степанович Конжунцев мне рассказал: ему пришлось ехать на Нижегородскую ярмарку в одном купе с

Романом Романовичем Шульцем; когда они разговаривали между собой, Шульц ему сказал: «Жаль Московское Торгово-промышленное товарищество, оно должно погибнуть с уходом оттуда Руперти». Конжунцев, имея дело с Товариществом, ответил ему: «Напрасно так думаете! Дело не упадет, а еще больше расцветет, сужу это по его постановке и размеру».

Московские немцы обиженного Александра Иустиновича Руперти поместили директором в Московский Учетный банк; сын его Эдгар, женатый на сестре популярного московского городского головы Н.А. Алексеева[1], был взят в директора «Товарищества В. Алексеева сыновья» в качестве руководителя по иностранному и русскому хлопку.

Первое дело Руперти в «Товариществе В. Алексеева» было закрытие комиссионного хлопка, с выдворением оттуда Александра Петровича Веретенникова, о котором я расскажу кое-что в конце этой главы.

Эдгар Руперти выехал в Азию с целью организовать скупку хлопка, но вместо хлопка он увлекся сахарным делом и увлек этим делом правление, с намерением выстроить большой сахарный завод, и, кроме того, развел большой плодовый сад. Вскоре у него начались какие-то недоразумения с правлением с заказанными им машинами для сахарного завода, без достаточно проверенных оснований, и еще его какие-то действия по несолидности и несуразности вызвали у его товарищей по делу неудовольствие, заставивши их отстранить Э. Руперти от азиатского дела, оставив его лишь в качестве директора по иностранному хлопку — дело, которое мало развивалось.

По азиатскому хлопку вместо Руперти стал Владимир Сергеевич Алексеев (брат артиста Константина Сергеевича Станиславского). Владимир Сергеевич Алексеев был хорошо образованный и воспитанный человек, высокого роста, полный, с прекрасным цветом лица, с красивыми и добрыми глазами, носил одни усы. Владимир Сергеевич по своему внутреннему содержанию не подходил к коммерческой деятельности, он был в душе артист — любитель музыки и вообще театрального искусства; как мне казалось, его семейная обстановка удерживала от окончательного разрыва с его родным торговым делом, как это было сделано его родным братом К.С. Станиславским. Он работал в Товариществе и тяготился торговым делом, вследствие чего не представлял опасную силу другим конкурирующим с ним фирмам.

Характерной чертой Владимира Сергеевича было излияние своих сетований и жалоб на азиатских поставщиков хлопка и московских покупателей. Его чистая, хорошая натура не могла примириться с ловкими

проделками его поставщиков и покупателей, стремящихся всеми силами и способами изловить в свою пользу доверчивого В.С. Алексеева.

С уходом гг. Руперти из Московского Торгово-промышленного товарищества лишились четырех работников: старика Руперти и его трех сыновей, да, кроме того, еще А.К. Токке, весьма способного и дельного продавца.

В Товариществе я остался один как практическая деятельная сила, окруженный лицами из старшего служебного персонала, относившимися ко мне с малым доброжелательством из-за опасения, смогу ли я повести дело с хорошими результатами.

Долго и с напряжением я перебирал всех своих знакомых, могущих занять положение в Товариществе в качестве моего помощника, так как одному справиться с делом не было возможно. Тоже волновался об иностранном хлопковом деле: нужно было пригласить человека, согласившегося бы занять положение Руперти в Товариществе. Остановился на Якове Андреевиче Колли, имеющем свое хлопковое дело, а его средства не давали возможности развить свое дело, но [он]отказался перейти в Товарищество. Наконец, нашелся один немец Роман Романович Щенбек, рекомендованный Н.А. Найденову каким-то немцем, так как он по своим способностям и знанию хлопкового дела не мог удовлетворять немцев, имеющих свое хлопковое дело, а потому они желали облагодетельствовать Щенбека и в свою очередь быть уверенными, что с ним Товарищество не сможет повести дело с иностранным хлопком и сделаться серьезным конкурентом их. Но я был рад и Р.Р. Щенбеку как хорошо знавшему иностранные языки, и он имел понятия об условиях ведения хлопкового дела. Ему дали жалованье 6 тысяч рублей в год, еще какое-то отчисление от пользы, и он засел в Товариществе с бесконечным потягиванием гамбургских сигар, с повествованием новых анекдотов, а по возвращении с завтрака пребывал в благодушном настроении от выпитого вина и пива.

Я отправлял в продолжение нескольких лет молодых людей в Бремен, Ливерпуль и в Америку с целью им дать возможность изучить хлопковое дело на этих всемирных рынках. Эти молодые люди внесли много полезного в иностранное отделение Товарищества и способствовали развитию его.

Молодые люди В.А. Капустин, Дианов и М.М. Ерофеев были первые пионеры из русских людей, изучивших постановку дела с американским хлопком, до этого этим делом занимались немцы и евреи. Товариществу удалось завязать хорошие отношения с некоторыми американски-

ми фирмами, доставлявшими хлопок правильной классификации. Дело с иностранным хлопком начало давать пользу не меньшую, чем при Руперти, и ежегодно расширялось.

Человека к себе в помощники я нашел совершенно случайно: как-то сидел в ресторане «Славянский базар», ко мне подошел маклер Николай Никифорович Дунаев с молодым человеком и представил его, назвав Романом Васильевичем Живаго.

Живаго на меня произвел приятное впечатление, он был небольшого роста, с хорошими густыми волосами, блондин, с голубыми глазами и красивым с горбинкой носом, носил усы, одет был изящно, и видно было, что он из образованной и воспитанной семьи.

Я с ним немного поговорил и узнал, что он зять Ивана Ивановича Казакова, моего компаньона по Кинешемской мануфактуре. Прощаясь с ним, я пригласил его заходить ко мне в Товарищество. Постарался о нем навести справку, мне сообщили: страдал душевной болезнью, человек крайне энергичный, но с очень дурным характером, и с кем бы он ни работал, у всех создавалось желание скорее с ним разойтись. В последнее время он работал с тестем Казаковым, и тот был несказанно рад, когда отделался от своего зятя, потом Живаго сделался маклером по хлопку и работал совместно с Дунаевым и Ершовым.

Решил остановиться на нем, несмотря на его дурной, взбалмошный характер; знал, что у людей с таким характером обыкновенно это бывает из-за недостатка работы или неправильного ее распределения; если его силу энергии направить должным образом, то он может сделаться неоценимым помощником. Маклерское дело ему давало большую пользу, он хорошо зарабатывал, но он сознавал, что его душевная болезнь может с ним повториться и он и его семья на время его болезни останутся без заработка, и эта мысль угнетала и усиливала его нервность, а потому, когда я предложил ему перейти к нам в Товарищество на службу, он быстро согласился. Когда сделалось известным, что Живаго поступил на службу в Товарищество, многие мне говорили: «Что вы сделали? Ведь он сумасшедший, с ним работать будет невозможно, он вас измучит и издергает!»

Во многом вещатели оказались правыми, мне иногда приходилось с ним трудно, но, несмотря на это, я никогда не пожалел о своем выборе из-за его несомненных достоинств: его громадной энергии, пунктуальности, аккуратности, ни одного дела он не делал без моей санкции, передавал в точности все переговоры с покупателями, давая мне полное представление о состоянии рынка и тем облегчая руководство делом.

Быстрота передвижения Живаго была изумительна, его в конторе прозвали «Ураган Васильевич».

Он переходил из маклеров в Товарищество, где он будет зарабатывать меньше, но зато имел много других льгот: пользовался ежемесячным отпуском, кроме того, часто ездил на охоту на день или два, что он не мог делать, будучи маклером. С ним случались припадки душевной болезни, его помещали в лечебницу, а семье шло определенное ежемесячное жалованье. Во время его отсутствия товары продавались и записывались на его счет, так что он ничего не терял, и здоровье его значительно укрепилось от сознания, что он обеспечен.

Как я уже говорил, Руперти при своем вступлении в «Товарищество В. Алексеева» прежде всего закрыл комиссионное дело с Азией, заведующий этим делом Веретенников, обидевшийся на это, оставил службу у Алексеевых, желая жить на средства, оставленные его матерью. Прожив так некоторое время, он без работы стал скучать. Попросил Т.И. Обухова переговорить со мной: не возьму ли я его на службу в Товарищество.

Я его взял, поручив ему исполнение разных поручений от азиатских и афганских купцов, как-то: покупка зеленого чая для Афганистана, золотой канители в Индию, разных стеклянных и фарфоровых изделий, идущих в Азию в большом количестве, и, кроме того, продажу коконов в Марселе, скупаемых нами в Фергане во время летнего сезона, когда оставшиеся служащие оставались совершенно без работы, и это было сделано с целью, чтобы отвлечь их от безделья, со всеми дурными от этого последствиями. Все дела, производимые Веретенниковым, не представляли Товариществу особенной пользы, она выражалась в нескольких тысячах рублей, и я считал, что получаемая польза покрывала только помещение, занимаемое Веретенниковым. Решился написать о нем в своих воспоминаниях только потому, что жизнь этого некогда очень богатого человека была интересна.

Когда я познакомился с Веретенниковым, он уже был пожилой, здоровый человек, среднего роста, с отличной бородой и хорошей растительностью на голове, всегда хорошо одетый наподобие английских купцов, с которыми ему пришлось долго жить и работать.

Отец ему оставил большое состояние, когда он был еще молодым человеком, кроме того, его мать была из рода богатых купцов Куманиных[2], имела свои деньги и жила отдельно от сына. Веретенников, по-

лучив от отца состояние, как говорят, «протер глазки денежкам», что называется — зажил!

Результаты его жизни скоро показали себя, он оказался банкротом. Обратился к матери с просьбой помочь ему, но она категорически отказалась это сделать. Веретенников принужден был бежать за границу, поселился в Лондоне. Нужда и голод скоро выбили из его головы разные чудачества, которые он проявлял в Москве: так, выезжал он всегда на паре рысаков белой масти, причем кучер, экипаж и он — с ботинок вплоть до цилиндра на голове — были все в белом. Веретенников, развалясь в коляске, положив ногу на ногу, с белой палкой на коленях, с гордостью и надменностью посматривал на народ, останавливающийся полюбоваться на этого чудака. В Лондоне он начал работать простым клерком, потом какими-то судьбами попал на остров, находящийся в Тихом океане, обитаемый исключительно дикарями, и был сделан там англичанами вроде губернатора над туземцами, с которыми он поладил и, к удовольствию своего начальства, извлекал от дикарей хорошие доходы. Там он проработал около десяти лет, срок, дающий ему возможность вернуться на родину, когда кредиторы теряли право засадить его в «яму», так называлась тюрьма в Москве, куда засаживали неисправных плательщиков.

Приехав в Россию, он поселился в Одессе, поступив в отделение Московского Торгового банка, где и познакомился и подружился с Т.И. Обуховым, служащим в том же банке, которому он все рассказывал, о чем я пишу. Веретенников в Одессе женился на еврейке из публичного дома, желая, как сам говорил, отомстить своей матери, отказавшейся ему помочь деньгами в тяжелое время, говоря: «Пусть она, Куманина, знает, что ее невестка — жидовка!» Жена же оказалась очень хорошей и доброй женщиной, Веретенников прожил с ней счастливо всю жизнь.

После ликвидации Московского Торгового банка в Одессе, Веретенников переехал в Москву и поступил на службу в «Товарищество В. Алексеева», где ему было сначала поручено вести корреспонденцию с индусскими клиентами, покупавшими в «Товариществе В. Алексеева» канитель (так называется серебряная и золотая тонкая нитка, идущая для вышивания).

Отчетный год после выхода господ Руперти из Товарищества ознаменовался хорошей пользой, что сразу изменило отношение ко мне некоторых моих сотоварищей по работе, испытывавших до того ко мне недоверие. Я после того занял твердое положение в деле, и ни один вопрос не проходил без моего ведома, вплоть до моего выхода из Товарищества.

ГЛАВА 42

В 1892 или 1893 году, я хорошо не помню, ко мне однажды в кабинет Торгово-промышленного товарищества вошел Н.А. Найденов быстро, как всегда это проделывал; по лицу его было заметно, что он чем-то взволнован, и сказал: «Бабкинская мануфактура прекратила платежи, и один из владельцев ее, Николай Козьмич [Бакланов], состоит председателем совета Торгового банка. Я никак не ожидал, что дела у Баклановых так плохи, следовало бы Николаю Козьмичу оставить председательствовать в совете банка, он должен был знать о критическом положении дела — это не делает ему чести».

Бабкинская мануфактура принадлежала двум братьям — Ивану и Николаю Козьмичам Баклановым, последний из них был председателем совета Торгового банка и директором-распорядителем в Торгово-промышленном товариществе.

Для меня это известие явилось большой неожиданностью, я был глубоко уверен, что Баклановы очень богатые люди. Вспомнилось посещение меня с месяц тому назад одним бухарцем, который между разговорами спросил меня: «Правда, что один из главарей Торгового банка скоро прекратит платежи?» Я спросил, о ком он говорит. «Балашинская мануфактура», — ответил он. Я рассмеялся и сказал: «Ну, здесь бояться нечего: Балашинская мануфактура возглавляется Павлом Григорьевичем Шелапутиным, очень богатым человеком; Балашинская у нас покупает, но только за деньги и ничего нам не должна». Теперь мне стало ясным, о ком бухарец мог мне тогда говорить, но только перепутал фамилии: вместо Бабкинская, сказал Балашинская, о чем я и рассказал Н.А. Найденову. Николай Александрович вскочил со стула и с горячностью сказал: «Жаль, что вы своевременно мне не рассказали! Можно было догадаться, о ком говорится!»

Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что история с Баклановым для Н.А. Найденова была одним из самых тяжелых переживаний у него в жизни, унесшим много сил и здоровья.

Между Н.А. Найденовым и Н.К. Баклановым были довольно дружеские отношения, это можно было заключить из их переписки между собою, часто производившейся в стихах, чего и не миновали даже деловые записки и отношения. Близкие отношения Найденова с Баклановым начались с 1870 года, года учреждения Московского Торгового банка; в то время Баклановы были богатыми купцами, имеющими довольно большое влияние среди купечества, в то же время Н.А. Найденов не представлял из себя никакой особой величины в купеческом мире.

Баклановы жили у Красных ворот в своем доме, потом проданном ими Сергею Владимировичу Алексееву[1]; Иван Козьмич переехал во вновь купленный дом-особняк на Моховой улице, перешедший потом сибирской миллионерше Базановой, а от нее к миллионеру фабриканту Красильщикову[2]; Николай Козьмич купил себе особняк в каком-то переулке на Пречистенке[3], перешедший после банкротства к фабриканту Николаю Николаевичу Коншину-старшему, называемому так в отличие от его сына тоже Николая Николаевича младшего.

Н.К. Бакланов был мой непосредственный начальник при поступлении в Московское Торгово-промышленное товарищество. Мои впечатления о нем остались довольно тусклые, и большой деловитости я в нем не видал, но это можно объяснить было тем, что его служебная нагрузка во многих торговых и общественных учреждениях была очень большая, и его посещения Московского Торгово-промышленного товарищества были на час или полтора в день, скорее, их можно было рассматривать как часы отдыха от многих забот в других делах.

Н.А. Найденов приписывал расстройство дел Бабкинской мануфактуры покупке ими большого лесного имения где-то на юге России, в количестве нескольких десятков тысяч десятин леса, которые хотя были куплены очень дешево, но требовали еще расходов по эксплуатации, и затрата на покупку вызвала уменьшение оборотных денежных средств товарищества, да, кроме того, старший сын Ивана Козьмича, Александр Иванович, раньше подававший большие надежды своими способностями, произвел значительную растрату, израсходованную им на кутежи.

Бабкинская мануфактура вырабатывала суконные товары, преимущественно идущие в казну для армии, а потому Николаю Козьмичу приходилось часто ездить в Петербург для переговоров с интендантством, куда и мне приходилось ездить, и потому встречались с ним в вагоне и беседовали. Некоторые из его рассказов у меня остались в памяти.

Так, однажды он задержался в Петербурге, в компании поехал обедать в какой-то ресторан, а оттуда к какой-то известной сводне, познакомившей его с милой и интересной дамой. На другой день, приглашенный на jour fixe[4] к крупному чиновнику-интенданту, Николай Козьмич сидел в гостиной среди собравшихся гостей, в это время вошедший лакей доложил хозяевам о прибытии какой-то четы, его превосходительства с супругой (фамилию он мне не назвал). В дверях гостиной, к большому его удивлению, Бакланов увидал входящего господина со звездами и даму, с которой он познакомился вчера у сводни. Дама, заметившая Бакланова, смутилась, но не растерялась. Села с ним рядом и начала разговаривать и ему сказала: «Рассчитываю на ваше благородство; вы не будете разбалтывать о нашей вчерашней встрече. Я чувствую себя очень виноватой перед мужем и принуждена была сделать такой проступок не ради дурных чувственных побуждений, но по необходимости к деньгам: жизнь дорога, по занимаемому положению мужа я должна бывать в обществе и принимать у себя, для чего должна иметь костюмы, экипаж и производить другие траты, между тем муж получает жалованье и больше никаких доходов не имеет, и я решилась прибегнуть к способу, меня позорящему. Надеюсь, вы поймете меня и не очень осудите». Николай Козьмич успокоил ее и сказал: «Болтать об этом не в моих интересах», так как муж ее имеет влияние на его дела как поставщика в интендантство.

Бакланов еще рассказывал много разных вещей их чиновничьей жизни и, между прочим, как ему было предложено купить в Москве большое владение и не за дорогую цену, находящееся у Красных ворот, потом использованное государством для устройства в нем института для сирот дворян; в данное время в нем находится наркомат НКПС[5]. Бакланов от такого предложения отказался и сказал мне: «Я не считаю себя за казнокрада, с возможностью случайного обогащения при помощи объегоривания государства».

Банкротство Бакланова очень подорвало доверие к Н.А. Найденову среди московских купеческих тузов, считавших его виновным в допущении кредита Бабкинской мануфактуре в 2 миллиона рублей в то время, когда Бакланов был председателем совета — высшего контролирующего органа банка.

Н.К. Бакланов пришел к Н.А. Найденову, упал в ноги перед ним и со слезами просил простить его за легкомыслие, что он не имел сил

сознаться в плохом положении своих дел, все еще до последней минуты рассчитывая на изменение фортуны в лучшую сторону, как это бывает нередко с торговыми людьми.

Николай Александрович ежедневно заходил ко мне после собрания членов совета банка, и я видел, сколько стоит ему сил, здоровья, энергии, самолюбия и терпения перенесение всех выпавших на него невзгод, с восстановлением опять к нему пошатнувшегося доверия со стороны лиц, крупно заинтересованных в банке. По его измученному и неспокойному лицу можно было судить, как эти заседания совета обходились ему тяжело; у него однажды вырвалась фраза: «Один Бог знает, сколько история с Баклановым у меня отняла здоровья! Когда я мочусь, у меня идет кровь». Я глубоко уверен, что другой человек на его месте, с обыкновенными способностями, не смог бы перенести создавшегося положения.

Акции Торгового банка в цене падали, вклады уменьшались, на собраниях совета доходило дело почти до скандала, некоторые члены совета наседали на Николая Александровича, в особенности в этом отличался Василий Иванович Якунчиков, человек грубый и не отличающийся объективностью; про него говорил Иван Иванович Казаков, бывший тоже членом совета банка, хорошо знавший В.И. Якунчикова: «Вот везет же ему, как незаконнорожденному. Ведь, поди, может в трех соснах заблудиться, а в делах ему счастье так и прет!» В какой-то газете промелькнуло о банкротстве Бабкинской мануфактуры и владельцев ее Баклановых, имеющих большое положение в банке с большой задолженностью в нем. Очень настойчиво поговаривали о назначении ревизии Министерством финансов, куда от кого-то поступила просьба о ревизии Торгового банка. Если бы ревизия состоялась, то положение Найденова было бы крайне невыносимое и ему пришлось бы оставить все свои общественные дела, а без них, я уверен, Найденов потерял бы смысл жизни — так он вкладывал в них много души своей! Но, к благополучию его, ревизии не было назначено. Поступившее от кого-то в Министерство финансов прошение о ревизии банка попало в комиссию, где председательствующим был товарищ министра (фамилию забыл, кажется, не то Покровский, не то Петровский[6]), только недавно назначенный на эту должность из Москвы, где он занимал должность, кажется, управляющего Казенной палаты. Он знал лично Н.А. Найденова и в комиссии заявил: «Нахожу, что ревизию Торгового банка производить не следует в данное время, Найденов и многие другие, стоящие во главе банка, мне лично известны и заслуживают полного доверия».

В довершение всех этих неприятностей, его единственный сын Александр Николаевич, с горя загулял от безнадежной любви к барыш не Савостьяновой (дочке булочника с Петровки), не пожелавшей выйті за него замуж. Александр Николаевич, состоя главным бухгалтером бан ка, начал манкировать службой, не являться своевременно в банк и имея контрольные ключи от кладовой кассы, задерживал текущие опе рации.

Таковым создавшимся положением пользовались лица, не симпати зирующие Найденову, начали наносить уколы, как клопы во время жар кой летней ночи в наполненной разными жильцами комнате без достаточ ного внимания к чистоте, употребляя все усилия, чтобы досадить ему

И.А. Колесников, директор С. Морозова, занимающийся денежны ми делами Марии Федоровны Морозовой (жены Т.С. Морозова), имев шей большое количество акций Торгового банка, пустил их в продажу предполагаю, из-за желания отомстить Найденову за уход его хозяина Т.С. Морозова, из председателей Биржевого комитета по вине Най денова.

Один из директоров банка, Александр Карлович Гок, пользуясь рас пущенностью поведения Александра Николаевича Найденова, старалс раздуть это сравнительно неважное дело в событие. Прибегал ко мне жалобой на него: «Скажите, на что это похоже! Уже половина одинна дцатого, а бухгалтера еще нет на службе, а из-за этого происходит при остановка всех операций банка!» Жалоба эта была справедлива и основа тельна, но было видно, что она делается не из-за боязни за дела банка а скорее, с целью ухудшить положение Н.А. Найденова. Гок отличн понимал, что я ничем не мог помочь в этом случае, разве только дове сти до сведения отца, чем мог бы еще больше расстроить его в и без тог тяжелые минуты его жизни. Понятно, Гок не стеснялся жаловаться н одному мне, но всем приходящим к нему по делу, даже лицам, не близк стоящим к банку *.

*Не знаю, из каких источников Найденов узнал о кутежах сынка, и он решился пр бегнуть к крутым мерам — женить его. О чем сообщил мне, но сетовал, что не имеет на примете подходящей невесты. Между тем года за полтора или два до этого Н.И. Р шетников пригласил меня поехать с ним в Исторический музей на лекцию академи Янжула, где и познакомил со своей сестрой Елизаветой Ивановной[7], еще очень мол денькой, но привлекательной и интересной девицей, только что кончившей Черняев кую гимназию. Еще тогда Решетников намекнул мне, что хорошо бы выдать ее замуж А.Н. Найденова. Я знал об увлечении Александра Николаевича другой, не обратил н

Все неприятности Н.А. Найденова были им перенесены и изжиты, за дела Бабкинской мануфактуры он обратил серьезное внимание, и постепенно она вошла в свою колею, особенно получилось облегчение после того, как было продано лесное имение на юге России и за сумму, значительно большую, чем за него было заплачено.

лова Решетникова внимания, но теперь вспомнил и сказал Николаю Александровичу: евеста есть, сестра Н.И. Решетникова. Я и Александр Николаевич были приглашены а обед к Н.И. Решетникову, где Найденов и познакомился с Елизаветой Ивановной, е предполагая, с какой целью он был приглашен на обед. Вскоре после этого обеда .А. Найденов просил приехать меня к нему, чтобы совместно убедить сына в необходи-ости жениться.

Александр Николаевич, услыхав о таковом желании отца, наотрез отказался испол-ить это, встал со стула, чтобы покинуть комнату, но я воспрепятствовал этому, стал у вери и не выпустил его. Произошел у меня с ним крупный и неприятный разговор: иколай Александрович и его брат Виктор Александрович, бывший здесь же, даже убе-али из комнаты, но после долгих разговоров и моих убеждений Александр Николаевич, збешенный моими доводами, подошел ко мне и сказал: «Хорошо-с — я женюсь!» — ничижающе осмотрел меня и немедленно вышел из комнаты. До сего времени у меня в уше сохранился неприятный осадок от этого разговора, но я, право, не сожалею, что ак поступил, и уверен, что, если бы его женитьба не состоялась, он бы окончательно пился и с ним было бы то же, что с сыном Г.И. Хлудова, о котором я уже писал. На-етая на него почти насильно узда сохранила ему жизнь и здоровье, хотя не излечила его т алкоголя.

ГЛАВА 43

Я познакомился с Н.А. Найденовым в 1885 году, когда ему было лет пятьдесят с чем-нибудь, роста был небольшого, носил бородку, глаза были живые, черные; плешь прикрывал длинной прядью волос, оставленных назади. Все его лицо, фигура, движения давали понять, что он состоит из сплошного клубка нервов. Он не мог долго сидеть неподвижно на одном месте, быстро вскакивал со стула, чтобы достать что-нибудь, то побежит к ящику с папиросами, то за коробкой спичек, то побежит поправить пачку бумаг, лежащих на другом столе, то полетит за пепельницей, чтобы поставить ее к себе поближе, и если кто, желая услужить ему, предупреждал его и подвигал пепельницу, хотя он и благодарил за любезность, но по всему было видно, что он этой помощью недоволен. Когда он ходил, то как будто бежал маленькими шажками, и в это время успевал замечать все, что делается вокруг его. Таковая его подвижность осталась до старости лет: еще незадолго до его смерти я видел, как он поднимался по крутой лестнице банка на третий этаж, перепрыгивая сразу через несколько ступеней.

Беседуя с кем-нибудь из своих близких, он не стеснялся упираться ногами в крышку письменного стола, делая это не только у себя в доме, но и в банке, так что его колени были выше головы; и как было видно, такое положение тела доставляло ему удовольствие, в это время он либо курил, либо кусал на своих пальцах место, где по законам природы полагается быть ногтям, а ногтей у него не было, они были сглоданы им давно, еще в детские времена его жизни.

Приходящих к нему лиц он принимал по-разному: с одними, кого он желал расположить к себе, говорил мягко, с улыбающимися ласковыми глазами, кого он не любил, считая за ничтожество, с тем говорил довольно надменно, часто обрывая, глаза делались у него насмешливыми и резкими. Лица, которые ему были нужны, выслушивались внимательно, с частыми восклицаниями междометий: «Что вы!.. Как так!.. Да не может быть!» — и тому подобное. Между тем зачастую все, что он слушал, ему было известно раньше из других источников; дела-

лось это, я думаю, с целью не лишить удовольствия рассказывающего поделиться волнующим его предметом, а в свою очередь убедиться еще раз в правильности изложения.

Вообще за Н.А. Найденовым была слава большого хитреца. Когда ему хотелось узнать что-нибудь, то он с большим искусством подходил к лицу с расспросами, и в большинстве случаев это ему удавалось. Когда ему приходилось задумать какое-нибудь дело, он нужных для этого лиц заблаговременно подготавливал к этому, и ему даже приходилось делать это за много лет до того, когда оно могло быть осуществлено. Подготовив таким образом, он оформлял все это письмами, протоколами, и в свое время благодаря документам дела должны были приводиться в исполнение к огорчению подписавшихся.

Об одном таком случае я рассказал уже в своих воспоминаниях (глава 21), другой случай, мне известный, был с учредительскими паями Торгового банка: хитроумный Николай Александрович лет за 8—10 предусмотрел, что может наступить такой момент, когда по этим учредительским паям придется получить кое-что. Он знал, что большинству акционеров выдача по учредительским паям не будет желательна и они постараются пользу распределять так, что на учредительские паи получить ничего не придется; чтобы устранить это, он через совет банка поднял вопрос — раз навсегда закрепить постановлением о распределении прибыли к моменту окончания срока по учредительским паям. Сделать это ему было легко, так как членам совета в то время и в голову не приходила возможность такого случая, и такое постановление состоялось, с занесением в протокол за подписью всех членов совета, с председателем его П.И. Саниным.

За этот долгий срок времени Николай Александрович скупил учредительские паи за бесценок, и они у него оказались почти целиком.

Все так и случилось, как предполагал Николай Александрович: собравшийся совет решил распределить прибыль по акциям в таком виде, что по учредительским паям не пришлось бы получить; Найденов запротестовал, но, видя, что его доводы не принимаются во внимание, он достал членам совета протокол, подписанный ими 8 лет тому назад, из которого ясно было видно, что вопрос был решен и перерешать его не представляется возможным.

Этот момент напомнил мне картину известного немецкого художника, принадлежащую Н.Ю. Крафту, — «Игра в шахматы кончилась». На

ней изображен проигравший со злобным раздражением на лице, не имеющий возможности излить свою обиду и горечь над выигравшим партнером, он старается придать лицу, как говорят французы, faire bonne mine à mauvais jeu[1], выигравший старается подавить свою радость на лице и быть равнодушным, что ему не удается.

Я уверен, что у Н.А. Найденова было такое же выражение, как у счастливого партнера, он радовался выигрышу не из-за того, что благодаря своей предусмотрительности положил в карман несколько десятков тысяч рублей, но, главное, из-за того, что сумел поставить в смешное положение умного и осторожного П.И. Санина, закатив ему хороший шах и мат на коммерческом поприще.

Трудоспособность Н.А. Найденова была изумительна, он с 9 часов утра до часу ночи, почти ежедневно, был занят. На плечах его находилась масса дел, и к ним он относился серьезно, а не кое-как.

Состоял председателем в Московском Торговом банке, в Московском Торгово-промышленном товариществе, председателем совета Александровского Коммерческого училища, им основанного, куда он вкладывал много времени и внимания как своему детищу; в этом училище была тысяча человек учащихся. Был председателем Московского Биржевого комитета, Московского Мануфактурного совета[2], гласным Московской городской думы[3], участвуя там в нескольких комиссиях; состоял выборщиком в Московском купеческом обществе[4], был председателем серьезных комиссий, где очень много работал и пользовался там большим влиянием и авторитетом*.

Н.А. Найденов был одним из самых аккуратнейших посетителей всех общих собраний Товариществ, где он принимал денежное участие и председательствовал всегда на них. Кроме этих дел, он известен своими трудами по описанию московских церквей, материалами к истории

*Мне пришлось слышать от Ивана Григорьевича Простякова, тоже принимавшего участие в этом обществе, обладающего громадным капиталом, прибыль с которого шла исключительно на благотворительные учреждения, что неприход своевременный Н.А. Найденова к открытию заседания смущал старшину, старавшегося задержать открытие заседания, чем однажды вызвал недовольство у уважаемого Павла Михайловича Третьякова, спросившего старшину: «Почему не открывается собрание, кворум полный?» Наивный старшина ответил: «Прошу немного еще подождать прихода Николая Александровича Найденова, он сейчас придет, вопрос на рассмотрении серьезный». Третьяков молча встал и уехал из собрания. Я предполагаю, что этот протест П.М. Третьякова не относился к Н.А. Найденову, а к бестактному старшине, так как мне приходилось очень часто видеть П.М. Третьякова у Найденова, к которому он относился с большим уважением.

Москвы, купечества и Московской биржи, и еще у него было много разных письменных трудов, которые я не припомню[5]. Известный археолог и историк И.Е. Забелин и многие другие относились к его историческим трудам с особым уважением.

Н.А. Найденов работал даже в праздничные дни, обыкновенно утром уходил в церковь, после чего садился за работу, отрываясь от нее лишь для обеда и чая, работал даже в то время, когда у него бывали гости: прибежит в гостиную или столовую, поговорит немного и опять убежит работать. Меня всегда удивляли, как его голова вмещала все и разбиралась в делах с таким разнообразием, его способность сразу обхватить и учесть положение дела, благодаря чему с ним приятно и легко было работать.

Конечно, все его достоинства были оценены: у купечества он пользовался почетом и уважением и у большинства оставил добрую по себе память, правительством он был награжден всеми орденами, какие только были возможны для лица дворянского сословия, включая звезду «Белого Орла»[6]. Но что удивительно, Н.А. Найденов не был дворянином и был единственный купец в царской России, получивший их все. Случилось же это так: представляясь министру финансов Вышнеградскому с очередным докладом в год пятидесятилетия Московской биржи, министр при расставании, прощаясь с Найденовым, сказал: «Зная и оценивая ваши заслуги, я буду ходатайствовать у государя о награждении вас званием дворянина». Найденов, поблагодарив министра, ответил: «Ваше высокопревосходительство! Мне было бы весьма тяжело и нежелательно покинуть свое сословие, в котором родился и значительную часть жизни прожил: связан с купечеством родственно и душою, и в свою очередь мне не хотелось бы, чтобы мой сын отошел от купеческого быта, в своей жизни я наблюдал: купцы, получившие дворянство, теряли связь с купечеством — от купцов отстали и к дворянам не пристали!.. с дворянством у них не получилось должной близости».

Вышнеградский, пожав ему руку, сказал, что понимает его и доложит об этом государю.

Найденову вместо дворянства был пожалован орден Станислава 1-й степени[7]. За этой наградой потекли очередные звезды, и после получения им звезды «Белого Орла» уже не было орденов, чтобы наградить его, тогда ему был прислан портрет государя Николая II с его подписью с чиновником, на то уполномоченным[8].

Отказом от дворянства Николай Александрович произвел среди купечества некоторое смятение; приходилось слышать: «Вот молодец!.. он этим дал понять, что и купечество принимает участие в создании силы и могущества государства в области торговли и промышленности и заслуги купечества не должны оцениваться меньше дворян». С другой стороны, его отказ от дворянства послужил осуждению со стороны правой части печати; так, известный журналист Меньшиков в «Новом времени» писал: «Удивляюсь, как могли допустить, чтобы купчишка смел отказаться от столь высокого звания, как дворянство!»[9]

Найденовская семья не была из известных и богатых лиц московского купечества, она принадлежала к лицам среднего достатка, мелким промышленникам, вышедшим из рабочих. Славу и положение ее составил Н.А. Найденов.

Мне мало известно о жизни Николая Александровича до 1885 года, то есть года моего первого знакомства с ним; слышал, что учился хорошо и окончил курс в немецкой Петропавловской школе при лютеранской церкви[10]; говорили, что маленьким был большим забиякой, был любимчиком своей матери, которую он тоже сильно любил, вспоминал о ней всегда с особым теплым чувством.

Родился Николай Александрович в 1834 году, женился в 1864 году на падчерице Евгении Ивановны Расторгуевой, Варваре Федоровне, родившейся в 1847 году, ее отец был торговец золотыми, серебряными и бриллиантовыми вещами в Харькове, после его смерти вдова Евгения Ивановна вышла замуж за служащего покойного мужа Василия Васильевича Дегтярева; будучи ревнива и боясь, что ее супруг увлечется ее молоденькой падчерицей, Варвару Федоровну поспешила выдать замуж за подвернувшегося жениха Н.А. Найденова, в то время мало известного, давши за ней приданого 75 тысяч рублей. Эти деньги, нужно думать, в значительной степени поспособствовали его благополучию, и ко дню смерти Варвары Федоровны капитал его возрос до 600 тысяч рублей.

Варвара Федоровна была молчаливая, с виду кроткая и без всякой воли, как бы забитая; мне пришлось только раз увидать с ее стороны желание проявить свое неудовольствие, быстро подавленное резким окриком Николая Александровича, и она немедленно сделалась молчаливой и послушной.

Варвара Федоровна получила хорошее домашнее образование, но по свойству своего характера, а может быть, под гнетом властного мужа,

она ни в чем не могла проявить влияния на воспитание детей, отличалась только особой любовью к чистоте; во всем доме нельзя было найти пылинки, на это уходила у ней вся ее энергия.

Варвара Федоровна была крайне неразвитая женщина, с жизнью совершенно незнакомая; с людьми не сходилась, подруг не имела, родственников по возможности избегала; к посещающим во время семейных торжеств выходила смущенной и сконфуженной, сидела, как было видно по всей ее фигуре, взволнованная, с раскрасневшимся лицом, потупя глазки и отвечала на вопросы только «да», «нет». При первой возможности старалась уйти от гостей в свою спальню, где и оставалась до разъезда их. Не любила посещать своих родственников, знакомых, бывать на разных увеселениях.

Мне рассказывал Николай Александрович: однажды он отправился с ней в какой-то загородный сад, где пели цыгане; их пение, пляска с подергиванием бедрами и грудями произвели на нее сокрушающее впечатление, она горько заплакала и с настойчивостью, не свойственной ей, потребовала от мужа ухода из сада. Хозяйство ее простиралось до разливки чая, все же остальное вела старая нянька, а после ее смерти дальняя родственница Пелагея Андреевна Торубаева.

Николай Александрович был чадолюбивым отцом, но не мог уделять сколько-нибудь времени своим детям, ему приходилось их видеть и говорить с ними только по праздникам, так как в будни он вставал в 9 часов утра, когда они уже ушли в школу, а приезжал домой, когда они уже спали. На воспитание детей смотрел как на бесполезный труд, говоря: «Дети должны расти и развиваться, как цветы в поле, без вмешательства посторонних». Уже когда я с ним познакомился, он мне об этом не говорил, так как взгляд на это переменился с того времени, как дети его подросли, а это мне пришлось слышать от его брата, Виктора Александровича, настоявшего на приглашении опытной и образованной гувернантки в период детства детей.

Невольно у меня являлась мысль: женись бы Найденов на другой женщине с более требовательным и самостоятельным характером, сделался бы он таким крупным деятелем? Пришел к заключению: нет! Не найдя в своей семье удовлетворения душевных потребностей, он всей своей даровитой натурой отдался всецело трудовой жизни.

Н.А. Найденов по окончании школы работал в деле своего отца, но оно по своей незначительности не могло увлечь его, занять же положе-

ние в каком-либо другом,более крупном деле — не было для этого нужных денежных средств, а потому ему пришлось начать работать с самых маленьких должностей, чуть ли не с торгового рыночного смотрителя.

Николай Александрович понял, что служебная карьера не вытащит его на вершину волны житейского моря и придется добиваться этого на общественном поприще; естественно, он обратил внимание на Московское купеческое общество, с которым пришлось иметь дело по делам его отца. Выступая на собрании, он не мог не обратить на себя внимание со стороны купечества, состоящего в то время из лиц малообразованных, а потому он вскоре в Купеческом обществе занял подобающее положение. Особенно в этом ему помогла безвозмездная работа для Купеческого общества по хлопотам в министерстве по весьма нужному вопросу для общества. В то время адвокаты были мало знакомы с требованиями, условиями и бытом торгового класса, из них некоторые, более известные, брались за проведение этого дела в министерстве, но в затраты назначали такие громадные суммы, что от их услуг пришлось отказаться. Вот это-то дело Н.А. Найденов взялся провести в министерстве, что ему и удалось блестяще. Купечество в благодарность за его работу поднесло громадный ящик со столовым серебром с его вензелями.

После этого его положение совершенно упрочилось в Купеческом обществе навсегда. В то же время произведенная им работа в Петербурге дала возможность познакомиться с важными чиновниками министерства, которые в будущем ему сильно пригодились.

Около семидесятых годов прошлого столетия в Москве образовалось Общество взаимного кредита, в это Общество попал Н.А. Найденов; желая занять в нем доминирующее положение, он начал критиковать действия некоторых директоров, которые в свою очередь приняли меры, и на ближайшем собрании членов Общества взаимного кредита он был забаллотирован.

Обиженный этим, он собрал из своих знакомых купцов группу для учреждения в Москве частного банка под наименованием Московского Торгового. Разрешение на открытие ему удалось получить благодаря ранее завязанному знакомству в министерстве, но после многих трудов и хлопот. Единовременно с ним вместе хлопотала другая группа лиц на открытие Московского Учетного банка. Министерство и этой группе лиц дало разрешение на открытие, но постановило вновь на открытие банков в Москве разрешений не давать, находя Москву достаточно насыщенной ими.

Открытие Московского Торгового банка совпало с годами наивысшей спекуляции на Бирже с акциями и другими ценными бумагами. Найденов, записавшийся на большое количество акций им учрежденного банка, успел значительную часть акций продать с хорошим лажем[11], и ему оставшаяся часть досталась почти задаром — это и послужило началом его личного денежного благополучия.

Положение Найденова среди купечества вполне упрочилось с устройством Московского Торгового банка, выбором его в председатели правления банка и избранием председателем Московского Биржевого комитета. Благодаря всем этим делам ему приходилось часто посещать Петербург с представлением министру [финансов] и другим крупным чиновникам, у которых он получил к себе полное расположение; ему легко было разобраться в сложном чиновничьем аппарате, насыщенном интригами, коварством и завистью, и он ловко пользовался этими эмоциями у других чиновников, ниже рангом стоящих, чтобы иметь их как поддержку своим желаниям. Об этом мне пришлось слышать от одного моего знакомого чиновника Сергея Сергеевича Захарова, уверявшего меня, что с Н.А. Найденовым считаются и даже побаиваются, из-за опасения, что умело и вовремя сказанное Найденовым слово на приемах у сильных мира сего может значительно способствовать понижению или повышению в их служебном положении. Еще в самом начале деятельности Найденова ему предлагали занять довольно высокий пост директора [департамента] торговли и мануфактур, но он уклонился от этого, и, когда я задал ему вопрос, почему он не взял его, он ответил, смеясь: «Нахожу лучше быть в первом десятке в деревне, а не в последнем десятке в столице».

Многие из московских купцов, зная отношения Н.А. Найденова к крупному чиновному миру, часто прибегали к его советам и заступничеству, что он делать не отказывался, давая им указания, письма к влиятельным лицам, что способствовало к благополучному окончанию [их дел].

Был случай с Николаем Ивановичем Прохоровым, владельцем Трехгорной мануфактуры, о запрещении спуска отработанных вод с фабрик в Москву-реку генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем, это запрещение было равносильно закрытию фабрик, а следовательно, прекращению дела. Хотя на фабриках были приняты меры к очищению воды от грязи и красок, но они попадали все-таки в незначительном количестве в реку.

Прохоров, имевший в Петербурге большие знакомства и связи, поехал туда и начал хлопотать. Явившись к министру внутренних дел[12], изложил ему все дело с просьбой защитить его интересы. Министр ему задал вопрос: «Следовательно, вы приехали с жалобой на дядю государя?» Прохоров оставил свою просьбу, испугавшись еще больших неприятностей. Обратился за советом к Н.А. Найденову, отнесшемуся весьма сочувственно к положению Прохорова, он поехал лично сам в Петербург, где и добился того, что распоряжение великого князя Сергея Александровича не было приведено в исполнение.

Оказывая покровительство некоторым купцам, Николай Александрович не стеснялся других ставить в тяжелое положение, если они некогда ему вставляли спицы в колеса, так было с московским купцом Петром Дмитриевичем Сырейщиковым, оказавшимся в числе тех лиц, которые способствовали к удалению его из совета Общества взаимного кредита.

Состоя председателем в комиссии о назначении лиц на общественные должности при Купеческом обществе, обязательные купцам, уплачивающим гильдию[13], Найденов настоял назначить П.Д. Сырейщикова первоприсутствующим в Сиротский суд[14], должность по своей ответственности крайне неприятная и хлопотливая, кроме того, она мешает назначенному занимать другую выборную должность в Товариществе или в Обществе, к тому же оплачиваемую. Сырейщиков был директором в Обществе взаимного кредита, откуда получал хорошее вознаграждение, а потому назначение его в Сиротский суд ставило его в неприятное положение остаться без хорошего места и хорошо оплачиваемого. К благополучию П.Д. Сырейщикова, удалось избежать такого назначения. Он, по совету известного присяжного поверенного Плевако, вступил членом в какое-то благотворительное учреждение в Петербурге, дающее право лицам, состоящим в нем членами, отказываться от общественных служб по назначению Купеческого общества.

У меня сохранились в памяти некоторые рассказы Н.А. Найденова из его общественной служебной практики.

Как раз во время Страстной недели Великого поста в Биржевой комитет поступило заявление от кредиторов Стоецкого, имевшего публичный дом на Сретенке, в Соболевом переулке, о назначении лица из среды купцов по принятию мер к охране имущества от несостоятельного должника. Найденов наметил лицо, и послано было извещение о немедлен-

ном принятии всего имущества публичного дома. Вскоре к Найденову явился назначенный купец и со слезами умолял освободить его от этой обязанности, говоря: «Я человек семейный, говею на этой неделе, придется туда часто ездить, могут увидать и подумать, что я езжу туда кутить...» Николай Александрович его освободил и назначил другого, с которым получилась такая же история, и его пришлось освободить. Найденов увидал, что найти человека для этой обязанности не так-то просто, начал внимательно просматривать список всех купцов и остановился на богатом армянине Халатове, владельце большого торгового дела, домовладельце и владельце имения Свиблово, близ Останкино. Халатов не приехал просить об освобождении, а, наоборот, по окончании им принятия имущества этого заведения приехал выразить свою благодарность за оказанное ему доверие. Найденов, смеясь, говорил: «Наконец нашелся человек, вполне удовлетворенный этим делом, чему от души радуюсь!.. а то не знал, что делать!»

Министерство финансов решило выстроить новый дом для Государственного банка, помещавшегося на Солянке во владении Опекунского совета[15] в доме крайне старом и неудобном. В образовавшуюся комиссию по постройке был приглашен Н.А. Найденов, убеждавший их строить на Мясницкой улице, на углу Банковского переулка, так названного от бывшего там в старое время Государственного банка, но чиновники, бывшие в комиссии, не согласились с ним, и решено было начать стройку на Неглинной улице.

Министр Вышнеградский, будучи в Москве, приехал на одно из заседаний комиссии, где выяснялось неприятное положение с увеличением цен на строительные материалы против утвержденных смет; произошло это оттого, что члены комиссии, уполномоченные по закупкам материала, пропустили выгодное время из-за своей неопытности: так, цена кирпича успела подняться до 26 рублей, когда его можно было бы купить по 22 рубля, как было утверждено по смете. Всем было известно, что Вышнеградский был расчетливый человек, а следовательно, останется недовольным упущением момента, отчего стоимость стройки сильно удорожится. Члены, закупающие материалы, во главе с архитектором сильно волновались и употребляли все усилия купить подешевле у каких-нибудь кирпичных заводчиков, всех их вызывали, но ни один из них не согласился снизить цены с 26 рублей за тысячу. Найденов, приехавший на это собрание, предложил свои услуги по способствова-

нию к торговле с заводчиками. Председатель комиссии обратился к Николаю Александровичу и сказал: «Мы, уполномоченные по закупкам, конечно, будем рады, если к нам войдет еще новый член, но вряд ли этим удастся снизить цену на кирпич, так как все заводчики опрошены и никто не пожелал уступить». Тогда Вышнеградский обратился и сказал: «Попросим Николая Александровича взять этот труд на себя — нам, чиновникам, трудно состязаться с людьми практики». Найденов по телефону вызвал известного заводчика Байдакова и уговорил его согласиться на цену кирпича по 22 рубля; здесь же, получив от него запродажное письмо, Найденов вошел в залу заседания, вручил запродажную в руки министра, к удивлению всех присутствующих членов комиссии.

Проезжая в Среднюю Азию, мне довольно часто приходилось останавливаться в Баку и даже жить по нескольку суток по случаю скупки Товариществом там персидского хлопка. Меня поражали богатства Баку, с добычей нефти на сумму большую 20 миллионов рублей. Русских предпринимателей там почти не было, а преимущественно были армяне и другие национальности. Можно сказать, что золото в Баку текло рекой, особенно это было видно при посещении банков и клубов, где процветала азартная игра исключительно на золотые монеты, и я видел счастливчиков, загребающих золото кучами. Рассказывая об этом Н.А. Найденову, я ему высказал однажды, что меня удивляет, «почему вы не выхлопочете землю в Баку» — ведь на этом деле можно нажить миллионы! На это Найденов мне ничего не ответил, но я заметил, он задумался и долго просидел молча*.

*Как-то путешествуя в Ессентуки по Волге с моим хорошим знакомым М.А. Боголеповым, мы в Царицыне пересели в поезд, идущий на станцию Минеральные Воды. Когда мы сидели в купе вагона, к нам вошел еще пассажир — молодой человек, невольно обративший на себя внимание красотой своего сложения и лица, а также костюмом. Лицо его давало основания думать, что он восточного происхождения, но не из армян или грузин. Костюм же его заключался в шелковой рубашке, русской поддевке, с шароварами из лучшего английского сукна, с желтыми из тонкой кожи сапогами, на пальце его руки красовался крупный брильянт чистейшей воды, большой ценности. Его молодость, красота, жизнерадостность, вообще вся его фигура давала повод думать, что он кумир женщин, любящих мужчин, без требований от них душевных качеств; он представлял красивейшее животное; правда, я им любовался, задавал себе вопрос: кто он мог бы быть? какое занимает социальное положение в обществе? Я решил по его странному костюму, перстню на пальце во время дороги, что он из сутенеров. Когда он вышел в коридор вагона, мой попутчик М.А. Боголепов с ним разговорился и узнал от него, что он сын известного нефтяного заводчика Шамси Асадулаева.

С Асадулаевым я был знаком в Москве, покупая от него нефть для фабрики, почему пришлось быть у него на квартире на Лубянке, где в данное время помещается ГПУ[16].

Но мои слова и разные рассказы из жизни бакинских предпринимателей запали в душу Н.А. Найденова, приблизительно в 1901—1902 годах ему удалось выхлопотать нефтеносную землю в Баку, [он] организовал Московско-Кавказское нефтяное общество с 10-миллионным капиталом, в большинстве своем распределенным между фабрикантами-

---

Сидя у него в кабинете, я заметил красивую и нарядную даму; увидав, что Асадулаев сидит не один, она поспешно вышла из комнаты. Оказалось, это была его жена, которую он вывез из Баку из публичного дома и женился на ней; опасаясь, что ее могут в Баку убить его единоверцы-мусульмане, он перебрался на жительство в Москву, жил сначала на квартире, а потом купил роскошный особняк на Воздвиженке[17] у Логина Алексеевича Корзинкина, а другие говорили, что боялся своих родных, относившихся к его жене с ненавистью из-за боязни, что его богатства перейдут к их мачехе, имеющей большое влияние на старика татарина Шамси.

Молодой сын Шамси Асадулаева рассказывал в вагоне интересную биографию своего отца.

Шамси в молодости был простым чернорабочим (амбала), таская тяжести при разгрузке и нагрузке пароходов, потом сделался рабочим при сверлении дыр в земле для добычи нефти и уже немолодым человеком заделался маленьким подрядчиком по бурению нефтяных скважин. Жил скромно, мало расходуя, составил небольшое сбережение, на какое и купил небольшой участок земли, показавшийся ему нефтеносным. Начал на нем бурить землю, израсходовал все остальные деньги, после чего принужден был пригласить компаньона-еврея, внесшего обусловленную сумму, каковая была вся израсходована скоро; тогда обратились к кредитованию в банке, где тоже достаточно задолжали, но в просверленной скважине нефти не показывалось. Компаньон его еврей испугался, что кроме потери внесенных им денег ему придется платить по займам в банке, решился выйти из компании Шамси, предложив ему оставить все дело за собой, но с тем, чтобы по займам в банк нес ответственность один Ш. Асадулаев. Соглашение состоялось, и Шамси сделался единым владельцем предприятия.

Асадулаев продолжал бурение, и вскоре, к его благополучию, забил сильный фонтан нефти, давший ему миллионы. Его бывший компаньон-еврей пришел к Шамси и просил продать 50 тысяч пудов нефти, он ему продал. Еврей начал перекачивать к себе, причем Асадулаев заметил, что в его хранилище нефти убавляется сильно, чего не должно бы быть при количестве взятия 50 тысяч пудов, начал следить, и ему сообщил кто-то, что еврей провел секретную трубу к себе в нефтяную яму и таким образом пользуется нефтью задаром. Асадулаев заявил прокурору, еврея арестовали и посадили в тюрьму, где он с горя повесился, а Шамси с каждым годом все больше богател.

Этого сына Асадулаева часто приходилось встречать в ессентукском парке, гулять с ним; однажды рано утром выйдя на прогулку, встретил одного своего знакомого, и он сообщил мне новость: "Молодой Асадулаев арестован за участие в убийстве своей мачехи, со своим поваром". Вечером, идя по парку, увидал идущего Асадулаева, такого же веселого и жизнерадостного, как обыкновенно он был всегда. Я подошел к нему и спросил: "Правда ли говорят, что в вашей семье несчастье?" — "Ничего нет! — отвечал он. — Мой повар резил мамашку, а меня почему-то арестовали!.. при чем я, это он ее резил!" К благополучию его мачехи, она осталась жива и выздоровела. Молодой Асадулаев к суду не был привлечен, что сделалось с поваром, мне неизвестно.

текстильщиками. Дела этого Общества шли хорошо, давая ежегодно большую прибыль (20%).

Один из участников этого предприятия, армянин Гукасов, прельстил Н.А. Найденова продать ему пай и уговорить остальных пайщиков сделать то же за сумму в четыре раза дороже, чем за них было заплачено, и таким образом сделался единственным владельцем этого золотого дела.

Учреждение этого Нефтяного общества произошло как раз во время возникновения недоразумений моих с Н.А. Найденовым; несмотря на это, он счел своим долгом предложить мне паи на выгодных для меня условиях; предполагаю, что это им было сделано потому, что он считал справедливым отблагодарить меня как внушившего ему эту идею.

Обиход жизни Н.А. Найденова был чрезвычайно прост и скромен, только в нем можно было заметить чрезмерную страсть к курению, он даже курил во время мороза, едучи на своей лошадке. Меня удивляла его малая потребность в пище. Утром выпивал два стакана чая с хлебом и маслом, с очень тоненькими и небольшими двумя кусками; когда он приезжал в банк, буфетчик ему приносил на маленьком подносике два стакана чаю, молочничек с молоком и четыре куска сахару и три сдобные булочки, продаваемые в то время по копейке за штуку; он клал сахар в чай и все это оставлял у себя на столе; вернувшись с биржи в 2 часа, наливал в стакан молока, размешивал и выпивал один стакан холодного чая, съедал одну из булочек, а зачастую даже половину булочки. Приезжая домой в 12 или час ночи, съедал оставленное в столовой второе блюдо из обеда семьи, причем очень небольшую часть.

Я у него обедал почти каждое воскресенье. Ему наливали полтарелки супу, он посыпал укропом, из второго блюда брал маленький кусочек и немного гарниру, а от других блюд отказывался. В 4 часа выпивал стакан чаю, съедал иногда яблоко из своего сада, умело сохраняемое до Пасхи его братом Виктором Александровичем, любителем плодоводства и цветоводства. Семья в 8—9 часов ужинала, он же никогда. В молодые годы, как он говорил, ходил в трактир Лопашова[18], где съедал порцию какого-нибудь блюда, и тогда, приезжая к себе ночью домой, ничего не ел.

Жил в своем родовом доме[19], напоминавшем дом купца среднего достатка. Поднимаясь по лестнице во второй этаж, попадали в небольшую комнату, откуда прямо входили в зал, наполненный стульчиками, столами ломберными, расставленными по стенам. Украшением залы были живые цветы, состоящие из разных пальм, великолепно ухожен-

ных, стоящих на гипсовых под мрамор тумбах, а некоторые в пробковых корзинках, искусно сделанных из пробковой коры; из всех пальм в зале выделялась финиковая пальма, своими перистыми листьями упиравшаяся в потолок. Она была выращена из косточки финика, полученного Найденовым во время коронации Николая I в раздаваемых народу подарках. Из залы попадали в гостиную с мягкими креслами и стульями, с диваном и овальным столом. Столовая была низенькая, со старинными иконами и старой малоинтересной мебелью, перешедшей от предков.

Кабинет хозяина представлял узкую комнату с низким потолком, с двумя окнами, выходящими на двор. Перед письменным столом стоял диван, наполненный разными бумагами и книгами, и было оставлено на нем только место для одного человека. По стенам тянулись книжные шкафы простой работы из соснового дерева, на полу по всей комнате лежали кипы разных бумаг. Николай Александрович, принимая кого-нибудь, усаживал на диван, а сам помещался на стуле, больше стульев в комнате не было.

В антресолях с очень низенькими потолками жил Виктор Александрович, дети и прислуга.

Видно было, что такие комнаты, с простой обстановкой, вполне удовлетворяли братьев Найденовых, и они лучшего комфорта и удобства не желали.

Дом, расположенный в глубине двора, с фасада был окружен порядочным садиком, изящно убранным цветами и разными декоративными деревьями. Правая часть земли при входе в ворота была занята фруктовыми деревьями, здесь же находилась тепличка с парниками; за этим садом стоял пустой фабричный корпус, а за ним тянулся довольно большой пруд, вокруг которого был расположен сад с одной дорожкой, тянувшейся вокруг пруда. Сад этот описан известным писателем А.М. Ремизовым, племянником братьев Найденовых, в его романе «Пруд»[20].

Старый дом представлял из себя томительную скуку от нелюдимости Варвары Федоровны и постоянного отсутствия в нем в дни будничные Николая Александровича, а в праздничные — в связи с углублением его в непрерывные умственные занятия. Дети без достаточного надзора и внимания к ним со стороны родителей стремились всеми способами проводить время вне своего дома, к сожалению, попадая в общество лиц малокультурных и по развитию низко стоящих, а потому в будущем испытали много неудач и горя.

Николай Александрович, как мне казалось, был счастлив и доволен своей жизнью, увлекшись общественной жизнью и получаемым от нее почетом, в дальнейшем в мечтах его рисовалась надежда блестящей будущности, одухотворявшая и наполнявшая его жизнь, отвлекая его от самого себя. Он, постепенно поглощаясь в общественный и умственный труд, втянувшись в него всеми фибрами души своей, стал находить счастье свое только в нем. Не трудясь или, вернее сказать, менее трудясь, он был бы выбит из жизненной колеи и потерял бы иллюзию в свою силу и волю.

У Николая Александровича было два брата и три сестры. Старший брат Виктор Александрович был замкнутым и скрытным человеком, с душою чистой и хорошей для лиц, близко знавших его. Назвать его коммерческим дельцом нельзя; он хорошо знал бухгалтерию, работал с молодых лет в фирме Ганешиных, сначала в качестве простого служащего, потом сделался главным бухгалтером и членом правления. Относился к делу с полной добросовестностью и вниманием, но в силу своего характера не сделался коммерсантом; что он внес в дело Товарищества Ганешиных, мне неизвестно, но оно закончилось ликвидацией.

Замкнутость его характера приписывали несчастной любви; как догадывались, он был влюблен в дочку англичанина, служившего директором на фабрике Ганешиных, сделал предложение, но получил отказ, хотя, как говорят, он вел с ней все время переписку по отъезде ее в Англию. Эта неудача оставила у него след на всю жизнь: он избегал женщин и их совершенно не знал, они были для него terra incognita[21]. Он даже запрещал женской прислуге входить в свою комнату, обслуживал его белый дворник[22]. Иногда к нему входил кто-нибудь из родственниц, и было видно, что их посещения ему неприятны.

Всю свою любовь он перенес на растения, цветы, а потом на своего племянника Александра Николаевича, сына Николая Александровича, полюбив его, как своего сына, отдавая ему все свободное время. Александр Николаевич в значительной степени обязан ему своим хорошим образованием, но Виктор Александрович дать ему хорошее воспитание не мог по незнанию жизни и по неимению жизненной опытности. Виктор Александрович, будучи уже стариком, был в жизни наивным человеком и мало разбирался в житейских делах.

Как-то втроем Николай Александрович, Виктор Александрович и я сидели в столовой, и я рассказывал о подрядчике В.А. Александрове, взявшем у меня подряд на выстройку складов, между прочим я сказал,

что про него говорят, что он снохачествует. Весь встрепенувшийся Виктор Александрович с удивленным лицом обратился ко мне: «Что вы сказали? Что это значит?» Николай Александрович быстро ко мне подошел и, нагнувшись к уху, шепнул: «Не говорите... он не понимает, для него это неизвестно». Я замялся, сделал вид, как бы не расслышал вопросов Виктора Александровича, продолжал свой рассказ. Виктор Александрович скоро оставил нас, быстро поднялся по лестнице к себе в комнату. Николай Александрович засмеялся и сказал: «Пошел справляться в энциклопедический словарь; относительно женщин он совершенный ребенок».

Мне рассказывала Варвара Арсеньевна Фокина, состоящая членом Яузского попечительства о бедных, где председателем был ее дядя Виктор Александрович. Кто-то пожертвовал узел с бельем для раздачи бедным; она пришла в попечительство как раз во время разборки этого белья для распределения его по назначению. Виктор Александрович держал в руках женскую сорочку и с удивлением рассматривал ее, вертя в руках, решая, куда бы был годен этот предмет. Потом сказал: «Это фартук». Варвара Арсеньевна заметила, что это не фартук, а женская рубашка, тогда Виктор Александрович с брезгливостью немедленно отбросил ее от себя.

Другой брат Николая Александровича — Александр Александрович из себя ничего не представлял, разве только, что был хороший строитель, любитель фотографии и сплетен. Он женат был на Александре Герасимовне Хлудовой, получившей после неожиданной смерти своего единственного брата многомиллионное наследство. Братья жили дружно и все относились друг к другу с большой любовью и уважением.

Московское Императорское Техническое училище обязано Николаю Александровичу тем, что не было закрыто министром финансов Вышнеградским, желавшим это сделать из-за сокращения бюджетных расходов. Найденов собрал купечество на Биржу, и на этом собрании было вынесено ходатайство о незакрытии училища, так полезного по выпуску хороших инженеров для промышленности. Министр исполнил просьбу купцов. Совет профессоров Императорского Технического училища поднес Н.А. Найденову в благодарность за его хлопоты звание почетного члена совета училища.

ГЛАВА 44

В главе 11 я уже рассказал о первых моих шагах в дебрях чиновнического мира, где я, благодаря своей неопытности, начал хлопотать по делу Товарищества, где я работал, с самых сильных чиновных лиц того времени, благодаря сложившимся для меня выгодным обстоятельствам по связям и знакомству с высшим кругом лиц, близко стоящих к государю Александру III. Благодаря чему я получил полное согласие от всех высокопоставленных лиц вплоть до директора департамента торговли и промышленности. Но чиновники, стоящие по своему положению ниже директора, дали понять мне, что я еще не взял быка за рога, а сделал грубейшую ошибку от небрежного отношения к их иерархическим ступеням, и мое дело провалили с ловким искусством, затянув его на два года вместо 3—4 месяцев, как я этого ожидал, то есть на такой длинный срок, когда решение его уже потеряло всякую силу. Еще тогда один из мелких чиновников департамента, потужив о моей неопытности, дал добрый совет: «Начинать в министерстве все дела не с голов, а с ног».

Совет этот оказался мне весьма полезен, и при следующих хлопотах я всегда держался этого правила и добивался результатов скорейших и для меня весьма полезных.

При следующем моем деле в Министерстве финансов мне пришлось задуматься о приискании нужного лица, стоящего в первой ступени звена чиновничьего мира, я решился явиться в департамент торговли и мануфактур пораньше, когда еще никто не пришел из крупных чиновников. Придя туда, я обратился к курьеру, стоящему при вешалке для верхнего платья с важным видом, имея на шее большую серебряную медаль, одетому в сюртук с зелеными обшлагами на рукавах и с такого же цвета воротником, с просьбой указать кого-либо из чиновников, с которым я мог бы переговорить по интересующему меня вопросу. Курьер, зажав серебряный рубль в своей ладони, полученный от меня, любезно ответил: «Сейчас пришел господин Захаров, он чиновник опытный, я его сейчас вызову».

Ко мне подошел, как мне сначала показалось, молодой человек в очках, брюнет, с густыми на голове и бровях волосами, зорко осмотревший меня, и спросил, чем он может мне быть полезен. Выслушав меня с большой внимательностью, ответил: «Здесь говорить неудобно. Где вы остановились?» Я сказал, что в гостинице «Бельвю», рядом с их департаментом. «Зайду к вам в три часа, после окончания занятий в департаменте, и там переговорим».

Пришел аккуратно, по обмене приветствиями я сделал ему предложение со мной пообедать, зная, что он еще не обедал. Он немного задумался и ответил: «Сказал дома, что приду обедать, но делать нечего, пожалуй, пойдемте... А куда вы думаете идти?» Я ему сказал: «У вас в Питере хорошо кормят на Большой Морской у Кюба, пойдем туда». — «Ну нет, туда не пойду, этот ресторан не по моему рылу! — смеясь, ответил он. — Если кто-нибудь из моего начальства увидит меня там, то несдобровать мне! Да и зачем идти к Кюба?.. цены там дорогие, пойдемте лучше в «Малый Ярославец»[1], там кормят хорошо, а цены дешевле раз в десять против Кюба, и притом он рядом с вашей гостиницей».

В ресторане «Малый Ярославец», как я заметил, он оказался довольно почетным посетителем и, нужно думать, частым: швейцар, лакеи и распорядитель величали его по имени и отчеству, дали хороший кабинет, принесли тщательно приготовленную закуску в большом разнообразии, потом дежурный обед. Я ему задал вопрос: «Какое вино вы пьете?» Он ответил: «Пью только коньяк и больше никакого». Я распорядился лакею подать славившийся в то время французский фирмы «Мартель»[2] с четырьмя звездочками. Захаров остановил меня: «Не берите такого дорогого, право, наш шустовский[3] не хуже французского, а стоит значительно дешевле». Когда подали сладкое, я предложил шампанского. Захаров категорически отказался: «Я уже сказал, что, кроме коньяку, ничего не пью».

Во время обеда я успел ему рассказать о своем деле и потом задал ему вопрос, сколько мне придется заплатить ему за проведение этого дела по канцеляриям по возможности без задержки. Захаров ответил: «Берусь немедленно направить его по надлежащей инстанции с наблюдением, чтобы оно где-нибудь не задержалось по небрежности чиновника, к которому попадет, а также если в дальнейшем его ходе по канцеляриям где-

нибудь найдут неисполненными какие-нибудь формальности, то я вас уведомлю телеграммой, и вы тогда должны приехать и лично все это устроить, и вот за все мои хлопоты вы заплатите мне пятьдесят рублей».

Я удивился назначенной им сумме, предполагая, что придется платить гораздо дороже, и у меня вырвалось: «Не мало ли вам будет?» — «За что же вы мне будете платить больше? — ответил Захаров. — Я перечислил свои обязанности и нахожу эту сумму для меня вполне достаточной, и вам она не тяжела, вы всегда будете в курсе дела, зная, что ваша бумага не будет валяться в какой-нибудь канцелярии из-за каких-нибудь пяти или десяти копеек неоплаты гербового сбора».

Когда я расплачивался с лакеем за обед, то лакей обратился к С.С. Захарову: «А недопитую бутылочку прикажете завернуть?» Захаров обратился ко мне: «Ничего не будете иметь, если я оставшийся коньяк возьму с собой? Деньги заплачены, зачем оставлять здесь?»

Мне часто приходилось иметь дела с Министерством финансов, и я все дела проводил через Сергея Сергеевича Захарова, с которым у меня установились довольно хорошие отношения, начавшиеся в 1893 или 1894 году и продолжавшиеся вплоть до 1917 года. Благодаря ему все мои дела проходили скоро и расходы по ним были минимальны.

Могу указать как пример: Товариществу Большой Кинешемской мануфактуры требовался выпуск облигационного займа; я провел его через С.С. Захарова, и все мои расходы по этому делу обошлись Товариществу в 2 тысячи рублей, в том числе в эту сумму вошли уплаченные 800 рублей одному чиновнику за написание очень сложной бумаги; и я уверен, что даже очень опытный юрист затруднился бы ее составить, поскольку она требовала больших специальных знаний; с этим чиновником меня познакомил С.С. Захаров. Единовременно со мной в Министерстве финансов начало хлопотать Товарищество Каретниковых, где я в то время был членом правления, о разрешении облигационного займа, и хлопоты по этому делу Товариществом Каретниковых были поручены известному присяжному поверенному Шевалдышеву, которому было заплачено за проведение этого дела 20 тысяч рублей, и разрешение Товарищество Каретниковых получило на год позднее Большой Кинешемской мануфактуры.

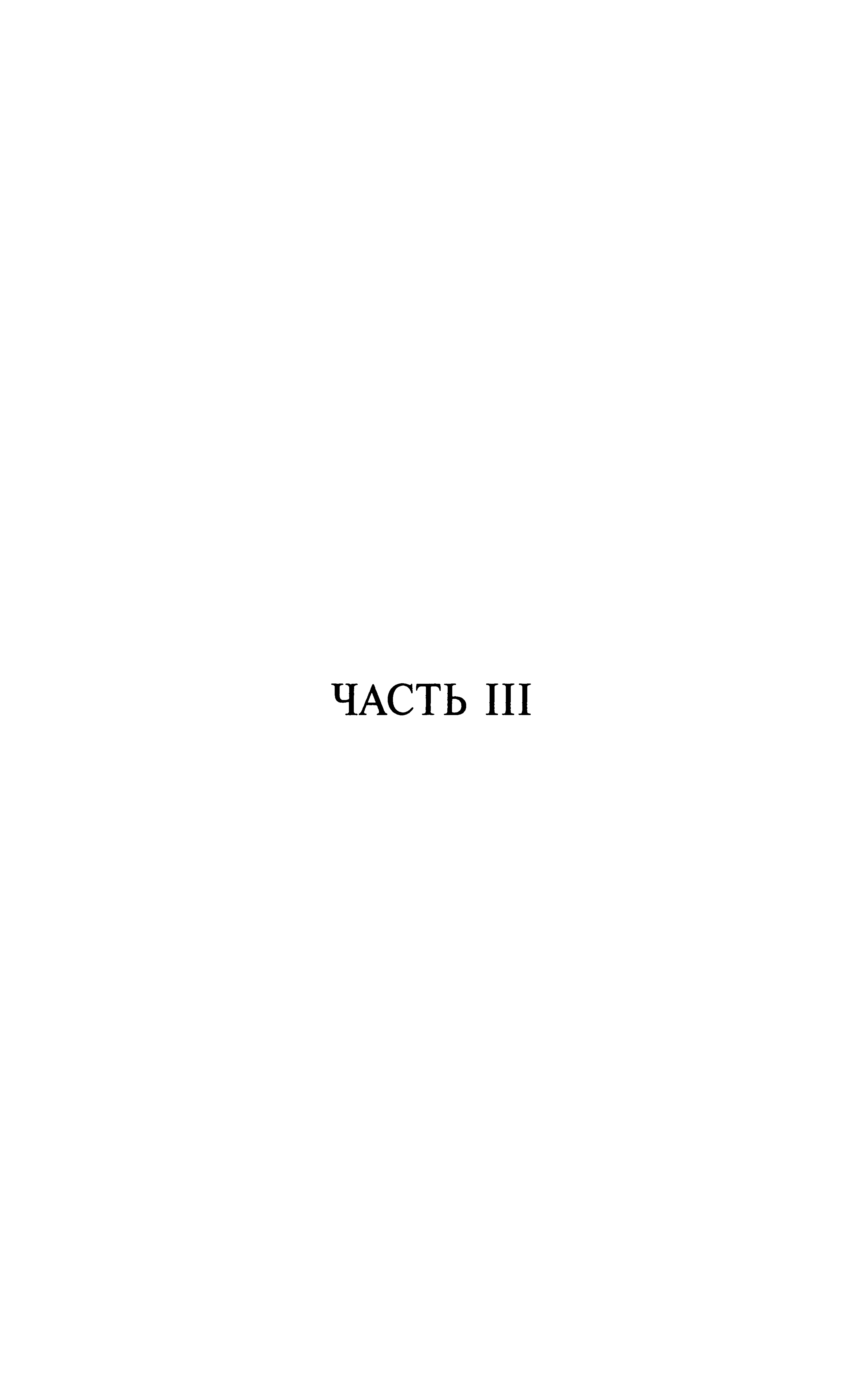
С.С. Захаров рассказывал мне о своей чиновничьей жизни: родители его были довольны, что он был принят пятнадцати лет в департамент

торговли и мануфактур, как человек, могущий уже кое-что заработать для своей семьи. В департаменте ему было поручено иметь дело с бумагами входящими и исходящими; на этом деле ему пришлось сидеть в течение более сорока лет и, как он мне говорил, без всякого желания с его стороны покинуть эту должность, так плохо оплачиваемую. Сергей Сергеевич благодаря феноменальной памяти сделался незаменимым для этого чиновником, добившись особого расположения со стороны своего начальства тем, что он в короткое время доставлял им все нужные бумаги, требующиеся для справок по аналогичным делам, поступающим в департамент на разрешение, чем облегчал начальству их работу. Некоторые новые рьяные начальники удивлялись его упорному желанию сидеть на этом малоинтересном месте, предполагая, что он каким-то способом изощряется извлекать для себя пользу, старались передвинуть его по должности выше, а как-то один из начальников даже уволил его со службы. На его место был посажен другой, и с этого времени в канцелярии получился сплошной беспорядок: бумаги путались, задерживались, не говоря уже про то, что нужные начальству для работы бумаги, находившиеся в архиве, доставлялись через продолжительное время после требования, и начальство заменяло чиновника другим, третьим, а дело все шло хуже и хуже, и опять приходилось брать и переводить на старое место С.С. Захарова, и в конце концов он сделался как бы несменяемым.

С.С. Захаров напоминал мне старую канцелярскую крысу, зная подробно все, что делается в департаменте, зная всю характеристику чиновников, со всеми состоя в хороших отношениях; благодаря своей замечательной памяти готовый услужить им разными справками и сведениями и даже советами. Они его не стеснялись и не опасались как конкурента, и ему через них становились известными все тайные пружины в чиновничьем мире.

Многие присяжные поверенные и частные лица, как, например, я, обращались к Сергею Сергеевичу, к его услугам, и он со всех брал по 50 рублей за них. Клиентура, нужно думать, у него была большая, так как благодаря этой оплате ему удалось обзавестись двухэтажным деревянным домом в одном из переулков на Крестовском острове и жить в полном довольстве.

Сергей Сергеевич Захаров был хорошим человеком и, несомненно, честным, я смотрел на его работу как на пользу, извлекаемую им от своей необычайной памяти, он не делал ничего противозаконного и вредного государству тем, что помог мне и многим другим сберечь свои труды, деньги и время хождением по канцелярским дебрям, где и опытный человек мог запутаться и растеряться.

ЧАСТЬ III

ГЛАВА 45

> Кажется, будто жизнь людей обыкновенных однообразна — это только кажется; ничего нет на свете оригинальнее и разнообразнее биографий неизвестных людей.
>
> *А.И. Герцен. «Кто виноват?»*

Известная московская фирма «В. Алексеева сыновья»[1] в начале моей коммерческой деятельности была возглавляема Николаем Александровичем Алексеевым, сделавшимся потом московским городским головой, пользовавшимся особой популярностью не только у одного московского купечества.

Я решился внести в свои записки некоторые воспоминания об этом интересном и даровитом человеке, хотя не сомневаюсь, что о нем будет много написано лицами, стоящими с ним в более близких отношениях.

Мне впервые пришлось с ним встретиться в 1885 году при открытии Александровского Коммерческого училища. Н.А. Алексеев приехал на заседание с сильным опозданием, когда церемония уже почти была закончена. Извинившись перед почетными лицами, заседающими за длинным столом, покрытым зеленым сукном, что причиной его опоздания был какой-то экстренный случай, и не выходя на эстраду на приготовленное для него кресло, обратился с приветствием от города, сказав блестящую речь, и по окончании ее обратился к учащимся, окружавшим его тесным кольцом.

Все слушали его с большим восхищением: его могучая фигура, красивая и выразительная наружность, дар слова, речь, вылившаяся экспромтом из глубины его души, была замечательна по мыслям и изяществу. Уехав из собрания, я еще долго находился под очарованием этого русского богатыря. Признаюсь: можно ли было не завидовать ему, сильно

одаренному особыми благами и так красиво и умно вкладывавшему их на пользу своего родного города. В моих глазах Н.А. Алексеев был могучим человеком, и действительно это было так!

Во второй раз мне пришлось видеть Алексеева в качестве руководителя многочисленного собрания Московского Общества взаимного кредита, и впечатление от него осталось у меня такое же, как в первый раз. Собрание происходило в громадной биржевой зале на Ильинке, куда собралось несколько сот человек, а может быть, и с тысячу, неорганизованных и не привыкших к серьезным деловым собраниям; они вели себя крайне непринужденно и разнузданно: шумели, смеялись, перебивали ораторов, разговаривали и спорили между собой. Алексеев встал, звонок в его руке зазвонил сильно и повелительно. Шум сразу смолк. Он сказал приблизительно так: «Господа! Мы собрались сюда для обсуждения серьезных и важных вопросов по Обществу взаимного кредита. По вашей воле я оказался председательствующим, но, к моему удивлению, я поставлен в тяжелое положение руководить не собранием деловых людей, а как будто толпой лиц с Хитрова рынка[2], с которого я только что приехал, будучи там по служебной обязанности городского головы; и право, там толпа держала себя сдержаннее, чем здесь. Приглашаю вас вести себя тихо, не шуметь, желающий говорить пусть поднимет руку, и я его фамилию запишу, и по очереди он будет допущен высказаться». После чего собрание прошло изумительно спокойно и окончилось с большим воодушевлением.

Это общее собрание членов Московского купеческого общества состоялось в таком большом количестве членов из-за оппозиции к существующему правлению, вследствие агитации некоторых видных купцов во главе с Алексеем Семеновичем Вишняковым, пожелавшим стать во главе этого общества. Они не стеснялись в выражениях, и правление, состоящее из почтенных лиц Москвы, как-то: С.И. Мамонтова, Н.М. Павлова, П.Д. Сырейщикова, А.В. Штрома, Н.П. Рогожина, отказались от звания членов правления in corpore[3], и на место их попал Вишняков со своими клевретами. Хотя новое правление оживило деятельность Общества взаимного кредита, но не внесло большой солидности и уверенности в устойчивости его.

Будучи выбран в гласные, мне пришлось изумляться деятельностью Н.А. Алексеева и его уменью вести собрания гласных с большим тактом и находчивостью. Я не помню, чтобы он на заседаниях Думы или в

комиссиях отсутствовал бы, всякий вопрос основательно изучал и ни разу не был поставлен в какое-нибудь затруднительное положение лицами, к нему недоброжелательствующими; так, некоторые из них старались доказывать, что предложения управы недостаточно обоснованны, или же невыгодны, или же можно обойтись без них из-за недостатка у города средств и тому подобное. Случалось, что они вызывали сочувствие у большинства гласных, но Николай Александрович в таких случаях не задумывался заявлять: «Я нахожу, [что] предложение необходимо привести в исполнение, а если господа гласные отвергнут его, то заявляю, что оно будет произведено из личных моих средств». И тогда большинство гласных соглашались с ним. Несомненно, это мог делать только Алексеев, считающийся очень богатым человеком.

Н.А. Алексеев от жалованья городского головы и от суммы, полагающейся ему на представительство, отказывался, между тем расходы по представительству были очень велики, и он тратил на них из своих личных средств. Его приемы и обеды для лиц известных, посещающих город, а также для общественных и ученых организаций, бывших в то время в Москве, многим памятны. Один из таковых обедов, на котором мне пришлось быть, я опишу. Обед был летом на большой веранде Сокольнического круга[4], с накрытыми столами, красиво и изящно убранными цветами, фруктами, конфектами [и] расположенными вокруг всей веранды; посередине веранды стоял длинный стол, обставленный всевозможными закусками, состоящими из целых рыб семги, лососины, балыков, белорыбицы, окороков, ветчины, разных колбас, на концах стола стояли кадки с паюсной и зернистой икрой, около которых стоявшие лакеи накладывали желающим, здесь же стояли горячие пирожки, часто заменяемые свежими — горячими; между рыбными и мясными закусками были расположены сковороды с мозгами, почками в шипящем горячем масле, с горячими рыбами под бешамелью[5]; середина же стола была уставлена вся батареями бутылок с разными водками и крепкими винами.

Принимал гостей сам Н.А. Алексеев с мадам Рукавишниковой, женой Константина Васильевича, ставшего после смерти Алексеева московским городским головой. Жена Н.А. Алексеева[6] отсутствовала по болезни, как говорил Николай Александрович, но злые языки утверждали, что она против таковых пиров с затратою на них времени.

Во время обеда играли два лучших оркестра. За обедом подавали лучшие заграничные вина, кто какие хотел. После тостов и уже достаточ-

ного количества выпитого шампанского на веранду появились хоры цыган, венгерок, русский хор А.З. Ивановой. Веселый, довольный хозяин обходил гостей, угощая, и многим что-то говорил, смеясь; когда он подошел к нашему столу, я услыхал: «Явились дамы, предупреждаю: докторами они внимательно освидетельствованы, можно быть не особенно осторожным!»

Н.А. Алексеев, несмотря на свою деловитость, был большой весельчак и комик; во время заседаний в комиссиях он между перерывами успевал рассказывать разные анекдоты с большим искусством талантливого рассказчика.

У меня сохранился в памяти один из них — об известном купце Петре Петровиче Боткине, состоящем церковным старостой при храме Христа Спасителя, отличавшемся большой любезностью и обходительностью со всеми; так, встречая кого-либо из своих знакомых, он здоровался с ним с особым придыханием и радостными глазами, делая вид, что эта встреча доставляет ему большое удовольствие. Обыкновенно по праздникам П.П. Боткин отправлялся в храм Христа Спасителя, имея обыкновение заезжать в Успенской собор, где в то время старостой был известный богатый московский купец Максим Ефимович Попов, тоже отличавшийся любезностью и скупостью.

П.П. Боткин заезжал в Успенский собор, чтобы приложиться к чудотворной иконе Божьей Матери, после чего с особым благоговением снимал лампадку, висевшую перед иконой, и выпивал масло, считая его за целебное (с комическим изображением Н.А. Алексеевым звуков глотания — «буль, буль, буль...»). После чего подходил к свечному ящику к М.Е. Попову и, как он проделывал со всеми, так же и с ним здоровался с придыханием от приятной встречи: «Здравствуйте, Максим Ефимович, заехал к вам в собор приложиться к чудотворной иконе и выпить святого маслица, уж очень хорошо действует на мою грудь! вот что значит масло святое, очень полезное! всегда себя чувствую гораздо лучше, когда выпью». М.Е. Попов тоже спешит ответить с приятной улыбкой на лице на любезность любезностью, в душе же крайне недовольный Боткиным, выпивающим его дорогое оливковое масло.

После ухода Боткина М.Е. Попов говорит своему помощнику: «В следующее воскресенье налей дешевого керосинового масла в лампадку перед иконой Божьей Матери, а то Боткин повадился ездить и пить масло; сам богатый, может у себя в храме для икон покупать такое же масло».

В следующее воскресенье П.П. Боткин опять явился в Успенский собор, помолясь усердно перед иконой Божьей Матери и приложившись, снял лампадку и начал пить — «буль, буль, буль...»

«Ах, тьфу, что за гадость! — воскликнул Петр Петрович, поневоле проглатывая масло, стесняясь выплюнуть его изо рта. — И не позорно ли перед чудотворной иконой Божьей Матери жечь такое плохое масло!» Подходит с обиженным лицом к М.Е. Попову: «И не стыдно вам, Максим Ефимович, жечь лампаду с керосиновым маслом, да еще перед чудотворной иконой? Это будет вам грех!» — «Что вы! — отвечает Попов, делая удивленное лицо. — Масло все то же, а нужно думать, Владычице нежелательно, чтобы из ее лампадки пили масло». После чего П.П. Боткин перестал ездить в Успенский собор.

Передать этот рассказ в письменном изложении трудно, Алексеев хорошо знал Боткина и Попова со всеми их слабостями и манерою разговора, отлично копировал этих старичков со всей их мимикой, вызывая сильный смех у слушателей.

В молодых годах, как говорили, Н.А. Алексеев не подавал родственникам и знакомым своим больших надежд, что из него может получиться серьезный и дельный человек, по необузданности своих шалостей. Образование он получил хорошее, но домашнее; на это родители его не жалели денег. После смерти отца Н.А. Алексеев вступил в товарищество директором, где сразу проявил свои способности и энергию. То, что он был единственный сын у отца и, кроме того, получил наследство от своего холостого дяди, на которого он походил лицом и характером, а некоторые утверждали, что он его сын, дало ему возможность сделаться руководителем этого дела.

Алексеев был женат на Коншиной, имел от нее трех девочек, жена его любила, несмотря на то что он ей отдавал мало времени, так как его энергия уходила на общественные дела, особенно после того, как он был выбран городским головой Москвы.

Москва со времени избрания Н.А. Алексеева городским головой значительно облагообразилась, обстроилась и украсилась; перечислять все, что было сделано для жителей города, я не буду, а расскажу о двух «авгиевых конюшнях», очищенных исключительно только благодаря его необычайной энергии.

В самом центре Москвы, на Красной площади, находились торговые ряды, расположенные в ширину всей Красной площади от Ильин-

ки до Никольской, тянувшиеся по этим улицам вплоть до Ветошного проезда. Все это громадное здание было выстроено после пожара в 1812 году и принадлежало массе разных лиц, торгующих в рядах. Владетели их ремонтировали и перестраивали каждый по своему желанию и удобству, а потому можно себе представить, что изображала эта старая рухлядь, с бесконечными проходами, закоулками, подвалами, лесенками и ступеньками, и своим видом приводила в смущение многих.

Н.А. Алексеев взялся за это дело, устроил акционерное общество из владельцев этих лавочек, выхлопотал у правительства облигационный капитал, израсходованный на выстройку нового красивого здания.

Временно, пока шла постройка этого здания, были выстроены на Красной площади торговые помещения из волнистого железа, куда перешли торговать из старых рядов купцы, но публике эти железные лавки не пришлись по вкусу, она перекочевала на Кузнецкий мост, в Солодовниковский, Голофтеевский и Александровский пассажи[7], которые с этого времени начали очень процветать. Между торговцами старых рядов на Красной площади поднялся ропот, винивший Н.А. Алексеева в их несчастии, и один из них под влиянием той неудачи, выпавшей на него, не вынес и пришел в Успенский собор, где лишил себя жизни[8]. Это происшествие произвело большой шум в Москве, вызвав недоброжелательство к городскому голове Алексееву.

Другое дело Н.А. Алексеева — реформирование Московского Сиротского суда, представлявшего из себя несуразное и скверное учреждение, со взяточниками-чиновниками, хорошо нам знакомыми по описанию известного писателя Островского и других. Чиновники в этом учреждении, занимая ответственные должности, получали жалованье в количестве нескольких рублей с копейками в месяц, а в то же время жили в собственных домах, имели лошадей, нарядных жен, извлекая все эти благополучия из опекаемых, интересы которых они должны бы охранять. К удивлению купечества, Н.А. Алексеев пожелал занять должность первоприсутствующего Сиротского суда, избегаемую всеми купцами. Войдя туда, он круто повел там дело: сменил почти весь состав взяточников и с новым штатом образованных и хорошо оплачиваемых чиновников поставил Сиротский суд на надлежащую высоту*.

*Чтобы показать, насколько это дело было «благое» для опекаемых, я расскажу об одном уголовном процессе, где мне пришлось быть в качестве присяжного заседателя.

В одной из выездных сессий Московского Окружного суда в гор. Подольске слушалось дело Кананыкина, обвиняемого в растрате имущества опекаемой им сироты. Кона-

Н.А. Алексеев, несомненно, понимал, что без поддержки лица, стоящего во главе полиции, ему будет трудно одному облагообразить город, и он таковое лицо нашел. Как-то путешествуя по России, будучи в Риге, обратил внимание на внешний порядок в городе, где в то время был полицмейстером полковник Власовский. По приезде в Москву

ныкин был один из членов богатой семьи, имеющей в городе большую торговлю; он узнал о смерти каких-то горожан этого города, отца и матери, умерших почти одновременно, оставивших малолетнюю дочку и вместе с тем дом и денег с чем-то 20 тысяч рублей. Конаныкин отправился в Москву в Сиротский суд и выхлопотал себе опеку над сиротой. По закону требовалось двое опекунов, тогда Конаныкин устроил вторым опекуном свою старую безграмотную кухарку, исполнявшую все, что от нее он требовал, утверждая своей подписью, по безграмотности — крестами.

Настало время, когда опекаемой исполнилось 17 лет, год, дающий право вступить во владение имуществом, оставленным ей родителями, но оказалось, что ни дома, ни денег уже нет — все израсходовано на ее содержание. Она подала жалобу в Московский Окружной суд на Конаныкина, обвиняя его в растрате ее денег и дома, доказывая, что ее содержание обходилось недорого и не могло превышать процентов, получаемых с капитала, и дохода с дома.

Дело разбиралось сначала в Московском Окружном суде с присяжными, вынесшими оправдательный приговор Конаныкину; прокурор кассировал это дело, и оно было перенесено в Подольск на новое рассмотрение. Перед судом в Подольске предстал только один Конаныкин, другой опекун — кухарка Конаныкина — уже скончался. Главным свидетелем по этому делу выступил городской подольский староста, обрисовавший Конаныкина с весьма дурной стороны. Защищал Конаныкина какой-то присяжный поверенный, конечно, употребивший все усилия обелить своего клиента. Я с особым вниманием наблюдал за выражением лиц обвиняемого и его защитника, и, мне казалось, как тот, так и другой особенно не волновались исходом процесса, думая, что конечный результат будет тот же, что и в Московском Окружном суде, так как из 12 человек присяжных были 9 крестьян смежных деревень, несомненно, покупающих у Конаныкиных, а потому его хорошо знающих, один старичок — учитель городской подольской школы, с крестом в петличке, инженер Подольского цементного завода и я.

Присяжные, получив бумагу от председателя суда с вопросами, были уведены в отдельную комнату. Старшиной был выбран учитель, тихий и скромный. Прочитав бумагу с вопросами, вместо того чтобы обратиться к присяжным с вопросом, ясно ли для них слушаемое дело, не пожелает ли кто высказаться и сделать какие-нибудь замечания, он сразу приступил к баллотировке вопроса: виновен — нет? Начал задавать вопрос с сидящего от него справа, где сидел инженер с цементного завода, а с левой стороны сидел я, следовательно, мне пришлось бы давать заключение последним. Инженер ответил твердым и решительным голосом: нет, не виновен!

Сидевший с ним рядом крестьянин, по виду робкий, немного помялся и ответил то же, что инженер; следующие крестьяне, хотя некоторые из них были, видно, смущены, но отвечали то же: нет, не виновен! Когда старшина обошел уже половину присяжных и все отвечали «нет!», я остановил старшину и в довольно решительной форме сказал: «По-моему, вы рано приступаете к опросу. Позвольте мне, а может быть, и другие пожелают высказаться и обменяться мнением. Мы присяжные — судьи совести, а не одной

он доложил об этом генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу, который вызвал Власовского в Москву и назначил его обер-полицмейстером.

Власовский оказался замечательным администратором с необычайной энергией. До него на этой должности были все лица довольно инертные,

---

только внешностью дела заинтересованные». Старшина смутился, остановился и не знал, что ему делать. Инженер заявил: «О чем мы еще можем толковать? На суде достаточно выяснено все». Но я упорно настаивал на своем, требуя, чтобы приступить к баллотировке только после того, как произойдет обмен мыслями между нами по сути дела. Старшина допустил меня высказаться. Я сказал: «Мы видим сироту уже взрослой девушкой; как она, так и некоторые свидетели удостоверили, что содержание и воспитание ее Конаныкиным во время ее малолетства не были велики и на это бы хватило процентов с денег и дохода с дома. У ней должны бы остаться дом и деньги, оставленные ей родителями, и она могла бы прожить всю жизнь в довольстве, а теперь обездоленная, обобранная богатым купцом пущена по миру». Я еще многое кое-что говорил, а в заключение сказал: «Мы, здесь сидящие, тоже имеем детей, так подумайте: почему же и с нашими детьми не может быть того же самого, если они, избави, Боже, потеряют родителей! Зачем жалеть мошенников; виновный должен понести наказание, а это только послужит ему в пользу, а девочке вернем часть средств, присвоенных опекуном».

После того как выступил инженер, старавшийся опровергнуть меня и доказать невиновность Конаныкина, старшина начал баллотировать опять с правой стороны, высказался о невиновности Конаныкина только один инженер, все крестьяне и я были за обвинение, старшина, увидав большинство за обвинение, ответил: «Мой голос при таком большинстве значения не имеет», — а потому мне не пришлось узнать, к какому решению он присоединился бы.

Во время дебатов с присяжными вспомнил, что я тоже находился под опекой Московского Сиротского суда, но со мной не случилось того, что с этой сироткой, благодаря только тому, что моими опекунами были моя матушка и известный адвокат и профессор Михаил Васильевич Духовской, взявший на себя эту обязанность исключительно из-за хороших отношений к моему зятю Сачкову, бывшему товарищу по университету, чтобы своим авторитетным званием хотя немного устрашить «архаровцев»—чиновников Сиротского суда. При этом тоже припомнил рассказ матушки, однажды вернувшейся из Сиротского суда, как к ней обратился один из чиновников-ярыжников[9] с предложением: «Если пожелаете заложить или продать родовое имение опекаемого, то это могу вам устроить», — причем выражение его лица с подмигивающими глазами ясно дало понять, что все это можно устроить — беззаконное дело за определенное вознаграждение.

Присяжные встали со своих мест, чтобы идти в залу суда, в это время ко мне подошел инженер и сказал: «Жестокосердное же у вас сердце!» Под впечатлением этих неприятных для моего самолюбия слов вошел в полутемную, мрачную залу, освещенную одной лампой, висевшей посередине залы, и с несколькими свечами на столе судей; я устремил глаза на Конаныкина с целью увидеть, какое впечатление произведет на него наше определение; он выслушал его спокойно, без всякого волнения в лице, чего нельзя было сказать о его адвокате, сильно взволновавшемся от такой неожиданности. Судьи удалились для определения и написания степени наказания; в зале сделалось шумно, из-за чего мне не пришлось услыхать, как отнеслась к нашему определению публика.

а как обыкновенно бывает, каково начальство, таковы и подчиненные. Власовский в короткое время подтянул своих помощников, а за ними всех остальных чинов полиции. Как полиция, так и обыватели не знали, когда только он спит, его налеты в отдаленнейшие и другие части города были всегда неожиданны для них, обыкновенно в то время, когда они всего меньше этого ожидали. Таковая необычайная энергия заставляла многих предполагать, что он кокаинист. При нем полиция была всегда на своих местах, улицы очищены от ухабов, грязи, тоже тротуары, наружный вид домов более или менее приведен в порядок; извозчики, как легковые, так и ломовые[10], были упорядочены, что было сравнительно трудно сделать, принимая во внимание их количество не менее сорока тысяч в городе.

Судьи недолго задержались в написании приговора, скоро судебный пристав прокричал: «Суд идет, прошу встать!» После прочтения приговора к председателю суда подошли родственник Конаныкина с пачкой денег в руке и присяжный поверенный с просьбой отпустить обвиненного на поруки, с внесением денежного залога. Председатель им ответил: «Сделать это не могу! — Потом обратился к приставу: — Прикажите взять арестанта под стражу!» В залу были введены солдаты с ружьями с надетыми на них штыками; солдаты, топая ногами, окружили сидящего Конаныкина, сильно стукнув о пол прикладами ружей. Это была самая тяжелая минута для меня: полумрачная зала, топот ног, стук ружей, волнение близких к Конаныкину лиц заставили подумать, что я как бы нахожусь на отпевании покойника, где шумные могильщики вбивают в гроб последние гвозди, хотя умерший не дорогой и не близкий мне человек, но я отчасти был виновником его гражданской смерти с позорным клеймом на всю жизнь.

Пробираясь на лошадях из Подольска домой в имение уже почти ночью, я под впечатлением всего пережитого долго не мог прийти в себя и привести свои мысли и чувства в должное равновесие, думая: «Справедливость, законы государства требуют исполнения долга от тебя, без которого общество существовать не может, Евангелие же говорит о милосердии... Боже! Как все это объять и понять?» Особенно меня волновали слова инженера, на которого я в душе был зол, каюсь: в его словах я чувствовал какую-то долю правды, так как совесть моя не была спокойна и я сознавал, что сделал что-то неправильное, но что — определить не мог.

Пишу об этом воспоминание, когда прошло более тридцати лет, много воды утекло за это время: пришлось пережить две войны, две революции, ужасную смерть многих дорогих лиц, посидеть в тюрьме и надеть суму, по верной поговорке: «От тюрьмы и от сумы не отказывайся!» — понятно, все это сопровождалось большими горестями и страданиями, и они-то привели меня к осознанию того, что прежде мне казалось таким темным и странным противоречием. Я понял: совесть меня мучила по конаныкинскому делу потому, что, оспаривая оправдание Конаныкина, я подошел к этому делу не с должным чувством любви к обобранной сиротке, не возмущал и не приводил меня в негодование поступок Конаныкина и чиновников Сиротского суда, должных бы оберегать интересы малолетней, а лишь мелкое чувство тщеславия — показать свое превосходство перед несимпатичным мне инженером.

Мне рассказывали: Власовский, однажды побывав на Донской улице, находящейся на окраине города, в Замоскворечье, заметил, что на улице не сбиты ухабы, образовавшиеся от большого движения ломовиков, лошади которых своими копытами выбивали выбоины. Власовский заехал в участок и приставу этого участка предложил поехать с ним вместе для осмотра улиц его участка. В то время, когда лошади, запряженные в легкие дрожки, быстро понесли по дороге, Власовский встал, пристав тоже хотел встать, но Власовский сказал: «Сидите!» Лошади быстро неслись по выбоинам, производя необычайную тряску экипажа; пристав был очень тучный человек, и эта тряска и скачки экипажа чуть не перевернули его внутренности, он страшно страдал. Когда проехали значительную часть участка, Власовский обратился к приставу, видя его неимоверные страдания, предложил ему оставить его экипаж, прибавив: «Если к завтрашнему утру эти выбоины не будут уничтожены, то придется вам еще раз со мной покататься, но с более дурными последствиями для вас». Все эти выбоины уничтожили через два часа, не дожидаясь следующего утра.

При следующем свидании Власовского с этим приставом он заметил ему: «Ваша поездка со мной была хорошей наукой для вас: это дало понять вам, как трудно ездить по ним обывателям!»

Н.А. Алексеев сошелся с Власовским, и в публике говорили, что они, весь день неутомимо работая, по ночам вместе покучивали.

Н.А. Алексеев, отдавая все свои силы общественным делам, не имел возможности серьезно заниматься в своем деле, а потому принужден был пригласить своего зятя С.И. Четверикова стать во главе Товарищества «В. Алексеева сыновья».

Четвериков был фабрикант суконных товаров, имел фабрику в Городищах. Известен он был тем, что в начале его деятельности дела его пошатнулись и ему пришлось со своими кредиторами прийти в соглашение о некоторой скидке с его долга. Серьезно после этого занимаясь своим делом, ему удалось поправить его, и первое, что он сделал, уплатил всем кредиторам скинутые ими суммы. Этот его поступок произвел большой фурор между купечеством[11].

Н.А. Алексеев в 1892 году был убит в Городской думе при исполнении своих служебных обязанностей выстрелом какого-то маньяка, уже пожилого человека. Одни говорили, что убийца сумасшедший, другие

утверждали, что он мстил за честь своей дочери, а некоторые предполагали, что он убит революционером[12].

Профессор, производивший анатомирование трупа убитого, нашел, что Алексеев страдал какой-то серьезной болезнью, и без этого выстрела он скоро бы должен скончаться.

ГЛАВА 46

В период развития хлопководства в Средней Азии был год, кажется 1894—1895-й, отличавшийся необычайной напряженностью в смысле возможности приостановки развития посевов хлопка из американских семян.

Этот год оставил у меня тяжелую память: пришлось в нем усиленно поработать, с боязнью, что он будет последним годом моей хлопковой деятельности. Быстрое развитие хлопководства в Средней Азии вызвало желание у многих богатых фабрикантов и фирм, торгующих иностранным хлопком, пооткрывать свои скупочные отделения в Азии. Перечислять их не буду, но расскажу об одной фирме — «Понфик и Аренс». Во главе этой фирмы стоял крайне энергичный, дельный и хитрый Иван Антонович Аренс, величавший себя немцем, но другие говорили, что он австрийский еврей. Кроме этих достоинств Аренс был жаден до своих покупателей и завистлив; если ему приходилось узнавать, что конкурирующая с ним фирма предлагает хлопок по более дешевой цене, чем он, то он не даст состояться сделке — продаст без пользы, но не отпустит эти фирмы от себя. Иметь такого конкурента в Азии, понятно, мне было нежелательно, вследствие чего я принял некоторые меры, чтобы, по возможности, сделать ему некоторые затруднения на местах его покупок: поднял цену, увеличил размер ссуды под комиссионный хлопок, под хлопок будущего урожая тоже увеличил размер ссуды и еще тому подобное. В таком виде борьба велась в продолжение сезона и окончилась тем, что значительная часть вновь открытых фирм и фабрикантов прекратила дела в Азии, в том числе и Аренс.

Поступая так, конечно, пришлось нести известные жертвы, и я принял их во внимание и считался с ними, но не мог предвидеть начавшееся с небывалой настойчивостью понижение цен на хлопок в Америке, что продолжалось весьма долго, с потенциальным понижением цен.

Естественно, меня сильно интересовала причина падения цен хлопка в Америке; казалось бы, для этого не было основательных условий; то же подтверждали фирмы, у которых мы покупали хлопок в разных местах Америки, но цена хлопку все понижалась и понижалась. Я при-

шел к выводу, что успех хлопководства в России вызвал у американцев опасение, что в скором времени если не приостановится такое быстрое развитие хлопководства в Средней Азии, то Россия через определенное число лет уйдет как покупатель хлопка в Америке да, кроме того, еще может вывозить в Европу избыток.

Чтобы уничтожить таковой успех хлопководства в России, нужно думать, американцы прибегли к испытанному средству, дающему обыкновенно хороший успех: понизить цену на свой хлопок и держать ее в течение продолжительного времени, пока народившийся им конкурент окончательно не будет обессилен; в таких случаях большинство разорялось, и их пример надолго отбивал охоту у новых предпринимателей начинать таковое дело.

Это не было только моим умозаключением, но многие опытные люди, занимающиеся этим делом, приходили к такому же выводу: хлопковые запасы всего мира, количество урожая этого года не давали право думать, что фьючерсы в Америке упадут до небывало низкого размера — 262 пункта — и удержатся довольно долго.

Мне тогда пришлось сделать цифровые сравнения о преимуществе Америки перед Средней Азией, и из них я увидел следующее: во-первых, американский хлопок поступал с места паковки прямо в вагон, доставлявший его в порт, где погружался в трюм на пароход, доставлявший его в один из портов России; азиатский же значительную часть пути шел гужом на верблюдах в Оренбург, оттуда по железной дороге на Царицын и Волгой в Нижний; если же хлопок шел через Самарканд, то до Самарканда гужом, потом по железной дороге до Красноводска, оттуда либо в Петровск, в Астрахань, либо в Баку. Каспийский флот того времени был небольшой, вследствие чего хлопку приходилось долго лежать в перевалочных пунктах, ждать очереди, зачастую под открытым небом, без покрышки, без слег на земле, отчего он сильно портился, получал окрайку. В Астрахани попадал на баржи, где значительная часть его помещалась на палубе и от дождей тоже портилась.

Во-вторых, американский хлопок паковался по 12—14 пудов в кипу, что значительно удешевляло паковку, азиатский же хлопок паковался по 7—8 пудов в кипе, так как верблюд не мог везти больше 15 пудов; кипы паковались в хорошую тару, чтобы она могла выдержать длинный путь с частыми перевалками.

В-третьих, в Америке получаемый из сырца хлопка орешек (семена) продавался на маслобойные заводы, из него получалось масло, как олив-

ковое, идущее на консервы; в Азии семена-орешки шли либо на корм скоту, либо на топливо и стоили очень дешево, так как в то время не было маслобойных заводов. Между тем семян получалось много, так как из 3 пудов 8—10 фунтов сырца получался пуд волокна, а остальное все были семена.

В-четвертых, провоз хлопка из Америки в Россию обходился в четыре раза или около этого дешевле, чем из Азии.

В-пятых, в Америке хлопковая торговля поставлена высоко, с имеющимися там хлопковыми комитетами, с выработанными правилами для сделок, с арбитражами, обязательными для продавцов и покупателей, и еще многое другое в том же роде. У нас же, у русских, ничего подобного не было, и продавцы в значительной мере были в руках у покупателей, зачастую злоупотребляющих при приемках хлопка, требуя излишнюю скидку за качество, сырость и окрайку, извлекая тем еще большую пользу для себя.

Если все эти недочеты перевести в цифровые данные, то увидали бы, что Америка только по своему благоустройству имеет преимущество перед Азией в цене на пуд хлопка что-то около трех рублей.

Естественно, начавшееся небывалое понижение цены хлопка в Америке поставило бы азиатское хлопководство в такое бы положение, когда хлопок сеять в Азии не представлялось бы выгодным, и посевщики перешли бы на посевы хлебных злаков. Зная азиатов и их нелюбовь к новшествам, можно было думать, что, посеяв хлопок из американских семян, они надолго бы к нему охладели, а пожалуй, и навсегда.

Желая обратить на всё вышеуказанное внимание нашего общества, а главное, правительства, я решился написать статью и направил ее в редакцию «Московских ведомостей» с просьбой поместить ее в ближайшем номере. Прошло достаточно времени, а статья не появилась в газете. Послал узнать, какая тому причина. Там ответили: находят неудобным ее поместить.

Мне пришлось узнать от одного моего знакомого, работающего в редакции, следующее: редактор мою статью передал заведующему экономическим отделом в редакции, какому-то Воронову или Воронину[1], а он, плохо разбирающийся в хлопководстве, совершенно новом для него деле, отправился к своему знакомому Г.А. Крестовникову, владельцу прядильни, и просил прочесть и дать свое заключение. Г.А. Крестовников понимал в хлопководстве столько же, как и этот господин, при-

том же всякая прибавка пошлины на иностранный хлопок ему, как прядильщику, понятно, не была желательна, он и дал совет — не печатать.

Я очутился в печальном положении: что мне делать? Наконец решился напечатать отдельной брошюрой и разослать ее всем прядильщикам и в Министерство финансов. Когда это было мною сделано, то понял, что это не поможет делу: брошюру[2] в лучшем случае прочтут и бросят. Тогда я пригласил некоторых азиатских купцов, бывших в то время в Москве, а из русских Шимко, занимающегося комиссионным делом в Азии, прочел им мою статью, составил прошение на имя министра финансов, а другое в Московский Биржевой комитет, заставил их всех подписаться под ними и препроводил по назначению.

Вскоре получил приглашение от Биржевого комитета пожаловать на заседание с участием г-на Лангового (крупного чиновника из Министерства финансов).

В залу заседания собрались почти все прядильщики, для них вопрос был животрепещущим, они боялись увеличения пошлины, полагая, что она обременит производство.

Председатель Биржевого комитета Н.А. Найденов, представив присутствующим Лангового, передал ему председательское место. Ланговой, вынимая бумаги из портфеля, сказал: «Министерством финансов получена бумага за подписью многих лиц о современном тяжелом положении хлопководства в Средней Азии по случаю сильного понижения цен на хлопок в Америке, грозящего приостановкой посевов хлопка в Азии, с просьбой помочь в этом. Прошу присутствующих высказать свои мнения по этому поводу».

Первый начал говорить московский хлопковый король Федор Львович Кноп, он был самый крупный продавец американского хлопка и состоял представителем одной из самых больших фабрик в Англии Платт[3], снабжавшей Россию своими прядильными машинами. Кнопы были владельцами одной из самых крупных прядилен в России — Кренгольмской мануфактуры, имеющей 600 тысяч веретен, и еще нескольких больших прядилен в разных губерниях, а также были пайщиками в разных комбинированных товариществах, где были прядильни. Кнопы считались одними из самых богатых людей в Москве, имели большое деловое влияние на московское купечество, хотя оно за глаза над ними подтрунивало, называя их «клопами», понимая, что как тех, так и других было трудно выбить из облюбованных ими мест.

Федор Львович начал доказывать, что всякое повышение [пошлины] на хлопок будет большой ошибкой, неминуемо пагубно отразится на потребителях, а именно на крестьянах, где каждая надбавка, как бы она ни была незначительна, ухудшит положение крестьянства, без того сильно нуждающегося. Вся его речь была в том же духе.

После Кнопа говорил Павел Петрович Воронин, представитель крупной Раменской мануфактуры. Он сказал: «Ради ничтожного количества русского хлопка будут принесены в жертву развитие и процветание текстильной промышленности России, так как, несомненно, повышение пошлины послужит сокращению роста прядилен. Нельзя думать, что Средняя Азия когда-либо составит конкуренцию Америке из-за недостатка годных земель для посевов хлопка. Пошлина на иностранный хлопок только обогатит туземцев-азиатов за счет русского народа...» — и еще что-то говорил в том же роде.

После него говорили И.К. Поляков, представитель В. Морозова, и еще несколько человек, не внесших ничего нового и оригинального, и их речи у меня выпали из памяти.

После того как не нашлось больше лиц, желающих высказаться, Ланговой сказал: «Было бы желательно выслушать еще лиц, подписавшихся под прошением».

К большому моему огорчению, пришлось мне говорить. Вкратце рассказал историю начала посевов хлопка из американских семян и о тех пережитых трудностях, чтобы заставить азиатов сеять из этих семян; о громадных площадях земли, выражающихся в нескольких миллионах десятин, лежащих втуне, требующих затрат для приведения их в плодородное состояние при помощи искусственного орошения из многоводных рек, протекающих по ним. Земли эти, как Голодная степь, имеют саженное наслоение лёсса, почти неистощимого по плодородию. С проведением железной дороги в глубь Азии, несомненно, пойдет туда дешевый русский хлеб из Кубани, что заставит туземцев все свои земли, в данное время засеваемые хлебными злаками, занять хлопком. Потом привел цифровые данные, взятые мною из моей брошюры, о тех имеющихся в Азии нецелесообразностях, бывающих неминуемо в каждом новом деле; с надеждой, что они постепенно будут идти на сокращение.

Должен признаться, мне было крайне неприятно и тяжело говорить. Я знал, что сидящие здесь не могли мне сочувствовать из-за их личных интересов, большинство из них были моими покупателями, и я мог опа-

саться, что они станут бойкотировать из-за меня Московское Торгово-промышленное товарищество — чего не могут сделать люди во злобе!.. хотя, быть может, временно. Но в это тяжелое время для Московского Торгово-промышленного товарищества бойкот мог быть равносилен смерти.

Когда я кончил, Ланговой сложил свои бумаги в портфель и, обратясь к Найденову, сказал: «Я удовлетворен данными сведениями, и больше объяснений не требуется». Ланговой с Найденовым встали и, сделав общий поклон, покинули залу.

Ко мне подошел П.П. Воронин и сказал: «Вами высказанные соображения — химеры: из Азии хотят сделать Америку! Увеличение пошлины только остановит прогресс текстильной промышленности, единственной хорошо поставленной в России».

Через сутки после этого заседания мне стало известно, что приказом во все таможни из Министерства финансов телеграммами было сделано распоряжение прибавить пошлину на хлопок рубль на пуд.

Увеличение пошлины сразу изменило положение с азиатским хлопком: прядильщики брались покупать азиатский, и падение цен на него прекратилось.

Должен сказать, что меня еще волновал, кроме приостановки посевов хлопка из американских семян, убыток в Московском Торгово-промышленном товариществе, выразившийся в цифре, немного больше половины основного капитала. С увеличением пошлины оставалось до окончания текущего года немного больше трех месяцев, и за это время пришлось сильно поработать, чтобы уничтожить убыток и дать еще пользу, что и удалось, к моему благополучию.

После повышения пошлины Азия сильно начала богатеть, посевы хлопка ежегодно увеличивались, и посевщики, в значительной степени, от хлебных злаков перешли на посевы хлопка. Года через два после этого начались завалы хлопка из-за невозможности имеющимися перевозочными средствами быстро переправить хлопок в Россию. Главный доверенный Московского Торгово-промышленного товарищества Т.И. Обухов телеграфировал мне из Красноводска: «Небывалый затор хлопка. Хлопок лежит на нескольких верстах железнодорожного пути широкими бунтами, высотой в 5—6 кип. Употребляю героические усилия скорее погрузить на пароходы». Я попросил его телеграммой снять фотографию с этих залежей хлопка и выслать мне.

Фотографию снес П.П. Воронину и подарил ему ее на память и при этом сказал: «Из этой фотографии можете увидать, что мои слова на заседании Биржевого комитета не были химерой: Азия начинает походить отчасти на Америку». Все предположения Кнопа о вздорожании мануфактуры и предположение Воронина о регрессе текстильной промышленности, как и нужно было ожидать, оказались пуфом[4]. Азия богатела не по дням, а по часам, сделалась самым крупным покупателем мануфактуры. Рост фабрик в России сильно увеличился, [производство] усовершенствовалось, мануфактура в цене не поднялась, а удешевилась. Правительство, видя такой успех от прибавки пошлины, через несколько лет еще увеличило пошлину, уже не советуясь с фабрикантами. Кнопы основали новое товарищество с капиталом 10 миллионов рублей для скупки хлопка в Средней Азии. Предполагаю, что они в этом не раскаялись.

ГЛАВА 47

У нашего правительства, приблизительно в годах с 1893 по 1895-й, возникла мысль уничтожить эмира бухарского с присоединением ханства к России.

Бывая в Петербурге, мне приходилось слышать об этом желании правительства, которое я всеми силами оспаривал; так, однажды, будучи на обеде, мне пришлось рядом сидеть с Федоровым (имя-отчество его забыл), вскоре после того назначенным редактором «Торгово-промышленной газеты»[1], когда мы беседовали с ним об Азии, он сказал мне: «Зачем нам сатрап эмир бухарский? Ведь Фергана управляется русскими чиновниками, процветает и развивается, почему то же самое не может быть и с Бухарой?» Я ему ответил, что эмира можно рассматривать как дарового генерал-губернатора по той зависимости, в которой он находится от России, и всегда можно эмира принудить к необходимым реформам для облегчения жизни его подданных, в свою очередь государству не приходится содержать в Бухарском ханстве сильных отрядов войска, необходимого для сохранения порядка, и можно избежать расходов по управлению, несомненно больших, и приводил еще разные другие доводы.

Разговоры и настойчивые слухи об этом не прекращались, а, скорее, увеличивались.

Как-то ко мне в Московское Торгово-промышленное товарищество пришел бухарец Латиф Касым-Ходжаев, большой купец, торговавший хлопком, каракулем и мануфактурой, и, как мне было известно, он состоял в близких отношениях с крупными чиновниками эмира.

Латиф Ходжаев был интересный человек, с красивым бледным лицом, с большим лбом, с небольшой бородкой, с умными и хитрыми глазами, высокого роста, говорящий тихим льстивым голосом, но чувствовалось, что он понимал свою силу и преисполнен сознанием своего достоинства. Любил, когда за ним ухаживали и ему льстили.

Латиф низко кланялся, но не терял своего достоинства; после обычных приветствий и пожеланий, когда он сел, сказал мне: «Говорят, что русское правительство имеет намерение устранить нашего эмира; понят-

но, нам, бухарцам, это нежелательно. Его светлость эмир на днях выезжает в Петербург для выяснения своего положения. Проездом остановится на некоторое время в Москве. Я пришел к вам с просьбой: встретить Его светлость и поднести ему какой-нибудь подарок, для того чтобы правительство видело, как московское купечество любит и чтит Его светлость. Все подарки Его светлости будут отдарены сторицею»[2].

В день приезда эмира в Москву я не мог его встретить на вокзале по каким-то обстоятельствам, а просил это сделать своих помощников с приветствием о благополучном приезде. Эмир поместился в Кремле, в Большом Николаевском дворце[3], занимая помещение в первом этаже направо от парадного подъезда. Я озаботился приисканием подобающего ему подарка. На Бирже было известно, что все крупные купцы, имеющие с Бухарой дела, уже обзавелись хорошими и дорогими вещами, как-то: золотыми изделиями с крупными бриллиантами, дорогими гобеленами, экипажами лучших московских мастеров, серебряными сервизами, даже роялью и мебелью для гостиной работы лучшей фабрики Шмита, уплатив за нее 20 тысяч рублей с чем-то, и еще разными другими вещами.

Ломал себе голову, находясь в большом затруднении: что могу поднести ему? Все перечисленные подарки так были банальны и неинтересны! Могли ли эмиру они доставить какое-нибудь удовольствие? Он был так богат и имел всего вдоволь: как говорили, его склады ломились от разных бесконечных вещей, лежащих там десятками лет, куда, несомненно, и пойдут все эти подношения, не доставив ему большого удовольствия. Наконец я остановился на том, чтобы купить ему орган, какие обыкновенно помещались в трактирах, но от этого пришлось отказаться, так как в Москве готовых не оказалось, а по заказу можно было получить только через продолжительное время. Я зашел в часовой магазин Жана Габю на Никольской улице[4], торгующий также музыкальными ящиками, которые я у него довольно часто покупал для подарков своим азиатским клиентам.

Осматривал музыкальные ящики, из них некоторые были хороши, но, понятно, не годились для подарка эмиру, о чем я с сожалением высказался Габю и рассказал ему, для какой цели мне нужен большой музыкальный инструмент, приводящийся в движение машиной. Габю ударил себя рукой по лбу. «Погодите! — сказал он. — Я дам вам желаемое, пойдемте ко мне на квартиру, я живу здесь же, во втором этаже».

Когда вошли в его гостиную, он указал на большой предмет, закрытый чехлом, стоящий посередине комнаты; когда он снял чехол, я увидал большой старый стол, пыльный, покрытый грязными пятнами, хотя было видно, что он когда-то был чудом искусства итальянской работы. Стол был покрыт художественной инкрустацией из слоновой кости, перламутра и разных цветов и пород дорогих деревьев. На столе стоял большой музыкальный ящик с бронзовыми украшениями и с тяжелыми массивными бронзовыми ручками, также весь инкрустированный, как и стол, но многие инкрустации повыпали и бронзовые ручки наполовину были вырваны. Габю, заметив на моем лице разочарование, поспешил меня успокоить: «В течение суток приведу все в порядок; выпавшие инкрустации целы и у меня спрятаны, и, когда все это будет вставлено на места и грязь очищена, вещь получится совершенно как новая». Габю рассказал, что куплена эта вещь в одной старинной усадьбе у бывшего богатого помещика, за нее им было заплачено в свое время шесть тысяч рублей. Видя все еще мое колебание, он сказал: «Я готов продать с условием: если она после ремонта вас не удовлетворит, то можете не брать». Цену назначил за нее 800 рублей с ремонтом. Я согласился.

Музыкальный ящик исполнял 60 разных итальянских арий из старых опер — «Риголетто», «Трубадур», «Травиата»[5] и других подобных оперных мелодий. Внутренность музыкального ящика была в порядке, требовалась только чистка.

В назначенный срок я пришел к Габю [и] действительно был поражен: стол и музыкальный ящик были как новые — все блестело, и еще ярче выделялись неподражаемое итальянское мастерство и искусство. Лучшего подарка я не мог себе представить: ценная и хорошая вещь!

Стол с ящиком были водворены в фургон Шаперко[6], занимавшегося перевозкой мебели, и я в сопровождении рабочих отправился во дворец.

Когда подъехали к главному подъезду дворца, рабочие вытащили из фургона инструмент и преспокойно понесли по лестнице во дворец мимо часовых, с любопытством осматривающих интересную вещь. Внесли в вестибюль, началась целая история: важный швейцар сильно запротестовал против взноса стола, требовал уноса обратно, удивляясь, как часовые могли допустить это сделать. Я ему объяснил, что эта вещь для Его светлости эмира, и даже соврал, что доставлена по его распоряжению, но швейцар ничего не хотел слушать, требуя увоза ее обратно. Пока

мы спорили с ним, фургон уехал. Тогда швейцар послал за комендантом, оказалось, он уехал из дворца, и было неизвестно, когда он вернется. Швейцар, видя, что увезти стол скоро не придется и невозможно ему все время стоять в вестибюле, с огорчением махнул рукой и сказал: «Несите к Его светлости, мне придется за это отвечать, что недоглядел» — и пропустил во дворец.

Рабочие быстро отнесли [стол] в апартамент эмира и сдали его свите, мною был оставлен приказчик татарин Кашаев с целью научить их заводить машину. Я же засел в приемной комнате, ожидая, когда буду принят Его светлостью. В приемной уже сидело много народу в ожидании приема их эмиром. Разговаривал со знакомыми, вдруг из комнаты эмира полились звуки итальянских опер. Долго пришлось ожидать выхода Его светлости; как было видно, эмиру мой подарок доставил большое удовольствие, забавляя его.

В это время вернулся комендант дворца и, когда ему швейцар доложил о привезенном столе, сильно рассердился, прибежал генерал ко мне в приемную и начал меня отчитывать: как я смел привезти во дворец, это строго воспрещено и так далее. Я отговаривался незнанием и объяснил, что привезен музыкальный ящик и раздающиеся звуки происходят от него, пусть он пойдет и посмотрит и убедится, что в нем подозрительного ничего нет. Понемногу гнев и раздражительность генерала начали проходить, и мы с ним расстались довольно дружелюбно; выходя из приемной, он только покачал головой, смущенный, нужно думать, промахом часовых и швейцара.

Кроме музыкального ящика эмиру [я] поднес еще несколько парчовых халатов. За время пребывания эмира в Москве все магазины, торгующие парчой, шелком и бархатными тканями, годными для халатов, расторговались вчистую, все было распродано — так было много желающих поднести эмиру подарок!

Наконец меня эмир принял первым, он был со мной очень любезен, говорил я с ним через переводчика. При расставании с ним получил от него несколько дорогих халатов, один из которых был надет мне на плечи.

Через несколько лет, во время второго приезда эмира в Москву, я опять представлялся ему, он уже со мной говорил без переводчика, с хорошим и чистым произношением слов.

Эмир был красивый мужчина, брюнет, высокого роста, довольно полный, с добрыми, умными и выразительными глазами. Как говорят, у него было более 700 жен.

Через несколько дней после моего представления эмиру ко мне явился министр его в сопровождении Латифа Касым-Ходжаева и нескольких бухарцев. Министр поднес мне «Золотую звезду»[7], грубой работы бухарских мастеров, с клочком бумаги, где было написано по-бухарски о пожаловании мне звезды 1-й степени за полезную и плодотворную работу с Бухарой. Как мне сказал Латиф, звезды 1-й степени были пожалованы только трем купцам в Москве — городскому голове Н.А. Алексееву, С.Ю. Ерзину и мне. После такой милости ко мне меня начали навещать большими группами все бухарские купцы, бывшие в то время в Москве, с поздравлением с эмирской милостью.

Все они говорили, что мой подарок произвел замечательное впечатление на Его светлость. Он во все дни проживания в Москве наслаждался звуками музыкального ящика. Выезжая в Петербург, приказал запаковать как можно лучше и отправить к себе в бухарский гарем.

Эмир в Петербурге был принят государем, государыней, наследником, великими князьями и всеми высокопоставленными лицами при дворе; везде имел большой успех и остался сатрапом Бухары на всю свою жизнь, с пожалованием звания Его высочества вместо Его светлости. Говорили, что поездка эта обошлась эмиру весьма дорого из-за тех роскошных подарков, которыми он наделял всех.

Брат Латифа — Убайдулла Касым-Ходжаев — был мой приятель (его сын в данное время, 1934 году, состоит наркомом от Бухары)[8], я с ним имел большие дела, и он часто меня навещал. Он рассказывал, что ему часто приходилось бывать в Кремлевском дворце, когда жил там эмир. [Убайдулла] возмущался поведением свиты эмира, он жаловался, что они держали себя чрезвычайно грязно, вытирали свои руки об обои, драпировки и обивку мебели после еды плова, отчего вся мебель приобрела ужасный вид, и весь апартамент, занимаемый эмиром, пришлось ремонтировать вновь после отъезда эмира. Однажды, рассказывая об успехе моего подарка, он как бы случайно спросил меня: «Скажи, пожалуйста, сколько стоила тебе эта музыка?» Я подумал: сказать правду неловко — дешев подарок для нашей фирмы, пожалуй, обидятся! Решил сказать 6 тысяч рублей, как сказал мне Габю, что за нее в свое время было заплачено помещиком. Убайдулла ответил: «Хорошая музыка, много доставила Его светлости удовольствия!»

Все впечатления от поездки эмира давно кончились, он из Петербурга поехал в Ялту, где у него была куплена вилла, куда он переехал жить и

отдохнуть[9]. Я однажды, занимаясь в Московском Торгово-промышленном товариществе в своем кабинете, услыхал какой-то странный шум: выкрики, кряхтение и топот многих ног, обутых в тяжелую обувь. Молодые конторщики повскакали со своих табуреток, бросившись посмотреть: что это такое там делается? Я тоже решился посмотреть, но только успел подойти к двери своего кабинета, как она распахнулась и вошел Латиф, а за ним несколько здоровых крючников несли на спинах кипы, обшитые белой кожей. Латиф показал им рукой на пол, куда они и свалили их. Латиф, поздоровавшись со мной, сказал: «Это от Его высочества подарки, он просит принять», — вручая мне фактуру на 6 кип разного товара. Я посмотрел фактуру и увидал, что товару будет не менее 6 тысяч рублей; право, мне сделалось неловко за такой щедрый подарок, как будто бы я обманом получил его, от блеснувшей мысли: вот почему Убайдулла интересовался стоимостью «музыки»! Мог ли я в то время думать, что Убайдулла расспрашивал меня с целью передать министрам эмира?

Среди шести кип оказались две кипы с коврами, кипа с каракулем, кипа с разными халатами, а остальные кипы были наполнены бумажными, шелковыми, бархатными, парчовыми кусками материй. В них оказалось два куска индийской парчи, замечательной по выделке и, нужно думать, большой ценности. Один из них я пожертвовал на раку к св. Сергию преподобному[10], а другой кусок променял на целое облачение на престол, жертвенник и на ризы для священника и дьякона в одну бедную сельскую церковь, сильно в этом нуждавшуюся.

ГЛАВА 48

Имея большие дела с разными лицами, невольно приходилось интересоваться ими и считаться с положительными и отрицательными сторонами их жизни. Надолго укреплялись в памяти разные рассказы из жизни их, смущающие многих по странности и непонятности. Зачастую фамилии таковых делались нарицательными, так: «Поедем на империале конки?» — «Что ты!.. я еще не Малютин, у меня хватит две копейки ехать внизу». Или: «Жаден, как Карташев» *. Или: «Отчего не купишь себе дачу или дом?» — «Я еще не сделался Шелапутиным!» Или: «Ты угостишь меня по шелапутинскому счету?» ** — и тому подобное.

Павел Павлович Малютин был полный собственник большой и образцово поставленной фабрики под наименованием Раменская мануфактура, находящейся в 60 верстах от Москвы по Рязанской железной дороге. Начало благосостоянию этой фабрики положил отец его[3], отличавшийся большим умом, энергией и широким размахом в своих торговых делах; что же касается до его личной жизни, он был мелочен и

*Карташев — известный московский купец, отличавшийся большой скупостью; после его смерти его наследник Обидин[1] получил многомиллионное состояние. При составлении описи денег, находившихся в его квартире, находили их в разных местах, как-то: в печках, отдушинах, под шкафами, в горшках с засохшими цветами, за шкафами и даже в таких местах, где положительно было трудно думать; некоторые пачки с кредитками были изъедены крысами, мышами; лежащие в сырых местах сгнили, уже не говоря о мехах, лежащих в сундуках, от которых осталась только труха, и под трухой находили пачки кредиток и золото[2]. Карташев сам себе отказывал во всем и всегда был крайне доволен, когда его должники угощали обедом, причем обед должен был быть из самых простых и дешевых кушаний — щи с мясом и каша, а взамен десерта копеечная сигара; если же кто-либо из них вздумал угощать более дорогими кушаньями и сигарами, то для этого человека кредит Карташевым закрывался окончательно и бесповоротно.

**Павел Григорьевич Шелапутин был очень богатый купец, владел большими доходными домами в Москве, имениями и был крупным пайщиком в Товариществе Балашинской мануфактуры. Его громадные пожертвования на благотворительные дела были всем известны; от этих жертвований он не искал себе каких-нибудь наград и чинов. Жил круглый год в своем имении на Москве-реке в Кунцеве. Отличался очень простой жизнью и не позволял себе, как и своим домашним, каких-либо излишеств, хотя бы они были крайне малы.

скуп, боясь израсходовать для себя лишние двадцать копеек. Мне приходилось слышать от лиц, близко знающих его, что он, приезжая в Петербург, останавливался в одной из самых дешевых гостиниц, употреблял целые дни на посещение своих покупателей для получения от них заказов, и когда делалось уже темно, он шел обедать в дешевый трактирчик и после съеденного обеда, пользуясь даровым светом, писал письма в Москву с распоряжениями, заносил полученные заказы в свою книжку и оставлял трактир только после того, как замечал недовольство половых, старающихся выкурить посетителя, ничего для себя не спрашивающего. Тогда он уходил в только что выстроенный пассаж на Невском, где засаживался на скамейку, ближе к свету лампы, и заканчивал там дела, после чего шел в гостиницу, ложился спать в темноте, тем экономил 20 копеек за свечу, за которую пришлось бы платить, если бы он хоть раз и на минуту зажег бы.

Его сыновья Павел и Михаил получили хорошее образование; Павел Павлович по характеру походил на своего отца, а Михаил Павлович был расточителен и сравнительно быстро израсходовал все оставленное ему отцом, перешедшее к его брату Павлу.

Товарищество Раменской мануфактуры было большое солидное дело с основным капиталом в 5 миллионов рублей, но в действительности все имущества, имеющиеся в товариществе, значительно, во много раз, превышали основной капитал и определялись в десятках миллионов рублей. Товарищество обладало 60 тысячами [десятин] отличных ценных лесов, расположенных близ фабрики, представляющих ценность никак не меньше 10 миллионов рублей. В Москве было у товарищества несколько домов, при одном из них было земли 12 тысяч кв. сажень, да большое количество паев Московского Купеческого банка по номинальной их стоимости в 5 тысяч рублей, когда их можно было продать значительно выше и перед последней войной они доходили до 40 тысяч рублей за пай, и, кроме того, было еще много других паев и ценных бумаг, так что все это дело можно было оценивать в несколько десятков миллионов.

Павел Павлович был довольно высокого роста, с какими-то странными глазами, как бы конфузящимися, с болезненной желтизной на лице, говорил тихо, и во всей его фигуре чувствовалась нервность и мнительность.

Жил он на Красносельской улице в большом доме товарищества, пользуясь в нем двумя комнатами во втором этаже. Чтобы попасть к нему,

нужно было пройти большую залу, с заметным колебанием пола от ветхости балок. Его родственник Воронин, по специальности архитектор[4], настаивал на обязательном ремонте дома, но не мог убедить в этом своего дядюшку, не решавшегося затрачивать на это деньги и согласившегося только на постилку досок, пересекающих залу от входа в нее до его комнат, и тем уменьшил риск от неожиданного провала с балками и накатом в нижний этаж.

Михаил Павлович, оказавшийся плохим и расточительным дельцом, не был из товарищества удален братом, который оставил его директором, где [он] получал 12 тысяч рублей в год, не внося ничего полезного в дело. Михаил Павлович тратил эти деньги на наряды и удовольствия, его гардеробы, комоды были наполнены костюмами, разным бельем, галстуками, шляпами и сапогами; Павел Павлович не тратил денег на покупку этих вещей для себя, но приходил к брату и из его вещей выбирал себе, что нужно, пользуясь тем, что его фигура тела походила на братнину, считая это компенсацией ненужными для брата поношенными вещами за уплачиваемое ему жалованье.

Павел Павлович не имел лошадей, его способом передвижения была преимущественно конка, и он помещался на империале ее[5], не обращая внимания ни на какую погоду. Было замечено, что он, выходя из дома, торговался с первым попавшимся извозчиком, давая ему значительно ниже, чем тот просил с него, шел пешком до Елохова, где опять торговался с извозчиком, подавая уже на 5 копеек дешевле, считая, что он прошел пешком на эту сумму и, дойдя до Разгуляя, а даже до Земляного вала, все понижал свою ставку, садился на конку и доезжал за 3 копейки до Ильинских ворот, вполне довольный своей экономией.

Павел Павлович был умным и хорошо образованным человеком, несомненно, все его странности можно приписать каким-то идеям, создавшимся в голове у него, он жил ими и по-своему наслаждался. Невольно задаешь себе вопрос: не делалось ли все это им из-за меркантильного тщеславия — знать и чувствовать возможность иметь все материальные блага жизни, но ими не пользоваться, а наслаждаться лишь только сознанием возможности удовлетворения своего тщеславия от зависти к нему лиц, желающих иметь то, чем он владеет, а не могущих получить его. Не доставляло ли Малютину громадного наслаждения смотреть на знакомых, проносящихся на рысаках мимо его, сидящего на империале конки, и приветствующих его низким поклоном?

Несомненно, Малютин испытывал большое наслаждение от уничижения своей личности по своей воле и желанию. К нему применимы слова одного философа: «Искал удовольствия без счастья, счастия без знания, знания без мудрости». Чем же иным можно объяснить все эти противоречия, проводимые им в жизнь? Отказывая себе почти во всем, он в деловой своей практике поступал обратно: фабрика оборудовалась и содержалась без всякого желания экономить за счет ее красоты и солидности; старший персонал служащих был хорошо оплачиваемый, и во главе фабрики стоял профессор Императорского Технического училища Дмитриев, получавший много, то же можно сказать и про остальных его служащих, работающих в деле десятками лет.

За несколько лет до своей смерти Павел Павлович был выбит из своей обычной колеи жизни из-за происшедшего с ним случая. Его родственник Михаил Михайлович Бочаров уговорил Павла Павловича поехать с ним в Московский Купеческий клуб и ввел его в залу, где происходила карточная игра «в железную дорогу»[6]. Нужно думать, что быстрый переход денег большими суммами из рук в руки увлек Павла Павловича, и ему захотелось испытать счастье; засел за стол и быстро проиграл 30 тысяч рублей. Он прекратил игру и уехал домой. С этого дня, можно сказать, произошла большая перемена в его душе: в Раменском товариществе все старшие служащие заметили, что он из кассы начал брать ежедневно по сто рублей и повел какой-то странный, непонятный для них образ жизни. Не понял ли он, что усвоенные им идеи — бред больной души, стоит ли жить так, как жил он до этого дня?

Как-то, когда я завтракал в «Славянском базаре», ко мне подошел мой знакомый и обратил мое внимание на сидящего Павла Павловича с красивой француженкой и сказал: «Что это с Павлом Павловичем, не женился ли он?» Мне же показалось, что Павел Павлович чувствовал себя не в своей тарелке: его лицо и вся фигура были странные, с конфузливым выражением.

Вскоре П.П. Малютин скончался, оставив все свое состояние своему племяннику Павлу Павловичу Воронину, сыну его тетки по отцу[7].

Павел Павлович Воронин был с университетским образованием, хорошо воспитанный, но тусклый неврастеник, с нерешительным и недоверчивым характером, и он понимал, что ему будет невозможно вести такое большое предприятие, как Раменская фабрика; он поручил ведение фабрики своему уже престарелому отцу, с полным невмешатель-

ством в его распоряжения. Отец Павел Петрович был из молодящихся старичков, таковых обыкновенно называют «мышиными жеребчиками». Он красил себе волосы в черный цвет, имел вставные зубы и старался держаться бодро, с полным желанием за счет своего сына пожить хорошо и использовать остаток своей жизни.

Дела Раменской мануфактуры за время его управления не ухудшились, да и от него не требовалось большого проявления своей деятельности, благодаря хорошей и солидной постановке дела, с превосходным составом опытных и честных старых сотрудников.

Павел Петрович прежде всего отремонтировал большой дом, где жил Малютин, пристроил во втором этаже зимний сад, с насаждением чудных тропических пальм, с клумбами цветов, с извилистыми садовыми дорожками, со стоящими на них камышовыми скамейками и столиками. В саду было приятно посидеть после сытного обеда, с сигарой, вдыхая запах гиацинтов, нарциссов и других цветов. Была при доме своя электрическая станция, освещающая все большое владение с конюшнями и другими хозяйственными постройками.

Павел Петрович счел нужным отпраздновать свое новоселье хорошим обедом, с хорошими винами, для лиц, имеющих с товариществом большие дела; приглашенных было что-то около двадцати пяти человек, с небольшим количеством некоторых родственников, причем настоящий хозяин, сын Павла Петровича, отсутствовал.

Этот обед у меня остался в памяти из-за того, что после окончания его началась картежная игра в «железную дорогу», и мне пришлось играть в эту игру в первый раз, с плачевным для меня результатом. Первоначальная ставка была обусловлена в 25 рублей. Когда очередь метания наконец дошла до меня, я поставил 25 рублей, взял банк, получилось в банке 50 рублей, опять взял банк, образовалось 100 рублей, потом 200 рублей. Мне показалось, что эта сумма вполне достаточна для меня: за 25 рублей получить 175 рублей, я закончил. Моментально мой сосед Александр Семенович Бер купил за 200, и игра продолжалась, пока в банке не накопилось 3200 рублей. Тогда он предложил желающим у него купить. Михаил Михайлович Бочаров купил и внес 3200 рублей и выиграл на них столько же. Больше желающих перекупить не оказалось. Карты перешли в очередные руки, со ставкой 25 рублей, и банк был бит. Я увидел, что сделал ошибку — рано продал банк; раззадоренный, начал играть и в результате проиграл 1000 рублей.

Я послал на новоселье Павлу Петровичу чудный туркменский ковер, сработанный для меня по заказу в Мерве. Три ковра работались три года, по особому старанию некоторых влиятельных туземцев услужить мне, а без их содействия мне бы не пришлось их иметь, так как для работы требовалась переделка станков, согласно моему желанию иметь ковры квадратной формы.

Вскоре после этого новоселья я услыхал, что старичок Павел Петрович женился на молоденькой и хорошенькой учительнице, преподающей в фабричной раменской школе, и не вынес сердечных волнений от несвоевременного с его годами брака, скончался.

Павел Павлович Воронин после смерти своего отца принужден был руководить Раменской мануфактурой, что ему было весьма трудно уже по состоянию своего здоровья, а еще более от того, что, с университетской скамьи сделавшись либералом, не имел возможности приводить в исполнение установившиеся у него взгляды и убеждения, поняв трудность проведения либеральной болтовни в действительную практическую жизнь.

Ко мне в 1900 году зашел один из его дальних родственников, с которым я имел какие-то дела по хлопку. Фамилию его теперь забыл, он мне никогда не внушал к себе доверия, быть может, из-за того, что имел странное лицо, с разбегающимися в разные стороны глазами, что значит по народным приметам — «Бог шельму метит». Он мне предложил: «Не хотите ли купить Раменскую мануфактуру? Я вам это дело устрою. Купите за дешевую цену». Я с удивлением посмотрел на него: не шутит ли он? Он меня начал уверять, что это дело устроить ничего не стоит: неврастеник Воронин тяготится им и отдаст его за 5 миллионов рублей, чтобы навсегда покинуть Россию. Причем для приобретения дела почти не потребуется денег, только нужно продать часть лесов, находящихся в дачном месте при станции Раменское, и паи Московского Купеческого банка и вырученными суммами покрыть паи Раменской мануфактуры.

Но я отнесся к его предложению как к несерьезному, отказался. На другой день он опять пришел и принес баланс Раменской мануфактуры за последний отчетный год, подписанный П.П. Ворониным и бухгалтером, оставил его у меня на рассмотрение на несколько дней, но взял с меня слово, что я его никому не покажу и не буду рассказывать об этом.

1900 год для меня был тяжелый, с ожиданием разных дурных для моего самолюбия последствий, я боялся забивать голову новым большим

делом, да притом в то время, когда предполагал выехать за границу на продолжительное время. Я отказался решительно от приобретения.

Воронин продал свои паи Раменской мануфактуры Михаилу Никифоровичу Бардыгину. Я от души порадовался, что это дело перешло в солидные русские руки. После чего Воронин уехал во Францию и близ Ниццы купил виллу, где и обосновался. О дальнейшей судьбе П.П. Воронина мне ничего не известно.

ГЛАВА 49

Когда я познакомился с серпуховским фабрикантом Петром Ивановичем Рябовым, потом сделавшимся нашим большим покупателем, ему было лет пятьдесят с чем-нибудь, он представлял из себя довольно невзрачную личность: небольшого роста, с хитрыми черными глазками, с жиденькой бородкой, растущей в разные стороны. Как потом оказалось, был любителем покутить без больших затрат на это, порнографических карточек и сальных анекдотов.

Начиная с ним дело, я постарался собрать о нем от разных лиц справки, обратился к почтенному биржевому маклеру Сергею Ивановичу Эзову, занимающемуся учетом векселей, а потому хорошо осведомленному о кредитоспособности лиц, прибегающих к кредитам. С.И. Эзов сообщил: «Рябова кредитовать можно, дела его идут хорошо, но только сам-то по себе развратен и кутила»*.

Один из фабрикантов, конкурирующих с Рябовым, сказал мне: «Еще бы ему не иметь денег! Каждую Пасху ездит Богу молиться в Киев, откуда привозит туго набитые чемоданы с фальшивыми кредитками»**.

*С.И. Эзов, уже немолодой человек, с добрыми и приятными глазами, очень низенького роста, чтобы казаться выше, носил обувь с неимоверно высокими каблуками и для этого же всегда носил цилиндр. Он был большой любитель дам, преимущественно балерин, почти всегда присутствующий на балетных представлениях в первом ряду кресел, подносил очень часто балеринам букеты.

**Хотя нужно думать, что в те времена практиковалось некоторыми лицами из среды «серого» купечества, желающими быстро разбогатеть, пускание в оборот фальшивых денег. Это заключаю из того, что сам однажды чуть не сделался жертвою награждения меня фальшивыми деньгами. В 1882 году отправился путешествовать по Кавказу и Крыму по даровым железнодорожным билетам, полученным мною из Императорского Технического училища, где я учился. В переполненном вагоне я на ночь удобно разместился на верхней полочке и, проснувшись поздно, с тяжелой, больной головой, лежа, услыхал разговоры между несколькими оставшимися пассажирами о покраже у них разных вещей и денег во время ночи, жаловавшимися, что у них головы тяжелые, будто чем-то одурманенные. Я схватился за свои карманы, и оказалось, что они тоже все пустые. Испуганный донельзя, я быстро ощупал места в жилете, где предусмотрительно перед отъездом мне зашили деньги, рассчитанные на весь дальний путь. Но, к моему благополучию, воры не заметили их, и я был принужден отправиться в уборную, распороть место, где

После того как у меня с П.И. Рябовым начались хорошие отношения и он сделался нашим хорошим покупателем, как-то, когда мы с ним завтракали, он мне рассказал о начале своего благосостояния. Был тя-

---

были зашиты деньги, откуда достал сто рублей одной кредиткой. На всех станциях, где только были большие буфеты, я выходил и просил в буфетах разменять мне сотенную, но буфетчики отказывались, с сосредоточенным вниманием и с подозрительностью осматривая меня. И мне пришлось целый день питаться остатками провизии, взятой из Москвы, без чаю и горячей пищи. В Ростове-на-Дону я тоже подошел к буфетчику с просьбой разменять, тоже получил отказ, но буфетчик прибавил: «Здесь имеются люди, охотно меняющие деньги». В это время подошел ко мне какой-то человек и просил: «Вам разменять?» Получив от меня утвердительный ответ, он вытащил толсто набитый бумажник с деньгами и начал отсчитывать. Сидевший за столом интеллигентный господин, слышавший весь наш разговор, подошел ко мне и тихо сказал на ухо: «Не советую вам здесь менять: получите все фальшивыми». Я зажал свою сотенную в руке и без объяснения причины господину, предложившему разменять, быстро ринулся вон из залы буфета в вагон, сопровождаемый отборною руганью вослед мне сбытчика фальшивых кредиток.

С оповестившим меня господином я познакомился, он ехал на Минеральные Воды, где на каком-то курорте он служил доктором; сидя в вагоне, он мне много рассказал о фальшивомонетчиках, на которых и он однажды попался в Ростове-на-Дону. Когда я ему рассказал, по какой причине мне пришлось остаться без мелких кредитных денег, он тоже подтвердил, что здесь по всей линии вплоть до станции Минеральные Воды эта оборка практикуется и имеются предположения, что этим занимаются некоторые кондукторы с подставными лицами, одурманивающими пассажиров.

В следующую ночь я уже не ложился спать, боясь, что меня опять обворуют. И действительно, мог заметить, что один из кондукторов вел себя более чем странно: ночью приходил и затворял окна, когда было тепло на воздухе, объясняя свое действие тем, что так требуют некоторые пассажиры, нужно думать, из его единомышленников. По закрытию окон я почувствовал запах эфира и быстро вышел на площадку вагона, чтобы запах этот не мог на меня действовать, тогда этот же кондуктор заставил меня с угрозами войти обратно в вагон, но я после этого открыл окно и, несмотря на все его требования, не закрывал, указывая на подозрительный запах эфира. Кондуктор принужден был прекратить со мной спор, нужно думать, по боязни разбудить пассажиров; он, часто проходя вагон, с удивлением видел меня сидящего у открытого окна в продолжение всей ночи.

Двоюродная сестра моей жены Красуцкая была замужем за инженером Алексеем Густавовичем фон Бремзеном, потом сделавшимся управляющим Экспедицией государственных бумаг[1]. Когда он приезжал в Москву, то обыкновенно заходил ко мне; однажды он мне рассказал, что причиной приезда его в Москву был замеченный Кредитной канцелярией большой наплыв фальшивых денег, имеющих корень сбыта в Москве. В этот день, когда он был у меня, он зашел в кафе Трамбле[2], находящееся на Кузнецком мосту, и, к его удивлению, увидал на столике, покрытом толстой стеклянной доской, лежащие в разбросанном виде отлично исполненные кредитные билеты разных ценностей. Он уверял, что они исполнены художественно и даже опытный человек мог бы не разобрать их фальшь. Он заявил немедленно полиции о запрещении таких кредиток где бы то ни было и заявил в сыскное отделение, чтобы ему было доставлено, кто художник этих рекламных кредиток, со строгой слежкой за ним и за всеми, кто у него бывает.

желый год с пряжей, наработано ее было много, а покупателей на нее не было; как это часто бывает, покупатели ожидали дальнейшего понижения, а потому воздерживались запасаться ею; цена ее дошла до 15 рублей за пуд. Иван Николаевич Коншин, крупный серпуховской фабрикант, приехал к Рябову на дом и начал убеждать его купить пряжи, говоря: «Покупай! Знаешь, что купцы говорят: всякая дешевизна перед дороговизной. Я сделаю тебе большой и долгий кредит». Петр Иванович подумал, подумал и про себя решил: чем я рискую? Срок Коншин делает большой, и за это время может все измениться, да и цена действительно очень дешевая; перекрестился, как он говорил, и ударили по рукам, купив большую партию и на долгий срок сдачи. Слова Коншина вскоре оправдались: цена на пряжу начала подниматься, и он от нее нажил более 2 миллионов рублей. После чего выстроил свою прядильню и купил ситценабивную фабрику в Москве[3]; года были хорошие и при скромной жизни дали возможность Рябову составить большое состояние.

Петр Иванович имел обыкновение приезжать из Серпухова в Москву еженедельно по средам, и мною ему было предложено в этот день приходить в трактир Бубнова, помещающийся на Ильинке, позади Теплых рядов, где я в то время ежедневно завтракал, имея отдельный кабинет; туда же собирались мои товарищи по работе, маклеры, а также некоторые невзыскательные покупатели[4]. В трактире Бубнова кормили хорошо, с ежедневными дежурными блюдами; в скоромные дни подавали ветчину окороком, жирную «троицкую» телятину[5] от задней ноги, громадный кусок ростбифа, окорок буженины, нашпигованный чесночком, с особо поджаренной хрустящей корочкой, жареного поросенка с кашей и тому подобные кушанья, а в постные дни бывали целые осетры, севрюга, тешка и филе белужье. Все эти кушанья привозились на тележках на резиновом ходу поваром, нарезавшим каждому полагающуюся порцию, гарнир же подавался отдельно и в большом довольно размере. Стоило все это очень дешево, весь завтрак из двух блюд, со сладким пирожком и чашкой кофе обходился около рубля. Любимым напитком П.И. Рябова был портвейн «Депре № 113»[6], стоящий дешево, и Рябов таким угощением был доволен и лучшего не требовал. Приходил он всегда со своим маклером Дмитрием Михайловичем Коралли, о котором я расскажу позже, а также во время завтрака наш кабинет навещали многие представители фирм, имеющих с ним дела по разным товарам, требующимся его фабрикам. Все они друг перед дружкой потешали Ря-

бова разными анекдотами, преимущественно скабрезного свойства, до которых он был большой охотник; понятно, все это делалось с целью приобрести его расположение и побольше сбыть ему своих товаров. Тоже довольно часто приходили с ним братья Медведевы, доводящиеся ему родственниками. Медведевы были фабриканты близ станции Лопасня по Московско-Курской железной дороге, но никогда они не приходили вместе, а всегда порознь *.

П.И. Рябов после выпитого вина расчувствовался и любил рассказывать про свои домашние дела и разные эпизоды, с ним бывшие, из них я кое-что запомнил. Рассказывая о своей жене, он прослезился и, крестясь на образ, говорил: «Царство ей небесное, хорошая она была у меня. Когда она была жива, — говорил он, источая слезу, — я вел себя по-другому, чем теперь», — уверял, что жену не обманывал, даже тогда, когда это было легко сделать и были большие соблазны, как, например, во время путешествия за границу с одним из иностранных представителей, имеющим с ним дела по поставке на фабрики красок. Когда он вернулся домой в Серпухов, как говорил он, жена взяла его за руки и подвела к образам и, указывая на них, спросила: «Скажи перед Богом, имел там других женщин?» Петр Иванович перекрестился и ответил: «Поверь моему слову, ни разу не позволил!» — «Она, сердечная, — говорил он, — бросилась на шею и от радости зарыдала».

Он рассказал, как однажды был поставлен в весьма тяжелое положение за границей отказом его спутника пойти с ним обедать в ресторан, сказавшего ему: «Иди один, какая трудность заказать себе обедать — ткни в прейскурант пальцем в разные места, вот и будет твой обед, и без знания языка можешь есть». Петр Иванович так и сделал: ткнул три раза в разные места на первой странице поданного ему прейскуранта. Лакей с удивлением на него посмотрел и начал что-то ему объяснять. «Я ничего не понял, — сказал Петр Иванович, — что он мне болтал, опять ткнул три раза пальцем туда же и махнул рукой — надоел своим разговором!» Лакей принес суп, Петр Иванович съел, лакей опять принес

*Эти братцы Медведевы были известны тем, что не могли ходить друг с другом, между ними шли бесконечные ссоры, естественно с дурными последствиями для их общего дела — ткацкой и ситценабивной фабрик[7]. Так, рассказывали: один из них отдавал распоряжение, а другой, являясь на фабрику или в московский амбар, обязательно отменял распоряжение своего брата. При таких условиях их хорошее дело с великолепным ассортиментом ситцев и с большим спросом покупателей, понятно, существовать не могло и принуждено было закрыться. Только после продолжительного времени они как-то разделились: один из братьев взял ткацкую, а другой — ситценабивную фабрику.

другой суп, поморщился Петр Иванович, но не может объяснить лакею свою ошибку, решил опять съесть, смотрит, лакей опять тащит суп. «Ну, тогда стало мне ясным, что тыкал в места, где были только супы, а не туда, куда следует. Так и сыт был весь день одними супами», — со смехом закончил он.

После смерти его жены Петр Иванович, как он говорил, «скучал сильно, но хорошо еще, что у меня сноха умная баба, понимала, что без жены жить не могу, приспособила мне красивую горничную: хорошо было и недорого! Дай ей Бог здоровья!» И добавлял: «Я ей потом подарил дом в Серпухове, и она сейчас живет хорошо». Все эти бывшие переживания его немного волновали, и он навертывавшиеся на глазах слезы вытирал салфеткой и здесь же сморкался в нее, не обращая внимания, что ей же вытирает рот.

Мне приходилось приглашать Петра Ивановича к себе в дом обедать, и он за обедом у меня тоже салфетку употреблял как платок, к огорчению моей жены, недоумевающей, куда придется ее потом пустить в обращение, считая, что она должна быть изъята из салфеточного употребления навсегда.

Приглашая Рябова к себе на обед, невольно приходилось приглашать его чичероне Д.М. Коралли. Родом он был грек, обладал смазливым лицом с расчесанной бородкой, с детскими черными глазками, черными волосами и был кумиром горничных; роста был низенького, а потому имел высокие каблуки и ходил в цилиндре так же, как и С.И. Эзов, чтобы казаться выше. С ним было неприятно здороваться от потных, мокрых его рук. Отличался любовью к вранью, причем сам верил во все, о чем говорил. Мне передавали, что получил благорасположение Петра Ивановича благодаря путеводительству его по злачным местам, для него хорошо знакомым.

После обеда составлялась азартная карточная игра, и я не помню случая, когда бы Петр Иванович проиграл. Однажды сел с ним вместе Коралли, скоро спустил все свои небольшие деньги, и, к моему удивлению, когда я вошел в кабинет, так как я в азартные игры играть не любил, то увидал, что записано на мелок за Коралли 800 рублей. Причем Петр Иванович, зная Коралли, что с него взятки гладки, старается всеми способами избавиться от кораллиевского долга, переводя на других партнеров, считающих, что, играя в моем доме, они обеспечены от неуплаты субъекта, представленного им мною. Я поскорее пред-

ложил Коралли оставить игру, боясь, что его проигрыш может дойти до нескольких тысяч рублей, сел сам и скромно играл, успел отыграть до 160 рублей с его меловой записи, каковую сумму уплатил я. Коралли, конечно, не подумал их мне вернуть.

У Петра Ивановича было два женатых сына: старший, Николай, жил в Москве в особняке своего отца, против Курского вокзала, и заведовал своей торговлей и московской ситцевой фабрикой, а младший, Семен, жил в Серпухове с отцом и заведовал серпуховскими фабриками.

Когда я как-то пришел на Биржу, мне сообщили, что у Рябовых не все благополучно: сын Николай растратил миллион рублей. Это сообщение было для меня крайне неприятно: за Рябовыми у нас был долг больше 400 тысяч рублей. Я всеми силами желал знать, правда ли это. В первую среду после слышанной мною новости Петр Иванович пришел в трактир Бубнова, вид его был подавленный и сердитый, как видно, его уже теперь анекдоты не интересовали, и он, не смотря мне в лицо, сказал: «Николай завел беговых лошадей, держал их в Петровском парке под чужим именем, чтобы мне не удалось узнать, кроме того, играл в тотализатор, где много проигрывал, и в результате оказалась в моем товариществе растрата миллиона рублей. Я его выгнал из дома и лишаю наследства, пусть живет как хочет!»

Николай Петрович приезжал ко мне в дом с просьбой воздействовать на отца, чтобы он пощадил его, все равно после его кончины наследует он с братом, так пусть оставит ему меньше на миллион, а то он с детьми останется безо всего. Причем рассказал, что брат его Семен употребляет все усилия больше разжечь отца, для чего приладил и Коралли, «так многим обязанного мне», — говорил он. И они устроили все так, что он не имеет возможности видеться с отцом и выпросить у него прощение.

Но я для него ничего не мог сделать, так как с этого же времени у меня начали портиться хорошие отношения, виной чему был тот же Коралли.

Причина порчи отношений моих с Коралли была курьезная: в один из каких-то праздников мне вздумалось поехать в Кусково, имение Шереметева; осмотрев его, погуляв, решился ехать обратно в Москву: гулять одному было скучно. Уже почти подходя к станции, к моему удивлению, встретил Коралли, идущего с миловидной дамой. Коралли меня познакомил с ней, сказав, что она его жена, причем предложил мне

пойти с ними в местный театр. Я согласился. Когда кончился спектакль, я пригласил их поужинать в буфете сада. На вокзал поехали на таратайке, вроде линейки без рессор. Коралли сел с женой на одной стороне, а я на другой, и на ухабах мне приходилось невольно сталкиваться спиной с ними, чему я, конечно, не придавал никакого значения от естественности этих прикосновений, как исходящих не от моей воли, а от плохой дороги. Расстались в Москве дружелюбно, и я вскоре совершенно забыл об этом вечере. Потом встречаясь много раз с Коралли, я ради любезности осведомлялся о здоровье его жены и просил передать мое приветствие. Как-то, будучи в каком-то театре, я оказался сидящим позади супругов Коралли, с ними поздоровался и о чем-то поговорил. Как только первое действие кончилось, Коралли встал и сказал: жене нездоровится, больше остаться в театре не может, и, распрощавшись, уехали. При следующей встрече с Коралли, естественно, я поинтересовался узнать о здоровье его жены. На ответ его я, право, не обратил внимания: мой вопрос был как простая любезность.

В сентябре этого же года я поехал в Ялту. Знакомых у меня было много, но напыщенное наше купечество, уже достаточно мне надоевшее в Москве, не могло доставить мне удовольствие по своей чопорности. Кстати сказать, русских курортов я не любил, с их нахальными, разнузданными татарами, разгуливающими по пляжу, нагло стреляющими бесстыжими глазами на дам, которые в свою очередь не брезговали этим знакомством; завязывались романы во время их поездок верхами за город с проводниками-татарами. Все эти наблюдения мне сильно надоедали, а уезжать на прогулки из Ялты одному было скучно и неприятно.

Я всегда останавливался в гостинице «Россия», где обедал и ужинал, но однажды мне вздумалось ради разнообразия зайти в ресторан «Франция», где увидал сидящих супругов Коралли. Я к ним сел за столик, разговаривали и, уже кончая ужинать, уговорились завтра встретиться в гостинице «Россия», чтобы вместе поехать за город кататься. На другой день их жду — не приходят. Я отправился сам в гостиницу «Франция» и, к большому моему удивлению, узнал там, что они сегодня рано утром выехали в Москву. Про себя решил, что у них в Москве что-нибудь случилось особенное.

В Москве, как только встретил Коралли, спросил его с особым участием: «Почему уехали из Ялты? благополучно ли у вас в доме?» Получил от него какой-то странный ответ, но опять не придал ему значе-

ния. После того стал замечать, что Коралли как-то недоброжелательно меня осматривает и старается со мной не встречаться, так, по средам Петр Иванович перестал приходить в трактир Бубнова, у нас перестали покупать хлопок, а покупают у наших конкурентов.

Вот когда Николай Петрович растратил миллион, естественно, я начал беспокоиться за сумму, должную нам. Встречаю как-то еврея Коха, работающего у Колли, задал ему вопрос: как думаете, растрата в товариществе Рябовых миллиона не отразится на их кредитоспособности? Кох, воспользовавшись моим вопросом, побежал к Рябовым и наврал им с три короба, чтобы заручиться их покупками у Колли.

П.И. Рябов, обиженный моим недоверием, да притом подогреваемый разными инсинуациями Коралли, прекратил дело с Московским Торгово-промышленным товариществом, чему я отчасти был рад в то время, с желанием окончательного выяснения положения их дела.

Прошло после всего этого довольно много времени, меня мало уже интересовали как Рябов, так и Коралли, однажды в какое-то из воскресений мне доложили: вас спрашивает какой-то господин, с виду подозрительный, хотя его впустили в переднюю, но дверь заперли и ключ взяли.

Я пошел в переднюю, увидал человека лет около тридцати, в сильно поношенном пальто, с синими очками, брюнета, обратившегося ко мне: «Вы Николай Александрович Варенцов? Мне нужно с вами переговорить по делу наедине», — и вытаскивает из кармана книжечку со своим портретом, с надписью о состоянии его в сыскном отделении инспектором. Я его пригласил в кабинет, где он сообщил следующее: «К генерал-губернатору поступило прошение от госпожи Коралли о выдаче ей отдельного паспорта на жительство по случаю необычайных издевательств над нею ее мужа вследствие ни на чем не основанной ревности его к вам, которого она встречала в продолжение нескольких лет только три раза и всегда в присутствии ее мужа, он же эти случайные встречи считал как согласованные с вами».

Причем она в прошении излагала, что ревность его началась с момента нашей первой встречи в Кусково, заставившего его думать, что случайные наши прикосновения в таратайке были нарочным сближением с ее стороны. С этого несчастного вечера у них в доме начался чистый ад, усиливающийся случайными встречами в театре и в Ялте.

Я ему рассказал все, как было. Он записал, поблагодарил и ушел. Паспорт ей был выдан, она переехала на жительство к своему отцу.

Сколько времени она прожила у отца, мне неизвестно, но супруги потом помирились, и она переехала к мужу.

Как-то я их встретил на улице, но поспешил перейти на другую сторону, но успел заметить, что эта когда-то миловидная женщина сильно изменилась, лицо ее покрыто пятнами (предполагаю, экземой), сильно безобразящими ее, была бледная и исхудалая. И все это произошло от необузданной ревности, ни на чем не основанной.

П.И. Рябов вскоре скончался в Серпухове. Я был в церкви на отпевании и на поминках. Народу было много, но горя и слез я не заметил.

ГЛАВА 50

Еще во времена моих первых шагов на коммерческом поприще я как-то был на Московской бирже с моим товарищем по работе в Среднеазиатском товариществе В.Н. Рогожиным, указавшим на плотного господина, среднего роста, с энергичным и одухотворенным лицом, сказав: «Это Доброхотов, заправила в Товариществе братьев Разореновых, имеющих прядильню в Кинешме на Волге-Ветке[1] и ткацкую с ситценабивной близ села Вичуга» — и охарактеризовав его с очень хорошей стороны как дельного, честного человека, правую руку своих хозяев.

Вскоре с Доброхотовым я познакомился, и у нас начались с ним небольшие дела, постепенно увеличиваясь. Доброхотов был очень требователен при защите интересов своих хозяев — с ним иметь дело было трудно.

Дела в Товариществе братьев Разореновых шли отлично, с полным доверием со стороны поставщиков, стремящихся занять наперебой место быть их первыми продавцами. Но нужно было случиться беде: прядильня на Ветке сгорела. Фабрика была хорошо застрахована, и фирма от ее пожара убытка не понесла, если не считать простоя во время ее возобновления, но незадолго до пожара на фабрику было привезено хлопка на несколько сот тысяч рублей, сложенного в бунты на фабричном дворе, и этот хлопок, по оплошности хозяев, не был застрахован, он весь сгорел. Как почти всегда бывает при таких неожиданных случаях, возникают недоразумения между ответственными лицами, старающимися свалить вину с себя на другого, так и в данном случае произошло то же самое между братьями — хозяевами дела. Они начали ссориться, упрекать друг друга в нераспорядительности. Младший из братьев, Александр Алексеевич, попрекал старшего, Федора Алексеевича, и сказал ему: «Ты заботишься о своих только удовольствиях, а не об интересах дела: держишь на службе Доброхотова, с женой которого путаешься! На что он нам теперь? Фабрика сгорела, скоро ли ее возобновим? А жалованье ему платим большое — шесть тысяч рублей!»

Федор Алексеевич, нужно думать, в молодости был очень красивым мужчиной; когда я с ним познакомился, ему было лет шестьдесят. Был высокого роста, с густыми волосами на голове, примазанными фиксатуаром, образуя как бы общую массу, с пробором посреди головы; с бровями черными, густыми, дугой, с белыми зубами, нужно думать, вставными, и с правильными чертами лица. Он был женат на богачке Коноваловой, дочери хозяина соседней с ними фабрики, находился у нее под башмаком и сильно ее побаивался. Хотя Федор Алексеевич любитель был покутить, но позволял себе что-то делать лишь на ярмарке и в Москве, когда приезжал туда без жены. Быть может, он и имел близкие отношения к жене Доброхотова, а потому попрек его брата подействовал на него сильно: боясь, что эти слухи дойдут до его ревнивой жены, он решился расстаться с Доброхотовым.

Отказ от места на Доброхотова произвел потрясающее впечатление. Сначала он не понял, что переданный ему отказ от места относится к нему: он так был уверен в прочности своего положения в товариществе, сознавая ту пользу, которую он приносит делу. Когда он уяснил, что это касается его, вскочил весь побледневший, что-то хотел сказать, но не смог, схватив руками голову, упал на стол и в таком почти обморочном положении находился некоторое время. После поступил на какое-то другое место, но работал там без души: день прошел — и слава Богу! Начал пить и скоро скончался.

Много времени спустя после этого печального случая, когда у меня установились дружеские отношения с Федором Алексеевичем, сидя с ним в трактире за бутылкой вина, я задал ему вопрос: «Почему вы отказали Доброхотову? Он был так полезен вашему делу, отдавая всецело себя ему...» Федор Алексеевич по своей привычке, когда бывал в смятении духом, много раз покрякал, потом ответил: «Фабрика сгорела, зачем же он тогда был нам нужен? А жалованье платили шесть тысяч рублей». Я ему задал вопрос: «Неужели вы могли думать, что он свое жалованье не оправдал бы при ремонте фабрики?» Федор Алексеевич со смущением в лице ответил: «Могли из-за него поссориться окончательно с братом, требовавшим увольнения, пришлось на это согласиться».

Мне нравился Федор Алексеевич, и я сошелся с ним, несмотря на большую разницу наших лет; меня увлекала его широкая натура с большим размахом и с большим деловым кругозором; успех дела Товарищества братьев Разореновых в значительной степени обязан ему: я заметил,

что все его покупки были производимы своевременно и удачно, от особого торгового чутья. Я извинял ему его некоторые недостатки, от малого образования, как, например, его желание покуражиться перед другими, смотрите: вот каков я, Федор Разоренов!

Я ему начал много продавать, условившись раз навсегда что, когда он приезжает в Москву или на ярмарку, я захожу к нему в этот день, с тем чтобы пойти вместе завтракать в Москве в трактир Бубнова, а на ярмарке в ресторан «Россия». В них у нас с ним заканчивались сделки; если партия его покупки была большая, то заканчивались шампанским, ликерами и зачастую поездками в загородные рестораны «Стрельна» и «Яр» с хорами цыган, венгерок и русским Анны Захаровны Ивановой. Федор Алексеевич много раз приглашал меня приехать к нему в деревню, где он жил при фабрике, и мне однажды пришлось воспользоваться приглашением с целью запродать ему побольше хлопка из-за имеющегося у меня известия из Средней Азии о громадном урожае хлопка из местных семян, кажется, это было в 1898 году; опасаясь, что по приезде его на ярмарку он будет окружен моими конкурентами и они воспользуются тем, что поубавят мою партию хлопка в свою пользу.

Поехав к себе на фабрику в Вичугу, я вечером отправился к нему. Кучер подвез меня к главному подъезду большого дома. Приезд неожиданного гостя, как было заметно, взволновал всех обитающих в нем. Из черного хода повысыпало много челяди, с большим любопытством смотревшей на меня; внутри же дома, несомненно, происходило совещание: принять ли гостя или отказать, сказав, что хозяин в отъезде. Наконец отворилась парадная дверь, передо мною очутились несколько чистеньких старушек в черных платочках, спущенных на лоб, осматривающих меня с каким-то смущением на лице. Я попросил доложить Федору Алексеевичу, что такой-то приехал повидать его и в свою очередь поговорить по делу. Несколько старушек быстро скрылись, за дверью был слышен шепот, и, вернувшись, они попросили пожаловать в гостиную и оставили меня одного. Гостиная была большая комната, обставленная мебелью из красного дерева, с тяжелыми штофными драпировками на окнах. Через некоторое время послышались шаги, и я увидал входящего хозяина, с прилизанной своей прической, принаряженного в новый сюртук с длинными полами. После приветствий и покрякиваний по его привычке начались разговоры, объяснившие цель моего приезда, смущение Федора Алексеевича прошло, и наши разговоры приняли дело-

вую сторону с покупкой у меня большой партии хлопка. Вскоре пришел его брат Александр Алексеевич, и мы втроем отправились в большую столовую пить чай. На длинном столе, на одном конце его стоял шипящий самовар, а на другом были расставлены разные закуски с батареями бутылок вина. Чай разливала какая-то старушка, стоя перед самоваром. За столом была окончательно оформлена запродажная на хлопок в большом количестве.

Я собрался уезжать от него, Федор Алексеевич пригласил меня поехать с ним вместе на другой день с утренним поездом к нему на прядильню на Ветку. На другой день мы с ним встретились в вагоне поезда, привезшего нас в Кинешму. Прядильня его была хорошо оборудована, но ничего особенного не представляла из ряда ранее осмотренных мною других прядилен.

Обходя всю фабрику, попали в мотальное отделение, где работали исключительно женщины; лицо у Федора Алексеевича сразу преобразилось, глаза заискрились, и он ими мне указывал на красавиц, работающих там; сделался красным, покрякивание усилилось, и даже он весь как бы помолодел от полученного возбуждения. Понятно, все его движения и волнения не могли пройти не замеченными женщинами, и они в свою очередь начали по-фабричному кокетничать: закрывать лица фартуками, фыркать в них от смеха и тому подобным выражать свое удовольствие.

Принятые мною меры к предварительному сбыту хлопка Товариществу братьев Разореновых и многим другим фабрикантам оказались вполне правильными: хлопок из местных семян прибывал на Нижегородскую ярмарку ежедневно большими партиями, а наша фирма на многих весах Сибирской пристани сдавала фабрикантам, что смущало наших конкурентов, принужденных это видеть без возможности продать свой хлопок. В это время встречаю доверенного О. Вогау Виконта Ивановича Циммера, не смогшего скрыть свое иронически злобное выражение лица, сказавшего мне: «Вы начали применять новый способ разносной торговли — разъезжаете по фабрикам и продаете... впрочем, это делает честь вашей энергии и ловкости!» Правда, я даже не обиделся на него, а в душе потешался над всеми ними.

Один из сыновей Федора Алексеевича, Василий, самый любимый им, задумал жениться на красивой дочке богатого московского купца Афанасия Алексеевича Мошкина, торговца кожами. Василий Федорович зашел ко мне с просьбой приехать к нему на свадьбу и вручил пригласительный билет.

В какой церкви происходило венчание, я теперь уже забыл; свадебный обед, а потом бал были в доме Золотарского, на Долгоруковской улице (Каляевская), специально приспособленном для таковых торжеств[2]. Большая его зала, вмещающая до двухсот человек, убранная пальмами, лавровыми деревьями и живыми цветами, была обставлена столами, уставленными приборами, вазами с фруктами, конфектами и усыпанными букетиками живых цветов; в двух же боковых залах были накрыты длинные столы, обставленные всевозможными горячими и холодными закусками, с громадным количеством бутылок иностранных лучших вин всевозможных марок и крепости. По стенам этих зал стояли длинные буфеты, где после обеда были поставлены конфекты, фрукты, мороженое с разными прохладительными напитками, здесь же был чай, кофе и шоколад с разными тортами, печеньями и ликерами; все эти буфеты были завалены грудами букетиков цветов, и все гости брали, сколько кто хотел. Во время обеда и бала играло два оркестра, в зале на хорах струнный Рябова, а в зимнем саду, примыкающем к большой зале, играл военный оркестр под управлением Крейнбринга.

В зимнем саду были расположены в двух местах большие высокие глыбы льда, искрящиеся от блеска электричества; в глыбах были проделаны отверстия, где стояли бутылки шампанского и игристого мозельвейна разных лучших марок. Стоящие лакеи наливали в стопочки и разносили гостям, сидящим у столиков, декоративно убранных группами растений, образующих уютные уголки.

После длинного обеда с разнообразными и вкусно приготовленными блюдами и многочисленными тостами начались танцы в большой зале, быстро освобожденной от обеденных столов. Как мне казалось, в зале было весело, судя по тому оживлению, царившему там, но мне пришлось почти весь вечер быть компаньоном старичка Федора Алексеевича, засадившего меня с собою в гостиную, где находились его почтенные и мало для меня интересные родственники; приходилось поддерживать общий разговор, изредка прерываемый появлением некоторых красивых дам, родственниц его новой невестки, за которыми мой старичок-ловелас не преминул поухаживать. Его любезности с ними напоминали мне отчасти его любезности с фабричными женщинами, с желанием облапить ему нравящихся дам, где только попало, что ему сходило с рук, нужно думать, благодаря его почтенности и старости; разве только тог-

да, когда его движения и ухватки принимали очень фривольный тон, то руки его были отстраняемы подальше от его вожделений*.

Года через два после свадьбы Василий Федорович пришел однажды ко мне и сообщил новость: его папаша Федор Алексеевич задумал жениться на дочери какого-то трактирщика, торгующего поблизости его фабрики. Невеста, как мне сказал Василий Федорович, была довольно красивая, дебелая девица. Его папаша чуть ли не ударил по рукам с отцом невесты, и скоро ожидается благословение образами нареченных жениха и невесты. «Отец на днях должен приехать в Москву, — сказал он, — следовательно, вы увидитесь с ним, а потому я пришел, чтобы просить вас поговорить с отцом и убедить его отказаться от таковою рискованного в его годы шага. Отец вас уважает и, нужно думать, послушает». Я обещался поговорить, но высказал сомнение, удастся ли мне отговорить его от этого увлечения.

Вскоре после этого приехал Федор Алексеевич, я зашел к нему в амбар и повел его в трактир Бубнова, нарочно зайдя к нему за час раньше, чтобы поговорить с ним наедине, без посторонних. Бутылка традиционного портвейна подходила к концу, только тогда я задал ему вопрос: «Правда ли ходят слухи про вас, что вы женитесь?» Старик покраснел, потом закрякал по своему обыкновению во время смущения и ответил: «Да, хочу, подвернулась девушка, она мне понравилась...» — «А сколько же ей лет?» — спросил его. «Она уже не первой молодости, ей тридцать лет; она умная и хозяйственная, могла бы вести мое хозяй-

*Мне дом Золотарского памятен еще по двум свадьбам: первой, когда мне было лет 17, в нем справлялась свадьба моей сестры Ольги, вышедшей замуж за Фирсанова Ивана Петровича. Отличалось это торжество только тем, что новобрачные, прибывшие после венчания в церкви, были встречены хором певчих в красных с позументом камзолах и вместо цветов перед каждым кувертом[3] лежала роскошная белая атласная бонбоньерка[4] с конфектами, с выгравированными золотом вензелями имен новобрачных, с датой дня их свадьбы.

Второй свадебный обед — [по случаю женитьбы] Александра Ивановича Коновалова на дочери известного сибирского миллионера Александра Федоровича Второва. Обед был приготовлен лучшим московским рестораном «Эрмитаж». Посередине залы был приготовлен стол для новобрачных и их родственников, а для остальных гостей были накрыты отдельные круглые столы, тоже живописно убранные живыми цветами, фруктами и конфектами. За обедом подавали свежую клубнику (свадьба была в январе), положенную в маленькие горшочки наподобие цветочных, внутренность которых была заполнена ватой, а наверху покрытая изящной бумажкой лежала ягода клубники. Все брали этих горшочков, сколько кто хотел; я взял их несколько, но попробовал ягоды — они оказались безвкусными. Во время венчания Коновалова жених и невеста стояли на коврике, сделанном из живых роз.

ство. Только не подумай, что я ищу от нее что-нибудь... Откровенно сказать — просто скучно жить от вечного одиночества в большом доме: обедаю ли, ужинаю ли, чай ли пью — все один, приду в спальню, не с кем слово сказать — одурь берет! Живу так много лет после кончины моей жены. С сыновьями близости не имею, даже редко их вижу. Самый из них более ко мне расположенный Вася, как женился, перебрался в Москву, и от одиночества я прямо умираю. Кто же меня за это осудит?» — «Ну, а как вы думаете, — спросил его, — ваша супруга, кроме разговоров с вами, не потребует ли от вас того, что вы по своим годам дать не можете в полной мере? Тогда она начнет искать этого с другими, а пользоваться будет вашим положением, деньгами и удобствами, а заместителем вашим по спальне может оказаться какой-либо из бравых ваших кучеров?» После этих слов Федор Алексеевич как-то осел, как будто его кто-то ударил по голове. Ответа я от него не получил, так как в это время мои компаньоны по завтракам пришли с Биржи и беседа наша прервалась на этом.

Мои доводы подействовали: приехав на фабрику, Федор Алексеевич выгнал из дому сватов, чем и закончилось его сватовство. После этого прожил недолго — скончался.

Брат Федора Алексеевича — Александр Алексеевич был совершенно другой человек: замкнутый, молчаливый, с узкими взглядами, с малыми потребностями. Он был роста высокого, с тусклыми глазами, бледным лицом и, в довершение, принадлежал к секте «бегуны»[5]. По определению В. Даля, эта секта — одна из самых дурных, извращенных толков раскольников беспоповщины: «они не подчиняются никакому гражданскому порядку, не признают никаких властей; для них царство антихриста настало; они бродяжат весь век, должны умирать в безвестности, на чужбине и быть тайно зарыты, чтобы не попасть ни в какие росписи». Александр Алексеевич часто бросал фабрику, дом, семью и уходил спасаться в секретные сектантские скиты, расположенные в дремучих заволжских лесах. Часто отсутствовал по нескольку лет, но опять возвращался домой и занимался делом. Под старость он порвал все отношения с сектой и жил на фабрике.

После смерти Александра Алексеевича у него осталось двое сыновей — Сергей и Леонид. Сергей занимался в своем деле, хотя он не принадлежал по характеру к типу коммерческих людей, но своим внимательным отношением он вносил некоторое улучшение в дело; брат же его Леонид избрал ученую карьеру и был в Петербургском Политехническом институ-

те не то профессором, не то доцентом. Что он вносил на этом поприще труда, мне неизвестно, но в своем деле вносил мало, где, казалось бы, он мог с большой пользой приложить свои знания; предпочел заниматься теоретической наукой; принадлежа к партии социал-революционеров, он думал, что прочно уместился на двух креслах с совершенно противоположными стремлениями; это одно уже давало понять, что Леонида Александровича можно было причислить, по терминологии известного французского экономиста Густава Ле Бона, к разряду полуученых: так называл этот экономист тех лиц, которые не имеют никакого понятия о действительной жизни, а судят только по книгам; по его мнению, они продукт наших университетов, жалких «фабрик вырождений». И Ле Бон считает их за самых злостных из всех недовольных в государстве лиц, и из них-то в значительной степени создавались политические партии социалистов.

Мне пришлось быть свидетелем, как Леонид Александрович в 1906 году настойчиво уклонялся от вступления его фирмы в торгово-промышленную партию[6], [созданную] с целью иметь представителя в Государственной думе от лица промышленников и торговцев, знающих условия и нужды своего сословия; по его мнению, только социализм сделает Россию счастливой. А в 1924 году мне пришлось его видеть в ВСНХ (Высший Совет народного хозяйства), сидящим за маленьким столиком за кипою бумаг, под начальством инженера Сергея Викторовича Куприянова. Мне было жаль смотреть на этого доктринера, копошившегося в бумагах, чтобы заработать на пропитание 250 рублей в месяц.

Рассказывая о секте «бегунов», мне вспомнилась другая секта в Вичугском районе, где жили братья Разореновы; одни ее называли «красная смерть», другие наименовали «делателями ангелов», а многие величали просто «душителями». Вичугский район изобиловал разными сектами, укрывшимися в лесных дебрях этой местности, называемой жителями соседних окраин «Чертовым углом».

Мне пришлось слышать от Александра Федоровича Морокина, фабриканта этой местности, что писатель Мельников-Печерский, написавший «В лесах» и «На горах»[7], писал этот роман у него в доме на фабрике, пользуясь его, морокинским, знакомством и связями с сектантами этого района. Они вместе с ним вдвоем объездили много скитов и познакомились с образом жизни сектантов и их обычаями.

На нашей фабрике при селе Вичуга (сначала под фирмой «Разоренов и Кормилицын», а потом переименованной в Большую Кинешемскую

мануфактуру) был доверенным Дмитрий Яковлевич Митрофанов, который работал здесь более пятидесяти лет. Мне случайно пришлось узнать, что Митрофанов принадлежал к секте «красная смерть».

Основание этой секты следующее: всякого члена ее, серьезно захворавшего и близкого к смерти, когда потеряна всякая надежда на выздоровление, обязательно нужно задушить. Этим страданием и мученичеством умирающий искупает свои грехи и таким образом приводится к ангельскому чину.

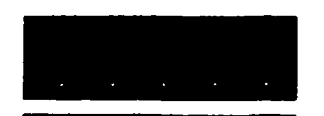
Д.Я. Митрофанов, будучи шестидесяти с чем-то лет, захворал крупозным воспалением легких, местные врачи признали положение больного безнадежным. Его единомышленники, главари секты, сочли, что настало время привести Митрофанова в «ангельский чин», и приступили к его осуществлению, предварительно выпроводив всех домашних из дома, за исключением жены, тоже принадлежащей к этой секте.

Удушение производится особой подушкой красного цвета. Не потому ли эта смерть называется сектантами «красная»?

В то время, когда собравшиеся сектанты в количестве нескольких человек приступили к душению, одна из замужних дочерей Митрофанова, жившая в Костроме, узнав о плохом состоянии здоровья своего отца, приехала его навестить в дом со своим мужем. Они каким-то способом прошли в спальню отца, где и увидали картину удушения красной подушкой. Дочь и зять подняли крик, и перед окнами начали собираться фабричные, шедшие с фабрики, и душители, испугавшись толпы, поспешили убежать, оставив измученного, но еще живого больного.

Дети Митрофанова, не состоящие в секте, отлично знали, что адептов этого толка сектантов имеется в Вичуге большое количество, и, по их мнению, недоделанное душение — величайший грех и во что бы то ни стало следует привести его в исполнение; дети, боясь, что они употребят все усилия задушить отца, учредили охрану дома, с приглашением полицейских, дежуривших день и ночь у его дома.

Митрофанов против ожидания выздоровел. Дети его приехали в Москву в правление с просьбой о переводе отца их на другую фабрику в Кинешму. Вот благодаря чему мне пришлось узнать об этой секте. Митрофанов, переехав в Кинешму, окончательно разорвал свои отношения с этой сектой. Жил после того долго, успел справить свой юбилей пятидесятилетия службы в товариществе, получил почетное гражданство[8], скончался, когда ему было более 80 лет.

ГЛАВА 51

Среди московских крупных промышленников выделялась фирма — Товарищество Большой Ярославской мануфактуры, учрежденное в свое время двумя братьями Корзинкиными* и Василием Игумновым[1].

В мое время директорами правления Большой Ярославской мануфактуры были Андрей Александрович Корзинкин, Николай Васильевич Игумнов и Сергей Иванович Смирнов, ранее бывший главным бухгалтером, а потом сделавшийся директором, чтобы сохранить это место для подрастающих детей умершего Сергея Ивановича Корзинкина.

А.А. Корзинкин был богатым, расчетливым человеком, но с мягким и доброжелательным характером; как про него говорили, он даже кусающего его комара не убивал, а только сгонял; ко всем же людям, имеющим с ним дела, был крайне снисходителен, никого не осуждал. Мне ни разу не пришлось слышать, чтобы кто-либо отзывался об Андрее Александровиче нехорошо.

Н.В. Игумнов обладал решительным, твердым характером, практичностью и большим здравым смыслом, чем и подчинил всех остальных своих товарищей по директорству своему влиянию, и все вопросы бывали утверждаемы по усмотрению Игумнова; но когда вступил в члены правления Сергей Сергеевич Корзинкин, а потом его младшие братья, то положение, естественно, должно было перемениться. Молодые Корзинкины, богатые, довольно хорошо образованные и воспитанные, не пожелали подчиниться эгиде игумновской, требуя, чтобы и их мнения были выслушиваемы и проводимы в исполнение в деле.

Но Н.В. Игумнов, избалованный отношением бывшего состава правления, как говорится, закусил удила, смотрел на молодежь как не стоящих внимания, вследствие чего у них в правлении начались ссоры и

*Фамилия Корзинкиных произошла, как мне передавал один из их родственников по женской линии, от того, что первый из их родоначальников, составивший им благосостояние, был вывезен из Ярославской губернии в Москву его родителями в корзине, какие в то время служили для перевозки кур, когда ему было еще несколько месяцев от роду. Сделано это было матерью из опасения выронить его дорогой во время сна.

неприятности. К молодым Корзинкиным примкнули остальные пайщики, и положение Игумнова в правлении сделалось крайне трудным и неприятным; он же, несмотря на все это, ничуть не изменил своего нрава, убеждая их не уговорами в правоте своих взглядов, а разными ругательскими эпитетами. Главный их инженер Алянчиков представил в правление о необходимости реорганизации какого-то отдела на фабрике. Н.В. Игумнов, своим практическим и здравым смыслом поняв, что предложение это не даст нужных результатов, восстал против него, и это послужило тому, что остальные члены правления созвали экстренное собрание пайщиков, постановивших удалить из правления Н.В. Игумнова, как вредящего делу.

Собранием пайщиков этот вопрос был утвержден в положительном смысле, и Николай Васильевич должен был оставить директорство. Возмущенный таковым к нему отношением, он продал свои паи и окончательно прервал все отношения с товариществом, где его отец и он много потрудились. Как мне пришлось слышать, предложенный инженером Алянчиковым проект был приведен в исполнение, но результат получился от него такой же, как указывал Н.В. Игумнов, следовательно, он оказался правым в своей настойчивости.

Н.В. Игумнов стал известен широкой московской публике постройкой особняка для своей жизни на Якиманской улице. Дом был построен по проекту архитектора Померанцева[2], строившего в то время торговые ряды на Красной площади и получившего за эти стройки звание академика.

Особняк игумновский был выстроен действительно очень красивым, под русский стиль. Затрачен на него был, как говорили, миллион рублей.

Как-то Николай Васильевич предложил осмотреть его, я с охотой на это согласился, и его особняк на меня произвел весьма приятное впечатление: в нем до самых мелочей все было предусмотрено и сделано по рисункам архитектора, даже шпингалеты на окнах и дверях. Комнат в доме было большое количество, как мне помнится, что-то до сорока, с расчетом, что в нем поселятся кроме Николая Васильевича и все его взрослые дети. Но со стороны детей такого желания жить вместе с отцом, обладавшим таким сварливым характером, не последовало, и Николай Васильевич, переселившись в него, прожил в нем недолго и потом продал его великой княгине Елизавете Федоровне под какое-то благотворительное учреждение за 300 тысяч рублей.

Этот дивный особняк был построен на плохой улице, довольно глухой; смежные с ним плохие дома портили впечатление; я, осматривая его, задал вопрос Игумнову: почему ему вздумалось строить этот дом в таком неудачном месте? Оказалось, он хотел увековечить место, где он родился и вырос.

Н.В. Игумнов до переезда в свой особняк на Якиманке жил лето и зиму в отличном доме с большим садом и парком, представляющем целую усадьбу, огороженную высоким забором со всех сторон.

Как нередко бывает с теми лицами, имеющими большие доходы и не проживающими их, относящимися к деньгам довольно небрежно, деньги для них потеряли то значение, какое они имеют для лиц, боящихся выйти из своего бюджета. Неожиданно Игумнов получает повестку явиться в суд в качестве потерпевшего. Это обстоятельство Игумнова крайне удивило: ему не было известно ни о каких покражах у него в доме.

В суде из прочитанного обвинительного акта ему стало известным: он, будучи больным, по предписанию докторов, должен был делать ванны. Его лакей, живший у него довольно долго, помогал ему вставать с кровати, провожал и усаживал в ванну, после чего спешил в спальню, чтобы проветрить комнату и привести в порядок кровать. Проделывая это, он заметил под подушкой ключ от несгораемого шкафа; недолго думая, отпер шкаф, где увидал, что он был наполнен пачками денег. Лакей схватил три пачки, сунул в карманы, запер шкаф, ключ положил опять на свое место. Идя в ванну за хозяином, успел опустить украденные три пачки в стоящую большую вазу в одной из комнат.

Выбрав удобное время, лакей вынул пачки денег из вазы и отправился с ними к своему приятелю-куму, которому рассказал чистосердечно о всем происшедшем с просьбой их сохранить, обещаясь, что, когда дело пропажи узнается и виновник покражи не будет найден, он с ним поделится. Когда распаковали пачки и сосчитали, то оказалось в каждой пачке по десяти тысяч рублей.

Н.В. Игумнов от болезни поправился, начал выезжать на работу, и лакей заметил, что его хозяин не волнуется пропажей денег, успокоился и заявил, что ему необходимо быть в деревне, с просьбой отпустить его; получив расчет, он уехал. После чего пришел к куму и сказал: «Моя покража прошла незаметно, хозяин даже не догадался, давай деньги — будем делить!» — «Какие деньги делить? — ответил кум. — Я у тебя никаких денег не брал!» Слово за слово, и кумовья рассорились окончатель-

но. Лакей, взбешенный коварством кума и друга, пригрозил: «Пойду в полицию и все расскажу!» — «Ступай! — получил ответ. — Деньги крал ты, куда их девал, мне неизвестно». Лакей побежал в полицию и все рассказал. Лакея и его кума арестовали, произвели обыск у обоих в деревне, и у кума было найдено полностью 30 тысяч рублей. Суд присудил лакея и кума к наказанию, после чего председатель суда обратился к Н.В. Игумнову: можете получить свои 30 тысяч рублей. «Я не считаю их за свои деньги, — ответил Игумнов, — а потому отказываюсь от них».

Тогда председатель предложил Игумнову пожертвовать 30 тысяч рублей на какое-то благотворительное дело. «Делайте с ними, что хотите!» — ответил Николай Васильевич. В числе присяжных заседателей был мой знакомый Михаил Иванович Чупаков, передавший мне об этом «чудаке», как он выразился, причем спрашивал меня: что это за такой богач, теряющий 30 тысяч и даже не знающий это!

Между тем таких «чудаков» среди богатого купечества было много. Известный богач Петр Галактионович Миндовский, однажды купивший каких-то облигаций на несколько десятков тысяч рублей, по приезде к себе в дом пакет, завернутый в газетную бумагу, положил к себе на письменный стол, на лежащие на нем прочитанные газеты; вечером этого дня он читал другие газеты, прочтя, бросил на этот пакет. На другой день утром лакей, убирая кабинет, по заведенному порядку прочитанные газеты снес в комнату и положил их в надлежащее место, где сохранялись старые газеты, причем с газетами попал туда пакет с ценными бумагами. По окончании года экономка, освобождая место от старых газет. заметила лежащий там пакет с бумагами, отнесла к хозяину с просьбой указать, нужны ли ему эти бумаги или продать их со старыми газетами. Петр Галактионович долго не мог вспомнить, что эти облигации были им когда-то куплены, предполагая, что они сохраняются у него в несгораемом шкафу.

Другой случай. Михаил Абрамович Морозов утром вставал с кровати, шел умываться в ванную комнату, оставлял на тумбочке свой бумажник. Горничная, жившая у него долго, это заметила, и, искусившись легкостью приобретения, она входила в комнату и вытаскивала из бумажника 25 рублей, будучи уверена, что такая незначительная сумма для Михаила Абрамовича не будет заметна, ее предположение вполне оправдалось. Она начала красть из бумажника ежедневно и, как потом оказалось, воровала в течение двух лет, если бы только не случайный

случай, открывший ее воровство: неожиданное возвращение Михаила Абрамовича в спальню не умывшись. Что кража продолжалась в течение двух лет, можно было понять из пересудов прислуги Михаила Абрамовича, которым воровка хвасталась своим сбережением, начавшимся два года тому назад.

Н.В. Игумнов, расставшись с Большой Ярославской мануфактурой, купил большое имение на Кавказе, близ Гудаут, где завел большое хозяйство. В 1908 или 1909 году я, путешествуя на автомобиле из Сочи в Поти, решился заехать к нему, чтобы осмотреть его имение, но при въезде в него у ворот встретил сторожа, сообщившего мне, что Николая Васильевича в имении нет, он уехал в Тифлис. Незнакомый с его семьей, я к нему не заехал, и, к моему сожалению, не пришлось увидать его организаторские способности в совершенно другой отрасли труда.

ГЛАВА 52

Когда мне пришлось познакомиться с Сергеем Сергеевичем Корзинкиным, он был еще совершенно молодой человек, высокого роста, стройный, темный брюнет, с гладко причесанными волосами, с бледным цветом лица, с черными глазами и носил очки. Был уже в это время женат на воспитаннице своей матери; жену его хвалили как умную и любящую женщину.

Вступление его в торговую жизнь было отмечено биржевыми дельцами с ожиданием от него многого, благодаря его образованию, хорошему воспитанию, здоровью и большим деньгам, полученным по завещанию от отца. Все ожидали от него, что он с достоинством в будущем займет первое положение в одном из самых больших дел в России.

Мне о первых его шагах в деле не было ничего известно, предполагаю, что он шел под хорошим руководством стариков А.А. Корзинкина и Н.В. Игумнова и слушался их советов, но, подучившись, ему захотелось проявлять свою инициативу в деле, а тяжелый характер Игумнова с его невоздержанными замечаниями принудил Сергея Сергеевича стать с ним в оппозицию, разразившуюся в будущем скандалом — удалением Игумнова из дела.

Обыкновенно деньги, почет, окружающие молодых людей с еще не установившимся характером, производят быстро разрушающее действие, даже у людей более сильных духом и твердой воли, чем был С.С. Корзинкин. Все это не миновало и Сергея Сергеевича — он зажил. Поселился в громадном особняке своего отца на Маросейке, с большими приемами, обедами, балами, костюмированными вечерами и окунулся в бесчисленные удовольствия с головой.

Про его развлечения пошли разговоры, удивлялись большим тратам, рассказывали об его обедах, балах, костюмированных вечерах, наполненных толпой изящных дам, девиц в изысканных костюмах лучших московских портних и молодых людей лучших купеческих семей. Много говорили про один костюмированный бал с замечательными костюмами, с интересными котильонами[1], с ужином, накрытым на отдельных

столиках, чтобы каждая компания могла бы сидеть отдельно в интересующем их обществе. Все столики были в изобилии украшены цветами, вазами с фруктами и конфектами. Шампанское лилось рекой. Сергей Сергеевич же не был на этом веселом балу, он с компанией игроков в отдаленнейшей комнате своего дома играл в «железную дорогу», где и проиграл более 100 тысяч рублей.

Нужно думать, что его большое домашнее хозяйство велось кое-как, с большими ненужными тратами и злоупотреблениями. Так, однажды я зашел в посудный магазин Ауэрбаха, находящийся как раз против дома Корзинкина, и мне пришлось услыхать разговор хозяина или его доверенного с каким-то господином, рассказывающим ему как курьез о покупке в их магазине поварами Корзинкина металлических решет на сумму 500 рублей ежемесячно, над чем оба сильно смеялись. За этими сравнительно невинными удовольствиями пошли развлечения уже совсем дурного свойства; рассказывали про одну артистку, обошедшуюся ему в 60 тысяч рублей за проведение с ней одной ночи в ее спальне. Говорили, что Корзинкин имеет в нескольких частях Москвы квартиры pied-à-terre[2] специально для приемов разных барынь для свиданий. Лето же он проводил в своем чудном имении на Оке, переполненном гостями.

Понятно, все эти дорогостоящие удовольствия пораспотрошили его карманы, и он начал задумываться об увеличении своих доходов. Прежде всего ему пришло в голову отказать от аренды обществу официантов, имеющих в его доме ресторан под наименованием «Большая Московская гостиница»[3], и открыть свой собственный. Он его отлично отделал, обставил роскошной мебелью и пустил в ход это хлопотливое и трудное дело без знания и опыта. В одном из лучших мест своей залы ресторана оставил стол, где и проводил значительную часть дня и ночи со своими друзьями. Купцы говорили, смеясь: «Лучший потребитель ресторана — сам хозяин».

Для какой-то дамы, увлекшей его, он отделал в своем ресторане кабинет, обил стены и мебель, специально на этот случай заказанную лучшему мебельщику, дорогой шелковой материей, гармонирующей с цветом волос и ее платья, в котором она предполагала быть на обеде.

Красивое убранство ресторана, с новой обстановкой, с оркестром музыки вместо музыкальной машины, все-таки не привлекло публику в ресторан, и в нем, нужно думать, не было тех безумных кутежей, наполняющих деньгами карманы хозяев ресторанов.

Скопление больших средств стариками Корзинкиными, несомненно с большими для них трудами и лишениями, вылилось у Сергея Сергеевича, одного из наследников их, в открытие ничтожного дела, лишь одухотворявшего его к набитию желудков богатых людей едой и напитками, с единственной целью извлечь как можно больше денежной пользы для себя. Сергей Сергеевич не понимал, как он был жалок, когда зазывал неопытных молодых людей в свой ресторан, говоря им: «Отчего редко приходите сюда? Денег нет? Отпустим в кредит и беспокоить не будем скорой уплатой». Как мне об этом передавал, смеясь, Константин Николаевич Крафт, такими словами встреченный Корзинкиным в ресторане. Крафт говорил: «Только ему недоставало встать на углу Кузнецкого моста с печатными воззваниями: «Богатая молодежь, не имеющая расчетливых родителей, можно поесть, а главное — попить в «Большом московском ресторане» в кредит с продолжительным сроком уплаты».

Мне с Товариществом Большой Ярославской мануфактуры не пришлось иметь деловых отношений в то время, когда возглавлял ее С.С. Корзинкин, а потому я ничего не могу сказать о нем, но с Сергеем Сергеевичем в продолжение 8—10 дней пришлось прожить в Ницце в 1901 году.

В январе утром при восхитительном солнечном дне, какие нередко бывают в это время в Ницце, я сидел у открытого окна своей квартиры, любуясь на тихое, переливающееся блестками море. Вижу вошедшего в сад, расположенный перед моей виллой, молодого мужчину, изящно одетого, с цилиндром на голове, идущего к моему окну. Какое же было мое удивление, когда я узнал в нем С.С. Корзинкина, пришедшего по адресу, сообщенному письмом в Москву моему знакомому Аркадию Алексеевичу Фомичеву, с которым я уговорился встретиться в Ницце, чтобы потом вместе поехать в Париж с целью купить автомобили (как потом оказалось, их купить было нельзя, а нужно было заказать с получением через два года)[4].

Я был рад приходу Сергея Сергеевича по неимению знакомых в Ницце, предполагая, что мы с ним осмотрим Ниццу и все окрестности. Разговаривая с ним, я сообщил ему, что получил ответное письмо на мое от А.А.Фомичева, который в нем просит приискать квартиру, где бы он мог остановиться; причем сообщил, что его просьбу исполнил, нашел хорошую и недорогую. Посидев у меня немного, Сергей Сергеевич предложил поехать в Монте-Карло, я с удовольствием согласился. В Монте-Карло он повел меня в один из самых лучших ресторанов позав-

тракать, где метрдотель его знал, нужно думать, благодаря его предыдущим посещениям. Позавтракав, мы отправились в казино. Трудно описать наше удивление: при входе в зал мы увидали громоздкую фигуру Фомичева, стоящего перед карточным столом и играющего в trente-et-quarante[5]. Фомичев нас заметил, бросил игру и подошел и, обращаясь ко мне, в виде извинения сказал: «Я только сегодня приехал сюда, а потому не попал в Ниццу — очень захотелось поиграть! А теперь решил совсем не уезжать отсюда: здесь так хорошо!»

«Как же, — сказал я, — я нашел вам хорошую квартиру в Ницце». — «Ну, Бог с ней! Я теперь не поеду. Знаете, я только начал играть и выиграл уже шестьдесят тысяч франков». Заметив в наших глазах сомнение, Фомичев обнял нас за талии и подвел к окну, где никого не было из публики, и начал вытаскивать из карманов пачки бумажных франков. «Вот видите? — вертел их перед нашими носами. — Я еще в банке не был и по аккредитиву ничего не брал и брать не буду! Этих денег хватит на прожитие надолго».

Мы начали его убеждать завтра же покинуть Монте-Карло и, как было условлено, отправиться в Париж. «Ну, нет! Не поеду. Выиграю пятьсот тысяч франков, ну тогда поеду! Я человек с широким размахом и на мелочи не размениваюсь!» Отошел от нас и начал опять играть в карты.

Мы пошли в другую залу, где шла игра в рулетку. Сергей Сергеевич подошел к столу, вынул из кармана горсть золотых двадцатифранковиков и, не считая, поставил на какую-то цифру. Рулетка завертелась, и шарик упал не на его цифру; крупье лопаточкой быстро пододвинул все кучки к себе и в том числе и кучку золотых Сергея Сергеевича. Корзинкин опять вытащил горсть монет и поставил на какую-то цифру, с таковым же печальным результатом; проделал еще несколько раз и ни разу не выиграл. «Довольно, — сказал он, — не везет, проиграл тринадцать тысяч франков, пока довольно, пойдемте к Фомичеву». Увидавший нас Фомичев бросился к нам навстречу с возбужденным радостным лицом: «Знаете, я выиграл двести тысяч франков. Пожалуй, на первый раз этого будет довольно. Ну, теперь пойдемте в кафе».

На веранде кафе мы подсели к столику, где сидел наш известный москвич, табачный фабрикант Михаил Николаевич Бостанжогло, вид у него был угнетенный и подавленный, и было заметно, что он не был доволен нашим присоединением к его столику; как потом пришлось узнать, Бостанжогло проиграл около 200 тысяч рублей (больше 500 тысяч франков).

Фомичев был в возбужденном и веселом настроении, считая себя за героя дня, чувствуя, что все присутствующие за столиком на него смотрят с некоторой завистью. Он делился своими успехами, приписывая выигрыш особенному своему чутью и предусмотрительности. После того, как я ему опять заикнулся о поездке в Париж, он меня снисходительно похлопал по плечу и сказал: «Не поеду, выиграю пятьсот тысяч франков, ну тогда поеду! Я широкий русский человек, не из тех, кто выиграют сто франков — и довольны!» Тем намекая на меня, выигравшего 100 франков и бросившего игру. Причем я играл-то не для себя, а по поручению одной моей знакомой москвички, просившей на ее счастье поиграть в рулетку. Выигранные 100 франков в одной золотой монете были вручены ей по приезде в Москву.

Фомичев остался жить в Монте-Карло и с утра до ночи время проводил в игорном доме, наконец через несколько дней он приехал в Ниццу и зашел ко мне. Надменный вид у него исчез, хотя уверял, что он в большом выигрыше, но из разговора с ним можно было понять, что игра идет с переменным счастием, но он опять повторял: уедет из Монте-Карло только после того, как выиграет 500 тысяч франков.

Пошли вместе с ним к С.С. Корзинкину; застали с парикмахером, бреющим его. Корзинкин был доволен нашим приходом, он сказал: «Я собирался после бритья идти к вам с предложением вместе позавтракать с первой красавицей Франции — шикарной дамой! Она живет с великим князем (с каким я забыл, кажется, с Лейхтенбергским). Мне стоило много трудов уговорить ее, но наконец она согласилась, при условии, что ее завтрак будет держаться в секрете, так как она побаивается, чтобы не дошло до сведения ее обожателя». Мы согласились.

Сергей Сергеевич не ударил лицом в грязь: завтрак был восхитительный, с большим умением составил меню. Из всего обеда у меня в памяти осталось только сладкое: большая серебряная миска, наполненная великолепной спелой земляникой, покрытой взбитыми сливками, и поставленная в другую со льдом, а это было в январе.

Приехавшая «первая красавица Франции» нас, или, вернее сказать, большинство из присутствующих, разочаровала. Она была сильно пожившая женщина, но искусно подмазанная, видно, бывавшая в переделках, но действительно шикарно одетая, унизанная разными драгоценностями с головы до туфель, и вообще где их только можно было поместить.

Подали кофе, дама отправилась в дамскую комнату. Корзинкин позвонил и велел подать счет. Поданный счет он разделил на число присутствующих мужчин, а их было семь человек, сказал: «На каждого из нас, понятно, исключая даму, придется по пятьсот с чем-то франков». На лицах у многих выразилось недоумение: правда, думали, что Корзинкин нас угощает. А.А. Фомичев, сидевший со мной рядом, сказал мне: «Знал бы, что я угощаюсь за свой счет, не пошел бы, да еще со старой истрепанной бабой, как эта намазанная француженка».

Я на Фомичева махнул рукой, увидав, что его от игорного дома отвлечь не придется, поехал с другими знакомыми в Рим, Неаполь, а оттуда один в Париж. Все это путешествие отняло у меня время недели 2—3. Вернувшись в Ниццу, узнал: С.С. Корзинкин уехал в Москву, окончательно проигравшись; М.Н. Бостанжогло был увезен в Москву специально приехавшим его зятем Смирновым[6]; Фомичев еще жил в Монте-Карло, доигрывая остаток денег из данных ему отцом 100 тысяч рублей, из наследства после умершей матери.

Перед отъездом моим в Москву Фомичев зашел ко мне и очень просил не рассказывать никому в Москве о его проигрыше, опасаясь, что об этом слух может дойти до его отца, могущего лишить его наследства. Фомичев прожил в Монте-Карло долго после моего отъезда оттуда; когда проиграл все до копейки, был отправлен в Москву за счет казино. Обыкновенно проигравшим большие деньги и оставшимся без копейки администрация казино покупала железнодорожный билет до их города, вручая его только во время отхода поезда уже сидящему в вагоне*.

У С.С. Корзинкина уже не стало хватать доходов на широкую и беспорядочную жизнь; открытие трактира не улучшило его финансового положения, а, скорее, ухудшило; тогда, желая чем-нибудь пополнить свои доходы, он не задумался сойтись с каким-то маклером и начал покупать и продавать через него для своей фирмы — Большая Ярославская мануфактура, где он стоял во главе, делясь с этим маклером курта-

*Вернувшемуся в Москву Фомичеву жилось плохо, но скоро скончался его отец Алексей Васильевич, оставивший своим детям большие деньги, на долю Аркадия Алексеевича осталось 800 тысяч рублей. Свалившееся наследство опять потянуло его в Монте-Карло, где, как говорили, он опять проиграл еще 300 тысяч рублей, но, к его благополучию, женился. Жена его подобрала к рукам и без себя не пускала путешествовать за границу. Потом убедила его заняться делом, он купил кирпичный завод у Байдакова на Воробьевых горах и начал серьезно заниматься.

жом[7]. Понятно, такое его действие не могло остаться скрытным, вызвало удивление в биржевых сферах к его почти полному моральному падению.

Жену, детей он бросил, сошелся с какой-то другой; свой особняк на Маросейке продал егорьевскому купцу Никите Варфоломеевичу Шереметьеву, уничтожившему перед домом сад с чудным чугунным забором, где выстроил одноэтажный дом для магазинов[8]. После этого продал свой дом, где помещалась «Большая Московская гостиница» и ресторан мяснику Лобачеву и в 1905 году продавал свои паи Большой Ярославской мануфактуры, уже заложенные, Н.А. Найденову, и только сделка не состоялась по случаю смерти Найденова. Желая поднять свой падший престиж, он баллотировался в гласные в городскую думу, куда и попал, так как все-таки фамилия Корзинкиных в глазах обывателей ставилась довольно высоко. Вздумал баллотироваться в старшины Биржевого комитета, но был забаллотирован значительным числом голосов. В конце октября 1918 года с большим трудом пробрался в Киев, и больное сердце не вынесло этого тяжелого путешествия, и он скончался.

ГЛАВА 53

В один из первых годов моего посещения Биржи меня привлек вид одного господина по схожести его с царем Петром I: он был высокого роста, а надетая на нем бобровая шапка еще увеличивала его рост, с черными усами и волосами, как у царя, и он держался гордо и надменно с ютящейся вокруг него биржевой мелочью. Спросил какого-то знакомого: «Кто это такой, так похожий на Великого Петра?» — «Бонячевский богатый фабрикант Иван Александрович Коновалов, — ответил он. — А не правда ли: вылитый грозный царь!»

В одну из своих поездок на фабрику в Вичугу один из моих знакомых познакомил меня с ним. У нас начался общий разговор о положении мануфактурного дела в России, и я задал И.А. Коновалову вопрос: «Почему не строите прядильню, теперь это было бы как раз?» Как мне показалось, мой вопрос задел его за живое место: несомненно, эту мысль Коновалов держал в своей голове, но боялся к ней приступить. Не прошло после моего разговора с ним года, как пришлось услыхать, что прядильню он начал строить. Я ему стал продавать хлопок от Московского Торгово-промышленного товарищества, а потому пришлось стать с ним в более близкие отношения.

Его отец, Александр Петрович Коновалов, славился большим умом, большой силой воли. Он из первых понял большое значение паровой силы и первый поставил у себя в Бонячках паровую ткацкую[1], нажил большие средства и пользовался большой известностью не только в своей округе, но и бывал у костромского губернатора и принимал его у себя, тоже его хорошо знала купеческая Москва. Как мне рассказывали, у Александра Петровича было два сына, которых он любил одинаково. Старик серьезно захворал и впал в состояние невменяемости, в это время при отце был только один сын, Иван Александрович, а другой отсутствовал. Таковым положением здоровья отца воспользовался Иван Александрович, успевший убедить своего фабричного доктора выдать удостоверение во время составления духовного завещания, что отец его

был в полном сознании. Вызванный им из Кинешмы нотариус Городецкий составил духовное завещание в пользу только одного сына Ивана.

За эту услугу доктору и нотариусу было заплачено хорошо. Рассказывающие об этом утверждали, что нотариус Городецкий в семье Ивана Александровича был всегда в большом почете, ему поручались все дела, какие, казалось, было бы удобнее совершать в Москве по нахождению там правления. Нотариус присутствовал на всех семейных торжествах, принимаемый с большим почетом, как самый близкий к семье человек. Все это мне пришлось слышать из разных источников, от лиц серьезных, которых трудно было подозревать во вранье; так, от М.М. Кормилицына, соседа по фабрикам с Коноваловым; от инженера В.И. Зевакина, служившего у нас более 30 лет, отлично знакомого со многими обывателями Вичугского района, где были Бонячки, и со всеми инженерами на фабрике Коновалова, которым, понятно, было многое кое-что известно; потом слышал от некоторых коренных жителей села Бонячки, состоящих в родстве с Коноваловыми.

Все громадное состояние Александра Петровича перешло к Ивану Александровичу, ставшему одним владельцем фабрик и торговых дел отца. Дела шли хорошо благодаря старому и опытному штату служащих; он получал большие доходы и жил хотя хорошо, но не бросался зря денежками.

Обладая тяжелым, сварливым характером, он не ужился со своей женой, разошелся, взяв единственного сына к себе, давал ему хорошее образование, но не мог дать даровитейшему мальчику такое же воспитание; несомненно, мальчик страдал от отсутствия материнского внимания и видел, как отец его жуирует, меняя своих дам до бесконечности.

Иван Александрович был видный мужчина и мог производить впечатление на дам одним своим богатством, а потому приходилось его видеть окруженного ими, и он отдался этим увлечениям с полным наслаждением. Когда я встречался с ним в театре или на маскарадах, всегда он был с дамами. Будучи как-то раз в Ялте и живя в гостинице «Россия», где в это же время жил И.А. Коновалов, мне пришлось узнать о его похождениях от пожилых дам, утративших желания флирта, но строго следящих за всеми известными лицами, проживающими в гостинице, и своими сплетнями и пересудами наполняющих свою досужливую жизнь, а потому Иван Александрович Коновалов доставлял им большие темы для этого во время сидения их к креслах перед входом в гостиницу

«Россия». От этих милых дам пришлось узнать, что И.А. Коновалов добился расположения какой-то красивой молодой француженки за сумму 5000 рублей, и, кроме того, желая ей сделать подарок, он купил у лучшей ялтинской модистки шляпу, на которую француженка, гуляя с ним, любовалась. Модистка, отправляя шляпу, перепутала номера в гостинице и шляпу доставила в номер другой даме, за которой в то же самое время ухаживал Коновалов и добивался ее расположения. Получился скандал, очень позабавивший милых сплетниц, хохотавших от души, рассказывая, как обиженная шляпой Коновалова дама даже уехала с горя к себе домой на родину.

Через несколько дней, уезжая на пароходе из Ялты, я встретился с И.А. Коноваловым уже с какой-то другой дамой, едущими в Одессу.

Вообще Иван Александрович менял дам, как перчатки. Так, мне рассказывал мой массажист, занимавшийся этим и с Коноваловым, что к нему обратилась одна из дам, жившая с Иваном Александровичем в одной квартире, но на другом этаже, с просьбой похлопотать перед Иваном Александровичем в то время, когда он массирует его и видит, что он в хорошем настроении, о поднесении ей бриллиантового колье, и если он этого добьется, то она ему в свою очередь обещалась подарить несколько сот рублей.

«Долго я ожидал этого момента, — говорил массажист, — зная характер Ивана Александровича, но наконец дождался, когда он был в хорошем, веселом настроении, и только начал наводить его мысли на эту тему, как дама вбегает в спальню, где производился массаж. У И.А. Коновалова сразу меняется настроение, он вскакивает с кровати и — недолго думая — схватывает даму за плечи, повертывает задом и коленкой выталкивает ее из комнаты. Оскорбленная дама покидает Коновалова, и вскоре на ее место водворяется другая». Причем массажист рассказал, что И.А. Коновалов красится, а потому подушки его всегда бывают черные, грязные, хотя наволочки ежедневно меняются.

Мне пришлось познакомиться с сыном Ивана Александровича, когда ему было лет 18—19 и он был в последнем классе гимназии. Это знакомство я описывал в главе 31. После этого я иногда встречал его в амбаре у отца, и он на меня всегда производил приятнейшее впечатление. Приблизительно в конце 1890-х годов, когда был уже студентом в университете, он неожиданно пришел ко мне в Московское Торгово-промышленное товарищество и обратился ко мне с просьбой поговорить с

отцом, чтобы он дозволил ему выйти из университета и дальнейшее образование закончить за границей в одном из политехникумов в Мюльгаузене, объясняя свое желание тем, что юридический факультет не удовлетворяет его как общеобразовательный, а его интересуют науки, могущие им быть приложенными в деле, где ему в будущем, волею судеб, придется работать, а потому нет смысла забивать голову науками, в будущем мало ему нужными, в года университетского пребывания, когда он мог бы посвятить их для целей, более нужных в деле его отца. Объяснил свое обращение ко мне тем, что ему известно хорошее отношение его отца ко мне, сам же он лично не решается говорить с отцом, так как это могло бы в дальнейшем послужить к их расхождению. Я, понятно, выразил полное согласие переговорить с Иваном Александровичем и обещался завтра же утром в известный час быть в амбаре и перетолковать с Иваном Александровичем, причем прибавил, смеясь: «Если ваш папаша будет дергать свой ус, то я отложу разговор на следующий день», — зная, что манера И.А. Коновалова дергать ус есть признак внутреннего раздражения и в это время с ним нежелательно начинать каких-либо деловых разговоров, с полным ожиданием провала своих желаний.

На другой день, входя в коноваловский амбар, я у дверей встретил Александра Ивановича, сообщившего мне, что он вчера вечером, видя добродушное настроение отца, переговорил с ним и получил от него полное согласие на отъезд его за границу для учения. И извинившись передо мной за беспокойство, он сказал, что теперь с отцом уже говорить мне не придется по этому поводу.

Через два года Александр Иванович вернулся из-за границы, поселился на фабрике и серьезно занялся работой. Вскоре его отец Иван Александрович захворал психически, и все дело попало в руки к Александру Ивановичу, показавшему в полном блеске свои административные способности. Коноваловское дело начало давать отличные результаты в смысле доходности и улучшения качества фабрикатов.

Мне пришлось встретить в жизни моей немногих таких талантливых, умных и энергичных людей, как был Александр Иванович, наделенный всеми благами физических и душевных качеств, но, как мне казалось, он вследствие плохого примера отца, не желающего сдерживать своих чувственных желаний, пошел по стопам его, также стал сильно злоупотреблять ими, а потому можно было быть уверенным, что он не дойдет

до предела величественности, а разменяет свои дары на мелкие чувственные переживания.

Поставив дело своего товарищества в надлежащее положение, окружив его дельными, умными и талантливыми администраторами, А.И. Коновалов начал значительную часть времени уделять общественным делам. Он сделался председателем Костромского Общества заводчиков и фабрикантов, до вступления его еле тянувшего свое существование, не проявляя ни в чем инициативу, но со вступлением Александра Ивановича дела этого Общества сразу изменились. Он сумел привлечь и заинтересовать в этом Обществе всех крупных и выдающихся лиц среди заводчиков и фабрикантов.

В это же время им была произведена работа по составлению правил хлопковой торговли, с применением арбитража, наподобие правил, существующих в Бремене, городе, где сосредоточена вся хлопковая торговля Германии. Этот труд сразу выдвинул его среди Московского Биржевого общества, и он был выбран членом совета Биржевого комитета.

С получением конституции Александр Иванович начал принимать участие в партиях, сначала он вступил в торгово-промышленную партию и был выбран членом исполнительного комитета, но эта партия его не удовлетворила, и он перешел в партию «мирного обновления»[2]. В последних выборах в Государственную думу Александр Иванович благодаря своей популярности среди костромичей был выбран членом Государственной думы[3], где усиленно работал, и при Керенском был избран в министры торговли и промышленности.

При захвате власти большевиками был арестован и сидел в тюрьме, сидевшие с ним очевидцы передавали, что он сильно пал духом и плакал там, как ребенок. Из тюрьмы ему удалось освободиться, и он уехал за границу.

Отец его, Иван Александрович, скончался приблизительно в 1923 или 1924 году. Ему пришлось много вынести страдания во время психической его болезни, особенно тяжело пришлось переживать годы 1919—1921, во время голода, холода. Он настойчиво требовал выдачи ему сахара, а в то время сахара не было во всей России, а большинство жителей употребляли сахарин. Недостаток сахара его сильно угнетал и ускорил его кончину.

ГЛАВА 54

Рассказывая в главе 52 о своем путешествии в Ниццу, мне захотелось написать о некоторых впечатлениях и встречах, бывших со мною во время этого пребывания за границей в 1901 году.

По прибытии на австрийскую границу получился у меня некоторый скандал с чиновником-немцем из-за не зарегистрированного в Москве у консула паспорта. Рассерженный немец начал на меня кричать и в заключение сказал: «Паспорт не отдам, получайте у своего консула в Вене».

По приезде в Вену пришлось прежде всего отправиться к русскому консулу[1], чтобы выручить паспорт. Из разговора с консулом я понял, что наши отношения с Австрией довольно натянуты и австрийцы стараются делать всякие препятствия, чтобы заставить русских, проезжающих через их страну, остановиться в Вене с целью оставить часть своих денег у них и тем пополнить их бюджет на наш счет.

На какой-то из станций между русской границей и Веной кондуктор спросил: «Будете ли обедать? На следующей станции к вам в вагон обед будет доставлен». Я по неопытности заказал четыре обеда по 7 гульденов, так как ехал с двумя детьми и гувернанткой. На следующей станции нам принесли обеды, расставленные на 8 деревянных подносах, с вырезанными в них местами, где стояли мисочки с супом, рыбой, мясом, гарниром, птицей, зеленью и сладкое, кроме того, был сыр со сливочным маслом и десерт из орехов, апельсинов и конфект, кроме того, к каждому обеду было белое и красное вино в графинчиках.

Обеды были вкусные и сытные, дети съели только курицу, сладкое и десерт, а все остальное осталось. Кондуктор, пришедший взять подносы и приборы, был очень удивлен, что от обедов осталось так много, и он нам сказал: «Впервые вижу, что русские не съели полностью обеда. Здесь часто проезжает один москвич, Алексеев, полный, с бакенбардами, так он всегда спрашивает себе одному два обеда и жалуется, что мало дают». Потом как мне пришлось узнать, Алексеев был боль-

шой московский домовладелец, имевший дом на Никольской улице, а сам жил на Новой Басманной и отличался большими странностями[2].

В Вене я остановился в излюбленной москвичами гостинице «Метрополь», где я уже останавливался раньше. Когда я гулял по Вене, мне захотелось есть, тогда я решился зайти в ресторан гостиницы «Бристоль», как раз только что открытый и заново отделанный. Пришел в ресторан, еще народу в нем почти никого не было, занял небольшой столик в укромном месте, взял прейскурант и начал рассматривать.

Я обыкновенно держался правила выбирать кушанья, соответствующие сезону и приготовленные из местной провизии. Рассматривая рыбные блюда, я заметил соль, тюрбо[3] и еще наименование какой-то рыбы, мне не известной. Я спросил метрдотеля: «Эта рыба здешняя?» Он ответил: «Рекомендую: очень вкусная и здешняя».

Долго мне не подавали обедать, между тем в это время ресторан начал наполняться разряженной публикой, занявшей почти все столы. Я сижу в своем укромном уголке и любуюсь публикой и начавшимся оживлением в ресторане. Вижу: из внутренних широких дверей с большими зеркальными стеклами, откуда выносят кушанья, выбегают два лакея, открывают две половинки широких дверей, откуда появляется парадное шествие: во главе метрдотель с большим серебряным блюдом, красиво убранным разными цветами из овощей, свеклы, моркови, репы и других, искусно сделанных и декоративно уложенных, а за ним два важных лакея, один нес соусник на блюде, а другой с серебряной миской, наполненной картофелем с клубящимся паром.

Все сидящие в ресторане невольно обратили внимание на это триумфальное шествие и, повернув головы, с любопытством осматривали, кому все это несется. Я тоже сосредоточил все свое внимание на этом шествии. И — о ужас! — вижу их шествующих к моему укромному столику, ловко пробираясь между столами, занятыми публикой, сопровождаемых взглядами всех присутствующих. И признаюсь, проклял я в эту минуту выбранное мною блюдо!

Метрдотель торжественно поставил ко мне на столик блюдо, и я увидал, что вместо рыбы лежал большой лангуст, таких размеров, каких я еще ни разу не видал. Признаюсь, мне ни разу не приходилось есть лангустов, и я был в большом затруднении: как его есть? Тем более что я видел, что мое блюдо произвело большой эффект среди публики и на меня устремились глаза с моноклями и лорнетами, гадая, по всей веро-

ятности, как один человек может съесть этого лангуста, когда его могло хватить на двадцать. Но делать нечего, пришлось приспосабливаться, я поковырял его немного, положил на свою тарелку, а остальное приказал унести обратно. Кончив обед, пробираясь к выходу, я мог заметить, с каким любопытством меня осматривает публика, как, нужно думать, особенного гурмана и обжору.

Кстати сказать, в одно из последующих моих посещений Вены я зашел в один из лучших ресторанов, где в прейскуранте увидал блюдо под наименованием «русские блины». Решился заказать, стосковавшись по ним. Подали засушенные сладкие блинчики, намазанные прокисшей зернистой икрой. Могу уверить, что такой мерзости в продолжение своей жизни никогда не ел. Это было мне наказанием за отступление от установившегося у меня правила — есть кушанья той страны, где живешь.

Пробывши в Вене несколько дней, выехали в Ниццу, куда приехали вечером, в первый день их знаменитого карнавала. Вид красавицы Ниццы нас поразил: широкие тротуары, обсаженные большими эвкалиптовыми деревьями, с роскошными парижскими магазинами, с массой огней и светящимися движущимися рекламами, с толпами веселых людей на тротуарах. Пришлось долго нам разъезжать по улицам, чтобы найти себе помещение; во всех лучших гостиницах нам отвечали: «Свободных комнат нет». Наконец на какой-то из улиц в очень посредственной гостинице нашли два номера.

На другой день, осматривая город, на какой-то из уличек, выходящих на площадь города, я заметил на окне одного магазина с зеркальными стеклами выставленные иконы, самовары, разные кустарные изделия, конфекты в железных банках Ландрина[4], и к окну прилеплена записка: «Говорят по-английски, немецки и русски». Зашел. Меня встретила почтенная, довольно полная дама, с хитрыми глазами, заговорившая со мной по-русски. Я у нее что-то купил и начал к ней ежедневно захаживать и разговаривать, от души радуясь, что от нее многое можно было узнать про жизнь в Ницце. Она оказалась словоохотливой и рассказала свою биографию.

Родом она была из Ярославля, родители ее были купцы, фамилия их Соколовы. Училась в гимназии, влюбилась в своего учителя француза Потвейна вышла за него замуж. Вскоре муж ее получил должность консула не то в Риге, не то в Ревеле, я теперь это забыл. Пробыв там несколько лет, она научилась говорить по-немецки, после чего мужа ее

перевели тоже консулом в какой-то из городов в Англии, где они прожили тоже несколько лет, и она научилась говорить по-английски. Наконец ее мужа перевели в Париж на какую-то должность, где они прожили несколько лет хорошо, они имели единственного сына, которому давали хорошее воспитание. После чего ее муж охладел к ней, влюбился в какую-то женщину и бросил ее и сына без всяких средств.

Мадам Потвейн, бывшая ярославка, не растерялась, продала все свои пожитки и переехала на жительство в Ниццу, где поступила горничной в тот магазин, потом сделавшийся ее собственностью. Хозяйка магазина, уже почтенная женщина, заметив способности ее горничной к торговле и ее знание нескольких языков, поручила ей продажу товаров. Клиентура магазина росла, и дела у нее шли хорошо.

Хозяйка, составив себе состояние, решила продать магазин, и мадам Потвейн уговорила отдать магазин ей с выплатой в рассрочку. К ее благополучию, между Россией и Францией состоялся союз, и начался большой спрос на русские изделия, чем мадам Потвейн воспользовалась, выписывая из России разные вещи, преимущественно кустарные, и скоро скопила деньги, уплатив полностью своей бывшей хозяйке. Дела у нее все улучшались, и она вскоре купила имение близ гор. Лиона и дала хорошее образование своему сыну, сделавшемуся потом профессором.

Из моих разговоров она увидала, что я живу в такой-то гостинице, плачу столько-то, и сказала: «Охота вам жить в ней; на эти деньги, что платите там, можете иметь хорошую виллу с садом, где дети могли бы целый день играть и дышать чистым морским воздухом». На это я задал вопрос: «А кто же стал бы готовить обед, завтрак?» — «Ну, это пустое дело, я вам пришлю русскую кухарку, которая вам будет готовить русский борщ, кулебяки, вообще все ваши любимые русские кушанья, и обеды обойдутся дешевле, чем в гостинице».

В этот же день она мне прислала кухарку. Ко мне явилась с виду вполне приличная, почтенная и интеллигентная дама, в черной скромной шляпе, в пенсне, в перчатках, с зонтом и сумочкой в руке и назвала себя Марией Ивановной. Она мне рассказала: приехала молодой с господами в качестве кухарки в Ниццу, влюбилась в драпировщика, вышла замуж и осталась навсегда в Ницце. Муж оказался пьяницей, и она принуждена работать, чтобы содержать свою семью. Уговорились с ней за известную плату готовить мне обед и завтрак из стольких-то блюд [тоже] за известную плату, после того как я найду квартиру.

Квартира нашлась в этот же день. Я отправился в бюро, приискивающее квартиры, где мне было дано много адресов квартир в разных частях города. И мой выбор остановился на первой квартире, куда я попал. Квартира состояла из четырех комнат, кухни с газом и водой, роскошно меблированной, с бельем, посудой столовой и кухонной, с платой за три месяца 800 франков. Перед моими окнами был сад, усаженный апельсиновыми и лимонными деревьями, с разными цветами и розанами; перед окнами виднелось море. По берегу его тянулся очень широкой лентой тротуар для прогулок под наименованием Promenade des Anglais[5]. Правда, я лучшего ничего не мог ожидать.

Мария Ивановна начала приходить и готовить, сначала побаловала, но с каждым днем наши завтраки и обеды ухудшались и ухудшались, а в конце месяца сделались из рук вон плохи. Я попробовал ей заметить, но получил ответ: «Должны не забывать, что мы во Франции, а не в России, где мясо стоит фунт десять копеек, а здесь сорок копеек: если я вам буду готовить из мяса и птицы, то тогда мне придется прибавлять своих денег, или платите вы дороже».

Пошел к мадам Потвейн и рассказал, что ее кухарка кормит нас исключительно требухой. Мадам возмутилась: «Ах, она мерзавка, за эти деньги, что вы платите, она должна кормить вас так, как ни один ресторан не кормит!» Посоветовала немедленно ее прогнать, а обеды брать у какого-то англичанина, отпускающего их на дом. Мадам Потвейн в пылу гнева многое наговорила на свою рекомендацию, уверяя, что она до наших обедов поминутно к ней бегала, выпрашивая по франку, а теперь выдает свою дочь замуж, а ведь ей известно, что в Ницце не найдется ни одного некорнетного[6] мужчины, согласившегося бы жениться на бесприданнице, следовательно, это приданое она заработала от ваших обедов.

Кухмистер-англичанин начал ежедневно присылать нам завтраки и обеды. Здоровый парень приносил на голове железный ящик с поставленными внутри его лампами, чтобы не охладевали кушанья. Обеды были изобильные и вкусные, состоящие: завтрак из четырех блюд, а обед из пяти, причем обязательно в каждом завтраке и обеде была целая курица или какая-нибудь другая птица. Стоило же это все гораздо дешевле, чем я уплачивал Марии Ивановне.

Первые две недели жизни в Ницце на вилле были восхитительны: с чудными солнечными днями, с тихим лазуревым морем, с прогулками

по городу и пляжу в толпе разряженных туристов всех национальностей, с красивыми кокетливыми женщинами, с парижскими магазинами, наполненными разнообразными изящными товарами, с массою музыки и пения. Утром, только проснешься, лежишь еще в кровати, а у твоих окон раздается пение итальянских певцов, шествующих почти без перерыва от одной виллы к другой. Откроешь окно — в комнату ворвется озонированный морской воздух, напоенный запахом цветущих лимонных и апельсиновых деревьев и роз, а с ним как будто войдет в тебя приток новых сил с большим здоровьем и энергией.

Гуляешь целый день, всем любуешься, наслаждаешься, особенное внимание у публики в то время вызывали еще немногочисленные автомобили; где они только останавливались, были окружаемы толпой зевак.

Но все возбуждающие вас прелести понемногу начинали проходить, а пожалуй, надоедать, и приходит в голову поговорка: «Не все красиво, что блестит».

Погода стала портиться, пошли дождички, море сделалось бурное, шумное. Войдешь в какой-нибудь магазин или кафе, всюду встречают словами: «Какая дурная погода, исключительный год, мы такого года не запомнили».

Мне пришлось в Ницце быть несколько раз и всегда приходилось слышать то же, из чего я заключил, что жители Ниццы, живущие туристами, боятся, что приехавшие, разочаровавшись погодой, будут разносить слух у себя на родине о неустойчивости погоды, а тем у многих желающих ехать сюда поубавят пыл.

Гуляешь по солнцу в летнем пальто — жарко, а стоит только перейти в тень — зябко даже в теплом пальто; в выбоинах тротуаров лежит лед.

Вечный праздник с толпой разряженной публики, с музыкой, с пением, с танцами тарантеллы начинает надоедать, хочется уединения поближе к природе, но этого трудно получить: прежде чем выйдешь за город, наглотаешься пыли от бесчисленных экипажей с туристами, разъезжающих по красивым местечкам южного берега моря. За городом взор твой ничего не радует, кругом одни камни, деревья растут только там, где за ними ухаживают и поливают; остается только один вид на море, вечно красивый и увлекательный.

Нагулявшись, возвратишься домой, сядешь у горящего камина, но прибой моря сильно раздражает: его удары вне всякого ритма будоражат нервы и тебя беспокоят и волнуют. Особенно это чувствуешь, когда

ложишься спать; ночь проходит без сна, чувствуешь, что нервно захварываешь от бессонницы; из хорошей комнаты перекочевываешь на северную сторону, где шум моря не слышен так, а комната сырая, холодная, с влажной постелью и бельем.

Как-то прогуливаясь по Ницце, встретил одного из своих московских покупателей, еврея; мы были оба довольны встречей, могли гулять и делиться впечатлениями. При расставании он мне сказал: «Я имею обыкновение после прогулки заходить в бювет[7], где выпиваю чашку кофе с коньяком, хозяйка бювета хорошо варит его; если хотите, пойдемте туда, тем более что француженка долго жила в России и говорит, хотя плохо, по-русски. Француженка любит Россию, где она провела свою молодость и была счастлива там».

Бювет оказался очень приличным и чистым. Кофе действительно было хорошо сваренное. Весь бювет состоял из одной комнаты с четырьмя белыми мраморными столиками и прилавком, уставленным бутылками вин. За прилавком сидела хозяйка, уже немолодая, сильно пожившая дама, а с ней рядом молодая девушка, что-то вязавшая.

После этого посещения я начал захаживать в этот бювет ежедневно, чтобы выпить ароматного кофе, а главное, поговорить с француженкой, обмениваясь словами перемешанными французскими и русскими, и, как было видно, оба были довольны своими беседами. Француженка оказалась болтливой и рассказала мне всю свою жизнь. Будучи еще очень молодой, она привезена была в Петербург и сразу попала на содержание к какому-то великому князю (имя его она не сказала). Великий князь оставил у нее превосходную по себе память, говорила про него всегда с большим уважением и любовью, уверяла, что она с ним была очень счастлива. Прожив в Петербурге долго, она соскучилась по Франции, куда ее великий князь и отправил, обеспечив хорошей суммой денег.

Приехав в Париж, еще молодая, красивая, увлеклась каким-то молодым французом, и с ним вместе быстро были спущены ее деньги, и, когда у нее родилась дочь, он ее бросил с девочкой. Сначала она в Париже перебивалась кое-как, но и молодость, и красота у нее ушла, она решила поехать в Ниццу, где и открыла бювет, им кормилась.

Между прочим она мне рассказала, что ее дочке через месяц исполнится 15 лет, и это событие ее сильно смущает, так как по законам Франции всякий посягнувший на молодую девушку, когда ей не исполнилось еще ровно 15 лет, присуждается к каторжным работам, а после

15 лет, хотя бы прошли только сутки, это преступление не наказывается. Зная хорошо южных французов, она вполне уверена, что ей не придется уберечь от этого несчастья свою дочку и она погибнет, а потому решила продать свою дочку за 40 тысяч франков любому богатому, чтобы этими деньгами обеспечить ее на черный день.

Она мне тоже рассказала, что клиентура ее кабачка была преимущественно из крупье Монте-Карло, предпочитающих жить в Ницце из-за дешевизны, сообщение же по железной дороге скорое и легкое. Крупье имеют обыкновение после своей работы заходить в ее бювет по несколько человек и ведут между собой разговоры о всех событиях дня в Монте-Карло. Присутствием хозяйки они не стесняются, говорят откровенно, а потому ей много известно, что тщательно скрывается администрацией казино.

Француженка воспылала ко мне благорасположением, быть может, из-за моей щедрости, так как я покупал у нее вина для своего стола и платил хорошо, а она этого не имела права делать — продавать на вынос, а потому всегда вечером приносила вино ко мне на виллу в бутылках, закрытых плащом, а еще, может быть, и мечтала, что сделаюсь покупателем на ее дочку, но только она со мной разоткровенничалась и поведала многое, что делалось в Монте-Карло, в этом злачном месте.

Она передавала, что крупье уверяют, что не бывает дня, чтобы не было смертоубийства в Монте-Карло. Для этих событий приспособлен целый штат ловких служащих, тихо, умело, моментально уносящих трупы самоубийц в подвальный этаж казино, где они в верхних этажах этого роскошного здания только что потеряли все состояние, а зачастую и честное имя. Из подвала казино ночью трупы самоубийц увозятся.

За всеми лицами, прибывающими в Монте-Карло, в Ниццу и другие местечки, близ их лежащие, администрацией казино устроена слежка, прежде всего из каждого банка им сообщают о лицах, имеющих крупные аккредитивы; для привлечения их в казино пускаются в ход всевозможные средства: для любителей дам имеются красивые, изящные женщины, делающие все, что указано им администрацией казино.

Крупье ценятся и оплачиваются только ловкие, умеющие пускать шарики, чтобы они попадали в места, выгодные для казино, а менее ловким сначала делают выговор, а потом удаляют со службы. Имеются агенты, разъезжающие по железным дорогам, на их обязанности рассказывать вслух о случаях обогащения каких-то англичан или американцев,

увозящих к себе на родину сотни тысяч франков, и тому подобные другие небылицы, сильно разжигающие у слабых людей страсти, и такие рассказы мне приходилось самому много раз слышать. Еще она мне многое кое-что рассказывала, я теперь уже забыл.

Как бы в подтверждение правоты рассказов француженки я встретил в Ницце, в центре города, моего старого знакомого по училищу Юлия Августовича Мансфельда, к слову сказать, который мне всегда был несимпатичен и даже неприятен со своими рыжими волосами, веснушчатым лицом и особой пронырливостью, но, соскучившись по обществу, я был рад этой встрече. Он меня сразу узнал, хотя мы с ним больше двадцати лет не виделись, был рад и упросил меня зайти к нему, жившему как раз на той улице, где встретились. Жил он один, занимал большую, хорошо обставленную квартиру, с полным штатом прислуги. Он мне рассказал, что в последнее время работал в С.-Петербурге, принимал какое-то участие в постройке дома «Метрополь» в Москве[8], заработал хорошие деньги и решился отдохнуть, отправился в Ниццу. Попал в Монте-Карло, где сел играть, и ему выпало счастие — он выиграл 600 тысяч франков. После чего перестал ездить в Монте-Карло, начал заводить в Ницце романы и посвятил все свое время им, пользуясь теми средствами, которые он выиграл в казино. Жил широко, ни в чем себе не отказывая. Потом он заходил много раз ко мне, рассказывал о своих приключениях и удачах с дамами. Причем старался меня предупреждать об опасности игры в Монте-Карло, а главное советовал: «Помните, если к вам обратится с просьбой дать взаймы проигравшийся в казино, то никоим образом не давайте, хотя бы с этой просьбой обратился ваш отец, брат или сын; можете быть уверены, что он с вашими же деньгами поедет обязательно играть в казино и не уйдет оттуда до тех пор, пока окончательно не проиграется». Мы с ним встречались в продолжение нескольких дней, он часто заходил ко мне, но вдруг исчез. Я пошел к нему, где прислуга сообщила, что господин куда-то уехал несколько дней тому назад и она не знает, где он.

Через несколько дней, как я был у него, он явился ко мне и рассказал: познакомился с очень интересной красивой дамой, конечно, увлекся ею, и они весело проводили время, разъезжая по окрестностям Ниццы, но дама упросила его заехать в Монте-Карло, а потом зайти в казино, где и засела играть в рулетку. Спустив все свои деньги, начала уговаривать его поиграть, он расчувствовался к просьбам ее, решил поставить какую-

то сумму; проиграл, она умоляла продолжать, и он по слабохарактерности потерял голову, играл до тех пор, пока не проиграл 600 тысяч франков и все свои деньги, привезенные из России. Послал телеграмму в Петербург с просьбой перевести ему деньги и теперь ожидает их, но его тянет поиграть, а потому просит дать ему заимообразно 2 тысячи франков, которые отдаст по получении из Петербурга. На его просьбу я напомнил его мне совет: даже отцу, проигравшемуся в казино, ничего не давать. Обиженный Мансфельд ушел, и я больше с ним не видался. В Москве потом узнал от его родственников: из Петербурга ему высылали несколько раз деньги, потом перестали, и его казино отправило в Россию за свой счет, вручив железнодорожный билет в вагоне.

В то время, как я однажды сидел за кофеем в бювете француженки, пришли туда два крупье из Монте-Карло, рассказавшие, что акции казино поднялись благодаря приезду какого-то русского богача.

В этот же день узнал от своих московских знакомых, что приехал Николай Дмитриевич Стахеев, его приезд в Монте-Карло всегда сопровождается повышением курса акций, так как он крупно играет и обыкновенно проигрывает. Н.Д. Стахеева я лично не знал, хотя он был пайщиком Товарищества, где я был директором, но он ни разу не был на общем собрании пайщиков.

Николай Дмитриевич наследовал от отца крупное наследство, что-то около 5 миллионов рублей, и хорошее дело. Он серьезно занялся делом, обладая большими коммерческими способностями, сравнительно в короткое время 5 миллионов обратил в 40 миллионов рублей. Жил он в то время в Елабуге в Сибири[9], где женился на какой-то даме, откупив ее у мужа-чиновника за крупную сумму.

Переехал на жительство в Москву, купивши особняк в приходе Харитония в Огородниках[10], где был старостой, тратя большие деньги на украшение и благолепие храма. В Москве начал скупать старые дома на лучших улицах, строить многоэтажные дома, получая от них большой доход. Купил большую землю на Новой Басманной улице, где построил громадный особняк (в данное время [тут] помещается НКПС)[11].

В это же время начал увлекаться красивыми женщинами, тратя на них большие деньги. Жил с женой какого-то художника (Маковского), еще со многими артистками. С женой разошелся. Путешествуя за границу с дамами, он, естественно, попал в Монте-Карло, где и сделался хорошим клиентом казино, сильно разматывая свои капиталы без жалости и сожаления.

Жена его, испугавшись плохих результатов для своих детей, задумала взять его под опеку, обратилась к известному присяжному поверенному Плевако с просьбой об этом. Плевако отказался, сказав: «На таких людей, как ваш муж, наложить опеку не придется: он сумел сравнительно в короткое время капитал отца увеличить во много раз».

Потом Н.Д. Стахеев обеспечил своих детей несколькими домами, а жене отдал свой особняк на Новой Басманной. Жена Стахеева переехала из него, сдав его внаймы вдове С.Т. Морозова Зинаиде Григорьевне за 25 тысяч рублей в год. Строил этот особняк мой знакомый архитектор Михаил Григорьевич Бугровский, сообщивший, что постройка дома обошлась в 1 миллион рублей.

В 1932 году, когда я писал об этом, Н.Д. Стахеев был жив, жил за границей на получаемую пенсию от казино в Монте-Карло.

На юг Франции, в местечки, разбросанные между Ментоном и Канном, стремятся богатые люди из всей Европы, чтобы в тяжелые зимние месяцы пожить под полуденным солнцем и насладиться красотами природы, чудным воздухом и всеми удобствами жизни, устроенными предприимчивыми французами. В первые месяцы своего пребывания туристы отдаются полному наслаждению всеми этими благами дивного земного уголка мира. В нем все приспособлено, чтобы наполнить жизнь приехавших всеми удовольствиями, какие только возможны: карнавальные шествия с остроумным изображением смешных сторон жизни, волновавших в то время общество; битва цветами между публикой, сидящей на устроенных особых верандах, с катающимися нарядными дамами и господами в экипажах, украшенных вплоть до колес живыми цветами. Я не в состоянии перечислить все удовольствия, какие там только имеются, приноровленные ко вкусу всех народностей; так, мне в Ницце пришлось видеть впервые любимое испанское развлечение — бой быков, а в 1890 году, в мое первое посещение Ниццы, увидал первый кинематограф, устроенный в простом деревянном балагане, когда еще не было его в других больших городах Европы. В эти местечки устремляются лучшие гастролеры всех стран, да вообще все выдающиеся по талантливости в мире искусств и развлечений — все едут туда со своими услугами позабавить богатых людей, только платите деньги — и отказа не будет ни в чем.

Все эти местечки — сплошное место развлечений, но как они ни разнообразны и ни интересны, а месяца через полтора надоедают —

набивают оскомину; так и случилось со мной, меня оттуда потянуло, и, пользуясь случаем отъезда моих знакомых, кавказца (не то абхазца, не то менгрельца) и его жены-француженки, в Рим на Пасху, я поехал с ними.

С кавказцем (имя и фамилию забыл) я познакомился через его жену, учившую моих детей французскому языку. Кавказец рассказал мне, что он попал в Париж, бежав из России, будучи замешан в каком-то политическом деле. В Париж приехал без всяких средств и очень бедствовал, встретил девушку, занимающуюся педагогикой, она приняла в нем участие и помогла устроиться ему в какое-то дело, а потом он на ней женился. Француженка, жена кавказца, была истая католичка и все время мечтала попасть в Рим во время праздника Пасхи и побывать у папы. В Риме у нее был какой-то родственник — прелат[12], он обещался для них устроить помещение и свидание с папой.

Накануне нашего отъезда в Рим оттуда приехал мой знакомый Николай Васильевич Скобеев и сообщил, что он прожил в Риме десять дней и все время была отвратительная погода, а в день его отъезда выпал большой снег, а потому советовал выезд отложить, подождать, пока установится хорошая погода, но ввиду того, что с прелатом был согласован день нашего выезда и он должен был нас встретить на вокзале, то мы поехали.

Когда приехали в Рим, и помину не осталось от снега, был превосходный солнечный теплый день. Встретивший нас прелат отвез на нанятую им квартиру, почти в центре города, близ Корсо[13], на очень узенькой улице, населенной, как сказал прелат, преимущественно интеллигенцией. Когда проезжали по улицам, бросалось в глаза особое оживление, улицы были наполнены туристами, обыкновенно прибывающими к празднику. Прелат уверял, что в гостиницах нет свободных номеров: переполнены приезжими, и мне Рим еще более понравился, чем в первый раз, когда я был в нем.

Квартира, нанятая прелатом, оказалась превосходной. Состояла из трех комнат, отлично меблированных дорогой мебелью, с коврами, зеркалами и картинами. В средней комнате помещалась наша общая столовая и гостиная, а по бокам наши спальни с отличными кроватями, умывальниками, чистым хорошим бельем, и за все это уплачивалось нами по 5 франков в день, да, кроме того, в эту же плату входил утренний завтрак, состоящий из хлеба, масла, кофе и молока.

Прелат оказался очень милым и любезным; несмотря на то что он был пожилым, но водил нас по всему Риму, объяснял и показывал все, что

имело в прошедшем какое-либо значение, историю Рима знал отлично, и его рассказы были интересны и полезны.

Желая отблагодарить прелата чем-нибудь, пригласил его и моих попутчиков обедать в лучший ресторан Рима, но обед был прескверный, приготовленный на оливковом масле, вина плохие, о чем я высказал моим компаньонам мое неудовольствие: в лучшем ресторане — и кормят так скверно!

На другой день прелат, когда пришло время обеда, повел в какой-то плохонький с виду ресторанчик, находящийся недалеко от центра, в странном по своей архитектуре доме, помещавшийся в подвальном этаже, вход в него и лестница были очень неказисты, но, когда мы вошли в ресторан, меня поразила картина кухни, находящейся как раз при входе: на большом прилавке лежали груды разной провизии в живописно-красивом виде, напоминающие картины Рембрандта nature morte[14]: здесь стояли корзины с рыбою, омары, устрицы, с горами всевозможных овощей, фруктами, сырами, а по бокам лежали куски мяса и разная птица и дичь. За прилавком стоял почтенный красивый старик, встретивший очень добродушно прелата приветствием, с любовью посматривая на него.

Ресторанчик состоял из нескольких небольших комнат; на столах были постелены чистые грубые скатерти. Нам был подан превосходнейший обед, с великолепным вином, и все это стоило чрезвычайно дешево. Во время нашего пребывания в Риме мы ежедневно ходили в него обедать, и всегда было там приготовлено так же хорошо.

Мне после этого посещения Рима приходилось бывать там несколько раз, но при всем моем желании я не мог найти этого чудного ресторанчика, переносившего нас своим видом на несколько сот лет назад.

Благодаря любезности прелата я получил билет на право посещения мессы в первый день Пасхи в соборе св. Петра.

В громадном соборе св. Петра, вмещающем в себя несколько десятков тысяч человек, был отгорожен один из приделов собора, куда допускались только по билетам, в нем помещалось 2 тысячи человек.

Играл знаменитый орган[15], пел чудный хор, где некоторые мужчины пели дискантом; передние места кресел были заняты кардиналами и другими старшими священнослужителями, одетыми в красные и синие мантии, с великолепными кружевными пелеринками, но той торжественности богослужения, что бывает в православных соборах, и помину нет.

Мне по непривычке было странно смотреть на почтенных священников-старцев, проходящих мимо алтаря, делающих книксен, наподобие молодых барышень, приседающих перед старшими; хотя, как мне казалось, барышни делают книксен с большим почтением перед старшими, чем эти священнослужители перед алтарем.

Я не получил особого впечатления от богослужения в этом величественном храме, с отличным органом и дивными певчими — было хорошо, и только. Но до сего времени у меня в памяти осталось воспоминание от богослужения во время праздника Благовещения в Севилье, в главном соборе этого города, где я сидел и так же равнодушно смотрел на все совершаемое, но запело сопрано под аккомпанемент органа и скрипки чудную молитву «Аве Мария» [16] — я не знаю, что со мной сделалось: слезы из глаз потекли градом, я не мог их сдержать: так трогательна была молитва к святой Деве Марии, бившая меня по нервам, вознося меня и мои мысли куда-то высоко.

Мои компаньоны по осмотру Рима с прелатом пошли к кому-то обедать, а потом должны были быть на приеме у папы, я же отправился на квартиру, где отдохнул, и решился идти в кофейню, где можно было достать русские газеты. Случайно подойдя к окну, я увидал в окне противоположного дома красивое лицо дамы, мне улыбающейся и в то же время что-то говорящей стоящей позади ее женщине. Я надел шляпу и вышел из дома, направляясь в кафе. Пройдя немного, я заметил, что кто-то спешит обогнать меня, я приостановился, чтобы дать дорогу, но спешившая за мной старуха остановилась тоже, говоря мне что-то по-итальянски; она, видя, что я не понимаю, начала говорить со мной ломаным французским языком, и я понял: синьора, ее хозяйка, просит меня зайти к ней по случаю праздника, у нее собираются гости, и она будет рада, если я останусь у нее пообедать. Я немного подумал и решил пойти, хотя это пахло авантюрой, но в некотором случае все-таки приключение, могущее меня позабавить более, чем я один буду шататься по улицам, а потом сидеть в кафе и скучать. Старуха меня повела в противоположный дом, мы поднялись на третий этаж и вошли в квартиру, очень изящно и нарядно убранную.

К нам выбежала дама, в которой я сейчас же узнал смотревшую на меня в мое противоположное окно через узкую улицу. Она засыпала словами, из которых я ни одного не понял, но старуха начала переводить их по-французски, и я узнал: дама артистка, сегодня у нее спек-

такля нет, она свободна, ожидает своих друзей к обеду, будет у нее весело, а потому просит меня остаться пообедать; ее друзья, у нее обедающие сегодня, много говорят по-французски, и я не буду скучать.

Повела меня показывать всю квартиру и даже кухню, рассказала, что кухарка ее готовит. Принесла все свои нарядные костюмы, шляпы и даже обувь. Поведала, что она любит одного молодого лейтенанта и он ее, показала фотографические карточки его и свои, снятые в разных костюмах ее ролей. Меня усадила в своей будуарной комнате, притащила кофе, сладких пирожков и заставила меня есть. Остаться на обед я не решился с моим плохим знанием языка в незнакомом обществе, сказал ей, что приду к обеду, а теперь мне нужно быть в одном месте, но просил ее написать по-итальянски адрес ее. Зашел в цветочный магазин, купил корзинку цветов и приказал снесть по ее адресу.

На другой день утром покинул моих спутников по путешествию в Рим, уехал один в Париж, и больше не пришлось видеть красивую итальянку.

В Париже пробыл несколько дней, оттуда вернулся в Ниццу, где прожил тоже несколько дней, и выехал с детьми к себе в Москву.

ГЛАВА 55

Никита Михайлович Варенцов жил в Переславле-Залесском и имел там какую-то торговлю; ездил закупать товар в Москву, где пользовался кредитом и доверием. Из семейной хроники семьи Варенцовых, передаваемой из рода в род, сохранились воспоминания последних дней жизни Никиты Михайловича.

Трое его сыновей, видя безнадежное состояние здоровья их отца и скорую его смерть, собрались в соседней горнице, где рядом лежал их умирающий отец, для совещания: как им быть, если отец скончается? Нужно ехать в Москву, расплачиваться со своими долгами и закупать вновь товар. Может случиться: с долгами они расплатятся, а им товара в кредит не дадут, так не лучше ли будет предложить продавцам сделку, а на оставшиеся от сделки деньги купить товару.

Отец Никита Михайлович слышал их разговор, позвал к себе и сказал: «Нехорошее дело вы задумали, не будет вам от этого счастья и приведет вас к нищете: на ворованные деньги не богатеют! Отдайте полностью всю сумму, кому сколько мы должны, и Бог поможет вам, кредит вам дадут и разбогатееете, и эти деньги у вас будут крепки». Братья послушались отца, и дело пошло у них отлично, они нажили хорошие деньги.

Один из этих трех братьев — младший Марк Никитич — был мой прадед, родился он в 1769 или 1770 году и переехал на постоянное жительство в Москву после 1797 года со своим сыном Михаилом, а другой сын, Николай, мой дедушка, родился в Москве в 1800 году.

Им был куплен дом на углу Садовой и Покровки, где в данное время помещается кино[1], дом этот находился в приходе церкви Иоанна Предтечи, в 1936 году сломанной[2], где он много лет был старостой, и за украшение и благолепие храма им была получена золотая медаль.

Марк Никитич был женат на Марфе Сергеевне (ее девичью фамилию забыл), но говорили, что она была гречанка и была богатая женщина и свои деньги не давала в оборот своему мужу, распоряжалась ими по своему усмотрению, но после смерти завещала их ему. В Москве дела Марка Никитича шли отлично, и он уже 1805 году купил большое владение у

графа Румянцева, заключающееся в 16 000 кв. сажен, с постройками, выходящими на Земляной вал от угла Старой Басманной до угла Гороховской улицы, углубленное по этим улицам на большое протяжение[3].

У Марка Никитича пошли дети: в 1807 году родилась дочь Екатерина, в 1814 году родился сын Никита, умерший в 1818 году, в 1816 году сын, тоже потом умерший, дочь Надежда в 1819 году и в 1821 году сын Александр, умерший в этом же году. Из всех семи детей у него остались в живых старшие сыновья Михаил и Николай [и дочери Екатерина] и Надежда. Семья Марка Никитича росла; Михаил Маркович, старший его сын, задумал жениться и из-за тесноты в квартире принужден был переехать в дом отца, в особнячок по Гороховской улице. То же самое и мой дед Николай: в 1823 году женился на бывшей купеческой дочери Лаврентьевой и тоже переехал в то же владение отца, но по улице Старой Басманной.

Михаил Маркович прожил в доме отца приблизительно до 1835 года, переехав в свой дом, купленный на Новой Басманной[4]; после его отъезда в этот дом переехал Марк Никитич, где прожил до конца своей жизни, последовавшего в 1845 году.

В 1836 году умерла его жена Марфа Сергеевна от удара, 65 лет от роду. Марк Никитич был купцом 1-й гильдии и в 1840 году получил звание потомственного почетного гражданина, нужно думать, за произведенные им пожертвования в Московское купеческое общество; по сохранившимся в нашей семье преданиям, пожертвование было в сумме 30 тысяч рублей.

Старшая дочь Марка Никитича была выдана замуж за известного купца Савинкова, про него и про его сына мне пришлось много слышать, но, к сожалению, я все забыл. Другая дочь, Надежда, вышла замуж за купца Глазунова и скончалась около шестидесятилетнего возраста. Все свое состояние Марк Никитич разделил приблизительно поровну между своими детьми. У него кроме двух больших владений, находящихся на площади Земляного вала, было в центре города много лавок, сколько же у него осталось деньгами, мне неизвестно, но думается, что сумма была большая по тому времени. Дом, где по переезде в Москву Марк Никитич поселился, он отдал своему старшему сыну Михаилу, другое владение, по Земляному валу и Старой Басманной, дал сыну Николаю, моему деду, отделив от него землю в количестве больше 1000 кв. сажен с домом, где он сам жил перед смертью и [завещал] своей дочери Глазу-

новой в пожизненное владение, с тем что она не имеет права продавать, закладывать и после ее смерти переходит ее детям. Про Михаила Марковича мною будет написано в VI тетради [в главе 73].

Николай Маркович имел отдельную от отца торговлю, и ему помогла его мать Марфа Сергеевна, дав ему под отчет 30 тысяч рублей, с тем чтобы он представлял ей ежегодно отчеты по делу. Как я уже писал, дед мой женился на 23 году на дочери бывшего купца Лаврентьевой Елизавете Максимовне. Свадьба его была 5 октября 1823 года в церкви Иоанна Предтечи, где его отец был церковным старостой*.

У меня сохранился портрет моего деда, написанный красками, нужно думать, в год его женитьбы, из него видно, что он был красивый мужчина. Жил со своей женой Елизаветой Максимовной хорошо и дружно, у них было семь человек детей. Дед отличался твердым и строгим характером: все дети и домочадцы боялись его и, когда он бывал дома, ходили на цыпочках, наведываясь поминутно в переднюю, чтобы посмотреть: висит ли палка деда на вешалке, без которой он никогда не выходил из дома. Если палка отсутствовала, что означало — деда нет дома, то в доме все оживлялось и наполнялось шумом и весельем.

Дед был бережлив и требовал, чтобы дети относились к деньгам с большим уважением, говоря: «Деньги — кровь государства, их надо беречь, как берегут здоровье; деньги наживаются с большим трудом — они кровь нации».

Мне приходилось слышать от моей матушки, а потом от лиц, знавших деда Николая Марковича, что он отличался большим красноречием; когда он рассказывал что-нибудь, то пересыпал свою речь поговорками и побасенками, и выходило у него все ярко и красиво; его любимая

*Лаврентьевы жили в большом своем владении, тянувшемся по Маросейке, Лубянскому проезду и Георгиевскому переулку, потом оно было продано Николо-Угрешскому монастырю[5]. Когда выходила замуж Елизавета Максимовна Лаврентьева за моего деда, у ней отец скончался, оставался один брат Александр Максимович, отличавшийся мягкостью характера. У него было два сына, Петр и Иван; он, относившийся к детям с большой снисходительностью, к их шалостям и лености, только иногда, когда они провинялись слишком, подводил их к плетке, висевшей на стене его кабинета, и стращал, что она побывает у них на спине, но эти угрозы ни разу не приводились в действие. Дети после смерти отца быстро прожили состояние и принуждены были работать: Петр Александрович поступил на службу в Московскую городскую управу[6] на небольшую должность, а Иван Александрович сделался частным поверенным по разным судебным делам. Петр Александрович сохранил плетку, висевшую на стене кабинета отца, и он неоднократно, указывая на нее, говаривал: «Плетка, плетка! Хорошо бы тебе почаще погуливать по нашим спинам, а не висеть на стене!»

поговорка была «сударь мой». Он любил производить покупки для домашнего хозяйства, и, благодаря умению поговорить, ему удавалось часть выторговывать, чем весьма гордился.

Один из его зятьев, бывший чиновник Иван Иванович Рахманов, зашел в магазин Море на Кузнецком мосту, открывшийся только что, и пожелал купить там какую-то понравившуюся ему вещь и по обыкновению, принятому тогда в Москве, начал торговаться, но ему указали на стены, где висели объявления «prix-fixe», и ничего не уступили[7]. В одно из посещений деда И.И. Рахманов, желая подзадорить деда, рассказал об этом магазине и прибавил: «Вот, Николай Маркович, магазин, где вам не удастся что-либо выторговать, несмотря на все ваше умение». Дед, будучи в хорошем настроении, ответил: «Хотите поспорить? Готов туда поехать, авось мне что-нибудь уступят». Встретивший их хозяин магазина показывал вещи, состоящие из предметов роскоши. Дед облюбовал ту же вещь, которая понравилась И.И. Рахманову, которому ничего не уступили. Дед так заговорил г-на Море, что он сделал какую-то уступку, на горе сконфуженному Ивану Ивановичу.

В 1845 или 1846 году в торговое дело Николая Марковича вступил его подросший сын Александр Николаевич — мой отец, оказавшийся более коммерсантом, чем Николай Маркович, но, к сожалению, дед не давал развернуться его торговым способностям, на что многократно пенял мой отец, видя, как часто хорошие дела опускались Николаем Марковичем только из-за лишней осторожности ко всякому даже небольшому риску. За кончиной моего отца в 1863 году дед закрыл свое торговое дело — москательное[8] и чайное, притом испугавшись потери от чайного дела около миллиона рублей ассигнациями, из-за прибытия чая в Россию морским путем (от дешевизны провоза его, ранее же чай шел гужом[9] из Китая в Москву, совершая путь в 10 тысяч верст на лошадях).

Приблизительно во время Крымской кампании Николай Маркович был членом шестигласной городской думы[10]. Николай Маркович, закрывши свое торговое дело, занялся только своими недвижимыми имуществами, которые он любил, содержал их в большом порядке. На его дворах нельзя было найти ни одного камушка, щепки, все было убрано, выметено, и в округе он считался большим хозяином.

В его большом владении, выходящем на Земляной вал и Старую Басманную[11], было застроено небольшое количество земли, остальная вся площадь была под садом и проточным ключевым прудом, с боль-

шим количеством рыбы. Все свободное время Николай Маркович посвящал уходу за садом, который он любил и берег. Фруктовые деревья давали ему яблок, хватавших почти на всю зиму. Начавшаяся постройка соединительного пути железнодорожной ветки между Курским и Николаевским вокзалами сильно поразила его отнятием у него земли площадью около 12 тысяч кв. сажен, как раз того места, где находились его любимый ухоженный сад и пруд.

В его голове не умещалось такое законное отнятие его собственности, он говорил: «В законе говорится, что собственность священна, так как же ее могут отнять от меня, когда я не хочу продать?» И он своему аргументу верил, думал, что ему удастся избежать этого насилия. Но изо всех инстанций вплоть до государя был получен отказ, из-за необходимости отчуждения земли для государственной надобности.

К нему приезжал какой-то важный инженер, предложивший сойтись с железной дорогой миролюбиво, причем предложил выхлопотать Николаю Марковичу за эту землю крупную сумму, если он ему заплатит за его хлопоты известное вознаграждение. Николай Маркович на него пристально посмотрел и ответил: «Я не был, сударь мой, казнокрадом и надеюсь никогда им не быть!»

Смущенный и разозленный инженер вылетел от него как бомба. Результат честности Николая Марковича выразился в том, что его землю в 12 тысяч квадратных сажен и дом, где жил он, оценили в 15 тысяч рублей, каковую сумму ему пришлось получить. У Николая Марковича всегда были на запоре ворота и калитка, и, сидя в доме, он увидал однажды из своего окна, как рота саперов во главе с офицером подошла к дому и остановилась. Дворник прибежал доложить, что офицер требует пропустить их в сад. Дед побледнел, с разгоревшимися глазами вышел на улицу, скрестив на груди руки, предварительно велев запереть калитку дворнику, став перед воротами, сказал офицеру, что он не допустит их пройти через ворота. Офицер, выслушав его, скомандовал своим солдатам сломать звено забора, защищающего сад от улицы. Не успел Николай Маркович оглянуться, как звено было выбито и рота солдат очутилась в саду, откуда послышалась рубка деревьев.

Дед ушел из своего дома, чтобы не видеть, как его любимые деревья падали под ударами топоров солдат. Когда он вернулся домой, все деревья в саду были вырублены и пруд был спущен с раздачей рыбы всем желающим. В этот день дед не выходил из своей комнаты, нужно думать, с трудом переживая свое несчастье.

Мстительный инженер устроил так, что Курская железная дорога отобрала не только нужную ей для проводки ветки землю, но даже дом, совершенно ей ненужный, где жил дед. Занятый потом какими-то железнодорожниками, только приблизительно в девяностых годах того столетия он был сломан и на этом месте был выстроен трехэтажный дом для железнодорожной амбулатории. Причем была захвачена часть земли, прилегающей к дому, проданная [затем] железной дорогой обратно моему деду из-за совершенной ненадобности ей.

В отобранном железной дорогой доме было предоставлено право Николаю Марковичу жить год. Моя матушка с пятью своими детьми перебралась в свой дом на Большую Ордынку, в Кадашевский переулок[12], а дед в небольшой особнячок, выпятившийся на улицу Старую Басманную, где, по преданию, жил боярин Матвеев и по записям Николо-Кобыльской церкви[13] в этом доме навещал боярина Петр I. Домик был в два этажа и по внутреннему расположению напоминал домик бояр Романовых на улице Варварке[14]. В нем были коробчатые своды[15], и в некоторых окнах, выходящих на двор, как было видно, не подвергавшихся переделкам, были железные решетки по образцу допетровского времени.

Николай Маркович задумал угольный дом сломать и на месте его выстроить каменный в два этажа. План был представлен в городскую управу на утверждение, откуда последовало разрешение при условии, если он отнесет на красную линию смежные здания, примыкающие к новому дому и выпячивающиеся приблизительно на 6—7 вершков на Старую Басманную. Николай Маркович задумался: как бы это каменное здание, с четырьмя растворами, не ломая, отодвинуть в глубь двора. Архитектор, строивший ему угольный дом, наотрез отказался это сделать, предполагая, что по ветхости здание передвижки вынести не может. Тогда Николай Маркович решился сам привести это дело в исполнение. Стены лавок скрепил железными полосами; фундамент стен был расширен, и вокруг всего здания близ фундамента стены были выбиты, куда были вставлены круглые бревна. Когда все это было проделано, рабочие веревками, привязанными к железным скреплениям стен, стали тянуть их и таким образом пододвинули их на бревнах за красную линию.

На такое небывалое зрелище собралась смотреть большая толпа народу с ожиданием катастрофы. Эта затея деда сошла благополучно, и лавки

стояли до 1924 года, когда были сломаны Советским правительством. Об этом происшествии было помещено в какой-то московской газете, где деда величали архитектором-самородком, чем он весьма гордился.

Угольный дом Николай Маркович выстроил. Верхний этаж сдал под аптеку, [помещение] на углу Старой Басманной и Земляного вала сдано было под колониальную торговлю, а по Земляному валу — под трактир без права продажи вина и водки. Трактирщик, поторговавши год, пришел к Николаю Марковичу с просьбой разрешить ему торговать водкой, обещая за это разрешение увеличить плату за помещение втрое. Дед ему ответил: «Не хочу быть пособником по спаиванию народа, полученные от этого деньги не дадут счастья».

Трактир вплоть до смерти Николая Марковича не торговал водкой, наследники умершего были другого взгляда, и трактирщику было разрешено торговать водкой, и аренда за помещение была повышена с 600 рублей до 2500 рублей, а потом, через несколько лет, увеличилась до 4000 рублей.

В моей памяти остались некоторые личные впечатления от деда Николая Марковича. Так, я, будучи еще ребенком не более трех лет — это определение годов более или менее точно, так как после трех лет мне пришлось жить отдельно от деда, — хорошо помню шум от колотья сахарных голов, производимый в комнате экономки деда Варвары Матвеевны, милой и доброй старушки. Ее комната была в антресолях, рядом с детской. Этот шум заставлял бросать все игрушки, и я с поспешностью устремлялся в комнату Варвары Матвеевны, зная, что буду наделен сахаром. Помню, что меня весьма огорчало, что я, благодаря своему малому росту, не мог обозреть стол с лежащими на нем грудами сахара. Варвара Матвеевна в это время была уже слепая, и, несмотря на это, она вела все хозяйство деда, пользуясь от него большим уважением за ее честность и преданность. Поступила она к деду еще молодой и с тех пор до глубокой старости была в семье его как необходимый человек. Когда она скончалась, дед устроил похороны, какие только делались членам семьи. У Варвары Матвеевны была подруга, жена нашего писателя А.Н. Островского, жившего в то время недалеко от дома деда на Садовой, близ Высокого моста[16]. Эта подруга[17] часто навещала Варвару Матвеевну, от которой и знала все, что происходит в семье деда, и, как передавал мне мой дядя Дмитрий Михайлович Рахманов, в одной из своих пьес Островский вывел деда, но за давностью я забыл наи-

менование этой пьесы; прочитывая много раз Островского, я не нашел ту вещь, в которой выведен был бы дед, предполагаю, только потому, что я мало знал о жизни деда и его слабостях[18].

За несколько дней до выезда из дома, где я родился, в дом моей матушки в Кадашевском переулке во время нашего обеда вошла горничная деда с большим подносом с уложенными на нем игрушками. Эта неожиданность заставила всех нас повыскакать из-за стола, но матушка строгим окриком заставила нас занять свои места за обедом, сделав только исключение своей любимой дочке Ольге, двумя годами старше меня, чем вызвала во мне первое мое горе в жизни, не забытое мною до сего времени, таковой несправедливостью. Подарки эти нам были последние, дед больше никогда нам ничего не дарил.

Матушке он ежемесячно выплачивал 50 рублей на наше прожитие, считая, что матушка может на свои надобности расходовать доход со своего дома. Кроме этой денежной выдачи он осенью присылал два воза муки и разной крупы, а перед Рождественским постом воз разной рыбы, начиная с белуги и кончая карасями, а перед праздником Рождества воз всякой живности, начиная от мороженого мяса до поросят, гусей и рябчиков.

Дед изредка навещал матушку; его приезд сопровождался большими волнениями в семье: нас умывали, причесывали, надевали новые костюмы и после того выводили к деду, с обязательным целованием его руки. Когда он приезжал осенью, то обыкновенно привозил мешок с яблоками — нужно думать, из своего сада.

Меня матушка очень редко брала в гости к деду, в большинстве случаев она брала старших моих сестер. Одно из таковых посещений у меня осталось в памяти. Когда матушка меня ввела в гостиную, я увидал деда, сидящего за большим круглым столом, за которым сидело много уже гостей, со вниманием слушавших рассказ деда. На столе стояли стаканы и чашки с чаем, посередине стола пироги, сладости и фрукты.

После того как я напился чаю со всеми сладостями, невольно обратил внимание на два больших трюмо, на их подзеркальниках стояли хрустальные вазы с дивными фруктами: грушами, яблоками и виноградом, — покрытые хрустальными крышками; я не мог оторвать своих глаз от этих прелестей, соображая, как бы извлечь их к себе в рот. Матушка, видя мое такое настроение, сказала, что фрукты сделаны из воска и есть их нельзя. После этого у меня пыл к ним охладел, и я начал бегать по

комнате и забегать в переднюю, где лежали шапки гостей; одну из них, мне более всего понравившуюся, я схватил и, вбежав в гостиную, подбежал к деду и надел ее ему на голову. Моя шалость вызвала сильное волнение среди родственников, внимательно слушающих деда; раздались крики, чуть ли не визг; матушка подбежала ко мне, оттащила меня от деда и нахлопала меня достаточно, остановленная от дальнейших ударов моим дедом, что-то, смеясь, сказавшим. Но мое настроение было испорчено окончательно, я чувствовал, что дома мне предстоит хорошая гонка. Я засел на кресло и скучал, выбирая из гостей кого-либо помоложе, чтобы с ним побеседовать. Таковой оказался мой двоюродный брат Михаил Иванович Алексеев, лет на 7—9 старше меня, спокойно сидевший на кресле, устремив свои глаза на деда, слушая с большим вниманием разговоры старших. Я к нему пересел и только что захотел заговорить, как он встал с кресла и перешел от меня на другую сторону гостиной. Я не понял причины ухода его от меня, тоже опять пересел к нему; повторилась та же история: он перешел на старое место, но опять меня это не вразумило. Я опять сел с ним рядом, он поднялся и сел на противоположную сторону; очень возможно, что эта пересадка продолжалась бы довольно долго, если бы матушка не позвала меня к себе и не посадила бы рядом с собой.

Дома после хорошего мне нагоняя она поведала, что большинство гостей деда были его близкие родственники, ожидающие от него наследства, а потому моя шалость пришлась им на руку, как бы обрисовывая меня с плохой стороны в глазах деда и тем уменьшая мою долю в его наследстве. Вследствие чего и мой двоюродный брат Алексеев не пожелал сидеть со мной рядом, чтобы дед не мог подумать, что он снисходительно относится ко мне за такой дурной мой поступок.

Дед меня обошел в своем завещании, и я получил значительно меньше, чем мой дядя, так как наши части должны бы быть равные, но думаю, что дед сделал это вполне правильно; при составлении духовного завещания я был мал, и он думал: «Что из него еще выйдет? Протрет моим денежкам глазки[19] быстро! Пусть работает, а для начала ему хватит».

В 1878 году в марте месяце он скончался очень спокойно, сидя в кресле, как бы заснул от усталости и старости, но перед смертью немного похворал, не вызывая ни у кого боязни его скорой смерти.

Мой дед Николай Маркович во время моих юных лет казался мне каким-то особенным человеком — гигантом среди других лиц; предпо-

лагаю, что такое представление о нем сложилось у меня вследствие слышанных рассказов о нем моей матушки и некоторых родственников. После того как Николай Маркович скончался и мне приходилось иметь общение уже с большим кругом лиц, суждение о нем со стороны некоторых родственников, считающихся в моей семье более передовыми, переменили мои мысли в другую сторону. От некоторых из них можно было слышать, как они иронизировали над ним, называли скрягой, другие — самодуром. Я подчинился их образу мыслей: для меня, как и для них, не были понятны его действия, и они подходили к нашему нравственному уровню как самодурство и скряжничество. Нас удивляло: как дед мог отказаться от такого блага, какое предложил ему путейский инженер, где он мог бы получить большие деньги, а получил ничтожную сумму; второе: почему он не давал права трактирщику торговать водкой, отчего потерял около 30—40 тысяч рублей за эти годы. Приводили пример, как какой-то из московских купцов Алексеевых, имевший большую землю в глухой местности на окраине Лефортова, продал ее в казну за миллион рублей, что в то время считалось очень высокой ценой, при помощи какого-то чиновника, взявшего с них за эту услугу хороший куш.

Могли ли в то время я и те родственники не считать за скряжничество такие поступки деда, как сбор камушков, валяющихся на земле его владений? Он ежедневно обходил все свои дворы в сопровождении дворников, заставляя собирать их и класть в определенное место, говоря: «Москва замощена камушками, приносимыми людьми, входящими в нее, так зачем же мы-то будем их бросать, пусть они и у нас пойдут на пользу!» Или после похорон кого-либо из своих домашних приказывал дворнику запрячь рабочую лошадь и собрать можжевельник, обыкновенно разбрасываемый перед выносом покойника для отпевания в церковь, говоря: «Зачем можжевельнику валяться и гнить, пусть идет на топливо, на пользу людей!» Этот случай даже был помещен в каком-то юмористическом журнале, где дед был высмеян.

Он очень не любил, если кто-то из его домашних оставлял на тарелке недоеденное кушанье, он им говорил: «Зачем брал столько, сколько съесть не сможешь? Оставшееся кушанье с твоей тарелки придется отдавать собакам, когда бы его могли съесть люди, если бы оно было на блюде! Кому приятно твои объедки доедать с твоей тарелки?» Много бы можно других тому подобных примеров привести здесь, для людей не-

глубоких казавшихся скряжничеством, но потом, когда я сделался зрелым человеком, я понял действия моего деда и одобрил их. Он вырисовывался мне одним из последних купцов середины XIX столетия, не стремящихся обогащать себя аферами, начавшимися особенно развиваться после освобождения крестьян, с открытием банков, кредитных, торговых учреждений, страховых обществ и других тому подобных дел; он сильно осуждал ажиотаж и предсказывал, что для многих это кончится плачевно. Я начал на него смотреть опять как на богатыря, человека с крепкой волей, могущего сдерживать свои чувственные желания не напоказ перед людьми, но глубоко уверенного, что это может привести его к тому внутреннему свету, озарявшему дальнейший путь к его сознательному существованию.

Это мнение о моем деде не было исключительно мое, но мне приходилось слышать такое же от других людей, близко его знавших, как, например, от арендаторов его лавок, где они торговали по 40 и даже некоторые 60 лет в одной и той же лавке. Так, старик мясник Морозов говорил мне: «Царствие небесное Николаю Марковичу! Он твердый был человек, устойчивый и не скряга, как распространяли про него слух, но человек бережливый, без желания кого-либо объегорить и обделать».

Прошло после его кончины 50 лет; приблизительно в этом году мне пришлось узнать о закрытии Алексеевского кладбища[20], где он был похоронен. Желая зарегистрировать могилу деда, я пошел туда и обратился к «товарищу», занимающемуся этим. «Товарищ» посмотрел список фамилий, сказал, что уже она двумя зарегистрирована и я буду третий, так стоит ли мне это делать? Я все-таки, для прочности моего желания, просил исполнить мою просьбу. В этом же году я пошел на другое кладбище, где похоронен был другой мой родственник, умерший в 1920 году. Его могилка представляла ужасный вид, хотя прошло после погребения его только 8 лет. Могила была истоптана, без креста, поросшая сорными травами. Дети этого умершего гражданина были живы, жили сносно, но память о нем совсем у них исчезла, он был всеми забыт.

Этим примером хочу показать, как память о таких людях, как мой дед, еще долго живет в сердцах людей, следовательно, оставляет на них глубокий след своим примером жизни.

ГЛАВА 56

У Николая Марковича Варенцова было 7 человек детей, но, к сожалению, хронологический порядок их рождения мне не известен, предполагаю, что старший из детей был мой отец Александр Николаевич, родившийся в 1827 году.

Отец мой женился в 1852 году на Александре Федоровне Рябиновой[1], когда ей только исполнилось 15 лет. Она, как говорила сама, по своему сложению и развитию была совершеннейший ребенок: перед венчанием ее заботили больше всего ее куклы, отправленные накануне этого дня на квартиру ее будущего пребывания, в которые она играла еще долго. Отец мой, видя ее такое состояние, года три не жил с ней как с женой, после чего у них пошли дети ежегодно, и только я родился через два года после моей последней сестры. Через год после моего рождения скончался мой отец, оставив пятерых детей. Следовательно, сказать о нем свои личные впечатления не могу. Расскажу только то, что мне пришлось слышать от матушки и некоторых родственников.

Отец был хорошо сложенный плотный мужчина, но совершенно плешивый. Матушка, увидавшая его без парика, чуть ли не упала в обморок, разразившись неудержимым плачем. Родители между собой жили дружно.

Отец мой мало напоминал купцов того времени, он получил довольно хорошее домашнее образование, много читал, имея большую библиотеку, почти всю на французском языке. Из оставшихся книг видно, что он увлекался преимущественно философией, мыслителями и французскими экциклопедистами XVIII и XIX столетий и, несомненно, был под их влиянием, относясь критически к существующему в России государственному строю и к духовенству, особенно доставалось от него московскому митрополиту Филарету. Незадолго до своей смерти он переменил свое отношение к церкви и к митрополиту Филарету, упрашивая матушку поехать к митрополиту и попросить у него прощение. Филарет принял матушку, выслушал ее, успокоил и сказал, что он от души его прощает.

Доктор Дмитрий Михайлович Рахманов, муж сестры моего отца, мне неоднократно говорил: «Вы должны гордиться своим отцом: мне не приходилось больше встречать других людей с такой большой душой, как у него!» Матушка о нем тоже говорила всегда хорошо и сердечно, хотя она вышла замуж не по увлечению, а по сватовству, по приказу своего отца, желающего пристроить ее поскорее при своей жизни. Матушка рассказывала, что отец до чрезвычайности любил нас — детей; со старшими много занимался, играл и ни разу не наказывал никого из нас за шалости, но чрезвычайно строго относился к тем, которые позволяли себе потихоньку без спроса взять что-нибудь: так, он одну из моих сестер высек за то, что она взяла без спроса сахар, когда в комнате никого не было. Матушке [наказывал] всегда быть строгой с детьми, если они сделают моральный проступок, говоря: «Эти провинности легко искоренить в детские годы, но, когда вырастут, будет невозможно».

Его завещание, оставленное нам накануне смерти, было: «Передай детям: я ничего не имею, кроме честного имени, которое передаю им, и у меня к ним единственная просьба: быть всю жизнь честными людьми!» Отец скончался 36 лет, не оставив ни одного портрета.

Моя матушка Александра Федоровна была дочкой богатого купца Федора Ильича Рябинова; его отец в молодости был боровский крестьянин, торговавший сначала дегтем, развозя его по деревням, потом стал торговать мануфактурой. Дела у него шли хорошо, после его кончины перешли к сыну Федору Ильичу, увеличившему дело, перейдя на оптовое. Матушка хорошо помнила год, когда ее отец Федор Ильич давал обед своим покупателям по случаю полученной за год прибыли в один миллион рублей ассигнациями. Федор Ильич жил на Большой Ордынке в Кадашевском переулке, выходящем одним концом на Ордынку, а другим на Канаву, перегибаясь под прямым углом как раз с дома Федора Ильича. Дом у него был большой каменный, с антресолями и мезонином, при доме был большой сад, начинавшийся с Кадашевского переулка и растянувшийся до Лаврушинского переулка, где был дом П.М. Третьякова с его картинной галереей[2]. У меня сохранились в памяти некоторые рассказы и эпизоды в семье деда. В заднем конце сада находилась беседка, похожая на дачу, с очень большой комнатой, уставленной диванами и разной мебелью, с большой террасой, где обыкновенно вся семья в летнее время проводила свое время: обедали, ужинали и пили чай.

У Федора Ильича была жива мать, еще нестарая и вполне здоровая женщина, она занималась хозяйством; однажды она понесла поднос с чайной посудой в беседку, вскоре за ней пошел кухонный рабочий с самоваром; не дойдя до беседки, он увидал распростертую на дорожке бабушку, с валявшейся разбитой посудой. Ее подняли, отнесли в дом, и когда она пришла в себя, то сказала: «Я видела свою смерть, выходящую с террасы беседки, она шла ко мне, лицо и костюм ее был совершенно схожий с моим». Несмотря на все уговоры и уверения, что возможно ли это на самом деле быть, это только ей показалось, причудилось, она настаивала на своем, говоря: «Я на днях умру, вот увидите!» И действительно, через трое суток после этого скончалась, ничем не хворая.

Матушке моей еще девочкой пришлось пережить ужасную трагедию, оставившую след на всю ее жизнь. Во время холеры в 1847—1848 годах она потеряла в один день мать, двух братьев с их женами и всеми их детьми[3], кроме того, скончался их главный приказчик, а отец ее Федор Ильич лежал при смерти, по определению докторов, что он тоже не вынесет холеры. В один день происходило отпевание в церкви семи покойников. Душевное состояние матери и ее старшей сестры Ольги Федоровны было ужасное: они искали смерти, делая все, чтобы только скорее захворать холерой; все предосторожности от холеры ими нарушались, они в холодное время, посещая кладбище, не надевали калош, а были в легкой обуви, и, несмотря на все это, они остались живы и здоровы. Федор Ильич тоже выздоровел, поступив по совету кого-то из его знакомых выпить настоянной перцовки и натереться ею. Им все это было проделано, он пропотел и выздоровел. Между тем все домашние знали о лечении перцовкой, и она была приготовлена, но когда случилась холера, то все растерялись и позабыли применить ее на деле. И из всей большой семьи остались в живых Федор Ильич и его две дочки-девочки. Федор Ильич принужден был жениться на вдове, имеющей замужнюю дочь, чтобы было кому вести домашнее хозяйство и присматривать за малолетними дочерьми. Мачеха попалась умная и хорошая женщина, и девочкам с ней жилось хорошо.

Девочкам давалось домашнее образование, куда входило непременное обучение музыке и серьезное внимание уделялось рукоделию: вышиванию по канве, шелком и бисером с художественных рисунков и дру-

гим тому подобным разным рукоделиям; ходить же девочкам в кухню строго воспрещалось, а потому из них не вышли хорошие хозяйки.

После смерти Федора Ильича дело осталось без руководителя, было предложено моему отцу взять его в свои руки, но он решительно отказался это сделать, объясняя свое нежелание тем, что не хотел бы распоряжаться жениными деньгами. После этого предположили ликвидировать дело, но спросили совет у деда Николая Марковича, сказавшего: «Жаль это сделать, дело с золотым дном!» Решили поручить ведение дела Александру Петровичу Недыхляеву, мужу старшей сестры матушки. А.П. Недыхляев был хороший человек, но не деловой, отличавшийся легкомыслием, стремлением покутить и поиграть в карты, делом занимался мало — и результат получился печальный: все деньги Федора Ильича были прожиты, за исключением дома, доставшегося целиком матушке.

Моя матушка осталась вдовой 26 лет, обеспеченная домом, она была красивая женщина и, понятно, могла бы легко выйти замуж, но она решилась посвятить всю свою жизнь детям, отказалась от общества и родственников по мужу, преимущественно образованных людей, перестала у них бывать, а потому круг лиц ее знакомых был очень ограничен. Она ежедневно ходила в церковь к ранней обедне, посещала все церковные службы во время праздников, исполняла строго все предписания церкви, и частыми посетителями были странники, богомолки, и с большим удовольствием она ездила по монастырям.

Думаю, что такому серьезному образу жизни она обязана пережитой ею трагедии с ее близкими родственниками, умершими сразу в один день от холеры, и это заставило ее думать больше о будущей жизни после смерти, чем о настоящей.

В 1902 году она захворала рожистым воспалением. Лечил ее профессор Кишкин. Когда после нескольких дней его лечения я спросил его, не находит ли он опасным ее состояние, он ответил: «Болезнь упорно увеличивается, и если она так будет продолжаться, то может дойти до сердца, тогда неминуемая смерть». Кто-то посоветовал обратиться к известному капельмейстеру военного оркестра Крейнбрингу, что он будто бы легко излечивает эту болезнь. Обратились к нему, он охотно согласился. Помню, что велел натереть мелом воспаленное место и закрыть красным сукном, что при этом он еще делал, я теперь не помню. Уезжая, он сказал: перед посещением доктора стереть мел и убрать красное сукно и доктору не говорить, что он был. Ему была предложена за посещение

какая-то сумма денег, но он наотрез отказался от нее. На другой день приехавший профессор Кишкин был удивлен переменой болезни к лучшему, он добивался узнать, не делали ли что-нибудь помимо его указаний. [Ему дали отрицательный ответ.] Тогда он обратился и сказал: «Уверен, что она выздоровеет, так как воспаление стало уменьшаться». И действительно, вскоре матушка окончательно поправилась от этой болезни. Года через три после этого она опять захворала рожистым воспалением, опять лечил ее Кишкин, и результат его лечения получился такой же, как и первый. Крейнбринг уже скончался, а другого заговаривающего эту болезнь мы не знали. Но кто-то сказал нам, что заговариванием рожи занимается швейцар в Воспитательном доме, к которому и поехали. Швейцар приехал и лечил тем же способом, что и Крейнбринг, матушка опять быстро начала поправляться и выздоровела.

Скончалась она в 1908 году 8 мая от болезни в почках (нефрит).

ГЛАВА 57

Старшая сестра моего отца Софья Николаевна была замужем за Иваном Петровичем Алексеевым. Отец его — основатель Торгового дома «Петра Алексеева сыновья», отличавшийся среди купечества большим умом, энергией, — был устроителем многих промышленных и торговых предприятий, дававших ему большие доходы. Он пользовался особым доверием среди богатых жителей Москвы, у духовенства и монастырей, дававших ему в дело свои сбережения, будучи вполне уверенными, что деньги их будут в целости и сохранности, так как в то время частных банков еще не было.

В его Торговом доме накапливались такие большие средства, что он имел возможность во время Крымской кампании давать большие суммы заимообразно государству. Дела Торгового дома шли отлично вплоть до кончины старика, расширяясь и богатея. Оставшиеся у него сыновья оказались распущенными мотами, без всякого смысла швыряющими деньги. Про их кутежи ходили целые легенды; они не задумывались награждать дам, понравившихся им, громадными суммами денег только за одну проведенную с ними ночь, чем соблазняли некоторых дам, высоко стоящих по своему положению в обществе.

Сыновья со своими семьями жили в отличных особняках, наполненных роскошной обстановкой; к их женам ежедневно являлся доверенный Торгового дома за распоряжением, сколько им потребуется денег для их надобностей, и какая бы сумма ими заявлена ни была, она немедленно доставлялась. Как передавала моя тетушка София Николаевна, ее невестки этим пользовались и брали большими суммами; между тем Софья Николаевна, будучи по характеру и бережливости схожа со своим отцом, этого не делала, думая: пусть деньги работают в деле и что-нибудь принесут ему, и брала только небольшие суммы на мелкие свои расходы. Потом она об этом много раз сожалела, что не поступала так, как другие невестки.

Софья Николаевна была красивой женщиной, я ее помню, когда она была уже немолода, и то производила своими чертами лица приятное

впечатление. Говорили, что известная картина итальянского художника (к сожалению, фамилию забыл), изображающая красивую молодую брюнетку с чудным цветом лица, с розой в руке, была как будто бы срисована с Софьи Николаевны в ее молодости. Копия этой картины висела у нее в гостиной, и она бережно сохраняла ее до конца своей жизни как приятное воспоминание о былой своей красоте.

Моя матушка, рассказывая о Софье Николаевне, вспоминала о ее приездах в праздничные дни к своему отцу Николаю Марковичу. Она приезжала в роскошной зеркальной карете, запряженной цугом в несколько пар лошадей, с форейторами и со стоящими позади кареты двумя лакеями в ливреях. Один из лакеев шел за ней со скамеечкою для ног, любимой ею, хотя в гостиной у деда было много скамеечек, которыми она девицей пользовалась, но теперь они оказались недостаточно для нее удобными.

Матушка рассказывала о совместном путешествии пешком в Троице-Сергеевскую лавру с Софьей Николаевной Алексеевой, которую обслуживал целый штат прислуги, и экипаж следовал за нею, чтобы при малейшей надобности быть к ее услугам. Софья Николаевна по примеру богатых богомольцев наделяла милостынею всех нищих, встречающихся в пути и в Лавре, причем она заблаговременно заготовляла целый мешочек полушек и наделяла ими каждого нищего. Всех остальных ее компаньонок по путешествию удивляло, что она, обладательница больших средств, подавала так мало, когда все остальные, более бедные, подавали больше.

Безумная трата Ивана Петровича Алексеева и его других братьев, а также дела, оставленные без присмотра, на руках доверенных — некоторые из них сделались потом богатыми людьми, — привели фирму к несостоятельности.

Банкротство фирмы «Петр Алексеев с сыновьями» произвело большой переполох среди москвичей: сначала многие такому слуху не верили, он передавался от одного другому на ухо с просьбой никоим образом не говорить, что слышали от него, предполагая, что все это еще выдумка.

Иван Петрович Алексеев, узнавший о положении дела одним из первых, не придавал [этому] большого значения: жил вволю, кутил, посещал своих друзей; так, он поехал к своему другу Кузьме Терентьевичу Солдатенкову, жившему в своем красивом особнячке на Мясницкой

улице, сохранившемся до сего времени[1]. Въезжая на двор, он заметил стоящего у окна своего кабинета К.Т. Солдатенкова, а потому он, не спросив лакея, начал снимать пальто, но лакей ему сказал: «Хозяина дома нет». — «Как нет? Я его видел в окне». Тогда лакей ответил: «Не приказано принимать». Слова эти произвели ошеломляющее впечатление на растерявшегося Ивана Петровича, он, шатаясь, с трудом попал в дверь, и только дома, придя в себя, понял, что он без денежного агрегата сделался малостоящим человеком для окружавших его друзей и приятелей. Жена же его Софья Николаевна не растерялась, узнав о постигшем ее мужа несчастии, немедленно приступила к ликвидации своего имущества. Все ею было распродано: лошади, экипажи, вся дорогая обстановка дома, с бесчисленным количеством ценных вещей, бриллиантов, и, как уверяли, она выручила около 200 000 рублей и обеспечила этой суммой свое существование в дальнейшем. Купила землю близ церкви Иоакима и Анны за Москвой-рекой, выстроила деревянный дом[2]. Мужа держала в «ежовых рукавицах», не позволяя вмешиваться в воспитание детей и в ее денежные дела, выдавая ему какие-то гроши на мелкие домашние расходы. Поселила его в отдаленнейшей комнате своего дома, где он прожил до конца своей жизни, стараясь меньше попадаться ей на глаза *.

Софья Николаевна имела четырех детей, старший сын, Николай, учащийся в гимназии, отличался леностью и малоспособностью, в помощь ему она пригласила студента университета Константина Алексеевича Андреева.

Константин Алексеевич был крайне добросовестный человек, он значительную часть своего времени отдавал своему ученику, между тем ему самому приходилось готовиться к экзаменам, а потому не мог успеть по своему предмету прочесть все сполна и решил пойти на экзамен, как говорится, «на авось», быть может, вытащит по счастью счастливый билет. Константин Алексеевич, придя в университет, засел в какой-то угол и начал читать лекции, но, утомленный бессонной ночью, он крепко заснул. Во сне видит: к нему приблизился св. Георгий Победоносец, которого он узнал по изображению его на иконе церкви, сказавший ему: «Проснись! прочти такой-то билет». Константин Алексеевич проснулся и немедленно прочел указанный ему билет; как только он успел это сде-

*Рассказывая некоторые события, [происшедшие] с моей тетушкой, мне известные, я не мог умолчать о необычайном сне, бывшем со студентом — репетитором ее сына, каковой и расскажу здесь, хотя сон не относится лично к ней.

лать, к нему подошел его товарищ и сказал: «Иди в аудиторию, следующая алфавитная очередь твоя».

Когда К.А. Андреев вошел в аудиторию, он услыхал свою фамилию, и вытащенный им билет оказался как раз тот, который был указан ему во сне св. Георгием Победоносцем.

После экзамена отправился прежде всего в церковь и отслужил молебен св. Георгию Победоносцу и приобрел образ этого святого, висевший у него всегда в его кабинете.

К.А. Андреев был хорошим и правдивым человеком, и нельзя было даже помыслить, что он мог бы сказать ложь. По окончании он был оставлен при университете и сделался известным профессором, а под старость был директором Александровского Коммерческого училища, заняв эту должность после скончавшегося директора профессора Алексея Васильевича Летникова.

Софья Николаевна родилась либо в 1828 или 1829 году, вышла замуж шестнадцати лет, следовательно, все мои воспоминания о ней относятся к 1844 или 1845 годам и по год ее смерти (она скончалась приблизительно в 1894—1896 году).

Вторая сестра моего отца, Елизавета Николаевна, вышла замуж за помещика Луку Лукича Living Кознова, владельца большого, в несколько тысяч десятин, лесного имения и трех домов в Москве, находящихся на Садовой-Самотечной улице: в одном из них он жил сам, другой сдавал, а в третьем помещались бани и во втором этаже ресторан «Малый Эрмитаж»[3].

Елизавету Николаевну мне не пришлось видеть: она скончалась раньше, чем я родился.

Фамилия Козновых, как передавал Лука Лукич, происходила от двух братьев, его предков, живших в своем имении, когда были захвачены бандой Пугачева, приведены к нему, и он потребовал, чтобы они присягнули и поцеловали руку у него; старший отказался и немедленно был повешен здесь же; младший брат, видя таковую расправу с братом, по малодушию присягнул ему. Когда Пугачев был захвачен, то меньшой брат был предан суду и приговорен был к повешению. После чего оставшихся их детей начали называть «козненных», а потом на все время за ними утвердилась фамилия Козновы.

Третья сестра отца, Любовь Николаевна, вышла замуж за крупного чиновника, имеющего св. Владимира на шее[4]. Я ее тоже не помню, так как она тоже скончалась до моего рождения.

Четвертая сестра, Мария Николаевна, вышла замуж за инженера Самойленко. Под старость она сделалась душевнобольной и скончалась в Варшаве в больнице св. Иисуса.

Пятая сестра, Александра Николаевна, вышла замуж за доктора Дмитрия Михайловича Рахманова, большую часть жизни, во время ее замужества, прожила в городе Гомеле, а последние года в Москве.

Из чего видно, что дед мой Николай Маркович предпочитал выдавать своих дочерей за дворян. Думаю, что это делалось им потому, что он любил людей образованных, а не таких грубых и распущенных, как были в то время сыновья богатых купцов, видя пример от своего первого зятя Ивана Петровича Алексеева.

ГЛАВА 58

Младший из детей моего деда был Николай Николаевич, родившийся в 1838 году. Учился он в Практической академии коммерческих наук[1], которую кончил блестяще, получив золотую медаль; после чего поступил в Московский университет на юридический факультет, который кончил отлично.

Николай Николаевич был красивый, высокого роста брюнет, хорошо сложенный, говорят, у него были красивые глаза, но он носил синие очки, не дававшие возможности рассмотреть его глаза; он был хорошо образован, свободно говорил по-французски, сын богатого человека — все ему, казалось, в жизни улыбалось, и думалось, что из него выйдет большой человек.

По окончании университета, приблизительно в 1858—1859 годах, когда суд еще был дореформенный, где процветало лихоимство и взяточничество, Николаю Николаевичу было предложено занять какое-то высокое положение, причем дали понять, что он это место может занять, если им будет уплачено 5 тысяч рублей лицу, от которого зависит назначение. Он обратился к отцу с просьбой дать ему 5 тысяч рублей. Николай Маркович наотрез ему в этом отказал, сказав: «Ты получил хорошее образование, начинай с маленькой должности и своим трудом добивайся высшего положения, а не взятками. Хорошо будет государство, где должности могут приобретаться взятками!» Этот отказ отца повлиял на Николая Николаевича скверно, он не поступил на место и жил, ничего не делая, развлекаясь среди своих знакомых и друзей. Влюбился в одну вдову с детьми, решил на ней жениться, обратился к отцу за разрешением на этот брак. Отец ему не дал согласия, сказав: «Прежде чем жениться на вдове, да еще с детьми, нужно тебе обеспечить себя местом, чтобы иметь возможность содержать их, а не жить на средства отца!»

Этот решительный отказ отца окончательно выбил его из колеи, он бросил круг своих знакомых, уединился и сделался угрюмым и задум-

чивым. Он жил с отцом, получая от него стол и 50 рублей в месяц на его личные расходы.

По всей видимости, его ипохондрия развилась от угнетающей мысли составить себе капитал и быть независимым от отца, и действительно он скопил к кончине отца 5 тысяч рублей от получаемых им 50 рублей в месяц, что показывает, что он на себя расходовал чрезвычайно мало. И вот из него, подававшего большие надежды, вышел тусклый, скучный человек, со всеми признаками душевной болезни.

Его сестра Софья Николаевна, изредка навещавшая Николая Николаевича, рассказывала: «Заставала его сидящего в его комнате, с надетой шубой, шапкой на голове и ботиках, с жалобами на отца, что его помещение плохо отапливается». Между тем Софья Николаевна уверяла, что в комнате было так жарко, что с ней чуть не сделалось дурно. Потом она была у него как-то во время обеда, Николай Николаевич жаловался, что отец его плохо кормит, в неделю по нескольку раз дает ему щи со свининой. Между тем Софья Николаевна уверяла, что обед был превосходный, хорошо приготовленный.

После кончины деда мне приходилось часто бывать у Николая Николаевича по общему с ним родовому наследству, и его странности меня в некотором роде забавляли. Николай Николаевич из дома, где он жил с дедом, переехал в дом, только что выстроенный перед самой смертью деда в черновом виде, а внутреннюю отделку производил Николай Николаевич. Он занял квартирку в три комнатки с кухней. В трех комнатах разместился сам, а в кухне поместил что-то вроде лакея, услужливого и, как казалось, хорошего человека. Квартира им была довольно уютно обставлена вещами, оставшимися от деда; громоздкие вещи им были проданы. На стенах висели портреты его предков, на шкапчиках стояли дорогие старинные французские бронзовые черные часы, канделябры, на окнах цветы, высокий фикус стоял в углу с крупными своими листами. Но через несколько месяцев вся эта обстановка превратилась Бог знает во что: засохшие цветы стояли без листьев, на ветвях фикуса висели домашние вещи, со штанами и шляпой; на столе стояла посуда, обыкновенно помещающаяся под кроватью, рядом с ней сахарница и вакса со щетками для сапог; на полу близ фикуса под висевшими штанами стояла грязная посуда с объедками, и на тарелке я заметил свесившийся носок; диван, кресла были завалены французскими книгами, нужно думать, взятыми Николаем Николаевичем у моего отца после его

кончины, о чем мне говорила матушка, жалуясь, что он не вернул их, как обещался; между книгами торчала кухонная посуда; картины висели вкривь и вкось, и все было покрыто толстым слоем пыли и бесчисленными окурками. Было видно, что комнаты никогда не убирались по строгому приказанию хозяина; понятно, лакей был доволен этому приказу и в точности его исполнял; все обязанности лакея были отпереть и запереть дверь, утром подать самовар, молоко и булку. Николай Николаевич уходил из дома в 12 часов и возвращался поздно домой, а потому лакей катался как сыр в масле, с установившимися хорошими отношениями между ним и хозяином. Но на горе лакея, к нему из деревни приехала жена и с дозволения Николая Николаевича осталась у мужа погостить. Как-то ее муж ушел по каким-то делам из квартиры, жена по любопытству отправилась посмотреть комнаты хозяина и, несомненно, пришла в ужас от всего, что она увидала; желая отблагодарить чем-нибудь хозяина, разрешившего ей пожить с мужем, она решила привести все в порядок: нагрела кипятку, вымыла полы, убрала окурки, уничтожила пыль, картины повесила прямо, предполагая, что Николай Николаевич оценит ее труды.

Но случилось как раз обратное: Николай Николаевич пришел в неистовство от такого порядка, немедленно прогнал лакея с женой и не мог после этого много месяцев успокоиться, жалуясь всем на произвол жены лакея, говоря: «Помилуйте! Какие теперь люди, разве с ними можно иметь дело!» — и т.д.

Одним словом, этот случай сделался для него idée fixe, и продолжал он жаловаться до нового какого-нибудь случая: по его мнению, несправедливого к нему отношения со стороны мирового судьи, которому он подал жалобу, а он оправдал виноватого, или на кондукторшу конки, не давшую ему сдачи за неимением у ней копейки, или на извозчика, сторговавшегося с ним за определенную цену, а, привезя, потребовавшего дороже... и тому подобное.

Когда он приезжал к кому-нибудь в гости, хозяйка, желая занять его разговором, начинала говорить о каком-нибудь событии, волнующем в то время общество, он ее перебивал, говоря: «Помилуйте, разве можно чем-нибудь волноваться, когда у нас теперь такие мировые судьи!» — если это случилось в то время, когда он был недоволен судьей, а если это случилось во время недовольства его кондукторшей, он опять говорил: «Помилуйте, разве теперь можно жить с конками, где имеются кондук-

торши, не желающие справедливо расплачиваться!» — и так далее. Хозяйка, видя, что он поехал на своем коньке, спешила отправить его за карточный стол, где он во время игры забывал свои навязчивые идеи.

После увольнения лакея Николай Николаевич больше не брал другого, а один из дворников дома — ежедневно в определенный час — приносил самовар, булку и молоко, звонил к Николаю Николаевичу, оставлял все принесенное у двери и уходил. Вносил в комнаты все сам Николай Николаевич, даже и дрова для печей.

Вскоре им был выстроен каменный трехэтажный дом[2] на земле, ему лично завещанной отцом, куда Николай Николаевич и перебрался в одну из квартир. Я зашел к нему, чтобы поздравить с новосельем, но он даже и меня не пустил на квартиру, говоря: «Извините, никак не могу принять у себя», — объясняя какими-то важными причинами, и пришлось с ним говорить на площадке лестницы второго этажа.

Больше я уже не заходил к нему на квартиру, если мне требовалось его видеть, то он весь день торчал в лавке Власова, торговца керосином, его съемщика. Он весь день стоял у дверей лавки, любуясь на проезжающих и проходящих, приходя в лавку только разве для того, чтобы урезонивать кухарок, покупательниц керосина, не обманывать своих хозяев, говоря: «Вот, я уверен, тебе сказали купить столько-то фунтов, а ты купила меньше на фунт, а деньги оставила в свою пользу!» — стараясь их навести на путь истины и разными другими словами и убеждениями. Жаловался мне Власов: «Многих моих покупателей отвадил от моей лавки; я готов ему платить втрое дороже за лавку, чтобы он только не ходил ко мне», — и нужно думать, армянин Власов ему об этом много раз говорил, и у Николая Николаевича создалась idee fixe, что Власов даже не прочь отравить, чтобы только не видать его у себя. Эта неотвязчивая идея особенно усилилась после того, когда Власов поднес ему в подарок бутылку кахетинского из присланной ему с Кавказа бочки этого вина. Николай Николаевич подарок от него принял, но пить вино не стал, а поставил на окне своей спальни. Через несколько дней он забыл об этой бутылке, и каким-то образом она упала и разлилась по подоконнику и полу и напитала вершковую пыль своей влагой. Николай Николаевич пожелал привести это место в порядок, начал стирать пятно, но даже, как он говорил, острая стамеска не могла счистить пятна на подоконнике, и им было решено, что Власов подарил вино с целью отравить его, чтобы он не ходил в его лавку, и, рассказывая об этом

мне, говорил: «Помилуйте! ведь этот мерзавец армяшка, несомненно, меня хотел отравить: я не мог даже стамеской счистить пятно, а если бы вино попало ко мне в желудок, то непременно я должен был умереть!»

Дом Николая Николаевича находился на бойком месте по Старой Басманной, второй от угла площади Земляного вала, где по известным дням бывал рынок. На площади Земляного вала много было трактиров, пивных, чайных денных и ночных, куда стекалось много подозрительных лиц, падких на легкий заработок. Странно замкнутая жизнь Николая Николаевича, конечно, была предметом частых разговоров между дворниками, лавочниками и другими лицами и обратила внимание лиц легкой наживы; в один из каких-то дней в тот час, когда обыкновенно Николай Николаевич уходил из лавки Власова, чтобы пообедать, подкатил лихач с двумя седоками к его подъезду, где он жил во втором этаже, и, не внушая своим видом подозрения, они прошли в подъезд. Пробыв там некоторое время, они вышли нагруженные мешками, быстро сели на ожидающего их лихача и уехали.

Вернувшийся Николай Николаевич нашел свой американский замок у двери сломанным, которому он придавал большое значение в его прочности, а в квартире дверцы шкафов, комодов и ящики в столах все открытые, вещи, белье, платье разбросанные на полу. Николай Николаевич побежал к дворнику с приказанием оповестить полицию; [полиция], немедленно явившаяся, приступила к составлению протокола, где было выяснено, что грабители искали денег и спрятанных процентных бумаг, выбрасывая вещи из шкафов, комодов и дойдя до ящика, где находилось грязное белье, жулики, нужно думать, чем-то напуганные, выбросили из ящика только верхний слой грязного белья, а на дне его лежали пачки процентных бумаг, и таким образом Николай Николаевич оказался спасенным от потери нескольких сот тысяч рублей. Грабители только успели захватить большое количество золотых и серебряных табакерок, старинных золотых монет, доставшихся ему от отца, столовое серебро и двое французских часов из черной бронзы художественной работы, купленных моим прадедом Марком Никитичем во время 1812 года, нужно думать, из дворца какого-нибудь очень важного и богатого барина.

Пристав, составлявший протокол, рассказывал мне: впервые пришлось видеть такую квартиру, как жил Николай Николаевич: пыль покрывала пол и все вещи по крайней мере на вершок, протоптанная тропинка шла от парадной двери к его кровати; когда он вошел в квартиру,

то фуражку, только что им купленную, положил на подзеркальник, она оказалась окончательно испортившейся от въевшейся в нее пыли, и ее не пришлось больше носить.

В начале 1890-х годов Николай Николаевич оказался в большом смущении: разгром квартиры, несмотря на крепкие американские замки, показал, что он не обеспечен от дальнейших таких же покушений, ссора его с армянином Власовым из-за мнимого покушения на жизнь его, а главное — в довершение всего — он мог очутиться сидящим в тюрьме из-за того, что на одну из его жалоб к мировому судье на одного из своих квартирантов было вынесено постановление об оправдании подсудимого, а жалобу Николая Николаевича признал судья недобросовестной, а такое решение давало право оправданному привлечь в свою очередь Николая Николаевича к ответственности, с угрозой посадить в тюрьму.

Все эти беды заставили Николая Николаевича решиться продать дом, о чем он сообщил мне, с предложением: не куплю ли я у него за 60 тысяч рублей. Я, не доверяя солидности и прочности стройки, отказался. Через несколько месяцев узнал, что он продал кожевнику Ивану Дементьевичу Реброву за 50 тысяч рублей, да еще дал ему право заложить этот дом от своего имени, с тем что вырученные деньги от залога поступают к Реброву, а он из них уплачивает ему 50 тысяч рублей. Ребров заложил в Кредитном обществе за 90 тысяч рублей и получил дом и еще 40 тысяч рублей*.

*Нужно сказать, что земля Николая Николаевича представляла очень неправильную форму клина, широкий ее конец по Старой Басманной выходил на Гороховскую улицу шириной меньше сажени, и этот конец представлял малую ценность за невозможностью что-либо на ней построить. Этот узкий конец земли был завален землею, вынутой при стройке дома Николаем Николаевичем, и образовался бугор, препятствующий стоку дождевой воды с моей земли из-за уклона в бугор, отчего у меня на пустопорожней земле образовался застой воды, которая разлагалась и портила воздух. Я приказал в бугре прорыть канавки, на что не было возражения со стороны Николая Николаевича. Но когда Ребров купил дом, его первое приказание было засыпать канавки, вследствие чего у меня опять начался застой воды, не имеющей никуда выхода.

И.Д. Ребров явился ко мне и в весьма резкой форме указал мне на скопление воды, с требованием, чтобы этого не было, иначе он примет меры, нежелательные для меня. Я попросил его разрешить прокопать канавки, как они были при Николае Николаевиче, он ответил: нет, он этого разрешить не может. Тогда я ему предложил: «Продайте мне десять двадратных сажень земли, она вам совершенно не нужна», — предполагая, что назначит мне цену тысячу, ну, по крайности, 2 тысячи рублей. Он с усмешечкой ответил: «Извольте, так и быть, за двадцать тысяч рублей я вам их продам». Я был поражен его нахальством, и мы расстались недовольные друг другом.

После продажи дома Николаем Николаевичем я с ним больше не встречался; мне его видеть не хотелось из-за боязни, что он мое посещение сочтет за заискивание в получении от него наследства, зная его болезненные мысли с навязчивыми идеями.

В 1902 году, будучи в Баку проездом в Среднюю Азию, получил телеграмму от Н.А. Найденова с извещением о кончине Николая Николаевича.

Вернувшись в Москву месяца через полтора, узнал, что Николай Николаевич сильно захворал и, будучи в бессознательном состоянии, был увезен его племянницей, а моей двоюродной сестрой Надеждой Ивановной Пановой к себе в дом, поручившей лечение его своему деверю доктору Владимиру Алексеевичу Панову[4], выдавшему нотариусу удостоверение, что Николай Николаевич находится в полной памяти и в здравом уме. Было составлено духовное завещание, где он оставляет все свои деньги церквам и монастырям, за исключением 50 тысяч рублей, поступающих Н.И. Пановой. Душеприказчиками были назначены обер-прокурор Св. Синода Победоносцев и Саблер. Как для меня, так и для многих других родственников и знакомых, знавших Николая Николаевича, было ясно, что Николай Николаевич при его взглядах на монастыри не мог оставить им свои деньги, он неоднократно мне гово-

---

Поверенный, к которому я обратился за советом, сказал: «Дом родовой, внесите в депозит Окружного суда пятьдесят тысяч рублей, что Ребров заплатил Николаю Николаевичу, и еще десять тысяч рублей на предполагаемые затраты на ремонт дома во время его владения, с представлением оправдательных документов на израсходованные им суммы». Я так и поступил. И.Д. Ребров явился ко мне уже не фоном[3], как это было при первой нашей встрече, у него был вид прибитый, с поджатым хвостом собаки. Он начал умолять меня о прощении за его поступок, отдавая мне 10 кв. сажень бесплатно, чтобы только я не отнимал бы дом у него. Наконец он зарыдал и бросился передо мной на колени. Видя его такое переживание, бывшее, несомненно, искренним, я пожалел его и сказал ему: «Я готов исполнить вашу просьбу, но все-таки вас накажу: вместо десяти квадратных сажень вы отдайте мне шестьдесят квадратных сажень с находящимся деревянным двухэтажным домом, кроме того, отнимаю у вас право иметь окна на мою землю, что было разрешено Николаю Николаевичу при совершении раздельного акта, и за все это уплачу вам две тысячи рублей». Он вскочил от радости и бросился меня униженно благодарить.

И.Д. Ребров, провладевши домом лет с десять, продал какому-то инженеру-строителю из евреев, как я слышал, за 160 тысяч рублей; инженер выстроил два каменных небольших дома на дворе и сломал особнячок, где жил мой дед, и на этом месте построил трехэтажный дом, с одним фасадом бывшего дома Николая Николаевича, и продал потом за 320 тысяч рублей, наживши на этой операции, как говорили, около 80 тысяч рублей.

рил: «Вы мой наследник», — да и по закону я им был. Советовали начать дело о расторжении духовного завещания, так как Николай Николаевич даже, как казалось при полном здоровье, был уже несомненно душевнобольной. Не желая быть обвинителем своей родственницы в уголовном преступлении, я не пожелал начать процесса. Надежда Ивановна еще при жизни была наказана за свой поступок: получив от матери дом и большую часть ее денег, она жила хорошо и в довольстве, но, поступив так с завещанием Николая Николаевича и получив 50 тысяч рублей, ее положение сильно изменилось, уже к 1912 или 1913 году она осталась без дома, без денег и очутилась в богадельне Купеческого общества имени Петра Алексеева, учрежденной в память ее дедушки, и была помещена в комнату, где она родилась, то есть в спальню ее матери, когда Алексеевы еще блистали своими богатствами[5]. Даже выданные ей опекунами 500 рублей на постановку памятника на могиле Николая Николаевича она не исполнила, что пришлось сделать мне, после того, как я увидал, в какой заброшенности была могила.

Я вспоминаю о Николае Николаевиче с большим уважением: при разделе родового имущества он мог бы легко обделить меня, оставив имущество за собой по оценке земли и строений городской управой, ценой, очень дешевой [в сравнении] с действительной стоимостью, по преимущественному праву старшего наследника, но он этого не сделал, хотя он мне и говорил о своем праве, а предложил сделать так: «Назначаю стоимость имущества по такой-то цене, если желаете, можете оставить его себе, уплатив мне мою часть по этой цене, если вы на это не согласны, то я оставляю по этой цене за собой!»

В общем Николай Николаевич был хорошим человеком, честных правил, но выбитый из жизненной колеи двумя отказами отца от удовлетворения его желаний. Он вместо того, чтобы отнестись к ним с христианской кротостью, с признанием, что отец был морально прав, затаил злобу в сердце и ею в течение долгого времени питался и ее развивал, и, как обыкновенно в таких случаях бывает, он воображал себя несправедливо страдальцем и в конце концов он наслаждался своим злобостраданием, и оно наконец перешло к неотвязчивым мыслям, близко граничащим с сумасшествием[6].

ГЛАВА 59

В Московском Торгово-промышленном товариществе был покупатель Алексей Васильевич Смирнов, имеющий в деревне Ликино фабрики[1]. Когда я познакомился с ним, ему по виду можно было дать 60 лет. Он был крепким человеком и, нужно думать, с сильным духом и твердой волей. Его серые проникающие глаза глубоко сидели в черепной коробке, и в них совершенно не было заметно переутомления, с ясным и немного лукавым взглядом. С его худощавого лица с большим горбатым носом, узкой бородой и тощего, высокого, но здорового тела можно было нарисовать монаха-аскета, если нарядить его в рясу. Говорил он спокойно, но чувствовалось, что он принимает в сердце все близко, и, когда приходилось задеть у него какую-либо слабую струнку, он краснел и, смеясь, говорил: «Ну, что ты говоришь! Пожалуй, можно о себе на самом деле подумать, что все это так!» Про него можно было сказать купеческими словами: «на кривой не объедешь». Костюм А.В. Смирнова очень напоминал одежду, носимую в то время разжившимися подрядчиками, лавочниками и церковными причетниками, обыкновенно носившими длиннополые сюртуки с картузами на голове или мягкими фетровыми шляпами в летнее время, заслужившими долгой ноской хорошую о себе память.

В летнее время, спеша на дачу в свое имение, мне приходилось встречать Алексея Васильевича шествующего на Курский вокзал, на станции которой в Бутове в имении купца Михайлова он жил на даче; имение Михайлова было рядом с моим. Признаюсь, мне было крайне неприятно проезжать мимо Алексея Васильевича на своем рысаке, управляемом красавцем кучером Василием, считавшимся единственным в Москве по своей красоте и осанке, а главное, ничего не пьющим хмельного; меня всегда смущала роскошь моего выезда перед почтенным и скромным в своей жизни стариком, обладателем больших миллионов и очень популярным среди мануфактурщиков.

Я останавливал лошадь и очень просил Алексея Васильевича [разрешить] довезти его до вокзала. Он садился, но, ехидно улыбаясь, гово-

рил: «Спасибо, только, право, тебе будет неловко ехать со мной! Я замараю своей обувью твой экипаж!»

Нужно думать, Алексей Васильевич, желая отблагодарить меня за мою любезность, пришел ко мне на дачу с визитом в то время, когда огородник принес в корзине собранные им из парников огурцы. Это приблизительно было в первой половине мая. Он с усмешкой спросил меня: «Огурчики обошлись тебе небось по десяти рубликов — не меньше?»

Познакомившись с моими детьми, он поведал: «Имею удовольствие видеть пятое поколение Варенцовых!» Он рассказал, что, будучи почти таких лет, как были мои дети, он часто ездил в Москву из своей деревни Ликино на лошади со своим отцом, продававшим выработанный товар, а из Москвы нагружали телегу разными товарами для своего изделия. Отец его и он были коренными покупателями у моего прадедушки Марка Никитича и после его кончины остались покупателями у моего деда и отца, а теперь мне приходилось иметь с ним дело по хлопку.

От одного из его родственников мне пришлось узнать кое-что из жизни А.В. Смирнова. Отец Алексея Васильевича был крестьянин деревни Ликино, приблизительно в конце тридцатых и сороковых годах того столетия имел у себя в избе несколько ткацких станов и на них вырабатывал льняные полотна, а потом перешел на хлопчатобумажную пряжу. Старик Смирнов, трезвый, трудоспособный и умный, скоро составил некоторый капитальчик, давший возможность поставить самоткацкие станки, и начал вырабатывать очень ходкие товары, составив этим себе репутацию дельного фабриканта. Его сын, Алексей Васильевич, продолжал дело отца, усовершенствуя и улучшая производство. Жена Алексея Васильевича оказалась ему большой помощницей; про нее говорили, что она знанием ткацкого дела не уступала своему мужу и во время его отсутствия вела фабрику с таким же успехом. И уже в конце прошлого столетия Алексей Васильевич составил себе большое состояние, давшее возможность выстроить хлопчатобумажную фабрику.

А.В. Смирнов был фанатичным старообрядцем, не выносившим православных, но с ним случилось удивительное происшествие, после чего он перешел в православие и сделался врагом старообрядчества. Рассказывали, что Алексей Васильевич серьезно захворал, лежал в своем доме в деревне Ликино, лечившие его доктора признали его положение безнадежным. Он долгое время находился в бессознательном состоя-

нии. Было это с ним в летнее время, когда обыкновенно из года в год чудотворная икона Божьей Матери, находящаяся в каком-то из близлежащих монастырей, ежегодно носилась по соседним деревням. Ее встречали в деревнях с особым почетом, в селах — со звоном, с облаченным духовенством и почти всеми православными жителями, совершавшими перед своими домами молебствия. В это время начинался перезвон колоколов и продолжался все время вплоть до выхода иконы из села.

При благовесте колоколов Алексей Васильевич очнулся и спросил жену: почему звонят? Она отвечала, что никониане[2] встречают икону Божьей Матери. «Пригласи к нам в дом и отслужи молебен», — сказал Алексей Васильевич. Его жена, будучи таковой же заядлой старообрядкой, пришла в ужас, испугавшись, что он рехнулся от болезни. Алексей Васильевич ей сказал: «Пригласи — и я выздоровлю. Во сне видел явившуюся ко мне Богородицу, сказавшую: “Иду в ваше село, прими меня в доме, отслужи молебен, и ты выздоровеешь”».

Его просьба была исполнена на удивление всего села, знавшего его отношение к православию. Вскоре после этого здоровье Алексея Васильевича начало поправляться, и он выздоровел. После чего он перешел в православие и сделался таким же нетерпимым к старообрядцам, как раньше он был к православным. Выстроил, как мне пришлось слышать, больше десяти церквей в разных местах губернии, где была нужда в них.

В 1905 году было на Бирже общее собрание выборщиков для избрания председателя Биржевого комитета вместо отказавшегося Н.А. Найденова. Было двое кандидатов занять эту должность — Григорий Александрович Крестовников и Павел Павлович Рябушинский, последний был старообрядцем. Алексей Васильевич, будучи на собрании как выборщик, подошел ко мне и сказал: «Скажи! Неужели выберут Рябушинского? Ведь это стыд! Старообрядец будет стоять во главе купечества, как будто нет достойных православных!»

Из этих фраз можно было видеть, что Алексей Васильевич всю свою страстность в вероисповедании перенес даже на общественные дела.

Алексей Васильевич был один из последних славных купцов, постепенно исчезающих из круга московского купечества. Он, имея большое состояние, жил скромно, расходуя на себя весьма мало, довольствуясь тем обиходом, к которому он привык, без всякого желания потщеславиться. В какой сумме простиралась его благотворительность, мне не-

известно. Вся его благотворительность делалась по заповедям Христа: «Пусть одна рука не знает, что делает другая»; без всякого желания за нее получить благодарность от имеющих власть, раздающих чины и ордена.

Он, имея много сотен тысяч рублей годового дохода, жил в скромном доме в Москве, на Большой Алексеевской, несколько летних годов жил на даче в Бутове, уплачивая за дачку рублей 400, и некоторым из живших там с ним в соседних дачах пришлось видеть его гуляющим по парку в 5 часов утра, когда он был вполне уверен, что все крепко спят. Алексей Васильевич в туфлях и халате изливал свои чувства благодарности к Создателю всего во время раннего чудного летнего утра, с пронизывающими лучами солнца, проникающими сквозь листву деревьев, оживляющими растительность, с упоительно душистым воздухом и пением, щебетанием птиц. Мне об этом пришлось слышать от московского купца Николая Дмитриевича Ершова, соседа по даче, прогулявшего всю ночь в Москве и вернувшегося на дачу с первым утренним поездом. Ершов, рассказывая об этом, старался представить старика в смешном виде: распевающего старческим фальцетом молитву «От юности моея мнози борят мя страсти...»*.

---

*Рассказывая этот случай со Смирновым, вспомнил рассказ известного московского подрядчика Мирона Алексеевича Пантелеева, строившего у меня дом. Он рассказал о Мещерине, создателе большого фабричного предприятия «Даниловской мануфактуры». Свою карьеру Мещерин начал в роли простого артельщика в какой-то фирме; будучи энергичным, умным и внимательным человеком, Мещерин вскоре понял дела этой фирмы, начал самостоятельно заниматься таковым же делом и постепенно составил большое состояние. Его благополучию многие из его конкурентов завидовали, стараясь ошельмовать Мещерина, приписывая его богатства плутням и недобросовестным делам.

Пантелееву пришлось много строить у Мещерина, и между прочим он строил ему дом где-то на Ильинке, где помещалось мещеринское подворье. Пантелеев говорил, что на всех постройках, которые в то время начинались всегда рано, часов в 5 утра, он всегда заставал Мещерина на стройке. Однажды, столкнувшись с Мещериным на лесах, разговорились, и в это время послышался звон бубенчиков мчавшейся лихой тройки, везущей какого-то пьяного купца. Мещерин узнал ехавшего и назвал его фамилию, сказав: «Мой конкурент, старающийся особенно распространять про меня слухи о моей недобросовестности в наживе. Ты видишь меня ежедневно на стройке приходящего раньше твоих рабочих, а в девять часов утра пойду отпирать свой амбар и пробуду в нем вплоть до окончания работы, а после запорки опять буду на стройке, и так я это проделываю ежедневно, кроме праздников. А этот господин, прогулявший всю ночь в загородных кабаках, возвращающийся оттуда в пять часов утра, только ляжет спать; хорошо будет, если он попадет в двенадцать или час в свой амбар, да какой же он работник от вчерашнего угара, с больной головой! И он удивляется, почему у него не идут дела так успешно, как у меня!»

Я не помню год смерти Алексея Васильевича Смирнова. В храме была торжественная обедня, с отпеванием, при участии большого количества духовенства во главе с каким-то важным архиереем, проявившим свою монашескую скромность сильным опозданием прибытия к началу службы, заставившим все собравшееся духовенство и народ, пришедший почтить усопшего, долго ожидать начала службы, а потому обряд кончился очень поздно, утомив всех до чрезвычайности.

У Алексея Васильевича осталось двое сыновей; старший занимался торговым делом, а младший, Сергей Алексеевич, кончивший университет, стал известен тем, что во время Керенского был в числе министров Временного правительства.

ГЛАВА 60

В описываемое мною время среди московского купечества пользовалась известностью фамилия Бахрушиных. Предки Бахрушиных были татары из города Зарайска; принявши христианство, перебрались жить в Москву. Занялись кожевенным делом, потом выстроили суконную фабрику[1]. В конце восьмидесятых годов прошлого столетия я застал во главе их фирмы трех братьев: Василия, Александра и Петра Алексеевичей. Они отличались дружбою между собой, с преимущественным уважением к старшему брату Василию Алексеевичу[2], которому строго подчинялись. Неутомимым трудом и скромным образом жизни старались давать пример своим детям.

Дела их шли весьма успешно, но москвичи не могли себе представить их богатства по скромности и сдержанности их жизни, хотя они жили в своих особняках и, быть может, больших размеров, но не бросающихся в глаза роскошью отделки, а потому не вызывали зависти у других. Ездили в простых экипажах, в таких, какие обыкновенно были у купцов средней руки. Мне ни разу не пришлось видеть кого-либо из этих братьев Бахрушиных в больших модных ресторанах или сидящих в первых рядах кресел во время особых театральных представлений.

Они предпочитали тихую семейную жизнь, собираясь друг у друга во время семейных торжеств: молодежь танцевала, играла в игры, старшие вели беседу, изредка играя в карты по маленькой. Когда дети их подросли и пора было думать о замужестве и женитьбе, тогда эти собрания участились, начали быть еженедельно по воскресеньям попеременно у каждого из братьев, с приглашением знакомых.

В дни праздничных гуляний Бахрушины любили их посещать, что всегда делали пешком. В ходьбе они были неутомимы; бывало, 1 мая, когда богатые москвичи выезжали в Сокольники или Петровский парк на своих рысаках, братья отправлялись туда пешком и, побывав в Сокольниках и Петровском парке, возвращались обратно к себе в Кожевники, где они в то время жили. То же они проделывали и на масленице; бывало, поевши блинов, выйдут на Садовую и пройдут ее всю

кругом, заходя еще в места, где происходило катание, и вернутся домой к чаю.

Стали Бахрушины известны, когда они начали делать громадные пожертвования на разные городские благотворительные дела, сыпавшиеся как из рога изобилия. Мне неизвестна общая сумма их пожертвований, но, как пришлось слышать, она выражалась во многих миллионах рублей, что-то выше десяти. Причем, жертвуя на какое-то благотворительное дело, они брались лично руководить стройкой, и всегда такие постройки выходили городу гораздо дешевле и лучше, чем если бы производила их Городская управа.

За их щедрые пожертвования Московская городская дума поднесла им звание почетных граждан города Москвы[3]. Других же наград со стороны правительственных ведомств они не добивались и не стремились получить. С лицами, имеющими с ними дела, обращались очень просто и дружелюбно, без всякой надменности с их стороны.

Я был знаком со всеми братьями Бахрушиными, но больше всего с Александром Алексеевичем, с которым приходилось часто ездить по Курской железной дороге и беседовать.

Как-то ко мне пришел в правление Московского Торгово-промышленного товарищества Александр Алексеевич с просьбой посоветовать: купить ли им фабрику Юлиуса Берлейна, находящуюся в городе Серпухове? Я ему посоветовал не покупать: фабрика не славилась хорошим оборудованием, требовала еще больших затрат денежных, притом чувствовался в этот момент перелом в бумагопрядильном деле в худшую сторону, и хозяин ее спешил сбыть с рук. Александр Алексеевич мне сказал: «Нам приходится думать о других каких-нибудь делах, так как у каждого из братьев имеются дети и у детей тоже есть взрослые дети, всем в нашем деле становится тесно, а потому и приходится думать о других делах». Я ему посоветовал подождать некоторое время, несомненно, не спеша, при затишье бумагопрядильного дела может выйти случай более выгодной и удачной покупки.

Во второй раз мне пришлось иметь с ним объяснение по следующему случаю: однажды ко мне зашел Н.И. Решетников и сообщил, что у него имеются некоторые неофициальные отношения к лицам, близким к великому князю Сергею Александровичу и великой княгине Елизавете Федоровне, и ему пришлось слышать, что известная в Москве графиня Келлер, близкая к великой княгине, обвиняет Александра Алексеевича

Бахрушина в неправильном присвоении на торгах ее имения в Подольском уезде[4], бывшего в залоге у Бахрушина, благодаря неправильным приемам и способам, за сумму крайне дешевую; между тем это имение очень ценное благодаря залежам бутового камня в земле по реке Пахре, и она оценивает его миллионами рублей.

Решетников просил меня поставить об этом в известность Александра Алексеевича и предупредить, что против него ведется кампания у великого князя Сергея Александровича графиней Келлер с целью административного давления на Бахрушина, чтобы получить обратно имение графини Келлер, как неправильно закрепленное за ним на торгах.

Я передал Александру Алексеевичу все, что мне пришлось слышать от Н.И. Решетникова. Нужно только было видеть, какое действие произвела моя передача на этого почтенного и честного купца: лицо его изменилось, глаза заблестели гневом, и он с горячностью мне ответил: «Я не добивался, чтобы имение осталось за мной, оно осталось только потому, что не нашлось других желающих дать за него дороже, чем была моя цена. Я заявлял графине Келлер и теперь заявляю через вас, что с удовольствием отдаю ей обратно имение, если она заплатит сполна сумму, выданную ей под залог имения, и все произведенные мною расходы по ремонту дома в имении, и я большего ничего не желаю».

Причем он мне рассказал, что графиня Келлер явилась к нему лично и очень упрашивала выдать под залог ее имения известную сумму. Он долго от этого отказывался, но согласился только после того, как она заверила его, что у ней имеется покупатель и скоро она его продаст. Но прошло много времени, она имение продать не могла; пришлось ему ждать долгое время, и после многих напоминаний ему пришлось пустить [имение] с торгов, чтобы получить обратно свои деньги, но на торгах не оказалось желающих заплатить за него дороже взятой у Бахрушина ссуды.

Потом мне пришлось узнать, что графиня Келлер — тип выродившейся аристократки, не отличавшейся умом и благородством. Ее кто-то надоумил пошантажировать богатого купца, с надеждой, что он испугается ее близости с великим князем и ей удастся что-либо у него выманить.

Третья моя деловая беседа с А.А. Бахрушиным была по поводу вступления его капиталом в образующееся товарищество для издания большой политической газеты в Москве[5]; на таковую мою просьбу он категорически отказался, мотивируя тем, что в их деле имеются лица с разными взглядами и направлениями на политику, а потому им не понравится

такое вступление в дело, не подходящее к их воззрениям, из-за чего могут быть недовольства, что, понятно, для него нежелательно.

Бахрушины в Москве считались большими скрягами, но в действительности этого не было, что видно из их громадных пожертвований. Пожертвования они делали без желания получить для себя лично какие-либо выгоды, причем они кроме денег иногда брали на себя труд наблюдения за постройками, производимыми на пожертвованные ими деньги, отдавая свое знание, опыт с целью сберечь каждую копеечку из пожертвованной ими суммы.

Незадолго до своей кончины старший из братьев, Василий Алексеевич, призвал своего сына и спросил: «Будешь ли доволен суммою три миллиона, которую я тебе завещаю?» Сын его Николай Васильевич был холост и страдал душевной болезнью (манией преследования), он ответил отцу, что вполне доволен этой суммой. Из этого вопроса к сыну можно было понять, что значительную часть капитала Василий Алексеевич после своей смерти оставил на благотворительные дела.

К Бахрушиным очень применима хорошая пословица: «Добрая слава под столом лежит, а дурная по дорожке бежит». Их умеренная жизнь, с наименьшими затратами на свои прихоти, истолковывалась как жадность к деньгам, скряжничество. Эти слухи распространялись и укреплялись в головах многих лиц. Так, мне рассказывал мой знакомый, бывший учитель гимназии, потом сделавшийся профессором университета, Михаил Александрович Боголепов, ему случайно пришлось попасть на Трубную площадь в воскресенье, где по этим дням происходила торговля собаками. Он подошел к маклаку, продававшему овчарку какому-то господину, в это время подошел сюда же весьма полный господин с бритым энергичным лицом и спросил маклака: «Почем продаешь?» Маклак, оскаля зубы, ему ответил: «Для вас эта собачка дорога будет, не подходяща!» Полный господин махнул рукой и отошел. Маклак, обратившись к оставшимся, сказал: «Московский миллионер, известный жидомор[6] Бахрушин, ему собака подойдет не дороже рубля».

Другой мой знакомый, [Демидов], с возмущением рассказывал: «Был вчера в театре, в антракте в фойе встретил Николая Петровича Бахрушина, с ним разговорился, смотрю: он вытаскивает из своего брючного кармана яблоко и подносит его мне с милой улыбкой. Я, конечно, отказался и демонстративно при нем же подошел к буфету, где купил себе яблоко, этим дав понять ему: как не стыдно такому миллионеру

таскать с собой яблоки, только чтобы не переплатить в буфете какие-то гроши».

Между тем, как я уверен, маклаку пришлось сказать так грубо Константину Петровичу Бахрушину поневоле, из-за боязни, что Бахрушин, как опытный и практичный человек, услыхав запрашиваемую за собаку цену, обыкновенно назначаемую во много раз против действительной стоимости, ответил бы ему подобающе, и этим мог бы расстроить продажу с торгующимся с ним лицом, и маклак был уверен, что К.П. Бахрушин отойдет от него.

Демидов же осуждал Н.П. Бахрушина за предложенное яблоко, что объясняю только завистью к богатому человеку. Николай Петрович, как расчетливый человек, не любил пускать пыль в глаза, покупал фрукты во фруктовой лавке. Яблоки ему обходились по 4—5 копеек за штуку, а в театре за таковое же яблоко пришлось бы платить рубль. Демидов, осуждающий Н.П. Бахрушина, в то же время, как потом обнаружилось, не стеснялся обкрадывать своих хозяев, а потому ему платить по рублю за яблочко чужими деньгами не было жаль.

Из трех братьев Бахрушиных младший, Петр Алексеевич, обращал внимание своим видом крепкого и сильного человека, напоминающего кряжистый дуб, казалось, ему не будет века, а между тем он скончался гораздо раньше своих братьев, оставив свое состояние трем сыновьям — Дмитрию, Николаю и Константину. Дмитрий тоже скончался рано[7], и его состояние перешло к его детям, с которыми я не был знаком.

Николая Петровича и Константина [Петровича] я знал хорошо, особенно Николая Петровича, с которым был довольно дружен, видаясь с ним почти ежедневно на Бирже и завтракая за одним столом в ресторане гостиницы «Националь», кроме того, зимой бывали два раза в неделю по очереди друг у друга, чтобы поиграть в карты по маленькой в винт. Знаком с Николаем Петровичем был давно, но близко сошлись с 1907 года, когда он приобрел дом почти рядом с моим, и знакомство продолжалось вплоть до его кончины в 1927 году. В эти года я мог видеть всю его жизнь и понять его характер. Впечатления о нем остались самые лучшие, он не был коварен, и на слова его можно было положиться. Отличался религиозностью, но не был ханжой. Семью воспитывал отлично своими жизненными примерами; оставшись вдовцом, когда он был в полной силе, вел себя безукоризненно. Старался привести детей рассказами о разных случаях в своей жизни и в жизни других лиц к сознанию о ничтож-

ности каждого человека без Божьей помощи, каковая только возможна при вдумчивом и любовном отношении ко всем тебя окружающим. Его наставления, а главное, строгое отношение к себе, несомненно, повлияли на них и поддержали их во время тяжелых переживаний во время революции, сделав их людьми со стойким духом.

Проживая с ним подряд несколько лет в Одессе[8], даже некоторое время в одной комнате, мне пришлось слышать от него интересные рассказы о его отце и дядях. Рассказы его были очень интересны в бытовом отношении тех времен, к сожалению, значительная [их] часть исчезла из моей памяти. Он рассказывал, как его отец не угрозами или наказаниями приводил детей к сознанию необходимости исполнять его приказания и подчиняться его словам. Непременным приказанием было посещение церкви каждый праздник к ранней обедне, со вниманием слушать все читаемое, стоять прямо, не вести разговоров и не оглядывать окружающих, а свой ум и чувства со вниманием вкладывать в святые слова.

Николай Петрович рассказывал: когда его дяди вызывали кого-нибудь из них к себе в кабинет, никогда ни один из них не осмеливался сесть при них, а выслушивали их распоряжение стоя, хотя некоторые из вызываемых были уже почтенные по годам, имея на плечах за 50 лет. И так все это велось вплоть до кончины стариков, причем все это делалось племянниками лишь из-за глубокого уважения к дядям за их большие труды по созданию их благополучия. Если дяди находили необходимым сделать какое-нибудь пожертвование, то они обыкновенно призывали племянников от умершего брата и объявляли им: «Мы решили пожертвовать столько-то и туда-то, не будете ли вы против этого?» И ни разу, говорил Николай Петрович, не последовало отрицательного ответа от нас, обыкновенно отвечавших: «Вашему решению вполне подчиняемся и сочувствуем ему». Такое было их уважение к дядям, к создателям их денежного благополучия.

У Александра Алексеевича осталось два сына, младший из них прославился составлением театрального музея[9]. С ним я не был знаком, а потому сказать что-нибудь определенное ничего не могу, но почему-то у меня сложилось отрицательное отношение к этому театралу-любителю, объясняю это только тем, что мне пришлось быть случайным слушателем его разговора с парикмахером, приводившим его волосы в порядок в парикмахерской. Из его повествований, произносимых с апломбом,

у меня осталось впечатление как о поверхностном и с большим самомнением человеке, с большим сознанием своих дарований.

Старший его брат Владимир Александрович, с которым я был знаком, и мне с ним приходилось беседовать в вагоне при совместных наших поездках к себе в имения. Он был либерального образа мыслей, но, как мне казалось, без искреннего чувства к либерализму, а скорее, из-за моды, чтобы сделаться более популярным среди окружающих лиц, так было модно это течение особенно во время годов, близких к революционным годам.

Владимир Александрович и Николай Петрович Бахрушины были женаты на двух родных сестрах, дочерях известного чаеторговца Сергея Васильевича Перлова[10]. Эти сестры были примерные семьянинки и хорошо воспитывали своих детей, а потому можно было думать, что из их детей выйдут в будущем выдающиеся деятели.

ГЛАВА 61

Мне приходилось много совершать разных поездок по России из-за моих коммерческих дел. Поездки меня не отягощали и не утомляли, и я смотрел на них скорее как на возбудителей моей энергии. Потом мне пришлось много путешествовать за границей, и одна из таковых поездок, совершенная в 1899 [году] в середине декабря в Египет, оставила долгую память по тем переживаниям, которые пришлось испытать от всего виденного и слышанного. Этот год был особенно благоприятен по моим торговым делам: в Азии хлопковые операции закончились очень рано, к середине декабря у меня руки были развязаны, и я со спокойным духом отправился в Египет, приурочивая свое путешествие к подысканию солидной иностранной фирмы для получения через нее хорошего качества египетского хлопка. Выехал туда с В.А. Капустиным, о котором я уже писал в воспоминаниях о путешествии по Средней Азии.

День выезда из Москвы в Одессу был морозный, солнечный, выбранный с расчетом попасть на пароход «Чихачев» Добровольного флота[1], совершавший рейс через Константинополь в Александрию. Приехав в Одессу, узнали, что порт замерз, а потому пароходы выйти в море не могут без помощи ледокола, который должен через день или два прибыть в Одессу, чтобы пробить лед около пароходов и вывести их из порта.

Пришлось остановиться в гостинице и дня два поскучать, сидя в своем номере, от неимения знакомых в этом городе и невозможности гулять по городу от скверного северо-восточного ветра, покрывшего ледяной корой мостовые и тротуары. Еще при проезде с железнодорожной станции до гостиницы наблюдалось поминутное падение лошадей и пешеходов.

Обедал в ресторане гостиницы, где в это время был занят лишь столик нами и какой-то молодой красивой дамой; я поинтересовался узнать от распорядителя ресторана: какая обыкновенно бывает продолжительность времени замерзания порта? Он успокоил меня, сказав, что как только придет ледокол, то скоро отправимся, причем, указав на сидящую с нами даму, прибавил, что эта дама, едущая во Владивосток, будет задержана в Одессе значительно дольше, так как пароход, отправляю-

щийся на Дальний Восток, не пришел еще в Одессу, нужно думать, из-за бурь в Черном море. Дама оказалась француженкой, живущей всегда во Владивостоке; у нас завязался общий разговор, она довольно хорошо говорила по-русски, а меня заинтересовала жизнь на Дальнем Востоке и город Владивосток, куда собирался я поехать, чтобы побывать в Японии. Француженка оказалась разговорчивой, нужно думать, также сильно скучающей быть одной в своем номере. Она рассказала, между прочим, что делается на нашей дальней окраине, без всякого стеснения называя фамилии русских генералов, с их хищениями, кутежами с безумными тратами. К сожалению, я в настоящее время фамилии наших героев-хищников забыл, да притом и рассказы казались для меня такими фантастичными, что я про себя думал: может ли это быть на самом деле у нас, при нашем режиме? Владивосток она бранила, говоря: летом нестерпимая жара, дышать нечем, зима холодная, как у вас в России; город наполнен проходимцами, стремящимися только поскорее подработать, не стесняясь ничем.

Я ей задал вопрос: «Зачем же вы возвращаетесь туда?» Она ответила: «Я тоже жить хочу и пользоваться всеми ее благами, там легче зарабатывается, чем где-либо в другом месте; во Владивостоке деньги шальные, ими швыряются».

По виду и по разговору француженки было видно, что она довольно образованная и не принадлежит к типу общедоступных кокоток. Она не высказалась, каким делом она занята, но говорила, что ей приходится часто ездить в Петербург, в Одессу, что входит в программу ее работы.

Потом, когда началась война с Японией, то я понял, что француженка была агентом Японии по снабжению сведениями о всем том, что делалось у нас в высших административных сферах, среди известных генералов армии, флота и управления. Ее осведомленность о всем, что делается у нас на Дальнем Востоке, меня сильно в то время поразила, но мог ли я думать, что эта элегантная дама шпионка? Мог ли кто-либо в то время подумать, что нам придется воевать с маленьким государством Японией, что она решится на это?

Судили об Японии в то время по интересному путешествию Гончарова, описанному во «Фрегате "Паллада"»[2]. Россия казалась непобедимым колоссом, с ее 180 миллионами жителей. Так судили многие из нас, квасных патриотов, получая все сведения о России из газет, придавленных сильным гнетом цензуры.

Наконец, после двух дней сидения в гостинице, нам сообщили, чтобы мы ехали на пароход к пяти часам вечера и пароход после этого скоро тронется в путь.

Пароход «Чихачев» оказался отличным судном, с превосходными каютами. Пассажиров первого класса было немного, на обеде этого дня публики было мало, и обедали даже в отсутствии капитана парохода, [тогда] как принято обыкновенно быть ему председательствующим за table-d'hôte[3]. Часов в 8—9 тронулись в путь при сильном тумане, с ревом сирены и при звоне колокола. Впереди шел ледокол, пробивая лед своим могучим носом, а за ним тянулась вереница пароходов, в том числе и наш.

Начавшееся путешествие было неприятное: двигались медленно, с ревом сирен и звоном колоколов со всех выходящих пароходов, что нас, неморяков, сильно угнетало, давая понять, что мы находимся под опасностью налета какого-нибудь парохода на наш.

Я ушел скоро спать, на палубе было быть неприятно из-за тумана, а в рубке — скучно за отсутствием публики. Заснул скоро.

Проснулся утром рано при ярком солнце, врывающемся в круглые окошечки каюты.

Спустившись в рубку, чтобы напиться чаю, мне пришлось сесть с каким-то господином, сидевшим со своей молодой женой. У меня начался с ними разговор, из него я узнал, что он едет в Иерусалим на службу на должность уполномоченного русского правительства. Алексеевы оказались очень симпатичными и милыми компаньонами и собеседниками. Он хорошо знал Средиземное море, так как много раз плавал по нему, будучи ранее моряком и капитаном военного судна. Алексеев (к сожалению, его имя и отчество забыл) был нашим путеводителем по всем городам, где подолгу останавливался наш «Чихачев». Его советами и указаниями нам удалось по возможности осмотреть все достопримечательности в сравнительно короткие сроки. После наших обедов за table-d'hôte мы вчетвером усаживались за отдельный столик, куда спрашивали подать вина и фруктов. Фрукты были чудные по своей нежности, сочности, и обыкновенно большая ваза была уничтожаема нами; таких фруктов в России мы иметь не можем, по невозможности перевезти их из-за их нежности.

Проводимые вечера в разговорах были крайне интересны: Алексеев, путешествовавший неоднократно вокруг света, был неистощим по своим воспоминаниям.

У меня остался в памяти его рассказ об Индии, где он, будучи в каком-то городе, видел интересный фокус: факир взял клубок ниток, бросил его вверх, клубок полетел по воздуху, всё поднимаясь, когда поднялся на большую высоту, факир приказал мальчику, бывшему с ним, лезть по нитке, мальчик полез и добрался до самого клубка, где начал его заматывать, и спустился с ним вместе на землю. Алексеев предполагал, что факир действовал на зрителей гипнозом, так как бывшие с ним моряки с военного судна имели фотоаппараты и засняли, но после проявления на фотографии не получилось изображения мальчика на воздухе с клубком ниток.

В то время, когда мы осматривали Константинополь, наш пароход наполнился публикой, в нем поместилась какая-то египетская принцесса со своей большой дамской свитой (как принцесса, так и ее свита держались обособленно, и им даже накрывался стол отдельно) и наш бывший министр внутренних дел Горемыкин со своей женой; Горемыкины во время table-d'hô te сидели за общим столом со всеми пассажирами, они были весьма любезны и обходительны с сидящими с ними рядом. У меня лично установились с ними хорошие отношения, и на палубе и во время обеда пришлось с ними много беседовать. Узнал: министр, оставив должность, поехал отдыхать для поправления своих нервов в Константинополь по железной дороге, где гостил у своего друга, русского посла в Константинополе, некоторое время, а теперь от него едет в Каир, где думает провести несколько месяцев до начала жары. Его жена меня несколько раз приглашала к себе в гости и дала свой адрес, где они предполагали остановиться; то же самое было и в Каире, когда я с ними встретился на улице. Но для меня такое высокое знакомство было тяжело, я думал: могу ли я внести им что-нибудь интересное своим присутствием? И решился к ним не ехать.

Горемыкины своим присутствием на пароходе внесли в наше питание значительное улучшение: кормить нас начали очень хорошо, это стало сразу заметно всем пассажирам, выехавшим из Одессы.

На первом обеде с Горемыкиными нам подали отличные устрицы, по уверению Алексеевых, сидевших со мной рядом, как раз против Горемыкиных. Горемыкины, Алексеевы наложили свои тарелки полностью устрицами, я же отказался, тогда Алексеевы настойчиво начали убеждать, чтобы я их попробовал, что это блюдо — верх удовольствия. И Алексеев взял мою тарелку и положил в нее столько, сколько вместилось.

Я решился попробовать и сделал так же, как другие: подрезал и подцепил устрицу специальным ножичком, выжал лимон и отправил ее в рот. И испытал ужасное, неприятное положение: проглотить устрицу не могу из-за отвращения к слизнякам, у меня получились в горле спазмы, и я чувствую, что если я ее проглочу, то придется, пожалуй, бежать из-за стола, а выплюнуть на тарелку при всей почтенной публике было бы верхом неприличия; наконец, употребив всю силу воли, проглотил устрицу, не получив ни малейшего удовольствия от этого деликатеса. И моя тарелка, наполненная устрицами, целиком перешла Алексеевым, так как я больше пробовать решительно отказался*.

Описывать города, осмотренные нами во время остановки парохода для разгрузки и нагрузки товаров, я не буду: имеются описания, раньше хорошо составленные, да и наш беглый осмотр не оставил у меня долгой памяти.

Открывшийся вид на Константинополь поразил меня: панорама была восхитительная при солнечном, ясном и теплом дне, но когда войдешь в город, то грязь его с бесконечным количеством нищих и собак сразу разочаровывают тебя, особенно при надоедливом выпрашивании бакшиша, без которого турки, казалось, жить не могут.

Главная улица — Пера наполнена роскошными магазинами и кафе, с бесконечным количеством публики всех национальностей. Бывший собор св. Софии по постройке очарователен, но содержался в то время весьма грязно; стены его внутри обвешаны как бы плакатами, но оказалось, это были разные изречения из Корана. Были в церкви с находящимися там мощами св. Варвары Великомученицы, но, быть может, я наименование святой — к моему стыду — перепутываю[4]. Но что меня удивило: перед церковью имеется площадка, обставленная скамейками, занятыми взрослыми, присматривающими за детьми разных возрастов;

*Горемыкин по возвращении из Каира занял высокое положение в правительстве. Кстати, расскажу о печальной кончине Горемыкиных. Во время революции, в 1918 или 1919 году, они переехали жить в Сочи, поместясь у своих родственников; когда обедали на балконе дачи, были окружены бандитами с целью грабежа, как говорили потом в городе, бандиты их убили. Это мне передавал Юрий Константинович Киртбая, племянник моей жены, в то время бывший мальчиком, и он был свидетелем этого происшествия. Говорят, главари этого преступления были пойманы и расстреляны.

Горемыкин в моем представлении был, несомненно, весьма умным, очень честным и хорошим человеком, но, мне казалось, он не обладал сильным духом и волей, а потому можно было думать, что не он правил старшим составом министерства, а, пожалуй, они им.

дети эти играли большими группами под апельсиновым деревом, усыпанным большим количеством фруктов. Мне невольно пришла мысль: могло ли бы у нас в России существовать фруктовое дерево с плодами там, где играют дети? Я уверен, наши дети не дали бы долго оставаться плодам на дереве, они были бы оборваны, с поломанными ветвями. В день, когда я записывал это свое воспоминание, мне пришлось на Покровке покупать огурцы у какой-то крестьянки, я ей сказал: «Зачем ты так рано огурцы срываешь, они очень еще малы?» Она мне ответила: «По необходимости приходится обрывать, иначе детки оборвали бы». — «Неужели ты не можешь детей воспитать так, чтобы они у тебя не крали?» — «Да я говорю не про своих деток, моим я не запрещаю рвать, сколько хотят, но дети-соседи обрывают в то время, когда я ухожу на работу, а потому и приходится утром обирать все огурцы, хотя бы они и маленькие».

Обратил тоже [внимание], когда был в Каире, отъехав довольно далеко от города, увидал громадные фруктовые сады с мандариновыми и апельсиновыми деревьями, как мне сказали, принадлежащие хедифу[5]. И сады эти даже не были огорожены заборами, а лишь отделялись от дороги небольшим земляным валиком.

Мне пришлось жить в Германии в Вейсерхирше, близ Дрездена, где дороги все были обсажены грушевыми деревьями, и в то время, когда я был там, под каждым деревом лежало много падали груш, и ни разу не пришлось видеть, чтобы кто-нибудь из детей поднял грушу, хотя это было очень удобно сделать из-за отсутствия сторожей. Когда я задавал по этому поводу вопрос: а у вас фрукты не таскают? — вопрошаемый с большим недоумением на лице смотрел на меня как на человека, немножко рехнувшегося: для него так был странен мой вопрос.

Что в Германии не воруют, это еще можно объяснить их большой культурностью, но турки, где культура, я не думаю, чтобы была выше нашей, как добились они этого?

Франция тоже культурная страна, но мне пришлось видеть на юге Франции, как в одном из глухих переулков какого-то местечка молодая, с виду интеллигентная девица или дама обрывала розы через забор чужого сада, с риском испортить руку от торчащих в стене битых стекол.

Из этого можно сделать вывод, что не образование уничтожает скверный порок воровства, а хорошее нравственное воспитание детей с самого раннего возраста владеть своими желаниями и чувствами.

В Афинах осматривали Акрополь с историческим языческим храмом, возвышающимся над всем городом, откуда любовались на дивный вид

на море, город и окрестности. Прошлись по главным улицам, с многочисленными кофейнями, битком набитыми экзальтированными, горланящими греками с газетами в руках, старающимися переспорить друг друга. Мне представилось, что то же было во время св. апостола Павла, проходившего по Афинам, когда он сказал о них: «Афиняне ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое» [6].

Смирна — азиатский город, не оставивший у меня большого впечатления, отчасти похож на Бухару, но менее оригинален.

В Александрии пришлось расстаться с милыми Алексеевыми, они поплыли до следующего порта, мы же, окруженные толпой проводников, выбрав из них симпатичного араба, хорошо говорящего по-русски, сели на ожидающий экипаж от гостиницы «Аббат». Несмотря на новые впечатления, я был угнетен расставанием с Алексеевыми: путешествие сближает людей, и было видно, что и им было грустно расставаться с нами. Алексеевы очень звали нас приехать в Иерусалим, снабдили друг друга подробными адресами. Приехавши в Москву, я получил от них несколько писем, ответил, но тем все наше знакомство и закончилось. Больше я их не видал.

От гостиницы «Аббат» у меня осталось в памяти, что обед и завтрак в 12 часов дня были довольно плохи, мясо и птиц подавали нарезанными малюсенькими кусочками, годными только для одного глотка. На одном из обедов американец, не замечая ужаса, выраженного в лице метрдотеля, сложил на свою тарелку половину поданной утки и скушал ее с большим аппетитом. Фруктов же подавали большое количество, и могли брать, сколько кто хочет, оставляя вазы с фруктами перед вами; бананы были очень питательны и ароматны и неизмеримо вкуснее привозимых в Россию. Мое питание в Египте главное составляли фрукты, чем я весьма был доволен.

Утренние завтраки (ланч) бывали чрезвычайно обильны, подавали чай, кофе, какао, кто хотел, шоколад; на столе стояли разные варенья, мед, сливочное масло, яйца, и, если вы желали, подавали горячее и холодное мясо, ветчину, сыр и поджаренный горячий хлеб и фрукты.

Вечером перед сном я зажег свечу и поставил ее на стол, стоящий перед окном, а сам же отлучился на полчаса из комнаты, заговорившись в коридоре с моим попутчиком; когда вернулся в свою комнату, от свечи остался маленький огарочек, так как за мое отсутствие подул самум[7]

и своим знойным дуновением уничтожил свечу, несмотря на то что окно было закрыто ставней; на столе и на полу скопились налеты песка. В это время года самумы бывают слабые, что же бывает тогда, когда он действует в полном размере? — подумать жутко.

Мое путешествие в Египет было предпринято не только с целью посмотреть эту интересную страну, но, главное, подыскать солидного продавца египетского хлопка, в котором так нуждалось наше Товарищество, а потому прежде всего занялись отысканием лица из имеющихся у нас известных фамилий хлопковых торговцев. Для чего и пришлось за справками о их солидности обратиться к так называемому «русскому консулу».

Консулом были приняты немедленно и, как мне показалось, с некоторым недоумением в лице, а вернее сказать, с волнением; он никак не мог уяснить себе, для чего он мог понадобиться русским купцам, никогда не навещавшим его ранее с торговыми целями. Какой национальности был консул, я разобрать не мог: не то грек, француз, еврей, армянин, но только не русский. Он носил феску и не говорил по-русски, ведя с нами разговор по-французски; с виду был симпатичный старичок, принявший нас очень любезно, угостил турецким кофе, но деловых, полезных нам сведений дать не мог; он, как я думаю, сам ничего не знал и в торговых делах разбираться не мог.

Меня всегда удивляло, что наше правительство не применяло консулов к развитию русской торговли, с целью облегчить купцам завязывать торговые отношения, давать торговые справки и тому подобное. Этот старичок консул исправно доносил, как мне кажется, нашему правительству разные сведения, получаемые им из газет местных и из официальных сведений, помещаемых в коммерческих журналах, тем его работа завершалась, если не считать — что, понятно, я только предполагаю, а не утверждаю — рассылку к Новому году мешочков с египетским кофе тем чиновникам департамента, от которых зависит его положение как консула.

Пришлось остановиться на одном греке — Родоканаки, с которым Товарищество имело раньше изредка некоторые дела. Впечатление [он] оставил на меня довольно хорошее после его посещения, и мы с ним завязали отношения, и он сделался нашим поставщиком египетского хлопка навсегда.

Родоканаки потом приезжал несколько раз в Москву летом, конечно, главное, с желанием с нами поближе познакомиться и сблизиться,

а кроме того, как он говорил сам, желая увидать Москву в снегу и предполагая, что снег в Москве лежал лето и зиму.

Мы Родоканаки угостили хорошим обедом, стараясь дать такие блюда, какие у нас считались за деликатес: ботвинья с балыком и осетровой тешкой, но он проглотил одну ложку, и по лицу его было видно, что получил такое же удовольствие, как я от устриц: тарелку отодвинул; увидав, что кушанье ему не понравилось, велели подать стерляжью уху, и она на него произвела такое же действие — тарелку тоже отодвинул. Это мне напомнило, как было однажды со мной в Марселе. Угощающий меня француз сказал: «Угощу вас замечательным внусным местным кушаньем — супом беабу». Подали беабу из разных морских рыб и моллюсков. Пришлось есть его, чтобы не обидеть француза, но, правду сказать, это блюдо было для меня крайне противно из-за его моллюсков, на которые особенно указывал мой француз и ими восхищался.

Наконец Родоканаки был удовлетворен куриным супом.

В Александрии меня поразил роскошный сад из тропических деревьев, принадлежащий греку Антониадису, как говорили, он получил этот сад от хедифа в подарок за поставку красивых женщин, особенно угодивших хедифу. Сад был расположен сравнительно недалеко от центра города на большом участке земли. Часть этой земли была отведена под огород, дававший Антониадису громадный доход, остальная часть земли занята была декоративным чудным садом, с изумительно красивыми тропическими пальмами громадных размеров, как, например, цикасами, панданусами, латаниями, арека санидами и с массою других, мне не знакомых наименований[8]. Особенно мне понравились многоствольная акация и ауракария, отчасти напоминающая нашу лиственницу. Деревья и пальмы раскинули свои перистые листья на большое пространство, образовывая декоративные группы.

При входе в ворота этого чудного сада очутились в аллее роскошных пальм, приведшей нас на площадку, где стоял двухэтажный дом, по архитектуре не представляющий ничего особенного, но что меня поразило: одна из его сторон была вся красная, а другая синяя; вглядевшись, увидал, что дом был покрыт вьющимися растениями со сплошными цветами красного и синего цвета — это удивительно было красиво. На огороде кроме разных овощей росли рощи банановых деревьев, с высоко растущими широкими листьями, со спускающимися гроздьями бананов. Сад этот произвел на меня неизгладимое восхищение как на любителя дендрологии.

Я здесь же купил громадную банановую гроздь, срезанную при мне. Приказал запаковать в решетчатый ящик, прикрепив гроздь к верху ящика, чтобы не смялась; она поехала со мной в Москву, доставив мне много хлопот, но я был доволен, что мог показать детям, как растут бананы, видевшим их впервые. Бананы в Москве появились в продаже через несколько лет после моей поездки, раньше о них публика не имела понятия.

Когда я был в Египте, англичане вели войну с бурами[9], но в Египте совершенно не чувствовалось войны, только напоминали [об этом] стоящие в Александрийском порту военные английские суда, перегруженные войсками и орудиями, зашедшие в этот порт перед проходом через Суэцкий канал.

Между прочим, наш будущий политический деятель Александр Иванович Гучков в этом же году был у буров и воевал против англичан, где и был ранен.

В Александрии, закончив с Радоканаки и осмотрев город и некоторые окрестности, решили поехать в Каир, столицу Египта.

Каир — один из самых дорогих и лучших курортов, куда стекаются со всего мира самые богатые люди. Для приезжих имеется все самое лучшее, с отличными гостиницами и разными развлечениями.

В этот год, как я был в Египте, приезжих было мало из-за войны англичан, как главных посетителей Египта, отсутствующих из-за своего патриотизма, не желая в годину бедствия их родины получать удовольствие вдалеке от своей страдающей родины.

Англичане отлично знали, что война их с бурами крайне непопулярна в Европе. Газеты всех стран издевались над ними, как над хищниками, уничтожающими количеством малый, но с сильным духом народ. Буры заставили англичан нести большие жертвы людьми и деньгами, но издевающиеся другие государства над англичанами ничем не помогли бурам, разве только газетным шумом, что можно сравнить с кукишем, показываемым из своего кармана.

ГЛАВА 62

Каир представляет из себя маленький Париж, очень красивый и изящный город, с широкими тротуарами, площадями в европейской части города, обсаженными пальмами. Жить зимой в нем очень приятно: днем температура 16^0 тепла по R, ночи холодные, вечное почти солнце, дожди бывают очень редко, а потому дома строятся с плоскими крышами. Город изобилует кофейнями, с расставленными на тротуарах столиками, между которыми снуют торговцы с разными товарами местных изделий, особенно с цветами, продающимися по чрезвычайно дешевой цене: так, за большой букет чайных редких сортов роз платил по 50 копеек, покупал букеты ежедневно во все время, пока жил в Каире, вынося на ночь на балкон номера, чтобы избавиться от одуряющего запаха цветов; со свежей клубникой, уложенной в изящные плетеные корзиночки стоимостью 20 копеек.

Движение по улицам оживленное, в изящных экипажах сидят разряженные туристы, приехавшие отдыхать; между экипажами снуют экипажи местных жителей и ослики, нагруженные поклажами и с сидящими феллахами[1]. Вечное солнце, чудная природа, благоустроенный город — все способствует хорошему и веселому настроению, хочется жить и наслаждаться среди суеты толпы с ее криком и смехом.

Городской сад превосходно и чисто содержится, наполненный чудными тропическими деревьями, красиво сгруппированными, с вечнозелеными листьями; с красивыми прудами и с гротами.

Из сооружений выделяется большая мечеть Магомет-Али с минаретами в мавританском стиле[2], с тонкой ажурной скульптурной работой внутри здания, с решетками на окнах, изящно и красиво исполненными. Внутренность мечети окружена колоннадой, и каждая колонна представляет шедевр искусства; посередине двора мечети находится большой фонтан, тоже художественно исполненный. Через Нил имеется мост со стоящими при входе статуями львов на высоких гранитных пьедесталах.

Каирский музей известен всему миру собранием в нем древних редкостей необычайной ценности. При музее имеются учебные кабинеты в

виде громадных зал, с расставленными столами, с сидящими учеными-археологами из всех стран Европы, занимающимися переводами [текстов] с каменных глыб и досок на свои родные наречия в специальные особые книги.

В то время, когда я был, музей продавал всем желающим разные вещи, вырытые из старинных могил фараонов и других известных в то время лиц. Можно было купить мумии, бронзовых божков, древнюю посуду домашнего употребления, светильники, бронзовые украшения, скарабеев и много еще разных вещей, бывших у доисторических египтян в употреблении и находившихся в земле около 5000 лет. Я кое-что купил и привез в Москву. Через несколько лет после моего посещения таковая продажа частным лицам была воспрещена и предоставлено право продавать только общественным музеям.

Около Каира осматривал питомник страусов, где имеются громадные стада их. Этот питомник принадлежит частному предпринимателю, извлекающему доход от страусовых перьев, идущих для дамских боа и шляп, и страусовых больших яиц, охотно раскупаемых как украшение. Заведение поставлено образцово и имеет даже больницу для птиц.

Из Каира ездили смотреть пирамиды и сфинксов по отлично мощенной дороге, обсаженной могучими фикусовыми деревьями, с громадными кронами, непроницаемыми для лучей солнца.

Три пирамиды и сфинкс, громадные сооружения, еще издалека привлекают взор своей могучестью и силой исполнения. Как только подумаешь, что эти сооружения были построены пять тысяч лет тому назад при помощи одних рук и самых простых приспособлений, невольно удивляешься египетским зодчим и преклоняешься перед ними. Камни, употребленные для сооружения пирамид, имеют в толщину и ширину почти полроста крупного человека; чтобы забраться на вершину пирамид, требуется помощь трех сильных и здоровых арабов: [два] схватывают за руки и третий поддерживает сзади; с частыми отдыхами путешественник доставляется на верх пирамиды, причем спускаться с пирамиды гораздо тяжелее и труднее. Я не решился подняться из-за своего костюма, уверенный, что он обратится в лохмотья после подъема и спуска, а костюм у меня был один, и в нем нужно было сделать еще большое путешествие.

Насколько грандиозны эти сооружения, можно было видеть из того, что высокий араб, поднявшийся к уху сфинкса, казался нам, стоящим внизу, маленькой мушкой.

Кругом пирамид на далекое пространство тянутся пески, что делает вид пирамид грустным и подавленным отсутствием растительности.

Невдалеке от пирамид устроен отличный ресторан каким-то предпринимателем, куда во время завтрака набивается публика туристов.

Осматривал рынок, расположенный на окраине города; как и все малоазиатские рынки, наполнен изобилием глиняной посуды, сделанной по моделям еще добиблейского времени; овощами, фруктами, и в разных частях рынка разбросаны группы овец с хозяевами-пастухами, держащими в руках высокие посохи, имея на голове чалмы и одетые в халаты. На рынке, что меня удивило, была полнейшая тишина, без шума и крика, весь торг шел без суеты и спокойно.

Меня прельстили декоративные ветки с маленькими мандаринами, и я их купил, чтобы сделать из нескольких веток букет, могущий украсить мою комнату своей темно-яркой зеленью и желтыми крошечными плодами, но после осмотра рынка отправились осматривать какую-то достопримечательность, находящуюся довольно далеко от города. От тряски экипажа мандарины начали осыпаться, и я ими ради шутки начал бросать в моего компаньона, едущего в другом экипаже. У него был такой же букет из прутьев мандарин, и он начал в свою очередь бросать в меня; когда мандаринов осталось мало на ветвях, то кто-то из нас попробовал один из них, оказались по вкусу замечательными, гораздо сочнее и слаще, чем крупные; мы пожалели о нашем легкомыслии, надеясь, что опять сможем купить их, но уже больше найти их не могли.

На меня оставила приятное впечатление церковь коптов, устроенная в земле еще первыми христианами; церковь малюсенькая, но крайне уютная и симпатичная, по преданию, устроена на том месте, где жило святое семейство[3]; рядом с церковью растет старое полузасохшее дерево, посаженное св. Иосифом, как уверяли, в продолжение этого времени его вырубали, но оно от корней давало новые отростки, делавшиеся опять большим деревом.

Был на острове Родо, где, по преданию, был найден св. Моисей[4].

Мимоходом любовались цитаделью — небольшой крепостью, расположенной в городе, с малочисленным гарнизоном английских солдат, держащим весь Египет в своих руках. Видели у ворот крепости расхаживающего часового, с гордой походкой, одетого в шотландский мундир, с тросточкой под мышкой, и больше не было заметно у него оружия. Мундир показался немного комичным, и воин скорее походил на танцора

из балета. На голове его был пробковый шлем, окутанный белой тонкой марлей, костюм состоял из коротенькой курточки по пояс, с погонами на плечах и из юбки до колен шотландского образца в клеточку, впереди висела кисть, колени ног были голые, потом шли гетры с башмаками.

Решили поехать по Нилу до первого катаракта[5], а если будет возможно, то и дальше. Сели на пароход, специально приспособленный для туристов и их багажа; пароход напоминал мне волжский общества «Зевеке», он был тоже трехэтажный, в нем было несколько зал, уютно и комфортабельно обставленных; одна зала для танцев и концертов, другая для писания писем и чтения и третья для курящих и еще большая столовая, и каждому пассажиру полагалась отдельная каюта. Пароход принадлежал известному английскому обществу «Кук» («Cook & S»), специально устраивавшему путешествия по всему свету, где бы мне ни приходилось бывать, везде был «Кук», которым я часто пользовался. «Кук» хотел устроить свои конторы и в России, но требовал от правительства определенную скидку с проезда пассажира по железным дорогам, но наше правительство с этим не согласилось, и дело расстроилось. На пароходе все было приурочено к удобству путешествующих: еда производилась в часы с расчетом, чтобы туристы не могли пропустить интересных мест для осмотра.

Было несколько проводников, дававших публике объяснения по истории Египта и его этнографии. У нас был свой проводник-араб, взятый еще в Александрии, дававший объяснения только нам на русском языке.

Еще при самом начале моего путешествия по Египту я был очарован всеми получаемыми впечатлениями от этой дивной страны и уже тогда решил вести записи вроде дневника, чтобы в будущем можно было бы составить воспоминания о своем путешествии. В Александрии у какого-то фотографа нашел карточки с видами всех египетских достопримечательностей и решил ими воспользоваться для двоякой цели: на обороте фотографий писать в конспектном виде все переживаемое и их отсылать в закрытом виде в Москву детям, с предупреждением, чтобы они карточки сохранили до моего приезда. Детьми мое желание было исполнено, и [фотографии] были в полной сохранности мне вручены и все время лежали в укромном месте, ожидая приведения в исполнение моего желания, но в революционное время во время моего отсутствия из Моск-

вы все бумаги были вытащены и уничтожены, то же случилось и с египетскими фотографиями, за исключением двух карточек, из которых увидал стоимость букетов роз, клубники и еще что-то — иначе можно ли запомнить такие мелочи!

Крупные же мои впечатления, оставившие у меня след до старости, я опишу: в Мемфисе видели две статуи, издающие по утрам звуки; по уверению нашего и других проводников, что звуки эти бывают в действительности, но разобрать их могут только те лица, каковым они предназначены. Больше от Мемфиса у меня в памяти ничего не осталось.

На месте старых Фив все знаменитые сооружения в развалинах, и на месте этого большого города расположены два селения Луксор и Карнак, между ними находятся полуразрушенные грандиозные храмы с поражающей величественной архитектурой. Египетские храмы не состоят из одного большого сооружения; он состоит из нескольких частей: приделанных одно к другому грандиозных зданий, сделанных с целью для увековечения царствования последующих фараонов.

От некоторых храмов в развалинах, оставшихся сравнительно сохранившимися, приходишь в крайнее изумление: громадные обелиски из цельного камня сиенита[6], громадные статуи Рамзеса II стоят как исполины, поддерживающие перекрытие храма. Колоннада Луксорского храма изумляет своей величиной, и поражаешься силой таланта, сооружавшего ее[7]. Храмы Луксорский и Карнакский[8] соединены старым шоссе, с боков украшенным рядом сфинксов, лежащих на гранитных пьедесталах. Можно было себе представить, какова была жизнь в этом большом городе с водопроводом, а следовательно, и с богатой растительностью, окружавшей эти величественные здания, всю красоту и прелесть этого города с его монументальными постройками.

Оставшиеся полуразрушенные стены и колонны храмов все испещрены фигурами богов, фараонов с их охотами, с жертвоприношениями, войнами и другими выдающимися событиями того времени.

Храм Хену сохранился довольно хорошо, его портал совершенно цел, и это дает возможность судить о красоте храмов, и невольно поражаешься, как могли люди того времени создавать такие монументы и с такими несовершенными инструментами, какими они много тысячелетий тому назад обладали, поднимать громадной величины камни в несколько тысяч пудов весом на высоту 8—10 сажень.

В Едфу мы поднимались на высокие стены храма[9] по внутренней лестнице, откуда любовались Нилом, возделанными полями, пальмо-

выми рощами; люди внизу казались маленькими букашками: так была велика высота этого храма. Весь этот храм создан из громадных глыб тесаного камня.

Изумительная панорама, открывшаяся с этой стены храма, привела нас в неописанный восторг, и, спустившись с нее, мой компаньон В.А. Капустин, нужно думать, от перенесенного удовольствия дал нашему проводнику-арабу золотую монету в подарок. Но так как В.А. Капустин в продолжение всего нашего путешествия все свои желания сдерживал, то у араба составилось о нем понятие как о скупом человеке; к моему крайнему удивлению, я увидал, что араб, получив такой презент, пришел в особый раж: он начал выделывать своими ногами разные пируэты и одновременно целовать золотую монету. Я его спросил: «Что это с вами, почему вы целуете монету?» — «У нас, у арабов, есть поверье: если скупой человек дает золото, то его скорее целуй — и будешь богатым», — отвечал он*.

---

*Владимир Арсеньевич Капустин был сын богатого купца Арсения Михайловича, составившего состояние торговлей; раньше — до своей торговли — он был приказчиком у фабриканта Молчанова, после закрытия Молчановым своего дела он завел свое с несколькими компаньонами. Арсений Михайлович был крайне осторожный купец; составив состояние, он прекратил дело и жил на проценты со своих капиталов. Понимая важность образования, он детям давал хорошее образование и воспитание, а потому один из его сыновей, Владимир Арсеньевич, был довольно хорошо образован и воспитан; по моему мнению, Владимир Арсеньевич был в душе эпикурейцем[10], много думал, читал и пришел к выводу выработать у себя силу воли и твердость характера, с полным желанием подчинить себе свои чувственные желания. Он изучил хорошо три иностранных языка, сделался довольно хорошим музыкантом на виолончели, увлекался фотографией, и его фотографические снимки были одни из лучших, какие мне пришлось видеть в моей жизни, сравнивая его с другими любителями. Все эти занятия доставались ему, несомненно, с большим трудом и терпением. Он работал в Московском Торгово-промышленном товариществе под моим руководством, и я видел, что он мог бы сделаться незаурядным работником на коммерческом поприще и мог иметь большой заработок. Но коммерческая деятельность его не увлекала, он боялся, что она втиснет его жизнь в узкие рамки повседневности и сделается для него малоинтересной в смысле умственных и душевных наслаждений. Он хотел многое видеть, знать, во многих местах побывать, все перечувствовать, но для этого нужны хорошие материальные средства и свободное время, никаким определенным занятием не стесняемое.

Обращаться к своему отцу за помощью он не желал, зная старинные взгляды отца по этому предмету: «Стремишься жить, то прежде всего иди работать, накапливай средства, а потом ими пользуйся».

Для Владимира Арсеньевича, как человека слабой физической конструкции, с его запросами разума и души, всецело погрузиться в добывание средств почти было невозможным. Он некоторое время работал, но в конце концов бросал ее и за это время скопленные им деньги от работы употреблял на путешествия, какие он делал довольно час-

Мы плыли на пароходе по Нилу при чудной погоде, с дивным воздухом, любовались панорамами, хотя довольно однообразными, но для нас интересными и увлекательными: с замечательно обработанными землями, напоминающими по ровности бильярд с зеленым сукном, дающими жатву три раза в год, с допотопной перекачкой воды из Нила при помощи буйволов с завязанными глазами; хлопковыми полями с выглядывающими коробками с белым волокном из темной зелени кустов; [смотрели] на стада овец с их пастухами, державшими в руках высокие

то, на покупку книг, музыкальных инструментов, аппаратов по тем предметам, которые его интересовали. Понятно, значительного сбережения он сделать не мог, ему приходилось сдерживать свои желания во многом. Лицам, мало с ним знакомым, как, например, этому арабу, казалось, что он скуп и даже жаден.

После смерти отца он получил довольно хорошее наследство, что дало ему возможность построить зимнюю дачу в имении Леоново в выделенной ему части по наследству, дачу хорошо обмеблировал, развел отличный сад и тем создал для себя приятный и уютный уголок, наслаждаясь одинокой жизнью.

Мне пришлось читать его описания имения Леоново[11]; описано оно было живо и красиво, и я мог заключить, что он не бросит писать своих записок о всем им виденном и пережитом, и они должны бы быть интересны.

У меня до сего времени остался в памяти рассказ о бывшем с ним случае в Нью-Йорке. Проживая там в какой-то из громадных многоэтажных гостиниц, поместился в самом верхнем этаже этого высочайшего дома. Владимир Арсеньевич вместо того, чтобы спуститься вниз в специальную для фотографии комнату, решился заняться проявлением пластинок у себя в номере, пользуясь громадным железным шкафом, предназначенным для хранения вещей съемщика комнаты. Он рассчитал, что он свободно поместится в этом шкафу для проявления пластинок, с полной уверенностью, что свет не проникнет в него. Так он и сделал, но не предусмотрел, что дверь имеет самозапирающийся запор и он при малейшем подвижении внутрь может захлопнуться и ему выйти оттуда не будет возможным. И действительно, дверь захлопнулась, когда он неосторожно ее придвинул во избежание проникновения света. В положении он очутился ужасном: он знал, что может в нем не задохнуться в течение 30 минут, не больше, и его спасение зависит от горничной-негритянки, приходившей по утрам убирать комнату, причем она уборку начинала иногда с комнат, находящихся рядом с его номером, а иногда с другой стороны, тогда она попадет в его комнату нескоро и он задохнется. Он передавал: «У меня помутилось в голове от переживаемого ужаса, я чувствовал, что начинаю с трудом дышать, холодный пот выступил на лбу и я упаду без сознания. Но, слава Богу, дверь отворилась, горничная вошла, но опять вопрос: как ей дать знать, что я в шкафу?» Негритянки трусливы, суеверны, она, услышавши стук в шкафу, испугается и бросится из номера в контору вниз, и пока она с управляющим гостиницы вернется обратно, он будет уже труп. Владимир Арсеньевич решился легко и с промежутками стучать. Негритянка догадалась и открыла шкаф[12].

Кончина В.А.Капустина была трагическая: в революционный 1918 год он летом жил в Леонове, ночью услыхал, как выламывают дверь его дачи, отворил форточку и начал свистеть, желая этим обратить внимание прохожих на его положение. Грабители, услышав свист, выстрелили в окно, и он утром на другой день был найден мертвым.

посохи; на высокие финиковые рощи пальм с мохнатыми верхушками, некоторые из них достигают высоты до 20 сажень; на идущих за водой женщин с кувшинами ветхозаветной формы на плечах; на чередующиеся селения феллахов с плоскими крышами; на плывущие мауны, наполненные мешками с зерном и хлопком. Невольно я припомнил свое детство, когда зазубривал историю Ветхого Завета по книжке с картинками тех же видов.

Жизнь людей Египта бежала тысячелетиями, а феллахи по Нилу, как мне казалось, были те же, что жили 2—3 тысячи лет тому назад.

Пароход наш останавливался на всех тех местах, где было что-нибудь интересное для осмотра. Но постоянная беготня по развалинам многих утомляла из публики туристов; плывя несколько дней, уже осматривали только то, что было особенно интересно, некоторые развалины пропускали, оставаясь на пароходе. В одну из таковых остановок, когда туристов осталось довольно много на пароходе, мне пришлось наблюдать следующую картину: из соседней деревни, лежащей близ пароходной пристани, сбежались почти все жители, осматривающие нарядную публику с парохода. Среди них стоял изумительно стройный, красивый молодой туземец, он настолько был интересен, что не хотелось оторвать от него глаза: мне в течение моей жизни не приходилось видеть таких красивых и изящных мужчин — это был Адонис, любимец богини Венеры. Он стоял, облокотясь на посох, совершенно голый, имея только пояс у бедра, и без всякого смущения осматривал туристов, оскаливая свои необычайной белизны зубы. В свою очередь и все туристы смотрели на него с восхищением, даже англичанки всех возрастов, отбросив всякий шокинг, устремили на него глаза и любовались им с волнением на лице и глазах, на его богоподобное создание тела. Я подумал: даже англичанки, с малолетства приученные скрывать свои внутренние чувства, не могли этого сделать здесь.

Приехав в город Ассуан, находящийся в 30 верстах от тропика Рака[13], мы остановились в гостинице «Кук», очень чистой, хорошо оборудованной, но без канализации и водопровода, пользовались пудрклозетом. При гостинице был чудный сад с редкими тропическими деревьями и кустами.

На одной из таких остановок ездили на вершину Ливийского хребта, бывшей границы древней Палестины. Поездка совершалась на осликах, и попавшийся мне был одним из самых крупных; сначала все было благо-

получно: я ехал на нем и чувствовал себя хорошо, но, проехав некоторое расстояние, вдруг мой осел упал подо мной, и сколько проводники ослов его ни били, он все время проделывал то же самое, и мне при жаре 30° пришлось идти пешком, обливаясь потом. Когда добрались до гробницы царицы Тити, как мне вспоминается, сравнительно недавно открытой, а потому хорошо сохранившейся, у меня остались приятные впечатления от осмотра домашних, бытовых приспособлений жизни, бывших несколько тысяч лет тому назад. Наш проводник-араб сказал, что можно было бы отсюда поехать осмотреть какие-то гробницы, но дорога туда плоха и трудна. Я, измученный пешим хождением, уже не решился ехать туда, но видел, как две почтенные англичанки, томимые любопытством, ехали на верблюдах туда в сопровождении только одного провожатого, причем по виду этим двум дамам вместе нельзя было дать менее 150 лет.

Приехали в тропики Рака. Мне вспоминается поездка на какой-то остров, покрытый богатой тропической растительностью, где находился очень красивый и сохранившийся храм, выстроенный из порфира и гранита, к сожалению, я его наименование позабыл. Подъезжая к нему на лодке, увидал, как изящно-красивая козочка на тоненьких ножках выскочила из зарослей растений на берег, остановилась как вкопанная перед нами, осмотрев нас своими милыми и добрыми глазками, скакнула и скрылась в зарослях дебрей.

При начале нашей поездки по Нилу мы мечтали от тропиков Рака поехать по Нилу дальше, чтобы осмотреть Нубию, сравнительно редко посещаемую туристами, а в Ниле посмотреть крокодилов, где они еще не вывелись благодаря нечастым рейсам пароходов. Но оказалось, что поездка очень трудна и требовала продолжительного времени; ехать туда нужно с особыми проводниками и со своим питанием, то есть что составит целую экспедицию с большими хлопотами, пароходы хотя и ходили там, но не регулярно, а по мере надобности. Пришлось оставить свои мечты, и решили вместо парохода обратно вернуться по железной дороге, в чем очень раскаялись, сидя в душных, пыльных вагонах и тая от жары. Благодаря тому, что поехали по железной дороге, мы имели возможность в Вене прожить больше, чем это предполагалось, с целью после перенесенной нами жары побыть в умеренном климате, а не сразу поехать в Россию, где мы еще попали бы на 20-градусные морозы, что вредно бы подействовало на наше здоровье — из температуры +30° на температуру —20°.

Приехав в Александрию, мы остались там очень недолго, и, приобретя места на пароходе австрийского Ллойда, идущего прямым рейсом в Триест, мы, провожаемые г-ном Родоканаки и проводником-арабом, заняли свои каюты на пароходе. Пароход оказался очень хорошо, комфортабельно устроенным, по величине, красоте отделки и по всем удобствам был лучше нашего «Чихачева».

Настал час нашего отбытия, распрощались с нашими провожатыми, с уверенностью, что я скоро опять приеду в Египет, оставивший у меня такую приятную память, но мое желание не осуществилось, и еще раз в Египте мне не пришлось быть.

Немногочисленные пассажиры первого класса сгрудились на палубе, махая платками, шляпами оставшимся на пристани родным и друзьям; я же любовался городом и припоминал о проведенном времени в этой милой стране. Пароход удалялся от берега, уже стали неясны контуры лиц провожающих, пассажиры разбрелись по каютам, и я один остался сидеть на палубе с моей соседкой, бальзаковских лет англичанкой. Она, как только села со мной рядом, принялась кушать мандарин, потом апельсин, с методичностью отрывая ломтики от фрукта, клала в рот; скушавши их, принялась за банан; в это время пароход вышел из порта, и сразу началось легкое покачивание; я старался не обращать на него внимание, предполагая, что с некоторой силой воли удастся побороть неприятное чувство качки. Банан англичанки распространил свой приятный аромат, так нравившийся мне на суше, здесь же сделался противным и меня начал мутить, я задавал себе вопрос: как эта англичанка уничтожает бананы, когда один их запах делается мне неприятным? Пересел от нее подальше, но запах банана меня преследовал, и я решил уйти в каюту.

Лежа в каюте, думал: в моих путешествиях по морям до сего времени все мне благоприятствовало — я не испытал качки ни на Каспийском, ни на Черном море, ни на Средиземном, проехав от Одессы до Александрии, как по реке, а между тем было бы хорошо испытать качку ради понятия этого ощущения. И мое желание исполнилось: я испытал такую трепку на этом пароходе, что у меня на всю жизнь отбило охоту ездить по морям и океанам. На море волнения все усиливались, началась сильная трепка, слышу: падает какая-то посуда, бьется, летят наконец какие-то тяжести, беганье матросов по палубе и прислуги по каютам. Я лежал почти в полусознательном состоянии и думал: тонуть так тонуть скорее,

а не испытывать этих мучений! Открывается дверь каюты, входит лакей-поляк, говорящий по-русски, он мне приносит коньяку и мороженое с советом съесть мороженое и запить коньяком, уверяя, что мне будет лучше. Его уверения мне сначала кажутся смешными: есть мороженое, когда от одного его вида боли в желудке увеличиваются? Наконец я попробовал и почувствовал, что мне лучше. Лакей сообщил мне: с паровой машиной случилась авария — сломался поршень. Теперь его чинят. Сколько времени понадобится на его чинку, он не знает. Но когда машина будет исправлена, качка уменьшится, так как пароход в данное время предоставлен самому себе из-за невозможности им управлять.

Много времени я лежал в своей люльке, со страшной силой подбрасываемой на большую высоту и швыряемой со стремительностью в пропасть, казалось мне, что это последний миг и наш корабль будет поглощен бешеным морем; это ощущение увеличивалось еще тем, что не было слышно шума паровой машины; наконец послышался шум от действия паровой машины, следовательно, ремонт поршня закончен, и действительно, качка сделалась меньше, и мы скоро вошли в Адриатическое море, о чем мне опять пришел сказать лакей. Буря наконец совершенно утихла. Я и все пассажиры сразу выздоровели, наполнив палубу и гостиные. Мне рассказали, что все пассажиры были больны и никто не выходил к table-d'hô te, за исключением только одной англичанки, которая меня возмущала при отбытии из Александрии своим аппетитом к фруктам.

На этом последнем обеде за table-d'hô te вся столовая была полна публикой; мое место за столом оказалось близко от капитана парохода. Капитану можно было дать лет 45 или 48, он был крупный человек, красивый, с русой бородой; мне показалось, что он как-то особо посматривает на меня и моего компаньона Капустина, сидевшего со мной рядом, но разговаривает со своими соседями только по-немецки. У меня зашел оживленный разговор с Владимиром Арсеньевичем, делились впечатлениями от переживаний бури на море. Я, осмотрев всю публику за столом, был уверен, что здесь не имеется ни одного человека, кроме нас двоих, говорящих по-русски, и мне очень хотелось посмеяться над англичанкой, сидящей недалеко от нас, над ее аппетитом, но знал по опыту, что лучше удержаться от разговоров о личностях присутствующих, и сдержал себя в этом, и оказалось, что это было удачно.

Из моих многих путешествий по Европе я вспомнил свое первое, когда я и мой попутчик были в Венеции и зашли в Общество международных

спальных вагонов, чтобы купить себе билеты. У кассы стояла молодая дивной красоты девушка, напомнившая мне мадонну с картины Мурильо. Девушка разговаривала с кассиром по-итальянски. Я, изумленный ее красотой, предполагая, что она итальянка, уже схватил моего компаньона за руку, чтобы обратить его внимание на эту божественную итальянку с полным желанием излить свое восхищение ее чудной красотой, но только я начал, как она обратилась к стоящей с ней рядом почтенной старушке, как было видно, даме из хорошего семейства: «Мама, на этот день билетов нет», — произнося чистым правильным русским языком.

Еще вспомнился рассказ моей знакомой дамы, в молодости путешествовавшей по Германии со своей приятельницей. Будучи в каком-то небольшом городке в веселом настроении от избытка здоровья и молодости, проезжая в вагоне конки, они вздумали делать разные замечания относительно своих соседей-немцев, уверенные, что в этом маленьком городке не может быть русских; в это время вошел в вагон настоящий бурш: с поднятыми напомаженными усами, толстенький от избытка выпитого пива и съеденных сосисок, накуренный сигарами, с глазами, полными немецкой самоуверенности. Подруга дамы сказала: «Смотри, сядет и лопнет!» Толстенький господин сел, посмотрел на них и ответил: «Сел и не лопнул!»

Оказалось, что капитан парохода хорошо говорит по-русски; он, видя, что мы ведем беседу между собой и из нее ничего не получается комического, над чем можно было бы посмеяться, вдруг заговорил со мной по-русски. Как он рассказал, родом был чех, долго жил в России, очень любил русских и с особым удовольствием вспоминал о проведенных годах в России.

Его любовь к русским нам очень пригодилась: как только пароход прибыл в Триест, на него нагрянуло много начальствующих во главе с комендантом порта. Нам стало известно, что пароход до Египта был в портах Малой Азии, где свирепствовала какая-то эпидемия, вследствие чего нам угрожал многодневный карантин. Тогда я обратился к капитану с просьбой избавить нас от карантина. И он мою просьбу исполнил, переговорив с главным доктором; доктор осмотрел нас и выдал разрешение покинуть пароход.

Из Триеста выехали в Вену, где прожили суток 7 и после того выехали в Москву, куда приехав, очутились в морозе больше 20^{0} по R.

ГЛАВА 63

Фамилию Рябушинских мне приходилось часто слышать еще в детстве от моей учительницы Фелицаты Петровны Богдановой, состоящей единовременно учительницей и у Рябушинских.

Из воспоминаний о Ф.П. Богдановой осталось у меня в памяти только одно хорошее: она была со сдержанным и кротким характером, старой девицей, и из сохранившихся черт ее лица можно было заключить, что в молодости была красива.

В описываемое время, то есть в 1870-х годах, занятие педагогией оплачивалось плохо из-за малого количества лиц, желающих брать уроки, а потому, естественно, Фелицата Петровна за уроки держалась, имея на своих плечах старуху мать и больную сестру, не способных ни к какому труду.

У Павла Михайловича Рябушинского было много детей, и Фелицата Петровна, начавшая давать уроки старшему сыну, продолжала с последующими детьми, вплоть до последнего.

Рассказывая про Рябушинских, она, как мне помнится, хвалила своих учеников, говоря, что они способные и даровитые, а про их отца у ней изредка вырывались — как бы случайно, во время ее внутренних переживаний — сетования на некоторые странности Павла Михайловича при расчетах за уроки: так, скидка за уроки, на которые она пришла, но дать их не могла из-за болезни детей или по каким-нибудь другим причинам, от нее не зависящим, и даже когда она опаздывала на 10—15 минут, за эти минуты он скидывал. Эти сетования не были как жалобы на несправедливость Рябушинского, но, скорее, происходили от сожаления, что ей не придется в этот месяц сделать некоторые намеченные затраты, а придется отложить до следующего месяца.

Настало время, когда у П.М. Рябушинского уже учить было некого: дети учились все в школах, тогда Павел Михайлович поспособствовал поместить ее в какой-то приют, где она глубокой старушкой скончалась. При жизни она с большой благодарностью вспоминала об этом его добром деле.

В 1878 году, живя на даче в Пушкине, я познакомился с Еленой Васильевной Рябушинской; она была вдова, имела двоих подростков-девочек, приблизительно года на два — на три моложе меня. Старшая Юленька была чисто русская красавица, отличалась особым здоровьем и цветом лица, а ее сестра Глафира тоже была красива, но более одухотворенной красотой и по типу своему напоминала скорее француженку; она в моих глазах рисовалась воздушным созданием, так и казалось: взмахнет крылышками и полетит! Елена Васильевна давала им хорошее воспитание и образование.

Умерший муж Елены Васильевны[1] сначала состоял в общем деле со своими братьями Василием и Павлом Михайловичами, потом от них отделился и вел свое самостоятельное дело, которое после смерти мужа Елена Васильевна продолжала. Елена Васильевна жила хорошо, но сравнительно скромно.

Братья Василий и Павел работали все время вместе и составили себе громадное состояние.

Когда мне пришлось перейти на работу в «Торгопро» в 1889 году, я принужден был посещать амбар Рябушинских, находящийся в Чижовском подворье[2] по Богоявленскому переулку. Помню свое первое посещение: в маленькой комнате с плохим светом за письменным столом сидел старик Павел Михайлович; когда я вошел к нему, он пытливо, внимательно осмотрел меня, я назвал свою фамилию и фирму, от которой я пришел; он как-то неестественно быстро поднялся со стула и очень любезно поздоровался, усаживая меня на стул, как раз перед окном, предполагаю, делая это с целью лучше наблюдать за выражением моего лица, чтобы судить по нему о производимом впечатлении от разговоров — устремив на меня свои неприятные, жесткие глаза, стараясь смягчить их выражение улыбкой. Когда я встал, чтобы проститься, он тоже поспешно поднялся со стула и проводил до двери, низко кланяясь.

Вся его любезность была так неискренна и неестественна, что я вышел из его амбара как ошпаренный и в душе оскорбленный: почтенный старик, миллионер ради некоторой наживы желает повлиять на мою психику, так принижает себя перед еще совсем молодым человеком, ничем еще себя не зарекомендовавшим. Правда, после всего этого он сделался мне неприятен, можно было думать, что он издевается надо мной, считая меня за непроходимого глупца.

Потом мне приходилось бывать у него много раз, и с каждым разом заходить к нему было все неприятнее и тяжелей. В одно из таких по-

сещений его он чуть меня не вывел из себя, сказав: «Вы должны помнить, что продаете не кому-нибудь, а Рябушинским, нас сравнивать с другими нельзя!» Эти слова были произнесены им после того, как я ему заявил, что продал хлопок по такой-то цене другим, а потому почему я должен уступать ему дешевле. Я ему чуть не сказал: «За ваш рубль никто не дает дороже на Бирже».

Я ему не уступил. Глаза его сделались злые, и он прошипел: «Не забывайте, мы покупаем за наличные, а другие в кредит!» Хотя на московском рынке было много фирм и лиц, покупающих за наличные деньги, как и Рябушинские.

Покидая амбар Рябушинских, у меня всегда оставалось тяжелое, неприятное чувство, я как бы переживал такое состояние, как, думается, это бывает с мухой, попавшей в паутину и счастливо выбравшейся на свободу.

Наконец я решился лично не ходить к нему, а поручил маклеру Александру Семеновичу Конжунцеву, привившемуся к Рябушинским, несмотря на эксплуатацию его тем, что заставляли Конжунцева принимать хлопок для них без оплаты за этот довольно неприятный труд.

Когда я начал бывать у П.М. Рябушинского, его брат Василий Михайлович уже скончался. Про него говорили, что он скупее брата. Василий Михайлович не был женат, но имел семью, жившую от него отдельно, на содержание которой выдавал очень мало. Сам же себе отказывал во всем, даже в хорошем хлебе: так, посылая за хлебом для завтрака, приказывал артельщику: «Купи за три копейки, вчерашний». Если в булочной такового хлеба не оказывалось, то он тужил и говорил: «Мог бы сходить в другую, поискать». Хотя было видно, что когда его угощали, то он с удовольствием ел мягкий хлеб.

Василий Михайлович и Павел Михайлович были во многих банках членами совета, исправно посещали собрания, внимательно выслушивали все делаемые банкам предложения; и заправилы банков замечали, что особенно выгодные предложения, одобренные всеми членами совета, попадали зачастую не банкам, а братьям Рябушинским, проводившим эти дела за свой счет. Тогда заправилы банков старались обсуждать особенно выгодные дела во время отсутствия братчиков. После нашумевшего банкротства Ссудного банка[3], все члены совета этого банка очутились на скамье подсудимых, и это событие так напугало братьев Рябушинских, что они немедленно вышли из членов советов банков на радость заправил их.

Постоянные посетители ресторана «Славянский базар» заметили, что братья Рябушинские начали посещать ресторан и завтракать за разными столиками. Посещать ресторан начали ежедневно, причем каждый из них заказывал какое-нибудь одно блюдо и обыкновенно расплачивался за него купонами крупного размера.

В свою очередь хозяева ресторана были довольны, что их ресторан посещается такими крупными московскими тузами, что служило для них в некотором роде рекламой. Посещение Рябушинских продолжалось до того времени, когда стало известно, что правительством решено конвертировать пятипроцентные бумаги на четыре с половиной.

Некоторые досужие посетители ресторана высчитали, что если Рябушинские посещали ресторан в течение месяца и если каждый из них расплачивался купоном по 625 рублей, то они из ресторана унесли денег 3750 рублей и в то же время за завтраки свои уплатили 36 рублей. Можно представить, сколько за то время, когда им пришлось узнать о предполагаемой конверсии, они сумели спустить в другие разные места невышедших купонов, принимаемых в торговых кругах с охотой, и сколько от этого они нажили. Это только одному Богу известно!

В столе Василия Михайловича после его кончины были найдены несколько духовных завещаний, написанных его рукой, но ни одно из них не было подписано им. Первое завещание было составлено лет за двадцать с чем-нибудь до его смерти; из него можно было сделать вывод, что Василий Михайлович далеко недооценивает свои средства, ему казалось, что он совершенно не такой богатый человек. Перечисляя в духовном завещании все выдачи, какие он определял сделать после его смерти, он назначал своим дочерям, прижитым вне брака, только по тысяче рублей каждой. Во втором завещании, написанном через несколько лет после первого, он все выдачи удвоил. Составляя таким образом несколько раз завещание, наконец в последнем дошел до 50 тысяч рублей каждой дочери.

Нужно думать, что, подсчитывая каждый раз суммы своих выдач, приходил к выводу, что они несерьезные: остаток капитала был слишком велик с его распределением. Благодаря чему дети Василия Михайловича, рожденные вне брака, могли бы остаться совсем необеспеченными, если бы не милость случайных, но законных наследников, решившихся выдать им по последнему неподписанному проекту духовного завещания назначенную в нем цифру по 50 тысяч каждому из де-

тей. И это было сделано под сильным давлением Елены Васильевны и ее дочерей на Павла Михайловича, ошеломленных неожиданным наследством, как с неба на них свалившимся.

Павел Михайлович нашел нужным не особенно настаивать на своем мнении, желая этим оставить хорошее о себе впечатление на невестку и племянниц, с тем чтобы обделить их при разделе имущества в пользу свою, благодаря услугам бухгалтерии, старавшейся в пользу своего оставшегося единственного хозяина.

Елена Васильевна и особенно ее дочки так хорошо получили, что на большую сумму, на которую они могли бы рассчитывать, махнули рукой. Скоро Юленька вышла замуж за сына какого-то важного петербургского чиновника; Глафира во время путешествия за границей влюбилась в какого-то итальянца, не то графа, не то маркиза. А за ними вышла замуж их матушка за купца Разсадкина.

Павел Михайлович, женатый на богатой женщине Александре Степановне, урожденной Овсянниковой, жил в своем особняке в Харитоньевском переулке[4]. Давал своим детям хорошее воспитание и образование, стремясь всеми силами отвлечь их от развлечений вне дома, для чего имел разные музыкальные инструменты, бильярд, кегельбан и другие разнообразные игры. По этой же причине им было приобретено роскошное имение на станции Кучино Нижегородской железной дороги у Н.А. Алексеева за 450 тысяч рублей, доставлявшее ему некоторые хлопоты по управлению: он был сильно озабочен возможностью расхищения фруктов садовниками в имеющихся там фруктовых оранжереях. Поспевающие фрукты он лично отвозил во фруктовые магазины, где и отдавал на комиссию для продажи.

Павел Михайлович не стеснял детей приемом их товарищей и знакомых, но не любил, когда они бывали у других. Когда собирались к ним гости, он навещал их комнаты, чтобы проверить, чем они заняты и как проводят время.

В один из торжественных дней кого-то из его детей они, желая отпраздновать более торжественно, вздумали своих гостей угостить шампанским, помимо разрешенных им шипучих сладких вод. В самый разгар веселья услыхали знакомые тяжелые шаги папаши, поднимающегося по лестнице к ним. Моментально как хозяева, так и все гости схватили бутылки с шампанским и спрятали в укромных местах, и это было уже в то время, когда старшие его дети были в возрасте женихов и невест, а даже одна дочь была замужем.

Павел Михайлович стремился из своих детей сделать нравственно устойчивых людей, чтобы его богатства пошли бы в хорошие и крепкие руки, а не расходовались бы на кутежи, как приходилось наблюдать зачастую в других богатых семьях, распущенных слабостью родителей.

У жены Павла Михайловича Александры Степановны пошли почти без перерыва дети с первого года их свадьбы, и, когда они стали подрастать и требовать внимательного воспитания и образования, она потребовала от мужа на этот предмет денежных средств, и Павел Михайлович согласился только тогда, когда она разрешила расходовать на это проценты с ее капиталов.

Пришлось слышать о многих странностях П.М. Рябушинского, некоторые у меня сохранились в памяти, и я расскажу о них.

В один из дней именин его жены съехались гости, некоторые из них приглашены были именинницей заранее и на обед; собравшиеся пили чай в столовой, и, когда наступило время накрывать стол для обеда, хозяйка пригласила гостей пожаловать в гостиную; в это время приехал один из запоздавших, и лакей, встретивший его, не зная, что гости перешли уже в гостиную, сказал ему, что все находятся в столовой. Приехавший отворил дверь в столовую и увидал Павла Михайловича, собирающего с тарелок остатки недоеденных пирогов и укладывающего эти кусочки на отдельную тарелочку, чтобы они не достались прислуге. Гость скорее закрыл дверь, чтобы не сконфузить хозяина.

В гостиной велся оживленный разговор, и многие из визитеров, не приглашенные на обед, увлекшись общим разговором, не думали уезжать; между тем время обеда настало, хозяева волнуются, разговор сразу обрывается, более догадливые начали прощаться при радостных лицах хозяев; за стол сели только после того, как все до одного из неприглашенных на обед уехали.

Обед начался поздно, с перепаренными и пережаренными кушаньями, но зато не пришлось угощать ни одного из не удостоившихся приглашения на обед.

Идя как-то по переулку, расположенному между улицами Никольской и Ильинкой, встретил биржевых маклеров Николая Никифоровича Дунаева и его зятя Иону Дмитриевича Ершова, сильно смеявшихся[5]. Поздоровался с ними и спросил: «Поздравить вас? Нужно думать, смотря на ваше веселье, хороший гешефт с делами!»

«Ну, — сказал Дунаев, — гешефта не сделал, а потерял десять рублей, но, право, я готов заплатить еще столько же, чтобы испытать та-

кое же удовольствие, какое я получил от этой потери. — И рассказал: — Был у Павла Михайловича Рябушинского с предложением купить хлопок. Павел Михайлович, как всегда, был любезен и в конце разговора спросил меня:

— А, наверное, ты угощаешь своих покупателей?

— Как же, Павел Михайлович, приходится, без этого не обойдешься.

— А вот меня ни разу не угостил!

— Угостить вас для меня будет большой честью, если только вы осчастливите меня этим!

— Ну, когда угощать меня будешь, наверное, красненькую издержишь?

— Конечно, даже больше — сколько пожелаете!

— Так давай десять рублей, и угощать тебе меня не придется.

Я смотрю на него во все глаза, предполагаю с его стороны шутку; достаю бумажник, медленно вынимаю красненькую, подаю, думаю, что он сейчас расхохочется и скажет, что «я пошутил».

Павел Михайлович спокойно взял деньги, открыл ящик своего стола и, разглаживая красненькую, уложил ее с другими деньгами, сказав:

— Вот и хорошо: тебе расходовать на угощение не придется, и у нас обоих для дела останется больше времени».

В 1887 году я жил в Елохове, и со мной на одном этаже жила семья Юргенс, у нее было несколько человек детей; старший ее мальчик производил приятное впечатление своим умением хорошо себя держать и «ласковостью». Вскоре я купил себе дом, куда переехал, и больше Юргенса не встречал. Прошло после этого лет десять, ко мне в правление, где я занимался, пришел молодой человек, отрекомендовавшийся Юргенсом, он напомнил мне, что в детстве был со мной знаком, а теперь он уже начал работать и просит его поддержать ради нашего старого знакомства.

Молодой Юргенс был довольно красивым и симпатичным молодым человеком, высокого роста, с круглым жизнерадостным лицом и с замечательным цветом лица и с хорошими манерами. После этого он начал у меня часто бывать, и я делал через него кое-какие дела, давая ему этим заработать. Бросалось в глаза, что он с настойчивостью добивается создать себе положение в коммерческом кругу, и я был уверен, что он этого добьется. Он завязал отношения с видными купеческими семьями, где его принимали хорошо, как хорошо воспитанного и образо-

ванного молодого человека. Попал он и к Рябушинским в семью. Он рассказывал мне: бывая у Рябушинских, с молодежью проводил весело и приятно время; в одно из его пребываний там пришел в комнату Павел Михайлович и, обратясь к молодежи, поведал: в воскресенье предполагается пикник в имении Кучино, кто желает поехать туда, должен явиться к такому-то поезду. С собой ничего брать не надо, так как все будет доставлено и приготовлено. «Я, понятно, выразил свое полное согласие ехать. В имении были все спортивные принадлежности: коньки, лыжи, санки для катания с гор. Время было проведено весело и прошло незаметно среди жизнерадостной молодежи. Позвали всех пить чай и закусить, после чего отправлялись обратно в Москву. Перед самым отъездом Павел Михайлович обратился ко всем: «Ну теперь давайте сосчитаемся! Всего истрачено на чай и закуску столько-то, лица женского пола от уплаты исключаются, и таким родом на каждого мужчину приходится двадцать четыре рубля с копейками». Я, должен вам признаться, — сказал Юргенс, — совершенно случайно взял с собой двадцать пять рублей, которые и вручил хозяину. Вы знаете: я небогатый человек, и эта сумма для меня была чувствительна. Если бы я знал, что Павел Михайлович приглашает ехать на таких условиях, я бы не поехал; [был] уверен, что угощение будет хозяйское. Причем угощение было самое простое: дешевое русское вино, колбаса, сыр, ветчина и еще что-то вроде этого, причем, — добавил он, — мужчин было сравнительно с дамами мало»*.

*Не могу не рассказать о дальнейшей судьбе Юргенса. Засевшая в голове Юргенса мысль разбогатеть не оставляла его все время и навела его на самый легкий для этого способ, а именно: жениться на богатой, а главное, из хорошей семьи родовитого московского купечества. Такую невесту он нашел. Она была внучка миллионера Матвея Сидоровича Кузнецова, известного фабриканта фарфоровой и фаянсовой посуды. Матвей Сидорович обеспечил каждую свою внучку 75 тысячами рублей, положив эту сумму в банк, но с условием, что они могут получить их в свои руки лишь по выходе замуж. Юргенс сделал одной из них предложение, и она дала согласие.

Счастию Юргенса не было конца: невеста была красива, образованна, имела деньги, а главное, была из хорошего рода, что давало ему право думать, что ее именитые купцы-родственники поспособствуют ему в дальнейшем жизненном успехе. Заходя ко мне, он не мог скрыть своего счастия, рассказывая о снятой квартире, о предполагаемой меблировке, о свадебном обеде и о поездке на юг с молодой женой. Приглашал меня очень настойчиво на венчание и на обед, уверял, что если я не приду, то этим сильно его обижу. Сообщил назначенный день венчания и сказал, что, как только будут готовы пригласительные билеты, он мне доставит его лично.

Назначенный день свадьбы прошел, Юргенс ко мне не явился и пригласительного билета не прислал.

Павел Михайлович, будучи уже в преклонных годах, сильно захворал. Лечивший доктор признал все признаки близкой его смерти и посоветовал, чтобы снять с себя ответственность, пригласить консилиум известных профессоров. Консилиум пришел к таковому же заключению, как и лечивший доктор: состояние его безнадежно по слабости сердца и пульса, по их мнению, вряд ли он проживет эту ночь.

Сыновья принуждены были примириться мысленно, что они теряют отца, но, будучи по расчетливости в папашу, решили немедленно же приступить к приготовлению к похоронам. Заказали гроб, купили у известного фабриканта парчи В.Г. Сапожникова[6] два покрова большой ценности. Вечером этого дня Павел Михайлович открыл глаза, приподнялся на кровати и сел, попросил дать ему что-нибудь поесть, с желанием получить зернистой икры. Икру достали, он съел чайную ложку, после чего крепко заснул. Вызванный доктор сообщил, что случился перелом болезни и есть шансы на выздоровление.

Павел Михайлович выздоровел и жил еще лет пять или шесть. Для детей Рябушинского получилось неприятное положение: боязнь, если слухи дойдут до отца, за покупку гроба и покровов, чем они могут сильно

Прошло несколько недель, я предполагал, что он живет в Крыму и наслаждается жизнью. Вдруг является, я его не узнал, так он переменился: потерял прелестный цвет лица, сильно похудел, пожелтел, и у него не было присущей ему особой жизнерадостности. Рассказал: венчание в церкви состоялось, гости с молодыми поехали на их квартиру, где был приготовлен обед. Молодая по приезде сейчас же ушла в свою комнату, сказав мужу: «Займите гостей, угостите их, я же пойду переодеться и потом приду, меня, пожалуйста, не торопите», — и ушла в свою комнату. «Я угощаю и занимаю приехавших гостей, но прошло достаточно времени, нужно садиться за стол обедать, а жена не приходит; наконец прошли все сроки возможных случайностей, я решился пойти к жене и привести ее к обеду.

Войдя в комнату, я увидал беспорядок в ней: букет цветов, перчатки, подвенечная вуаль и другие ее разные вещи валялись на полу, а жены в комнате не было. Бросился в кухню и от ее горничной узнал: барыня переоделась, вышла черным ходом, села в ожидающую ее карету и уехала, но куда она не знает.

Представьте весь мой ужас! Я, как потом мне говорили, побледнел, закричал и упал на пол без сознания. Пролежал в таком положении долго, но благодаря хорошему уходу матери наконец выздоровел более или менее физически, но мое душевное настроение еше до сего времени весьма плохо». Оказалось: его жена уже давно полюбила какого-то военного, но женатого, выйти за него замуж она не могла, а если бы жила с ним, то лишилась бы 75 тысяч рублей, оставленных ей дедушкой; решилась проделать всю комедию с Юргенсом, этим получив возможность на получение наследства. Времени после этого события прошло достаточно много, но я видел, с каким трудом переживал Юргенс выпавшее на него горе и сколько эта легкомысленная женщина унесла от него здоровья и сил.

расстроить его. Поехали к Сапожникову и рассказали об их неприятном положении, прося покровы в дом не посылать и не просить пока за них деньги, обещаясь расплатиться за них потом. Сапожников согласился. С гробовщиком тоже было улажено, и таким образом все было сделано, чтобы отец не узнал. Обо всем этом рассказал В.Г. Сапожников Н.А. Найденову, который передал мне.

После смерти Павла Михайловича сыновья его развернули свои дела в большем масштабе, с приемами ловких европейских коммерсантов. Учредили в Москве банк[7], сделались чуть ли не полными хозяевами Харьковского Земельного банка; купили известную льняную фабрику Локалова, лучшую из всех фабрик в России, славившуюся своим бельевым товаром; построили большую типографию[8] и еще много других предприятий, наименования которых забыл. Локаловская фабрика принадлежала двум дочерям Локалова, вышедшим замуж за двух родных братьев Лопатиных, с которыми я был знаком и имел раньше с ними торговые дела как с бывшими хозяевами бумагопрядильной фабрики.

После продажи ими локаловской фабрики я встретил Владимира Егоровича Лопатина, которого и спросил: «Что заставило вас продать фабрику Рябушинскому? Неужели вам не жаль было ее?» — «Наоборот, — ответил он, — мы рады, что развязались от нее: фабрика старая, можем выстроить за три миллиона рублей, как мы за нее взяли, образцовую фабрику со всеми усовершенствованиями». Я заметил ему: «А все-таки жаль, много души человеческой вложено было в это дело основателем, чего за деньги купить невозможно!»

Мои слова оправдались: Рябушинские в первый же год владения ею получили прибыли 3 миллиона рублей без всяких затрат на нее. После этого выяснившегося результата ко мне зашел В.Е. Лопатин, уже не мечтавший о постройке новой фабрики, а с большим озлоблением говорил о Рябушинских и поднимал вопрос: нельзя ли через Министерство торговли и мануфактур воздействовать на Рябушинских, допускающих какие-то неправильности в производстве, нарушающие интересы государства. Я теперь забыл, в чем заключались неправильности, да меня, право, это и тогда мало интересовало. Я только увидал из его слов и тона разговора, что он почувствовал свою ошибку продажи «золотого дна» и свою нерасчетливость и свою злобу изливает на Рябушинских. Когда он уходил от меня, я подумал: «Бог кого хочет наказать — ума лишает!»

Из всех многочисленных сыновей Павла Михайловича оказался неудачником Николай, про его шалопайство разговоров было много. Вы-

строенный им дом под наименованием «Черный лебедь» в Петровском парке прославился оргиями[9], и братья, желая спасти его состояние, просили о назначении над ним опеки; она была устроена.

Его брат Владимир Павлович мне при присяжном поверенном Иване Николаевиче Сахарове сказал о Николае: «Брат Николай — мерзавец, позор нашей семьи, он для нас всех enfant terrible[10]!»

Этот Николай и во время революции прославился всякой гадостью, его избегали и чурались[11].

ГЛАВА 64

В описываемое мною время, то есть приблизительно в 1900-х годах, в России было два сахарных короля: один в С.-Петербурге Людовик Кениг, прославившийся изделием сахара-рафинада, и другой — в Киеве Бродский, производитель сахарного песка.

Кениг, перебравшийся из Германии в Россию, начал свою деятельность простым булочником, потом перешел на рафинирование сахара и к описываемым мною годам обладал капиталом в 40 миллионов рублей. У него было два сына; старший не пожелал заниматься коммерческими делами, а выбрал профессию ученого[1]; второй сын, Лев Людовикович, пожелал вести свое личное дело и не быть в зависимости от отца. Отец выстроил ему в С.-Петербурге бумагопрядильню в 100 тысяч веретен стоимостью около 2 миллионов рублей[2] и дал еще миллион рублей как оборотный капитал. Лев Людовикович начал работать самостоятельно, без всякой зависимости от отца.

Лев Людовикович представлял из себя чистейшего бурша, хотя ему было, пожалуй, более 40 лет. Громадного роста, я сам высокого роста, но приходилось на него смотреть, только подняв голову; с оловянными глазами, как у замороженного судака. Когда смотрел на него, невольно представлялось: природа, создавая его, как будто взяла громадный кряж дуба и поручила из него обделать плотнику, не одаренному изящным вкусом, сделавшему без всякой художественной отделки, — так все его черты лица и тела были грубы и просты. Силой он обладал необычайной: рубль серебряный двумя пальцами скатывал в трубочку, подкову сплетал бантиком.

Лев Людовикович рассказывал, что, будучи однажды на охоте за медведями, по своей оплошности попал в лапы к большому медведю, и он мог сдерживать медведя, схватив его за горло и душить, пока не подоспел к нему на помощь его двоюродный брат Василий Васильевич Битц[3], выстреливший в медведя в двадцати шагах, попавший медведю в глаз и убив[ший] его.

Василий Васильевич после этого приобрел у Кенига большое расположение и дружбу, и Кениг ему одному поручал быть маклером по закупке хлопка.

Василий Васильевич рассказывал об этой охоте с большим волнением и ужасом от того страха и боязни, что он пережил, стреляя в медведя: мог легко попасть в брата, валяющегося в объятиях с медведем, лицо Кенига было очень близко от морды медведя, и «тем более, — говорил он, — у меня от страха за жизнь брата дрожали руки». Подбежавшие псковичи и крестьяне освободили полумертвого Кенига из объятий убитого медведя; хотя костей у Кенига медведь не повредил, но ему долго пришлось лечиться от ран.

Вес тела Кенига был феноменален: что-то около четырнадцати пудов, если только не более, но, впрочем, я хорошо тут не помню, какую он называл цифру; тяжесть его тела доставляла ему много огорчений: так, он не мог ездить на наемных экипажах или извозчиках, а ездил только на своем, специально сделанном по его заказу. Отправляясь в Берлин, он отсылал туда свой экипаж. Интересен его рассказ: однажды, будучи в Берлине с женой и детьми, он отдал свой экипаж им для поездки в зоологический сад, сам же предполагал пойти туда пешком и с женой уговорится, что она должна быть в известный час в определенном месте. Жена уехала, а в это время к нему явился знакомый, с которым он решил распить бутылочку своего излюбленного вина рейнвейна; когда несколько бутылок было выпито, он спохватился, что времени осталось мало и ему не дойти пешком до зоологического сада. Выйдя из гостиницы, он поспешил к стоянке извозчиков и сел на первого, но, только что экипаж тронулся в путь, рессоры у экипажа сломались, он принужден был сесть на другого, но и с другим случилось то же, он пересел на третьего; с этим экипажем шло все благополучно, но, проехав полпути, он почувствовал, что одна из рессор сломалась, но молчал, думая, хорошо бы было хотя на одной рессоре доехать. Доехал благополучно, но, когда слезал из экипажа, сломалась и вторая рессора. Извозчик был в большом огорчении: он глубоко верил в прочность своего экипажа. Кенигу стало жаль его, он заплатил стоимость починки рессор. На другой день отправился на прогулку, и, приближаясь к тому месту, где была стоянка извозчиков, он заметил, как они, увидав его, бросились к своим экипажам, сели на козлы и, стегая лошадей, быстро разъехались в разные стороны.

С этим Львом Людовиковичем мне пришлось много лет иметь торговые дела, с каждым годом увеличивающиеся. Познакомился с ним через племянника его биржевого маклера С.-Петербургской биржи В.В. Битца (очень возможно, что его фамилию перепутываю).

Василий Васильевич снискал расположение своего дядюшки кроме того, что убил вовремя медведя, как я об этом уже говорил, тем еще, что был веселого нрава, никогда не отказывался от компании в питии рейнвейна, так любимого его дядюшкой, был всегдашним партнером в бильярд с Кенигом в его доме, знал массу забавных анекдотов и всем этим привлек расположение Льва Людовиковича, благодаря чему другие маклера не могли продавать хлопка этой фирме.

Кениг как покупатель для нашего Товарищества был весьма интересен, покупая у нас исключительно только низкие сорта азиатского и персидского хлопков, идущие сравнительно в незначительном количестве в Центральном промышленном районе.

Продавали в год более чем на миллион рублей сроком 6 месяцев, уверенные, что наш кредит находится в прочных руках: не допустит же отец — такой крупный миллионер — обанкротиться своему сыну! Все наши конкуренты — торговцы хлопком никак не могли понять причины нашего успеха в этой фирме, и они много раз предлагали Кенигу по значительно уменьшенной цене, но всегда без успеха. Мне однажды задал вопрос О.М. Вогау: «Скажите, что вы делаете, чтобы продать Кенигу?» Вогау счел меня наивным, предполагая, что я ему поведаю, что мне известно по этому поводу.

Мне пришлось однажды прожить за границей месяца полтора для поправления здоровья, возвратился в Москву при сильном опоздании поезда, привезшего меня ночью, так что я еле успел с последним поездом доехать в свое имение. Дети уже спали, а утром я успел поговорить с ними лишь короткое время, чтобы не опоздать к поезду, отходящему в Москву. Уверяя детей, что пораньше вечером приеду на дачу и останусь с ними целый вечер; да, правду сказать, я сам об этом мечтал — так по ним соскучился!

В правлении Товарищества меня ожидал сюрприз: один из моих помощников сообщил, что слышал на Бирже о скором прекращении платежей Кенигом.

Хотя я и не придал серьезного значения этому сообщению, но всетаки потребовал от бухгалтерии справку о задолженности Кенига нашему Товариществу. Справка гласила: 520 тысяч рублей с чем-то.

Придя на Биржу, встретил знакомого маклера, занимающегося учетом векселей, и спросил осторожно о Кениге. Он подтвердил слух. И я в этот же день вместо того, чтобы поехать на дачу, немедленно с первым поездом отправился в С.-Петербург, лишив удовольствия себя и своих детей провести вместе вечер.

В Петербурге узнал, что отец Л.Л. Кенига наотрез отказывает поддерживать сына, говоря: «Я тебе дал миллион рублей при открытии фабрики, после того еще дал миллион, ты просишь опять миллион; в то время, когда другие прядильщики наживают деньги, ты терпишь убыток, а потому пусть лучше возьмут твою фабрику кредиторы, и они сумеют повести ее с пользой, а ты будешь работать со мной в сахарном деле».

В Петербурге мне пришлось прожить десять суток почти с ежедневным посещением Л.Л. Кенига с 12 часов дня до 2, а иногда и до 4 часов. Мне очень хотелось узнать причину плохого положения его дела.

При фабрике имелся кабинет хозяина, отлично омеблированный, как полагается солидным предприятиям. Кенигу, как мне казалось, наше посещение приходилось по душе, он усаживал меня, В.А. Красильникова, нашего петербургского представителя, и В.В. Битца за круглый стол, на котором немедленно появлялась груда бутылок с рейнвейном, который я терпеть не мог, но приходилось пить, чтобы не отставать от компании, и значительная часть проводимого времени посвящалась анекдотам, пикантным рассказам и выслушиванию об охотах и физической силе хозяина, но, несмотря на все это, мне в конце концов удалось узнать, что Кениг вздумал спекулировать хлопком, купивши в Америке около 14 тысяч кип на сумму более миллиона рублей. Этот хлопок прибыл в порт С.-Петербурга, и таможня потребовала, согласно правил, немедленного покрытия пошлины, фрахта и разных других расходов, составляющих сумму в несколько сот тысяч рублей. Лев Людовикович обратился с просьбой к отцу — он отказал. Тогда Кениг задержал срочные платежи, не покрытые векселями, и эти деньги внес в таможню. Задержка платежей вызвала волнение у продавцов, и распространился слух о банкротстве Кенига.

Я ему дал совет приехать в Москву, быть может, наше Товарищество и Торговый банк дадут ему возможность выкрутиться из этого положения, имея в виду, что сроки платежей по нашим векселям должны быть в ближайших месяцах, а потому мне хотелось, чтобы он продолжил свое дело и тем уменьшил его долг нам.

Кениг приехал в Москву, и первые его слова после приветствия были: «На вокзале взял парный экипаж, предварительно тщательно его осмотрев, но, проезжая по Мясницкой улице, почувствовал, что одна из рессор поломалась, очень боялся, что сломается другая, пришлось бы до гостиницы идти пешком с багажом в руках».

Товарищество решило купить всю его партию хлопка по цене, как он сам заплатил за нее в Америке, и в течение двух суток мы ее сумели реализовать и получили от нее пользу 40 тысяч рублей. Часть платы за этот хлопок была зачтена по долгу Кенига Товариществу, и таким образом вся задолженность его Товариществу была ликвидирована.

Дальнейшие дела с Кенигом прекратили, ясно было видно, что он дело вести не может.

Прошло месяца три-четыре после этого, я стою на Бирже и вижу пробирающегося ко мне через толпу нашего конкурента Александра Николаевича Крафта с выражением на лице сострадательной улыбки и с печально-задумчивыми глазами. Поздоровавшись, он спросил: «Вы слышали: Кениг прекратил платежи?» — смотря на меня пристально, с целью увидать, какое на меня произведет впечатление его известие. «Что вы! — ответил я. — Неужели это правда? Такая солидная фирма! А отец ему не помог?» — «Нет, в том-то и дело! Мы попали на пятьдесят тысяч рублей, только недавно продали». — «Вот как! Жаль! Не следовало бы продавать!» — «Да и про вас тоже говорят, — ответил Крафт, — что он вам должен большую сумму!» — «Нет, нам не должен, мы прекратили своевременно с ним дела».

Нужно было видеть в эту минуту лицо этого милого конкурента! На нем выразилось завистливое и злобное выражение, и он, отходя, сухо сказал: «Поздравляю! Своевременно и успешно это сделали!»

Мне эта сцена доставила истинное удовольствие, я ею был доволен. Она компенсировала меня за понесенные хлопоты и тяжелое переживание, свалившееся случайно на меня.

Идя с Биржи в контору, думал: была бы мною развита такая энергия в этом деле, если бы личный интерес моей тантьемы не был бы задет? Поехал ли бы я без отдыха, почти не повидав своих детей, немедленно в Петербург, проводя там время в волнениях, с питьем рейнвейна, которого терпеть не мог, чтобы хотя отчасти улучшить положение своего Товарищества?

Я уверен, что, состоя на определенном жалованье, без участия в прибылях, я отнесся бы к этому случаю более легко и считал бы себя

морально правым. Мог ли я искусственно одним только нравственным рассуждением поднять свои нервы и энергию до величайшего напряжения? Мне кажется, что тантьема в этом случае была сильным возбуждающим средством, подчинившим все силы души моему эгоизму.

С Бродским, вторым русским сахарным королем, мне пришлось познакомиться в санатории доктора Лимана в Вейсерхирше, близ Дрездена. Бродский был худым, по виду слабым, но полным энергии, с желанием денежно покорить весь мир. Все время голова его работала в этом направлении; он был большой комбинатор, с подкладкой чистого грюндерства, не задумался бы употребить всякий способ к наживе, хотя бы и мошеннический, но без ответственности перед уголовным законом. О таковом произведенном им грюндерстве я написал, рассказывая о банкротстве Борисовских[4].

Производя «воздушные ванны» в сосновом парке санатория Лимана, мне приходилось почти ежедневно с Бродским гулять и разговаривать и неоднократно от него слышать сожаление: «Нет людей, ах, если бы я мог найти нужных, весь бы мир завоевал!» Это восклицание касалось доверенного при его пивном заводе в Москве[5], в этом году «помазавшего»[6] его на достаточную сумму.

Бродский был диабетик, эта болезнь обыкновенно выражалась неутолимым голодом и жаждой; он, наживший громадные средства, желал пользоваться жизнью, а процент сахара в организме сажал [его] на строгий режим. Ему приходилось во всем себя сдерживать: ездить ежегодно в скучный санаторий Лимана, жить там месяц и более, исполнять все предписания доктора, и наконец как бы сахар исчезал. Но стоило ему приехать домой в Киев, где, как он рассказывал, имелся у него отличный повар-француз, готовивший ему кушанья по рецептам доктора, как процент сахара опять появлялся, ежемесячно увеличиваясь. И Бродский, достигший всех возможностей, принужден был лишать себя всего. Мне было жаль этого человека, прожившего всю жизнь в искании только материальных благ, с конечным результатом — невозможностью ими пользоваться.

ГЛАВА 65

Невдалеке от Ивановского монастыря[1], по Трехсвятительскому переулку и примыкающим к нему другим путаным переулкам, находилось большое владение Т.С. Морозова[2], огороженное каменной стеной с железной решеткой, с тянущимся по косогору садом, над куполами деревьев виднелся красивый особняк, в котором жили хозяева дома.

Слава о богатстве Морозова шла давно по Москве, и в простонародье составилось представление, что Морозов так богат, что даже хотел на доме своем сделать позолоченную крышу наподобие как это делалось на куполах церквей, да правительство этого ему не разрешило. Конечно, это была только болтовня, сам бы Морозов не стал делать такой глупости.

Родоначальник и создатель фирмы был из гуслицких крестьян, Савва [Васильевич] Морозов, создатель нескольких больших фабрик; главная была в Орехово-Зуеве, другие две — в Богородске и Твери.

В Твери строил фабрику и занимался ею его старший сын Тимофей Саввич[3], даровитый промышленник и купец; он приложил все старания к устройству этой фабрики, предполагая, что отец оставит ее ему, но оказалось, что отец в духовном завещании распорядился иначе: старшему Тимофею и его брату Елисею оставил фабрику в Орехово-Зуеве, причем разбил ее полосами, отчего два брата сделались чересполосными владельцами. Такое странное деление породило большие недоразумения между братьями, а потом между их наследниками образовалось две семьи фабрикантов с непрекращающейся враждой, наподобие известных итальянских семей Монтекки и Капулетти.

А Богородская и Тверская фабрики достались другим двум сыновьям[4].

Т.С. Морозов сумел свою чересполосную фабрику поставить в блестящее положение; на ней и подсобных к ней предприятиях числилось около 20 тысяч человек рабочих.

После смерти Тимофея Саввича осталось два сына — Савва и Сергей, оба получившие университетское образование. Сергей Тимофеевич из-за своей нервной болезни не пожелал заниматься делом, а всецело от-

дался работе по кустарному музею, на что тратил большие деньги, чтобы выдвинуть кустарное производство на надлежащую высоту по выработке и изяществу.

Савва же по окончании университета вступил в дело и начал там работать, где мне пришлось с ним познакомиться.

Лицо Саввы Тимофеевича в памяти моей не запечатлелось, осталось лишь одно воспоминание какого-то странного подергивания мускулов лица, изображая как бы потуги от несварения желудка. Чем можно это объяснить — не знаю. Думаю: не с детства ли усвоенная плохая привычка.

Саввой Тимофеевичем при начале вступления в свое дело был устроен пир только лицам, имеющим поставки на фабрику, в ресторане «Стрельна», известном своим роскошным зимним садом. Приглашенных было много, угощение обошлось дорого, но, несомненно, было сделано с целью, чтобы сразу стать к нужным для дела лицам в более близкие отношения и сделаться между ними популярным. Для интересов фирмы таковой пир не представлял никакой нужды, она и без того была очень интересна всем, имеющим с нею дела.

В это же приблизительно время Савва Тимофеевич явился на торжественное собрание выборщиков Биржевого комитета, кажется, бывшее по случаю пятидесятилетия основания Биржи, подошел ко мне с просьбой познакомить его с Николаем Александровичем Найденовым. Все это давало право думать, что он имеет намерение заняться общественными делами и занять подобающее положение среди купечества. Это было принято к сведению, и вскоре группа лиц, организовавшая Среднеазиатскую выставку, при выборе членов комитета выставки выдвинула его в члены, и он был выбран единогласно. Передачу о таковом выборе его в члены комитета выставки сделал я и заметил, что известие им принято было с удовольствием. Но нужно сказать, что в то время значительная часть купечества относилась отрицательно к этой выставке и ожидала полного провала ее.

Савва Тимофеевич принял с охотой эту обязанность, но ни разу не посетил заседаний комитета во время ее организационных работ, то есть в то время, когда он всего больше мог бы принести пользы для дела. Посещение же им комитета началось только после того, когда успех выставки был несомненен — после принятия звания почетного председателя выставки великим князем Сергеем Александровичем. Невольно бросалась в глаза любовь Саввы Тимофеевича беседовать с корреспонден-

тами газет, одолевающими в то время комитет разными вопросами. Он уделял им много времени, угощая завтраками и коньяком в буфете выставки, после чего в газетах были помещены его беседы с восхвалением его.

Вскоре за этим освободилась должность председателя Нижегородского ярмарочного комитета[5], по случаю ухода с этого поста Павла Васильевича Осипова*; на эту должность был выбран С.Т. Морозов, на которой пробыл несколько лет.

Какую принес пользу ярмарке, будучи председателем, мне неизвестно, но вспоминаю одно заседание членов ярмарочного комитета, куда я попал членом по недоразумению, будучи выбран без моего согласия во время моего отсутствия, так как я не жил постоянно на ярмарке, изредка приезжая туда. В одно из моих пребываний на ярмарке мне пришлось быть на заседании под председательством Саввы Тимофеевича. Рассматривался вопрос об ассигновании пяти тысяч рублей на устройство баков с кипяченой водой для ярмарочных обывателей, пьющих обыкновенно из кранов проведенную сырую воду; требовалось это по случаю надвигающейся холеры из Астрахани. Раздались возгласы от некоторых членов комитета против такового нововведения: для чего это делать? Жили до сего времени, обходились без них. Расходов и без того много! — и еще другие вроде этого. Смотрю: председатель слушает спокойно и не думает возражать. И я уверен, что этот вопрос был бы решен в нежелательном смысле, если бы не последовало протеста с моей

*П.В. Осипов и его отец до освобождения крестьян почти все время были крепостными у барина, отпускавшего их на оброк в Москву, где они занимались торговлей, и успешно. В шестидесятых годах распространился слух о скором раскрепощении крестьян, и слух дошел до барина, которому принадлежали Осиповы, и он потребовал немедленно их к себе в усадьбу, хотя они платили ему большую сумму оброка. Отца Осипова барин оставил в усадьбе в качестве лакея, а сына определил в пастухи. Осиповы взмолились перед ним, прося отпустить на свободу, предлагая хороший куш за это. Они помирились за этот отпуск 20 тысячами рублей, и им пришлось все продать, чтобы развязаться с барином, и это было сделано за очень короткое время до освобождения крестьян.

Познакомился с П.В. Осиповым, когда ему было лет шестьдесят. Он был высокого роста, довольно плотный, с большим развитым лбом и большим мясистым носом, с умными, хитрыми глазами. Крепостничество оставило на нем большой след; несмотря на его природный ум, чувствовался недостаток образования. Он, кроме своего дела, состоял председателем правления в каком-то небольшом банке, занимающемся страховкою покупательских векселей от неплатежей; понятно, банк прогорел. В то же время был председателем Нижегородского Биржевого ярмарочного комитета, но купечество обвиняло [его] в каких-то недобросовестных делах[6].

стороны, от человека, случайно попавшего на это заседание. Мой протест подействовал, и собрание ассигновало требующуюся сумму.

Правительство, желая устроить Всероссийскую выставку, долго не знало, на каком городе ему остановиться, но под давлением губернатора Баранова и председателя ярмарочного комитета Саввы Тимофеевича решило устроить в Нижнем Новгороде[7], и этот выбор был крайне неудачен. Савве Тимофеевичу было отлично известно, что удобной площади для выставки в Нижнем не имеется, что она потребует больших затрат для постройки гостиниц, ресторанов и других разных необходимых сооружений, да, кроме того, сама по себе ярмарка с каждым годом теряла свое значение. Лица, приезжающие на ярмарку для торговли, бывают сильно заняты, и им мало времени придется употреблять на осмотр ее. И Савве Тимофеевичу следовало бы указать правительству на неудобство открытия там выставки, но он этого не сделал, предполагаю, из-за своих эгоистических желаний: скорее выдвинуться и захватить орден. Выставка успеха не имела, хотя на нее затрачено было более 10 миллионов рублей; ее посетили государь, многие великие князья, Ли-хун-чан и другие высокопоставленные лица.

[Состоялась] женитьба Саввы Тимофеевича на жене своего двоюродного брата Сергея Викуловича[8]– Зинаиде Григорьевне. Многими утверждалось, что этот брак не был увлечением сердца, а скорее, от огорчения потери интересной женщины, променявшей его на писателя Горького[9], и женитьба на Зинаиде Григорьевне отчасти удовлетворяла его самолюбие тем, что он досадил своему родственнику, принадлежащему к враждебной чересполосной семье.

В 1907 или 1908 году, хорошо не помню, разнеслась печальная весть о смерти за границей Саввы Тимофеевича Морозова, сравнительно молодого и казалось бы, полного жизни человека. Говорили, что он лишил себя жизни[10].

Мне пришлось быть на отпевании тела Саввы Тимофеевича, привезенного из-за границы на Рогожское кладбище. Обедня и отпевание продолжались чрезвычайно долго, а потому многие выходили из церкви и отдыхали на скамеечках, я тоже вышел и начал рассматривать венки, расставленные по решетке забора, отделяющего кладбище от проходной дорожки в церковь. Венков было очень большое количество, от разных фирм и лиц, между ними красовался большой венок от писателя Горького. В это время ко мне подошел мой знакомый, один из служащих

на фабрике Никольской мануфактуры «С. Морозова сын», и спросил: «Любуетесь на венок? Не находите ли вы, что венок от Горького на могиле Саввушки — ирония?» — «Почему?» — спросил я. — «Ну, как будто не слыхали: Саввушка тратил много денег на Художественный театр, нужно предполагать, делалось это не из-за любви к искусству, а из-за артистки Андреевой (Желябужской), а Горький у него отбил ее. Кроме Андреевой Саввушка порастряс много денег через Горького на пропаганду новых идей, и все это делалось Саввушкой ради популярности. От всего этого получился результат печальный: потеря красивой женщины и получение психической болезни, приведшей к смерти, от желания Саввушки сидеть на двух стульях». — «Как на двух стульях?» — спросил я его. «На одном стуле он накапливал богатства, а на другом растрясывал на революцию, вот его психика и не выдержала равновесия! Вам не пришлось слышать, что с ним было на фабрике в 1905 году? Я вам расскажу. Саввушка приехал на фабрику, когда чувствовалась напряженность положения между рабочими. Ему, понятно, об этом доложили, и Саввушка решил, что будет всего лучше уехать на ночь с фабрики в свое имение, находящееся в десяти—двенадцати верстах, где он мог бы себя чувствовать спокойно от могущих быть неожиданных эксцессов. Между тем рабочие узнали о приезде хозяина, собрались вечером на сходку, на которой порешили идти к хозяину и с ним перетолковать. Придя к директорскому дому, узнали, что он находится в имении, куда и решили идти.

Пришли в имение, было уже поздно, Савва Тимофеевич лег спать. Потребовали его разбудить. Саввушке оставался один исход — нужно выходить! Ему, с больной психикой, с разбитыми нервами, пришлось выйти к толпе рабочих, ночью, полураздетому; можно представить, что он в это время переживал. Вид у него был подавленный, жалкий.

Один из рабочих, видя его в таком состоянии, желая успокоить, потрепал по плечу и сказал: «Что, испугался? Не бойся! Возьмем фабрику, тебя без куска хлеба не оставим, будешь служить, жалованье сто рублей положим!»

Говорят, что посещение рабочих на него роковым образом подействовало. По уходе их он приказал запрячь лошадей и отвезти его не на станцию Орехово-Зуево, а на дальнейшую, ближе лежащую к Москве, где его не знали.

Савва Тимофеевич скоро покинул Москву, выехав за границу, где начал лечиться, но результатом его лечения было лишение себя жизни».

После похорон, оставляя кладбище, я задумался над словами господина, рассказавшего все это мне. Сначала мне было очень странно, что он Савву Тимофеевича величает «Саввушка», хотя мне такое величание Саввы Тимофеевича приходилось слышать и раньше от других лиц, но я тогда предполагал, что это делается с целью отметить молодого Савву Тимофеевича от его дедушки, тоже с таким именем, но, пораздумав, пришел к выводу, что, пожалуй, это не так. В этом сокращенном имени сквозила какая-то небрежность к Савве Тимофеевичу, поступки которого не располагали к особому уважению, и многие на него смотрели только как на большой мешок с золотом.

Мне несколько раз приходилось слышать, что Саввушку называли «гусляком». Я поинтересовался узнать, что это означает. Мне объяснили, что слово «гусляк» происходит от наименования местечка в Егорьевском уезде — Гуслицы[11], откуда вышел род Морозовых. Гуслицы дали много дельных, ловких и умных купцов и промышленников, но, по их способам наживы и жизни, к большинству из них не приложимо слово «джентльмен», то есть не всегда он держал себя безукоризненно к лицам, имеющим с ним дело.

* * *

Рассказ Саввы Тимофеевича об эпизоде, бывшем во время его председательства в ярмарочном биржевом комитете.

Купец, торгующий на ярмарке (фамилию его не сказал), взял 60 тысяч рублей, отправился к своим кредиторам расплачиваться за купленные у них товары. Купец был солидный и аккуратный плательщик, пользовался среди купечества уважением, а потому его все встречали с особым расположением и угощали.

Переходя от одного к другому, к вечеру попал к своему приятелю, пригласившему его обедать в ресторан, а оттуда они решили отправиться в кафешантан «Омон»[12], приобретший известность хорошим ансамблем и красивым женским персоналом. Сидели приятели там долго и уже перед рассветом отправились по домам. Приятель купца взял извозчика и предложил купцу поехать с ним, но он отказался, сказав, что пойдет пешком.

Утром следующего дня все служащие в лавке купца были удивлены отсутствием хозяина, предполагая, что он вчера с кем-нибудь загулял и у него остался ночевать. Пришло время обеда, а хозяина нет, начали

беспокоиться. Доверенный решил пойти к тем купцам, которым его хозяин понес деньги, и узнать от них, где бы он мог быть. Постепенно обходя, доверенный добрался до приятеля хозяина, с которым он был в «Омоне». Он рассказал, что они долго сидели в кафешантане, правда, немножко лишнего выпили и отправились по домам; он поехал на извозчике, а купец не пожелал ехать и пошел пешком, и больше он ничего сказать не может. Посоветовал доверенному вызвать жену пропавшего купца на ярмарку, и с ней вместе отправиться к губернатору и просить его принять меры к розыску пропавшего.

Доверенный так и поступил. Губернатор Баранов их выслушал и немедленно дал приказ полиции принять все меры к розыску пропавшего купца. Полиция исполнила в точности приказ губернатора, перерыла все трущобы и секретные номера, в которых нашла многих загулявших лиц, но купца среди них не оказалось: канул он, как камень в реку!

Председателю ярмарочного комитета полагалась бесплатная казенная квартира в Главном доме на ярмарочное время, Савва Тимофеевич в ней жил, то есть утром принимал в определенные часы лиц, имеющих нужду в нем, а ночью в ней спал, остальное время находился в амбаре своего Товарищества. Для услуг при казенной квартире имелся у него мальчик-«казачок».

Однажды поздно вечером, придя к себе спать, Савва Тимофеевич отпустил мальчика спать, а сам засел читать корреспонденцию, доставленную ему во время его отсутствия. Было поздно, в передней раздался звонок, потом второй, третий. Он встал, чтобы разбудить мальчика, но мальчик так крепко спал, что разбудить его не удалось, тогда он пошел сам отворить дверь. Перед ним стояла дама, изящно одетая, под вуалью, и говорит: «Савва Тимофеевич! простите меня великодушно, что я побеспокоила вас в такое позднее время, разрешите поговорить с вами о важном для меня деле. Я с вами знакома», — и поднимает вуаль. Савва Тимофеевич узнал ее: встречался с ней у своих знакомых.

«Пожалуйста, войдите — я к вашим услугам!» — «Со мной произошел, — начала она, — странный и неприятный случай: идя около пассажа, почувствовала себя дурно, прислонилась к стене из-за боязни упасть; в это время проходит мимо меня какой-то негр, но весьма приличного вида, видя мое такое состояние, предлагает мне руку и ведет к витрине, где продается вода; я выпиваю стакан воды и теряю сознание, после чего я совершенно не помню, что со мной было. Какой же был мой

ужас, когда я пришла в себя: лежу на кровати, в незнакомой мне комнате, и здесь же находится негр, помогавший мне во время моего головокружения. Я начала кричать, плакать. Является прислуга, потом полиция, составляют протокол. После чего я узнала, что это араб-артист из какого-то кафешантана, я тоже принуждена была сказать, кто я. Представьте же мое положение: муж — известное лицо в здешнем обществе, у нас дети... я опозорена! — и начала плакать. — Обращаюсь к вам, зная ваше хорошее отношение к губернатору Баранову, с просьбой переговорить с ним об уничтожении протокола. Вы этим спасете мою жизнь и снимете невольный позор с меня и с моей семьи».

«Я дал ей слово обязательно переговорить с Барановым — завтра же утром. Она с благодарностью ушла. Мне перед ее приходом хотелось спать, но это приключение с дамой меня взволновало, и я опять сел за стол, думая, какие в жизни бывают случаи! Слышу опять звонок в передней, решил, что, по всей вероятности, дама вздумала мне еще что-нибудь добавить. Опять пошел отворять дверь и увидал даму под вуалью, но уже другую. «Бога ради, примите меня, Савва Тимофеевич! Необходимо с вами переговорить об одном важном для меня деле», — она подняла вуаль, и я увидал, что и эту даму встречал там же, где и первую, только что бывшую у меня. Пригласил ее в кабинет, и она с большим смущением начала рассказ: идя по скверу, присела на скамейку из-за головокружения, «которым я иногда страдаю, и потеряла сознание, после чего я не помню ничего. Очнувшись, увидала, что нахожусь в какой-то комнате с каким-то незнакомым мужчиной. Я закричала, явилась полиция, составили протокол. Я имею мужа и детей, прихожу в ужас от могущих быть последствий как со мной, так и с моей семьей. Умоляю вас: переговорите с губернатором и попросите его уничтожить протокол». Я тоже обещал исполнить ее просьбу.

Когда я проводил ее, меня охватил неудержимый хохот, для меня стало вполне ясным: две подруги кутнули в каком-нибудь из трактиров или кафешантанов, после чего очутились в номерах, а в это время случайный обход номеров полицией — и приятельницы попали в пренеприятную историю. Подивился вкусу и смелости первой явившейся ко мне дамы: а вдруг забеременела бы и родила бы арабчика! Хороший сюрприз был бы мужу!

Слышу вновь звонок. Подумал я: это уже делается неприятным, пожалуй, всю ночь не придется спать, а только разговаривать с загуляв-

шими дамами. Отворяю дверь, вижу: стоит еще новая дама под вуалью, третья по счету. Обращается ко мне с просьбой принять и выслушать ее о необычайном с нею приключении, после которого она считает себя опозоренной на всю жизнь».

— Что же с вами могло случиться? — спросил Савва Тимофеевич.

— Иду по улице, почувствовала себя плохо...

— Погодите! — остановил ее Савва Тимофеевич. — Вам сделалось дурно, вы очутились в номере, куда явилась полиция, составила протокол, и вы желаете, чтобы я переговорил с губернатором об уничтожении его.

— Боже мой! Почему вы это знаете? — сказала сконфуженная дама и зарыдала.

— Не плачьте, для чего это? — желая успокоить даму, сказал Савва Тимофеевич. — Все останется между нами, а теперь идите-ка спать! Завтра же вашу просьбу исполню.

Решив, что если последует еще звонок, то уже больше не пригласит даму в кабинет, а сразу на лестнице начнет не с вопроса, а с ответа: «Обещаюсь переговорить с губернатором».

К его благополучию, больше звонков не было. На другой день отправился к губернатору и рассказал о посещении его дамами ночью и об их просьбе к нему, объяснив, что это беспокойство произошло по вине полиции, занявшейся обследованием секретных номеров в гостиницах.

«Да, — сказал смеясь Баранов, — причина всех ваших беспокойств был загулявший купец. Захмелевший, вышел из «Омона» и вместо того, чтобы идти к себе в лавку, он пошел в противоположную сторону, пересек Сибирскую пристань[13], вышел на Волгу, подошел к барже, стоящей у берега, и по мосткам взошел на нее не замеченный никем, споткнулся у открытого люка и упал вовнутрь баржи. Баржа была нагружена и готова к отправке, а потому купец, к его благополучию, упал на товар и не убился, где и заснул крепким сном. Вскоре пришли люди, не заметившие спавшего в трюме купца, закрыли двери люка, повесили замки и запечатали. Баржу прицепили к пароходу, и она тронулась в путь вниз по Волге.

Очнувшийся купец после долгого спанья никак не мог понять, где он находится. Наконец уяснил: в барже с товарами, но как он сюда попал? Как он говорил, «хоть убей — не могу понять!». Наконец начал стучать в двери люка; водяной[14], находящийся на барже и помещавшийся

у руля баржи, далеко от люка, не слышал крика и стука. Уже пройдя Симбирск, ночью услышал крики и стуки внутри баржи, дал знать на пароход, что у него на барже не все благополучно. Явился капитан с людьми, открыли люк и, к их изумлению, увидали испуганного и отощавшего нашего героя. Его довезли до ближайшей пристани и сдали на руки полиции. Теперь он на ярмарке, — сказал Баранов, — в объятиях своей супруги, считавшей его окончательно погибшим».

ГЛАВА 66

Летом в 1896 году московское купечество давало обед министру финансов Витте в Сокольниках на даче миллионера Лямина.

Витте остановился в Москве перед отъездом на открытие Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде; при приглашении его на обед он высказал желание, по случаю стоящей в то время сильной жары, что лица, присутствующие на обеде, не должны быть в мундирах, и он тоже приедет просто одетым. Действительно, он приехал в смокинге, а купечество было во фраках.

Обед, понятно, был очень хороший, после него пошли пить кофе в гостиную, я же, пользуясь пребыванием на даче Лямина, отправился посмотреть оранжереи и цветники, раскинутые вокруг дачи.

Причина таковому моему желанию — вынесенное еще с детства впечатление от цветов на этой даче. Когда я гулял со старшими, меня всегда поражала дача, окруженная по фасаду затейливой чугунной решеткой, окаймленной подстриженными хвойными деревьями, прерываемыми в том месте, откуда открывался вид на дачу, на криво-извилистые дорожки сада, на подстриженные газоны, на них в изобилии разбросанные роскошные цветочные клумбы. Я уверен, что моя любовь к цветам получилась от тех впечатлений и переживаний того времени.

Осматривая оранжереи и сад с цветами, я был разочарован: все, что я видел теперь, не соответствовало оставшемуся у меня очарованию; было заметно, что за смертию любителя Ивана Артемьевича Лямина дело велось без должной любви к цветам[1]. Садовник, показывая сад и парк, между прочим рассказал, что Иван Артемьич, гуляя по саду, был однажды окружен грабителями, снявшими с него все и оставившими его в чем Бог родил.

Вернувшись на дачу, к моему огорчению, я узнал, что Витте беседовал о девальвации рубля, и его остановка в Москве была из-за желания по этому поводу поговорить с московским купечеством.

Витте встал и стоя вел разговор о выставке, и мне показалось, что он был огорчен, узнав, что многие из присутствующих на обеде поехать

на открытие не могут; как раз в это время Н.А. Найденов меня представил ему, и он сказал мне: «Надеюсь, вы-то будете на открытии выставки?» Я на открытие поехал, видел Ли-Хун-чана, катавшегося на ручной тележке по выставке, но народу было мало, и впечатление от нее у меня осталось плохое.

В этом же году, проезжая на выставку, остановился в Москве товарищ министра В.[И.] Ковалевский, пожелавший тоже побеседовать с купечеством. Беседа происходила на Бирже, в зале, назначенной для собраний выборщиков Биржевого комитета. Говорил Ковалевский убедительно и увлекательно, что на московском купечестве, стоящем близко к производительной и торговой жизни населения государства, в некотором роде лежит обязанность делиться с правительством о всех нуждах их и тем способствовать к скорейшему проведению в жизнь нужных мер для преуспеяния главных жизненных нервов страны — промышленности и торговли. Причем указал, что правительство обладает громадным штатом консулов, имеющихся во всех более или менее крупных центрах мира, и купечество могло бы ими пользоваться для нужных им сведений.

Ковалевский меня увлек своей речью. Приятно было слышать трезвый голос со стороны влиятельного лица правительства, и я сидел и думал: «Как хорошо! Раньше промышленность и торговля находились далеко от сердец законодателей, это теперь большой шаг вперед».

После заседания Николай Семенович Перлов, представитель известной чайной фирмы «В. Перлова сыновья», пригласил Ковалевского и всех бывших на заседании лиц к себе в дом обедать. Я не поехал. Парадные обеды в достаточной мере надоели, тем более ехать к Н.С. Перлову, как мне казалось, малоинтересному человеку с лицом и фигурой, напоминающими кучера любителя парадных выездов; все в нем показывало, что он любитель только обедов, лошадей и женщин. А потому я решил засесть в этот же вечер за работу над докладом Ковалевскому о тех дефектах торговли товарами, вывозимыми в большом количестве за границу, как-то: каракуля, шерсти и шелковых коконов.

Поработав до 2 часов ночи, я написал доклад и на другой день пригласил к себе в правление некоторых специалистов по этим товарам, прочел его; все собравшиеся одобрили, и я отправился к товарищу министра передать ему лично в руки, но он уже уехал в Нижний. Я поехал тоже туда, к тому же у меня были там другие дела.

Два дня я добивался его увидать, так и не мог: придешь в 10—12 часов утра — спит, подождешь час, иногда более — все спит, приедешь в

два и в три часа — ушел. Приедешь вечером — «их нет»! Пришлось уехать в Москву, не повидав товарища министра. Поручил своему ярмарочному бухгалтеру поймать его и вручить мой доклад. Он его где-то поймал и передал. Ковалевский, как мне передал бухгалтер, доклад бегло прочитал, сделал вид, что он ему понравился, просил передать мне его благодарность и что он по возвращении в Петербург немедленно даст ему надлежащий ход. Тем дело все и кончилось. Потом он был устранен от должности, как говорили, из-за того, что, будучи в Баку с одной артисткой, выдавал ее за свою жену.

Вскоре после этого стали поступать сообщения из среднеазиатских контор о большом сборе верблюжьей шерсти, идущей в значительной степени в Америку. Состояние рынка и цен на верблюжью шерсть мне не было известно, и я решился воспользоваться советом Ковалевского, обратился с запросом по этому поводу к генеральному консулу в Нью-Йорке. Послал образцы шерсти и просил его указать фирмы и лиц, торгующих ею; ответ должен был быть послан телеграммой за наш счет.

Ответ на наш запрос получился через два года письмом, из которого увидали, что новый секретарь консула, разбирая бумаги, нашел наши образцы и письмо с нашим запросом; он сообщает, что некогда имел торговлю этим товаром, ему дело это известно и он может дать нужные нам справки при высылке новых образцов.

Деловой ответ через два года можно было рассматривать как большой курьез, и я решил о нем оповестить в газете «Новое время». Редакция поместила мою заметку, но фамилию генерального консула не указала. К сожалению, в настоящее время фамилию его забыл[2].

Наш представитель В.А. Капустин, будучи в Нью-Йорке, зашел в контору консула, и он узнал: этот труженик нашего министерства пробуждается не раньше двенадцати часов дня, после чего его можно было видеть, но скоро исчезает из конторы до следующего дня.

На выставку приезжало много высокопоставленных чиновников, и некоторым из них — по старому знакомству — приходилось отдавать свою спальню в их распоряжение, а самому ночевать в рабочем кабинете.

Один из таковых был Голубев, который семь лет тому назад, будучи в департаменте торговли и мануфактур начальником отделения, сказал мне: «Вот настало времечко — господа купцы начали лазить к государю, к министрам» и т.д. — и дело, о котором я ходатайствовал, затянул на несколько лет, когда его можно было бы провести в три или четыре

месяца, и этим научил меня дела начинать не с головы, а с ног, и нужно сказать, этот пример мне был весьма полезен.

Вспоминая о Голубеве, я припомнил, что, когда я ему подал прошение и он начал его читать, сказал мне: «Кто это у вас писал? Разве так можно писать?» — и позвал чиновника, поручив ему составить прошение в духе канцелярских требований. Черновик прошения писал я, а редактировал Н.А. Найденов, как известно, излагавший деловые бумаги в совершенстве. Приехав в Москву, я не рассказал Н.А. Найденову о словах Голубева, боясь его огорчить.

Подобный этому примеру могу рассказать другой, бывший в моей жизни. В одном судебном процессе я получил от своего дядюшки ответ на мое заявление к нему; дядюшка мой по образованию был юрист. На полученный мною от дяди ответ пришлось опять писать ему, что я и просил сделать известного присяжного поверенного профессора Михаила Васильевича Духовского.

Духовской, прочитав заявление моего дяди, сказал: «Как нескладно заявление написано!» Я ему ответил: «Дядя с юридическим образованием». — «Ну, по нему видно, что он плохой юрист!» — сказал Духовской. Составленную Духовским бумагу нужно было послать через нотариуса Наттучи, бывшего известного юриста.

Наттучи, прочитав заявление моего дяди, так расхуленное Духовским, сказал: «Вы не знаете, кто писал заявление вашему дяде? Оно написано, несомненно, опытным и известным цивилистом» [3].

При миролюбивом окончании процесса я поинтересовался узнать у дяди, кто ему писал заявление. Он назвал фамилию одного из лучших по гражданским делам адвоката, фамилию которого я теперь забыл *, но потом узнал, что этот адвокат был другом известного Кони.

*Лохвицкий.

ГЛАВА 67

Иван Григорьевич Фирсанов, известный московский купец, наживший в сравнительно короткое время громадное состояние в несколько десятков миллионов рублей, был из бедного мещанского сословия города Серпухова. Родители привезли его в Москву и отдали в обучение купцу Щеглееву[1], торгующему изделиями из драгоценных камней в Гостином дворе на Ильинке.

Его работа началась, как и у всех «мальчиков», отдаваемых на обучение, с уборки помещения, разноски чая, беганья в лавочки и, главное, открывать и закрывать двери за покупателями.

Шустрый мальчик был одарен всеми благами природы: красивый, рослый, сильный, умный и обладал сосредоточенным вниманием, благодаря чему он быстро освоился с продаваемым товаром; находясь по своим обязанностям большую часть времени в магазине и внимательно слушая разговоры хозяина с мастерами, приказчиками и с покупателями, он вскоре стал разбираться в драгоценностях не хуже хозяина.

Уже к году освобождения крестьян Иван Григорьевич сделался опытным приказчиком и, отказывая себе во многом, сумел скопить небольшие средства, с этими деньгами — в это благоприятное для него время по разбазариванию помещиками своих фамильных драгоценностей — начал скупать [их] по ценам, необычайно дешевым, пользуясь их неопытностью. Помещики, продавая свои ценности, стремились только скорее выручить за них деньги, чтобы без перерыва продолжать проводить веселую жизнь, какую они привыкли вести от избытка доходов со своих имений при даровом крепостном труде.

Фирсанов ушел от Щеглеева, поняв, что скупка драгоценностей у помещиков в их имениях будет интереснее; начал объезжать имения и скупать драгоценности, наживая от них большие деньги.

Работая так, он в течение нескольких лет составил хороший капитал, что дало ему возможность расширить поле своей деятельности и заняться покупкой нетронутых лесных имений, безжалостно сводя леса, а пустую землю продавая крестьянам.

Однажды, проезжая по проселочной дороге в какое-то имение, был окружен грабителями, узнавшими, что он ездит с деньгами для расчетов за свои покупки. Фирсанов не растерялся, выхватил запасный шкворень из телеги, одного грабителя убил, другого ранил, другие, видя такую неожиданную расправу, бежали. После чего его поездки по помещикам прекратились, он решил бросить поездки по имениям, перенеся свою деятельность в Москву.

Нужно заметить, что ему счастье и удача все время благоприятствовали, можно сказать, до смешного, а с применением некоторых ловких приемов его удачи еще более усилились. И он, обладавший большими дарами, данными ему Богом, исключительно употребил их на свое личное обогащение. Мне пришлось слышать о многих его удачных приобретениях, с разными неблаговидными приемами с целью добиться их, но я расскажу о нескольких, так как остальные приблизительно все в том же духе, а потому особого интереса представлять не могут.

Фирсанов от кого-то узнал, что помещик Столыпин тяготится своим подмосковным имением и готов продать его. Я предполагаю, что Столыпин был отцом известному будущему министру внутренних дел при Николае II[2].

Имение находилось в 30 верстах от Москвы, имело более тысячи десятин лесу, в нем был большой дом-дворец, роскошно обставленный мебелью, картинами, гобеленами, бронзой, дорогими вазами и с большим количеством фамильного серебра. Покупка состоялась за 75 тысяч рублей. Сейчас же после совершения купчей крепости Фирсанов продал антиквариям за 40 тысяч рублей только очень небольшую часть движимости из дома, в том числе продал этрусскую вазу за 5 тысяч рублей, а купивший ее антикварий перепродал в свою очередь за границу за 15 тысяч рублей. Узнав об этом случае, Фирсанов сильно негодовал на антиквария и всю жизнь не мог забыть о своей оплошности, даже винил антиквария в обмане его, говоря: «Мошенник, ни за что ни про что в один день нажил десять тысяч рублей!»

В этом же году он продал московским дровенникам на сруб часть леса, разбив ее на отруба, и выручил за нее 75 тысяч рублей.

И таким образом имение ему досталось задаром, и сверх того он получил 40 тысяч рублей пользы от него. Имение это оценивалось потом в миллион рублей. На земле этого имения был выстроен Николаевской железной дороги полустанок Фирсановка.

Иван Григорьевич располагал всегда наличностью крупных денег, благодаря чему ему удавались дела, не каждому доступные; так, однажды к нему явился какой-то полячек с предложением совместно с ним купить очень большое имение в Западном крае что-то за сумму 600—700 тысяч рублей. Поляк денег не имел, но состоял в близких отношениях к владельцу имения, благодаря чему он мог это дело устроить, с тем чтобы потом вырученную сумму от продажи поделить поровну, уверяя, что они от этого дела в короткое время могут заработать большие деньги.

В имении был большой ценный лес, роскошная усадьба, и, кроме того, на земле этого имения находился город, исключительно заселенный евреями, платящими помещику аренду за нее. Поляк уверял, что евреи стремятся купить землю, находящуюся под постройкой, в собственность.

Фирсанов заинтересовался этим делом и обещал дать ответ после осмотра имения. Сам даже не поехал осматривать его, а поручил одному из своих должников, нуждающемуся в отсрочке своего платежа. Должник съездил, осмотрел и подтвердил все сказанное поляком.

Явившемуся за ответом поляку Фирсанов предложил: имение покупает он один, а ему уплачивает за труды 30 тысяч рублей после совершения купчей. Поляк не согласился и отправился искать других капиталистов в Москве, но не нашел денежного человека, могущего сразу выложить такую большую сумму, и через несколько дней явился к Ивану Григорьевичу с изъявлением своего согласия на получение за сделку 30 тысяч рублей.

Имение Фирсановым было куплено. Сейчас же было предложено всем арендаторам земли приобрести ее в собственность, и в течение короткого времени была выручена сумма, заплаченная за все имение помещику. Пахотные земли, леса и усадьба остались Фирсанову задаром и впоследствии были проданы более чем за миллион рублей.

Владея громадным количеством лесов в разных губерниях, Фирсанову по необходимости пришлось сделаться поставщиком лесных материалов на железные дороги и в другие казенные учреждения. Он умел завязывать и поддерживать хорошие отношения с лицами, ему нужными и влиятельными.

[Как-то] проводилась железная дорога в какой-то губернии, в которой у него имелись большие леса, да к тому еще совершенно спелые, их по необходимости приходилось сводить скорее. В министерстве Фирсанов

стремился получить подряд на лесные материалы, но ему его приятели чиновники дали понять, что навряд ли это ему удастся, так как у министра имеется родственник, тоже имеющий леса в этой губернии, и потому, нужно думать, подряд будет отдан ему. Зная о некоторой близости министра к молодой красивой барыне, он какими-то путями и денежными средствами добился знакомства с ней и через нее был представлен министру у нее в квартире, в которой собирались известные лица в определенные дни и играли в карты по крупной, министр тоже принимал участие в игре. Фирсанову было предложено принять участие в игре, и ему не стоило большого усилия проиграть министру несколько десятков тысяч рублей. На другой день он был в приемной министра с прошением об утверждении подряда на железную дорогу. Подряд ему был сдан.

Иваном Григорьевичем был взят очень выгодный подряд на лесные материалы для одной из железных дорог. Его лес, находящийся поблизости поставки, не мог полностью удовлетворить всю потребность, а потому ему пришлось искать еще купить или взять на вырубку лес, принадлежащий другим. Как раз у соседнего помещика был лес, особенно с любовью ухоженный, и он решился его купить, а если не согласится продать, то взять его на вырубку, и сосчитал, что ему будет выгодным заплатить за вырубку 100 тысяч рублей.

Фирсанов поехал к помещику, жившему в своей усадьбе. Оказался он больным и ворчливым стариком, принявшим Фирсанова не особенно любезно, и в довольно резкой форме отказал ему в просьбе о лесе. По лицу жены, присутствующей при этом разговоре, он понял, что отказ продать имение ей не пришелся по душе. Провожавший лакей объяснил ему, что барин женился второй раз, она сравнительно с барином молодая, жить ей в глуши, вдалеке от всех родственников скучно и стремится всеми силами перебраться в Петербург, а потому между его господами бывают довольно часто несогласия из-за этого.

Ивану Григорьевичу ясно представилась вся картина, происходящая в этой семье, он не задумываясь вручил лакею 25 рублей и попросил: если назреет решение у его господ развязаться с имением, то пусть телеграфирует ему по его адресу, он опять сюда приедет и вознаградит его за услугу и беспокойство несколькими стами рублей.

Расчет Фирсанова оказался верным: жена помещика ежедневно пилила мужа из-за нежелания его развязаться с имением и что им приходится жить в берлоге вдали от всех родственников, говоря: имение родо-

вое, скончайся он — она останется почти без всяких средств, так как со своим пасынком, наследником имения, не ладит, а по закону ей достанется 1/7 часть имения, оцениваемого по казенной стоимости, что составит сумму очень небольшую. Может ли она с процентов этой суммы прожить? — и на старости ей придется поступить в гувернантки... Муж упирался, но в конце концов не вынес часто повторяемых просьб, упреков и слез жены — сдался.

Месяца через три после первого своего посещения помещика Фирсанов получил телеграмму от лакея с извещением о подслушанном им решении супругов продать имение. Иван Григорьевич немедленно явился и, воспользовавшись почвой, приготовленной его невольной союзницей — женой помещика, сумел купить все имение за 60 тысяч рублей со всем движимым имуществом.

От продавшего имение помещика Фирсанов узнал, что сын его занимает высокий пост в Министерстве путей сообщения, и Фирсанов даже имел с ним некогда некоторые официальные отношения. Сделал распоряжение запаковать все портреты, находящиеся в доме, и отправить в С.-Петербург сыну помещика, причем написал письмо с извещением о покупке имения у его отца, с просьбой принять от него в подарок все портреты, оказавшиеся в доме, предполагая, что они ему должны быть дороги по воспоминаниям. Сын помещика, понятно, был рад такому подарку: они представляли кроме фамильных воспоминаний большую ценность, многие из них были написаны известными художниками Брюлловым и Тропининым. Счел необходимостью лично приехать к Ивану Григорьевичу и поблагодарить. После чего у них завязались хорошие отношения, способствующие к дальнейшему преуспеянию в железнодорожных поставках Фирсанова.

На состоявшихся торгах в какой-то из западных губерний на поставку лесных материалов для государственных учреждений вышел победителем И.Г. Фирсанов. Председатель, от которого зависело утверждение торгов, нашел, что договор не соответствует интересам казны, он воздержался утверждением.

Председатель был молодой, с университетским образованием, считался честным и идейным человеком, и его нельзя было подкупить взяткой, а потому Фирсанов старался узнать о его других слабостях, и ему сказали, что председатель — любитель поиграть в карты, хотя играет хорошо, но у него нет выдержки и он очень горяч. В этом городе у

Фирсанова был знакомый — разорившийся помещик, тоже любитель играть в карты, про него рассказывали, что он подплутовывает, но человек с большой выдержкой. Фирсанов и наметил его своим орудием и дал ему заимообразно 1000 рублей, с тем чтобы он поиграл с председателем, но с уговором, что если он выиграет, то должен идти до определенной цифры, а потом игру кончить.

Игра происходила в городском клубе, и, когда Иван Григорьевич увидал, что помещик обыгрывает председателя, он покинул клуб, отправившись на квартиру председателя.

Отворившему дверь лакею Фирсанов предложил сто рублей, с тем чтобы он разрешил ему войти в спальню хозяина и оставить его там одного на одну минуту, объяснив, что желает председателю сделать сюрприз. Для лакея соблазн был большой, и он про себя думал: чем можно рисковать? В спальне ценных вещей нет, да и наружность и костюм господина указывают, что он солидный, — решил впустить Фирсанова.

Иван Григорьевич, очутившись в спальне, быстро положил под одеяло уже приготовленной для спанья постели пакет с деньгами, а на тумбочку свою визитную карточку с загнутым углом. Лакей вошел в спальню после ухода Фирсанова, осмотрел комнату, ничего подозрительного не нашел, заметил только визитную карточку на тумбе, успокоился, удивляясь фантазии посетителя, могшего поручить ему положить карточку и не давая ему сто рублей.

Вернувшийся домой председатель, взволнованный проигрышем, долго ходил по кабинету, обдумывая создавшееся положение: проигрыш он должен внести завтра, но как и где он достанет деньги? Придется обратиться к евреям-факторам, но они за эту услугу потребуют для себя разных льгот, против чего он все время боролся и этим гордился. Ложась спать, он почувствовал в кровати пакет, взял его и увидал, что в нем лежит сумма, равная почти его проигрышу. «От кого это могло бы быть?» — посмотрел на тумбочку, увидал карточку Фирсанова. В эту ночь, нужно думать, председателю спать не пришлось от борьбы двух противоположных чувств, но совесть спасовала. Акт торгов в пользу Фирсанова был подписан.

Деньги текли Фирсанову большим потоком от лесных операций, он начал заниматься скупкой домов на лучших улицах Москвы и дисконтом. Ростовщиком он был злым, попавшие к нему должники и не могущие уплатить ему своевременно по своим обязательствам были достойны сожаления.

Мой хороший знакомый Михаил Николаевич Лавров, соблазненный жалованьем в 6 тысяч рублей, поступил к нему главным доверенным по всем делам; до этого он был инспектором в Московском университете.

Лавров рассказывал: Фирсанову измывательство над неаккуратными должниками доставляло большое удовольствие, и он чрезвычайно наслаждался унижением и подавленностью духа просящего. Измучив окончательно, он обыкновенно соглашался исполнить просьбу, но у некоторых он требовал исполнения какого-либо хлопотливого поручения, понятно, не платя за этот труд.

Лавров мог прослужить у него недолгое время, и в это время он был свидетелем тяжелых сцен, разбив ими свои нервы, и после одной сцены, когда рыдающий должник, стоя на коленях, с льющимися из глаз слезами, целовал сапоги Фирсанова, умоляя отсрочить платеж и не разорять его и пожалеть его малолетних детей, Лавров не выдержал, подошел к Фирсанову, швырнул ключи от несгораемого шкафа на стол и сказал: «Больше служить у вас не могу — вы не человек!» Бывший при этой сцене служащий потом передавал Лаврову: Фирсанов не понял причины возмущения Лаврова, был только очень удивлен и сказал: «Чем я его обидел? Жалованье платил аккуратно, и немаленькое».

Корзинкин, владелец крупного владения в Охотном ряду, расположенного напротив гостиницы «Националь»[3], пожелал застроить его многоэтажным домом. К этому его владению примыкал маленький домик с площадью земли не более 40—50 кв. сажень, в нем помещалась одна лавка. Оставить этот дом в таком виде значило портить вид дома Корзинкина, а потому он решился съездить к владельцу этого домика Фирсанову и предложить ему продать его; Корзинкин знал, что Фирсанов за него заплатил около 10 тысяч рублей, но, зная его скупость, он задумал заинтересовать Фирсанова высокой ценой и предложил 100 тысяч рублей, предполагая, что Фирсанов с охотой согласится.

Но Фирсанов на Корзинкина обиделся и ему ответил: «И не стыдно вам так дешево давать, ведь мы с вами вместе служили и работали, а вы меня хотите обидеть!..» Служили они в каком-то общественном учреждении в силу обязанности, налагаемой на каждого купца, платящего гильдию.

Часто потом Фирсанов при разговоре с кем-нибудь об этом случае говорил: «Вот и верь людям! Кажется, Корзинкин хороший человек, а как только дело коснулось его кармана, то не постеснялся за мой дом дать такую дешевую цену, а ведь вместе с ним служили и работали!»

Наследница после его смерти продала этот дом, как говорили, за цену меньшую, чем давал Корзинкин.

Иван Григорьевич был большой знаток лесов, он ни разу не ошибся в покупке, определяя почти без ошибки возраст, качество и на какую надобность мог бы идти лес с наибольшей коммерческой пользой.

В разрабатываемых лесах ставил опытного приказчика с маленьким жалованьем, глядя на их небезгрешные доходы весьма легко, если они не были в ущерб интересам хозяина.

Одному из соседних помещиков вздумалось рассказать Фирсанову о проделках его приказчика. Иван Григорьевич спокойно выслушал и ответил: «Странно, если бы он этого не делал, получая у меня жалованья пятьдесят рублей, имея большую семью, как же бы он мог иначе прожить? Я им доволен: он дает мне хорошую пользу».

В домашнем обиходе был скромен и скуп, распекая домашних за каждый небрежный расход; так, одному из его родственников пришлось прийти, когда он распекал свою супругу за покупку почтовой марки в лавочке, с переплатой одной копейки против почтамта.

Ремонт домов производил с чрезвычайной экономией, употребляя лесной материал, оставшийся у него на складе, гнилой, изъеденный червями, то есть такой материал, какой не брал ни один из покупателей, даже невзыскательный. М.Н. Лавров говорил: «Я боюсь по его домам ходить, всегда ожидая какую-нибудь катастрофу».

Женился Фирсанов по любви, выкрав из какого-то института пансионерку[4]. У них была лишь одна дочь — красавица Вера Ивановна, хорошо известная потом многим москвичам.

Отец выдал ее замуж за Воронина, служившего в Московском Учетном банке, где Фирсанов хранил свои деньги. Предполагают, что она вышла замуж, чтобы только скорее вырваться из-под тяжелого гнета папаши, не любя мужа.

Смерть Ивана Григорьевича была чрезвычайно тяжелая, он сильно страдал.

Всю жизнь нарушал законы духовного мира, все сосредоточивая в плоскости материальных выгод, и это сказалось при его кончине. Ключ от несгораемого шкафа, сохранявшийся в течение болезни под подушкой, и был объектом его последних дум и желаний. Было видно, как сильно его заботила мысль о последствии громадных сбережений — результата трудов всей его жизни. Он перед началом агонии вскакивал,

оглядывал безумными стеклянными глазами всех присутствующих и с болью и страхом на измученном лице схватывал ключ, стараясь запихнуть его в нос.

После смерти отца Вера Ивановна получила громадное наследство, вскоре развелась с мужем, уплатив ему миллион рублей за принятие им на себя вины. Сошлась с известным артистом Малого театра Ленским, тоже обошедшимся ей недешево. Начала кутить, потеряв всякий стыд и совесть, устраивая в своем доме афинские вечера, на один из них попал молодой красивый офицер Ганецкий. Его мужественный вид пленил ее. Он наотрез отказался от мимолетного сближения, чем сильнее возбудил в ней вспыхнувшую страсть, и она решилась сделаться его женой. Ганецкий круто повел [себя] с нею, неоднократно его нагайка стегала ее за распущенность; она с ним тоже развелась, и этот развод ей обошелся тоже не меньше миллиона.

Жена Фирсанова после смерти мужа скоро вышла замуж за какого-то авантюриста Соколова и вскоре после замужества умерла, оставив по духовному завещанию все в пользу своего мужа. Пошли усиленные слухи по Москве, что она отравлена мужем; пришлось прокурорской власти начать обследование; вырыли труп, находившийся в земле несколько месяцев, признаков отравления или задушения не нашли, и дело этим кончилось. В это дело замешали известного профессора Чичерина, выдавшего удостоверение об естественной смерти госпожи Соколовой[5].

Все описанное об Иване Григорьевиче Фирсанове мне пришлось слышать от самых близких к нему лиц: от его брата Петра Григорьевича и его племянника Ивана Петровича, женатого на моей сестре Ольге[6]. Иван Григорьевич был дружен со своим братом Петром и любил его; вызвав его из Серпухова, научил лесному делу, и Петр Григорьевич оказался достойным учеником его, сделавшимся скоро миллионером.

Иван Григорьевич рассказывал брату и племяннику все эти эпизоды не с целью хвастовства перед ними, а из желания научить их способам и приемам наживы[7].

ГЛАВА 68

В моей молодости часто приходилось слышать про Флора Яковлевича Ермакова, отличавшегося крутым нравом, расчетливостью, сильной волей. Деловые люди относились к нему с уважением и даже, быть может, с некоторой завистью, говоря: «Сильно бережет свои денежки, но и не польстится на чужие!»

Отец Флора Яковлевича — Яков Яковлевич — был в молодости крепостным Шереметевых и откупился на волю за 50 тысяч рублей, что показывает, что еще во время крепостного права он был богатым человеком. У него было двое сыновей, один умер в молодых годах, оставив жену и двух дочерей[1], и ходили слухи, что при дележе имущества они были обделены братом, но, по идеологии купечества того времени, это не считалось за преступление, так как говорили: «Для чего девочкам деньги? — приданым награждены, выйдут замуж, фамилия у них будет другая: так пусть деньги останутся в коренном роде, составляя благосостояние семьи».

Флор Яковлевич жил на Новой Басманной в собственном большом трехэтажном особняке[2], примыкающем с одной стороны к церкви Петра и Павла[3], а с другой — к полотну соединительной ветки Курской и Николаевской железных дорог, проведенной по бывшей земле Ермакова, где был у него сад.

На дворе его владения находился трехэтажный корпус, в нижнем этаже были склады товаров, а в двух верхних размещалось общежитие для монашек, прибывающих из монастырей для сборов на нужды их. Общежитие было устроено хорошо, содержалось чисто, каждой монашке полагалось отдельная кровать, белье и давалось полное содержание. Устраивая в своем доме общежитие, Ермаков выговорил у епархиального начальства право на полное подчинение общежития ему, без вмешательства духовного начальства, и шутя называл себя игуменом.

Мой знакомый Н.И. Решетников в первый день Пасхи заехал к Флору Яковлевичу поздравить с праздником; поднимаясь по лестнице, увидал интересную картину: на площадке лестницы, у второго этажа, на крес-

ле сидел Флор Яковлевич, к нему подходили монашки с поздравлением, целуясь три раза, и каждая целовала руку, расположенную на ручке кресла, обменивались друг с другом красным яйцом, причем каждой монашке он вручал серебряный рубль.

Свой дом и семью Флор Яковлевич держал крепко, «в ежовых рукавицах», не допуская никаких нововведений, с требованием исполнения всех правил по заведенному им порядку. С ним жил в доме в третьем этаже сын Дмитрий Флорович, женатый на дочери известного суконного фабриканта Носова[4].

Дмитрий Флорович, когда бывал в театре, после возвращения домой, желая угостить свою супругу чаем, принужден был снимать сапоги и в чулках, ощупью пробираться по лестнице в первый этаж, где находилась кухня, боясь скрипом ступеней деревянной лестницы разбудить папашу и тем вызвать его гнев за неурочное чаепитие; сам разогревал самовар и с такими же предосторожностями водворял самовар в свою комнату.

Такая жизнь Дмитрию Флоровичу, понятно, нравиться не могла, особенно жене, привыкшей в своей родной семье к более свободной жизни. И для него выпал благоприятный случай, которым он и воспользовался, чтобы убраться из-под гнета отца.

Однажды Флору Яковлевичу потребовалось поехать в Петербург на несколько суток. Перед отъездом позвал сына и вручил ему ключи от несгораемого шкафа с приказанием: «Завтра уплати такому-то столько-то, деньги лежат в несгораемом шкафу; отдашь деньги, возьми расписку». По принятому обычаю, Флор Яковлевич и вся его семья сели, потом встали, помолились на образа, все его поцеловали в щеки и руку, и он отбыл.

На другой день Дмитрий Флорович в точности исполнил приказание отца. Беря деньги из несгораемого [шкафа], ему бросились в глаза толстые тетради, лежащие на полках шкафа, достав одну, он увидал, что в них заключаются паи вновь утвержденного Товарищества Ф.Я. Ермакова. В то время многие крупные идентичные фирмы свои личные дела переводили в товарищества, понимая, что эта система управления весьма удобна для них: дает большое преимущество в случае смерти хозяина предприятия, дело не приостанавливалось, а продолжалось, как при живом хозяине[5].

Дмитрий Флорович заметил, что на паях не имеется надписи владельца их, что по закону полагается, между тем имеются подписи чле-

нов правления, бухгалтера, кассира и изображение печати, а потому не будет большого труда на пустых местах паев написать свое имя, отчество и фамилию, вырезать [паи] из всех тетрадей на сумму 500 тысяч, что не может броситься в глаза отцу, — вот он и будет с деньгами! Так и поступил.

Вернувшемуся отцу вручил ключи и оправдательный документ в платеже. После того прошло несколько месяцев, к Ермакову является какой-то присяжный поверенный и заявляет:

— Я, к большому моему удовольствию, имею счастье состоять пайщиком в вашем товариществе, явился в правление, чтобы оформить покупку паёв и перевести на мое имя, между тем в правлении никого нет, даже бухгалтера и кассира, тогда, извините, пришлось побеспокоить вас.

— О каких паях изволите говорить? — спросил Ермаков. — Я паёв никому не продавал.

— Паи вашего товарищества, купленные мною у Дмитрия Флоровича, состоящего директором в товариществе, со мной имеется передаточное заявление, с бланком бывшего их хозяина, теперь требуется только отметка в паевой книге и такая же отметка на паях.

У Ф.Я. Ермакова, как говорят, глаза полезли на лоб от слов поверенного, он так рассердился, что вскочил с места, затопал ногами и выгнал его вон.

Долго не мог прийти в себя Флор Яковлевич, бегая по комнатам, с клокочущим в нем гневом о нахальстве «ярыжника» — так он величал поверенного, — явившегося, несомненно, с целью подобраться к его денежкам.

Еще он не успел окончательно прийти в себя, как лакей доложил о приходе полицейского пристава совместно с человеком, бывшим у него два часа тому назад, и что они требуют приема их.

У Флора Яковлевича это сообщение вызвало реакцию в его злобном настроении; в голове блеснула мысль: когда являются представители законности и порядка, то несомненно, по каким-нибудь нарушениям кодекса уголовного или гражданского. Он сердито сказал лакею: «Зови!»

Придется вернуться к присяжному поверенному, выгнанному Ф.Я. Ермаковым. Он немедленно отправился в Басманную часть[6], недалеко находящуюся от дома Ермакова, к приставу, которому и сделал заявление о нанесенном ему Ермаковым оскорблении от высказанного им жела-

ния исполнить необходимую формальность при переходе паев от одного лица к другому, в силу устава высочайше утвержденного товарищества. Причем указал, что не только не имеется на доме, где товарищество помещается, вывески или объявления, но и не существует никакого правления и его штата, т.е. бухгалтера и кассира, а потому приобретший паи товарищества не имеет возможности исполнить требуемую уставом отметку в паевой книге и также получить отметку на приобретенном им пае. И просит пристава удостоверить справедливость его слов и подтвердить законным актом его заявление и, в свою очередь, привлечь председателя правления Ф.Я. Ермакова к ответственности за самоуправство.

Пристав был доволен возбужденным присяжным поверенным делом: это давало ему право думать, что толстосум-богач Ермаков не отделается от него нашаромыжку и даст ему возможность к уже полученной от присяжного поверенного сумме за его беспокойство еще прибавить некоторую сумму для его экстраординарных расходов, а потому немедленно и с удовольствием отправился к Флору Яковлевичу. Идя к Ермакову, пристав взвесил все слова, которые придется говорить, с ударением на некоторые фразы, могущие действовать на психику Флора Яковлевича. Пристав, поздоровавшись с Флором Яковлевичем, в мягких, но сильных выражениях выставил его виновность, как нарушителя устава товарищества, высочайше утвержденного государем, а следовательно, он противодействует не только закону, но и высочайшему вождю — государю.

Ермаков ответил: говорят о паях его товарищества, между тем они все находятся у него в шкафу, и он никому их не продавал.

Тогда присяжный поверенный вытащил из портфеля пай и подал. Ермаков увидел, что пай его товарищества; в нем были вписаны фамилия, имя и отчество его сына, на другой стороне пая стоял его бланк на передачу присяжному поверенному. Он бросился к шкафу, вытащил папки с паями и увидал, что из каждой вырезано несколько паёв и в корешках помечено имя его сына.

С Ермаковым чуть не сделался удар, и он покачнулся; если бы не помощь пристава, то он упал бы на пол. Посидев немного, придя в себя, он попросил пожаловать к нему на другой день для окончания этого дела.

Не буду рассказывать о страшной ссоре, происшедшей между отцом и сыном, она понятна каждому. Флор Яковлевич купил паи у сына, и Дмитрий Флорович покинул дом отца на много лет.

Ф.Я. Ермакову уже не представлялось интересным вести свое большое фабричное предприятие: для кого и для чего ему придется хлопотать? Все паи своего товарищества он продал Л. Кнопу.

Через пять или шесть лет состоялось примирение между отцом и сыном, и Флор Яковлевич посещал своего сына; однажды он приехал к Дмитрию Флоровичу в то время, когда у него сидел в гостях Н.И. Решетников, который мне и рассказал: обрадованные приездом отца, сын и невестка засуетились приготовлением угощения. Флор Яковлевич остановил их, сказав: «Ничего не надо, в передней лежит кулечек с закусками, и их хватит на всех нас». Из него достали четвертушку водки, колбасы вареной и копченой, сыр, хлеб и еще что-то, но всего понемножку.

Во время общего разговора Флор Яковлевич заметил стоящее кресло отличной работы, он спросил сына: «Должно быть, дорого за него заплатил?» — «Что вы, папаша, совсем дешево, купил по случаю на распродаже и заплатил только двадцать рублей». «Дешево, — ответил Флор Яковлевич. — И хорошо, делает тебе честь: захочешь продать — дадут дороже». Дмитрий Флорович нарочно уменьшил стоимость покупки, чтобы этим расположить к себе старика, зная его слабую сторону: купить хорошо и дешево! На самом же деле кресло было куплено у Шмита, лучшего фабриканта мебели, и заплачено за него 500 рублей.

Москва сильно нуждалась в больнице для душевнобольных; имелась только одна, старая, неудобная, переполненная больными — Преображенская[7]. Бывший в то время городским головою Н.А. Алексеев, отличавшийся особой деятельностью и талантливостью, решил добиться постройки психиатрической больницы. У города для этого средств не имелось, и Алексеев задумал собрать их среди московских миллионеров[8]. Для этого отправился к каждому из них с просьбой пожертвовать на это благое дело. Приехал и к Ф.Я. Ермакову, изложив ему причину своего приезда, с просьбой оказать помощь городу. Флор Яковлевич его выслушал и ответил: «Жертвуй, все жертвуй! Ну, а что мне от этого, ведь никто в ножки мне не поклонится».

Алексеев снял с себя цепь, бывшую на нем как эмблема городского головы, положил на стол и, к необычайному изумлению Флора Яковлевича, повалился к нему в ноги, касаясь лбом пола: «Кланяюсь и прошу вас, Флор Яковлевич, ради массы страждущих, несчастных и бесприютных больных, не имеющих возможности лечиться, пожертвовать

на это доброе дело!» Обескураженный Ермаков встал, пошел в кабинет, откуда вынес чек на 300 тысяч рублей и вручил Алексееву.

Эта сцена описана мною со слов Н.А. Алексеева, а из сообщения родственников Ермакова мне пришлось слышать другую версию, которую я и сообщу, предполагая, что она, быть может, вернее, так как, мне думается, Н.А. Алексеев не счел возможным рассказывать все подробности разговора из-за нежелания поставить в неловкое положение Ермакова и тем отчасти обидеть щедрого жертвователя, могущего и в будущем пригодиться. Когда Н.А. Алексеев рассказал Флору Яковлевичу о нужде города в больнице для душевнобольных с просьбой пожертвовать на ее постройку, то Ермаков вынул из бумажника три рубля и положил на стол перед Алексеевым.

— Что вы, Флор Яковлевич, — сказал Алексеев, — смеетесь? Городской голова не поехал бы собирать по трешницам, у него на это времени и желания не хватило бы!

— Как просится, так и дается, — ответил Ермаков.

— Что же вам нужно, в ножки, что ли, поклониться? — сказал с возмущением Алексеев.

— Ну, а хотя бы и в ножки! — ответил Ермаков.

Тогда Н.А. Алексеев проделал все, о чем я написал ранее. Флор Яковлевич вручил Алексееву 300 тысяч рублей, не забыл взять свою трешницу со стола и положил ее в бумажник, нужно думать, опасаясь, что Н.А. Алексеев и ее возьмет.

На Канатчиковой даче на деньги Флора Яковлевича выстроен большой корпус больницы под наименованием «Ермаковский».

Мария Николаевна Васильева, обладательница большой памяти и любительница археологии, и ее брат Федор Николаевич Малинин, с университетским образованием, были внучатами Ф.Я. Ермакова и его крестниками и дали мне своими рассказами [возможность] добавить коечто из жизни этого старого купца XIX столетия, так сказать «последнего могиканина». Больше таковых новому потомству увидать не придется.

Ермаков любил крестить всех своих близких родственников, и у него их было порядочное количество, что-то вроде 25 человек. Всем его крестникам, так сказать, было вменено в обязанность посещать крестного отца на Рождество, в Новый год, на Пасху и в дни именин его и его жены, что они с особым удовольствием исполняли. Обыкновенно они приезжали к нему в дом в час дня, так как в два часа начинался обед, и

было Боже упаси опоздать, за что им бы очень досталось. Приехавшие все собирались в залу и, когда они были в полном сборе, скопом входили в кабинет Флора Яковлевича.

Флор Яковлевич торжественно восседал на большом кресле, и руки его покоились на ручках его; рядом с ним на столе стояло блюдо, наполненное старинными монетами. При виде входящих он кричал: «Стройся по классам!» Это значило: старшие по годам крестники становились впереди и считались за первый класс, подходили первыми, а младшие — вторым классом. Соблюдалась строгая очередь: подходя, поздравляли и целовали у него руку, и он каждому крестнику первого класса вручал империал, а младшим своим крестникам — по полуимпериалу.

Однажды отец одного из крестников шутя сказал:

— Не пора ли, Флор Яковлевич, некоторых перевести из второго класса в первый?

— Зачем лезть в петлю раньше времени! — ответил Ермаков.

В два часа ровно садились за стол, сервированный посудой Императорского завода, купленной еще отцом Флора Яковлевича вместе с имением у Шереметева, у которого его отец раньше был крепостным. После обеда молодежь шла в залу, и Флор Яковлевич кричал: «Семен, машину!» Лакей Семен являлся с валом и вставлял его в машину, какие обыкновенно в то время бывали в трактирах, и заводил ее. В скоромные дни вставлялись валы с разными песнями и ариями из опер, преимущественно из «Аскольдовой могилы»[9], а в постные дни с духовным пением. Молодежь слушала музыку, потом устраивались танцы под рояль, а старшие размещались в других комнатах обширного дома.

Флор Яковлевич, устроив детей, предлагал курящим пожаловать в кабинет, куда лакей после его выкрика: «Семен, сигар!» — приносил ящик сигар и зажженную свечку, и всем предлагал брать их, делал вид, что он не следит, кто сколько взял сигар. Но своими хитроплутоватыми глазами замечал каждого взявшего с лихвой — и к тем он не особенно благоволил.

Отец Федора Николаевича Малинина был инспектором всех народных школ в Москве и получил назначение председателем комиссии по реставрации какого-то очень старинного храма, кажется, в городе Ростове. Денег на ремонт казной было отпущено мало, тогда Малинин обратился к Флору Яковлевичу, объяснив всю важность сохранить этот храм для потомства. Ермаков выслушал и ответил: «Ладно!» Малинин был в

затруднении: как понимать слово «ладно»? Ермаков может дать трешку, может и тысячу... Он решился переспросить: «А все-таки сколько вы ассигнуете?» — «Пошел прочь! Я сказал — ладно! Чего тебе еще?»

Малинин подумал-подумал и решил ремонт произвести хорошо, так и сделал, что обошлось более 10 тысяч рублей. Собрав все счета, он подсчитал всю затраченную сумму ремонта, отправился к Ермакову, думая с волнением: «Заплатит ли?»

Флор Яковлевич спросил Малинина: «Какая общая сумма?» Тот ответил, вручая ему все счета с отчетом. Флор Яковлевич не посмотрел на них, а, разорвав в клочки, бросил и выдал сполна всю сумму, сказанную Малининым.

Как-то Флор Яковлевич в день именин своей жены, которую звали Екатериной[10], предложил гостям пойти в общежитие монашек, сказав: «Они нам споют». На что его внучек Медынцев заметил: «Что там споют! Вот если бы монашка Феклуша проплясала, было бы хорошо!»

«Как проплясала? — заметил Ермаков. — Монахини не пляшут!» — «Ну вот! — отвечал Медынцев. — Я сам был свидетелем, как Феклуша плясала».

Оказалось, дело было так: компания кутящих, где присутствовал и Медынцев, перекочевала из «Яра» или «Стрельны» в четыре часа утра, когда они закрываются, в какой-то ресторан-кабак, торгующий всю ночь без перерыва. К компании, подъехавшей к этому ресторану, подошла молодая красивая монашенка и попросила пожертвовать что-нибудь на монастырь. Ей сказали: «Если попляшешь нам, то тогда дадим, а иначе ничего не получишь!» Монашка задумалась, но решила: раз она будет плясать Господа ради, то это еще не грех, — и согласилась. Когда она сняла монашеское облачение, оказалась стройной и изящной девушкой и заплясала, постепенно все более и более расходясь.

Ее пляска компании сильно понравилась, и ее засыпали деньгами, записывая данные суммы в монастырскую книжку. От предложения с ними посидеть и закусить она наотрез отказалась, говоря: «Мне плясать не полагается, но что плясала Бога ради, думаю, этим ничего дурного не сделала».

Нахмурившийся Флор Яковлевич с гостями отправился в общежитие. Предупрежденные монашки встретили гостей пением «Достойно есть...»[11], потом спели тропарь празднику Святой Екатерины. После чего Флор Яковлевич спросил: «Кто здесь Феклуша, танцующая по кабакам?»

Вышла вся бледная Феклуша и трепещущим голосом сказала: «Действительно, я плясала, но делала это не для удовольствия своего, а для Бога. Господа не хотели иначе пожертвовать, а я своей пляской собрала большую сумму, что можно видеть из моей монастырской книжки». — «Хорошо, — сказал Флор Яковлевич. — Если ты в кабаке плясала, то попляши и нам».

Он и все гости разместились на стульях; в образовавшемся кругу Феклуша пустилась плясать под пение монашек и битье в такт в ладони. Малинин говорил, что она пляской всех привела в восхищение. Флор Яковлевич встал и сказал: «Хорошо плясала! И плясала Бога ради!» — вручая всем на монастыри триста рублей.

Когда скончался Ф.Я. Ермаков, то он своим детям ничего не оставил, а все свое большое состояние назначил для благотворительности по усмотрению правительства, что и было разделено между разными министерствами[12].

ГЛАВА 69

Мне пришлось в первый раз быть на Нижегородской ярмарке в 1886 году и прожить на ней около полутора месяцев.

Первое мое впечатление от посещения ярмарки было большое и, пожалуй, подавляющее — от всего, что на ней было настроено и приспособлено для торговли и житья, функционирующего лишь в продолжение полутора месяцев, а остальное время года закрытое и необитаемое.

Невольно задаешь вопрос: возможно ли, что все эти затраты на постройку и содержание ее окупаются кратковременной торговлей?

Вся ярмарочная площадь была разбита на правильные прямоугольные участки, на которых были построены двухэтажные каменные корпуса, с лавками в первом этаже, а второй этаж предназначался для жилья. На образовавшиеся внутри этих построек площади складывались товары, покрываемые рогожами, лубками, а впоследствии брезентами; посреди этой площади находилась общая уборная.

По фасаду вокруг этих зданий шли галереи в ширину тротуара, на чугунных столбах, нужно думать, с целью, чтобы покупатели могли смотреть на выставленные товары во время дождя; кое-где попадались трехэтажные дома, где в двух верхних [этажах] были гостиницы и рестораны. Образовавшиеся проезды между корпусами были замощены булыжником, а тротуары бетонированы.

На ярмарке был водопровод и у каждого здания по несколько пожарных кранов. Вокруг всей ярмарки шел каменный тоннель, куда спускались по каменным винтовым лестницам, устроенным через известные промежутки; в тоннелях находились уборные для публики, и здесь разрешалось курить. Курить же на улицах и площадях ярмарки строго воспрещалось, и делающие это наказывались притом и штрафом. Неоднократно мне приходилось видеть, как какой-нибудь шутник вынимает папиросу и берет в рот, делая вид, что как будто не замечает полицейского, стремительно бросающегося, чтобы задержать его, но прохожий идет спокойно и не зажигает; полицейский, догадываясь, что все это

им проделано нарочно, сердито отходит прочь, чем вызывает у зевак хохот.

Тоннели дезинфицировались карболовкой и еще какими-то жидкостями, издающими неприятный запах, выходящий на улицы через отверстия, устроенные для освещения тоннелей, распространяя на всю ярмарку амбре этого запаха.

Самое большое и красивое здание на ярмарке было Главный дом[1], еще во время моего первого приезда только строящийся. В верхних этажах этого дома помещались ярмарочный комитет с большой залой для собраний, Государственный банк, почта, телеграф и еще разные другие учреждения. Во время ярмарки в него переезжал губернатор из своего нижегородского губернаторского дома, и была квартира председателя ярмарочного комитета.

Фасад Главного дома выходил на сквер, с дорожками, с клумбами цветов на газонах, в сквере размещались несколько павильонов с продажей воды и ресторан. С другой стороны Главного дома тянулся бульвар до старого, красивой архитектуры собора; на бульваре росли старые тополя, немного разнообразя довольно монотонную застройку однообразных зданий.

Нижний этаж Главного дома был занят сплошь различной торговлей, выходящей своими выставочными окнами и дверьми во внутрь Главного дома, внутренность которого была обращена в пассаж, со стеклянным перекрытием на крыше. В этом пассаже были расставлены витрины, торгующие разными товарами. Особенно посещаемые публикой магазины были: торгующие пуховыми дамскими платками из Оренбурга, нежными и тонкими: платок в несколько сажень длины свободно проходил через дамское кольцо; Лагутяев из Екатеринбурга с разноцветными камнями и изделиями из них; продавцы туркменских и персидских ковров; казанского мыла с запахами розы, мяты; пряники из Тулы, Вязьмы и Смоленска и другие сладости; беленькие детские пальто и рукавички, сделанные из козьего пуха, и т.д.

В пассаже Главного дома днем и вечером играл оркестр военной музыки, обыкновенно вечером [он] был битком наполнен гуляющей публикой.

Почти единовременно с постройкой Главного дома было разрешено правительством купечеству на пустопорожних участках на ярмарочной территории возводить торговые здания. Таковым разрешением первым

воспользовалось Товарищество Никольской мануфактуры «С. Морозова сын» и воздвигло большой дом с большими удобствами для торговли, а за ним последовали и другие крупные фирмы. Образовались новые ряды зданий, не соответствующих по архитектуре и высоте старым зданиям, построенным по планам генерала Бетанкура, уже отживающим свое время, мало давая удобства для торговли и жизни.

Ежегодно ярмарка весной затапливалась водой, вплоть до потолков первого этажа, а в года сильных разливов вода доходила до подоконников второго этажа. В это время ярмарка представляла интересное зрелище, наподобие Венеции, с торчащими из воды зданиями. После спада воды начиналась просушка зданий, благодаря решетчатым дверям, поставленным вместо плотных, наполовину стеклянных, заменяемых еще осенью, после окончания ярмарки.

За месяц до открытия ярмарки посылались лица для производства ремонта помещений, а к 10 июля выезжала часть служебного персонала для принятия от железных дорог и транспортных обществ товаров. Товары перевозились в лавки, разбивались, укладывались по полкам по сортам, а более тяжелой выработки — на полу лавки.

15 июля бывало молебствие у Главного дома, после чего на устроенных специально шестах поднимались флаги, и всероссийский торг считался открытым; раньше же этого никто не имел права начинать торговлю, и нарушение этого каралось законом.

Мануфактурная торговля начиналась как раз от амбара Товарищества С. Морозова, по улице, пересекающей всю ярмарку, и заканчивалась на Сибирской пристани; мануфактурные ряды шли до канавы, распространяясь в ту и другую сторону от улицы, в одну сторону — до Главного дома, а в другую — до старого собора, где заканчивались рядами, называемыми Китайскими.

Раньше Китайские ряды были сосредоточием всех лучших и больших фирм, и это место очень ценилось, но потом, уже ко времени моего первого приезда на ярмарку, [ряды] потеряли свое значение, некоторая их часть пустовала, и в занятых ютились торговцы разными товарами.

Эти ряды потому назывались Китайскими, что они были выстроены наподобие китайских, углы крыш загнуты, как это можно видеть на рисунках, изображающих китайские здания, окнами с мелкими переплетами и вообще другими своими орнаментами подходящие к китайским.

Около каждой двери лавки стояла скамейка как будто для отдыха хозяина или доверенного, а на самом деле служила местом наблюдения

за проходящими покупателями, которые, проходя мимо, здоровались с сидящими, присаживались, потом их упрашивали зайти в лавку, а попавшие туда что-нибудь покупали, а потом приглашали во второй этаж, где в комнате хозяина или доверенного был накрыт стол, уставленный бутылками вин, водками и разными закусками. Покупатель размягчался, прикупал еще товаров и часто делался впоследствии интересным покупателем фирмы.

За канавой налево начинались лавки с персидскими товарами: сушеными фруктами, фисташками, миндалем, рисом и коврами — с сидящими в них персами в высоких мерлушковых шапках, в однотонных желтых халатах, с накрашенными бородами и ногтями, и вы выходили к караван-сараю и мечети, вокруг которой была торговля каракулем, шелком-сырцом, сарноком и другими разными товарами из Азии. В этой местности ютились татары, хивинцы, бухарцы, и кругом слышались гортанные речи азиатов в халатах и чалмах.

Если же, перейдя канаву, пойдете направо, то выйдете к театру, окруженному домами с лавками мебели, зеркал, медных изделий, готового белья и платья. Поблизости от театра был мост через канаву, на котором были выстроены лавки, называемые «Бразильским пассажем», где была только мелочная торговля.

Если от канавы идти прямо, то попадали на шоссе, идущее от плашкоутного моста параллельно Сибирской пристани. За шоссе по правой стороне стоял новый собор, окруженный тоже лавками с разными товарами. Шоссе заканчивалось на площади, приспособленной для народных гуляний с самокатами[2], балаганами и разными другими играми, всегда наполненной народом с гармониками, шарманками, хохотом, криком и пением.

Между шоссе и Сибирской пристанью были лавки в так называемом Ярославском ряду, наполненные разным старьем. К моему сожалению, я познакомился с родом их торговли очень поздно, хотя часто проходил мимо их, видя висевшие на стенах старые шелковые платья, камзолы, кокошники, обшитые бусами, жемчугом, старинные иконы — все эти вещи меня не интересовали, но однажды случайно попал к какому-то торговцу, приехавшему из Заволжья, я у него в укромных местах его небогатой лавочки находил замечательные вещи; фамилию его забыл, но он мне сказал, что много продавал г-ну Щукину, владельцу музея[3]. Я у него купил довольно много разных вещей, и некоторые из них оказались редкостными. Купил у него серебряный поднос Елизаветы Анг-

лийской, ее времен, из-за которого у меня вышла чуть не драка с одним евреем из Варшавы, намеревавшимся отнять его силком, но я ему не дал; маленький серебряный ларец для сохранения драгоценных вещей, на крышке ларца были сделаны фигуры борющихся рыцарей; эта вещь была сильно попорчена, загрязнена, со сломанными фигурами, но части сломанные не были затеряны. Отдал эту вещь реставрировать, она оказалась времен Генриха IV; купил серебряную карету, запряженную цугом в шесть пар лошадей, работы времен Екатерины II. Много было у него приобретено ковшичков, жбанов времен Алексея Михайловича, ручных полотенец с замечательными вышивками и женские тонкие покрывала.

Как рассказывал этот продавец, он объезжает имения, находящиеся вдалеке от железных дорог, и в бывших барских усадьбах покупает разный хлам, и вот между отбросами домашнего хлама попадаются ценные музейные вещи.

Сибирская пристань, расположенная на песочной отмели при слиянии Оки с Волгой, тянется на большом протяжении, в летние месяцы, и в особенности во время ярмарки, представляет из себя оживленное место: поминутно приходят пароходы с баржами, нагруженными товарами, с толпами крючников, с надетыми у них на плечах и спине толстыми матами[4] для облегчения ношения тяжести; разбросанные по пристани десятичные весы[5], около которых группы ссорящихся приемщиков и сдатчиков, каждый из них старается надуть другого; с толпою крючников, поднимающих легко тяжелые кипы к себе на спину и с легкостью несущих по сходням в вагоны, укладывая на место, и почти бегом возвращающихся обратно, с непременным криком и трехэтажной руганью для споренья работы. Вся пристань завалена разного рода товаром, между которым снуют агенты транспортных контор, купцы русские и азиатские и их приказчики, разыскивающие свои товары по маркам и номерам. Жизнь кипит, и чувствуется биение пульса могучего существа — торговли.

Я рисовал себе в голове ярмарку громадным чудовищем с большим, необъятным ртом и брюхом, с толстой шеей, с узким лбом, но пронырливым и хитрым существом, копошившимся в грязи, в вони, с поглощением массы товаров, изрыгая их по всем частям необъятной России. Оно работало без устали с раннего утра до поздней ночи без праздников и отдыха, еще затрачивая часы спанья на бесшабашные кутежи.

В ярмарке не находилось ничего, что будило бы мысль, поднимало бы твой дух — все в ней было так низменно и духовно придавлено.

Театр был, но с плохим составом артистов; библиотека была, но набитая разным старьем; книжные лавки отсутствовали, понятно, не считая оптовых лавок лубочных изданий, продаваемых в количестве многих миллионов штук. Вы не могли найти ни одной серьезной книжки, предполагаю, из-за малого спроса; даже в городе Нижнем в книжных лавках трудно было найти что-нибудь интересное и новое, а на станциях железной дороги в киосках была только макулатурная дрянь.

Единственное место, где еще было можно отдохнуть душою, любуясь на красивую панораму слияния Оки с Волгой, со шныряющими и стоящими пароходами и баржами, и на Заволжье, с вдыханием довольно чистого воздуха, — это Откос[6]. Но он находился в центре города и занимал небольшое пространство, и то на нем был трактир и торговые палатки.

Как были велики в мои первые годы впечатления от ярмарки, хотя ежегодно они постепенно сглаживались, понижались, так и потом, через десяток лет, приходилось приезжать туда уже с сожалением, а покидать с особой радостью.

Биение пульса ярмарки с 15 августа начинает ослабевать, ежедневно понижаясь; с этого времени наблюдался значительный отъезд по железной дороге и на пароходах. Шла оживленная торговля бриллиантами. Поторговавшие хорошо купцы закупали их в приданое дочкам; другие, расставаясь со своими «увлечениями», подносили дорогие безделушки своим пассиям на память.

Мне рассказывал Николай Николаевич Дружинин, хозяин фирмы «Немиров-Колодкин», торгующий в Москве и на ярмарке драгоценными вещами, что не раз ему приходилось покупать свою же вещь, только что проданную известному и почтенному купцу, говорившему, что он покупает для своей супруги, от известной певички, желающей вместо вещи получить деньги.

Особенно много тратили на покупку бриллиантов азиатские купцы, с их увлечением русскими женщинами, которые, умело эксплуатируя их, вымогали от них дорогие подарки.

Но многие, покидая ярмарку, не чувствовали радости, а, наоборот, плакали, чему я сам был свидетелем, как один, расставаясь со своей дамой, плакал, она в свою очередь проливала слезы, усаживая своего поклонника в вагон.

ГЛАВА 70

Купечество, оторванное от привычного образа жизни, от своей семьи на месяц, иногда и более, работало на ярмарке с раннего утра не покладая рук, а вечера проводило в трактирах со своими приятелями и покупателями. Большинство из них смотрели на трактиры не как на исключительное место развлечений, но [посещали их] по необходимости видеть вновь прибывших покупателей, поговорить с ними, узнать от них все новости того города, откуда они прибыли, и в свою очередь наблюдали за теми лицами, в кредитоспособности которых сомневались.

Трактиры были наполнены хорами с певицами, хотя, быть может, и с небольшими голосами, но с красивыми лицами. Выпитое вино и близость красивых и доступных женских лиц кружили головы не только у молодых, но и у старых купцов; зачастую они теряли свою привычную сдержанность: у них начиналось «море разливанное».

Вспоминаю свои впечатления от первого посещения ярмарочного ресторана, куда я попал, чтобы пообедать, благодаря близости с моей гостиницей. Большая зала, залитая светом ламп, была переполнена публикой. Я заметил в самом удаленном уголке залы маленький столик, к нему и пробрался. Заказав обед, я с любопытством начал осматривать залу с сидящей в ней публикой. У каждого столика сидела своя компания, велся между ними общий разговор с хохотом; у некоторых из них лица были сосредоточенны, и было видно, что они вели беседу деловую, только их лишь касающуюся, они подвигались друг к другу, шепча на ухо, слушавший его махал рукой и с раскрасневшимся от волнения лицом тоже отвечал ему на ухо, но было видно, что дело у них налаживается: один из них схватил руку другого и своей другой дланью ударил по ладони своего собеседника, тот не вырывал руку, а пожимал ее — дело состоялось! Ударивший по руке другого что-то сказал половому, тот с поклоном и улыбкой, размахивая салфеткой в руке, побежал в буфет, неся оттуда бутылку шампанского, поставленную в жбан со льдом, и подручный ему мальчик [нес] тарелку с жаренным в соли миндалем. Красивая певичка, вьющаяся около столика, знала, что скоро

она пригодится, подошла к ним, и ее попросили сесть, и пир начал разгораться...

Позвали распорядителя, ему что-то сказали, и он, тоже кланяясь и улыбаясь, как половой, им что-то ответил. И я увидал, что вся эта компания встала из-за стола и во главе с распорядителем пошла из залы в коридор, а за ней несколько половых несли оставшиеся вина и кушанья в отдельный кабинет, откуда скоро раздались звуки пианино, хора и визг. Разгул, нужно думать, пошел надолго.

Еще не успели половые приубрать стол, оставленный компанией, как я увидал, в залу ввалилась большая новая, во главе которой шли двое высоких солидных стариков с седыми бородами. Распорядитель и несколько половых, ласково улыбаясь, подобострастно кланяясь, бросились к ним навстречу, указывая им освободившийся стол.

Я узнал этих стариков — известных мыльных фабрикантов миллионеров Федора и Филиппа Архиповичей Серебряковых, торгующих на Ильинке в Москве, в том доме, где и я работал, ежедневно подъезжающих на своих рысаках к амбару[1].

Быстро на их столе появился целый ряд бутылок и закусок. Компания сидела чинно, закусывая, чокаясь, и вела беседу. Подали большую разварную стерлядь, суетящиеся половые, показав ее компании, поставили на отдельный столик, ловко раскладывали на тарелки, обливая белым шампиньоновым соусом, разносили каждому.

Я увидал: к их столу пробирался улыбающийся купец. Компания его тоже заметила, раздались радостные возгласы: «Наконец-то приехал! Что с тобой, где пропадал? С женой ли приехал?» — «Шалить изволите! — отвечал купец. — В Тулу со своим самоваром не ездят!» Раздался хохот, многие помоложе вскочили, начали обнимать, усаживая его рядом с Серебряковыми.

Пили за его здоровье, требуя, чтобы он выпил столько же рюмок, сколько было выпито ими до его прихода, чтобы сравняться с ними. Было видно, что этот прибывший — душа их компании, и, когда я, пообедав, уходил, за их столом было шумно, весело, с хохотом и шутками, и я видел уже сидящую певичку на коленях у одного из Серебряковых, что-то нашептывающую ему на ухо.

На другой день после посещения мною этого трактира ко мне зашел мой компаньон по делу, почтенный купец Иван Иванович Казаков, приехавший на несколько дней на ярмарку, пригласивший меня пообедать. Он привел меня в трактир под наименованием «Никита Егоров»,

как он мне рассказал, один из лучших на ярмарке. Трактир размещался в двухэтажном доме, находился невдалеке от Китайских рядов, но за канавой, на отлете от других зданий.

Мы расположились в нижнем этаже, где было две залы, в одной из них стояла стойка с разными закусками и винами, за ней стоял хозяин, принимая от лакеев деньги и выдавая им ярлыки для кухни. Убранство зал было самое простое, но чистое и опрятное. Обед приготовлен был хорошо, но что мне особенно понравилось — поданные к жаркому маринованные ягоды, фрукты; мне таких вкусных нигде не приходилось есть. Казаков мне сказал, что трактир этими маринадами славится и приготовлением их занимается бабушка хозяина, и действительно, со смертью ее маринад исчез из трактира Никиты Егорова.

Во втором этаже была большая зала с эстрадой, где пел хор известной Анны Захаровны Ивановой, и наверху размещалось несколько кабинетов.

Трактир Никиты Егорова мне понравился, публика собиралась в нем гораздо чище и вела себя пристойнее, чем в том, куда я попал впервые, а потому я решил ходить сюда обедать ежедневно.

Пошел наверх, засел в зале, где пел хор Ивановой, выбрав столик, откуда бы я мог его видеть хорошо. Вышел аккомпаниатор, за ним потянулся довольно большой хор, расположившийся в два ряда, спереди стояли певицы, а сзади певцы. Я осмотрел всех стоящих. Какое же мое было удивление: среди певиц стояла моя знакомая. Глаза наши встретились, и я заметил, как она покраснела, потупила глаза и больше не смотрела в мою сторону. Я решил ждать следующего выхода хора. Хор вышел, но моей знакомой девушки в хоре не было; остался еще, но она больше не появлялась. Спросил полового: «Могу ли я видеть певицу Марию Николаевну Троицкую?» Он ушел и, вернувшись, сообщил: «В хоре Троицкой не имеется, нужно думать, что фамилию вы перепутали». Большего я добиться от него не мог. На другой день Троицкой опять в хоре не было, и она для меня навсегда исчезла.

В 1885 году в конце мая я с тремя своими товарищами после какого-то трудного экзамена решил пойти в булочную Виноградова, на углу Мясницкой улицы и Чистых прудов, где пили кофе с жареными пирожками, а оттуда отправились на Чистые пруды, заняли скамеечку, и начался общий разговор о впечатлениях этого дня с чувством приятного удовлетворения от выдержанного экзамена.

Один из моих товарищей сказал: «Смотрите, идет настоящая Венера!» Барышня остановилась и закричала городовому, как раз перед нами

стоящему: «Городовой! Этот господин меня оскорбил!» Мы вскочили: «Что вы говорите? Какая же это обида — назвали вас Венерой!» — «Городовой! Вы теперь сами слышите: они продолжают меня оскорблять!» Городовой с сонной физиономией подошел к нам и предложил идти в участок. Мы запротестовали: «Зачем мы пойдем? Венера не есть ругательное слово, а есть богиня красоты и любви!» — «Я, господа, ничего не знаю, — ответил городовой, — в участке скажете дежурному околоточному надзирателю, он разберет, я же ничего не могу сделать, на вас жалуются, и я обязан доставить вас в участок».

Пришлось идти.

Идя в участок, мы все смеялись над этим случаем, и я сказал товарищу, идущему со мной рядом: «Вот особа — она, нужно думать, смешивает Венеру с венерической болезнью!» — «Городовой, городовой! Вот и этот тоже меня оскорбляет», — и, пока дошли до участка, мы все были обвинены девицей в оскорблении ее.

Околоточный, которому мы рассказали все подробно с объяснением слова «Венера», нас спокойно выслушал и заявил: «Я обязан составить протокол, раз на вас имеется жалоба. Судья, если не найдет в этом слове желания обидеть барышню, то вас оправдает, я же лично ничего не могу сделать». Протокол был составлен: четверо таких-то оскорбили Марию Николаевну Троицкую, назвав ее «Венерой». Все наши фамилии, адреса были переписаны, барышня назвала свою фамилию: Мария Николаевна Троицкая и дала адрес: Сокольники, улица такая-то, собственный дом. В то время делалось все просто: околоточный не спросил у нас и у барышни удостоверение личности, удовлетворившись нашими словами.

По выходе из участка мы окружили нашу обвинительницу, стараясь объяснить ей ее несправедливость от незнания ею определения этого слова, которым ей следовало бы гордиться, а не обижаться. Как видно, и она наконец поняла, что сделала ошибку.

Мы все веселые и даже довольные приключением провожали барышню и уговорили ее отправиться с нами в какой-то ресторанчик, где весело и приятно провели время. Прощаясь с нами, она пеняла на себя: «Ах, какую я сделала ошибку! Я не знала, что вы такие милые!»

Вскоре после этого происшествия я сделал предложение моей будущей жене и, находясь на положении жениха, испытывал чувство крайне неприятное от мысли, что при разборе этого дела у мирового судьи появится в газете «Московский листок»[2] и моя фамилия в качестве обвиняемого в оскорблении барышни на бульваре. Рассказать об этом своей

невесте не решался, считая, что эта откровенность будет «каплей дегтя в бочке меда».

Незадолго до моей свадьбы получаю повестку от мирового судьи, явиться в такой-то день на суд в качестве обвиняемого в оскорблении Троицкой. На суд не пошел. Мне было очень стыдно, решил: пусть лучше приговорят меня заочно к наказанию. Остальные товарищи на суд явились, они рассказали: суд вызвал всех обвиняемых и потерпевшую Троицкую, Троицкой и меня не оказалось.

Письмоводитель подал судье справку: повестка была отправлена к Троицкой через рассыльного, который по указанному адресу нашел М.Н. Троицкую, но она категорически отказалась принять ее, объяснив, что ей 70 лет и в продолжение всей своей жизни ни разу не была на Чистых прудах и никого не обвиняла в оскорблении ее. Пришлось разыскивать в адресном столе. Оказалось, что в Москве имеется еще три Марии Николаевны Троицких, но все они отказались принять повестку, объяснив, что их никто не оскорблял. Мировой судья постановил: за неявкой обвинительницы дело прекратить.

Вот эта-то певица, которую я увидал в хоре, и была та самая, назвавшаяся Троицкой. Увидав меня, предполагаю, испугалась, что я могу довести до сведения полиции об ее поступке, решилась немедленно покинуть хор и ярмарку. Впоследствии, когда я познакомился с содержательницей хора Анной Захаровной, я спросил об этой певице, и она мне назвала ее фамилию, сказав, что она действительно была напугана своим поступком и боялась ответственности. Настоящую фамилию ее я теперь забыл.

Трактир Никиты Егорова сделался моим постоянным местом обедов и ужинов, и я его посещал почти ежедневно в продолжение нескольких ярмарок. Но, что нравилось так раньше, постепенно начинало надоедать: толпы чужого народа, пение хора с малыми изменениями их репертуара, суета распорядителей и половых, с большой ловкостью подставляющих пустые бутылки для увеличения счета загулявшим купчикам. Захотелось более спокойного места пребывания во время еды и отдыха от работ; я решился завтракать у себя в конторе крутыми яйцами и зернистой икрой, в то время очень дешевой, а вечером ходить обедать на пароходы «Самолет» или «Кавказ и Меркурий», где кормили хорошо и дешево, или же ездить в Нижний в гостиницу «Россия», где не было пения, музыки и во всей большой зале обыкновенно было занято столик или два. Таким образом это продолжалось в течение одного или двух

ярмарочных сезонов, а в то время открылся новый трактир на ярмарке под наименованием «Россия», невдалеке от Главного дома.

Хозяин «России» поставил дело довольно широко, в его большой зале, почти занимающей площадь в длину всего дома, была устроена эстрада, где выступали лучшие шантанные артисты, рассказчики, фокусники, хор Анны Захаровны, перешедший из трактира Никиты Егорова, и народ повалил туда. Я тоже изредка стал похаживать.

Однажды, будучи там, невольно обратил внимание на большой круглый стол, стоящий по середине залы, занятый компанией татар с надетыми на их головы вышитыми жемчугом чаплашками, за их столом было весело, и они держали себя непринужденно. На столе стояли бутылки с шампанским, фрукты, кофе. С каждым татарином сидела певичка, и они не стеснялись их облапывать и целовать.

Меня заинтересовало узнать, кто эти татары. О чем я и спросил одного своего знакомого при выходе из залы. Он назвал фамилии и, указывая на одного из них в самой дорогой чаплашке, сказал: «Это зять Ерзина, очень богатого человека». Посмотревши внимательнее на указанного татарина, я узнал в нем нашего покупателя, кредитующегося у нас. Ему был открыт довольно большой кредит благодаря тому, что он был зятем Ерзина, который не допустил бы до банкротства своего зятя: в случае заминки поддержит.

На другой день утром я вызвал Кашаева, моего помощника по продаже каракуля, и сказал: «Больше зятю Ерзина не продавайте!» Кашаев на меня удивленно смотрел: «Как не продавать? Кому же после того можно продать?» Я спросил Кашаева: «Скажи, дозволено ли магометанам пить вино?» — «Нет», — ответил Кашаев. «А сидеть с девицами в публичном месте и целовать их? Как к таковым людям магометане относятся?» Смущенный Кашаев спросил: «Неужели вы видели его так?» — «Да, потому и закрываю кредит, уверенный, что он вскоре платить не будет». Не прошло шести месяцев, как зять Ерзина прекратил платежи. И наше Товарищество было спасено от потери нескольких десятков тысяч рублей.

Лицам, занимающимся торговлей, приходится быть наблюдательными за их кредитными покупателями, и часто с виду как бы мелкие случаи с должниками приводят к необходимости быть осторожнее и не начинать с ними дела, а этим спасать свое благосостояние *.

*Приведенный случай с зятем Ерзина навел мои воспоминания на аналогичные случаи из коммерческой жизни, о которых я расскажу здесь, хотя они никакого отношения к ярмарочной жизни не имеют.

В 1894 году приехал на ярмарку Н.И. Решетников, пригласивший меня обедать, и он повел меня в ресторан «Россия», в отдельный кабинет, где познакомил с англичанином Стротером и еще с несколькими молодыми людьми, приблизительно по годам мне ровесниками. Оказалось, что этот кабинет в течение всей ярмарки находился в распоряжении одной только компании.

Присутствующие мне понравились: были интеллигентные, веселые, и я присоединился к их компании и начал ходить к ним ежедневно. Стротер отлично говорил по-русски, он ежегодно приезжал на ярмарку представителем от Шлиссельбургской мануфактуры*. Вся компания этого

Московская фирма Меершика, имеющая торговлю каракулем и, кажется, еще другими мехами, считалась солидной, и ей охотно доверяли. Однажды на ярмарке ко мне явился господин, назвавшийся доверенным этой фирмы, с просьбой сообщить ему, какая сумма долга состоит у нас за ним и дату срока, объяснив, что у них в книгах она не указана. Я ему сообщил, но после его ухода сказал Кашаеву: «Меершику больше не продавайте, откажите ему под каким-нибудь предлогом, я уверен, что эта фирма скоро не будет платить». И это мое предположение оказалось правильным: вскоре Меершик обанкротился.

Будучи как-то в Петербурге у Кенига, разговаривал с ним о разных делах, он меня спросил: «Скажите, как вы смотрите на дело московской крупной чайной фирмы Расторгуевых?» Я ему ответил, что дел с нею не имеем, но, как приходилось слышать, фирма большая и солидная: «Но почему вы меня о ней спрашиваете?» Он мне рассказал: три года тому назад Расторгуевы попросили у них взять на комиссию чай. «В течение года часть этого чая мы продали, деньги за проданную часть выслали Расторгуевым, а оставшуюся часть просили взять обратно, так как чай не удовлетворяет наших покупателей. Прошел второй год, из баланса увидали на остатке чай Расторгуевых, опять написали. Прошел третий год, еще раз написали. И только на днях получили ответ с просьбой сообщить, каких марок и сколько остается у нас чаю, так как в книгах у них не значится за Кенигом товара». Кениг прибавил: «Расторгуевы хотели у нас купить сахар, но мы после этой истории с чаем продать им отказались». Кениг оказался прав: с чем-то через год или два Расторгуевы прекратили платежи.

Мне рассказывали об одном богатом купце, фамилию его забыл, вложившем в Скопинский банк довольно большую сумму денег. Как-то после завтрака в «Большой Московской гостинице», спускаясь по лестнице в швейцарскую, он увидал идущего перед ним господина, к которому бросились несколько швейцаров, подавая ему пальто и калоши. Он, одевшись, небрежно вытащил 10 рублей из кармана и отдал швейцарам; они, низко кланяясь, бросились подсаживать его в экипаж. Удивившийся такой щедрости уехавшего, купец спросил швейцара, кто этот господин. «Как же-с, это господин Рыков, хозяин Скопинского банка!» На другой же день купец выехал в Скопин с просьбой уплатить ему по вкладным листам, даже с большим учетным процентом, уверяя банк, что он делает это на несколько дней для очень выгодного дела, после чего опять внесет деньги в банк. Банк с неохотой, но исполнил его просьбу. Купец чуть не плясал от радости, что ему это удалось, хотя он понес от учета вкладных билетов большой убыток. И действительно, Скопинский банк просуществовал после этого недолго и вылетел с большим треском в трубу[3].

*Шлиссельбургскую мануфактуру можно считать матерью русских ситценабивных фабрик. Компания англичан построила первую ситцевую фабрику; ее товары произвели

кабинета невольно подчинилась этому умному, интеллигентному и уже по своим годам почтенному англичанину, и он как бы сделался председателем ее.

Благодаря всем этим качествам Стротера все присутствующие в кабинете себя чувствовали как будто в своей семье: держали себя крайне корректно с дамами из хора, были с ними деликатны, как это принято в лучшем обществе. Было заметно, что дамы чувствовали это и особенно ценили, гордясь перед своими подругами, что они завсегдатаи нашего кабинета.

В этом кабинете деньгами не сорили, и мне не пришлось, к моему удовольствию, бывать на кутежах с битьем зеркал, посуды и с другими особыми «сюрпризными» блюдами, как пришлось слышать о проделывании всего этого в ярмарочных отдельных кабинетах трактиров[4].

Альфред Егорович Стротер распоряжался меню, он с общего согласия заказывал накануне особые кушанья, специально приготавливаемые для нас: так, жареную индейку, которую Стротер с особым уменьем разрезал на части, обделяя каждого присутствующего; бараний бок с

большой успех между русскими, она наживала громадные деньги и тем невольно вызывала зависть у маленьких ручных кустарей, ткущих льняные полотна и окрашивающих их в однотонный цвет.

Трое из таковых кустарей в Иваново-Вознесенске решили во что бы то ни стало добиться, каким способом производится набивка ситцев. И они отправились в Шлиссельбург. В числе трех был Гарелин, сделавшийся потом большим ситценабивным фабрикантом, составившим большое, миллионное состояние.

В Шлиссельбурге они через рабочих фабрики старались узнать способ набивки, узнали, что набивка производится вырезанными досками, которые намазываются краской, но все это еще не давало им возможности уяснить всю суть производства, тогда они решили поступить простыми рабочими. В то время англичане производили набор рабочих с большим выбором, и туда попасть было довольно трудно, но наконец они попали в сторожа.

Управляющий фабрикой, видя их старание и трудолюбие, перевел [их] на производство. После того, как они прожили более года, им посчастливилось стащить одну из набивных досок, после чего они взяли расчет и уехали домой. Производили опыты на своем льняном полотне, но получались ситцы никуда не годные; решили опять ехать в Шлиссельбург. Управляющий фабрикой их вспомнил: они оставили по себе добрую память, и он взял их.

Наконец после нескольких месяцев работы они узнали от какого-то мастера-англичанина, что секрет состоит в том, что ситцы набиваются исключительно на хлопчатобумажных тканях, а не на льняных, как это они проделывали у себя в Иванове. Узнали, что в Москве есть немецкая фирма, торгующая бумажной пряжей, и если из этой пряжи сработать миткаль, то, набив его, можно получить ситец. Все это они проделали так, как их научили, и когда сработали миткаль из хлопчатобумажной пряжи, получился ситец не хуже английского.

кашей, буженину из задней ноги и тому подобное; одна из дам варила кофе и разливала в чашки. Все это создавало иллюзию семейной обстановки, и было приятно туда ходить, и довольно весело проводилось время.

У меня осталась в памяти одна молодая красивая певица Оля Лаврова, она была стройная, умная и с большими норовами девушка, влюбившаяся в моего знакомого женатого молодого человека. И, как видно, она тоже ему нравилась, но он любил свою семью и хотя в течение ярмарочного месяца каждый вечер проводил с ней время в этом кабинете, но дальше этого не шел.

Однажды компания засиделась до 4 часов утра, когда ресторан закрывался, нужно было разъезжаться, а было так весело, что не хотелось; тогда кто-то предложил: поедемте кататься на Откос. Все с радостью подхватили это предложение, особенно наши дамы. Лицо Лавровой все вспыхнуло, глаза горели от счастья — ехать вдвоем со своим любимым; она схватила его за руку и потащила к двери, но он — с большой настойчивостью — ехать отказался. Я в это время любовался на изменившееся у нее лицо и глаза: в них выражалась любовь, мольба, гнев, и она в экстазе, в порыве страсти схватывает свое дорогое бриллиантовое кольцо и положительно бессознательно швыряет его в окно и бежит в слезах из комнаты. Поездка не состоялась.

На другой год Оля Лаврова вышла замуж за почтенного и богатого фабриканта Балашова, и, говорят, оба были счастливы.

Но я все-таки предполагаю, что она сохранила любовь к этому упрямому человеку. Года через четыре после ее замужества я отправился на ярмарку. Приехал на поезд рано и засел в свое купе; гляжу в окно, в толпе публики, спешившей на поезд, вижу идущего Балашова со своей женой, они остановились недалеко от моего окна, окруженные провожатыми. Вскоре появился тот молодой человек, которым она интересовалась, и он столкнулся с Балашовыми. Нужно было видеть, как лицо у Оли изменилось, зарделось любовью, страстью. Как мне казалось, стоило ему только сказать: едем вместе в Нижний! — она бросит мужа и побежит за ним. Он снял только шляпу и низко поклонился Балашовым, прошел в вагон. В вагоне я, разговаривая с ним, спросил об Оле: «Помните, как Оля швырнула ваше кольцо в окно? Вы его ей подарили?» — «Нет, я не знаю, чей был этот подарок», — ответил он.

ГЛАВА 71

В жизни московского купечества певческие капеллы играли довольно большую роль.

В период молодеческого разгула, или же во время особой душевной тоски, или по необходимости угостить людей, нужных для дела, — куда ехать? Ехали в рестораны, где имеются хоры с красивыми изящными женщинами, с непринужденными разговорами — все это с выпитым вином кружило головы купцов.

Многие из купцов поженились на певичках, другие жили гражданским браком, имея законную жену, но не будучи счастливы с нею.

Один из хоров, особо популярный среди купечества, был хор Анны Захаровны Ивановой[1].

Когда я познакомился с А.З. Ивановой, она была уже немолодой женщиной, скромно, но с достоинством себя державшей. Купечество ее любило и ей доверяло, уверенное, что во время загула их она постарается сохранить их и не доведет до скандала.

Мне однажды пришлось угостить своего большого покупателя Ф.А. Разоренова, о котором я писал в своих записках. В отдельный кабинет был приглашен хор Ивановой, с хором она пришла сама, причем сказала, что нарочно пришла, когда узнала, что в кабинете находится Ф.А. Разоренов, ее старинный приятель, с которым в молодых годах веселилась. Было заметно, что и Разоренову было приятно встретить ее и вспомнить прожитое счастливое время. Разговаривая друг с другом, встряхивая свои воспоминания, между прочим Анна Захаровна рассказала о случае, бывшем с Федором Алексеевичем.

Федор Алексеевич был широким человеком, а в загуле делался просто необузданным, когда ему, как говорят, «вожжа попадала под хвост» — здесь уже шло все на дуван, деньгами сорил без счета. В таком состоянии он оказался в трактире, где пел хор Ивановой, пошел дым коромыслом: смотрите, каков Разоренов!

Анна Захаровна, видя его в таком состоянии, решила незаметно от него и его пьяных компаньонов по разгулу отобрать имеющиеся с ним большие деньги, сняла золотые часы с цепочкой и дорогой перстень и

все спрятала. Компаньоны Разоренова потащили его докучивать еще в какое-то злачное место.

На другой день Разоренов, очухавшись от пьяного угара, не нашел денег и вещей, был этим поставлен в весьма неприятное положение: деньги, бывшие с ним, были общие с его братом и предназначались для известной цели. Как ему быть? Что он может сказать брату?

В это время к нему входит посланный от Анны Захаровны с просьбой немедленно к ней зайти по очень важному делу. Он же это приглашение понял в том виде, что им наделаны в трактире еще какие-нибудь дела, за которые еще придется расплачиваться, пошел к ней с угнетенным духом.

Анна Захаровна, встретив его, спросила: «Что, вчерашний кураж от винного угара прошел?» — «Да, — отвечал Федор Алексеевич, — я вчера и накуролесил! Теперь не знаю, что делать. У меня все деньги и вещи пропали». — «Твои деньги и вещи не пропали, они у меня, — сказала Анна Захаровна, передавая их ему. — Знаю твой нрав, если бы я этого не сделала, то без всего бы остался: ты деньгами швырялся!»

Федор Алексеевич с умилением слушал воспоминания Анны Захаровны; видно было по его лицу, что приятно ему было вспомнить эти переживания, бывшие несколько десятков лет тому назад.

Я пожал руку Анны Захаровны, сказав: «Ну и некорыстная же вы! Это делает вам честь!»

Она мне ответила: «В моей жизни такие вещи случались много раз: еще только несколько дней тому назад я принуждена была проделать то же самое с почтенным купцом (фамилию не сказала), что сделала в свое время с Федором Алексеевичем, зная его характер: в разгуле терял рассудок. Взяла от него бумажник и часы, а на другой день вернула. Он чуть не плакал от радости, говоря: «Как мне благодарить вас? Денег мне не жаль, прошу оставить их себе, а вот часы мне дороги по памяти и документик, находящийся в бумажнике». Я ему сказала: «Я, батюшка, таким способом деньги не приобретаю, и вы меня своим предложением обижаете».

Вторым лицом в хоре Ивановой был аккомпаниатор Пригожев[2], кончивший консерваторию, и ему в значительной степени обязана капелла своим успехом. (Известный романс «Пара гнедых»[3] переложен им на музыку и пение.) Пригожев держал себя всегда с достоинством, и когда подвыпившая компания, расчувствовавшись пением хора, приглашала

его принять участие в пире, он обыкновенно отвечал: «Ем в определенные часы, а вино пить не могу по состоянию своего здоровья». А если очень настаивали, то скажет: «Если хотите угостить, то предложите мне сигару».

Про своих учениц-певичек сказывал: «Если бы вы знали, сколько стоит мне труда и сил обломать моих хоровых учениц, к тому же в большинстве упрямых и ленивых. Это может понять только один Бог!» «Текучесть хора большая, — жаловался Пригожев, — только обломаешь и поставишь голос у какой-нибудь певицы, смотришь — она уже покинула хор, влюбившись в кого-нибудь; многие из них повышли замуж, а некоторые ушли на содержание, и даже некоторые из них открыли свою торговлю, поддерживаемые своими поклонниками».

Вторым хором по популярности можно считать венгерский, но в нем не было такого лица, как Анна Захаровна, и в нем случались неприятные истории, о которых я расскажу.

Николай Николаевич Бакланов накануне своей свадьбы с одним из своих приятелей отправился в ресторан «Яр», чтобы справить свой «мальчишник» — проститься с привольной холостяцкой жизнью. Сидя в отдельном кабинете со своими знакомыми венгерками, он, между прочим, рассказал, что пришел в последний раз сюда, чтобы проститься с ними, с завтрашнего дня делается семьянином.

Венгерка, сидевшая с ним, приняла его слова к сведению и поспешила рассказать распорядителю ресторана; как потом оказалось, она была с ним в близких отношениях. Он посоветовал ей отдать ему ее брошку и пойти к ним без нее, с тем чтобы заявить, что она пропала во время нахождения ее в кабинете. Все так и было ею проделано. Венгерка начала плакать, кричать, что брошка у нее исчезла, она сидела в ней весь вечер; явившийся распорядитель с лакеями — для видимости — обыскали весь кабинет, понятно, брошки не нашли. Распорядитель заявил: «Господа! К моему сожалению, я должен пригласить полицию для составления протокола о пропаже брошки, тогда, извините, придется обыскать вас!»

Жених был молодой, неопытный — испугался. Думал: завтра свадьба, уже был поздний час ночи, придет полиция, начнется обыск, составление протокола, потребуется удостоверение личности, все это может занять много времени, и он в дорогой для него день окажется разбитым и с подавленным духом. Спросил ее: «Сколько ваша брошь

стоит?» Венгерка оценила ее с чем-то в две тысячи. Бакланов написал чек на эту сумму и вручил ей, радуясь, что оказалась с ним чековая книжка.

Могу, в свою очередь, рассказать другой случай, характеризующий с хорошей стороны некоторых певиц этого хора. Один из семьи фабрикантов Моргуновых, прославившийся бесшабашными скандалами и склоками в своей семье, жил с одной красивой венгеркой, растрачивая на нее и на судебные процессы большие деньги, которыми обогатились многие присяжные поверенные. Наконец он очутился без копейки денег, о чем и сообщил своей возлюбленной. Она спокойно выслушала и сказала: «У тебя денег нет, зато у меня есть! Ты бросал, а я копила и имею в банке на вкладе двести тысяч рублей, и этого нам хватит на прожитие». Моргунов на ней женился, и, говорят, было счастливое супружество, хотя она крепко держала его в руках, уйдя из хора.

Был и третий хор — цыганский. Каждый из этих хоров имел своих поклонников и приверженцев.

Мне были известны многие купцы, поженившиеся на цыганках, и они были в семейной жизни счастливы, как, например, сын известного миллионера Петра Арсентьевича Смирнова[4], Николай Дмитриевич Ершов и другие, фамилии которых я не припомню теперь.

В цыганском хоре славились две солистки: Варя Панина была очень некрасива лицом, отличалась толстой нескладной фигурой, но когда она запоет своим чудным контральто, то ее физические недостатки тела и лица сглаживались, она очаровывала слушателей, и вторая, Мария Сергеевна (фамилию забыл, кажется, Шишкова[5]), была стройной и красивой и обладала хорошим голосом — сопрано. В пении ее было какое-то внутреннее чувство — жгучей страсти не к физическому только удовольствию тела, но заставляло трепетать у слушателей их внутреннюю духовную силу, переносясь в высь светлых и чистых желаний и мечтаний. Особенно она восхитительно пела романс Чайковского с цыганским пошибом и мелодией «О дитя! Под окошком твоим я тебе пропою серенаду...»[6]. Пение его возбуждало что-то чистое, хорошее, так, по крайней мере, оно влияло на меня, вызывая у меня слезы. Может быть, оно влияло на меня потому, что я интуитивно чувствовал, что в скором времени разрешится гроза в моей жизни, лишившая меня быть с моими детьми одним ядром здоровой и сильной семьи. Хотя исполнение этого

романса было на цыганский манер и значительно расходилось с нотами Чайковского.

Я посещал «Стрельну», где пели эти две цыганки, всегда с Н.И. Решетниковым, которым, как было заметно, увлекалась Мария Сергеевна: она сидела с нами подолгу, тем вызывая неудовольствие старших цыган хора, требующих от нее петь для других посетителей, платящих щедро.

Помню вечер: она пела с особым ударом и чувством. Кончив пение, она пристально и как-то особенно посмотрела на Николая Ивановича, потом, обратившись ко всем присутствующим, сказала: «Поздравьте меня, я выхожу замуж». Как оказалось, ее жених был большой лошадник, имевший свою конюшню и принимавший участие на бегах и скачках, господин Малич.

Однажды Н.И. Решетников пригласил меня обедать в «Эрмитаж». Когда пили кофе, он сказал: «Еще очень рано, не поехать ли нам к Марии Сергеевне на квартиру? Она нам споет, и, нужно думать, в последний раз, так как завтра ее свадьба».

Марию Сергеевну застали дома, она была рада нашему посещению, велела позвать своего аккомпаниатора с гитарой Николая и пела особенно хорошо, доставивши мне чрезвычайное наслаждение. Между перерывами пения она разговаривала с Н.И. Решетниковым довольно тихо, и я не мог слышать, о чем говорили; потом позвала [его] в другую комнату, но скоро вернулись оба смущенные.

Было поздно, пришлось уезжать. Сидя уже на извозчике, Решетников сказал: «Когда мы уходили в другую комнату с Марией Сергеевной, она сказала мне: «Если ты скажешь только слово, свадьба моя завтра не состоится!» Я ей ответил: «Это невозможно!»».

ГЛАВА 72

Приток приезжающих на ярмарку бывал не менее двухсот тысяч человек. Из разных мест необъятной России стекалось богатое купечество со своими товарами, со штатами приказчиков и артельщиков, занимая сгруппированные по роду товаров насиженные места.

На ярмарочной площади открывалась масса ресторанов, трактиров, пивных, гостиниц, кафешантанов, «номеров» с отдачею комнат посуточно и на короткое время, приспособленных на разные вкусы и требования. Между ними было много трущоб, куда завлекались загулявшие приезжие, и зачастую бывало, что таковые исчезали окончательно неведомо куда, потом их трупы находили с камнями на шее в канаве, в озере и в Волге. Преступления были довольно часты, особенно процветали до 1883 года, то есть до года назначения губернатором Нижнего Новгорода Николая Михайловича Баранова.

Нужно отдать справедливость Н.М. Баранову, что с назначением его губернатором, благодаря его особой энергии, на ярмарке значительно сократились преступления и установился порядок и благоустройство. По его инициативе было испрошено разрешение на увеличение штата полиции во время ярмарки, с присылкой лучших полицейских из Петербурга и Москвы. Им принимались крутые меры не только с порочными элементами, но и с некоторыми гражданами, внушающими своими действиями или необдуманными словами смуты во время переживаемых эпидемий.

Желая пресечь злоупотребления со стороны полиции, которые ради своих выгод иногда позволяли прикрывать преступников, губернатором было опубликовано в газетах: «Все потерпевшие и не нашедшие у должностных лиц скорой и должной помощи могут явиться ко мне во всякое время дня и ночи, и я приму и окажу свое содействие».

Все эти меры в значительной степени уменьшили преступления, на радость купцов, принужденных жить долго на ярмарке.

Когда я был в 1894 или 1895 году на ярмарке, ко мне утром пришел взволнованный Мухамед-Амин Кашаев, наш приказчик, заведовавший

продажею каракуля, и сообщил, что такой-то наш покупатель каракуля для одной большой американской фирмы неожиданно уехал в Москву, между тем он купил у нас на 20 тысяч рублей, товар взял и отправил за границу, сказав, что деньги принесет сегодня, не упомянув о своем выезде.

Этот представитель американской фирмы приезжал на ярмарку в продолжение многих лет, отличался большой корректностью во всех своих делах и словах. Казалось бы, трудно представить, что у него могло бы явиться желание воспользоваться какими-то 20 тысячами рублей, когда при желании мог бы взять у нас товару на сумму, значительно большую, без отказа с нашей стороны. Уже одно это давало [основание] думать, что причина его отъезда была какая-нибудь другая. Я все-таки посоветовал Кашаеву немедленно сходить в гостиницу и узнать о причине его неожиданного отъезда.

Не прошло двух часов после этого разговора, как деньги, 20 тысяч рублей, были доставлены помощником уехавшего американца, а на наши расспросы о причине выезда его шефа он ничего не мог сказать: сам не знал. Оказалось, и всем другим фирмам, имеющим с ним дела, деньги были уплачены полностью. Огорчило только всех нас, продающих ему каракуль, что он не закончил всей покупки и тем лишил нас [возможности] поторговать с ним на большую сумму.

В следующем году от этой фирмы приехал новый представитель и на наши расспросы о его предместнике ответил: «Жив и здоров, работает в этой же фирме, но в Россию больше не поедет, так как здешний климат для него нездоров».

Понемногу о нем начали забывать. Но, как говорят, шила в мешке не утаишь! Кашаеву пришлось узнать от кого-то причину внезапного отъезда американца из-за происшедшего с ним трагически-курьезного случая.

Американец вечером, после усиленной денной работы отправился обедать в ресторан «Россия». Встретил там своего знакомого, вместе пообедали, выпили и решили остаток вечера провести в обзоре «веселых домов», каких, как говорят, в Северной Америке не имеется.

Посетив несколько таких домов и в них тоже выпивая, американец еще больше охмелел и оказался способным прийти в восхищение в одном из них от прелестей одной из девиц, которая и увлекла его в комнату, где он и заснул. Проснувшись, собираясь уходить, он вспомнил, что с ним было 10 тысяч рублей в нераспечатанном пакете, полученном

им из банка. Ощупал карманы — пакета нет. Взволнованный, он начал обшаривать все другие свои карманы, результат тот же: пакета с деньгами нет! Кровь бросилась ему в голову от сознания происшедшего, несомненно, они украдены здесь, хорошо помнил, что, когда он вошел в комнату к девице, они находились в кармане. Хмель у него окончательно прошел. Пропажа такой суммы для него была чрезмерна: чем он сможет объяснить ее исчезновение своим хозяевам? Что делать? Он, сильно волнуясь, начал кричать, требовать возврата денег. На его крики и протесты явились служащие этого заведения, приученные к таковым событиям, подхватили его под мышки и вытолкали из дома.

Очутившись на улице, избитый, взволнованный, с сознанием своего полного бессилия, он вспомнил о заявлении губернатора Баранова: «готов принять каждого потерпевшего гражданина во всякое время дня и ночи...» Немедленно отправился в Главный дом, где во время ярмарки жил губернатор. Явившись в приемную комнату, начал настойчиво требовать у дежурного чиновника доложить губернатору о необходимости его видеть. Дежурный просил изложить ему суть дела, объяснив, что, быть может, и без помощи губернатора удастся помочь ему, но американец настойчиво требовал исполнить его просьбу — доложить Баранову. «Слушайте! — сказал чиновник. — Сейчас уже третий час ночи, не лучше ли будет подождать вам несколько часов, когда губернатор проснется? Генералу приходится много работать, и ему необходим отдых, ведь, быть может, ваше дело можно сделать и утром» — и т.д.

Но американец, взволнованный потерей денег, с хорошо помятыми боками при выводе его из дома, никак не хотел оставлять до утра и настойчиво твердил, [что] раз была публикация в газетах от губернатора о приеме им во всякое время дня и ночи, то он, как американский гражданин, требует исполнить его просьбу. Чиновник, видя, что американца не переубедишь, притом сам не зная сути дела, думал про себя: а вдруг в самом деле требуется принятие экстренных мер со стороны высшей власти? Решился разбудить Баранова.

Вышел Баранов, выслушал внимательно американца и распорядился подать два экипажа. В первом сел сам с дежурным помощником пристава, а во втором поместился околоточный с несколькими полицейскими, а американец как путеводитель был водворен на козлы с кучером губернатора.

Приехали [в] Кунавино[1] на улицу, где находились эти дома. Американец положительно растерялся: войдет в дом, как будто это и есть тот

самый, в котором он проводил время, но осмотрится внимательнее, оказывается — нет! Потом бежит в другой...

Перебывал в нескольких домах, и все оказались не тем, что искал. Смущенный, взволнованный, наконец, как ему показалось, попал в надлежащий дом, схожий по расположению комнат и меблировке с домом, где случилась с ним неприятность. Заявил генералу: «Вот этот и есть тот дом!» Баранов со всеми полицейскими вошел в дом и распорядился: двери запереть и никого не впускать и не выпускать!

В залу собрались все живущие в доме во главе с хозяйкой. Баранов обратился к американцу: «Укажите ту, которую вы подозреваете в воровстве у вас денег». Внимательно он осмотрел всех, и одна из них ему показалась, что это именно есть та, с которой он остался в комнате. Но хозяйка и все присутствующие с большой настойчивостью утверждали: этого господина не было, видят его в первый раз. Да наконец и он сам начал сомневаться... «Ваше превосходительство! Я, пожалуй, действительно ошибся: по некоторым моим воспоминаниям это не здесь было!»

Наконец он узнал тот дом, в котором он так много перенес огорчений. Губернатор сделал такое же распоряжение: двери запереть, никого не выпускать! Спросил, где хозяйка. Выходит почтенная дама и говорит: хозяйки дома нет, а она в ее отсутствие заменяет хозяйку.

«Укажите девицу, бывшую с этим господином». — «Согласно приказания вашего превосходительства, здесь в зале собраны все девицы, и больше у нас никого нет».

Генерал приказал американцу указать ему знакомую. Внимательно он осмотрел всех и заявил: «Ее здесь нет». Генерал тогда обратился к экономке: «Приказываю немедленно доставить женщину, бывшую с ним!» Экономка начинает божиться, клясться в том, что девушек у них больше нет, а господин ошибся: «Хотя он действительно заходил сюда, но не оставался, а ушел от них» — и т.д.

«Если вы сейчас не укажете, где девица, — заявил генерал, — то здесь же в зале я прикажу вас сечь до тех пор, пока не скажете правду!»

Экономка побледнела, видя себя окруженной здоровыми полицейскими, готовыми немедленно приступить к исполнению приказа.

Она, дрожа и запинаясь, говорит: «Ваше превосходительство! Я вам сказала неправду — хозяйка в доме, она, быть может, лучше меня знает: когда этот господин был, я отсутствовала».

Спрятавшуюся хозяйку быстро нашли и вывели в зал. Губернатор задает ей тот же вопрос: «Где девица, бывшая с этим господином?» Она с плачем уверяет: «Здесь все налицо, больше никого нет...»

Последовало распоряжение такое же, как экономке: разложить и сечь до тех пор, пока не скажет правду. Хозяйка побледнела, видя, что с ней церемониться не будут и приказ будет выполнен. Она взмолилась: «Ваше превосходительство! Пожалейте меня — я сейчас приведу девушку».

Тщательно спрятанную девушку она привела, и американец сейчас же признал ее. Девушка в слезы: «Он врет, пришел сюда совершенно пьяный. Почем я знаю, где он потерял деньги? Я девушка честная, не воровка...»

Приказ тот же: пороть, пока не укажет, где деньги. Экзекуция началась. Не вынесла, закричала: «Остановитесь! Я скажу». С рыданием она повинилась: взяла деньги из кармана и передала хозяйке, обещавшейся, что после вероятного обследования со стороны полиции, которое, как нужно предполагать, кончится ничем, деньги поровну поделят.

Хозяйка немедленно вынесла деньги и положила на стол перед губернатором. «Сочтите!» — сказал Баранов американцу.

Обрадованный американец хватает деньги, пересчитывает и начинает благодарить губернатора. «Погодите благодарить! — сказал губернатор. — Вас хозяева отправляли на ярмарку, я думаю, не затем, чтобы вы с их деньгами ходили развлекаться в «веселые дома»? Потеряв, беспокоили бы власть в неурочное время для розыска их, для чего пришлось прибегнуть к крутым мерам, без которых вряд ли пришлось бы их вам найти. Пусть будет вам на всю жизнь наука — выпороть его!»

Американец сначала принял это за шутку, но, когда увидал, что шутить с ним не собираются, сильно побледнел, начал кричать: «Я гражданин свободной страны, нахожусь под защитой ее законов и властей! Вы не осмелитесь со мной этого сделать! Я буду жаловаться!»

Приказ был исполнен в точности, и ему всыпано достаточное количество розог полицейскими, озлобленными за их ночное беспокойство.

Взбешенный американец прибежал в свою гостиницу, не отлагая послал телеграмму своей фирме о своем выезде в Америку, сдал дела и деньги своему помощнику и с первым поездом уехал в Москву. Явился к консулу, изложил ему о всем с ним случившемся и просил защиты. «История с вами, несомненно, возмутительна! — сказал консул. — Наш посол, конечно, потребует у русского правительства удовлетворения за понесен-

ную вами чрезвычайную обиду, и, я уверен, вы будете компенсированы. Но ради вашего же интереса посоветовал бы вам поехать в С.-Петербург и заявить лично послу о всем, что с вами случилось, и просить защиты. Если так поступите, для вас будет скорее и лучше».

Американец так и сделал: выехал в Петербург и явился в посольство. Был принят секретарем посла, которому и доложил обо всем с ним происшедшем с просьбой защиты.

Секретарь, выслушав, сказал: «Представьте прошение с изложением всего с вами случившегося, я доложу послу. А, между прочим, скажите: вы семейный?» — «Да, я женатый и имею детей». — «Дело ваше не может остаться секретным, — ответил секретарь, — оно будет сообщено в Вашингтон, следовательно, вся Америка через печать узнает о вашем происшествии. Несомненно, вы станете в Америке самым популярным человеком в продолжение нескольких дней. Но, как вы думаете, для вас это будет хорошо? Вы знаете, наша общественность относится весьма щепетильно ко всем лицам с замаранной нравственностью. Можете ли продолжать службу в вашей фирме? Очень вероятно, что даже жить в вашем городе не придется, а нужно будет уехать куда-нибудь в другое отдаленное место. Устроит ли это вас? Подумали ли вы о положении вашей семьи и о всех дальнейших последствиях? Какую бы мы могли потребовать компенсацию от русского правительства? Баранов, несомненно, будет смещен с должности губернатора Нижнего Новгорода, но, принимая во внимание его популярность у царя, такое смещение будет весьма не на продолжительный срок, чтобы опять вскоре занять более высшую должность. До завтра в вашем распоряжении остаются целые сутки, все мои доводы можете взвесить и обдумать. Если остановитесь на решении делу дать ход, то принесите прошение».

Пыл обиды у американца начал проходить. Он подумал-подумал и решил махнуть рукой на все это дело: знают о нем немного лиц, а заведешь канитель — чем еще все это кончится?

Совет секретаря посла оказался мудрым!

Об этом Кашаев узнал от лица, непосредственно участвовавшего в этой экспедиции, а через год после этого мне пришлось услыхать из других источников — через Н.И. Боева, получившего сообщения из источников, выходящих от московского консула.

Мне пришлось однажды рассказать историю с американцем в одном доме, где присутствовал бывший инженер Московско-Курской и Нижего-

родской железной дороги Иннокентий Иванович Касаткин, который в свою очередь подтвердил, что и ему тоже пришлось слышать о применении таковых мер губернатором Барановым к некоторым лицам. Так, начальник товарной станции в Нижнем Александров начал сильно халтурить. Какой-то купец, возмущенный большой его алчностью, доложил о нем Баранову. «Хорошо, я с ним разделаюсь, — сказал Баранов, — будет долго помнить!» Александров, узнав об этом, сильно перепугался, немедленно выехал в Москву и выхлопотал в правлении железной дороги другое место, более худшее, чем в Нижнем.

Во время моего ежегодного посещения ярмарки в продолжение двадцатипятилетнего срока пришлось пережить две холерные эпидемии.

Первая холера была довольно больших размеров и благодаря принятым Барановым мерам проходила спокойно, без нарушения порядка со стороны черни[2].

Я лично относился к холере с полным равнодушием, ходил всюду, посещал деревянную часовенку на Сибирской пристани, куда привозили скончавшихся от холеры. Часовня была небольшая, посередине перед входом висел большой образ Спасителя, перед ним стоял аналой и монашенка читала Псалтырь, по правой и левой стенам стояли гроба один на одном; в часовне пахло ладаном, и на меня все это не производило тяжелого впечатления.

Окна здания, где я работал, выходили на дорогу, идущую к холерным баракам, и я мог видеть вереницы извозчиков, везущих больных, с сидящим полицейским; в ногах больного стояла посудина. По количеству провозимых больных можно было предполагать о большом количестве заболевших.

Баранов строго относился к тем лицам, которые распускали нелепые слухи, из-за боязни могущей быть паники и принимал для этого крутые меры.

Какой-то купец в трактире вслух высказывал свое недоверие газетным сообщениям о количестве умирающих от холеры, уверяя, что народ мрет тысячами, а не десятками, как пишут. Баранову об этом кто-то доложил, и он пригласил к себе купца и сказал: «Вы сомневаетесь в верности официальных сообщений о смертности от эпидемии, для того чтобы убедить вас в верности их, я назначаю вас в бараки на несколько дней с целью проверять все цифры, и не один умерший не пройдет мимо вас». С купцом сделался чуть не обморок, но назначенный Барановым срок он в бараках отбыл.

Этот случай в ярмарке стал всем известен, и паникеры удерживали свои языки от болтания нелепостей.

В эту холеру у нас захворал артельщик и был вылечен домашними средствами: его напоили горячим кофе с большой дозой коньяку и положили в кровать, хорошо и тепло укрыв; он пропотел ночью и на другой день был здоров.

Во вторую холерную эпидемию мне пришлось захворать. Как быть? Оставаться у себя в спальне, в комнате довольно большой, с постоянным посещением клиентами, со сквозным ветром, было неудобно и опасно. Уехать в Москву — снимут с поезда обходящие санитары, очень следящие за всеми едущими, и как больного отправят в барак. Я решился поехать вверх по Волге до Кинешмы. Приехал на пароход Общества «Самолет» и попросил продающего билеты дать мне самую теплую каюту. Он посмотрел на меня с удивлением: была жара, все требовали прохладные каюты, а нашелся чудак, требующий самую теплую; он с большим удовольствием вручил мне ключ от таковой каюты. Каюта находилась около трубы от котла, и, несмотря на открытые в ней окна и вентиляции, было в ней жарко и душно.

Я распорядился подать мне горячего кофе с коньяком и приготовить постель с двумя толстыми одеялами. Закрыл окна и вентиляции, выпил кофе с коньяком, накрылся двумя одеялами и своим пледом, залег спать, приказав разбудить, когда будем подъезжать к Томне, близ Кинешмы. Проснулся утром мокрым, весь день чувствовал себя слабым, а на другой день приехал в Москву совершенно здоров.

ГЛАВА 73

Московский купец Павел Васильевич Берг сделался известным среди купечества после своей женитьбы на единственной дочери очень богатого сибирского промышленника Ершова.

Женился Берг, когда он был уже немолодой; будучи майором в отставке, жил на пенсию, снимал комнатку, выходящую окнами на Садовую, близ Высокого моста[1], откуда была видна улица на большом протяжении, и он утром, сидя перед окном, мог видеть часто тянувшиеся похоронные процессии на Покровское кладбище при Покровском монастыре[2], излюбленное в то время богатым купечеством место для погребения.

По количеству карет с обтянутыми черным крепом фонарями, по количеству духовенства, певчих, факельщиков, верховых жандармов, гарцующих как бы ради порядка, а в действительности для большего эффекта, можно было судить о богатстве и именитости умершего. Обыкновенно в конце процессии ехал ряд линеек в летнее время, а зимой парных саней, предназначенных бедным, куда и садились все желающие проводить покойника на кладбище, а оттуда в дом, где был поминальный обед.

Берг, видя богатую похоронную процессию, обыкновенно облачался в парадный мундир, садился в экипаж, назначенный для бедных, и после погребения отправлялся на поминки, тем экономя у себя на столе.

Однажды Берг сел в линейку, где размещалась некоторая бывшая прислуга покойника, от которой он узнал фамилию скончавшегося, чем он занимался, где у него был дом, что после него осталась жена с горбатенькой дочкой и большой капитал.

Подъезжая к Покровскому монастырю, Берг выскочил из линейки, подбежал к карете, где сидели вдова с дочкой, открыл дверцу кареты и — с ловкостью военного — помог дамам выйти из нее.

После погребения, когда публика направилась в монастырскую гостиницу, где был накрыт поминальный обед, Берг подошел ко вдове и представился ей как бывший хороший знакомый ее мужа и выразил свое

глубокое сочувствие о постигшем ее горе. Вдова Ершова, видя солидного, деликатного и ловкого офицера, не преминула пригласить его помянуть покойного по заведенному русскому обычаю; Берг расшаркался, предложил ей руку и повел в столовую гостиницы. За столом сел с ней рядом и сумел своей беседой расположить ее в свою пользу. По окончании обеда проводил до кареты и усадил; она его пригласила к себе в гости, сказав: «Мне будет всегда приятно видеть вас как хорошего знакомого моего покойного мужа».

Берг — при первой возможности — не преминул воспользоваться приглашением и отправился к ней, потом сделался постоянным посетителем. Конечный результат его посещений была свадьба на горбатенькой дочке. Прожив с ним несколько лет, она скончалась, оставив ему несколько детей и все свои богатства.

Берг оказался ловким купцом, сумевшим состояние Ершова сильно увеличить. После смерти своей жены Берг в продолжение всей последующей жизни ежедневно ездил на могилу жены, совершая панихиду; посещение ее могилы было утром до занятия, после чего он отправлялся на работу.

Все рассказанное о П.В. Берге я слышал от Н.А. Найденова, и поэтому считаю все это за достоверное.

Берг был владельцем крупной фабрики Товарищества Рождественской мануфактуры, а потому, казалось бы, по роду моего занятия Берг должен бы быть среди моих знакомых, но я не желал с ним знакомиться, испытывая к нему неприятное злобное чувство из-за его слов обо мне — в первые дни моей коммерческой деятельности — моему шефу Н.П. Кудрину, мнением и расположением которого я в то время, естественно, дорожил. Берг сказал Кудрину: «К вам в правление выбран Варенцов, он известен тем, что обокрал Корзинкиных на миллион рублей, смотрите, чтобы и у вас того не могло случиться!» Кудрин ответил, что Н.А. Варенцов еще совершенно молодой человек, а потому этого он сделать не мог.

Действительно, такой случай был с одним из Варенцовых, приходящимся мне дальним родственником. И, как мне думается, его можно считать пионером по хищению в кассе с большой ловкостью, что даже не представилась возможность привлечь его к судебной ответственности; и после этого случая был замечен ряд покраж и хищений в банках и других крупных государственных учреждениях и предприятиях.

У моего прадеда Марка Никитича, родившегося в 1770 году, было два сына, старший Михаил, родившийся в 1795 году, женился в 1822 году на Анне Никитичне Мишкиной, вскоре после этого отделился от отца, завел самостоятельно торговлю, нужно думать, с хорошим успехом, так как в 1835 году переехал в собственный большой особняк на Новой Басманной улице (потом был продан Штекер в 1872 году, а от Штекер перешел к князю Голицыну) и жил весьма богато и открыто. У Михаила Марковича было пять сыновей. Старший Николай женился на Анне Александровне Корзинкиной и имел сына Михаила в 1842 году, то есть родившегося на двадцать лет раньше меня; он-то и похитил из кассы Товарищества Большой Ярославской мануфактуры миллион рублей. Я же произошел от второго сына Марка Никитича — Николая и в продолжение всей своей жизни ни разу не видел никого из старшей линии Михаила Марковича.

Когда растратил Михаил Николаевич, мне было лет шесть-семь, и я отлично помню, какое тяжелое впечатление произвел на всю мою семью этот его проступок: матушка ходила с заплаканными глазами, к ней приезжали родственники, и они все были взволнованные, вели разговор шепотом. Дед мой, говорят, был взбешен и проклинал его, утверждая, что проступок этот отзовется на нас всех.

Все это запечатлелось в моей душе; и я с ужасом вступал в деловую жизнь, думая об этом; и нужно же было услыхать от Кудрина, что меня Берг обвиняет в покраже! Естественно, я воспылал к нему ненавистью.

Моя матушка рассказывала о семье Михаила Марковича (у которого она бывала, когда был жив мой отец, после же его кончины у нее прервались все отношения), что Михаил Маркович был крутого нрава, держал в повиновении всех своих детей, которых у него было кроме указанного Николая еще четверо. Все дети были красивые и даровитые. У них часто собирались любители музыки и составлялись домашние концерты. Второй сын Михаила Марковича был женат на Прохоровой, третий, Иван, — на Шиловой[3], четвертый, Петр, умер в молодых годах, не будучи женатым, и пятый, Сергей, — на Урусовой. Все их жены были из богатых купеческих семей. Дочь была выдана замуж за фабриканта Дмитрия Ивановича Четверикова, жившего в своем доме на углу Токмакова и Денисовского переулков, который впоследствии был приобретен мною.

Вся семья Михаила [Марковича] жила в одном доме; старики жили в антресолях, а сыновья в первом и во втором этажах.

Все дети Михаила Марковича отличались красотой, что мне пришлось слышать неоднократно и от других: так, моя теща Елизавета Карловна Перлова говорила, что, когда ей представили Сергея Михайловича, она поразилась его красоте, и у ней даже язык прилип к гортани, и не могла сказать ему ни слова; то же приблизительно я слышал от Александры Ивановны Поповой, урожденной Поземщиковой.

Про Сергея Михайловича рассказывали, что он был влюблен в барышню — дочку купца Рыбникова и хотел на ней жениться, но родители предпочли выдать ее замуж за Андрея Александровича Корзинкина, хотя не такого красивого, зато очень богатого и хорошего человека.

Эта неудача Сергея Михайловича весьма угнетала, и он делился горем со своим приятелем художником Пукиревым, который воспользовался этим рассказом для сюжета своей картины под наименованием «Неравный брак», изобразив жениха стариком генералом, а шафера, стоящего со сложенными на груди руками, — Сергея Михайловича. Картина имела большой успех на выставке, была приобретена П.М. Третьяковым и до сего времени находится в Третьяковской галерее. Из-за этой картины между Сергеем Михайловичем и Пукиревым произошла крупная ссора, когда он увидал изображение свое на ней. Пукирев принужден был приделать маленькую бородку шаферу, оставив все черты лица без изменения, так как Сергей Михайлович не носил бороды[4].

У Николая Петровича Сырейщикова, родственника Варенцовых, имеется портрет Сергея Михайловича, написанный масляными красками, где он изображен итальянским лаццарони. По этому портрету можно судить, что он был очень красивый, неотразимый мужчина. Портрет был куплен по газетной публикации с выраженным желанием поместить его в руки родственников С.М. Варенцова. Продававшая старушка, когда узнала, что желающий купить родственник Сергея Михайловича, отдала этот прекрасно написанный портрет за 25 рублей, говоря: «Я рада, что дорогой для меня портрет попадет в хорошие руки и его будут хранить с любовью, а не очутится в лавочке старьевщика, что было бы неминуемо после моей смерти»[5].

Сергей Михайлович скончался на 41-м году своей жизни.

От Н.П. Сырейщикова мне пришлось слышать, что старик Михаил Маркович обладал слабым здоровьем, но сильным характером, крепко

держал всю семью в руках. Дети его побаивались, так как он не стеснялся сильно поколачивать своей палкой в случае их виновности, несмотря на то что они были уже женаты. Если лакей отца приходил к кому из них с приглашением пожаловать к папаше наверх, то призываемый бледнел и с подавленным духом отправлялся к отцу, чувствуя, что ему будет хорошая лупка.

При жизни отца дисциплина в семье была большая, сыновья и их жены должны [были] быть в урочное время на обеде и ужине на своих местах без опоздания. В амбар на работу выезжал первым младший сын, за ним следующий по годам и последним выезжал отец со старшим сыном, а возвращение из амбара происходило в обратном порядке: первый приезжал отец со старшим сыном, а последним младший, на котором была обязанность запирать амбар.

У каждого из сыновей был свой выезд. В праздники можно было видеть выезжающих из ворот на парных рысаках, с разряженными женами в разные места обычных народных гуляний, причем их матушка Анна Никитична не забывала выходить на балкон дома, чтобы полюбоваться на своих красавчиков сыновей.

Николай Михайлович, женатый на Корзинкиной, скоро овдовел, и оставшегося сына взяли на воспитание родители его жены. Когда он вырос, был помещен на службу в Большую Ярославскую мануфактуру на довольно ответственный пост. Про него говорили, что он был толковый и талантливый работник, заслуживший полное доверие у своих шефов. Он, состоя в крупном деле, завел свою фабрику в Завидове с основным капиталом миллион рублей[6]. Но, нужно предполагать, в учрежденном им товариществе миллиона денег не было, и он, нуждаясь в них, пользовался капиталом Ярославской мануфактуры как для своего личного дела, так и на кутежи.

Кутнуть как он, так и его вдовец-папаша любили, бессмысленно тратя на них большие деньги. Сырейщиков рассказывал: в Петербурге в каком-то ресторане все залы были превращены в лес, уставленные елями и соснами, с выпущенными туда зайцами, и на них происходила охота с приглашенными дамами, которыми папаша и сынок увлекались.

Михаил Николаевич, устраивая часто пирушки, приглашал своих хозяев Корзинкиных и Игумнова, отличающихся расчетливостью и скупостью. Они посещали эти кутежи с охотой, предполагая, что угощаются на личные деньги Варенцова.

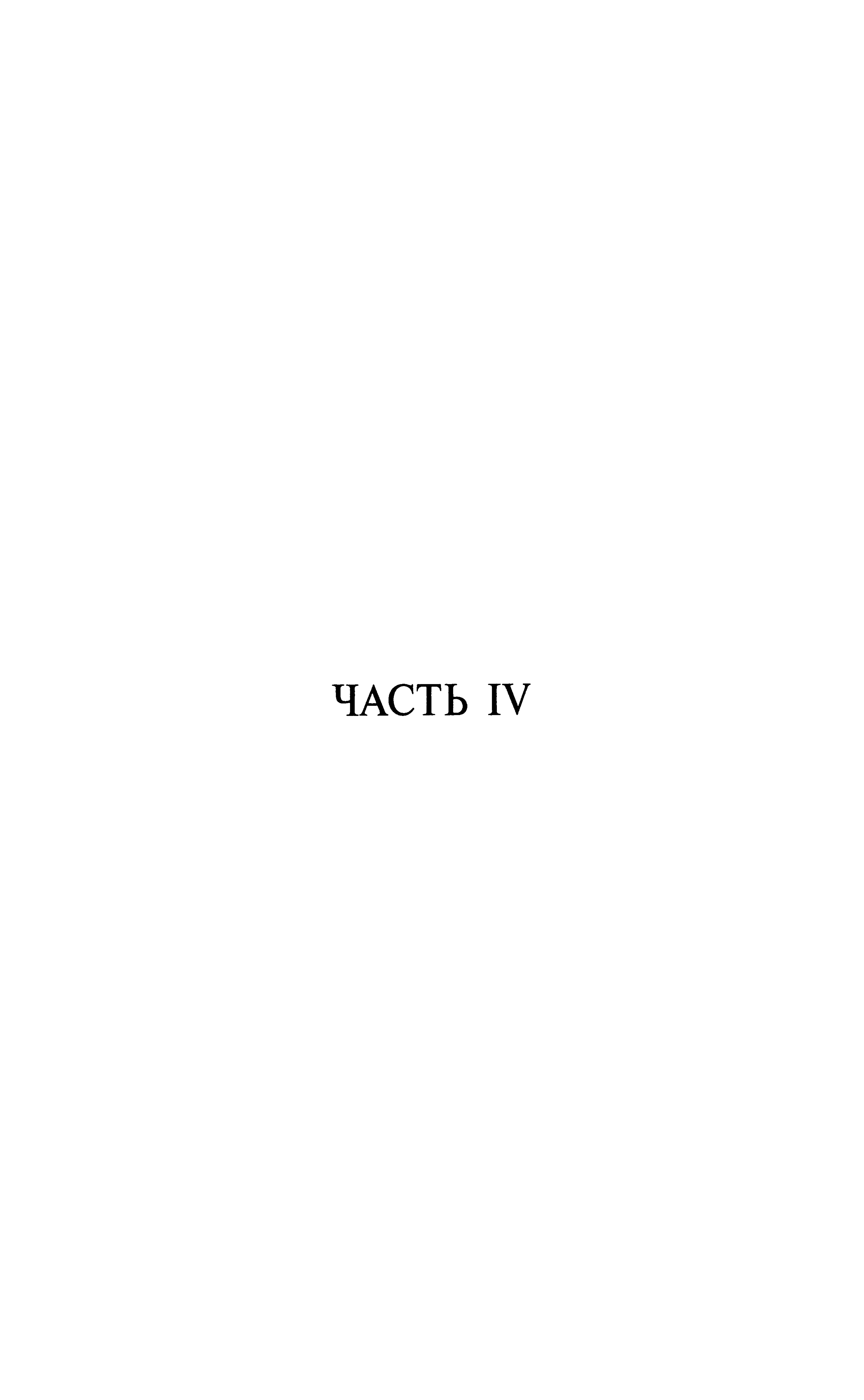
Однажды Корзинкин и Игумнов отправились по делам фирмы в Петербург, проводить их на станцию приехал Михаил Николаевич. В железнодорожном буфете он закатил им пир. Уезжающие, услышав второй звонок к отходу поезда, взволновались, спеша скорее занять в вагоне свои места, Михаил Николаевич их успокоил, говоря: «Не спешите, поезд отойдет, когда мы окончим обед, я говорил с начальником станции, и он обещался это сделать». И действительно, поезд ушел, когда они уселись в вагон, задержавшись отправлением больше часу. Прощаясь с Михаилом Николаевичем, они ему сказали: «Миша, ты замечательный человек: у тебя всегда и везде есть приятели!» — не предполагая, что за задержку отправки поезда было Михаилом Николаевичем хорошо заплачено начальнику станции из их же кармана.

Дела Михаила Николаевича шли все хуже и хуже, постепенно он спускался со ступеньки на ступеньку все ниже и ниже. Дисконтеры[7] перестали брать его векселя, требуя солидного поручительства. Михаил Николаевич обратился к маклерам с просьбой отыскать таковых, и они нашли. Векселя были учтены, и по наступлении срока платежей оказалось, что бланк поручителей поддельный. Михаил Николаевич был арестован и посажен в острог, где и просидел несколько месяцев. На суде выяснилось, что в подделывании бланков он совершенно не виновен, благодаря маклерам, сознавшимся, что подделка была сделана без ведома Михаила Николаевича ими, с расчетом, что векселя своевременно в срок будут оплачены и, таким образом, подлог не откроется. Сделано было ради корысти, с целью получить с Михаила Николаевича большой куртаж. Михаил Николаевич судом был оправдан и из тюрьмы выпущен.

В Большой Ярославской мануфактуре обнаружилась его растрата. Как передавал побочный сын В. Игумнова Николай Васильевич Скобеев, правление вызвало в свой кабинет бухгалтера для подсчета растраченной суммы. Игумнов сел на стул, устремив глаза на счеты, на которых бухгалтер выкладывал цифры; после того, как на счетах обозначилась сумма в несколько десятков тысяч, Игумнов, красный от гнева, пересел на кресло; сумма постепенно все увеличивалась, еще более взволнованный Игумнов пересел на диван; бухгалтер продолжал с настойчивостью отыскивать все новые растраты, выразившиеся уже в нескольких сотнях тысяч, Игумнов лег на диван, и, когда бухгалтер выкрикнул цифру миллион, Игумнов свалился с дивана от дурноты, с ним случившейся.

Вызванный правлением для объяснения Михаил Николаевич спросил их: «Почему считаете меня растратчиком, я часто уезжал по делам из Москвы, оставляя ключи от кассы кому-нибудь из директоров, так почему они не могли это сделать? Уплачивая мне жалованье шесть тысяч рублей, поручая проведение в канцеляриях министерств в Петербурге разных щекотливых дел, за которые приходилось хорошо платить, да кроме того, угощение покупателей, в которых вы принимали участие, неужели думаете, что все делалось из моего жалованья?» Правление, посоветовавшись с поверенным, решило не привлекать его к ответственности, тем более что варенцовские капиталы были все растрачены и нельзя было рассчитывать на какое-нибудь получение.

Михаил Николаевич, покинутый родственниками и друзьями, остаток своих годов жизни провел в сильной нужде и бедности, зарабатывая на пропитание мелким комиссионерством.

ЧАСТЬ IV

ГЛАВА 74

Год освобождения крестьян от крепостного права можно считать новой эпохой для русского купечества, начавшего быстро развиваться в смысле больших достижений в промышленности и в торговле.

Купечество в общей массе не сразу осмыслило последствий этого высочайшего дара, еще многие в то время не понимали тех выгод, этим актом приобретенных; но постепенно с годами оно осознало, что ярмо гнета дворянского чиновнического управления постепенно должно ослабевать и купеческому сословию открыто широкое поле не только в промышленности или коммерческой деятельности, но что они в будущем займут подобающее положение почти во всех отраслях общественной жизни государства.

Московское купечество, как более передовое, начало выделять выдающихся людей, сделавшихся известными не только у нас в России, но и за границей. Можно ли не прийти в изумление и восхищение от собрания картин, произведенного московским купцом Павлом Михайловичем Третьяковым, пожертвованного им в общее городское пользование? То же [от] Щукинского музея? Пустырь на так называемом Девичьем поле обстроился громадными клиниками для изучения разных видов болезней и способов их излечения, все это устроено на средства московских купцов, удививших иностранных докторов и профессоров, прибывших на докторский съезд, своим размахом и солидностью сооружений[1]. Когда купечество увидало, что государство недостаточно уделяет средств на народное образование, то на средства купцов создались училища для большого количества учащихся: Практическая академия коммерческих наук, Мещанское[2], Александровское коммерческое, Шелапутинская и Медведниковская[3] гимназии и еще много других. Постройкой образцовых по тому времени больниц Бахрушиными[4], Солдатенковым[5], Алек-

сеевым (глазная)[6] и Канатчиковской больницы для душевнобольн много еще других.

Музыкальное искусство обогатилось зданием консерватории, пос енным на средства Солодовникова[7]. Пишу и перечисляю толькс которые мне вспомнились, но мне известно, что кроме указанных б еще создано купечеством много разных больших благотворительных уч дений, как, например, богаделен, приютов, церквей, и тому подоб

В течение пятидесятилетнего периода после освобождения крес купечеством были отданы на добрые дела громадные средства. В эт время купечество жило в большинстве сравнительно очень скромно, ходуя на свои личные прихоти очень мало.

Я постараюсь описать их обиход домашней внутренней жизни, ка сохранился у меня в памяти со времени моего детства.

Купечество жило в своих собственных особняках с антресоля мезонинами, с большими садами, окруженными высокими забора торчащими на верху их гвоздями, с крепкими воротами и калитка

Входя в парадную дверь дома, приходилось подниматься по пол ванной дубовой лестнице, устланной ковром-дорожкой, с медн блестящими прутами для придерживания ковров; попадали в перед с низеньким потолком, в которой стояли дубовые лари, зеркало и шалка. Из передней одна дверь вела в кабинет хозяина, другая — в ридор, соединяющий с задней частью дома, и третья двухстворч дверь вела в залу.

Все парадные комнаты, как зала, гостиные, столовая, были вы кие, в аршин шесть и больше высоты; стены у них были сделаны мрамор, цветом разных колеров, потолки расписные, с изображен фантастических цветов и птиц. Окна с переплетами из восьми стек

Зала была обставлена стульчиками, ломберными столами, го ные — тяжелой из красного и других пород дерева мебелью, на сте висели портреты хозяев и их предков, написанные масляными краска между простенками помещались высокие зеркала на подзеркальника

Парадные комнаты открывались только в большие праздники и время приема гостей, в остальное время они были заперты и мебель крывалась чехлами, между тем эти комнаты занимали бóльшую ч дома. В парадных комнатах не было уютно, в них веяло холодом и удобством.

Вся жизнь семьи была сосредоточена в остальной части дома и в тресолях, мезонинах с низенькими потолками, с изобильными леж

I, с закоулками, с коридорчиками, с бесчисленными шкафами, анными в стены; с тяжелым воздухом, редко проветриваемым; деэекция комнат производилась при помощи накаленных кирпичей, дываемых в медные тазы и поливаемых квасом с мятой и уксусом, разовавшийся пар считался хорошим очистителем воздуха.

3есь нижний этаж, где помещались службы, был покрыт коробовыводами, в толстых простенках находились окна с железными решеткаВ нем помещались кухни, одна — так называемая господская; дру— людская, с большими печами для печения хлебов.

Iасть этого нижнего этажа была приспособлена для складов картофепука, моркови, свеклы, яблок и других овощей, запасаемых осена целый год; здесь же находился амбар, где хранились драгоценнои лучшие вещи хозяев; амбар запирался двумя железными дверями, епкими запорами, при открытии и запоре их раздавался звонок, и . его доносился даже до второго этажа; кроме этих запоров двери заались висячими большими замками; в окнах амбара кроме железных еток были железные ставни с хорошими запорами. В нем стояли ıуки, наполненные мехами, бельем, платьями, переходящими из ı в род, и разными драгоценностями. Сундуки были обиты блестяжестью и тоже с хорошими звенящими запорами. По количеству ıуков, как говаривали, можно было судить о достатках хозяев: «Ка- э в амбаре, таково и у хозяев в кармане».

Эписываемый дом мне хорошо знаком с детства, но другие особняпринадлежащие купцам, были приблизительно такого же типа: у эторых в нижнем этаже были расположены парадные комнаты, а ıя была в пристройке, где и помещался амбар и хранилище для ово-; в некоторых особняках отсутствовал мезонин, но везде сохранялся н и тот же тип: парадные комнаты высокие, большие, а жилые — энькие клетушки. Нужно думать, купечество приобретало эти особи у бывших помещиков, а только их приспособляло для своего житья: в некоторых домах были в залах хоры. Купивший такой дом с хоравидя, что из хор не приходится сделать удобное помещение, махал эй, говоря: «Пусть останутся, вот подрастет сын или дочь, придется авлять свадьбу, пригласим музыкантов — хоры и пригодятся».

Летом купечество того времени не выезжало на дачу, так как в то мя еще дачных мест не было; жило все время в Москве, пользуясь ими садами при доме; в садах семья проводила почти весь день, где

обедала, ужинала, пила чай на террасе беседки, расположенной в глубине сада. Сады были довольно благоустроенные, с цветниками, с аллеями из акаций и тополей или лип, с большими площадями, обсаженными яблонями и разными ягодными кустами. В праздничные дни обыкновенно выезжали всей семьей в красивые подмосковные местечки: Нескучный сад, Сокольники, Петровский парк, Петровско-Разумовское, Останкино, Кунцево, Кусково и другие, нагруженные провизией, где и проводили на чистом воздухе день.

Считалось необходимым ежегодно сходить пешком в Троице-Сергиевскую лавру, находящуюся в 60 верстах от Москвы.

Об этом путешествии вспоминаю с большим удовольствием; о нем начинали говорить в семье задолго до его начала. Составлялась компания из нескольких родственных и дружеских семей, и в назначенный день, час все собирались к Крестовской заставе, где сейчас находятся водонапорные башни[8].

К нам во двор рано утром, часа в 4 или 5, въезжал крестьянин на телеге, наполненной сеном, задняя часть телеги была окружена обручами, обитыми лыком и рогожами, образовывалась кибитка — на случай дождя. Я, как самый младший из детей, водворялся с прислугой на телегу, куда укладывали весь багаж и провизию в дорогу. Взрослые выезжали на лошадях и извозчиках к сборному пункту к Крестовской заставе.

Паломничество производилось в течение двух с лишним суток, с частыми остановками в деревнях для обеда, ужина и чаепитий. Я забыл наименование всех остановок, но некоторые у меня в памяти сохранились, как-то: Ростокино, Малые Мытищи, Большие Мытищи, где обедали и отдыхали и пили чай из воды мытищинских источников, дающих в то время в изобилии воду для всей Москвы. Потом были остановки в Братовщине, следующая за селом Пушкино, где ужинали и ночевали в избе. Женщины и дети располагались в избе на полу, уложенном пахучим сеном, а мужчины на сеновале. На другой день к вечеру приходили в Хотьков, где был монастырь с мощами родителей Сергия Преподобного, где прикладывались к мощам, служили молебен и на ночь водворялись в монастырской гостинице, а утром продолжали путь в Сергиево.

Весь путь в Лавру шел красивыми лесами, наполненными ягодами и грибами, с видами на дальние деревни и помещичьи усадьбы. Мы, богомольцы, углублялись с дороги в леса, собирали грибы, ягоды, которые и съедали на остановках с добавлением еще купленных у крестьян.

Путешествие при чудном воздухе, ярком солнце было интересное и веселое, но среди нас не раздавалось смеха и шуток — это не допускалось старшими, говорившими: «Вы идете на поклонение к великому святому, с просьбой к нему о молитвах за нас, грешных, перед Богом, а потому суетное веселье недопустимо». На остановках пили чай с густыми сливками, ели жаренные грибы в сметане, уничтожали груды пирожков, жареного мяса, птиц, взятых из Москвы, ели ягоды с молоком и все с хорошим аппетитом. Встреченные нищие обязательно наделялись милостыней, может быть, не по мере достатка, но по мере сердечного расположения.

Паломничество богомольцев к св. Сергию Преподобному было очень большое, нас обгоняли толпы народа, идущего из всех частей России, с сосредоточенными и серьезными лицами, между ними не было слышно ни шуток, ни смеха, этим показывали, что свое путешествие в Лавру считают не весельем, а трудом.

Подходя к Лавре, я заметил, что толпа богомольцев, идущих перед нами, вдруг остановилась; многие мужчины и женщины, крестясь, стали на колени и кланялись до земли; и действительно, когда мы подошли ближе, то увидали из-за леса крест с колокольни Лавры. Когда прошли еще немного, редкий лесок открыл панораму на Лавру, окруженную высокими каменными стенами с башнями и бойницами, покрытыми зубцами наподобие стен Московского Кремля. Из-за стен виднелись многочисленные главы церквей с преимущественно золотыми и других цветов куполами и крыши монастырских зданий. Лавра представляла собой живописный и красивый вид.

Перейдя мост через речку, поднялись на горку, очутились на большой замощенной площади с запахом перепревшего навоза; на этой площади, как потом оказалось, производилась торговля с возов окрестными крестьянами своими деревенскими продуктами. Пересекши площадь, подошли к большому трехэтажному зданию, где помещалась монастырская гостиница, называемая «старой», в отличие от «новой», находящейся на этой же площади.

При входе в гостиницу были встречены пожилым монахом в скуфье, в черном подряснике, перепоясанном широким кожаным ремнем, на котором висело несколько ключей. Оказалось, что этот монах был уже знаком с некоторыми из наших богомольцев, часто посещавших Лавру. Он с большим радушием и улыбкой поздравил всех с благополучным прибытием и, здороваясь с каждым, говорил: «Спаси вас Бог!»

В соседней с парадным входом комнате он снял несколько ключей с черной доски, с указанием номеров свободных комнат и пошел распределять их каждому по их выбору.

Когда мы вошли в гостиницу, нас обдал запах елея и ладана, тот же запах был и в номере, который мы заняли. Комната была обставлена старой красного дерева мебелью с жесткими сиденьями, обитыми клеенкой; кровати были деревянные, жесткие; в комнате стояло несколько столов, и один из них был большой круглый.

В переднем углу висел образ с теплящейся лампадкой, на окнах стояли цветы, полы были крашеные; все в комнате было необыкновенно чисто, как видно, за этим наблюдали с особенным вниманием. Гостиница и номер произвели на меня очень приятное впечатление, оставив такое чувство на всю жизнь. Потом, когда мне приходилось бывать в Лавре, я всегда останавливался в «старой» гостинице и всегда чувствовал там особое душевное спокойствие.

В занятой нами комнате мы привели себя и наши костюмы в порядок и немедленно направились в Лавру.

Вход в Лавру был с той же площади, в так называемые Святые ворота; ворота были глубокие, стены их расписаны картинами из жизни св. Сергия и его св. учеников, от них шел довольно широкий тротуар из диких тесаных камней к церкви Успения и Св. Троицы, где находились мощи св. Сергия Преподобного. В длину почти всего тротуара стояли, сидели, лежали калеки, слепые, убогие нищие, просящие милостыню, протягивая руки с деревянными расписными вологодскими чашками; нищих было много, но они вели себя чинно, жалобным голосом нараспев выпрашивали милостыню ради Иисуса Христа.

Перед мощами св. Сергия Преподобного с самого раннего утра и до закрытия храма почти непрерывно совершались молебны; в это же время прикладывались к его мощам богомольцы, отрывая вату из мешочка, висевшего у мощей, и унося ее с собой как целебное средство против разных недомоганий.

Перед ракой св. угодника стоял большой подсвечник, обставленный со всех сторон свечами разных величин, которые очень часто менялись новыми из-за желания массы лиц поставить свечу, а свободного места на подсвечнике не было.

Высокий храм с образами со строгими ликами святых, с висящими перед ними лампадами, свечами; серебряная украшенная рака св. Сер-

гия Преподобного, с массой перед ней зажженных лампад художественной работы из золота и серебра; особая благоговейная церковная служба с большим количеством монахов; хорошее пение и даже картина Страшного суда, нарисованная на задней стене храма, изображающая разные мучения грешников, привлекавшая группы богомольцев в то время, когда в храме не было богослужения, обсуждающих те страдания грешников, провинившихся перед Богом: среди грешников были изображены цари в коронах, архиереи в митрах и монахи в клобуках и мантиях — все это производило внушительное впечатление на богомольцев, уносивших с собой особое чувство понимания бренности существования. Все видимое и слышанное надолго запечатлевалось в душах богомольцев, будоражило мысль и умеряло их страсти к совершению дурного. Все переживания в храме с его тишиной и благолепием так увлекали многих, что сотни тысяч народу с ранней весны пешком пробирались в Лавру из всех дальних окраин Руси, хотя бы только несколько дней пробыть в этой обстановке и получить некоторое духовное удовлетворение и спокойствие души. Говорят: это опиум, одурманивание... Хотя бы и так, но и опиум иногда бывает необходим при физических страданиях, так почему же духовному опиуму не быть полезным при душевных болезнях человека? А душевное страдание гораздо страшнее физического.

Первое мое путешествие к Троице было, когда мне исполнилось шесть лет, потом они были почти ежегодно до четырнадцатилетнего моего возраста.

В одном из этих паломничеств принимал участие мой дядюшка Иван Иванович Рахманов. Рахманов был бывший чиновник, выслуживший пенсию; человек он был образованный, начитанный, и потому это путешествие с ним было особо приятно.

Когда мы пришли в Лавру, то И.И. Рахманов, надев на шею орден св. Владимира, отправился с визитом к настоятелю Лавры, в то время известному архимандриту о. Антонию, любимцу митрополита Филарета. Архимандрит принял его любезно и благословил его и всех нас осмотреть подробно всю Лавру, даже те места, куда обыкновенно не допускалась публика, и дал в провожатые монаха.

Благодаря этой любезности о. Антония нам удалось подробно осмотреть со всеми пояснениями все обширное хозяйство этого громадного монастыря. Были осмотрены: ризница с собранием разных исторических предметов, типография, художественная мастерская с иконописа-

нием и еще много других мастерских, не удержавшихся в моей памяти; скотный двор, огороды, сады, расположенные перед домами монахов, с прямыми дорожками, усыпанными красноватым песком, нужно думать, с добавлением толченого кирпича. Вдоль дорожек тянулись грядки, обсаженные неприхотливыми летними цветами: георгинами с их красиво-яркими цветами, торчащими из густой темной листвы, петунии, флоксы, настурции и др. На площадях позади цветочных гряд росли старые яблони, перегруженные зелеными плодами, все это было ухожено и в большом порядке; иконная монастырская лавка, наполненная разных размеров иконами, книгами духовного содержания, поясками, крестами и образками на лентах, ложками из пальмового дерева, художественно вырезанными из кипариса крестами и иконами, в лавке шла бойкая торговля, так как почти каждый богомолец покупал себе и своим домашним что-нибудь на память; просфорня, где происходила выпечка просфор в громадном количестве разных размеров и цен. Продавались просфоры в двух больших залах, рядом с пекарней, откуда монахи-послушники выносили большие плетеные корзины, наполненные горячими просфорами, разбираемыми ожидающей публикой; здесь же в залах за отдельными столиками сидели молодые послушники и всем желающим писали гусиными перьями на нижней стороне просфоры записи — имена поминаемых лиц — за очень маленькое вознаграждение. Все делалось тихо, спокойно, с молитвой, без суеты, выкриков, оставляя на душе богомольцев приятное душевное спокойствие. В пекарне обдавал очень приятный запах горячего, спелого теста.

Мы обыкновенно проживали в Лавре суток трое-четверо, объезжая окрестности со скитами и монастырями, не забывали посетить овражек, примыкающий к стене Лавры, где находились деревянные палатки, в которых изготовлялись блины, оладьи, жарились грибы. Эти палатки посещались охотно богомольцами из-за дешевизны этих блюд; все эти кушанья изготовлялись на постном масле, а потому лично я их не особенно долюбливал.

Последняя часть дня в Лавре, перед нашем отъездом в Москву, употреблялась на закупку игрушек троицких кустарей; как известно, лаврский посад изобиловал этим ремеслом, поставляя игрушки во все города России. Лавки кустарей были около стен монастыря, налево от входа в Святые ворота Лавры.

Особенно славилась игрушка — складная Лавра, сделанная очень красиво со стенами, башнями, церквами и домами и довольно точно к подлинникам.

Вечером выезжали в Москву по железной дороге, нагруженные просфорами, св. поясками, образками и тому подобным для лиц, оставшихся при доме в Москве.

Можно было судить по лицам старших и по хорошему настроению духа, что все путешествием были довольны и счастливы. Эти путешествия оставляли большой след в сердцах богомольцев: долго еще велись оживленные разговоры о всех впечатлениях их вплоть до того времени, когда начавшаяся варка варенья, с ее заботами и хлопотами, переводила на другую трепещущую мысль хозяек: не опозориться и не ударить лицом в грязь перед конкурирующими родственными и знакомыми хозяйками во вкусе и красоте сваренного варенья, варимого на целый год, с соленьями и маринадами, и этими заботами скоро сглаживались и поглощались впечатления от путешествия в Троице-Сергиевскую лавру.

Варка варенья была страдным временем хозяек; как только ягоды появлялись в Москве, то хозяйки спокойствия не имели: вставали в два часа утра, отправлялись на ягодный рынок, находившийся на Болотной площади, куда подмосковные ягодники, помещики и крестьяне привозили на возах ягоды в решетах. 2—3 часа утра считались самыми выгодными для покупок ягод, так как в это время являлись на рынок представители крупных конфектных фабрик со своими приказчиками и закупали нужное им количество ягод и устанавливали на них цену. С оставшимся количеством непроданных ягод продавцы спешили скорее развязаться и были принуждены с некоторой уступкой продавать маклакам[9], которые и поднимали цену на ягоды и брали с явившихся на рынок позднее дороже. Заботливые хозяйки, вернувшись с рынка, немного отдохнув, приступали к варке его. На помощь к ним призывались все из старших в доме, даже дети. Варили варенье в медных тазах с деревянными ручками на особых круглых жаровнях, растапливаемых на древесном угле. Варка производилась в саду или на дворе на открытом месте, чтобы не было так жарко от нескольких жаровен. Для варки ягоды употреблялись под названием «Виктория» и так называемая «русская клубника», славившаяся особым ароматом и приятным вкусом. После варки в течение нескольких дней этих сортов ягод появлялась на рынке малина садовая, лесная, крыжовник, смородина белая, красная, чер-

ная, слива, вишня. Все это неутомимо варилось, солилось, мариновалось, сушилось в количестве, чтобы хватило на год.

Таким образом, весь конец лета проходил в заботах по хозяйству, один сорт ягод кончался, начинался другой; за ягодами начиналась солка огурцов, потом мочка яблок, брусники, ссыпка картофеля и других овощей, вплоть до рубки капусты.

Жизнь купечества того времени была довольно замкнутая, проникнуть постороннему человеку в семью было довольно трудно. Днем хозяйку навещали родственники, преимущественно бедные, с которыми визитами не считались; приходили старые монахи, монашки, осведомляющие о монастырских подвижниках, с поучением о духовных и нравственных задачах жизни; богомолки, странники и юродивые, между которыми попадались проходимцы в смысле нелепых рассказов и вранья для придания своей личности большего значения и веса в глазах хозяек. Всех их встречали с радушием и гостеприимством, угощали чаем, и если они приходили в обеденное время, то и обедом. Горячие самовары не переводились весь день в столовой.

Чванливые и гордые гости посещали своих родственников или своих знакомых в большие праздники, в дни именин и в другие дни семейных торжеств; если в семействах была молодежь, когда приходилось думать о женитьбе сына или выдаче замуж дочери, то устраивались по воскресеньям вечера, где молодежь танцевала и забавлялась разными играми, а старики вели беседу в столовой или в гостиной.

Но чтобы гости приезжали запросто вечерком, без предупреждения, этого я не запомнил. Если кто-нибудь задумал навестить в неурочное время, то обыкновенно заранее утром присылал кого-либо из своих прислуг или приказчика с поручением передать привет и поклон хозяевам, с сообщением, что они собираются навестить в такой-то день и час, так будут ли хозяева дома и не стеснят ли своим приездом?

Для таковых гостей открывали парадные комнаты, приводили их в порядок, снимали с мебели чехлы. В парадной столовой накрывали стол камчатной белой скатертью, ставился лучший фарфоровый чайный сервиз, обставляли стол вазами с разными вареньями, преимущественно из персиков и абрикосов, как самых дорогих, ставили вазу с фруктами и старинные серебряные корзины-сухарницы с уложенными сдобными сухарями или сдобным хлебом своего изготовления.

Купечество в большинстве отличалось хлебосольством: если они устраивали обед или бал с ужином, то не стеснялись расходами, делали все

хорошо, чтобы все были сыты и довольны, говоря: «Хлеб, соль врага побеждают!»

Многие еженедельно оделяли нищих милостыней, сколько бы ни приходило их в указанный день и время. В память умерших близких родственников, в день их кончины ежегодно кормили нищих. Перед большими праздниками посылали в тюрьмы разной снеди и денег арестантам, расходуя на это значительные суммы, не говоря уже про хлопоты, но они этим не стеснялись, будучи уверенными, что делаемые ими блага послужат в пользу их души.

К своим служащим приказчикам, ученикам-«мальчикам» относились хотя строго, но справедливо, напрасно не обижая их, что те отлично чувствовали и понимали, что хозяева строги для их же пользы, с полным желанием сделать из них в будущем таких же купцов, как их хозяева. Хозяева действительно не боялись, что они из них готовят в будущем себе конкурентов, говоря: «На наш век всем дела хватит!»

ГЛАВА 75

Мне пришлось знать много богатых купцов, начавших свою карьеру с «мальчиков», отданных своими родителями из крестьянских и мещанских семей на обучение в какую-нибудь торговлю или промышленное предприятие, потом из них выходили очень дельные и богатые купцы.

Я уже в своих записках говорил про одного из таковых купцов И.Г. Фирсанова (глава 67). Вспоминаю Кирилла Ивановича Лебедева, принятого моим дедом Федором Ильичом Рябиновым, отцом моей матери, в качестве ученика-«мальчика» в свою оптовую мануфактурную торговлю. К.И. Лебедев потом имел уже свое мануфактурное дело, нажил очень большое состояние, но, несмотря на свое блестящее положение, он до смерти своей не забывал Ф.И. Рябинова, своего учителя и наставника, и навещал мою матушку со своей женой в дни больших праздников, как дочь своего бывшего хозяина, и, как можно было думать, делал это исключительно из расположения к умершему Федору Ильичу, чтобы хотя этим показать незабываемую им благодарность к своему бывшему учителю. Моя матушка его посещения ценила и понимала так, как я об этом пишу, она его уважала и даже иногда по некоторым семейным вопросам обращалась к Кириллу Ивановичу за советом.

Мне пришлось иметь дело с неким Константином Ивановичем Маракушевым; он мне еще тем памятен, что я с ним познакомился в первый день моей работы на коммерческом поприще, и даже после прекращения с ним торговли, вследствие прекращения мануфактурного дела в Средней Азии, я еще с ним остался в довольно близких отношениях.

Как мне было известно, К.И. Маракушев был взят фабрикантом Кокушкиным в качестве ученика-«мальчика». Костя своим примерным поведением, вниманием заслужил полное расположение своего хозяина, постепенно двигаясь по фабричным иерархическим ступеням достижений, достиг в конце концов должности доверенного. Кокушкин убедился в его достоинствах, отдал ему в жены свою единственную дочку, вскоре после этого зачислил его компаньоном, и фирма его получила название «Кокушкин и Маракушев».

Я познакомился с Маракушевым, когда его тесть уже скончался и Константин Иванович был единственным хозяином фирмы. Мне приходилось его навещать в Троицком подворье, где он всегда останавливался, приезжая из Иванова, где у него находилась фабрика. Он помещался всегда в самом дешевом номере подворья: в маленькой с одним окном комнате помещалась железная кровать, маленький столик и один стул, больше в комнате ничего не было, так как больше в ней ничего нельзя было поставить.

Я помню: Маракушев моим первым визитом был как бы смущен, посадил меня на стул, а сам сел на кровать, объяснив мне: для чего ему большой номер, когда он приходит только переночевать, а весь день проводит в своем амбаре.

Судя по его комнате, а также костюму, сильно поношенному, котелку-шляпе порыжевшего цвета с пятнами на ленте от высохшего пота, можно думать, что он большими средствами не обладает, и я в своем уме оценил его состояние в 500 тысяч рублей. Да и меня, правда, мало интересовали его средства: мы у него покупали, а не продавали, а потому не приходилось бояться: заплатит он или нет?

Я, будучи как-то в Иванове, зашел к нему в дом, но он, как оказалось, был в Москве, а потому мне не пришлось видеть его в домашней жизни. Потом, после мне рассказывал мой хороший знакомый Н.И. Решетников, которому пришлось быть в его доме, что дом у него большой, отлично меблированный дорогой стильной мебелью, но, как и у большинства купцов, среди роскошной мебели можно было видеть стоящий столик работы сухаревских кустарей, продаваемый на рынке по рублю. Раз за него деньги заплачены — не выбрасывать же его? Диссонанс безвкусия купцам был непонятен.

Решетников был у него только в парадных комнатах, и я уверен, если бы он прошел по внутренним комнатам, то многое бы его поразило в обстановке, составленной многими десятилетиями и поколениями, когда из-за жалости и привычки не решаются расстаться с грязной и неряшливый рухлядью.

Я расскажу о тех моих встречах с Константином Ивановичем, которые мне пришлось иметь с ним: однажды, будучи в Петербурге, я гулял на островах, вдруг неожиданно столкнулся нос с носом с К.И. Маракушевым с красивой молодой дамой. Мне было известно, что он вдовец, а потому невольно у меня блеснула мысль, что он со своей пассией. Он

остановился и представил свою даму мне, сказав, что это его дочь, замужем за сыном Александрова, одного из самых богатых петербургских купцов[1]. Погулявши с ними на островах, Маракушев предложил меня довести до гостиницы, где я остановился. Этим мое знакомство с его дочкой закончилось, я ее больше не встречал.

Через год или два мне пришлось быть в Ессентуках на Кавказе, гуляя по парку, опять встретил Константина Ивановича с какой-то женщиной, по виду мало интеллигентной и интересной. Она была повязана платком, на ногах калоши, хотя стояла сухая и жаркая погода. Маракушев, увидав меня, сильно обрадовался, бросил свою даму, подошел ко мне, и мы с ним пошли вместе гулять по парку.

Я в этот день был приглашен моим бывшим товарищем по училищу Ивановым, жившим в Петербурге, поехать верхом в Пятигорск в большой довольно компании. В этой компании принимал участие известный тенор, артист Мариинского театра Каминский, две его поклонницы, молодые, красивые и изящные дамы из титулованного петербургского круга; одна молодая красивая девушка, стремящаяся попасть на сцену, и еще несколько молодых людей, фамилии которых я забыл. Выезд назначался к вечеру, чтобы не так жарко было ехать. В то время, как я шел с Маракушевым, ко мне подошел Иванов с напоминанием, что пора идти на сборный пункт. Я Иванова познакомил с Маракушевым и ради шутки сказал: пригласи кататься и Константина Ивановича, отчего ему не поехать с нами? — вполне уверенный, что он откажется, так как и по годам, и по расходам с поездкой ему не будет интересно ехать с нами. К моему удивлению, он сразу согласился.

Я боялся, что он внесет диссонанс в наше веселое общество, но уже было невозможно от него отделаться; и пришлось его усадить в экипаж с двумя титулованными дамами. Остальная вся публика ехали верхами. И я мог наблюдать за Константином Ивановичем, — он просто переродился: как бы помолодел, глаза блестели, улыбка не сходила с его лица от вида красивых, изящных дам с их умелостью бойко и остроумно вести беседу и щекотать его застарелую и полупогасшую от практических дел сердечную чувственность. Артист Каминский проехал верхом недолго, чуть ли не свалился от усталости с лошади, сел в экипаж к дамам на их радость. В Пятигорске остановились перед гостиницей в парке, чтобы немного отдохнуть, поправиться после утомительной поездки верхом на лошадях. В это время взошла полная луна во всем своем блеске; разда-

лись дамские возгласы: «Неужели будем сидеть в душной комнате, не лучше ли поехать на гору Машук на «провал»[2], где можем любоваться при свете луны на город и его окрестности!» Остальной компании это предложение понравилось, и единодушно решили ехать. Позвали хозяина ресторана, приказали приготовить кушанья, вино, кофе и с лакеями отправить все это с нами на «провал». В это время Константин Иванович, возбужденный редким для него весельем, подошел к хозяину ресторана, вынул из кармана несколько сот рублей с просьбой на всю сумму доставить шампанского. Нужно было видеть его в это время: глаза горели, лицо было воодушевлено, и вся его грузная фигура изображала как бы генерала перед сражением, готового первым броситься в бой; его было трудно узнать — он переродился! И я заметил его без резиновых калош, которые, нужно думать, он сбросил во время пути, чтобы казаться перед дамами элегантнее.

На «провале» провели вечер превосходно, было весело, все были в ударе: красивые дамы пели цыганские романсы под аккомпанемент гитары одной из них, даже измученный верховой ездой артист Каминский что-то спел, кто-то декламировал, пели хором. Чудный вид на город при лунном свете, чистый прозрачный воздух, хорошая закуска с горячими кушаньями и избыток вина, пение, красивые дамы, единодушное общество всех привели в отличное настроение. Константин Иванович просто сиял, откинув по привычке свою голову назад, осматривая всех с восхищением. Я был глубоко убежден, что такое веселье для Константина Ивановича было впервые. Он провел всю жизнь в заботах о фабрике, о товарах, о покупателях, о накапливании денег и во всем этом достигнув полных успехов, но уже с грузом старости он понял и задавал себе вопрос: для чего все это?

На другой день после этой поездки я сидел в Кисловодском парке в кафе и пил кофе и думал: как поживает Константин Иванович? Не сделалась бы с ним «кондрашка»[3] от такого веселья, выпитого вина и большой денежной для него траты, после того как он очухался от всего этого? Смотрю, а он шествует со своей вчерашней дамой, по его лицу можно было судить, что он еще до сего времени переживает вчерашние впечатления. Он опять держал свою голову назад, это у него всегда бывало во время возбуждения от чего-нибудь, и он что-то авторитетно цедил сквозь зубы своей смущенной даме, заметно сегодня принарядившейся и без резиновых калош.

Мне потом в Москве приходилось часто встречать Константина Ивановича на Бирже, на улицах, в его амбаре, и он всегда стремительно подходил ко мне со словами воспоминаний об этой прогулке в Пятигорск, причем было видно, что эти воспоминания его возбуждали до сих пор, он о ней не мог забыть, каждый раз высказывая свои восхищения.

Я как-то зашел в амбар Маракушева, но его не застал; доверенный меня очень упрашивал подождать его, говоря: «Константин Иванович будет очень сожалеть, что не повидал вас. Он всегда вспоминает о вашем с ним путешествии на Кавказ, от которого он до сего времени в восхищении». Доверенный Константина Ивановича был еще сравнительно молодой человек; его хозяин ценил как хорошего и внимательного работника. Ожидая Константина Ивановича, я с ним разговорился, между прочим, спросил: «Скажите, ведь, кажется, у Константина Ивановича имеется еще дочка-барышня? Вот была бы для вас хорошая невеста». Я заметил, что мой вопрос всколыхнул его давнишние мечты и думы, глубоко засевшие в его душу. Он покраснел как рак и ответил: «Отчего же это невозможно?.. Ведь Константин Иванович сам женился на дочери хозяина, будучи у него служащим». А потом прибавил: «Время теперь только другое, фабриканты сделались другими людьми! Пожалуй, наш брат теперь не подходящ!» Вскоре узнал, что К.И. Маракушев расстался со своим доверенным; при встрече его спросил: «Почему ушел ваш доверенный? Вы им были довольны?» — «Полез не в свои сани, много захотел!» — со злобой ответил Константин Иванович. Из чего я решил, что доверенный намекнул Константину Ивановичу о своем желании относительно дочки, за что немедленно и был уволен со службы.

Я точно не помню год кончины К.И. Маракушева, приблизительно это было в 1910—1912 годах; ко мне пришел его новый доверенный с известием о смерти хозяина. Он сообщил, что явился по поручению сына умершего, сказавшего, чтобы о кончине его отца прежде всего было сообщено мне, так как ему известны приятельские отношения отца ко мне. Рассказал, что Константин Иванович скончался на автомобиле, купленном им в подарок своему сыну, и на первой поездке, как пробной, его сердце не вынесло быстрой езды.

Я поинтересовался узнать от доверенного: много ли Константин Иванович оставил сыну? «Не считая фабрик и других недвижимостей, — отвечал он, — будет не меньше десяти миллионов рублей, а то и больше». Предполагая, что доверенный прихвастнул, я навел справку через банк;

оказалось, что состояние его было гораздо больше, чем определил доверенный.

В моей жизни был такой случай: моя матушка предложила в 1906 году одной своей знакомой женщине, только недавно овдовевшей, переехать к ней на квартиру с ее сыном Борисом, так как знала, что ее умерший муж по фамилии Франц не оставил им ничего; и этой женщине, урожденной русской, пришлось заняться рыночной торговлей, от которой пользы оставалось только на пропитание. Комната с отоплением и освещением была отдана ей бесплатно.

Я обратил внимание на этого мальчика Бориса, ему было лет 10—11, учился он в городском училище, и очень хорошо. Его в доме все хвалили за его хороший характер и добрый нрав, а потому, когда он кончил школу, взял его в Товарищество, где я был директором, в качестве «мальчика»-ученика при амбаре. Он быстро освоил дело и скоро начал исполнять должность приказчика, а потом и коммивояжера. Я им и его поведением поинтересовался и от других приказчиков, близких к нему, старался узнавать их мнение о нем. Отзывы о нем были все очень хорошие, только в укор ему ставили жадность. В то время, когда служащие пили чай и закусывали приносимой лоточником разной снедью, Борис кроме чая и черного хлеба, приносимого из дома, ничего не ел, про него говорили, что он имеет уже деньги, и многие служащие и артельщики брали у него взаймы и платили ему проценты. И его уже не называли Боря, а величали Борис Иванович. Летом 1916 года он пришел ко мне на квартиру с расстроенным и конфузливым лицом, извиняясь, сообщил, что он оставляет службу в Товариществе и открывает свое маленькое дельце, и просил поддержать кредитом. Я спросил его: «А как же с деньгами? Ведь без капитала невозможно работать!» Он ответил, что он кое-что скопил и ему его один знакомый дает 20 тысяч рублей, и с этими деньгами он пока обойдется.

Борису Ивановичу в это время было приблизительно 22 года, и я был глубоко уверен, что при его знании дела, строгом поведении он к 40 годам его жизни будет очень богатым человеком.

У него действительно дела пошли хорошо, и в конце 1916 года он выплатил 20 тысяч рублей, взятых заимообразно, но революция в 1918 году прикончила его благополучие: он остался без денег и товара. Как он проводил время и что делал в течение [периода с] 1918 по 1922 год, мне не известно, но думаю, что спекулировал товарами, так как в то время это дело давало хорошие барыши.

В 1922 году, когда я вернулся в Москву, [то] вошел в одно торговое товарищество, после того как была разрешена торговля частным лицам. В это время ко мне явился Франц и просил его взять в приказчики. Я с охотой эту его просьбу исполнил. В 1924 году, когда была запрещена оптовая торговля частным лицам, товарищество закрылось, и Б.И. Франц открыл свое дельце на рынке с одним из бывших моих служащих, но эта компания быстро распалась, и обиженный Францем компаньон пришел и рассказал мне, что Франц сильно воровал у нас в товариществе, выкрадывал самые дорогие шелковые материалы и этими товарами набита его комната.

Но Франца в свою очередь правительство скоро освободило от этих товаров, и он опять остался безо всего. Поступил приказчиком в какой-то трест, где был уличен в воровстве и сослан на несколько лет «в страну, не столь отдаленную». Когда вышел срок его ссылки, он зашел ко мне. Я задал вопрос: «Как вам было не стыдно воровать в тресте?» — «Я не считал за грех там воровать: у меня взяли все, что я потом кровью, недоеданием, с большими другими лишениями составил себе, и был лишен всего этого, почему же мне хотя частицу было не вернуть себе?» Эта-то идеология испортила молодого, подающего большие надежды человека, он морально уже погибший был человек, так как в нем совершенно отсутствовало чувство мудрости. Он поступил на службу опять, но больше он ко мне не приходил, но, быть может, опять находится «в местах, уже более отдаленных». Ведь так трудно испорченному человеку войти в полное нравственное равновесие.

В моем торговом доме[4] снимал помещение для торговли железом Иван Михайлович Квашнин. Он тоже сделался купцом из «мальчиков», сначала торговал старым железным хламом, потом торговля у него расширилась, начал торговать новым железом и изделиями из него, помещаясь в одном растворе лавки.

Квашнин обладал почтенным и солидным видом, отдаваясь всей душой только делу, но думается, что он был крутого нрава и его служащим приходилось от него переносить многое. Потом он снимал у меня три лавочных раствора, и ему в деле помогали двое сыновей и несколько приказчиков с «мальчиками». Я был у него постоянным покупателем; не знаю, почему у меня сложилась привычка с полученными счетами при уплате мною обращаться очень небрежно: мял их в кулаке и засовывал в карман пальто, тем смущал людей с плохими наклонностями, думающих, что счета мною бросаются, а потому можно будет

требовать уплаты по ним вторично. Но между моими многими привычками была и хорошая, которой держался всю жизнь: при подаче счета немедленно уплачивать по нему, если не требовалось особой проверки. Я заметил, что таковая привычка мне давала возможность покупать сравнительно дешевле, чем лицам, задерживающим уплату. Производя у себя какую-то большую стройку, где требовалось много железа, я все нужное количество покупал у И.М. Квашнина и, конечно, немедленно уплачивал по доставке счетов. Является как-то ко мне Квашнин и заявляет: «Шесть месяцев тому назад вы взяли у меня кровельного железа на шесть тысяч рублей и денег не уплатили». Это заявление меня рассердило, я был уверен, что деньги ему уплачены, но счет, скомканный и опущенный небрежно в карман пальто, давал возможность думать Квашнину, что я его бросил, так отчего же не получить с меня еще раз? Я начал над ним иронизировать и в свою очередь делать мины, что, пожалуй, у меня счета от него не имеется, и довел его до полной уверенности, что он в своих мыслях прав; но уплатить ему вновь отказывался, объясняя тем, что для Квашнина сумма в 6 тысяч рублей большая, и как он мог за мной ждать 6 тысяч в течение шести месяцев, когда за кровельное железо обыкновенно уплачивается немедленно, как в булочной за хлеб. Дело дошло у меня с ним почти до полного разрыва, и я видел, что он готов наговорить мне разных дерзостей, чтобы иметь твердую почву к предъявлению ко мне иска в суде. Я вынул его счета, хранящиеся в определенном месте, и подал все их, им подписанные, к великому его удивлению и огорчению. Афера его не удалась, нужно было видеть его дурацкое положение: он готов был зарыдать, и, быть может, от стыда, загоревшейся совести.

Нужно признаться, что я от своей привычки мять счета в кулаке и небрежно совать в карман отучился только потому, что оказалось довольно большое количество лиц, желающих получить во второй раз по одному и тому же счету, даже среди них оказались такие, о которых я никогда не мог думать. Один из таковых, не повидав меня, подал в суд; при разборе дела он был посрамлен судьей, которому моим уполномоченным были представлены все подписанные обвинителем счета и даже его письменное условие, из которого судья увидал, что оплатил ему больше, чем было у нас соглашение, так как считал, что работа была произведена подрядчиком дешево.

С этим И.М. Квашниным был интересный случай, могущий кончиться для него весьма плачевно. Когда он был уже вдовый, он от своих

правил не отступал: вставал утром в 6 часов, в 8 часов был уже в своей лавке, возвращался домой после запора лавки приблизительно в 8—9 часов вечера. Приходил домой, ужинал, молился Богу и ложился спать. Однажды, вернувшись домой, он все это проделал, перед тем чтобы лечь в кровать, запер на ключ свою дверь и свой бумажник с выручкой за день, как мне он сам говорил, вместо того чтобы положить его под подушку, как это он обыкновенно делал, взял и положил почему-то в этот раз в ящик комода и ключ оставил там же, и это его спасло. На другой день, встав утром, увидал отпертую дверь комнаты, бросился к комоду — бумажника с 8000 рублей нет. Явилась полиция, агент из уголовного розыска, составлен был протокол о краже и найденном на комоде большом отточенном кухонном ноже, не принадлежащем Квашнину.

Агенту из уголовного розыска была обещана награда Квашниным, и дело закипело. От Квашнина потребовали фамилии, имена, отчества всех приказчиков и «мальчиков», когда-то у него служащих, а, нужно сказать, они менялись у него довольно часто из-за его довольно тяжелого характера. Все они были найдены, допрошены, но вора между ними не оказалось. Как-то агент зашел опять к Квашнину и начал настаивать, чтобы он перебрал бы еще раз всех служащих, может быть, кого-нибудь он и пропустил. Квашнин начал вспоминать и вспомнил, что действительно он забыл одного «мальчика», служившего у него года три тому назад, но прибавил со своей стороны, что он уверен, что этот «мальчик» не мог бы это сделать, так как он был очень тихий, скромный, пробыл у него недолго и уехал в деревню.

Агент, получив фамилию, имя и отчество «мальчика», разыскал его в каком-то ночлежном доме, лежащего на кровати. Агент подошел к нему быстрыми шагами и, тыча ему пальцем, сказал: «Немедленно отдай бумажник с деньгами, украденный тобой у Квашнина». Молодой человек поднялся, не сказав ни слова, поднял подушку и отдал бумажник с деньгами, из коих было истрачено им только 50 рублей. При допросе он сознался: ножик его, припас на случай, если проснется Квашнин, когда он будет лезть под подушку, зная, что он укладывал бумажник всегда на ночь там, то он зарезал бы его этим ножом. Когда же он увидал, что Квашнин положил [бумажник] в комод, то нож ему не потребовался, и он впопыхах забыл его в комнате. Уйти ему из квартиры было легко, так как он знал расположение комнат и выходных дверей.

ГЛАВА 76

Мое детство прошло при освещении комнат сальными свечами с употреблением серных, вонючих спичек. Нагар со свечей снимался особыми щипцами, лежащими всегда рядом с подсвечником; теперь они сделались музейной редкостью.

В детских, когда там не бывало старших дома, нянька или другая прислуга спокойно снимала нагар пальцами: поплюет на палец и снимет, вытирая замаранные пальцы о свой фартук.

У меня в памяти сохранилась первая керосиновая лампа; в то время в течение очень продолжительного времени керосин назывался фотогеном. Привоз лампы был целым событием для всех домашних; перед ней собрались все живущие в доме, ею любовались, восхищались, делая относительно ее разные замечания: главное ставя во главе, что осветить комнату обойдется в копеечку; подумаешь еще перед тем, как зажигать! Но скоро фотогеновое освещение вытеснило навсегда сальные свечи.

При захварывании простудой, что теперь именуется гриппом и бронхитом, обыкновенно прибегали к целебному домашнему средству сальной свечи. На лист толстой синей бумаги из-под головного сахара[1] накапывали сало из свечи, посыпали нашатырем, и эту горячую сальную бумагу прикладывали к груди заболевшего, что весьма помогало к скорому излечению.

Приблизительно лет через 8—10 после этой фотогеновой лампы произвело большой шум между москвичами освещение проезда Петровских линий электрическим светом по способу первого изобретателя Яблочкова, создателя новой эры освещения. Многие приезжали смотреть освещение Яблочкова из дальних провинций и проверить: не врут ли газеты, описывая электрическое освещение. Это изобретение считалось вроде чуда[2].

С каждым изменением и усовершенствованием освещения в купеческих домах заметно изменялся уклад жизни купцов: стали увлекаться более обстановочной, показной жизнью, с более холодным, рассудочным отношением к окружающим их личностям. Предполагали найти в роскоши «красоту жизни», а развили в себе еще более сильный эгоизм,

приведший их к сокращению раздачи милостыни нищим, как это было раньше — по установленным определенным дням в неделе; прекратили кормление нищих в дни памяти умерших близких родственников; прекратилась отсылка в тюрьмы разной снеди арестантам во дни больших праздников; не принимали у себя в доме убогих, юродивых, монахов, странников и других, подобных этим лицам; изменилось отношение к своим приказчикам, «мальчикам» и другим служащим: о них уже не заботились, чтобы морально помочь им выбраться на хороший путь, ценя в них только одну работу, приносимую от их труда пользу хозяевам.

Я расскажу несколько эпизодов из моего раннего детства: за вечерним чаем матушка просматривает иллюстрированный журнал Гатцука, только что полученный. В журнале сообщалось об изобретении велосипеда, с рисунком его[3]; велосипед изображен с колесом в рост человека, а сзади его маленькое колесико, с сидящим на большом колесе человеком, с указанием, что на этой машине можно делать большие прогулки. Матушка, осмотрев изображение велосипеда, покачала головой и вслух сказала: «Можно ли так врать? Как возможно человеку усидеть на большом колесе, да еще делать на нем большие прогулки? Вот и выписывай такой журнал со враньем! Все делается только для того, чтобы побольше из вранья извлечь денег!»

Я вполне сочувствовал словам матушки, зная по опыту, что усидеть на колесе, даже на маленьком, невозможно, не предполагая, что лет через четырнадцать после этого разговора буду совершать большие прогулки на велосипеде, но с большими усовершенствованиями.

Однажды мне пришлось остаться одному в квартире с поручением присматривать за мной кухарке — женщине по виду вполне здоровой и нестарой. Пользуясь свободой действий, я прежде всего отправился в кухню, куда мне вход был воспрещен, и, понятно, начал шалить и надоедать своей болтовней кухарке; она меня взяла за руку и повела обратно в детскую. В то время, когда мы вошли в детскую, села ворона на забор, стоящий в двух саженях от окон детской, и закаркала. Кухарка сказала: «Ишь ты, ворон каркает, наверное, накаркивает мне смерть!» Усадив меня за игрушки, ушла обратно в кухню.

Вскоре матушка вернулась и увидела распростертую кухарку на полу, как оказалось, уже мертвую. Приглашенный доктор констатировал смерть от разрыва сердца. По словам других прислуг, кухарка никогда не жаловалась на плохое здоровье.

Как-то в нашем доме случилось большое смятение: к парадному подъезду подъехала пролетка с господином, позвонившим в звонок дома. Отворившую дверь горничную господин попросил доложить хозяйке дома, что ему необходимо видеть ее по делу, а после снятия пальто горничные увидали, что он во фраке и со звездой.

Такое извещение сильно взволновало матушку, она начала спешно приводить в порядок свой туалет, волосы и в то же время с раскрасневшимся и взволнованным лицом читала псалом: «Помяни царя Давида и всю кротость его!», с уверенностью, что этим псалмом она отвлечет от себя беду. Вышла к генералу, окруженная детьми и значительной частью прислуги, жаждущими узнать о результате такого страшного и небывалого посещения. Генерал встретил матушку очень любезно, извиняясь, что он должен ее побеспокоить получением сведений о лицах, живущих в ее доме, для переписи всех жителей Москвы[4]. Видя расстроенное лицо матушки и всех окружающих взволнованными, он спросил: «Не имеется ли у вас в доме кто-нибудь из мужчин, с которым бы я мог вести переговоры?»

Матушка обрадовалась, послала за мужем своей сестры, живущим с нами в одном доме. Явившемуся моему дяде генерал рассказал все свои требования, и дело было окончено в короткое время. Успокоившаяся матушка распорядилась подать чай, и за чаепитием генерал рассказал много курьезного про лиц, с которыми ему пришлось иметь дело по переписи города Москвы. Особенно он возмущался дамами, почтенными по годам домовладелицами, не имеющими у себя в доме мужчин, могущих объяснить им суть дела. «С ними, — говорил генерал, — приходилось долго возиться и зачастую не удавалось добиться нужных сведений. Они были с испуганными лицами, с глазами, переполненными страха от воображаемых наказаний вплоть до тюрьмы, ссылки, а даже, может быть, и смерти, если по неосторожности скажут какое-нибудь неподходящее слово». Чтобы расположить генерала в свою пользу, многие совали ему пакет с кредитками, а отказ взять от них деньги еще более обескураживал их, они терялись, не знали, что им теперь предпринять, и эти отжившие почти свою жизнь старухи молили его: «Батюшка, пожалей сироточек, за нас заступиться некому!..» — и т.д.

Из этого можно было сделать вывод, в какой тяжелой атмосфере прожита была их жизнь под игом приказных и «облакатов»[5], продолжавшимся до освобождения крестьян.

Вообще все люди суеверны, но купечество, как мне казалось, отличалось в особенности: так, по понедельникам не начинать никаких серьезных дел, то же по тринадцатым числам; страшились разбить зеркало, трех зажженных свечей в одной комнате, по возвращении с похорон домой прежде всего бежали к изразцовой печке, приложить руки к ней, делая это даже летом; за стол не садились в количестве тринадцати лиц, все эти приметы сулили смерть кому-нибудь из близких, а потому тщательно следили, чтобы все это не делать.

Сообщая о суевериях, я вспомнил случай, бывший у меня в доме, когда за столом обедающих было тринадцать лиц. Как-то неожиданно я с женой решили в 1904 или 1905 году поехать в Париж, где жила сестра моей жены Лидия Флорентьевна Крафт, а потому не успели предупредить их письмом о нашем выезде. В Берлине послали телеграмму через носильщика, потом, как оказалось, не полученную Крафтами.

Приехав в Париж, были удивлены, что нас никто не встретил, взяли фиакр и поехали к ним, зная, что если мы не остановимся у них, а в гостинице, то этим их обидим, о чем они нам неоднократно говорили, так как, имея большую квартиру, жили вдвоем, а потому приезд родственников всегда их радовал, внося в их жизнь некоторое разнообразие и оживление.

Когда приехали на их квартиру, то узнали, что как раз в этот день должно состояться венчание их сына Константина Николаевича с Верой Сергеевной, урожденной Шереметьевской, раньше бывшей замужем за Сабашниковым.

Крафты были рады нашему приезду, несмотря на то что в их квартире жили сын с невестой, и для нас оказалась большая комната. Кроме того, Крафты были довольны, что в лице моем у них оказался второй свидетель при венчании, требуемый церковью.

Венчание было парадное, с полным освещением церкви, с хором хороших певчих; всех присутствующих при венчании и на обеде было человек двадцать. По окончании обеда Вера Сергеевна подошла ко мне и сказала: «Пойдемте в гостиную, мне бы хотелось с вами поговорить». Сели в уголок, сравнительно вдалеке от других гостей, сидевших группами и пьющих кофе и ликер.

«Вы удивлены нашей свадьбой? — спросила Вера Сергеевна. — Я вышла замуж за человека уже обреченного! Я знаю: вам известен приговор докторов парижских и давосских, где долго жил и лечился Констан-

тин Николаевич. Я решила принести себя в жертву, чтобы, по возможности, хотя бы последние дни Кости скрасить: он этого сильно желал. Знаю, что этот год будет особенно труден и тяжел для меня, но что же делать? Я должна принести себя в жертву и исполнить его просьбу!»

После венчания прошло года четыре или пять, здоровье Константина Николаевича было все в том же виде, а даже, пожалуй, лучше; они переехали в Москву, и Константин Николаевич начал чувствовать [себя] лучше, исполняя указанный ему докторами режим.

В год их приезда у меня был обед, где должно было присутствовать четырнадцать человек, на каждом куверте лежала карточка с фамилией лица, должного здесь сидеть. Гости все собрались, за исключением Веры Сергеевны и того лица, которому предназначалось занять место за столом рядом с ней. Наконец приехала она, муж ее приехал раньше, и единовременно с рассыльным получилось письмо от ее соседа по столу с извещением, что он быть не может по каким-то уважительным причинам.

Жена моя сильно взволновалась: как быть? Бросилась к телефону, приглашая лиц, которые могли бы приехать на обед, но все они, как на грех, отсутствовали. Решили посадить старшего сына, которому было шесть лет. Он уперся при виде разряженных гостей, при необычайной для него обстановке, ни за что не хотел сесть, проливая горькие слезы; пришлось от него отказаться. Между тем обед был готов, повар предупредил, что кушанья от несвоевременной подачи могут испортиться. Общим советом решили: суеверие откинуть и засесть в числе тринадцати.

Вера Сергеевна, садясь на свое место, смеясь сказала: «Приехала тринадцатой, за столом буду тринадцатая, так мне, наверное, умереть в этом году», — желая, как мне казалось, успокоить своими словами присутствующих на обеде почтенных старичков. Последовал общий хохот: и действительно, можно ли было думать это о Вере Сергеевне — этой красивой, изящной женщине, от которой почти все мужчины были без ума, с кипевшей в ней жизнью, обладающей цветущим здоровьем, по виду ей нельзя было дать больше 24 лет, и что она умрет.

Через неделю после обеда Вера Сергеевна скончалась от неудачного аборта. Муж же ее, которого она предполагала схоронить много лет тому назад, жил еще долго, кажется, женился вновь и умер в 1918 году от трудного переезда в революционное время за границу.

В народе говорят: «Обычай крепче закона», и это оправдывается в наших поминальных обедах, несомненно, перешедших из тризны до-

христианской эры у нас на Руси, понятно, только без игр и ристаний. Я не помню, чтобы в купеческих семействах похороны обходились без поминок.

Впервые мне пришлось быть на поминках, когда мне было 15 лет, оставивших у меня тяжелое воспоминание, и я относился к ним не с добрым чувством всю жизнь. Поминальные обеды, по-моему, могли бы еще быть только в самом тесном семейном кружке умершего, а не в многочисленном собрании лиц, зачастую ничего общего не имеющих с умершим.

Поминки моего деда происходили в его квартире, где он жил, где мне приходилось его видеть среди родственников и знакомых веселым и довольным. Его большая гостиная превращена была в столовую, с завешанными зеркалами, картинами, со стоящими длинными столами, расположенными покоем, с расставленными на них приборами. Когда я вошел, в ней уже было достаточно народу, распивавшего чай, разносимый лакеями на подносах, уставленных стаканами с чаем, блюдечками с лимоном и молочниками со сливками.

Скоро в гостиной появилось духовенство, началась лития с поминовением скончавшегося, с возглашением диакона вечной памяти новопреставленному. Духовенство заняло почетные места напротив близких родственников покойника, причем было заметно, что многие из присутствующих спешили занять места как можно ближе к ним. Причина такого занятия мест, как мне потом пришлось узнать, была из-за желания получше покушать, так как кондитеры, готовившие обед, ради своей выгоды имели обыкновение хозяевам и лицам, рядом с ними сидящим, подавать кушанья, приготовленные из лучшей провизии, чем остальным; так, икра к блинам попадала лучшего сорта, уха из стерлядей хозяевам из живой рыбы, а остальным — из уснувшей или мороженой, и все остальные блюда были в таком же роде.

Прежде всего подавали кутью — сладкий рис с изюмом, уложенный сверху мармеладом. Кутья эта возилась в церковь, где стояла всю службу с воткнутой в нее зажженной свечой. Все брали маленькой ложечкой кутью и, кладя в рот, крестились и поминали новопреставленного.

Обед собственно начинался с блинов с икрой, с семгой, балыком, за блинами подавали стерляжью уху, с подовыми пирожками, начиненными рисом и рыбой, а за этими блюдами подавались кушанья, какие обыкновенно бывают на парадных обедах. В постные дни обеды быва-

ли рыбные, а в скоромные мясные; если присутствовал на обеде архиерей или архимандрит, то подавали им всегда рыбные блюда. Обед заканчивался сладким кушаньем — бланманже[6], изготовляемым в постные дни на миндальном молоке, которое, как и кутью, полагалось хотя немного, но обязательно его съесть, и считалось за дурную примету, если кто этого не делал.

В середине обеда священники и все присутствующие вставали, опять молились с возглашением вечной памяти новопреставленному, после чего обед продолжался до конца. После сладкого разносилось разлитое в стаканах вино, половина стаканов была с белым вином, а другая с красным. На некоторых поминках подавались вместо вина мед и шипучие воды, тоже красные и белые. В это время духовенство поднималось, совершалось моление, с поминовением новопреставленного, и начинался разъезд.

Поминальный обед начинался весьма чинно: присутствующие говорили тихо между собой, преимущественно о покойнике, вспоминая его положительные стороны жизни, сожалели о нем, но к середине обеда говор усиливался, разговоры переходили на другие темы, а к концу уже смеялись и шутили.

На одном из поминальных обедов пришлось слышать обращение одного из купцов к брату умершего: «Теперь за тобой очередь, Михаил Андреевич!» — «Шалишь, брат! — отвечал Михаил Андреевич. — У меня впереди много бабья!» — намекая тем на своих сестер, старших его годами. И оба, довольные остротой, хохотали.

На другом поминальном обеде кроме бланманже подавали кондитерское пирожное, один из молодых священников растерялся, не знал, какое взять: возьмет одну, а соседняя как бы лучше, за нее ухватится, а глаза разбегаются, дальше лежит еще лучше; сосед священника схватил его руку и сказал: «Батюшка, на выбор дороже!» Рассмешил соседей и сконфузил попа.

Были и такие обеды, когда сынки после смерти отца распивали шампанское, а после поминок составлялась карточная игра.

На поминки набиралось много разного народа, чтобы хорошо поесть и попить, а потом что-нибудь стащить: так, я слышал, как старший официант сказал другим лакеям: «Вот явился поминальщик, когда он бывает, всегда ложки пропадают; вы поглядывайте тщательнее за ним!»

ГЛАВА 77

Праздники особо чтимые справлялись в купеческих семьях с некоторыми особенностями, начинающими постепенно исчезать из обихода новых поколений.

Уже за неделю до Рождества Христова радивые хозяйки начинали убирать свои квартиры, в это время превращавшиеся по виду, как будто было нашествие Батыя: вся мебель сдвинута со своих мест, сняты образа, зеркала, картины; окна, двери без драпировок; полы без ковров и половичков. Комнаты наполнялись суетливой прислугой с какими-то еще приглашенными женщинами из богаделен, все они с босыми ногами, с заткнутыми подолами, с ведрами, мойками, швабрами, мочалками неистово мыли, вытирали и выметали скопившуюся пыль и грязь, полировали мебель смесью деревянного масла со скипидаром; с высоких стремянок тщательно промывали люстры, канделябры, бра, вставляя свежие свечи. Уборка начиналась обыкновенно с парадных комнат, постепенно переходя на жилые и тем внося большой сумбур [в жизнь] лиц, принужденных в это время быть дома.

Наконец квартира принимала праздничный вид: стекла в окнах, зеркала вымыты, арматура оконная, дверная и печная, вычищенная толченым кирпичом, вся блестела, но была обернута бумагой, чтобы до праздника она не потускнела; тоже полы, натертые мастикой, воском, блестели, выделяясь своим лоском; воздух делался чистым, с пронизывающим запахом мастики и скипидара.

Еще задолго до уборки дома хозяйки приобретали разные вещи для подарков детям, прислуге и своим крестникам, тщательно их пряча от любопытных глаз; за несколько дней до праздников объезжали почти все рынки, чтобы запастись живностью на все праздничные дни, с боязнью не переплатить что-либо против других хозяек, соперничающих с ними в умении хозяйничать.

Многим покажется странным, что некоторые купцы, жертвующие на благотворительность тысячи, даже миллионы, в то же время, чтобы не

переплатить в провизии какой-то десяток рублей, ездят по базарам, торгуются, волнуются, затрачивая на это много труда и времени.

Как все это понять? Объяснить можно разве только тем, что при постоянных своих покупках, нужных им для их торговли, образуется у них вроде привычки от сосредоточия их ума, силы воли в одном месте сердечных желаний — не передать, а потом все это переходит и на мелочи, для них неважные, как, например, переплата в провизии или на извозчиках. Мне приходилось быть свидетелем, как купец, торговавшийся с извозчиком чуть ли не до пота, расплачиваясь с ним, отдал ему вдвое со сторгованной суммы, говоря: «Возьми, и тебе нужно нажить!» — с довольством на лице, что он все-таки сумел добиться своего у извозчика. Недаром купцы говорят: «Купить — блоху поймать, продать — что вшу убить!»

Н.А. Найденов, как несомненный знаток жизни и обычаев купечества, на одном из собраний выборщиков Биржевого комитета, собранном за несколько дней до Рождества Христова, спешил скорее его закончить с желанием отпустить почтенных купцов к волнующим их домашним делам. Закрывая собрание, он сказал: «Есть еще вопросы, требующие разрешения собрания, но отлагаю до окончания праздников, зная, что у большинства из нас головы заняты в данное время праздничными заботами: гусями, поросятами — самое время запасаться ими, а потому закрываю заседание с пожеланием встретить и провести праздник Рождества Христова и Новый год в полном здоровье и довольстве». Это собрание происходило приблизительно около 1900 года, то есть в то время, когда значительная часть купечества шагнула далеко [вперед в сравнении] с годами моего детства. Многие из них были с высшим образованием, хорошо знакомые с жизнью Европы; мнили себя наподобие английских лордов — и вдруг о них могут думать, что они поедут покупать гусей и поросят. И пожелание председателя на них подействовало неприятно. Я заметил, как лицо Г.А. Крестовникова, сидевшего напротив меня, передернулось, сделалось насмешливым, и по всему было заметно, что эта шутка председателя ему не понравилась. У других же, старых купцов вызвала полное сочувствие, было слышно через довольный смех: «Что говорить: что правда, то правда!»

Еще накануне Рождества Христова убранный и обряженный дом, с теплившимися лампадками перед блестящими ризами икон, с приятным запахом цветов в жардиньерках, давал ясное понятие о наступлении торжественного дня и святости его для всех обитателей в нем.

Праздничный день начинался церковными службами, ходили к заутрене и ранней обедне. По возвращении из церкви дети награждались подарками, а также вся прислуга. С черного хода приходили с поздравлением дворники, кучера, трубочисты, почтальоны, ночные сторожа и тому подобные лица, имеющие какое-либо отношение к хозяевам, наделявшиеся некоторыми суммами.

Визиты родственников и знакомых начиналось рано, чуть ли не с 9 часов; одни уезжали, другие приезжали, приходили приходские священники с крестом, пели тропари празднику, кропили святой водой всех подходящих приложиться ко кресту, попозднее приезжали знакомые монахи из монастырей, и весь день происходил в сутолоке и суете, надоедливой и малоинтересной. Всех приезжающих приглашали в столовую, где на длинном столе стояли разные закуски, вина, с разными затейливыми и вкусными блюдами.

Рождественские праздники всегда справляли торжественно и весело: то уезжая сами в гости, то принимая гостей.

Хозяева считали необходимым побывать в театрах, в Большом и Малом, единственных в то время[1], а также в цирке. Группы ряженых, как бы случайно приехавших, приезжали в розвальнях со своим тапером; приезд гостей всегда радовал всех; их принимали с особым удовольствием, и танцы и веселье продолжались до глубокой ночи. Во время разгара веселья вливались еще ряженые из большой дворни хозяев, с надетыми масками, в большинстве случаев уродливыми, в перевернутых шубах и разных костюмах, добытых от приживалок и старух, на покое живущих у хозяев, и под аккомпанемент гитары начиналась веселая пляска казачка и камаринской. К молодежи почти ежедневно собирались их друзья и подруги, тогда веселье, что называется, шло дыбом: развлекались гаданьем, играми, танцами и пением. В комнаты, где веселилась молодежь, вносились плетеные корзинки, наполненные яблоками, мятными пряниками, орехами разных сортов и другими сладостями, и треск от грызения орехов шел по всему дому.

Под Новый год в некоторых купеческих семьях бывала в доме всенощная, на каковую приглашались родственники и знакомые, а после окончания всенощной начинался пир.

Новый год встречали за столом, обставленным разными закусками, кушаньями и вином. Произносились тосты, пожелания нового счастья. Веселье продолжалось долго, с гаданиями, танцами, пляской, и разъезжались в 4—5 часов утра.

Святки продолжались до кануна Крещения. Канун Крещения очень почитался: старшие не принимали пищи вплоть до первой звезды, то есть до темноты, когда на небе появится первая звезда, видимая глазами. В два часа дня ходили в церковь, где происходило освящение воды, приносимой домой в медных кувшинах и сохраняемой весь год, давали пить эту воду болящим как целебное средство. Вечером над каждой дверью в доме ставили мелом кресты, чтобы предохранить от вхождения нечистой силы.

В Крещение ездили в Кремль на крестный ход и с ним ходили на иордань[2] на Москву-реку. Следующий праздник после Рождества Христова была масленица, так называемая неделя обжорства. На масленице пеклись блины, и в мое детство они пеклись с понедельника ежедневно сплошь всю неделю, их выпекать начинали с 9 часов утра.

Блины подавались с русским растопленным маслом, со сметаной, икрой, семгой и селедкой. На масленице не полагалось есть мясо, все кушанья были только рыбные. Супы из головизны, с белугой, с осетриной, щи кислые тоже с этой рыбой, жареная навага, корюшка, сазаны, заливные судаки, царский студень из стерлядей и тому подобное.

С четверга этой недели масленица считалась уже широкой. Хозяева уже работать не выезжали, а занимались блинами и другими рыбными кушаньями. Нагрузившись до отвалу, чтобы протрястись, выезжали кататься на паре рысаков с толстым кучером в четырехугольной цветной бархатной шапке, восседавшим в санях как истукан-божок. Мужчины надевали дорогие меховые шубы и бобровые шапки, женщины в ротондах из черно-бурых лисиц, с бархатной покрышкой; сани, закрытые медвежьей полостью, а лошади с сетчатой цветной попоной мчались по улицам в места, где происходили катанья; многие ездили кататься на роскошных тройках с бубенчиками, колокольчиками, на цветных ямщицких санях с медвежьими полостями.

Обжорство на масленице часто сопровождалось преждевременной смертью объевшихся блинами. Мой знакомый аптекарь Штраус говорил, что на масленицу и Пасху аптекарями делается всегда большой запас касторового масла, требуемого в большом количестве.

Последнее воскресенье перед Великим постом считалось «прощеным». Весь дом живущих вместе приходил просить прощение у хозяев дома: дети, прислуга, приказчики, жившие при доме, даже женатые сыновья и замужние дочери, живущие отдельно, приходили и приезжали к

родителям просить в этот день прощение, кланялись в ноги; то же самое и родители просили у детей и у служащих прощение, но не кланялись в ноги.

На другой день раздавался печальный перезвон церковных колоколов, своим унылым тоном возвещавший о начале поста с призывом к молитве и покаянию. Церкви переполнялись говевшими, священником произносилась дивная молитва Ефрема Сирина «Господи и Владыка живота моего...» с многими поклонами.

Как бы затихшие чувственные удовольствия масленичной недели перешли в другую душевную стадию: покоя, молитвы, поста и покаяния, но сразу подавить их многим было не по плечу, и вот тех-то тянуло туда, где под плаксивыми ударами церковных колоколов жизнь бурлила от громадного грибного торга, тянувшегося от Устьинского моста до Москворецкого, уставленного санями-розвальнями из окружных Москве деревень и сел с разной снедью, особенно требующейся постом. Розвальни были переполнены грибами сухими, мочеными, маринованными, мочеными яблоками, кочанной и кислой рубленой капустой, баранками, постным сахаром, русским черносливом, яблочной и клюквенной пастилой, клюквой, разными сладостями из шепталы[3], винной ягодой, изюмом и резной кустарной посудой и тому подобным. На этот рынок со всей Москвы направлялись заботливые хозяйки, чтобы подешевле запастись снедью на весь Великий пост, и туда же стремилась молодежь, чтобы продолжить веселые масленичные встречи и увлечения.

Во время моего детства посты соблюдались строго, если можно считать за строгость отсутствие мяса, рыбы, молочных продуктов и животного масла, заменяемых вкусными кушаньями, где вместо мяса и рыбы были грибы; молоко заменялось миндальным, подаваемым к чаю, к кашам и другим сладким блюдам. Я до сего времени с особенным удовольствием вспоминаю о холодном супе-тюре, изготовляемом из кислой капусты, тертого гороха, картофеля, редьки, лука, поливаемых постным маслом и заливаемых домашним квасом, в эту тюрю клались маринованные грибы, грузди и рыжики, и иногда прибавлялся тертый черный хлеб. Подавались великолепные винегреты, с маринованными ягодами и грибами; вместо икры рыбной подавали грибную икру, очень пикантную и вкусную; пироги пеклись на постном и горчичном масле, с начинкой рисом, грибами, капустой; левашники[4] с вареньем, раздутые от жаренья их в постном масле: один левашник занимал целую та-

релку. Взвары[5] из сушеных фруктов были обязательно за каждой едой как дополнительное сладкое кушанье. Кушанья были очень разнообразны и сытны. Таковое пощение было очень приятно, и легко проходили семь недель поста.

Для приготовления постных кушаний была другая посуда; та же посуда, в которой варились мясо или рыба, была извлекаема из употребления, и если по какой-либо причине приходилось к ней прибегать, то она тщательно парилась в печке, мылась и потом освящалась святой водой.

Праздник Благовещения особенно почитался: прислуга по возможности освобождалась от всякой работы, кушанья приготовлялись накануне, а в день Благовещения разогревались, но относительно кухарок это не особенно соблюдалось. Про Благовещение говаривали: «В этот день работать нельзя, даже птица гнезда в этот день не вьет!»

В этот день многие ездили на Трубную площадь, где в это время шла торговля птицами, покупали и освобождали их; мальчишки же, занимающиеся этим, недолго оставляли этих освободившихся птиц на воле, ловко опять ловили и продавали другим.

В Благовещение и в Вербную субботу и в воскресенье допускалось есть рыбу.

Вербное воскресенье тоже очень чтили; накануне этого дня, в субботу, все спешили в церковь ко всенощной, особенно любимой всеми, держа в руке пук вербы и с зажженной свечкой; по окончании всенощной по улицам тянулись толпы богомольцев со свечами, старавшихся донести их до дому непотухшими.

Вернувшиеся от всенощной старшие шутя пугали вербой маленьких детей, делая вид, что хотят их побить, говоря: «Верба хлест, бьет до слез!» Этот праздник считался детским; им старались доставить какое-нибудь удовольствие. Еще с пятницы начинался вербный базар на Красной площади, уставленной длинными рядами палаток со всевозможными неприхотливыми и дешевыми товарами. Преимущественно преобладали букинисты со старыми книгами, охотно раскупаемыми; искусственные цветы, раскупаемые на украшение куличей, пасок и икон, и много еще разных товаров специально для детей. Кроме того, шныряла масса торговцев, имея на руках товары, как воздушные шары разных величин и цветов, живописно поднимающиеся над толпами гуляющих. Этими шарами зачастую пользовались ловкие мазурики, они скупали всю партию шаров у какого-нибудь продавца, обрезали веревку, и шары плавно

поднимались к небу; все гуляющие невольно устремляли свои взоры на эту картину, и в это время мошенники ловко очищали карманы любопытных[6]. К этому дню всегда были какие-нибудь новости в игрушках, приуроченные к наименованию какого-нибудь лица, в то время обратившего внимание общества своим поступком или чудачеством[7]; масса была мелких игрушек, с очень маленькой стоимостью, охотно раскупаемых детьми. Детей на этом торжище была всегда масса, приятно было смотреть на эти веселые, милые личики, с возбужденными глазами от покупок разных игрушек, пищащих свистков, цветов, приколотых к их платью на груди, бабочек и еще тому подобных безделушек. В Вербное воскресенье часов с трех было катанье в экипажах разряженных детей со своими мамашами. На рынке было шумно, весело, раздавались остроты и хохот.

На Страстной неделе соблюдался строгий пост, даже детям не делали никаких поблажек, а старики зачастую ели без масла, питаясь преимущественно чаем и хлебом.

Эта неделя особенно трудно доставалась хозяйкам: уборка дома производилась такая же, как на Рождество Христово; надо было успеть приискать свежие продукты и суметь их сберечь, как, например, творог, сделанный из сливок или густого молока; запастись сырыми окороками и их запечь вовремя и умело; как на Рождество непременным блюдом были поросята и гуси, так на Пасхе — индейки и телятина, доставляемая из Троицкого посада, отпоенная только на молоке; яйца, закупаемые обыкновенно на четвертой неделе поста, так как время для них было самое дешевое; яйца красились во всевозможные цвета, были преимущественно красные, синие, желтые, зеленые, мраморные; последний цвет делался так: обертывали яйца шелковыми разных цветов спутанными нитками, завертывали в тряпку и в таком виде кипятили; когда яйца поспевали, то их вынимали, снимали обертку, и получались очень красивого цвета, наподобие мрамора; шелковую путанку покупали в лавках, торгующих шелковыми нитками, употребляемыми для женских работ; яиц красили большое количество, несколько сотен штук; выпечка куличей производилась тоже в большом количестве, и у многих они тянулись до праздника Вознесения; делались сырные пасхи. Кроме того, Страстная неделя состояла из длинных церковных служб, куда обязательно хозяйки ходили и выстаивали.

Наконец наступал желанный день: куличи и бабы лежали боком на мягких приспособленных местах, издавая по всему дому аромат сдобно-

го теста; яйца были разложены в вазы и корзинки, где были всходы зеленого овса; запеченные окорока очищены и уложены на большие блюда; творожные пасхи сделаны и находились на льду в погребе, и все таким своим видом радовало и веселило сердца заботливых хозяек, только еще было у них сомнение, чтобы у их конкуренток-подруг не оказались бы лучше и красивее эти вещи. В 11 часов вечера принаряженные, всем домом, беря даже детей с шестилетнего возраста, отправлялись на торжественное богослужение в иллюминированные церкви.

Прислуга, нагруженная блюдами с куличами, пасхой и яйцами, завязанными в салфетки, несла [их] в церковь для освящения, помещая их на полу в задних приделах, потом были для этого устроены специальные палатки на церковном дворе.

ГЛАВА 78

Праздник Пасхи у христиан означает торжество жизни над смертью (а потому понятны чувства радости у них), обещающее всем вечную жизнь при исполнении заповедей Божьих. Праздник Пасхи особенно чтится народом и называется им «праздник из праздников». Во всех местах России, где живут христиане, справляется торжественно, но в Москве его справляют необычайно торжественно и даже с особым благоговением и чувством, чем в других городах России.

Во времена моего детства первый удар колокола в 12 часов пасхальной ночи производился с колокольни Ивана Великого в Кремле, и только после этой благовести Москва почти единовременно наполнялась звуками от благовести со всех многочисленных московских церквей. Начинался крестный ход. Плавно, в строгом порядке, под наблюдением самих молящихся, выносили из церквей высокие хоругви, несомые тремя людьми, за ними несли образа, запрестольный крест, шло духовенство, облаченное в дорогие золотые и серебряные ризы, во главе с певчими, поющими: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангелы поют на небесах...»

У священников в одной руке кадило, испускающее ароматный запах ладана, а в другой — золотой крест со свечой, обвитые живыми цветами, диакон с большими свечами, и вся толпа молящихся с открытыми головами, имеющие в руках зажженные свечи, сопровождала крестный ход вокруг церкви. Шествие сопровождалось иллюминацией, бенгальскими огнями и веселым перезвоном церковных колоколов. Крестный ход, обойдя кругом церкви, останавливался перед закрытыми дверями храма; священник, подняв крест со свечой, громогласно произносил: «Христос воскресе!» Толпа богомольцев, как один человек, отвечала: «Воистину воскресе!» — и это повторялось три раза. После чего двери храма распахивались и в том же порядке: хоругви, иконы, певчие и духовенство входили в храм, где священник опять возглашал: «Христос воскресе!»— и опять вся толпа одним голосом отвечала: «Воистину воскресе!» Когда двери храма перед входом духовенства отворялись, то все церковные паникадила со свечами, обвитые пороховыми нитками, за-

жигались, наполняя храм светом от многочисленных свечей. Вся церковная служба совершалась торжественно и благоговейно, и все молящиеся были в особо торжественном настроении. В пасхальную ночь почти все жители Москвы были на ногах, можно смело сказать: из всех православных жителей первопрестольной оставались в доме лишь прикованные к кровати болезнью да лица, обязанные своим служебным положением оставаться дома; все остальные шли в храмы, за неимением там мест стояли на папертях и на улицах; многие, преимущественно дворяне, чиновники, ходили в домовые церкви, где можно было снимать пальто, калоши и стоять в церкви, где не было так жарко; другие ходили в монастыри, и все храмы были переполнены молящимися, многие ходили в Кремль, чтобы посмотреть и испытать на себе то чувство торжественности при массе, быть может, десятков тысяч людей, присутствующих на площадях Кремля.

Назначенный генерал-губернатором в Москву великий князь Сергей Александрович при первом празднике Пасхи был в Кремле со своей женой великой княгиней Елизаветой Федоровной; как мне пришлось слышать от осведомленного лица, великого князя все виденное и слышанное сильно поразило и растрогало, о чем он рассказал государю при первом же с ним свидании. Государь тоже пожелал испытать это торжественное настроение и обещался как-нибудь приехать в Москву на Страстной неделе, где будет говеть и пробудет часть пасхальной недели.

Я хорошо не припомню год приезда в Москву государя, но думается, что это было либо в 1902, либо в 1903 году[1]. Мне пришлось быть во дворце на высочайшем выходе царя из внутренних покоев дворца во дворцовую церковь; присутствовал на этом выходе как представитель московского купечества в числе трех лиц, фамилии остальных двух я не помню.

Государь с государыней за 10—15 минут до 12 часов вышел в залу, где собрались все придворные во главе с великими князьями, министрами и другими знатными особами. Прежде чем государь вышел в залу, ему предшествовала масса придворных: обер-шталмейстеров, обер-гофмейстеров, камергеров, камер-юнкеров, скороходы, арапы. У меня от всего этого зрелища помутилось в глазах, и так как проход этот был довольно скорый, то в моей памяти осталось довольно смутное понятие, а потому рассказать о нем в подробности не могу; но только, признаюсь, мне это шествие казалось театральным, и оно зрению моему доставило удовольствие без всякого влияния на мою душу. Правда, немного было для

меня странным в конце XIX столетия видеть арапов, скороходов, камергеров с ключами на фраке, обер-шталмейстера с жезлом, гордо шествующего, чувствующего, как будто совершает крупное дело. Разнообразие красивых мундиров, орденов, лент рябило в моих глазах. Шествие это прошло через анфилады громадных зал, наполненных высокопоставленными лицами, за исключением нас, трех купцов, стоящих в самой последней зале[2] в своих черных фраках, и, кажется, я один из них имел самый маленький орден Станислава 3-й степени и бухарскую Золотую звезду, так что мы трое были черными пятнами среди поражающего блеска и величия.

Наше черное пятно трех фрачников невольно обращало внимание всех звездоносцев. Государыня Александра Федоровна тоже обратила на нас внимание и, улыбаясь, что-то сказала государю, показывая глазами ему на нас.

Государь и государыня вошли в дворцовую церковь, за ними вошли туда великие князья, великие княгини с княжнами, придворные дамы, министры и другие наиболее важные чины, но многие остались в зале из-за недостатка места в церкви, в том числе были и мы, трое фрачников.

Какой-то из важных придворных вышел из церкви и сообщил всем оставшимся, что если кто желает быть в церкви, то по внутренней лестнице дворца может спуститься в церковь Двенадцати Апостолов[3], примыкающую к дворцу. Благодаря этому указанию мы покинули залу, где нам было указано место, и прежде всего я отправился на балкон дворца, откуда открывалась чудная панорама на все Замоскворечье и на кремлевскую Ивановскую площадь. Все кремлевские площади представляли сплошную массу людей, стоящих с непокрытыми головами и держащих в руках зажженные свечи.

В гуще толпы возвышались блестящие хоругви изо всех кремлевских церквей, плавно колыхаясь, как бы плыли среди несметной толпы народа. Зрелище передо мной открылось удивительное и поражающее: с многочисленных церквей с их иллюминированными колокольнями неслась торжественная благовесть, своим приятным звоном наполняя весь город. Возглас священников «Христос воскресе!» не был слышен на балконе дворца, но ответ народа прогремел могущественно и величественно: «Воистину воскресе!» Я заметил, как у некоторых важных особ, стоящих тоже на балконе, отразилась на лицах эта величественная картина, и даже заметил у одного из них слезы на глазах.

Налюбовавшись на балконе на эту дивную картину, пошел в собор Двенадцати Апостолов, где простоял заутреню и часть обедни, после чего вернулся в залу, где было указано нам быть. Придворные, утомленные стоянием в церкви, оттуда выходили, садились в зале, где мы стояли, вели очень громко разговор между собой, хохотали. Вышел какой-то из церкви придворный и, обратясь к нам, раздраженным голосом сказал: «Разве можно так громко разговаривать и смеяться, когда в церкви идет служба, да еще в присутствии государя, ведь в церкви все слышно, нужно уметь прилично себя держать!» Что мы — трое фрачников — могли на это ему ответить? Мы понимали, что хотя обращение было к нам, но выговор относился к звездоносцам, сидящим и хохочущим. Только придворный ушел обратно в церковь, как наши звездоносцы опять громко заговорили и захохотали. Опять явился он же и сделал опять внушительный выговор нам, стоящим тихо с полным сознанием своего ничтожества среди звездоносцев. Как [только] ушел придворный, опять повторилось то же самое: сидящие заговорили громко и захохотали; тогда мы уже не выдержали, не желая иметь третьего выговора, покинули залу, отправились осматривать залы, где были накрыты столы для разговения. Во всю длину длинных столовых стояли накрытые столы, уставленные приборами и бронзовыми вазами, изображающими лебедей с распущенными крыльями, с хрустальными тарелками, наполненными апельсинами. Больше на столах ничего не стояло. Я подумал: у купцов пасхальный стол украшается лучше и изобильнее, и решил ехать домой, не дождавшись разговения во дворце, с сидением с напыщенными звездоносцами, каждый имел из них не менее двух звезд. Хорошо бы я себя чувствовал среди них! Да и, думаю, звездоносцы не были бы довольны моим соседством.

Государю и государыне очень понравилось это пребывание их на Пасхе в Москве, они приехали еще раз, а быть может, и несколько раз, я уже теперь не помню.

По окончании церковной службы улицы наполнялись народом, сгущенной массой выходящим из церквей, рассыпаясь веером по разным сторонам, с зажженными свечами, с несением больших узлов с освященными пасхами, куличами и яйцами. Встречая кого-либо из своих знакомых, весело христосовались, снимая шапки, здесь же на улице. Как бы ни был богат и именит купец, считал непременным делом христосоваться со всеми своими домочадцами, и уже у ворот своего дома — с дворником, ожидавшим возвращения хозяев, а также с лакеем или с горничной, отпиравшей парадную дверь.

На накрытом столе в столовой, уставленном всевозможными колбасами, окороками, помещались посередине стола принесенные из церкви освященные куличи, пасхи и яйца, с них-то прежде всего начиналось разговение. Кладя на тарелку кусок кулича и пасхи, крестясь, старики говорили: «Господь привел встретить светлый праздник!»

В продолжение всей пасхальной недели с утра до 4 часов дня [праздник] сопровождался веселым перезвоном во всех церквах.

На второй день Пасхи ездили на могилки родителей и оставляли на них яйца, как бы христосуясь с ними.

Годы текли, купечество богатело, строило вместо своих старых домов с антресолями и мезонинами роскошные палаццо-дворцы, с громадными зеркальными стеклами в окнах, но вместе с этим заметно отпадали многие добрые, сердечные обычаи: некоторые перестали посещать свои приходские церкви, ходили или ездили в домовые, где они могли стоять без пальто и калош, блестя своими нарядными костюмами: мужчины во фраках или в смокингах, женщины в бальных костюмах, увешанные бриллиантами и живыми цветами, с удовлетворенным тщеславием о произведенном эффекте на остальных молящихся; приезжая домой, уже не христосовались со всей своей дворней; в роскошно обставленной столовой, залитой электрическим светом, со столом, обставленным окороками, фаршированными свиными головами, разными ценными колбасами, сырами, с корзинами пахучих живых цветов, стояли пасхи шоколадные и сырные и куличи из лучших кондитерских, но разговляться начинали не с пасхи и куличей, принесенных из церкви, а с кондитерских, которые своим видом были более привлекательны, а некоторые даже с еще теплой ветчины, вкусно источающей из себя струйки сока, запивая дорогими иностранными винами.

На лицах таковых не проявлялась духовная радость от великого праздника, а лишь проявлялось самодовольство от счастливой возможности исполнения обычая в такой роскоши.

Считалось неприличным не христосоваться с человеком, говорившим вам: «Христос воскресе!» — и отвечая ему: «Воистину воскресе!», лобызались троекратно; на улице, в театрах, в трактирах никого не удивляло, когда приходилось видеть христосовавшихся.

В описываемое мною время продукты питания стоили очень дешево, теперь кажется невероятным, что для теста куличей хозяйки имели специальные корыта и клали в него неимоверное количество яиц и рус-

ского масла. Причем в Москве пасхой назвалась творожная, и, как я помню, в пасху весом в десять фунтов клали яичных желтков 20 штук. Изготовление пасхи происходило в Страстную субботу, понятно, привлекало всех детей присутствовать при этом, как бы помогать протирать творог, потом втирать в творог сливочное масло, а вместе с тем — при ослаблении внимания у старших — запихивать в рот вкусную массу. В 1919 году мне пришлось впервые встречать Пасху на Украине у моей хозяйки, у которой снимал комнату. Как-то потом, при разговоре с ней, я выразил восхищение ее куличам. Она мне ответила: «Это что за пасха? Вот если бы вы попробовали, которую делала раньше, когда продукты были дешевые, я клала в пасху по пятьсот штук яиц, а теперь положила только пятьдесят яиц». Я понял, что она говорит про пасху творожную, у меня вырвалась невольно фраза: «Ну не много ли вы сказали?» Она покраснела и злыми своими зелеными глазами презрительно окинула меня и прошипела: «Я никогда не вру!» И больше месяца со мной не говорила, тем она наказала меня за мое незнание, что пасха на Украине называлась по-московски куличом.

Пишу о Пасхе свои воспоминания как раз во время Пасхи 1935 года, невольно бросается в глаза разница цен продуктов нынешнего года с описываемым периодом старого довоенного времени. Ведро молока можно было купить по 40 копеек, а в данное время 40 копеек стоит стакан; яйцо стоило раньше 1 копейку, а теперь 1 рубль, и все остальные продукты в таком же роде.

Когда я доканчивал главу о празднике Пасхи, ко мне приехала моя родственница и рассказала, смеясь, про своего одиннадцатилетнего сына-пионера, которому она вздумала рассказать о встрече Пасхи и, одним словом, рассказала почти все то же, что я описал; он слушал внимательно, с удивлением и потом сказал: «Ну и заливаешь ты, мама! Можно ли поверить всему этому, ведь для всех этих вкусных вещей нужны громадные средства?»

Троицын день отмечался тем, что в церковь к обедне ходили все с цветами, а если в то время полевых цветов не было, то с ветками зеленой березы. В домах все комнаты украшались молоденькими березами: в углах, где висели иконы, около кроватей и вообще везде по возможности, где только можно березки было поставить. Покупали березки у крестьян целыми возами.

ГЛАВА 79

Рассказывая о разных празднествах, придется коснуться свадеб в купеческих семьях, празднуемых особенно торжественно, с тратой больших денежных сумм. Мне приходилось задавать вопрос некоторым из своих приятелей: почему они справляют свадьбу с такой помпой, когда, быть может, молодым было бы приятнее этот день провести между собой вдвоем, а не быть окруженными толпами посторонних лиц? Получал от них ответ приблизительно в таких словах: «Что ты, батюшка! Разве иначе можно? В жизни человека есть только три важных момента: рождение, женитьба и смерть. При рождении и смерти, конечно, заботятся другие, но при женитьбе следует самому жениху похлопотать: разве ему не будет приятно под старость вспомнить о днях помолвки и свадьбы? Свадьба бывает один раз в жизни, а потому и справить ее нужно как следует. Притом же все мои родственники и знакомые справляют так же свадьбы, так как же я этого не сделаю? Этим всех обидишь!..»

Мне уже приходилось говорить о замкнутой жизни купеческих семей, отчего сама молодежь не имела возможности познакомиться и сблизиться с теми лицами, на которых могли бы жениться или выйти замуж, а потому родители прибегали к установившемуся обычаю сватовства.

В Москве было много свах, только тем занимающихся, что обходили те дома, где были женихи и невесты; в более почтенных семьях принимались свахи только солидные, зарекомендовавшие себя хорошими и серьезными предложениями. С одной из таких свах я был хорошо знаком еще со времени своего детства. Ее звали Мария Семеновна Семенова, она бывала у нас довольно часто, навещая мою матушку, как сосватавшая ее моему отцу, но так как в нашей семье в те года не было женихов и невест, то она приносила в большом узле разные вещи, порученные ей на продажу, как-то: меха, шелка, кружева и тому подобное.

Мария Семеновна любила пить чай до чрезвычайности. Когда она являлась, матушка приказывала поставить самый большой самовар, чуть ли не с ведро мерою, и он выпивался полностью. Пила она с большой церемонией: выпитая чашка опрокидывалась на блюдечко, и оставший-

ся кусочек сахара клала на донышко чашки, после чего начинала благодарить, что она очень довольна и больше пить не может, но моя матушка, зная ее манеру, говорила: «Давай, давай чашку, выпьешь еще!» И это все проделывалось со всеми последующими выпитыми чашками, вплоть пока оставалась вода в самоваре. В продолжение всего чаепития она постоянно вытирала платком пот, выступавший на ее лице, и много раз божилась, что больше пить не в состоянии, но пила, и, как было видно, с большим удовольствием, и в это время она продолжала рассказывать о всех новостях, что приходилось слышать в частных домах, где она бывала. Некоторые из ее рассказов у меня удержались в памяти.

Она бывала в семье Дмитрия Петровича Боткина, живущего в своем особняке на Покровке[1] против 4-й гимназии. У Боткиных захворал сын дифтеритом, все средства, доступные по тому времени, были приняты для его излечения, но мальчик скончался. Боткина, мать умершего[2], страшно боялась смерти и, зная, что дифтерит очень заразен, ни разу не посетила болящего сына, и когда он скончался, не вышла в комнату умершего. Мальчика положили в цинковый гроб, запаяли, чтобы при отпевании обеспечить от заражения.

На другой день [после] похорон мальчика все его белье, платье, драпировка, обивка мебели были сожжены; комната и оставшаяся мебель хорошо дезинфицированы. Комната была заново отделана, с новыми обоями. И после окончания года [со дня смерти] мальчика мать решилась войти в комнату сына; открыв ящик комода, она увидала лежащий крест с золотой цепочкой покойного сына, взяла, поцеловала крест и надела цепочку на шею. Через неделю она захворала дифтеритом и скончалась.

Мария Семеновна отличалась особой любовью и сострадательностью к животным; у ней на квартире было около десяти собак и столько же кошек, подобранных на улицах. Она за ними ухаживала и хорошо питала, так что значительная часть ее заработка уходила на них.

Как-то она попала на Малую Дмитровку, когда впервые была пущена конка, запряженная в одну лошадь, а между тем по всем улицам Москвы ходили конные вагоны, запряженные двумя лошадьми; на Малой Дмитровке это делалось, как на улице, не имеющей никаких подъемов.

Мария Семеновна не сообразила этого, и в ее голове блеснула мысль, что вагон запряжен в одну лошадь конновожатым с целью личной выгоды; она бросилась за вагоном, держа в руке свой большой узел, и нача-

ла кричать конновожатому, чтобы он остановил вагон и впряг другую лошадь, обвиняя его в жестокости и в мошенничестве.

Она, передавая все это, всхлипывала и говорила: «Я бегу и ему кричу: «Остановись!» А он, мерзавец, и вся публика в вагоне смеются. Побежала в полицейскую часть и все это рассказала, с просьбой привлечь конновожатого к ответственности, а там тоже смеются! Ну, — закончила она, — что будешь делать с мошенниками? Везде рука руку моет!»

Мария Семеновна была старая дева, худая, невысокого роста, с желтовато-пепельным цветом волос, на подбородке у ней имелась бородавка с длинными волосиками. Лицо ее напоминало лисье, и, нужно думать, она была хитрой и ловкой свахой, с большой ловкостью и умением выхваливать свои товары, как и полагается по народной поговорке: «Сватать — так хвастать!»

Свахи обслуживали бракосочетаниями купеческие семьи наподобие маклеров, помогающих совершать коммерческие сделки при продажах и закупках оптовых товаров. Казалось бы, чего проще купцу зайти в амбар того купца, товар которого ему требуется, перетолковать и поторговаться, но это не делалось из-за боязни, что при разговорах может получиться нежелательный конфликт, для обеих сторон невыгодный, после чего неловко будет идти на компромисс. Так и при сватовстве: сваха начинает говорить как бы от своего лица, делая вид, что другой стороне ее предложение неизвестно, а это только ей пришло в голову, и она думает осчастливить двух так подходящих к соединению лиц. Расписывает невесту со всех положительных для нее сторон, говорит о предполагаемом приданом, о ее именитых родственниках и все остальное в том же духе. Мать жениха все слышанное от свахи передает мужу, тот со своей стороны собирает справки о предлагаемой невесте через своих знакомых, через подкупленную прислугу семьи невесты и церковных богаделенок, которым все домашние сплетни бывают известны. Если хотя отчасти подтверждается все говоримое свахой, то ей поручают начать переговоры.

Сваха спешит к матери невесты и начинает расхваливать жениха и его семью, и, одним словом, проделывается все то же самое, что ею проделано в семье жениха. Здесь тоже наводят справки о женихе, и когда все окажется так, как говорила сваха, то назначаются смотрины в местах, подходящих для обеих сторон.

Если смотрины удовлетворили родителей, а также жениха и невесту, то начинаются переговоры опять через сваху о деньгах, даваемых за

невестой, и если этот вопрос разрешается в положительном смысле, то требуют рядную на остальное приданое, даваемое за невестой.

Рядная запись начиналась обыкновенно с молитвы: Во имя Отца, Сына и Св. Духа... Мы, таковые, желая обеспечить свою дочь такую-то, даем за ней кроме денег такой суммы еще следующее. Начинается перечисление икон, с подробными указанием и наименованием их и в каких они ризах, а именно: иконы Божьей Матери в сплошной жемчужной ризе, иконы других святых в серебряных золоченых и просто серебряных. Далее подробное перечисление столового серебра и всех драгоценных украшений, как-то: брошек, браслетов, серег, диадем и колец, меховых вещей, как-то: ротонда на черно-буром меху, шуба на куньем меху, на собольем и так далее. Перечисляются меховые муфты, шляпы, дальше идет перечисление платьев, с указанием столько-то бархатных, шелковых, шерстяных, домашних ситцевых; сапог, ботиков, калош; белья с указанием дюжин простыней, полотенец, наволочек, рубашек батистовых, льняных, кальсон, чулок и так далее, причем указано, с какими кружевами и прошивками. Перечислены подушки, думки, одеяла, дамские халаты и халат жениху. Перечисляется обстановка тех комнат, где будет помещаться будущая жена.

По получении рядной опять начинается торговля о прибавке разных вещей. Но наконец все улаживается, тогда назначается день приезда жениха и его родителей в дом невесты.

После чаепития жених и невеста уходят в гостиную, а старики устанавливают и подтверждают сумму денег, рядную, после чего встают, крестятся на иконы, целуются, как родственники, поздравляя друг друга. Приглашаются молодые, их поздравляют, целуют, подается шампанское, чокаются и определяют день благословения образом молодых, и устанавливается день венчания.

О дне помолвки оповещаются родственники и знакомые пригласительными билетами; близким и уважаемым родственникам родители сами вручают билеты, а другим рассылают через своих служащих.

Принятая форма пригласительных билетов была наподобие книжечки, сделанной из толстой ватманской бумаги, с золотым обрезом, шрифт преимущественно тоже был золотой; бумага бывала разных цветов — белой, розовой, голубой и под мрамор. На лицевой стороне пригласительного билета находился вензель жениха и невесты с датой дня события. На левой внутренней стороне билета писалось: имена, отчества, фами-

лия родителей невесты, имеющих честь известить о помолвке их такой-то дочери с таким-то, имеющей быть там-то и тогда-то, с покорнейшей просьбой пожаловать на бал и вечерний стол.

На другой, правой стороне билета было написано то же самое, но приглашение исходило со стороны родителей жениха.

В одной из парадных комнат в переднем углу перед иконами устанавливался стол, на котором помещались иконы Спасителя и Божьей Матери и коврига черного хлеба со стоящей в середине серебряной солонкой с солью, врезанной в хлеб.

На разостланном ковре помещались священник и жених с невестой; священник, прочитав установленные молитвы, потом надевал на их пальцы обручальные кольца и произносил небольшую проповедь о таинстве венчания и об обязанностях обрученных в их будущей совместной жизни. На место священника становились родители жениха; отец держал в руках икону Спасителя, а мать хлеб и соль; жених и невеста молились перед иконой, делали три земных поклона, прикладывались к иконе, целовали отца в губы и его руку; после этого отец передавал жене икону, а сам брал хлеб и соль; молодые проделывали то же самое перед иконой, держащейся матерью. На место родителей жениха заступали родители невесты, но с образом Божьей Матери, и благословляемые опять исполняли все то же самое, как перед родителями жениха. Помолвка этим заканчивалась; в это время лакеи входили с подносами, уставленными бокалами с шампанским, и все присутствующие подходили к жениху, невесте и к их родителям и поздравляли.

В это время в зале раздавались звуки от настраиваемых скрипок, виолончели и других инструментов, молодые и гости направлялись [туда].

Бал обыкновенно начинался с полонеза. В первой паре шел отец жениха, держа за руку мать невесты, за ними шел отец невесты с матерью жениха, затем шли помолвленные, и за ними длинной гирляндой тянулись гости, проходя кругом залы и даже по другим комнатам, при медленном и торжественном темпе музыки. Правда, не по моим силам описывать эту движущуюся гирлянду, но все-таки позволю себе в кратких штрихах обрисовать ее: родители, немного косолапя, в длиннополых сюртуках, со всеми регалиями, имеющимися у них, с довольно гордыми лицами, но с желанием быть любезными со своими сватьями, смотревшими с довольной улыбкой на них; молодые, конфузящиеся под взорами многих гостей, стоящих по стенам залы и старающихся найти в

них некоторые недочеты; завистливые сверстницы и подруги невесты с думами: когда наступит и для них таковой счастливый день? Остальная вся молодежь — из них многие красивые, — оживленная, с блестящими глазами, розовыми щечками, разряженная, плавно в такт музыке шла покачиваясь, представляла из себя в общем живописную картину.

После полонеза начинались танцы, бывшие в моде в то время: вальс, полька, кадриль, лансье[3] и в конце бала мазурка. Во время перерывов в танцах лакеи разносили сладкие напитки, мороженое, конфекты, фрукты, шоколад, кофе с разными печениями и пирожки с икрой.

Старики беседовали в гостиной, любовались танцующими, некоторые играли в карты, но все не забывали посещать столовую, где столы были уставлены в изобилии винами и разнообразными закусками. После многих посещений столовой у некоторых старичков возгоралось желание «тряхнуть стариной», как они говорили. Требовали от музыкантов сыграть русского трепака, выходили на середину залы, держа в руках красный шелковый платок, обхаживая, с изумительным вывертом ступней ног, вокруг какой-нибудь из бойких дам, желающей доставить удовольствие развеселившимся старичкам. Дама, плавно двигаясь и повертываясь, подергивала плечами, помахивала кружевным платочком, как бы приманивала и в то же время отталкивала своего обхаживателя. Пляшущих окружало целое кольцо гостей, всей душой и сердцем сочувствующих им и хлопаньем и возгласами выражавших свой восторг и восхищение.

Около двух часов ночи просили всех гостей, находящихся в зале, отправиться в другие комнаты, в это время зала через отворенные форточки проветривалась и лакеи быстро расставляли складные столы, накрывали их скатертями, устанавливая приборы, с торчащими на них салфетками, вазы, наполненные изящными, так называемыми свадебными конфектами в золотых, серебряных бумажках с наклеенными интересными картонажами, изображающими разные фрукты, насекомых, животных и домашние обиходные предметы вплоть до мебели, вазы с фруктами, уложенными горками яблоками, грушами, апельсинами, мандаринами и виноградом и вазы с ананасами; посередине столов тянулся ряд бутылок с разными винами и шипучими сладкими водами.

На почетных местах размещались помолвленные, с ними рядом родители жениха, а напротив них садились родители невесты, а уже рядом с ними усаживали уважаемых близких родственников и почетных

гостей, а дальше садился, кто как хотел по своим желаниям и стремлениям.

Во время ужина оркестр исполнял разные музыкальные пьесы по программе, напечатанной на оборотной стороне меню. Перед подачей сладкого начинали провозглашать тосты, сначала за жениха и невесту, потом их родителей, близких родственников, почетных знакомых и за всех присутствующих гостей; все эти тосты сопровождались музыкальными тушами.

Меню кушаньям было чрезвычайно разнообразное; у меня в памяти остались только два блюда, представляющих из себя некоторый эффект: так, жареная дичь, состоящая из фазанов, куропаток, рябчиков и других птиц, уложенных на блюдах, посереди которых стояла узорчатая корзинка, сделанная из теста, где помещалось чучело фазана, выделяясь своим красивым оперением; сладкое — мороженое или пломбир, фисташковое, малиновое, шоколадное, сливочное, помещающееся в домах, замках, художественно сделанных из жженого сахара.

Молодежь за столом очень веселилась, потом начинали бросать хлебные комочки в других, сидящих от них вдалеке, вызывая тем неудовольствие старших, говоривших: «Грех бросаться хлебом, многие найдутся, чтобы его съесть!»

В это время почтенные дамы тоже не зевали, опустошая вазы с конфектами и фруктами, запихивая их в свои необъятные карманы, говоря: «Свезу деткам на память о свадьбе!»

На другой же день помолвки в домах жениха и невесты можно было видеть сваху, пришедшую под видом поздравить стариков с состоявшимся торжеством, но они хорошо понимали, что она явилась за получением причитающегося гонорара за оказанную услугу. За ее труд платили от 100 до 500 рублей, с одного больше, с другого меньше, как сумеет кого обделать. Обыкновенно после благословения образом ей платили половину, а другую отдавали после свадьбы и кроме денег дарили шаль и шелковое платье.

С этого же дня значительная часть комнат в доме невесты превращалась в мастерские, с шитьем белья, платьев, примеркою их; все это делалось с хлопотливым видом, вызывая у всех суету с ахами и волнениями.

Жених ежедневно посещал невесту, привозя бонбоньерки с конфектами, и иногда дарил бриллиантовые вещи, а накануне свадьбы приво-

зил большую свадебную шкатулку, наполненную туалетными принадлежностями, искусственными цветами флёрдоранж, надеваемыми на голову невесты во время венчания, как эмблема чистоты и невинности; здесь находились и подвенчальные свечи, украшенные теми же цветами, и белые атласные башмаки.

Вечером этого же дня приближенный отца невесты отвозил сундуки с приданым в дом жениха, отдавая от них ключи родителям, с просьбой принять по рядной записи.

Приблизительно дней за десять посылали пригласительные билеты на свадьбу того же типа, как были на помолвку.

В церковь своевременно доставлялись все необходимые документы, причем требовалось представить свидетельство о исповеди и причастии в этом году*.

Перед отъездом жениха в церковь двое шаферов с его стороны с букетом белых цветов выезжали в коляске к невесте, а за ними следовала свадебная четырехместная карета, запряженная цугом, с мальчиком-форейтором, кричавшим всем встречным экипажам пронзительным, длинным криком: «Пааади!»

Свадебная карета была особенная, вся в зеркальных стеклах, остов окрашен в белый цвет с позолотой, с четырьмя фонарями на углах, внутри обитая белым атласом. Приехавшие шафера передавали букет невесте. В это время мать и отец еще раз благословляли образом, целовали и крестили, часто со слезами провожали дочь в новую жизнь. Мать,

*Не могу не рассказать о бывшем со мной случае. Я считал, что все бумаги мои в порядке, [и] не спешил доставить документы в домовую церковь, где предполагал венчаться. Дня за три до венчания повез к священнику документы; он их пересмотрел и спросил: «Где же свидетельство о принятии вами святого причастия в этом году?» Я смутился: как раз в этом году я не исповедовался и не причащался, о чем и сообщил ему. Священник категорически отказался венчать, если не доставлю этого документа. Этим требованием я был поставлен в весьма тяжелое положение; в оставшиеся дни до дня венчания, переполненные хлопотами и заботами, я должен был еще говеть, исповедаться и причащаться, что требовало особого чувства благоговения и сосредоточия мыслей; я думал: как мне быть? Опытные люди научили, как обойти это требование: поехать в какой-нибудь монастырь и там исповедаться и причаститься, проделывая это сразу, без говения. Поехал в Богоявленский монастырь на Никольской улице, где обратился к первому иеромонаху с просьбой меня исповедать. Когда исповедь была кончена, я попросил иеромонаха дать мне свидетельство об исповеди и причастии. Он поморщился, но согласился с моими доводами, что мною это будет делаться без достаточного чувства благоговения. Получив от него удостоверение, заплатил ему купонов в 2 рубля 50 копеек. Иеромонах посмотрел на купон и сказал: «За обман да купон!»

невеста с какой-нибудь из своих близких подруг, мальчик с иконой садились в карету. Впереди них ехали шафера, а позади тянулся ряд карет с провожатыми — родственниками и знакомыми.

Жених при входе в церковь становился на правой стороне, а невеста на левой, окруженные каждый своими провожатыми. При входе в церковь жених и невеста были встречаемы хором певчих с красивым концертом церковного песнопения.

Священник выходил из алтаря, подходил к жениху, брал его руку и подводил к невесте и обоих их подводил к аналою, где для венчающихся расстилался атласный цветной коврик.

Провожатые и вся публика, обыкновенно набивавшая всю церковь, внимательно смотрели: кто первый вступит на коврик — жених или невеста, тот будет, по установившимся поверьям, главарем в семье. Обвенчанные молодые, вернувшись из церкви, шли в свою комнату, где для них были приготовлены чай и легкая закуска, так как в день венчания не полагалось есть до совершения таинства венчания.

Дальнейшее я описывать не буду: поздравление молодых с бокалами шампанского, бал, ужин были почти все те же, что на помолвке, разве только при тостах за новобрачных поднимались крики: «Горько, горько!» И если молодые замедляли целоваться, то крики превращались в рев.

Ради большего парада приглашался тамбурмажор[4], одетый в ливрею, обшитую позументом с большими медными пуговицами, с перекинутым через плечо, ради большего эффекта, каким-то дополнением к ливрее; он держал в руке булаву с толстым медным набалдашником, каковую отталкивал от себя при открытии двери приехавшему гостю, выражая этим движением приветствие приехавшему. На голове у него была треуголка с позументом и большой кокардой, надетая на голову по-наполеоновски.

Молодежь на балах того времени сильно веселилась: нечасто им приходилось пировать на них, а потому они с нетерпением ожидали свадеб своих подруг и знакомых, и многие из них до старости вспоминали об этих свадьбах с восхищением, рассказывая молодежи об их веселье, но бывали случаи, когда некоторые получали большое горе с трагическим окончанием.

На один из таких свадебных балов был приглашен молодой красивый Овсянников, только что окончивший высшее учебное заведение и получивший звание инженера. Овсянников был сын большого миллионе-

ра Глеба Степановича и его жены Ольги Алексеевны, взятой из именитого и богатого рода купцов Рахмановых.

Молодой Овсянников на балу познакомился с молодой красивой девушкой, но недостаточно богатых родителей. Он ею увлекся и после свадебного бала начал посещать ее дом, а частые посещения еще больше укрепили его чувства любви к ней. Он знал определенный взгляд своих родителей, что он, их единственный сын, для возвеличивания их рода еще на большую высоту должен жениться на девушке с соответствующим капиталом, как у него, но он, несмотря на это, решился просить о разрешении вступить в брак с любимой им девушкой.

Получил от родителей решительный отказ: как жениться на бесприданнице тебе, Овсянникову, чтобы наши деньги, с таким трудом и лишениями нажитые, пошли на прихоти какой-то девчонке! Этого никогда не будет! Лишим тебя наследства и проклянем, если женишься на ней. На молодого Овсянникова отказ родителей сильно повлиял, и под влиянием страстных порывов он застрелился.

Со стариком Глебом Степановичем и его женой Ольгой Алексеевной я немного был знаком, познакомившись с ними у одного своего знакомого, Михаила Ивановича Филатова, на скромной свадьбе его дочери, где присутствовали только самые близкие родственники и знакомые Филатова.

Глеб Степанович выглядел бравым и красивым мужчиной, а жена его выглядела совершенной старухой, но старающейся молодиться и нравиться мужчинам; у нее волосы были окрашены в черный цвет, глаза и брови подведены, лицо набеленное и щеки, накрашенные самыми дешевыми косметиками. Платье на ней было шелковое черное, с неимоверным декольте, с приколотым бумажным розаном, какими обыкновенно украшались куличи во время Пасхи.

На другой день свадьбы мне Филатов рассказал кое-что об Овсянниковой, принесшей большие деньги в приданое мужу. Из его слов я понял, что она истеричка, судя по тем поступкам, какие она позволяла себе в молодости. Овсянниковы жили в своем полумрачном особняке на Курской-Садовой, отказывая себе во многом, чтобы только скопить как можно больше миллионов. Овсянникова от безделья, начитавшись французских романов, сочла себя тоже за героиню; с подвернувшимся поклонником, каким-то офицером, она решилась бежать из дома. Бегство устроить не было трудно: выйти из дома, нанять извозчика и поехать к

своему возлюбленному, но это было очень обыкновенно, по-мещански, а ей хотелось сильных ощущений, чувствовать себя героиней, и она заставила своего поклонника похитить ее из второго этажа дома через поставленную лестницу, ночью, когда все в доме спали. Муж немедленно был поставлен в известность об уходе его жены через окошко спальни, находящейся во втором этаже дома, своими же сторожами, и она быстро была водворена опять в дом, несомненно, к ее же радости: она чувствовала себя героиней, совершившей что-то очень интересное, а любовник без средств заботил ее мало. Мое знакомство с Овсянниковыми было в 1898 году, прошло после этого что-то около десяти лет, мне пришлось слышать об Овсянниковых, что Ольга Алексеевна скончалась и Глеб Степанович сошелся со своей молодой красивой горничной. Однажды он позвал к себе своего бухгалтера, посадил к себе в кабинет, поручив ему переписать целую кипу процентных бумаг с их наименованием и номерами на сумму в 2 миллиона рублей. Потом заставил бухгалтера составить по форме бумагу, с указанием, что вся эта сумма дарится его горничной, с которой он жил, за ее хорошее отношение к нему и любовь.

Когда все это было исполнено, он приказал позвать горничную и вручил все процентные бумаги ей в руки, с приказанием, чтобы она немедленно внесла [их] на хранение в банк на свое имя, а зная, что она неопытна, просил бухгалтера помочь ей в этом. Вернувшийся бухгалтер доложил: проделано с бумагами все, что нужно, тогда Глеб Степанович сообщил ему, что со следующего месяца у него на службе [он] не состоит, вручив ему в награду за службу несколько десятков тысяч за его работу у него. Вечером этого дня Глеб Степанович застрелился.

Года за два до этого события в Гороховском переулке, в недалеком расстоянии от моего дома, на пустыре выстроен был особняк в три этажа, с зеркальными стеклами, с двумя нелепыми куполами на крыше, а внутри дома потолки с лепной работой, нимфами на плафонах. В стиле этого дома было много придуманности, но не вкуса; строился он каким-то спекулянтом-архитектором с целью скорее перепродать. И этот дом был куплен бывшей горничной Г.С. Овсянникова, вышедшей замуж вскоре после похорон своего благодетеля за какого-то военного писаря, которым она еще при жизни Овсянникова увлекалась. В это же время ею была арендована земля у Политехнического музея, у Ильинских ворот, и на ней воздвигнуто здание с торговыми помещениями, и, дума-

ется, получаемые доходы от этих помещений не окупали процентов с денег, затраченных на стройку. Можно думать, что 2 миллиончика скоро протекли между пальцев: купленный на Гороховской дом через два года был продан Н.П. Бахрушину, и, несомненно, дешевле, чем ею за него было заплачено архитектору[5].

Бухгалтер Г.С. Овсянникова был в близком родстве с Т.И. Обуховым, нашим главным управляющим в Средней Азии, от которого я все узнал, что мною здесь написано. Куда распределил Глеб Степанович свои остальные капиталы, мне неизвестно, мне кажется, он пожертвовал на старообрядческие церкви и общины, на помин его души, так как он был коренной старообрядец. Мне не думается, что Глеб Степанович мог бы отдать капиталы своим близким родственникам, как Рахмановы, Рябушинские, обладающие своими громадными средствами.

ГЛАВА 80

Русское купечество отличалось набожностью: проезжали или проходили мимо какой-либо церкви, снимали шапки и крестились, начинали ли какое-нибудь дело — тоже крестились; утром, вставая от сна, и вечером, ложась спать, — молились, у многих из них имелась особая комната, уставленная образами, с аналоем; некоторые старики ежедневно ходили к ранней обедне; садясь обедать и по окончании еды тоже всегда молились. Сесть за обед не молясь считалось прямо невозможным.

Мне рассказывал известный московский купец Иван Григорьевич Простяков, что он, будучи в Париже, был приглашен на обед своим знакомым, имевшим с ним торговое дело. Хозяин пригласил всех гостей в столовую, гости заняли указанные им места, Простяков стоял перед своим прибором, не зная, как ему быть. «Не помолясь, — как он передавал мне, — у меня бы кусок хлеба не пошел в горло: привык это делать с самого раннего детства!» Он обратился в тот угол, где, по его мнению, должен был быть образ, и помолился. «Неловко было молиться при устремленных глазах всех гостей, но я после этого сел за стол, чувствуя, что исполнил свой долг; хотя хозяин и все гости высказали одобрение моей религиозности, но я понял, что это ими сделано было, чтобы вывести меня из неловкого положения».

Некоторые богатые купцы, как, например, С. Алексеев, даже во время больших парадных обедов не разрешали сесть за стол, не прочитав передобеденную молитву, то же делая и после обеда.

К священству и архиереям относились с большим уважением, спеша подходить под благословение с поцелуем руки. Мне пришлось быть как-то на духовном концерте, бывшем вечером в воскресенье в биржевой зале. В первом ряду кресел восседали два архиерея; большой миллионер Иван Николаевич Коншин подошел к ним под благословение, предварительно поклонясь им в ноги до земли.

Несмотря на такой почет к ним, все-таки купечество из-за суеверия считало плохим предзнаменованием встретить попа на улице; если этой

встречи он не мог избежать, то спешил задеть попа рукой или трением платья, что, по суеверным понятиям, предохраняло его от несчастия.

Мне пришлось читать в «Историческом вестнике», что будто это суеверие произошло от распоряжения Павла I: при встрече попа на улице каждый гражданин должен подойти к попу под благословение, хотя бы пришлось ехать в экипаже или верхом, и нарушение этого приказа наказывалось серьезно. Попы того времени, конечно, этим распоряжением сильно пользовались для корыстной цели, тем нагнали страх на купечество на сто лет вперед.

Ежегодно считалось долгом приглашать к себе в дом особо чтимые святыни, как, например, икону Иверской Божьей Матери, мощи св. целителя Пантелеимона и некоторые другие.

Икона Иверской перевозилась в четырехместной карете, специально для этого приспособленной, запряженной в шестерку лошадей цугом, с форейтором и с послушником, стоящим на запятках кареты. Икону устанавливали в зале, на стульях, покрытых белою скатертью; перед иконой ставили стол с металлической чашей для освящения воды с приделанными к ней подсвечниками или же, за неимением медной, ставили фарфоровую суповую миску, прилепляя к ней свечи. После молебна священник ходил по всем комнатам и кропил в них святой водой. Когда икону выносили из дому, то заставляли ложиться детей на землю, то же делали и сами взрослые, чтобы икона пронесена была над ними. Все обитатели дома, даже из соседних домов, приходили помолиться и приложиться.

Года бежали, уходили из жизни старики, скреплявшие свои семьи патриархальной строгостью и глубокой религиозностью; дети этих стариков уже были гораздо слабее духовно, хотя старались держаться по возможности их традиций, но, одурманиваемые избытком денег, а следовательно, и житейской суетой, постепенно отходили от установившихся правил: сначала, жалея детей, не принуждали ходить в церковь к заутрене и ранней обедне; по субботам уже разрешали ходить в гости и принимать к себе, чего раньше никоим образом не допускалось, говоря: «Довольно шести вечеров, чтобы гулять, а субботу должен посвятить Богу!»

Посты тоже перестали соблюдать, разве только первую и последнюю седмицу Великого поста, а пощение по средам и пятницам окончательно прекратилось.

Кормление нищих, подачи милостыни, посещение тюрем, прием юродивых, странников — все это забылось. Эта благотворительность заменилась пожертвованиями в какие-нибудь комитеты, возглавляемые какими-нибудь знатными особами, купечеству чуждые, даже без уверенности, что жертвуемые деньги будут расходоваться целесообразно, но имелось в виду, что это пожертвование их будет сопровождаться какой-нибудь наградой в виде ордена.

Соблазн и сила греха тесным кольцом окружали патриархальные купеческие семьи, быстро сокращались оставшиеся верными преданиям старины, новые же поколения получить моральную поддержку в своих колебаниях ни от кого не могли. Интеллигенция, которая, казалось бы, должна быть руководительницей народа, сама заблудилась в трех соснах и далеко отошла от народного идеала. В литературе наши писатели-корифеи не стеснялись открыто смеяться над обрядами и даже таинствами, сами не понимая их сокровенности и величия, но своим высмеиванием внося в головы читающих людей большой сумбур от переоценки всех верований и устоев церковных, а взамен их не давая ничего.

Церковь, под управлением монашествующих сановников, во главе с правительственным чиновником с правами министра[1], постепенно удалялась от Христовых заповедей, делалась сухой, без жизни и души.

Епископы-сановники вместо неутомимой просветительности в своей епархии между пасомым ими духовенством изощрялись только тем, чтобы выделиться перед обер-прокурором Святейшего Синода для получения доходнейшей епархии, побольше звезд и лент, образов, усыпанных алмазами, для ношения на шее, бриллиантовых крестов на клобуки, жить в отличных домах, дачах с большим штатом прислуживающих им монахов и послушников, [с] выездами в каретах с ливрейными лакеями.

Такое стремление епископов не могло не отразиться на их подчиненных: они тоже начали уклоняться от исполнения церковных правил. Многие священники курили, играли в карты после всенощной, когда, по каноническим правилам, они должны быть особенно духовно сосредоточены к приготовлению совершения литургии следующего дня; пьянствовали и даже в нетрезвом виде совершали литургию.

Прихожане возмущались поведением попов, и бывали нередки случаи, когда обращались с жалобой к епископам с просьбой о перемене попа, с указанием о желательности назначения такого-то священника,

удовлетворяющего весь приход по своим нравственным качествам. Но во всех случаях, мне известных, получали резкий отказ: «Мы свое дело знаем, просим в наши дела не вмешиваться!» Благодаря чему многие церковные старосты уходили со своих мест, заполняющихся лицами, потворствующими плохим попам, и даже, говорят, бывали такие старосты, которые пользовались церковными деньгами.

Некоторые епископы прославились разнузданной жизнью, с шумными романтическими приключениями, как было с митрополитом Владимиром, ставшим известным по своей связи с красивой молодой купчихой Шерупенковой[2]. Эта купчиха польстилась на таковую связь с епископом, хотя довольно красивым человеком, но, можно думать, под влиянием сильного греховного чувства, говоря себе, как обыкновенно говаривали купцы про свои товары: «Это что-то такое особенное!»

Духовное охлаждение к епископам-карьеристам началось давно, на них купечество смотрело уже не как на наставников и учителей, а, скорее, как на обирателей, вымогающих у богатых и известных купцов пожертвования на какой-нибудь захудалый монастырь, изнывающий от неимения средств содержать ораву пьянствующих тунеядцев; и вместе с тем епископ, сумевший восстановить этот ненужный монастырь, мог надеяться получить передвижение на высшую иерархическую ступень.

Н.А. Найденов и многие другие купцы старались избегать встречи с таковыми епископами, приезжающими к ним в каретах, с ливрейными монахами: они отлично учитывали последствия их посещения. Найденов исполняющему у него должность швейцара приказывал при приезде епископа говорить: «Хозяина нет дома». Сам же отдавал епископу визит в то время, когда наверное знал, что он в церкви, а потому принять его не может.

Рассказывая о печальных сторонах нашего духовенства, я не имею намерения обвинять всех их огульно, между ними были епископы и священники, заслуживающие глубокого уважения, но, к сожалению, их не так было много.

Особой популярностью пользовались в народе трое священников: Иоанн Кронштадтский, Алексей Мечев из церкви Николы на Маросейке и Амфитеатров из Архангельского собора в Кремле. Я с ними, к моему сожалению, не был знаком, но знал, что к ним стекался в большом количестве народ, чтобы получить благословение и совет.

Несомненно, кроме указанных священников были и другие вполне достойные, но не такие ярко даровитые. В общем все остальное духо-

венство, в большем своем количестве, представляло из себя схоластический педантизм.

То же могу сказать и про монахов, преимущественно живущих в дальних монастырях, находящихся далеко от центра и железных дорог, между которыми были так называемые «старцы» со светлой, пламенеющей душой, к которым из разных мест России стекались массы богомольцев.

Были и епископы-некарьеристы, но эти светлые и святые люди в большинстве покидали свои епархии и посвящали остаток своей жизни [проживанию] в скромных монастырях, в большинстве случаев в уединении и трудах. Особенно из этих епископов выделялся Брянчанинов, человек из крупной аристократической семьи, получивший хорошее образование, со званием военного инженера. Его отец[3] был приближенным Николая I, для его способного и талантливого сына готовилась большая карьера, но он, помимо воли родителей, поступил в монахи. Родители единственного своего сына всеми силами принуждали покинуть монашество, прибегали к разным крутым мерам; благодаря их давлению, он был переведен в монастырь, находящийся близ Петербурга, отличающийся распущенностью монахов, с целью отвлечь его от увлечения монастырями. [Игнатий] Брянчанинов[4] пробыл в этом монастыре 7 лет, гонимый начальствующими монахами, живя в самых плохих условиях, в тяжелых физических трудах. Родители, увидав, что все это его не пугает и он остается ревностным монахом, меняют тактику: его назначают настоятелем, архимандритом, потом епископом, вызывают в Петербург, его принимает государь и предлагает ему быть петербургским митрополитом, от чего он отказывается и при первой возможности оставляет епископскую должность и уединяется в глухой монастырь, посвящая себя духовному литературному труду. Его сочинения, одни из самых лучших по духовному содержанию и красоте слога, имели громадный успех между верующими, расходясь в громадном количестве экземпляров. И его книги до сего времени неоценимы, с большим трудом доставаемы на прочтение[5].

И другой епископ Феофан, так называемый затворник Вышенский, славившийся как замечательный лингвист, знающий почти все восточные языки; ему обязаны мы переводом древнейших и известнейших философов православия. Кроме старых языков он знал почти все новые языки, свободно на них читал и переводил. Будучи епископом Тамбовским сравнительно в молодых годах, когда ему было 40 лет, с доходом

по епархии в несколько десятков тысяч рублей, кроме того, получая громадные доходы от своих сочинений, расходившихся в громадном количестве, Феофан оставил епископство и сделался затворником в одном из самых бедных монастырей своей бывшей епархии. Прожив в нем сорок лет, подвизаясь в аскетическом труде, но не переставая работать в духовной литературе[6].

Скончался он в 1889 году[7], не оставив ни копейки денег, все доходы от его сочинений шли бедным, и сам он зачастую нуждался в копейках. После его кончины осталась замечательная библиотека, и наш Святейший Синод не подумал приобрести ее, а купил ее московский купец Александр Лукич Лосев, отдавший ее в свой приходский храм. Я уверен, что эта знаменитая библиотека потеряла свою ценность от небрежного управления ею попами[8].

ГЛАВА 81

Я постараюсь рассказать некоторые события из жизни моей и других лиц, приведшие меня к убеждению, что все совершаемое в жизни происходит не по нашему желанию и ведению, а подчиняется закону необходимости — провидению.

В 1879 году в феврале мне исполнилось 17 лет, год, дающий право выхода из-под опеки, с начатием самостоятельной жизни. И как раз в этот год начался судебный раздел недвижимых имуществ между наследниками после умершего моего деда Николая Марковича. Между мною и моим дядей, главными наследниками, вскоре состоялось соглашение о продаже его части мне, а потому все хлопоты и заботы по разделу с остальными наследниками выпали на меня.

Раздел затянулся на два года из-за капризов некоторых наследников, а также из-за желания их решить раздел в ущерб моим интересам, как молодого и неопытного человека. Многочисленные одиночные и общие переговоры всех наследников со мной, а также хлопоты с адвокатами, землемерами, архитекторами и нотариусами выматывали мою душу, и только — не хвастаясь — могла привести раздел к благополучному окончанию моя молодость, с полной энергией и с бесконечным терпением.

Конечные переговоры, уже детально разработанные, происходили в конторе нотариуса Наттучи, кстати сказать, весьма опытного и хорошего юриста.

Черновик соглашения нотариусом наконец написан — о согласии наследников продать их части в имении мне по цене, конченной мною с дядей. В назначенный час и день все должны [были] явиться в контору нотариуса и подписать соглашение.

В назначенный день явились все, но, к удивлению моему, один из представителей наследников, мой дядя доктор Дмитрий Михайлович Рахманов, отказался подписать за свою жену и своих племянников, уполномочивших его вести переговоры со мной и со всеми государственными учреждениями, с какими придется иметь дело. Он произнес длинную речь о несправедливости отдачи всего большого имущества в одни

руки, а требовал выделить им часть имущества, согласно стоимости части их наследства. И ни на какие убеждения иначе не соглашался. Пришлось мне взять все хлопоты по выделению им части владения, при хлопотливой помощи адвоката, землемера и архитектора. После многих приемов по справедливому выделению части имущества остановились наконец на одном и весьма удачном для всех сторон. Мною были представлены все планы землемера, архитектора с расценками земли и строений Д.М. Рахманову, и [я] получил от него наконец согласие [быть] в конторе нотариуса, с назначением часа и дня подписания соглашения.

В назначенный день явились все, но Рахманов опять отказался подписать черновик соглашения: требовал выдать наследникам деньгами, а не дома, мотивируя, что они не желают иметь хлопот с недвижимостью.

Его заявление всех возмутило; кроткий и тихий нотариус Наттучи вскочил со стула с горящими от гнева глазами, закричал: «Что вы, шутить изволите? Ведь это дело серьезное... Так делать нельзя!» Рахманов с усмешкой ответил: «Вы к этому силком меня не принудите! Лишний дом купить в Москве — только удовольствие для Николая Александровича».

Наттучи ответил: «Николай Александрович готов все дома в Москве купить, но для этого нужны деньги!» — «Ну, — отвечал Рахманов, — это его дело, как он хочет!»

Опять все соглашение пришлось переделывать, со всеми наследниками вновь перетолковывать, и настал наконец счастливый и желанный день, когда явившиеся наследники все по очереди подходили и подписывали раздельный акт, с поздравлением меня с окончанием этого тяжелого дела. Моя двоюродная сестра Клавдия Лукинична Кознова обратилась ко мне и сказала: «В деле этом вы проявили неимоверную энергию, что я, не будучи пророчицей, могу предсказать вам: в будущем вы будете миллионером». Подошел и Д.М. Рахманов меня поздравить с протянутой рукой, но я, измученный и озлобленный всеми перенесенными огорчениями от него, не дал ему своей руки. Он, взбешенный, немедленно покинул нотариальную контору.

Должен сказать, что доставшийся дом, предназначенный Рахмановым по второму варианту раздела, мне был крайне неприятен, из-за него мне пришлось прибегнуть к займу, да, кроме того, дом с маленькими квартирами, нелепо расположенными комнатами должен был доставить мне много хлопот. Пришлось согласиться только из-за того, что дом при управлении многими хозяевами, несомненно, должен быстро разрушать-

ся, так как все наследники с неохотой отпускали деньги на ремонт, а забирали себе доход с него.

Прошло после раздела с небольшим десять лет, ко мне однажды приходит Осип Геннадьевич Хишин, сосед этого оставшегося у меня дома, и предложил продать ему за сумму 30 тысяч рублей, как он был оценен для Рахмановых. Я назначил цену 50 тысяч рублей. Он нашел цену дорогой и ушел. Прошло немного больше полгода, Хишин опять явился ко мне, с согласием дать мне 50 тысяч рублей. Я ему ответил, что теперь раздумал и меньше 60 тысяч рублей взять не могу. Хишин разозлился, наговорил мне много нелюбезностей, ушел. Но опять не прошло года, он пришел ко мне и сказал: «Что вы себе хотите! Я вижу вы скупой, готов дать вам шестьдесят тысяч рублей». Но я, обиженный его предыдущими нелюбезностями, сказал, что меньше 75 тысяч рублей не возьму. Хишин, наученный горьким опытом, не ушел, не наговорил мне больше дерзостей, а униженно стал просить что-нибудь уступить. Я ему продал за 70 тысяч рублей.

С Д.М. Рахмановым через пять лет после раздела произошло у меня примирение, я начал у него бывать. Его было трудно узнать, как он переменился в лучшую сторону: из надменного, злого и едкого на слова человека сделался сдержанным и кротким. Года через два Дмитрий Михайлович скончался. Отпевал его священник, мой бывший учитель богословия (фамилию забыл), оставивший у меня хорошую, добрую память как умный и добрый пастырь.

После отпевания им было сказано надгробное слово о покойнике. Он сказал, что Дмитрия Михайловича знал со дня его переезда на жительство в Москву, был близок с ним, часто посещал его и в то же время был его духовным отцом. Все это давало ему возможность видеть, с какой настойчивостью Дмитрий Михайлович боролся за свое душевное совершенствование и наконец достиг духовного спокойствия, какое в этой жизни дается очень немногим.

В первый день моего посещения Д.М. Рахманова я был свидетель такого случая: в то время, когда мы сидели в столовой за чаем, в передней раздался звонок, оказалось, что приехала близко знакомая дама из Гомеля, где раньше жили Рахмановы. Она рассказала, что всю дорогу из Гомеля в Москву не спала, а потому сильно измучилась и ей в данное время ни еды, ни питья не требуется, а только желает, чтобы ее ничем не беспокоили, у нее одно желание — спать, спать!..

Дмитрий Михайлович рассказал: приехавшая — друг их семьи; после переезда их в Москву она сильно скучала в Гомеле, решилась продать свое имение близ Гомеля и переехать на постоянное жительство в Москву, у них будет жить до приискания квартиры, так как боится жить в гостинице.

Не прошло двух часов после приезда барыни, как послышался опять звонок; горничная, отворившая дверь, увидала старика извозчика, требующего позвать к нему барыню, которую он привез со Смоленского вокзала[1], для передачи лично в руки забытого ею сака. Горничная ему сказала, что она этого сделать не может, так как барыня крепко уснула, с просьбой ее не беспокоить; пусть извозчик оставит сак ей, и она передаст его барыне завтра утром. Извозчик стоял на своем, требуя, чтобы ее разбудили, и даже начал кричать: «Что же ты хочешь, чтобы меня засадили в тюрьму, как это было с моим земляком, скрывшим чемодан, забытый у него в санях ездоком?» Горничная, посоветовавшись с Рахмановыми, решила барыню разбудить.

Очнувшаяся дама, после того как ей горничная рассказала, схватила себя за голову и, не одеваясь, бросилась в переднюю к извозчику.

Оказалось: вырученные от продажи имения деньги барыня решила везти с собой, положила их в сак, куда сложила все свои драгоценности, что она имела. Дорогой, боясь, чтобы ее не ограбили, она не спала, положив сак рядом с собой. Приехав в Москву, чувствуя себя сильно утомленной, она запрятала сак в задок саней, под сиденье, где извозчики кладут сено. Приехав к Рахмановым, от радости встречи она совершенно о нем забыла.

Рахмановы рассказали, что этот случай сильно повлиял на даму, она сидит в комнате и от нервного потрясения плачет, говоря: «Ведь я на старости лет могла бы в этот вечер сделаться нищей!»

* * *

В моем доме на углу Старой Басманной и Земляного вала помещался трактир, содержавшийся Днепровским, владельцем еще многих трактиров в разных частях Москвы. Днепровский считался дельным трактирщиком, но по виду его можно было думать, что он большой прожига и плут. Он за аренду помещения неаккуратно уплачивал мне, жалуясь, что за последние восьмидесятые годы прошлого столетия поблизости его трактира открылось их много и покупатель распылился.

Я видел, что он говорит правду, и не особенно настаивал на аккуратности. В 1888 году загорается у него в трактире, он получает стра-

ховку и должную мне сумму за аренду, 2 тысяч с чем-то рублей, не уплачивает. Я поручаю адвокату Д.А. Ипатьеву взыскать с него сумму его долга. Ипатьев получает исполнительный лист, но, оказывается, Днепровский заблаговременно все свои трактиры перевел на имя жены, сделался ее приказчиком, сам поселился в одной комнатке почти без всякой меблировки и объявил себя несостоятельным, рассчитываясь со всеми своими кредиторами по 10 копеек за рубль. Через некоторое время Днепровский приехал к Ипатьеву и предложил ему за всю сумму долга мне 400 рублей. Ипатьев, сообщая об этом мне, посоветовал с ним кончить, так как не имеется никакой надежды получить с него больше. Я подумал и решил поступить по совету Ипатьева. Ипатьев сказал: «Я к Днепровскому заеду и скажу, чтобы он завтра утром доставил вам деньги, а потому оставляю вам исполнительный лист, вы на нем распишетесь в получении денег и передадите Днепровскому, мне при этом, понятно, быть незачем».

Получив исполнительный лист от Ипатьева, я при нем положил в ящик письменного стола, запер ключом, всегда висевшим у меня на цепочке.

На другой день Днепровский приехал ко мне, я открыл ящик и, к моему большому удивлению, не нашел исполнительного листа, пересмотрел все бумаги, но его не оказалось. Предложил Днепровскому выдать мои деньги под расписку. Он, ехидно улыбаясь, ответил: «Нет-с, уж извините: документик должен быть в моих руках, без исполнительного листика не заплачу-с!»

После его ухода я перерыл и пересмотрел все бумаги, но исполнительного листа не оказалось; решил, что, по всей вероятности, полотеры, натирающие ежедневно по утрам полы, пользуясь временным отсутствием артельщика, открыли ящик поддельным ключом и забрали единственную ценную бумагу — исполнительный лист.

Прошло после этого десять лет, мне понадобилась какая-то бумага, лежащая в портфеле в моем несгораемом шкафу, находящемся в моем доме.

Я достал портфель, скоро нашел нужный документ, и когда я захлопнул портфель, то из него выскочила какая-то бумага, вчетверо сложенная, и упала на пол. Я поднял и, не смотря, опять ее сунул в портфель, но только что захлопнул портфель, эта же бумага опять выскочила из портфеля и упала на пол; я опять поднял и, не смотря, также сунул

в портфель; какое же было мое удивление, когда она опять выскочила из портфеля и упала на пол в третий раз. Я, разозленный третьим падением, поднял и посмотрел, что это за бумага. Развернул и увидал, что это был исполнительный лист, исчезнувший из моего письменного стола в конторе, где я работал.

Но что меня всего больше поразило, что до окончания десятилетнего срока оставалось только несколько дней, по истечении их исполнительный лист терял свою силу.

Исполнительный лист был передан опять Ипатьеву, и он получил деньги полностью, так как в это время Днепровский вновь перевел все трактиры на свое имя, купил дом, завел лошадей и был уже очень состоятельным человеком.

До сего времени не могу уяснить этот случай с исполнительным листом: как он мог попасть из письменного стола в несгораемый сундук, в портфель? Создавал разные предположения, быть может, некоторые из них могли быть подходящи, приблизительны к истине и на них можно было бы остановиться, но как можно определить тот факт, что в течение десяти лет [я] не заметил в портфеле исполнительного листа, между тем в портфеле находились только бумаги, особо мною ценимые, и, несомненно, в течение этого времени мне приходилось неоднократно просматривать их. Это-то для меня всего более было удивительно!

* * *

В 1887 году в один из летних дней я пришел в контору на полчаса ранее, чем обыкновенно это делал, в то время, когда артельщик убирал мой кабинет; на углу своего письменного стола заметил лежащий чей-то портфель. Желая узнать, кому он принадлежит, открыл его и вынул первую попавшуюся бумагу, из нее увидел, что портфель присяжного поверенного Глаголева (имя-отчество забыл). Накануне этого дня мой первый деловой визитер был Глаголев, пришедший переговорить с моим принципалом[2] по делам пароходной компании братьев Каменских; узнав, что Кудрин уехал в Оренбург, он ушел.

Глаголевский портфель положил к себе на стол на самое видное место, сказав прибиравшему у меня в комнате артельщику: «Пойду на Биржу и передам Алексею Григорьевичу Каменскому, пусть он передаст Глаголеву. А где вы нашли портфель? Вчера его я не заметил». Артельщик ответил: «Портфель лежал на окне, сверху заваленный хлопковыми образцами; да вы его посмотрите поподробнее, в нем много ценных бумаг».

Тогда я из портфеля вынул все и среди бумаг нашел 50 листов тысячных облигаций Московского Кредитного общества с текущими купонами[3].

«Слушайте! — сказал артельщику. — Бросьте свою уборку, немедленно поезжайте к Глаголеву и передайте ему портфель с ценными бумагами: Глаголев был у меня вчера утром, и если не заехал за ним в течение суток, то, следовательно, с ним что-нибудь случилось!» Составил список всех бумаг и облигаций, передал под расписку артельщику, и он немедленно поехал.

Вернувшийся от Глаголева артельщик рассказал: его встретил сам Глаголев с растрепанными волосами, измученным лицом, было видно по всему, что он не спал всю ночь. Когда артельщик подал ему портфель, у него вырвался сильный крик радости, то же случилось с женой, прибежавшей на его крик, и она не удержалась от радостных слез. Глаголев обнял артельщика, поцеловал и дал ему какую-то сумму за его беспокойство. В этот же день Глаголев приехал ко мне поблагодарить и рассказал, что он потерял надежду отыскать свой портфель, так как объехал всех, у кого ему пришлось быть накануне, но совершенно забыл о своем первом визите дня к нам и решил, что портфель им потерян на извозчике во время его переездов по Москве. Он меня очень просил, чтобы об этом случае не рассказывал никому, особенно А.Г. Каменскому, так как это может послужить во вред его карьере.

Этот случай с портфелем как бы ничего из себя не представляет, а между тем нельзя не подивиться, почему мне пришло в голову летом приехать с дачи в контору на полчаса раньше определенного времени. Для артельщика мой неожиданный приезд, быть может, послужил отводом от дурного желания и душевного колебания воспользоваться этими облигациями, легко ликвидируемыми в каждой банкирской конторе. Что заставило меня предполагать это с такой дурной стороны? — Для чего нужно было артельщику, еще не убрав комнату, рыться в портфеле Глаголева? Несомненно, его интересовало знать, нет ли в нем денег. Почем знать, какая душевная сила одолела бы его, если бы я приехал в определенное время, как я приезжал в правление? Артельщик служил в Товариществе несколько лет, и было замечено, что он потаскивал, где было возможно; потом выдал нашу коммерческую тайну, нужно думать, незадаром, из-за чего Товарищество лишилось одного из лучших покупателей.

Потеря же портфеля для Глаголева была бы равносильна смерти: простили ли [бы] ему Каменские потерю их 50 тысяч рублей? Понятно, нет!

Глаголев лишился бы своего честного имени, с потерею звания присяжного поверенного и со всеми дурными для него последствиями.

* * *

В Товарищество Большой Кинешемской мануфактуры часто заходил один молодой еврейчик Кроненблех, исполняющий разные финансовые поручения, но работу ему давали редко из-за казавшейся нам его неопытности, но он таковым отношением не стеснялся и с упорной настойчивостью посещал нашу фирму, и когда у меня бывало свободное время, я с охотой с ним беседовал, слушая новости и сплетни из биржевой жизни.

Однажды он пришел особенно принаряженный, чисто выбритый и даже надушенный и во время разговора сообщил: на днях он женился по любви на бедной девушке и справляет теперь медовый месяц в своей комнате, так как текущие дела и ограниченные средства не дают возможности совершить свадебную поездку куда-нибудь на юг.

Я задал ему вопрос: «Ведь вам будет трудно жить?» — «Конечно, трудно! — ответил он. — Но что же делать? Я работаю, жена тоже будет работать, как-нибудь просуществуем».

Его визиты к нам начались реже, но когда заходил, то говорил, что дела у него развиваются и теперь живет лучше. Однажды пришел с особо возбужденным лицом и, видимо, не мог скрыть своих переживаний, сообщив, что ему сильно повезло по операциям с дворянским шестипроцентным займом: он, по поручению одного очень богатого помещика, успешно ликвидировал [облигации], и от этой операции нажил 30 тысяч рублей чистоганом. Смеясь, сказал: «Я положительно потерял голову от привалившего счастья, узнав на Бирже о полученном мною результате, от радости прошелся колесом от телефонной будки до выхода; хорошо, что это было в начале биржи, когда было мало народу. Мог ли я думать, что мои мечты так скоро сбудутся?» Между прочим, чтобы еще рельефнее выразить свое переживание, он рассказал, как после его свадьбы был приглашен своим дядей на обед. Он с женой там пообедал, напились чаю и отправились домой. Когда спускались по лестнице, у жены его вырвалась невольно зависть к благополучию дяди: «Как живет хорошо!.. в четырех комнатах, хорошо омеблированных, а ты заметил, подали новенькие сервизы, как обеденный, так и чайный? Когда-то нам придется так устроиться?» Я ответил: «Погоди, будем вместе работать,

и у нас под старость то же будет. Будем жить надеждой!» — «Теперь вам понятно, почему я в таком возбужденном и радостном настроении: мечты наши осуществились так быстро».

Однажды, идя по Кузнецкому мосту, вижу Кроненблеха в новом цилиндре, едущего в отличном экипаже на великолепной лошади. Он меня заметил, остановил кучера, подошел ко мне с предложением довезти, сказав: «Теперь я стал очень богатым человеком, имею здесь, на Кузнецком мосту, банкирскую контору; зайдемте ко мне, кстати, я расскажу, как я сделался богатым». Но я спешил по серьезному личному делу, зайти отказался. «Ну, хорошо! — сказал он — На днях заеду к вам и тогда расскажу». Через несколько дней он приехал и рассказал: нажитые 30 тысяч рублей они с женой решили не тратить, а сохранить для устройства какого-нибудь выгодного дела. Скоро таковое подвернулось: началась спекуляция с акциями Казанской железной дороги, они в короткое время упали до 50 рублей за акцию, тогда Кроненблех решился купить их на 300 тысяч рублей, для чего открыл онкольный счет[4] в одном из банков и, согласно правилам банка, внес в задаток этой покупки свои 30 тысяч рублей. Когда вся эта операция им была проделана, он, возвращаясь домой, почувствовал себя чрезвычайно скверно, до дому добрался благополучно, но, войдя в квартиру, упал без памяти, и, что потом с ним было, он совершенно не помнит.

Когда у него явились первые проблески сознания, он узнал от жены, что хворает три месяца, все время находясь в беспамятстве, борясь между жизнью и смертью; врачи сомневались в его выздоровлении, но, наконец, совершился перелом и он начал поправляться.

Первая его мысль была о купленных акциях, спросил жену: не было ли из банка каких-нибудь повесток? Сообщение, что повесток не было, его чрезвычайно обрадовало: это показывало, что акции дальше в цене не упали, иначе он получил бы повестку из банка: немедленно в течение суток внести нехватающую сумму. Если бы эта сумма не была бы внесена в этот срок, то банк имел право продать акции, и из оставшейся суммы банк покрыл бы недостающую ему сумму.

«Когда я сообразил все это, — говорил он, — меня охватило радостное чувство, и оно поспособствовало еще больше к моему выздоровлению. Могу ли я в словах передать ту радость, когда я узнал, что акции во время моей болезни поднялись до пятисот рублей с чем-то? Я отлично понимал, что, не случись со мной этой болезни, у меня не хватило

бы присутствия духа, чтобы ожидать повышения цены акций до такой высоты, как они стояли в данное время, я, несомненно, продал бы их при цене в шестьдесят или семьдесят пять рублей, довольствуясь полученной пользой».

Эта удачная и случайная операция дала ему несколько миллионов рублей. Благодаря ей он имел возможность открыть свою банкирскую контору.

Прощаясь и уходя от меня, он напомнил мне свой рассказ о дядиной квартире в четыре комнаты и его новеньких сервизах: «Наша мечта необыкновенно скоро осуществилась, превзойдя самое себя».

ГЛАВА 82

В силу социальных условий государства описываемого времени аристократии предназначалось находиться во главе высших правительственных должностей. Для них были созданы средние и высшие учебные заведения, куда не допускались дети лиц более низших классов государства. Школы в смысле оборудования классами, аудиториями, учебными приспособлениями, а также составом учителей, профессоров были отличные, но на воспитание учащихся в смысле развития у них высших духовных требований, с ясным понятием о долге, правде и справедливости не было обращено серьезного внимания, а главное заключалось в наведении внешнего лоска. Окончившая курс молодежь действительно отличалась изысканной внешностью, но в большинстве случаев без стремления к идеалу душевной красоты, с сильно распущенной чувственностью. Они далеко стояли от жизни трудящихся классов, над которыми они в будущем должны стать во главе как правители.

Они, по рождению русские, с презрением относились ко всему русскому: смотрели на религию как на сдерживающую систему для «темного» народа; в отечестве видели только извлечение для себя выгодных ресурсов в смысле денег и почета; родной язык им был чужд и противен и тому подобное.

Вступая на должности после окончания курса, они без всякого увлечения занимались своим делом. И душа их была наполнена [желанием:] как бы скорее иметь возможность вырваться из грустного отечества в милую Францию — Париж, куда ехали не с целью приобрести больше полезных знаний и ими снабдить свою родину, а доставить себе удовольствие в изысканном разврате, коего в то время еще не было в нашем государстве и [коего] эти-то господа были главными рассадниками у нас в С.-Петербурге, а потом с их легкой руки [он] распространился по всем крупным городам России.

Мне однажды пришлось выехать за границу из Петербурга и находиться в вагоне, нужно думать, с очень крупным чиновником. Он имел один четырехместное купе, куда ему приносили чай, завтрак и обед, так как

он считал невозможным идти в вагон-ресторан и сидеть с обыкновенными смертными. Кондуктора, проводник относились к нему с особым почтением, всеми способами угождая ему, он же сидел в своем купе, как сурок, изредка позволяя выйти на больших станциях, чтобы немного поразмяться. Только перевалили границу, сразу случилась с ним метаморфоза, сделался неузнаваемым: побежал с большой прытью пить немецкое кофе, есть сосиски и сделался сразу со всеми общителен.

Таковые господа прожигали за границей свое здоровье, состояние в разных извращениях, удовольствиях, но, к сожалению, сказать об этих удовольствиях не могу, так как в подробностях их не знаю, но можно предполагать, что они были сногсшибательны по своей распущенности и гадости, судя по словам известной московской сводни, любительницы маленьких собачек; она ела всегда с ними из одной тарелки, и когда ей задавали вопрос: «Как она не брезгует с ними заодно есть?» — она отвечала: «С собаками я есть всегда буду, но с людьми из одной тарелки есть не стану. Мне приходилось видеть у людей так много грязи, да такой, что никакая собака этого не сделает из-за своего врожденного инстинкта».

Много было рассказов про кутежи и оргии так называемой «золотой молодежи», некоторые из них становились известными довольно широкой публике, но в печать не попадали по цензурным условиям.

Один из таковых я расскажу, чтобы дать понятие, с каким неуважением относились [они] к людям порядочного общества, но не их круга, нарочно проделывая шуточки, зная, что этим нанесут обиду почтенным семействам.

Ресторан «Медведь»[1] — один из лучших в Петербурге, куда обыкновенно собиралась семейная публика со взрослыми сыновьями и дочерьми после театра. В это время с шумом распахивается дверь кабинета, где происходил кутеж «золотой молодежи», и оттуда выскакивает, вытолкнутая, молодая красивая француженка, совершенно нагая, имея на ногах туфельки и на голове шляпу. Невольно вся публика ресторана повернула свои головы на это зрелище. Мой знакомый московский присяжный поверенный Иван Николаевич Сахаров, бывший в это время в ресторане и сидевший как раз против двери кабинета, откуда выскочила француженка, догадался схватить скатерть с пустого стола и ею накрыть француженку и увести ее в швейцарскую. Сахаров узнал, что в этом кабинете кутят сыновья известных лиц, причем даже был сын какого-то великого князя.

Из этой «золотой молодежи» обыкновенно получали назначение на должности губернаторов в разные губернии. Счастлива была та губерния, где находился правитель канцелярии разумный и с сильной волей человек, сдерживающий своего патрона; а если этого не было, то в делах губернии получался целый сумбур, особенно если еще пылкий и тщеславный администратор вздумает прикладывать свою инициативу. Мне придется рассказать про некоторые случаи, хотя относящиеся к годам, о которых не имел намерения писать, но они отчасти характеризуют лиц, стоящих высоко в административном управлении государством.

В мае 1914 года в Товариществе Большой Кинешемской мануфактуры, где я стоял во главе правления, произошла забастовка рабочих по причине, странной и непонятной для фабричной администрации. Требование началось с одного небольшого отделения, в размере небольшом и неважном для Товарищества, а потому фабричная администрация решила идти на соглашение, но в это время рабочие сразу заявили требование по всем отделениям и без всякого желания идти на какие-нибудь уступки.

Такая неожиданная забастовка была непонятна для фабричной администрации, и она объяснялась ими разными догадками и предположениями. Сначала думали, что рабочие желают летнее время использовать для сельской работы у себя в деревнях, так как значительная часть рабочих были местными крестьянами и, кроме того, Волга давала им хороший приработок во время навигации. Потом остановились на другом предположении: рабочие предполагали, что наше Товарищество с большим числом пайщиков и это даст им возможность добиться своих условий гораздо легче, чем на фабриках, принадлежащих единоличным лицам.

Забастовка проходила весьма мирно, без особых озлоблений с обеих сторон. Было видно из разговоров с ними, что рабочие сами сознавали неправоту их требований, так как Товарищество всегда относилось с большим вниманием к их заявлениям и требованиям, о чем им и было поставлено на вид. Они отвечали: «Это верно, от вас обид мы не имели, но отчего же вам и на этот раз не пойти навстречу нашей просьбе?» Мы не могли исполнить требование рабочих, боясь, что другие единоличные фабриканты не пойдут на соглашение с рабочими, и этим мы будем поставлены в силу конкуренции в тяжелое положение; наши товары будут вытеснены с рынков сбыта. Забастовка затягивалась на про-

должительное время, обратив внимание прессы. Во многих газетах московских и петроградских появились статьи с описанием забастовки и положения рабочих[2].

В это время костромским губернатором был, как можно предположить, один из рисуемых мною типов «золотой молодежи», выдвинутый на пост губернатора перед 1913 годом[3], годом, когда исполнилось 300-летие дома Романовых и Николай II должен [был] посетить свою родину Кострому[4]. Это посещение давало возможность губернатору выдвинуться на дальнейшем повышении по службе. И он, не довольствуясь имеющейся у него этой привилегией, возымел желание еще больше отличиться на забастовке рабочих в Кинешме, с целью умиротворения их, предполагая, что это неважное в его глазах дело им будет устроено в кратчайший срок, что даст ему лишний шанс на перемену скучной Костромы с ее фабричным населением на более лучший и веселый город России.

Губернатор на казенном пароходе, украшенном флагами, в сопровождении большого штата своих подчиненных, предпринял путешествие в Кинешму на фабрику Товарищества.

Не рисовалась ли ему картина: толпа угнетаемых рабочих, как один человек, бросится перед ним на колени и со слезами скажет: «Благодетель ты наш, и мы твои рабы!» Он их немножко помуштрует, потом отпустит, и забастовка кончится, и он с триумфом умиротворителя вернется обратно в Кострому с донесением своему начальству об успехах своих трудов и забот.

На фабрике его действительно встретила большая толпа рабочих; не знаю, поднесли ли ему хлеб и соль, но слез и коленопреклонения не было; что он говорил и что ему отвечали рабочие, мне неизвестно, но конечный результат этой поездки был, как говорят, «несолоно хлебавши». Забастовка продолжалась еще с большей настойчивостью и с уверенностью рабочих в благоприятном окончании для них.

Не получив успеха у рабочих, рьяный администратор пригласил всех фабрикантов, имеющих фабрики и заводы в его губернии, к себе на заседание для обмена мыслями о забастовке и устранении возможности распространения ее по остальным районам губернии.

Заседание происходило в большой зале губернаторского дома, недавно отделанного для остановки государя, с многочисленным количеством лиц от промышленных предприятий.

Что говорил губернатор и что говорили другие, я передать не могу, так как забыл, но, когда пришлось говорить мне, я высказался в довольно раздражительном тоне: «Забастовка началась у нас по совершенно непонятным причинам: фабричной инспекции хорошо известно, что положение наших рабочих не хуже, чем на других таковых же однородных предприятиях. Нам известно: забастовка поддерживается кем-то, с выдачей рабочим денежной помощи. Предполагаем, что помощь идет от какого-нибудь большого организованного общества. Мы глубоко убеждены, что, если бы наше Товарищество исполнило все требования рабочих, забастовка не прекратилась бы, а продолжалась бы и в свою очередь распространялась бы на все предприятия Костромской губернии и на соседние с ней, но уже с требованием большим. Могу отметить, что посещение фабрики Вашим превосходительством не успокоило рабочих, а, скорее, ободрило их, с надежной на полный успех. Забастовка проходила мирно, без эксцессов, и правление Товарищества надеялось уладить ее с обоюдными интересами как для Товарищества, так и для рабочих. Товарищество не ходатайствовало о присылке ему помощи войском или полицией, а потому вмешательство государственной администрации в забастовку было излишне».

У губернатора после моих слов сделалось лицо обиженное, как у институтки, обнесенной сладким. Он перевел разговор на другую тему. Со мной сидел рядом большой фабрикант Василий Александрович Горбунов; он под столом протянул мне руку, пожал и сказал: «Как я благодарен, что вы ему это сказали, я ему побоялся это сказать, так как я и мой дядя единоличные хозяева в деле и он нам мог бы много сделать неприятностей».

После объявления войны с Германией фабрика немедленно заработала. Через некоторое время фабричной администрации удалось узнать фамилии трех рабочих, через которых происходила раздача пособий остальным рабочим. Они чистосердечно признались, что деньги получали от двух немецких инженеров, работающих на химических заводах Бурнаева-Курочкина в Кинешме. Эти немецкие инженеры немедленно скрылись из города, как только была объявлена война.

С объявлением войны в Москве многое изменилось, особенно это заметно было мне, ежедневно в будни завтракающему в ресторане при гостинице «Националь» в Охотном ряду, на углу Тверской улицы.

Гостиница «Националь» с рестораном при ней всегда была переполнена солидными иностранцами, но с объявлением войны гостиница и ресторан опустели и в ресторане было занято столика два-три, и то русскими, но скоро [он] опять наполнился изящно одетой публикой, весело болтающей на французском и английском языках. Распорядитель ресторана сообщил, что это наша аристократия из Петербурга, застрявшая в Москве из-за нерегулярного отправления поездов на русские курорты. Эти картавящие особы, несомненно, занимающие высокое положение в нашем правительстве, когда им нужно было говорить с лакеем, зюзюкали, перевирали слова, и было заметно, что им трудно говорить по-русски.

В это время нервы у большинства русских были подняты от ужасов войны: кровь лилась, появились раненые, из редких семей кто-либо из близких не был в армии, и все родственники дрожали за жизнь их, а потому было крайне неприятно слышать и видеть эти сытые, веселые, разряженные персоны, занимающие высокое положение в государстве, между тем даже не умеющие правильно говорить на своем родном языке.

Я тоже, подавленный всеми переживаниями войны, не утерпел и сказал своим компаньонам по завтраку громко: «Хороши наши заправилы, не могущие передавать правильно свои мысли на родном языке!»

Господин, к которому относились мои слова, повернул свои глаза с надетым моноклем [и] со злобой и ненавистью осмотрел меня.

Мне, часто ездившему по Европе, неоднократно приходилось слышать про разные сумасбродные поступки из жизни известных бар того времени, проживавших в Париже, на юге Франции и австрийских курортах. Экстравагантность их выражалась в подношении разных драгоценностей, изумляющих даже богатых людей: так, один поднес даме своего сердца ночной горшок из чистого золота, сделанный лучшим парижским ювелиром; другой — золотое биде; третий — соболье манто в несколько сот тысяч франков, висевшее на выставке окна в лучшем меховом магазине Парижа, привлекая большую толпу зрителей, любовавшуюся им.

Удивляться подарками большой ценности не приходится, так как во всех и других нациях происходит то же самое: возлюбленным на подарки не жалеют, но подарки нашими богатыми барами дорогих вульгарных предметов, служивших для самого низменного употребления, несомнен-

но, удивляли парижскую публику от пошлости фантазии богатых русских бар, узнававшую об этом через мелкую бульварную прессу* .

Многие богатые и знатные помещики, посещая Париж и увлекшись удобством жизни в нем, оставались жить навсегда с редким посещением родины, дабы окончательно не порвать родственных и дружеских отношений с желательными им лицами.

Как-то, будучи в Париже, [я] познакомился через священника посольской церкви с господином почтенных лет, уехавшим из России еще в молодых годах. Он продал все свои имения в России, окончательно порвал со всеми своими родственниками, поселился в Париже. От праздной жизни, понятно, скоро деньги были прожиты, и он уже на старости лет женился на молодой женщине из простого звания, имел от нее детей; чтобы содержать семью, ему пришлось сделаться чичероне[6]. Я его услугами пользовался в течение дня. Он показал основательно Латинский квартал[7] и музей «Клиши»[8], богатый разными старинными историческими вещами, в числе их были приборы, применяемые ревнивыми рыцарями к своим временно покидаемым женам во время крестовых походов, с целью обезопасить себя от измены жен. Но и они не достигали своей цели: природа все-таки торжествовала над ревнивцами.

Между прочим, он во время обеда рассказал о последней своей службе у русской богатой графини, оставшейся навсегда жить в Париже.

---

*Сумасбродства нашей аристократии, пожалуй, очень схожи с безобразием нашего богатого купечества, как те, так [и] другие проявляли его с одурманенными головами от выпитого вина и от сознания своего превосходства перед другими обыкновенными смертными. Разбогатевшему купцу кажется, что он сверхчеловек, что ему все доступно и возможно: «чего его только нога хочет!» Михаил Алексеевич Павлов из простых приказчиков сделался владетелем большой ситцевой фабрики в городе Шуе и в короткое время, благодаря уму, знанию и случаю, составил громадное состояние — ну как ему от этого не одурманиться? Мне рассказывали: он, как-то напившись в зимнем саду ресторана «Стрельна», уже не знал, чем проявить свою удаль перед его компаньонами-собутыльниками, приказал подать острый поварской нож и срубил большую пальму. Владетель ресторана Натрускин не препятствовал его желанию: ему бы самому пришлось бы вскоре рубить эту пальму, как упирающуюся в стеклянную крышу потолка. Дерево было срублено к удовольствию Павлова и Натрускина, получившего за него 5 тысяч рублей.

Другой купец, Пташников из Ростова-на-Дону, владелец на юге России многих больших магазинов со скупными товарами[5], тоже во время пира с приятелями в своем роскошном доме имел обыкновение приказывать конюхам приводить в столовую любимого жеребца. И коня приходилось приводить по парадной роскошной лестнице, сделанной из итальянского цветного мрамора, покрытой бархатными коврами, и другим комнатам с паркетными полами в столовую, где хозяин отпаивал жеребца заграничным шампанским, а неблагодарное животное обкладывало ковры и полы в комнатах лепешками своих извержений, портя паркет и мебель своими копытами.

У графини были в России большие ценные имения в разных губерниях, и ему было ею поручено проверять отчеты, присылаемые управляющими; переводить их с русского на французский язык, так как графиня не знала своего родного языка.

Графиня, получая громадные доходы со своих имений, жила широко и богато, ни в чем себе не отказывая, но чем дальше шли года, доходы с имений сокращались, и пришлось графине подумать об уменьшении своих расходов. Сама она разобраться в этом не могла и попросила бывшего помещика помочь ей. Он взялся за эту работу. Просмотрел ее парижские отчеты, разбил расходы за год по однородным рубрикам и сразу заметил, что сократить расходы не составило бы большого ущерба в изменении жизни графини. Прежде всего ему бросилась в глаза большая трата на уборку квартиры цветами, причем, по заключенному договору с садоводством, цветы ежедневно должны [были] быть заменяемыми другими, новыми, а старые поступали прислугам графини, которые и отправляли их ежедневно на цветочной рынок, а вырученные деньги за них делили между собой. У графини имелась большая конюшня, с большим количеством кучеров, конюхов и выездных лакеев. Причем запряженный экипаж в полном порядке должен был день и ночь находиться у подъезда, чтобы графиня имела возможность выехать во всякое время дня и ночи, когда она только пожелает, между тем графиня выезжала почти всегда только в определенное время. Квартира графини была громадных размеров, обставленная роскошными вещами, требующими большого ухода, а следовательно, большого количества опытной прислуги. Дороги [были] поездки графини летом на разные курорты с полным штатом прислуг, с лошадьми и экипажами. Во время зимнего сезона довольно часто устраивались балы, рауты, парадные обеды, требующие на себя большие издержки, и кроме того, он говорил, можно было еще многое кое-что сократить, чтобы облегчить бюджет расходов.

Составив все это, мой чичероне отправился с радостным чувством доложить об этом графине, предполагая, что она вполне согласится с ним.

Он начал прежде всего выкладывать свои доводы с цветов. Заметил: у графини сделалось расстроенное лицо, печальные глаза, и она воскликнула: «Нет, нет, цветы уж мои оставьте! Как вы не понимаете: я роди-

лась в цветах, жила все время с цветами, как же теперь могу жить без них?!»

Изменение в конюшне на графиню произвело еще более удручающее впечатление, она уже крикнула: «Что же, по-вашему, я должна, как простая мещанка, посылать на угол за наемным экипажем, ехать на нем к своим друзьям или же ждать час своих лошадей, когда их запрягут? Нет, мой Бог, это прямо невозможно!» — и горько заплакала. Видя такой результат от его советов, он сказал: «Все, что вы изволили выслушать, есть самые наименьшие уступки к сокращению расходов, дальнейшие будут более существенные, а потому, графиня, я боюсь о них говорить, чтобы еще больше вас не расстроить».

Графиня сквозь слезы заметила: «Да, да, лучше не говорите; я вижу, вы хотите, чтобы я сделалась монашенкой, но я ей не хочу быть!»

Закончил он свой рассказ словами: «Сокращать свои расходы графиня начала сама и прежде всего сократила меня, получающего у нее сто франков в месяц, а остальное все осталось по-старому».

ГЛАВА 83

В моей памяти рисуются некоторые картинки и эпизоды из жизни общественных деятелей и некоторых купцов, о них я и расскажу.

В 1877 году, когда мне было только 15 лет, пришлось гостить около двух недель в богоспасаемом глухом городе Лух Костромской губернии. В скучном этом городе был общественный городской сад, куда я часто ходил гулять; в первый раз, когда я пришел в него, меня сильно удивило, что фруктовые деревья, каждое в отдельности, были заключены в сетчатые железные решетки, что весьма уродовало вид сада и нагоняло тоску.

В одну из своих прогулок я познакомился с господином, похожим по виду на лавочника. Я высказал ему сожаление об окружении яблонь решетками, как это делается в зоологических садах от диких зверей. Оказалось, что эта блестящая идея была моего нового знакомого, как городского головы города Лух; он этими решетками гордился и восхищался как средством, спасающим от расхищения яблок; между прочим, он мне попенял, что уже многие высказывались о ненужности заграждений яблонь и некоторые даже ругали. «А не понимают того, — сказал он, — что у нас будут осенью яблоки, их продадим и город будет иметь доход. — В заключение добавил: —Наш город не Москва, куда приезжают много известных лиц, как вот недавно приезжал шах персидский, поднесший городскому голове рысаков за его заботы, а ты здесь что ни делай, как ни старайся, а дождешься только ругани!»

Когда я из сада вернулся домой, то рассказал моему зятю, у которого я гостил, всю нашу беседу с городским головой. Зять очень смеялся, а потом сказал: «Не знаю, эти ограждения устроены по глупости или же от них прилипла малая толика к рукам городского деятеля, как говорится, детишкам на молочишко!»

* * *

Как-то возвращаясь из своего имения в Москву, сел в купе вагона рядом с моим знакомым Виктором Алексеевичем Фомичевым, с кото-

рым начал разговаривать. Я заметил, что Фомичев был не в духе, чем-то раздражен и, нужно думать, был рад, что может со мной поделиться своими невзгодами. Он мне рассказал, что в Подольском уезде выстроил кирпичный завод, предполагая, что скоро пустит его в ход, но это [оказалось] не так-то легко устроить от безобразных порядков и взяток, царивших в земстве. Но наконец, как он думал, что со всеми поладил, набрал народ и завод должен [был] быть пущен в ход, оказалось, что это не так. Приехал земский доктор, нашел в жилье рабочих какие-то антигигиенические недочеты и не дал своего согласия на пуск завода. Фомичев жаловался: долго бился с доктором, доказывая ему всю неосновательность остановки завода, давая письменную гарантию, что все недочеты будут приведены в порядок в течение короткого времени, но доктор остался неумолим. Завтра придется ехать к нему на квартиру и дать взятку, иначе с ним ничего не поделаешь!

В купе напротив нас сидела дама со своей пятнадцатилетней дочкой, слушавшая внимательно весь рассказ Фомичева. При последних его словах дама взвизгнула и с криком обратилась к нему: «Вы говорите, что доктор желает у вас взять взятку? Земский доктор мой муж, я вас, милостивый государь, привлеку к ответственности! — И обратилась ко мне: — Вы будете свидетелем, что он назвал земского врача взяточником!»

Фомичев не испугался угроз барыни, а еще с большей раздражительностью и горячностью поносил ее мужа. И начался крик, брань, продолжавшаяся вплоть до Москвы.

По приезде в Москву я постарался поскорее скрыться в толпе народа, чтобы не быть свидетелем на суде в этом деле.

Через несколько дней я опять встретил Фомичева в вагоне и спросил его: «Как завод?» — «Пущен», — отвечал он. «А с доктором поладили?» Фомичев засмеялся и махнул рукой, сказав: «Кончили миром!»

* * *

В деревне Чернево, недалеко от моего имения, имелась старая полуразвалившаяся школа, попечительницей школы была моя жена. От священника, преподавателя закона Божьего в школе, узнали, что земством ассигновано 5 тысяч рублей на постройку новой школы и строить ее приступят с весны этого года.

Зная, что священник [отец] Николай часто бывает в земской управе и в хороших отношениях с заведующим школами, я его попросил пере-

дать от моего имени члену управы, что я готов выстроить вместо деревянной школы каменную по их плану и чертежам, но с тем только, что после выстройки школы и приема ее земской комиссией мне будет внесено 5 тысяч рублей, ассигнованных на постройку деревянной. Я был глубоко уверен, что сейчас же последует согласие со стороны земства на мое заявление.

При следующей встрече с отцом Николаем я его спросил: «Вы сообщили мое заявление в земской управе?» — «Как же, передал, — ответил он, — но на это они не согласны!» — «Почему?» — воскликнул я, смотря на священника с удивлением. Отец Николай нагнул немного голову в сторону, лукаво улыбаясь своими косыми глазами, ответил: «Нужно думать, при вашей стройке к рукам их ничего не прилипнет!»

Школа была выстроена из осинового сырого дерева, была холодная, угарная, с ежегодным большим ремонтом.

Было бы очень кстати здесь рассказать про земских деятелей Кинешемского уезда, где находилась фабрика Товарищества Большой Кинешемской мануфактуры. Мне много приходилось слышать о всех непорядках, какие там делались, но, к сожалению, они у меня из памяти исчезли, а потому придется сказать кое-что из того, что припоминаю.

Благодаря большому количеству фабрик в Кинешемском уезде, [земство] было очень богатое, но деньги разбрасывались зря, как говорили, они расходились по рукам деятелей в земстве. Между тем налоги росли ежегодно и достигали больших размеров в каждом предприятии; указывали, что налоги с фабрик в кинешемском земстве были вдвое выше, чем во владимирском земстве. Заправилы земства не стеснялись проводить шоссейные дороги в свои имения, находящиеся в глухих, отдаленнейших частях уезда, а не устраивали шоссе [там], где была крайняя необходимость от большого движения; тоже была выстроена земская больница далеко от населенных мест, но зато близко к усадьбе одного из начальствующих лиц в земстве. У меня осталось впечатление от всех деятелей кинешемского земства, что они преследовали лишь свои личные интересы, мало заботясь об общественных.

* * *

Однажды в Париже, идя с женой по улице Rue de la Paix[1], мимо военного министерства, попали под проливной дождь. В это время непрерывной вереницей подъезжали роскошные лимузины к подъезду

военного министерства, где, как потом узнали из газет, по какому-то случаю был устроен раут. Мы, несмотря на дождь, невольно остановились, чтобы полюбоваться на интересное зрелище.

Из каждого подъезжающего лимузина поспешно выскакивал ливрейный лакей, раскрывал зонтик, чтобы предохранить своих господ от дождя, открывал дверцу и провожал их без шапки до подъезда. По обеим сторонам двери стояли навытяжку часовые, отдавая честь ружьями каждому подъезжающему. Над дверью подъезда красовалась надпись скульптурно вылепленными буквами: «Свобода, равенство и братство».

Жена мне сказала: «Как смысл этих слов не соответствует всему действительному!»

Я подумал про себя: да, эти-то слова многих идеалистов довели до смерти, а многие мерзавцы составили на них свое благоденствие!

* * *

В городе Кинешме жил большой лесопромышленник Иван Григорьевич Тихомиров. Я с ним познакомился в 1889 году, покупая у него дрова и лесные материалы для фабрики. Бывая у нас в правлении, Тихомиров рассказал свою интересную биографию: сын крестьянина, он еще с самых ранних лет любил лошадей, и его было первое удовольствие проводить свое время около них, ухаживать и любоваться ими. Как только наступило время начать свою крестьянскую работу, он покинул отца, сделавшись ямщиком. Его излюбленная мечта всегда была иметь тройку резвых лошадей, лучших в уезде, чтобы с шиком прокатиться и форснуть перед другими. Мечта его осуществилась, ему посчастливилось подобрать тройку резвых и красивых лошадей, приобретя в разных местах от помещиков за выездом их из своих поместий. И действительно, говорил он, тройка была восхитительна, приводила всех в удивление. Тихомиров стал выезжать на ней на станцию Кинешма недавно проведенной железнодорожной линии. Однажды с поездом приехал красивый молодой гвардеец, ему из имения была выслана тройка лошадей, но он увидал стоящую тройку Тихомирова, не пожелал ехать на своей, а сел на тихомировскую. «Ванька», как сам называл себя при рассказе Тихомиров, сумел прокатить офицера, вполне наслаждаясь тем, что нашел любителя лошадей в лице гвардейца, наподобие себя. Офицер оставил Тихомирова в усадьбе и начал ежедневно выезжать на его тройке по своим знакомым, приставая к нему, чтобы он продал бы тройку, но «вань-

ка» отказывался, говоря: «Что я с деньгами буду делать? Ведь такую другую тройку, пожалуй, и не найдешь!» Как-то проезжая мимо леса помещика, далеко отстоящего от усадьбы, офицер опять обратился к «ваньке» с просьбой: «Прошу, продай, я тебе тысячу рублей за нее дам». — «Соблазн был большой, — говорил Тихомиров, — тысяча рублей в то время деньги для меня были большие, но было жаль мою тройку, которую я так любил, и, чтобы отвязаться от офицера, я ему сказал: "Продать не продам, но на мену отдам, если отдадите эту рощу, мимо которой сейчас едем"».

Офицер такому предложению Тихомирова обрадовался и отдал ему рощу за тройку лошадей. Эта роща составила Тихомирову благосостояние, он сделался потом владельцем более 20 тысяч десятин лесов в Костромской губернии и участником в фабрике своего зятя[2], под фирмой «Тихомиров и Морокин».

И.Г. Тихомиров, приходя к нам в правление, держал себя очень сдержанно, говорил тихим голосом, и что меня всегда удивляло — это появление на глазах у него слез. можно было думать, что он считал себя как бы обиженным и недовольным.

Выдав свою единственную дочку замуж за Морокина, сына известного фабриканта, с которым вместе выстроили бумагопрядильню и ткацкую, после чего [он] заметно стал вольнодумничать, особенно когда ему приходилось бывать у нас после обеда с употреблением вина, то он тогда уже изливал слезы, жалуясь на нас и других его ближайших соседей за безжалостное отношение к рабочим, с обвинением в жадности и корыстности. Призывал на всех нас, грешных, громы небесные, грозя гневом Божьим и народным на наши головы. Когда же я, взволнованный его отношением к нам, считая его вполне несправедливым, задавал ему вопрос: «Почему вы так говорите, ведь вы тоже фабрикант? Отчего же гнев Божий минует вас?» — «Нет, со мной этого не может быть, я крестьянин, и рабочие знают, с каким трудом я наживал деньги», — забывая о том, что его первое денежное благополучие получилось от продажи тройки лошадей юнцу офицеру за лес. После таких разговоров с ним я всегда чувствовал себя в каком-то неловком положении: меня смущала его идеология, которую я никак не мог себе уяснить. Однажды после разговора с ним встречаю его родственника, которого спросил: «Скажите, что это Иван Григорьевич обрушивается на своих соседей, обвиняя их в корыстности к рабочим, между тем ставка платы рабочим у нас и других его соседей гораздо выше, чем у него?»

Его родственник засмеялся, сказав: «Чем же можно иначе объяснить, как только не завистью: вы и другие соседи строят, увеличивают фабрики, а он этого не может, поневоле призовешь все громы небесные и людские на своих конкурентов!»

* * *

Алексей Семенович Вишняков был из старинной известной московской купеческой семьи, он состоял крупным пайщиком в Обществе выдачи ссуд под движимость, и эта сфера деятельности для него была узка. Благодаря его хорошему образованию и воспитанию его тянуло занять более серьезное положение среди московского купечества, и он стремился устроиться руководителем в каком-нибудь из общественных банков.

С Вишняковым мне пришлось встретиться в первый раз на одном общем собрании акционеров банка, он невольно обратил мое внимание своей громоздкой фигурой во время его вставания, чтобы задать вопросы по отчету к председателю правления банка. Замечания его были дельные, и было видно, что он отлично ознакомлен с отчетом.

Во второй раз я его видел на общем собрании членов Первого Общества взаимного кредита, где он успешно вел борьбу с правлением Общества, добившись того, что все директора Общества единогласно вышли из правления и Вишняков был выбран председателем Общества взаимного кредита.

У меня сохранилось в памяти, как на этом собрании А.С. Вишняков упрекал директоров Общества взаимного кредита в большом вознаграждении, получаемом ими, что-то вроде 6 тысяч рублей в год; таковое обвинение, несомненно, имело влияние на мелких членов этого Общества, в глазах которых вознаграждение в 1000 рублей уже казалось большим и достаточным.

Алексей Семенович, сделавшись председателем правления Первого Общества взаимного кредита, немедленно провел изменение устава Общества, где вместо всех членов Общества взаимного кредита было предоставлено право выбора определенному количеству лиц-выборщиков, что, несомненно, значительно облегчило ведение общих собраний. Подобрать же выборщиков, сочувствующих новому правлению, уже не представлялось трудным, и на ближайшем собрании выборщиков было внесено предложение об увеличении жалованья правлению, и оно было значительно увеличено.

Вишняков числился среди купцов либералом, со стремлением проводить свою деятельность в этом же духе среди лиц, ему подчиненных, чем вызвал большое нарекание в 1905 году, когда было ограблено Общество взаимного кредита вооруженными революционерами; его упрекали вкладчики в Общество взаимного кредита: «Набрал революционеров — вот они и устроили ограбление, указав все входы и выходы!» [3]

Алексею Семеновичу удалось собрать средства на устройство Высшего Коммерческого училища[4], превратив его в цитадель для распространения либеральных идей среди учащихся, должных в будущем занять серьезное положение в торговле и промышленности.

Мне неизвестен удельный научный вес кончившей это учебное заведение молодежи и сколько из них заняли крупное положение в коммерческих делах, но с одним из окончивших это училище мне пришлось работать в 1925—1926 годах*, и я могу сказать, что в продолжение всей своей жизни не пришлось видеть человека с высшим образованием более беспринципного и малоразвитого, с научными познаниями куда ниже, чем у окончивших средние школы.

Московский купец Иван Григорьевич Простяков**, находясь в довольно близких деловых отношениях с А.С. Вишняковым, рассказывая мне о нем, пенял на его резкость и заносчивость, говоря: «Алексей Семенович годами значительно моложе меня, между тем не стесняется вызывать меня по телефону через артельщика с просьбой, чтобы я пришел к нему. Но хотя делал бы это немного поделикатнее, как это делает Николай Александрович Найденов, вызывающий меня по телефону лично, с просьбой сообщить, когда я его могу принять. Ну, понятно, идешь сам, зная, что по его положению и массе дел он имеет мало времени на хождение».

---

*Леонид Алексеевич Вахромеев.

**Мой компаньон по Товариществу Большой Кинешемской мануфактуры, имеющий на плечах не менее 68—69 лет, отличающийся умом и сметкой, составивший довольно большое состояние и положение среди московского купечества; занимал разные почетные должности в благотворительных учреждениях в Московском купеческом обществе. Биография Простякова была очень интересна: слышанная мною от знавших его лиц, но, к сожалению, она у меня из памяти исчезла. Личные мои впечатления о нем остались только хорошие; из смешных его сторон была любовь к иностранным словам, которые он часто перепутывал: так, вместо "виртуоз" говорил "виртоуст", и когда его переспрашивали, то не смущался, отвечал: "Как не понимаете? Так называется человек, замечательно хорошо исполняющий свое дело". И тому подобные другие словечки, курьезно перепутанные.

Он же рассказывал, что А.С. Вишняков имел слабость поиграть в преферанс; к нему собирались еженедельно партнеры, но проигрывать чрезвычайно не любил. Вишняковский лакей, перешедший на службу к Простякову, рассказывал: когда игра у господ кончалась, то Алексей Семенович всегда предварительно входил в столовую посмотреть, готов ли ужин; и, бывало, знаешь, когда он в проигрыше, кричит: «Зачем поставил заграничные вина, икру и другие деликатесы, убирай их, довольно им будет колбасы и вина от Удельного ведомства». А когда выиграет, то молчит и наоборот скажет: подай вина получше и побольше.

Благодаря надменности А.С. Вишнякова, он не пользовался большой популярностью среди крупного купечества, а среднее купечество старалось угодить ему, имея необходимость в кредите в Обществе взаимного кредита, где он был председателем[5].

* * *

С 1886 года, моего первого вступления в коммерческую деятельность, пришлось в течение двадцати лет работать с бухарским купцом Мирсаит-Ата Бургановым. Бурганов был довольно угрюмый и недоверчивый человек, и в его голове никак не укладывались мысли, что имеются нравственные начала кроме установившейся у него азиатско-мусульманской этики, а именно: физической силы и денег.

Приблизительно в середине девяностых годов прошлого столетия была от него получена партия бухарского хлопка из местных семян в количестве 550 кип = 4400 пудов с письмом, что никоим образом им не разрешается продажа этого хлопка без его разрешения.

На московском рынке чувствовался большой недостаток в этом сорте хлопка, требования на него были большие, но, придерживаясь его письма, мы хлопок не продавали, извещая его о положении рынка. Наконец, как мне казалось, цена на этот сорт хлопка достигла кульминационной точки; на все наши извещения и советы продать хлопок получали ответы: «Прошу не продавать до моего разрешения!»

Желая знать, по каким мотивам удерживает продажу Бурганов, я послал нашему бухарскому агенту телеграмму с просьбой сообщить: почему Бурганов не желает продать хлопок по наивыгоднейшей цене для этого времени?

Получил ответ: Бурганов советовался с одним муллой, считающимся среди мусульман «святым», посоветовавшим товар не продавать, так как цены в скором времени на хлопок должны еще сильнее повыситься.

Увидав, что в коммерческие дела начали вмешиваться «святые» муллы, я, недолго думая, продал из 550 кип 500 кип, оставив 50 кип для удостоверения качества этого хлопка, из-за могущих в будущем возникнуть с Бургановым каких-нибудь недоразумений по этому поводу.

Мое чутье на этот раз совершенно оправдалось, за хлопок была взята наивысшая цена того времени, после чего цена начала понижаться и месяцев через шесть понизилась с чем-то на три рубля в пуде. Если бы мною это не было сделано, то по исчислению расходов за полежалое, страховку, процентов за взятую Бургановым ссуду, усушку, раструску хлопка разница в цене составила бы больше 16 тысяч рублей на всю партию. Таковая сумма для Бурганова была бы очень тяжела, так как он принадлежал к купцам среднего достатка, и пришлось бы ему долго пополнять эту потерю в течение многих лет, отказывая себе во всех своих жизненных потребностях.

Наконец перед Нижегородской ярмаркой приехал Бурганов; когда он вошел ко мне в кабинет, я увидал, что он был совсем потерянным человеком: еще больше пожелтел, глаза впали, излучали сильную злобу. С раздражением спросил: «Почему не продал хлопок? Ты комиссионер, должен знать!» Я ему ответил: «Я послал тебе много писем, телеграмм с советом продать хлопок, а ты слушаешь в денежном деле «святых» и неси теперь возмездие за свою ошибку!» Он почти крикнул: «Дай записку на склад, поеду смотреть мой хлопок!»

С запиской он явился на склад, где уведомленный мною артельщик показал его хлопок 50 кип, уложенный в бунт с другим хлопком, принадлежащим другому сарту; он увидал, что надежда его рухнула, хлопок действительно не продан и он почти разорен.

Вернулся со склада ко мне темнее тучи и сказал: «Продай поскорее хлопок!» — «Хорошо, — сказал я, — но ты выдай мне письмо о согласии продать по существующей цене». Он мне немедленно подписал эту бумагу и встал, чтобы уйти. «Подожди, Мирсаит-Ата! Я тебе кое-что скажу». Прочитал целую нотацию о недоверии к людям, с которыми много делал дел, которые никогда его не обманывали: «Может быть, другой тебя бы наказал, но я хочу тебя порадовать: товар твой продал по наивысшей цене!» — «Как продал? — воскликнул он. — Я видел в амбаре его!» — «Там лежало только пятьдесят кип твоего, а остальной был чужой!»

На него нашел как будто бы столбняк: он побледнел, потом покраснел, пот появился на лице, из глаз брызнули слезы, я испугался, что

он упадет; он, сконфуженный своей слабостью, прокричал мне что-то по-бухарски, опрометью выбежал из кабинета.

На другой день Бурганов явился ко мне, много благодарил после того как получил причитающиеся деньги за его хлопок. Взял у всех комиссионеров свои товары и привез к нам. С тех пор, приезжая в Москву, привозил мне всегда подарки, заключающиеся в коврах, халатах и в другом хламе, а это уже много стоило из-за его скупости и умеренности к тратам.

В 1906 году я вышел из Товарищества; как только достигла до него эта весть, он немедленно приехал в Москву, хотя была зима, явился в Товарищество, устроил скандал, потребовал обратно у них все свои товары и с квитанциями явился ко мне в Большую Кинешемскую мануфактуру, где я работал. Отдавая мне квитанции, просил взять их на продажу, уверяя, что за ним отдадут все бухарцы, которые со мной делали дела. Но я поблагодарил и отказался взять их, так как имел другое дело и не желал заниматься комиссионерством. После Бурганова ко мне приходило много бухарцев с такими же предложениями.

В довершение всего ко мне явился министр эмира бухарского Латиф Касым-Ходжаев с каким-то важным бухарским чиновником, с поклоном от эмира и предложением от эмира хлопка из американских семян в количестве 50 тысяч пудов по существующей цене рынка, с уплатой за него на срок по нашему усмотрению, как сказал Латиф, хотя бы через два года. Причем он прибавил, что эмир сделал такую льготу только двум фабрикантам: Николаю Ивановичу Прохорову и мне, другим же только за наличные деньги. Я попросил передать мою благодарность эмиру, но от этого предложения, весьма выгодного, отказался, так как опасался иметь дело с Латифом, бывшим купцом, о котором я в своих записках уже писал; с Латифом у меня произошла ссора из-за неплатежа им 20 тысяч рублей за купленную мануфактуру у Большой Кинешемской мануфактуры, где я был директором. Латиф был крайне злой и мстительный человек, и я боялся, что он по своему коварству и злопамятству может при сдаче хлопка употреблять разные неблаговидные способы, чтобы в глазах эмира очернить меня, свалив свою неблаговидность на меня и тем устроить конфликт мне с эмиром, чего я, понятно, не желал.

ГЛАВА 84

Либеральные идеи понемногу просачивались в среду купечества, но многими из них своеобразно понимались и усваивались. Еще в детстве мне приходилось слышать от матушки, как она называла моего отца либералом, понимая под этим словом, что отец никогда не позволял себе резкостей с прислугой; здороваясь с дворниками или кучерами, снимал шапку, что большинство купечества этого не делало; к либерализму отца она приравнивала его осуждение некоторых церковных обрядов, а также его нерасположение к московскому митрополиту Филарету и т.п.

Считала также либералом мужа моей тетки — доктора Дмитрия Михайловича Рахманова, которого, как мне казалось, она и многие другие побаивались из-за его острого и злого язычка, не стеснявшегося вышучивать некоторых лиц, которые не могли ему отпарировать из-за своей скромности и застенчивости, хотя, быть может, они стояли своими душевными качествами гораздо выше его. Когда Дмитрий Михайлович приезжал к нам в гости, я замечал, что его встречали по-другому, чем других: больше его слушали, чем говорили сами, а отъезд его сопровождался улучшением настроения всех оставшихся.

Впечатления детства от встреч с людьми, разговоры старших запечатлеваются всегда надолго, и они в значительной степени формируют убеждения и взгляды в период юношеских лет, а пожалуй, [и] в течение всей жизни. И я со времени своей сознательной жизни, то есть с 16—17 лет, причислял себя к либералам. Как могут не увлечь молодого человека с живой душой, еще не окунувшегося с головой в омут житейской суетности, мысли, выражаемые красивыми фразами? Они как бы вытаскивают из стоячего болота нашей повседневной жизни, с надеждой украшают наш путь! Но чем становишься старше и начинаешь анализировать поступки людей и совершающиеся вокруг тебя события, то понемногу начинаешь понимать, что дело не в красивых словах, но в хороших, добрых делах. С этого начинается постепенное разочарование людьми с громкими фразами, и к лицам, красиво и много болтающим, уже относишься скорее с предубеждением. И большинство лиц из купечества,

более степенных и положительных, относились к либералам с некоторым предубеждением, говоря: «Хороши их слова, да будут ли хороши дела?»

Купечество, пожалуй, было право в своих заключениях: где в либеральных учреждениях, возникших после освобождения крестьян, находились лица умные, честные и энергичные, дела там шли хорошо, а где таковых людей не находилось, то шли Бог знает как, вызывая неудовольствие и раздражение против них.

К институту мировых судей и к суду присяжных относились сочувственно, но к присяжным поверенным — или, по крайней мере, к большинству из них — относились без уважения, называя их брехунами.

Приближаясь воспоминаниями к первым годам нынешнего столетия, надо отметить, что заметно мало осталось крепких и сильных духом купцов: не было уже стариков И.А. Лямина, Гучковых, Горбова, Т.С. Морозова, А.И. и Г.И. Хлудовых, П.М. и С.М. Третьяковых, В.А., А.А., П.А. Бахрушиных и многих других выдающихся купцов.

На их места вступали дети, но более слабые духом, с проявлением большей суетности, чем было у их отцов. И многие из этого молодого поколения сознавали свои слабости, и мне приходилось слышать от них: «Нет у нас того, что было у наших отцов и дедов!», приписывая это естественному вырождению, и в глубине души чувствовали, что все это в значительной степени зависит от избытка материального благополучия. В этом новом поколении много было либералов; из них были умные, честные и хорошо образованные, но невольно бросалось в глаза, что либерализмом они как бы старались отделаться от будоражащих других разных мыслей и тем успокоить свою совесть от противоречий их жизни; они как бы запряглись в шоры, без желания видеть, что делается направо и налево за пределами их запряжки.

Известная благотворительница, молодая красивая миллионерша Варвара Алексеевна Морозова, урожденная Хлудова, была одна из передовых свободомыслящих дам московского купеческого круга. Оставшись молодой вдовой после смерти мужа Абрама Абрамовича (о котором я писал уже в своих записках) с тремя сыновьями Михаилом, Иваном [и Арсением], которым давала отличное образование, а свое громадное дело, оставленное мужем, крепко держала в своих руках, управляя им через оставшихся старых опытных служащих и вновь приглашенных руководителей.

В.А. Морозовой увлекся известный издатель и редактор самой либеральной газеты в Москве «Русские ведомости» Соболевский[1], и она жила с ним открыто, не сочетавшись церковным браком, не обращая никакого внимания на окружающее ее общество и всех ее родственников. Злоязычники утверждали, что она не желала менять свою известную фамилию: Морозову на Соболевскую, представлявшуюся в ее купеческих глазах малозавлекательной; имея от него детей, оставила им фамилию Морозовых[2].

Варвара Алексеевна была либералка с сильным уклоном влево, но, надо отдать ей справедливость, она свои либеральные взгляды по возможности старалась проводить на деле, что ей было сравнительно легко делать, стоя во главе большого фабричного предприятия Товарищества Тверской мануфактуры. Эта мануфактура в России была одна из лучших по образцовому оборудованию и большим средствам. При фабриках были устроены образцовые театр, ясли, больница и еще многое, что значительно украшало жизнь служащих и рабочих. Но, несмотря на все заботы и денежные жертвы, на фабрике как-то произошла забастовка. Причины забастовки я теперь не припомню. Хозяйка поспешила приехать на фабрику, предполагая, что ее личное присутствие успокоит фабричных. Рабочие, узнав о приезде хозяйки, подошли большой толпой в несколько тысяч человек к хозяйскому дому.

Варвара Алексеевна собралась к ним выйти, но местный исправник и фабричная администрация не рекомендовали ей выходить к рабочим, так как громадная толпа, насыщенная страстями, представляет из себя опасный элемент для спокойных переговоров, но она на уговоры их ответила: «Рабочие меня хорошо знают, я так много для них делала и делаю, что я для них как бы мать, и уверена: когда я к ним выйду, они меня выслушают и успокоятся». Когда она вышла, возбуждение и крики между рабочими еще более усилились и из задних рядов толпы пронеслось несколько увесистых булыжин недалеко от головы хозяйки. И эта «мать рабочих», подобрав свои юбочки, опрометью обратилась в бегство к дому, спасаясь от своих возбужденных «деточек». (Мне пришлось это слышать от инженера, бывшего при этом.)

В.А. Морозова в Москве жила на Воздвиженке, в своем красивом особняке, окруженном по фасаду садом; внутренность особняка была обставлена комфортабельно в английском духе и не отличалась безумной роскошью, как это можно было видеть у некоторых московских богачей.

Она была известна широкой благотворительностью к общественным нуждам города и всегда отзывчива к учащейся молодежи, нуждающейся в помощи к продолжению образования.

В.А. Морозовой — несомненно, выдающейся женщине среди московского купечества — пришлось пережить много огорчений из-за ее связи с Соболевским, так нарушаемых ею традиций общества, крепко столетиями державшихся; но всего больше доставляло неприятностей ей, когда имя ее трепали газеты, полемизирующие с «Русскими ведомостями», называя редактора Соболевского «содержанкой московской купчихи», давая понять, что «Русские ведомости» пользуются денежной поддержкой у Морозовой.

«Русские ведомости» были органом либералов и в обществе с иронией назывались «профессорской» [газетой] из-за участия в ней многих профессоров. Отличалась газета сухостью своего содержания, доктринерством и особенно горячим стремлением к фритредерству, от совершенного непонимания, что «свободная торговля» по тому времени не может быть осуществлена без сильных экономических потрясений, задевающих почти все сословия государства, но «Русские ведомости» этим лозунгом усиленно потряхивали в своей уже довольно потрепанной торбе.

Все эти условия не создавали большого успеха газете среди читающей публики, и она не имела большого тиража; между тем Москва сильно нуждалась в хорошей и серьезной газете, чего добился потом Сытин с изданием газеты «Русское слово»[3], хотя и она далеко не была идеальной.

Не могу не рассказать, как в начале моей коммерческой деятельности я был поставлен в неловкое положение редакцией «Русских ведомостей» перед моим шефом Н.П. Кудриным.

Я уже писал о Кудрине как об умном, с широким размахом, с большой силой воли купце — русском самородке, вышедшем из серой, бедной мещанской семьи; он не получил никакого образования, отправленный своими родителями на службу в качестве «мальчика» при какой-то торговле. И сумел еще сравнительно молодым человеком создать собственное большое дело. Кудрин, придавая большое значение прессе, начал писать разные статьи о Средней Азии, еще в то время мало известной широкой публике. Свои статьи он имел обыкновение посылать в «Московские ведомости», охотно их печатавшие[4].

Однажды им была написана статья, затрагивающая экономическое положение Средней Азии и необходимые для нее реформы, с целью

поскорее двинуть этот богатый край с развитием его естественных богатств. Статью эту Кудрин мне прочел и спросил, не свезу ли я ее в редакцию с просьбой поместить ее как можно скорее.

Я же, читающий «Русские ведомости» с семнадцатилетнего возраста, состоя их поклонником, посоветовал Кудрину вместо «Московских ведомостей» отправить в «Русские ведомости», где круг читающей публики более интеллигентный, а потому его статья будет иметь больший успех в высших сферах правительства. Он согласился.

Редакционный секретарь «Русских ведомостей» бегло просмотрел статью и ответил, что ее необходимо прочесть самому редактору, и если он найдет ее приемлемой, то она будет помещена в газете на этих днях.

Действительно, статья была напечатана в газете, но с предварительной заметкой редактора, в которой было разругано все, о чем писал Кудрин, благодаря отклонению от его фритредерских идеалов, и в заключение добавлено в злых и едких выражениях об исправлении редакцией безграмотности стиля и всех в ней орфографических ошибок. Можно представить мое неловкое положение перед Н.П. Кудриным, которого я так убеждал о помещении статьи в этой газете![5]

Конечно, право редакции опровергать правильность экономических взглядов, не соответствующих их [взглядам], но зачем затрагивать стиль и орфографию в злом и смешном виде, ведь все-таки не грамотность изложения важна, а мысль и смысл его. Кудрин, посылая в «Московские ведомости», писал в том же стиле, с теми же орфографическими ошибками, но в редакции все это исправляли, и печаталось совершенно исправленное для читающей публики; редакция понимала, что писал малообразованный человек, но обладающий умом и большим здравым смыслом.

Я потом был удовлетворен, когда пришлось узнать, что многие реформы, высказанные Кудриным, были проведены правительством и действительно способствовали к дальнейшему процветанию края.

* * *

В одном из каких-то номеров газеты «Русские ведомости» был помещен фельетон, в ярких красках описывающий фабричный поселок, принадлежащий крупному фабричному предприятию в Германии.

Земля в достаточном количестве была приобретена фабричным предприятием, разбита на правильные участки, мерою приблизительно в 100

квадратных наших аршин, с устройством шоссированных дорог и водопровода. На каждом участке был выстроен маленький домик, наподобие коттеджей. Домики были выстроены разных размеров по желанию и требованию рабочих и сданы им в полную собственность, с ежемесячным погашением их стоимости; земля же под домиком сдавалась рабочим в аренду на продолжительный срок с очень небольшой платой. Рабочему предоставлялось право во всякое время, когда ему заблагорассудится, продать этот дом, но только рабочему этого же завода; если же не находилось такого покупателя, то он мог продать обратно заводу, со скидкой за амортизацию по установленному тарифу, и завод не имел права от таковой покупки отказаться.

Эта фабричная колония представляла из себя удивительную картину: красивые коттеджи, выглядывающие из зелени деревьев, были окружены с одной стороны огородом, а с другой — фруктовыми деревьями, ягодными кустами, розанами и другими разными цветами. Освободившиеся от своей работы рабочие вместе со своими детьми ухаживали за огородом и садиком, наслаждаясь чудным воздухом и с сознанием, что все эти труды их рук поступают к ним, принося им кроме удовольствия еще некоторую материальную пользу.

Эта описанная идеальная картина сохранилась в моей памяти, и я, как только стал во главе большого фабричного дела, не преминул проделать в нем то же самое.

На земле, красиво расположенной по высокому берегу Волги, было устроено совершенно то же самое, как описывалось в фельетоне, но первый раз решили построить только несколько десятков домиков. Домики быстро были раскуплены рабочими, где они и поселились. Не прошло полугода, как уже некоторые рабочие, купившие домики, стали приходить и просить взять от них обратно, объясняя тем, что домики для них дороги, говоря: «В казармах живем задаром, дров не покупаем», — хотя стоимость дров в то время была 5 рублей за куб. сажень и ее хватило бы на год для отопления домика. Вторую причину выставляли, что женам приходится топить печку, а в казармах печи топятся специально для этого приглашенными людьми, с уплатой за их труд фабричной конторой. В конце же года владельцев этих домиков осталось не больше двух-трех.

Фабричная администрация объясняла такое несочувственное отношение рабочих к домикам тем, что они, живя в казармах, привыкли жить

обществе при вечном шуме, криках, ругани, с гармониками, и все то доставляло им удовольствие и развлечение, да, кроме того, общая ухня им была как клуб, где они собирались группами, сплетничали, олковали, ругались, и все эти приметы ада им были по душе.

Потом в эти домики были размещены мелкие служащие без оплаты а квартиру и с дровами за счет фабричной конторы.

Прошло после этого много лет, но около этих домиков не было поажено этими квартирантами ни одного деревца, ни одного кустика и и одного кочана капусты, хотя на фабрике имелось сколько угодно авозу, гумусовой земли, отдаваемой всем желающим вывезти ее.

Из этого примера можно усмотреть, что не всегда и не везде можно уководствоваться способами, применяемыми в культурных государствах ля устройства жизни рабочих, по рекомендации либеральных идеалисов. Что в Германии дает рабочим наслаждение и счастье, то у нас им — оску и скуку.

* * *

У В.А. Морозовой дети, выросшие и окончившие свое образование высших учебных заведениях, вступили в свое дело и, как было слышю, занимались серьезно им. Для оптовой торговли Товариществом Тверкой мануфактуры было приобретено владение на Варварке; старые владения все были снесены, и на месте их воздвигнут роскошный дом, с большими светлыми залами, где размещались образцы вырабатываемых ими товаров для показания покупателям в полном ассортименте, а в ерхнем этаже помещалось правление и бухгалтерия[6].

Новоселье справлялось торжественно; началось с молебствия перед чудотворными иконами, с хором певчих в красных, обшитых золотым позументом кафтанах, после чего все многочисленные посетители были приглашены на завтрак в ресторан «Эрмитаж», где в главных его залах были накрыты столы со знаменитым наполеоновским сервизом, а в боковых залах были накрыты столы с изобильной закуской, со всеми деликатесами, какие только можно было получить в то время. Завтрак своим изобилием и искусством приготовления превзошел сам себя. Вина, сигары были самых лучших и дорогих марок. Всего больше поражало убранство высоких, в два света, зал живыми цветами. Цветы закрывали все стены, начиная от пола до потолка зал, с большим искусством подобранные по окраске и зелени. Сирень, азалии, рододендро-

ны, розы и между ними разные луковичные растения, с левкоями и гвоздиками, наполняющие ароматом большие залы. Новоселье справлялось на Фоминой неделе, когда оранжерейные цветы были в полном блеске.

Газеты, описывая завтрак, поставили в укор Морозовым, что ими израсходовано на обжорство 60 тысяч рублей, между тем было бы целесообразнее отдать эту сумму в пользу бедных Москвы, которых так много там. Заметка эта воздействовала, и Товарищество Тверской мануфактуры внесло в городскую управу 60 тысяч рублей для бедных.

Старший сын Варвары Алексеевны, Михаил Абрамович, по окончании университета скоро женился на красивой дочери известной московской портнихи Мамонтовой[7]. Известный артист Южин написал комедию «Джентльмен», имевшую большой успех на сцене Малого театра. В «Джентльмене» Южин вывел Михаила Абрамовича, и, как говорили, очень похоже; артист, игравший Джентльмена, был даже загримирован Михаилом Абрамовичем[8].

Михаил Абрамович жил недолго и скончался в молодых годах.

Третий сын Варвары Алексеевны, Арсений Абрамович, тоже женился в молодых годах на дочери какого-то известного инженера[9]; она, прожив с ним недолго, влюбилась в начальника сыскного отделения Лебедева и покинула Арсения Абрамовича. Через несколько лет Арсений Абрамович женился на другой, урожденной Окромчаделовой[10], потом вышедшей замуж за Коншина-сына (компаньона П.М. Третьякова)[11]; не знаю, разошлась ли она с Коншиным или он умер, но только брак с Морозовым состоялся. Про этот брак в московском обществе говорили много; так, мне пришлось слышать: Окромчаделов, брат будущей жены Морозова, приехав в ресторан «Эрмитаж», увидал сидящего Арсения Абрамовича, он подсел за его столик, и разговорились, откуда он узнал, что Арсений Абрамович после обеда отправляется на вокзал, чтобы ехать к себе на фабрику. Как только Окромчаделов узнал об этом, он немедленно распростился с Морозовым, сказав, что у него имеется какое-то серьезное дело, и уехал. Арсений Абрамович, приехав на вокзал, к удивлению своему увидал опять Окромчаделова с дамой — жгучей брюнеткой, похожей на цыганку; Окромчаделов представил ее и сказал, что это его сестра, поставленная в ужасное положение тем, что она с этим поездом обязательно должна поехать в Петербург, но билеты на него все проданы, то он обращается с просьбой к Арсению Абрамовичу: не мо-

жет ли он в своем купе посадить его сестру, так как, по всей вероятности, он до Твери, где его фабрика, навряд ли ляжет спать. Морозов, милый, мягкий и слабый характером, на это согласился, но вместо Твери он сошел со своей дамой на вокзале в Петербурге и потом на ней женился. Его жена оказалась полной авантюристкой, понятно, она своего мужа не любила и, как уверяли, употребляла все усилия споить своего слабого характером мужа, отчего он преждевременно скончался, оставив ей свое состояние*.

Арсений Абрамович оставил по себе память в Москве постройкой красивого особняка на Воздвиженке, на месте, где был цирк, примыкавший к дому его матери. Особняк обращает на себя внимание красотой и солидностью, но некоторые его детали вызывают удивление: так, башни его перехвачены толстым жгутом и на стенах дома находятся раковины. Причина создания этих ненужных деталей, оказывается, была следующая: Арсений Абрамович, путешествуя по Португалии со своим архитектором Мазыриным, был поражен красотой замка, как бы прилепленного к скале на берегу Атлантического океана; издалека получалась полная иллюзия, что жгуты, перехваченные вокруг башни и прикрепленные к скале, не дают ей упасть в океан, то же и раковины, как бы выброшенные океаном, прилипли к стенам замка, и вся архитектура этого замка поражала своей талантливостью.

Архитектор Мазырин, построивший дом Морозову, не сумел применить к стилю здания некоторую самобытность нашей природы, а потому жгуты и раковины невольно вызывают удивление от появления их на фасаде дома на Воздвиженке, улице ровной, без скал и моря[12].

Второй сын Варвары Алексеевны, Иван Абрамович, был дельным человеком; он пережил всех своих братьев от первого брака матери, серьезно занимался своим делом, не жалея своих сил. Иван Абрамович

*Об Окромчаделове, брате жены Морозова, тоже рассказывали много плохого. Говорят, он был родом армянин, красивый видом, какими-то способами втерся в дом к известному богачу Овчинникову, имевшему довольно некрасивую дочку, начал за ней ухаживать, с уверенностью, что он не получит согласия на брак от родителей. Овчинниковы жили в своей роскошной даче в Сокольниках, где имелся пруд. [Окромчаделов] пригласил барышню вдвоем с ним прокатиться по пруду. Катание кончилось тем, что огорченные родители принуждены были согласиться на брак. После смерти родителей все их средства достались их единственной дочке. Как говорили, она была очень несчастна, так как ее муж все время проводил в кругу красивых барышень, а не в семье.

принадлежал к разряду людей, сильно падающих духом при нарушении правильного хода их жизни какими-нибудь серьезными случайными обстоятельствами. Мне пришлось быть у него во время первых дней первой революции, и меня поразило изменившееся его лицо с глазами, полными отчаяния, с выступившим потом на лбу, и он с потерею всякой надежды твердил: «Все пропало, все пропало, и мы все погибли!» — без малейшего желания применить свою энергию, свои деньги к спасению хотя бы отчасти своего положения.

Иван Абрамович уже во время революции покинул Россию, поселился в Берлине, где в гостинице во время приема ванны лишил себя жизни, перерезав на руке вену.

ГЛАВА 85

Москвичи любили встречать Новый год весело, но встреча Нового, 1904 года была особенно весела. Кого бы я ни спросил из своих знакомых, как встречали Новый год, от всех получал ответ: «Весело!» Многие устраивали у себя балы, костюмированные вечера, но большинство заранее записывались на столики в ресторанах, спеша занять в них лучшие места. Рестораны «Метрополь», «Прага»[1], «Эрмитаж», «Яр», «Стрельна» — все были переполнены публикой до отказа с 11 часов вечера разряженными дамами, усыпанными бриллиантами, мехами, цветами; мужчинами во фраках. В 12 часов вся публика, стоя, подняв бокалы с шампанским, чокалась, и кругом только было слышно: «С Новым годом, с новым счастьем!» Шампанское лилось, с выпитием неисчислимого количества бутылок, на радость французских виноделов. Были все довольны встречей Нового года и проведенным временем. Вернувшись домой, ложась в кровать, думали: этот год, наверное, принесет нам более счастья.

Но, как говорят, «человек предполагает, а Бог располагает»! Так и случилось в этом 1904 году: вместо еще большего счастия получилось большое неожиданное горе.

Мы, русские, были мало осведомлены о политическом положении государства, жили и наслаждались жизнью, уверенные, что в нашем государстве все благополучно и идет хорошо. 27 января неожиданно разразилась война с Японией; накануне никто из москвичей не думал, что это может случиться. Я внимательно прочитывал газеты, вращаясь в биржевых сферах, всегда внимательных к политическим делам, не мог даже и подумать о войне.

Накануне объявления войны я купил дом у Серебрякова, на углу Рождественки и Варсонофьевского переулка[2], и уговорились с ним на другой день в 11 часов утра быть в конторе нотариуса Сусорова, чтобы совершить купчую крепость. В этот день за утренним чаем развертываю газету и с ужасом прочитываю: война объявлена. Спешу в банк, чтобы ликвидировать процентные бумаги для уплаты Серебрякову, но получаю

там ответ: «Кто же у вас в данную минуту купит? Бумаги, несомненно, в цене должны упасть», — и мне пришлось отказаться от купленного дома.

На объявление войны Японии смотрели довольно сдержанно: кто мог думать, что небольшая Япония представляет из себя такую большую силу; думали, что война кончится для нас благополучно: «Шапками забросаем япошек!» Но что ни день, дела наши шли на войне все хуже и хуже, но мы еще были уверены, что они скоро поправятся.

В марте месяце я поехал с женой за границу; побывали в Вене, Венеции, Риме, Неаполе, во Флоренции, в Париже и в Берлине только проездом; и где бы мы ни были, везде встречали суетящихся низеньких, юрких желтолицых японцев с их женами, одетых по последней моде, снующих по платформам железных дорог целыми группами, нужно думать, исполняющих какие-нибудь серьезные задания их правительства во всех городах Европы. Для меня эти встречи были крайне тяжелы и неприятны из-за всех наших неудач на войне, и я еле сдерживал себя, чтобы не пырнуть из них кого-нибудь, так было досадно и обидно за мою несчастную родину.

Во Франции на одной из каких-то станций, когда мы вышли с женой из вагона и разговаривали, к нам подошел почтенный француз и спросил: «Вы русские? Скажу вам неприятную новость: броненосец «Петропавловск» взорван японцами, причем погибли адмирал Макаров и великие князья» [3]. После такого известия путешествовать было неприятно; остановились в Париже на короткое время и спешно выехали в Москву через Берлин.

На адмирала Макарова возлагали большие надежды не только у нас в России, но и в Европе, отмечая его большой ум, решительность характера и знание морского дела, — и эта надежда рухнула! Главнокомандующим был назначен генерал Куропаткин; его назначением были довольны, помня те славные бои, где был командующим генерал Скобелев, а Куропаткин начальником его штаба, приписывая славу Скобелева и Куропаткину.

Узнав о назначении Куропаткина на этот высокий пост, мне припомнилась его поездка в Среднюю Азию, когда он был военным министром. Мне пришлось быть в Коканде вскоре после его отъезда оттуда. Многие русские горожане в это время осуждали Куропаткина за его речь, произнесенную при приеме русских горожан Коканда, называя его бестактным и неглубоким человеком.

Куропаткин обратился с довольно резкой речью, высказывая им порицание за их недружелюбное отношение к офицерству местного гарнизона, и в заключение сказал: «Все должны помнить, что пребыванием здесь, в Коканде, обязаны исключительно военной силе, пролившейся достаточно крови по завоеванию этого края, а потому должны относиться к военным с подобающим уважением».

Обыватели Коканда поняли, что Куропаткин был поставлен местным военным начальством в известность, что между местным офицерством и горожанами создалось недружелюбное отношение: так, штатские не посещают военного собрания, где бывают танцевальные вечера, а устроили свой клуб, куда не допускают офицерство.

Куропаткин, вместо того чтобы разобраться в причинах таких недоразумений, переложил вину с больной головы на здоровую, чем еще более ухудшил отношения между военными и штатскими.

Распри же начались оттого, что некоторые невоздержанные и плохо воспитанные офицеры, будучи выпивши, обращались с семейными дамами крайне непринужденно, позволяя себе разные вольности, возмутившие мужей этих дам. Все штатское общество приняло сторону оскорбленных и перестало посещать военный клуб, а потом устроили свой, куда не допускали посещать скандалистов-офицеров.

Возмущенные речью Куропаткина горожане говорили: «Речь Куропаткина показывает, что он плохой администратор: не разобравшись в причине создавшегося озлобления, он сказал свою речь не тем, кому следует, а именно ему следовало бы пробрать военное местное начальство, распустившее подчиненных ему офицеров».

Как-то уезжая с ночным поездом в свое имение, узнал от носильщика, что с экстренным поездом сегодня выезжает на войну главнокомандующий Куропаткин. Я побежал посмотреть: не увижу ли Куропаткина.

Куропаткина не увидал; как мне передали, он был у великого князя Сергея Александровича, и, когда он оттуда может вернуться, никто не знал.

Поезд состоял из нескольких вагонов; салон-вагон был залит электричеством, но, что меня удивило, все стены вагона были увешаны разных размеров иконами в серебряных и золотых ризах, подносимые Куропаткину обществами, учреждениями и частными лицами, и все они ехали с ним на войну; мне же казалось, чтобы только перекреститься перед каждой иконой, потребовалось бы несколько часов времени.

Смотря на этот салон-вагон, мне вспоминалась поездка, описанная «Русским словом», одного генерала, кажется, по фамилии Штакельберг, он ехал с супругой, с ребенком и с двумя коровами, занимая несколько вагонов, а между тем в то время армия нуждалась сильно в паровозах и в вагонах. Уезжая к себе в имение, я думал: Суворов навряд ли бы поехал на войну с таким бесчисленным количеством образов и не взял бы семьи и коров![4]

К довершению к плохому настроению московского общества от получаемых скверных известий о войне разразился необычайной силы ужасный ураган над Москвой и Московской губернией.

Я теперь не помню, в каком месяце он произошел, либо в июне, либо в июле[5], приблизительно в 4 часа с минутами дня, когда я обыкновенно приезжал к поезду, чтобы ехать в имение; когда я выехал на площадь перед Курским вокзалом, то заметил надвигающуюся страшную черную густую тучу, каких мне раньше и после не приходилось видеть. Едва я успел вбежать на станцию, начался страшный ливень с сильным градом, размером не меньше голубиного яйца. Пробрался к вагону и затворил за собой дверь, но кондуктор, вошедший за мной следом, не мог уж закрыть дверь вагона, несмотря на помощь со стороны пассажиров: так был силен ветер! Порывы ветра раскачивали вагон из стороны в сторону, с опасностью, что [он] может быть опрокинутым; уйти же из вагона не представлялось возможным: град, как бешеный, колотил по крыше вагона, а дождь лил как из ведра. Мы довольно долго стояли на станции; ураган постепенно слабел, показалось голубое небо, и наконец поезд тронулся. Подъезжая к станции Чесменка, где шоссе идет параллельно линии железной дороги, увидали: несколько крестьянских возов лежали опрокинутыми вверх колесами, большинство телеграфных столбов покачнулись, некоторые из них сломаны, и было много вырванных из земли, отнесенных довольно далеко от своего прежнего места; на многих из уцелевших столбов висели парниковые рамы без стекол, принесенные ураганом из соседнего огорода.

В Чесменке поезд простоял довольно долго, и очень медленным ходом тронулись в путь. Не доезжая станции Люблино полверсты, поезд остановился. Публика, ехавшая с нами в вагоне до Люблино, во главе с богатым известным купцом Голофтеевым, владельцем имения при станции Люблино, выскочила из вагона и бросилась бежать к станции.

Наконец мы подъехали к Люблино; еще не подъезжая к станции, кто-то крикнул: «Смотрите: голофтеевской рощи нет!» На станции уже было

полное смятение: слышались крики, плач, несколько дам бились в истерике, на платформе станции образовались большие группы людей, слушающих рассказы о происшедших несчастиях от урагана. Один какой-то рассказывал, как он был свидетелем, как ребенок был вихрем вырван из рук матери и поднят на воздух и унесен, и много было других разных рассказов о событиях этого дня. Отъезжая от Люблино, пассажиры могли любоваться голофтеевскими дачами, закрытыми раньше деревьями парка и лесом, теперь же они выделялись на фоне голубого неба.

На станции Царицыно было такое же смятение и рассказы о несчастиях от урагана; говорили, что в селе, расположенном по Москве-реке, с балкона дома священника смерч выхватил какого-то семинариста, пришедшего в гости к сыну священника, отнесло его к колокольне и о стену разбило ему голову, а из спальни священника был выхвачен железный сундук и, как перышко, перенесен на другую сторону реки; река же в это время разделилась широкой полосой на две части, и дно реки было видно на всю ее ширину.

В Бутово приехали с большим опозданием; [был] встречен женой, пришедшей на станцию еще до начала урагана; она была в сильном волнении от тех разговоров, выслушанных ею во время урагана на станции.

В моем имении обошлось сравнительно благополучно: было вырвано с корнями и поломано несколько сотен деревьев. Перед парадным подъездом дома находилась старая красивая береза, хотя она была не на месте, но при стройке дачи я пожалел ее срубить; эту березу смерч вырвал с корнем и ствол ее скрутил жгутом. Я эту скрученную часть березы приказал вырезать на память, чтобы в будущем она могла напомнить об этом страшном урагане.

В Москве ураганом была уничтожена Анненгофская роща в Лефортово, так же как в Люблино парк и лес Голофтеева.

Многие старики говорили: «Это знамение Божие! Это перст Божий!» — усматривая в урагане показатель для дальнейших тяжелых бедствий для России, с разными дурными для нее последствиями. Уверяли, что большие народные бедствия почти всегда сопровождаются необычайными и необъяснимыми явлениями в природе. Ставили в пример библейское предание о царе Валтасаре, видевшем во время пира руку, пишущую непонятные слова: «Мене, мене, текел, упарсин» [6].

Действительно, предсказание этих кликуш оправдалось: вихорь горя прошелся по всей России, то сильно захватывая, то затихая на некото-

рое время. Поражения на войне шли одно за одним, сгущая атмосферу внутри государства. Было общее недовольство, все осуждали правительство с его бюрократическим строем.

Мне пришлось поехать в этом году на Кавказ, в Эривань и в Нахичевань, где у Московского Торгово-промышленного товарищества имелись отделения для скупки хлопка. Поехал туда в сопровождении своих помощников — Т.И. Обухова и М.Г. Ерофеева. Приехав в Тифлис, остановились в гостинице «Ореанда». Содержал эту гостиницу француз, как говорили, он раньше был метрдотелем при царском дворе. Составив себе состояние, открыл в Тифлисе гостиницу, образцово поставив ее в смысле чистоты, общего порядка и хорошего стола.

Из Тифлиса поехали по железной дороге в Эривань, оттуда на лошадях в Нахичевань, в то время еще железной дороги не было. Ехали по историческим местам: мимо горы Арарат, реки Аракс, [разделяющей] Россию с Персией, охраняемой пограничной стражей от контрабандистов, но эта профессия, кажется, там процветала. Мы были свидетели, как перебравшиеся через Аракс цыгане в довольно большом количестве прошли мимо нас в своих ярко-пестрых костюмах с очень красивыми — у молодых — лицами.

На обратном пути из Эривани, недалеко от какой-то почтовой станции, услыхали отчаянные крики о помощи; мы приказали ямщику ехать на крик и скоро увидали русского крестьянина, кричащего и плачущего. Он рассказал, что был ограблен двумя армянами, взявшими у него все деньги и инструменты, и, очень вероятно, они его убили [бы], если бы вовремя мы не подоспели. Посадили его в тарантас, он всю дорогу плакал от пережитого ужаса и потери денег.

На станции ему дали коньяку с чаем, накормили, он, немного успокоившись, рассказал историю своей жизни: он крестьянин-малоросс, по специальности бараночник, этому ремеслу обучался в Москве, потом открыл бараночную в своей деревне на Украине. Дело пошло хорошо, и через несколько лет составил маленький капитальчик, выстроил двухэтажный дом, внизу помещалась лавка и пекарня, наверху жил сам. Желая увеличить дело, взял в помощники еврея, заслужившего у него полное к себе доверие трудом и внимательностью. Еврей проработал у него несколько лет, ушел; открыл свою бараночную напротив его. У еврея пошла торговля хорошо, так как он держал на баранки цену немного дешевле его; пришлось и ему сбавить цену, но еврей еще больше

понизил; началась борьба, и он в это время спустил все свои сбережения, но не унывал, предполагая, что победит еврея, но в одну из темных осенних ночей у него загорается дом и все сгорает. Он был уверен, что поджог дома совершен евреем, но доказать этого он не мог, и бараночное дело пришлось бросить. Ему удалось изучить еще какое-то ремесло и выгодную работу получил в Нахичевани, где тоже хорошо заработал. Возвращаясь к себе в деревню на Украину, он опять был обобран вчистую. Мы ему помогли выбраться, как он говорил, из этого «проклятого гнезда».

Приехав в Эривань вечером, хорошо выспались. Утром за чаем раздался выстрел с криками и беготней. Нас успокоили: здесь все это обыкновенная история, сейчас был убит в полицейском участке один из полицейских [выстрелом] через забор, и убийца скрылся. Причем сказали, что в городе неспокойно, и рекомендовали недолго задерживаться в Эривани.

Я был счастлив, что поместился один в маленьком купе, устроил постель, разделся и улегся спать с полным комфортом. Ночью меня разбудил сильный толчок с падающими на меня вещами, уложенными в сетке вагона. Я вскочил, быстро начал одеваться, слушая крики и брань около вагона. В соседнем купе, отделяющемся от меня тонкой перегородкой с дверью, слышу разговор машиниста с помощником начальника движения. Машинист взволнованным голосом докладывал: «Случилось крушение, один паровоз упал, другой остался на рельсах, могло бы для поезда кончиться очень плохо, если бы я ехал с установленной скоростью двадцать верст в час, но из-за того, что в городе и здесь неспокойно, я решил ехать со скоростью пять верст в час, держа все время в руке тормоз и, как только почувствовал толчок, немедленно затормозил, что и спасло поезд».

Я вышел из вагона. Была темная ночь, почти у каждого вагона стояло по кондуктору с фонарями в руках, предупреждающему всех держаться ближе к вагонам, иначе легко упасть в пропасть. Я пробрался к упавшему паровозу, где шла спешная работа при освещении факелами — подсыпка земли под упавший паровоз, чтобы не дать ему возможности скатиться в пропасть.

Около машиниста собрались пассажиры, он рассказывал, что он выезжал из Нахичевани с неспокойной душой, он почти был уверен, что будет несчастье. И сейчас уверен, что это не случайный обвал зем-

ли с горы, а нарочно устроенный как раз перед проходом поезда; если бы был обвал естественный, то заметили бы сторожа, проходящие по рельсам перед проходом поезда.

Увидав, что помощник начальника движения ушел к себе в купе, я отправился тоже спать. От начавшейся беготни по вагонам проснулся; было еще рано, но светло. Вышел из вагона и обомлел от изумительной картины: на громадной высоте железнодорожное полотно огибало гору, поднимающуюся над узкой железнодорожной лентой; не больше полутора аршин от рельсов начиналось глубокое ущелье, внизу которого бурлил бешеный поток, пробиравшийся с белой пеной между большими валунами. В широких местах ущелья были видны возделанные земли; на высоких сопках ютились аулы, а люди и скот казались букашками из-за своей отдаленности. Через это ущелье на другую гору был перекинут красивый железнодорожный мост, казавшийся сделанным из тростника по легкости своей конструкции; мост от места крушения был не дальше полуверсты.

Мне ясно представилось все, что могло бы произойти с нами: сделай поезд еще аршин вперед, упавший паровоз своей тяжестью увлек бы весь состав поезда в глубокую пропасть, и от него, не говоря уже про людей, остались бы только мелкие обломки. От мысленного нервного напряжения у меня получилось замирание сердца, подумал: да, мы были очень близки к смерти!

Кондуктора предложили пассажирам брать свои вещи и идти пешком на станцию Караклис, находящуюся на другой стороне железнодорожного моста. Нагруженные вещами в руках, на плечах, плелись гуськом пассажиры, радуясь в душе, что остались живы.

На станции проголодавшиеся быстро накинулись на неприхотливые запасы железнодорожного буфета, и было все съедено и выпито вплоть до черного хлеба и кипятку, а публика все прибывала голодная, и между ними начался ропот за нераспорядительность железнодорожного начальства, и я, взволнованный всем пережитым, присоединился к ним, видя франтоватого помощника начальника движения, спокойно гуляющего по платформе станции, не подумавшего сделать распоряжение о снабжении хотя бы только хлебом из ближайшего к станции селения, и в пылу раздражения назвал его «героем двадцатого числа» (чиновники получали жалованье ежемесячно 20-го числа). Инженер исчез, но в буфете в скором времени появился хлеб и кипяток.

Пришлось просидеть на станции довольно долго, пока не пришел поезд из ближайшего депо, куда водворились все пассажиры, но заняв места, где как пришлось. Ехали тихо. Не доезжая нескольких станций до Тифлиса, к нам в каждый вагон были введены по двое солдат с ружьями и штыками, и все свободное пространство на паровозе и тендеры было занято солдатами, и, охраняемые, мы благополучно прибыли в Тифлис поздно вечером.

Поехали опять в гостиницу «Ореанда», но, к нашему удивлению, двери ее были заперты, в вестибюле была полнейшая темнота и никакой жизни в гостинице не замечалось. Утомленные, голодные, мы были поставлены в неприятное положение: что нам делать, куда ехать? Остановиться в сомнительных меблированных комнатах — получился бы не отдых, [это], скорее, усилило [бы] наше утомление и расстройство нервов от могущих быть всяких неожиданностей; решили стучать изо всех сил в дверь гостиницы; наконец на наш стук явился какой-то старик, сообщивший: гостиница закрыта из-за забастовки всех служащих, а потому мы остановиться здесь не можем. Мы его умолили позвать хозяина. Француз-хозяин узнал нас и согласился после длительных уговоров дать помещение, но с условием: жить без электричества, все услуги по обслуживанию нас должны производить сами, завтракать и обедать в других местах. Мы на все согласились и были водворены в лучшие комнаты гостиницы.

Отдохнули в ней превосходно: старик, оказавшийся штрейкбрехером, был очень услужлив, чистил наше платье, сапоги, ставил самовар и вообще исполнял все наши поручения. На другой день утром хозяин сказал нам: «Если хотите, я буду готовить вам завтрак и обед, но только то, что я буду приготовлять себе и своей семье». Мы на это с радостью согласились, и, должен сказать, француз оказался замечательным поваром, он готовил замечательно хорошо и вкусно, что лучшего ожидать было нельзя.

Через два дня к нему явился один из его поваров, и тогда хозяин показал свое искусство во всем блеске, пригласив на обед своих друзей и знакомых, приготовил такие кушанья, которых я раньше никогда не ел. Когда же мы покидали гостиницу, то забастовка была окончена и вся старая прислуга была на своих местах.

ГЛАВА 86

1905 год оказался гораздо хуже предыдущего, разве только повеселила и порадовала чрезвычайно ранняя весна с теплой, хорошей погодой. Урожай фруктов был необыкновенный. В моем имении был молодой фруктовый сад, еще ни разу не приносивший плодов; в этом году все деревья были усыпаны цветами. Поскольку я боялся обессиления молодых деревьев, были сняты с деревьев по крайней мере три четверти завязей фруктов, но, несмотря на все это, урожай получился неимоверный, а так как для плодов не было приготовлено место для сбережения, то пришлось несколько комнат в доме употребить для склада их. Многие яблоки получились наливные, с возможностью видеть зерна. 9 мая, в день моих именин, уже обыкновенная сирень отцвела, а в полном цвету была поздняя — шпет, новый сорт, выписанный из Германии; тоже цвели пионы, что для них по времени было весьма рано. Огурцы из парников собирали ведрами, а не десятками, как это бывало в предыдущих годах.

Но в середине мая все русское общество было потрясено разгромом нашей армады под командой Рожественского[1]. Это несчастие не могли спокойно перенести даже такие лица, которые стояли, как казалось, на очень низкой ступени развития. У меня в имении из года в год работала артель землекопов, состоящая почти вся из одних родственников, между ними был сильный мужик Лазарь. Раньше он работал в каменноугольных шахтах, зарабатывая очень большие деньги, но все их проигрывал и пропивал, ничего не высылая своей семье в деревню. Его родственники решили больше не посылать туда, а брать с собой ко мне на работу, надеясь, что он под их надзором не будет зря тратить деньги. Я помню, в воскресенье утром я шел купаться и проходил по дороге, ремонтируемой Лазарем. Вид Лазаря меня удивил: у этого добродушного человека были возбужденные, злые глаза, лицо, покрытое бледностью; я остановился и спросил его: «Что с тобой? Кто тебя обидел?» Он, ударив молотком камень, отвечал: «Бают, что весь наш флот уничтожен». — «Где это ты мог слышать?» — «Ходил утром в Подольск

купить себе кое-что, там в лавке говорили». Вернувшись в дом, я из газет увидал, что сообщение Лазаря верно.

Не буду описывать настроение купечества после разгрома нашего флота, но сразу сделалось заметным, что даже те из купцов, которые боялись раньше слышать о каких-либо желательных реформах в правительстве в очень ограниченных размерах, теперь внимательно прислушивались к словам «болтунов», как они прежде называли либералов, с сочувствием покачивали им головами. Во всех кругах общества назрела потребность к большему свету, воздуху и простору в обновлении старого порядка жизни.

Н.А. Найденов, чуткий к общественному настроению, сразу почувствовал, что он потерял значительную часть своего обаяния среди купеческого общества, и начал говорить: «Откажусь от председательства в Биржевом комитете, я стар, пусть работает молодежь!»

Должен сказать, что это его желание высказывалось им много раз и раньше, но окружение уважением и почетом со стороны купцов заставляло его переменить это намерение, и он оставался опять на своем посту. Но в данное время для меня было ясным, что он не изменит своего намерения, и придется выбирать нового председателя Биржевого комитета. Невольно задавал себе вопрос: кто бы мог занять это положение в это напряженное время с возможностью объединить общество, уже стремящееся к реформам? Купеческое общество остановилось на двух известных московских купцах: Григории Александровиче Крестовникове и на Павле Павловиче Рябушинском.

Г.А. Крестовников по своим умеренным взглядам весьма подходил к Н.А. Найденову, а П.П. Рябушинский [был] более либерального образа мыслей. Первого поддерживал Н.А. Найденов, еще сохранивший свое влияние среди купечества, а П.П. Рябушинского — немногочисленная группа «прогрессистов»; понятно, прошел в председатели Г.А. Крестовников.

По моему мнению, как Г.А. Крестовников, так и П.П. Рябушинский не подходили к существующему в то время общественному настроению: Крестовников, как многие его за глаза называли «костяной яичницей» [2], не отличался даром слова: когда ему приходилось говорить в собраниях, то одну и ту же мысль повторял неоднократно, как бы боясь, что она так глубока и сложна для слушателей, что нужно вдалбли-

вать в головы их, и его речи были нудны и скучны. П.П. Рябушинский хотя был либеральных взглядов, но по душе был жесткий, мало чуткий, и о нем сложилось понятие как о человеке, старающемся извлечь отовсюду выгоды только ради своих интересов, предполагая его способным материально погубить каждого, мешавшего ему на деловой дороге. При выходе с Биржи мне неоднократно приходилось слышать остроты купечества на Банк Рябушинских (находящийся на Биржевой площади в многоэтажном доме, на фронтоне которого были изображены два медальона, связанные между собой канатом), говоривших: «Смотрите! Прочную веревочку приготовил Банк Рябушинских для своих клиентов, не придется ею им запасаться!» Этим намекая, что не миновать клиентам Банка Рябушинских в будущем надеть петлю от успеха работы с их банком.

Я пересмотрел в моей памяти всех выдающихся купцов того времени, чтобы составить себе понятие: какой бы из них, по-моему, был бы более всего желателен на эту должность, и остановился на единственном — Сергее Ивановиче Четверикове (о котором я кое-что написал в главе 45-й своих воспоминаний). С.И. Четвериков — владелец Городищенской суконной фабрики и, кроме того, стоящий во главе очень крупного и солидного дела «В. Алексеева сыновья»; он обладал внушительной фигурой, ясной и красиво излагаемой речью, имел за собой хорошую и добрую славу, был либерал и всем этим мог иметь влияние на новое поколение купцов, хотя бы в пределах общего сословного интереса.

Во время начавшихся осенью революционных эксцессов мне пришлось быть в С.-Петербурге, и, пользуясь своим пребыванием там, мне захотелось побывать у известного журналиста, издателя и редактора самой распространенной газеты «Новое время». Попал к Суворину через одну его сотрудницу, госпожу Смирнову, учившуюся вместе с сестрой моей жены. Со Смирновой я поехал к Суворину в 2 часа ночи, и были приняты в его кабинете, обставленном с большим вкусом. Суворин сидел за письменным столом с грудами писем и газет, прочитанные им бросались на пол с его пометками, потом тщательно собирались его секретарем для дальнейшего направления.

Письменный стол стоял впереди комнаты, но сравнительно далеко от окон. Перед столом висел на стене портрет красивой дамы, писанный, как можно предположить, известным художником; потом узнал:

эта красавица была его второй женой[3]. После этого моего первого посещения мне пришлось у него побывать еще несколько раз. В одно из этих посещений разговаривал с ним о разных волнующих [меня] в то время предметах. Суворин между прочим обратился ко мне с вопросом: имеется ли на виду в Москве кто-нибудь из купечества, могущий стать во главе и объединить его? Я ему ответил, что, по моему мнению, мог бы быть таковым С.И. Четвериков.

Алексей Сергеевич очень заинтересовался Четвериковым, много расспрашивал о нем, потом взял из своего ящика письменного стола записную книжечку, куда записал все, что я ему говорил, и потом обратился ко мне с просьбой: «Пожалуйста, повидайте Четверикова и передайте ему от моего имени просьбу побывать у меня при случае, когда ему придется быть в Петербурге, мне бы очень хотелось с ним поговорить об общих русских интересах».

По приезде в Москву я немедленно переговорил с Четвериковым, встретив его на Бирже. Он выслушал меня и ответил: «Чтобы я поехал к этому мерзавцу! Нет, уж этого никогда не будет! Я ему и руки не протяну!»

Вспоминая этот случай, я хотел показать, как либералы того времени всякого, не исповедующего их кредо, не стеснялись называть либо дураком, либо мерзавцем.

Четвериков, называя так неосмотрительно Суворина, несомненно, руководствовался теми слухами о нем, которые распускались врагами Суворина, завидующими большому успеху талантливого журналиста, достигшего громадного влияния и успехов в своем жизненном пути.

Особенно было неприятно слышать такие резкие слова от С.И. Четверикова, имеющего дела со многими лицами, отличающимися малой нравственной чистоплотностью, как могу указать на большого купца Николая Александровича Второва, имеющего громадную оптовую торговлю почти во всех городах Сибири, закупающего на много миллионов в год разных товаров для своих этих отделений.

Всем купцам в Москве было известно, что покойный отец Николая Александровича Второва Александр Федорович, как говорили, при участии и сочувствии своего сына, с которым временно как бы поссорившись, обделали грязное дельце, «перевернули свою шубу» и всем кредиторам скинули 30% со своего более [чем] трехмиллионного долга, таким

образом положив в свой большой карман без больших трудов миллиончик чистоганом. Н.А. Второв после смерти отца получил наследство 13 миллионов рублей, а его брат Александр от первого брака [отца] — миллион рублей.

Н.А. Второв и не подумал расквитаться с обманутыми его отцом кредиторами, но, обладая большими коммерческими талантами, после смерти отца развернул колесо своего дела еще больше. Учел благоприятное время: он был одним из первых устроителей трестов из нескольких крупных предприятий. Для этого треста объединенной торговли выстроил громадный дом на Варварской площади под наименованием «Деловой двор»[4].

Я не сомневаюсь, что С.И. Четвериков считал за особое удовольствие принимать у себя в доме Н.А. Второва и его отца и пожимать им крепко руки, чтобы они только побольше у него купили товару*.

А.С. Суворин оставил на меня очень приятное впечатление, он, несомненно, любил Россию и русских и жалел их от тех неурядиц, происходящих в то время, и старался всеми силами и способами устранить их в пределах его возможностей. Все его разговоры не нахожу возможным передавать в данное время.

Алексей Сергеевич показал мне всю свою редакцию и типографию. В редакции были для всех ответственных работников хорошие большие кабинеты, хорошо обставленные; была зала с хорошей роялью, где его сотрудники могли развлекаться, петь и танцевать; был буфет. Со многими своими сотрудниками он меня познакомил, приходя в их кабинеты для прочтения передовых статей, назначенных на другой день появиться в газете. В типографии он подходил к рабочим запросто, с ними здоровался, смеялся и шутил; как заметно, они к нему относились с доброжелательством и с расположением; метранпажа Алексей Сергеевич особенно ценил, долго с ним разговаривал.

Осенью началась революция. Нужно было случиться так, что моя улица, где стоял мой дом, была одна из первых, где произошло убийство городового с целью, как потом узналось, терроризировать полицию и горожан. Как раз в этот день утром мною получено было известие от

*Н.А. Второв был убит в 1916 или 1917 году молодым человеком в своем кабинете в доме «Делового двора» из-за отказа дать ему 50 тысяч рублей на его образование; ходили слухи, что убийца был его незаконнорожденный сын[5].

фабриканта мебели Шмита, уведомление, что заказанная мною мебель год тому назад готова и будет доставлена мне утром следующего дня, с просьбой очистить эти комнаты от имеющейся в них мебели. Вечером этого дня, проходя по гостиной, очищенной совершенно от мебели и других вещей, а потому получавшей особенно сильный резонанс, услыхал выстрел, как будто бы происшедший в этой комнате. Мне сейчас же сообщили, что убит городовой кем-то, успевшим скрыться. Убийство городовых продолжалось и в других частях города, и по распоряжению начальства они были сняты со своих постов, и улицы остались без охраны, с увеличением грабежей и других уголовных преступлений. По улицам города разъезжали патрули из кавалерийских солдат, требующих от едущих на извозчиках поднятия рук.

Жизнь изо дня в день делалась все хуже и неспокойнее. Оптовая торговля хотя шла как будто бы своим порядком, но амбары закрывались рано, чтобы дать возможность служащим, живущим на окраинах, добраться домой засветло.

Однажды, когда я ложился спать, раздались орудийные выстрелы, как мне казалось, недалеко от моего дома. Выстрелы продолжались довольно долго, сильно всех нервируя. На другой день узнали: бомбардировали какое-то частное реальное училище в Лобковском переулке, близ Чистых прудов, занятое революционерами, не пожелавшими сдаться и выйти из училища[6].

Какое же мое было удивление, когда потом пришлось узнать, что среди этих революционеров был мой пятнадцатилетний сын, по развитию еще совершенный мальчик[7]. Он жил со своей матерью, вышедшей замуж за присяжного поверенного по бракоразводным делам, крещенного еврея[8]. Мальчик не имел никакого присмотра, сошелся с весьма сомнительными людьми, с которыми начинял бомбы взрывчатыми веществами, и с ними очутился в Лобковском переулке и только по счастливой случайности не был арестован. Когда училище начала обстреливать артиллерия, то он и другие его сверстники-товарищи перепугались, и эти «герои» взобрались на крышу дома, а с нее перебрались на крышу соседнего дома, откуда попали на чердак и по черной лестнице спустились во двор и благополучно разбежались по домам.

Вскоре после этого началась бомбардировка фабрики Шмита, уничтоженной и сожженной артиллерийским огнем, с громадными запаса-

ми сухого и дорогого лесного материала; в то же время сгорела и моя мебель, не вывезенная ко мне из-за начавшейся забастовки рабочих фабрики[9].

В одно из воскресений я решился пойти к В.А. Хлудову, жившему на Черногрязской-Садовой, близ Земляного вала, чтобы узнать о положении дел в Москве, как к самому близкому моему соседу, так как газеты в это время не выходили.

В это время громадная толпа революционеров, собравшаяся на Каланчевской площади, добивалась пробиться к Красным воротам, но редкая цепь солдат обстреливала и не допускала ее. Подходя к хлудовскому тупичку, где находился дом Хлудова, я отчетливо услыхал визг пуль, впивавшихся в деревянную перегородку палисадника, почти рядом со мной, но я прошел благополучно в тупичок, где узнал, что только что была убита какая-то женщина, вышедшая из ворот дома. Посидев у В.А. Хлудова часа два, я решился отправиться домой, тем более что в это время стрельба уменьшилась, слышались только редкие выстрелы. Проходя мимо дома Трындина, стоящего на площади Земляного вала (снесенного в октябре 1936 г.), я заметил собравшуюся большую толпу народа, смотрящую на борьбу революционеров и войска; в это время раздался выстрел, и [я] увидал падающего мужчину, находящегося в числе зевак. Толпа быстро ринулась в разные стороны, увлекая меня с собой. На площади Земляного вала близ Басманной толпа остановилась, и один из бежавших со мной рассказал мне, что убит был какой-то гражданин, осуждавший революционеров, каким-то рабочим, стоявшим с ним почти рядом. Публику это убийство так ошеломило, что все бросились бежать. И стрелявший успел скрыться.

На другой день в Москве сделалось гораздо спокойнее; говорили: революция сорвана, и дальнейших крупных осложнений ждать нельзя. Я решился после занятий, кончавшихся в то время гораздо раньше, осмотреть места вчерашних сражений. На Красной площади был подбит столб, на котором помещались телеграфные или телефонные провода, много было побитых зеркальных окон в магазинах и в рамах жилых помещений, тоже почти у всех фонарных столбов стекла, многие из столбов были поломаны, почти на всех домах была отбита штукатурка. Вид улиц был печальный и неприятный, пешеходов и проезжих было очень мало, как

будто в городе жизнь замерла; от всего этого у меня осталось впечатление весьма тяжелое. Пересекая площадь Красных ворот, увидал стоящего полицейского и по тротуару идущего рабочего, нужно думать, выпившего, сильно ругающего городового и грозящего ему кулаками, вдруг раздался выстрел — и ругающийся рабочий упал на землю мертвый, но откуда последовал выстрел, я так разобрать не мог, но только не от городового, которого рабочий ругал. Я отправился в Яузский полицейский дом, находящийся невдалеке от Красных ворот, о чем рассказал дежурившему полицейскому с просьбой взять убитого рабочего, с надеждой, что он, быть может, еще жив. Получил ответ: «Не беспокойтесь. Будет убран, на улице не останется».

Через несколько дней после этого отправился на Казанскую улицу в Сущеве, где жил наш крупный служащий Т.И. Обухов, уже с неделю не приходивший в Товарищество на работу. Ходили слухи, что около дома его жены были устроены баррикады и где происходила серьезная борьба.

На баррикаде я встретил какого-то студента, разрешившего мне пройти к дому Обуховой. Т.И. Обухов и вся его семья сидели, запершись в своей квартире, жалуясь, что в течение нескольких суток голодали, так как им не давали разрешения на выход на улицу, и питались остатками муки, круп, ежеминутно волнуясь, что их деревянный дом сгорит.

Еще до начала революционных выступлений мне пришлось вести переговоры с Н.А. Найденовым о покупке Ярцевской мануфактуры. Мне пришлось услыхать, что хозяйка этой мануфактуры Вера Александровна Хлудова тяготится ею от невозможности приискать дельного подходящего человека, а потому это предприятие можно было бы купить за дешевую цену. Бывшие руководители этой фабрики успели значительно расшатать это хорошее дело, и оно в данное время требовало большого внимания и ухода.

Н.А. Найденов присоединился к моему желанию и добавил, что у него имеется лицо, хорошо знакомое с В.А. Хлудовой, он с ним переговорит и через него постарается выяснить все условия и, кроме того, сказал: «Был Сергей Сергеевич Корзинкин с предложением приобрести у него паев Товарищества Большой Ярославской мануфактуры на сумму два миллиона рублей, так отчего же нам и их не купить, если вы согла-

ситесь войти в правление?» Начавшиеся революционные эксцессы оттянули переговоры, к тому же мне пришлось часто отлучаться из Москвы, и в конце ноября, вернувшись из Петербурга, был встречен приехавшим за мной кучером, сказавшим мне: «Вам приказал долго жить Николай Александрович Найденов».

ЖУТКИЕ ГОДЫ

Сердце мое трепещет во мне, и
смертные ужасы напали на меня.
Страх и трепет нашел на меня,
и ужас объял меня.

Псалтырь. 54, 5—6

ГЛАВА 1

Прошло больше двадцати лет с момента начала революции, и только после этого срока начинают вырисовываться в голове пережитые страхи и трепеты, и то сравнительно в мелких случаях из общего характера событий.

С каждым днем действия революции усиливались, нагоняя все более и более страх и трепет, с угнетением души и сердца. Были моменты, когда от неожиданного шума вскакивал, объятый сильным биением сердца, с атрофированной волей и телом: желаешь бежать, что-то сделать, но сдвинуться с места не можешь; вот эти-то минуты переживания так ярко выражены в песне псалма, указанного мною в эпиграфе: состояние души человека от переживания неожиданных приступов смертельного ужаса.

Для мирных горожан, привыкших к спокойной жизни, без больших волнений и страхов, было достаточно таких действий, совершаемых вокруг, выходящих из обыденности: непрерывающиеся выстрелы из пулеметов и ружей, особенно это чувствовалось в продолжение ночи; топот лошадей, скачущих галопом по улицам, заставлявший вскакивать с кровати и быстро бежать к окну, чтобы удостовериться: не у наших ли ворот они остановятся; снующие легковые автомобили, наполненные матросами, вооруженными с ног до зубов всяким оружием, вплоть до бомб, прицепленных к их поясам, производящими аресты опасных для революции лиц; шествие толп арестованных горожан, окруженных сомкнутой цепью солдат и рабочих с ружьями наперевес и револьверами в руках; грузовые автомобили, наполненные ребятами с двенадцатилетнего возраста и выше, с ружьями, направленными на проходящих, с позами довольно курьезными, взятыми из старинных французских гравюр времен революции 1793 года; вооруженные солдаты в серых шинелях и

папахах, бродящие по глухим улицам и переулкам, врывавшиеся в квартиры как бы для ареста спрятавшихся офицеров и розыска скрытых продуктов питания, а кончившие обиранием драгоценностей и еще тому подобными разными действиями.

Я же в своих записках хотел бы описать только некоторые эпизоды, лично меня касающиеся, пропуская все остальное, хотя, быть может, и более интересное, относящееся к общей жизни обывателей.

В Варварин день — 4 декабря — я из года в год посещал именинницу, родственницу моей жены, уважаемую мною за интеллигентность, доброту и отзывчивость, и в этот год счел долгом поздравить ее. Поехал к ней по окончании денной работы в конторе. Пробыл у нее недолго. Шел тихо по Курской-Садовой, глубоко задумавшись. Был выведен из задумчивости надрывающимся плачем, исходившим от легкового извозчика, едущего мне навстречу. Извозчик оказался мальчиком, сидящим в санях, уткнувшись лицом в козлы, лошадь шла шажком, неуправляемая. Невольно все встречные останавливались: так плач этого мальчика бил по чувствам; невольно рисовалось в голове, что с этим несчастным случилось какое-то непоправимое и безысходное горе.

Меня этот плач сильно взволновал, я поспешил взять первого попавшегося извозчика и так погрузился в раздумье, что не обращал никакого внимания ни на что, и только тогда очнулся, когда услышал над ухом раздавшийся голос: «Руки вверх!» Оказалось, около меня с двух сторон стояли молодые люди, держащие у моих висков револьверы; у извозчика было то же самое, а лошадь держали под узду еще несколько; осталось у меня в памяти: у извозчика с одной стороны был гимназист, а с другой — молодой человек в студенческой фуражке. Сказавший мне «Руки вверх!» продолжал: «Вы контрреволюционер, отдайте оружие, покажите все, что у вас имеется в карманах». Не ожидая от меня ответа, распахнули мою шубу, и быстро были осмотрены все мои карманы; вынули бумажник и из брючного кармана кошелек. Я в это время успел окончательно прийти в себя. Увидал, что нахожусь на Гороховской улице, уже проехал железнодорожный мост и бывший механический завод Вейхельта. Место очень глухое и по тому времени весьма опасное, благодаря малонаселенности, близости газового завода и тупичка, выходящего на полотно Курской железной дороги. Для меня сделалось ясным, что окружен простыми бандитами. Откровенно сказать, мне не было жаль денег и даже векселей в сумме 60 тысяч рублей, бывших в моем бумаж-

ике, только в этот день полученных от одной фирмы за выданные ей еньги. Векселя были без моего бланка, и их можно было восстановить новь, но мне было очень жаль записную книжку, в которую записываись за много лет результаты моей денежной деятельности в условных ифрах и фразах, не доступных понятию других. Я попросил бандита ернуть мне эту книжку, как не имеющую никакой ценности. Он сдеал вид, что идет к свету уличного фонаря как бы осмотреть ее, но скрылся в тупик; все остальные товарищи ринулись за ним; один из последних просил меня: «Сколько у вас было денег?» — нужно думать, для контоля своего атамана при дележе.

Извозчик, обрадованный, что нас освободили, прихлестнул лошадь , отъехавши на порядочное расстояние, снял шапку и начал креститья, говоря: «Я решил: живыми нас не отпустят».

Встретившие меня домашние были поражены моим видом, как гоорили: на мне лица нет. Но меня порадовало, что часы, которые, я умал, взяты тоже грабителями, висели на часовой цепочке; нужно дуать, во время грабежа выпали из кармана, не замеченные грабителяи. На другой день поставил в известность милицию о моем ограблении опубликовал в газете, что векселя, мною потерянные, прошу считать едействительными, и этим все формальности были исполнены.

Приблизительно недели через две получил повестку от участкового ледователя явиться к нему. Тогда все участковые следователи были сосредоточены в одном месте, в каком-то из домов на Петровке. Следователь оказался очень почтенный человек и сообщил мне, что векселя мои найдены и грабители арестованы. Причем сообщил мне: если ожелаю удостовериться, что это те самые грабители, то он даст мне ропуск в тюрьму, где я могу их осмотреть, но, нагнувшись ко мне, тио сказал: «Советовал бы вам отказаться от осмотра их, чтобы в дальейшем избежать могущей быть с их стороны мести». От следователя я знал, что векселя и послужили причиной их ареста при пожелании их быть кому-то.

Ближайшие дни после победы революции справлялись: стены Кремля были увешаны красными материями, ниспадавшими со стен большии широкими полотнищами. Проходя по Красной площади в час дня в остиницу «Националь», где ежедневно завтракал со своими товарищаи по работе, остановились изумленные при необычном явлении: при ихой, ясной солнечной погоде полотно, висевшее около Никольских

кремлевских ворот, над которыми был помещен очень почитаемый образ св. Николая-угодника, рвалось на клочья и падало на землю. Мы остановились около собравшейся толпы, любуясь на это интересное зрелище; из толпы раздавались возгласы: «Это знамение — быть беде!»

Кстати сказать, у этих ворот происходил один из сильных боев. Со стороны Никольской улицы и Иверского проезда пули сыпались градом, причиняя большое разрушение стенам. При ремонте этих ворот было обращено внимание, что в икону св. Николая Чудотворца попала лишь одна пуля в низ правой ноги, но, что всего было удивительнее: пули ударялись почти сплошным кольцом по окружности круга, обыкновенно изображаемого у святых вокруг головы, не задев этого сияния. Икону сфотографировали, и одна из копий фотографии имеется у меня[1].

Встреча Нового, 1918 года, несмотря на тяжелые переживания, справлялась у меня дома, с небольшим числом моих знакомых, живших недалеко от меня. Эта встреча Нового года по изобилию и, пожалуй, роскоши была последней в моей жизни. Сидели за столом, обставленным разными вкусными кушаньями, закусками и заграничными винами вплоть до шампанского «Вдова Клико»[2]. Чокались с пожеланием нового счастья, но, как оказалось потом, все делалось хуже, и несчастье следовало всюду за нами, крещендо увеличиваясь.

1918 год проходил еще в достаточном количестве продовольствия, но с ежедневным поднятием цен на него. Отсутствия продовольствия и повышения цен я еще серьезно не чувствовал, так как мое именьице снабжало молочными продуктами, яйцами, птицей, окороками ветчины и соленым мясом; крупа, мука, сахар, кофе, чай, мыло менялись на мануфактуру, производимую фабрикой, где я работал. Хотя доставка продуктов в дом была весьма затруднительна, но при ловкости и изворотливости спекулянтов, умеющих какими-то способами получать незаконные мандаты, доставлялись поздним вечером в чемоданах на автомобиле. Дом, где я жил, был старинный, имел под полами и стенами скрытые помещения, незаметные для посторонних, но куда можно было поместить большое количество разных предметов, и это давало возможность думать, что при обысках их не найдут, а потому и не реквизируют.

Взбаламученная революцией народная серая масса людей потеряла все устои нравственности; у разнузданных, темных людей начали образовываться самые дурные страсти, выражающиеся в своеволии, в грабежах,

предательствах, изменах, вплоть до убийств; причем все страсти усиливались и расширялись по периферии государства, проникая в самые глухие места, и выходки бандитов начали выходить из пределов всякого терпения. Дома с многочисленными жильцами образовывали охрану из лиц, живущих в доме. Парадные двери в большинстве домов были заколочены, и вход разрешался только с черных ходов; у ворот, всегда запертых, были дежурные лица, пропускающие только своих, а неизвестных со строгим опросом.

Ко мне в дом врывались два раза солдаты с ружьями, в то время когда меня не было дома; первый раз днем, как будто бы для розыска скрывающихся офицеров, а во второй раз — поздним вечером требовали хозяина дома, то есть меня. Я был осведомлен по телефону об этом налете, с предупреждением, чтобы я не приходил в дом; солдаты скоро ушли, но предупредили, что они опять сегодня же зайдут, и я просидел в гостях до 2 часов ночи и, вернувшись домой, не мог спать: малейший шум у ворот дома или звонок к дворнику заставляли меня бежать к окну, чтобы посмотреть: не за мной ли пришли? Мне же из дома скрыться было легко, через сад и ворота другого дома, выходящего на другую улицу.

Правительство должно было прибегнуть к крутым мерам и расстреливало бандитов пачками и даже, как рассказывали, без суда; одному из наших служащих (Алфимову), живущему в каком-то из переулков Бронной улицы, недалеко от полицейской части, пришлось увидать трех солдат, ведущих одного бандита. Подойдя к воротам полицейской части, идущий сзади бандита солдат немного отстал, прицелился из ружья в затылок бандита и наповал его убил; выбежавшим из части милицейским сказал: «Хотел бежать, я его пристрелил». Милицейские подобрали убитого и отнесли во двор части. И таковые меры против бандитов употреблялись довольно часто, как говорили и подтверждали другие.

Каждый день приносил какие-нибудь неожиданности и неприятные новости. Ложась спать, говорили: «Слава Богу! День прошел, что ожидает нас ночью?» Вставая утром, тоже говорили: «Что день грядущий нам готовит?» Передавать все эти происшествия невозможно, по изобилию и разнообразию их; да и теперь они не интересны, так как прошедшие два десятка лет значительно понизили их инсивность, но в то время сердце от них сильно трепетало и душа наполнялась страхом и ужасом.

Кругом все бурлило, шумело, митинговало; темная, серая масса людей ждала какой-то новой, особой жизни; понятно, все это строилось

за счет лиц, имеющих состояние; нередко приходилось слышать: «Довольно попили нашей кровушки, теперь мы будем наслаждаться!» Крестьяне ожидали с нетерпением раздела помещичьих земель, лесов, усадеб; рабочие желали быть хозяевами заводов, фабрик, уже распределяли между собой должности, мечтая занять более оплачиваемые, с возможностью кроме жалованья извлекать от них кое-что в свою пользу; немилосердно критиковали работу правления, инженеров, мастеров и вообще всех лиц, стоящих выше их по служебному положению. Служащие еще вели себя довольно скромно, но, несомненно, мечтали засесть на места хозяев, с дележом прибыли от предприятий между собой. Мне как-то пришлось зайти в парикмахерскую на Никольской улице, где помещались ресторан и гостиница «Славянский базар». Швейцар, не стесняясь посторонней публики, излагал парикмахерам в страстной речи всю несправедливость к трудящимся. Он говорил: «Ты работай целый день, заработаешь какие-то гроши, а вот я швейцаром в «Славянском базаре» уже много лет, вижу много купечества; сюда ходят, придут, засядут за стол, пьют, едят до отвалу, а в это время их приказчики торгуют, собирают денежки и, вернувшимся сытым хозяевам вручают в руки: пожалуйте, наторговали мы вам; хозяева положат в карманы да на лошадку к дому, где пообедают, а вечером либо на бал, или в театр, а оттуда опять в ресторан ужинать. Это и мы можем так работать; так почему же теперь им на нас не поработать?» Я заметил, что речь швейцара пришлась по душе парикмахерам, они с удовольствием его слушали и ему не возражали.

В правлении, где мне пришлось стоять во главе, особых эксцессов со служащими не было, хотя большинство из них были молодые люди, но все-таки нашлись трое пропагандирующих и возбуждающих остальных, но успеха не имели. Случайно мне пришлось встретить их через 7—8 лет; было видно по всему, что эта встреча была для них приятна: они высказывали все, что им пришлось пережить за эти годы, и с особым чувством вспоминали время своей работы в Товариществе. Были очень сконфужены, когда я им заметил и напомнил, что они в то время держались другого мнения — с ожиданием «земного рая».

Освободительное движение увлекло и домашнюю прислугу, что выражалось в небрежном отношении к делу, отлучке из дома в неурочное время, слежке за господами и подслушивании их разговоров, грубости, дерзости и доносах, а главное — растаскивании хозяйского имущества. Хозяева смотрели на все эти проделки прислуги сквозь пальцы, приме-

няя библейскую истину: «Во время народных волнений будь кроток, как голубь, и мудр, как змея»[3]. У меня прислуга была вся сравнительно хорошая и доброжелательная, и то кто-то из них донес о наших складах провизии. Однажды днем явился агент ЧК с двумя рабочими, и приступили к обыску квартиры. Осмотрев ее довольно быстро, наконец подошли к тому месту, где была секретная дверка на чердак с хранящимися там продуктами; агент тщательно осмотрел всю стену при помощи электрического карманного фонаря. Нужно сказать, что секретная дверка находилась на высоте роста человека, завешанная картиной; агенту не пришло в голову, что эта маленькая картина могла бы закрывать дверку хода, куда мог проникнуть разве только мальчик 8—10-летнего возраста. Из этого осмотра агентом ЧК я и заключил, что был донос, так как он в других местах квартиры осматривал небрежно, а здесь, по его распоряжению, даже пришлось отодвигать шкаф, стоящий в углу этого коридора. Нужно представить себе состояние моего духа в это время: открытие дверки дало бы право реквизировать все продукты, запасенные на год, с возможностью и моего ареста за укрывательство его, и, может быть, чего и похуже.

Можно было в то время часто видеть на улицах телеги или легковых извозчиков, нагруженных мешками, кульками разных размеров, начиная от шести пудов до нескольких фунтов, реквизированных у запасливых обывателей, эскортируемых вооруженной охраной.

Вскоре началось национализирование недвижимости в Москве. С лишением доходов пришлось испытать разные неприятности от съемщиков, в виде мелких уколов самолюбия: бывшие квартиранты, жившие и имеющие в моих домах торговые помещения по многу лет, сразу переменили свои отношения к собственникам: при встрече не кланялись, делали вид, что не узнают, как бывало раньше, задолго до встречи спешившие снять шапку и с полным уважением трясти поданную им руку; не предполагая, что их участь в недалеком будущем будет не лучше моей. Таковые отношения могли произойти только оттого, что они считали себя уже коллективными собственниками имущества, с правом никому не платить за аренду помещений. Все эти и другие мелкие уколы самолюбия, понятно, не наносили серьезных сердечных ран, но благодаря непривычке к ним напоминали проведенную летнюю ночь в крестьянской избе — так называемых современных дачах — [в беспокойстве] от укусов клопов, от которых приходилось избавляться уходом на свежий воздух или сеновал.

С местом своих занятий приходилось сообщаться при помощи пешего хождения, так как ехать на трамвае из-за переполнения [было трудно], а на своей лошади или автомобиле представлялось невозможным из-за высаживания собственников чернью и даже избиения их. Идя домой с занятий, очень часто приходилось догонять своих знакомых, живущих на одной улице со мной; понятно, начинались разговоры о происходящих событиях; и почти всегда видели около нас теснившихся подозрительных субъектов, прислушивающихся к нашим разговорам; среди них бывали и мальчики. Так, однажды мальчик, на которого мы не обращали ни малейшего внимания, подслушавши весь наш разговор о положении религии и церквей, не вытерпел: пробежал шагов на десять вперед нас и закричал: «Эх, вы! В Бога верите, а его нет!» Пустился бежать опрометью, лишь сверкая своими пятками, нужно думать, боясь за свои уши. В другой раз, идя в церковь, перегнал рабочего, идущего с мальчиком. Раскрасневшийся и взволнованный рабочий обратился ко мне со словами: «Господин, посмотрите! Этот бздун, которого от земли почти не видать, убеждает меня, что Бога нет, а верят в него только дураки!»

Когда выпал снег, приехавшая из имения моя экономка, Наталья Павловна Обухова, начала убеждать меня приезжать в имение, уверяя, что мне не угрожают никакие опасности, так как крестьяне относятся ко мне очень благожелательно. Подозрительные элементы местных крестьян, освобожденные из мест ссылок и тюрем, наехавшие в деревню осенью, перебрались в Москву, где надеются составить себе хорошую карьеру, а потому вокруг имения тишина и порядок, и я могу в нем спокойно отдыхать, находясь в отдаленности от всего, что делается в Москве. И я начал ездить туда, как и раньше всегда делал, накануне праздников в два часа дня выезжал из Москвы, оставался ночевать, а вечером следующего дня уезжал обратно.

Проведенное время в имении меня сильно укрепляло: хороший чистый воздух, тишина, гулянье на лыжах по лесу, никаких встреч с посторонними людьми, оранжереи, наполненные разными цветами, как-то: цинерариями, душистыми фиалками, примулами, крокусами, сиренями, ландышами, — действовали на меня превосходно, хотя чувствовалась в имении большая разруха: рабочих осталось мало, военнопленные австрийцы еще осенью убежали. Пришлось продать часть лошадей, коров, сократить овец и свиней, но это отчасти шло на пользу моим нервам, не приходилось волноваться, а пользоваться только природой, беря все, что

она дает. Возвращался в Москву совершенно обновленным человеком. Так продолжалось, как мне помнится, до середины марта.

В воскресенье Наталья Павловна накормила меня блинами с густой сметаной, в которую входила ложка и так стояла. После блинов я гулял, вернулся домой к чаю, как в это время вбежала ко мне вся бледная и взволнованная Наталья Павловна и мне на ухо сообщила: «Пришли крестьяне с каким-то предводителем и требуют передачи имения и всего, что в нем имеется, причем желают принять все либо от меня, либо от садовника, а не от вас лично». Вспоминаю, что от такого известия я вскочил со стула, с трепетным от ужаса сердцем, как бы парализированный; предполагаю, что такое состояние бывает с людьми от неожиданного для них, нахлынувшего большого горя или неожиданной близкой смерти. Вернувшаяся вскоре Наталья Павловна нашла меня стоящим все на том же месте, она постаралась меня успокоить, сказавши, что крестьяне не думают делать мне лично каких-нибудь неприятностей, они очень сконфужены порученной им описью имения и объяснили, что пошли только потому, что на меня донесли о спекуляции хлебом и получении десяти вагонов муки, припрятанных мною в имении, между тем вся деревня голодает, а потому просят указать, где она припрятана. Наталья Павловна указала им, что получено не десять вагонов муки, а только один, требующийся на год для прокормления рабочих, и эта мука лежит в амбаре в закромах, но, видя, что они сомневаются в этом, она предложила им сходить к начальнику станции, который подтвердит правильность ее слов и может удостоверить железнодорожными книгами, куда вписываются все поступления на станцию. Крестьяне выбрали среди себя уполномоченных к начальнику станции, а остальные отправились с садовником на скотный двор. После этого я успокоился, с возможностью соображать, я сказал ей: «Я сейчас пойду к Боголепову (имеющему небольшое именьице в трех верстах от моей усадьбы)[4], прошу вас вечером, к отходу вечернего поезда в Москву, прислать за мной лошадь с рабочим Трифилом» — и, переодевшись в свое городское платье, вышел из имения, покинув его навсегда. Путешествие по боголеповской земле было чрезвычайно тяжелое: каждую сажень приходилось брать приступом, сделаешь шаг — и ноги твои проваливаются в рыхлый снег, выкарабкиваешься — опять при следующем шаге находишься в том же положении; и только в редких местах, где наст был твердый, мог удержать свое тело в равновесии. Хороший, чистый воздух, уже попахива-

ющий весной; сильное утомление, отвлекавшее от тяжелых дум, удерживали мои нервы в равновесии. Как я потом узнал, пошел в имение Боголеповых дорогой, по которой обыкновенно ходил летом, а оказалось, их зимняя дорога шла по земле их соседа Салтыкова, хорошо объезженная и утоптанная. Наконец я добрался до усадьбы и узнал от хозяев, что в окружающих их имениях уже опись произведена крестьянами села Качалова во главе с качаловским попом, вооруженным ружьем, и они уверяли, что поп вел себя очень грубо[5].

На станцию меня благополучно доставил Трифил. Я занял в углу почти темного и нетопленого вагона место и предался тяжелым мыслям. Вспоминал, как десять дней тому назад ко мне собрались гости; за чаем начались разговоры, понятно, все на одну и ту же тему, о происходящем у нас в России. Один из присутствующих, Николай Алексеевич Осетров, почетный мировой судья города Москвы, вынул из кармана бумагу и прочел вслух стихи, фамилию автора я забыл. Они были написаны очень хорошо и жизненно, каждая их строфа била по нервам, и всех слушающих сильно волновали.

В стихах излагал помещик свое душевное состояние при ожидании, что не сегодня, так завтра нахлынет в его родовое имение толпа озверевших крестьян под предводительством каких-то темных, неизвестных лиц и весь его уютный, культурный дом, со всеми реликвиями, сбереженными им и его предками, будет уничтожен в короткий срок. Помещик переходил из комнаты в комнату, останавливался перед всеми вещами, дорогими по воспоминаниям о светлых и тяжелых пережитиях его семьи в течение более полуторастолетнего владения имением. Он подходил к портретам его предков, говоря каждому: «Прощай!..», к шифоньеркам, наполненным разной посудой, с висевшими тарелками и блюдами на стенах, вспоминая, как его матушка бережно обходилась с этими хрупкими вещами, не дозволяя дотрагиваться прислуге до них, лично вытирала пыль и мыла их, рассказывая ему, еще отроку, а потом юноше, историю вещей, дорогих семье по воспоминаниям, к старинному оружию, развешанному на коврах по стенам его кабинета, и каждой вещи он говорил «Прощай!» со слезами на глазах и с болью в сердце. Вышел из дома с котомкой на плечах, он обошел кругом дома, прощаясь с ним, с его колоннами, с парком, наполненным столетними липами, дубами, вязами, с фруктовым садом, с прудом. Боясь задерживаться в имении, чтобы не при нем пришли толпы крестьян, как это уже случи-

лось с его соседями-помещиками, где озверелые люди уничтожали все, что попадалось им под руки, убивая и расхищая скот, вырубая парки и фруктовые сады, сжигали дома со всеми находящимися в нем ценностями и даже с убийством сопротивляющихся им помещиков.

Когда Н.А. Осетров кончил читать стихи, то все слушающие сидели с понуренными головами и влажными глазами — так тяжело подействовали они на всех.

Мой уход из имения, понятно, не был так тяжел по воспоминаниям, как у этого помещика, но все-таки он доставил мне большое горе. Я купил землю с лесом, не считая полуразвалившейся гнилой дачи, на этой земле больше ничего не было; в течение двадцатилетнего владения им я оставил его почти благоустроенным. Уже было выстроено несколько домов для житья, скотный двор, амбары, проложены шоссейные дороги, канавы для спуска излишней воды, оранжерея, грунтовые сараи со шпанской вишней, фруктовый сад, приносящий уже фрукты и по всей усадьбе проложенные защебенные дорожки, огороженные подстриженными елками, с насаженным хвойным лесом, сделавшимся уже высоким и толстым. Кругом домов был разбит дендрологический красивый сад[6], и на выкорчеванных из-под леса местах был хорошо удобренный огород, дававший хорошие овощи. И я, сидя в вагоне, сказал мысленно всему этому: «Прощай!..»

На другой день приехавшая Наталья Павловна рассказала, что сдача имения произошла без всяких инцидентов; и крестьяне были довольны, что я ушел из имения, уполномочив ее остаться во главе управления. Почему-то они тщательно осматривали под всеми кроватями, предполагая, что спрятаны какие-нибудь ценные вещи. В довершение, по окончании приемки, захватили три детских велосипеда. В этот же день рабочему Трифилу удалось привезти на лошади столовое и постельное белье, картины и часы, сверху закрытые сеном, счастливо пропущенные у заставы надсмотрщиками. А Наталья Павловна привезла много разных молочных продуктов.

ГЛАВА 2

Почти единовременно с отнятием имения к нам в правление явились с фабрики несколько человек рабочих, уполномоченных общим собранием товарищей всех наших фабрик для наблюдения за нашими действиями. Явившиеся держали себя скромно, но не могли удержать себя от тщеславия блеснуть перед нами своим умом и познаниями в области демагогии, приобретенными ими на фабричных митингах; становились по очереди в красивые позы, упирались одной рукой на стол, а другой размахивая, бия себя в грудь, в страстных речах изливали свои думы. Я любовался на них: телами были взрослые люди, а умом — малые дети. Возражать и оспаривать их, понятно, не было возможно без риска за свою свободу.

Их терпеливо выслушали, посадили в дальнюю комнату от правления, исполнив их просьбу, приобрели для каждого из них дорогие портфели, чем на первое время удовлетворили этих новых наших деятелей. Первое время дело шло сравнительно гладко, но с каждым днем их вмешательство в торговые дела делалось настойчивее и требовательнее, с нарушением всех коммерческих традиций. Приходилось их вызывать в правление, объяснять неправильность их взглядов и после долгих и неприятных препирательств убеждать их в необходимости поступить так, как распорядилось правление; в конце концов все это надоело и уже не звали их в правление, а посылали к ним доверенного, или бухгалтера, или секретаря; результат этих переговоров был тот же: им вдалбливали в голову, и они соглашались.

По несомненной человеческой слабости к тщеславию они через две недели считали себя уже сверхчеловеками, для них открылись все тайные пружины сложного дела; им было все доступно, и они все могут. Конечно, все эти споры и их увещания сильно тормозили дело с упущением выгодных моментов для наживы, но все приходилось терпеть и с болью сердца переживать. Кроме всех этих деловых волнений каждый день приносил какую-нибудь неожиданность от других лиц, старающихся досадить чем-нибудь нам, грешным, попавшим в беду не по своей вине. Волнений с душевным трепетом было много: то сообщали по телефону,

что приезжали на автомобиле матросы, спрашивали меня, то приходили из милиции и спрашивали: где я? Все это заставляло не ходить в дом и долго кочевать по родственникам, знакомым, без достаточного спокойствия и отдыха.

Однажды как-то утром, еще правление не приступило к своим обыденным занятиям, отворилась дверь и быстро зашел запыхавшийся Михаил Алексеевич Сачков, заведующий хозяйством на фабриках, сравнительно недавно поступивший к нам на службу после удаления его от должности товарища прокурора новой властью. Он быстро проговорил: «Экстренно приехал в Москву, за мной следом должны приехать рабочие с фабрики для ареста правления in corpore, рекомендую сейчас же уходить, дорогой расскажу подробно». Привыкшие уже к таким волнениям, мы повскакали с мест и через черный ход, дворами, прилегающими к другим владениям, скоро были на Никольской улице. Сачков сообщил нам: вчера совершенно случайно попал на большой митинг рабочих, куда, как потом оказалось, вход начальствующим лицам был воспрещен, он же, мало знакомый рабочим, как недавно служащий, незаметно прошел среди толпы рабочих и до конца пробыл на собрании. Митинг, насыщенный злобными страстями ораторов, в конце концов постановил: арестовать все правление, привезти на фабрику, где и судить их общественным судом рабочих. Для поездки в Москву выбрали восемь человек, во главе одного слесаря, недавно присланного из Петербурга, с Путиловского завода, для распространения и укрепления революционных познаний среди рабочих наших фабрик. Среди выбранных рабочих было два молотобойца, отличающихся большой физической силой, специально на случай, если со стороны правления последует сопротивление. Сачков рассказал, что на фабрике очень неспокойно, то же происходит и на соседних фабриках, где имеются арестованные и посаженные в тюрьму.

Сидя в кофейной на Кузнецком мосту, уверенные, что сюда не могут попасть приехавшие рабочие, мы рассуждали: «Где нам укрываться?» Домой ехать нельзя, так как рабочие, не застав нас в правлении, несомненно, поедут к нам на квартиры. Наш секретарь Н.А. Осетров, ушедший с нами из правления, пригласил нас к себе обедать и прожить у него несколько дней; мы его любезностью воспользовались и прожили двое суток.

На третий день утром нам сообщили, что рабочие не пришли в день ожидаемого нами ареста, а явились на другой день, очень примиряюще

себя вели и просили поставить нас в известность, что они придут на другой день для обсуждения нужд рабочих. Причем в конторе Товарищества сделалось известным, что рабочие по приезде в Москву предварительно зашли к комиссару торговли и промышленности товарищу Ногину, чтобы, нужно думать, похвастаться перед ним революционной ревностью и получить для большей крепости мандат на арест правления Товарищества. Но получили от Ногина хороший нагоняй, он им сказал: «Поскольку не имеется никаких доказательств в нарушении правлением законов революционных или уголовных, они аресту не могут подлежать, да если бы и имелись таковые нарушения, то они были бы арестованы в Москве и судимы здесь же, а не на фабрике».

Беседа наша с рабочими продолжалась часа два, они высказали свои требования в очень примирительном виде, на них в свою очередь был дан ответ в том же духе. Было заметно по лицу их руководителя, слесаря Путиловского завода, что они ответом нашим более или менее удовлетворены, но когда коснулся я некоторых курьезных сторон их демагогических выкриков, не исполнимых по существу, то слесарь с Путиловского завода со злыми блестящими глазами закричал: «Прошу не касаться наших революционных взглядов с целью агитации среди нас!»

В конце нашей беседы произошел небольшой курьез: из бухгалтерии была доставлена книга для подтверждения некоторых цифр, доказывающих правоту выводов правления; книгу доставил молодой конторщик и остался в кабинете для разъяснения, я же вышел из кабинета. Слесарь воспользовался моим уходом, обратился к конторщику со словами: «Ну, как не радоваться революционному нашему освобождению! Прежде, осмелился бы ты прийти в кабинет, не получив хорошего тумака или матерной ругани? А теперь видишь сам, какое к тебе отношение!» Конторщик ответил: «Могу засвидетельствовать вам, товарищи, что нас, служащих, никто из правления не только не бил, но даже мы не слыхали сердитых выкриков!»

КОММЕНТАРИИ

СЛЫШАННОЕ. ВИДЕННОЕ. ПЕРЕДУМАННОЕ. ПЕРЕЖИТОЕ

ГЛАВА 1

[1]*Товарищество* — ассоциация предпринимателей, имеющая, согласно законодательству Российской империи, следующие разновидности: 1) товарищество «полное» («торговый дом»), в названии которого перечислены все его участники-«товарищи», отвечавшие своим имуществом в случае несостоятельности фирмы; 2) товарищество «на вере», в названии которого кроме фамилий его участников должно стоять «... и К°», когда помимо «полных товарищей» в деле участвовали вкладчики, ответственность которых была ограничена суммой вклада; 3) товарищество «на паях» («акционерное общество»), когда его участники-пайщики или акционеры несли ответственность в пределах своего вклада в основной капитал предприятия.

[2]*Троицкое подворье* (подворье Троице-Сергиевой лавры) — центр деловой жизни Китай-города, самое высокое гражданское сооружение центра Москвы того времени. Построено в 1876 г. для сдачи под квартиры, конторы и склады на ул. Ильинке, д. 5.

[3]Крупнейшая по товарообороту в России *Нижегородская ярмарка* проходила с 1817 г. ежегодно в июле—августе, с участием азиатских и западноевропейских коммерсантов.

[4]*Лёсс* — богатая известью осадочная горная порода светло-желтого или палевого цвета, характерная для степных регионов.

[5]*Семиречье* — юго-восточная часть Казахстана, где протекают семь главных рек этого района: Или, Каратал, Биен, Аксу, Лепса, Баскан, Сарканд, — древнейший центр цивилизации Средней Азии, с середины XIX в. входила в состав России. Место дислокации семиреченского казачьего войска, созданного в 1867 г.

[6]*Каракуль* — населенный пункт в низовьях реки Зеравшан, в пустынно-приоазисном районе на территории Бухарского эмирата, центр овцеводства.

[7]*Ичиги*, ичеготы (тюрк.) — мужские и женские высокие сапоги из мягкой кожи или цветного сафьяна.

[8]Жены А.С. Долгорукова и И.И. Воронцова-Дашкова — княгиня Ольга Петровна Долгорукова и графиня Елизавета Андреевна Воронцова-Дашкова родными сестрами не были.

[9]*Всероссийская* художественно-промышленная *выставка 1882 г.* состоялась в Москве в специально выстроенных павильонах на Ходынском поле.

[10]*Си-Айленд* (от англ. Sea-Island), — американский хлопчатник вида Gossypium barbadense (лат.), имеющий крупные коробочки, раскрывающиеся при созревании, в отличие от среднеазиатских видов, на четыре створки.

ГЛАВА 2

[1]*Улисс* — древнеримский вариант имени Одиссея, мифологического царя Итаки, славившегося своим умом, хитростью и отвагой.

[2]*Доверенный* — ответственный сотрудник правления фирмы, уполномоченный вести переговоры, заключать сделки от ее имени.

[3]*Джина*, джин (от англ. gin) — механическое устройство для очистки хлопка-сырца от семян и оболочек коробочек.

ГЛАВА 3

[1]Речь идет о Павле Сергеевиче Алексееве, скончавшемся от туберкулеза на хуторе под Самарой в возрасте 13 лет. Похоронен в Москве на кладбище Алексеевского монастыря.

[2]*Илецкая Защита* (Илецк) — название до 1945 г. современного гор. Соль-Илецка, основанного в XVII в. как крепость. С 1865 г. — город в Оренбургской губ.

[3]*Дастархан* (перс.) — угощение из разных восточных сладостей.

[4]*Тамаша* — в Средней Азии — развлечение, народное зрелище, сопровождаемое пением и танцами.

ГЛАВА 4

[1]Н.А. Варенцов не упоминает о научной и собирательской деятельности В.Н. Рогожина, ставшего впоследствии известным библиографом и историком-архивистом, членом многих научных обществ. В 1909 г. ценная библиотека В.Н. Рогожина поступила по его завещанию в Российский Исторический музей. См.: [Некролог В.Н. Рогожина] // Новое время. 1909. 10 октября; «И за строкой воспоминаний большая жизнь...»: Мемуары, дневники, письма: К 125-летию Государственного Исторического музея. М., 1997. С. 61, 72.

[2]*Купоны вышедшие и невышедшие* — отрезные талоны ценных бумаг (акций и облигаций), предъявляемые для получения процента или дивиденда при объявлении (выходе) срока их погашения.

[3]Софья Андреевна Толстая с января 1900 по февраль 1902 г. была попечительницей приюта для беспризорных детей в Москве (см.: *Толстая С.А.* Дневники. М., 1978. Т. 2. С. 458—459, 593). О знакомстве мемуариста с Л.Н.Толстым и его женой именно в этот период свидетельствует фотография писателя с его подписью-автографом и датой «1 октября 1900 г.», подаренная Н.А. Варенцову и хранящаяся ныне у его потомков в Москве.

[4]*Эмир* Бухары — административный глава и духовный вождь (халиф) мусульман вассального России Бухарского ханства (эмирата). Обладал неограниченной властью во внутреннем управлении страной (на основе шариата и адатного (обыч-

ного) права), но не мог иметь самостоятельных сношений с другими государствами. С 1885 по 1910 г. эмиром Бухары был Сеид-Абдул-Ахад-хан.

[5]*Ресторан «Континенталь»* размещался в доме № 5 на Театральной площади в Москве (здание не сохранилось).

[6]*Петровская земледельческая* и лесная *академия* была основана в 1865 г. Московским обществом сельских хозяев, с 1873 г. стала государственным учреждением. В 1894 г. преобразована в Московский сельскохозяйственный институт, ныне Тимирязевская сельскохозяйственная академия.

[7]Правильно — Юнге.

[8]Полицмейстером в Оренбурге был тогда Николай Васильевич Одинцов.

[9]Этот пост занимал в то время Евгений Корнильевич Юрковский.

ГЛАВА 5

[1]Туркестанским генерал-губернатором с 1884 по 1889 г. был Николай Оттонович Розенбах.

[2]*Чаплашка* — круглая шапочка из ткани, наподобие ермолки или тюбетейки.

[3]*Гурии* — девы, услаждающие, согласно Корану, мусульман-праведников в раю.

[4]*Старый Гостиный двор* на ул. Ильинке был сооружен в 1791—1805 гг., перестраивался в 1830 г. Крупнейший торговый центр Москвы в XIX в.

[5]*Кокоревское подворье*, «Кокоревка» — гостинично-складской комплекс на Софийской набережной в Москве, построенный на средства В.А. Кокорева в 1862—1865 гг.

ГЛАВА 6

[1]Речь идет о Василии Степановиче Каретникове, отце И.В. и С.В. Каретниковых.

[2]Во время гражданской войны в США 1861—1865 гг. между буржуазным Севером и рабовладельческим Югом флоты Англии и Франции, поддерживавшие южан, блокировали восточное побережье США, чтобы не допустить распространения освободительного движения на их колонии и уменьшить военно-экономический потенциал северян.

[3]*Старообрядцы-беспоповцы* — направление старообрядчества, не признающее преемственность священства в официальной православной церкви, прервавшуюся, по их учению, в результате церковных реформ середины XVII в.

[4]Свидетельством обращения купцов и предпринимателей в затруднительных случаях к консультативной помощи И.К. Полякова служит, в частности, письмо, направленное ему 25 мая 1913 г. известной серпуховской фабрикантшей и купчихой А.В. Мараевой, текстильной фабрике которой грозил финансовый крах: «...Я осмеливаюсь прибегнуть к Вам, глубокоуважаемый Иван Кондратьевич, с моей покорно смиренной и слезной просьбой, во имя Бога всемогущего прошу и умо-

ляю Вас не отвергнуть мою просьбу, помогите, научите нас, дайте нам Ваш многоопытный совет и указанье, каким путем встать на ноги. <......> Вас, многодобрый Иван Кондратьевич, Бог умудрил и прославил и опытом великим научил <......> и во имя Христа и пречистой Его Матери помогите, поддержите и научите нас» (ЦИАМ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 270. Л. 14—14 об. Источник указан Е.А. Агеевой).

[5]Ср.: «Он (Н.Д. Морозов. — *В.Л., Е.Ю.*) вел суровую борьбу против отдельных попыток всякого рода злоупотреблений и бесчестностей в торгово-промышленном обиходе: неплатежей, невыполнения обязательств по контрактам, нарушения данного слова» (*Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1990. С. 120).

[6]*Конкурс* — управление имуществом несостоятельного должника, осуществляемое заимодавцами.

[7]Главным пайщиком и председателем правления Товарищества Реутовской мануфактуры с 1880 по 1902 г. был Константин Митрофанович Мазурин.

[8]Правильно — *Григорию* Сергеевичу Герасимову.

[9]В 1902 г. правление Товарищества Реутовской мануфактуры возглавил Людвиг Артурович Рабенек.

ГЛАВА 7

[1]Сведений о профессоре *Mendsley* и его работе *«Kraft und Stoff»* обнаружить не удалось.

[2]Особняк К.М. Мазурина располагался в современном домовладении 31—33 по Мясницкой ул. (не сохранился) (сообщено Н.А. Филаткиной).

[3]Эту брошюру отыскать не удалось.

[4]Речь идет об Алексее Алексеевиче Мазурине.

[5]Описываемое событие не могло относиться к 1845 г., т.к. один из главных его участников, А.А. Мазурин, умер в 1834 г. Скорее всего, мемуарист в описании событий, связанных с клятвопреступлением А.А. Мазурина, опирался не на рассказ матери, а на воспоминания бабушки (может быть, в пересказе своей матери).

[6]*Казанский собор* на Никольской ул. был построен в 1612 г. и освящен в 1636 г., закрыт в 1930 г. и разрушен в 1936 г. Восстановлен на прежнем месте в 1995 г.

[7]Храм *Воскресения* Христова *«в Барашах»*, на углу ул. Покровки и Барашевского пер., был построен в 1733—1734 гг., закрыт в 1929 г., колокольня и купольное завершение разобраны в 1932 г.

[8]Усадьба А.А. Мазурина во второй четверти XIX в. располагалась на месте современного дома № 34 по ул. Покровке и домов № 2—6 по Лялину пер. См.: ЦАНТД. Яузская часть. Д. 202.

[9]В купеческом мире Москвы был известен нежинский грек И.Д. Буюкли (не Баюкли), ровесник А.А. Мазурина. В своих неопубликованных воспоминаниях о семье Мазуриных П.М. Юдина называет фамилию другого грека-купца — Ашке-

нази. См.: *Филаткина Н.А.* Мазурины (по страницам неизданных мемуаров) // Московский журнал. 1997. № 6. С. 24.

[10]Большой Успенский пер. на ул. Покровке (ныне Потаповский пер.).

[11]*Швивая горка* — в XIX в. окраинный район Москвы, крутой холм у впадения р. Яузы в Москву-реку.

[12]Убийство ювелира Ильи Калмыкова Василием Федоровичем Мазуриным, внуком А.А. Мазурина, произошло 14 июля 1866 г. (а не в 1865 г., как утверждает автор) в день помолвки его сестры, в доме Мазуриных в Большом Златоустинском пер. (д. 4/7, не сохранился). В.Ф. Мазурин пригласил к себе Калмыкова, чтобы сговориться с ним по поводу выкупа заложенных им у одного ростовщика фамильных бриллиантов. Когда ювелир пришел к нему с крупной суммой денег для выкупа, Мазурин убил его, ограбил и труп спрятал в пустом помещении магазина на первом этаже здания. Через 8 месяцев преступление было раскрыто, Мазурин был судим и приговорен к смертной казни, замененной 15 годами каторги. Этот трагический случай нашел отражение в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». См.: *Филаткина Н.А.* Указ. соч. С. 27—28; *Дороватовская-Любимова В.С.* «Идиот» Достоевского и уголовная хроника его времени // Печать и революция. 1928. № 3. С. 31—53.

[13]Матерью осужденного была Александра Васильевна Мазурина, урожд. Перлова.

[14]Личность этого Мазурина не установлена.

[15]О Ф.Ф. Мазурине вспоминал П.И. Щукин: «...Не могу обойти молчанием еще одного библиофила, которого хотя и не знавал лично, но часто встречал у букинистов, а именно — потомственного почетного гражданина Федора Федоровича Мазурина. Всегда угрюмый и плохо одетый, он по целым дням рылся в книжных лавках, причем иногда незаметно вырывал из редкой книги лист или два, чтобы ее обесценить и купить подешевле, а при случае даже воровал книги. Мазурин покупал книги в долг и постепенно платил <......> Свои книги Федор Федорович держал не в шкафах, а в сундуках <......>» (*Щукин П.И.* Воспоминания. М., 1912. Ч. 3. С. 10).

[16]Покончил жизнь самоубийством Сергей Михайлович Чернышев, сын М.А. Чернышева и Варвары Ф. Чернышевой, урожд. Мазуриной (сообщено Н.А. Филаткиной).

[17]К.М. Мазурину принадлежал *особняк*, выстроенный им в неоготическом стиле в 1897 г. на *Собачьей площадке* в Москве. В послереволюционные годы особняк был передан Союзу композиторов, а в 1962 г. снесен при прокладке проспекта Калинина (Нового Арбата). См.: *Романюк С.К.* Из истории московских переулков. М., 1988. С. 187.

ГЛАВА 8

[1]Василий Алексеевич Хлудов, по завещанию своего отца, А.И. Хлудова, с 1882 по 1905 г. владел трехэтажным домом на углу ул. Ильинки и Карунинской пл.

Ныне на месте этого дома стоят здания Верховного суда и Министерства финансов Российской Федерации (ул. Ильинка, д. 9).

[2]«Московские ведомости» выходили с 1756 по 1917 г., в 1850—1855 и в 1863—1887 гг. их редактором был М.Н. Катков.

[3]*Брайтова болезнь* — заболевание почек (нефрит). Названа по имени английского врача-нефролога Р. Брайта, описавшего ее клинику и морфологию.

[4]Ср.: «Известно было, что Захарьин носил в своем жилетном кармане тот серебряный полтинник (50 коп.), который он получил как первый гонорар за лечебную практику. Этот свой первый врачебный заработок он носил при себе всю жизнь, "на счастье"» (*Юдин С.С.* Профессор Захарьин и другие... Из воспоминаний хирурга // Наше наследие. 1998. № 46. С. 182).

[5]Это произошло во время болезни Анны Карловны фон Дервиз, первой жены Сергея Павловича фон Дервиза (сообщено П.Г. Дервизом).

[6]Н.П. Кудрин скончался 8 июня 1888 г. См.: Московские ведомости. 1888. 9 июня.

ГЛАВА 9

[1]Земство — орган местного всесословного управления, введенного в ходе земской реформы 1864 г. по «Положению о губернских и уездных земских учреждениях». Ликвидировано в 1918 г.

[2]*Петербургское коммерческое училище* — среднее специальное учебное заведение для лиц всех сословий и вероисповеданий, с курсом обучения в 8 лет. Размещалось по адресу: Чернышев пер., д. 9.

[3]Крупный петербургский купец В.Ф. Громов, торговавший лесом в России и за границей, имел контору-представительство своей фирмы в Лондоне.

[4]*Тантьема* (от фр. tantième — часть) — вознаграждение, выплачиваемое в виде процента от прибыли администрации коммерческого банка, акционерного общества или страховой компании.

ГЛАВА 10

[1]Отец Н.И. Решетникова Иван Степанович вел мануфактурную торговлю в Москве с 1888 г. под фирмой «И. С. Решетников и К°».

[2]Ресторан и гостиницу «*Эрмитаж*» на Петровском бульваре, в д. 96 содержало основанное в 1883 г. Товарищество гостиницы «Эрмитаж Оливье».

[3]Ресторан «*К.П. Палкин*» находился в доме № 47 по Невскому проспекту и содержался наследниками купца 1-й гильдии К.П. Палкина. Был известен блюдами русской кухни.

[4]Трактир «*Арсентьича*» находился в Большом Черкасском пер., в Китай-городе в Москве, славился ветчиной и белорыбицей. Возрожден под тем же названием в 1990-х гг.

[5]«*Яр*» и «*Стрельна*» — фешенебельные ночные рестораны в Петровском парке в Москве.

[6]Закаспийская (*Среднеазиатская*) казенная *железная дорога* от ст. Узун-Ада до ст. Самарканд была построена в 1880—1888 гг., ее отдельные участки до ст. Кушка и Наманган строились вплоть до 1900 г.

ГЛАВА 11

[1]*Гостиница «Дрезден»* находилась на Тверской ул., в д. 28 (не сохранился).

[2]Н.А. Варенцов допускает неточность: И.И. Воронцов-Дашков служил в Туркестане и участвовал в военных операциях в 1865—1867 гг. М. Д. Скобелев находился на службе в Туркестане позднее, с 1868 по 1876 г. и в 1880—1881 гг. См.: Хроника жизни «белого генерала» М. Д. Скобелева // Московский журнал. 1993. № 9. С. 3.

[3]Речь идет о *Голубеве* Алексее Федоровиче, столоначальнике департамента неокладных сборов Министерства финансов.

ГЛАВА 12

[1]30 января 1889 г. в замке Майерлинг, близ Вены, эрцгерцог Рудольф, престолонаследник дома Габсбургов, застрелил свою юную фаворитку Марию Вечеру и покончил с собой. Причины и обстоятельства этой романтической трагедии, взволновавшей все европейское общество, до сих пор остаются невыясненными. См.: *Барт И.* Незадачливая судьба кронпринца Рудольфа. М., 1988. С. 213—216 (послесловие Т. Исламова). О широком обсуждении венских событий русским обществом писал также П.И. Щукин: «В 1889 году много говорили о трагической смерти австрийского кронпринца Рудольфа и его возлюбленной, 18-летней девицы Марии Вечеры» (*Щукин П.И.* Воспоминания. М., 1912. Ч. 4. С. 32).

[2]*Окрайка* — загрязненные при транспортировке и хранении поверхностные слои хлопкового сырья, упакованного в тюки или кипы.

[3]Е.Е. Шлихтерману принадлежали прядильные фабрики в Москве и Московской губ., входившие в состав Торгового дома «Е. Е. Шлихтерман».

[4]В 1880-х гг. в Москве был популярен Большой Патрикеевский трактир И.Я. Тестова, на углу Воскресенской и Театральной площадей, славившийся своей русской кухней. При сыновьях И.Я. Тестова трактир был переименован в ресторан. Здание не сохранилось.

[5]Имеется в виду Московская товарная и фондовая *биржа*, основанная в 1839 г. в здании на углу ул. Ильинки и Рыбного пер. Была местом заключения сделок на товарную продукцию, котировки ценных бумаг. Лица, производившие торговлю на бирже, составляли Московское биржевое общество.

[6]Склад Торгового дома «Ю. Гук и К°» размещался по адресу: Старая Басманная ул., д. 19 (здание сохранилось).

[7]*Помощник пристава* — должностное лицо Московской городской полиции, помощник участкового пристава, надзиравшего за одним из 40 полицейских участков города.

[8]*Мировой* судья — должностное лицо, избираемое городской думой для единоличного рассмотрения мелких уголовных и гражданских дел в мировом судопроизводстве в 1864—1889 и 1912—1917 гг. в Москве.

[9]Московским обер-полицмейстером в 1896—1905 гг. был Дмитрий Федорович Трепов.

[10]*Александр Николаевич* Шперлинг служил помощником пристава 2-го участка Басманной части в 1899—1901 гг.

ГЛАВА 13

[1]*«Канава»* — водоотводный канал для сброса паводковых вод, проложенный через низинные участки Замоскворечья в 1783—1786 гг.

[2]По всей видимости, мемуарист имеет в виду известного одесского медиума и гипнотизера С. Бурксера (не Бурхарда), практиковавшего лечение гипнотическими сеансами в России и за границей. См.: Ребус. 1887. № 39. С. 375—376; 1889. № 7. С. 68—69.

[3]В 1880—1889 гг. автор жил со своей семьей в доме № 17 по Елоховской ул., принадлежавшем А.И. Поповой, муж которой, Н.П. Попов, юридическим владельцем дома не был.

[4]Неточность: отчество матери Н.П. Попова было «Гавриловна», а не «Михайловна».

ГЛАВА 14

[1]*Каролиновый* (каролинский) *тополь* — одно из названий дельтоидного тополя (лат. Populus deltoides), завезенного в конце XVIII в. в Европу из Северной Америки, из штата Северная Каролина. В Москве до сих пор распространена именно эта разновидность тополя.

[2]*«Исторический вестник»* — ежемесячный историко-литературный журнал, издавался в Петербурге в 1880—1917 гг.

[3]Версия о принадлежности усадьбы на углу Токмакова и Денисовского переулков (ныне д. 21/2) драматургу Д. И. Фонвизину была высказана журналистом Д.А. Покровским (см.: *Покровский Д.А.* Очерки Москвы // Исторический вестник. 1893. № 6. С. 762), но документально не подтверждена. Свое название Денисовский пер., именовавшийся до середины XVIII в. Голландским, получил, видимо, от фамилии владельца торговых бань Д.И. Денисова, который владел здесь участком земли на берегу р. Чечеры. См.: *Цветков В.Д.* Старая Басманная слобода в Москве с историческим и археологическим описанием приходского (Никитского) храма // ОПИ ГИМ. Ф. 104. Ед. хр. 6. Л. 258—260. Точка зрения о принадлежности усадьбы декабристу М.А. Фонвизину также не подтверждена. См.: *Тыдман Л.В.* Современные методы учета усадебных комплексов // Русская усадьба. М., 1997. Вып. 3 (19). С. 81—96; ЦАНТД. Басманная часть. Д. 606—610/431—435.

[4]С.В. Майтова владела домом № 26/1 по Софийской набережной, который был продан в 1898 г. В.А. Бахрушину для устройства Вдовьего дома на 450 бесплатных квартир с комплексом детских учреждений. Здание сохранилось.

[5]*Купеческий клуб* (Купеческое собрание) был основан в конце XVIII в.; его членами могли быть только купцы и потомственные почетные граждане, с 1879 г. — лица «всех званий и сословий». С 1839 по 1909 г. клуб располагался в особняке на ул. Большая Дмитровка, д. 17 (ныне Музыкальный театр), с 1909 по 1918 г. — в здании на Малой Дмитровке, д. 8 (ныне театр Ленком).

[6]*Благородное собрание* — сословная дворянская организация, учрежденная в Москве в 1783 г. Приобрело в 1784 г. для своих собраний, балов и маскарадов дом на углу улиц Охотный ряд и Большая Дмитровка. Дом, знаменитый своим Большим (Колонным) залом, после 1917 г. перешел в ведение профсоюзов.

[7]R — обозначение температурной шкалы Реомюра, распространенной в XVIII—XIX вв. 1^0 R = $5/4^0$ C, т.е. 60^0 R = 48^0 C.

[8]Усачевско-Черняевское женское училище ведомства Императорского человеколюбивого общества, с правами женской гимназии, было основано в 1860-х гг. в усадьбе № 14 на Зубовской ул. После 1917 г. в здании размещались административные службы военной академии.

[9]*«Бельвю»* — фешенебельная гостиница с рестораном в Петербурге, на Большой Морской ул.

[10]Речь идет об усадьбе на углу Мясницкой ул. и Фуркасовского пер. (ныне д. 7/2), принадлежавшей в 1880—1911 гг. К.Н. Обидиной и в 1911—1913 гг. ее сыну Н.С. Обидину. См.: ЦАНТД. Мясницкая часть. Д. 143—144/163—164. Ч. 3. Название упомянутого страхового общества установить не удалось.

[11]Н.И. Решетников скончался в 1928 г. в возрасте 70 лет и был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве вместе с братом И.И. Решетниковым. См.: *Кипнис С.Е.* Новодевичий мемориал. Некрополь Новодевичьего кладбища. М., 1995. С. 95.

ГЛАВА 15

[1]*Среднеазиатская выставка* проходила в залах Российского Исторического музея с 11 мая по 18 ноября 1891 г. и имела два раздела: среднеазиатский, рассказывающий о природных богатствах края, его торговле и промышленности, и русский, демонстрирующий товары, привозимые из России в Среднюю Азию.

[2]*Французская* торгово-промышленная и художественная *выставка*, в которой участвовали 2000 предпринимателей и 700 деятелей искусств Франции, была открыта 29 апреля 1891 г. в Москве на Ходынском поле. См.: Московский листок. 1891. 30 апреля.

[3]Женами Д.Р. Вострякова, Н.А. Лукутина и А.А. Найденова были сестры Клавдия, Любовь и Александра Герасимовны Хлудовы.

[4]*Кампанула* (от лат. Campanula) — колокольчик, главный род семейства колокольчиковых.

[5]*Императорское* Московское *техническое училище* — высшее специальное учебное заведение, созданное в 1868 г. на основе ремесленного училища, учрежденного в 1826 г. Ныне — Московский государственный технический университет им. Баумана. Н.А. Варенцов учился здесь с 1879 по 1885 г.

[6]Правильно — Благонравов.

[7]Р.В. Благонравов, А.А. Майтов и И.О. Ярковский были членами известного московского спиритического кружка, организованного Н.А. Львовым. См.: Ребус. 1887. № 16. С. 175—176. В 1886 г. спиритический сеанс этого кружка посетил Л.Н. Толстой. См.: *Давыдов Н.В.* Из прошлого. М., 1913. Ч. 1. С. 287—288.

ГЛАВА 16

[1]Имеется в виду Московское Императорское коммерческое училище — среднее специальное учебное заведение для подготовки к торговой деятельности сыновей купцов, мещан и ремесленников. Основано в 1806 г., размещалось на ул. Остоженке в д. 38 (ныне здесь находится Лингвистический университет). Автор учился здесь с 1870 по 1877 г.

[2]*Референция* (от лат. referre — 'сообщать') — характеристика (отзыв), даваемая человеку другим, известным лицом и касающаяся его деловых качеств.

[3]Имеется в виду Николай Маркович Варенцов.

[4]Московский купец И.Д. Афанасьев до 1881 г. владел особняком № 20 по Гороховскому пер.; ныне здесь размещается резиденция посольства Эквадора.

[5]Московский *Биржевой комитет*, орган управления Московской биржей, контролировал деятельность должностных лиц биржи, занимался посредничеством при спорах по торговым делам, выпускал биржевой бюллетень.

[6]*Трактир «Саратов»* находился на Сретенском бульваре; здание было снесено в 1920-х гг.

ГЛАВА 17

[1]Совладельцами Торгового дома «Мартемьян Борисовский с сыновьями» были Мартемьян Иванович Борисовский и его сыновья Никанор и Иван. Сведений об упоминаемом ниже в тексте Мартемьяне Мартемьяновиче Борисовском обнаружить не удалось. См.: Справочная книга о лицах, получивших купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1881. 309 с.; Материалы для истории московского купечества. М., 1888. Т. 7. С. 117; Т. 8. С. 136—137.

[2]Семья Борисовских с 1808 по 1896 г. владела усадьбой № 51 по ул. Земляной вал (ныне д. 27). Ее последним владельцем из Борисовских был Никанор Мартемьянович. Затем здание принадлежало управлению Московско-Курской железной дороги. См.: *Проскуровская Ю.* Дом Толстого // Архитектура и строительство Москвы. 1987. № 3. С. 31.

[3]Н.М. Борисовский вместе со своей семьей в 1880—1890-х гг. жил в усадьбе № 335 по Садово-Черногрязской ул. Ныне на месте усадьбы находится многоэтажный дом № 3.

[4]*Биржевой маклер* — посредник при заключении торговых сделок на бирже. Избирался общим собранием биржевого общества бессрочно, был обязан состоять в купечестве не ниже 2-й гильдии. Старшиной маклеров на бирже считался гофмаклер.

[5]*Фактор* — комиссионер, посредник при сделках купли-продажи.

[6]Цитируется стихотворение А.Н. Апухтина «Ответ на письмо» 1885 г. См.: *Апухтин А.Н.* Стихотворения. Л., 1961. С. 222.

[7]«Среди долины ровныя......» (слова А.Ф. Мерзлякова, 1810 г.) и «Вниз по матушке, по Волге......» — русские народные песни.

ГЛАВА 18

[1]*Кондитерская* принадлежала владельцу шоколадной фабрики и магазинов в Москве — Товариществу «*Эйнем*».

[2]Речь идет об английской фирме *«Mather & Platt, Ld»* .

[3]Неточность: Василий Дмитриевич Аксенов умер в 1890 г.

[4]*Миткаль* — ненабивной ситец.

[5]Очевидно, речь идет о Марии Степановне Рооп, жене видного военного деятеля и предпринимателя Христофора Христофоровича Роопа.

[6]Имение с лесными угодьями Пехра-Яковлевское, принадлежавшее в 1870-х гг. семье Рооп, находилось у д. Леоново, в 5 верстах от платформы Салтыковка Московско-Нижегородской железной дороги и в 2 верстах от Владимирского шоссе. Усадебный комплекс XVIII—XIX вв., окруженный хвойным лесом, был расположен на высоком берегу р. Пехорки — левого притока р. Москвы. См.: Дачи и окрестности Москвы: Справочник-путеводитель. М., 1930. С. 46—47; Памятники архитектуры Московской области: Каталог. М., 1975. Т. 1. С. 12—13.

[7]*«Лоскутная» гостиница* размещалась на Тверской ул. в доме 3 (не сохранился).

ГЛАВА 19

[1]*Синекура* (от лат. sine cura — 'без заботы') — хорошо оплачиваемая должность, почти не требующая работы.

[2]*Фьючерс* (фьючерсная сделка) (от англ. future — 'будущее') — один из основных видов сделок на товарных биржах в странах с развитой рыночной экономикой, торговля контрактами на поставку товаров под гарантированный задаток.

[3]То есть купцами из Хивинского ханства — государства в низовьях р. Амударьи, признавшего по мирному договору от 24 августа 1873 г. вассальную зависимость от России.

ГЛАВА 20

[1]Н.А. Варенцов с 1901 г. владел дачным имением вблизи с. Качалова, у станции Бутово Московско-Курской железной дороги.

[2]*Полежалые,* полежалое — плата за хранение товара, вещей.

[3]*Саровская* Успенская *пустынь* — мужской монастырь, основанный в XVII в. на границе Тамбовской и Нижегородской губ., в Темниковском уезде. Отличался строгостью монастырского устава.

ГЛАВА 21

[1]*Рогожское кладбище* в Москве было основано в 1771 г. и до настоящего времени является крупнейшим духовным центром старообрядцев белокриницкого согласия, приемлющих священство.

[2]*Исправник* — глава уездной полиции. В 1889 г. в Ялте эту должность занимал Иван Федорович Лавров.

[3]Имеется в виду фритредерство (от англ. free trade) — направление в экономической теории и политике, основная цель которого — поддержка свободы торговли и невмешательство государства в частнопредпринимательскую деятельность. Возникло в Великобритании в последней трети XVIII в.

[4]Речь идет о Павле Петровиче Мельникове — министре путей сообщения в 1866—1869 гг.

[5]В 1868 г. казенная Николаевская железная дорога была сдана в аренду Главному обществу российских железных дорог, которое в 1874 г. выкупило ее у казны. В 1894 г. дорога вновь перешла в собственность государства.

[6]В концессии на строительство Московско-Смоленской железной дороги, утвержденной в 1868 г., предприниматель С.Л. Поляков и его сын, известный строитель железных дорог С. С. Поляков, участия не принимали. См.: *Дельвиг А.И.* Мои воспоминания. М., 1913. Т. 4. С. 88.

[7]См., напр.: Записки сенатора Н.П. Синельникова // Исторический вестник. 1895. № 3. С. 726.

[8]Внучка М.Л. Королева Е.А. Андреева-Бальмонт так описывает этот эпизод: «Известен случай, когда в коронацию Александра II в 1856 г. купцы делали в Манеже обед для воинских частей, а губернатор не пустил их на этот обед. Они — в их числе был и дедушка — принуждены были уехать из Манежа, обедали где-то в соседнем ресторане. Говорят, что государь был поражен и недоволен отсутствием хозяев. Ему объяснили, что купцы по скромности не посмели приехать на обед, который они оплачивали из собственных средств» (*Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. М., 1997. С. 19).

[9]«Конец деятельности Закревского наступил вскоре по воцарении Александра II. Во время коронационных торжеств произошел следующий инцидент. Московское купечество задумало чествовать войска обедом, который хотел почтить своим присутствием и молодой государь. Приехав еще до обеда, Закревский распорядился выпроводить из манежа купцов-распорядителей, то есть попросту выгнал вон хозяев праздника. Это стало известным и крайне не понравилось государю, который недолюбливал Закревского. Этот подвиг <......> был каплей, переполнившей чашу, и вскоре после этого Закревскому было предложено подать в отставку» (*Вишняков Н.П.* Из купеческой жизни // Ушедшая Москва. М., 1964.

С. 293). По другим данным, поводом к отставке послужило письменное разрешение на второй брак, выданное А.А. Закревским в нарушение закона своей дочери графине Л.А. Нессельроде. На письме московского генерал-губернатора с признанием своей вины, поданном на высочайшее имя 16 апреля 1859 г., Александр II написал: «После подобного поступка он не может оставаться на своем месте». См.: *Экштут С.* Несчастия соломенной вдовы // Родина. 1998. № 1. С. 53—59.

ГЛАВА 22

[1]Средний по возрасту сын Александры Тимофеевны и Александра Александровича Назаровых Александр Александрович скончался в 1900 г. в возрасте 23 лет. Его младшим братом был Семен Александрович Назаров. См.: *Филаткина Н., Дроздов М.* Морозовы: Династия фабрикантов и меценатов: Опыт родословия. Ногинск, 1995. С. 31.

[2]*Шелапутинская гимназия* была основана Павлом Григорьевичем Шелапутиным в 1901 г. в память о своем сыне Григории в Большом Трубецком пер. (ныне Хользунов пер., здание сохранилось). Д.Н. Корольков был назначен директором гимназии 1 января 1907 г.

[3]*Хлудовские* или Китайские (позднее Центральные) *бани* в Театральном проезде были построены на средства наследниц Г. И. Хлудова и открыты 28 апреля 1893 г. Ныне в зданиях бань находятся ресторан «Серебряный век» и трактир «Аркадия».

[4]Правильно — Левиссон.

ГЛАВА 23

[1]*Серия* — здесь в значении: денежный процентный срочный билет (подобные билеты выпускались государственным казначейством сериями).

[2]*Ктитор* (от греч. κτιτωρ — 'основатель, учредитель') — церковный староста.

[3]*Томна* — река в Кинешемском уезде Костромской губ., правый приток Волги.

ГЛАВА 24

[1]Правильно — Николая *Герасимовича* Разоренова.

[2]15 июля 1885 г. Волжско-Томненская прядильная фабрика Товарищества мануфактур Н. Разорёнова и М. Кормилицына (ТМРК), выстроенная в 1879 г., была уничтожена пожаром, убытки от которого обесценили предприятие на 43% его стоимости. Фабрика была восстановлена и возобновила работу только в ноябре 1888 г. См. [*Массальский В.И.*] Большая Кинешемская мануфактура. Историко-статистический очерк. М., 1914. С. 32.

[3]*Ссудная касса* — частное кредитное учреждение в Москве, выдававшее ссуды под залог имущества.

[4]Вероятно, речь идет об Иване Павловиче Кузнецове.

[5]*Суровье* — сырой, необработанный товар: кожи, шерсть, лен, пенька и т.п.

ГЛАВА 25

[1]В число новых пайщиков ТМРК вошли Н.А. Найденов, Н.К. Бакланов, О.М. Вогау, И.И. Казаков и Н.А. Варенцов. 4 марта 1890 г. на общем собрании пайщиков был избран новый директорат, а 19 апреля того же года местопребывание правления было перенесено в Москву. См.: [*Массальский В.И.*] Указ. соч. С. 36.

[2]А.Г. Кузнецов приходился А.С. Губкину внуком, а не племянником.

ГЛАВА 26

[1]Здесь имеются в виду фабрикант Петр Александрович Павлов и его жена Матрона Ивановна, урожд. Скворцова.

[2]В 1890 г. упомянутые должности занимали: кинешемского исправника — Яков Савельевич Бардуков, члена окружного суда по Кинешемскому уезду — Иван Васильевич Якимов, костромского губернатора — Василий Васильевич Калачев.

[3]*Ретирад*, ретирада (от фр. retirade) — отхожее место, уборная.

[4]Мемуарист неточен: экспедицией командовал контр-адмирал С.С. Лесовский (не Лисовский) и она состоялась в царствование Александра II (не Николая I). Плавание русского флота было предпринято в 1863—1864 гг. для оказания политического давления на сложившуюся тогда враждебную России коалицию Англии, Франции и Австрии, а также для демонстрации поддержки Россией Северных американских штатов в их борьбе с конфедератами-южанами. Эскадра под командованием С.С. Лесовского, несмотря на блокаду, выполнила переход из Кронштадта в Нью-Йорк и находилась в течение 10 месяцев у Американского побережья, демонстрируя готовность нанести удар по коммуникациям и базам потенциальных противников. См.: Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота с 1850 по 1868 г. СПб., 1871. Т. 1. С. 393—420.

[5]В действительности эскадра С.С. Лесовского совершала секретное плавание из Кронштадта в Нью-Йорк и обратно курсом севернее Англии и ни в один из европейских портов не заходила. См.: *Гончаров В.* Американская экспедиция русского флота в 1863—1864 гг. СПб., [1913]. С. 1—19. М.П. Куприянов в экспедиции Лесовского не участвовал: в списке команд судов, находившихся под командованием Лесовского (фрегаты «Александр Невский», «Пересвет», «Ослябя», корветы «Варяг» и «Витязь», клипер «Алмаз»), он не значился. Кадет Морского кадетского корпуса Михаил Куприянов в 1863 г. был выпущен в звании гардемарина и 26 июля 1864 г. отплыл на фрегате «Дмитрий Донской» в «практическое плавание» в Атлантику. Этот фрегат под командованием капитана 1-го ранга Г.Г. Майделя 14 августа того же года прибыл на рейд французского порта Брест. Контр-адмирала Лесовского на его борту не было. См.: Обзор заграничных плаваний...... Т. 1. С. 434—435; *Коргуев Н.А.* Обзор преобразований Морского кадетского корпуса с 1852 г. с приложением списка выпускных воспитанников 1752—1896 гг. СПб., 1897. С. 262; Памятная книжка Морского ведомства на 1864 г. СПб., 1864. С. 141, 145; Памятная книжка Морского ведомства на 1865 г. СПб., 1865. С. 141, 145.

ГЛАВА 27

[1]Двухэтажный особняк в Староконюшенном пер., д. 23 был перестроен для Н.И. Казакова в 1898 г., позднее им владела Н. А. Казакова (урожд. Байдакова). Ныне — резиденция посольства Канады.

ГЛАВА 28

[1]*Государственная винная монополия* — казенная винная лавка, торговавшая крепкими спиртными напитками под контролем окружного управления неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов в 1894—1914 гг.

[2]Далее зачеркнуто: «В начале развития дела Большой Ярославской мануфактуры явился к хозяевам собственник земли с предложением купить ее как смежную с фабрикой, но им показалась назначенная цена высокой, они отказались. После чего он выстроил на ней несколько домов и стал сдавать внаймы. Потребность в квартирах оказалась большая, за этими домами пошли строиться другие на земле, разбитой на мелкие участки, и очень скоро около ворот фабричных образовался большой поселок, наполненный нежелательным элементом жителей. Хозяева фабрики увидали, что создавшийся поселок принимает для них плохой оборот, но сделать ничего не могли, скупить землю у мелких частников уже не удалось, и пришлось от них слышать сожаление, что они отнеслись несерьезно к покупке этой земли в возможное для того время».

ГЛАВА 29

[1]Ср.: «Хлудовы были известны в Москве как очень одаренные, умные, но экстравагантные люди, их можно было всегда опасаться, как людей, которые не владели своими страстями» (*Морозова М.К.* Мои воспоминания // Московский альбом. М., 1997. С. 199).

[2]М.А. Хлудов послужил прототипом богатого подрядчика Тараха Тарасовича Хлынова в комедии А.Н. Островского «Горячее сердце» (1869). См.: *Гиляровский В.* Москва и москвичи // Гиляровский В. Собр. соч. М., 1967. Т. 4. С. 118. Ср.: «Это тот самый Хлудов, которого Островский вывел в «Горячем сердце» под видом Хлынова. Про Хлудова ходили разные анекдоты. Раз приходит к Хлудову довольно известный литератор просить денег не то на издательство, не то просто взаймы. Предлагают подождать в гостиной. Сидит, ждет, альбомы с фотографиями рассматривает. Вдруг открывается дверь, писатель глянул и обомлел: перед ним живой тигр. <......> Тигрица Сонька подошла к нему, обнюхала его и легла у ног литератора, зевнула и как бы задремала. <......> Пришел хозяин и со словами: «Пошла вон, Сонька, пошла!» прогнал ее» (*Леонидов Л.М.* Воспоминания, статьи, беседы, переписка, записные книжки. М., 1960. С. 45).

[3]В письме А.С. Суворину Н.С. Лесков, сообщая о новой редакции своего рассказа «Чертогон» (1879), сделанной по просьбе издателя, писал: «Тоже и переделал, как хочется Вам. Главное: картина хлудовского кутежа, который был в

прошлом году и на нем Кокорев играл. Это живо прочтется» (ИРЛИ. Ф. 268. Ед. хр. 131. Л. 37). Сын писателя А.Н. Лесков в комментариях к рассказу отмечает, что прототипом Ильи Федосеевича был А. И. Хлудов (*Лесков Н.С.* Избранные сочинения. М., 1946. С. 455). Существует мнение, которого придерживается и Н.А. Варенцов, что образ главного героя «Чертогона» является собирательным, воплотившим черты А.И. Хлудова и его сына Михаила. См.: *Шамаро А.А.* Действие происходит в Москве: Литературная топография. М., 1988. С. 54—57.

[4]В романе Н.Н. Каразина «На далеких окраинах» (1872) М. А. Хлудов изображен под именем купца Хмурова. В одной из глав описываются пирушка, устроенная купцом Хмуровым для офицеров русского гарнизона в Туркестане, и опасные развлечения хозяина с прирученной тигрицей Машкой. См.: *Каразин Н.Н.* На далеких окраинах. СПб., 1875. С. 38—56.

[5]Имеются в виду Товарищества: Егорьевской бумагопрядильной фабрики братьев А. и Г. Хлудовых, Норской мануфактуры и Ярцевской мануфактуры бумажных изделий А. Хлудова.

[6]Автору изменила память: в 1878 г. были опубликованы отдельной брошюрой письма не Ивана Алексеевича, а его брата Егора Алексеевича к отцу А.И. Хлудову. Они были отправлены в феврале—ноябре 1876 г. из Калькутты, Нью-Йорка, Филадельфии и содержали описания предприятий и местных достопримечательностей Индии и США, а также Всемирной выставки в Филадельфии. См.: Письма Егора Алексеевича Хлудова. М., 1876.

[7]По другим сведениям, остров Кренгольм у водопадов в устье р. Нарова был приобретен в конце 1856 г. одним из основателей Товарищества Л. Г. Кнопом у семьи купцов Сутгоф. См.: Кренгольмская мануфактура. Историческое описание, составленное по случаю 50-летия ее существования. СПб., 1907. С. 13. Ротмистр А.В. Зиновьев в 1855—1861 гг. состоял предводителем дворянства Петергофского уезда Санкт-Петербургской губ. В Ямбургском уезде Эстляндской губ. в это же время предводителем дворянства был барон Е.Е. фон Врангель.

[8]Основателями Товарищества Кренгольмской мануфактуры бумажных изделий в 1857 г. были кроме А.И. и Г.И. Хлудовых, Л.Г. Кнопа и К.Т. Солдатенкова — Р.В. Барлов и Э.Ф. Кольбе. См.: Кренгольмская мануфактура. С. 12.

[9]У мемуариста неточность: имение Иоала вблизи о. Кренгольм было в 1880 г. приобретено Товариществом Кренгольмской мануфактуры непосредственно у помещика Г. Крамера. См.: Кренгольмская мануфактура. С. 23.

[10]Имеется в виду единоверческая церковь, учрежденная в 1800 г. в целях примирения старообрядчества с официальным православием, для чего разрешалось богослужение по старопечатным книгам, но с подчинением Синоду.

[11]Храм *Трех Святителей у Красных ворот* в Москве был построен в 1699 г., снесен в 1928 г. Великолепный барочный иконостас работы царских мастеров был перенесен в церковь св. Иоанна Воина на Якиманке.

[12]Богатейшая хлудовская коллекция рукописных и старопечатных книг, имевшая печатные описания (*Попов А.Н.* Описание рукописей библиотеки А.И. Хлудо-

ва. М., 1872; *Он же.* Первое прибавление к описанию рукописей и каталогу книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова. М., 1875), после смерти собирателя (1882) была по его завещанию передана в Никольский единоверческий монастырь, откуда в 1917—1923 гг. поступила в Исторический музей. В настоящее время коллекция насчитывает 524 рукописи (в том числе знаменитую пергаменную Хлудовскую псалтырь IX в. с многочисленными миниатюрами на полях) и 717 книг старой печати. См.: *Щепкина М.В., Протасьева Т.Н.* Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1995. С. 43—45.

[13]В «Чертогоне» Н.С. Лесков пишет о герое рассказа: «Часов в десять он стал больно нудиться, все ждал и высматривал соседа, чтобы идти втроем чай пить, — троим собирают на целый пятак дешевле» (*Лесков Н.С.* Собр. соч. М., 1957. Т. 4. С. 312).

[14]Домовладение 5—7 по Хлудовскому (ныне Хомутовскому) тупику на Садово-Черногрязской улице было куплено А.И. Хлудовым не у графа Толстого, а у И.Ф. Мамонтова. В купчей на это владение читаем: «Лета 1853 января 26 дня чистопольский купец Иван Федоров сын Мамонтов, продал я почетному гражданину московскому 2-й гильдии купцу Алексею Ивановичу Хлудову <...> записанной за мною <...> каменный дом с принадлежащим к нему каменным флигелем и со всяким при нем жилым и нежилым строением, садом и землею, состоящий в Москве Басманной части 3 квартала под номером 340 в приходе церкви Трех святителей, что у Красных ворот, доставшийся мне от полковницы вдовы Евдокии Максимовны Толстой и дочери ее родной, жены чиновника 9 класса Прасковьи Федоровны Перфильевой по купчей, совершенной во втором департаменте Московской городской палаты 1850 года октября 23 дня» (ЦАНТД. Басманная часть. Д. 340. Л. 7). Упоминаемая в документе Евдокия Максимовна Толстая (урожд. Тугаева) была женой графа Федора Ивановича Толстого («Американца»; 1782—1846); их дочь Прасковья Федоровна была замужем за тайным советником В.С. Перфильевым (См.: Знаменитые россияне XVIII—XIX вв.: Биографии и портреты. СПб., 1996. С. 788—790).

[15]Осенью 1866 г. русские войска захватили часть территории Бухарского эмирата, а в мае 1868 г. разбили армию эмира под Самаркандом. По договорам 1868 и 1873 гг. Бухарский эмират и соседнее Хивинское ханство перешли под протекторат России. В состав Туркестанского генерал-губернаторства были включены район Самарканда и земли к востоку от Амударьи. Правители Бухары и Хивы дали разрешение на свободную торговлю российских купцов на их территории.

ГЛАВА 30

[1]Художник К.А. Коровин так вспоминал свои детские впечатления от посещения дома М.А. Хлудова: «Через неделю повел меня отец к Хлудову. Против Садовой части — в тупике — его большой особняк. Со двора ведет лестница на второй этаж. Входим. Большая столовая, за столом, во главе его, сидит сам

Хлудов. <......> В столовой сзади — стена стеклянная, за стеклами пальмы: зимний сад <......>. Вдруг из стеклянной двери, где пальмы, выбежал пудель, а за ним...... Я окаменел от неожиданности — за пуделем показалось чудовище длиною, по крайней мере, в сажень, могучее, оранжевое, как бы перевитое черными лентами <......>. — Смотри, тигр! — шепнул отец» (Константин Коровин вспоминает...... М., 1990. С. 337—340).

[2]Это могло произойти в 1882—1884 гг., когда после смерти отца М.А. Хлудов жил в родовом особняке в Хлудовском (Хомутовском) тупике на Садово-Черногрязской ул. В те годы московским обер-полицмейстером был Александр Александрович Козлов, а брандмайором (начальником пожарных частей города) — Сергей Аркадьевич Потехин.

[3]В 1875 г., с началом герцеговинско-боснийского восстания против османского ига, генерал М.Г. Черняев сформировал в Москве отряд добровольцев для действий против турок. Фабриканты Егор и Михаил Хлудовы вместе с В.А. Кокоревым сыграли решающую роль в финансировании экипировки отряда. Вопреки желанию русского правительства Черняев вместе с Хлудовым в 1876 г. тайно выехали в Белград и вступили в сербскую армию. В 1877 г. войну против Турции начала и Россия, боровшаяся за укрепление своего влияния на Балканах. Война завершилась в 1878 г. подписанием Сан-Стефанского мирного договора.

[4]*Шленская шерсть* — шерсть, полученная от овец «шленской» породы («шленок»), вывезенных Петром I из Силезии.

[5]*Веротрин* — производное барбитуровой кислоты, распространенное в XIX в. сильное снотворное средство.

[6]Ср.: «Я как во сне, как Хлудова, когда знаю, что ходит тигр и вот, вот» (*Толстой Л.Н.* Дневник [запись от 26 мая 1884 г.] // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 49. С. 93).

[7]В последний период жизни, вплоть до кончины, последовавшей не в 1883 г., а 31 мая 1885 г., М.А. Хлудов, находившийся в болезненном состоянии, содержался на даче в Сокольниках. См.: Московский листок. 1885. 1 июня.

[8]Сын М.А. Хлудова, Алексей, учащийся реального училища К.П. Воскресенского на Мясницкой ул. (д. 43), умер от черепно-мозговой травмы ранее своего отца, до 1885 г. М.А. Хлудов в память о нем завещал свой дом и 350 тысяч рублей для создания детской больницы, которая была открыта в 1891 г. в здании на Большой Царицынской ул., д. 14. См.: *Власов П.В.* Обитель милосердия. М., 1991. С. 202—203.

[9]Свой двухэтажный особняк, выстроенный в 1884 г. на Новой Басманной ул. под № 19, В.А. Хлудов продал И.А. Кошелеву. Ныне в этом доме, надстроенном до пяти этажей, находится издательство «Художественная литература». См.: ЦАНТД. Басманная часть. Д. 1048/80—81. Ед. хр. 7—9.

[10]Вера Александровна Хлудова с 1885 по 1905 г. владела домом № 10 по ул. Пречистенке. Ныне дом имеет статус памятника архитектуры.

[11]Об этом бале писал и В. Гиляровский: «Это было в половине восьмидесятых годов. Первое электрическое освещение провели в купеческий дом к молодой вдове-миллионерше, и первый бал с электрическим освещением был назначен у нее. <......> Как бы то ни было, а ужин был весел, шумен, пьян — и... вдруг потухло электричество! Минут через десять снова загорелось... Скандал! Кто под стол лезет.... Кто из-под стола вылезает.... Во всех позах осветило...» (*Гиляровский В.* Москва и москвичи // Гиляровский В. Собр. соч. М., 1967. Т.4. С. 222).

[12]«Московское Биржевое общество, или, как обычно его называли — по имени его руководящего органа — Московский Биржевой комитет, было самой значительной, самой влиятельной представительской организацией торговли и промышленности в Москве, а ранее, и в течение долгого времени, и по всей России» (*Бурышкин П.А.* Указ. соч. С. 233).

ГЛАВА 31

[1]*Лихвенный* — завышенный, ростовщический.

[2]В.А. Хлудов был женат на Нине Флорентьевне Перловой, сестре второй жены автора, Ольги Флорентьевны Перловой.

[3]*Гарпагон* — персонаж комедии Ж.-Б. Мольера «Скупой», маниакальный скряга.

[4]Имение В.А. Хлудова *Пески* находилось вблизи одноименной станции на 95-й версте Московско-Рязанской железной дороги. Ныне в усадебном доме расположено медицинское учреждение.

[5]В.А. Хлудов владел винодельческим хозяйством и виноградником площадью 2000 десятин в имении Раздольное вблизи Сочи. Ныне часть бывшего имения входит в сочинский курортный парк «Ривьера».

[6]Правильно — Костарев.

[7]Сведений о контактах Л.Н. Толстого и В.А. Хлудова нам разыскать не удалось.

[8]*Грюндерство* (от нем. Gründer — 'основатель, учредитель') — массовая организация предприятий, акционерных обществ, банков, сопровождаемая биржевыми спекуляциями, ажиотажем и жульническими махинациями.

[9]Имеются в виду Д.С. Мережковский и его жена З.Н. Гиппиус.

[10]Двухэтажное здание с мезонином в домовладении № 5—7 по Хлудовскому (ныне Хомутовскому) тупику было построено А.И. Хлудовым в 1864 г. По завещанию отца в 1882 г. дом перешел к В. А. Хлудову, у которого родовая усадьба была выкуплена братом М.А. Хлудовым. После смерти последнего дом снова перешел во владение В.А. Хлудова: на первом и втором этажах старого особняка находилась его квартира, а на антресолях девять комнат занимал В.Ф. Перлов. Сейчас в здании, надстроенном в 1950-х гг. на один этаж, располагаются медицинские учреждения. См.: ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 62. Д. 772. Л. 1—27; ЦАНТД. Басманная часть. Д. 492/340.

[11]Орган, находившийся в музыкальном салоне в доме В.А. Хлудова, был из готовлен в 1868 г. в гор. Вайсенфельде (Германия). В 1898—1959 гг. орган по мещался в Малом концертном зале Московской консерватории и позже в детс кой музыкальной школе № 1. Ныне старейший московский орган хранится в Музе музыкальной культуры (сообщено М.С. Хлудовой).

[12]Речь идет об Александре Николаевиче Крафте — муже Л.Ф. Крафт, сестр Н.Ф. Хлудовой (урожд. Перловой).

[13]Р.В. Живаго был талантливым скрипачом и коллекционером скрипок, сре ди которых были инструменты работы Н. Амати и А. Страдивари. Дом Р.В. Жи ваго считался одним из музыкальных центров Москвы, здесь давались концерт скрипичной музыки в исполнении квартета при участии хозяина. См.: *Лобыци на М.* Кто вы, доктор Живаго? // Знамя. 1993. № 5. С. 206.

[14]*Idée fixe* — навязчивая идея (фр.).

[15]Лучшие в Москве хлебопекарни и булочные-кондитерские придворного по ставщика Д.И. Филиппова были расположены во всех частях города. Главны магазин был на Тверской ул. (ныне магазин «Хлеб» в д. 10).

[16]*Бязь* (от араб. bäzz) — толстая одноцветная хлопчатобумажная ткань.

[17]*Суровый бумажный товар* — неокрашенные ткани из хлопкового волокн серого или желтоватого цвета.

[18]О трагической судьбе Ивана Варенцова писал А.И. Солженицын: «Нескольк десятков молодых людей сходятся на какие-то музыкальные вечера, не согласо ванные с ГПУ. Они слушают музыку, а потом пьют чай. Деньги на этот чай по сколько-то копеек они самовольно собирают в складчину. Совершенно ясно, что музыка — прикрытие их контрреволюционных настроений, а деньги собираются вовсе не на чай, а на помощь погибающей мировой буржуазии. Их арестовываю всех, дают от трех до десяти лет <......>, а несознавшихся зачинщиков (Иван Ни колаевич Варенцов и другие) — расстреливают!» (*Солженицын А.* Архипелаг ГУ ЛАГ. 1918—1956. М., 1989. Т. 1. С. 52).

ГЛАВА 32

[1]В третьей тетради воспоминаний после главы 31 имеется помета автора: «Глав 32-ю я не переписал в эту тетрадку, как как она изложена в 35 страницах на от дельных листах, писанных на пишущей машинке, и особой переработки не тре бовала. Боясь, что листы могут быть потеряны, переписал в тетрадь VIII стр. 100».

[2]С.Ю. Витте в своих воспоминаниях охарактеризовал А.Ю. Ротштейна как «замечательно даровитого финансиста-банкира, честного и умного человека, но довольно нахального и мало симпатичного в обращении» (*Витте С.Ю.* Воспоми нания. М., 1960. Т. 2. С. 235).

[3]Имение великого князя Петра Николаевича Тулмозеро (Туломозеро) находи лось в Олонецком уезде Олонецкой губ. (ныне Сортавальский район в Карелии).

[4]Имеется в виду Московский Торговый банк, основанный Н.А. Найденовым

[5]*«Славянский базар»* — гостиница с рестораном в Москве на Никольской ул., д. 17. Открыта в 1872 г., после 1917 г. передана под государственные учреждения, ресторан вновь открыт в 1966 г.

[6]По условиям учредительного договора Товарищества «Сталь», утвержденного в мае 1896 г., 67 000 акций, выпущенных правлением, делились поровну между двумя сторонами: представителями великого князя Петра Николаевича и С.-Петербургским Международным банком. Уставной капитал составили: взнос банка в сумме 1 005 000 рублей золотом и взнос его партнера в виде стоимости арендованной на 99 лет земли в Тулмозере. См.: *Бовыкин В.И.* Зарождение финансового капитала в России. М., 1967. С. 230—232.

[7]*Штейгер* — горный мастер, ведающий работами на горном предприятии.

[8]А.Ю. Ротштейн, установив с помощью геологической экспертизы непригодность для промышленного использования железорудных месторождений в Тулмозере, 16 сентября 1897 г. поручил дельцу И.Ю. Файнбергу (у Н.А. Варенцова — Фейнберг) срочно найти покупателей на 30 000 акций Товарищества «Сталь», принадлежавших С.-Петербургскому Международному банку. Файнберг предложил эти акции группе московских промышленников во главе с В. А. Хлудовым, которые, уступив настоятельным просьбам банка, согласились осмотреть места геологических разведок в Тулмозере. 3 ноября 1897 г. Файнберг телеграфировал А.Ю. Ротштейну: «...с большим трудом удалось склонить богатых солидных людей ехать в такое время года в Тулмозеро. Выезжаем седьмого. В результате вполне уверен» (Цит. по: *Бовыкин В.И.* Указ. соч. С. 239). После этой поездки, в ноябре 1897 г., Хлудов приобрел 20 000 акций, а в начале 1898 г. он был избран директором правления Товарищества «Сталь». См.: *Бовыкин В.И.* Указ. соч. С. 239—240.

[9]*«Кюба»* — ресторан французской кухни в Петербурге, на Большой Морской ул., д. 16. Существовал с 1887 по 1917 г.

[10]*«Донон»* — фешенебельный ресторан с румынским оркестром на набережной Мойки, д. 24 в Петербурге. Существовал с 1849 по 1917 г.

[11]*Валаамский* Спасо-Преображенский мужской *монастырь* был основан на островах Валаамского архипелага на Ладожском озере в начале XIV в. Один из центров православия на Севере России. С 1979 г. — историко-архитектурный и природный музей-заповедник, с 1991 г. возвращен Русской православной церкви.

[12]*Червонный валет* — аферист, мошенник. Ср.: «“Это — отпетый человек. И такими-то теперь полна Москва. Прожились, изолгались, того и гляди очутятся в этих... как их теперь называют?” — “В червонных валетах”, — подсказал Палтусов» (*Боборыкин П. Д.* Китай-город // Боборыкин П.Д. Собрание романов, повестей и рассказов. СПб., 1897. Т. 1. С. 240). Словосочетание происходит от названия романа П. Понсон дю Террайля «Клуб червонных валетов» и распространилось в Москве после нашумевшего дела о подлогах, мошенничествах и аферах, слушавшегося в Московском окружном суде в феврале—марте 1877 г. См.: Клуб червонных валетов: Уголовный процесс. М., 1877.

[13]В конце 1900 г. газета «Новое время» так характеризовала положение дел в акционерном обществе «Сталь»: «Общество это, как нам передают, не думает о ликвидации, а продолжает свою деятельность, хотя значительная часть из внесенного капитала свыше 7 миллионов рублей действительно затрачена непроизводительно. <......> Почти все предприятие теперь перешло к московским капиталистам — Хлудову, Бахрушину, Перлову и др.» (Новое время. 1900. 23 декабря).

[14]В 1895—1897 гг. великий князь Петр Николаевич выстроил в своем имении Дюльбер на Южном берегу Крыма дворец, который в 1917 г. стал местом заключения оставшихся в Крыму с началом гражданской войны членов великокняжеских семей.

ГЛАВА 33

[1]*Николаевский сиротский институт* был основан в 1837 г. как женский сиротский институт Воспитательного дома, в 1855 г. получил название Николаевского и располагался на ул. Солянке в д. 14/2.

[2]В 1900—1906 гг. Д.Р. Востряков был ктитором церкви св. Екатерины Воспитательного дома и одновременно состоял попечителем Общества вспомоществования воспитанниц Николаевского сиротского института. Начальницами этого института были: в 1900—1903 гг. княжна Александра Владимировна Львова и в 1903—1909 гг. Александра Карловна Онгарская.

[3]Пятидесятилетие Егорьевской бумагопрядильной фабрики праздновалось в 1895, а не в 1897 г., как утверждает мемуарист. См.: *Иоксимович Ч.В.* [Хлудовы] // 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов. М., 1995. С. 306.

[4]Д.Р. и К.Г. Востряковы с 1869 г. владели трехэтажным каменным особняком и комплексом доходных зданий на ул. Большая Дмитровка, д. 15. С 1905 по 1919 г. особняк был арендован Литературно-художественным кружком. Ныне в перестроенном особняке размещается Прокуратура Российской Федерации.

[5]*Vieux Sax* ('старый Сакс', фр.) — старинный саксонский фарфор в стиле рококо, изготовленный на первых в Европе фарфоровых мануфактурах в Саксонии в 1730—1760-х гг.

[6]*Сад «Эрмитаж»* в Божедомском пер. (ныне Делегатская ул.), на берегу реки Неглинной был с 1830-х гг. по 1894 г. местом гуляний и развлечений москвичей. С 1870 г. сад арендовал театральный деятель и актер М.В. *Лентовский*, выстроивший здесь театр и другие увеселительные заведения. См.: *Дмитриев Ю.А.* Михаил Лентовский. М., 1978. С. 103—147.

[7]В особняке № 19 по Новой Басманной ул., в 1880-х гг. принадлежавшем В.А. Хлудову (см. примеч. 9 к гл. 30), с 1906 по 1913 г. жила семья торговца сукном Александра Павловича Митрофанова. Дом юридически принадлежал его жене Вере Андреевне.

[8]Это случилось на свадьбе дочери купца и мецената Сергея Ивановича Щукина Екатерины и Петра Дмитриевича Христофорова. См.: *Демская А., Семенова Н.* У Щукина, на Знаменке. М., 1993. С. 77.

[9]О причине смерти К.Г. Востряковой так вспоминает в своих мемуарах ее сестра А.Г. Найденова: «Годы шли, она стала полнеть, это ее очень обескуражило, и она лечилась от полноты, ела по часам, но ничего не помогало, годы брали свое. И вот во Флоренции она познакомилась с монахом-католиком, который выманил у нее деньги и обещался сделать ее худой, она поверила, несколько лет они тянули, что-то давали глотать, но ничего не действовало, и наконец в день их Рождества дали ей под видом лекарства яда, и она, моя голубушка, скончалась 13 декабря 1899 года на 46 году жизни» (Воспоминания Александры Герасимовны Хлудовой-Найденовой (Авторизованная машинопись из архива М.В. Пржевальского. Частное собрание. С. 6—7).

ГЛАВА 34

[1]Речь идет о Степане Ивановиче Назарове.

[2]Д.И. Менделеев с 1867 г. состоял членом Комитета Общества для содействия русской промышленности и торговли (ОСРПТ) — первого всероссийского объединения предпринимателей. См.: Труды ОСРПТ. СПб., 1887. Ч. 18. С. 216.

ГЛАВА 35

[1]*Петровск* (Петровск-Порт), гор., основан как укрепление Петровское на западном побережье Каспийского моря в 1844 г., в 1922 г. переименован в Махачкалу (ныне — столица Республики Дагестан).

[2]*Узун-Ада* — конечный пункт Закаспийской железной дороги на восточном побережье Каспийского моря, у входа в Михайловский залив, крупный торговый центр. После 1890 г. железнодорожный путь был продлен до Красноводска, т.к. Узун-Ада была засыпана песками.

[3]Александр Егорович Громов, в 1870-х гг. служивший приказчиком у М.А. Хлудова, стал поставщиком продовольствия, фуража и вьючных верблюдов для войск во время Ахалтекинской экспедиции М.Д. Скобелева в 1880—1881 гг. См.: *Добросмыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем: Исторический очерк. Ташкент, 1911. С. 376—377; *Верещагин В.В.* На войне в Азии и в Европе. СПб., 1894. С. 330.

[4]Укрепление *Геок-Тепе* у предгорий Копетдага было взято штурмом 12 января 1881 г. отрядом генерала М.Д. Скобелева, что имело следствием присоединение к России Ахалтекинского оазиса и других закаспийских территорий.

[5]*Бухарское ханство* (в 1747—1920 гг. — Бухарский эмират) — государство в Средней Азии, существовавшее с середины XVI в. по правому берегу реки Амударьи и нижнему течению реки Зеравшан. По договорам 1868, 1873, 1894 гг. признало протекторат Российской империи, его территория была включена в таможенные границы России и в городах размещены русские гарнизоны. В административ-

ном отношении было разделено на 25 бекств, управляемых беками, назначаемы ми эмиром.

[6]Имеется в виду дешевая мебель грубой кустарной работы, продававшаяся н Сухаревском рынке («Сухаревке») в Москве. «Покупатель необходимого являлс сюда с последним рублем, зная, что здесь можно дешево купить, и в большин стве случаев его надували: недаром говорили о платье, мебели и прочем: — Суха ревской работы!» (*Гиляровский В.* Москва и москвичи // Гиляровский В. Соб соч. М., 1967. Т. 4. С. 49—50).

[7]*«Садко»* — опера Н. А. Римского-Корсакова (1896).

ГЛАВА 36

[1]*Новая Бухара* — узловая станция Закаспийской железной дороги, русски поселок в 12 верстах от столицы эмирата. Резиденция учрежденного в 1885 г представительства российского правительства в эмирате. В 1935 г. переименова на в Каган.

[2]*Старая Бухара* — гор., основанный в I в., с XVI в. и по 1920 г. — столиц Бухарского эмирата (ханства). Центр торговли и художественных ремесел. Изве стен древними памятниками архитектуры. Ныне — гор. Бухара в Республик Узбекистан.

[3]*Джугара* (лат. Sorghum cernuum) — однолетнее злаковое растение из рода сор го, имеющее главным образом кормовое значение.

[4]Бухарские евреи были обязаны носить шапку с четырехугольным верхом наподобие польского воинского головного убора — «конфедератки».

[5]Минарет «Мирхараб» — башня из кирпича на площади Регистан в Бухаре.

[6]В 1920 г. на территории Бухарского эмирата была провозглашена Бухарска народная советская республика, преобразованная в 1924 г. в Бухарскую социа листическую советскую республику. Вскоре в ходе национального размежевани ее территория была разделена между Узбекской ССР, Туркменской ССР и Тад жикской АССР. Гор. Бухара стал центром Бухарской области Узбекской ССР Сын У. Касым-Ходжаева, *Файзулла Ходжаев*, учился в Москве и в 16 лет при мкнул к революционному движению. После 1917 г. возглавил восстание проти эмира Бухары, стал видным советским партийным и государственным деятелем председателем ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован в 1938 г. по делу «пра вотроцкистского антисоветского блока», посмертно реабилитирован. См.: *Иша нов А.И.* Файзулла Ходжаев. Ташкент, 1972. С. 5—67.

[7]*Куш-беги* и *диван-беги* — министры администрации эмира Бухары, ведающи внутренним управлением и финансово-податной частью.

[8]*Сарты* — оседлые тюрки, населяющие Сырдарьинскую и частично Ферганс кую и Самаркандскую области; возникли от слияния древнего иранского населе ния с позднейшими завоевателями и поселенцами тюрко-монгольского происхож дения; говорят на особом наречии — сарто-тили.

ГЛАВА 37

[1]Ришта (лат. Filaria medinensis) — паразитический червь, достигающий длины 120 см, поражающий подкожную клетчатку тела человека, встречается в тропиках и субтропиках.

ГЛАВА 38

[1]Уездным начальником в Чусте в 1891—1892 гг. был Николай Александрович Арванитаки.

[2]*Камчатная* (камчатая) — сделанная из камчи, или камки, тонкой одноцветной шелковой ткани.

[3]К. М. Соловьев основал Туркестанское торгово-промышленное товарищество «К.М. Соловьев и К°».

[4]Правильно — Станислава *Альфонсовича* Козелл-Поклевского.

[5]*Бонтонная дама* (от фр. bon ton — 'хороший тон') — дама, обладающая изящными манерами, изысканностью и учтивостью в обращении. Выражение нередко употреблялось в ироническом смысле.

[6]Уездным начальником в Намангане в 1891—1892 гг. служил Платон Варламович Аверьянов.

ГЛАВА 39

[1]*Трынка* — карточная игра, распространенная в низших слоях городского населения. Другие названия этой игры — «подкаретная», «сека». См.: *Елистратов В.С.* Язык старой Москвы. М., 1997. С. 523.

[2]О «*ключаревском деле*» см. примеч. автора к гл. 17.

[3]*Архаровцы* — грубые и бесцеремонные люди; в прошлом так называли солдат Московского гарнизонного полка, которым в 1796—1797 гг. командовал московский военный губернатор, генерал от инфантерии Иван Петрович Архаров.

[4]*Александровское коммерческое училище* — среднее специальное учебное заведение, основанное в Москве по инициативе Н. А. Найденова, было открыто в 1885 г. в доме № 21 по Старой Басманной ул., закрыто в 1918 г.

[5]Матерью В.А. Шереметева была Софья Григорьевна Шереметева, урожд. Петрово-Соловово (сообщено О.В. Рыковой).

[6]В.В. Верещагин, участвовавший в среднеазиатских походах 1867—1870 гг., подробно описал тамашу и танец бачей. См.: *Верещагин В.В.* Из путешествия по Средней Азии // Верещагин В.В. Повести. Очерки. Воспоминания. М., 1990. С. 140—142.

[7]Tête-à-tête — наедине (фр.).

[8]*Городской голова* — глава городского общественного управления, выборное должностное лицо. С 1892 г. считался на государственной службе.

ГЛАВА 40

[1]*«Lacrima Christi»* («Лакрима Кристи») — марка сладкого ароматизированного итальянского вина.

ГЛАВА 41

[1]Э.А. Руперти был женат на п.п.г. Елизавете Александровне Алексеевой.

[2]Речь идет о Марии Константиновне Куманиной, в замуж. Веретенниковой.

ГЛАВА 42

[1]Домовладение 27/33 в 1-м квартале Яузской части (ныне Садово-Черногрязская ул., д. 8) в 1863 г. было приобретено Сергеем Владимировичем Алексеевым у моск. 2-й гильдии купца Козьмы Карповича Бакланова. См.: ЦАНТД. Яузская часть. Д. 27/33.

[2]После Н.К. Бакланова домовладение № 6 по Моховой ул. принадлежало Ю.И. Базановой, а затем Е.А. Красильщиковой, жене Н.М. Красильщикова. «Николай Михайлович [Красильщиков] был в приятельских отношениях с моим отцом. Он и его жена бывали у нас, бывали и мы у них, в доме на Моховой (бывшей «Базановке»), где они жили в последнее время» (*Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1990. С. 194).

[3]Семья Баклановых в конце XIX в. владела усадьбой под № 5—7 в Обуховом (Чистом) пер. на ул. Пречистенке (ныне — резиденция Московского Патриархата).

[4]*Jour-fixe* (фр. — 'определенный день') — прием гостей в определенный день недели.

[5]В конце XIX в. здание Запасного дворца у Красных ворот (на углу Садово-Черногрязской и Новой Басманной улиц) было передано императором Николаем II московскому дворянству для устройства Института благородных девиц имени императора Александра III. Здание перестраивалось в 1906 и 1933 гг., с 1918 г. в нем размещался Народный комиссариат путей сообщения (НКПС).

[6]Речь идет о *Покровском* Николае Николаевиче — товарище министра финансов в 1906—1914 гг.

[7]Елизавета Ивановна Найденова (урожд. Решетникова) впоследствии стала известной актрисой Малого театра. Ей одной из первых было присвоено звание заслуженной артистки РСФСР. См.: *Найденов Н.* Найденовы // Былое. 1992. № 12. С. 4.

ГЛАВА 43

[1]«Делать хорошую мину при плохой игре» (фр.).

[2]Имеется в виду Московское отделение *Мануфактурного совета*, учрежденного в 1828 г. при Министерстве финансов для содействия развитию мануфактурной

ромышленности. В 1872 г. реорганизовано в Московское отделение Совета рговли и мануфактур.

[3]*Гласный Московской городской думы* — избираемый на 4 года член распорядиельного органа городского самоуправления Москвы.

[4]*Московское купеческое общество* — купеческая сословная организация, объеинявшая лиц торгового звания. В 1863 г. был образован исполнительный орган бщества — Купеческая управа, занимавшаяся хозяйственными, учебными и лаготворительными организациями купеческого сословия, выдачей документов а право торговли и занятий промыслами.

[5]Н.А. Найденов был издателем нескольких серий документальных трудов по стории Москвы, московского купечества, памятников старины, собственных сторико-краеведческих исследований и воспоминаний. См., например: Москва: Соборы, монастыри и церкви. М., 1882—1883. Ч. 1—4; Московская биржа. 839—1889. М., 1889; Переписные книги города Москвы 1665—1676 гг. М., 1886; Найденов Н.А.] Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 903—1905. Ч. 1—2. Список этих работ приведен в приложении к статье: *Иванова Л.В.* «Издатель и писатель по старой Москве»: Николай Александрович Найденов // Краеведы Москвы. [Кн. 2]. М., 1995. С. 81—82.

[6]Орден *Белого Орла* — старейший польский орден, в 1831 г. включенный в исло российских орденов. Орденские знаки включали звезду и крест, носимый а ленте темно-синего цвета.

[7]*Орден Святого Станислава* — польский орден, включенный в число российских орденов в 1831 г. Имел 3 степени; награжденный 1-й степенью носил звезду рдена и крест на ленте красного цвета.

[8]Награжденный орденом Белого Орла считался во втором классе государственных чинов, т.е. наравне с действительными тайными советниками, занимающими олжности министров, сенаторов, членов Государственного совета и руководителей наиболее уважаемых благотворительных учреждений. Выше его был действительный тайный советник I класса (канцлер) — гражданский чин, присваиваемый председателю Государственного совета или Совета министров.

[9]*«Новое время»* (1868—1917) — петербургская ежедневная газета, с 1876 г. издателем был А.С. Суворин. М.О. Меньшиков с 1901 по 1917 г. был ведущим сотрудником газеты. Материалы Меньшикова во время празднования 50-летия Московской биржи в 1889 г. в газете не печатались. О неприязненном отношении Н.А. Найденова к редакции «Нового времени» свидетельствует тот факт, что репортеры газеты не были допущены на это торжество. См.: Новое время. 1889. 18 ноября.

[10]Имеется в виду Мужское *Петропавловское* евангелическо-лютеранское училище при лютеранском церковном приходе. Н.А. Найденов окончил училище в 1848 г.

[11]*Лаж* (от итал. l'aggio) — выгода при совершении сделки, прибавка к цене товара в пользу продавца.

[12]Речь может идти об одном из двух сановников, занимавших пост министра внутренних дел: И.Л. Горемыкине или Д.С. Сипягине.

[13]*Гильдии* купеческие — созданные с 1775 г. корпоративные купеческие организации. В соответствии с гильдейской реформой 1824 г. были установлены нормы капитала, необходимого для приписки: к 1-й гильдии — 50 тысяч рублей, ко 2-й гильдии — 20 тысяч рублей и к 3-й гильдии — 8 тысяч рублей, а также величина гильдейской пошлины. Купцы привилегированной 1-й гильдии могли вести оптовую заграничную торговлю, владеть фабриками и заводами и т.п. Купцы всех гильдий освобождались от подушной подати и рекрутской повинности.

[14]*Сиротский суд* — городской сословный орган в России в 1775—1917 гг., ведавший опекой над имуществом несовершеннолетних детей купцов, мещан, ремесленников и беспоместных личных дворян.

[15]*Опекунский совет* был учрежден в 1763 г. для управления московским Воспитательным домом и состоявшими при нем приютами, богадельнями и учебными заведениями. В 1873 г. преобразован в Московское присутствие Опекунского совета учреждений императрицы Марии.

[16]Контора по оптовой торговле нефтепродуктами Ш. Асадулаева находилась на ул. Большой Лубянке, в д. 2. В этом здании в 1922—1923 гг. размещалось Государственное политическое управление при НКВД РСФСР (ГПУ) и с 1923 по 1934 г. — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР (ОГПУ).

[17]М.П. Асадулаева владела после 1913 г. особняком на ул. Воздвиженке, д. 9 (сохранился).

[18]*Трактир Лопашова*, один из старейших в Москве, находился на ул. Варварке, у церкви св. Варвары. Его интерьер был оформлен в древнерусском стиле (дом не сохранился).

[19]Н.А. Найденов владел родовой усадьбой в Сыромятниках на берегу реки Яузы (ныне ул. Земляной вал, 57). Ему принадлежали жилой деревянный дом постройки 1827 г. (не сохранился) и каменный двухэтажный дом постройки 1896 г., в котором ныне располагается Музей и общественный центр «Мир, прогресс и права человека» им. А.Д. Сахарова.

[20]Ср.: «......было прощально горько в тихом, разросшемся, густом, поникшем над прудом Огорелышевском саду. За плотиком на *той* стороне уж поспела дикая малина, у купальни барбарис завесился рубинами, и рябина у беседки верх опоясалась крупными кораллами. Листья желтели и тихо падали по дорожке в пруд» (*Ремизов А.М.* Пруд // Ремизов А.М. Избранное. Л., 1991. 124—125. См. также: С. 47—50, 84, 91).

[21]*Terra incognita* (лат. 'неизвестная земля') — название чего-то неизвестного.

[22]*Белый дворник* — слуга, выполнявший тяжелые работы по обслуживанию господских помещений: топку печей, переноску мебели, уборку мусора и т.п.

ГЛАВА 44

[1]*«Малый Ярославец»* — первоклассный ресторан в Петербурге, на Большой Морской ул., д. 8, посещавшийся в основном деловыми людьми, актерами и богатой молодежью.

[2]*Мартель* (от фр. Martell) — известная (с 1715 г.) марка французского коньяка.

[3]*Шустовский* коньяк — коньяк производства поставщика Высочайшего двора фирмы «Н.Л. Шустов и сын».

ГЛАВА 45

[1]Автор неточно приводит название фирмы: после смерти в 1862 г. основателя Торгового дома В.С. Алексеева и до 1894 г. семейная фирма Алексеевых именовалась «Владимир Алексеев», а в 1894—1918 гг. — «В. Алексеев, П. Вишняков и А. Шамшин».

[2]*Хитров рынок*, «Хитровка» — площадь вблизи ул. Солянки, получившая свое название от фамилии владельца, купившего в 1823 г. этот участок для устройства мясного и зеленного торга. Был местом сбора людей, ищущих поденную работу и ютившихся в соседних трущобах. «Большая площадь в центре столицы, близ реки Яузы, окруженная облупленными каменными домами, лежит в низине <......>. В тумане двигаются толпы оборванцев, мелькают около туманных, как в бане, огоньков» (*Гиляровский В.* Москва и москвичи // Гиляровский В. Собр. соч. М., 1967. Т. 4. С. 17).

[3]*In corpore* — в полном составе, сообща, все вместе (лат.).

[4]*Сокольнический круг* — огороженная территория центральной части Сокольнического парка в виде круга диаметром в несколько сот метров. Здесь находились летний концертный зал в «китайском» стиле, кафе, фонтан и прогулочные дорожки. Ежегодно 1 мая вокруг Сокольнического круга и по прилегающим просекам устраивалось традиционное катание московской буржуазии.

[5]*Бешамель* (фр. bechamel) — густой соус из молока или сливок с яйцами, которым поливается мясо, рыба и другие кушанья.

[6]Имеется в виду Александра Владимировна Алексеева, урожд. Коншина.

[7]*Солодовниковский*, *Голофтеевский* и *Александровский* торговые пассажи (перекрытые галереи с магазинами) располагались в одном квартале центра Москвы, между Театральной площадью, Кузнецким мостом, Петровкой и Неглинным проездом (с 1922 г. — Неглинная улица). Все они снесены в ходе реконструкции района и строительства нового корпуса ЦУМа.

[8]Ср.: «Во время последней перестройки Верхних торговых рядов на Красной площади у Кремлевской стены были поставлены временные железные балаганы, куда и предложили перейти торговцам, но купцы упорно не хотели. <...> В ряды явилась полиция и приказала рядским сторожам немедленно заколотить проходы и двери.<...> Некоторые купцы считали себя разоренными и сошли с ума. Один

из них, некто Солодовников, зарезался в Архангельском соборе» (*Слонов И.А.* Из жизни торговой Москвы // Ушедшая Москва. М., 1964. С. 209). Самоубийство купца П.А. Солодовникова произошло 12 октября 1886 г. не в Успенском, как утверждает Н.А. Варенцов, а в Архангельском соборе Кремля. Ср.: «Вчера, 12 октября, перед началом литургии, явился в Архангельский собор в Кремле пожилой, солидный мужчина, передал причетнику 1 рубль и метрическое свидетельство, выданное из московской консистории, и попросил причетника, чтобы завтра, 13 октября, была отслужена в соборе панихида по том, чье имя значилось в свидетельстве. По окончании богослужения церковный староста, обходя собор, увидал неизвестного, лежащего на полу в малом приделе. В руках лежащего была просфора и листок бумаги, на полу около его шеи стояла небольшая лужа свежей крови. Неизвестного тут же вынесли на паперть, на свежий воздух, но он был уже мертв. <......> Покойный оказался московским купцом П.А. С[олодовнико]вым, 60-ти лет. Метрическое свидетельство, поданное причетнику, было на его же имя. С[олодовнико]в имеет собственный дом за Москвой-рекой и имел лавку в ныне закрытых городских рядах. Он был человек небогатый, семейный, весьма почтенный, всеми уважаемый. Последнее время тосковал» (Рус. ведомости. 1886. 13 октября).

[9]*Ярыжник* — пьяница, мошенник, беспутный человек.

[10]*Ломовой* (ломовик) — извозчик, перевозящий тяжести и громоздкие вещи.

[11]Ср.: «Кредиторы отца в своем собрании постановили не теснить меня и семью своими требованиями и дать какое-то время устроить дело. Таким образом, возникло Товарищество Четверикова. <......> Но я поставил себе твердую жизненную задачу, не покладая рук, работать до тех пор, пока последняя копейка долга отца не будет заплачена. К сожалению, развитие, а главное, рост доходности фабрики происходили в таких тяжелых условиях, что только через 36 лет после кончины отца мне удалось исполнить это решение» (История возникновения и развития Городищенской суконной фабрики: По воспоминаниям С.И. Четверикова // Богородский край. 1996. № 3. С. 49—50).

[12]Н.А. Алексеев был смертельно ранен 9 марта 1893 г. душевнобольным, явившимся к нему на прием в здание городской думы.

ГЛАВА 46

[1]Речь идет о Леониде Николаевиче Воронове.

[2]Упомянутую брошюру Н.А. Варенцова разыскать не удалось.

[3]Имеется в виду английская фирма «*Platt Brothers & C⁰, Ld*».

[4]*Пуф* (фр. pouf, нем., англ. puff) — надувательство, нелепая выдумка.

ГЛАВА 47

[1]Михаил Михайлович Федоров редактировал «Торгово-промышленную газету» в 1901—1902 гг.

[2]Описываемое путешествие по России эмир Бухары Сеид-Абдул-Ахад-хан совершил в 1893 г.

[3]*Большой Николаевский* (Кремлевский) *дворец* сооружен в 1838—1850 гг. по проекту К.А. Тона. Частично перестроен внутри в 1933—1934 гг.

[4]На Никольской ул. в д. 23 находился часовой магазин Торгового дома «В. Габю», принадлежавший в 1890-е гг. Жану Габю.

[5]Оперы итальянского композитора Дж. Верди, написанные в 1851—1853 гг.

[6]Правильно — Шиперко.

[7]В виде поощрения за службу военных и гражданских чинов эмир Бухары жаловал их кроме традиционных наград халатами, поясами и лошадьми орденом «Восходящая бухарская звезда» — золотыми и серебряными звездами трех степеней.

[8]См. примеч. 6 к гл. 36.

[9]Ср.: «Эмир приобрел в Ялте большие земельные участки, построил два прекрасных дворца в восточном стиле. Ялта была многим обязана ему: когда город испытывал недостаток средств при строительстве общественных зданий, эмир делал щедрые пожертвования. Его не только избрали почетным гражданином города и назвали в его честь улицу в Заречной части, но в состав Черноморского флота вошел легкий крейсер "Эмир Бухарский"» (*Земляниченко М.А., Калинина Н.Н.* Романовы и Крым. М., 1993. С. 82).

[10]Рака (саркофаг) с мощами преподобного Сергия Радонежского до настоящего времени находится в Троицком соборе Свято-Троицкой Сергиевой лавры в Сергиевом Посаде.

ГЛАВА 48

[1]Наследницей Григория Никоновича Карташева была его сестра Клавдия Никоновна Обидина, урожд. Карташева, жена моск. 1-й гильдии купца С.В. Обидина.

[2]Ср.: «Только после смерти Карташева выяснилось, как он жил: в его комнатах, покрытых слоем пыли, в мебели, за обоями, в отдушинах найдены были пачки серий, кредиток и векселей. Главные же капиталы хранились в огромной печи, к которой было прилажено нечто вроде гильотины: заберется вор — пополам его перерубит» (*Гиляровский В.* Москва и москвичи. // Гиляровский В. Собр. соч. М., 1967. Т. 4. С. 344).

[3]Имеется в виду Павел Семенович Малютин, основатель Раменской мануфактуры.

[4]Имеется в виду Георгий Петрович Воронин, «классный художник архитектуры», дядя Павла Павловича Малютина.

[5]*Конка* — городская железная дорога с конной тягой, появившаяся в Москве в середине 1870-х гг. Открытые места на крыше вагона конки называли *империалом*.

[6]*«Железная дорога»*, «железка» (от фр. chemin de fer) — широко распространенная карточная игра, ее другое название — «девятка».

[7]П.П. Воронин был двоюродным братом Павла Павловича Малютина, а не его племянником.

ГЛАВА 49

[1]*Экспедиция* заготовления *государственных бумаг* Министерства финансов, основанная в 1818 г., занималась изготовлением денежных и ценных бумаг, почтовых марок и бандеролей, выпускала высококачественные в полиграфическом отношении книги. А.Г. фон Бремзен служил не управляющим (как утверждает Н.А. Варенцов), а товарищем управляющего этого учреждения.

[2]*Кафе Трамбле* находилось на ул. Петровка, д. 5 (не сохранился).

[3]Бумагопрядильная и ткацкая фабрики входили в состав Товарищества Рябовской мануфактуры бумажных изделий.

[4]Ср.: «Трактир Бубнова в жизни торговцев Гостиного двора играл большую роль. Каждый день, исключая воскресные и праздничные, он с раннего утра и до поздней ночи был переполнен купцами, приказчиками, покупателями и мастеровыми. Тут за парой чая происходили торговые сделки на большие суммы» (*Слонов И.А.* Из жизни торговой Москвы // Ушедшая Москва. М., 1964. С. 213).

[5]*Троицкая телятина* — телятина, доставлявшаяся из посада Троице-Сергиева монастыря. Ее особо нежный вкус объяснялся тем, что телята вскармливались только на молоке.

[6]Эта марка портвейна выпускалась Товариществом виноторговли К.Ф. Депре, владевшим складами вин и магазинами в Москве и других городах.

[7]Фабрики входили в состав Торгового дома «Братья Лев и Гавриил Медведевы».

ГЛАВА 50

[1]*Ветка* — местный топоним, название урочища на правом берегу Волги, в двух верстах от Кинешмы, выше по течению реки. Здесь располагалась бумагопрядильная фабрика Товарищества Вичугских мануфактур Ф. и А. братьев Разореновых.

[2]Ср.: «У состоятельных москвичей балы в день благословения и в день свадьбы устраивались в наемных домах. <...> К лучшим из них можно было причислить дом Золотарского на Долгоруковской ул., этот дом отличался прекрасным садом» (*Белоусов И.А.* Ушедшая Москва // Ушедшая Москва. М., 1964. С. 360).

[3]*Куверт* (от фр. couvert) — столовый прибор.

[4]*Бонбоньерка* (фр. bonbonnière) — изящная коробка для конфет.

[5]*«Бегуны»*, или «странники», — одно из беспоповских согласий старообрядчества, отличающееся решительным неприятием мира. Не желая подчиняться «власти антихриста», «бегуны» избегают всяческих контактов с гражданским обществом.

[6]*Торгово-промышленная партия* — политическое объединение крупных промышленников и коммерсантов. Основана в 1905 г. Г.А. Крестовниковым, просуществовала до 1906 г., затем влилась в партию «Союз 17 октября».

[7]Эпопея из жизни заволжского старообрядческого купечества, состоящая из романов «В лесах» и «На горах», написана П.И. Мельниковым (Печерским) в 1871—1881 гг.

[8]*Почетные граждане* (потомственные и личные) — привилегированное сословие в России, созданное в 1832 г. Потомственное почетное гражданство давалось купцам, имеющим звания коммерции- и мануфактур-советников, состоящим в 1-й гильдии 10 лет и во 2-й гильдии 20 лет, награжденным орденом или окончившим курс университета со степенью магистра или доктора, а также детям личных дворян. Принадлежность к потомственному почетному гражданству освобождала от рекрутской повинности, телесных наказаний и подушной подати, давала права государственной службы. См.: *Рикман В.Ю.* Второе дворянство. Сословие почетных граждан в России. М., 1992.

ГЛАВА 51

[1]Паевое Товарищество Ярославской Большой мануфактуры было основано в 1857 г. братьями Андреем Александровичем и Иваном Александровичем Корзинкиными в доле с петербургским купцом Гавриилом Матвеевичем Игумновым. Брат Г.М. Игумнова, Василий Матвеевич, являлся пайщиком предприятия, а его сын, Николай Васильевич, состоял директором правления Товарищества.

[2]Автор допустил неточность: особняк Н.В. Игумнова по ул. Большая Якиманка, д. 43 был выстроен по проекту Н.И. Поздеева; ныне тут — резиденция Посольства Франции.

ГЛАВА 52

[1]*Котильон* (фр. cotillion) — своеобразный танец-игра французского происхождения, распространенный с середины XIX в.

[2]*Pied-à-terre* — помещение на случай временного приезда (фр.).

[3]*«Большая Московская гостиница»* с рестораном (позднее — «Гранд-отель») занимала пятиэтажный дом на Воскресенской пл., выстроенный в 1878 г. Здание снесено в 1977 г. в связи со строительством корпуса гостиницы «Москва».

[4]По неопубликованным воспоминаниям «О пережитом» сына Н.А. Варенцова, Андрея, его отцом был куплен один из первых в Москве автомобилей фирмы «Мерседес».

[5]*Trente-et-quarante* (‘тридцать и сорок’, фр.) — азартная карточная игра с банкометом.

[6]Речь идет о Сергее Николаевиче Смирнове, муже Елены Николаевны Смирновой — сестры М.Н. Бостанжогло.

[7]*Куртаж* (от фр. courtage) — комиссионный процент, доход продавца товара или маклера, совершившего сделку.

[8]Семья Корзинкиных владела усадьбой вблизи Маросейки, на углу ул. Покровки и Армянского пер. Во дворе усадьбы был выстроен сохранивший свое назначение до настоящего времени кондитерский магазин.

ГЛАВА 53

[1]Еще дед И.А. Коновалова в 1812 г. основал в с. Бонячки Кинешемского уезда Костромской губ. сновальное и красильное заведения, положившие начало семейному текстильному предприятию.

[2]*Партия «мирного обновления»* — умеренно-либеральная буржуазная партия, образованная в 1906 г. 26 членами фракции того же названия I Государственной думы. В 1912 г. влилась в партию прогрессистов.

[3]А.И. Коновалов был избран депутатом IV Государственной думы в 1912 г., в 1913—1914 гг. являлся ее председателем.

ГЛАВА 54

[1]Российским генеральным консулом в Вене в 1901 г. был Алексей Николаевич Кудрявцев.

[2]Имеется в виду Семен Иванович Алексеев, торговавший церковной утварью и владевший в 1890-х гг. домами № 27 по Новой Басманной ул. и № 4 по Никольской ул.

[3]*Соль* (лат. Solea vulgaris) и *тюрбо* (лат. Bothus Rhombus maximus) — рыбы из семейства камбаловых.

[4]Леденцовая карамель и монпансье в металлических коробках выпускались в Петербурге кондитерской фабрикой Товарищества «Георг Ландрин».

[5]*Promenade des Anglais* («Английский бульвар», фр.) — центральная улица Ниццы, обсаженный пальмами бульвар, идущий вдоль пляжа.

[6]*Некорнетный* — здесь: не состоящий на военной службе, гражданский.

[7]*Бювет* (от фр. buvette — 'стойка') — заведение типа бара-буфета с продажей спиртных и прохладительных напитков «в розлив».

[8]Гостиница с рестораном *«Метрополь»* была построена в 1899—1905 гг. на Тетральной пл.

[9]Елабуга находится в Прикамье и до 1917 г. являлась уездным городом Вятской губ. Ныне — районный центр Республики Татарстан.

[10]Храм св. *Харитония* Исповедника *в Огородниках* был выстроен в 1661 г. в центре Огородной слободы, на углу современных Большого и Малого Харитоньевских переулков. Разрушен в 1935 г. См.: *Романюк С.К.* Москва. Утраты. М., 1992. С. 240—242.

[11]Памятник архитектуры Москвы — дом Н.Д. Стахеева на Новой Басманной ул., № 14 — с 1918 г. находился в ведении Народного комиссариата путей сообщения (НКПС), а с 1946 г. принадлежал Министерству путей сообщения. Ныне здесь расположен Центральный Дом детей железнодорожников.

[12]*Прелат* — в католической и англиканской церквах звание, присваиваемое высшим духовным лицам.

[13]*Корсо* (Via del Corso) — одна из центральных улиц в Риме.

[14]*Nature morte* (фр.) — натюрморт.

[15]Автора подвела память. В соборе св. Петра в Риме, на территории государства Ватикан, какого-либо «знаменитого органа» нет и не было. См.: «...Собору недостает органа, достойного такого сосуда» (*Стендаль.* Прогулки по Риму // Стендаль. Собр. соч. М., 1978. Т. 9. С. 377). См. также: *Papafava F.* Vatican: Monumenti, musei e gallerie pontificie. Roma, 1993. P. 24—27.

[16]*«Аве Мария»* (лат. «Ave Maria») — первые слова католической молитвы «Радуйся, Мария благодатная...».

ГЛАВА 55

[1]Бывшее домовладение № 55/28 на углу улиц Покровки и Садово-Черногрязской. Здесь, на втором этаже небольшого двухэтажного строения, в 1900—1970 гг. находился кинотеатр, неоднократно менявший свое название: «Нерон», «Народная свобода», «Спартак». Это здание, вместе с соседними, было снесено для устройства в 1977 г. сквера перед построенным рядом кинотеатром «Новороссийск».

[2]Храм св. *Иоанна Предтечи* «в Казенной слободе» был возведен в 1801 г. по проекту М.Ф. Казакова, в 1930-х гг. на его месте был построен жилой дом (ул. Земляной вал, д. 2). Сохранилась отдельно стоящая колокольня, выходящая на Покровку и встроенная в череду двухэтажных домов под номерами 48 и 50.

[3]«Двор с каменным и деревянным строением, стоящий на белой земле, Басманной части, второго квартала под № 151 старым и ныне № 159 в приходе ц. Николая Чудотворца в Кобыльском» был продан графом Н.П. Румянцевым московскому купцу М.Н. Варенцову не в 1805 г., а в 1819 г. См.: ЦАНТД. Басманная часть. Д. 386/546. К 1934 г. большинство строений домовладения № 4 по Старой Басманной ул. (бывшая усадьба Варенцовых) было снесено.

[4]Ныне домовладение № 18 по Новой Басманной ул.

[5]*Николо-Угрешский* мужской *монастырь* в Московском уезде был основан в 1380 г., закрыт в 1920-х гг., вновь открыт в 1991 г.

[6]*Московская городская управа* — исполнительный орган городского самоуправления, учрежденный в 1870 г. Избиралась городской думой и состояла из городского головы, его товарищей и нескольких членов; заведовала делами городского хозяйства и управления. Ликвидирована в 1917 г.

[7]*Магазин* художественных вещей *Море* предлагал состоятельным покупателям большой выбор бронзовых изделий, фарфора и пр. по высоким фиксированным ценам (*prix fixe* — 'твердая цена'; фр.). См.: *Бахрушин А.П.* Из записной книжки. Кто что собирает. М., 1916. С. 67.

[8]*Москательный* товар, москатель — химические вещества и продукты их переработки (краски, клей, масло, купорос, селитра, аптекарские товары и т.д.) как предмет торговли.

[9]*Гужом*, гужевой тягой — транспортировка грузов на подводах, запряженных лошадьми.

[10]*Шестигласная дума* — выборный исполнительный орган сословной Общей городской думы, избиравшейся жителями Москвы. В ее составе было по одному представителю от каждого из 6 разрядов городских обывателей. Существовала в 1786—1862 гг.

[11]Ныне домовладения № 4—6 по Старой Басманной ул.

[12]Матери автора, А.Ф. Варенцовой (урожд. Рябиновой), в 1865—1880 гг. принадлежала усадьба в Замоскворечье, в 1-м Кадашевском пер., д. 14. Ныне строения усадьбы, признанные памятником архитектуры, заняты библиотекой и отделом рукописей Государственной Третьяковской галереи. См.: ЦАНТД. Якиманская часть. Д. 185.

[13]Церковь Святителя Николая «в Кобыльском» XVIII в., находившаяся по адресу: Земляной вал, д. 21, была снесена в 1930 г. На ее месте в 1937 г. возведен жилой дом.

[14]Ныне филиал Государственного Исторического музея «Палаты в Зарядье XVI—XVII вв. (Дом бояр Романовых)» (ул. Варварка, д. 10).

[15]*Коробчатый свод* — крутой, туповерхий, сведенный ровно со всех четырех сторон свод.

[16]Драматург А.Н. Островский вместе с женой Агафьей Ивановной и детьми жил в 1849—1869 гг. в усадьбе неподалеку от Серебряннических торговых бань на Яузе, на месте нынешнего д. 9/11 по Николо-Воробьинскому переулку.

[17]Фамилия гражданской жены А.Н. Островского Агафьи Ивановны до сих пор не установлена. См.: *Лакшин В.*А. Н. Островский. М., 1976. С.86.

[18]О какой пьесе А.Н. Островского идет речь, выяснить не удалось.

[19]«Протирать глазки барышу» — пропивать, проматывать заработанные деньги. См.: *Елистратов В.С.* Язык старой Москвы. М., 1997. С. 419.

[20]Кладбище Алексеевского женского монастыря на Верхней Красносельской улице было закрыто около 1930 г., и на его месте был устроен районный парк.

ГЛАВА 56

[1]В справочных изданиях середины XIX в. о составе жителей Москвы и московского купечества девичья фамилия матери автора Александры Федоровны, как и ее отца Федора Ильича, имеет написание «Рябина, Рябин». См.: Адрес-календарь жителей Москвы, составленный *К. Нистремом*. М., 1851. Ч. 2. С. 320; Материалы для истории московского купечества. М., 1888. Т. 8. С. 140 (материалы ревизии 1850 г.).

[2]Картинная галерея русской живописи П.М. Третьякова основана в 1856 г. и размещалась в двухэтажном доме в Лаврушинском пер. В 1874 г. началось строительство специального здания для хранения художественного собрания в том же домовладении. В 1893 г. состоялось официальное открытие музея, получившего наименование «Московская городская галерея Павла и Сергея Михайловичей Третьяковых».

[3]Во время эпидемии холеры в Москве в 1847 г. умерли бабушка автора, Авдотья Лукинична Рябинова (Рябина), в возрасте 50 лет и ее сыновья — Борис Федорович, 29 лет, и Михаил Федорович, 23 лет.

ГЛАВА 57

[1]К.Т. Солдатенков с 1857 г. владел старинной усадьбой по адресу: Мясницкая ул., № 37, в главном доме которой размещались картинная галерея и библиотека, завещанные владельцем городу Москве. Ныне в этом здании расположена приемная министра обороны Российской Федерации.

[2]С.Н. Алексеева после 1860 г. владела участком земли во втором квартале Якиманской части Москвы, в Старом Огородном (ныне Мароновском) пер. См.: ЦАНТД. Якиманская часть. Д. 784/531.

[3]Статскому советнику Л.Л. Кознову принадлежало домовладение № 254 по Садово-Самотечной ул. См.: ЦАНТД. Сретенская часть. Д. 266/251.

[4]Мужем Л. Н. Рахмановой (урожд. Варенцовой) был Иван Иванович Рахманов, коллежский советник, награжденный орденом святого Владимира. Шейный крест III степени получали чиновники после 35 лет «беспорочной службы».

ГЛАВА 58

[1]*Практическая академия коммерческих наук* была основана в 1810 г. как среднее учебное заведение для детей почетных граждан, купцов и мещан. С момента основания занимала выстроенную в 1801 г. по проекту М.Ф. Казакова усадьбу по адресу: Покровский бульвар, д. 11. Закрыта в 1918 г., ныне в этом здании размещается Военно-инженерная академия.

[2]Двухэтажный дом Н. Н. Варенцова на Старой Басманной ул., д. № 6 был построен в 1880 г., третий этаж надстроен в 1884 г. См.: ЦАНТД. Басманная часть. Д. 386/993.

[3]*Фон* — человек чванливый, заносчивый, важный. Происходит от частицы «фон», ставящейся перед немецкими фамилиями и указывающей на дворянское происхождение.

[4]Двоюродная сестра автора, Н.И. Панова, была женой Ивана Алексеевича Панова, директора по закупкам сырья Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°». По завещанию своей матери, С. Н. Алексеевой, владела с 1896 г. домом в Старом Огородном пер. (см. примеч. 2 к гл. 57). В этом же доме жил брат ее мужа, надворный советник В. А. Панов, врач больницы имени императора Павла I.

[5]Усадьба П.С. Алексеева по адресу: Большая Алексеевская ул., д. 27— в 1860 г. была продана его наследниками Абраму А. Морозову, после смерти которого его вдова В.А. Морозова основала здесь ремесленное училище. В 1897 г. усадьба перешла в собственность Московского купеческого общества, которое устроило здесь дом бесплатных квартир на 370 человек. Это благотворительное учрежде-

ние получило имя Н.А. и А.А. Мазуриных, а не П.С. Алексеева, как ошибочно утверждает автор. См.: *Власов П.В.* Обитель милосердия. М., 1991. С.115.

[6]Далее зачеркнуто: «К этому случаю очень применимы слова Спасителя: «Мирись с соперником своим (совестью) скорее, пока ты по пути еще с ним, чтобы соперник не отдал бы тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге и ввергнул бы тебя в темницу» (Мф. 8, 25). Николай Николаевич был как бы ввергнут в темницу от больших мнимых страданий с потерей душевного равновесия».

ГЛАВА 59

[1]Фабрики А.В. Смирнова располагались при д. Ликино Покровского уезда Владимирской губ. и входили в состав Товарищества Ликинской мануфактуры А.В. Смирнова.

[2]*Никониане* — распространенное в старообрядческой среде название приверженцев официальной православной церкви, принявшей в середине XVII в. церковные реформы патриарха Никона.

ГЛАВА 60

[1]Семья Бахрушиных переехала в Москву в 1824 г. и поселилась на окраине Замоскворечья, в Кожевниках, основав здесь позднее кожевенную и суконную фабрики, входившие в состав Товарищества А. Бахрушина сыновей.

[2]Н.А. Варенцов ошибается: старшим из братьев Бахрушиных был Петр Алексеевич.

[3]*Почетный гражданин Москвы* — звание, присваивавшееся с 1866 г. городской думой (при согласии императора) за заслуги перед городом. В 1901 г. было присвоено А.А. и В.А. Бахрушиным «в знак искренней признательности городского общества за щедрые пожертвования в разное время недвижимых имуществ и капиталов городу Москве».

[4]Имение Ивановское, родовая вотчина графа Ф.А. Толстого, находилось в трех верстах от уездного города Подольска. Вскоре после приобретения братьями Бахрушиными в 1894 г. оно было подарено московскому городскому самоуправлению для устройства детской колонии. См.: *Бахрушин Ю.А.* Воспоминания. М., 1994. С. 366—378.

[5]По всей видимости, речь идет об учреждении в 1906 г. группой московских октябристов Московского товарищества для издательства книг и газет с целью издания ежедневной общественно-политической газеты «Голос Москвы» (выходила в 1906—1915 гг., редактор-издатель А.И. Гучков).

[6]*Жидомор* — скряга, скупой и жадный человек.

[7]Автору изменила память. Д.П. Бахрушин прожил долгую жизнь и умер в 1918 г. в возрасте 74 лет. От двух браков он имел 10 детей. См.: Бахрушины. Поколенная роспись московской ветви А.Ф. Бахрушина. М., 1997. С.15.

[8]В 1918 г., спасаясь от ареста, Варенцов вместе с Н.П. Бахрушиным и его сыном Николаем перебрался на Украину, сначала в Киев, а затем в Одессу, где жил до 1922 г.

[9]Коллекционер материалов по истории русского театра Алексей Александрович Бахрушин в 1913 г. передал свое музейное собрание Петербургской Академии наук для учреждения Литературно-театрального музея в Москве (ныне Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина).

[10]Дочь С.В. Перлова, Елизавета Сергеевна, вышла замуж за Вл.А. Бахрушина в 1878 г. Через три года ее сестра Любовь Сергеевна стала женой Н.П. Бахрушина. См.: Бахрушины. Поколенная роспись... С.19—21.

ГЛАВА 61

[1]Почтово-пассажирский пароход «Чихачев» принадлежал не Добровольному флоту, а Русскому обществу пароходства и торговли (РОПИТ). Судно, названное в честь директора РОПИТ адмирала Н.М. Чихачева, было построено в 1892 г., имело водоизмещение 7000 тонн и осуществляло регулярные рейсы по круговому маршруту Одесса — Александрия.

[2]И.А. Гончаров в 1852—1854 гг. совершил морское путешествие в Японию, описанное им в путевых очерках "Фрегат «Паллада"», вышедших в 1858 г. отдельной книгой.

[3]*Table-d'hô te* (фр.) — общий обеденный стол на пароходе, в гостинице, пансионе и т.п.

[4]Великомученица Варвара — христианская подвижница, пострадавшая за веру около 306 г. В VI в. ее мощи были перенесены в Константинополь, в XII в. частицы мощей перевезли в Киев. Память празднуется 4 (17) декабря.

[5]*Хедиф* — титул наследственных правителей Египта в 1867—1914 гг.

[6]Ср.: «Афиняне же все и живущие *у них* иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое» (Деян. 17, 21).

[7]*Самум* (араб.) — сухой горячий ветер в пустынях Северной Африки и Аравийского полуострова.

[8]Перечислены разновидности тропических растений, относящихся к семейству пальмовых: *цикасы* — вид рода метроксилон (лат. Metroxylon sagu) — саговые пальмы, *латании* (лат. Latania) — род веерных пальм, *арека санида* (лат. Areca sanida) — вид перистых пальм из рода арековых, а также *пандаиусы* (лат. Pandanus) — вечнозеленые древовидные растения, напоминающие вильчатые пальмы.

[9]Имеется в виду война 1899—1902 гг. Великобритании против республик Южной Африки, основанных потомками голландских, французских и немецких колонистов (бурами).

ГЛАВА 62

[1]*Феллахи* — в арабских странах крестьяне-земледельцы.

[2]*Мечеть Магомет-Али* (Мухаммеда Али) — архитектурный комплекс, выстроенный в 1830—1857 гг. из алебастра в центральной части Каира.

[3]Церковь св. Сергия, выстроенная в V в. и до настоящего времени принадлежащая коптам (египтянам, исповедующим христианство), располагается в пещере, в которой, согласно преданию, Богоматерь с младенцем Иисусом Христом и св. Иосиф нашли убежище, спасаясь от преследований. См.: Мф. 2, 14—15.

[4]Согласно Библии, мать пророка Моисея, спасая своего новорожденного сына от преследований слуг фараона, положила его в корзину и пустила по водам Нила, на берегу которого ребенок и был найден дочерью фараона, взявшей младенца на воспитание. См.: Исх. 2, 4—10.

[5]*Катаракты* (от греч. καταρρακτης) — крупные водопады, где масса воды низвергается широким фронтом с относительно небольшой высоты.

[6]*Сиенит* — вид гранита, добываемого в районе Асуанского порога и в Аравийской пустыне.

[7]Обширная колоннада храма бога Амона-Ра в Луксоре (XV—XIII вв. до н.э.) состоит из 151 колонны, большей частью в виде связок папируса.

[8]Имеется в виду храм бога Амона-Ра в Карнаке (XVI—XV вв. до н.э.).

[9]Храм бога Гора в Эдфу (III—I вв. до н.э.).

[10]*Эпикуреец* — последователь философии Эпикура, видящий смысл и цель жизни в удовольствиях и наслаждениях. Господства же человека над страстями и стремлением к чувственным наслаждениям требовала философия стоицизма.

[11]См.: *Капустин В.А.* Леоново, подмосковное имение Ивана Никитича Хованского. М., 1908.

[12]Известный искусствовед М.В. Алпатов, приходившийся В.А. Капустину племянником, посвятил ему немало страниц в книге своих воспоминаний, упоминает он и случай, описанный Н.А. Варенцовым: «Начиная с отправления парохода из Гамбурга <......> и кончая такими случаями, как с его нечаянным заключением в шкафу и освобождением из плена с помощью горничной — всюду В.А. Капустин усматривает что-то редкое, из ряда вон выходящее» (*Алпатов М.В.* Воспоминания. М., 1994. С. 27).

[13]*Тропик Рака* (Северный тропик) — параллель $23^0 27'$, над которой в день летнего солнцестояния 21—22 июня в полдень солнце находится в зените.

ГЛАВА 63

[1]Речь идет об Иване Михайловиче Рябушинском, умершем в 1876 г.

[2]*Чижовское подворье*, «Чижовка» — гостиница со складами и конторами, открытая в 1847 г. на углу Никольской ул. и Богоявленского пер. После 1918 г. — общежитие Реввоенсовета.

[3]В 1875 г. разразился громкий скандал из-за *банкротства* Московского коммерческого *Ссудного банка*, которое явилось результатом злоупотреблений его

правления, финансирования сомнительных промышленных компаний и убыточного железнодорожного строительства. Это банкротство было первым в России крахом акционерного банка. См.: *Петров Ю.А.* Первый банковский крах // Былое. 1996. № 6. С. 12—13.

[4]Домовладение П.М. Рябушинского со старинными палатами XVII в. располагалось на углу Большого и Малого Харитоньевских переулков (д. 7/12, не сохранился).

[5]Ср.: «Маклер — фигура вне времени и пространства. Везде и всегда тип маклера, более или менее, один: приятный собеседник, балагур, хороший застольный компаньон и вообще человек, общение с коим доставляет удовольствие. Были в Москве фигуры легендарные, как, например, Николай Никифорович Дунаев, Иона Дмитриевич Ершов <......>» (*Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1990. С. 243).

[6]В.Г. Сапожников был совладельцем фабрик шелковых и парчовых изделий в Москве и в Московской губ., входивших в состав Торгового дома «А. и В. Сапожниковы».

[7]В 1902 г. сыновьями П.М. Рябушинского был основан Банкирский дом братьев Рябушинских.

[8]Типография «Утро России» П.П. Рябушинского была выстроена в 1907—1909 гг. по адресу: Большой Путинковский пер., д. 3. С 1913 г. принадлежала «Товариществу на паях типографии Рябушинских».

[9]Ср.: «Считаясь баснословным богачом, он (Н.П. Рябушинский. — *В.Л.*, *Е.Ю.*) возглавлял всю московскую художественную молодежь и в своей вилле «Черный лебедь» стал устраивать какие-то удивительные пиры, а то и настоящие «афинские ночи». В этой же вилле он держал на свободе, пугая тем соседей, диких зверей» (*Бенуа А.Н.* Мои воспоминания. М., 1980. Т. 2. С. 439). Н.П. Рябушинский был известным меценатом и коллекционером, в 1906—1909 гг. издавал литературно-критический и художественный журнал «Золотое руно». См.: *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М., 1997. С. 143—150.

[10]*Enfant terrible* (фр.) — шалопай, мот и гуляка, дословно — «ужасный ребенок».

[11]Н.Г. Думова, работавшая с материалами парижского Национального архива, приводит документальные и устные свидетельства о том, что после революции (до своей эмиграции в 1922 г.) Н.П. Рябушинский сотрудничал с ЧК и указывал этой организации местонахождение частных художественных собраний. См.: *Думова Н.* Московские меценаты. М., 1992. С. 262—263.

ГЛАВА 64

[1]Имеется в виду инженер Евгений Людовикович (Леопольдович) Кениг.

[2]Имеется в виду бумагопрядильная фабрика «Л. Кениг младший» в Петербурге.

[3]Правильно — Бетц; он был племянником Кенига.

[4]См. гл. 17.

[5]Речь идет о Хамовническом пивоваренном заводе в Москве, принадлежавшем контролируемому Л.И. Бродским акционерному обществу.

[6]*Помазать* (кого-то) — обмануть, надуть. См.: *Елистратов В.С.* Язык старой Москвы. М., 1997. С. 395.

ГЛАВА 65

[1]*Ивановский* женский *монастырь*, «что на Кулишках, под Бором» в Москве, был основан в XV в. Закрыт в 1918 г. В 1992 г. в его часовне (по адресу: Большой Ивановский пер., д. 4) возобновлены богослужения.

[2]Усадьба на перекрестке трех переулков: Большого Трехсвятительского, Подкопаевского и Хохловского, в 1864 г. была куплена у В.А. Кокорева на имя жены Т.С. Морозова — Марии Федоровны.

[3]Старшим из пяти сыновей Саввы Васильевича Морозова был Елисей, а не Тимофей.

[4]Владельцем красильно-отделочной фабрики в Богородске стал Захар Саввич Морозов, а бумаготкацкая фабрика в Твери досталась наследникам Абрама Саввича Морозова.

[5]*Ярмарочный комитет* — орган управления Нижегородской ярмаркой, избираемый, согласно правилам 1888 г., собранием уполномоченных ярмарочного купечества. В 1890—1896 гг. председателем комитета был С.Т. Морозов.

[6]О злоупотреблениях П.В. Осипова вспоминал П.И. Щукин: «П.В. Осипов, будучи председателем Ярмарочного комитета, делал большие денежные поборы на губернаторские обеды с торговавших на ярмарке купцов. Оставшиеся от обедов вина и сигары относились к П.В. Осипову на квартиру» (*Щукин П.И.* Воспоминания. М., 1912. Ч. 3. С. 30).

[7]Нижний Новгород был местом проведения XVI Всероссийской художественно-промышленной выставки 1896 г. Наряду с демонстрацией достижений русской промышленности и сельского хозяйства, на выставке были показаны работы русских художников, скульпторов, архитекторов и фотографов.

[8]Автор ошибочно считает Сергея Викуловича Морозова двоюродным братом Саввы Тимофеевича Морозова: он был его двоюродным племянником. См.: *Филаткина Н., Дроздов М.* Морозовы. Династия фабрикантов и меценатов: Опыт родословия. Ногинск, 1995. С. 14—21.

[9]Речь идет об увлечении С.Т. Морозова актрисой Московского Художественного театра М.Ф. Андреевой, ставшей гражданской женой А.М. Горького. Брак между С.Т. Морозовым и З.Г. Морозовой (Зиминой) был заключен в 1888 г., т.е. задолго до встречи Саввы Тимофеевича с М.Ф. Андреевой во второй половине 1890-х гг.

[10]С.Т. Морозов скончался 13 мая 1905 г. Некоторые современные исследователи считают версию о его самоубийстве несостоятельной. См.: *Морозова Т.П.*

Версии и факты трагической гибели С.Т. Морозова // Тезисы докладов и выступлений научно-практической конференции «Купцы Морозовы — российские предприниматели и меценаты». Орехово-Зуево, 1997. С. 32—42.

[11]*Гуслицы* — старообрядческая местность на юго-востоке Богородского уезда Московской губернии, центр иконописания, изготовления рукописных книг и медного литья. Жители Гуслиц считались фальшивомонетчиками и «лихими» людьми. См.: *Агеева Е.А.* Старообрядческое Подмосковье: история, согласия, традиции // Труды первой научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России». Богородск, 1996. С. 146—151.

[12]*Кафешантан «Омон»* — увеселительное заведение на Нижегородской ярмарке, в котором посетителям предлагалось представление с опереточными и цирковыми номерами. Содержал его антрепренер Ш. Омон.

[13]Крупнейшая на Нижегородской ярмарке *Сибирская пристань* со складами товаров тянулась полтора километра вдоль берега Волги.

[14]*Водяной* — должностное лицо, пристав или смотритель при водном сообщении.

ГЛАВА 66

[1]Дача И.А. Лямина в Сокольниках по адресу: 6-й Лучевой просек, д. 23— сохранилась. Двухэтажный дом, окруженный цветниками и небольшим парком, ныне занимает городская библиотека, устроившая в одной из комнат музейную экспозицию, посвященную роду московских купцов и благотворителей Ляминых.

[2]Российским генеральным консулом в Нью-Йорке в 1890-х гг. был Владимир Александрович Теплов.

[3]*Цивилист* (от лат. civilis — ‘гражданский’) — юрист, специалист по гражданскому праву.

ГЛАВА 67

[1]Правильно — Щегляев.

[2]Подмосковное имение Середниково (Средниково) с 1825 г. принадлежало роду Столыпиных. В 1869 г. оно было куплено И.Г. Фирсановым у А.Д. Столыпина, отца П.А. Столыпина.

[3]*«Националь»* — гостиница на углу Тверской и Моховой улиц, построена в 1903 г. После реконструкции 1995—1996 гг. превращена в «пятизвездочный» отель.

[4]Женой И.Г. Фирсанова была Александра Гавриловна, урожд. Николаева (сообщено А.Н. Фирсановым).

[5]Речь идет о Борисе Николаевиче Чичерине, в 1882—1883 гг. исполнявшем обязанности московского городского головы.

[6]В конце 1900 г. газеты сообщали о трагическом происшествии: Ольга Александровна Фирсанова, урожд. Варенцова (родная сестра мемуариста) на почве ревности выстрелом из пистолета тяжело ранила своего мужа И.П. Фирсанова,

который вскоре скончался. На суде, состоявшемся летом 1901 г., приглашенный Н.А. Варенцовым адвокат Ф. Н. Плевако смог доказать невменяемость обвиняемой. См.: Новое время. 1901. 18 августа.

[7]В конце главы Н.А. Варенцов проставил дату: «Москва. 13 мая 1933 г.».

ГЛАВА 68

[1]Младший сын Я.Я. Ермакова Федор Яковлевич умер в 1852 г., оставив вдову Анну Андреевну и дочерей Екатерину и Ольгу. Ольга Федоровна Ермакова стала женой Н.П. Малинина и матерью Марии Николаевны Малининой, в замужестве Васильевой, и Федора Николаевича Малинина, упоминаемых в тексте мемуаров. См.: *Орлов Н.* Жизнь и благотворительная деятельность действительного статского советника Флора Яковлевича Ермакова. М., 1896.

[2]Ф.Я. Ермакову принадлежал трехэтажный особняк в домовладении 63/64 по Новой Басманной ул. (ныне д. № 9), входивший в комплекс городской усадьбы XVIII в., перестроенной в 1817 г. предположительно по проекту М.Ф. Казакова.

[3]*Храм святых Петра и Павла* был построен в 1705—1728 гг. в Капитанской слободе, названной позднее Новой Басманной улицей. Существует предание, что Петр I пожаловал на его строительство 2 тысячи рублей и выполнил собственноручно эскизный проект.

[4]Д.Ф. Ермаков в 1857 г. женился на Анне Дмитриевне Носовой, дочери фабриканта и торговца суконным товаром Дмитрия Васильевича Носова.

[5]Торговый дом «Яков Ермаков с сыновьями», основанный в 1845 г., в 1870-х гг. был преобразован в паевое товарищество.

[6]Басманный частный дом (полицейская часть) — центр полицейско-территориальной единицы Москвы — Басманной части. С 1782 г. размещался в домовладении 114/85 по Новой Басманной ул. (ныне д. № 29) в здании, увенчанном высокой деревянной каланчой (снесена после 1917 г.).

[7]*Преображенская* психиатрическая *больница* основана в Москве в 1804 г., открыта в 1809 г. под названием Московского доллгауза на ул. Матросская Тишина, д. 20. После 1921 г. — психиатрическая больница № 1, с 1951 г. — № 3.

[8]В 1890 г. по инициативе Н.А. Алексеева была организована добровольная подписка на устройство городской психиатрической больницы на Канатчиковой даче, за Серпуховской заставой. В 1889 г. состоялась закладка больницы, в 1894 г. открыты первые корпуса (на средства Флора Ермакова был выстроен особый корпус). Ныне больница носит имя Н.А. Алексеева.

[9]*«Аскольдова могила»* — опера А.Н. Верстовского (1835).

[10]В 1862 г. Ф.Я. Ермаков вступил во второй брак с купеческой вдовой Екатериной Забулоновой.

[11]*«Достойно есть...»* — хвалебная песнь в честь Пресвятой Богородицы.

[12]В 1900 г. наследницы Флора Ермакова пытались оспорить в судебном порядке его завещание в части раздачи остатков капитала в сумме более 3 млн руб. «беднейшим и нуждающимся в пособии людям». Громкий судебный процесс о

«ермаковских миллионах» длился более трех лет и закончился отклонением иска Сенатом. См.: Московский листок. 1900. 26 февр.; Новости дня. 1903. 24 нояб.

ГЛАВА 69

[1]*Главный* ярмарочный *дом* — административно-торговый и общественный центр Нижегородской ярмарки. Здание построено по проекту архитектора К.Г. Треймана в 1889—1892 гг.

[2]*Самокат* — карусель в виде колясочек, вращаемых лошадьми или другим способом вокруг столба.

[3]Известный купец и коллекционер П.И. Щукин основал Щукинский музей, богатые фонды которого завещал в дар Историческому музею.

[4]*Мат* (от нем. Matte, также голл. mat) — плетеная подстилка или покрышка из мочал, пеньки или веревки; употреблялся грузчиками для временной подкладки с целью предотвращения трения и порчи товаров.

[5]*Десятичные весы* — весы, на которых взвешиваемый предмет уравновешивается гирей, в десять раз более легкой.

[6]*Откос* — возвышенное место в Нижнем Новгороде, у впадения р. Оки в Волгу, славящееся красивым видом на окрестности.

ГЛАВА 70

[1]Братья Серебряковы были совладельцами Торгового дома «А. Серебрякова сыновья».

[2]«*Московский листок*» (1881—1918) — ежедневная газета, до 1911 г. ее редактором-издателем был Н.И. Пастухов.

[3]В ноябре—декабре 1884 г. в Московском окружном суде состоялось слушание судебного дела по обвинению в злоупотреблениях и хищениях группы членов правления и пайщиков Скопинского общественного банка во главе с И.Г. Рыковым. В качестве корреспондента «Петербургской газеты» на процессе присутствовал А.П. Чехов, опубликовавший под псевдонимом Рувер серию судебных очерков «Дело Рыкова и комп.» (Петербургская газета. 1884. 24 нояб.—10 дек.).

[4]Ср.: «Требовали особое блюдо, не входившее в обычное меню. Официанты и распорядитель вносили в отдельный кабинет специально имевшийся для этой цели громадный поднос, на котором среди цветов, буфетной зелени и холодных гарниров лежала на салфетках обнаженная женщина. Когда ставили эту экзотику на стол, начиналась дикая вакханалия» (*Иванов Е.П.* Меткое московское слово. М., 1982. С. 287).

ГЛАВА 71

[1]Ср.: «На обедах <......> пели хоры — то цыганский, то венгерский, чаще же русский от «Яра». Последний пользовался особой любовью, и содержательница его, Анна Захаровна, была в почете у гулящего купечества за то, что умела потраф-

лять купцу и знала, кому какую певицу порекомендовать; последняя исполняла всякий приказ хозяйки, потому что контракты отдавали певицу в полное распоряжение содержательницы хора» (*Гиляровский В.* Москва и москвичи // Гиляровский В. Собр. соч. М., 1967. Т. 4 С. 115)

[2]Правильно — Пригожий.

[3]*«Пара гнедых»* — выполненная А.Н. Апухтиным в 1870-х гг. переработка французского романса «Pauvres chevaux».

[4]Сын П.А. Смирнова Сергей Петрович состоял в гражданском браке с Елизаветой Михайловной Хлебниковой, цыганкой по происхождению. См.: «У чугунного моста в Москве». М.: Издание фонда П.А. Смирнова, [1992].

[5]Среди московских цыганских хоров, выступавших в ресторанах «Яр» и «Стрельна», были известны хоры семей со схожими фамилиями: Шишковых и Шишкиных (см.: Московский листок. 1891. 27 марта). К какой из этих семей принадлежала певица Мария Сергеевна, установить не удалось.

[6]«Серенаду» (*«О дитя! Под окошком твоим......»*), написанную К.Р. (псевдоним К.К. Романова), положили на музыку десять композиторов, в том числе П.И. Чайковский.

ГЛАВА 72

[1]*Кунавино* (Канавино) — старинная слобода в Заокской части Нижнего Новгорода, где во второй половине XIX в. жили фабричные рабочие, мещане и ремесленники.

[2]Ср.: «В 1892 году, в самом начале ярмарки, разразилась в Нижнем холера. В то время нижегородским губернатором был Николай Михайлович Баранов, благодаря энергичной деятельности которого начавшаяся было паника быстро улеглась<......>. Когда же не хватило для больных места в бараках и в госпитале, то Николай Михайлович немедленно распорядился отдать губернаторский дворец в Кремле под госпиталь» (*Щукин П.И.* Воспоминания. М., 1912. Ч. 5. С. 33—34).

ГЛАВА 73

[1]*Высокий* (Высокояузский) *мост* через Яузу был первоначально выстроен в 1830 г. в дереве, в 1873 г. — выполнен в металле. Капитально перестроен в 1963 г.

[2]Древнее *Покровское кладбище* при «убогих домах» с основанным здесь в XVIII в. *Покровским* мужским *монастырем*, на Семеновской (ныне Таганской) ул. в Москве, были закрыты в 1926 г., на этом месте устроены парк культуры и стадион.

[3]На Елизавете Александровне Шиловой был женат Павел Михайлович Варенцов. Сына по имени Иван у Михаила Марковича не было. См.: Материалы для истории московского купечества. М., 1889. Т. 9. С. 258.

[4]Ср.: «В нашей семье сохранилось предание, связывающее имя брата моего деда со стороны матери Сергея Михайловича Варенцова с известной картиной художника Пукирева «Неравный брак». С художником Пукиревым Сергей Михайлович дружил и, кроме того, учился у него живописи, но без успеха. Свадьба, которую имел в виду художник, состоялась в 1860-м году (метрическая книга церкви Трех Святителей, что на Кулишках). С этой свадьбой связана романтическая история, действующими лицами которой были С. М. Варенцов и мадемуазель С[офья] Н[иколаевна] Р[ыбникова]. Они были влюблены друг в друга, но волею судьбы, по неизвестной мне причине, мадемуазель Р[ыбникова] не отдала своей руки любимому человеку, а вышла замуж за пожилого и очень богатого фабриканта К[орзинкина]. На долю любимого и любящего С[ергея] М[ихайловича] выпала тяжелая для него роль шафера. <......> Причем первоначально лицо шафера было совершенно схоже с лицом С[ергея] М[ихайловича]. Последний, увидя себя на картине, потребовал изменения лица, и Пукирев исполнил его желание, и для большего изменения приписал бороду. <......> Сергею Михайловичу в годы появления картины на академической выставке в 1863 году было 30 лет» (*Сырейщиков Н.П.* О прототипах картины Пукирева «Неравный брак» // РГАЛИ. Ф. 2819. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 1). Софья Николаевна Рыбникова была дочерью богородского купца Николая Абрамовича Рыбникова, а ее мужем стал Андрей Александрович Корзинкин (сообщено Г.Н. Ульяновой).

[5]Черно-белая фотография с указанного портрета С.М. Варенцова, хранившегося у Н.П. Сырейщикова, впервые опубликована в: Наше наследие. 1997. № 43/44. С. 80.

[6]Михаил Николаевич Варенцов был владельцем Завидовской камвольной фабрики в Клинском уезде Московской губ., на которой трудилось более 500 рабочих.

[7]*Дисконтер* — лицо или банк, осуществляющие покупку (учет) векселей у векселедержателей до истечения их срока. При этой операции взимается учетный процент.

ГЛАВА 74

[1]Имеется в виду комплекс клиник медицинского факультета Имп. Московского университета на Девичьем поле в Москве. Построен в 1880—1890-х гг. на добровольные пожертвования частных лиц, главным образом из среды купечества. Ныне принадлежит медицинским учебным заведениям.

[2]В 1834—1835 гг. Московским купеческим обществом были основаны *Мещанские* мужское и женское четырехклассные *училища* в здании бывшей купеческой богадельни на Большой Калужской ул. Закрыты в 1918 г., здания переданы Горной академии.

[3]*Медведниковская* казенная *гимназия* была учреждена на средства А.К. Медведниковой в специально построенном в 1903 г. здании в Староконюшенном пер., д. 18.

[4]Больница братьев Бахрушиных с амбулаторией была построена для лечения хронических больных в 1885—1886 гг. в Сокольниках, на ул. Стромынке. Ныне — городская клиническая больница № 33.

[5]Городская *Солдатенковская больница* была открыта в 1910 г. в больничном городке на Ходынском поле. Построена на пожертвования К.Т. Солдатенкова.

[6]Фабриканты Алексеевы в 1890-х гг. основали городскую *глазную больницу* на Садово-Черногрязской ул., д.14/19.

[7]Московский купец Г.Г. Солодовников пожертвовал в 1891 г. 200 тыс. руб. на здание для Московской *консерватории* на Большой Никитской ул. (строительство завершено в 1901 г.).

[8]На месте Крестовской заставы в 1893 г. были выстроены две водонапорные башни — резервуары для воды. Снесены в 1939 г.

[9]*Маклак* — посредник при купле-продаже; маклер, барышник, перекупщик.

ГЛАВА 75

[1]Дочь К.И. Маракушева Анна Константиновна была замужем за Александром Михайловичем Александровым, сыном петербургского 1-й гильдии купца М.А. Александрова.

[2]*Провал* — памятник природы, карстовая шахта глубиной 20 м. на южном склоне горы Машук у Пятигорска.

[3]*«Кондрашка»*, «кондратий хватил» — просторечное наименование паралича, наступающего в результате кровоизлияния в мозг.

[4]В данном случае — частное домовладение, сдаваемое в наем под торговые помещения и жилье.

ГЛАВА 76

[1]*Головной сахар* — большой кусок сахара в виде головы конусообразной формы, поступавший в продажу завернутым в плотную бумагу синего цвета.

[2]Ср.: «А на электричество, или, как тогда называли, «яблочково освещение», — на эти немногие фонари, поставленные для пробы в Петровских линиях и на Каменном мосту, сбегалась глядеть как на чудо вся Москва» (*Телешов Н.Д.* Записки писателя. М., 1987. С. 248). Первые восемь уличных фонарей с электродуговыми лампами, изобретенными П.Н. Яблочковым, были установлены на Петровских линиях в Москве в 1880 г. См.: Электричество. 1880. № 2. С. 28.

[3]Имеется в виду иллюстрированный московский еженедельник «Газета А. Гатцука» (1875—1890), в котором в 1875 г. была помещена упоминаемая мемуарис-

том литография «Эквилибристы на велосипедах в Париже на гулянии в Булонском лесу» (Газета А. Гатцука. 1875. № 47. С. 772).

[4]Речь идет о переписи населения Москвы 1871 г. Тогда число жителей города составило 601 969 человек. См.: Москва: Путеводитель. М., 1915. С. 112.

[5]*«Облакат»* («аблакат») — искаженное в просторечии слово «адвокат». См.: *Елистратов В.С.* Язык старой Москвы. М., 1997. С. 17.

[6]*Бланманже* (от фр. blanc-manger) — желе из сливок и миндального молока.

ГЛАВА 77

[1]До 1882 г. в Москве и Петербурге существовала монополия императорских публичных театров, содержавшихся за счет казны. В Москве в ведении дирекции императорских театров были русская драматическая, оперная и балетная труппы, которым были переданы здания Большого и Малого театров. Частная антреприза допускалась в исключительных случаях и облагалась большим сбором в пользу императорских театров. См.: История русского драматического театра. М., 1982. Т. 6. С. 9, 238.

[2]*Иордань* — обряд водосвятия в открытом водоеме, проводившийся в праздник Крещения Господня 6 (19) января. Назван в честь реки Иордан в Палестине, в которой крестился Иисус Христос.

[3]*Шептала* — сушеные на солнце абрикосы или персики с косточками.

[4]*Левашник* — род пирожка без начинки или с начинкой в одном углу, приготовляемого на сковороде в растительном или сливочном масле (т.е. во фритюре).

[5]*Взвар* — отвар; компот, сушеные плоды и ягоды, вареные и подслащенные изюмом или медом; такой же отвар для питья из сухой малины, изюма и пр.

[6]Ср.: «Все смотрят на небо, любуются этим воздушным полетом, разиня рот и позабыв, куда кто шел, и многие вслед за этим недосчитываются своих кошельков, часов и бумажников» (*Телешов Н.Д.* Указ. соч. С. 280).

[7]Ср.: «Каждый год на вербном базаре появлялись новые игрушки, которым придумывали названия лиц, чем-нибудь за последнее время выделившихся в общественной жизни в положительном, а большей частью — в отрицательном смысле — проворовавшегося общественного деятеля, купца, устроившего крупный скандал или «вывернувшего кафтан» крупного несостоятельного должника, адвоката, проигравшего на суде громкое дело, на которое было обращено внимание москвичей» (*Белоусов И.А.* Ушедшая Москва // Ушедшая Москва. М., 1964. С. 353).

ГЛАВА 78

[1]Посещение царской семьей Москвы на Страстной неделе состоялось в 1903 г. Тогда пасхальную заутреню слушали в Верхнеспасском дворцовом соборе «за золо-

той решеткой», выстроенном в Кремле в 1635—1636 г. См.: Петербургская жизнь. 1903. № 708.

[2]При высочайших выходах в Большом Николаевском (Кремлевском) дворце из внутренних апартаментов в дворцовую церковь торжественное шествие начиналось из Екатерининского зала, где собирались «за кавалергардами» придворные чины и дамы. Впереди особ императорской фамилии шли придворные, члены Государственного совета, сенаторы и статс-секретари, а позади придворные дамы. Представители купеческого сословия встречали процессию во Владимирском зале. См.: *Бартенев С.П.* Большой Кремлевский дворец. М., 1909. С. 34—102.

[3]Собор Двенадцати апостолов при Синодальном, бывшем Патриаршем, доме в Кремле построен в 1656 г., в настоящее время там находится постоянная выставка Музея прикладного искусства и быта XVII в. в Кремле.

ГЛАВА 79

[1]В 1860—1880-х гг. чаеторговцы Боткины владели усадьбой № 27 по ул. Покровке. Здесь же находилась одна из достопримечательностей Москвы — «Боткинская галерея». См.: *Федосюк Ю.А.* В кольце Садовых. М., 1991. С. 252.

[2]Матерью умершего мальчика Дмитрия Боткина была Софья Сергеевна Боткина, урожд. Мазурина (сообщено Н.А.Филаткиной).

[3]*Лансье* (фр. lancier) — парный бальный танец середины XIX в., близкий по характеру к кадрили.

[4]*Тамбурмажор* (от фр. tambour-major) — главный полковой барабанщик во французской армии XVII—XIX вв. и в русской армии XIX в. Здесь Н.А. Варенцов допускает ошибку в употреблении слов: должно быть «мажордом» (от фр. majordome) — дворецкий, старший лакей. Когда на приемах мажордом провозглашал фамилии гостей и приглашал к столу, он был одет в ливрею с эполетами и аксельбантами и держал в руке булаву. См.: *Ривош Я.Н.* Время и вещи. М., 1990. С. 171.

[5]Этот особняк (Гороховский пер., д. 14) был выстроен в 1901—1902 гг. по проекту архитектора Н.Д. Бутусова. С 1904 по 1915 г. принадлежал С.С. Семенову. Лишь в предреволюционное время его владельцем стал Н.П. Бахрушин. См.: ЦАНТД. Басманная часть. Д. 568/405.

ГЛАВА 80

[1]Имеется в виду *обер-прокурор* Синода — светское лицо, председательствовавшее в Святейшем Правительствующем Синоде — государственной канцелярии по управлению церковными делами, созданной в 1721 г.

[2]В других источниках сведений об этом нами не обнаружено.

[3]Речь идет об Александре Семеновиче Брянчанинове.

[4]В авторской рукописи допущена ошибка — Брянчанинов назван Евгением. Однако его мирское имя было Дмитрий, а монашеское — Игнатий.

[5]Епископ Игнатий (*Брянчанинов*) был автором аскетически-богословских сочинений («Аскетические опыты», «О кончине мира», «Приношение современному монашеству»), проповедей, переводов святоотеческой литературы («Избранные изречения св. иноков и повести из жизни их», «Отечник»). См.: *Соколов Л.* Епископ Игнатий. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Киев, 1915. Т. 1—2.

[6]Епископ *Феофан* (Говоров), затворник Вышенский — автор многочисленных проповедей, религиозно-нравственных сочинений и толкований на Священное Писание («Путь ко спасению», «О покаянии», «Письма о христианской жизни», «О православии с предостережением от погрешностей его»), а также переводов с древних языков («Добротолюбие», «Святоотеческие наставления о трезвении и молитве», «Сборник аскетических писаний, извлеченных из патериков», «Псалтырь, или богомысленные размышления св. отца нашего Ефрема Сириянина»).

[7]Епископ Феофан скончался в 1894 г., не в 1889-м, как указывает Н.А. Варенцов.

[8]Приходской церковью А.Л. Лосева, жившего в Замоскворечье, была церковь святителя Николая в Толмачах. «Толмачевский приход испокон веку не был многолюдным. К нему было приписано считанное количество особнячков, богатые хозяева которых — мануфактурщики Лосевы <......> умерли или уехали» (*Четверухин С.* Толмачи. М., 1992. С. 10). Храм был закрыт в 1929 г., а книги, хранившиеся у его настоятеля, конфискованы. Сейчас книги из этого собрания хранятся в фондах Российской государственной библиотеки и Музея истории религии в Петербурге.

ГЛАВА 81

[1]*Смоленский вокзал* — вокзал Московско-Брестской железной дороги (с 1912 г. — Александровской железной дороги) у Тверской заставы. Ныне — Белорусский вокзал.

[2]*Принципал* (от лат. ‘principalis’ — главный) — хозяин дела, его глава, начальник.

[3]*Облигации Московского* городского *кредитного общества* считались высоконадежными доходными ценными бумагами и их текущие (срочные) купоны погашались два раза в год в отделениях общества и Государственного банка.

[4]*Онкольный счет* (кредит) — краткосрочный коммерческий кредит, ссуда до востребования. Предоставляется заемщику под обеспечение векселями, товарами и ценными бумагами.

ГЛАВА 82

[1]*«Медведь»* — фешенебельный ресторан в Петербурге, находившийся вблизи Невского проспекта, на Большой Конюшенной ул., д. 27.

[2]Ср.: «Начавшаяся около месяца назад забастовка на фабрике Томна товарищества Кинешемской мануфактуры, находящейся в трех верстах от Кинешмы, передвинулась в последнее время на Вичугский район, где захватила остальные кинешемские и близлежащие фабрики. <......> Число рабочих на фабрике Томна 3750 общее количество бастующих определяется приблизительно в 20 000 чел. Требования — чисто экономического характера» (Русские ведомости. 1914. 13 июня)

[3]Губернатором Костромы с 31 декабря 1912 г. был камергер Петр Петрович Стремоухов. См.: Список высших чинов местных установлений Министерств внутренних дел. СПб., 1913. Ч. 2. С. 64.

[4]14 марта 1613 г. представители Земского собора объявили Михаилу Федоровичу Романову, находившемуся в Костроме в Ипатьевском монастыре, об избрании его на царство. 300-летие этого события широко праздновалось в 1913 г.

[5]*Скупные товары* — т.е. скупленные для продажи.

[6]*Чичероне* (от итал. cicerone) — в Италии и странах Западной Европы проводник, дающий пояснения туристам при осмотре достопримечательностей, музее и т.п.

[7]*Латинский квартал* — район Парижа на левом берегу р. Сены, вокруг парижского университета Сорбонна.

[8]Вероятно, Н.А. Варенцов имеет в виду дворец Клюни (а не *Клиши*), в котором с 1844 г. располагался Музей средневекового искусства V—XV вв.

ГЛАВА 83

[1]*Rue de la Paix* («улица Мира») — улица в центральной части Парижа.

[2]Зятем И.Г. Тихомирова был Дмитрий Федорович Морокин.

[3]7 марта 1906 г. правление Московского купеческого общества взаимного кредита в Новом Гостином дворе, по адресу: Рыбный пер., д. 3, подверглось вооруженному ограблению группой эсеров-боевиков. Из кассы было похищено около 1 млн рублей, использованных затем для подготовки покушения на П.А. Столыпина. См.: Московский листок. 1906. 8 марта.

[4]Имеется в виду Московский Коммерческий институт, высшее учебное заведение коммерческо-экономического образования, учрежденный в 1907 г. Московским обществом распространения коммерческого образования. В 1918 г. преобразован в Московский институт народного хозяйства.

[5]В рукописи текст с этого места и до конца главы вычеркнут карандашом.

Глава 84

[1]*«Русские ведомости»* (1863—1918) — ежедневная московская газета, в 1882-1912 гг. ее редактором-издателем был В.М. Соболевский. О газете и Соболевском см.: Русские ведомости. 1863—1913: Сб. статей. М., 1913.

[2]«Еще до того, как болезнь сделала Абрама Абрамовича невменяемым, он составил завещание на имя жены и сыновей с роковым условием: вторичное замужество лишает Варвару Алексеевну всего ее состояния. Пойти на такую жертву она не решилась...» (*Думова Н.* Московские меценаты. М., 1992. С. 68).

[3]*«Русское слово»* (1895—1917) — ежедневная московская газета, издателем которой с 1897 г. был И.Д. Сытин. См. о ней: *Динерштейн Е.А.* И.Д. Сытин. М., 1983. С. 79—114.

[4]См., напр.: *Кудрин Н.П.* Орошение Мургаба и хлопководство в Средней Азии // Московские ведомости. 1888. 13 апр.

[5]Изложение статьи Н.П. Кудрина о развитии хлопкового дела в Средней Азии, сопровождаемое редакционным комментарием, было помещено в газете «Русские ведомости» 19 декабря 1886 г. Вопреки утверждениям Н.А. Варенцова, редакцией при этом не были отмечены какие-либо орфографические ошибки или неграмотность автора, указывалось только на несколько смысловых повторов.

[6]Товарищество Тверской мануфактуры выстроило в 1896—1898 гг. новый дом для своего правления по адресу: ул. Варварка, д. 9 (сохранился в надстроенном виде).

[7]М.А. Морозов был женат на Маргарите Кирилловне Мамонтовой, дочери М.О. Мамонтовой, урожд. Левенштейн.

[8]Пьеса «Джентльмен», написанная А.И. Сумбатовым (Южиным) в 1894—1895 гг., опубликована в: Сцена: Драматический сборник. 1896. М., 1897. Вып. 18; поставлена на сцене Малого театра в октябре 1897 г. Роль Лариона Рыдлова, прототипом которого был М.А. Морозов, играл актер Малого театра К.Н. Рыбаков.

[9]Арсений А. Морозов первым браком был женат на Вере Сергеевне Федоровой, дочери архитектора. См.: *Филаткина Н., Дроздов М.* Морозовы. Династия фабрикантов и меценатов: Опыт родословия. Ногинск, 1995. С. 24.

[10]Ср.: «В самом начале 90-х годов <......> жила-была в Москве молоденькая закавказская красавица Нина Окрамчаделова, ласковая, умная, зачаровавшая чуть ли не пол-Москвы: и старых, и молодых. Я ее никогда не встречала, но слышала, что под ее чары подпали оба Коншина — отец и сын. <......> Сплетни переплетались и путались: то Нина выходила замуж за старика Владимира Дмитриевича, то за сына его Николая Владимировича» (*Зилоти В.П.* В доме Третьякова. М., 1992. С. 133).

[11]В.Д. Коншин был компаньоном братьев П.М. и С.М.Третьяковых в Торговом доме «П. и С. братья Третьяковы и В. Коншин» и в Товариществе Новой Костромской льняной мануфактуры.

[12]Особняк на ул. Воздвиженке, д. 16, был выстроен для Арсения Морозова архитектором В.А. Мазыриным в 1899 г. После его смерти особняк перешел к Н.А. Коншиной (урожд. Окромчаделовой).

ГЛАВА 85

[1]Открытый в 1906 г. ресторан *«Прага»* до настоящего времени располагается по адресу: ул. Арбат, д. 2.

[2]Дом № 10/2 на углу ул. Рождественки и Варсонофьевского пер. в 1905 г. принадлежал Н.П. Серебряковой, жене Федора А. Серебрякова.

[3]Флагман Первой Тихоокеанской эскадры броненосец «Петропавловск» подорвался на минах на рейде Порт-Артура 31 марта 1904 г. При взрыве погибло более 600 человек, в том числе вице-адмирал С.О. Макаров и художник В.В. Верещагин. Великий князь Кирилл Владимирович был легко ранен. См.: Московские ведомости. 1904. 5 апр.; Новое время. 1904. 1 апр.

[4]Ср.: «Штакельберг был старый соратник Куропаткина по Ахалтекинской экспедиции, имел Георгиевской крест и репутацию храброго командира, но, как говорили, был настолько слаб здоровьем, что не мог обходиться без молочного питания и постоянного ухода жены, которая его никогда не покидала. Так как в Манчжурии молока не было, то при штабе Штакельберга, по слухам, всегда возили корову. Конечно, это давало повод для многих шуток, и хлесткие журналисты из «Нового времени» создали целую легенду о генеральской корове. На самом же деле Штакельберг, несмотря на подорванное на службе здоровье, требовавшее особого ухода, лично руководил сражением, не щадил себя и был настолько глубоко в гуще боя, что под ним даже была убита лошадь» (*Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1955. Т. 1. С. 239).

[5]Ср.: «Вчера, в 4 час. 20 мин. пополудни, между ст. Люблино и Москвою пронесся смерч. <......> Роща вблизи ст. Люблино исчезла с лица земли. Парк в 80 десятин Н.К. Голофтеева не существует <......>. Люблинская роща почти вся положена, с многих дач снесло железные крыши. Еще страшнее картину представляет деревня, лежащая ближе к Москве по Курской дороге» (Рус. слово. 1904. 17 июня).

[6]См.: Дан. 5, 25—28.

ГЛАВА 86

[1]27—28 мая 1905 г. в Цусимском сражении потерпела поражение Вторая Тихоокеанская эскадра под командованием адмирала З.П. Рожественского.

[2]*«Костяная яичница»* — характерно-типическое прозвище скупца. См.: *Елистратов В.С.* Язык старой Москвы. М., 1997. С. 237. «“Костяная яичница”, купец очень скупой, предлагавший иногда угощение, но никогда никого не угощавший» (*Соболев В.Н.* О петушиных боях в Москве // Ушедшая Москва. М., 1967. С. 178).

[3]Известен портрет первой жены А.С. Суворина Анны Ивановны, урожд. Барановой, написанный И.Н. Крамским в 1874 г. См.: *Гольдштейн С.Н.* Иван Николаевич Крамской: Жизнь и творчество. М., 1965. С. 358. Сведений о жи-

юписном портрете второй жены А.С. Суворина Анны Ивановны, урожд. Офремовой, разыскать не удалось.

[4]*«Деловой двор»* — комплекс конторских зданий из нескольких корпусов с гостиницей, построенный в 1912—1913 гг. на площади Варварских ворот (позднее пл. Ногина и Славянская пл.).

[5]Н.А. Второв был убит в мае 1918 г. в своей конторе в «Деловом дворе» юношей в красноармейской шинели, который после этого застрелился на месте. См.: *Аксенов А.И., Петров Ю.А.* Коншины-серпуховские // Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. М., 1997. С. 213.

[6]Речь идет об училище Фидлера — реальном училище в Лобковском пер., д. 5/16, предоставленном в 1905 г. его владельцем и директором И.И. Фидлером в распоряжение революционных партий для проведения собраний, митингов и занятий боевых дружин. О событиях 9 декабря 1905 г. в училище И.И. Фидлера промышленник Н.П. Вишняков записал в дневнике: «Он (Фидлер. — *В.Л., Е.Ю.*) стал разрешать в своем учебном заведении митинги учащимся средних учебных заведений, а на сей раз у него собрались заправские революционеры. Полиция оцепила дом, а солдаты установили пушки. Потребовали сдаться собравшимся, но в ответ из окон раздались выстрелы. Тогда был отдан приказ палить из пушек. Вскоре осажденные выкинули белый флаг. Офицер с солдатами подошел к двери здания, но оттуда бросили бомбу и убили несколько человек. Тогда вновь открыли огонь из пушек» (Революция 1905 года в Москве. Из дневника Н.П. Вишнякова // Московский журнал. 1996. № 4. С. 39).

[7]Сын автора Сергей Николаевич Варенцов в 1905 г. был учащимся Александровского Коммерческого училища.

[8]Первая жена автора, Мария Николаевна, урожд. Найденова, в 1897 г. вышла замуж за Владимира Александровича Александрова, присяжного поверенного и драматурга.

[9]В конце вооруженного противостояния в Москве 17 декабря 1905 г. пулеметным и артиллерийским обстрелом была разрушена и сожжена мебельная фабрика Н.П. Шмита, находившаяся у Горбатого моста на Пресне (Предтеченский пер., д. 9). Рабочая дружина фабрики принимала активное участие в строительстве баррикад и оказала ожесточенное сопротивление правительственным войскам.

ЖУТКИЕ ГОДЫ

ГЛАВА 1

[1]Ср.: «На Никольской башне, которую разбили в 1812 г. французы, образ святителя Николая, оставшийся невредимым от французского нашествия, ныне подвергся грубому расстрелу. <......> Среди этого разрушения образ Св. Николая

уцелел, но вокруг главы и плеч святителя сплошной узор пулевых ран» (*Нестор, епископ Камчатский.* Расстрел Московского Кремля (27 октября — 3 ноября 1917 г.). М., 1995. С. 44).

[2]«*Вдова Клико*» (фр. «Veuve Clicot») — марка высококачественного французского шампанского вина, ввозившегося в Россию с конца XVIII в.

[3]Ср.: «будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10, 16).

[4]Н.А. Варенцов дружил с главой семьи Боголеповых — Михаилом Александровичем, преподавателем географии и естественной истории 7-й казенной мужской гимназии.

[5]Имение Н.А. Варенцова Бутово находилось вблизи древнего подмосковного села Качалова, известного с XVI в. В XVII в. здесь был выстроен каменный храм во имя св. Параскевы Пятницы, перестроен в 1901 г. В 1941—1991 гг. храм был закрыт. Ныне в этом храме, сохранившемся у старого кладбища не существующего уже села Качалова, возобновлены богослужения.

[6]*Дендрологический сад* (от греч. δενδρον — 'дерево') — участок территории, где в открытом грунте культивируются деревья и кустарники, размещаемые по географическому, экологическому или декоративному признакам.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В указатель не внесены библейские, мифологические и литературные персонажи, а также лица, названные только по имени или имени и отчеству. Фамилии исследователей и авторов сообщений, упоминаемых в тексте вступительной статьи и комментариев, не аннотируются и инициалы их не раскрываются. Имена собственные приводятся в современной орфографии, в отдельных случаях в скобках указываются варианты написания. Краткие аннотации даны с учетом времени и контекста упоминания. Ссылки на страницы вступительной статьи и комментариев выделены курсивом. В тех случаях, когда сведения об эпизодических персонажах воспоминаний не удалось проверить по другим источникам, проставлен знак *.

При составлении аннотированного именного указателя авторы с благодарностью воспользовались обстоятельными консультациями *Н.А. Филаткиной,* проверившей и уточнившей по собранным ею архивным источникам фактические данные, касающиеся отдельных представителей родов купцов и фабрикантов Алексеевых, Бахрушиных, Боткиных, Ермаковых, Корзинкиных, Мазуриных, Морозовых, Носовых, Перловых, Сырейщиковых и некоторых других. Авторы признательны *П.Г. Дервизу, Н.А. Живаго, А.Д. Коншину, А.Н. Фирсанову* и *М.С. Хлудовой* за сообщение ценных биографических сведений об их предках, членах известных купеческих семей.

Абаза Александр Аггеевич (1821—1895), пот. двор., действительный тайный сов., гофмейстер. Член Комитета министров (1874—1892), министр финансов (1880—1881). 159.

Аверьянов Платон Варламович, полковник, уездный начальник в Намангане. *741.*

Агеева Е.А. *18, 720, 759.*

Азизов Абдурауб, купеческий старшина в Бухаре, торговец каракулем и шерстью. 278.

Аигин Иван Иванович, бухгалтер Кокандского отделения МТПТ. 266, 270, 294, 309.

Аксенов А.И. *771.*

Аксенов Василий Дмитриевич (1817—1890), п.п.г., комм. сов., председатель совета Моск. купеческого общества взаимного кредита, член совета Моск. Купеческого банка. Совладелец Торгового дома «Дмитрия Аксенова сыновья». Благотворитель. 131, 138—140, *727.*

Аксенов Сергей Дмитриевич (1831—?), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, совладелец Торгового дома «Дмитрия Аксенова сыновья». 139, 140.

Алеканов*, помещик. 208.

Александр II (1818—1881), российский император с 1855 г. 159—161. *728, 730.*

Александр III (1845—1894), российский император с 1881 г. 27, 28, 111—114, 213, 304, 346, *742.*

Александра Федоровна (1872—1918), урожденная принцесса Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса Гессен-Дармштадтская, российская императрица, супруга Николая II с 1894 г. 108, 620.

Александров*, начальник товарной железнодорожной станции в Нижнем Новгороде. 572.

Александров Александр Михайлович (1872—?), п.п.г., сын М.А. Александрова. 596, *764*.

Александров Василий Александрович, моск. 1-й гильдии купец и подрядчик по строительным делам. 344.

Александров Владимир Александрович (1856 — не ранее 1919), присяжный поверенный, драматург, второй муж М.Н. Найденовой. *9*, 696, *771*.

Александров Михаил Александрович (1845—?), п.п.г., петерб. 1-й гильдии купец, торговец мануфактурным товаром. 596, *764*.

Александрова Анна Константиновна, урожд. Маракушева, п.п.г. Дочь К.И. Маракушева, жена А.М. Александрова.596, *764*.

Алексеев*, уполномоченный русского правительства в Иерусалиме. 477—479, 481.

Алексеев Владимир Семенович (1795—1862), п.п.г., комм. сов., моск. 1-й гильдии купец, основатель Товарищества «Владимир Алексеев». 294, 319, 353, 362, *745*.

Алексеев Владимир Сергеевич (1861—1939), п.п.г., директор правления Товариществ «Владимир Алексеев» и Даниловской мануфактуры. 319, 320, 323.

Алексеев Иван Петрович (1822—1894), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, совладелец Торгового дома «Петра Алексеева сыновья». Сын П.А. Алексеева, муж С.Н. Алексеевой. 450—452, 454.

Алексеев Михаил Иванович (1855—?), п.п.г. Двоюродный брат автора. 102, 442.

Алексеев Николай Александрович (1852—1893), п.п.г., директор Товарищества «Владимир Алексеев». Моск. городской голова в 1885—1893 гг. *14*, 100, 319, 353—363, 375, 501, 541, 542, *746*, *760*.

Алексеев Николай Иванович, п.п.г., двоюродный брат автора. 452.

Алексеев Павел Сергеевич (1875—1888), п.п.г. Сын С.В. Алексеева, младший брат К.С. Станиславского (Алексеева). 35, *718*.

Алексеев Петр Семенович (1794—1850), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, основатель Торгового дома «Петр Алексеев с сыновьями».450, 451, 462, *753*, *754*.

Алексеев Семен Владимирович (1827—1873), п.п.г., совладелец Товарищества «Владимир Алексеев». Дядя Н.А. Алексеева. 636.

Алексеев Семен Иванович (1829—1905), п.п.г., моск. домовладелец. 419, 420, *750*.

Алексеев Сергей Владимирович (1836—1893), п.п.г., комм. сов., директор правления Товарищества «Владимир Алексеев». Благотворитель. 35, 132, 325, 584, *742*.

Алексеева*, жена Алексеева, уполномоченного русского правительства в Иерусалиме. 477, 481.

Алексеева Александра Владимировна, урожд. Коншина (1852—1903), п.п.г., директор правления Товарищества «Владимир Алексеев», видная благотворительница. Жена Н.А. Алексеева. 355, 357, *745*.

Алексеева Софья Николаевна, урожд. Варенцова (1830—1896), п.п.г. Жена И.П. Алексеева, тетка автора. 102, 450—453, 456, *753*.

Алексеевы, семья предпринимателей, фабрикантов, общественных деятелей, меценатов и благотворителей, основавших в конце XVIII в. золотоканительную фабрику в Москве. 443, 462, *763*.

Алексей Михайлович (1629—1676), русский царь с 1645 г. 550.

Алпатов Михаил Владимирович (1902—1986), историк искусств. Племянник В.А. Капустина. *756*.

Алфимов*, служащий правления ТБКМ. 705.

Алянчиков*, главный инженер фабрики Товарищества Ярославской Большой мануфактуры. 403.

Амати — семья итальянских мастеров смычковых инструментов в XVI—XVII вв. Учеником Николо Амати (1596—1684) был А. Страдивари. 225, *736*.

Амфитеатров Валентин Николаевич (1836—1908), протоиерей и настоятель Архангельского собора в Кремле. 639.

Андреев Г.А. *18*.

Андреев Константин Алексеевич (1848—1921), действительный статский сов., доктор математики, декан и заслуженный профессор Имп. Моск. университета. В 1898—1907— директор Александровского коммерческого училища в Москве. 452, 453.

Андреева Мария Федоровна (наст. фамилия Юрковская, по первому мужу Желябужская) (1868—1953), актриса Моск. Художественного театра в 1898—1905 гг., комиссар театров и зрелищ Петрограда в 1919—1921 гг., директор моск. Дома ученых в 1931—1948 гг. Гражданская жена А.М. Горького. 518, *758*.

Андреева-Бальмонт Е.А. *728*.

Анненков Михаил Николаевич (1835—1899), пот. двор., генерал от инфантерии, член Военного совета, строитель Закаспийской (Среднеазиатской) железной дороги. 80, 81, 273.

Антодиадис*, владелец сада в Александрии. 483.

Антоний (Медведев) (1792—1877), архимандрит, наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры в 1831—1877 гг., духовный писатель. 589.

Апухтин Алексей Николаевич (1841—1893), поэт. 133, *727, 762*.

Арванитаки Николай Алексеевич, полковник, уездный начальник Чуста. *741*.

Аренс Иван Антонович (1854 — не ранее 1914), комм. сов., моск. 1-й гильдии купец, директор правления промышленно-торгового Товарищества «Понфик, Аренс и К°», член советов Волжско-Камского и Моск. Купеческого банков. 364.

Арсеньев Михаил Арсеньевич (Арсентьевич) (1824—?), моск. 2-й гильдии купец, владелец ресторана в Москве. 77, 166, *722*.

Архаров Иван Петрович (1744—1815), пот. двор., генерал от инфантерии, в 1796—1797 гг. — моск. военный генерал-губернатор и командующий моск. 8-м батальонным гарнизонным полком. *741*.

Асадулаев*, сын Ш. Асадулаева. 341.

Асадулаев (Асадуллаев) Шамси (1840—1913), бакинский 1-й гильдии купец, владелец нефтепромыслов, нефтеналивного флота и фирм по торговле нефтепродуктами. Моск. домовладелец и благотворитель, строитель здания мусульманского общественного центра в Замоскворечье. 340, 341, *744*.

Асадулаева Мария Петровна, п.п.г., моск. домовладелица. Жена Ш. Асадулаева. 341, *744.*

Атобеков*, служащий Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°». 154, 298.

Ауэрбах*, владелец магазинов в Москве.408.

Афанасий*, инок Свято-Троицкой Сергиевой лавры. 97.

Афанасьев Иван Дмитриевич (1805—1881), моск. 2-й гильдии купец, домовладелец.119, 122, *726.*

Ахенбах Теодор-Герман-Фридрих (1819 — ок. 1880), моск. 1-й гильдии купец, торговал под фирмой «Ахенбах и Колли-младший», имел банкирскую контору в Москве. 144.

Ашкенази*, моск. купец. *720, 721.*

Бабкины, братья Илья Семенович (1787—1842) и Петр Семенович (1785—1840), п.п.г., ман.-сов., владельцы Купавинской суконной фабрики. 157.

Базанова Юлия Ивановна, п.п.г., иркутская 1-й гильдии купчиха-золотопромышленница. Крупная благотворительница, почетный член Имп. Русского музыкального общества. 325, *742.*

Байдаков Леонид Андреевич (1868—?), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, торговал кирпичом и строительными материалами под фирмой «Байдаков и К°». Владелец кирпичного завода под Москвой, старшина Моск. Купеческого собрания. 340.

Байдакова Надежда Александровна, в замуж. Казакова, п.п.г., моск. домовладелица. Жена Н.И. Казакова. 193, *731.*

Бакланов Александр Иванович (1852—?), п.п.г., сын И.К. Бакланова. 325.

Бакланов Иван Козьмич (1829 — ок. 1892), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, комм. сов., совладелец Торгового дома «К.К. Бакланова сыновья», директор-распорядитель правления Товарищества Купавинской суконной фабрики братьев Бабкиных. 324, 325.

Бакланов Козьма Карпович (? — ок. 1872), моск. 2-й гильдии купец, основатель Торгового дома «К.К. Бакланов и сыновья». Отец Н.К. и И.К. Баклановых. *742.*

Бакланов Николай Козьмич (1837—?), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, комм. сов. Совладелец Торгового дома «К.К. Бакланова сыновья», директор-распорядитель МТПТ. 131, 144, 316, 324—327, *730, 742.*

Бакланов Николай Николаевич (1869—?), п.п.г. Сын Н.К. Бакланова. 563.

Баклановы, семья моск. предпринимателей, банкиров и общественных деятелей. 157, 324, 325, 327, *742.*

Балашов Василий Никифорович, богородский 1-й гильдии купец, совладелец Товарищества мануфактур «В., С. и Г. Балашовы». 560.

Баранов Александр Иванович (1833—1878), п.п.г., ман.-сов., александровский 1-й гильдии купец, совладелец Товарищества мануфактур братьев Барановых. 136.

Баранов Асаф (Иоасаф, Асафа) Иванович, п.п.г., ман.-сов., совладелец Товарищества мануфактур братьев Барановых и учредитель Товарищества Соколовской мануфактуры Асафа Баранова. 137, 141.

Баранов Иван Александрович (1863—?), п.п.г., ман.-сов., член Моск. отделения Совета торговли и мануфактур, директор Товарищества мануфактур Барановых, член

советов Моск. Купеческого и Торгового банков. Коллекционер, после 1919 г. — сотрудник Исторического музея в Москве. Сын А.И. Баранова. 138, 140.

Баранов Николай Михайлович (1837—1901), пот. двор., генерал-лейтенант, в 1883—1897 гг. — нижегородской губернатор. *15*, 517, 520—522, 566, 568—572, *762*.

Баранов Петр Илларионович, мучной торговец в Кинешме. 190—191.

Баранова Елизавета Александровна, п.п.г., член правления Товарищества мануфактур братьев Барановых, моск. домовладелица. Жена Александра И. Баранова. 137—140.

Барановский Владимир Львович (1882—1931), пот. двор., в 1917 г. — полковник, генерал-майор, начальник кабинета военного министра, генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта. С 1918 г. состоял на службе в Красной Армии: в системе Всевобуча (1918—1919), помощник начальника Всероссийского Главного штаба (1919—1921), начальник Организационного управления Штаба РККА (с 1921). Репрессирован, реабилитирован в 1989 г. Зять автора. *11*.

Бардуков Яков Савельевич, коллежский сов., исправник в Кинешме. *730*.

Бардыгин Михаил Никифорович (1858— не ранее 1914), п.п.г., действительный статский сов., директор-распорядитель торгово-промышленных товариществ «Н.М. Бардыгина наследник» и «П.Малютина наследники». Член совета Московского Биржевого банка, депутат Третьей Государственной думы. 383.

Барлов Ричард Васильевич, великобританский подданный, учредитель, технический директор и член правления Товарищества Кренгольмской мануфактуры. *732*.

Барт И. *723*.

Бартенев С.П. *766*.

Батый (ок. 1207—1256), хан Золотой Орды из рода Чингисидов. 610.

Бахрушин А.П. *13, 751*.

Бахрушин Александр Алексеевич (1823—1916), п.п.г., ман.-сов., совладелец Товарищества кожевенной и суконной фабрики А. Бахрушина сыновей, крупный благотворитель. Почетный гражданин Москвы. *14*, 468—470, 672, *754*.

Бахрушин Алексей Александрович (1865—1929), п.п.г., ман.-сов., действительный статский сов., коллекционер, основатель Театрального музея в Москве. Сын Александра А. Бахрушина. 473, 474, *755*.

Бахрушин Алексей Федорович (1792—1848), моск. 2-й гильдии купец, основатель кожевенной фабрики в Москве. *754*.

Бахрушин Василий Алексеевич (1832—1906), п.п.г., моск. I-й гильдии купец, крупный фабрикант и благотворитель, совладелец Товарищества кожевенной и суконной фабрик А. Бахрушина сыновей. Почетный гражданин Москвы. 66, 100, 468, 471, 672, *725, 754*.

Бахрушин Владимир Александрович (1853—1910), п.п.г., гласный Моск. городской думы. Сын Александра А. Бахрушина. 473, 474, *755*.

Бахрушин Дмитрий Петрович (1844—1918), п.п.г., директор правления Товарищества кожевенной и суконной фабрик А.Бахрушина сыновей, член правления Волжско-Камского банка. Сын П.А. Бахрушина. 472, *754*.

Бахрушин Константин Петрович (1856—1938), п.п.г., совладелец Товарищества кожевенной и суконной фабрик А. Бахрушина сыновей, член совета Моск. Учетного банка, крупный моск. домовладелец. Сын П.А. Бахрушина. 249, 471, 472.

Бахрушин Николай Васильевич (1872—1917), п.п.г. Сын В.А. Бахрушина. 66, 471.

Бахрушин Николай Николаевич (?—1929), п.п.г. Сын Н.П. Бахрушина. *10.*

Бахрушин Николай Петрович (1854—1927), п.п.г., директор правлений Товариществ: кожевенной и суконной фабрик А. Бахрушина сыновей и «Сталь», член правления Моск. Купеческого банка. Общественный деятель. Сын П.А. Бахрушина. *10, 14*, 66, 249, 471—474, 635, *738, 755, 766.*

Бахрушин Петр Алексеевич (1819—1894), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, совладелец Товарищества кожевенной и суконной фабрик А. Бахрушина сыновей, благотворитель. 468, 472, 672, *754.*

Бахрушин Ю.А. *754.*

Бахрушина Вера Федоровна, урожд. Мазурина (1843—1910), п.п.г., благотворительница. Жена В.А. Бахрушина. 66.

Бахрушины, семья моск. предпринимателей, общественных деятелей, благотворителей и меценатов. 62, 468, 469, 471, 583, *754, 764.*

Баюкли, купец — см.: Буюкли И.Д.

Баюкли, жена купца Баюкли — см.: Буюкли Е.К.

Баюкли, дочери купца Баюкли — см.: Буюкли, дочери И.Д. Буюкли.

Белавины, дворянская семья помещиков и владельцев мануфактурной фабрики в Москве. *5.*

Белоусов И.А. *748, 765.*

Бенуа А.Н. *757.*

Бер Александр Семенович, коллежский сов., моск. 1-й гильдии купец, член правления Товарищества Даниловской мануфактуры, биржевой маклер. 381.

Бер Алексей Борисович (?—1893), тайный сов., директор Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов. 84, 85.

Берг Павел Васильевич (1818—1894), пот. двор., подполковник в отставке, предприниматель. Директор-распорядитель правления Товарищества Рождественской мануфактуры, владелец горных заводов и золотопромышленник. 574—576.

Бердяев Николай Александрович (1874—1948), философ.*13.*

Беринг Томас (?—1891), банкир, финансист, совладелец Торгового и банкирского дома «Братья Беринг и К°» в Лондоне. 159.

Берлейн Юлиус (1854—?), британский подданный, моск. 1-й гильдии купец, торговец машинами, металлоизделиями и химическими товарами, владелец текстильной фабрики в Серпухове. 469.

Бетанкур Огюстен (1758—1824), французский архитектор и инженер, работал в России с 1808 г. Автор многочисленных построек в Петербурге, Москве, Казани, Туле и других городах, в том числе здания Гостиного двора в Нижнем Новгороде. 548.

Бетц Василий Васильевич (Вильгельм-Леопольд-Карл) (1840—?), петерб. 2-й гильдии купец, биржевой маклер по колониальным товарам. 508—510, *757.*

Битц — см.: Бетц В.В.

Благоволин — см.: Благонравов Р.Ф.

Благонравов Ростислав Федорович, подполковник в отставке, сотрудник Главной складочной таможни в Москве. 114, *726.*

Боборыкин П.Д. *737.*

Бовыкин В.И. *737.*

Богданова Фелицата Петровна, смотрительница приюта для детей, просящих милостыню, в Москве. Домашняя учительница детей автора. 497.

Боголепов Михаил Александрович, статский сов., преподаватель 7-й моск. гимназии. 340, 471, 709, *772.*

Богуш Иосиф Иванович (1839—1901), практикующий в Москве врач. 214, 221, 231, 249, 251.

Боев Николай Иванович (ок. 1825—1896), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, оптовый торговец хлопчатобумажной пряжей. Крупный благотворитель. 571.

Борисовские, братья, совладельцы Торгового дома «Мартемьян Борисовский с сыновьями». 131, 132, 513, *726.*

Борисовский Евгений Мартемьянович*, сын М.М. Борисовского. 131.

Борисовский Иван Мартемьянович (1831—?), п.п.г., переславльский 1-й гильдии купец, совладелец Торгового дома «Мартемьян Борисовский с сыновьями». Сын М.И. Борисовского. *726.*

Борисовский Мартемьян Мартемьянович*. 131, 134, *726.*

Борисовский Мартемьян Никанорович, п.п.г., служащий Товарищества Переславской мануфактуры. Сын Н.М. Борисовского. 131.

Борисовский Мартемьян (Мартиниан) Иванович (1796—?), п.п.г., переславльский 1-й гильдии купец, совладелец Торгового дома «Мартемьян Борисовский с сыновьями». *726.*

Борисовский Никанор Мартемьянович (1825—ок. 1896), п.п.г., ман.-сов., переславльский 1-й гильдии купец, совладелец Торгового дома «Мартемьян Борисовский с сыновьями», председатель правления Моск. коммерческого Ссудного банка. Сын М.И. Борисовского. 131—133, 210, *726.*

Бостанжогло (Бостанджогло) Василий Михайлович (1826—1876), ман.-сов., действительный статский сов., совладелец табачной фабрики в Москве. Банкир, видный общественный деятель. 159.

Бостанжогло (Бостанджогло) Михаил Николаевич (1862—?), п.п.г., ман.-сов., директор правления Торгового дома «М.И. Бостанжогло с сыновьями» и Товарищества табачной фабрики М.И. Бостанжогло. Племянник В.М. Бостанжогло. 410, 412.

Боткин Дмитрий Дмитриевич (?—1888), п.п.г. Сын Д.П. и С.С. Боткиных. 625, *766.*

Боткин Дмитрий Петрович (1829—1889), п.п.г., совладелец Торгового дома «Петра Боткина сыновья». Коллекционер живописи, почетный член Академии художеств. 625.

Боткин Петр Петрович (1831—1907), п.п.г., комм. сов., совладелец чаеторговой фирмы «Петра Боткина сыновья», общественный деятель. 356, 357.

Боткина Софья Сергеевна, урожд. Мазурина (1840—1889), п.п.г. Жена Д.П. Боткина. 625, *766.*

Боткины — семья моск. чаеторговцев, меценатов и общественных деятелей. *15,* 625, *766.*

Бочаров Михаил Михайлович, директор правления Товарищества Соколовской мануфактуры Асафа Баранова. 380, 381.

Брайт Ричард (1784—1858), английский врач-нефролог. *722.*

Бремзен фон Алексей Густавович, инженер-технолог, надворный сов., товарищ управляющего Экспедицией заготовления государственных бумаг Министерства финансов в 1900-х гг. 385, *748.*

Бродский Лев Израилевич (1852—1923), п.п.г., комм. сов., кандидат прав, банкир, крупный землевладелец и сахарозаводчик в Харьковской и Киевской губ. 132, 513, *758.*

Брюллов Карл Павлович (1799—1852), художник. 532.

Брянчанинов Александр Семенович (1784—1875), пот. двор. Отец Игнатия (Брянчанинова). 640, *766.*

Брянчанинов Евгений — см.: Игнатий (Брянчанинов Д.А.).

Бубнов Федор Федорович (1840—?), п.п.г., моск. 2-й гильдии купец, владелец трактира на Ильинке в Москве. 386, 389, 395, 398, *748.*

Бугровский Михаил Федорович (1856—?), моск. архитектор. 429.

Бунин И.А. *10.*

Бурганов Мирсаит-Ата, бухарский купец. 668—670.

Бурксер Самуил, медиум и гипнотизер из Одессы. 96, 97, 115, *724.*

Бурнаев-Курочкин Алексей Иванович, владелец химических заводов в Кинешме и Романово-Борисоглебске, банкирской конторы в Ярославле. 656.

Бурнашев Халит Сабитович, доверенный представитель МТПТ в Бухаре. 273, 275, 276, 279, 280.

Бурхард — см.: Бурксер С.

Бурылин Дмитрий Геннадиевич (1852—1924), п.п.г., ман.-сов., основатель Товарищества мануфактур Д.Г. Бурылина в Иваново-Вознесенске. Крупный благотворитель, меценат, коллекционер. 197.

Бурышкин Павел Афанасьевич (1887—1953), п.п.г., моск. 2-й гильдии купец. Общественный деятель, товарищ московского городского головы. Автор широко известной книги из истории московского купечества, написанной им уже в эмиграции, «Москва купеческая» (Нью-Йорк, 1954). *13, 14, 720, 735, 742.*

Бутусов Николай Дмитриевич (1864—?), моск. архитектор. *766.*

Буюкли Елена Кирилловна (1783—1857), жена И.Д. Буюкли. 58—60.

Буюкли Иван Дмитриевич (1773—1857), моск. купец. 58—61.

Буюкли, дочери И.Д. Буюкли. 58, 59.

Вагурин Александр Иванович (1849—?), п.п.г., комм. сов., директор правления Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°», член совета ряда банков и страховых обществ. 162, 164—167.

Вадьяев*, купец в Коканде, торговец хлопком. 286.

Вараксин*, муж Вараксиной. 300.

Вараксина*, гражданская жена Д.Л. Филатова. 300, 312.

Варенцов Александр Маркович (?—1821), сын Марка Никитича Варенцова. 435.

Варенцов Александр Николаевич (1824—1863), п.п.г., моск. 3-й гильдии купец. Отец автора. *6, 7,* 437, 445, 446.

Варенцов Алексей Васильевич (1682 — между 1745—1778 гг.), посадский человек гор. Переславля-Залесского. Сын Василия Варенцова. *6.*

Варенцов Андрей Николаевич (1905—1983), п.п.г. После Октябрьской революции — техник-экономист, участвовал в Великой Отечественной войне. Сын автора. *7, 9—11, 749.*

Варенцов Анисим Никитич (1768—?), переславль-залесский купец. Брат Марка Никитича Варенцова. *6.*

Варенцов В.А. *12.*

Варенцов Василий (вторая половина XVII — начало XVIII в.), посадский человек гор. Переславля-Залесского. Основоположник рода Варенцовых. *6.*

Варенцов Иван Васильевич (1684— между 1745—1763), посадский человек гор. Переславля-Залесского. Сын Василия Варенцова. *6.*

Варенцов Иван Михайлович — см.: Варенцов Павел Михайлович.

Варенцов Иван Николаевич (1904—1927), п.п.г. Сын автора. *11*, 229, *726.*

Варенцов Константин Николаевич (1906—1941), п.п.г. После Октябрьской революции — инженер-строитель. Погиб в ополчении. Сын автора. *10, 11.*

Варенцов К.М. *18.*

Варенцов Лев Николаевич (1892 — после 1930), п.п.г. Офицер, участник первой мировой войны и белого движения. После 1920 г. в эмиграции. Сын автора. *9, 10.*

Варенцов Марк Никитич (1770—1845), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, домовладелец. Прадед автора. *6,* 434, 435, 459, 464, 576, *751.*

Варенцов Марк Николаевич (1890—1973), п.п.г., юрист, спортсмен. Участник первой мировой и гражданской войн, офицер. После Октябрьской революции работал в арбитраже. Сын автора. *9—11.*

Варенцов Михаил Васильевич (последняя четверть XVII в. — до 1745 г.), посадский человек гор. Переславля-Залесского. Сын Василия Варенцова. *6.*

Варенцов Михаил Иванович (1707— между 1778—1797), переславль-залесский купец из посадских людей. Сын И.В. Варенцова. *6.*

Варенцов Михаил Маркович (1795—1853), п.п.г., моск. 2-й гильдии купец. Двоюродный дед автора. *6,* 434—436, 576, 577, *762.*

Варенцов Михаил Михайлович (1820—1861), п.п.г., моск. 2-й гильдии купец. Двоюродный дядя автора. 576.

Варенцов Михаил Николаевич (1842—1884), п.п.г., фабрикант, директор правления Товарищества Ярославской Большой мануфактуры, владелец Завидовской камвольной фабрики. Троюродный брат автора. 576—579, *763.*

Варенцов Никита Маркович (1814—1818), сын Марка Никитича Варенцова. 435.

Варенцов Никита Михайлович (1727— между 1778 и 1797), переславльский купец из посадских людей. Прапрадед автора. *6,* 434.

Варенцов Николай Александрович (1862—1947), п.п.г., инженер-механик, автор воспоминаний. *1—19,* 84, 117, 119, 166, 167, 391, 575, 643, *718, 719, 723, 726, 727, 730, 732, 737, 746, 748, 749, 754, 755, 760, 766, 767—769, 772.*

Варенцов Николай Маркович (1800—1878), п.п.г., моск. 3-й гильдии купец, домовладелец. Дед автора. *6,* 69, 118, 434—445, 448, 451, 454, 455, 576, 642, *726.*

Варенцов Николай Михайлович (1818—1884), п.п.г., моск. 2-й гильдии купец. Двоюродный дядя автора. 576.

Варенцов Николай Николаевич (1838—1902), п.п.г., коллежский секретарь. Дядя автора. 94, 455—462, *753, 754.*

Варенцов Павел Михайлович (1822—1857), п.п.г., моск. 2-й гильдии купец. Двоюродный дядя автора. *762.*

Варенцов Петр Михайлович (1824—1865), п.п.г., моск. 2-й гильдии купец. Двоюродный дядя автора. 576.

Варенцов Петр Никитич (1733—?), переславль-залесский купец. Брат Марка Никитича Варенцова.*6.*

Варенцов Сергей Михайлович (1833—1874), моск. 2-й гильдии купец. Двоюродный дядя автора. *16*, *17*, 576, 577, *763.*

Варенцов Сергей Николаевич (1889—1915), п.п.г., кандидат в директора правления ТБКМ. Погиб на фронте в первую мировую войну. Сын автора. *9*, *10*, 695, *771.*

Варенцова Александра Федоровна, мать автора — см. Рябинова (Рябина) Александра Федоровна.

Варенцова Евдокия Павловна — см.: Прохорова Е.П.

Варенцова Екатерина Марковна, в замуж. Савинкова (1807—?), п.п.г. Двоюродная бабка автора. 435.

Варенцова Елизавета Максимовна — см.: Лаврентьева Е.М.

Варенцова Л.Н. *12, 18.*

Варенцова Л.П. *7, 18.*

Варенцова Мария Николаевна, в замуж. Глинская (1896—1980), п.п.г. Дочь автора. *9.*

Варенцова Марфа Сергеевна (1771—1836), п.п.г. Прабабка автора. *6*, 434—436.

Варенцова Надежда Марковна, в замуж. Глазунова (1819—1881), п.п.г. Двоюродная бабка автора. 435.

Варенцова Ольга Александровна, в замуж. Фирсанова (1860—?), п.п.г. Родная сестра автора. 398, 536, *759.*

Варенцова Ольга Флорентьевна — см.: Перлова О.Ф.

Варенцова Софья Михайловна, в замуж. Четверикова (1819—1875), п.п.г. Жена Д.И. Четверикова, двоюродная тетка автора. 576.

Варенцовы, старинный род переславль-залесских и моск. купцов, к которому принадлежал автор. *18*, 434, 464, 575.

Васильева Мария Николаевна, урожд. Малинина, владелица картузного заведения в Москве, на Елоховской ул. Внучка Федора Я. Ермакова. 64, 542.

Вахромеев Леонид Алексеевич, выпускник Моск. коммерческого института. 667.

Вейхельт Карл (1834—1898), прусский подданный, моск. 1-й гильдии купец, владелец механического завода в Москве, на Гороховской ул. 702.

Верди Джузеппе (1813—1901), итальянский композитор. *747.*

Веретенников Александр Петрович (1841—?), п.п.г., директор правления Товарищества «Владимир Алексеев», сотрудник МТПТ. 319, 322, 323.

Веретенникова*, жена А.П. Веретенникова. 323.

Веретенникова Мария Константиновна, урожд. Куманина (1814—?), пот. двор., вдова моск. 1-й гильдии купца, мать А.П. Веретенникова.322, 323, *742.*

Верещагин Василий Васильевич (1842—1904), художник-баталист. *739, 741, 770.*

Вернер Алексей Яковлевич (Адольф-Вильгельм), моск. 2-й гильдии купец, биржевой маклер по хлопку, экспедитор таможни. 88.

Вечера Мария (1872—1889), баронесса, фаворитка австрийского эрцгерцога Рудольфа Габсбурга. 88, *723.*

Виноградов Петр Гордеевич, владелец булочной в Москве, на Мясницкой ул. 554.

Витте Сергей Юльевич (1849—1915), граф, действительный тайный сов., министр путей сообщения и финансов (1892—1903), председатель Комитета министров (1903—1905) и Совета министров (1905—1906). *15*, 230, 240, 248, 251, 524, 525, *736.*

Вишняков Алексей Семенович (1859—1919), п.п.г., комм. сов., председатель правления Моск. купеческого общества взаимного кредита, видный деятель коммерческого образования в Москве. 354, 666—668.

Вишняков Н.П. *13*, *728, 771.*

Вишняков Петр Михайлович (1781—1847) п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, основатель золотоволочильной фабрики в Москве. *745.*

Владимир (в миру Василий Никифорович Богоявленский) (1848—1918), митрополит Московский и Коломенский в 1898—1912 гг., Киевский и Галицкий с 1915 г. Священномученик, расстрелян в Киеве в 1918 г. Причислен к лику святых Русской православной церковью в 1992 г. 639.

Владимиров Александр Ефимович, п.п.г., директор-распорядитель правления «Товарищества преемника Алексея Губкина А. Кузнецова и К°», член советов Моск. Купеческого и Моск. Торгового банков. 180.

Владимиров Василий Ефимович (1858—1900), п.п.г., чаеторговец в Москве. 181.

Владимиров Николай Михайлович, личный почетный гражданин, директор САТПТ, директор и член правления Моск. Купеческого банка. 181.

Владимирова*, жена Н.М. Владимирова. 72—75.

Владимирова*, дочь Н.М. Владимирова. 75.

Власов П.В. *734*, *735.*

Власов Павел Власович, мещанин, торговал керосином в доме Н.Н. Варенцова на Старой Басманной. 458, 460.

Власовский Александр Александрович (1842—1899), полковник, исполнявший должность обер-полицмейстера в Москве в 1891—1896 гг. 359—362.

Вогау Гуго Максимович (1849—1923), п.п.г., комм. сов., моск. 1-й гильдии купец, совладелец Торгового дома «Вогау и К°», банкир. 133.

Вогау Максим Максимович (Филипп-Максимилиан) (1807—1880), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, основатель Торгового дома «Вогау и К°», председатель совета Московского Учетного банка. Отец Г.М. и О.М. Вогау. 146, 147.

Вогау Отто Максимович (1844—1904), п.п.г., комм. сов., моск. 1-й гильдии купец, совладелец Торгового дома «Вогау и К°», член совета Моск. Торгового банка. *8*, 109, 110, 145—148, 317, 396, 510, *730*.

Волынский Михаил Давидович, агроном, купец 2-й гильдии, совладелец Николо-Михайловского общества стекольной и каменноугольной промышленности. директор правления Товарищества «Сталь». 230—232, 234—236, 240—243, 246—248.

Воронин — см.: Воронов Л.Н.

Воронин Владимир Петрович (?—1884), п.п.г., служащий Моск. Учетного банка Муж В.И. Фирсановой. 535.

Воронин Георгий Петрович (1863—?), участковый архитектор Яузской части в Москве. 379, *747*.

Воронин Павел Павлович, п.п.г., выпускник Имп. Моск. университета («лекарь»), директор-распорядитель правления Товарищества «П. Малютина сыновья». Сын Павла Петровича Воронина. 380, 382, 383.

Воронин Павел Петрович (1841—1903), п.п.г., сергиевопосадский 2-й гильдии купец, директор правлений товариществ «П. Малютина сыновья» и Соколовской мануфактуры Асафа Баранова, член совета Моск. Купеческого банка. 368, 369, 370, 381—382, *748*.

Воронов Леонид Николаевич, литератор, сотрудник редакции газеты «Московские ведомости» в 1895—1905 гг. 366, *746*.

Воронцова-Дашкова Елизавета Андреевна, урожд. Шувалова, графиня, статс-дама. Жена И.И. Воронцова-Дашкова. *717*.

Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837—1916), граф, государственный деятель, генерал от кавалерии, в 1881—1897 гг. — министр Императорского двора и уделов. 28, 48, 82—84, 213, *717, 723*.

Воскресенский Константин Павлович, основатель и директор реального училища в Москве, на Мясницкой ул. 215, *734*.

Востряков Дмитрий Родионович (1845—1906), п.п.г, моск. 1-й гильдии купец, ман.-сов., директор правления Товарищества Егорьевской фабрики «А. и Г. Ивана Хлудова сыновья», член правления Северного страхового общества. Торговец чаем, сахаром и табаком под фирмой «Н. и Д. Востряковы». 111, 201, 202, 254—258, 260, 261, *725, 738*.

Вострякова Клавдия Герасимовна, урожд. Хлудова (1853—1899), п.п.г., купчиха 2-й гильдии. Жена Д.Р. Вострякова. 254, 256, 258—261, *725, 738, 739*.

Востряковы — семья моск. купцов и фабрикантов. *14*, 259, 260.

Вощинин Василий Иванович, доверенный САТПТ. 38, 39, 71.

Врангель Евгений Ермолаевич, барон, ямбургский уездный предводитель дворянства, помещик. *732*.

Вревский Александр Борисович (1834—1910), барон, генерал от инфантерии, туркестанский генерал-губернатор в 1889—1898 гг. 304, 308.

Второв Александр Александрович, п.п.г., директор Товарищества мануфактурной торговли «А.Ф. Второва сыновья». Сын А.Ф. Второва. 694.

Второв Александр Федорович (1841—1911), п.п.г., иркутский 1-й гильдии купец, основатель Товарищества мануфактурной торговли «А.Ф. Второв». 398, 693.

Второв Николай Александрович (1866—1918), п.п.г., директор правлений Товариществ мануфактурной торговли «А.Ф. Второва сыновья» и мануфактур Н.Коншина, золотопромышленник, предприниматель. Сын А.Ф. Второва. 693, 694, *771.*

Вышнеградский Иван Алексеевич (1831—1895), действительный тайный сов., ученый, предприниматель, финансист. Почетный член Академии наук, министр финансов в 1887—1892 гг. 70, 82, 84, 114, 264, 333, 339—340, 345.

Габю (Габюс) Жан, совладелец Торгового дома «Вильям Габю» и магазина часов на Никольской ул. в Москве. 372, 373, 375, *747.*

Габю (Габюс) Луи-Вильям (1848—?), моск. 2-й гильдии купец, основатель Торгового дома «Вильям Габю». *747.*

Ганецкий — см.: Гонецкий А.Н.

Ганешины, братья Василий Алексеевич (1799—1866) и Никита Алексеевич (1807—1863), п.п.г., моск. 2-й гильдии купцы, основатели суконной и прядильной фабрики Торгового дома «Братья В. и Н. Ганешины и К°» в Москве. 211, 344.

Гантерт Клементий Логгинович, баденский подданный, инженер, совладелец Торгового дома «Братья Гантерт». 216, 217.

Гарелин Иван Никонович (1827—1884), п.п.г., ман.-сов., основатель и председатель правления Товарищества мануфактур Ивана Гарелина с сыновьями, видный общественный деятель. 138, 559.

Гартунг Яков Федорович (1841—1900), п.п.г., директор правления Товарищества Тверской мануфактуры, член Общества любителей художеств. 109.

Гатцук Алексей Алексеевич (1832—1891), журналист, издатель «Газеты Гатцука» и «Крестного календаря». 604, *764, 765.*

Гегер*, мать А.К. Гегера.120, 121.

Гегер Александр Карлович, преподаватель математики. 120.

Гегер Юлия Карловна, сестра А.К.Гегера. 120, 121.

Гедин Свен Андерс (1865—1952), шведский путешественник, исследователь Тибета и Центральной Азии. Совершил кругосветное путешествие через Сибирь в 1923 г. 300.

Генрих IV (1553—1610), король Франции и Наварры с 1594 г., глава гугенотов. 301, 550.

Герасимов Герасим Сергеевич — см.: Герасимов Г.С.

Герасимов Григорий Сергеевич, п.п.г., ман.-сов., директор правления Товарищества Реутовской мануфактуры. 55, 56, *720.*

Герцен Александр Иванович (1812—1870), революционер, писатель, философ. 353.

Гиляровский В.А. *16, 17, 731, 735, 740, 745, 747, 762.*

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945), поэтесса, литературный критик, прозаик. Эмигрировала в 1920 г. 222, *735.*

Глаголев Иван Матвеевич, присяжный поверенный Пресненской части в Москве. 647—649.

Глазунов Андрей Васильевич (?—1877), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец. 435.

Глинская И.А. *12, 18.*

Говард Василий Осипович (1808—?), моск. 2-й гильдии купец, основатель Компании Троицко-Кондровских писчебумажных фабрик В.Говарда. 159.

Гок Александр Карлович (1836—1897), п.п.г., моск. 2-й гильдии купец, член правления Моск. Торгового банка. 328.

Голиков*, конторщик САТПТ. 47.

Голиков Егор Васильевич, кассир Оренбургского отделения Московского Торгового банка. 134, 135.

Голицын Сергей Михайлович (1843—1915), князь, действительный статский сов., занимался предпринимательством и коммерцией. Управляющий и главный директор Голицынской больницы в Москве. 576.

Голофтеев Николай Кононович (1847 — не ранее 1904), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, статский сов., совладелец Торгового дома «К. Голофтеев с сыном и П. Рахманин». Московский домовладелец. 684, 685, *770.*

Голубев Алексей Федорович (1834—1892), коллежский сов., столоначальник департамента неокладных сборов Министерства финансов.84, 85, 526, 527, *723.*

Гольдштейн С.Н. *770.*

Гонецкий Алексей Николаевич (1867—1904), пот. двор., корнет. Моск. домовладелец, торговец лесом. С 1893 по 1902 г. был мужем В.И. Фирсановой. 536.

Гончаров Иван Александрович (1812—1891), писатель. 476, *755.*

Гончаров В. *730.*

Горбов Михаил Акимович (?—1894), п.п.г., учредитель Моск. купеческого общества взаимного кредита. Видный предприниматель железнодорожного строительства, член моск. отделения Совета торговли и мануфактур.159, 672.

Горбунов Василий Александрович (?—1915), п.п.г., нерехтский 1-й гильдии купец, кандидат коммерции, директор правления Товарищества бумаготкацкой мануфактуры братьев Г. и А. Горбуновых. Моск. домовладелец, видный деятель старообрядчества. 656.

Горемыкин Иван Логгинович (1839—1917), русский государственный деятель, министр внутренних дел в 1895—1899 гг., председатель Совета министров в 1906 и 1914—1916 гг. *15,* 478, 479, *744.*

Горемыкина Александра Ивановна, жена И.Г. Горемыкина. 478, 479.

Горовиц*, представитель германской фирмы, торговавшей мехами на Нижегородской ярмарке. 40.

Городецкий Николай Павлович, нотариус в Кинешме. 415.

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868—1936), писатель. 517, 518, *758.*

Гофмейстер Генрих Карлович, управляющий имениями кн. А.С. Долгорукова. 27, 48, 82.

Грибков Григорий Михайлович, служащий МТПТ. 89—91.

Громов Александр Егорович, артельщик, купец в Ташкенте. 268, *739.*

Громов Василий Федулович (1802—1870), действительный статский сов., п.п.г, петерб. 1-й гильдии купец. Торговал лесом, владел лесными биржами и складами в Петербурге и Кронштадте. Основатель Громовского детского приюта св. Сергия в Петербурге, учредитель Миссионерского общества. 73, *722.*

Грязнов А.Ф. *15.*

Губкин Алексей Семенович (1816—1883), кунгурский 1-й гильдии купец, комм. сов., пот. двор., действительный статский сов. Единоличный владелец крупнейшей чаеразвесочной и торговой фирмы. Общественный деятель и благотворитель. 180, *730.*

Губонин Петр Ионович (ок. 1825—1894), п.п.г., пот. двор., тайный сов. Крупный землевладелец и подрядчик по строительству железных дорог, благотворитель и меценат. 83.

Гудвилович Станислав-Юлий Петрович, действительный статский сов., практикующий врач в Москве. *17,* 63, 64.

Гук Юлиус (Юлий) Александрович (1838—?), дворянин, моск. 1-й гильдии купец, директор-распорядитель правления Акционерного общества для производства бетонных и других строительных работ «Ю. Гук и К°». 90, *723.*

Гукасов Павел Осипович (1858—1937), п.п.г., бакинский 1-й гильдии купец, комм. сов., инженер, нефтепромышленник, банкир. Член Государственного совета, общественный деятель эмиграции. 342.

Гучков Александр Иванович (1862—1936), п.п.г., действительный статский сов., директор правления Моск. Учетного банка. Организатор и лидер партии октябристов. Военный и морской министр в первом составе Временного правительства. С 1919 г. в эмиграции. *10,* 484, *754.*

Гучковы: Иван Ефимович (1833—1904), Николай Ефимович (1835—1884) и Федор Ефимович (1838—1910), п.п.г., совладельцы Торгового дома «Ефима Гучкова сыновья». 672.

Давыдов Н.В. *726.*

Дадамухаметбаев Бадаль, купец и банкир в Ташкенте. 304, 305.

Даль Владимир Иванович (1801—1872), писатель, лексикограф, этнограф. 399.

Дарвин Чарльз Роберт (1809—1882), английский естествоиспытатель. 138.

Дегтярев Василий Васильевич, торговец. Муж Е.И. Расторгуевой. 334.

Дейнике (1824—1889), конторщик САТПТ. 87, 88.

Дельвиг А.И. *728.*

Демидов*, служащий ТМРК. 192, 193.

Демская А. *739.*

Денисов Дмитрий Иванович, владелец торговых бань в Москве в середине XVIII в. *724.*

Депре Камилл Филиппович (1830—?), личный почетный гражданин, моск. 1-й гильдии купец, основатель Товарищества виноторговли К.Ф. Депре, владелец магазинов в Москве и Петербурге. 386, *748.*

Дервиз фон Анна Карловна, урожд. Якоб, первая жена С.П. фон Дервиза. 69, 70, *722.*

Дервиз П.Г. *722.*

Дервиз фон Сергей Павлович (1864—?), пот. двор., действительный статский сов., камергер. Крупный помещик, предприниматель и благотворитель, почетный член Имп. Русского музыкального общества. 69, 70, *722.*

Дерягин Николай Николаевич (?—1899), коллежский сов., нотариус Моск. Биржевого комитета, директор правления Общества взаимного страхования посевов от градобития. 211.

Дианов Евгений Михайлович, п.п.г., кандидат коммерции, служащий МТПТ, помощник биржевого маклера по хлопку. 320.

Динерштейн Е.А. *769.*

Дмитриев Николай Федорович, п.п.г., директор правления Товарищества «Эрмитаж Оливье». 113, 114.

Дмитриев Федор Михайлович (1829—1882), инженер-технолог, профессор Имп. моск. Технического училища, директор фабрики Товарищества Раменской мануфактуры «П. Малютина сыновья». 380.

Дмитриев Ю.А. *738.*

Днепровский Гавриил Никитич, мещанин, содержатель трактира в Москве, в доме автора на углу улиц Старая Басманная и Земляной вал. 645—647.

Добросмыслов А.И. *739.*

Доброхотов*, сотрудник «Товарищества Вичугских мануфактур Ф. и А. Разореновых». 393, 394.

Добрынина Н.А. *18.*

Долгов Сергей Михайлович, п.п.г., директор правлений: МТПТ, Моск. Торгового банка, Товарищества Купавинской суконной фабрики братьев Бабкиных. 144, 145, 154, 155, 317.

Долгоруков (Долгорукий) Александр Сергеевич (1841—1912), князь, обер-гофмаршал, член Государственного совета. Крупный сахарозаводчик и землевладелец Екатеринославской и Черниговской губ. 27, 28, 48, 80, 82—84, 86, *717.*

Долгоруков Владимир Андреевич (1810—1891), князь, генерал от кавалерии, член Государственного совета. Моск. генерал-губернатор в 1856—1891 гг. 110, 210, 216, 217.

Долгорукова (Долгорукая) Ольга Петровна, урожд. Шувалова, княгиня, кавалерственная дама, владелица крупных имений в Тамбовской и Черниговской губ., сахарных и винокуренных заводов. Жена А.С. Долгорукова. *717.*

Дороватовская-Любимова В.С. *721.*

Достоевский Ф.М. *17, 721.*

Драгомиров Михаил Иванович (1830—1905), пот. двор., военный и государственный деятель, военный теоретик, педагог, историк. Генерал от инфантерии, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и обороны Шипки. 222.

Дроздов М. *729, 758, 769.*

Дружинин Николай Николаевич (1870—?), моск. 2-й гильдии купец, председатель правления и директор-распорядитель Товарищества преемников Н.В. Немирова-Колодкина. 551.

Думнова*, подруга А.И. Федоровой. 124, 125.

Думова Н.Г. *757, 769.*

Дунаев Александр Никифорович (1850—1920), п.п.г., биржевой маклер, директор правления Моск. Торгового банка. Близкий знакомый и последователь Л.Н. Толстого. 64.

Дунаев Николай Никифорович (1853—1912), п.п.г., моск. 2-й гильдии купец, биржевой маклер по хлопку. 321, 502, 503, *757.*

Духовской Михаил Васильевич (1850—1903), юрист, присяжный поверенный, профессор Имп. Моск. университета. 360, 527.

Егоров Никита, содержатель трактира на Нижегородской ярмарке. 553, 554, 556, 557.

Екатерина II (1729—1796), российская императрица с 1762 г. 550.

Елизавета I Тюдор (1533—1603), английская королева с 1558 г. 550.

Елизавета Петровна (1709—1761), российская императрица с 1741 г. 57.

Елизавета Федоровна, урожд. принцесса Гессен-Дармштадтская (1864—1918), преподобномученица, великая княгиня. Основательница Марфо-Мариинской общины сестер милосердия. Причислена к лику святых Русской православной церковью в 1992 г. 111, 403, 469, 619.

Елистратов В.С. *741, 752, 758, 765, 770.*

Емельянов Евстафий Ефимович (1825—?), п.п.г., елабугский и моск. 1-й гильдии купец, торговец чаем и домовладелец в Москве. 58.

Ерзин Салих Юсупович (1835—?), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, торговал хлопком и шерстью в Москве и на Нижегородской ярмарке. *8*, 145, 146, 148, 375, 557.

Ермаков Дмитрий Флорович (1836—1896), п.п.г., моск. домовладелец. Сын Флора Я. Ермакова. 538, 540, 541, *760.*

Ермаков Федор Яковлевич (1818—1852), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, совладелец Торгового дома «Яков Ермаков с сыновьями». Сын Я.Я. Ермакова. *760.*

Ермаков Флор Яковлевич (1815—1895), п.п.г., действительный тайный сов., моск. 1-й гильдии купец, владелец текстильных фабрик в Москве и Вышнем Волочке. Торговал под фирмой «Яков Ермаков с сыновьями». Благотворитель, основатель нескольких приютов и богаделен для престарелых и неимущих, Технического училища в Москве. Сын Я.Я. Ермакова. 537—545, *760.*

Ермаков Яков Яковлевич (1794—1869), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, основатель Торгового дома «Яков Ермаков с сыновьями». 537, *760.*

Ермакова Анна Андреевна (1820—?), п.п.г. Жена Федора Я. Ермакова. 537, *760.*

Ермакова Анна Дмитриевна, урожд. Носова, п.п.г. Жена Д.Ф. Ермакова. 538, *760.*

Ермакова Екатерина Федоровна (1848—?), п.п.г. Дочь Федора Я. Ермакова. 537, *760.*

Ермакова Ольга Федоровна, в замуж. Малинина, (1850—?), п.п.г., моск. домовладелица. Дочь Федора Я. Ермакова, жена Н.П. Малинина. 537, *760.*

Ерофеев Михаил Григорьевич, сотрудник МТПТ, в 1925—1926 гг. — Высшего совета народного хозяйства РСФСР. 28, 686.

Ерофеев Михаил Михайлович, личный почетный гражданин, сотрудник иностранного отдела МТПТ. 320.

Ершов*, сибирский промышленник. 574, 575.

Ершов Иона Дмитриевич, биржевой маклер, моск. домовладелец. 321, 502, *757.*

Ершов Николай Дмитриевич, п.п.г., пайщик Торгового дома «Дмитрий и Алексей Ершовы» в Москве. 466, 564.

Ершова*, жена сибирского промышленника Ершова. 574, 575.

Ефрем Сирин (?—373), проповедник, богослов, живший в Сирии. Канонизирован как святой. *767.*

Живаго В.Н. *18.*

Живаго Максимилиан Васильевич (1863—1915), статский сов., пот. двор. Фабрикант и банкир, активный деятель партии «октябристов». 64.

Живаго Роман Васильевич (1858—1918), п.п.г., маклер по хлопку, директор правления МТПТ. Музыкант-любитель и коллекционер музыкальных инструментов. 64, 224, 225, 259, 321, 322, *736.*

Жуковский Николай Егорович (1847—1921), действительный статский сов., заслуженный профессор Имп. моск. Технического училища, член-кор. Петербургской Академии наук. Основоположник современной аэродинамики. 222.

Журавлев Михаил Николаевич (1840— не ранее 1910), действительный статский сов., пот. двор. Член правлений Товарищества Соколовской мануфактуры Асафа Баранова, ряда пароходных обществ. Член многих благотворительных организаций в Москве и Петербурге. 141.

Забелин Иван Егорович (1820—1908), историк, археолог, музейный деятель, коллекционер. Почетный член Академии наук. Один из основателей Исторического музея в Москве. 333.

Забулонова Екатерина Корнильевна, урожд. Быковская, во втором браке Ермакова (1831—1903), п.п.г., благотворительница, вторая жена Флора Я. Ермакова. 544, *760.*

Закревский Арсений Андреевич (1786—1865), граф, государственный деятель, генерал от инфантерии, московский генерал-губернатор в 1848—1859 гг. 158—161, *728, 729.*

Захаров Сергей Сергеевич (? — после 1905), личный дворянин, столоначальник Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов. 337, 346—350.

Захарьин Григорий Антонович (1829—1897), врач-терапевт, профессор Имп. Моск. университета, почетный член Петерб. Академии наук, тайный сов. Основатель моск. клинической школы. 68—70, *722.*

Захо Дмитрий Николаевич, ташкентский 1-й гильдии купец, торговал бакалейными, мануфактурными товарами и готовым платьем в Ташкенте. 299—304, 306, 308.

Зевакин Владимир Иванович, п.п.г., инженер-технолог, служащий ТМРК—ТБКМ. 169, 170, 191, 415.

Зевеке Александр Адольфович, директор правления Общества пароходства и торговли «А.А. Зевеке». 488.

Земляниченко М.А. *747.*

Зилоти В.П. *769.*

Зимин Яков Куприянович, член правлений Торгового дома «И.М., П.Я. и Ф. Зимины» и Товарищества Зуевской мануфактуры И.Н. Зимина. Видный деятель старообрядчества, содержатель моленной в с. Зуеве Богородского уезда Московской губ. 260.

Зиновьев Андрей Васильевич, ротмистр, петергофский уездный предводитель дворянства, помещик. 205, *732.*

Золотарский Александр Иванович, домовладелец в Москве, владелец цветочного заведения. 397, 398, *748.*

Зыбин Николай Иванович, п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, совладелец ряда торговых домов в Москве. *8,* 49, 147.

Зыбин Николай Николаевич (1874—?), п.п.г., моск. 2-й гильдии купец. Сын Н.И. Зыбина. 252.

Иванов*, соученик автора по Имп. моск. Техническому училищу. 596.

Иванов*, служащий ТМРК. 194—196.

Иванов Дмитрий Никитич, титулярный сов., чиновник по особым поручениям Министерства финансов, секретарь кн. А.С. Долгорукова. 82, 83.

Иванов Е.П. *761.*

Иванова Анна Захаровна, содержательница русского хора, выступавшего в ресторанах «Яр», «Стрельна» в Москве и в Нижнем Новгороде, на ярмарке. 356, 395, 554, 556, 557, 561—563, *761.*

Иванова Л.В. *14, 18, 743.*

Игнатий (в миру Брянчанинов Дмитрий Александрович) (1807—1867), пот. двор.. Епископ, в монашестве с 1827 г., аскет, духовный писатель и богослов. Причислен к лику святых Русской православной церковью в 1988 г. *13,* 640, *766, 767.*

Игнатьев А.А. *770.*

Игумнов Василий Матвеевич, п.п.г., пайщик Товарищества Ярославской Большой мануфактуры. Брат Г.М. Игумнова, отец Н.В. Игумнова. 402, *749.*

Игумнов Гавриил Матвеевич (1805—1888), п.п.г., петерб. 1-й гильдии купец, основатель Товарищества Ярославской Большой мануфактуры. Дядя Н.В. Игумнова. *749.*

Игумнов Николай Васильевич (1845—?), п.п.г., купец 1-й гильдии, моск. домовладелец, директор правления Товарищества Ярославской Большой мануфактуры, владелец водочного завода в Москве. 263, 402—407, 578, 579, *749.*

Ильин С.В. *18.*

Ильин Флегонт Ильич, конторщик фабрики ТМРК. 172, 173, 184—186.

Иоанн Кронштадтский (в миру Иоанн Ильич Сергиев) (1829—1908), священник Кронштадтского собора. Проповедник, богослов. Причислен к лику святых Русской православной церковью в 1889 г. 639.

Иоксимович Ч.М. *15, 738.*

Ипатьев Дмитрий Александрович, присяжный поверенный в Москве, муж М.А. Варенцовой. 646, 647.

Исламов Т. *723.*
Ишанов А.И. *740.*

Казаков Иван Иванович (1832—1898), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец. Видный предприниматель и коммерсант, председатель правления ТМРК, член совета Моск. Торгового банка, директор правления МТПТ. *8,* 180, 182, 188, 190—193, 196, 250, 321, 327, 553, *730.*

Казаков Матвей Федорович (1738—1812), архитектор, действительный статский сов., один из основоположников классицизма в русской архитектуре. *751, 753, 760.*

Казаков Николай (Никола) Иванович, п.п.г., директор правлений Товарищества Ярцевской мануфактуры бумажных изделий А. Хлудова и ТМРК. 192, 193, 217, *731.*

Казакова — см. Байдакова Н.А.

Калачов Виктор Васильевич, тайный сов., сенатор, костромской губернатор. *730.*

Калинин Н.Н. 747.

Калмыков Илья И. (?—1866), моск. ювелир. *721.*

Каменский Алексей Григорьевич, п.п.г., директор Торгового дома «Товарищество пароходства и транспортировки грузов Ф. и Г. братьев Каменских», руководитель конторы по торговле хлопком Товарищества в Москве. 647, 648.

Каменские, братья Федор Козьмич и Григорий Козьмич, п.п.г., пермские 1-й гильдии купцы, владельцы Торгового дома «Товарищество пароходства и транспортировки грузов Ф. и Г. братьев Каменских». 647.

Каминский Роберт Николаевич, п.п.г., артист оперной труппы Мариинского Имп. театра, директор Филармонического общества. 596, 597.

Капустин Александр Арсеньевич (1862—?), п.п.г., член правления МТПТ, член совета Моск. Торгового банка. Сын А.М. Капустина. 233, 246, 274.

Капустин Арсений Михайлович (1816—1899), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, торговец мануфактурным товаром. 72, 490.

Капустин Владимир Арсеньевич (1856—1918), п.п.г., директор САТПТ. Путешественник и краевед. Сын А.М. Капустина. 266, 269—271, 277, 284, 287, 295, 297, 298, 309, 313, 320, 475, 490, 491, 495, 526, *756.*

Каразин Николай Николаевич (1842—1908), писатель, журналист, художник. *17,* 202, 209, *732.*

Каретников Василий Степанович (1830—1877), ман.-сов., моск. 1-й гильдии купец, основатель текстильных фабрик в с. Тейково Шуйского уезда Владимирской губ., вошедших в состав Товарищества мануфактур А. Каретниковой с сыном. Сын А.Д. Каретниковой. 52, 53, *719.*

Каретников Иван Васильевич, (?—1907), п.п.г., кандидат прав, член правления Товарищества мануфактур А. Каретниковой с сыном. Сын В.С. Каретникова. 52, *719.*

Каретников Степан Васильевич (1853—1895), п.п.г., кандидат прав, член правления и директор-распорядитель Товарищества мануфактур А.Каретниковой с сыном, член правления Шуйско-Ивановской железной дороги. Сын В.С. Каретникова. 52, *719.*

Каретниковы, семья предпринимателей — основателей бумагопрядильных, ткацких и красильных фабрик во Владимирской губ. 52, 348.

Карташев Григорий Никонович (1809—1879), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец. 377, *747.*

Касаткин Иннокентий Иванович, инженер Моск.-Курской и Нижегородской железных дорог. 572.

Касым-Ходжаев Латиф (Ходжа Касым Ходжаев), бухарский 1-й гильдии купец, торговец каракулем, шерстью и хлопком, позднее — министр эмира Бухары. Брат У. Касым-Ходжаева. 371, 375, 376, 670.

Касым-Ходжаев Убайдулла (Ходжа Касым Ходжаев) (? — ок. 1900), бухарский 1-й гильдии купец, торговец каракулем, шерстью и хлопком. Брат Л. Касым-Ходжаева. 279, 375, 376, *740.*

Касым-Ходжаев (Ходжаев) Файзулла (1896—1938), деятель национально-революционного движения в Бухаре. Председатель Совнаркома и член ЦК компартии Узбекистана. На III съезде Советов в 1925 г. избран председателем ЦИК СССР. Репрессирован в 1938 г., реабилитирован посмертно. Сын У. Касым-Ходжаева. 279, 375, *740.*

Катков Михаил Никифорович (1818—1887), публицист и издатель. *722.*

Кашаев Мухамед-Амин, служащий САТПТ, имел торговлю в Москве шерстью и каракулем. 50, 51, 146, 149, 150, 273, 374, 557, 558, 566, 567.

Каширины, моск. купцы 2-й гильдии, совладельцы Торгового дома «Каширин А.С. и сыновья» (шерсть), жители Токмакова пер. *5.*

Квашнин Иван Михайлович, мещанин, торговец железным товаром в Москве, на Старой Басманной ул. 600—602.

Келлер Софья Васильевна, урожд. Бобринская (1837—?), графиня, владелица имения Ивановское под Москвой. 469, 470.

Кениг Евгений Людовикович (Леопольдович), инженер путей сообщения, коллежский асессор, сотрудник технического отдела Департамента шоссейного и водного сообщения Министерства путей сообщения. Сын Л.Е. Кенига. 508, *757.*

Кениг Людовик Егорович (Леопольд-Георг) (1821—1903), п.п.г., действительный статский сов., комм. сов., основатель бумагопрядильни «Л. Кениг младший» и владелец сахарорафинадных заводов в Петербурге, в Киевской и Харьковской губ. 508, 511.

Кениг Лев Людовикович (Георг-Леопольд) (1853—?), п.п.г., петерб. 1-й гильдии купец, комм. сов., владелец бумагопрядильни «Л.Кениг младший» в Петербурге. Попечитель Громовского приюта св. Сергия. Сын Л.Е. Кенига. 508—512, 558.

Керенская Ольга Львовна, урожд. Барановская (1887—?), пот. двор. Первая жена А.Ф. Керенского. *11.*

Керенский Александр Федорович (1881—1970), пот. двор., адвокат, политический и государственный деятель. В 1917 г. — министр юстиции, военный и морской, министр-председатель Временного правительства. С 1918 г. — в эмиграции. *11,* 418,

Кипнис С.Е. *725.*

Кирилл Владимирович (1876—1938), великий князь, флигель-адъютант свиты его величества. *770.*

Киртбая Юрий Константинович (1902—1996), племянник О.Ф. Перловой (Варенцовой). 479.

Кишкин Николай Семенович (1854—1919), доктор медицины, профессор кафедры врачебной диагностики Имп. Моск. университета, практикующий врач. 448, 449

Ключарев Александр Степанович, оренбургский 1-й гильдии купец, директор правления МТПТ, управляющий оренбургским отделением Моск. Торгового банка. 131—133.

Кноп Лев Герасимович (Людвиг-Иоганн) (1821—1894), барон, фабрикант, основатель Торгового дома «Л. Кноп». Совладелец Товарищества Кренгольмской мануфактуры, член правлений многих торгово-промышленных фирм. 137, 138, 204, 205, 212, 541, *732*.

Кноп Федор Львович (Теодор-Юлий) (1848—1931), барон, действительный статский сов., комм. сов., совладелец и директор-распорядитель Торгового дома «Л. Кноп», директор ряда фирм и предприятий, банкир. Сын Л. Кнопа. 367, 368, 370.

Ковалевский Владимир Иванович (1848—1934), пот. двор., тайный сов., директор Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов (1892—1900), товарищ министра финансов (1900—1902). Занимался предпринимательством, после 1917 г работал в советских научных учреждениях. 525, 526.

Кожевников Егор Васильевич, ташкентский 2-й гильдии купец, в 1882—1884 гг. — городской голова Ташкента. 307—309.

Козел-Поклевский Станислав Казимирович — см. Козелл-Поклевский С.А.

Козелл-Поклевский Станислав Альфонсович, дворянин, тюменский 1-й гильдии купец, совладелец винокуренных заводов, откупщик. 290, 291, *741*.

Козлов Александр Александрович, генерал-лейтенант, моск. обер-полицмейстер. *734*.

Align Кознов (Казнов) Лука Лукич (1807—?), пот. двор., надворный сов., помещик, владелец шерстоткацкой фабрики в Москве. 453, *753*.

Кознова (Казнова) Елизавета Николаевна, урожд. Варенцова (1829—1852), пот. двор. Жена Л.Л. Кознова, тетка автора. 453.

Кознова (Казнова) Клавдия Лукинична, пот. двор. Дочь Л.Л. Кознова, двоюродная сестра автора. 643.

Козновы — семья моск. купцов и фабрикантов, родственников Варенцовых. 453.

Кокорев Иван Александрович (?—1907), п.п.г., кинешемский 1-й гильдии купец, основатель Товарищества мануфактур Г. Разоренова и И. Кокорева. 175, 176.

Кокорев Василий Александрович (1817—1889), п.п.г., комм. сов., банкир, промышленник, концессионер. Основатель Волжско-Камского банка. Видный общественный деятель, публицист, меценат-коллекционер. *719, 732, 734, 758.*

Кокушкин Захар Леонтьевич, иваново-вознесенский 1-й гильдии купец, совладелец Торгового дома «З. Кокушкин и К. Маракушев». 594.

Колесников Иван Андреевич, действительный статский сов., дворянин, кандидат коммерции. Директор правления Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°», меценат. 46, 154, 162—164, 328.

Колли Андрей Андреевич (1830—1889), п.п.г., комм. сов., моск. 1-й гильдии купец, глава Торгового дома «Андрей Колли», владелец банкирской конторы. 144.

Колли Яков Андреевич (1862—1917), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, директор правления Товарищества «П. Малютина сыновья». Сын А.А. Колли. 320.

Колудоров (Колударов) Петр Акимович, п.п.г., директор моск. агентства акционерного общества «Кавказ и Меркурий». 315.

Колчак Александр Васильевич (1874—1920), адмирал, командующий Черноморским флотом в 1917 г., «Верховный правитель Российского государства» в 1918—1919 гг. *10.*

Кольбе Эрнст Федорович (?—1880), учредитель, главный управляющий и член правления Товарищества Кренгольмской мануфактуры. *732.*

Кольчугин Александр Григорьевич (1839—1899), п.п.г., комм. сов., председатель правления акционерного общества Верхних торговых рядов, основатель Товарищества медно-латунных заводов во Владимирской губ. 109.

Конаныкин (Кананыкин) Николай Яковлевич, подольский 2-й гильдии купец, торговец чаем, колониальными, москательными, скобяными и шорными товарами. Содержал ренсковый погреб с продажей колониальных вин. 358—361.

Конжунцев (Канджунцев) Александр Семенович, биржевой маклер по хлопку, представитель зарубежных хлопковых фирм в Москве. 318, 319, 499.

Кони Анатолий Федорович (1844—1927), сенатор, член Государственного совета, судебный деятель, юрист, писатель. 527.

Коновалов Александр Иванович (1875—1948), п.п.г., ман.-сов.. Директор-распорядитель правления Товарищества мануфактур Ивана Коновалова с сыном. Член Государственной думы, министр торговли и промышленности Временного правительства — заместитель премьер-министра. С 1918 г. в эмиграции. Сын И.А. Коновалова. *15,* 225, 398, 416—418, *750.*

Коновалов Александр Петрович (1812—1889), п.п.г., кинешемский 1-й гильдии купец, основатель ткацких и красильно-отделочных фабрик в селах Бонячки и Кашенка Кинешемского уезда Костромской губ. 414.

Коновалов Иван Александрович (1850—1924), п.п.г., кинешемский 1-й гильдии купец, ман.-сов., председатель правления Товарищества мануфактур Ивана Коновалова с сыном. Сын А.П. Коновалова. 177, 178, 198, 225, 414—418, *750.*

Коновалова*, жена А.П. Коновалова, мать И.А. Коновалова. 414.

Коноваловы — семья текстильных фабрикантов, выходцев из Костромской губ. *15.*

Константин Константинович (1858—1915), великий князь, президент Российской Академии наук, поэт и драматург, писавший под псевдонимом К.Р. *762.*

Коншин Владимир Дмитриевич (1824—1915), пот. двор., учредитель и председатель правления Товарищества «П. и С. братья Третьяковы и В. Коншин», директор правления Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры. *769.*

Коншин Иван Николаевич (1829—1898), пот. двор., серпуховской 1-й гильдии купец, владелец бумагопрядильной фабрики в Серпухове. 386, 636.

Коншин Николай Владимирович (1855—?), пот. двор. Сын В.Д. Коншина. 678, *769.*

Коншин Николай Николаевич старший (1831—1918), пот. двор., действительный статский сов., серпуховской 1-й гильдии купец, председатель правления Товарищества мануфактур Н. Коншина в Серпухове. Крупный землевладелец. *7,* 24, 109, 110, 113, 325.

Коншин Николай Николаевич младший 2-й (1861—1916), пот. двор., директор правления Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина в Серпухове. Сын Н.Н. Коншина старшего. 325.

Коншина Нина Александровна — см.: Окромчаделова Н.А.

Коралли Дмитрий Михайлович, коллежский асессор, биржевой маклер. 386, 388—390.

Коралли*, жена Д.М. Коралли. 389—391.

Коргуев Н.А. *730.*

Корзинкин (Карзинкин) Андрей Александрович (1823—1906), п.п.г., ярославский 1-й гильдии купец, комм. сов., соучредитель Товарищества Ярославской Большой мануфактуры, член совета Моск. Учетного банка, чаеторговец. 402, 407, 577, *749, 763.*

Корзинкин (Карзинкин) Иван Александрович, п.п.г., ярославский 1-й гильдии купец, соучредитель Товарищества Ярославской Большой мануфактуры чаеторговец. 402, *749.*

Корзинкин (Карзинкин) Логин (Лонгин) Алексеевич, директор правления Товариществ Балашинской мануфактуры и скоропечатни А.А. Левинсона в Москве. 341.

Корзинкин (Карзинкин) Сергей Иванович (1847—1886), п.п.г., ярославский 1-й гильдии купец, директор правления Товарищества Ярославской Большой мануфактуры, попечитель Моск. глазной больницы. Сын И.А. Корзинкина. 402.

Корзинкин (Карзинкин) Сергей Сергеевич (1869—1918), п.п.г., моск. 2-й гильдии купец, ман.-сов., член правления Ярославской Большой мануфактуры, член совета Моск. Торгового банка, совладелец Торгового дома «С.С. Корзинкин, М.В. Селиванов и К°». Моск. домовладелец. Сын С.И. Корзинкина. 178, 402, 407—413, 534, 535, 697.

Корзинкина (Карзинкина) Анна Александровна, в замуж. Варенцова (?—1850), п.п.г. Жена Николая Михайловича Варенцова, двоюродная тетка автора. 576, 578.

Корзинкины (Карзинкины), братья Иван Александрович и Андрей Александрович, п.п.г., соучредители паевого Товарищества Ярославской Большой мануфактуры, благотворители. 402, 409, 575, 578, *749.*

Кормилицын Иван Михайлович, п.п.г. сын М.М. Кормилицына. 196.

Кормилицын Михаил Максимович (?—1896), п.п.г., кинешемский 1-й гильдии купец, учредитель и директор-распорядитель ТМРК.*8,* 100, 168—184, 188—191, 194, 196, 400, 415, *729.*

Кормилицын Николай Михайлович, п.п.г, кандидат в члены правления ТМРК. Сын М.М. Кормилицына. 190.

Кормилицына Татьяна Никаноровна, урожд. Разоренова, п.п.г. Жена М.М. Кормилицына. 175, 196.

Коровин К.А. *733, 734.*

Королев Михаил Леонтьевич (1807—1876), п.п.г., комм. сов., владелец Торгового дома «М.Л. Королев», моск. городской голова в 1861—1863 гг.159—161, *728.*

Корольков Дмитрий Николаевич, действительный статский сов., директор Шелапутинской гимназии в Москве. 163, 164, *729.*

Костарев Николай Анатольевич, ученый-плодовод, владелец плодоводческого хозяйства в Сочи, член Имп. Российского общества садоводства. Эмигрировал в 1925 г. 221, *735.*

Костырев — см.: Костарев Н.А.

Кох Карл Адольфович, личный почетный гражданин, служащий Торгового дома «Андрей Колли», член правления Товарищества русского хлопководства. 391.

Кошелев Иван Александрович, надворный сов., моск. 2-й гильдии купец, владелец фабрики по очистке спирта в Москве, на Новой Басманной ул. 216, *734.*

Крамер Георг, помещик, владелец имения Иоала в Везенбергском уезде Эстляндской губ. 205, *732,*

Крамской Иван Николаевич (1837—1887), художник-передвижник. *770.*

Красильников Василий Александрович, п.п.г, биржевой маклер и сотрудник МТПТ. 511.

Красильщиков Николай Михайлович (1863—1920), п.п.г., член правления Товарищества мануфактур А. Красильщиковой с сыновьями. Певец-любитель. 325, *742.*

Красильщикова Елизавета Алексеевна, урожд. Друженкова (1879—?), п.п.г., член правления Товарищества мануфактур А. Красильщиковой с сыновьями. Домовладелица. Жена Н.М. Красильщикова. *742.*

Краснопевцев Л.Н. *18.*

Красуцкая Ольга Юльевна, в замуж. фон Бремзен (? — не ранее 1918), дворянка. Жена А.Г. фон Бремзена, двоюродная сестра второй жены автора. 385.

Крафт Александр Николаевич, п.п.г., совладелец Торгового дома «Братья Крафт» и хлопкоперерабатывающей Каспийской мануфактуры в Дагестанской области, член совета Моск. Учетного банка. Сын Н.Ю. Крафта. 223, 512, *736.*

Крафт Константин Николаевич (1882—1918), п.п.г., кандидат коммерции, сотрудник Торгового дома «Братья Крафт». Сын Н.Ю. Крафта. 409, 606, 607.

Крафт Лидия Флорентьевна, урожд. Перлова (1855—не ранее 1921), п.п.г. Жена Н.Ю. Крафта, сестра жены автора. 606, *736.*

Крафт Николай Юльевич (1849—?), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, совладелец Торгового дома «Братья Крафт». 331.

Крейнбринг Федор Федорович (1824— не ранее 1897), статский сов., капельмейстер и преподаватель музыки Александровского военного училища, в течение 35 лет играл в оркестре Большого театра. 397, 448, 449.

Крестовников Григорий Александрович (1855—1918), пот. двор., ман.-сов., председатель совета Моск. Купеческого банка, председатель Моск. Биржевого комитета в 1905—1915 гг., председатель правления «Фабрично-торгового товарищества братьев Крестовниковых». Видный политик, член ЦК партии октябристов. 217, 366, 465, 611, 691, *748.*

Кречетов Герман Петрович, доверенный МТПТ в Чусте (Коканд). Сын П.Г. Кречетова. 288—292.

Кречетов Петр Гаврилович, моск. 2-й гильдии купец, биржевой маклер по хлопку и шерсти. 47, 290, 291.

Кречетова*, дочь П.Г. Кречетова. 47.

Кроненблех Станислав Эдуардович, владелец банкирской конторы в Москве. 649, 650.

Крюков А.П. *18.*

Кувшинников Сергей Пантелеевич (1805—1886), моск. 3-й гильдии купец. 123, 124.

Кувшинникова Наталья Николаевна — см.: Федорова Н. Н.

Кудрин Николай Павлович (?—1888), п.п.г., оренбургский 1-й гильдии купец, учредитель САТПТ. *7, 8,* 23—25, 37—50, 52, 53, 56, 67—72, 79, 80, 82, 147, 150, 270, 307, 575, 674, 675, *722, 769.*

Кудрявцев Алексей Николаевич, консул России в Вене. 750.

Кузнецов Алексей Григорьевич (1848—1895), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, председатель правления Торгового дома «Ал. Губкина наследник А. Кузнецов и К°». Пионер чаеводства на Кавказе, меценат-издатель. Внук А.С. Губкина. 180, 181, *730.*

Кузнецов Иван Павлович, п.п.г., директор-распорядитель Товарищества Переславской мануфактуры, член совета Московского банка. 178, 179, *729.*

Кузнецов Матвей Сидорович (1846—1911), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, комм. сов.. Председатель правления Товарищества фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова. 504.

Кузнецова*, жена И.П. Кузнецова. 178, 179.

Кук Джон (1834—1899), совладелец агентства путешествий «Томас Кук и сын». Сын Т. Кука. 488.

Кук Томас (1808—1892), основатель агентства путешествий «Томас Кук и сын». 488.

Кулибин Николай Александрович (1831—1903), горный инженер, тайный сов., председатель Горного ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ, заслуженный профессор Горного института. 233.

Куманина Мария Константиновна — см.: Веретенникова М.К.

Куманины, семья моск. предпринимателей и общественных деятелей, получивших дворянство. Попечители ряда благотворительных учреждений. 322.

Куприянов Михаил Павлович, помещик, агент Моск. страхового от огня общества, член правления Имп. общества содействия мореходству. 186—188, *730.*

Куприянов Сергей Викторович, работник Высшего Совета народного хозяйства РСФСР в 1920-х гг. 400.

Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925), генерал от инфантерии, военный министр в 1898—1904 гг. 682, 683, *770.*

Кюба Жан-Пьер, владелец ресторана в Петербурге. 240, 347.

Лаврентьев Александр Максимович, моск. купец. Брат Е.М. Лаврентьевой, бабки автора. 436

Лаврентьев Иван Александрович, частный поверенный по судебным делам. Двоюродный дядя автора. 436.

Лаврентьев Максим, отец Е.М. и А.М. Лаврентьевых. 436.

Лаврентьев Петр Александрович, коллежский сов., межевой инженер, сотрудник Моск. городской управы. Двоюродный дядя автора. 436.

Лаврентьева Елизавета Максимовна, в замуж. Варенцова (1808—1860), п.п.г. Бабка автора. *6*, 435, 436.

Лаврентьевы — семья моск. купцов и домовладельцев. 436.

Лавров Иван Федорович, коллежский асессор, исправник в Ялте. *728.*

Лавров Михаил Николаевич, коллежский асессор, инспектор Имп. Моск. университета. 534.

Лаврова Ольга, в замуж. Балашова, певица. 560.

Лагутяев Николай Иванович, екатеринбургский 2-й гильдии купец, торговец «каменными вещами». 547.

Лакшин В. *752.*

Ланговой Николай Петрович (1862—?), действительный статский сов., вице-директор Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов. 367, 368.

Ландауер*, предприниматель. 146, 147

Ландрин Георг (Егор, Жорж), основатель кондитерской фабрики «Георг Ландрин». 421, *750.*

Ланская Ольга Алексеевна, урожд. Мельгунова, гражданская жена А.И. Хлудова. 208.

Ланской*, служащий фабрики Товарищества Ярцевской мануфактуры бумажных изделий А. Хлудова. 208.

Лахтин Семен Иванович, купец, скупщик хлопка в Ташкенте в 1882—1890 гг., хлопковод. 29, 31.

Лебедев*, артельщик САТПТ. 51.

Лебедев Алексей Иванович, надворный сов., начальник сыскного отделения. 678.

Лебедев Кирилл Иванович (1823—1895), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, совладелец Торгового дома «Кирилл Лебедев с сыновьями». 594.

Ле Бон Густав (1841—1931), французский экономист, врач, основоположник социальной психологии. 400.

Левинсон — см.: Левиссон Р.Б.

Левиссон Рафаил Борисович, п.п.г., мебельный фабрикант, строитель бань Хлудовых в Москве. 165—167, *729.*

Лейхтенбергский Александр Георгиевич, герцог, князь Романовский (1881—1942). Сын великой княгини Марии Николаевны, внук императора Николая I.411.

Ленский (наст. фамилия — Вервециотти) Александр Павлович (1847—1908), актер и режиссер Малого театра в Москве. 536.

Лентовский Михаил Валентинович (1843—1906), актер, театральный деятель, режиссер, антрепренер. 260, *738.*

Леонидов Л.М. 731.

Лесков А.Н. *732.*

Лесков Николай Семенович (1831—1895), писатель. *17*, 202, 205, *731—733.*

Лесовский (Лессовский) Степан Степанович (1817—1884), контр-адмирал. управляющий Морским министерством в 1876—1880 гг., адмирал с 1881 г. 187, 188, *730.*

Летников Алексей Васильевич (1837—1888), действительный статский сов., член-корреспондент Петерб. Академии наук, доктор математики и профессор Имп. моск. Технического училища. Директор Александровского Коммерческого училища в 1884—1888 гг. 453.

Лиман *, врач, владелец санатория в Вейсерхирше в Германии. 513.

Лисовский — см. Лесовский С.С.

Лист Нина Николаевна, урожд. Варенцова, во втором браке Барановская (1889—1966), п.п.г., председатель правления Товарищества «Н.Н. Лист и К°». Дочь автора. *9, 11.*

Ли-хун-чан (Ли-Хунчжан) (1823—1901), канцлер Китайской империи, чрезвычайный посол. Посетил Россию в 1896 г. для подписания договора с Россией и в связи с коронацией Николая II. 517, 525.

Лобанов Василий Иванович, директор правления Волжско-Камского банка. 100, 101, 103.

Лобачев Кузьма Григорьевич (1830—?), моск. 2-й гильдии купец, торговец дичью, маслом и мясом в Охотном ряду, моск. домовладелец. 413.

Лобыцина М. *736.*

Локалов Александр Алексеевич (?—1891), п.п.г., основатель льнопрядильной, льноткацкой и белильной фабрик в с. Гаврилов Ям, вошедших в состав Товарищества мануфактуры льняных изделий А.А. Локалова. 506.

Лопатин Владимир Егорович, кандидат права, директор-распорядитель правления Товарищества мануфактуры льняных изделий А.А. Локалова. Брат Л.Е. Лопатина. 506.

Лопатин Измаил Николаевич, член правления Товарищества мануфактур Ивана Коновалова с сыном. 198.

Лопатин Леонид Егорович, п.п.г., директор правления Товарищества мануфактуры льняных изделий А.А. Локалова. Брат В.Е. Лопатина. 506.

Лопатина Елена Александровна, урожд. Локалова, п.п.г. Жена В.Е. Лопатина. 506.

Лопатина Мария Александровна, урожд. Локалова, п.п.г. Жена Л.Е. Лопатина. 506.

Лопашов Андрей Дмитриевич (1840—1892), моск. 2-й гильдии купец, владелец трактира в Москве. 342, *744.*

Лосев Александр Лукич (1850 — не ранее 1915), п.п.г., ман.-сов., директор правлений САТПТ и Товарищества Собинской мануфактуры, член советов Моск. Купеческого банка и Моск. купеческого общества взаимного кредита. 7, 30, 31, 41—44, 46, 217, 641, *767.*

Лосев Михаил Лукич (1854—?), п.п.г., инженер-механик, директор правления Товарищества Ярцевской мануфактуры бумажных изделий А. Хлудова. 30, 193, 217.

Лохвицкий Александр Владимирович (1830—1884), действительный статский сов., доктор права, известный моск. адвокат. 527.

Лукутин Николай Александрович (1853—1902), надворный сов., моск. 2-й гильдии купец, член правления Товарищества Норской мануфактуры. Коллекционер фарфора и владелец фабрики лакированных изделий из папье-маше в с. Федоскино. 111, 201, 202, 254, 256, *725.*

Лукутина Любовь Герасимовна, урожд. Хлудова, во втором браке Пыльцова (1859—1931), п.п.г., моск. 2-й гильдии купчиха. Жена Н.А. Лукутина. 254, 256, *725.*

Лунгрен*, горный инженер на Тулмозере. 234, 238, 240, 242, 244.

Львов Николай Александрович (1834—1887), отставной гвардии поручик, помещик, моск. почетный мировой судья и домовладелец. Организатор спиритического кружка. *726.*

Львова Александра Владимировна, княжна, начальница Николаевского сиротского института, председатель Общества вспомоществования воспитанниц института в 1900—1903 гг. *738.*

Любарская*, жена Любарского. 271.

Любарский*, сотрудник чарджуйской конторы МТПТ. 271.

Лямин Иван Артемьевич (1822—1894), п.п.г., действительный статский сов., комм. сов., директор-распорядитель правления Товарищества Покровской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры, председатель совета Моск. Купеческого банка. Моск. городской голова в 1871—1873 гг., председатель Моск. Биржевого комитета в 1865—1868 гг. 145, 146, 159, 524, 672, *759.*

Мазаев Федор Петрович, ученый-овцевод с Кубани, создатель породы овец «мазаевского типа». 226.

Мазини Анджело (1844—1926), итальянский певец, тенор, гастролировал в России. 301.

Мазурин Алексей Алексеевич (1771—1834), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, моск. городской голова в 1828—1831 гг. 57, 58, 60—62, *720.*

Мазурин Алексей Алексеевич младший (1830—1885), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, благотворитель. *754.*

Мазурин Василий Федорович (1830— ок. 1875), п.п.г. Внук А.А. Мазурина. *17,* 62, 64, *721.*

Мазурин Константин Митрофанович (1845—?), п.п.г, коллежский сов., совладелец и директор правления Товарищества Реутовской мануфактуры. Моск. домовладелец. 55, 57, 66, *720, 721.*

Мазурин Николай Алексеевич (1823—1903), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, благотворитель. *754.*

Мазурин Федор Федорович (1845—1898), п.п.г., моск. 2-й гильдии купец, собиратель рукописей и старопечатных книг; собранная им коллекция в 1899 г. по его завещанию поступила в Моск. архив Министерства иностранных дел. Внук А.А. Мазурина. 64, 65, *721.*

Мазурина Александра Васильевна, урожд. Перлова (1815—1885), п.п.г. Мать В.Ф. и Ф.Ф. Мазуриных. 63, *721.*

Мазурины, род моск. купцов и благотворителей. 63—65, *720, 721.*

Мазырин Виктор Александрович (1859— после 1916), моск. архитектор. 679, *769.*

Майдель Григорий Густавович, капитан 1-го ранга, командир фрегата «Дмитрий Донской». *730.*

Майков Аполлон Александрович (1826—1902), театральный критик, переводчик, директор моск. Императорских театров. 80, 109, 110, 112.

Майтов Алексей Александрович, моск. 2-й гильдии купец, биржевой маклер, домовладелец. 92—97, 100, 105, 106, 110, *726.*

Майтова Софья Владимировна, моск. домовладелица. Жена А.А. Майтова. 93, 95, 100, *725.*

Макаров Степан Осипович (1849—1904), вице-адмирал, флотоводец, океанограф. 682, *770.*

Маковская*, жена Маковского, сожительница Н.Д. Стахеева. 428.

Маковский *, один из представителей семьи известных моск. художников. 428.

Малинин Николай Петрович, надворный сов. Муж дочери Федора Я. Ермакова О.Ф. Ермаковой. 543, 544.

Малинин Федор Николаевич, служащий Товарищества «Сталь». Внук Федора Я. Ермакова.*12*, 252, 253, 542, *760.*

Малич Владимир Григорьевич, совладелец Торгового дома «Малич, Юсем и Сидоров», владелец скаковой конюшни и домов в Москве. 565.

Малофеев Алексей Парфенович, служащий фабрики ТМРК—ТБКМ. 182.

Малышев*, служащий Торгового дома «Е.Е. Шлихтерман». 92.

Малютин Михаил Павлович (1850—1900), п.п.г., совладелец промышленно-торгового Товарищества «П. Малютина сыновья». Сын П.С. Малютина. 378, 379.

Малютин Павел Павлович (1855—1892), п.п.г., совладелец промышленно-торгового Товарищества «П. Малютина сыновья». Сын П.С. Малютина. *7*, 377—380.

Малютин Павел Семенович (1794—1866), п.п.г., 1-й гильдии купец, основатель Раменской бумагопрядильной фабрики. 377, 378, *747.*

Мамонтов Иван Федорович (1800—1869), п.п.г, чистопольский 1-й гильдии купец, винный откупщик и строитель железных дорог. Отец С.И. Мамонтова. *733.*

Мамонтов Савва Иванович (1841—1918), п.п.г., ман.-сов., предприниматель, строитель железных дорог. Известный меценат, деятель искусств. 354.

Мамонтова Маргарита Кирилловна, в замуж. Морозова (1873—1958), п.п.г., меценатка, благотворительница. Дочь М.О. Мамонтовой, жена М.А. Морозова. 678, *769.*

Мамонтова Маргарита Оттовна, урожд. Левенштейн (1852—1898), п.п.г., владела пошивочной мастерской дамского платья. 678, *731, 769.*

Мансфельд Юлий Карлович, пот. двор., предприниматель, строитель. Владелец полиграфического заведения в Петербурге. 427, 428.

Мараева Анна Васильевна, урожд. Волкова (1845—1929), п.п.г., серпуховская 1-й гильдии купчиха и фабрикантша. Видная деятельница старообрядчества, собирательница старинных книг, рукописей и икон, коллекции которой легли в основу Серпуховского историко-художественного музея. *719.*

Маракушев Иван Константинович, п.п.г., член совета Московского банка, совладелец Торгового дома «З. Кокушкин и К. Маракушев». Сын К.И. Маракушева. 598.

Маракушев Константин Иванович (? — ок. 1910), п.п.г., иваново-вознесенский 1-й гильдии купец, совладелец Торгового дома «З. Кокушкин и К. Маракушев». 25, 26, 594—598, *764.*

Маракушева — см.: Александрова А.К.

Мария Павловна, урожд. герцогиня Мекленбург-Шверинская (1854—1923), великая княгиня. 28, 48.

Маркварт Август Карлович, военный капельмейстер, дирижер Большого театра в Москве. 258.

Маркс Карл (1818—1883), экономист, философ. 263.

Марченко Петр Клементьевич, служащий САТПТ. 112, 182.

Массальский Владимир Иванович (1874—1943), кандидат прав, экономист, секретарь Моск. Биржевого комитета. *729, 730.*

Мастер (искаженное от англ. Mather), совладелец английской фирмы «Mather & Platt, Ld». 138.

Матвеев Андрей Артамонович (1666—1728), граф. Сын А.С. Матвеева, убитого во время стрелецкого бунта 1682 г. Один из видных сподвижников Петра I, чрезвычайный и полномочный посол России в ряде европейских стран. С 1719 г. — сенатор и президент Юрис-коллегии, с 1724 г. — президент Моск. сенатской конторы. 439.

Медведевы, братья Лев Ильич и Гавриил Ильич, моск. 1-й гильдии купцы, совладельцы Торгового дома «Братья Л. и Г. Медведевы». 387, *748.*

Медведникова Александра Ксенофонтовна, урожд. Сибирякова (ок. 1834—1899), п.п.г., видная благотворительница. *764.*

Медынцев Николай Николаевич, п.п.г., моск. домовладелец и коллекционер фарфора. Внук Флора Я. Ермакова. 544.

Меершик*, торговец каракулем в Москве. 558.

Мейерсон Михаил Маркович, инженер, член правления Петерб. Международного банка. 241—243, 245, 248.

Мельников Павел Петрович (1804—1880), инженер-генерал путей сообщения, главноуправляющий Главным управлением путей сообщения и публичных зданий в 1862—1865 гг., министр путей сообщения в 1866—1869 гг. *728.*

Мельников Павел Иванович (псевдоним: Андрей Печерский) (1818—1883), писатель, исследователь раскола в Нижегородском крае. 400, *749.*

Менделеев Дмитрий Иванович (1843—1907), ученый-химик, педагог, общественный деятель. Управлял палатой мер и весов Министерства финансов. *15,* 263, *739.*

Меньшиков Михаил Осипович (1854—1918), дворянин, штабс-капитан. Известный журналист и публицист, с 1901 г. сотрудничал в газете «Новое время». 334, *743.*

Мережковские, супруги — см.: Мережковский Д.М. и Гиппиус З.Н.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866—1941), писатель, философ, литературовед. 222, *735.*

Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830), поэт и переводчик. *727.*

Мечев Алексей Алексеевич (1859–1922), протоиерей, известный моск. проповедник, настоятель храма святителя Николая на Маросейке, в Москве. 639.

Мешаев Виктор Дмитриевич (?—1910), статский сов., профессор естественной истории Имп. моск. Технического училища и Практической академии коммерческих наук. 232—235, 240, 242—244, 246, 247, 249, 250.

Мещерин Василий Ефремович (1833—1880), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, основатель Товарищества Даниловской мануфактуры В.Е. Мещерина в Москве. 466.

Миндер Павел Филиппович (1858— не ранее 1916), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, член Моск. Биржевого комитета, биржевой нотариус. 107.

Миндовские, братья, сыновья И.А. Миндовского. 106.

Миндовский Иван Александрович, п.п.г., кинешемский 1-й гильдии купец, владелец текстильных предприятий в Кинешемском уезде Костромской губ. 106, 177—179.

Миндовский Петр Галактионович (1858—?), п.п.г., кинешемский 1-й гильдии купец, совладелец Товарищества Волжской мануфактуры бумажных и льняных изделий П.Миндовского и И. Бакакина. 106, 405.

Митрофанов Александр Павлович (1884—?), п.п.г., директор правления Торгового дома «Митрофанов Петр и сын», гласный Моск. городской думы. *738.*

Митрофанов Дмитрий Яковлевич, личный почетный гражданин, служащий ТМРК—ТБКМ. 401.

Митрофанова*, жена Д.Я. Митрофанова. 401.

Митрофанова Вера Андреевна, п.п.г., моск. домовладелица. Жена А.П.Митрофанова. *738.*

Михаил Александрович (1878—1918), великий князь, член Государственного совета, наследник престола в 1899—1904 гг. 110.

Михаил Николаевич (1832—1909), великий князь, генерал-фельдцейхмейстер, в 1863—1881 гг. — наместник Кавказа, с 1881 г. — председатель Государственного совета. 111.

Михаил Федорович (1596—1645), русский царь с 1613 г. 174, *768.*

Михайлов*, соученик автора по Моск. Коммерческому училищу. 116, 118.

Михайлов Алексей Михайлович (1835—?), п.п.г., моск. 1—й гильдии купец, торговал меховым товаром в трех магазинах в Москве. 463.

Мишкина Анна Никитична, в замуж. Варенцова (1802—1876), п.п.г. Жена Михаила Марковича Варенцова, двоюродная бабка автора. 576, 578.

Мишкины — моск. купеческая семья. *15.*

Молчанов Евграф Владимирович (1808—1869), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, надворный сов., торговал в Игольном ряду в Москве. 490.

Мольер Жан-Батист (1622—1676), французский драматург. *735.*

Моргуновы, братья Иван Васильевич и Михаил Васильевич, фабриканты, владельцы бумагопрядильной и ткацко-красильной фабрики, с 1882 г. вошедшей в состав Товарищества мануфактур И. и М. Василия Моргунова сыновья. 564.

Море Генрих (1844—?), французский подданный, моск. 2-й гильдии купец, с 1861 г. владелец магазина на Кузнецком мосту в Москве. 437.

Морозов Абрам Абрамович (1839—1882), п.п.г., директор правления Товарищества Тверской мануфактуры. Сын А.С. Морозова. 227, 228, 672, *753, 769.*

Морозов Абрам Саввич (1806—1856), п.п.г., богородский 1-й гильдии купец. *758.*

Морозов Арсений Абрамович (1874—1908), п.п.г., пайщик Товарищества Тверской мануфактуры, моск. домовладелец и благотворитель. Сын Абрама А. Морозова. 672, 678, 679.

Морозов Василий Иванович, крестьянин, содержатель мясной лавки в доме Баренцовых на Старой Басманной ул. в Москве. 444.

Морозов Викула (Викул) Елисеевич (1829—1894), п.п.г., ман.-сов., купец 1-й гильдии. Учредитель Товарищества мануфактур Викула Морозова с сыновьями. Видный деятель старообрядчества и благотворитель. Сын Е.С. Морозова. 53, 368.

Морозов Давид Иванович (1849—1896), п.п.г., комм. сов.. Председатель правления Компании Богородско-Глуховской мануфактуры. 109.

Морозов Елисей Саввич (1798—1868), п.п.г., богородский 1-й гильдии купец, основал в 1837 г. собственную красильную фабрику. Видный старообрядческий деятель. 514, *758.*

Морозов Захар Саввич (1802—1857), п.п.г., богородский 1-й гильдии купец, основатель Компании Богородско-Глуховской мануфактуры. *758.*

Морозов Иван Абрамович (1871—1921), п.п.г., ман.-сов., председатель правления Товарищества Тверской мануфактуры. Меценат-коллекционер. Сын Абрама А. Морозова. 672, 679, 680.

Морозов Михаил Абрамович (1870—1903), п.п.г., коллежский асессор, директор правления Товарищества Тверской мануфактуры. Общественный деятель, коллекционер. Сын Абрама А. Морозова. 405, 406, 672, 678, *769.*

Морозов Николай Давидович (?—1931), п.п.г., кандидат коммерции, директор правления Компании Богородско-Глуховской мануфактуры. Сын Д.И. Морозова. 54, *720.*

Морозов Савва Васильевич (1770—1860), богородский и покровский 1-й гильдии купец, основатель ткацких и красильных фабрик в Москве, Твери, Богородске, Зуеве и Никольском. 32, 154—156, 165, 182, 198, 298, 328, 514, 518, 548, *758.*

Морозов Савва Тимофеевич (1862—1905), п.п.г., ман.-сов., богородский 1-й гильдии купец, директор-распорядитель правления Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°», председатель Нижегородского ярмарочного комитета. Меценат и крупнейший пайщик Моск. Художественного театра. Сын Т.С. Морозова. 109, 429, 514—522, *758, 759.*

Морозов Сергей Викулович (1861—1921), п.п.г., директор правления Товарищества Викула Морозова сыновья. Сын В.Е. Морозова. 517, *758.*

Морозов Сергей Тимофеевич (1863—1944), п.п.г., коллежский асессор. Директор-распорядитель Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°». В 1885 г. основал Кустарный музей в Москве. Сын Т.С. Морозова. 514, 515.

Морозов Тимофей Саввич (1832—1889), п.п.г., ман.-сов., купец 1-й гильдии. Председатель правления Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын

и К°». Председатель Моск. Биржевого комитета в 1868—1878 гг. Сын С.В. Морозова. *7*, *8*, *14*, 32, 154—159, 162—165, 328, 514, 672, *758*.

Морозова Варвара Алексеевна, урожд. Хлудова (1848—1917), п.п.г., директор правления Товарищества Тверской мануфактуры. Меценатка и благотворительница. Жена Абрама А. Морозова. 672—674, 677, 679, *753*, *769*.

Морозова Зинаида (Зиновия) Григорьевна, урожд. Зимина (1867—1947), п.п.г., Благотворительница и меценатка. Жена Саввы Т. Морозова. 429, 517.

Морозова Мария Федоровна, урожд. Симонова (1830—1911), п.п.г., совладелица Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°». Жена Т.С. Морозова. 163, 328, *758*.

Морозова Т.П. *758*.

Морозовы, знаменитая династия купцов, фабрикантов, общественных деятелей, благотворителей и меценатов. 138, 519, 673, 678, *729*, *758*.

Морокин Александр Федорович, п.п.г., фабрикант, основатель Товарищества мануфактур А.Ф. Морокина. 77, 400.

Морокин Дмитрий Федорович, п.п.г., учредитель и председатель правления Товарищества Николо-Богоявленской мануфактуры «Д. Морокин, И. Тихомиров и К°». 665, *768*.

Мошкин Афанасий Алексеевич, п.п.г., староста собора Василия Блаженного, совладелец Торгового дома «Братья И. и А. Мошкины», общественный деятель. Отец И.А. и С.А. Мошкиных. 396.

Мошкин Илья Афанасьевич, п.п.г., совладелец Торгового дома «Братья И. и А. Мошкины». 178.

Мошкин Сергей Афанасьевич, п.п.г., совладелец Торгового дома «Братья И. и А. Мошкины», моск. домовладелец. 178.

Мошкина*, жена И.А.Мошкина. 178.

Муминбаев Хусинбай*, переводчик МТПТ. 150.

Мурильо Бартоломе Эстебан (1618—1682), испанский живописец. 496.

Муромцев Алексей Иванович (1818—1879), губернский секретарь, преподаватель математики в Моск. Коммерческом училище. 117.

Муромцев Сергей Андреевич (1850—1910), один из основателей и лидеров конституционно-демократической партии, доктор римского права, публицист. Присяжный поверенный, председатель Первой Государственной думы, профессор Имп. Моск. университета. 222.

Нагаткин Михаил Семенович, кандидат Имп. Моск. университета, управляющий Моск. отделением Волжско-Камского банка, владелец нефтепромыслов в Баку. 249.

Назаров Александр Александрович старший (1849—1900), пот. двор., директор правления Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°». Меценат. 154, 162, 163, *729*.

Назаров Александр Александрович младший (1876—1900), пот. двор. Сын А.А. Назарова-старшего. 162, 163, *729*.

Назаров Семен Александрович, пот. двор. Младший сын А.А.Назарова-старшего. 162, *729*.

Назаров Степан Иванович (?—1901), п.п.г., комм. сов., орский 1-й гильдии купец, пайщик САТПТ, арендатор казенных соляных копей в Орском уезде Оренбургской губ., владелец хлопкоочистительного завода в Ташкенте. Оренбургский городской голова в 1885—1893 гг. 39, 263—265, *739*.

Назарова Александра Тимофеевна, урожд. Морозова (1854—1903), п.п.г. Дочь Т.С. Морозова, жена А.А.Назарова-старшего. 162, 163, *729*.

Найденов Александр Александрович (1839—1915), п.п.г., ман.-сов., моск. 2-й гильдии купец, директор правления Товарищества Егорьевской бумагопрядильной фабрики братьев А. и Г. Хлудовых, совладелец Торгового дома «А. Найденова сыновья». 30, 32, 67, 111, 166, 201, 254, 256, 345, *725*.

Найденов Александр Николаевич (1866—1920), п.п.г., комм. сов., председатель правления Моск. Торгового банка, директор правлений МТПТ и ТБКМ. Сын Н.А. Найденова. *9*, 104, 328, 329, 343.

Найденов Виктор Александрович (1831—1919), п.п.г., комм. сов., моск. 2-й гильдии купец, член правлений МТПТ, Товарищества суконной и прядильной фабрики В. и Н. братьев Ганешиных, совладелец Торгового дома «А.Найденова сыновья», председатель совета Моск. Торгового банка. 329, 335, 342—345.

Найденов Н. *742*.

Найденов Николай Александрович (1834—1905), п.п.г., комм. сов., моск. 2-й гильдии купец. Председатель правлений Моск. Торгового банка и МТПТ. Совладелец Торгового дома «А. Найденова сыновья». Председатель Моск. Биржевого комитета в 1876—1905 гг. Меценат-издатель. Тесть автора. *6—8*, *12—14*, *17*, 23, 32, 56, 70, 99, 107, 114, 131, 133, 136, 139, 140, 142, 153—155, 198—200, 210, 230, 235, 246, 248, 250, 251, 302, 316—318, 320, 324—345, 367, 369, 413, 461, 465, 515, 525, 573, 611, 639, 667, 691, 697, 698, *730, 736, 741, 743*.

Найденова Александра Герасимовна, урожд. Хлудова (1856—1924), п.п.г., моск. 2-й гильдии купчиха, член правления Товарищества Егорьевской бумагопрядильной фабрики братьев А. и Г. Хлудовых. Благотворительница. Жена А.А. Найденова. 166, 254, 256, 260, 345, *725, 739*.

Найденова Варвара Федоровна, урожд. Расторгуева (1847—1917), п.п.г. Жена Н.А. Найденова. 334, 335, 343.

Найденова Елизавета Ивановна, урожд. Решетникова (1876—1951), п.п.г., актриса Малого театра, заслуженная артистка РСФСР. Жена А.Н. Найденова. 104, 328, 329, *742*.

Найденова Мария Николаевна, в замуж. Варенцова (1865—1914), п.п.г. Дочь Н.А. Найденова, первая жена автора. *7*, *9*, 695, *771*.

Натрускин Иван Федорович (1835—1896), моск. 2-й гильдии купец, владелец ресторана «Стрельна» в Петровском парке в Москве. 658.

Наттучи Иосиф Иванович, надворный сов., служил судебным приставом и занимался нотариатом. 642, 643.

Недыхляев Александр Петрович (1826—?), моск. 2-й гильдии купец, торговец шелковым товаром. Отец А.А. Недыхляева, дядя автора. 605.

Недыхляев Алексей Александрович (1866—?), п.п.г., инженер-технолог, торговец бумажной пряжей. Двоюродный брат автора. 109, 110.

Недыхляева Ольга Федоровна, урожд. Рябинова (Рябина) (1829—?), п.п.г. Жена А.Н.Недыхляева, тетка автора. 605.

Немиров-Колодкин Николай Васильевич, основатель Торгового дома «Н.В. Немиров-Колодкин». 551.

Нессельроде Лидия Арсеньевна, урожд. Закревская (1826—1884), графиня. Дочь А.А. Закревского. *729.*

Нестор, епископ Камчатский. *771.*

Николаев*, бухгалтер правления САТПТ. 33.

Николаев*, офицер, проходивший службу в Самарканде. 103, 105.

Николай I (1796—1855), российский император с 1825 г. 60, 157, 160, 187, 343, 640.

Николай II (1868—1918), российский император с 1894 по 1917 г. 333, 620, 621, 655.

Николай Константинович (1850—1918), великий князь, был сослан Александром II в Сибирь за неблаговидные поступки, Александр III перевел его в Ташкент. *15*, 45, 48, 303, 305, 307—309, 312.

Никольский Николай Иванович, коллежский сов., врач Шереметьевской больницы в Москве. 68, 70.

Никон, в миру Минов Никита (1605—1681), русский патриарх с 1652 по 1667 г. *754.*

Нистрем К. *752.*

Нобель*, студент Горной академии. 237.

Новикова*, урожд. Бостанжогло. 105.

Ногин Виктор Павлович (1878—1924), член РСДРП с 1898 г., в 1917—1921 гг. — член ВЦИК, нарком торговли и промышленности. 714.

Ноев Федор Федорович (1840—1902), п.п.г., моск. 2-й гильдии купец. Владел магазинами по продаже растений и цветов в Москве и цветоводческим хозяйством за Калужской заставой. Цветовод, товарищ председателя ботанического отделения Имп. Русского общества акклиматизации животных и растений. 112.

Носов Дмитрий Васильевич (1804—1873), п.п.г., совладелец промышленно-торгового Товарищества «Дмитрий, Василий и Иван-меньшой Носовы» в Москве. 538, *760.*

Обидин Николай Сергеевич (1854— не ранее 1917), пот. двор., действительный статский сов., моск. домовладелец. Сын С.В. Обидина. 106, *725.*

Обидин Сергей Васильевич (1829—1889), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, занимался дисконтом (учетом векселей). *747.*

Обидина Клавдия Никоновна, урожд. Карташева (?—1911), п.п.г., моск. домовладелица и благотворительница. Сестра Г.Н. Карташева, жена С.В. Обидина. *725, 747.*

Обухов Тимофей Иванович, бухгалтер Моск. Торгового банка, заведующий отделением МТПТ в Туркестанском крае. 134, 135, 233, 236, 241, 246, 291, 292, 301, 302, 307, 309, 317, 322, 323, 369, 686, 697.

Обухова Наталья Павловна, экономка в имении Бутово. 708, 709, 711.

Овсянников Александр Глебович (1861—1898), п.п.г., горный инженер. Сын Г.С. Овсянникова. 632, 633.

Овсянников Глеб Степанович (1830—1902), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец. 633—635.

Овсянникова Ольга Алексеевна, урожд. Рахманова (?—1901), п.п.г. Жена Г.С. Овсянникова. 633, 634.

Овчинников Федор Алексеевич, владелец фабрики золотых и серебряных вещей и церковной утвари. Домовладелец. 679.

Овчинникова*, дочь Ф.А. Овчинникова, жена Окромчаделова. 679.

Овчинниковы, купеческая семья в Москве, владельцы фабрики золотых и серебряных вещей и церковной утвари. 679.

Одинцов Николай Васильевич, коллежской сов., полицмейстер в Оренбурге. *719.*

Окрамчаделова — см.: Окромчаделова Н.А.

Окромчаделов*, брат Н.А. Окромчаделовой. 678, 679.

Окромчаделова Нина Александровна, в замуж. Коншина (1871—1952), потомственная дворянка. Жена Н.В. Коншина, гражданская жена Арсения А. Морозова. 678, 679, *769.*

Оливье Люсьен (1837—?), французский подданный, моск. 2-й гильдии купец, содержатель ресторана и гостиницы «Эрмитаж» в Москве. 113.

Олсуфьев*, граф, участник спиритических сеансов в доме А.А. Майтова. 93.

Омон Шарль (наст. фамилия — Соломон), антрепренер, владелец театров-фарс, кафешантанов и увеселительных заведений в Москве, Петербурге и Нижнем Новгороде. 519, 520, *759.*

Онгарская Александра Карловна, вдова статского сов., начальница Николаевского сиротского института, председатель Общества вспомоществования воспитанниц института в 1903—1909 гг. *738.*

Орлов Н. *760.*

Осетров Николай Алексеевич, статский сов., почетный мировой судья и попечитель 2-го Бутырского городского училища в Москве. 710, 711, 713.

Осипов*, студент Имп. моск. Технического училища, репетитор автора в 1878 г. 118, 119.

Осипов Василий, отец П.В. Осипова. 516.

Осипов Павел Васильевич, п.п.г., комм. сов., председатель Нижегородского ярмарочного комитета. Совладелец Торгового дома «Осипов П.В. с сыновьями». 516, *758.*

Осиповы, отец и сын, совладельцы Торгового дома «Осипов П.В. с сыновьями». 516.

Осокин Владимир Иванович, представитель МТПТ в Хиве. 152.

Островский Александр Николаевич (1823—1886), драматург. *17*, 202, 358, 440, 441, *731, 752.*

Павел I (1754—1801), российский император с 1796 г. 637, *753*.

Павлинов Константин Михайлович, статский сов., профессор Имп. Моск. университета, заведующий Госпитальной клиникой Екатерининской больницы в Москве, практикующий врач. 215.

Павлов Дмитрий Александрович, п.п.г., совладелец Торгового дома «А. Павлова сыновья» в Шуе Владимирской губ. 184.

Павлов Михаил Алексеевич, п.п.г., ман.-сов., нерехтский 1-й гильдии купец, директор-распорядитель правления Товарищества Шуйской мануфактуры. Крупный землевладелец. 658.

Павлов Николай Михайлович (?—1892), член правления Моск. купеческого общества взаимного кредита в 1886—1892 гг. 354.

Павлов Петр Александрович, п.п.г., совладелец Торгового дома «А.Павлова сыновья», директор-распорядитель правления Товарищества мануфактур, основанных И.И. Скворцовым. Первый муж М.И. Холчевой, брат Д.А. Павлова. 184—186, 195, *730*.

Павлова М.И. — см.: Холчева М.И.

Палкин Константин Павлович (1820—?), петерб. 1-й гильдии купец. *722*.

Панина Варвара Васильевна, урожд. Васильева (1872—1911), эстрадная певица, исполнительница бытовых романсов и цыганских песен. 564.

Панов Владимир Алексеевич, врач больницы имени императора Павла I в Москве. 461, *753*.

Панов Иван Алексеевич (?—1899), директор правления Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°». Брат В.А. Панова. 154, 165, *753*.

Панова Надежда Ивановна, урожд. Алексеева, п.п.г., моск. домовладелица. Жена И.А. Панова, двоюродная тетка автора. 95, 461, 462, *753*.

Пантелеев Мирон Алексеевич, подрядчик по строительным делам в Москве. 466.

Пантелеимон (?—305), проповедник и благотворитель, житель гор. Никомидия. Канонизирован как великомученик, почитается как покровитель врачей и болящих. 637.

Пастухов Николай Иванович (1822—1911), журналист, издатель газеты «Московский листок». *761*.

Певницкий Виктор Иванович, действительный статский сов., профессор и инспектор Имп. Технического училища. 120.

Пенхасов Аарон, бухарский 1-й гильдии купец, торговец хлопком и каракулем. Брат С. Пенхасова. 277, 278.

Пенхасов Сион, бухарский 1-й гильдии купец, торговец хлопком и каракулем. Брат А. Пенхасова. 277.

Пенхасова*, жена А. Пенхасова. 277.

Пенхасова*, дочь А. Пенхасова. 277.

Первушин Алексей Михайлович, александровский 2-й гильдии купец, директор-распорядитель правления Товарищества Переславской мануфактуры. 133—135, 138.

Перлов Александр Флорентьевич (1852—?), п.п.г., инженер-механик фабрики Товарищества Ярцевской мануфактуры бумажных изделий А. Хлудова. Брат О.Ф. Перловой. 206, 212.

Перлов Василий Алексеевич (1784—1869), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, чаеторговец. 525.

Перлов Борис Флорентьевич, п.п.г. Брат О.Ф. Перловой. 214.

Перлов Василий Флорентьевич (1855—?), п.п.г., присяжный поверенный, директор правления Товарищества «Сталь». Брат О.Ф. Перловой. 214, 219, 220, *735.*

Перлов Николай Семенович (1849—1911), пот. двор., совладелец чаеторговой фирмы «Василий Перлов с сыновьями». Общественный деятель и благотворитель. 525.

Перлов Семен Васильевич (1821—1879), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, чаеторговец. Сын В.А. Перлова. 249, 250.

Перлов Сергей Васильевич (1836—1910), пот. двор., моск. 1-й гильдии купец, основатель и владелец Торгового дома «Сергей Васильевич Перлов и К°». Благотворитель. Сын В.А. Перлова. 474, *738.*

Перлов Степан Иванович (1837—?), п.п.г., чаеторговец. 99.

Перлова Елизавета Карловна, урожд. Пфёль (1832—1904), п.п.г. Пожертвовала нотную библиотеку Моск. консерватории. Теща автора. 214, 577.

Перлова Елизавета Сергеевна, в замуж. Бахрушина (1862—1943), п.п.г., благотворительница. Жена Вл.А. Бахрушина. *755.*

Перлова Любовь Сергеевна, в замуж. Бахрушина (1864—1912), п.п.г. Жена Н.П. Бахрушина, сестра Е.С. Перловой. *755.*

Перлова Ольга Флорентьевна, в замуж. Варенцова (1875—1933), п.п.г. Дочь Е.К. Перловой, вторая жена автора. *9—11,* 298, 662, 664, 685, *735.*

Перловы — род моск. чаеторговцев и благотворителей. *15.*

Перфильев Василий Степанович (1826—1890), тайный сов., камергер, гражданский губернатор Москвы в 1878—1887 гг. *733.*

Перфильева Прасковья Федоровна, урожд. Толстая (1826—1890), графиня, моск. домовладелица. Жена В.С. Перфильева. *733.*

Пестов Николай Евграфович (1892—1982), ученый-химик, профессор. Религиозный мыслитель, автор богословских трудов. *12, 18.*

Петр I (1672—1725), русский царь в 1696—1721 гг., российский император с 1721 г. 414, 439, *760.*

Петр Николаевич (1864—1931), великий князь, генерал-адъютант, генерал-инспектор по инженерной части. 236—240, 248, 252, *736—738.*

Петров Ю.А. *18, 757, 771.*

Платт, братья, совладельцы английских фирм «Platt Brothers & С°, Ld» и «Mather & Platt, Ld». 367.

Плевако Федор Никифорович (1842—1908), юрист, присяжный поверенный, публицист. *760.*

Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), статс-секретарь, член Государственного совета и Комитета министров, в 1880—1905 гг. обер-прокурор Святейшего Синода. 461.

Погребов Сергей Федорович, доверенный МТПТ в Намангане. Сын Ф.П. Погребова. 292, 293.

Погребов Федор Петрович, доверенный МПТП в Коканде. 286, 294.

Погребова*, жена С.Ф. Погребова. 292, 293.

Поздеев Николай Иванович (1855—1893), архитектор, работал в Ярославле и Москве. *749.*

Покровский Дмитрий Андреевич (?—1894), журналист, автор работ по истории Москвы. *724.*

Покровский Николай Николаевич (1865—1930), действительный статский сов., товарищ министра финансов в 1906—1914 гг., затем государственный контролер и министр иностранных дел. Эмигрант. 327, *742.*

Полевой Иван Васильевич, п.п.г., главный бухгалтер МТПТ. 153.

Полозова Л.В. *16, 18.*

Поляков Иван Кондратьевич, п.п.г., комм. сов., директор правлений Товарищества мануфактур В. Морозова с сыновьями и Товарищества Саввинской мануфактуры В. Морозова сыновей, И. Полякова и К°, член совета Волжско-Камского банка. Видный деятель старообрядчества. 53, 54, 258, 368, *719.*

Поляков Соломон Лазаревич (1815 — не ранее 1895), ремесленник-кустарь, торговец, оршанский и моск. 1-й гильдии купец. 158, *728.*

Поляков Самуил Соломонович (1837—1888), комм. сов., действительный статский сов. Строитель железных дорог, совладелец предприятий горнодобывающей и металлургической промышленности Юга России. Основатель ряда банков, видный благотворитель и меценат. Сын С.Л. Полякова. *728.*

Полякова Ненила Карповна, п.п.г., пайщица Товарищества мануфактур Викула Морозова с сыновьями. Жена И.К. Полякова. 53.

Померанцев Александр Никанорович (1848—1918), академик архитектуры, ректор Академии художеств. 403.

Понсон дю Террайль П. *737.*

Понфик Фридрих (1838—?), моск. 1-й гильдии купец, торговец москательным товаром под фирмой «Понфик, Аренс и К°». 364.

Попов*, сотрудник оренбургского отделения Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина в Серпухове. 24, 25.

Попов А.Н. *732.*

Попов Максим Ефимович (1819—?), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, учредитель Товарищества суконной торговли и складов «Попов Максим с сыновьями». 356, 357.

Попов Николай Петрович (1827—?), п.п.г., член Торговой депутации Моск. городской думы, гильдейский староста в Купеческой управе. 98, *724.*

Попова Александра Ивановна, урожд. Поземщикова, п.п.г., моск. домовладелица. Жена Н.П. Попова. 577, *724.*

Попова Олимпиада Гавриловна (1810—?), п.п.г., моск. 1-й гильдии купчиха. Мать Н.П.Попова. 98, *724.*

Попова Олимпиада Михайловна — см.: Попова О.П.

Потвейн*, учитель гимназии в Ярославле. 421, 422.

Потвейн, урожд. Соколова*, владелица магазина русских кустарных вещей в гор. Ницце. Жена Потвейна. 421—423.

Потехин Сергей Аркадьевич, полковник, моск. брандмайор. *734.*

Пржевальский М.В. *18, 739.*

Пригожев — см.: Пригожий Я.Ф.

Пригожий Яков Федорович (1840—1920), композитор, пианист и аккомпаниатор. Руководил русскими хорами. 562, 563, *762.*

Проскуровская Ю. *726.*

Простяков Григорий Иванович (1878—?), п.п.г., кандидат в директора правления ТМРК. Сын И.Г. Простякова. 197.

Простяков Иван Григорьевич (1845—1915), п.п.г., комм. сов., моск. 2-й гильдии купец, директор правлений ТМРК—ТБМК и других фирм. Благотворитель. *8*, 196, 197, 332, 636, 667.

Простяков Яков Иванович (1868—1903 или 1904), п.п.г., директор правлений ТМРК. Сын И.Г.Простякова. 196, 197.

Протасьева Т.Н. *733.*

Прохоров Константин Константинович (1842—1888), п.п.г., ман.-сов., директор правления Товарищества Норской мануфактуры. 254, 256.

Прохоров Николай Иванович (1860—1915), пот. двор., ман.-сов., кандидат прав. Председатель правления Товарищества Прохоровской мануфактуры, директор-распорядитель Товарищества Ярцевской мануфактуры бумажных изделий А. Хлудова, член советов Моск. Купеческого и Моск. Торгового банков. Благотворитель. 217, 337, 338, 670.

Прохорова Евдокия Павловна, в замуж. Варенцова (1828— ок. 1870), п.п.г. Жена двоюродного дяди автора М.М. Варенцова. 576.

Прохорова Прасковья Герасимовна, урожд. Хлудова (1849—1919), п.п.г., моск. 1-й гильдии купчиха. Жена К.К. Прохорова. 254, 256.

Прохоровы — семья моск. купцов, родственников Варенцовых. *15.*

Пташников*, купец из Ростова-на-Дону. 658.

Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742—1775) донской казак, предводитель восставших во время крестьянской войны 1773—1775 гг. 453.

Пукирев Василий Владимирович (1818—1890), живописец-жанрист, академик живописи. *16*, *17*, 577, *763.*

Рабенек Людвиг Артурович (1856— не ранее 1914), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, директор-распорядитель правлений товариществ мануфактур: Реутовской и «Людвиг Рабенек», член совета Московского банка. 56, *720.*

Разоренов Александр Алексеевич (1838—1909), п.п.г., кинешемский 1-й гильдии купец, соучредитель и председатель правления Товарищества Вичугских мануфактур братьев Ф. и А. Разореновых. 168, 393, 396, 399, *748.*

Разоренов Василий Федорович, п.п.г., член правления и директор Товарищества Вичугских мануфактур братьев Ф. и А. Разореновых. Сын Ф.А. Разоренова. 396, 398, 399.

Разоренов Герасим Дмитриевич, п.п.г., кинешемский 1-й гильдии купец, основатель ткацкой фабрики Товарищества мануфактур Г.Разоренова и И. Кокорева. 175.

Разоренов Леонид Александрович, п.п.г., профессор С.-Петерб. политехнического института. Сын А.А. Разоренова. 399, 400.

Разоренов Никанор Алексеевич (1819—1889), п.п.г., кинешемский 1-й гильдии купец, учредитель и директор правления ТМРК. *8*, 100, 168, 175, 176, 181, 184, 193, 196, 400, *729*.

Разоренов Николай Герасимович, п.п.г., кинешемский 1-й гильдии купец, директор-распорядитель Товарищества Тезинской мануфактуры Н.Г. Разоренова. Сын Г.Д. Разоренова. 175, *729*.

Разоренов Николай Григорьевич — см.: Разоренов Н.Г.

Разоренов Сергей Александрович, п.п.г., член правления Товарищества Вичугских мануфактур братьев Ф. и А. Разореновых. Сын А.А. Разоренова. 399.

Разоренов Федор Алексеевич (1828—1900), п.п.г., кинешемский 1-й гильдии купец, соучредитель и член правления Товарищества Вичугских мануфактур братьев Ф. и А. Разореновых. 112, 168, 393—399, 561, 562, *748*.

Разоренова*, урожд. Коновалова, п.п.г. Жена Ф.А.Разоренова. 394.

Разоренова*, урожд. Мошкина, жена В.Ф.Разоренова. 396.

Разсадкин Тимофей Гаврилович, моск. 2-й гильдии купец, торговец уксусом и медью. 501.

Разумовский Алексей Григорьевич (1709—1771), граф, генерал-фельдмаршал, крупный землевладелец. Морганатический супруг императрицы Елизаветы Петровны с 1744 г. 57.

Рамзес II, египетский фараон в 1317—1251 гг. до н.э. 489.

Распутин (с 1906 г. Распутин-Новых) Григорий Ефимович (1869—1916), крестьянин с. Покровское Тобольской губ. Политический авантюрист, фаворит семьи Николая II. 108.

Расторгуев*, муж Е.И. Расторгуевой, отец В.Ф. Найденовой. 334.

Расторгуева Евгения Ивановна, во втором браке Дегтярева, мачеха В.Ф. Найденовой. Преподавала в 4-й женской казенной гимназии в Москве. 334.

Расторгуевы, Дмитрий Иванович, его сын Алексей Дмитриевич и внук Дмитрий Алексеевич, п.п.г., моск. 1-й гильдии купцы, совладельцы Торгового дома «Д. и А. Расторгуевы» в Москве. 558.

Рахманов Дмитрий Михайлович, врач, инспектор фабричной инспекции Министерства финансов в Москве. 440, 446, 454, 642—645, 671.

Рахманов Иван Иванович, пот. двор., коллежский сов., моск. домовладелец. 437, 589, *753*.

Рахманова Александра Николаевна, урожд. Варенцова (1837—?), п.п.г. Жена Д.М. Рахманова, тетка автора. 454.

Рахманова Любовь Николаевна, урожд. Варенцова (1832—?), пот. двор. Жена И.И. Рахманова, тетка автора.453, *753*.

Рахмановы, семья купцов-старообрядцев, торговавших хлебом в Москве. 635.

Ребров Иван Дементьевич (1853—?), моск. 2-й гильдии купец, торговец кожевенным товаром. 460, 461.

Резакбердыев Ибрагимбай, хивинский бай. 150—152, 278.

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606—1669), голландский живописец. 431.

Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957), писатель, художник. Племянник Н.А., А.А. и В.А. Найденовых. *17*, 343, *744*.

Решетников Иван Иванович (1859—1929), п.п.г., совладелец Товарищества по торговле мануфактурными товарами «Решетников И.С. и К°». Сын И.С. Решетникова. 108, *725*.

Решетников Иван Степанович (1820—1897), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, торговец мануфактурным товаром под фирмой «Решетников И.С. и К°». *722*.

Решетников Николай Иванович (1857—1928), п.п.г., директор правления САТПТ, МТПТ, Товарищества «Сталь». Сын И.С. Решетникова. 76—79, 87, 92—95, 100—110, 145, 165, 166, 250, 266, 328, 329, 469, 470, 537, 541, 558, 565, 595, *722, 725*.

Решетникова Александра Ивановна, урожд. Лобанова, п.п.г., моск. домовладелица. Жена Н.И. Решетникова. 103—105, 107, 282.

Решетникова Анисья Ивановна (1836—?), п.п.г., моск. 1-й гильдии купчиха, совладелица Торгового дома «Решетников И.С. и К°». Жена И.С. Решетникова. 108.

Решетникова Елизавета Ивановна — см.: Найденова Е.И.

Ривош Я.Н. *766*.

Рикман В.Ю. *749*.

Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844—1908), композитор. 740.

Ришелье Арман Жан дю Плесси (1585—1642), кардинал, фактический правитель Франции с 1624 г. 278.

Рогожин Владимир Николаевич (1859—1909), п.п.г., в 1880-х гг. — доверенный САТПТ. Библиограф, архивист, коллекционер-библиофил, библиотекарь Имп. Моск. Археологического общества. Сын Н.П. Рогожина. 32, 40—43, 48, 393, *718*.

Рогожин Вячеслав Павлович, п.п.г., директор правления Товарищества Тверской мануфактуры. 198.

Рогожин Николай Павлович (1825— не ранее 1893), п.п.г., директор правлений Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°» и САТПТ, член правления Моск. купеческого общества взаимного кредита. Собиратель рукописей. *7*, 30, 32, 163, 354.

Родоконаки*, торговец хлопком в гор. Александрия (Египет). 482, 483.

Рожественский Зиновий Петрович (1848—1909), флотоводец, вице-адмирал. 690, *770*.

Розенбах Николай Оттонович (1836—1901), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, туркестанский генерал-губернатор в 1884—1889 гг. *719*.

Романовы, династия русских царей и императоров с 1613 по 1917 г. 439, 655, *747*.

Романюк С.К. *18, 721, 750*.

Рооп Мария Степановна, пот. двор., моск. домовладелица. Жена Х.Х. Роопа. 142—143, *727*.

Рооп Христофор Христофорович (1831—?), пот. двор., генерал от инфантерии, в 1883—1890-х гг. — командующий войсками Одесского военного округа, с 1890 г. — член Государственного совета. Предприниматель, совладелец деревообрабатывающего и виноторгового предприятий. 143, *727*.

Ротштейн Адольф Юльевич (1857—1904), германский подданный, банкир и финансист, директор-распорядитель правления С.-Петерб. Международного банка. 230, 237, 239, 240, 248, 250, 252, *736*.

Рубачев Михаил Васильевич (1848—?), п.п.г., шуйский 2-й гильдии купец, совладелец Товарищества мануфактур братьев В.В. и М.В. Рубачевых. 127.

Рудольф Франц Карл Иосиф Габсбург (1858—1889), эрцгерцог, наследник престола Австро-Венгрии. 88, *723*.

Рукавишников Константин Васильевич (1848—1915), действительный статский сов., пот. двор., известный промышленник и благотворитель. Моск. городской голова в 1883—1896 гг. 355.

Рукавишникова Евдокия Николаевна, урожд. Мамонтова (1849—1921), действительный член Моск. благотворительного общества 1837 г. Жена К.В. Рукавишникова. 355.

Румянцев Николай Петрович (1754—1826), граф, государственный деятель и дипломат. Коллекционер русских древностей, почетный член Российской Академии наук. 435, *751*.

Руперти Александр Иустинович (1845—?), гамбургский гражданин, моск. 2-й гильдии купец, директор правления МТПТ, член правления Моск. Учетного банка. 135, 144, 145, 154, 155, 319, 320.

Руперти Елизавета Александровна, урожд. Алексеева (1866—1938), п.п.г. Жена Э.А. Руперти, сестра Н.А. Алексеева. 319, *742*.

Руперти Эдгар Александрович (1865—?), моск. 2-й гильдии купец, директор правлений МТПТ и Товарищества «Владимир Алексеев», член совета Соединенного банка. Сын А.И. Руперти. 144, 318, 319, 322, *742*.

Руперти, семья предпринимателей и коммерсантов в Москве. 316—319, 323.

Рыбаков Константин Николаевич (1856—1916), драматический актер, с 1871 г. артист Малого театра. *769*.

Рыбников Николай Абрамович, богородский купец, владелец суконной фабрики, отец С.Н. Рыбниковой. *763*.

Рыбникова Софья Николаевна, в замуж. Корзинкина (1836—1911), жена А.А. Корзинкина. 577, *763*.

Рыков Иван Гаврилович (1829— не ранее 1885), п.п.г., скопинский 1-й гильдии купец, комм. сов., городской голова, в 1863—1882 гг. — директор Скопинского городского общественного банка. *17*, 558, *761*.

Рыкова О.В. *18*, *741*.

Рябинов (Рябин) Борис Федорович (1818—1847), дядя автора. 447, *753*.

Рябинов (Рябин) Илья, отец Ф.И. Рябинова (Рябина), прадед автора. 447.

Рябинов (Рябин) Михаил Федорович (1824—1847), дядя автора. 447, *753*.

Рябинов (Рябин) Федор Ильич (1796—1860), моск. 2-й гильдии купец и домовладелец. Дед автора. 446—448, 594, *752*.

Рябинова (Рябина), мать Ф.И. Рябинова (Рябина), прабабка автора. 447.

Рябинова (Рябина)*, вторая жена Ф.И. Рябинова (Рябина). 447.

Рябинова (Рябина) Авдотья Лукинична (1797—1847), первая жена Ф.И. Рябинова (Рябина), бабушка автора. 447, *753*.

Рябинова (Рябина) Александра Федоровна, в замуж. Варенцова (1837—1908), п.п.г., мать автора. *6*, *7*, 57, 64, 441, 442, 445—449, 604, 605, *752*.

Рябинова (Рябина) Ольга Федоровна — см.: Недыхляева О.Ф.

Рябов Николай Петрович, п.п.г., директор правления Товарищества Рябовской мануфактуры бумажных изделий. Сын П.И. Рябова. 389.

Рябов Петр Иванович (1816—1889), п.п.г., серпуховской 1-й гильдии купец, основатель фабрик Товарищества Рябовской мануфактуры бумажных изделий. 384—392.

Рябов Семен Петрович, п.п.г, директор правления Товарищества Рябовской мануфактуры бумажных изделий, моск. домовладелец. Сын П.И. Рябова. 389.

Рябов Степан Яковлевич (1831—?), дирижер балета Большого театра, руководитель струнного оркестра в Москве. 258, 397.

Рябушинская Александра Степановна, урожд. Овсянникова (1852—1901), п.п.г., жена П.М. Рябушинского. 501, 502.

Рябушинская Елена Васильевна, жена И.М. Рябушинского и затем Т.Г. Разсадкина. 498, 501.

Рябушинская Глафира Ивановна, дочь И.М. Рябушинского. 498, 501.

Рябушинская Юлия Ивановна, дочь И.М. Рябушинского. 498, 501.

Рябушинские, семья фабрикантов, банкиров, предпринимателей и меценатов. *15*, 497, 498, 504, 506, 692.

Рябушинский Василий Михайлович (1826—1885), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, совладелец Торгового дома «П. и В. братья Рябушинские». 498—500.

Рябушинский Владимир Павлович (1873—1955), п.п.г., член правления Товарищества мануфактур П.М. Рябушинского с сыновьями, председатель правления Харьковского Земельного банка, общественный деятель, член ЦК партии октябристов. Сын П.М. Рябушинского. 507.

Рябушинский Иван Михайлович (1821—1876), моск. 2-й гильдии купец. 498, *756*.

Рябушинский Николай Павлович (1877—1951), п.п.г., издатель, коллекционер, меценат. Сын П.М. Рябушинского. 506, 507, *757*.

Рябушинский Павел Михайлович (1820—1899), п.п.г., ман.-сов., директор-распорядитель правления Товарищества мануфактур П.М. Рябушинского с сыновьями. 497—506, *757*.

Рябушинский Павел Павлович (1871—1924), п.п.г., совладелец Банкирского дома братьев Рябушинских, крупный предприниматель, один из основателей партии прогрессистов, председатель правления и директор-распорядитель Товарищества мануфактур П.М. Рябушинского с сыновьями. Сын П.М. Рябушинского. 465, 691, 692, *757*.

Сабашников*, первый муж В.С. Шереметьевской.606.

Сабашников Михаил Васильевич (1871—1943), п.п.г., золотопромышленник и сахарозаводчик. Общественный деятель, издатель-просветитель. *13*.

Саблер (с 1915 г. — Десятовский) Владимир Карлович (1845—1929), сенатор, тайный сов., товарищ обер-прокурора Святейшего Синода в 1892—1905 гг., обер-прокурор в 1911—1915 гг. 461.

Савинков*, моск. купец, муж Е.М. Варенцовой. 435.
Савостьянов Федор Тимофеевич (1865—?), моск. 2-й гильдии купец, владелец булочной на ул. Петровка в Москве. 329.
Савостьянова*, дочь Ф.Т. Савостьянова. 329.
Салтыков*, помещик, сосед автора по имению Бутово. 710.
Самойленко*, инженер. Муж М.Н. Самойленко. 454.
Самойленко Мария Николаевна, урожд. Варенцова (1847—?), п.п.г. Тетка автора. 93—95, 454.
Санин Петр Иванович (1840—1903), п.п.г., ман.-сов., моск. 1-й гильдии купец, действительный статский сов. Член советов Моск. Купеческого и Моск. Торгового банков, председатель правления Моск.-Курской железной дороги. 199, 331, 332.
Сапожников Александр Григорьевич, п.п.г., совладелец Торгового дома «А. и В. Сапожниковы». *757.*
Сапожников Владимир Григорьевич (1846—1916), пот. двор., действительный статский сов., ман.-сов., совладелец Торгового дома «А. и В. Сапожниковы», член совета Моск. Купеческого банка, общественный деятель. 131, 505, 506, *757.*
Сахаров Андрей Дмитриевич (1921—1989), академик, правозащитник. *744.*
Сахаров Иван Николаевич (1860—1919), кандидат прав, присяжный поверенный, публицист, общественный деятель, дед академика А.Д. Сахарова. 195, 507, 653.
Сачков Алексей Дмитриевич (1839—?), моск. 2-й гильдии купец, содержатель гостиницы. Муж А.А. Сачковой. 360.
Сачков Михаил Алексеевич, юрист, товарищ прокурора. Сын А.Д. Сачкова, племянник автора. *10,* 713.
Свешников Иван Петрович (1834—?), переславльский 1-й гильдии купец, совладелец Торгово-промышленного товарищества «Петра Свешникова сыновья». 141—143.
Свешников Валентин Петрович (1838—?), переславльский 1-й гильдии купец, совладелец Торгово-промышленного товарищества «Петра Свешникова сыновья». 141.
Седов Сергей Федорович, инженер, заведующий аппретурной и красильной фабриками ТМРК и ТБКМ. 192.
Сеид-Абдул-Ахад-хан (?—1910), эмир Бухары в 1885—1910 гг. *8,* 45, 78, 79, 279, 311, 371—376, 670, *718, 733, 747.*
Семенов Сергей Саввович, п.п.г., моск. купец и домовладелец. *766.*
Семенов Сергей Семенович (?—1906), генерал-лейтенант, член Артиллерийского комитета Главного штаба. 230, 250, 251.
Семенова Мария Семеновна, сваха в Москве. 624—626.
Семенова Н. *739.*
Серафим Саровский, в миру Прохор Мошнин (1759—1833), один из наиболее почитаемых святых Русской Православной церкви. *13.*
Сергей Александрович (1857—1905), великий князь, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, с 1891 г. — моск. генерал-губернатор, с 1896 г. — командующий войсками Моск. военного округа. Дядя императора Николая II. 110, 337, 469, 470, 515, 619, 683.
Сергий Радонежский (1314—1392), преподобный, основатель Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Канонизирован в качестве святого в 1452 г. 64, 376, 586—588, *747.*

Серебряков Федор Архипович, п.п.г., совладелец Торгового дома «А. Серебрякова сыновья», моск. домовладелец. 553, 681, *761, 770.*

Серебряков Филипп Архипович, п.п.г., совладелец Торгового дома «А. Серебрякова сыновья». 553, *761.*

Серебрякова Надежда Павловна, п.п.г., моск. домовладелица. *770.*

Синельников Н.П. *728.*

Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853—1902), министр внутренних дел в 1900—1902 гг. 195.

Скворцова — см. Холчева М.И.

Скобеев Николай Васильевич, личный почетный гражданин, директор правления Ярославской Большой мануфактуры. 302, 430.

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882), полководец, генерал от инфантерии. 83, 305, 682, *723, 739.*

Слонов И.А. *746, 748.*

Смирнов Алексей Васильевич, п.п.г., совладелец Товарищества Ликинской мануфактуры А.В. Смирнова. Отец С.А. Смирнова. 463—467, *754.*

Смирнов Василий Александрович (1834—1892), комм. сов. Отец А.В. Смирнова. 464.

Смирнов Василий Алексеевич, п.п.г., директор правления Товарищества Ликинской мануфактуры. Сын А.В. Смирнова, брат С.А. Смирнова. 467.

Смирнов Петр Арсеньевич (1829—1898), п.п.г., комм. сов., директор-распорядитель Товарищества водочного завода, складов вина, спирта, русских и иностранных вин П.А. Смирнова. 464, *762.*

Смирнов Сергей Алексеевич (1883—?), п.п.г., банкир, директор правления Товарищества Ликинской мануфактуры А.В. Смирнова. Видный деятель партии кадетов, государственный контролер-министр Временного правительства в сентябре—октябре 1917 г. С 1918 г. — в эмиграции. Сын А.В. Смирнова. 467.

Смирнов Сергей Иванович, директор правления Товарищества Ярославской Большой мануфактуры. 402.

Смирнов Сергей Николаевич, статский советник, кандидат в директора Товарищества табачной фабрики М.И. Бостанжогло. Муж Е.Н. Смирновой. 412, *749.*

Смирнов Сергей Петрович (1855—1907), п.п.г. Сын П.А. Смирнова. 464, *762.*

Смирнова*, жена А.В.Смирнова. 464.

Смирнова Софья Ивановна, в замуж. Сазонова (1852—1921), писательница, журналистка. 692.

Смирнова Елена Николаевна, урожд. Бостанжогло (1860—?), п.п.г., моск. домовладелица. Сестра М.Н. Бостанжогло. *749.*

Соболев В.Н. *770.*

Соболевский Василий Михайлович (1846—1913), дворянин, журналист, издатель-редактор газеты «Русские ведомости». 673, 674, *768.*

Соколов Владимир Алексеевич, врач, владелец санатория в Ессентуках. 207, 298.

Соколов Илларион Николаевич, моск. 1-й гильдии купец, моск. домовладелец. Второй муж А.Г. Фирсановой. 536.

Соколов Л. *767.*

Соколов Сергей Владимирович, художник архитектуры. Архитектор Моск. сельскохозяйственного института (1893—1897), автор ряда построек в Москве. 93.

Соколова Александра Гавриловна — см.: Фирсанова А.Г.

Соколова Мария Васильевна, побочная дочь В.А. Хлудова, жена доктора В.А. Соколова. 207.

Солдатенков Козьма Терентьевич (1818—1901), п.п.г., комм. сов. Учредитель и член правления Товарищества Кренгольмской мануфактуры и других фирм, член совета Моск. Учетного банка. Известный общественный деятель, меценат-издатель и благотворитель. 138, 205, 451, 452, 583, *732, 753, 763.*

Солженицын А.И. *736.*

Соловцов Александр Владимирович (1847—1923), музыкант, профессор Моск. консерватории. Известный шахматист, первый чемпион Москвы по шахматам. 222.

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900), философ, поэт, публицист и критик. 222.

Соловьев Константин Макарович (1868—1935), директор-распорядитель Туркестанского торгово-промышленного товарищества «Соловьев К.М. и К°». 290, *741.*

Солодовников Александр Александрович (1893—1974), писатель, поэт. *12.*

Солодовников Гавриил Гавриилович (1826—1901), п.п.г., действительный статский сов., крупный акционер банков, железнодорожных обществ, торгово-промышленных компаний. Владелец зданий торгового Пассажа и театра в Москве, известный меценат и благотворитель. 584, *763.*

Солодовников Петр Андреевич (1826—1886), моск. 2-й гильдии купец, торговец галантерейным товаром. *746.*

Станиславский (наст. фамилия — Алексеев) Константин Сергеевич (1863—1938), п.п.г., директор правления Товарищества «Владимир Алексеев». Режиссер, актер, теоретик театра, основатель Моск. Художественного театра. 35, 319.

Стахеев Николай Дмитриевич (? — не ранее 1933), п.п.г., комм. сов., коммерсант, член совета Моск. Торгового банка. 428, 429, *750.*

Стахеева Ольга Яковлевна, п.п.г., домовладелица. Жена Н.Д. Стахеева. 429.

Стендаль. *751.*

Стоецкий Лука Григорьевич, домовладелец и содержатель меблированных комнат в Москве. 338.

Столыпин Аркадий Дмитриевич (1822—1899), тайный сов., заведующий придворной частью в Москве, владелец имения Середниково. Отец П.А. Столыпина. 529, *759.*

Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911), министр внутренних дел и председатель Совета министров в 1906—1911 гг. 529, *759, 768.*

Страдивариус (Страдивари) Антонио (1643—1737), итальянский мастер струнных смычковых инструментов. 224, 225, *736.*

Стремоухов Петр Петрович (1865— после 1913), действительный статский сов., пот. двор., камергер, костромской губернатор. 655, 656, *768.*

Стротер Альфред Егорович, представитель Товарищества Шлиссельбургской мануфактуры на Нижегородской ярмарке. 87, 558, 559.

Струйский Николай Еремеевич (1749—1796), пот. двор., гвардии прапорщик, поэт и издатель. *5.*

Струковы — семья моск. купцов, торговцев мануфактурным товаром. *5.*

Ступины — семья моск. купцов, торговцев дровами и владельцев фирмы по перевозке грузов. *5.*

Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912), журналист, издатель газеты «Новое время». *15,* 692—694, *731, 743, 770.*

Суворина Анна Ивановна, урожд. Баранова (1840—1873), писательница, переводчица и издательница. Первая жена А.С. Суворина. *770.*

Суворина Анна Ивановна, урожд. Офремова (1858—1936), вторая жена А.С.Суворина. 693, *771.*

Суворов Александр Васильевич (1730—1800), граф Рымникский, князь Италийский, русский полководец, генералиссимус. 684.

Сусоров Сергей Ильич, нотариус Моск. окружного суда. 681.

Сутгоф — семья именитых нарвских купцов. *732.*

Сырейщиков Николай Петрович (1871—1953), п.п.г., коллекционер живописи. Сын П.Д. Сырейщикова. 58, 66, 577, 578, *763.*

Сырейщиков Петр Дмитриевич (1839—1901), п.п.г., банкир. Директор правления Моск. купеческого общества взаимного кредита, владелец банкирской конторы в Москве. 338, 354.

Сытин Иван Дмитриевич (1851—1934), п.п.г., моск. 2-й гильдии купец, основатель и директор-распорядитель Товарищества печатания, издательства и книжной торговли И.Д. Сытина. Издатель крупнейшей по тиражу газеты «Русское слово», журнала «Вокруг света».*13,* 674, *769.*

Тамерлан (Тимур) (1336—1405), среднеазиатский полководец, эмир с 1370 г. 283.

Танеев Сергей Иванович (1856—1915), композитор, музыкальный теоретик, пианист. 222.

Тарсин Семен Ильич, купец, скупщик хлопка в Ташкенте в 1882—1894 гг., хлопковод. 29, 31.

Твердов*, доверенный САТПТ в Ташкенте. 298.

Телешов Н.Д. *764, 765.*

Теплов Владимир Александрович, действительный статский сов., генеральный консул в Нью-Йорке. *759.*

Тестов Иван Яковлевич (1833—1892), моск. 2-й гильдии купец, владелец ресторана русской кухни в Москве, домовладелец. 88, *723.*

Тити — древнеегипетская принцесса. 493.

Титов Николай Дорофеевич, титулярный советник, практикующий в Москве врач. 229.

Тихомиров Иван Григорьевич, лесопромышленник и фабрикант в Кинешме, землевладелец. 664, 665, *768.*

Токке Александр Каспарович (1859—?), моск. 2-й гильдии купец, биржевой маклер, служащий МТПТ. 318, 320.

Толмачёв Николай Александрович, управляющий Ташкентским отделением Волжско-Камского банка. 300, 301, 303, 306, 307.

Толстая Евдокия Максимовна, урожд. Тугаева (1797—1861), графиня. Жена Ф.А. Толстого. *733.*

Толстая Софья Андреевна, урожд. Берс (1844—1919), графиня. Жена Л.Н. Толстого. 43, *718.*

Толстой Василий Борисович (1706—1790), пот. двор., статский сов. *726.*

Толстой Лев Николаевич (1828—1910), граф, писатель. 43, 206, 222, *718, 726, 734, 735.*

Толстой Николай Ильич (1794—1837), граф. Отец Л.Н. Толстого. 206, *733.*

Толстой Федор Иванович («Американец»; 1782—1846), граф, полковник, участник Отечественной войны 1812 г. *733, 754.*

Тон Константин Андреевич (1794—1881), архитектор, автор ряда известных построек в Москве и Петербурге. *747.*

Тореры, братья, торговцы мехом в Лейпциге. 148, 149.

Торубаева Пелагея Андреевна, нянька в семье Н.А. Найденова. 335.

Трамбле Коде-Октавий, владелец известной кондитерской в Москве, на углу Кузнецкого моста и ул. Петровки. 385, *748.*

Трепезников*, сын А.К. Трапезникова. 180.

Трапезников Александр Константинович (1822—1895), п.п.г., комм. сов., иркутский 1-й гильдии купец, торговец чаем под фирмой «А. Трапезников и К°», директор МТПТ. 73, 131, 180, 181, 316.

Трапезниковы, семья иркутских купцов, торговцев чаем. 181.

Трейман Карл Густавович, моск. архитектор. *761.*

Трепов Дмитрий Федорович (1855—1906), генерал-майор, моск. обер-полицмейстер в 1896—1905 гг. *724.*

Третьяков Павел Михайлович (1832—1898), п.п.г., комм. сов., действительный статский сов. Совладелец Торгового дома «П. и С. братья Третьяковы и В. Коншин» и Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры. Меценат, основатель Третьяковской галереи в Москве. Почетный гражданин Москвы. 131, 332, 446, 577, 583, 672, 678, *752.*

Третьяков Сергей Михайлович (1834—1892), п.п.г., комм. сов., действительный статский сов., совладелец Торгового дома «П. и С. братья Третьяковы и В. Коншин» и Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры. Коллекционер живописи, меценат. Моск. городской голова в 1877—1881 гг. 672, *752, 769.*

Троицкая Мария Николаевна*. 554—556.

Тропинин Василий Андреевич (1776—1857), художник. *18,* 532.

Трындин Сергей Егорович, п.п.г., моск. домовладелец. 696.

Турский Митрофан Кузьмич (1840—1899), действительный статский сов., ученый-лесовод, профессор Петровской земледельческой и лесной академии. Основатель Моск. лесного общества. 182.

Тушнин Митрофан Алексеевич, п.п.г., совладелец Торгового дома «А.В. Тушнин с сыновьями». 196.

Тыдман Л.В. *724.*

Ульянова Г.Н. *763.*

Урусова Наталья Васильевна, урожд. Бахрушина (1868—1938), п.п.г. Дочь В.А. Бахрушина. 66.

Урусова Ольга Никитична, в замуж. Варенцова, п.п.г. Жена С.М. Варенцова. 576.

Файнберг И.М., харьковский купец, директор правления Товарищества «Сталь». 230—232, 242, *737.*

Федоров Герман Ильич (? — не ранее 1892), соученик автора по Моск. коммерческому училищу, служащий САТПТ. 118—120, 122—127.

Федоров Михаил Михайлович (1858—1949), журналист, земский деятель, финансист, банкир. С 1921 г. в эмиграции, издавал в Париже еженедельник «Борьба за Россию». 371, *746.*

Федоров Сергей, инженер. Отец В.С. Федоровой.*769.*

Федорова Аполлинария Ильинична, сестра Г.И. Федорова. 119, 122, 127, 128.

Федорова Вера Сергеевна, в первом браке Морозова, во втором Лебедева (1886—?), жена Арсения А. Морозова и А.И. Лебедева. *769.*

Федорова Наталия Николаевна, урожд. Кувшинникова, жена Г.И. Федорова. 124.

Федосюк Ю.А. *766.*

Федотов Василий Семенович (1851—?), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, торговец мануфактурным товаром. 54, 55.

Федотов Петр Семенович, служащий Товарищества мануфактур Д.Г. Бурылина в Иваново-Вознесенске. 197.

Федотова*, жена В.С. Федотова. 55.

Федотова*, дочь В.С. Федотова. 55.

Фейнберг — см.: Файнберг И.М.

Феофан Вышенский (в миру Говоров Георгий Васильевич) (1815—1894), епископ, настоятель Вышенской пустыни в Тамбовской губ. Аскет и богослов. Причислен к лику святых Русской православной церковью в 1988 г. 640, 641, *767.*

Фидлер Иван Иванович (1864—1934), пот. двор., статский сов., инженер, общественный деятель. Директор реального училища в Москве. *771.*

Филарет (в миру Дроздов Василий Михайлович) (1782—1867), митрополит Моск. и Коломенский, автор классических богословских трудов. Причислен к лику святых Русской православной церковью в 1994 г. 445, 589, 671.

Филаткина Н.А. *18, 720, 721, 729, 758, 766, 769.*

Филатов Дмитрий Львович, владелец образцовых виноградников и винодельческого хозяйства в Самарканде. 300, 301, 304, 305, 312—314.

Филатов Михаил Иванович, мещанин, владелец дома в Токмаковом пер. в Москве, по соседству с домом автора.633.

Филатова*, дочь М.И. Филатова.633.

Филиппов Дмитрий Иванович (1855—1908), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, владелец булочных и пекарен в Москве. 225, *736.*

Фирсанов А.Н. *18, 759.*

Фирсанов Иван Григорьевич (1817—1881), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, торговец лесом. Владел многими домами и земельными участками в Москве. Благотворитель, состоял первоприсутствующим в Сиротском суде в Москве. 528—536, 594, *759.*

Фирсанов Иван Петрович (1858—1900), п.п.г., сын П.Г. Фирсанова. 398, 536, *759.*

Фирсанов Петр Григорьевич (1824—1914), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, торговец лесом. Брат И.Г. Фирсанова. 536.

Фирсанова Александра Гавриловна, урожд. Николаева, во втором браке Соколова, п.п.г., благотворительница. Жена И.Г. Фирсанова. 535, 536, *759.*

Фирсанова Вера Ивановна, в замуж.: в первом браке Воронина, во втором — Гонецкая (1862—1934), п.п.г., моск. домовладелица, благотворительница и меценатка. Дочь И.Г. Фирсанова, жена В.П. Воронина и А.Н. Гонецкого. 535, 536.

Фирсанова Ольга Александровна — см: Варенцова О.А.

Флоренский Павел Александрович (1882—1943), русский философ, ученый-инженер. *13.*

Фокина Варвара Арсеньевна, урожд. Капустина, п.п.г., благотворительница. Дочь А.М. Капустина. 345.

Фомичев Алексей Васильевич (1833—1908), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, занимался дисконтом векселей. Крупный благотворитель. 412.

Фомичев Аркадий Алексеевич (1862— не ранее 1918), п.п.г., коллежский асессор, архитектор, член Моск. архитектурного общества. Сын А.В. Фомичева. 409—412.

Фомичев Виктор Алексеевич, п.п.г., владелец кирпичного завода в Бутове, сын А.В. Фомичева. 661, 662.

Фомичева*, жена А.А. Фомичева. 412.

Фонвизин Денис Иванович (1745—1792), писатель, драматург. *5,* 99, *724.*

Фонвизин Михаил Александрович (1788—1854), генерал-майор, декабрист, участник Отечественной войны 1812 г. *5, 724.*

Франц*, отец Б.И. Франца. 599.

Франц*, мать Б.И. Франца. 599.

Франц Борис Иванович, служащий МТПТ. 599, 600.

Фрейтаг*, маклер по сахару в Киеве. 132.

Халатов Аршак Бакшиевич (Александр Борисович) (1847—?), п.п.г., моск. 2-й гильдии купец. Торговец шелковым и восточным товаром. 339.

Хишин Лейба-Иосель (Осип) Генделевич (1843—?), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, торговец шелковым и мануфактурным товаром, имел фабрику шелковых изделий в Москве. 644.

Хлебников Сергей Павлович, инженер, служащий фабрики ТМРК—ТБКМ. 182, 195.

Хлебникова Елизавета Михайловна (1892—1944), гражданская жена С.П. Смирнова. *762.*

Хлудов Алексей Иванович (1818—1882), п.п.г., ман.-сов., купец 1-й гильдии. Основатель Торгового дома «А. и Г. Ивана Хлудова сыновья», Товарищества Ярцевс-

кой мануфактуры бумажных изделий А. Хлудова, совладелец Товарищества Егорьевской бумагопрядильной фабрики А. и Г. братьев Хлудовых. Председатель Моск. Биржевого комитета в 1859—1865 гг. Коллекционер и собиратель рукописей. 132, 201, 203—208, 213, 218, 223, 228, 254, 257, 672, *721, 732, 735.*

Хлудов Алексей Михайлович (1873— ок. 1883), п.п.г., сын М.А. Хлудова. 215, *734.*

Хлудов Василий Алексеевич (1841—1913), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, член правления Егорьевской бумагопрядильной фабрики Товарищества «А. и Г. братьев Хлудовых» и директор правления Товарищества «Сталь». Владел домами в Москве и крупным имением Раздольное (виноградарство и виноделие) вблизи Сочи. 67, 93, 165—167, 204, 207, 208, 213—215, 217—233, 248, 249, 251—253, 254, 696, *721, 735—738.*

Хлудов Герасим Иванович (1821—1885), п.п.г., ман.-сов., купец 1-й гильдии, основатель Торгового дома «А. и Г. Ивана Хлудова сыновья», совладелец Егорьевской бумагопрядильной и ткацкой фабрики. Коллекционер русской живописи. 201, 203, 205, 254—257, 329, 672, *729.*

Хлудов Егор Алексеевич (1845—1878), п.п.г., предприниматель. Сын А.И. Хлудова. 205, 207, *732, 734.*

Хлудов Иван Алексеевич (1839—1868), п.п.г., директор правления Торгового дома «А. и Г. Ивана Хлудова сыновья», заведовал его конторой в Ливерпуле. Сын А.И. Хлудова. 204, 207, *732.*

Хлудов Иван Иванович (?—1835), ткач-кустарь, основатель семейного дела Хлудовых. 202, 203, *732.*

Хлудов Михаил Алексеевич (1843—1885), п.п.г., директор правления Товарищества Ярцевской мануфактуры бумажных изделий А. Хлудова. Сын А.И. Хлудова. 7, *17*, 30, 205, 207, 209—215, 255, 268, *731, 732—739.*

Хлудов Павел Герасимович (1862—1882), п.п.г., член правления и директор Товарищества Егорьевской бумагопрядильной фабрики А. и Г. братьев Хлудовых. Сын Г.И.Хлудова. 254—256.

Хлудов Савелий Иванович (1816—1855), основатель Егорьевской бумагопрядильной фабрики Торгового дома «А. и Г. Ивана Хлудова сыновья». 203.

Хлудова Вера Александровна, урожд. Александрова, член правления Товарищества Ярцевской мануфактуры бумажных изделий А. Хлудова. Вторая жена М.А. Хлудова. *17*, 30, 214—217, 697, *734.*

Хлудова Елизавета Алексеевна, урожд. Мельгунова (1855—1875), первая жена М.А. Хлудова. 208, 214.

Хлудова М.С. *18, 736.*

Хлудова Нина Флорентьевна, урожд. Перлова, п.п.г. Жена В.А. Хлудова, сестра О.Ф. Перловой. 219—220, *735, 736.*

Хлудовы, семья известных предпринимателей и купцов из Егорьевска, крупнейших благотворителей и меценатов. 14, 138, 165, 202, 204, 214, 228, 255, 257, 261, 262, *731.*

Холчева Матрона Ивановна, урожд. Скворцова, в первом браке Павлова, п.п.г., совладелица Товарищества мануфактур, основанных И.И. Скворцовым. Дочь И.И. Скворцова, жена П.А. Павлова. 119, 184, 185, *730.*

Хохбачев*, муж дочери А.С. Ключарева. 135.

Христофоров Петр Дмитриевич, кандидат Имп. Моск. университета, в 1907—1910 гг. был мужем Е.С. Щукиной. *739*.

Цветков В.Д. *724*.

Циммер Виконт (Виганд) Иванович (1853—1904), моск. 1-й гильдии купец, директор правлений Торгового дома «Вогау и К°» и Товарищества Соколовской мануфактуры А. Баранова. 396.

Чайковский Петр Ильич (1840—1893), композитор. 564, *762*.

Челнокова Лидия Васильевна, урожд. Бахрушина (1871—1913), п.п.г. Дочь В.А. Бахрушина. 66.

Чернышев Михаил Андреевич (1840—1925), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, директор-распорядитель правления Товарищества суконного производства «Пелагеи Чернышевой сыновья». 62, 64, *721*.

Чернышев Сергей Михайлович (1878—?), п.п.г. Сын М.А. Чернышева. *721*.

Чернышева Варвара Федоровна, урожд. Мазурина (1849—1916), п.п.г. Жена М.А. Чернышева. 62, 64, 65, *721*.

Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898), генерал от инфантерии, генерал-губернатор Туркестанского края в 1882—1884 гг. *734*.

Четвериков Иван Иванович (1817—1871), пот. двор., действительный статский сов., моск. 1-й гильдии купец, основатель Городищенской суконной фабрики. Отец С.И. Четверикова. *746*.

Четвериков Дмитрий Иванович (1805—1872), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, торговец суконным товаром. 576.

Четвериков Михаил Дмитриевич (1854 — не ранее 1908), п.п.г., моск. домовладелец. Сын Д.И. Четверикова. 99.

Четвериков Сергей Иванович (1850—1929), п.п.г., пот. двор., ман.-сов., директор правлений товариществ: Городищенской суконной фабрики Четверикова, «Владимир Алексеев» и др. Один из лидеров партии прогрессистов. *13*, 362, 692, 693, *746*.

Четвериковы, моск. род купцов и промышленников, выходцев из Перемышля Калужской губ. *5*.

Четверухин Серафим. *767*.

Чехов Антон Павлович (1860—1904), писатель, драматург. *17*, *761*.

Чижов Федор Васильевич (1811—1877), профессор математики, видный железнодорожный и финансовый деятель, крупный благотворитель и меценат. 159.

Чихачев Николай Матвеевич (1830—1916), пот. двор., адмирал, директор Департамента промышленности и торговли, директор Русского общества пароходства и торговли с 1862 по 1888 г., управляющий Морским министерством с 1888 по 1896 г. 475, 477, 494, *755*.

Чичерин Борис Николаевич (1828—1904), статский сов., юрист, историк, философ, профессор Имп. Моск. университета. Моск. городской голова в 1882—1883 гг. Почетный гражданин Москвы. 536, *759*.

Чупаков Михаил Иванович, надворный сов., преподаватель 3-го Моск. кадетского корпуса. 405.

Шавров Егор Николаевич, статский сов., инспектор и преподаватель Моск. Коммерческого училища. 117.

Шагазиев Хусейн, бухарский купец, торговавший каракулем, хлопком и шерстью в Москве и на Нижегородской ярмарке. Совладелец ряда торговых домов в Москве. *8*, 48—50, 72, 146—149.

Шамаро А.А. *732*.

Шамшин Александр Иванович (1853—1914), п.п.г., моск. 2-й гильдии купец, член совета Моск. Купеческого банка, член правления Моск. Товарищества соединенных фабрик золотоканительного производства «Алексеев Владимир, П. Вишняков и А. Шамшин». 109, *745*.

Шаперко — см.: Шиперко А.Ф.

Шевалдышев Николай Алексеевич, присяжный поверенный по судебным делам Моск. городской управы. 348.

Шелапутин Григорий Павлович (1872—1898), пот. двор., кандидат Имп. Моск. университета. Сын П.Г. Шелапутина. *729*.

Шелапутин Павел Григорьевич (1850—1914), пот. двор., действительный статский сов. Совладелец Товарищества Балашинской мануфактуры бумажных изделий. Известный благотворитель и меценат. 324, 377, *729*.

Шереметев Василий Александрович (1862—1897), пот. двор., штаб-ротмистр лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. 304, 305, *741*.

Шереметев Дмитрий Николаевич (1803—1871), граф, владелец крепостной семьи Я.Я. Ермакова. 543.

Шереметев Сергей Дмитриевич (1844—1918), граф, предводитель дворянства Моск. губернии, владелец имения Кусково. 389.

Шереметева Наталья Григорьевна, урожд. Кузнецова, пот. двор. Жена В.А. Шереметева, внучка А.С. Губкина. 304.

Шереметева Софья Григорьевна, урожд. Петрово-Соловово (1843—?), пот. двор. Мать В.А. Шереметева. 304, *741*.

Шереметевы, древний боярский и княжеский род, крупные землевладельцы. 537.

Шереметьев Никита Варфоломеевич, егорьевский 1-й гильдии купец. 413.

Шереметьевский Сергей Александрович (? — не ранее 1918), пот. двор., надворный сов., присяжный поверенный, юрисконсульт ряда промышленных и торговых фирм. 258.

Шереметьевская Вера Сергеевна, в замуж.: в первом браке Сабашникова, во втором — Крафт, пот. двор. Жена К.Н. Крафта. 606, 607.

Шерупенкова*, вдова моск. 2-й гильдии купца, домовладелица. 639.

Шилова Елизавета Александровна, в замуж. Варенцова (1837—?), п.п.г. Жена Павла М. Варенцова. 576, *762*.

Шимко Алексей Иванович (1853—?), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, совладелец ряда торговых домов в Москве по оптовой торговле хлопком, каракулем и шерстяной пряжей. *8*, 49, 147, 367.

Шиперко Александр Фердинандович (1844—?), моск. 2-й гильдии купец, владелец фирмы по хранению, упаковке и перевозке мебели в Москве. 373, *747.*

Шишкины, цыганская семья, выступавшая с пением в московских ресторанах. *762.*

Шишкова (?) Мария Сергеевна (? — не ранее 1891), певица. 564, 565.

Шишковы, цыганская семья, выступавшая с пением в московских ресторанах. *762.*

Шлихтерман Егор Егорович (1840—?), прусский подданный, моск. 1-й гильдии купец, владелец Торгового дома «Е.Е. Шлихтерман» в Москве. 88—91, *723.*

Шлихтерман Федор Егорович (?—1906), п.п.г., биржевой маклер по хлопку. Брат Е.Е. Шлихтермана. 88.

Шмаков Алексей Семенович (1852—1916), присяжный поверенный, гласный Моск. городской думы, публицист. 222.

Шмелев Иван Сергеевич (1873—1950), писатель. *16.*

Шмит Павел Александрович (1851—1902), п.п.г., моск. 2-й гильдии купец, владелец фабрики художественной мебели в Москве. Поставщик императорского двора с 1857 г. 372, 541.

Шмит Николай Павлович (1883—1907), п.п.г., студент Имп. Моск. университета, с 1904 г. возглавлял мебельную фабрику своего отца. Участник революции 1905 г. в Москве, умер в тюрьме. Сын П.А. Шмита. 695, *771.*

Шперлинг Александр Николаевич (?—1901), ротмистр, старший помощник пристава 2-го участка Басманной части в Москве. 90, *724.*

Штакельберг Георгий Карлович (1851—1908), барон, генерал от кавалерии, командир 1-го Сибирского армейского корпуса в русско-японской войне. 684, *770.*

Штекер Жозефина Егоровна, моск. домовладелица. 576.

Штраус Павел Юльевич, провизор, владелец аптеки на Старой Басманной ул. в Москве в 1901—1914 гг. 613.

Штром Александр Васильевич (1834—1903), п.п.г., коммерсант, член правления Моск. Учетного банка, член совета Моск. купеческого общества взаимного кредита. 354.

Шуваловы*, графини, сестры. 28.

Шульц Роберт-Иосиф (Роман Романович) (1848—?), п.п.г., моск. 2-й гильдии купец, биржевой маклер. 319.

Шустов Николай Леонтьевич (1823—1898), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, основатель Торгового дома «Н.Л. Шустов с сыном». *745.*

Щапов Н.М. *18.*

Щеглеев — см.: Щегляев В.Ф.

Щегляев Василий Федорович (1804—?), моск. 1-й гильдии купец, торговец золотыми и серебряными вещами в Теплых рядах Старого Гостиного двора. 528, *759.*

Щенбек Роман Романович, директор правления МТПТ. 320.

Щепкин Михаил Семенович (1788—1863), актер. До 1822 г. был крепостным, с 1824 г. служил в Малом театре в Москве. 23.

Щепкина М.В. *733.*

Щербачев Федор Николаевич (1864—?), п.п.г., моск. 1-й гильдии купец, торговец суконным товаром. 64.

Щеславская Мария Васильевна, урожд. Бахрушина (1877—1938), п.п.г. Дочь В.А. Бахрушина. 66.

Щукин Петр Иванович (1853—1912), п.п.г., совладелец Торгового дома «И.В. Щукин с сыновьями», коллекционер, основатель Щукинского музея в Москве. *13,* 549, *721, 723, 758, 761, 762.*

Щукин Сергей Иванович (1854—1936), п.п.г., член совета Моск. Учетного банка, совладелец Торгового дома «И.В. Щукин с сыновьями», директор правления Товарищества Даниловской мануфактуры. Крупный коллекционер живописи. *739.*

Щукина Екатерина Сергеевна, в первом браке Христофорова, во втором — Келлер (1890—1977), п.п.г. Дочь С.И. Щукина. *739.*

Эзов Сергей Иванович, моск. 2-й гильдии купец, биржевой маклер. 384, 388.

Эйнем Фердинанд-Теодор (1826—1876), моск. 1-й гильдии купец, основатель и владелец паровой фабрики шоколада «Эйнем». *727.*

Экштут С. *729.*

Эпикур (341—270 до н.э.), греческий философ-материалист. *756.*

Юдин С.С. *722.*

Юдина Е.Л. *18.*

Юдина Пелагея Михайловна, урожд. Чернышева (1882—1942), потомственная дворянка, после 1917 г. работала зубным врачом. Репрессирована, погибла в лагере. Дочь М.А. Чернышева. 64, 65.

Юдины, моск. 1-й гильдии купцы, совладельцы Торгового дома «Братья А.С. и М.С. Юдины». Родственники Варенцовых, жители Токмакова пер. в Москве. *5.*

Южин Александр Иванович (наст. фамилия — Сумбатов) (1857—1923), актер Малого театра в Москве, драматург. 678, *769.*

Юнг — см.: Юнге Э.А.

Юнге Эдуард Андреевич (1833—1898), доктор медицины, профессор офтальмологии. В 1883—1890 гг. — директор Петровской земледельческой и лесной академии в Москве. 46, *719,*

Юргенс Владимир Александрович, личный почетный гражданин, сын моск. 2-й гильдии купца. 503—505.

Юргенс, семья моск. знакомых автора. 503.

Юрковский Евгений Корнильевич, генерал-майор, моск. обер-полицмейстер в 1886—1891 гг. *719.*

Юсупов Вуисбафа (?—1918), хивинский бай, первый министр хивинского хана. Брат М. Юсупова. 152.

Юсупов Матвафа, хивинский бай, торговец хлопком, позднее первый министр хивинского хана. Брат В. Юсупова. 152.

Яблочков Павел Николаевич (1847—1894), электротехник и изобретатель. 603, *764.*

Якимов Иван Васильевич, коллежский секретарь, член Костромского окружного суда по Кинешемскому уезду. *730.*

Яковлев Семен Семенович, действительный статский сов., управляющий Главной складочной таможней в Москве. 114.

Якуб-бек (1820—1877), владыка гор. Алтышара в Кашгарской долине Восточного Туркестана. 209.

Якунчиков Василий Иванович (1827—1909), пот. двор., комм. сов., 1-й гильдии купец, председатель совета Моск. Торгового банка. член совета Моск. Купеческого банка, председатель правления Товарищества Воскресенской мануфактуры. Видный меценат и благотворитель. 131, 327.

Янжул Иван Иванович (1845—1914), профессор Имп. Моск. университета, юрист, общественный деятель. 328.

Яновский А.Д. *18.*

Ярковский Иван Осипович, отставной поручик, начальник механической мастерской Моск.-Брестской железной дороги. 114, 115, *726.*

Mendsley*. 57.

Papavafa F. *751.*

УКАЗАТЕЛЬ ПРОМЫШЛЕННО-ТОРГОВЫХ, ФИНАНСОВО-БАНКОВСКИХ И СТРАХОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

«Австрийский Ллойд» («Austrian Lloyd»), пароходное агентство в Вене — отделение английской морской пароходной и страховой компании «Ллойд», основанной в конце XVIII в. 494.

«Алексеев Владимир», Промышленное и торговое товарищество, учреждено в 1882 г. для продолжения действий основанного в 1862 г. Торгового дома под тем же названием. Специализировалось на торговле сырьем для текстильной промышленности, в 1857—1894 гг. владело основанной в 1785 г. золотоканительной фабрикой в Москве. 319, 322, 323, 353, 692.

«Алексеев Владимир, П. Вишняков, А. Шамшин», Московское товарищество золотоканительного производства соединенных фабрик, действия открыты в 1894 г. Учреждено на базе предприятий Товарищества «Владимир Алексеев» и Торгового дома «П. Вишняков и А. Шамшин». Имело фабрики: золотоканительную и электрических лампочек, заводы: меднопрокатный и кабельный в Москве. *745.*

«Алексеев Петр с сыновьями», Торговый дом, учрежден в 1849 г. и переименован в 1850 г. в «Петра Алексеева сыновья». Владел до 1857 г. фабрикой «волоченого и плащеного золота и серебра» в Москве, основанной в 1785 г. 450, 451.

«Ахенбах и Колли-младший», Торговый дом, основан в середине XIX в. в Москве, специализировался на торговле хлопковым сырьем, владел банкирской конторой в Петербурге. 144.

Бабкиных братьев Товарищество Купавинской суконной фабрики, действия открыты в 1875 г. Владело основанной в 1816 г. суконной фабрикой при с. Купавна Богородского уезда Московской губ. и шерстомойными заведениями. 157, 324, 329.

Балашинской (Балашихинской) мануфактуры бумажных изделий Товарищество, действия открыты в 1874 г. Владело бумагопрядильной фабрикой в м. Никольском Московского уезда и губ. 324.

Баранова Асафа Товарищество Соколовской мануфактуры, действия открыты в 1880 г. Владело основанной в 1874 г. прядильно-ткацкой, набивной и красильной фабрикой при д. Соколово Александровского уезда Московской губ. 137, 141.

Барановых Товарищество мануфактур, основано в 1874 г. для продолжения действий Торгового дома «Александр и Асаф Ивановы Барановы», существовавшего с 1863 г. Владело бумагопрядильной, ткацкой и красильной фабриками при с. Карабаново Александровского уезда Владимирской губ., основанными в 1846 г. 136—141.

Бахрушина Алексея сыновей Товарищество кожевенной и суконной мануфактур, учреждено в 1875 г. для продолжения действий Торгового дома Алексея Бахрушина сыновей. В составе предприятия — сафьяно-кожевенная фабрика, основанная в 1834 г., и суконно-ткацкая фабрика, основанная в 1864 г., в Москве. 468, *754.*

Берга П.В. Товарищество Рождественской мануфактуры, действия открыты в 1889 г. В составе предприятия бумагопрядильная и ткацкая фабрики в Твери. 575.

Богородско-Глуховской мануфактуры Компания, действия открыты в 1856 г. Владела хлопчатопрядильной, ткацкой, красильной и отделочной фабриками в с. Глухово, Зуево, д. Кузнецах Богородского уезда Московской губ. 54, 514.

Большой Кинешемской мануфактуры Товарищество, действия открыты в 1907 г. Владело бумагопрядильной и ткацкой фабрикой близ Кинешмы. В 1883—1907 гг. имело название «Товарищество мануфактур Н.А. Разоренова и М.М. Кормилицына» (см.). *10*, 348, 649, 654—656, 663, 667, 676, 677, 706, 713—714, *729, 768.*

«Борисовский Мартемьян с сыновьями», Торговый дом, учрежден в 1861 г. для продолжения действий основанного в 1849 г. Торгового дома «В. и М. Борисовские». Владел сахарорафинадным заводом в Сокольниках, в Москве и бумагопрядильной фабрикой в гор. Переславле-Залесском Владимирской губ. 131—132, *726.*

Варенцова М.Н. Завидовская камвольная фабрика, основана в 1867 г. у станции Завидово в Клинском уезде Московской губ. Выпускала шерстяную пряжу и ткани. Закрыта в 1880-х гг. 578, *763.*

Вейхельта К.А электротехнический завод, основан в конце XIX в., находился на Гороховской ул. в Москве на месте нынешних домовладений 8—10. 702.

Верхних торговых рядов на Красной площади в Москве Общество, действия открыты в 1888 г. Занималось строительством, а затем отдачей в наем торговых и складских помещений. 358.

Вичугских мануфактур Товарищество — см.: Разореновых Ф. и А. братьев Товарищество Вичугских мануфактур.

Волжской мануфактуры Товарищество — см.: Миндовского П. и И. Бакакина Товарищество Волжской мануфактуры.

Волжско-Камский банк, акционерный и коммерческий банк, учрежден в 1870 г. в Петербурге для финансирования предприятий нефтяной, мукомольной промышленности, страховых и транспортных компаний. Имел 61 филиал по всей России. 249, 301.

«Габю Вильям», Торговый дом, основан в 1868 г. в Москве для оптовой и розничной торговли часами и ювелирными изделиями собственного производства. Владел часовой фабрикой в Швейцарии и сетью магазинов по всей России. 372.

Гаврилово-Ямской мануфактуры Товарищество — см. Локалова А.А. Товарищество Гаврилово-Ямской мануфактуры.

«Ганешины В. и Н. братья и К°» Товарищество суконной и прядильной фабрик, основано в 1871 г. для продолжения действий Торгового дома под тем же наименованием. Владело основанными в Москве камвольной (1860) и суконной (1861) фабриками. 211.

«Главное общество российских железных дорог», русско-французское акционерное общество, основано в 1857 г. для строительства и эксплуатации железных дорог. В 1862 г. окончило строительство Петербургско-Варшавской и Московско-Нижегородской железных дорог и ввело их в эксплуатацию, в 1868 г. арендовало Николаевскую железную дорогу. Ликвидировано в 1894 г. 158.

Городищенской суконной фабрики Товарищество — см.: Четверикова Товарищество Городищенской суконной фабрики.

«Гук Ю. и К°», Акционерное общество для производства бетонных и других строительных работ, действия открыты в 1891 г. Занималось строительными работами и продажей железных конструкций, бетонных и гончарных изделий в Москве. *723.*

Даниловской мануфактуры Товарищество, бывшей В.Е. Мещерина, действия открыты в 1877 г., крупное текстильное предприятие. В его составе — основанные в 1867—1881 гг. ткацкая, бумагопрядильная, ситценабивная фабрики в Даниловой слободе Московского уезда Московской губ. 466.

Депре К.Ф. Товарищество виноторговли, действия открыты в 1885 г. Торговало винами в Петербурге, Москве, Харькове, Киеве и на Нижегородской ярмарке. 386, *748.*

«Добровольный флот», Морское судоходное общество, учреждено в 1878 г., в 1886 г. переименовано в «Правительственно-промышленное и транспортное предприятие». Владело пароходами, носившими имена городов, отличившихся в сборе добровольных пожертвований на его создание. Пользовалось исключительным правом товаро-пассажирских перевозок между Одессой и Дальним Востоком. Пароходы общества выполняли специальные задания военного флота, являясь вспомогательными крейсерами, транспортными и госпитальными судами. 475, *755.*

Егорьевской бумагопрядильной фабрики Товарищество — см.: Хлудовых братьев А. и Г. Товарищество Егорьевской бумагопрядильной фабрики.

«Ермаков Яков с сыновьями», Торговый дом, основан в 1845 г. Владел ситценабивной фабрикой в с. Мещерино Коломенского уезда Московской губ., красильной фабрикой в Москве, бумагопрядильной фабрикой, построенной в 1856 г. в гор. Вышнем Волочке. В 1870-х гг. деятельность была прекращена после преобразования в паевое Товарищество. 538—541, *760.*

«Зевеке А.А.», Общество пароходства и торговли, действия открыты в 1880 г. Осуществляло перевозку пассажиров и грузов по Волге от Рыбинска до Астрахани и по Каспийскому морю. 488.

«Кавказ и Меркурий», пароходное общество, действия открыты в 1859 г. Владело пароходами, плавучими доками и пристанями, осуществляло почтовые и товарно-пассажирские рейсы по Каспийскому морю, рекам Волге и Оке. 267, 268, 311, 313, 314.

Каменских бр. Федора и Григория Товарищество пароходства и транспортировки грузов, основано в Перми в 1871 г. Содержало речной пассажирский и грузовой флот, портовые сооружения на линии Нижний Новгород — Пермь. В 1914 г. преобразовано в Товарищество «Ф. и Г. бр. Каменские и Н.В. Мешков». Вело торговлю хлопком в Москве. 647, 648.

Каретниковой Александры с сыном Товарищество мануфактур, учреждено в 1877 г. для продолжения действий основанного в 1871 г. Торгового дома того же наименования. Владело основанными в 1765—1865 гг. ситценабивной, бумагопрядильной и ткацкой фабриками в с. Тейково Шуйского уезда Владимирской губ. 52, 53, 348.

«Кениг Л. младший», бумагопрядильная фабрика. Основана в 1873 г. в Петербурге Л.Е. Кенигом, в 1883 г. перешла к его сыну Л.Л. Кенигу. Имела 5 отделений бумагопрядильное, крутильное, белильное, красильное и ватное. 508, 510—512, *757*.

«Кноп Л.» Торговый дом, крупная торгово-промышленная и кредитная фирма. Основан в 1852 г. для оказания технического содействия и финансовой помощи в строительстве прядильно-ткацких и ситценабивных фабрик. Поставлял хлопковое сырье и хлопчатобумажную пряжу на предприятия Центрального промышленного и Северо-Западного районов. В 1916 г. преобразован в Товарищество «Волокно». 212.

«Кокушкин Захар и Маракушев Константин», Торговый дом, учрежден в 1886 г. Владел фабрикой хлопчатобумажных изделий в Иваново-Вознесенске, основанной З.Л. Кокушкиным в 1840 г., и складом товаров в Москве. 598, 599.

Коновалова Ивана с сыном Товарищество мануфактур, действия открыты в 1898 г. Владело основанной в 1812 г. механической ткацкой фабрикой бумажных изделий в с. Бонячки Кинешемского уезда Костромской губ. и основанной в 1878 г. там же, в м. Каменка, красильной фабрикой. 198, 414, 415, 417, *750*.

Коншина Н.Н. Товарищество мануфактур в Серпухове, действия открыты в 1877 г. В составе предприятия основанная в конце XVIII в. ситценабивная фабрика в Серпухове, прядильно-ткацкая и красильно-отделочная фабрики в д. Глазечная Серпуховского уезда Московской губ. и розничные магазины в Москве. 24.

Кренгольмской мануфактуры бумажных изделий Товарищество, действия открыты в 1857 г. Владело фабрикой бумажных изделий в с. Кренгольм Везенбергского уезда Эстляндской губ. Существовало в Эстонской республике до 1940 г. 205, 367, *732*.

«Н.П.Кудрин и К°» — см.: Среднеазиатское торгово-промышленное товарищество «Н.П.Кудрин и К°».

«Кук Томас и сын», Агентство кругосветных путешествий и туризма. Основано в Великобритании Томасом и Джоном Куками в середине XIX в. 488, 492.

Купавинская суконная фабрика — см.: Бабкиных братьев, Товарищество Купавинской суконной фабрики.

«Ландрин Георг», Товарищество, образовано в 1866 г. Владело основанной в 1848 г. мастерской по производству леденцовой карамели, построенной в 1911 г. шоколадной, конфектной и бисквитной фабрикой в Петербурге, складами и магазинами кондитерских изделий в Москве, Петербурге и Риге. 421, *750*.

Ликинской мануфактуры Товарищество — см.: Смирнова Алексея Васильевича Товарищество Ликинской мануфактуры.

«Лист Н.Н. и К°», Торговый дом, основан в 1913 г. для производства изделий из камня и их продажи под фирмой «Георгий Лист». *9*.

Локалова А.А. Товарищество Гаврилово-Ямской мануфактуры льняных изделий, действия открыты в 1888 г. Владело основанной в 1871 г. ткацкой фабрикой в с. Гаврилов-Ям Ярославского уезда и губ. 506.

«Малютина П. сыновья», Промышленное и торговое товарищество, учреждено в 1876 г. для продолжения действий Торгового дома «П. Малютин». Владело постро-

енной в 1828 г. в с. Раменское Бронницкого уезда Московской губ. бумагопрядильной и бумаготкацкой фабрикой и построенным в 1837 г. Докторовским химическим заводом. После 1901 г. переименовано в «П. Малютина наследники». 377, 378, 380, 382, 383.

«Мастер—Платт» — см.: «Mather & Platt, Ld».

«Медведевы бр. Л. и Г.», Торговый дом, основан в 1882 г. для торговли мануфактурными товарами в Москве. Владел ткацкой и ситценабивной фабриками в с. Лопасня Подольского уезда Московской губ. 386, 387, *748*.

«Международное общество спальных вагонов», акционерная компания, осуществлявшая трансевропейские перевозки пассажиров железнодорожным транспортом в спальных вагонах 1-го класса поездов прямого сообщения «экспресс». 495, 496.

«Метрополь», Акционерное общество, действия открыты в 1912 г. для содержания первоклассной гостиницы, ресторана и кафе на Театральной площади в Москве. 427.

Моргунова Василия И. и М. сыновей, Товарищество мануфактур, действия открыты в 1882 г. В составе предприятия бумагопрядильная, ткацкая, красильно-отбельная фабрики при с. Озеры Коломенского уезда Московской губ., основанные в 1868 г. 564.

Морозова Викула с сыновьями Товарищество мануфактур в м. Никольском, действия открыты в 1882 г. Владело основанной в 1837 г. Никольской ткацкой и красильной фабрикой в Покровском уезде Владимирской губ. и бумагопрядильной фабрикой в с. Саввино Богородского уезда Московской губ. После 1894 г. переименовано в «Товарищество мануфактур Викула Морозова сыновей». 53.

«Морозова Саввы сын и К°», Товарищество Никольской мануфактуры, действия открыты в 1873 г. Владело основанной в 1797 г. бумажной мануфактурой в местечке Никольском Покровского уезда Владимирской губ. и основанной в 1883 г. отделочной фабрикой в с. Городищи Богородского уезда Московской губ. *8*, 32, 154—156, 162—164, 182, 198, 298, 514, 548, *753, 758.*

«Морокин Д. и Тихомиров И. и К°», Товарищество Николо-Богоявленской мануфактуры, действия открыты в 1898 г. Владело основанной в 1804 г. бумаготкацкой фабрикой в с. Новая Гальчиха Кинешемского уезда Костромской губ. 664—666.

Московский коммерческий Ссудный банк, акционерный банк, учрежден в 1870 г. для кредитования московских торгово-промышленных предприятий и операций с ценными бумагами. Ликвидирован в 1875 г. в связи с банкротством. 499, *756—757.*

Московский Купеческий банк, учрежден в 1866 г. как акционерный коммерческий банк для финансирования предприятий Центрального промышленного района. 74, 75, 199, 378.

Московский Торговый банк, акционерный банк, учрежден в 1871 г. для финансирования группы промышленно-торговых предприятий, контролируемых Н.А. Найденовым: Торгового дома «А. Найденова сыновья», МТПТ, ТМРК—ТБМК и др., а также для финансовой поддержки развития хлопководства, хлопкопереработки и нефтедобычи. 7, 131, 133, 134, 136, 139, 142, 144, 145, 153, 230, 232, 248, 250, 323—326, 331, 332, 336, 337, 511, *736*

Московский Учетный банк, акционерный банк, учрежден в 1870 г. для финансирования внешнеторговых операций, экспортно-импортных сделок с хлопком, китайским чаем и колониальными товарами; развития перерабатывающих отраслей промышленности — текстильной, пищевой, железоделательной и т.д. 319, 336.

Московско-Кавказское нефтяное промышленно-торговое общество, действия открыты в 1902 г. Владело нефтепромыслами в Бакинской губ. и нефтехранилищем в Ярославле. 341, 342.

Московско-Курской железной дороги Акционерное общество, учреждено в 1870 г. для выкупа у государства и эксплуатации казенной Московско-Курской железной дороги. Ликвидировано в 1893 г. 158, 159, *726*.

Московское городское кредитное общество, акционерное учреждение поземельного кредита, основано в 1870-х гг. для выдачи долгосрочных ссуд под залог недвижимости (земли и строений), находящейся в черте города. 460, *767*.

Московское купеческое общество взаимного кредита, учреждено в 1869 г. для кредитования торгово-промышленных фирм Московского региона. Вело те же операции, что и коммерческие банки, за исключением купли-продажи ценных бумаг за собственный счет. 336, 338, 354, 667.

Московское общество кредита для ссуд под заклад движимости, акционерный ломбард, учрежден в конце XIX в. для выдачи краткосрочных ссуд на потребительские нужды городского населения. 666.

Московское страховое от огня общество, учреждено в 1858 г. для страхования движимого и недвижимого имущества. 187.

Московское товарищество для издательства книг и газет, основано в 1908 г. для реализации издательских проектов группы московских промышленников и фабрикантов. 470, 471, *754*.

Московское торгово-промышленное товарищество, учреждено в 1873 г. для покупки и доставки хлопка и шерсти из Средней Азии на текстильные предприятия Московского промышленного региона. Владело четырьмя хлопкоочистительными фабриками. *7*, *8*, *17*, 87, 92, 99, 125, 131, 132, 134, 139, 140, 142, 144—149, 152—155, 198, 200, 258, 259, 262, 263, 266, 274, 284, 286, 287, 290, 292, 294, 301, 302, 316—326, 332, 340, 369, 371, 376, 469, 482, 490, 498, 510, 511, 668—670, 697.

«Немиров-Колодкин Н.В.», Торговый дом, основан в 1829 г., преобразован в фабрично-торговое Товарищество преемников Н.В. Немирова-Колодкина в 1888 г. Владел фабрикой золотых и серебряных вещей в Москве, торговец ювелирными изделиями. 551.

Николо-Богоявленской мануфактуры Товарищество — см.: «Морокин Д. и Тихомиров И. и К°» Товарищество Николо-Богоявленской мануфактуры.

Николо-Михайловское общество стекольной и каменноугольной промышленности, действия открыты в 1902 г. Владело каменноугольными рудниками в Бахмутском уезде Екатеринославской губ. и стекольным заводом в Одессе. 252.

Никольской мануфактуры Товарищество — см.: «Морозова Саввы сын и К°», Товарищество Никольской мануфактуры.

Новой Костромской льняной мануфактуры Товарищество, действия открыты в 1867 г. В составе предприятия прядильная, ткацкая и отбельная фабрики в Костроме. *769.*

Норской мануфактуры Товарищество, действия открыты в 1859 г. Владело бумагопрядильной фабрикой в Норском Посаде Ярославской губ. 203, 256, *732.*

Переславской мануфактуры Товарищество, действия открыты в 1889 г. Владело бумагопрядильной фабрикой в Переславле-Залесском Владимирской губ., основанной в 1849 г. Торговым домом «Братья В. и М. Борисовские». 133, 140.

«Перлов Василий с сыновьями», Товарищество чайной торговли, действия открыты в 1894 г. Владело чаеразвесочной фабрикой в Москве и предприятиями розничной торговли по всей России. 525.

«Понфик, Аренс и К°», Торгово-промышленное товарищество, учреждено в 1890 г. в Москве для продолжения действий Торгового дома «Ф. Понфик, И. Аренс и К°», торговавшего москательными товарами, хлопком и льном. 364.

Прохоровской Трехгорной мануфактуры Товарищество, учреждено в 1874 г. Владело старейшей в Москве текстильной фабрикой, основанной в 1799 г. для производства набивных ситцев. *15*, 337.

Путиловский завод (после 1917 г. — «Красный путиловец», «Кировский завод»), машиностроительное и металлургическое предприятие в Петербурге. Основан в 1801 г., с 1873 г. входил в Акционерное общество Путиловских заводов. С 1878 г. выпускал паровозы, вагоны, рельсы, артиллерийские орудия. С 1924 г. производил тракторы, прокат, энергетические машины, многие виды военной техники. 713, 714.

Разоренова Герасима и Ивана Кокорева Товарищество мануфактур, действия открыты в 1895 г. Владело бумаготкацкой и отделочной фабрикой в с. Тезино Кинешемского уезда Костромской губ., основанными в 1822 г. 175.

Разоренова Н.А. и Кормилицына М.М. Товарищество мануфактур, действия открыты в 1883 г. Владело основанной в 1822 г. ткацко-отбельной фабрикой в с. Тезино Кинешемского уезда Костромской губ. и основанной в 1879 г. Волжско-Томненской прядильной мануфактурой близ Кинешмы. В 1907 г. переименовано в Товарищество Большой Кинешемской мануфактуры. *8,* 100, 168—170, 174, 175, 178—184, 186, 188, 194—200, 217, 400, *729, 730.*

Разоренова Н.Г. Товарищество Тезинской мануфактуры, действия открыты в 1907 г. Владело основанной в 1823 г. белильно-красильно-отделочной фабрикой в с. Тезино Кинешемского уезда Костромской губ. 175.

Разореновых Ф. и А. братьев Товарищество Вичугских мануфактур, действия открыты в 1894 г. Владело основанной в 1856 г. бумагопрядильной фабрикой в с. Вичуга Кинешемского уезда Костромской губ. и ткацко-набивной фабрикой, основанной в 1881 г. под Кинешмой, на Ветке. 393—396, *748.*

«Расторгуевы Д. и А.», Торговый дом, основан в 1865 г. Владел чаеразвесочной фабрикой и магазинами по продаже чая, бакалейных товаров и кондитерских изделий в Москве. 558.

Реутовской мануфактуры Товарищество, действия открыты в 1861 г. Основано под названием «Елизаветинская мануфактура» в 1843 г. и владело бумагопрядильной и ткацкой фабриками при с. Реутово Московского уезда и губ. 55—57, 66, *720.*

Рождественская мануфактура — см.: Берга П.В. Товарищество Рождественской мануфактуры.

«Русское общество пароходства и торговли» (РОПИТ), действия открыты в 1856 г. Владело пароходами, катерами и судоремонтными предприятиями для осуществления пассажирских и почтово-товарных перевозок между портами Черного и Средиземного морей. *755.*

Рябовской мануфактуры бумажных изделий Товарищество, действия открыты в 1889 г. Владело основанными в 1857—1869 гг. бумагопрядильной, ткацкой и отделочной фабрикой в д. Нефедово Серпуховского уезда Московской губ. и ткацко-отделочной фабрикой в Москве. 386.

Рябушинского П.М. с сыновьями Торгово-промышленное товарищество, основано в 1887 г. для продолжения действий существовавшего с 1862 г. Торгового дома «П. и В. братья Рябушинские». Владело бумагопрядильной, ткацкой, красильно-отделочной фабриками при с. Заворово Вышневолоцкого уезда Тверской губ. 498, 499.

Рябушинских братьев Банкирский дом, основан в 1902 г. для кредитования предприятий льноводства и мануфактурной промышленности. В 1912 г. был преобразован в акционерный «Московский банк». 506, *757.*

Рябушинских Товарищество типографии (акционерное общество), действия открыты в 1913 г. Владело типографией в Москве, первоначально содержавшейся на личные средства П.П. Рябушинского и созданной для выпуска газеты «Утро России». 506, *757.*

«Самолет», Пароходное общество, действия открыты в 1853 г. Осуществляло грузовое и пассажирское пароходство по Волге и Каспийскому морю. Владело пароходами, пристанями и складами. 35.

Санкт-Петербургский Международный банк, акционерный коммерческий банк, основан в 1869 г. для финансирования железнодорожного строительства, внутренней и внешней торговли, нефтеперерабатывающей и других отраслей промышленности. 230, 237, 238—240, *737.*

«Сапожниковы А. и В.», Торгово-промышленное товарищество, учреждено в 1912 г. для продолжения действий основанного в 1869 г. Торгового дома «А. и В. Сапожниковы» (торговля шелком и парчой). В составе: шелкоткацкая фабрика в Москве (основана в 1837 г.) и шелкокрутильная и ткацкая фабрика при с. Куракино Московского уезда и губ. *757.*

«Свешникова Петра сыновья», Торгово-промышленное товарищество, основано в 1897 г. для продолжения действий Торгового дома «Петра Свешникова сыновья». Владело лесопильными заводами в Ярославской, Владимирской и Тверской губ., складами и магазинами меховых товаров в Москве. 141.

«Серебрякова А. сыновья», Торговый дом, основан в 1870 г. Владел мыловаренным и химическим заводом в Москве, вел торговлю свечами и мылом. *761.*

Скопинский городской общественный банк, акционерный коммерческий банк, основан в 1857 г. в гор. Скопине Рязанской губ. Обанкротился в 1882 г. в результате злоупотреблений и хищений со стороны членов правления. 558, *761.*

Смирнова Алексея Васильевича Товарищество Ликинской мануфактуры, действия открыты в 1911 г. Владело основанными в 1870 г. бумаготкацкой, красильной и отделочными фабриками при д. Ликино Покровского уезда Владимирской губ. 463, 464, *754*.

Собинской мануфактуры бумажных изделий Товарищество, действия открыты в 1858 г. Владело бумагопрядильной фабрикой в с. Собино Покровского уезда Владимирской губ. 30, 217.

Соколовская мануфактура — см.: Баранова Асафа Товарищество Соколовской мануфактуры.

«Соловьев К.М. и К°», Туркестанское торгово-промышленное товарищество, действия открыты в 1909 г. Владело маслобойными, хлопкоочистительными, прессовальными заводами в Андижане, Намангане, Чусте Ферганской обл. и других городах Туркестана. *741*.

Среднеазиатское торгово-промышленное товарищество «Н.П. Кудрин и К°», действия открыты в 1885 г. Создано для продолжения и развития деятельности существовавшего в Оренбурге Торгового дома «Н.П. Кудрин и К°». Осуществляло двухстороннюю торговлю со Средней Азией, развивало сырьевую базу отечественной текстильной промышленности. С 1892 г. получило наименование «Среднеазиатское торгово-промышленное товарищество». *7, 8, 17*, 23, 27—33, 37—38, 40—45, 50, 55, 56, 67, 71—73, 79—80, 82, 84, 86, 87, 92, 93, 104, 106, 126, 266, 298, 307.

«Сталь», Товарищество (акционерное общество), действия открыты в 1896 г. Основано для сооружения и приобретения в Олонецкой губ. заводов для выплавки чугуна, разработки месторождений серебра и производства металлических изделий. 222, 230, 236, 238, 240, 242, 246, 249—253, *737—738*.

Тверской мануфактуры бумажных изделий Товарищество, действия открыты в 1859 г. Владело фабрикой бумажных изделий в Твери. 198, 227, 228, 514, 673, 677, 678, *758, 769*.

Тезинской мануфактуры Товарищество — см.: Разоренова Н.Г. Товарищество Тезинской мануфактуры.

«Торгопро» — см.: Московское торгово-промышленное товарищество.

«Трапезникова А. с сыном», Торговый дом, основан до 1888 г. под фирмой «А. Трапезников и К°», специализировался на торговле чаем по всей России. 180, 181.

«Третьяковы П. и С. братья и В. Коншин», Торговый дом, основан в 1858 г. для торговли льняным полотном, шерстяными и бумажными товарами. *769*.

Трехгорной мануфактуры Товарищество — см.: Прохоровской Трехгорной мануфактуры Товарищество.

Туркестанское торгово-промышленное товарищество — см.: «Соловьев К.М. и К°», Туркестанское торгово-промышленное Товарищество.

Хамовнического пивоваренного завода Акционерное общество, действия открыты в 1876 г. Владело основанным в 1863 г. пивоваренным заводом в Хамовниках и 25 пивными лавками в Москве. *758*.

Харьковский Земельный банк, акционерно-коммерческий банк, основан в 1871 г. В 1901 г. потерпел крах и перешел под контроль семьи Рябушинских. 506.

Хлудовых братьев А. и Г. Товарищество Егорьевской бумагопрядильной фабрики, основано в 1875 г. для продолжения действий учрежденного в 1842 г. Торгового дома «А., Н., Г., Д. Ивана Хлудова сыновья». Владело бумагопрядильной фабрикой в Егорьевске Воскресенского уезда Владимирской губ., основанной в 1845 г. 201, 203, 208, 256, 257, *732, 738.*

Четверикова Товарищество Городищенской суконной фабрики, действия открыты в 1873 г. Владело фабрикой при с. Городищи Богородского уезда Московской губ., приобретенной в 1831 г. И.В. Четвериковым. 692, *746.*

«Шагазиев, Зыбин и Шимко» Торговый дом, основан в 1880 г. для торговли хлопком, каракулем и пряжей. *8*, 146, 147.

Шлиссельбургской ситценабивной фабрики Товарищество, действия открыты в 1865 г. Владело основанной в 1763 г. ситценабивной мануфактурой на Екатерининском острове, у гор. Шлиссельбург С.-Петербургской губ., и розничными магазинами в Москве. 558, 559.

«Шлихтерман Е.Е.», Торговый дом, основан в 1864 г. в Москве. Владел вигоневопрядильной фабрикой в Москве и прядильной фабрикой в с. Юсупово Подольского уезда Московской губ. Торговец вигоневой пряжей. *723.*

Шуйской мануфактуры Товарищество, действия открыты в 1883 г. В составе предприятия: бумагопрядильная, ткацкая и ситценабивная фабрика в Шуе Владимирской губ. 184, 658.

«Шустов Н.Л. с сыном», Торговый дом, основан в 1868 г. Владел водочно-ликерным заводом, оптовыми складами и магазинами русских натуральных коньяков, водок и вин в Москве, в 1897 г. преобразован в товарищество. *745.*

«Эйнем», Товарищество паровой фабрики шоколада, конфект и чайных печений, действия открыты в 1886 г. Владело кондитерской фабрикой, основанной в Москве в 1867 г., фруктово-консервной фабрикой в Симферополе, розничными магазинами в Москве. *727.*

«Эрмитаж Оливье», Товарищество гостиницы, действия открыты в 1883 г., содержало гостиницу и ресторан в Москве, основанный в 1864 г. кулинаром Л. Оливье. 113, 114.

Ярославской Большой мануфактуры Торгово-промышленное товарищество, действия открыты в 1898 г. Владело основанной в 1722 г. льноперерабатывающей Ярославской Большой мануфактурой, переориентированной в 1858 г. на бумагопрядильное и бумаготкацкое производство. В состав Товарищества входили плантации хлопка и хлопкоочистительные заводы в Средней Азии. *15*, 29, 33, 196, 263, 302, 402, 406, 409, 413, 578, 697, *731, 749.*

Ярцевской мануфактуры бумажных изделий Алексея Хлудова Товарищество, действия открыты в 1881 г. Владело основанными в 1876 г. бумагопрядильной и ткацкой фабриками при с. Ярцев-Перевоз Духовщинского уезда Смоленской губ. 30, 193, 203, 208, 213, 216, 217, 697, *732.*

«Mather & Platt, Ld», английская промышленная фирма, владевшая машиностроительным заводом в Манчестере. Выпускала оборудование для ситценабивных, красильных и отделочных производств, насосы и огнетушители. 138, *727.*

«Platt Brothers & C°, Ld», английская промышленная фирма, владевшая машиностроительным заводом в Ольдаме. Выпускала оборудование для бумагопрядильных, шерстопрядильных и ткацких производств. 367, *746.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

англ. — английский язык
араб. — арабский язык
в., вв. — век, века
в замуж. — в замужестве
г., гг. — год, годы
ГИМ — Государственный Исторический музей
гор. — город
греч. — греческий язык
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
губ. — губерния
д. — дом, деревня
имп. — императорский
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинской Дом) РАН
итал. — итальянский язык
комм. сов. — коммерции советник
К° — компания
лат. — латинский язык
ман.-сов. — мануфактур-советник
м. — местечко
моск. — московский, московская
МТПТ — Московское торгово-промышленное товарищество
нем. — немецкий язык
ОПИ — Отдел письменных источников (ГИМ)
пер. — переулок
петерб. — петербургский (с.-петербургский)
пот. двор. — потомственный дворянин, потомственная дворянка.
п.п.г. — потомственный почетный гражданин, потомственная почетная гражданка
р. — река
род. — родился
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.
с. — село
САТПТ — Среднеазиатское торгово-промышленное товарищество
см. — смотри
сов. — советник
ст. — станция
ТБКМ — Товарищество Большой Кинешемской мануфактуры
ТМРК — Товарищество мануфактур Н. Разоренова и М. Кормилицына в Кинешме
ул. — улица
ум. — умер
урожд. — урожденная
фр. — французский язык
ЦАНТД — Центральный архив научно-технической документации Москвы
ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы

СОДЕРЖАНИЕ

Московский промышленник Н.А. Варенцов и его мемуары.
Вступительная статья В.А. Любартовича, Е.М. Юхименко 5

СЛЫШАННОЕ. ВИДЕННОЕ. ПЕРЕДУМАННОЕ. ПЕРЕЖИТОЕ

Часть I 21
Часть II 129
Часть III 351
Часть IV 581

ЖУТКИЕ ГОДЫ

Глава 1 701
Глава 2 712

Комментарии 715
Именной указатель 773
Указатель промышленно-торговых предприятий, финансово-банковских и страховых учреждений 833
Список сокращений 846

Варенцов Николай Александрович
СЛЫШАННОЕ. УВИДЕННОЕ. ПЕРЕДУМАННОЕ. ПЕРЕЖИТОЕ

Дизайнер
С. Тихонов
Редактор
А.И. Рейтблат
Корректор
Л.Н. Морозова
Компьютерная верстка
С.М. Пчелинцев

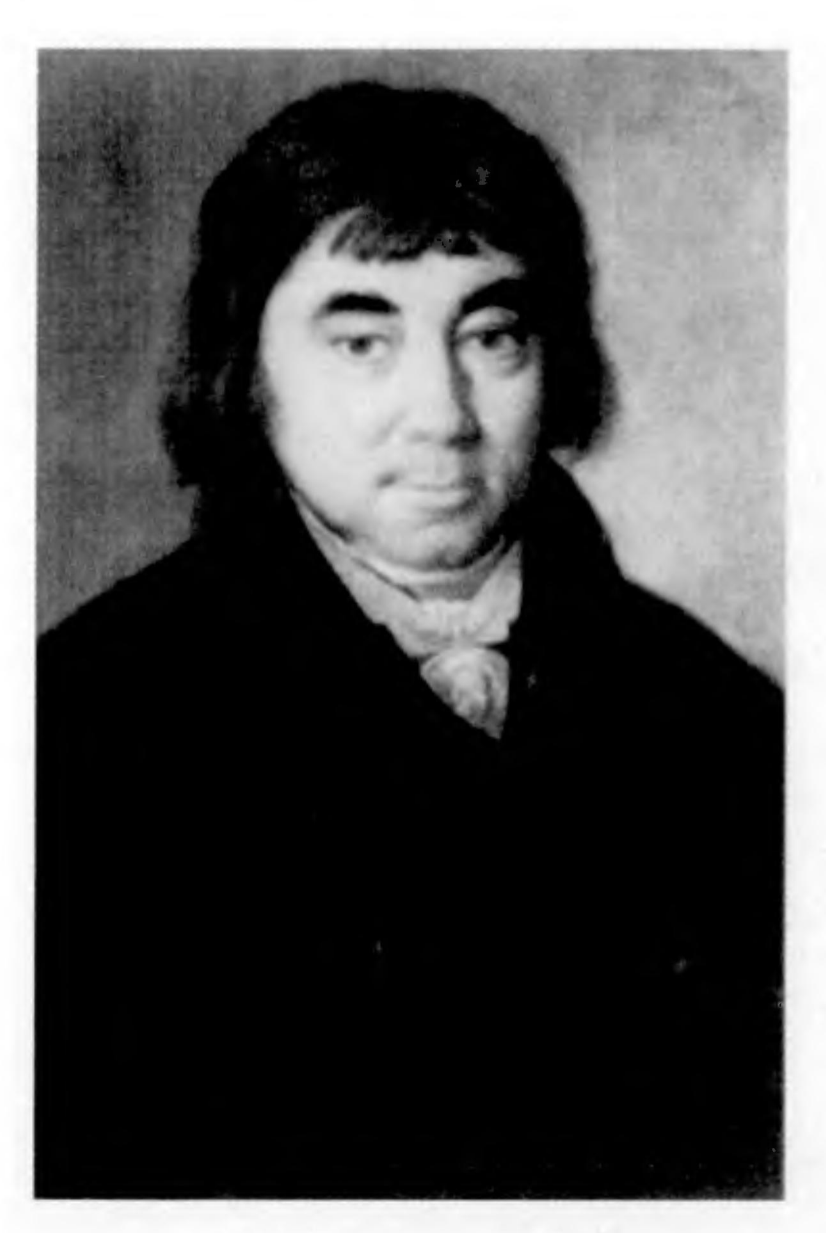
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”»
Адрес редакции:
129626, Москва, И-626, а/я 55
Тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: http://www.nlobooks.ru

Формат 60x90 1/16
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 53. Тираж 3000. Заказ № 375
Отпечатано в ОАО «Типография “Новости”»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Н.А. Варенцов.
Фото 1910-х гг.

М.Н. Варенцов. 1827 г.
Неизвестный художник 1-й пол. XIX в.
Музей В.А. Тропинина.

М.С. Варенцова. 1824 г.
Неизвестный художник 1-й пол. XIX в.
Музей В.А. Тропинина.

Храм Иоанна Предтечи в Казенной слободе,
где М.Н. Варенцов был старостой в 1810-х гг.
Фото 1880-х гг.

Н.М. Варенцов.
Фото 1860-х гг.

С.М. Варенцов. 1860-е гг. Художник В.В. Пукирев.
Местонахождение неизвестно.
Фото из архива ГТГ

Н.А. Варенцов.
Фото 1920 г.

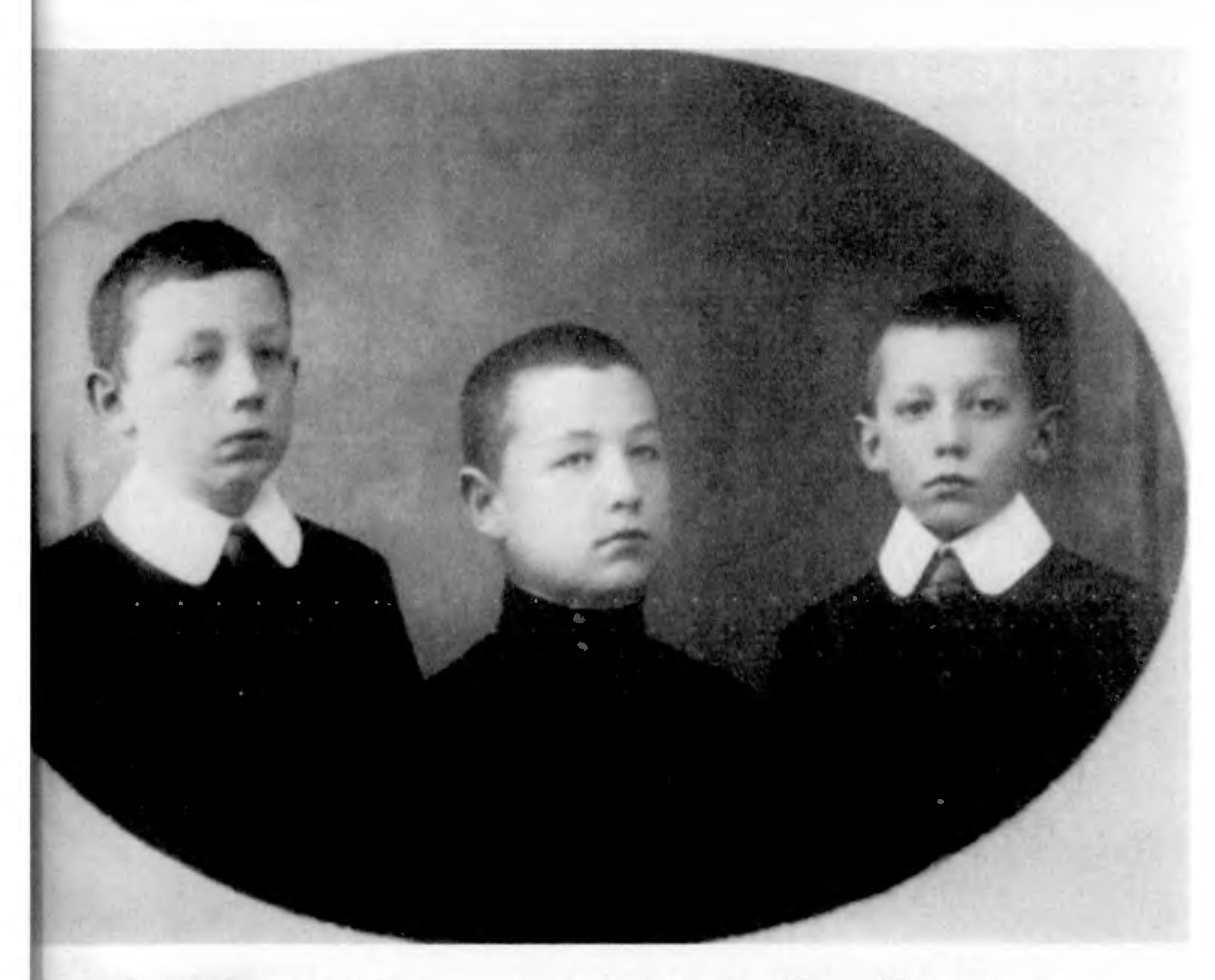
О.Ф. Варенцова.
Фото 1903 г.

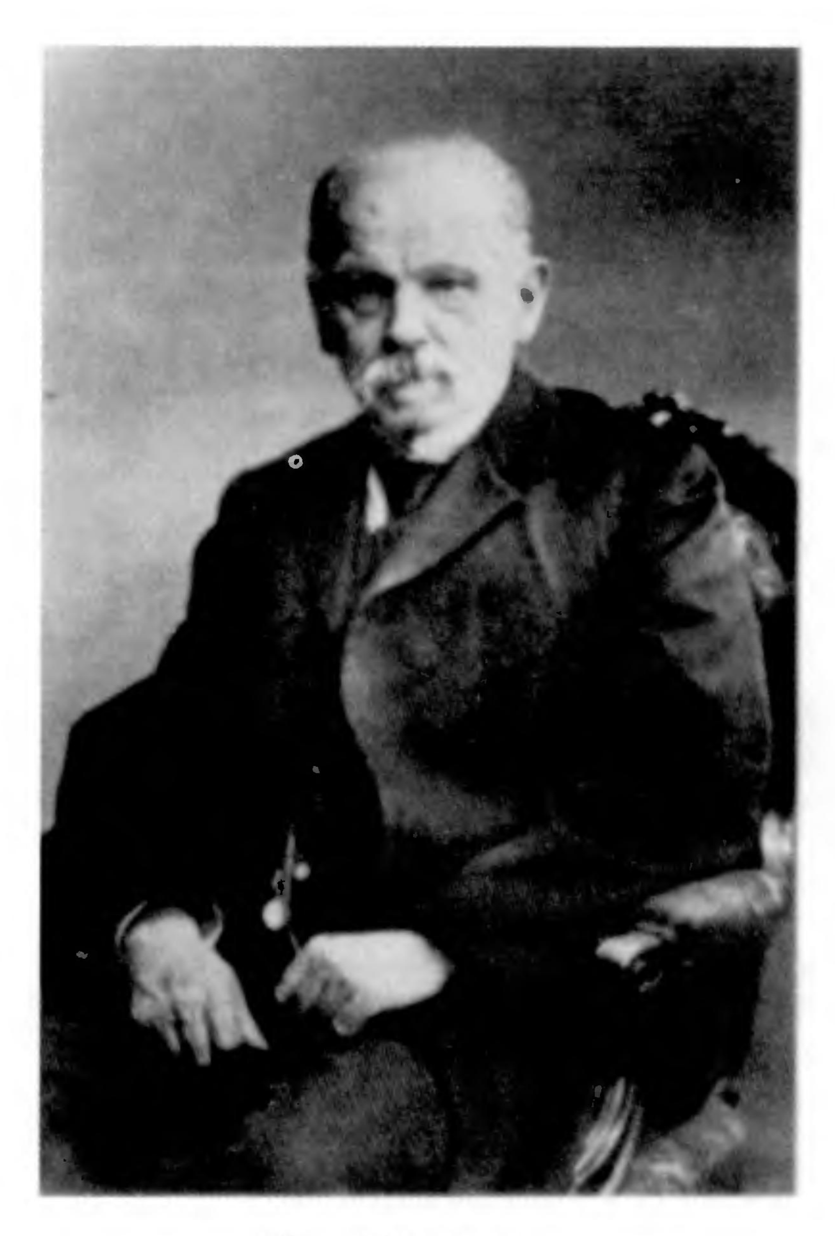
Дом Н.А. Варенцова в Токмаковом переулке в Москве.
Фото 1980 г.

Н.А. Варенцов в саду усадьбы Бутово.
Фото 1903 г.

Дети Н.А. Варенцова (слева направо): Андрей, Иван, Константин.
Фото 1910-х гг.

Н.А. Найденов.
Фото 1900-х гг.

М.Н. Варенцова.
Фото 1890-х гг.

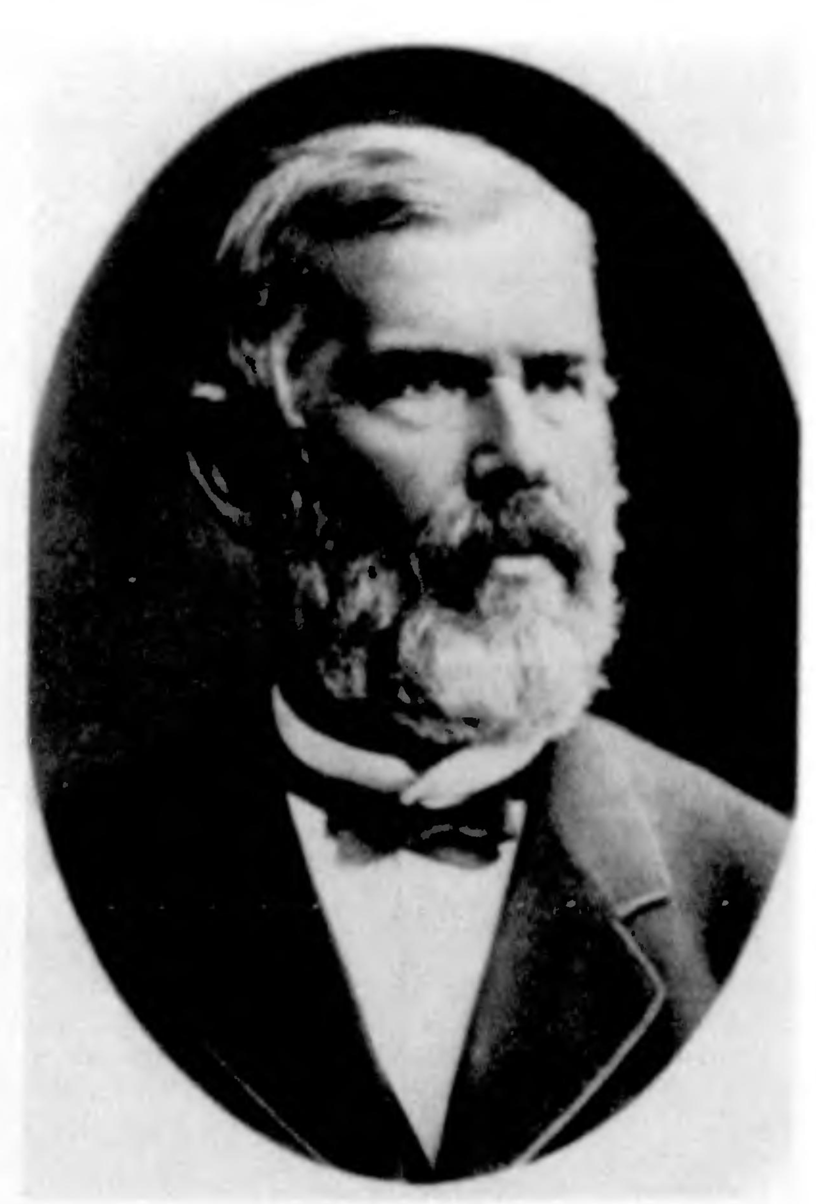
А.Н. Найденов.
Фото 1908 г.

Е.И. Найденова.
Фото 1910-х гг.

А.И. Хлудов. 1855 г.
Художник Н.А. Заваруев. *ГИМ*

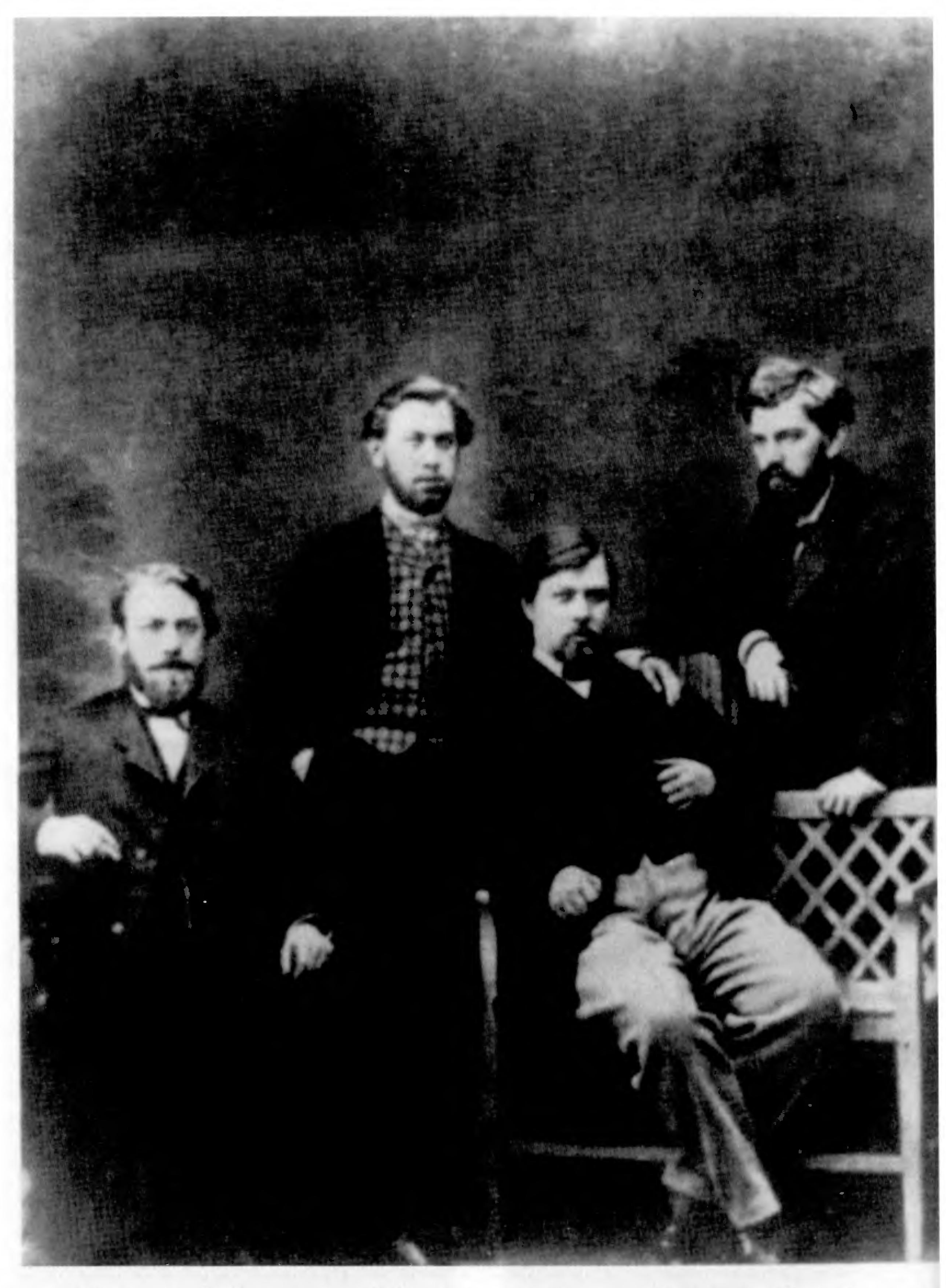
Г.И. Хлудов.
Фото 1880-х гг.

В.А. Хлудов у домашнего органа.
Фото 1890-х гг.

П.Г. Хлудов.
Фото 1880-х гг.

Братья Хлудовы (слева направо): Егор, Василий (стоят), Михаил, Иван (сидят).
Фото 1880-х гг.

П.Г. Прохорова.
Фото 1890-х гг.

К.Г. Вострякова.
Фото 1880 г.

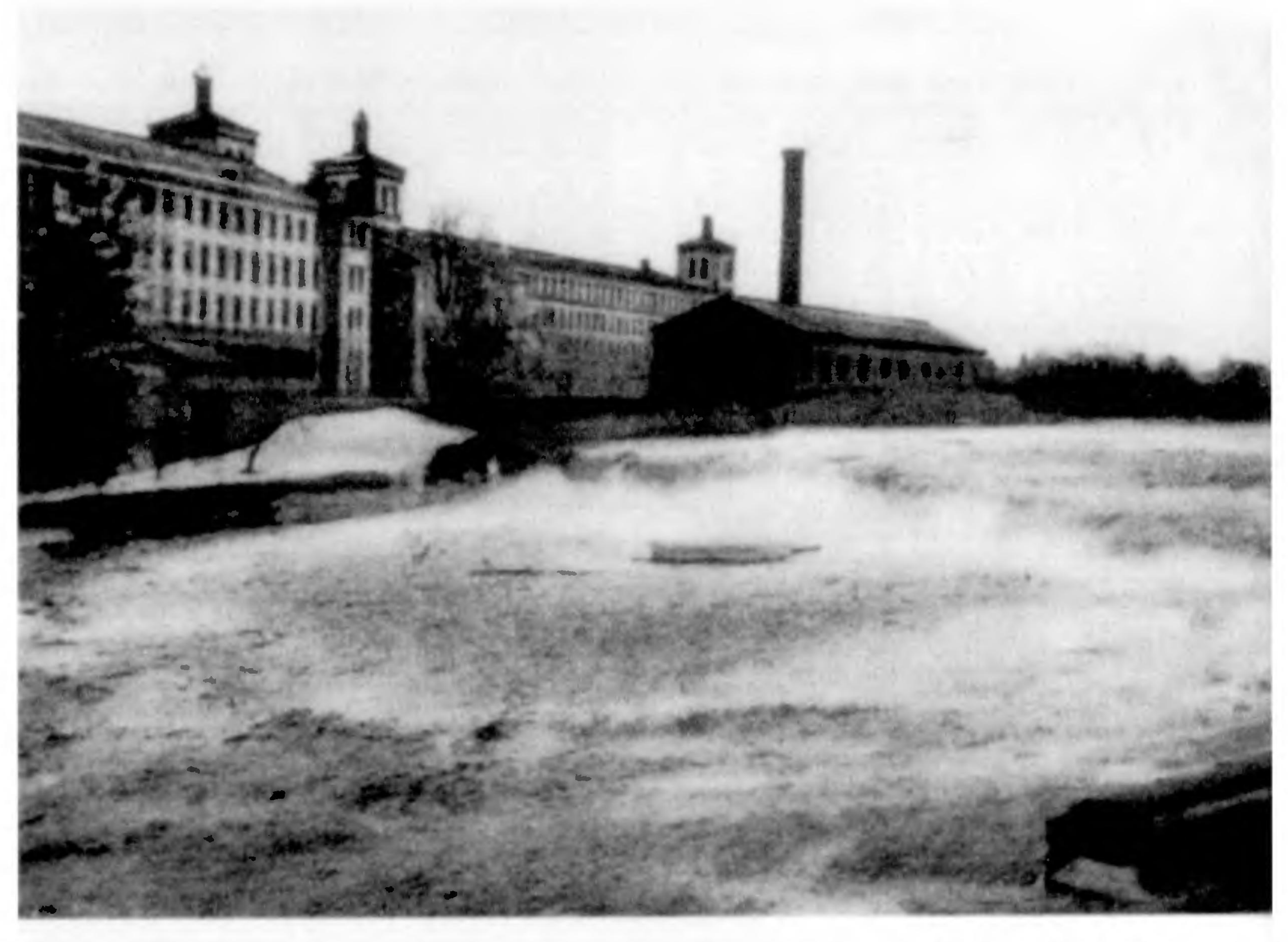

А.Г. Найденова.
Фото 1891 г.

Л.Г. Лукутина.
Фото 1885 г.

Парк в имении В.А. Хлудова в Сочи.
Открытка начала XX в.

Водопад на реке Нарова у корпусов Кренгольмской мануфактуры.
Открытка конца XIX в.

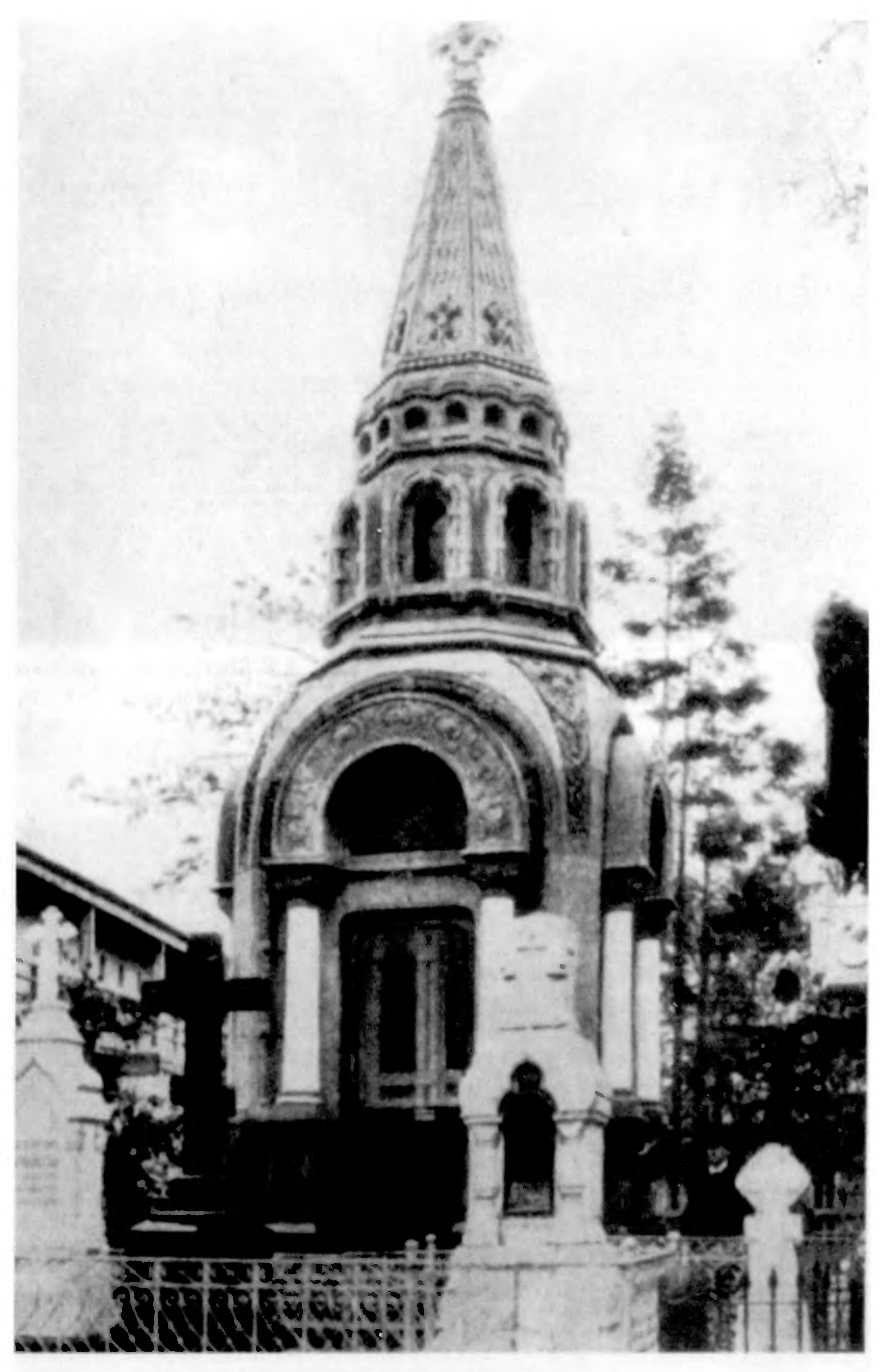
А.А. Найденов.
Фото 1886 г.

Д.Р. Востряков.
Фото 1886 г.

В.А. Хлудова с тигрицей.
Фото 1880-гг.

Часовня-усыпальница Хлудовых
на кладбище Покровского монастыря в Москве. Не сохранилась.

Восточный вокзал в Париже.
Открытка начала XX в.

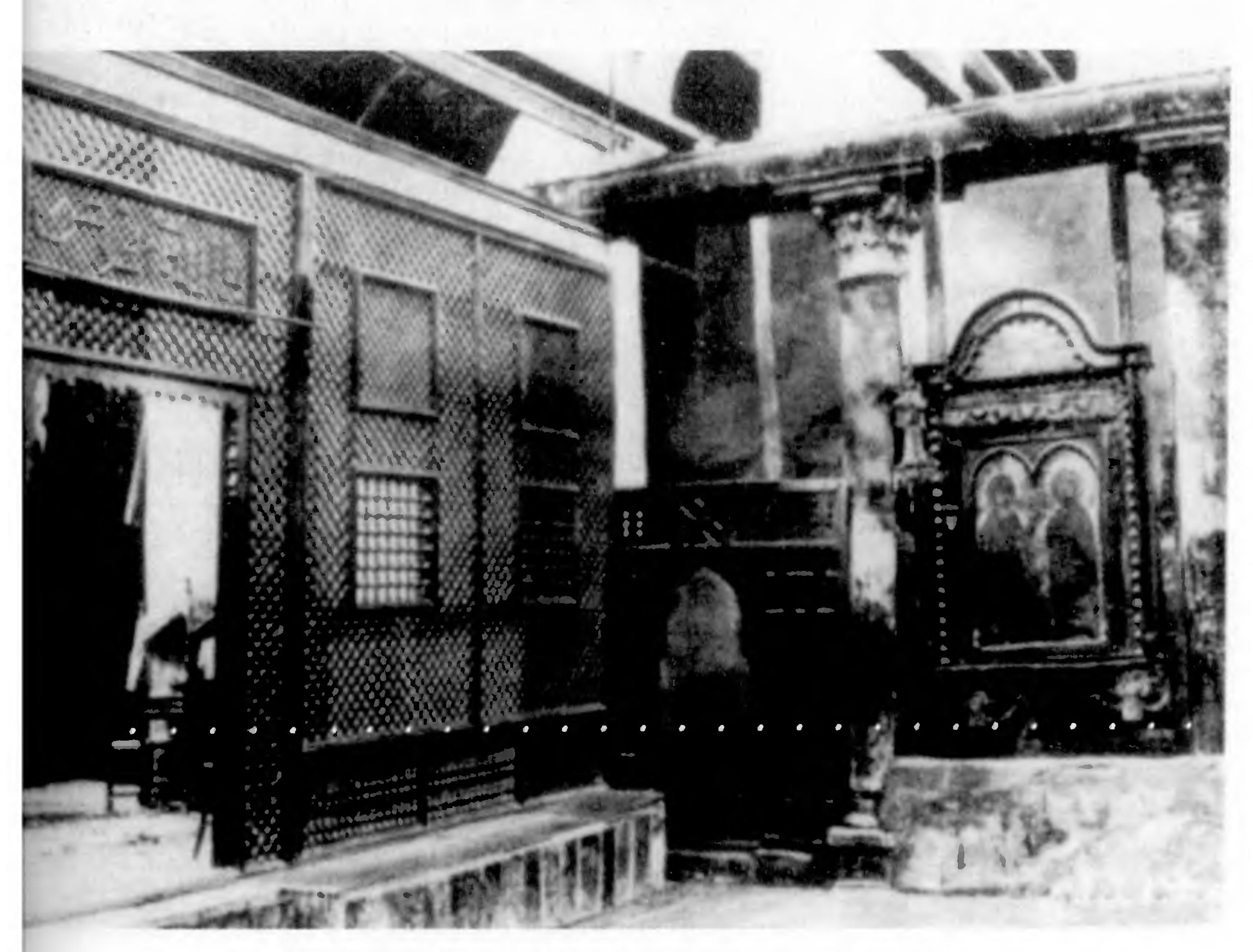

Казино в Монте-Карло.
Открытка начала XX в.

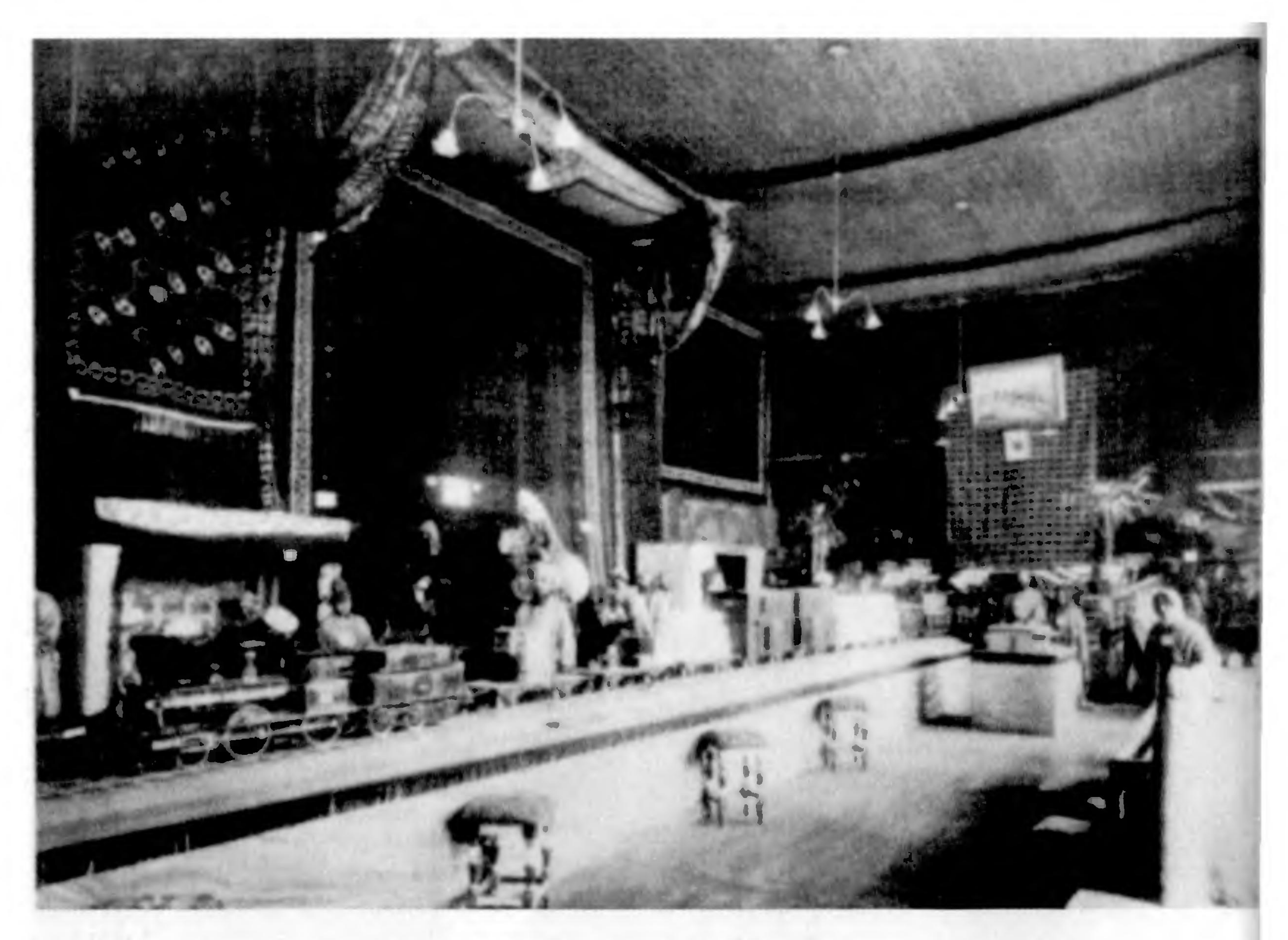

Н.А. и О.Ф. Варенцовы на курорте Виши во Франции.
Фото 1911 г.

Набережная в Ницце.
Открытка начала XX в.

Интерьер Коптского храма в Старом Каире.
Открытка конца XIX в.

Среднеазиатская выставка в залах Исторического музея.
Фото 1891 г.

Волга. Пароходъ акц. общ. Самолетъ „Геннадій Ратковъ Рожновъ.

Пароход общества «Самолет».
Открытка конца XIX в.

Александровское коммерческое училище.
Открытка конца XIX в.

Н.А. Алексеев.
Фото 1875 г.

С. Четвериков.
Фото 1905 г.

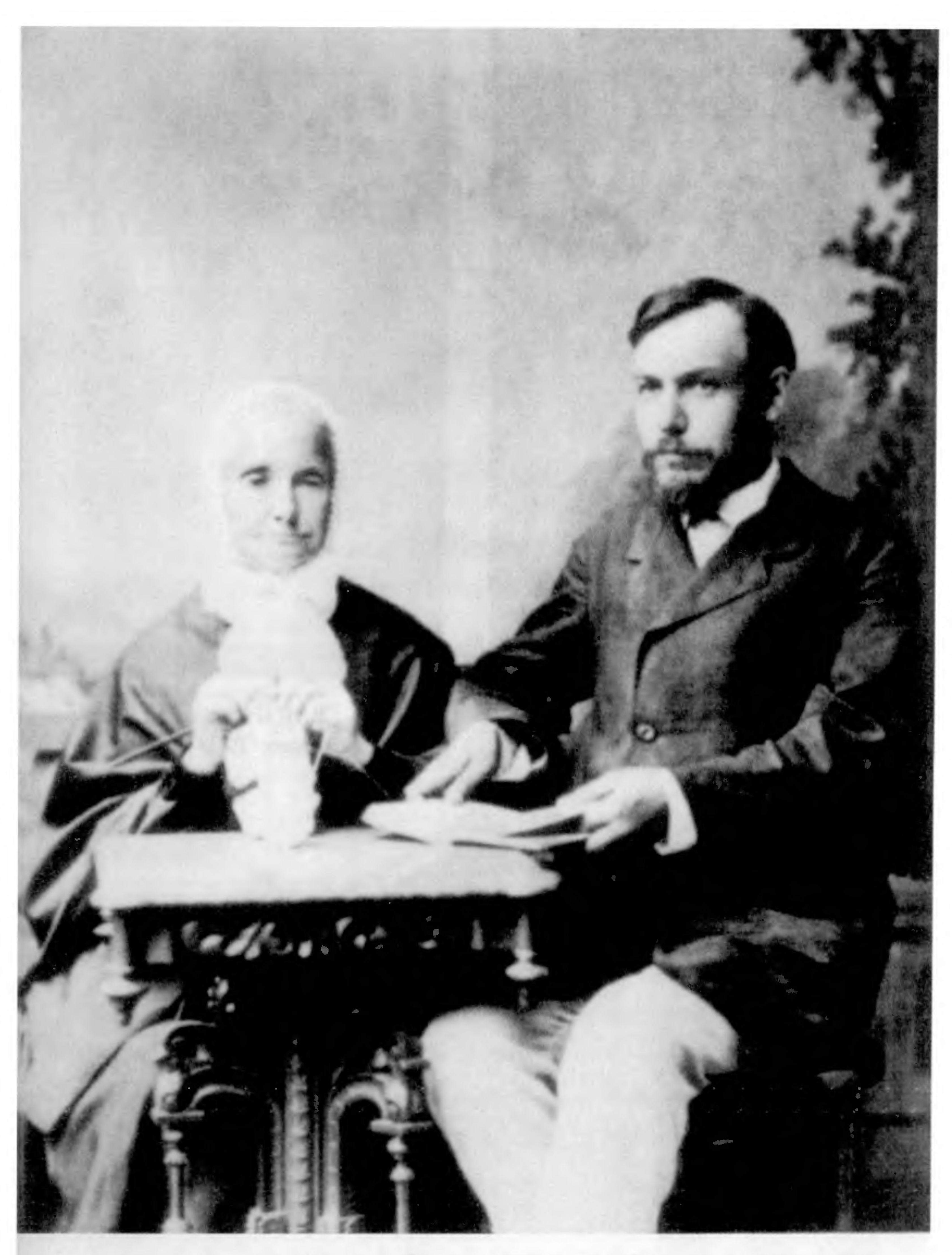
Р.В. Живаго.
Фото 1912 г.

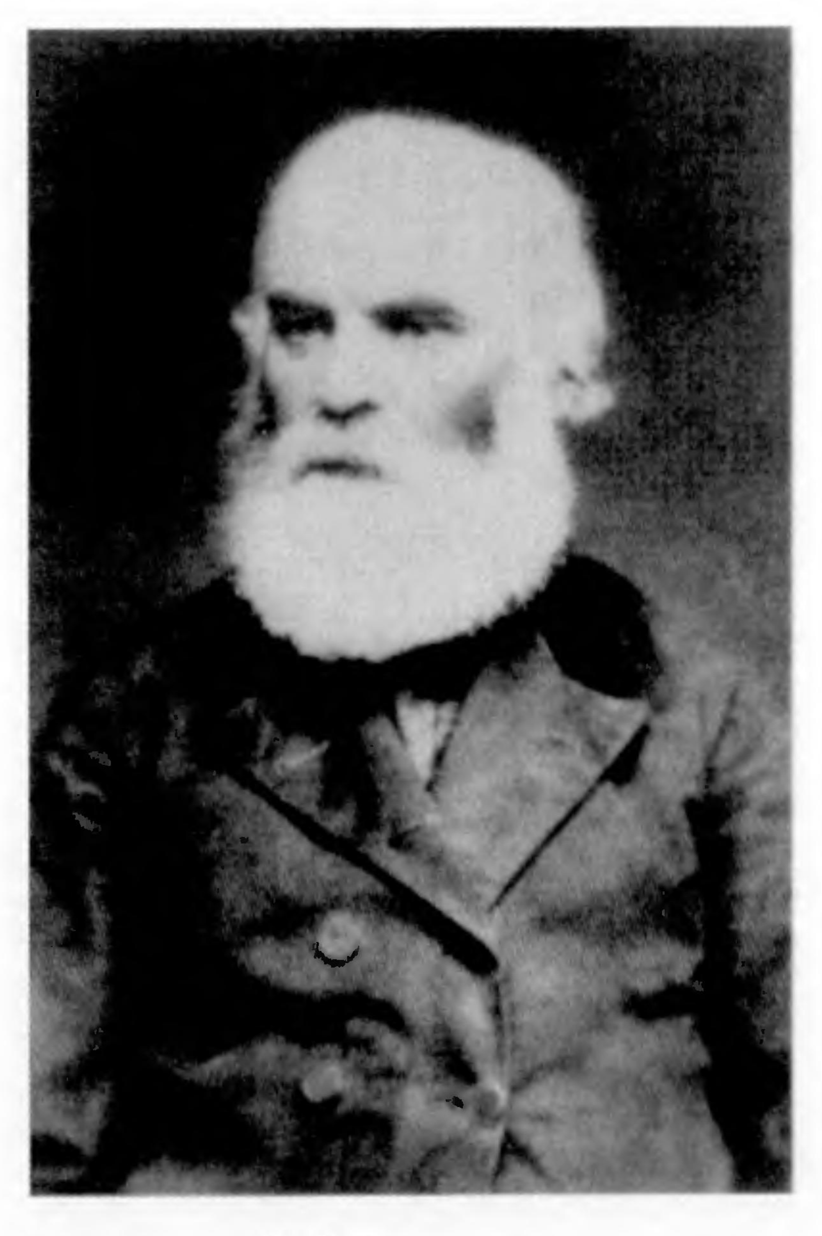
Э.А. Руперти с женой Елизаветой Александровной, урожд. Алексеевой.
Фото 1890-х гг.

Меновой двор в Оренбурге.
Открытка конца XIX в.

Ф.Ф. Мазурин с матерью Александрой Васильевной, урожд. Перловой.
Фото 1880-х гг.

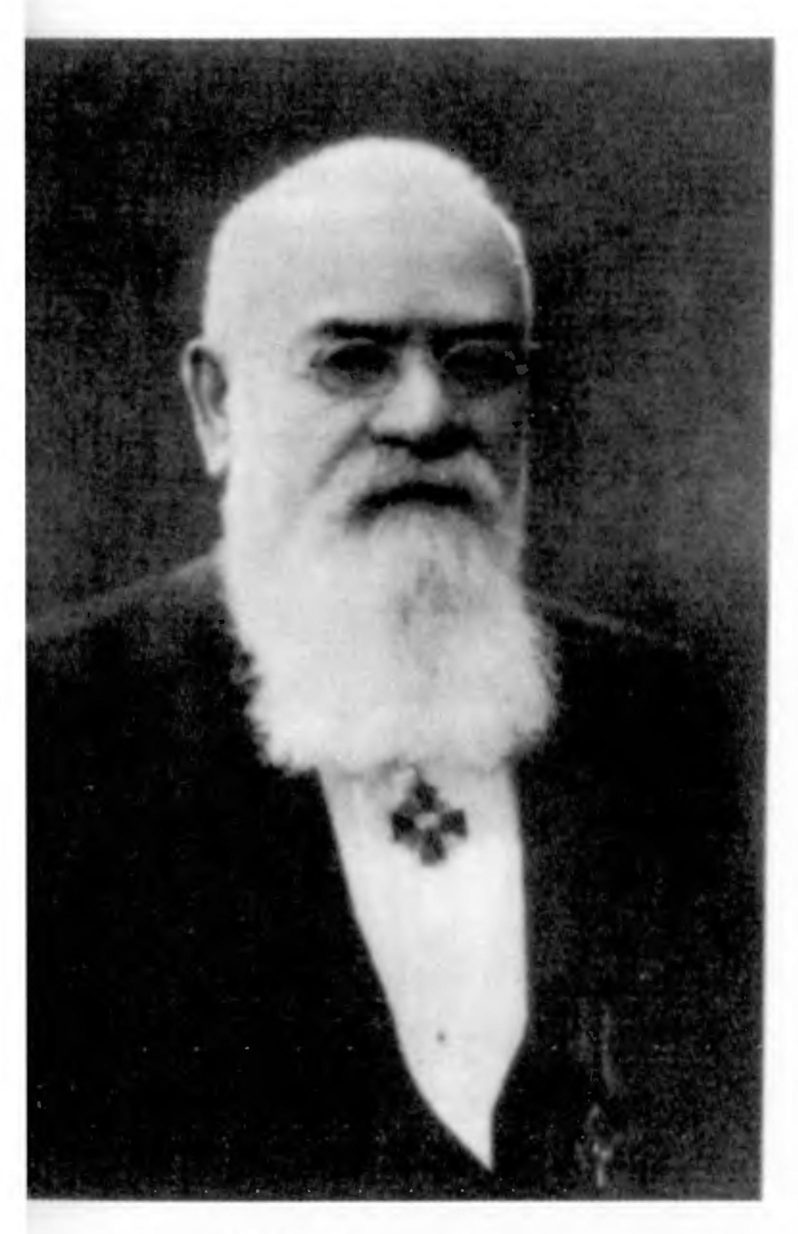

И.Г. Фирсанов.
Фото 1870-х гг.

В.И. Фирсанова.
Фото 1900-х гг.

Биржа в Москве.
Открытка 1890-х гг.

И.Г. Простяков.
Фото 1910-х гг.

Ф.Я. Ермаков.
Литография 1895 г.

с. Карабаново. Видъ фабрики Троицко-Алекс. М-ры Т

Фабрика Товарищества мануфактур Барановых.
Открытка конца XIX в.

Н.М. Баранов.
Гравюра 1890 г.

С.Т. Морозов.
Гравюра 1890 г.

«Откос» в Нижнем Новгороде.
Открытка конца XIX в.

Ярмарочные Китайские ряды в Нижнем Новгороде в половодье.
Открытка конца XIX в.

Сибирские пристани в Нижнем Новгороде.
Открытка конца XIX в.

Отель Захо в Ташкенте.
Открытка конца XIX в.

Угощение у богатого сарта в Ташкенте.
Открытка конца XIX в.

Базарная улица в Коканде.
Открытка конца XIX в.

Дворец Эмира в Новой Бухаре.
Открытка конца XIX в.

Эмир Бухары Сеид-Абдул-Ахад-хан.
Фото 1896 г.

И.А. Вышнеградский.
Гравюра 1890 г.

Эмир Сеид-Абдул-Ахад-хан (сидит в центре)
с сопровождающими лицами в Москве. *Фото 1896 г.*

Окрестности Кинешмы,
фабрика „Вѣтка"

Текстильная фабрика на «Ветке» в Кинешме.
Открытка конца XIX в.

Вид Кинешмы.
Открытка конца XIX в.

Солдаты Киевского гренадерского полка и первой гвардейской артиллерийской бригады на углу улиц Земляной вал и Старая Басманная 13 декабря 1905 г.

П.М. Рябушинский.
Фото 1990-х гг.

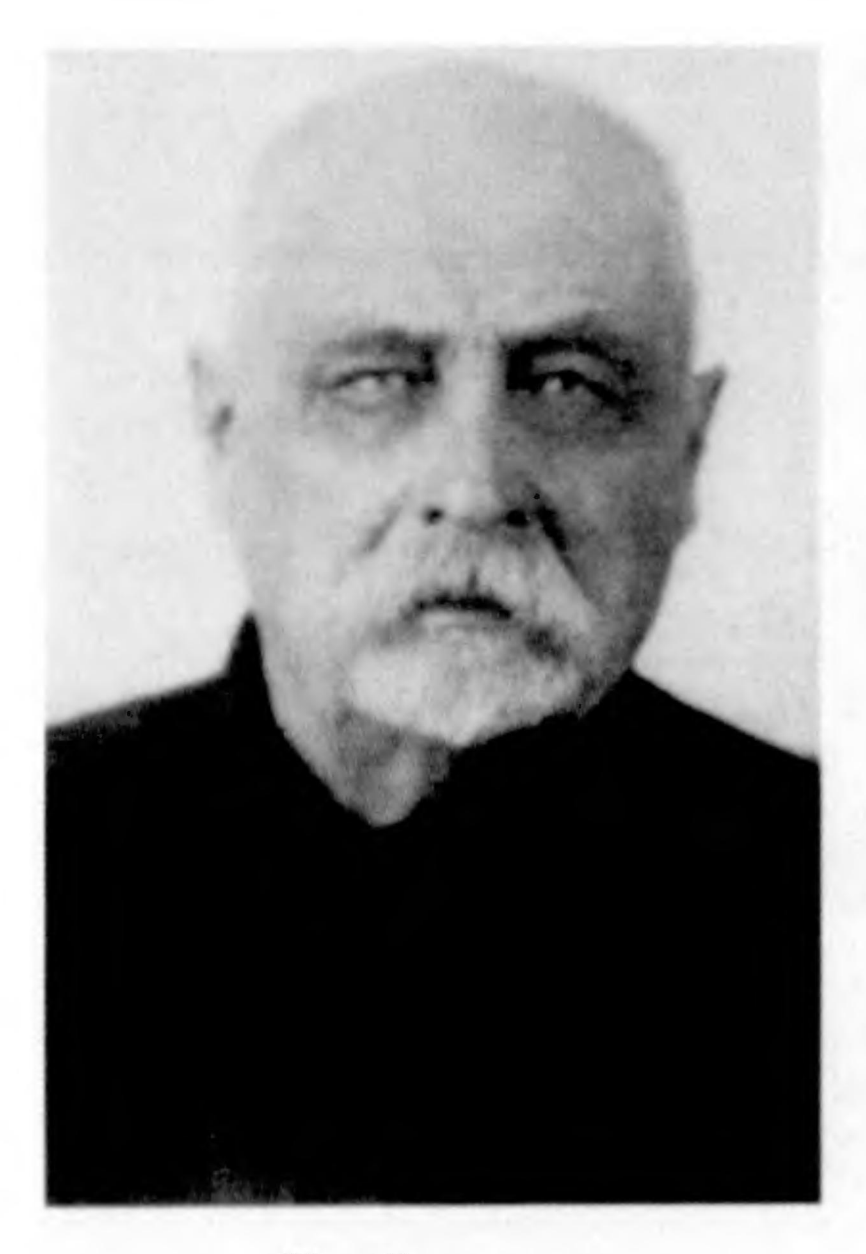
А.И. Коновалов.
Фото 1917 г.

Заседание в военном министерстве 21 августа 1917 г.
Справа налево: А.Ф. Керенский, Б.В. Савинков,
Г.А. Якубович и В.Л. Барановский, зять Н.А. Варенцова

Никольская башня Московского Кремля после обстрела
30 октября – 3 ноября 1917 г.
Фото 1917 г.

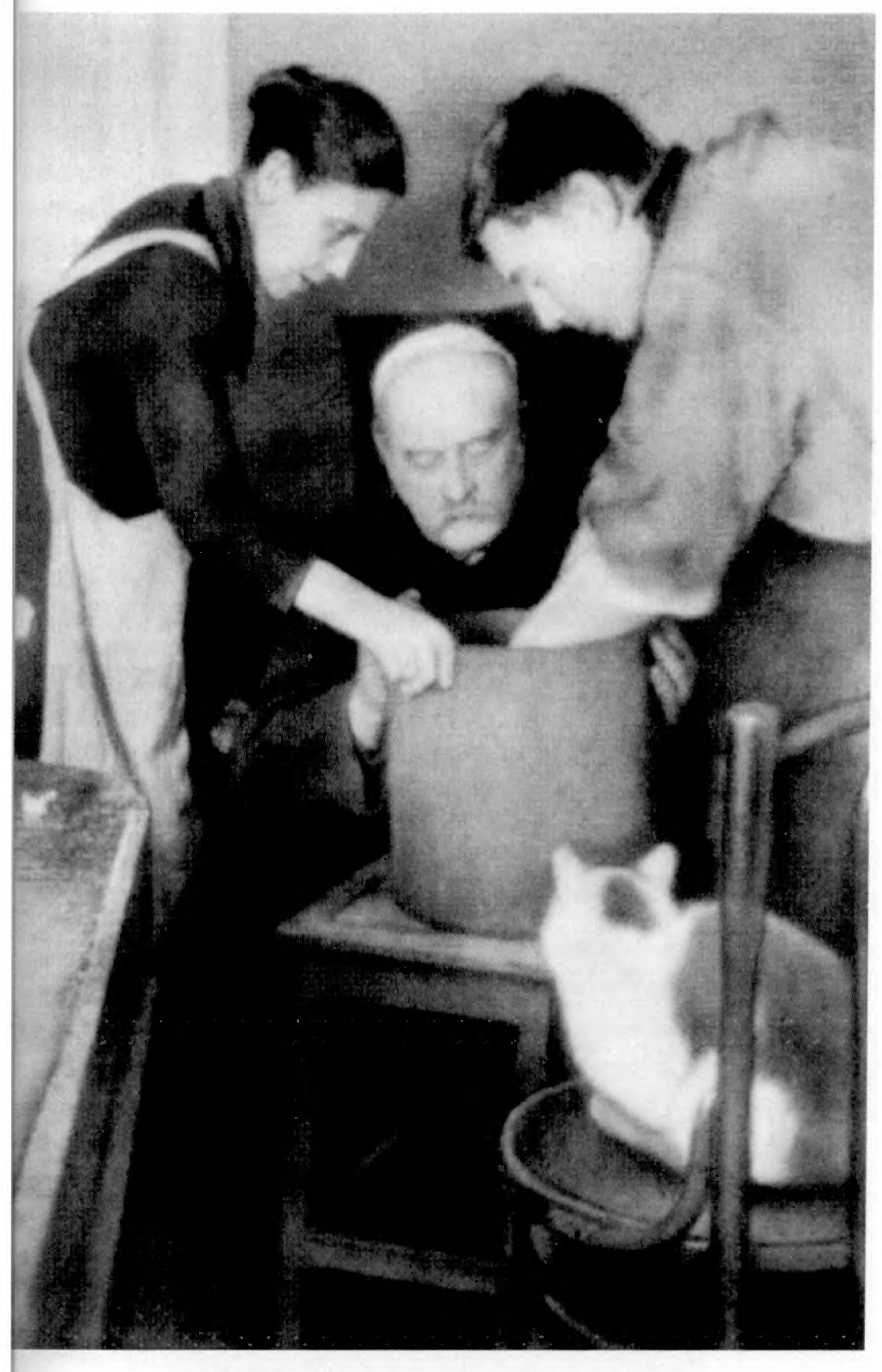
Н.А. Варенцов.
Фото 1938 г.

Н.П. Бахрушин с сыном Николаем.
Фото 1910 г.

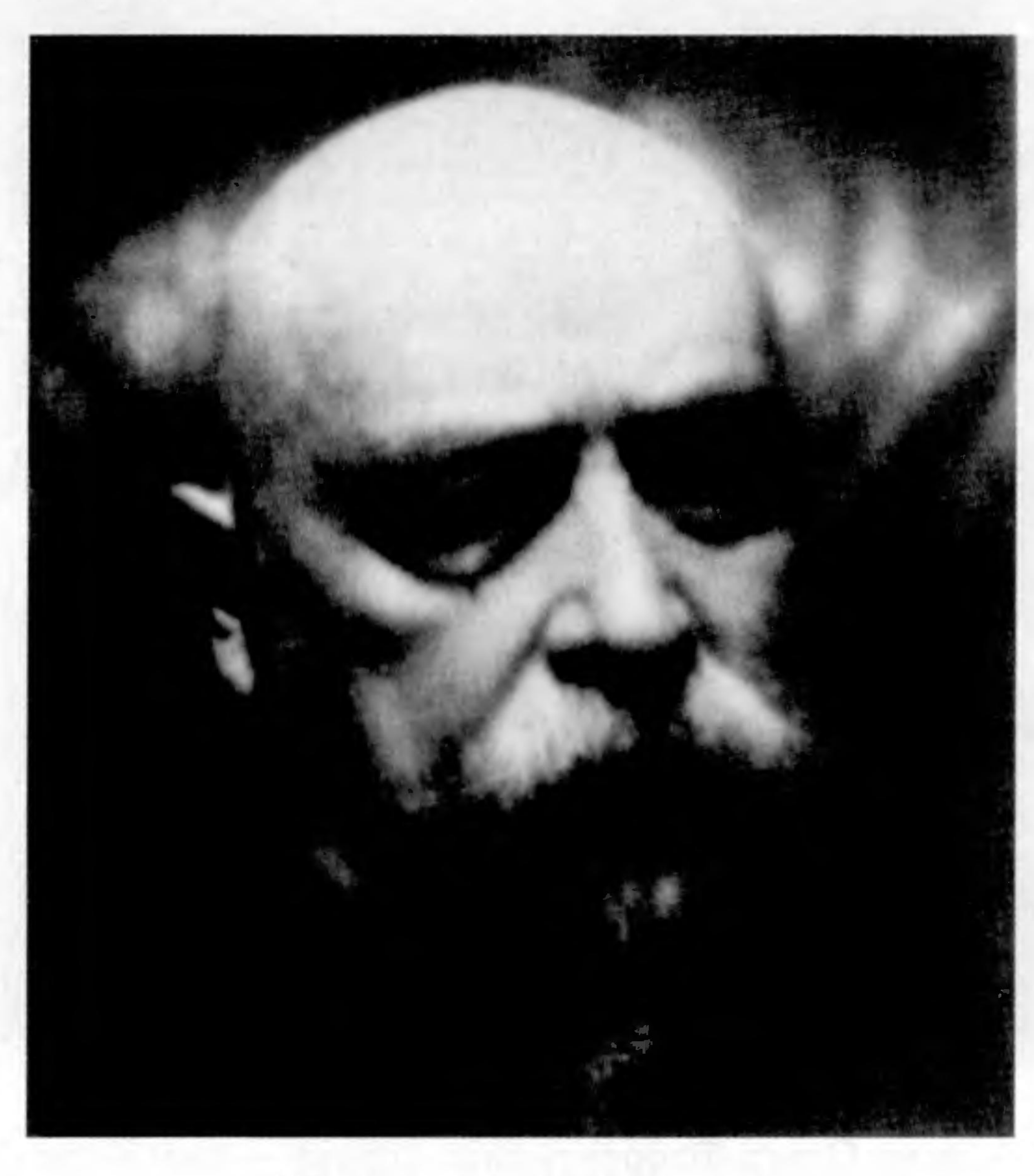

Старая Басманная ул.
В трехэтажном здании (правая часть снимка) Н.А. Варенцов жил в 1930—1940 г
Фото 1914 г.

Н.А. Варенцов готовит тесто для куличей.
Слева — жена Ольга Флорентьевна, справа — сын Константин.
Фото 1930-х гг.

Угол улиц Земляной вал и Карла Маркса (Старая Басманная)
после сноса строений домовладения Н.А. Варенцова.
Фото 1940-х гг.

Н.А. Варенцов. 1940-е гг.